ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

2 СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории
Институт истории СССР
Институт славяноведения и балканистики

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

в восьми томах

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

том второй

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

Редакционная коллегия тома:

Е. В. ГУТНОВА – ответственный редактор,
З. В. УДАЛЬЦОВА — ответственный редактор,
О. Р. БОРОДИН, Г. Г. ЛИТАВРИН,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
И. С. ПИЧУГИНА — ответственный секретарь,
С. А. ПЛЕТНЕВА, А. А. СВАНИДЗЕ,
В. И. УКОЛОВА, Н. А. ХАЧАТУРЯН,
В. Л. ЯНИН

МОСКВА «НАУКА» 1992

ББК 63.3(0)
И89

Рецензент:
Кафедра истории средних веков
исторического факультета
Ленинградского государственного университета

История Европы. Т. 2. Средневековая Европа.— М.: Наука, 1992.—
И89 808 с.
ISBN 5-02-009036-0

Том охватывает два первых этапа истории средневековой Европы: раннее средневековье (V—XI вв.), когда во взаимодействии позднеантичного и варварского миров начал формироваться новый общественный строй – феодальный; и период развитого феодализма (XI—XV вв.), когда феодальная система достигла своего расцвета и когда постепенно складывалась политическая карта Европы.

Все регионы — Западная, Центральная, Юго-Восточная Европа и Русь рассмотрены в их единстве и одновременно своеобразии. Социально-культурная общность средневековой Европы показана во всех аспектах — экономическом, политическом, культурном и идеологическом. Освещается взаимодействие Европы со странами Востока и Северной Африки.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

И $\frac{0503010000-056}{042(02)-92}$ Подписное издание **ББК 63.3(0)**

ISBN 5-02-009036-0

ВВЕДЕНИЕ

Второй том «Истории Европы» открывает средневековую эпоху в жизни нашего континента. По традиции историки начинают ее с крушения Западной Римской империи в V в. Главным содержанием средневековой эпохи, которое определило ее особенности, было возникновение и развитие нового общественного строя — феодального. Но для оценки исторического значения этого периода не менее существенно и другое: именно тогда были заложены основы социально-культурной общности Европы.

Средневековье условно делят на три этапа. В течение раннего (V—XI вв.) происходило складывание феодальной системы. В XI—XV вв. наступил ее расцвет. Наконец, позднее средневековье (XVI — первая половина XVII в.) — время разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений.

Средневековье как эпоха и феодализм как общественная формация совпадали не полностью, лишь в общих чертах. Прежде всего это объясняется неравномерностью исторического развития, его асинхронностью не только в разных регионах и странах, но даже нередко в разных районах одной страны.

Большинство зарубежных историков, ориентируясь на передовые страны Западной Европы, считают XV в. последним столетием средневековья и даже феодализма. На самом деле по всей Европе феодальные отношения сохранялись еще долго после XV в. Поэтому преобладающая часть советских историков относят последний рубеж средневековья к середине XVII в.[1] Настоящий том охватывает два первых этапа средневековья, т. е. V—XV вв.[2]

К началу средних веков Европа не составляла социально-культурной общности. Географическое понятие «Европа», которое восходит к финикийцам[3], в древности обозначало лишь страны, лежащие на северных берегах Средиземного моря и прилегающих островах[4]. Сами финикийцы, а позднее греки и римляне постепенно расширяли это географическое понятие, открывая для себя приморские, затем внутренние области и острова Западной и Северной, позднее — Центральной и Восточной Европы. Однако до конца античности эти вновь открытые области рассматривались в греко-римском мире как далекая варварская периферия, не столько субъект, сколько объект истории.

У истоков средних веков и феодализма в Европе действительно стояли две социальные системы, два разных мира. Первый — античный, рабовладельческий, уже христианский и для своего времени высокоразвитый; в него были втянуты, помимо греков и римлян, также кельты Галлии, жители Пиренейского полуострова, в той или иной мере племена Северных Балкан и Британии. Другим, более обширным, был мир варваров: родоплеменной, языческий, со своим неповторимым обликом, еще не знавший классового строя. Культурный разрыв между ними был огромным, казалось бы, непреодолимым. Но в средние века, когда складывание

[1] Этот вопрос остается в советской медиевистике спорным: отдельные ученые завершают средневековье началом XVI в., другие – концом XVIII в.

[2] Последнему периоду средневековья посвящен третий том настоящего издания.

[3] Древнегреческое обозначение «Европа» происходит от семитского корня «Эреб» или «Ириб», что означает «Запад» (в противовес Азии – от слова «Асу», означающего «Восток»).

[4] Современные границы Европы проходят от северной оконечности Скандинавского п-ова и Фенноскании до средиземноморского побережья, от Атлантического океана до восточной границы Уральских гор, на юго-востоке – по рекам Эмбе и Манычу и по Главному Кавказскому хребту.

и развитие феодализма охватило весь континент, когда устанавливались и укреплялись связи, ширилось взаимное влияние различных этносов, событий, явлений и институтов, эти различия постепенно сгладились.

Именно в средние века населявшие наш континент народы вышли на общеевропейскую арену как самостоятельные политические силы. Пространство Европы все более «насыщалось» по сравнению с древностью: росла численность населения, появились новые государственные образования, многограннее становилось общение между ними. И Европа превращалась в качественно новую цивилизацию. Существует и другой принцип рассмотрения европейского средневековья — скажем, раздельно для Западной и Восточной Европы. Однако анализ материала истории всех регионов континента убеждает нас в наличии общих закономерностей в его развитии и в неразрывности судеб его народов.

Важнейшим фактором складывания европейской культурной общности стало христианство — его миропонимание, право, обычаи, этика, мораль. Напомним, что именно в средние века христианство стало господствовать в Европе и превратилось в одну из мировых религий. Христианская церковь с ее централизацией, жесткой иерархией и богатством цементировала и освящала общий феодальный порядок, создала единую феодальную идеологию. Христианство в значительной мере определило неповторимость европейской цивилизации, ее отличия от цивилизаций других континентов той же эпохи.

Одна из главных задач, стоящих перед авторами и редакторами тома,— показать путь становления социально-культурной общности средневековой Европы во всех ее разнообразных аспектах — экономическом, социальном, политическом, психологическом и идеологическом — со всеми сложностями, взлетами и попятными движениями на этом пути.

Неотъемлемой чертой истории средневековой Европы явились все более интенсивные связи с соседними континентами, прежде всего с арабами Ближнего Востока и Северной Африки, а также с Закавказьем и другими странами Азии (вплоть до отдаленных Индии и Китая). В ходе этнических, торговых, военных, колонизационных, дипломатических и культурных контактов разных народов европейская цивилизация в средние века впитала не только античное и варварское наследия самой Европы, но и опыт богатейших культур Востока. Этот синтез стал органичным источником самобытности европейского средневековья. Показ наиболее значительных проявлений взаимодействия европейцев с народами Азии и Африки — одна из важных задач настоящего тома.

Несомненно, европейские феодальные общества были динамичнее не только обществ древности, но и современных им в других частях света. Однако по сравнению с последующими эпохами общественное развитие средневековья в Европе было замедленным. Ручное производство, прямая передача производственных и бытовых навыков, неразвитость торговли ограничивали продуктивность труда. Примитивность средств сообщения затрудняла связи, обмен опытом. Низкий уровень техники и знаний ставили человека в зависимость от естественных условий бытия: природной среды и ее капризов, демографических катастроф. Болезни людей и скота, гибель урожаев, частые голодовки и войны резко сокращали материальный достаток и саму жизнь людей. Поборы землевладельцев, государства и церкви усугубляли трудности для большинства народа. Сила традиций, догматическая скованность мышления затрудняли нововведения во всех сферах жизни.

Эти черты общественной эволюции V—XV вв., как и господство религиозного мировоззрения, давали основание многим историкам, начиная с эпохи Возрождения, считать данный период «темными веками», временем упадка, деградации человеческой личности и общества в целом. Так ро-

дилось традиционное обозначение, введенное в употребление еще историками-гуманистами,— термин «средние века», т. е. как бы «безвременье», промежуточная ступень между высоким взлетом человеческого духа в античности и его возрождением на пороге нового времени. Такая негативная оценка классического средневековья (V—XV вв.), понятная в устах гуманистов, просветителей XVIII в. и некоторых либеральных историков XIX в., боровшихся с пережитками феодализма в Европе, представляется с позиций современной науки не только не историчной, односторонней и поверхностной, но попросту неправильной.

Ведь невозможно забыть о том, что как раз в средние века возникло большинство современных государств, определились в основном их границы, были заложены этнокультурные основы будущих наций и национальных языков. Появились парламенты, суды присяжных и первые конституции. Были изобретены ножницы, часы, книгопечатание, оконное стекло, огнестрельное оружие и множество иных новшеств. Написаны прикладные и теоретические труды по химии, математике, механике, медицине, первые энциклопедии. Возникли «проекты» общества благоденствия и всеобщего равенства людей. В конце XV в. европейцы открыли Америку, совершили первые кругосветные путешествия. Великие сдвиги в области производства, социальных отношений, духовной жизни принесла Европе эпоха средневековья.

В томе дается характеристика феодального строя, описание его общих закономерностей и конкретных особенностей в Европе. Как всякая формация, феодализм представлял собой сложную систему взаимодействующих общественных институтов. Его основу составляла аграрная экономика — сочетание земледелия, скотоводства и различных промыслов. Хозяйство было преимущественно натуральным, т. е. обеспечивало себя основными средствами к жизни из собственных ресурсов, почти не прибегая к помощи рынка. Конечно, торговля, различные ремесла и другие виды деятельности, рассчитанные на рынок, также существовали и развивались, особенно в XI—XV вв. Но они оставались второстепенным сектором экономики.

Хозяйственные условия во многом определили способ производства, лежавший в основе феодального строя и характерный в общих чертах для всех регионов средневековой Европы. Это, в первую очередь, господство крупной земельной собственности, основанной на эксплуатации мелких, самостоятельно хозяйствующих земледельцев-крестьян. В большинстве своем крестьяне являлись не собственниками, а лишь держателями своих земельных наделов и находились поэтому в поземельной, а иногда также правовой и личной зависимости от землевладельцев-феодалов. Имея в пользовании пахотные наделы, крестьяне обычно сохраняли в своей индивидуальной собственности основные орудия труда, скот и усадьбу. То, что крупным земельным собственникам противостояли — как основной производящий и эксплуатируемый класс — не рабы, а зависимые крестьяне, составило важное отличие средних веков от античности, феодального строя от рабовладельческого.

Хозяйственная самостоятельность непосредственных производителей определила важную роль политического фактора в системе феодальных отношений, в частности внеэкономического принуждения. Для этой системы характерно насилие над личностью производителя, ограничение его прав, дееспособности, возможности самостоятельно распоряжаться своей судьбой, а порой и жизнью. Механизм производственных отношений не мог тогда действовать без насилия: от самых жестких форм личной зависимости до сословного неполноправия крестьян и ремесленников. Без внеэкономического принуждения феодалы не сумели бы взимать ренту и вообще реализовывать свое господство. В наличии и роли этого фактора мы видим одну из важных сходных черт феодализма с рабовла-

дельческим строем и одно из отличий его от следующей, капиталистической системы. Вместе с тем внеэкономическое принуждение при феодализме имело более мягкие формы, чем при рабовладельческом строе.

Конечно, базисные черты феодального способа производства реализовывались в разных регионах Европы со значительными особенностями. Феодальная собственность могла выступать преимущественно в форме частного владения — поместья, вотчины, манора, сеньории, в которых эксплуатация крестьян осуществлялась главным образом в пользу отдельных феодалов (дворян, монастырей и т. п.) и, как правило, была наиболее тяжелой. Особенно суровыми там были и формы внеэкономического принуждения: тяжелая поземельная, часто судебная, а во многих случаях и личная зависимость крестьян от их сеньоров. Это было характерно для Западной и Юго-Западной Европы.

В других регионах — в Центральной и Северной Европе, в Византии и на Руси — основной фонд крупной земельной собственности долго оставался в руках государства, которое поэтому выступало в качестве главного эксплуататора крестьян. В таком случае последние зависели от государства главным образом в поземельном отношении и оставались лично свободными, хотя и неполноправными. Но и в том и в другом случае именно мелкое хозяйство крестьян и их труд служили основным источником доходов общества в целом.

В то же время наличие вотчины-сеньории вынуждало крестьян повышать производительность труда, чтобы сохранить некоторый доход для семьи после уплаты ренты, т. е. отчасти способствовало развитию экономики.

Феодальный способ производства определил социально-классовую структуру тогдашнего общества. Его главными антагонистическими классами были собственники земли разного ранга и эксплуатируемые крестьяне, имевшие разный юридический статус. Важным социальным слоем в период развитого феодализма стали горожане, не составлявшие единого класса.

История феодального общества была наполнена острыми социальными конфликтами. Главное место в них занимала борьба крестьян с сеньорами и государством. Она была важным стимулом развития феодального строя. Но между собой боролись также феодалы и горожане, сословные группы внутри господствующего класса, отдельные феодальные кланы, разные слои внутри городского сословия. В тогдашнем обществе постоянно шла «война всех против всех», часто действовало кулачное право — право грубой силы.

В условиях бесконечных внешних и внутренних войн, мятежей и конфликтов, нестабильной политической власти до конца рассматриваемого периода важным фактором консолидации отдельных социальных слоев были различного рода объединения и личные связи. Так, внутри господствующего класса личные отношения связывали выше- и нижестоящих феодалов. Их наиболее ярким и полным выражением являлась вассально-ленная система и феодальная иерархия, достигшая наибольшего развития в странах Западной Европы. Она определялась условной формой феодальной собственности, например «феодом» (от которого произошел и сам термин «феодализм»), всегда связанной с каким-либо обязательством, чаще всего военной службой в пользу вышестоящего феодала, от которого держалась земля. Последний, в свою очередь, считался вассалом еще более высоко стоящего феодала. Так создавалась феодальная иерархия, как бы «лестница», обеспечивающая сильную военную организацию господствующего класса, направленную, в частности, и против крестьян. В других регионах вассально-ленные связи и феодальная иерархия были развиты слабее, а иногда и вовсе отсутствовали. Но личные от-

ношения верности и покровительства в среде феодалов в той или иной форме существовали повсеместно.

Иной характер носили личные связи между феодалами и зависимыми от них крестьянами: они служили в первую очередь средством внеэкономического принуждения. Отношения покровительства и вассальной верности, безусловно, имели место и здесь, но они проявлялись спорадически в совместной борьбе против соседних феодалов, иноземных нашествий, иногда притеснений со стороны государства.

Другой характерной чертой феодального общества была его сословно-корпоративная структура, вытекавшая, как и потребность в личных связях, из необходимости сплочения отдельных социальных групп перед лицом враждебных им сил и обеспечения их определенными правами и привилегиями. Поэтому классы и различные социальные слои в средневековом обществе приняли форму юридически закрепленных сословий, выступили в виде классов-сословий. Кристаллизация сословных различий шла сначала в среде господствующего класса, внутри которого еще в раннее средневековье сложились сословия духовных и светских феодалов, а позднее в среде последних почти повсеместно выделились сословные группы крупных и мелких феодалов. С развитием городов сложилось городское сословие — бюргерство, в свою очередь состоящее из ряда групп: правящей городской верхушки — патрициата, полноправных бюргеров, неполноправного плебса. Еще позднее, в XIV—XV вв., началось формирование сословия крестьян, которое, однако, так и не получило закрепленных сословных прав. Корпоративность феодального общества проявлялась не только в его сословности, но и в том, что очень большую роль в нем играли союзы другого рода: сельские и городские общины и различные братства, ремесленные цехи и купеческие гильдии в городах, рыцарские и монашеские ордена и др.

Огромную роль в феодальной системе играло государство. Оно обеспечивало защиту населения от внешних угроз и являлось главным носителем внутреннего порядка в море феодальной вольницы. От государства исходили указы, направленные против разбоя, нарушения торгового и общинного мира, на упорядочение мер веса и монеты, соблюдение норм гражданского права. В то же время государство было одним из главных эксплуататоров широких народных масс. Оно представляло в первую очередь интересы господствующего класса, хотя в зависимости от конкретно-политических условий короли могли выступать иногда против отдельных групп феодалов, поддерживать до определенного предела интересы городского сословия или даже некоторых слоев крестьянства.

Для понимания того, как функционировала феодальная система, необходимо изучать и общественное сознание и идеологию, которые во многом определяли психологию и социальное поведение людей того времени. Общей характерной чертой общественного сознания эпохи было преобладание религиозного мировосприятия и мировоззрения. У истоков средневековья в Европе было две основные религии: различные виды язычества и христианство. С начала II тысячелетия христианство, как уже говорилось, стало доминирующей религией континента [5]. Его главным пропагандистом и защитником являлась официальная христианская церковь. В XI в. она разделилась на Западную, католическую, с центром в Риме, и Восточную, православную, с центром в Константинополе. Они различались по своей догматике, обрядности и политической роли, но их идеологическая функция во многом была сходной.

[5] Язычество как система сохранялось главным образом у кочевников юго-восточных степей. Кроме того, в ряде районов юга вследствие арабских захватов известную роль стал играть ислам (особенно в Испании). Был представлен также иудаизм: в еврейских общинах и в Хазарском каганате.

Христианская церковь в средние века выступала носителем новых культурных ценностей. Вместе с тем из сложного, противоречивого набора христианских идей ортодоксальная церковь и на Западе, и на Востоке наиболее активно пропагандировала в основном те, которые помогали освящать божественным авторитетом феодальный строй, социальное неравенство, внушать народным массам смирение и беспрекословное повиновение феодалам и государству. В руках официальной церкви, таким образом, христианство превратилось в форму господствовавшей в средневековом обществе церковно-феодальной идеологии. Церковь была безжалостна к инакомыслию, неортодоксальному истолкованию вероучения, возможности которого таит в себе христианство. Последнее давало почву для возникновения разнообразных ересей, а иногда и для свободомыслия, которое в ту эпоху нередко также выступало в теологическом облачении.

Церковь укрепляла феодальный строй не только идеологически. Ее учреждения и институты — соборы, монастыри, ордена и братства, разветвленная и влиятельная администрация и военно-политические организации, церковные поборы и, конечно же, крупное церковное землевладение — были воплощением, важнейшей составной частью и мощным рычагом развития феодального общества.

Что касается духовной жизни средневекового человека, то она вовсе не сводилась к одним религиозным чувствам и представлениям. Жила и развивалась светская культура: в разных видах фольклора, в народных зрелищах, в прикладном и изобразительном искусстве, литературе. Эти светские мотивы нарастали особенно в XI—XV вв.

Таков был многослойный и многокрасочный мир средневековой Европы.

В наши дни и в западной медиевистике найдется немного ученых, отрицающих комплексный подход к истории феодального общества. Однако зачастую они видят главную его основу не в характере производственных отношений, а в других факторах. Некоторые считают такой основой вассально-ленную систему, другие — состояние феодальной раздробленности: есть ученые, усматривающие основу феодализма в господстве частновотчинной системы или натурально-хозяйственных отношений, или в преобладании «личных связей». Наконец, в последние годы усиливается тенденция сводить своеобразие феодального строя и его эволюцию к субъективному восприятию его людьми того времени, к их социальной психологии (менталитету) и мотивам поведения. Выше было отмечено, что господство натурального хозяйства, вассально-ленной системы и политической раздробленности в феодальном обществе было не повсеместным и временным и что само значение личных связей было скорее результатом экономических и социально-политических условий своего времени, чем их основой. То же в значительной мере относится к мировосприятию и миропониманию средневековых людей. Они порождались в немалой степени характером их социального самосознания. Поэтому, признавая значительную роль всех перечисленных черт феодальной системы, едва ли можно считать ту или иную из них приоритетной.

Трудности описания и анализа европейской истории того времени усугубляются тем, что она протекала со значительными особенностями и, как отмечалось, неравномерно в разных частях Европы. Только сравнительно-историческое рассмотрение всех модификаций феодального строя может показать историю Европы во всем разнообразии, выявить общее и особенное в развитии огромного континента. За единицу такого сравнительно-исторического анализа в данном томе берутся не отдельные страны, а более сложные и комплексные территориальные подразделения — регионы. Понятие это широко применяется в современной советской историографии. Исторический регион — это совокупность районов или стран, где главные, основные процессы общественного развития в

тот или иной период протекают примерно одинаково. Таким образом, регион как бы воплощает единство общего (формационные черты), особенного (региональная специфика) и единичного (различия между отдельными странами и их частями). Решающая роль в выделении регионов принадлежит типологическим особенностям развития каждого из них. Дополнительными критериями служит географическая, этническая, территориально-политическая их общность.

Категория «регион» в связи с асинхронностью феодального развития отличается подвижностью: типологические особенности разных регионов изменяют свои черты в период развитого феодализма по сравнению с раннефеодальным.

Так, для раннего средневековья выделены следующие регионы: 1. Юго-Западный (Италия, Испания, Южная Галлия); 2. Византийская империя; 3. Франкское государство (Северная и Восточная Галлия и северо-западные области будущей Германии); 4. Германия между Рейном и Эльбой; 5. Центрально-Европейский регион (прибалтийские славяне, Польша, Чехия, Венгрия); 6. Славяно-Балканский регион (Болгария, сербско-хорватские и словенские земли, а также Далматинское побережье); 7. Северо-Западная Европа (Скандинавские и Британские страны); 8. Древнерусское государство; 9. Кочевое население степей и созданные им раннефеодальные государства в Восточной и Центральной Европе.

На втором этапе средневековья произошли некоторые изменения в составе регионов. Выделен новый обширный Западно-Европейский регион. В нем объединены Северная и с начала XIII в. Южная Франция (ранее она была в Юго-Западном регионе), Англия и тесно связанные с нею Ирландия и Шотландия (входившие ранее в Северо-Западный регион), германские земли, включая Голландию, Зеландию, Геннегау и Швейцарию. Эти смещения в региональном делении Европы были связаны с тем, что Англия и большинство германских земель, а также территория будущих Нидерландов «догнали» более развитые области междуречья Рейна и Луары—Северо-Восточной Франции и Запада Германии по уровню экономического и социального развития. С конца XII до середины XIII в. в состав германских земель вошли завоеванные земли за Эльбой, населенные западными славянами и балтами. В Славяно-Балканском регионе обособились, создав в XIV в. свои политические объединения, восточнороманские племена карпато-дунайского субрегиона — княжества Молдавия и Валахия. В отдельный регион Северной Европы выделились Скандинавские страны и Финляндия. В Восточной Европе наряду с Русским государством, где преобладала великорусская народность, возникло самостоятельное Литовское государство. Стали складываться украинская и белорусская народности, не имевшие тогда, однако, политической самостоятельности, так же как и оформившиеся в XIII — начале XIV в. народности эстов и ливов.

Необходимость показать общее (в масштабах континента) и особенное (в региональном масштабе) в развитии средневековой Европы определила и структуру тома: сочетание глав, раскрывающих конкретную историю отдельных регионов и стран, с проблемными главами, которые посвящены наиболее важным, узловым вопросам истории феодального общества. Это генезис феодализма; географические условия, этнодемографические процессы и развитие производительных сил; возникновение и рост городов; воздействие торговли и товарно-денежных отношений на общественную жизнь; эволюция феодального государства; классовая и социальная борьба; международные отношения в Европе и ее связи с другими континентами; история церкви и ересей. Большой раздел посвящается развитию общественного сознания и культуры средневековья в их общих чертах и региональных особенностях.

Авторы стремились воспроизвести в томе не сухую социологическую схему, но живую историю со всеми ее важнейшими событиями и крупными деятелями, донести до читателя голос той далекой эпохи.

Средние века приняли историческую эстафету от древнего мира. Естественно, они унаследовали и в течение известного времени сохраняли, частично усваивая, частично вытесняя, какие-то тенденции предшествующей эпохи: как позднеримской империи, уже находившейся в упадке, так и варварской периферии, где разрушались родоплеменные отношения и зарождалось классовое общество. Кризис, который переживали обе эти системы (и который в конце концов привел к смене их новым общественным строем), сопровождался политическими пертурбациями, междоусобицами и нашествиями, что в большей мере характерно для раннего средневековья — периода генезиса феодализма.

По всей Европе прокатывались одна за другой волны варварских вторжений и завоеваний. Уже в первые столетия нашей эры территория Римской империи была центром притяжения для варваров, в основном германцев. В V—VI вв. началось так называемое Великое переселение народов. На земли бывшей Западной Римской империи с севера массами стали вторгаться различные германские племена, искавшие новых мест для поселения. Сюда же с востока устремились кочевники: сметавшие все на своем пути гунны, аланы (северные иранцы) и др. Варвары разрушили старую политическую организацию Европы, создав на захваченных территориях множество новых государств — варварских королевств, довольно непрочных и быстро сменявших друг друга. Лишь Византия все же устояла и сохранила в раннее средневековье свою государственность.

Таким образом, раннесредневековая Европа представляла собой кипящий котел боровшихся друг с другом племен и народов, различавшихся по уровню социального развития. Всякий раз новые поселенцы вступали во взаимодействие с местным населением и предшествующими завоевателями, постепенно сливались с ними. В ходе этого не только происходил обмен культурными традициями и достижениями, но возникали раннесредневековые народности: западнофранкская и восточнофранкская, аквитанская, испанская, чешская, польская, венгерская, древнерусская, болгарская, сербская, италийская и др. В их формировании участвовали различные элементы: кельтские, романские, греческие, иберийские, германские, славянские, балтские, угрофинские, семитские, тюркские. Все европейские народы складывались, таким образом, на смешанной расовой этносоциальной основе.

С другой стороны, вторжения и войны эпохи «Великого переселения народов» и более низкий, чем позднеантичный, хозяйственный уровень варваров усугубили разорение Западной Европы, начавшееся еще в поздней Римской империи, упадок городов, аграризацию и натурализацию экономики. Следствием этих явлений хозяйственного, а также социально-психологического характера (нестабильность повседневного существования, неуверенность в завтрашнем дне) и частых в VI—VII вв. эпидемий было значительное сокращение населения в Западной, Юго-Западной и Северной Европе. В Центральноевропейском регионе и на Руси не было столь заметного демографического спада, но в целом эти регионы оставались менее населенными, чем Западная Европа и Византия.

При всем том в Европе раннего средневековья происходили важные сдвиги в экономике и социальной жизни: росло крупное землевладение феодального типа, основанное на труде зависимых крестьян; за счет последних постепенно сокращалось число рабов в сельскохозяйственном производстве. У народов, не знавших развитого рабовладельческого строя, во многом благодаря взаимодействию с наследием античного мира, повысился хозяйственный уровень (переход к пашенному земледелию, ос-

воение более совершенных его систем, распространение чеканных денег и т. д.), ускорилось складывание классов и государства. Кочевники, расселяясь по Европе, также заимствовали у более развитых оседлых народов передовые для того времени формы хозяйствования и общественной жизни. Подъем земледелия, ремесел и торговли, развитие классов, вотчинной организации и политико-административных систем создали предпосылки для скачка к урбанизации: складыванию на рубеже I и II тысячелетий по всему континенту городского строя.

Формирование основных классов феодального общества и государства, массовый рост городов, а также всеобщее распространение церковно-феодальной идеологии — все это признаки завершения процесса феодализации, вступления Европы в период развитого, зрелого феодализма. В целом по континенту он охватывал время с X — начала XII в. примерно до последней трети XV в. На Руси из-за монголо-татарского завоевания период развитого феодализма закончился только к концу XVI в. Затянулся этот период также в Северной Европе, Ирландии и некоторых других районах.

Во второй период средневековья общественная эволюция заметно ускорилась под воздействием обмена, товарного производства и денежных отношений. Эти особые сферы средневековой экономики и в период развитого феодализма обладали лишь ограниченным влиянием. В деревне оно сдерживалось тем, что и господское и крестьянское хозяйства сохраняли натуральный характер; в городах развитие товарного производства и торговли сковывалось сословно-корпоративными организациями. Тем не менее рост и расцвет городов, функционирование внешних и начало складывания внутренних рынков, постепенное проникновение товарно-денежных отношений во все ячейки общества не только подрывало местную замкнутость тогдашней жизни. Эти факторы оказывали все более заметное прогрессивное воздействие на экономический базис и характер социальных процессов феодального общества, на взаимоотношения крестьянства и феодалов.

Наполненный бурными событиями зрелый этап средневековья, с его длительными войнами и грандиозными военно-колонизационными предприятиями, внутригосударственными распрями и борьбой за политическую централизацию, мощными восстаниями и ересями, подвигами свободомыслия, принято, в свою очередь, подразделять на две фазы. Первая — до конца XIII в., когда в передовых странах континента был достигнут своего рода «пик» феодализма. Вторая — XIV—XV вв., когда в феодальной системе возникли кризисные явления и наметились первые, еще нестойкие элементы раннего капитализма.

XI—XIII столетия повсеместно в Европе отмечены значительным экономическим подъемом. Выросли тысячи городов, множество ремесленных и торговых слобод. Многие города добились самоуправления, в них сложились цехи и гильдии, трудились ремесленники и торговцы сотен специальностей. Расширились различные промыслы, особенно горно-металлургические, лесные, морские. В сельском хозяйстве возникли важные усовершенствования, происходила широкая внутренняя колонизация: расчистка лесов, распашка пустошей, осушение болот. Экономический подъем XI—XIII вв. сопровождался ростом населения (особенно резким — в 2—3 раза — он был в Западной Европе).

Подъем городов, торговли и промышленности, развитие производительных сил продолжались и в последующее время. Но в аграрной экономике и ее социальной организации в XIV—XV вв. положение изменилось. Дальнейшее распространение товарно-денежных отношений привело в Западной и Юго-Западной Европе с начала XIV в. к упадку доменииального хозяйства феодалов, а позднее и частно-сеньориальной эксплуатации, что вызвало известную депрессию в деревенской жизни ре-

гиона (усиленную демографическим спадом — результатом эпидемий) и потребовало изменения сеньориальных отношений. Это ускорило (а в ряде стран привело к завершению) процесс освобождения крестьян от личной зависимости. Укреплялись их права на земельные держания, развивалась аренда.

В Центральной и Юго-Восточной Европе с начала XIV до конца XV в. развитие товарно-денежных отношений также все более вовлекало в свою орбиту складывавшуюся здесь (хотя и с опозданием, но ускоренными темпами) частновладельческую феодальную вотчину. Рассчитанная на рынок, она имела тенденцию к расширению домена, что вело к ухудшению социально-правового положения крестьян, усилению эксплуатации, особенно к концу XV в. Аналогичные тенденции наметились и на Руси во второй половине XIV и особенно в XV—XVI вв.

Борьба тенденций в социальной системе европейского феодализма сопровождалась значительным обострением классовой и социальной борьбы. В XIV в. в Европе бушевали крупные крестьянские и городские восстания, они вспыхивали и позднее. В ходе этих восстаний впервые в истории континента прозвучали идеи гражданского равенства, оформлялось самосознание низших сословий.

Политические структуры и формы государства в период развитого феодализма были сходны в большинстве стран. Это было время перехода от феодальной раздробленности к государственной централизации. Активизация основных сословий феодального общества — духовенства, дворянства, бюргерства, в некоторых странах также части крестьянства привела к образованию сословных монархий и сословно-представительных собраний. В рамках более централизованных государств складывались и более прочные, чем в раннее средневековье, европейские народности, связанные теперь не только общностью территории, но и более тесными экономическими отношениями, а также единством политико-административной системы, языка и культурных традиций. Языки, на которых говорили эти народности в XII—XV вв., все шире использовались в литературе наряду с латынью.

Судьбы западной (католической) и восточной (православной) церквей в этот период оказались весьма различными. Западная церковь в XI—XIII вв. пыталась, используя политическую раздробленность Западной Европы, поставить папство над светской властью, создать своего рода универсалистскую теократическую империю во главе с папой. Проиграв в этой борьбе и оказавшись перед лицом централизованных государств, она все чаще терпела грозные удары многочисленных ересей. Восточная церковь, напротив, тяготела к поддержке светской власти, способствовала централизации государств и даже некоторой их автономии от Константинопольской патриархии. Но с ересями и всякого рода инакомыслием православная церковь боролась столь же энергично.

Общим для всех регионов Европы к концу периода развитого феодализма был заметный рост светской культуры, интереса к человеческой личности и, в связи с этим, к античному наследию. В общем потоке культурной жизни средневековой Европы оформляются направления, разные по своему социальному содержанию: светская рыцарская культура (с конца XI в.), городская (с XII—XIII вв.) и народная, т. е. прежде всего крестьянская идеология и культура, во многом расходившиеся (особенно городская) с церковно-феодальным мировоззрением.

Таковы лишь самые общие и главные направления и тенденции развития средневековой Европы в V—XV вв. То, как они реализовывались в масштабах всего континента, отдельных регионов и стран, как они взаимодействовали в различных сферах господствующей системы, как жили люди в эту уже далекую эпоху, и является предметом рассмотрения в данном томе.

* * *

Редколлегия выражает искреннюю благодарность научным учреждениям и ученым, принявшим участие в обсуждении и рецензировании как всего тома, так и его отдельных глав.

Библиография и хронологическая таблица составлены А. П. Черныхом (с использованием материалов ИНИОН АН СССР); указатели — М. С. Пестуновичем.

Многоцветные карты подготовили В. С. Горсков, С. Д. Ромашов, автор остальных карт и схем — Т. П. Гусарова.

При составлении карт использованы материалы отдела картографии Института истории СССР, особенно В. А. Кучкина, а также картографические материалы, предоставленные авторами ряда глав.

В научно-вспомогательной работе над томом принимали участие: А. Д. Дрбоглав (бригадир), В. П. Бутт, Г. П. Добросельская, В. Г. Коваленко, Л. Н. Чернова.

Многоцветные карты к первому тому «Истории Европы» выполнены В. И. Ламзиным.

ТИПОЛОГИЯ ПРОЦЕССА ФЕОДАЛИЗАЦИИ. ПРИРОДА И ЛЮДИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Глава 1

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В ЕВРОПЕ

К концу V в. перестала существовать Западная Римская империя. Формально концом ее истории считается 476 год, когда вождь германских наемников скир Одоакр сместил последнего римского императора Ромула Августула и сам стал править Италией, отказавшись от императорского титула (см. т. 1, с. 647).

Однако фактически распад империи начался значительно раньше, сигналом послужило вторжение в Италию вестготов Алариха, в ходе которого «вечный город» был взят ими и жестоко разграблен. Затем на землях западной империи образовалось несколько германских варварских королевств. В 418 г. в юго-западной Галлии (Аквитании) возникло первое вестготское варварское королевство со столицей в Толозе (совр. Тулуза). Во второй половине V в. вестготы завоевали всю южную Галлию до реки Луары и большую часть Испании. В 429 г. в Северной Африке создали варварское королевство вандалы. В начале V в. они вторглись в Галлию, затем вместе с аланами и свевами переправились в Испанию, а оттуда были вытеснены вестготами и осели в Африке. В 457 г. бургунды, после разгрома гуннами их королевства на Рейне (с центром в Вормсе), жившие затем на римской территории в качестве федератов, основали новое королевство в юго-восточной Галлии в долине верхней и средней Роны и Соны со столицей в Лионе. После гуннского нашествия на Западную Европу в 451 г. входившие ранее в гуннский союз остготы сначала поселились как федераты в Восточной Римской империи, а в 488 г. под водительством Теодориха вторглись в Италию. В 493 г. Теодорих, свергнув Одоакра, образовал Остготское королевство со столицей в Равенне в Северной и Средней Италии. В него входили также современные Тироль, Швейцария, Австрия, а также Иллирия на Балканах. После завоевания Остготского королевства Византией в 455 г. (см. ч. I, гл. 1 и 2) его территория в 568 г. была захвачена другим германским племенем, лангобардами, ранее жившими в Паннонии. Они основали Лангобардское королевство, включавшее северную и среднюю Италию (будущие Ломбардию и Тоскану), а на юге — области Беневент и Сполето. В 486 г. в земли северной Галлии, расположенные между Сеной и Луарой (номинально они считались еще частью империи и управлялись ее наместником Сиагрием), вторглись франки, ранее обитавшие в нижнем течении Рейна и на морском побережье по Шельде. Во главе со своим вождем Хлодвигом они создали в северной Галлии франкское варварское государство, включившее в свой состав в 507 г. вестготские территории в южной Галлии и в 534 г.— Бургундское государство.

С середины V в., после ухода римских легионов, начались массовые вторжения в Британию германских племен из Северной Германии и с Ютландского полуострова — англов, саксов, ютов, фризов. В результате непрерывных войн с местным кельтским населением к концу VI в. на территории Британии образовалось семь варварских королевств: Кент, созданное ютами; Уэссекс, Эссекс и Суссекс, основанные саксами; Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия, населенные в основном англами.

Таким образом, ликвидация Западной Римской империи в 476 г. по существу лишь санкционировала уже начавшийся распад. С крушением Западной Римской империи и возникновением на ее территории многочисленных варварских королевств в Западной Европе начал рождаться новый мир средневековья. Хотя и иными путями, он складывался и в Восточной Римской империи, устоявшей под ударами варварских вторжений V—VII вв. Вступили в эпоху средневековья и те многочисленные, в том числе славянские, племена Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, которые ранее не были вовлечены в орбиту влияния раскинувшейся на трех континентах Римской империи. Главным содержанием этого переходного периода был процесс складывания (генезиса) феодализма в Европе, охвативший все сферы жизни общества. Основные черты этого процесса и конкретные формы, в которых он проявлялся в разных регионах, наложили глубокий отпечаток на историю не только раннего средневековья, но и европейского феодализма в целом. Поэтому общая характеристика этого процесса в его наиболее важных проявлениях должна послужить своего рода прологом ко всему тому.

Рождение новой Европы происходило в сложной обстановке войн, переселений, продолжающихся варварских вторжений на территорию Западной Европы и Византии. С возникновением варварских королевств положение не стабилизировалось. Сами эти королевства постоянно воевали друг с другом; вплоть до VIII—IX вв. по Европе передвигались многочисленные племенные союзы, не сумевшие основать своих государств: германские (свевов, герулов, гепидов, скиров), тюркские (гуннов, аваров, протоболгар), иранские (аланов), славянские. Арабская экспансия в VII в. охватила Европу и со стороны Византии (особенно ее азиатских владений), и со стороны Испании, завоеванной арабами в начале VIII в. В 40-е годы IX в. они утверждались и в Южной Италии, Сицилии, Сардинии, на Корсике (см. ч. I, гл. 1). В X в. в Западную и Центральную Европу вторглись венгры (кочевники-скотоводы угро-финского происхождения), занявшие Паннонию. С конца VIII до середины XI в. Западную и Южную Европу опустошали набеги норманнов — северогерманских народов, населявших Скандинавские страны (см. ч. I, гл. 7 и ч. III, гл. 3). С X в. начался период непрерывной борьбы Древнерусского государства с кочевниками, вторгавшимися в его южные области,— аварами, новыми волнами венгров, позднее с печенегами (см. ч. I, гл. 8, 9).

Весь раннесредневековый период, в рамках которого совершился переход от античности к средневековью, прошел в Европе на фоне этих непрерывных войн, в борьбе и взаимодействии многих народов. Он занял во всех ее регионах пять-шесть столетий. В обстановке военных грабежей, опустошений и насилий еще более усугублялись явления общего хозяйственного, политического и культурного упадка, нараставшего в Западной Римской империи еще в III—V вв. (см. т. 1). В раннее средневековье в Западной Европе ускорились аграризация и дезурбанизация хозяйственной жизни, значительно сокращалась торговля, особенно сухопутная, закреплялись натурально-хозяйственные черты экономики, рушилась прежняя римская государственность. Несколько позднее эти процессы усилились и в Византии, которая, однако, сохраняла позднеримскую государственность. Одновременно углублялся упадок античной культуры (в большей степени на Западе, в меньшей — в Византии). Происходило ее постепенное перерождение во взаимодействии с еще примитивной, но более динамичной культурой варварских народов, среди которых широко распространялось христианство.

Главным содержанием периода раннего средневековья был, как отмечалось, комплексный процесс генезиса феодализма. Ядро его составляло формирование нового феодального способа производства, его основы — феодальной земельной собственности в ее разных формах (см. Введение),

главных антагонистических классов нового общества — собственников земли — будь то отдельные феодалы, церковь или государство — и в той или иной мере зависимых от них мелких сельских производителей — крестьян. Генезис феодализма сопровождался развитием новых, феодальных форм внеэкономического принуждения. Одновременно развивались новые, раннефеодальные государства. Генезис феодализма привел также к существенным изменениям и в культурной жизни общества, идеологической надстройке, социальной психологии.

Главным из этих изменений в сфере идеологии было постепенное превращение христианской религии в ее ортодоксально церковном истолковании в господствующую идеологию рождавшегося феодального общества. Христианство сыграло также немалую, хотя часто противоречивую, роль в формировании новой средневековой культуры (см. ч. IV). Комплексный и сложный процесс перестройки общества совершался в условиях ожесточенной социальной и классовой борьбы разного типа и уровня. Побеги рабов и колонов, а иногда и их вооруженные выступления против сохранявшегося еще старого эксплуататорского класса — рабовладельческой аристократии на территориях бывшей Западной Римской империи и Византии, восстания народных масс против налоговой эксплуатации государства, выступления разорявшихся и втягивавшихся в феодальную зависимость крестьян против феодалов, нередко принимавшие форму антихристианских (в пользу язычества) движений или, особенно в Византии и на Балканах, народных ересей,— таковы главные формы социальной борьбы, в ходе которых рождался феодальный строй и которая оказывала на этот процесс немалое влияние (см. региональные главы и ч. III, гл. 2). Как уже отмечалось, этот процесс происходил неравномерно и асинхронно в разных частях континента: раньше всего — к X в.— он завершился в континентальной Западной Европе. В Англии и Зарейнской Германии феодализм сложился в конце XI — начале XII в., в Византии в XI—XII вв. Примерно тогда же феодализация завершилась в славянских государствах на Балканах, в Скандинавских странах, в Центральной Европе и на Руси — к середине или концу XII в., в Карпато-Дунайских землях, у литовцев и других прибалтийских народов — в XIII и даже XIV в.

Генезис феодализма в разных частях Европы различался не только по темпам, но и по характеру складывавшихся там социальных и политических структур. Эти различия являются главной причиной споров, которые ведутся в историографии этого периода. Первый — развивался ли феодализм в Европе как прямое продолжение греко-римских или, напротив, варварских общественных отношений, или же путем взаимодействия тех и других [1]. Сегодня уже ясно, что процесс феодализации проходил не только на территории бывшей Западной империи и Византии и прилегающих к ним землях, но и у тех варварских народов, которые ранее не имели прямых контактов с греко-римским миром. Из этого следует вывод, что многие народы приходили к феодализму путем самостоятельного внутреннего развития. Другой спорный вопрос, ранее неразрывно связанный с первым, с начала XX в. обособляется от него. Это вопрос о континуитете — непрерывном эволюционном развитии или дисконтинуитете — наличии резкого скачка («цезуры») при переходе от античного-

[1] Поскольку изучение генезиса феодализма ранее всего (еще в XVIII в.) началось на материале Франкского государства, споры об основных путях этого процесса долгое время сводились к так называемой германо-романской проблеме. Первую из названных точек зрения отстаивали «романисты», вторую — «германисты», третью — сторонники германо-романского синтеза. В настоящее время, однако, аналогичные вопросы вызывают споры и применительно ко всем тем регионам, где вторгавшиеся в границы Западной и Восточной империи варвары расселялись среди местного населения.

сти к средневековью. В наши дни большинство историков на Западе утверждают континуитет этого процесса на территории бывшей Западной Римской империи, в Византии, у балканских славян. Именно к этим регионам Европы в первую очередь относятся споры по данному вопросу.

Придерживаясь чаще всего теории синтеза применительно к этим регионам, многие историки на Западе связывают континуитет не только с греко-римским, но и с варварским наследием. Многие из них считают, что поселявшиеся на территории Западной империи, а также Византии варвары по уровню своего социального развития мало чем отличались от местного населения: у них тоже господствовал аристократический строй, крупная частная земельная собственность, эксплуатация зависимых людей, составлявших большинство племени. Лишь немногие ученые-немарксисты признают, что генезис феодализма включал в себя элементы революционного переустройства общества. Историки-марксисты, прежде всего в СССР, рассматривают переход от античности к средневековью как глубокую социальную революцию в масштабе всей Европы, хотя и обладавшую значительным своеобразием по сравнению с социальными революциями более поздних эпох. По их мнению, в этой революции периоды бурной ломки сочетались с периодами относительно спокойной эволюции. Еще Ф. Энгельс отмечал, что античный мир в IV—V вв. оказался в «безвыходном тупике», из которого его могла вывести «только коренная революция» [2]. Вместе с тем он же указывал, что в позднеантичном обществе не было класса, способного самостоятельно совершить такую революцию [3]. Отсюда растянутость ее во времени и та роль, которую сыграли в ней варварские вторжения, открывшие путь для более свободного развития феодального способа производства в ходе взаимодействия элементов феодализма, уже зревших как в позднеантичном, так и в разлагавшемся общинно-родовом строе варваров.

Решение этих и других менее важных спорных вопросов проблемы генезиса феодализма возможно только на пути сравнительно-исторического, типологического анализа этого сложного процеса в разных регионах Европы.

Главным критерием выделения разных типов генезиса феодализма в советской историографии принято считать отсутствие или наличие в феодализационном процессе синтеза позднеантичных и варварских общественных структур. При наличии такого синтеза критерием служит также его интенсивность и характер взаимодействия между данными общественными структурами. Под синтезом при этом понимается не просто постепенное слияние двух структур, но и взаимодействие, взаимопроникновение, переплавка тех элементов феодализма, которые задолго до начала этого синтеза вызревали в недрах как рабовладельческого, так и общинно-родового строя варваров (иначе говоря — «протофеодальных» элементов обеих систем).

В поздней Римской империи такие «протофеодальные» элементы проявлялись в развитии колоната, поселении части рабов на земельных держаниях, в росте крупного латифундиального землевладения и политической власти его виднейших представителей, в разложении полиса и начале упадка городов. В варварских обществах элементы будущего нового строя находили выражение в использовании рабов патриархального типа в качестве земледельцев, в углублении социального расслоения еще бесклассовых варварских обществ, в усилении власти военных вождей и королей, во все большем развитии дружинных отношений, подрывавших политическую систему военной демократии (подробнее об этом см. т. 1).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 149.
[3] См. там же. Т. 21. С. 147; Т. 19. С. 310–311; Т. 22. С. 482.

Некоторые советские медиевисты полагали, что синтезный путь развития, даже с определяющей ролью греко-римского общественного строя, имел место в генезисе феодализма у всех народов Европы [4]. Однако если даже влияние этого мира доходило до варваров, живших за пределами бывшей Римской империи (например, в процессе христианизации или через ранее феодализированные народы), то подобное влияние было сильно искажено и варваризовано, утратив свои собственно античные черты.

Особенности синтезного процесса у разных народов определялись не только степенью воздействия на них греко-римских институтов, но и уровнем их собственного развития к моменту начала этого процесса. Вестготы, остготы, бургунды, давно жившие близко к границам империи, еще до массовых переселений на ее территорию, переживали последний этап родоплеменного строя и военной демократии. Близки к ним по уровню были и франки, однако несколько отстававшие в своем развитии, и южные славяне. Лангобарды, обрушившиеся на Северную Италию в VI в., англы, саксы и юты, завоевавшие в V—VI вв. Британию, бавары, тюринги, аламанны, германцы Скандинавии, венгры, западные и восточные, славяне ко времени распада Западной Римской империи и начала феодализации Византии сохраняли гораздо больше черт архаического общинно-родового строя.

Варварские народы, вступавшие на путь синтеза на более высоком уровне развития, легче и быстрее вовлекались в процесс феодализации и достигали завершения синтеза (там, где он имел место), чем те, у которых «протофеодальные» элементы были еще слабыми. Некоторые кочевые народы не смогли вступить в синтез с позднеантичным строем. Они феодализировались позднее в процессе взаимодействия с более развитыми варварскими народами. Синтез не мог завершиться и там, где взаимодействие римских и варварских «протофеодальных» элементов оказалось кратковременным, как это было в Остготском королевстве (см. ч. I, гл. 2.). Роль позднеантичных общественно-политических отношений в процессе феодализации была особенно велика в Средиземноморской Европе. По мере продвижения к Северу и Востоку она все более сокращалась.

В процессе феодализации европейских народов нельзя не принять в расчет взаимодействий между самими варварами. В Галлии, например, кельты под покровом внешней романизации сохраняли еще многие черты варварского строя. Позднее — в VIII в.— завоевавшие Саксонию франки, у которых уже складывались феодальные отношения, способствовали ускорению этого процесса у более отсталых саксов. Уже вполне феодализированные нормандцы, завоевавшие Англию в 1066 г., способствовали завершению там генезиса феодализма. Южные славяне на Балканах втянули в этот процесс первоначально кочевой народ — протоболгар, восточные славяне на Руси, несколько позднее — в X—XII вв.— угро-финские, частично тюркские народы, оказавшиеся в сфере их влияния.

Предпосылки феодализационного процесса в виде зарождения «протофеодальных» элементов складывались еще в позднеантичном и разлагающемся общинно-родовом строе варваров, живших на территории империи и в соседних с ней областях. Самый же процесс феодализации общества начался уже в период раннего средневековья. В большинстве регионов Европы он прошел два этапа. Первый, более ранний характеризовался сосуществованием трех различных социальных структур: разлагающихся

[4] См.: *Поршнев Б. Ф.* Проблемы феодального синтеза // Феодализм и народные массы. М., 1964; *Сюзюмов М. Я.* Дофеодальный период // Античная древность и средние века. Свердловск, 1972. Сб. 8; *Он же.* Закономерный переход к феодализму и синтез // Античная древность... Свердловск, 1975. Сб. 12.

рабовладельческих отношений античного типа в синтезной зоне и тоже отмирающего патриархального рабства как в синтезной, так и в бессинтезной, разлагающихся первобытно-общинных структур, и нового, нарождающегося феодального уклада в регионах спонтанного развития. Поскольку в тех условиях феодальные отношения были более прогрессивны, чем все остальные уже отживающие социальные структуры, они, развиваясь, постепенно подчиняли их себе. На этом этапе особенно большую роль в развитии феодального уклада играли в Юго-Западной, Западной, Центральной, Северной, Восточной Европе варварские государства. Эти своеобразные сложные политические образования на данном этапе еще не являлись феодальными государствами в собственном смысле слова. В континентальной Западной и Юго-Западной Европе, а также в славянских государствах на Балканах в них причудливо сочетались элементы римской государственности с пережитками варварской военной демократии. В зонах бессинтезного развития в варварских королевствах государственная власть формировалась заново на основе разложения военной демократии и ее перерождения в классовое раннефеодальное государство. В Византии рабовладельческое государство постепенно перерождалось в феодальное. Однако во всех случаях государство уже на этом этапе защищало в первую очередь интересы высших слоев общества. В то же время, поскольку в руках варварских государств еще были сосредоточены основные земельные фонды и сохранялись массы свободных общинников, эксплуатация последних носила в основном государственный характер. Значительный фонд земель находился также в распоряжении Византийского государства, где большая часть крестьянства эксплуатировалась в основном посредством государственных налогов.

Второй этап генезиса феодализма характеризуется тем, что феодальный уклад становится ведущим. Оформляются основные классы феодального общества — крупные феодальные землевладельцы разного типа и зависимые крестьяне, постепенно поглощающие старые классы и социальные слои римского или варварского происхождения. Государство в это время приобретает уже феодальный характер, хотя и не вполне завершенный. На этом более позднем этапе феодализация общества развивается уже не только за счет королевских пожалований, но и за счет разорения масс свободных крестьян и втягивания их в зависимость от феодальных собственников земли, в том числе государства. Второй этап генезиса феодализма завершает складывание новой феодальной социально-экономической формации.

Руководствуясь выбранным выше критерием типологии генезиса феодализма, можно выделить в масштабах всей Европы несколько его вариантов. Один из них, примером которого является Византия, характеризовался сильным превалированием поздних греко-римских общественных отношений над варварскими и, что особенно важно, при континуитете греко-римской государственности и культуры.

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ

Своеобразие общественного развития Византии определилось еще в ранний период ее существования. Экономическая жизнеспособность Византийской державы помогла ей устоять в огне варварских нашествий. Византия не знала полного завоевания страны варварами и гибели государства. Поселение на ее территории различных варварских народов, хотя и изменило этнический состав населения, породило различные демографические сдвиги, усилило влияние общественного строя варваров, тем не менее не привело к образованию на исконных землях Византии самостоятельных варварских королевств. Все это наложило отпечаток и на генезис феодализма в Византийской империи.

В ранний период (IV — середина VII в.) в Византии еще преобладали рабовладельческие отношения. Однако в рамках этого периода началось спонтанное развитие элементов феодализма. В отдельных регионах обширной империи этот процесс отличался известным своеобразием. В одних областях в больших масштабах сохранялось рабство, в других — широкое распространение имела государственная собственность на землю или общинное землевладение (ч. I, гл. 2).

Генезис феодализма в Византии можно разделить на два периода: начальный (VII — середина IX в.), когда в империи были еще сильны пережитки рабовладения и широкое распространение получила свободная сельская община, когда в результате кризиса рабовладельческой системы, потери восточных провинций под натиском арабов и поселения на византийских землях варварских народов — славян, армян, арабов, мардаитов и др.— Византия превратилась в средневековое государство; и завершающий (середина IX—XII в.), в течение которого феодальные отношения стали полностью господствующими.

Наиболее характерной типологической особенностью генезиса феодализма в Византии было прежде всего более длительное, чем на Западе, сохранение там рабовладения. В VII—IX вв. рабский труд довольно широко применялся как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве и в мореплавании. Позднее рабовладение то шло на убыль, то вновь переживало известный подъем. В судьбах рабовладения в Византии эпохи генезиса феодализма можно наметить две противоречивые тенденции. 1) Стремление укрепить рабовладельческое хозяйство. Этой цели служила, например, предпринятая византийским правительством в конце X в. рецепция римского права. Возрождая старые юридические нормы, византийское государство нередко приравнивало к статусу раба положение других категорий зависимого населения. Не исключено, что известное укрепление рабовладельческого уклада в империи в конце IX—X в. было связано с военной экспансией Византии. 2) Постепенное ослабление хозяйственного значения рабского труда, обусловленное, разумеется, экономической невыгодностью рабства по сравнению с феодальным способом производства. Победа осталась за второй тенденцией, и растущие успехи феодализма подготовили окончательный упадок рабовладельческих отношений в XI в. Но при формировании класса зависимого крестьянства в Византии значительно бóльшую роль, чем на Западе, сыграли унаследованные от рабовладельческого периода категории зависимых людей.

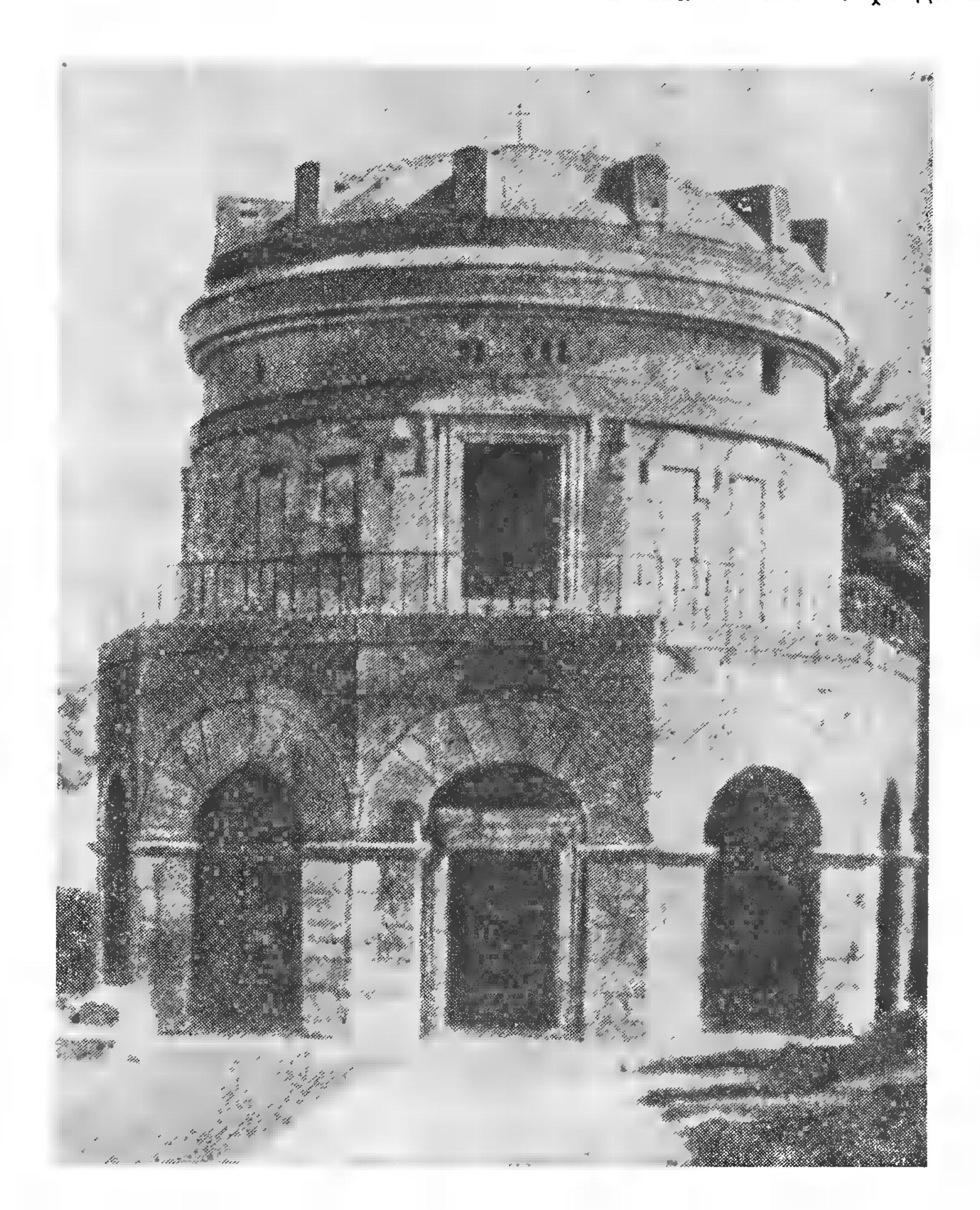
Важным типологическим отличием генезиса феодализма в Византии, особенно на его первом этапе, было широкое распространение в империи свободной сельской общины (см. ч. I, гл. 2).

Характерной особенностью общественного развития Византии было длительное сосуществование таких форм земельной собственности, как безусловная частная собственность на землю, генетически восходящая к позднеримским аграрно-правовым отношениям, государственная поземельная собственность и собственность мелких крестьян-общинников. Безусловная частная собственность кристаллизовалась как в крупных поместьях, так и в хозяйстве свободных крестьян.

Одной из важнейших типологических особенностей генезиса феодализма является наличие в Византии в течение всего периода формирования феодальных отношений государственной собственности на землю.

Условная поземельная собственность формировалась в Византии более медленными темпами, чем в некоторых регионах Западной Европы. Формы условного землевладения (прония, харистикий и др.) имели свои отличительные особенности и окончательно сложились лишь к XI—XII вв. Государство сохраняло контроль над ростом феодальной собст-

Мавзолей Теодориха в Равенне. Италия. Около 530 г.

венности и закрепощением крестьян, что также является важной типологической особенностью феодализма в Византии. Иерархическая структура условной феодальной собственности не приобрела там столь развитых форм, какие сложились на Западе, что составляет, бесспорно, отличительную черту аграрного строя Византии. Однако изменение социальной природы и правового статуса собственности в империи шло по пути формирования наследственного феодального землевладения, утверждение и окончательная победа которого происходят в XI—XII вв.

Одной из самых важных типологических особенностей формирования феодальных отношений в Византии является замедленное, по сравнению с Западом, складывание феодальной вотчины. Оно осложнялось наличием сильной государственной собственности, общинного землевладения и остатков безусловной частной собственности на землю. Значительную роль в складывании земельной собственности крупных феодалов играло византийское государство, хотя его политика отличалась непоследовательностью. С одной стороны, государство само укрепляло феодальное землевладение, широко используя практику пожалований земель. Земельные раздачи постепенно стали хотя и не главным, но одним из основных источников формирования феодальной собственности. С другой стороны, государственная власть иногда пыталась сдержать рост феодального землевладения, защитить свободные общины от натиска феодалов. А ведь именно путем захвата земель свободных общинников феодалы (динаты) расширяли свои земельные владения и создавали крупные вотчины.

Оформление личных прав феодалов над зависимым населением имело в Византии свою специфическую окраску: доминирующую роль играли податные привилегии (экскуссии), а не судебные и административные, как в некоторых регионах Запада. Благодаря системе льгот экскуссия оформляла привилегированность феодальных владений знати. Значительная роль в организации сеньориальной власти принадлежала и институту вассальных дружин — этерий, однако система вассалитета не приобрела в Византии законченных форм. Формирование феодальной вотчины, кристаллизация феодальных институтов были сложным и длительным процессом, завершившимся в основных чертах к концу второго периода генезиса феодализма в Византии.

Длительным и сложным был процесс формирования в Византии класса феодально-зависимого крестьянства. Его отличительной особенностью было длительное существование рабовладения, что привело к распространению среди зависимого крестьянства таких категорий, как дулевты и дулопарики, сохранившие в своем статусе «родимые пятна» рабства. Не менее, а может быть, даже более важным оказалось то, что в первый период генезиса феодализма преобладающее положение среди сельского населения занимали свободные крестьяне-общинники. Третьей особенностью этого процесса было наличие особой категории государственных крестьян, плативших государству централизованную ренту и выполнявших отработочные повинности в доменах фиска и императора.

Для Византии также было характерно сочетание феодальной ренты в пользу феодалов с государственными налогами, которые долго платили многие категории крестьян. Однако по мере роста феодальных поместий государство все чаще жаловало феодалам сбор этих налогов с зависимого населения. Мучительный для свободного крестьянства процесс потери земли и разложения общины порождал широкий протест народных масс, в первую очередь сельского населения, который в Византии выливался в массовые народные восстания и еретические движения. В течение всего периода генезиса феодализма народные волнения как в деревне, так и в городе не прекращались (ч. I. гл. 2).

Ранняя Византия, в отличие от стран Западной Европы, изобиловала крупными городскими центрами с многочисленным населением. Уже в это время там шел сложный процесс ломки позднеантичной городской экономики. Античная собственность, основа экономики позднеантичного города, переживала глубокую трансформацию и к VII в. разложилась. В период генезиса феодализма в еще многочисленных городах империи складывались новые формы ремесленного производства и торговли, все большее значение приобретал труд свободных ремесленников, объединенных в корпорации, в торговле же, особенно морской, инициативу захватывали объединения свободных моряков и владельцев кораблей. Общая натурализация хозяйства раннесредневековой Византии, естественно, коснулась и экономики городов. Отдельные позднеантичные города пришли в упадок, но на их месте или на соседних территориях рождались новые городские центры. Дезурбанизация в Византии, происходившая в VIII — первой половине IX в., была значительно меньших масштабов, чем в других регионах Европы, а новый расцвет городов наступил много раньше, уже в конце IX—X в. (ч. I, гл. 2).

Формирование нового феодального города в Византии, разумеется, происходило в иных, чем на Западе, условиях. Наличие сильного централизованного государства и сохранение рабовладения наложило отпечаток на этот процесс. Преимуществом Византии в сравнении с другими странами Европы было применение и развитие в городах империи унаследованной от античности высокой техники ремесленного производства, мореплавания, монетного обращения и организации торговли. Тормозящее же воздействие на развитие новых производственных отношений в горо-

дах оказывал применявшийся еще в значительных масштабах рабский труд. Столь же двоякое воздействие оказывала на формирование феодального города в Византии государственная регламентация ремесла и торговли. На первых порах покровительство со стороны государства торгово-ремесленным корпорациям стимулировало расцвет городского ремесла, но позднее превратилось в тормоз его развития (ч. I, гл. 2).

Важным отличием городского развития Византии от других стран и регионов Европы было полное преобладание столицы, Константинополя, над всеми другими городскими центрами как в сфере экономики, так и в сфере политики и культуры.

ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Иной тип генезиса феодализма имел место там, где этот процесс тоже шел с перевесом позднеримских общественных отношений, но в отличие от Византии не была сломлена римская государственность — в Италии, Южной Галлии и Испании. Возникшие на ее развалинах варварские королевства — Остготское, затем Лангобардское в Италии, Вестготское в Юго-Западной Галлии и Испании, Бургундское в Юго-Восточной Галлии — широко использовали в своих целях многие элементы римского государственного управления: римское право (для местного, а потом и для германского населения), фискальную систему, военную организацию. Правда, варварские королевства несли в себе и черты нового, более примитивного типа государства, отражали еще отчасти интересы всей массы свободных членов племени и следы военной демократии. И все же основой правового и финансового устройства в Юго-Западной Европе до конца VII в. оставались учреждения, генетически восходившие к позднеримским, особенно для местного населения. Число варваров в королевствах этого региона было сравнительно невелико, основной массой его жителей были итало-римляне, галло-римляне, испано-римляне. Вестготы, расселившиеся в Аквитании, составляли около ста тысяч человек, остготы, завоевавшие Италию,— примерно столько же, бургунды были еще малочисленнее, невелико было и число лангобардов, вторгшихся в Северную Италию в 568 г.

Естественно, что, даже имея в руках политическую власть и пользуясь привилегиями завоевателей, германцы не могли сразу изменить господствовавший на этой территории общественный строй, тем более что к моменту вторжений общинно-родовые отношения у них находились на последней стадии разложения. Поэтому завоеватели во многом сами пытались использовать в своих целях экономические и социальные отношения местного населения. В Юго-Западной Европе варвары не смогли разрушить крупное землевладение римской знати и церкви. Эти местные землевладельцы пользовались частной властью, приобретенной еще во времена империи. Германская верхушка, захватывая в свою пользу землю у местного населения или получая в дарения земли королевского фиска, пользовалась римским правом собственности на эти земли и оставшихся на них рабов и колонов. Поэтому роль местных рабов и колонов в формировании будущего класса феодально-зависимых крестьян была в Юго-Западной Европе весьма значительна. Сохранялись здесь и различные формы римской поземельной аренды — либеллярная, эмфитевсис.

Первый этап генезиса феодализма протекал в Юго-Западной Европе в условиях сохранения значительного числа крупных городов позднеантичного типа (см. ч. I, гл. 1). Города опоясывали побережье Италии, Южной Галлии, Испании, были они и во внутренних районах этих стран. В них сохранялись довольно развитая торговля, особенно внешняя —

с Востоком, и ремесло. Их последующий упадок и натурализация экономики происходили в этом регионе лишь постепенно, что на первых порах отчасти замедляло процесс феодализации.

Вместе с тем нельзя недооценить и роль варварских завоеваний в этом регионе. Несмотря на свою малочисленность, варвары, владея политической властью, могли оказывать на генезис феодализма сильное влияние, насаждая на захваченных территориях привычные им формы общественных отношений и институтов. В завоеванных областях Юго-Западной Европы варвары захватывали земли местного населения: остготы захватили $^1/_3$ земель, вестготы и бургунды — $^2/_3$ пахотных земель и $^1/_3$ рабов. Значительная часть этих земель была передана королями варварской знати, из которой постепенно вырастали феодальные собственники земли. Но аллоды (свободно отчуждаемые земельные наделы) получили и многие рядовые воины. Это укрепило слой мелких свободных крестьян-собственников — аллодистов. Усиление мелкого крестьянского производства, самой прогрессивной для того времени формы хозяйства, ослабляло рабовладельческие традиции, создавало предпосылки для подъема производительных сил. Неясным и спорным является вопрос о том, принесли ли варвары на эти территории общинные порядки. Большинство современных западных историков считают, что они пришли сюда уже как частные земельные собственники и селились на новых местах в качестве таковых. В советской историографии тоже отмечается слабость общины у варваров, поселявшихся в Юго-Западном регионе. Вместе с тем признается наличие у них общины до вторжений и сохранение ее пережитков на новых местах поселения. В целом германская соседская община рано испытала здесь разъедающее влияние римской частной собственности и не оставила глубоких следов в генезисе феодализма. И все же варвары принесли и в этот регион более примитивные формы жизни и социальных отношений, в частности устное обычное право, не знавшее различия между частным и публичным правом. Хотя оно дошло до нас в латинских вариантах — в виде варварских правд, которые испытали особенно заметное влияние римского права, но долгое время сохраняло известную самостоятельность во внутригерманской среде.

Несмотря на значительное социальное расслоение, у германцев к моменту завоевания Юго-Западной Европы не было еще четко оформленных классов, большинство завоевателей составляли свободные незнатные земледельцы. Варвары принесли сюда свою военную организацию. Основу ее на первом этапе генезиса феодализма составляло пешее ополчение всех свободных членов племени и военная дружина вождей и короля, жившая за их счет. Остготы, а потом и лангобарды в Италии запрещали участвовать в войске представителям местного населения. В среде пришельцев сохранялись пережитки родового строя, быстро утраченные вестготами и остготами, но весьма сильные у лангобардов; были также распространены узы личной верности, связывавшие дружинников с их вождем, и покровительства (mundium) по отношению к ним со стороны последнего. Едва ли, таким образом, можно полностью отождествлять варварские и позднеримские социальные отношения даже на этой территории, как иногда делается в западной медиевистике. Поэтому их взаимопроникновение на первом этапе генезиса феодализма шло здесь довольно медленно: перевес разлагающихся структур рабовладельческого общества, с одной стороны, ускорял процесс формирования частной собственности и классообразования у варваров, с другой стороны, тормозил развитие новой феодальной формы земельной собственности, складывание феодальной социальной структуры, натурализации хозяйства. На этом раннем этапе процесса феодализации синтез в Юго-Западном регионе оказался незавершенным, феодальный уклад не стал ведущим, государство не приобрело еще феодального характера.

На втором этапе феодализации сопутствующий ей синтез значительно ускоряется. К концу VII в. феодальные отношения все более активно подчиняли себе другие отживающие социальные структуры. Этому содействовал упадок городов и повторное завоевание Италии (VI в.) лангобардами, усилившее влияние германского элемента, а затем (в VIII в.) франками, которые стояли в это время на более высоком уровне феодализации. Для Бургундского королевства и Вестготской Аквитании таким ускорителем еще в VI в. послужило франкское завоевание; для Вестготской Испании — арабское завоевание VIII в.

К началу X в. в странах Юго-Западного региона генезис феодализма в основном завершился: складывается и становится преобладающей условная феодальная земельная собственность, из сложного конгломерата разных по происхождению и положению классов и социальных слоев романского и германского происхождения формируются два новых антагонистических класса — феодалы и зависимые крестьяне. Государственная эксплуатация их все более вытесняется частносеньориальной.

В Славяно-Балканском регионе синтез с безусловным превалированием позднеантичных общественных отношений был характерен для его самых западных областей — Далмации и Истрии. Сходный тип синтезного процесса в ходе феодализации, хотя и с некоторыми отклонениями в сторону бессинтезного, имел место в Болгарии VII—XII вв. (см. ч. I, гл. 6). К северу от Дуная, где к этому времени расселились большие массы славян и сохранялось, хотя и не очень многочисленное, восточнороманское население (волохи), процесс феодализации начался в форме византийско-славянского взаимодействия, которое усиливалось с постепенным расселением славян южнее Дуная на территории Византии (VI—VII вв.). К этому времени славяне находились на последней стадии общинно-родового строя, принесли сюда общину-марку и массы свободных земледельцев и воинов. Здесь они столкнулись с сильным греко-римским субстратом и вступили на путь синтеза как раз тогда, когда византийское общество само начало феодализироваться. Однако этот синтезный процесс был с конца VII в. почти на два столетия приостановлен вторжением протоболгар хана Аспаруха, подчинивших своей власти славян в VII—VIII вв. Протоболгары принесли с собой более примитивные скотоводческие формы хозяйства. Славяно-византийский синтез уступил место протоболгаро-славянскому, который завершился только к началу IX в. В этот период на территориях, населенных болгаро-славянами, временно наметился тип генезиса феодализма, скорее приближавшийся к бессинтезному. Однако с середины IX в., когда уже славянское в своей этнической основе Первое Болгарское царство стало быстро расти за счет Византии, славяно-византийский синтез возродился с новой силой и пошел с превалированием византийского влияния (в IX—XI вв.).

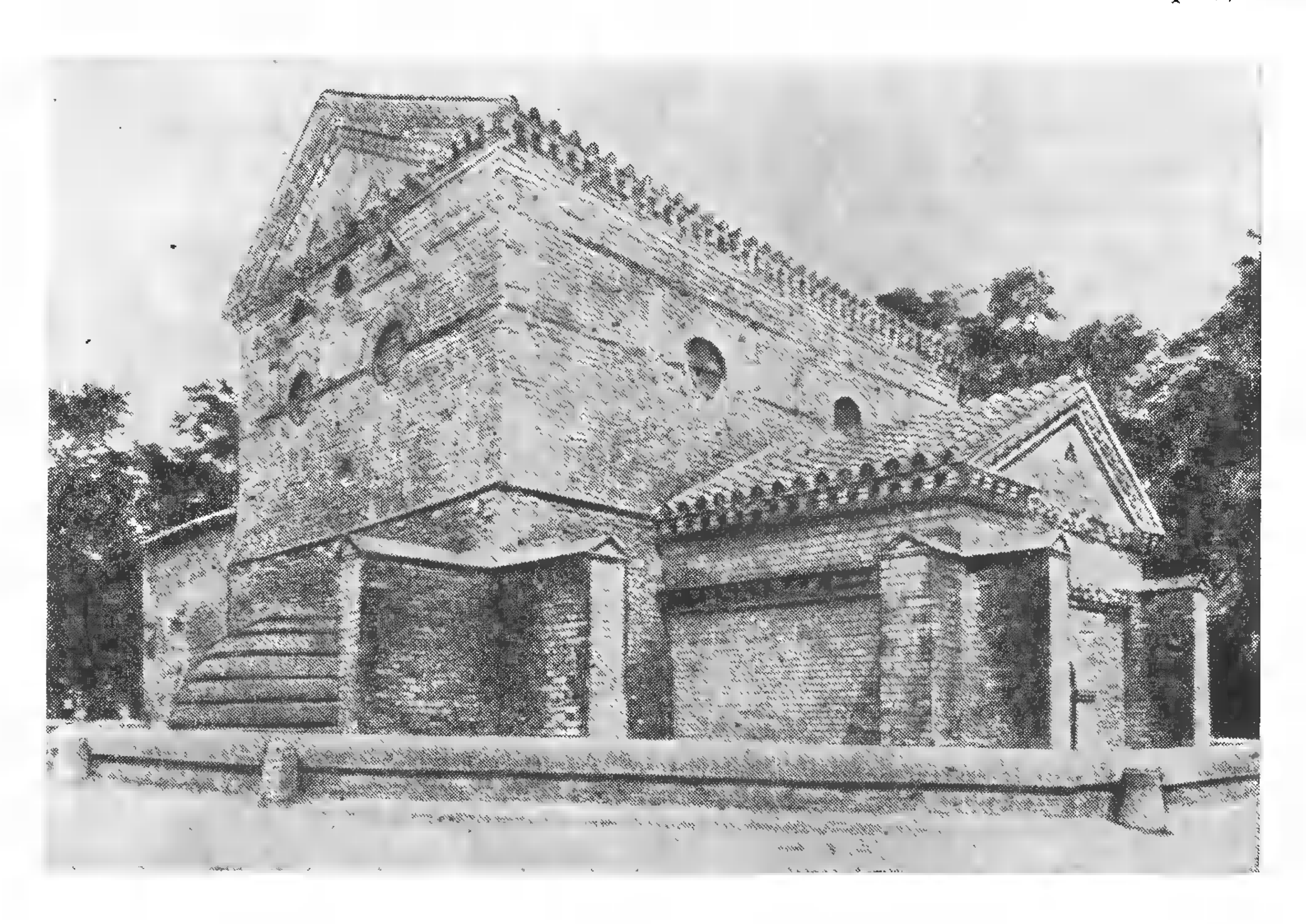
В Болгарии росло крупное светское, а после ее христианизации (864—865 гг.) и церковное землевладение. Болгарские цари щедро раздавали коронные земли и иммунитетные права, подчиняя юрисдикции феодалов массы свободных еще крестьян-общинников. Соответственно и Болгарское царство в IX—XI вв. выступало как уже сложившееся раннефеодальное государство. Завоевание Первого Болгарского царства Византией в начале XI в. окончательно завершило процесс феодализации Болгарии. Взаимодействие в ходе византийского синтеза крепкой и живучей общины с сильным централизованным Византийским государством на этой территории обусловило некоторую замедленность процесса феодализации и ту его особенность, что поземельно зависимые крестьяне-парики на болгарских землях, как и в Византии, формально считались лично свободными и поэтому наряду с сеньориальными поборами подлежали и государственному обложению (см. ч. I, гл. 6).

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА ВО ФРАНКСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Во Франкском государстве (первоначально междуречье Рейна и Луары) сохранялись значительные элементы позднеримских аграрных и социальных отношений. Новые археологические данные свидетельствуют о том, что эта территория (особенно северо-восточные ее области) была романизирована сильнее, чем это предполагалось раньше (см. ч. I, гл. 3). Основную массу жителей в этом регионе составляло в VI в. местное галло-римское население, сохранялось много крупных церковных и светских владений, обрабатываемых рабами и колонами. Однако города быстрее, чем в Юго-Западной Европе, приходили в упадок (уже в VI в.), теряя роль центров хозяйственной деятельности, аграризировались и превращались в укрепленные или административные пункты, епископские резиденции и поэтому не могли замедлить феодализацию общества. В целом романизация этих северных областей была слабее, чем в Юго-Западной Европе. С другой стороны, для этого региона была характерна и более быстрая и глубокая варваризация общества, чем на юге, совершавшаяся в ходе длительного расселения здесь компактной массы франков. Правда, первая волна их вторжения под руководством Хлодвига (в конце V в.) не привела к существенным этнодемографическим изменениям. Но поскольку франки, в отличие от готов и лангобардов, не оторвались от своих соплеменников, живших в низовьях Рейна и Мааса, а также на правобережье Рейна, волны франкских переселений продолжались и в VI—VII вв., усиливая германизацию и варваризацию региона. Уже в конце VI в. удельный вес германцев в его населении был гораздо выше, чем на юго-западе Европы [5]. Восточные области региона от Пикардии, севера Турне до устья Мааса и далее на юг вдоль Рейна были зоной преобладания германских наречий, тогда как южнее и западнее этой линии господствовали различные диалекты вульгаризованной латыни. Связь франков с прежней родиной способствовала также более длительному сохранению в их общественном строе архаических черт, чем у народов Юго-Западной Европы. Среди франков устойчивее, чем на юге, оказался слой мелких землевладельцев крестьянского типа. В период первых франкских завоеваний (конец V — начало VI в.) у франков еще сохранялись сильные пережитки родового строя, земледельческой общины и большой семьи, что отразилось в обычном праве, зафиксированном во франкском судебнике — Салической правде. Среди галло-римлян еще со времени поздней империи также оставалось сравнительно много мелких свободных крестьян — кельтов и ранее поселившихся здесь германцев, у которых, по мнению ряда историков, также сохранялись следы общинных распорядков. Все это обусловило значительный рост в связи с франкским завоеванием числа свободных крестьян. Именно к этому региону можно с полным правом применить слова Ф. Энгельса о том, что «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин» [6]. Франки не производили земельных разделов с галло-римским населением; они селились в основном на пустующих землях и землях королевского фиска в отдельных от местных жителей поселениях, что свидетельствует о наличии здесь большого количества пустующих земель. Это ограничивало на первых порах (конец V — середина VI в.) взаимодействие протофеодальных элементов позднеримских и разлагающихся родо-племенных отношений на этих территориях.

Много архаических черт сохранялось и в структуре франкского государства Меровингов, основанного в конце V в. в Галлии. Меровингские

[5] *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 208.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 154.

Баптистерий Св. Иоанна в г. Пуатье. Франция. Конец VII в.

короли после завоевания Аквитании и Бургундии пытались также следовать римским традициям, поскольку под их властью оказалась масса галло-римского населения, но это им плохо удавалось. В V—VII вв. их государство сохраняло много реликтов строя «военной демократии» (общие собрания всех свободных воинов — «мартовские поля», германские территориальные деления на области — гау, а позднее графства — и сотенные округа, всенародное военное ополчение). В этот период здесь, как и в других варварских королевствах, эксплуатация свободного еще населения осуществлялась в первую очередь государством.

Конечно, невозможно точно установить соотношение во франкском государстве V—VII вв. позднеримских и поздневарварских общественных отношений, тем более что оно было, видимо, различно в разных его частях. Однако не подлежит сомнению, что разлагающийся родо-племенной строй франков оказывал здесь гораздо большее влияние на процесс феодализации, чем в Юго-Западной Европе.

Вынужденное соприкосновение на не столь уж большой территории, в рамках единого политического целого разлагающихся позднеримских и родо-племенных структур обусловило с середины VI в. довольно быстрое разложение общины. Уже к концу VI в. возникновение у франков свободно отчуждаемой земельной собственности — аллода — стало предпосылкой роста в их среде крупной феодальной собственности. На втором этапе процесса с середины VII в. феодальный синтез заметно ускорился, тем более что обе отживающие структуры развивались в направлении феодализма. Новые крупные франкские владения обрабатывались отчасти посаженными на землю рабами, а в основном — лично свободными, но уже втягивавшимися в поземельную зависимость крестьянами. С другой стороны, исчезали или уменьшались в размерах унаследованные от Римской империи рабовладельческие виллы и фундусы. Крупное землевладение галло-римлян и франков постепенно унифицировалось, по мере того как смешивались эти этнические группы. Одновременно на втором

этапе постепенно сливались в единый слой поземельно-зависимого крестьянства на всей территории франкского государства галло-римские рабы, колоны, вольноотпущенники, франкские рабы, литы, а также быстро разорявшиеся с начала VIII в. ранее свободные мелкие галло-римские и франкские крестьяне.

Процесс феодализации на втором его этапе шел во франкском государстве двумя путями: с одной стороны, массовое разорение крестьян-аллодистов (как франков, так и галло-римлян) вело к втягиванию их в поземельную зависимость от феодалов, к утрате гражданских прав, устранению от военной службы; с другой стороны, франкские короли, особенно из новой Каролингской династии (VIII—IX вв.), щедро раздавали земли и иммунитеты (от латинского «immunitas» — неприкосновенность, освобождение от чего-либо), т. е. судебные и фискальные привилегии представителям церкви, монастырям, светской знати, которые освобождались от контроля королевских должностных лиц. С помощью иммунитетных пожалований под власть крупных землевладельцев одним росчерком пера передавалось часто большое число еще лично свободных крестьян. В VIII—IX вв. во франкском королевстве складывается уже собственно феодальная крупная вотчина, обрабатываемая поземельно-зависимыми (колонами) или лично зависимыми (сервами) крестьянами. Частносеньориальная эксплуатация все более вытесняет государственную. Крестьянство оформляется как единый класс феодально-зависимых мелких производителей, противостоящих крупным землевладельцам — уже не рабовладельцам, а феодалам. Одновременно земельная собственность приобретает условный характер. Быстрее и отчетливее, чем в других регионах, оформляются во франкском королевстве вассальные отношения и феодальная иерархия. На втором этапе феодализации франкское варварское государство, ранее выражавшее отчасти интересы и простых свободных, превращается уже в раннефеодальное — орган политического господства феодалов.

БЕССИНТЕЗНЫЙ ПУТЬ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА

Еще один тип процесса феодализации, проходивший при полном отсутствии греко-римского и варварского синтеза или с очень слабыми его элементами, был характерен для регионов, не знавших римского господства, или там, где оно было недолгим и не оставило заметных следов, например в Англии и Южной Шотландии. Помимо этих стран, такой путь имел место в большей части Центрально-Европейского региона, в Скандинавских странах, Германии, между Рейном и Эльбой, в Древней Руси, в Литве, у народов Восточной Прибалтики. Феодальный строй вырастал здесь непосредственно из варварских обществ, на ранних его этапах при почти полном отсутствии городов и торговли. В начале процесса не было и христианской церкви (исключение составляла Ирландия, куда христианство проникло еще в IV в.,— см. ч. III, гл. 5), большинство населения в этих областях до VII в., а иногда даже до IX—X вв. было языческим. Довольно многочисленные в этих регионах рабы патриархального типа не были основными производителями этих обществ. Ими являлись свободные общинники, одновременно крестьяне и воины («керлы» — в Англии, «бонды» — в Скандинавских странах, «кметы» — в Польше, «люди» — на Руси и др.). На первом этапе генезиса феодализма именно они составляли в этих регионах основную массу населения. В то время они подвергались преимущественно государственной эксплуатации. Лишь на втором этапе этого процесса начиная с IX, а то и в X в., они стали сокращаться в числе, теряя землю и втягиваясь в зависимость от крупных землевладельцев, должностных лиц короля, но в первую очередь самого короля или князя. Бóльшую роль, чем в других областях Западной

Европы, играла в этих регионах община (типа марки), а на ранних этапах даже еще большая семья. Сила и сплоченность общины замедляла процесс возникновения здесь аллодиальной собственности. В Англии и Скандинавских странах, например, даже полностью свободные крестьяне долгое время не могли распоряжаться по своему усмотрению их наследственными наделами (фолкленд — в Англии, одаль — в Норвегии). Процесс феодализации замедляло упорное сопротивление свободных крестьянских общин втягиванию в зависимость и христианизации.

Формирование класса феодалов проходило здесь в условиях длительного сохранения родо-племенной знати и дружинных отношений. Поэтому выделение служилого слоя (вне рамок дружины), создание вассально-ленной системы и феодальной иерархии тоже было замедленным. В более или менее законченном виде они сложились в X—XI вв. только в Германии, в XII в. в Англии, тогда как в других странах, развивавшихся по такому же типу феодализации, к этому времени оформилось лишь общее деление на крупных и мелких феодалов.

Большим своеобразием отличалось в этих регионах и развитие государства. Складывавшиеся в областях, почти не знавших римского права и римской государственности, варварские, а затем и раннефеодальные государства долго сохраняли элементы военной демократии: племенные королевства, герцогства, земли, старогерманские территориальные деления и органы управления. В частности, сохранялись народные собрания по округам («тинги» в Скандинавских странах, «фольксмоты» в Англии). Пешее ополчение свободных общинников повсеместно составляло главную военную силу. Эти архаические учреждения на раннем этапе генезиса феодализма при наличии масс свободного крестьянства отчасти опирались на него и противостояли политическим притязаниям растущего класса феодалов, что продлевало существование здесь внешне централизованных, но примитивных государственных форм империй: Франкской (IX в.), в Германии X—XI вв., временного объединения племенных королевств в Англии IX—XI вв., позднее (начало XI в.) — «империи» датского короля Кнута (Англия и Скандинавские страны), Великоморавской державы (в IX — начале X в.), объединения восточнославянских народов в сильное Древнерусское государство (X — начало XII в.). Государства этого типа выступали уже как раннефеодальные политические образования, активно действовавшие в интересах складывавшегося класса феодалов. Они играли более активную роль в процессе феодализации, чем в других регионах, дольше сохраняли свою роль в эксплуатации крестьянства.

Самой ранней ступенью феодализационного процесса при этом типе развития было установление верховной собственности князей и королей на весь фонд общинной (ранее племенной) земли, например «окняжение» на Руси (см. ч. I, гл. 8), подчинение королю и князю как собственнику земли ранее свободных общин в Центральной Европе (см. ч. I, гл. 5). Следствием этого было появление первых государственных форм феодальной собственности и эксплуатации в виде дани-налога на содержание дружины и формирующегося господствующего класса, трудовых повинностей (починка дорог, мостов, строительство укреплений), военной службы. Эти государственные формы феодальной эксплуатации при бессинтезном типе развития сохранялись частично и после завершения процесса феодализации [7].

Утвердив свое господство над крестьянами как поземельно зависимыми людьми, короли и князья стали щедро наделять своих должностных

[7] По вопросу о характере государственной собственности и эксплуатации крестьянства на раннем этапе процесса феодализации существуют и иные точки зрения, отрицающие их феодальную природу, в частности, на Руси.

лиц, дружинников, церковные учреждения доходами с определенных земель (бокленд — в Англии, вейцла — в Норвегии, власть наместников «градов» — в Центральной Европе) и судебными иммунитетами на них (например, «сока» в Англии, оттоновские привилегии церковных феодалов в Германии и др.). Овладев политической властью в отданных в их управление областях, королевские слуги очень быстро захватывали на этих территориях земли, превращали живших там крестьян сначала в судебно-, а затем и поземельно-, реже — лично зависимых, а сами становились уже феодальными землевладельцами. Так, на втором этапе генезиса феодализма и в регионах бессинтезного развития появилось частное феодальное землевладение, противостоящие друг другу классы феодалов и зависимого в той или иной мере крестьянства. Одновременно все большее значение приобретали также спонтанные формы разложения общины — постепенная феодализация верхушки крестьянства и втягивание его обедневшей части в зависимость. Важным стимулятором феодализационного процесса в его бессинтезной форме или со слабыми элементами синтеза наряду с политикой государства была христианизация. С ее помощью в этих регионах быстро росло крупное феодальное церковное землевладение за счет пожалований короля и отдельных феодалов в пользу церкви (см. ч. III, гл. 5). На втором этапе генезиса феодализма и в регионах бессинтезного развития зарождаются предгородские поселения — рыночные местечки, «порты», ярмарки — первоначально центры дальней торговли.

Были и иные — промежуточные типы генезиса феодализма. К ним можно отнести своеобразный ход феодализации в так называемой «контактной зоне», лежавшей на стыке Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. В нее входили отдельные, в основном расположенные к северу от Дуная области Сербии, Хорватии, Словении, а также частично Албания и Карпато-Дунайские и Карпато-Днестровские земли, территории будущих Молдавии и Валахии. Особенностью генезиса феодализма в «контактной зоне» было, с одной стороны, наличие во всех этих областях довольно многочисленного восточнороманского населения — потомков иллирийцев в Албании и влахов, или волохов, в Нижнем Подунавье; с другой стороны, в соседстве с ними, а иногда на тех же территориях жили массы нероманизированного славянского населения, которое, ассимилируясь с восточными романцами, в социальном отношении способствовало некоторой варваризации и нарушению в их среде прямого романского континуитета. В частности, среди восточнороманского населения возникли тенденции к более примитивному пастушескому хозяйству, особенно в горных районах. Эти тенденции еще более усиливались волнами вторжений гуннов, аваров, протоболгар, венгров, нарушавших нормальную хозяйственную деятельность оседлых земледельцев — восточных романцев и славян. Поэтому византийско-славянский и восточнороманско-славянский синтез в период генезиса феодализма имел здесь ограниченные масштабы и опосредованный характер. Он был более ощутим в Албании, временами входившей в состав Византии в числе самых окраинных и дальних ее владений, но почти незаметен в Подунавье. В целом же в этих областях преобладал бессинтезный и очень замедленный путь феодализации, которая затянулась на западе «контактной зоны» до конца XII в. и на востоке — в Нижнем Подунавье — до XIV в. включительно.

Свои особенности имел процесс складывания раннесредневековых обществ у тех кочевых народов, которые на последней стадии кочевания начинали переходить к оседлости (см. ч. I, гл. 9) и, как правило, не испытали никакого воздействия греко-римского мира.

Неодинаковое сочетание протофеодальных элементов позднеримского и родо-племенного строя варваров в разных регионах придавало заметное

своеобразие процессу феодализации в каждом из них; это, в сущности, делает бессмысленными дальнейшие споры о приоритете античных или варварских общественных структур, синтезных или бессинтезных путей развития в генезисе феодализма.

Сложнее обстоит дело с проблемой континуитета и дисконтинуитета в генезисе феодализма, тем более что она проявляется ныне в различных формах. В XIX — начале XX в. ее решение касалось в основном Западной Европы и связывалось только с германскими вторжениями, полностью разрушившими, как считали германисты, Западную Римскую империю и все ее институты, ее общественный строй, систему ценностей. Это рассматривалось противниками континуитета как скачок, «цезура», даже своего рода революция. Сторонники континуитета подчеркивали, напротив, неразрывную связь средневекового мира с античным, отрицали какой-либо разрыв между ними.

В наши дни, во-первых, стало очевидным, что варварские вторжения затрагивали не только Западную, но и Восточную Римскую империю, во-вторых, что они были не столь разрушительными, как считалось раньше. Не менее очевидно, что континуитет мог быть не только греко-римским, но и варварским, особенно в областях, не знавших романизации. Поэтому, хотя особенно остро этот вопрос стоит в отношении стран синтезного развития, он в известной мере касается и других регионов.

Как было показано выше, элементы романского континуитета в континентальной Западной Европе, особенно в Византии и на Балканах, несомненно, имели место во всех сферах эволюции общества. Вместе с тем сохранялись заметные черты общественного строя варваров даже в областях с сильной греко-римской традицией. Это дает основание большинству современных западных историков рассматривать процесс перехода от рабовладельческого строя к феодальному как чисто эволюционный. Однако уже в силу качественно нового характера сложившегося на континенте феодального общества по сравнению не только с позднеантичным, но и с поздневарварским, в этом процессе нельзя видеть прямой континуитет того и другого. Между этими древними обществами и сложившимся феодальным строем пролегает период глубоких социальных изменений и острых классовых конфликтов, придавших новое качество даже тем «протофеодальным» элементам, которые присутствовали в обеих старых системах, из взаимодействия которых родилась совсем новая — феодальная. Варварские вторжения и передвижения V—VII вв. положили начало той глубокой социальной революции, в которой рождался новый строй. Аграрный переворот на втором этапе процесса феодализации, приведший повсюду в Европе к разорению и втягиванию в феодальную зависимость массы мелких свободных крестьян, к их слиянию с бывшими рабами и колонами в единый класс зависимого крестьянства, завершил ее.

Революционный характер генезиса феодализма в Европе подчеркнул Ф. Энгельс, когда писал, применительно в основном к западным ее областям: «Общественные классы IX в. сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках новой цивилизации», и «те отношения между могущественными земельными магнатами и зависимыми от них крестьянами, которые для римлян являлись формой, выражавшей безысходную гибель античного мира, были теперь для нового поколения исходным моментом нового развития» [8]. Хотя и в меньшей степени, это относится к Византии, где, несмотря на бо́льшую плавность процесса рождения феодального общества, оно тоже не обошлось без острых конфликтов и революционных потрясений. Даже в регионах бессинтезного развития переход от первобытнообщинного строя к клас-

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 154.

совому, феодальному не был свободен от глубоких социальных переворотов, сопровождался ожесточенной борьбой свободных крестьян-общинников против их закрепощения и феодальной эксплуатации со стороны новых феодальных господ или государства.

В современной немарксистской историографии (особенно французской) в последние годы возникла, правда, применительно лишь к Западной Европе, новая теория «феодальной революции», которая пытается совместить концепцию полного романского континуитета в V—IX вв. с так называемой «феодальной революцией» X—XI вв., резко оборвавшей якобы непрерывное развитие рабовладельческого строя и в течение одного столетия установившей феодальный строй. Сторонники этой теории связывают «феодальную революцию» не с варварскими вторжениями или аграрным переворотом, но с раздроблением государственной власти между феодалами, которое нашло свое наиболее яркое внешнее выражение в массовом росте замков как центров политической власти и классового господства феодалов во всех странах Западной Европы. Эта теория крайне упрощает сущность революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному, так как вообще снимает проблему генезиса феодализма, возникновение которого трактуется как кратковременное событие, совершившееся за 3—4 десятилетия.

Отмеченные выше типологические особенности процесса генезиса феодализма характеризуют не столько его общую для всех регионов сущность, сколько его темпы и формы. Медленнее всего и в наиболее стертых формах он протекал там, где синтез в процессе генезиса феодализма проходил не просто с преобладанием позднеримского исходного материала, но и при длительном сохранении греко-римской государственности (Византия). Столь же медленно происходил он и там, где позднеантичный субстрат, а следовательно и синтез почти или совсем отсутствовали. Быстрее феодализм сложился в тех регионах, где синтез даже с преобладанием позднеримских общественных отношений играл более существенную роль. Очевидно, что там, где имел место активный синтез, он ускорял процесс феодализации, заметно нарушал континуитет, быстрее создавал качественно новое общество.

Глава 2

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Производительные силы феодальной формации являлись ведущей стороной феодального способа производства, основой прогресса феодального общества, его материальной базой, исходным фактором повышения производительности труда. Составные части производительных сил — это предметы труда, народонаселение, средства труда и способы труда. Зависимость людей от географической среды была тем ощутимее, чем дальше от нас лежит данная эпоха. Географическая среда обитания и деятельности человека находилась в диалектическом единстве с развитием общества. «Пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обусловливают друг друга»; так что средневековая европейская цивилизация явилась следствием и использования того наследия, которое оставила античность, и усилий самого феодального общества, и воздействия природной среды [1]. Поскольку с течением столетий росли общественные потребности, умножались человеческие возможности и прогресси-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.

ровали способы труда, то на каждой ступени развития феодализма существовала своя оптимальная степень освоения географической среды. И на любой ступени свойства этой среды обусловливали собой развитие производительных сил. Эта среда была физической предпосылкой процесса производства материальных благ. Поэтому всякий шаг и феодала, и городского патриция, и ремесленника, и крестьянина начинался практически с того, что они поневоле определяли свое отношение к окружающей природе, которая устанавливала первичные материальные возможности труженика и характер его занятий. Безостановочный прогресс производительных сил стал одной из причин того, что Европа, отстававшая в начале средних веков по уровню развития от стран Востока, к концу средневековья обогнала их. Этот прогресс объяснялся еще и тем, что Европа отличалась чрезвычайно богатым сочетанием разнообразных природных, этнических, экономических, социальных и политических факторов на сравнительно небольшой территории.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Европа расположена в четырех географических поясах. Арктический в эпоху средневековья был малопригоден для жизни людей, субарктический — не намного пригоднее. Условия умеренного пояса оказались наиболее благоприятными для прогресса производительных сил. Субтропики имели в раннее средневековье большее технико-экономическое значение, но во II тысячелетии стали отходить на второе место. Сильная изрезанность морских берегов Европы, способствовавшая успехам мореходства, в том числе каботажного, сочетание континентальных и приморских территорий, обилие рек и озер, лесов и степей, гор и равнин, насыщенность всевозможными природными ресурсами, климатическая приемлемость большинства мест для проживания людей делали ее ландшафт как первичный территориальный комплекс сравнительно благодатным. Исключительно разнообразна флора Европы, причем здесь произрастали культуры и сугубо местные, и характерные для многих зон земного шара.

Климат средневековой Европы оставался до V в. прохладным и довольно сухим, потом, особенно в VI и VII вв., стал влажнее в засушливых зонах и суше во влажных. С VIII до XIII в. длилось общеевропейское потепление, приведшее к распространению южной флоры и фауны на север. На юге болота медленно исчезали, появилось много лугов. Потепление смещалось с северо-запада на юго-восток, достигнув максимума в Гренландии к X в., в Исландии — к XII в., в Нидерландах — к XIII в., на Руси — к XIV в. В результате XIII столетие явилось «золотым» для западноевропейского земледелия (тогда в некоторых графствах Англии даже закладывались виноградники). Но затем наступило резкое похолодание, неуклонно нараставшее к XVII в. Самым неустойчивым по погоде и тяжелым оказался XV век, что потребовало от людей дополнительных усилий в сфере производства. Постепенно в Средиземноморье образовалась климатическая область, в которой сухо летом и дождливо зимой; в Восточной Европе — область с преимущественно континентальным климатом; в северной части последней — умеренно холодная, с суровой зимой и относительно теплым летом; на западе Европы — умеренно теплая. Последние три наиболее интенсивно осваивались людьми в средние века.

Производительная изобретательность человека стимулировалась отчасти перепадами температурных показателей, чаще свойственными Восточной Европе. Так, на Руси с XI по XV в. имели место 76 очень сильных засух, 62 сверхдождливых сезона и примерно один раз каждые 14 лет сверххолодная зима, приводившие к тяжелым последствиям. Напротив, в Англии долгие столетия среднегодовая температура равнялась

10° С. Наиболее резкие социальные последствия природных неурядиц проявлялись на рубеже X—XI вв., когда Европу потрясла серия губительных землетрясений и других стихийных бедствий, совпавших с ожидавшимся в 1000 г. «концом света» и вызвавших в ряде мест небывалую панику.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ

При переходе от первобытнообщинных и рабовладельческих форм производства к феодальным наметились более активное отношение общества к природе и более действенная ее эксплуатация; но по-прежнему сохранялись экстенсивные формы хозяйства и хищническое использование ресурсов, которые затем почти не восстанавливались, вследствие чего к XV в. природный фонд заметно сузился.

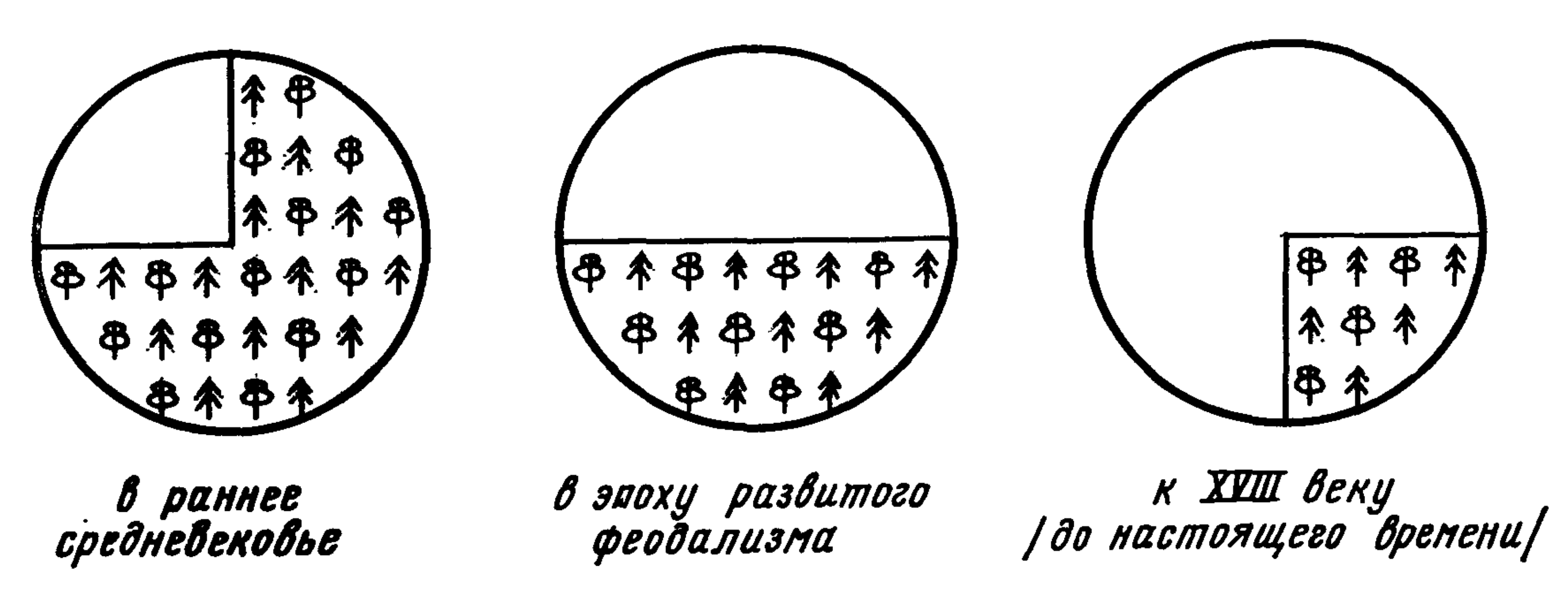
Географическая среда в значительной степени определяла многообразие и характер хозяйственной деятельности человека, типы жилища, влияла на расселение людей. Так, подсечно-огневое земледелие в лесах в силу своей трудоемкости порождало коллективные формы труда и способствовало длительному сохранению общинно-родовых отношений. Обилие лесов позволяло сжигать их для удобрения почвы, получать строительный материал, курить смолу и деготь, добывать дрова на топливо, изготовлять поташную золу, собирать лесные дары, заниматься бортничеством, охотиться, прятаться от врагов. Горы играли роль естественных границ и крепостей: Альпы консервировали патриархальные порядки у гельветов; Кантабры и Пиренеи стали природной базой для Реконкисты; Грампьенский хребет гарантировал неприступность кланов шотландских горцев. Реки использовались для передвижения, торговли, рыбной ловли, орошения земель, разведения скота на заливных лугах. Особенно значима историческая роль таких рек, как Тахо и Гвадиана на Пиренеях, По — в Италии, Рона, Гаронна, Луара и Сена — во Франции, Темза — в Англии, Рейн — в Германии, Дунай — в Австрии, Венгрии и на Балканах, Эльба и Одер — у западных славян, Висла — в Польше, Днепр и Верхняя Волга — на Руси. Моря определили своеобразие развития островных стран (Исландия, Ирландия, Англия, Сицилия).

Прогресс экономики средневекового города зависел во многом от его географического расположения (на пересечении путей сообщения, в богатом полезными ископаемыми или хлебородном месте). Разнообразие природных зон порождало хозяйственное районирование. Жаркий климат снижал общие затраты на питание населения. Длинная зима способствовала занятию ремеслами. Наконец, исчерпание естественных ресурсов приводило к миграциям.

Серьезное значение имел антропогенный фактор — воздействие человека на природу, приведшее в ряде случаев к необратимым последствиям. Перемены, вызванные деятельностью людей, переросли в качественные изменения биосферы. Из-за хищнической эксплуатации природных ресурсов облик Европы претерпел за VI—XV вв. заметные метаморфозы. Первичные, естественные ландшафты уступали место вторичным, искусственным. Люди прорывали каналы и шахты, возводили мосты и акведуки, дамбы и плотины, мельницы и мануфактуры, сооружали насыпи и валы, спускали воду из болот и озер, добывали мрамор и камень, осушали топи, вырубали и сжигали леса, распахивали почву, строили дома, крепости и монастыри. Ландшафты средневековых городов практически можно считать целиком антропогенными.

Наиболее болезненным следствием было уничтожение лесов, особенно в Западной Европе. Меньше затронуло оно Восточную: на Руси XV в. $^{3}/_{4}$ поверхности на севере еще было покрыто лесами, в центре —

не менее 1/2, в лесостепи — 1/4. Резкое сведéние растительности, порождавшееся системами тогдашнего земледелия, наметилось во время пожогов VI—VII вв. и «великих» расчисток X—XIII вв. В числе наиболее пострадавших стран оказались Испания, Англия, Нидерланды, Франция, Италия, европейская часть Византии и Паннония. На Руси южная зона лиственных лесов превратилась в лесостепь. Овцы и козы уничтожили растительность многих горных склонов на Балканском и Апеннинском полуостровах, пришлось перейти к стойловому содержанию скота. Голландия, в древности сплошь «лесная страна» (Holtland), стала к концу средневековья безлесной равниной. Новый толчок к уничтожению

Состояние лесного покрова в Западной Европе.

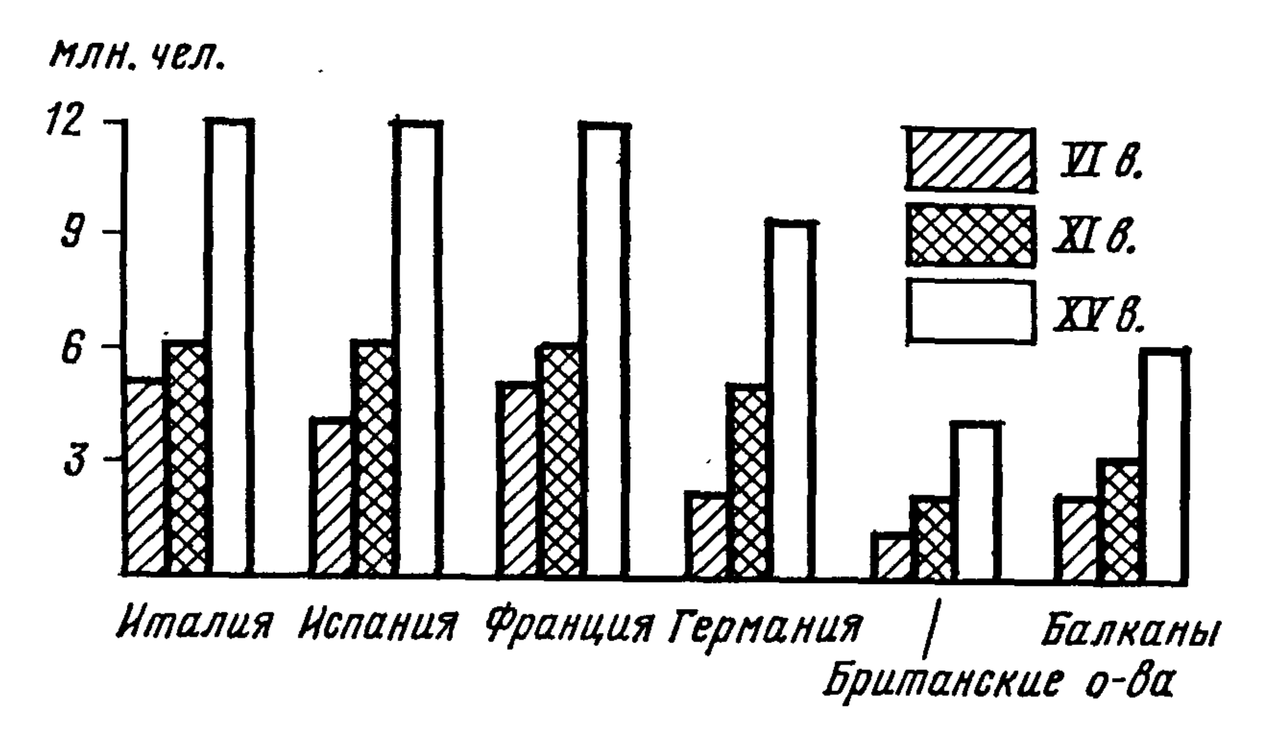
лесов дали успехи строительства и промышленности — массовое потребление стройматериалов и топлива городами, рудниками, солеварнями, стекловарнями, домнами.

Большинство европейских стран рано столкнулось с эрозией почв, выветриванием плодородного слоя, распространением балок и оврагов, обмелением рек и озер, образованием уже с IX в. огромных пойменных и низинных лугов. Ранее в умеренном географическом поясе сорняки не мешали людям; теперь же на распаханных полях, при ослабленной растительной конкуренции, приносили земледельцам большой вред.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Люди — главная производительная сила общества. Поэтому в феодальной формации демографические процессы играли заметную роль. Рост численности населения убыстрял прогресс общества. Для эпохи средних веков мы располагаем лишь приблизительными сведениями о численности и естественном движении населения, поскольку отсутствовали всеобщие переписи, а применяемые специалистами методики подсчета различны. Предположительно к началу средневековья в Италии проживало до 5 млн человек коренного населения, на Балканах — 2 млн, в Галлии — до 5 млн, в Испании — около 4 млн, на Британских островах — до 1 млн, в Германии — от 0,5 до 3 млн. К XI в. население в Италии возросло до 6 млн, на Балканах — до 3 млн, во Франции — до 6 млн, в Испании с Португалией — до 6 млн, на Британских островах — до 2 млн, в Германии с Австрией и Швейцарией — до 4,5 млн. На территории современной Чехословакии проживал 1 млн, в Венгрии — 0,5 млн, в Польше — 1 млн, в Восточной Европе — до 10 млн (в том числе 6 млн — в Средней Руси), в Скандинавских странах — 1 млн. К середине XIV в. население почти всех стран Европы значительно возросло, а в некоторых странах удвоилось. Однако после эпидемии чумы («Черная смерть» 1348—1349 гг.), а также вследствие частых голодных лет и опустошительных войн начался спад численности населения.

Общественному прогрессу способствовал и рост плотности населения, хотя он был неравномерным. За исключением морских побережий и долин рек, нигде населенные пункты не располагались сплошной полосой. В давно освоенной европейцами долине Мозеля на протяжении около 500 км существовало к XI в. 590 поселений; в долине Немана той же поры на таком же расстоянии археологи насчитывают их в 8 раз меньше, по Каме — в 16 раз меньше. В глухих лесах почти совсем не было жителей, будь то Северная Англия, Швеция или Русь. На рубеже II тысячелетия средняя плотность населения в Англии составляла около 9 человек на 1 кв. милю, в Южной Руси перед батыевым нашествием — 6 человек на 1 кв. км, в Северной — 2 человека. Накануне «Черной

Рост численности населения в Западной и Центральной Европе с VI по XV вв.

смерти» в Испании на 1 кв. милю приходилось 30 человек; в Дании, Англии, Германии, Северной и Южной Италии — 70; во Франции — 150; в Центральной Италии — 300. Цифры повышались в городах, хотя последние были невелики: из английских городов конца XIV в. только Лондон имел жителей более 30 тыс., Йорк — свыше 10 тыс., Нориджъ, Ковентри, Плимут, Линкольн и Бристоль — более 5 тыс.; еще 10 городов — свыше 3 тыс.; прочие 250 были мельче. К концу XV в. лишь в 4 городах Священной Римской империи вне Италии (Кёльн, Гамбург, Прага и Нюрнберг) обитало более 25 тыс. человек, а в Италии — 15 (в том числе Венеция, Генуя, Флоренция, Неаполь и Милан) имели до 100 тыс. жителей, во Франции с ними мог сравниться только Париж. Существовали многонаселенные города и на Руси (Киев, Чернигов, Новгород, Псков и др.). Крупнейшим городом Европы вплоть до XV в. оставался Константинополь с сотнями тысяч жителей.

Прирост населения не был ни последовательным, ни постоянным. Но он создавал новые трудовые ресурсы в условиях малопродуктивного хозяйства и побуждал людей интенсифицировать труд или же искать средства пропитания на других территориях; так, увеличение численности крестьянства во Франции IX—X вв. стимулировало расчистку лесов. Расширение рядов рыцарства в Западной Европе XI в. побудило малоземельных феодалов охотно участвовать в крестовых походах; невозможность прокормиться в суровых условиях Скандинавии толкнула часть норманнов на дальние странствия; миграция славян в Приильменье предопределила здесь замену охотничьего хозяйства пашенным земледелием. Отток крестьян с мест поселения нередко вынуждал феодалов смягчать формы эксплуатации (это особенно характерно для Германии, Руси, стран Пиренейского полуострова).

Средняя продолжительность жизни европейца составляла тогда 45 лет для мужчин и 35 — для женщин; треть жителей умирала еще в детском возрасте, а четверть — после 50 лет. При небольшой продолжительности жизни затруднялась передача накопленного опыта от поколения к поколению. Порой вообще огромные людские коллективы исчезали из исто-

рии. Главные причины ранней смертности — болезни, голод, нашествия иноземцев и прочие невзгоды. Девушки, вступая в брак обычно в возрасте до 15 лет, быстро теряли здоровье, что вело к бесплодию. Распространенным явлением было безбрачие; некоторая часть населения просто не обладала правом вступать в брак (католическое духовенство во Франции и Германии составляло в XIV в. 5% населения) или давала соответствующий клятвенный обет. Обычно семью имели не более ³/₄ лиц брачного возраста.

Голодовки случались в среднем каждые 6 лет и нередко приводили к катастрофическим последствиям. Много бед приносили антисанитария, повседневные болезни (туберкулез, ревматизм), эпидемии. Пандемии иногда оставляли яркий след в источниках. Общеевропейское распространение имели пандемии VI в. (чумная 543 г., оспенная 570 г., дизентерийная или брюшнотифозная 580 г., чумная 588—592 гг.). Тяжкими оказались на Руси холерные заболевания в 1083, 1091 и 1092 гг.; в Западной Европе — уникальная в своем роде «Черная смерть» 1348—1349 гг. Почти неизвестные скотоводам, охотникам, рыболовам и собирателям сыпной тиф, холера и малярия стали систематически поражать общество после перехода основной части населения к земледелию. Из-за высокой плотности населения город, особенно во время ярмарок, страдал от инфекционных заболеваний больше, чем деревня. Спасаясь от «проклятого» места, горожане иногда переносили свое поселение. Например, Белозерск некогда находился на западном берегу оз. Белого, после мора конца X в. его перенесли на северный берег, после мора середины XIV в.— на южный.

К капризам климата легче приспосабливались землепашцы, ибо возможности их производства были стабильнее, чем у скотоводов. Участники же массовых миграций — кочевники не только сильнее страдали от смены привычных природных условий, но и вынуждены были, оседая на захваченных территориях, либо приспособиться к местной цивилизации, либо иногда вообще исчезнуть как самостоятельные производящие этносы. На развитие производительных сил влияла и этническая специфика. Этнический состав Европы в VI—XV вв. не был постоянен из-за почти непрерывных перемещений масс населения на иные места обитания. Ведь на заре феодализма 1 кв. км самой благоприятной зоны — лесостепи мог прокормить не свыше 10 членов родовой общины. Эта неразвитость производительных сил вызывала миграции. Многие из них обусловливались не только неблагоприятными природными условиями, но и социальными причинами (разорение, жажда обогащения в насыщенную войнами эпоху военной демократии). Развернулись «те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы» [2] (см. Введение и региональные главы). В этом смешении элементов европейского, азиатского и африканского происхождения участвовали романизированные народы прежней Западной Римской империи, романо-эллинизированные народы Византии, угро-финны, славяне, балты, германцы, кельты, фракийцы, иранцы, тюрки, берберы и семиты, не считая более мелких этнических образований. И к XV в. в Европе уже сложились основные народности, как бы «усевшиеся по местам» в тех рамках, которые характеризуют сегодня национальную карту континента.

Миграционные потоки были различной численности. Но даже малые коллективы переселенцев влияли на судьбу и покидаемых ими мест, где изменялось соотношение людей с предметами труда, и вновь осваиваемых. Крупные переселения оказывали более разностороннее влияние: ломали сложившиеся прежде формы жизни, часто несли с собой разорение хо-

[2] Там же. Т. 8. С. 568.

зяйства и гибель многих европейцев, а одновременно позволяли интенсивнее осваивать новые территории, распространяли производственные достижения одних народов среди других, приводили к появлению новых государств, расовой и лингвистической пестроте, взаимовлиянию культур, обогащению быта. Менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания. Если же пришельцы превосходили автохтонов, намечался обратный процесс. В материальной сфере результаты такого синтеза культур были всегда сходными: после освоения чужой земли быстрее менялись у мигрантов орудия труда и виды жилища, ибо этого требовала новая географическая среда; медленнее — украшения, ибо тут преобладали традиции. Разрушительный характер вторжений особенно ярко

Пашущий крестьянин. Германия, Эльзас. Рисунок. Последняя четверть XII в.

проявился при нашествии Батыя на древнерусские земли: экономический прогресс значительной территории прервался, многие производственные навыки были утрачены, и Руси пришлось с XIV в. в некоторых сферах (в частности, в строительстве) заново накапливать трудовой опыт. В битве 1241 г. под Вальштадтом погибли от монгольских сабель почти все силезские рудокопы, после чего горное дело в Силезии восстанавливалось с большим трудом. Разорительные норманнские набеги наводили ужас на прибрежное население стран Западной Европы.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Для собирателей и охотников, земледельцев и скотоводов главным средством производства служила земля, причем плодородие почвы оставалось для них основным фактором благополучия. Это плодородие в раннее средневековье часто убывало, так как люди той эпохи обычно не восстанавливали его и не вкладывали в сельское хозяйство значительных средств. Методы земледелия зависели от природных условий, исторических традиций и темпов развития разных регионов. В районах прежней Западной Римской империи и у юго-западных славян сохранялось к VI в. пашенное земледелие. У северных германцев, балтов и восточных славян до VII в., а также в степных районах и на горных склонах по всей Европе преобладало мотыжно-огневое земледелие: уничтожив растительность, сеяли без пахоты по удобрившей почву теплой золе. Жители лесов и лесостепей практиковали его подсечно-огневую разновидность, при которой заранее готовили подходящий участок (порою до сотни кв. километров), намечали очередность валки деревьев зарубками, затем кольцевали их, чтобы ускорить их высыхание, которое длилось иногда до 15 лет, после чего валили лес, сжигали его и сеяли также по теплой золе. Убрав к осени урожай на прежнем пожоге, следующей весной на-

чинали выжег на новой подсеке. В первый год на опаленном слое предпочитали сеять коноплю или лен, на второй год — злаки, на третий овощи. Так возникали зародыши севооборота. Обычно через 5 лет оскудевшую подсеку использовали под сенокос или как выгон, а возвращались к ней для пожога, когда вырастал новый лес. Примерно с VIII в. в областях, лежавших севернее романизированных, мотыжную обработку сменяет пашенная, и к концу I тысячелетия она почти всюду побеждает. Поскольку свободных земель тогда хватало, заброшенные участки нередко дичали и превращались в залежь. Переход от залежной системы к более интенсивной переложной осуществился после того, как залежей и целины начало недоставать. В лесостепи, которая являлась в средневековой Европе областью наиболее развитого земледелия, этот переход наметился на рубеже II тысячелетия. Первоначально перелог — интервал между запустением и обработкой участка — длился до 10 лет. Однако по мере роста населения он сокращался, а когда свелся до года, пришлось перейти для подъема плодородия истощенной почвы к использованию пара, т. е. к двуполью.

Двуполье, давно знакомое Южной Европе, прочно укоренилось в Северной и Восточной во II тысячелетии. При однолетнем перелоге паровое поле пахали, чтобы избавиться от сорняков, но не засевали, и оно отдыхало. Регулярно сочетавшие земледелие со скотоводством, почти все народы средневековой Европы практиковали пастьбу скота по пару, превращая его в выгон. В горных местностях появилось травополье. Следующий шаг — переход к трехполью. Теперь одно поле засевалось озимыми, второе — яровыми, третье оставалось под паром. Трехполье быстрее вызывало распыление почвы и истощение земли. Это стимулировало применение удобрений (органических, особенно навоза, и неорганических — мергеля) и освоение новых лесных участков и стало ко II тысячелетию одной из причин массовой раскорчевки лесов, которая особенно широко практиковалась в полосе от Северной Франции через Германию и Польшу до Северо-Восточной Руси, но в той или иной мере велась повсюду. Трехполье способствовало прогрессу индивидуального мелкого хозяйства и повышало производительность земледелия: при втрое меньших трудовых затратах на каждый гектар с него могло прокормиться вдвое больше людей. С XIV в. трехполье восторжествовало и на просторах Русской равнины, хотя в разных районах долго перемежалось с двупольем.

Еще до VIII в. были известны 7 видов полевых работ: пожог, пахота, удобрение почвы, посев, боронование, прополка, сбор урожая. Посезонное их распределение и варианты определялись природной зоной. В Византии еще в X в. исключительное богатство агрономических приемов и выращиваемых культур зафиксировала сельскохозяйственная энциклопедия «Геопоники». Позднее подобные труды появились и в Западной Европе (сочинения англичанина Уолтера Хенли в XIII в., итальянца Пьетро из Крешенцы в XIV в.).

Средневековые орудия труда были довольно примитивны и совершенствовались очень медленно. Важную роль в прогрессе сельскохозяйственной техники сыграла замена деревянных, костяных и бронзовых рабочих частей орудий железными. Набор типичных сельскохозяйственных орудий средневековья включал мотыгу для рыхления и вскапывания почвы, разные пахотные орудия (рало, соху, плуг), борону или грабли, косу, серп, вилы, цеп или молотильную доску, лопату (особенно заступ) для различных земляных работ, нож и топор для резки кустарника и рубки леса, каток для выравнивания засеянного участка, жернова для ручного помола зерна, упряжь для рабочего скота.

Археологические находки свидетельствуют, что с VI по XV в. наибольшие изменения претерпели пахотные орудия. Вначале использова-

лось рало — симметричное орудие с низким центром тяжести, влекомое ослами и волами (с X в. также лошадьми, что существенно повысило производительность труда). Острие рала неглубоко взрезало землю. Чтобы легче подрезались корни сорняков и расширялся ком вздыбленной земли, наральник стали укреплять под углом. Это нарушало первоначальную симметрию и превращало рало в плуг — орудие асимметричное. Место наральника постепенно занимал лемех. Теперь поднятый пласт, переворачиваясь, ложился травяным покровом вниз на одну сторону. В Западной Европе издавна существовал на юге легкий римский плуг aratrum (усиленное рало), а севернее — тяжелый кельтский плуг carruca. В Восточной Европе плуг с асимметрией распространяется к XIII в. Плуг подвешивался или ставился на колеса, имел нож перед лемехом для подрезания земли и отвал (крепившуюся ребром сбоку планку для отваливания пласта). Тяжелый плуг тащили от 2 по 12 животных, что позволяло осуществлять глубокую вспашку даже на тяжелых почвах. Постепенно сложились три основных вида средневекового плуга с разными местными вариантами: славянский с полозом, колесные — легкий среднеевропейский и тяжелый западноевропейский. До крупных расчисток II тысячелетия чаще, чем плуг, встречались рало или соха. В отличие от плуга соха имела высокий центр тяжести и лучше годилась для обработки подзолистых либо засоренных почв, особенно в лесах. Ее классический, восточнославянский вариант с двузубым сошником вплоть до XV в. был без грядиля, вместо которого к животному тянулись отходившие от поперечного бруска легкие оглобли. Бо́роны представляли собой тягловые грабли, иногда в виде привязанных к дышлу суковатых палок, в улучшенном варианте — решетку из деревянных планок с заклиненными в них зубьями. Молотильный двуколенный цеп состоял из кривых палок на подвижном соединении. Если использовали молотильную доску, то на нее становился человек, а животное волочило ее по рассыпанным на гумне снопам. Мололи зерно до появления водяных или ветряных мельниц вручную на приспособлении из двух жерновов: неподвижного нижнего и вращавшегося по нему верхнего.

Фонд сельскохозяйственных культур накапливался медленно; использовался и долго сохранялся опыт предшествующих столетий. Ведущую роль в полевом хозяйстве играли злаки. Древнейшим из них в Европе было просо. Его охотно сеяли земледельцы, не державшие много скота, поскольку оно почти не нуждается в удобрениях, а также обитатели сухих мест, ибо оно обходится малой влагой и дает хороший урожай на целине. Наоборот, ячмень, не боящийся холодного лета и приемлемый для жителей северных районов, требует удобрений. Поэтому его сеяли там, где земледелие сочеталось с развитым животноводством, или на суглинках, удобренных мергелем. Наряду с просом ячмень употреблялся и при изготовлении пивного солода. Лепешки и сухари из ячневой муки всегда брали в дорогу купцы, пилигримы и воины. Наиболее распространенной злаковой культурой была в раннее средневековье неприхотливая полба, но с XI в. она постепенно уступает место пшенице. Мягкая пшеница с античной поры сеялась в Средиземноморье и оттуда распространилась как озимая и яровая культура по всей Европе. Из «варварских» регионов пришла твердая пшеница, занимавшая только яровое поле и отлично произраставшая на залежи и целине.

Рожь в небольших количествах европейцы издревле сеяли на яри. В средние века она стала самостоятельной важной, в том числе озимой, культурой, с V в. в степях, с VIII в. в лесостепи, с X в. в лесах. Вместе с рожью завоевал Западную Европу распространившийся с востока овес. В качестве зерна для каши его сеяли на яровом поле; если же готовили на фураж, то пускали в севообороте после ржи как траву. Большее распространение овес приобрел с началом массового применения

лошадей в военном деле и сельском хозяйстве. Сравнительно редкой культурой была гречиха. Восточные славяне переняли ее от волжских булгар еще до IX в., а в XII в. она уже встречалась от Оки до Немана. В Западной Европе ее стали культивировать позже. Редким здесь злаком было сорго.

Урожайность злаковых оставалась низкой: в раннее средневековье от сам-полтора до сам-три. Постепенно она возрастала. Так, в Центральной Англии XIII в. в хорошо поставленных хозяйствах рожь поспевала в соотношении 7 к 1, ячмень — 8 к 1, горох — 6 к 1, пшеница — 5 к 1, овес — 4 к 1, в средних хозяйствах урожайность была ниже.

Плодоовощные культуры использовались в большем ассортименте, чем злаковые. Благодаря арабам, с VIII в. рис и сахарный тростник появляются в Испании, с IX в.— на Сицилии; благодаря византийцам, с X в. на Руси, знавшей ряд других культур, стали разводить огурцы и вишню. Оливка, в древности являвшаяся кустарником, благодаря грекам и итальянцам, превратилась в хорошо плодоносящее дерево и получила в новом виде широкое распространение в Юго-Западной Европе. В континентальной Европе повсюду выращивались яблоки, сливы, малина, известные еще римлянам. В районах со среднелетней температурой выше +17° распространился виноград. Из переспелых, слегка отжатых виноградных ягод делалось легкое вино, разбавляемое родниковой водой. В Северной Европе вино подчас заменялось пивом. Крепкие тосканское, рейнское, бургундское вина стали делать, когда научились использовать все стадии брожения — квасную, сахарную и винную. В прогрессе виноделия большую роль сыграли монастыри. Широко возделывался виноград во Франции, Италии и Испании; к VI в. виноградники дошли до Рейна, к X в.— до Одера, в XIII в. эта культура была известна даже на юге Англии. Во всех прилегавших к Византии районах сохранялись греческие традиции виноделия. На Южном Дону были известные хазарские виноградники. Их продукция в амфорах часто попадала на Русь.

В лесных районах самым распространенным овощем была репа, входившая в ежедневный рацион простонародья. Обычными были редька, капуста различных сортов и крупные бобы, на севере — брюква и мелкие бобы, всюду — лук и чеснок. Родина хрена — Восточная Европа. Средневековые люди культивировали также массу лесных и полевых растений, впоследствии вышедших из употребления. Позднее их рацион обогатился морковью, свеклой. Они употребляли застывшее варенье из ягод барбариса и отвара шиповника, загустевший настой корней лопуха и дыню сушили и резали на сладкие палочки. Плоды боярышника растирали в муку. Десятки видов растений пускали на салат и винегрет. Летом и осенью обязательно собирали орехи, ягоды и грибы. Исключительное значение придавалось пряностям как лекарствам против желудочно-кишечных заболеваний и как средству поднять вкусовые качества грубой, неприхотливой пищи. Черный перец, азиатская гвоздика и пр. привозились из восточных стран. Из местных пряностей пользовались как приправами корицей, лавром, имбирем, горчицей, анисом, чабрецом и укропом.

СКОТОВОДСТВО

Скотоводство как основное занятие преобладало у степняков-кочевников. Европейский кочевой регион знал лошадей, верблюдов, крупный рогатый скот и овец. Оседлые народы держали также свиней, коз, домашнюю птицу. Постоянным спутником и помощником сельского жителя, особенно скотовода и охотника, оставалась собака. В средние века были выведены разные их породы. У земледельцев обработка земли была невозможна без разведения скота. Если у кочевников количественно преобладали лошади (на Севере — олени), то у оседлых жителей — крупный

рогатый скот, на втором месте шли свиньи, на третьем — овцы, еще меньше (за исключением горных районов) было коз. Скотоводство, сочетавшееся с земледелием, было связано с освоением лесов и кустарниковых пустошей, где пасли скот, особенно свиней. У оседлых жителей развитое скотоводческое хозяйство требовало наличия хлевов, стойл, огороженных загонов, пастбищ, выгонов, водопоев, кормозаготовок.

В раннее средневековье домашний скот отличался небольшими размерами. Ко II тысячелетию наметилось стремление к созданию новых пород, расширению территорий их распространения и акклиматизации. Для улучшения полезных качеств свиней их скрещивали с дикими вепрями. В Англии вывели лестерскую породу овец с высококачественной и быстро отраставшей шерстью. В континентальной Европе распространились южная, муфлонная порода, давшая начало длиннохвостым овцам, от которых произошли арабо-испанские мериносы, и северная, торфяниковая, давшая начало скандинавской вересковой и германской короткохвостой овцам. Из Азии пришла вместе с кочевниками курдючная овца. Длиннохвостые (меринос, лестер, позднее линкольн) поставляли сырье для изготовления шерстяных тканей; шерсть короткохвостых использовалась для производства смушек, овчин и тулупов. Из овечьего молока всюду делали брынзу, из козьего — сыр. Козы распространились в Поволжье и в Южной Европе (Пиренеи, Апеннины, Балканы), широко использовался козий пух. Холощеные быки (волы) шли на откорм, применялись как тягловое и транспортное средство. Быки-производители пускались также на убой. Молочные продукты являлись одной из главных составных частей пищевого рациона, а кобылий и верблюжий кумыс использовались также как лекарство. У жителей долин был популярен творог — непременная часть обрядовых языческих, затем христианских трапез.

Попавшая в Европу из азиатских степей еще в бронзовом веке лошадь дала здесь начало новым породам: норийской (горы и леса от Руси до Шотландии), восточной (юг континента). В ходе миграций из Азии в Европе распространилась монгольская порода. Первую раньше стали использовать в тягловых и транспортных целях, вторую и третью — как верховое животное наряду с выводимыми путем скрещивания мулами и лошаками. Интенсивное использование лошадей для верховой езды связано в Европе с великим переселением народов. И тогда же здесь постепенно вошли в массовое употребление седла, стремена и подковы. Стремена были заимствованы от азиатских кочевников сначала в Восточной, затем в Западной Европе. С X в. входит в обиход жесткое седло с высокой передней лукою, арочными вырезами и прочными опорными стременами. Эта конструкция была предназначена для тяжеловооруженного рыцаря. С IX в. для упряжных лошадей употребляли хомут и сбрую. Возникновение новой системы упряжи благотворно сказалось на развитии тяги в транспорте, строительстве, сельском хозяйстве. Расширился также круг ремесел, связанных с коневодством.

РЫБОЛОВСТВО, ОХОТА, ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Рыбу добывали всюду, где имелись водоемы, а при мельничных запрудах устраивали рыбные садки. Морское рыболовство до XIII в. носило преимущественно прибрежный характер, и только позднее за рыбой и морским зверем начали уходить в открытое море. Лишь баски с VII в. плавали с этой целью в океан. К XV в. приморские рыбаки уже освоили субарктические просторы. Рыбная ловля была существенным подспорьем в питании средневекового человека. Она оставалась одним из самых традиционных добывающих промыслов, в течение средних веков это занятие и связанные с ним орудия не претерпели особых изменений. Раздвинул-

ся лишь ареал распространения рыболовства, что содействовало заселению морских побережий.

Лесные промыслы использовались для заготовки дров, получения разного рода сырья, меда, смолокурения, изготовления дегтя. Монастыри держали пасеки, а крестьяне заводили борти в лесу. Существовали селения, все жители которых специализировались на производстве меда и воска, являвшихся ходким товаром. В восточноевропейском экспорте воск занимал второе место сразу за пушниной, а медовые напитки бытовали повсюду.

Охота тоже служила существенным подспорьем в хозяйстве. До нас дошли разнообразные охотничьи орудия тех веков: самострелы, различные луки и стрелы, ловушки и капканы. Позднее к ним добавилось огнестрельное оружие. В лесных зонах охота долго преобладала над скотоводством. Крестьяне восполняли таким путем нехватку мясных продуктов и кожи. Феодалы считали охоту вторым после войны наиболее достойным занятием для знатного человека, а также использовали ее для военных тренировок. Наконец, те и другие стремились добыть пушнину. В результате экологическое равновесие заметно нарушилось. В начале средних веков Западная Европа и Балканы изобиловали всевозможными зверями и птицами, к исходу XV в. число их заметно уменьшилось. Лишь в Восточной Европе несколько дольше сохранялась первоначальная фауна. Имелись группы населения, у которых рыболовство и охота долго оставались ведущими занятиями. В одних случаях это было связано с особенностями природной среды, как у обитателей Скандинавии, Балеарских, Оркнейских и Шетландских островов, побережий Балтийского, Северного, Белого морей или у жителей лесов Северо-Восточной Европы; в других обусловливалось сравнительно поздним переходом к земледелию либо скотоводству как основному способу пропитания. Хотя в целом труд охотников и рыболовов был направлен на удовлетворение собственных потребностей, он способствовал и развитию рыночных связей, в частности торговле пушниной.

ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ

После падения античного мира имели место огрубление орудий труда и упрощение изделий, связанные с общей варваризацией европейского общества, частичный разрыв с античной культурой (исключением была Византия). Перенимая опыт у греков и римлян, варвары обычно видоизменяли орудия труда применительно к своим потребностям. При этом в каждой отрасли производства техника и приемы труда развивались сугубо эмпирическим путем и очень медленно. И все же до конца I тысячелетия экономический прогресс привел к росту избыточного продукта, что давало возможность крестьянам не только платить оброки, но и осуществлять расширенное воспроизводство. Деревенские ремесленники, трудившиеся в условиях натурального хозяйства, изготовляли сначала штучные изделия на заказ. В ремесле легче, чем в сельском хозяйстве, менять привычные трудовые навыки и совершенствовать орудия труда. Лишь после появления городов как центров ремесла и торговли темпы развития деревни возросли.

В VI—VII вв. степень упадка хозяйства на разных территориях была различной. В отдельных местах античная культура сохранялась почти нетронутой, другие же регионы оказались в состоянии экономической деградации. Успехи, достигнутые в одном месте, доходили до иных районов с запозданием либо не доходили вообще. Поэтому технические новшества десятки раз появлялись и опять исчезали, не став общим достоянием. К тому же достаточно было «простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-

нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала»[3]. Больше элементов античной культуры уцелело в I тысячелетии в Византии и Италии, меньше — в прочих прежних римских провинциях; еще меньше — в варварских областях. Вне Средиземноморья в районах, познавших вторжения варваров, сначала наблюдался упадок техники. На смену разнообразным формам античной гончарной керамики пришел очаговый или печной толстостенный лепной горшок. Вместо прежних крупных металлургических и металлообрабатывающих центров в Южной, Центральной и Западной Европе теперь встречались лишь одиночные кузнечные горны. В районах, через которые неоднократно проходили кочевники, заметны культурные напластования от разных столетий, а между ними — разрывы. Напротив, там, где оседлость не нарушалась резкими нашествиями извне, прогресс был более плавным. Воспринимая достижения завоеванных народов, варвары тоже привнесли в материальную культуру ряд новых элементов, включая формы погребений, одежды, ювелирных украшений, гончарного дела.

Важнейшую роль играли добыча и обработка металлов. По всей Европе, особенно в лесной зоне, залегает на глубине до 3 м много легкодоступных, хотя и бедных, озерных, болотных и луговых железных руд. Кроме того, имелись крупные месторождения богатых руд (Средняя Швеция, Центральная Англия, Лотарингия, Северная Испания и пр.). Если эти руды не выходили на поверхность, то закладывались поисковые шурфы. В озерах с плотов просматривали и царапали дно, в болотах снимали дерн над рудным гнездом. Максимальная глубина шахт XV в. достигала 500 м. В местах с разбросанными рудными гнездами возникали шахтные поля, изрытые ямами. При добыче руды применяли также грубые молоты, кирки, зубила, буравы, для водоотлива — поршневые насосы, твердую руду разъедали кислотными составами, крупные куски доставляли наверх малыми кранами, шахтные каналы уплотняли трамбовками. Горные промыслы велись обычно паевыми товариществами, созданными рудокопами и послужившими позднее базой образования ранних капиталистических мануфактур.

Сначала руду использовали для плавки в естественном виде. Постепенно усовершенствовался процесс обогащения руды для получения металлического концентрата. После V в. почти утратилось римское умение использовать муфель — огнеупорную коробку для плавки. Обычно пользовались горном — переносной печью, в которую закладывали руду вперемежку с древесным углем (в лесу) или с костями диких животных (в степи), разводили пламя и нагнетали мехами сырой воздух. Так осуществлялся сыродутный процесс. Потом ломали горн (всякий раз его строили заново) и находили на дне поверх камней железную крицу. Даже в самой богатой руде шлак составлял не менее трети ее массы. Первые попытки применить при плавке каменный уголь фиксируются источниками с IX в. для Англии, с X — для Германии, с XI — для Франции, а широко применять его стали только с XIII века. Его добычу тоже вели шахтным способом.

С XII в. строят домницы — укрупненные бочкообразные горны трехметровой высоты из глиняных кирпичей. Воздух в них вдувался мехами с помощью водяного насоса. При этом температура в верхней части сооружения понижалась, в нижней — повышалась, благодаря чему шло восстановление металла еще до образования шлака; потери железа уменьшились, и оно лучше насыщалось углеродом, превращаясь в сталь. Остававшиеся ранее от сверхнасыщенного железа грязно-серые «чушки» не выбрасывали, а переплавляли крицу при более высокой температуре

[3] Там же. Т. 3. С. 54.

в отдельном горне, получая сварное, улучшенное железо. Так сложилась основа современной двуступенчатой черной металлургии — доменный процесс с кричным переделом. Уже с XIV в. повсюду в Европе стали изготовлять предметы из чугуна. Одновременно возникли огромные плющильные молоты для ковки. Следующий важный шаг состоял в превращении домницы в домну — печь пятиметровой высоты, позволявшую получать ежесуточно до 1,5 т чугуна. Первая домна появилась в Лотарингии. Всего с VI до XV в. европейцы выплавили примерно 120 млн т железа, чугуна и стали. В XV в. в Англии построили прокатный стан. Развивалось и литейное дело. Первоначально разливали горячий металл глиняными ковшами в каменные формы для мелких вещиц, а для обработки крупных кусков его лили ковшами в земляные формы и давали застыть. Тонким искусством являлось литье по восковой модели.

В процессе металлообработки средневековое железо как исходный материал было представлено чугуном, сталью и собственно железом. Прочную сталь вырабатывали отдельными кусками: обломки железа клали с древесным углем и костями в герметичный глиняный сосуд и прогревали до 1000°, потом закаливали охлаждением и отпускали кипячением. У арабов переняли технологию производства дамасской стали: отковывая брусок из сплетенных в жгут и сваренных стальных полосок, накладывали узорчатые пластины на железную сердцевину и наваривали стальное лезвие. Еще до XII в. применяли кузнечную сварку, горновую пайку, горячую ковку, термическую обработку, покрытие медью, художественную ковку, инкрустацию. К XV в. мастера умели делать вытяжку, осадку, высадку, изгибание, закрутку, рубку и прошивку металла; штамповку осуществляли горячую и холодную, в деревянных, каменных и металлических штампах. Возникли крупные металлообрабатывающие центры в Западной Германии, Англии, Испании. Их продукция расходилась далеко за пределы этих стран. Там работали десятки домен и кузнечных станов, производилось не менее 50 видов типовых изделий, использовался металлический инвентарь не менее 150 различных наименований.

Цветные металлы шли на изготовление монет, украшений, колоколов, деталей оружия. Ископаемое серебро в Восточной Европе отсутствует. Основные месторождения находились на Западе, а «серебряной кладовой» Европы считалась преимущественно Германия. Добыча серебра была чрезвычайно трудоемкой. Обычно полиметаллическую руду плавили на кострах. Свинец и олово оседали в золе, оставалось чистое серебро. Одна лишь чешская Кутна Гора давала ежегодно 4 т серебра. Совершенными плавильщиками цветных металлов считали мастеров из шведской Далекарлии, и таких умельцев любой народности именовали ходячим прозвищем Далекарл, равно как хороших горняков — Саксонец. Золотые жилы выламывали в кварце, зерна выбивали из гранита, пылинки выскребали из песка, золотой песок мыли на реках. Восточная Европа местного золота в требуемых масштабах не имела и использовала привозное. К XV в. в Западной Европе ежегодно добывали до 170 кг золота, а «золотой кладовой» континента считалась Чехия. Медь в Восточной Европе имелась в низовьях Сев. Донца. С конца XV в. ее добывали и на р. Цильма (приток Печоры), а ранее привозили издалека. В Западной Европе медь встречалась, помимо отдельных богатых месторождений, вместе с серебром, свинцом, цинком, сурьмой, особенно в шведском Фалуне и тюрингском Мансфельде. В середине I тысячелетия медь стоила дорого и использовалась в крупных размерах лишь для литья колоколов. Подлинное возрождение испытало медное дело в XIV в., когда начали производить массовые серии медных вещей благодаря успехам металлургии при получении сплавов меди с оловом (бронза, издавна самый употребительный сплав), цинком (латунь) и др. Свинец добывали возле английского селения Уэрксуэрт, олово — в Бретани и Корнуэлле, сурьму

вместе с серой — на Сицилии, ртуть — в испанской Альмадене и балканской Крайне.

Из прочих особенно важных для той поры ископаемых гипс добывался в Волжской Булгарии и Восточной Прибалтике, мрамор — в Италии, Англии и на Балканах, туф — на западе Германии. Большое распространение имели соляные промыслы. Жители атлантического побережья выпаривали соль из морской воды. Каменную соль в Средней Англии и на Карпатах стали добывать только во II тысячелетии, а в I европейцы чаще использовали соляные источники, откачивая из них раствор и затем выпаривая соль. На соль меняли любой товар, и она долго играла роль своеобразной валюты. Большое значение для сельского хозяйства имела добыча глинистого известняка — мергеля (древнерусский рухляк), который шел на удобрение почвы. Повсеместно велись разработки разнообразных пород строительного камня.

Монеты средневековой Европы были первоначально золотыми и серебряными, обычно круглой формы и определенного веса. В I тысячелетии еще имели хождение древнеримские денарии и др., потом — восточные дирхемы (включая иранские драхмы), византийские миллиарисии и номисмы. Чеканка новой средневековой монеты западными европейцами началась в VI в. Общеевропейское значение имели денарии Пипина Короткого и Карла Великого. В IX в. появляются монетные дворы (Бонн, Страсбург). В X в. возникает самостоятельная чеканка монеты на Руси (златник, сребреник). Монеты фиксировались нечеткими штемпелями, имели расплывчатые надписи и волнистые края, качество их обработки оставалось низким. С XIV в. русские великие княжества, а с XV в. и удельные чеканят серебряную денгу, Московское княжество — также городскую медную монету. Западноевропейские мастера производили до XII в. преимущественно денарии, потом до XV в.— брактеаты, гроши, фартинги, пфенниги, дукаты, розенобли и флорины. Технически более совершенны чешские grossi (отсюда — грош) XIV в. из серебра, английские и ирландские фартинги XIII в. из золота и серебра, но они потребовали серьезных нововведений в монетном деле. Стабилизация техники западных монетных дворов произошла в 1464—1475 гг. Когда благородных металлов не хватало, феодальные владыки пускались на порчу монеты, подмешивая к золоту и серебру более дешевые металлы.

Трудно описать все богатство видов средневековых украшений. Выделялись выемчатая, перегородчатая, просвечивающая и живописная эмаль, переплетенная и припаянная к предмету золотая и серебряная нитевидная проволока — филигрань (русск. скань), черненое серебро, позолота. Регулярная шлифовка драгоценных камней на станке, особенно алмазов, с учетом их оптических свойств началась с 1456 г. в Брюгге, хотя шлифовальные приспособления известны с IX в. Важной отраслью средневекового искусства было изготовление женских украшений: поясных наборов, бус, серег, брошей, браслетов, перстней, подвесок, застежек, булавок, диадем, игольников и кошельков. Сильнейшее влияние на ювелирное дело всей Европы оказали дорогие и утонченные византийские изделия.

Прогресс орудий труда стимулировал производство новых видов оружия. Византия сохраняла традиции древнеримского оружейного дела. В остальных регионах Европы общераспространенным оружием в начале средневековья являлся лук со стрелами. До VIII в. использовался простой дугообразный лук, потом — сложный с костяными срединными накладками, усиленный по спинке сухожилиями. Появились метательные приспособления дальнего действия для мощных стрел с тяжелыми стальными наконечниками (арбалеты). Стрелы имели массу разновидностей. Пехотные дротики-сулицы постепенно превращались в копья, заимствованные потом конными воинами. С XII в. острие копий — коническое и

Император Юстиниан со свитой. Мозаика 532—547 гг. Сен-Витале. Равенна. Италия

Тайная Вечеря. Византийская миниатюра. Евангелие IX—X вв. Ленинград

Страница из Зографского Евангелия. Русь. XI в.

Мадарский всадник. Скальный рельеф. Дунайская Болгария. VIII–IX вв.

Строительство Вавилонской башни. Мозаика. Кафедральный собор Монреаля. Италия. XII—XIII в.

Джотто. Возвращение Иоахима к пастухам Фреска капеллы дель Арена в Падуе. Италия. Около 1305 г.

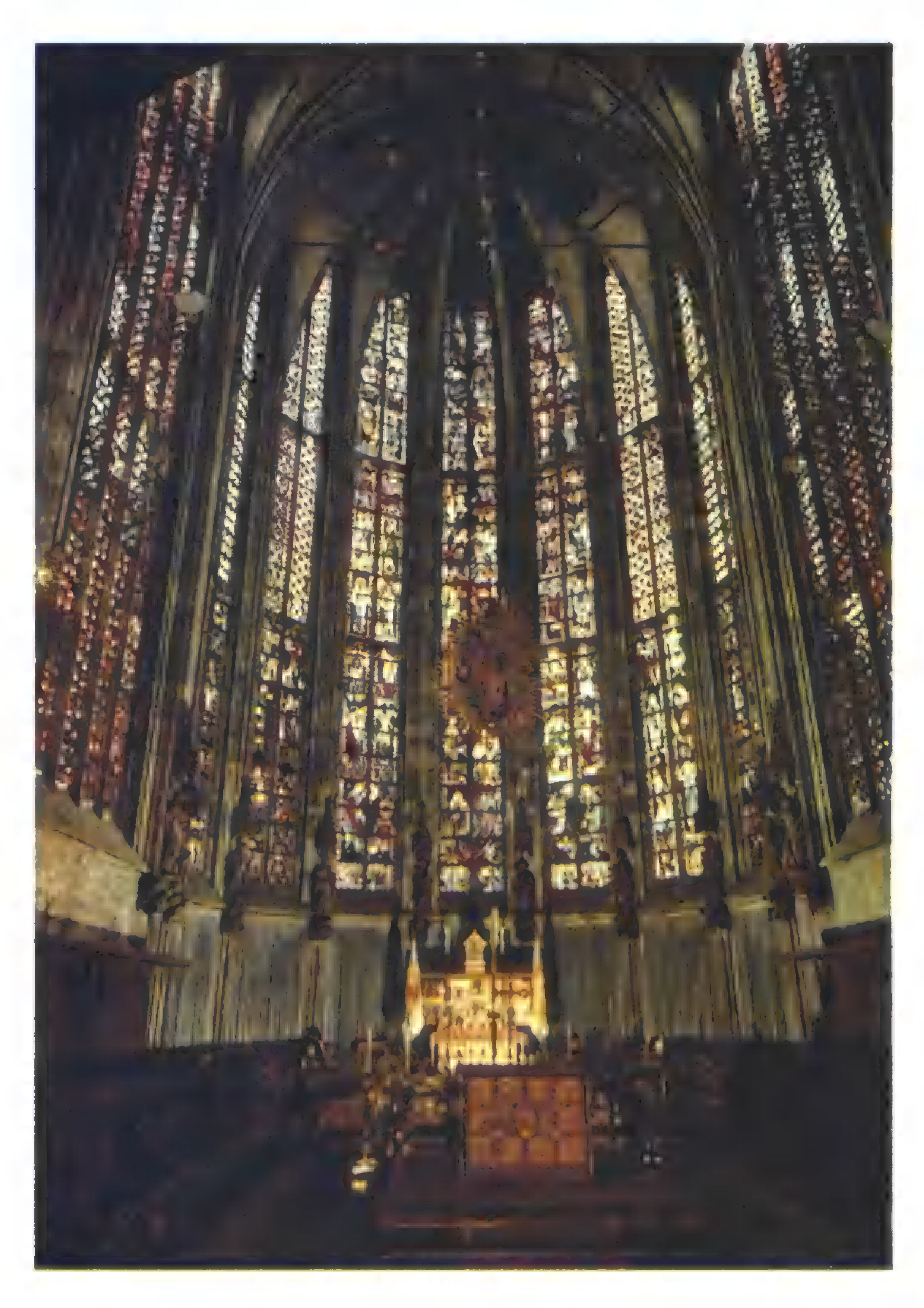

Рыцарь и часть замка на холме. Деталь фрески из Палаццо Публико. Сиена. Италия. 1328 г.

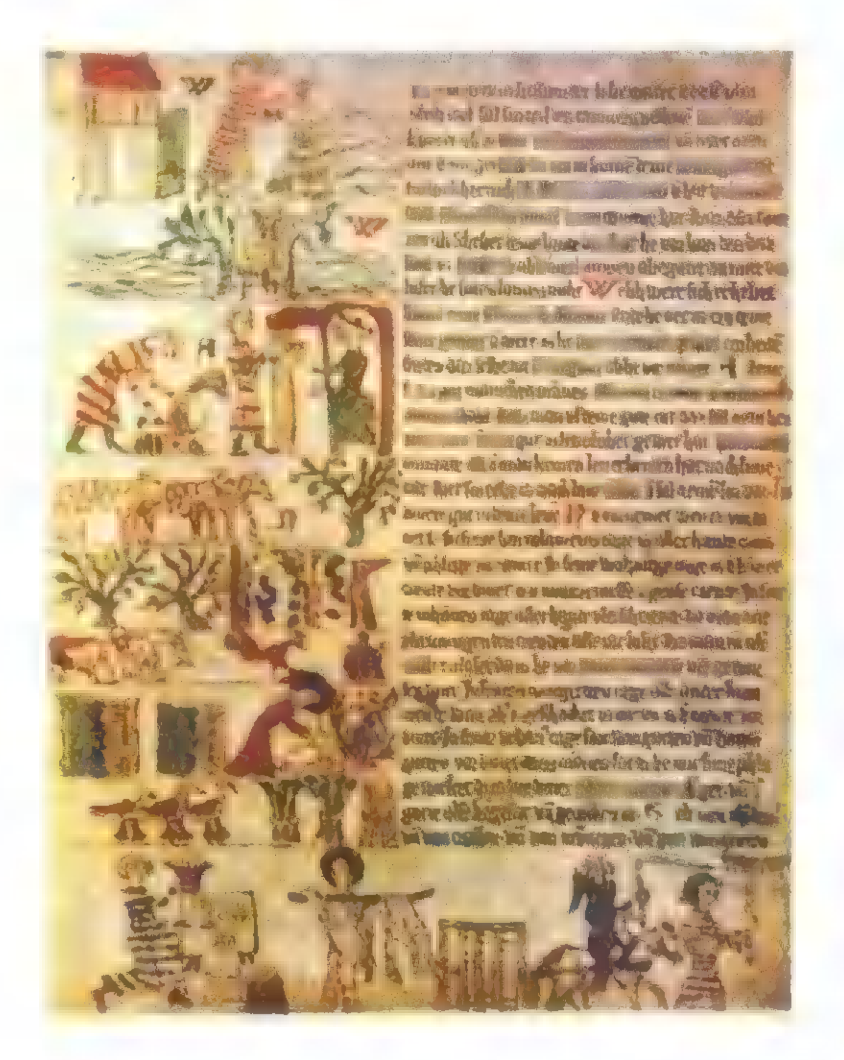
Дворец Альгамбра. Общий вид. Гранада. Испания. XIV в.

Мечеть в Кордове. Испания. VIII в.

Львиный дворик во дворце Альгамбра. Гранада. Испания. XIV в.

Кафедральный собор в Аахене. Внутренний вид. IX в.

Саксонсонское зерцало. Миниатюра из рукописи. Германия. Начало XIV в.

Страница из рукописной книги. Петр Коместор. «Схоластическая история». (На латинском языке). Франция. 1270–1285 гг. Ленинград

Встреча Марии и Елизаветы. Витраж. Неизвестный художник. Франция. XIII–XIV в.

Ронсевальская битва.
***Миниатюра** из рукописной книги*
Симона Мармиона
«Большие французские хроники».
1420–1489. Ленинград

Февраль, июль. Миниатюры братьев Лимбург из Часослова герцога Беррийского. Франция. Начало XV в.

Вид на Лондонский Тауэр. Миниатюра из книги «Поэмы Карла Орлеанского». XV в.

Путешествие Марко Поло. Эпизод. Французская миниатюра XIV Париж

Образцы средневековых гербов. Шотландия. XIV в.

Вид Венеции в момент отправления Марко Поло в Китай. Миниатюра из рукописи Библиотеки Бодлейна. Оксфорд. Англи

ommence li livres du grant Caam qui parole de la grant Ermenie et perse

Ротонда
Св. Мартина.
Вышеград.
Прага.
Конец XI в.

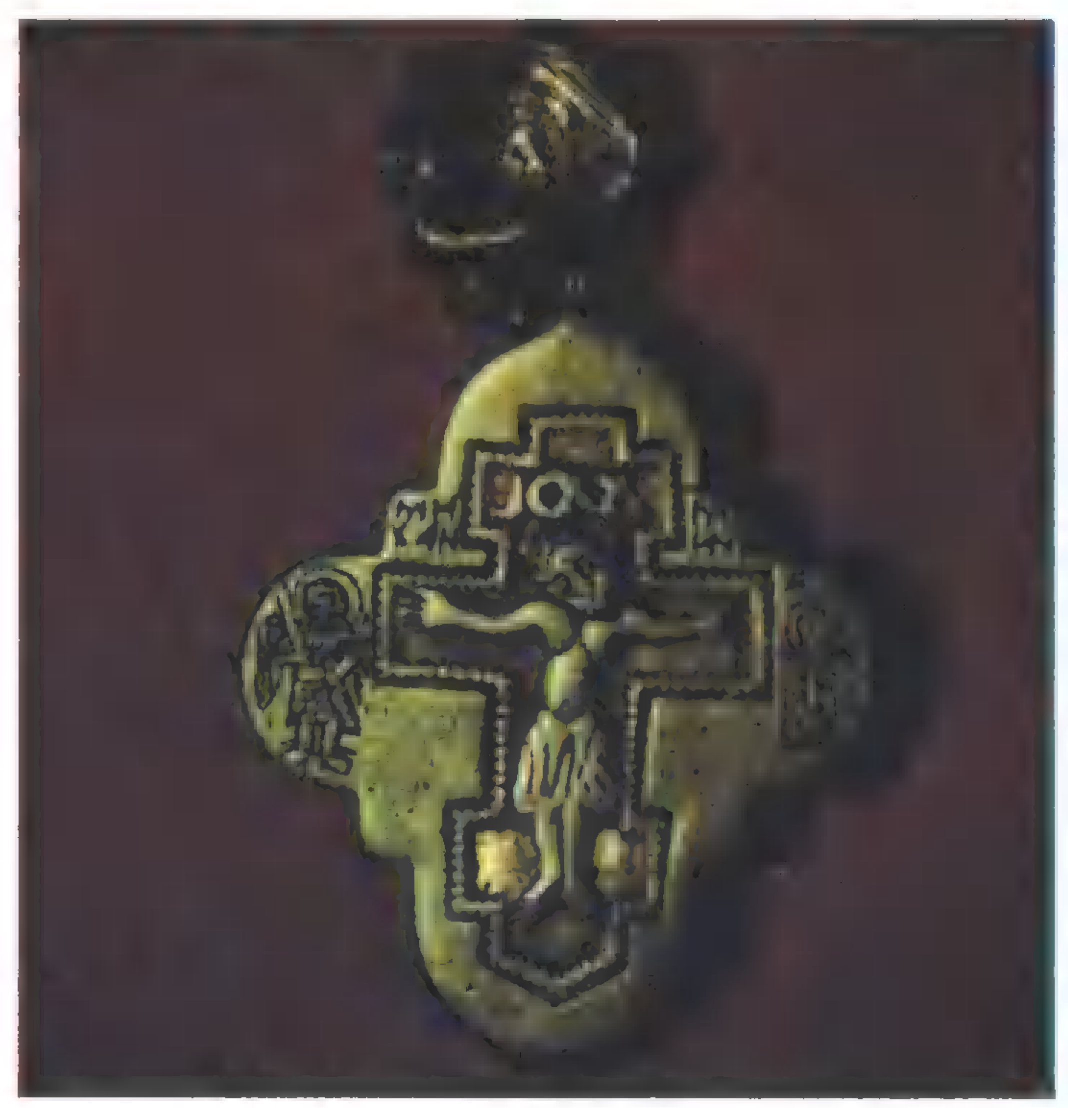

Молитвенник Яна из Стршеды. «Благовещение». Образец чешской миниатюры. Около 1360 г.

Святой Пантелеймон. Византийский мастер XI в. Москва

Страница из Мстиславова Евангелия. Русь. XII в.

Битва дружины Александра Невского со шведами на Неве в 1240 г. Миниатюра. Лицевой летописный свод. Лаптевский том. XVI в.

Крест-мощевик Сергия Радонежского. Русь. XIV в.

Феофан Грек.
Преображение.
Русь. XIV в.
Москва

Андрей Рублев.
Троица.
Русь.
20-е годы XV в.
Москва

граненое, наконечник с XIII в.— бронебойный, способный поражать рыцарские латы. Облегченным образцом копья была пика. Простонародье пользовалось охотничьими рогатинами. На Руси с XII в. рогатина была обычным оружием ополченцев. Народное ударное оружие, популярное у степняков,— кистень в виде гири на ремешке с кистевой петлей; у оседлых — булава в виде рукояти с тяжелой головкой. В VII в. в европейских степях была изобретена изогнутая сабля. В рукопашной пускали в ход кинжалы. Широко использовалось тяжелое оружие — боевые топоры. Сочетание топора с копьем породило в XIV в. алебарду, имевшую также крючок для стаскивания всадника с коня. Мечи были вначале унаследованы от римлян (длинная спата или более дорогой укороченный гладиус). Средневековые мечи приобрели целевую специфику. Кончар имел прямой длинный граненый клинок, которым удобнее пронзать кольчугу. Большой пехотный двуручный меч служил в поединках. Меч каролингского типа, без острия, широкий и с продольным желобком посередине, долго оставался в употреблении у всех европейцев от Атлантики до Днепра. Рыцарские мечи XII—XV вв., выкованные из трехпластинного пакета, не гнулись и не ломались.

Тело воина прикрывали в VI—VIII вв. обитые кожей и подбитые тканью панцири: деревянные — у бедняков, кожаные с металлическими пластинами — у состоятельных людей. Ко II тысячелетию появляется кольчуга — сплетенные в рубашку с короткими рукавами колечки, а успехи металлообработки позволили обеспечить сражавшихся цельноклепаной броней из вплотную прилегающих друг к другу железных листов со стальной поверхностью. Распространение огнестрельного оружия заставило в XIV в. прибегнуть к чешуйчатым латам, в которых пластины лежали внахлест, удваивая заслон. В качестве головного убора применялся шлем — металлический колпак с острым верхом, налобным козырьком, наносником, назатыльником и наушниками. На Руси полнодетальный шлем встречается с XII в. В некоторых случаях на лицо опускалось подвижно соединенное с шлемом забрало, имевшее прорези. Перед собой воин держал щит, нередко с выпуклым многослойным умбоном в центре. С VIII в. в континентальной Европе входит в употребление щит с кольцом для надламывания вражеского клинка. Скандинавы предпочитали длинный щит, широким концом доходивший до головы, а нижним острым втыкавшийся в землю. На Руси первенствовал круглый щит.

Осадные орудия были настильного действия (баллисты, метавшие стрелы и камни) и навесного (катапульты) для бросания крупных тяжестей. К вражеским крепостям подвозились на колесах осадные башни с лестницами и мостиками. Успехи химии позволили уже в раннее средневековье применять зажигательные смеси, самой известной из которых был изобретенный в Византии «греческий огонь». В его состав входили сера, льняное масло, каменная соль, смола, нефть, негашеная известь, толченый спекшийся песок, деготь и селитра. Византийцы еще в VII в. соорудили для выплескивания страшной жидкости катапульту с тремя настильными фонтанировавшими трубами. Затем они стали начинять этой смесью хейросифоны — гранаты, из которых разлетались кусочки пасты, смоченные воспламеняющейся жидкостью. На Западе идентичную гранату австрийцы создали только в 1435 г. С XIII в. применялись зажигательные ракеты.

Новую эру в военном деле ознаменовало изобретение огнестрельного оружия. Дамасские арабы еще в 692 г. применили порох, осаждая отколовшуюся от Халифата Мекку. Европейцы испытали на себе пугающее действие этого взрывчатого вещества впервые в 1118 г., когда они обороняли от мавров Сарагосу. Широкое применение пороха стало возможным после опытов немецкого алхимика Бертольда Шварца, создавшего из селитры, серы и древесного угля дымную черную смесь. Сначала порох ис-

пользовали для стрельбы из кульверт (на Руси — арматы, или битяки) — металлических труб, лежавших на деревянных подставках и извергавших каменные ядра (с XIV в.— железные, с XV в.— чугунные). Заряд воспламенялся от обмазанной селитрою горящей паклевой ленты, подносимой щипцами пальника. К XV в. вместо ручного пальника приспособили фитильный замок, в котором спуск приводил в движение рычаг с тлеющим фитилем. Первое массовое использование пушек отмечено источниками в 1308 г., когда Фердинанд IV Кастильский осаждал арабский Гибралтар. Интенсивно применялись пушки во время Столетней войны (1337—1453). В конце XV в. Карл VIII Французский, готовя войско к итальянскому походу, впервые водрузил пушки на постоянные лафеты, резко увеличив их подвижность. Одновременно пушку приспосабливали для осады и обороны крепостей, преобразуя ее в бомбарду, которая лежала на деревянном срубе, упиравшемся в сваи. Порох использовали также в фугасах для подрыва стен.

Ружье впервые Европа увидела у арабов в XII в.: эта модфа стреляла ядрышками, заряд воспламенялся раскаленным прутом. Европейцы стали применять ружья в первой половине XIV в. Сначала это была кулеврина, которая стреляла каменными, потом свинцовыми пулями, заряжалась с дула, заряд воспламенялся фитилем, воин носил пороховой запас на поясе. Вариантом была аркебуза с коротким стволом, которую в XIV в. обслуживали еще два человека, а в войне Алой и Белой розы (в Англии) она стала использоваться как индивидуальное оружие. Оснащение армии личным стрелковым оружием и артиллерией на лафетах обусловило в дальнейшем переход к линейной тактике военных действий. Эпоха рыцарства уходила в прошлое.

Значительный прогресс наблюдался в строительстве. Применявшиеся тогда стройматериалы — камыш, солома, дерево, камень разного рода (песок, гравий, щебень, булыжник, бутовые обломки), горные породы (базальт, туф, известняк, песчаник, гранит, мрамор), глина, металлические трубы, балки, стержни, проволока, скобы, болты, гвозди, гайки. Использовались также облицовочные материалы, стекло, обои, краски, керамика. Самыми распространенными, особенно в степях, были глинобитные здания из трамбованных слоев глины и земли с растворной прослойкой между ними. В лесной местности преобладали деревянные строения.

В городах при сооружении крупных зданий первоначально исходили из античных традиций там, где они сохранились (Испания, Южная Галлия, Италия, особенно Византия). Здесь по-прежнему возводили многоэтажные каменные дома, применяли римские правила строительства с кирпичной кладкой. Попытки восстановления этих традиций на Западе наблюдались при строительстве церквей в Галлии с VI в., в Англии — с VII в., при сооружении немецких королевских пфальцев в Аахене, Нимвегене и Ингельхайме — с VIII в. Впервые в средние века полное применение этих римских правил было заново осуществлено в Западной Европе при возведении в XI в. Трирского собора. С XII в. в Германии повсюду стали строить из обожженного короткого толстого кирпича. До того европейцы пускали в ход плоскую и широкую плинфу римского и византийского образца. Ремесло мраморщиков сохранилось в VI в. только в Византии и Аквитании; лишь с XII в. англичане стали широко использовать пербекский мрамор. В раннее средневековье каменные блоки укладывались насухо, без раствора. Во II тысячелетии применение раствора при строительстве стало повсеместным. Из других средневековых нововведений назовем облицовочный кафель (Португалия), печные изразцы (Германия и Русь XIII в.), обычную черепицу (Англия XIII в.) и полуциркульную с крепежным зубом (XIV в.), цемент (XIV в.), армированный берестою деготь для обмазки кровель.

Быстрый подъем строительного дела всякий раз был связан с социальными сдвигами: утверждение класса феодалов как господствующего породило массовое возведение замков, а отделение ремесла от земледелия — постройку городских укреплений, домов, ратуш, соборов. В областях с сильной центральной властью при сооружении общественных зданий действовала подрядная система: сеньоры сговаривались из года в год с корпорациями строителей либо приглашали бродячие артели. Такие артели появились впервые в VII в. в Ломбардии. Вскоре в Западной Европе слова «ломбардец» и «каменщик» стали синонимами. В немецких городах с XIII в. появляются строительные мастерские, хранившие свои цеховые секреты. Однако потребность возводить здания разного назначения и учитывать вкусы заказчика была плохо совместима с цеховой регламентацией. Городские артели часто организовывал светский господин. Так, в Киеве, Новгороде, Полоцке, Чернигове и Переяславле-Русском с XI в. соборы возводились княжескими артелями. До монголо-татарского нашествия этими артелями было сооружено на Руси свыше 150 каменных зданий, а всего они участвовали тогда в сооружении 264 церквей, 143 монастырей и не менее 100 городов. В XIV в. на Руси возникают уже сугубо городские артели из мастеров различных профессий во главе с архитектором. Устойчивыми трудовыми приемами владели члены монастырских строительных артелей. Западноевропейские источники упоминают в их числе архитекторов, формовщиков и обжигальщиков кирпичей и извести, изготовителей раствора, каменотесов, штукатуров, землекопов, деревообработчиков, стекольщиков, прислугу подъемных механизмов, художников, ваятелей, кузнецов, токарей и грузчиков. В таких артелях изобрели в XII в. колесную тачку и раму-волокушу. Первый в Западной Европе инженерный учебник строительного дела написал в 1472 г. итальянец Р. Вальтурий. Успехи строительного дела способствовали развитию архитектуры в тех регионах Европы, где каменное зодчество в раннее средневековье было редкостью (вне Византии и Италии), и появлению новых архитектурных стилей, сначала в храмовых, а затем и в гражданских сооружениях (см. часть IV).

С X в. активизировалось строительство замков. Большинство их сначала были деревянными, а возводились они обычно на мысе у слияния рек или на их холмистых берегах; от окрестностей они отделялись рвом с водою и валом со стеной. В ранних, обычно треугольных, замках башни были только надвратные. Позднее замок часто принимал овальную форму, а деревянные башни ставились по всему периметру стен. С XI в. появляются целиком каменные замки. Сначала они складывались из неотесанных камней, скрепленных раствором, позднее — посредством особой кладки. При Меровингах возникают франкские бурги — укрепленные пункты. Стоявшая в центре башня для сеньора предвосхитила собой будущий донжон — центр феодального замка. Настоящие донжоны, уже не оборонительные сооружения, а центры рыцарского быта, появляются в XI в. Теперь внутри замка помещались также хозяйственные помещения с погребами и подвалами, водопровод с цистернами для сбора воды, крытые переходы. Подступы максимально затруднялись, единственный вход блокировался подъемным мостом. Стены стали более высокими и толстыми, двурядными и даже трехрядными. На выступающих частях стен возводятся многоугольные бастионы. На Руси изолированные феодальные крепости были редкостью. Вместо них часто использовались укрепленные монастыри, а в центре городов — кремли (детинцы), вмещавшие княжеский дворец, собор, боярские дворы и присутственные места. Московский Кремль, защищенный с XII в. деревянными стенами и земляным валом, становится с 1367 г. белокаменным, а в конце XV в.— кирпичным, с 20 башнями.

Феодальные усобицы и норманнские набеги вызвали в городах Западной Европы XI—XIV вв. бурный рост менее крупных укреплений — бастид. Жилое строительство в городах во многом определялось природными условиями каждого региона. В степях широко применяли глину, в лесных и лесостепных зонах Северной, Средней и Восточной Европы дома строились обычно из дерева. Там, где в изобилии был камень, дома повсеместно были каменными. На Руси долгое время большинство городских строений «рубилось» из бревен. Но уже в X в. в городах возводились и каменные строения (например, дворцы княгини Ольги в Киеве). В Западной и Центральной Европе XII—XV вв. излюбленный вид жилой постройки — фахверк: каркасно-столбовая конструкция с каменным заполнением промежутков; в XIII в. распространяется, начиная с Лондона, известковая штукатурка, которой часто покрывались хижины, строившиеся из соломы, камыша или деревянных плетней. В Южной Европе, особенно в Византии и Италии с их давними традициями каменного зодчества, и там, где в изобилии имелся строительный камень, дома в городах возводились из камня или на каменном фундаменте поверх деревянных подложек в котловине. Уже в раннее средневековье сооружались сложные по конструкции дворцы государей и других крупных феодалов, позднее — здания богатых горожан. Знаменит дворец владимирского князя Андрея в Боголюбове (вторая половина XII в.) с его шиферными резными плитами, узорными наличниками дверей, полами из полированных медных пластин и стенами из мощных квадров с внутренней забутовкой. С XIII в. в Западной и Центральной Еропе возводится много каменных строений общественного назначения: торговые ряды, помещения цеховых или гильдейских управлений, ратуши. Из-за недостатка места стали строить дома с выступающими верхними этажами (раньше всего в Австрии), превращавшие узкие улицы в подобие галерей между зданиями.

Водоснабжение осуществлялось с помощью системы колодцев и влагосборных чанон, в крупных городах — подземным и навесным (в акведуках) водопроводом. Акведук, получавший влагу из искусственного резервуара, существовал с 857 г. в Ле-Мане; общегородской водопровод — с X в. в Мадриде; водопровод с параллельными канализационными трубами между реками Сена и Мельдансон — в Труа XII в.; с подачей горячей воды в бани и холодной в фонтаны — в поволжских Булгаре, Биляре и Суваре XIII в. Кое-где восстанавливались античные акведуки. В некоторых городах появилась с XV в. канализация. Регулярное водоснабжение позволило наладить банное дело. Бани древнеримского типа сохранялись в Византии, порою становились многокамерными (Киев, XI в.). В Париже XIII в. действовали 32 бани (по числу городских кварталов); в английском Медхэмстеде с IX в. к баням подводилась вода из теплых целебных источников.

Сельские жилища сильно зависели от окружающей среды. Испанские и италийские крестьяне предпочитали так называемый средиземноморский двухэтажный, часто каменный дом; в одной его части находились кухня внизу и жилая комната наверху, в другой — хлев внизу, чердак с сеном и припасами наверху. В горных областях преобладал «альпийский дом», в котором жилая часть располагалась по фасаду, хозяйственная — с тыла. В средней полосе Франции дома складывались из блоков местного материала прямо на земле. В Нидерландах и Англии использовались «длинные дома», совмещавшие под единой крышей гумно в центре, стойла по продольным сторонам и жилую комнату у торца с фронтоном; в Англии они часто имели еще длинные холлы. Норвежцы и шведы ставили на каменный фундамент одноэтажный деревянный сруб с пологой берестяной крышей либо двухэтажный с кладовой на первом этаже и нависающим над ним жильем. В Германии вначале строили прямоугольные однокамерные полуземлянки с толстым глиняным полом

и очагом; потом перешли к столбовым фахверковым строениям. В Польше сельские здания имели наземные галереи за столбами под нависавшими крышами. Восточнославянские крестьяне лесостепной и степной полосы в I тысячелетии обитали в ориентированных с юга на север четырехугольных полуземлянках с округлыми печами-каменками; сплетенные из прутьев верхние стены были обмазаны глиной. В лесной полосе строились каркасные дома из обитых плахами столбов с земляной засыпкой пустот. Позднее появляются бревенчатые наземные срубы, проконопаченные мхом. В степной полосе во II тысячелетии распространяются глиняные мазанки. Восточная Прибалтика отличалась каркасно-столбовыми постройками. На Азовском и Черноморском побережьях сельские дома нередко ставились на каменные цоколи. Жилища степных кочевников менялись по мере оседания их на землю (см. подробнее ч. I, гл. 9 и ч. II, гл. 9).

В качестве средств сообщения исключительную роль играли в средние века реки. По ним плавали на лодках, тянули бечевой груз, зимой ездили по замерзшей глади. По рекам проходили главные торговые пути. Для преодоления промежуточных пространств использовались «волоки» — полосы суши, по которым перетаскивались суда из одной реки в другую. С XII в. важные речные магистрали начинают соединять искусственными каналами. Известнейшие из них: канал XII в. на Сене у Труа, Тичинско-Миланский 1179—1209 гг., Любекско-Гамбургский 1391 г. из Штекница в Эльбу.

На суше в снежных районах зимой пользовались санями, причем в Приполярье запрягали оленей и собак. Воины и охотники Северной Европы ходили на лыжах или на снегоступах — широких плетеных подошвах. Русские лыжи XII в. были шириной с ладонь, длиною с человеческий рост, с сильно приподнятыми носками и задниками. На бесснежных открытых пространствах кочевники использовали двух- и четырехколесные легкие повозки. Оседлые народы предпочитали более массивные телеги, в которые впрягались сначала волы и мулы, позднее лошади. Колеса сначала представляли собой сплошные диски, колесные спицы стали применяться только во II тысячелетии. С XIV в. появляются телеги современного типа и настоящие кареты, входит в обычай запряжка цугом. Войска применяли вагенбург (гуляй-город) — подвижный укрепленный тележный лагерь.

Дороги делились на проселочные, тележные и самые широкие — тракты. Римские ухоженные дороги, пришедшие в V в. в упадок, в некоторых регионах постепенно восстанавливались. Среди восстановленных лучших античных трактов первой стала шестиметровая в проезжей части дорога из Кобленца в Майнц. Там, где была сильна центральная власть, тракты делали мощенными. Первая западноевропейская средневековая дорога, уложенная оббитым камнем, появилась в IX в. в Кордове. С начала II тысячелетия в Англии постоянно функционировали частично совпадавшие с древнеримскими три общегосударственных тракта (Лондон—Рединг, Лондон—Бирмингем, Лондон—Линкольн) и ряд продолжавших их далее местных, от которых в разные стороны расходились проселочные. В Германии ведущими были тракт вдоль Рейна с ответвлениями на запад и на восток, а также Баварский (от Верхнего Дуная через Регенсбург к Праге), Имперский (через Нюрнберг к Рейну) и Домашний в Чехии (из Вейтры в Нове Грады). На Балканах старые римские дороги сохранились лучше. Они опоясывали там все хребты и прорезали долины. С XV в. пробиваются горные туннели для усовершенствования действовавшего с XIII в. альпийского пути через Сен-Готардский перевал. В IX в. в Западной Европе появляются постоянные речные мосты: в 813 г. через Рейн у Майнца и вслед за ним через Луару у Орлеана, Кроулендский 860 г. в Линкольншире, затем Лондонский 994 г. через

Плохое состояние дорог: перевернутая повозка папы Иоанна XXII, ехавшего на Констанцский Собор. Гравюра. Вторая половина XV в.

Темзу. Мостовыми опорами служили каменные быки или устанавливаемые на дне реки ряжи — набитые камнями бревенчатые срубы.

Водные средства сообщения развивались неравномерно. После краха Западной Римской империи корабельное дело продолжало процветать только в Византии, которая до конца XI в. оставалась крупнейшей морской державой Европы. Там строились малогабаритные памфилы, служившие для ловли рыбы и перевозки местных грузов, и длинные двадцатиметровые дро́моны. Дромоны имели мачты с треугольными «латинскими» парусами, до 200 гребцов и до 70 матросов, были вооружены баллистами, катапультами, трубами для выплескивания «греческого огня». В других регионах морское дело и кораблестроение переживало в VI—VIII вв. упадок. Там преобладало речное и каботажное плавание. Грузовые баржи влеклись по рекам и вдоль морских берегов запряжками тяглового скота. Средиземноморские арабы сначала довольствовались одномачтовыми суденышками с кормовым рулевым веслом, но с VIII в. начали строить килевые и палубные корабли. С VII в. венецианцы, возрождая римские образцы, стали сооружать длинные низкобортные галеры на несколько сот человек. В Генуе преобразовали древнеримскую либурну в парусно-гребную галеру. В Амальфи создали в IX в. первый европейский компас — плававшую в жидкости пробку с металлической иглой.

В Северной и Северо-Западной Европе обходились в I тысячелетии крупными лодками. Кельты Британских островов пользовались в качестве лодки курахом — плетеной корзиной с сиденьем, обтянутой просмоленною кожей. Дальнейшие успехи кораблестроения были тесно связаны с повышением уровня деревообработки. Из дерева строились галльские

речные скафы и морские барки, немецкие и приднепровско-славянские однодеревки и насадные крупные лодки с гладкими бортами, новгородские набойные лодки, речные дощаники и шитики. Больших успехов в мореходстве и судостроении достигли скандинавы. Обычно они плавали на гребных ладьях, а с VIII в. стали строить также клинкера — корабли из досок внакрой, с узким длинным килем и прямоугольным шерстяным парусом. На таких кораблях норманны в 875—1001 гг. сумели открыть Исландию, Гренландию и Лабрадор, добрались до Северной Америки (см. ч. I, гл. 7 и ч. III, гл. 3).

Высокобортные многопалубные, в основном военные корабли-нефы с параллельными рулями, носовыми и кормовыми надстройками, сооружают с XI в. французы. Огнестрельное оружие заставило изменить в XIV в. внутреннюю конструкцию судна, иначе рассчитать осадку, расчистить место для боеприпасов и поставить корабельную артиллерию. Жители Фрисландии, Голландии, Зеландии плавали в открытом море на круглодонных, бесштевневых и бескилевых судах, а вдоль берегов — на штевневых плоскодонках. Из кораблей этого типа позднее получились когги, излюбленные городами Ганзейского союза пузатые грузовые корабли с вместительными трюмами (см. ч. II, гл. 1). Длина коггов лишь втрое превосходила ширину, грузоподъемность достигала 200 т, а в XV в.— даже 1 тыс. т. На таких кораблях плавали в Палестину северные крестоносцы и шли транзитные товары от Брюгге до Риги.

На Средиземном море и в Атлантике в XV в. появился двигавшийся против течения «водоход» с вращающимися бортовыми колесами, нередко служивший паромом и курсировавший на прибрежных трассах. Сооружались искусственные порты, верфи с судостроительными стапелями и ремонтными эллингами. Усовершенствовались якоря, обогащался такелаж. Стал применяться лаг для измерения скорости судна. Морской компас приобретает картушку с румбами. Используется «роза ветров». Систематически применяются угловые квадранты, секстанты и октанты для определения высоты небесных светил, простые и сложные астролябии. Итальянцы, которым турки-османы в середине XV в. перекрыли восточные пути, помогают теперь в морском деле Испании и Португалии: снабжают их картами, приборами, портуланами, описаниями береговой линии с подробными лоциями заливов, проливов и мелей, возникла профессия лоцманов. Первая европейская морская карта (1270 г.) — генуэзского происхождения. В 1354 г. арагонский король Педро IV распорядился не выпускать из портов корабли без карт. Появилась профессия водивших корабли по картам и звездам штурманов. Переворот в дальних морских плаваниях и судостроении произошел после того, как итальянцы создали многомачтовый корабль с разнообразным парусным вооружением — каравеллу, более маневренную, чем когги. Если же требовалась перевозка грузов, использовалась каракка — гибрид когга и каравеллы. В XV в. на сооружение одного крупного океанского парусника уходило до 4 тыс. дубов.

Раньше корабли сильно зависели от ветров и течений. Теперь система различных парусов позволяла легче выбирать маршрут. К 1431 г. португальцы добрались до Азорских островов. Эти достижения сделали возможным в 1492 г. путешествие Христофора Колумба в Новый Свет. Флагманом его экспедиции была каракка «Санта-Мария», а наименьшей в экспедиции — каравелла «Нинья».

Прогрессировали и другие отрасли ремесла. Гончарное дело наряду с кузнечным образовали базу для последующего вычленения профессионального ремесла из сельскохозяйственных занятий. Блестящие образцы керамики давала в раннее средневековье Византия. В остальной Европе она была тогда по большей части примитивной и однообразной, ручной лепки, с шершавой поверхностью и почти без орнаментовки. В VII в.

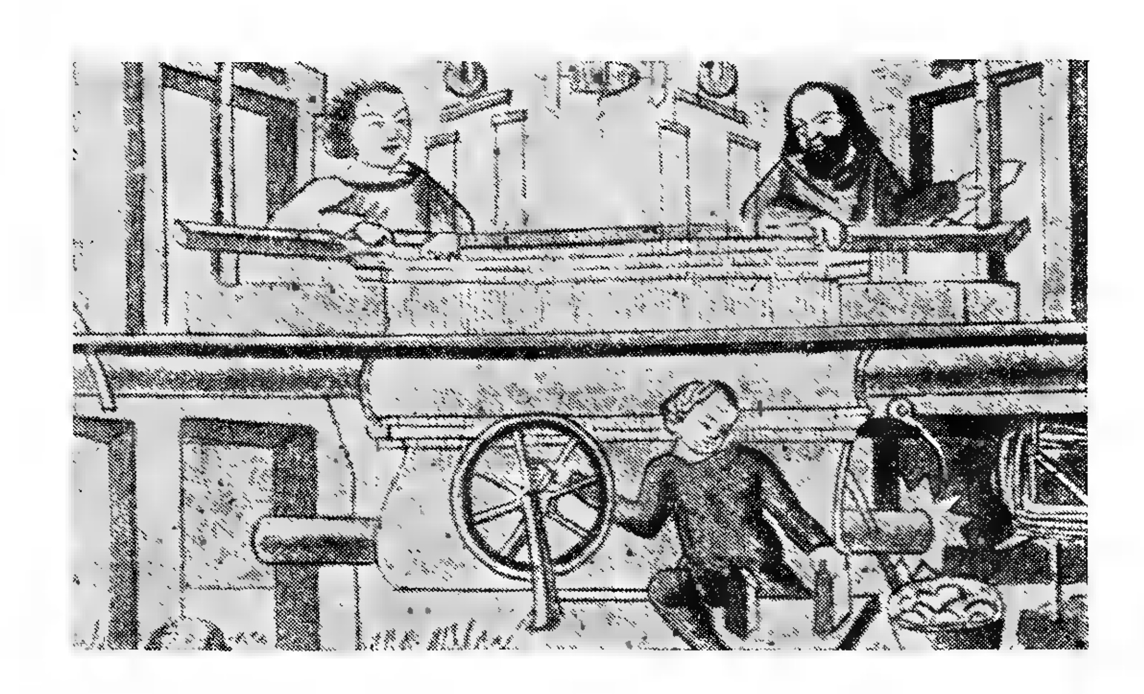
на Западе восстановилось применение гончарного круга. Новые изделия постепенно вытесняли лепную керамику.

Усиливается профилированность посуды, появляется орнамент. С IX в. поверхность покрывается глазурью, наряду с глиной используются комбинированные материалы. Сначала преобладала пористая керамика: цветные майолики в разных местах Тосканы (посуда, облицовка, изразцы); фаянс из смеси глины, щелочи и полевого шпата, впервые созданный в итальянском г. Фаэнца; терракота — изделия из обожженной чистой глины; простые сосуды из легкоплавкой горшечной глины. Более плотная керамика, близкая к фарфору, появляется в XV в. в итальянской Карраре. Виды посуды постоянно умножались и дифференцировались. Вначале преобладали всевозможные горшки. Затем посуда разделяется на тарную, столовую и кухонную. В разных регионах она обладала большим своеобразием материала, формы, орнамента.

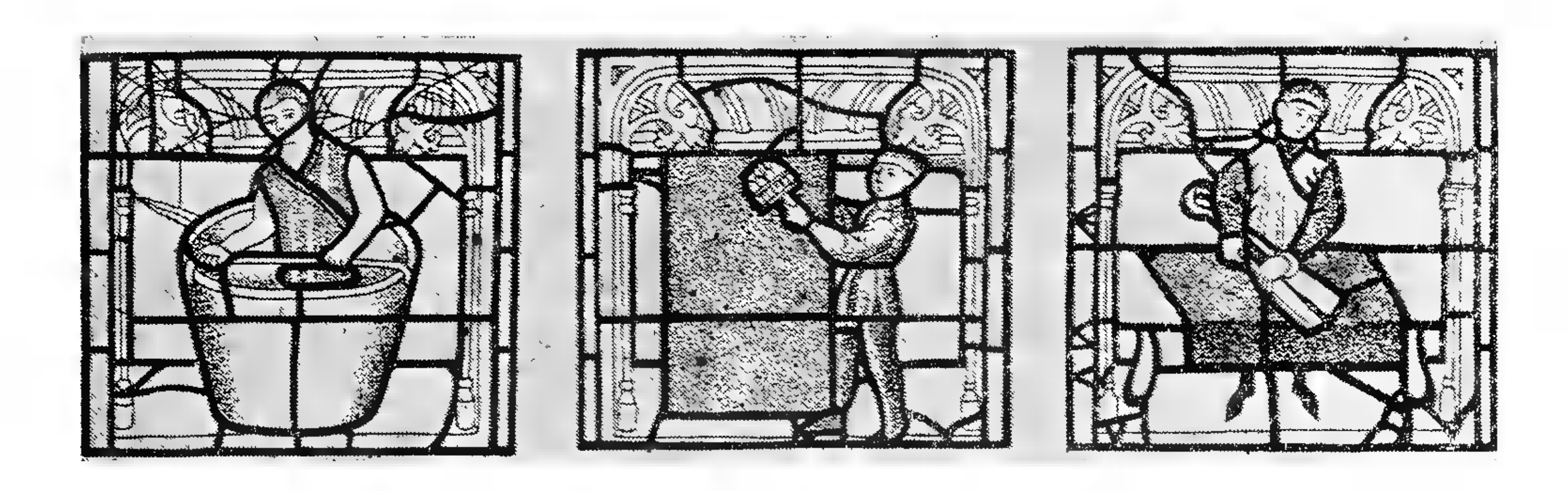
На базе античного стеклоделия сложились византийская и франкская школы изготовления прозрачного, непрозрачного и цветного стекла. Украшения приплавлялись дополнительно. Поташ для сварочной шихты получали из золы лиственных деревьев. Чтобы не было трещин, изделия закаливались в печах-каленицах с последующим медленным охлаждением. Византийская школа первой использовала оптические возможности стекла. Таков оптический «телеграф» IX в., передававший светосигналы на расстоянии. На Западе с VI в. плавили стекломассу в печах. Цветное стекло появилось в Западной Европе в V в., в Галлии его обычно вставляли в окна церквей. С XII в. в Англии оконное стекло использовалось даже в частных домах. Тогда же во Франции расцветает живопись по стеклу (витражи). Первая специальная стеклодельная мастерская государственного масштаба появилась при парижской часовне Сент-Шапель (1290 г.). Особенно прославилась стеклоделием Венеция, где было налажено производство стеклянных зеркал, которые экспортировались во все страны Европы. В 1291 г. венецианские стеклодувы были изолированы на острове Мурано для сохранения секретов ремесла, за разглашение которых виновные наказывались смертной казнью. Там же началась шлифовка линз, а с XIV в.— изготовление оптического стекла для очков. Затем это производство было усвоено в Нидерландах, а в конце XV в. впервые применили для резки стекла алмаз.

Средневековая химия берет начало от алхимии, зачинателем которой в Западной Европе считается трудившийся в арабской Испании Гебер (Джабир, 721—815). Он обосновал теорию химического состояния вещества, научился изготовлять кислоты, щелочи, купоросы, квасцы и ставил эксперименты по трансформации металлов. Из этих опытов с металлами родилась затем охватившая всю Европу страсть к получению таким способом золота. Другим известным алхимиком был Разиус (Ар-Рази, 865—925). Их труды переводились с арабского на латинский, а во II тысячелетии появились собственно европейские теоретики алхимии: Альберт Великий, Роджер Бэкон, Арнольд из Виллановы, Раймонд Луллий, Дж. Рипли и др. Они и их последователи умели химически разделять единые вещества на составные, осуществлять возгонку, очищение, последовательное соединение исходных реактивов в более сложные вещества. Алхимики исходили из бытовой практики и сами пролагали дорогу дальнейшему ее развитию. К XV в. было освоено изготовление азотной, серной и соляной кислот вместе с производными от них солями и щелочей, различных препаратов мышьяка, купороса, углекислого аммония, сернистой ртути, эфирного масла, аммиака, хлористого кальция. Стали составлять комбинированные зажигательные составы, в частности для фейерверков (XIV в.). Научились варить мыло из смеси жиров с моющими ингредиентами, изготовлять порох и краски органического и неорганического происхождения. Любопытный набор горшочков с 14 различными

Ткачество. Миниатюра из Ипрской рукописи XIV в.

Отделка сукна: валяльщик, растяжка полотнища, стрижка. Фрагмент витража XV в. собора в Семюр-ан-Оксауз. Франция.

красками обнаружен при раскопках жилища киевского художника в слоях XIII в. С помощью отгонки сырой смолы получали качественный скипидар, а из развара смолы с льняным маслом — олифу, употребляли масляные краски. В 1230 г. в Англии была написана первая известная нам картина маслом.

Претерпело значительные изменения и текстильное дело. Материалом служили растительные (конопля, лен, хлопок) и животные (шерсть, шелк) волокна. Издревле местным производством в Южной Европе было конопельное, в Северной — льняное, по всей Европе — шерстяное; хлопок и шелк появились на континенте позднее. Лен и конопля использовались повсеместно для производства парусной и тарной мешковины, пакли, канатов, веревок. Из семян изготовляли лекарства и давили масло, жмых давали скоту. На Руси профессиональные мастера, изготовлявшие полотно (хамовники), зафиксированы в городах с XIII в., но при княжеских дворах они существовали и раньше. Из конопляных пыльниковых волокон делали мягкую посконь, из нее шили посконные рубахи и штаны; из жестких семенных волокон — пеньку. Конопельными были нитки. Общеевропейская средневековая загадка «железный нос, конопельный хвост» означала иголку с ниткой.

Главные операции, превращавшие волокно в ткань, состояли из прядения и ткачества. Первое прошло до XV в. три технических уровня. Сначала тянули волокно, скручивали его с двух початков в одну нить и навивали на деревянное веретено с пряслицем вручную; потом применили спицы и прялку — стояк, при котором руки уже не удерживали орудия труда, а только двигались; наконец, изобрели самопрялку, одновременно сучившую нити и наматывавшую их, и лишь двигателем колеса по-прежнему оставалась человеческая сила. Ткачество заключалось в пе-

реплетении нитей, причем основа была неподвижной, а сквозь нее продевался подвижный уто́к. Сначала ткали на дощечках с отверстиями, затем стали сооружать ткацкие станы — вертикальный, более примитивный, и горизонтальный, улучшенный. Последний встречается в Поднепровье с XII в., в Западной Европе и у ильменских словен с IX в. Во Фландрии в 1131 г. был создан ткацкий стан современного типа, но еще без механического двигателя.

В шерстяном производстве использовалась овечья, козья и верблюжья шерсть. Животных стригли, шерсть промывали, сушили, трепали, чесали и иногда красили (чаще красили готовые ткани). Наибольшую ценность представляла шерсть от испанских мериносов, родственной им среднеевропейской шленки и длинношерстной английской овцы. Заметный прогресс в шерстяном деле начался в XIII в., когда в Англии стало развиваться массовое овцеводство. Наметилась специальная обработка рыхлой шерсти под сукно. К XV в. установилась стандартная отделка ткани. Производство шерстяных тканей развивалось на основе тех же технических усовершенствований, что и при изготовлении льняных тканей. Первая известная нам сукновальная водяная мельница работала с 983 г. на р. Серкьо в Тоскане; в XII в. такие сукновальни распространились по всей Западной Европе, в 1212 г. появились в Польше. Привозную верблюжью шерсть западные европейцы стали ткать лишь с начала XIV в. в Неаполе, поволжские же и причерноморские кочевники делали это издавна. Новым производством явилось изготовление многоцветных ковров разного типа. Особенно процветали шерстообрабатывающие мастерские с XIII в. в Тоскане и во Фландрии. Прогресс в данной отрасли влиял и на формы организации труда. В XIV в. в Италии зарождается мануфактура в виде рассеянной, а частично централизованной. В других регионах Европы распространяется «раздаточная система», когда сельским и городским ремесленникам городские купцы раздавали сырье для прядения и ткачества. Эта система в дальнейшем тоже привела к развитию рассеянной мануфактуры.

Производство хлопковых тканей полностью держалось на импорте. Оно развивалось в небольших масштабах с XIII в., первоначально в Южной Франции. Чистых хлопчатобумажных тканей до XV в. почти не изготовляли, обычно выпускали в смеси со льном и коноплей (итальянские фустаньи). Наладилось кружевное дело. И на Западе, и на Руси применяли для этого деревянные коклюшки, в мастерских — тамбуры. Славились фландрские и итальянские кружева, производившиеся на экспорт. Повсюду плели также хлопчатые ковры-половики. Особый вид текстиля составляла вышивка. Среди вязальных вещей самой популярной была фуфайка.

С шелком Европу познакомили византийцы. Переработанный в мастерских Константинополя шелк-сырец экспортировался на Запад. Тутовое дерево арабы с X в. выращивали в Андалусии, и с XI в. альмерийский готовый шелк тоже экспортировался. Развитию шелкового дела способствовало ознакомление с достижениями Леванта в ходе крестовых походов. Сначала вывозили из Византии и Испании смотанные с коконов нити сырого шелка; потом стали завозить коконы; наконец, перешли к самостоятельному выращиванию белой шелковицы и разведению шелкопрядной бабочки, строительству морильных печей, мотальных, крутильных и сучильных станов и широкому производству шелковых тканей. Шелкоткачество получило развитие сначала в Италии (Палермо, Лукка), затем во Франции. Однако изготовление более дорогих тканей осваивалось в Западной Европе с трудом. Золототканая парча долго ввозилась из византийской Фессалоники.

Выделка кожи повсюду велась примерно одинаково: кожевники отделяли шкуру от туши животного; размачивали ее несколько суток в про-

точной воде; держали в ямах или в камерах с высокой температурой; зблили; сбивали волос. Очищенный и промытый волос коров шел на войлоки, попоны и одеяла; конский — для набивки матрацев и мебели, изготовления сит, смычков, прессов и на плетение; пушных зверей — на кисти; свиная щетина — на щетки. А шкуру далее квасили, смягчали и дубили в чанах корьем дуба или тальника, сушили, затем отделывали согласно назначению. Разновидностью кожевенного дела было скорняжное ремесло. Самые популярные тогда виды кожи: юфть — бычья кожа, выделанная на чистом дегте (славилась русская юфть); шевро — козлиная, для обуви; шедшая на тонкие изделия замша — из шкур диких жвачных животных; сафьян — тонкая цветная от домашнего мелкого скота. К концу I тысячелетия от кожевенного ремесла отделилось сапожное. Средневековая обувь была весьма разнообразной, в зависимости от сословия потребителей, климата, ее назначения. Наряду с кожаными сапогами и туфлями употреблялись лыковые плетеные лапти, распространенные у славянских крестьян; деревянные долбленые сабо у крестьян Западной Европы; ременные плетеные сандалии на Юге; войлочные валенки на Севере.

Средневековый костюм во всех случаях отражал климатические условия, технические возможности людей, материальную состоятельность человека, его занятия, место в обществе, этнические особенности. Со II тысячелетия большую роль у богатых лиц начала играть мода. Одежда рядовых тружеников оставалась обычно скромной, разноцветье и украшения чаще встречались в женском платье. Было три главных конструкции костюма: драпировка обертываемой вокруг тела тканью, накладная с надеванием через голову, разрезная с надеванием через рукава.

В книжном деле раннего средневековья переломным был VI век, когда папирусные свитки вытесняются кодексами на пергаменте и в деревянном переплете. Теперь античное ремесло изготовления кожи «по-пергамски» обрело новую жизнь. На пергамент шли бычьи, бараньи, козлиные, свиные и ослиные шкуры, а если требовался тонкий и дорогой велен, забивали телят и ягнят. Чтобы получить листы для большой книги, истребляли порой целое стадо животных. Обработав содранные шкуры обычным способом, но без дубления, драли голье с обеих сторон скобелем, натирали мелом, чистили с мясной стороны пемзой. Разрезали пласт на четырехугольные листы, ставили кожаные заплаты на дырявые места, посыпали толченым порошком (чтобы не расплывались чернила), чертили линии под буквы, размечали листы сигнатурой (см. ч. IV, гл. 2). До VII в. писали на пергаменте тростниковым каламом, затем перешли на птичьи перья. После изобретения книгопечатания рукописи выполнялись по индивидуальному заказу или переписывались с оригиналов каллиграфами.

Еще до начала книгопечатания на смену пергаменту пришла бумага. Этим европейцы обязаны арабам, производившим ее с IX в. в Хативе, невдалеке от Валенсии. Бумажные мастерские с XI в. работали на отходах ткачества или перерабатывали ношеную одежду, с 1144 г. в Хативе действовала бумаговаляльная мельница. Итальянские, испанские и французские мастера переняли это ремесло в том же столетии. Первые книги из тряпичной бумаги появились в XII в., бумажные королевские документы — в XIII в. Процесс изготовления бумаги начинался со сбора тряпья, растительной костры и заготовки измельченной древесины; позднее стали подмешивать хлопок. Эту массу крошили, отмывали известково-содовым раствором, разваривали в проточной воде до кашицеобразного состояния, разогревали горячей водой или паром, заливали клеем и размешивали в чанах. Оттуда смесь поступала на горизонтальные сита, которые медленно двигались по валам, теряя воду. Слипшиеся сырые пласты сушили меж войлочных прокладок, придавали им лоск и глад-

кость металлическими листами, резали на куски и наматывали рулонами.

Переворот в книжном деле обозначился изобретением книгопечатания. Ему предшествовала система оттискивания текста посредством покрытых краскою клише из дерева, обожженной глины, камня или металла. Штамповались также узорные ткани, игральные карты (с XIII в.), картинки на религиозные темы. В 1423 г. голландец Л. Я. Костер применил не оправдавший себя шрифт из деревянных литер и создал прототип печатного стана. Комплекс настоящих средств для книгопечатания (разборный металлический шрифт; формы для стандартной отливки литер; сплав свинца, сурьмы и олова для литер; усовершенствованный пресс с четкой системой его обслуживания) создал после 1434 г. немецкий ювелир Йоганн Гутенберг. До 1500 г. в 260 европейских городах появились 1050 типографий, в том числе 532 — в Италии, 214 — в Германии, 147 — во Франции, 71 — в Испании, 40 — в Нидерландах, 13 — в Англии. Первые печатные книги славянского глаголического шрифта увидели свет в 1483 г., кириллического — в 1491 г. в Кракове. На основе рукописных шрифтов определились главные западные типографские шрифты: готический в книгах традиционного содержания и антиква — в книгах нового содержания либо при переиздании греко-римских сочинений. До конца XV в. было опубликовано свыше 40 тыс. названий инкунабул (первопечатных книг). Книгопечатание сыграло в истории революционизирующую роль, став важным фактором технического, социального и интеллектуального прогресса человечества.

При преобладании в средние века ручной техники появлялись и некоторые механические приспособления, затем первые машины. Средневековые механизмы были удобны в работе и недороги. Но они имели невысокий коэффициент полезного действия и плохую конструкцию, а составлявшие их части отличались непрочностью. Двигателем сначала служила сила человека и животных, вода, ветер и другие естественные элементы. Рабочая часть обычно оставалась примитивной. Массовое строительство крепостей и городов, развитие горнорудного производства потребовали подъемных, дорожных, землеройных механизмов. Источники упоминают о домкрате француза Жерве 1250 г., винтовом домкрате 1270 г., многочисленных колесных домкратах XIV в., подъемном кране на колесных ступенях в Праге XIV в., действовавших с 1438 г. корабельных цепных колесах для подъема якорей, плавучем одноковшовом землеройном механизме итальянца Дж. Фонтаны (1420 г.), грейфере XV в., очищавшем от ила каналы Венеции. Вершиной строительной техники той поры была землеройная машина Леонардо да Винчи, примененная в 1500 г. при рытье оросительной магистрали в засушливой Миланской долине. Разнообразными были ручные и ножные (педальные) станки: токарные по металлу (Франция IX в.), кости (Псков IX в.) и дереву (Новгород X в.), точильные с XI в., прядильные и ткацкие станки всех фасонов. Неизвестный немецкий мастер соорудил в 1427 г. сверлильную машину для расточки деревянных водопроводных труб. Еще до XV в. были сделаны важные изобретения, без которых невозможно представить себе современные машины: кривошипные, карданные и кулачковые механизмы, клапаны, зубчатые передачи, цапфы, шестерни и шатуны. Уникальным следует считать создание для Фридриха Барбароссы в 1153 г. взамен утраченной в схватке руки пружинного протеза — железной руки с движущимися пальцами.

Базу развития будущей машинной индустрии составили мельница и часы. Более древней мельницей была водяная, известная еще римлянам. С VI в. она возрождается в Галлии, Италии, Германии. Сначала появилось нижнебойное колесо сравнительно крупного диаметра, погруженное в поток, с небольшим коэффициентом полезного действия. Его сменило более прогрессивное среднебойное, у которого вода поступала в середи-

ну конструкции, а диаметр колеса почти сравнялся с напорной шириной бьющей струи, КПД же поднялся вдвое. Наконец, научились делать наливные верхнебойные колеса с диаметром меньше напора и КПД до 0,75. Водяные мельницы применялись в кожевенном деле для приведения в движение молотов и открытия ворот в порту, в железоделательном производстве, позднее — в гидравлических устройствах, для обточки бревен, в металлообрабатывающем производстве и пр. Более молодой была ветряная мельница, сначала горизонтальная, а во II тысячелетии вертикальная. В ее применении держала приоритет арабская Испания, где она использовалась с VII в. В Нидерландах ветряки с X в. применялись на водоотливных установках для осушения приморских земель. В Германии, Англии, Швеции, Польше ветряки разных назначений появляются позднее. Древняя Русь знала их с начала XIII столетия. Мельницы позволили заметно усовершенствовать валяние сукон и обогащение на рудниках горных пород отмывкою примесей.

Исключительное значение для прогресса техники имели часы как первый автомат, основанный на утилитаризации физических свойств равномерного движения. Механическим часам предшествовали издревле водяные (клепсидра), солнечные (солярии) и циферблатные (кадраны), применявшиеся в Западной Европе уже в VII—VIII вв. Переворот в технике связан с механическими часами. Начальным шагом к их изобретению явилось изготовление в XI в. веретена и коромысла для язычка колокольчика. В XII в. уже имелись колесные часы с боем. В XIII в. встречаются гиревой механизм с подтяжкой груза, храповик как регулятор хода и первые упоминания о профессии часовщика. В 1335 г. башенные часы установили Джованни Донди на миланском дворце Висконти и Питер Лайфут на сомерсетском аббатстве Гластонбёри. В XV в. появляются карманные часы нюрнбергского мастера Хенляйна. Наряду с ткацкими станками, мельницами, химикалиями, домницами и оптическими приборами часы образовали тот технический фундамент, на котором стала зарождаться «систематическая экспериментальная наука» [4]. Практика постоянно шла впереди науки и как бы тянула ее за собой. Научный эксперимент, подталкиваемый житейскими потребностями, постепенно становился источником теории, но еще крайне редко — критерием ее проверки.

История производительных сил Европы VI—XV вв. свидетельствует о том, что их развитие шло неравномерно, прерывисто и мозаично в различных частях континента, причем довольно медленно в раннее средневековье. Но чем ближе к XV в., тем заметнее становилось взаимовлияние разных регионов с обоюдным заимствованием материально-технических достижений. Важным рубежом их развития явились X—XI вв., связанные со становлением городов как новых центров ремесленного производства и торговли. Новый рывок в развитии производительных сил Европы был сделан в XIV—XV вв., когда технические достижения уже широко распространились по континенту, а прогресс ремесла подталкивал развитие и сельского хозяйства.

Хотя производительные силы европейского общества до XV в. развивались медленнее, чем в последующие столетия, совокупные достижения в разных сферах производства были достаточно велики и во многих случаях превзошли уровень античной техники. В XIII—XV вв. были заложены основы многих важных производственных процессов, появились орудия и механизмы, затем широко применявшиеся в последующие столетия, иногда вплоть до наших дней.

Прогресс производительных сил вел к изменениям и в организации производства. Развивались, последовательно дополняя и обогащая, но не отменяя друг друга, ремесло кустарей-одиночек, простая кооперация труда

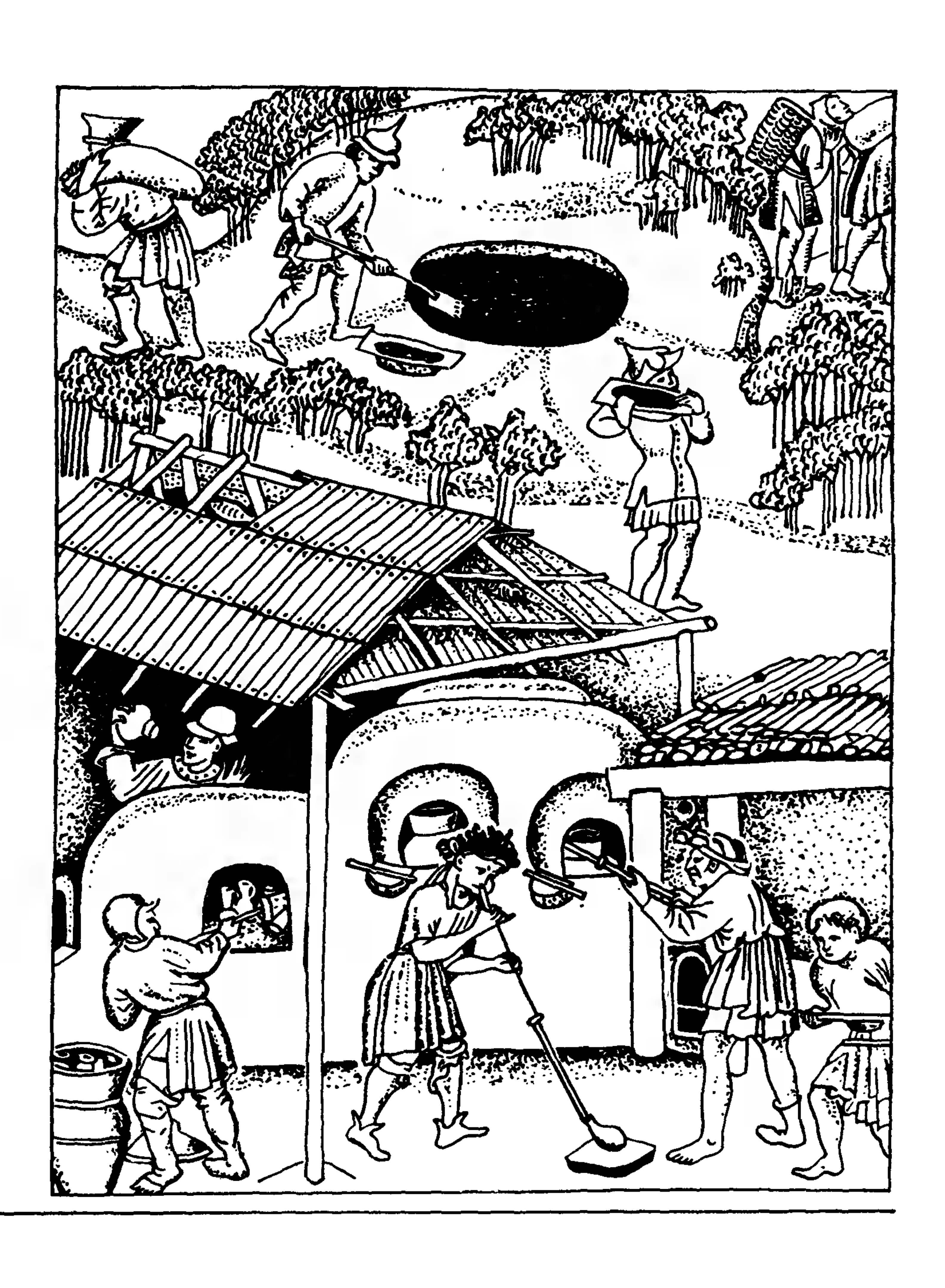
[4] Там же. Т. 20. С. 501.

и мануфактура. Если в XI—XIV вв. важным фактором прогресса в ремесле были цехи, в которых наметился процесс межотраслевого разделения труда, способствовавший совершенствованию качества производимых изделий, то с середины XIV в. те же цехи стали тормозить ремесленное производство жесткой регламентацией, не вмещавшей всего богатства трудового опыта и технической мысли того времени. Это предопределило постепенное разложение цехов и зарождение внутри, а чаще вне их, новых, капиталистических отношений в виде элементов ранней рассеянной мануфактуры (см. гл. 1).

Совокупность имеющихся в распоряжении науки данных позволяет прийти к выводу, что давние, но порой бытующие доныне в исторической литературе представления о средневековье как эпохе потрясающей технической неразвитости и застоя не соответствуют реальности и безнадежно устарели. Факты не позволяют принять также теорию экономического упадка Европы в XIV—XV вв. Наоборот, они свидетельствуют о бурном подъеме в ту пору производительных сил, подготовившем зарождение и прогресс раннекапиталистических отношений.

Часть первая

ЕВРОПА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1. Юго-Западная Европа в V–X вв.
2. Византийская империя в раннее средневековье (IV–XII вв.)
3. Франкское государство
4. Германия в IX – начале XII в.
5. Центральная Европа в период раннего средневековья
6. Славяно-Балканский регион в VI–XII вв.
7. Северо-Западная Европа в раннее средневековье
8. Древнерусское государство
9. Кочевники и раннефеодальные государства Восточной Европы

←

Средневековая стеклодувная мастерская. Богемия. Рисунок из рукописной книги

Глава 1

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В V—X вв.

Юго-Западная Европа (или Западное Средиземноморье) — территория современной Испании и Португалии, Италии и Южной Франции — представляет собой регион, историческое развитие которого в средние века имело немало сходных черт.

Во многом близки природные условия западносредиземноморских областей: преобладание горного рельефа (в Испании Пиренеи, Кантабрийские, Иберийские, Андалусские, Каталонские горы и плоскогорья занимают $^{9}/_{10}$ территории; в Италии Альпы и Апенинны — $^{3}/_{4}$). Центральные и западные области Пиренейского п-ова — это обширное плоскогорье — Месета. Низменности как на Пиренейском, так и на Апеннинском п-ове сравнительно невелики по площади. Главные из них: Арагонская — на северо-востоке, в долине р. Эрбо, Андалусская, Валенсийская и Мурсийская — на юге, Южно-Португальская — на западе Пиренейского п-ова. Наибольшая по размерам — Ломбардская низменность в долине р. По на севере и Тосканская Маремма — заболоченное побережье Тирренского моря — в центральных областях Италии. Близость Средиземного моря и Атлантики обусловила теплый и мягкий климат на значительной части территории (более континентальный во внутренних областях Испании и на Севере Италии).

Дождливые осенне-зимние месяцы, сухое и жаркое, рано начинающееся лето (особенно часто страдают от засух Кастилия, Андалусия, Валенсия); буроземы и красноземы равнин, каменистые почвы предгорий и горных склонов определили специфику хозяйственной деятельности.

На равнинах высевались: озимая пшеница, ячмень, просо (гораздо реже — рожь) и другие зерновые культуры (яровые не культивировались из-за рано наступающих весной жарких дней). В течение всего средневековья здесь господствовало двухполье (озимые — пар), что вовсе не является показателем отсталости региона, а продиктовано именно природными условиями; часть паровых земель издавна — с римских времен — занималась под бобовые культуры. Наиболее характерная черта земледелия — поликультура: уже с раннего средневековья во все более увеличивавшихся размерах зерновые посевы перемежались с виноградниками и фруктовыми деревьями. Широкое распространение получило животноводство: в горных районах прежде всего — овцеводство, на равнине — разведение крупного рогатого скота.

На равнине сельское население проживало обычно в деревнях, состоявших из нескольких (или нескольких десятков) домов, близко расположенных друг от друга. По склонам гор и холмов были разбросаны отдельно стоявшие жилища, вблизи которых находились виноградники и посадки фруктовых деревьев, а также огородных культур.

Одной из наиболее ярких общих черт развития Западного Средиземноморья было длительное сохранение римского наследия, определившее специфику процесса генезиса феодального общества. В то же время в истории Испании, Италии и Южной Франции уже в раннее средневековье были заметны различия. Развитие региона (как и других — см. введение, гл. 1) в этот период прошло два этапа: первый, примерно до конца VII в., когда процесс синтеза и вызревания феодальных отношений лишь начинался, и второй (VIII—X вв.) — когда эти процессы заметно ускорились и феодальные отношения постепенно становились господствующими, хотя и сохранилась значительная местная специфика в каждом

субрегионе. Неоднократные завоевания данных областей то замедляли, то ускоряли эти процессы.

В ходе дальнейшего изложения по возможности будет выделено как общее, так и особенное в процессе генезиса феодализма в регионе.

ОСТГОТСКОЕ И ВЕСТГОТСКОЕ КОРОЛЕВСТВА

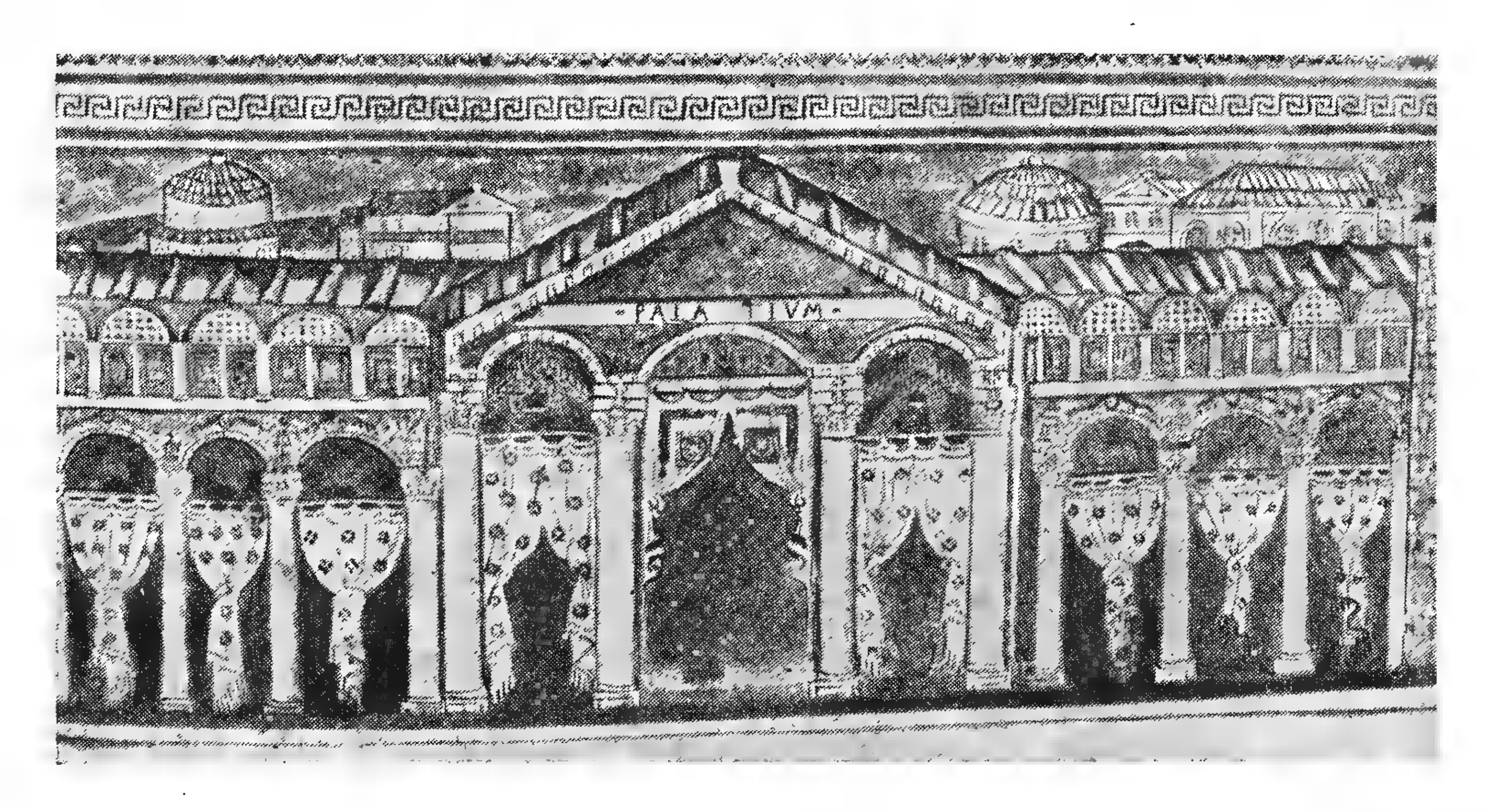
Падение Западной Римской империи датируется 476 г., когда вождь племени скиров Одоакр, возглавивший восстание наемников, сверг с престола последнего римского императора малолетнего Ромула Августула. Дата эта условна, так как к концу V в. Западная империя фактически распалась на ряд варварских германских королевств. Правление Одоакра продолжалось до завоевания в 493 г. Италии остготами, пришедшими из придунайских областей. Предводитель остготов Теодорих, убив Одоакра, стал королем нового — Остготского государства. Еще раньше, в 488 г., он получил от восточноримского императора Зенона титул полководца империи и патриция, т. е. верховного гражданского правителя Западной империи. Император Зенон и возложил на Теодориха миссию «отвоевать» Италию. Однако, выполнив ее, остготский вождь фактически стал независимым от Византии правителем.

Государство остготов первоначально охватывало всю Италию и более северные области — вплоть до Дуная.

Остготы (их численность, по мнению большинства исследователей, составляла менее 2% всего населения страны — около 100 тыс. человек) поселились преимущественно в северо-восточных областях Италии, заняв часть Тусции (современная Тоскана) и расположившись вдоль Апеннин и к востоку от них. В Южной Италии были лишь готские гарнизоны. На правление Теодориха, прозванного Великим (493—526), приходится расцвет Остготского государства, которое развивалось в постоянных столкновениях и контактах со всеми существовавшими тогда средиземноморскими государствами — Вестготским королевством в Испании и Южной Галлии, а после завоевания последней франками в 507 г.— и с Франкским, в которое в 534 г. вошло и Бургундское королевство (возникло в 457 г.); с Вандальским королевством в Северной Африке, в области древнего Карфагена (возникло в 429 г. и просуществовало до 536—545 гг., когда было завоевано Византией). Теодорих женился на сестре франкского короля Хлодвига; свою сестру и двух дочерей выдал замуж за королей вандалов, вестготов и бургундов. Дальнейшие судьбы Остготской Италии особенно тесно были связаны с Византией — самым сильным и влиятельным государством тогдашней Европы.

Теодорих был осторожным и умным политиком и дипломатом. В первый период своего царствования он покровительствовал римской сенаторской знати и католической церкви, хотя сам, как и большинство готов, исповедовал христианство в еретической форме арианства. Теодорих хотел, чтобы его считали почитателем и наследником античной культуры, привлекал к своему двору римских писателей и философов (Боэция, Кассиодора, Симмаха). Пытаясь подражать Византийской империи, остготский король вел, особенно в своей столице Равенне, большое строительство в стиле античной архитектуры.

В самом начале V в. на Пиренейский п-ов, территория которого была сильно романизована, хлынули племена вандалов, аланов и свевов, а в конце V в. начались завоевательные походы в Испанию вестготов. При короле Эйрихе (466—485) могущество Вестготского королевства достигло своего апогея. Его территория включала в себя большую часть Испании и всю Южную Галлию, между Атлантическим океаном, Луарой и Гаронной с центром в Тулузе (позднее в Бордо и Арле). Северо-запад Пиренейского п-ова оставался в руках свевов и сохранял свой полунеза-

Дворец Теодориха в Равенне. Мозаика. Конец V – начало VI в.

висимый статус до середины VI в. В 507–511 гг. король франков Хлодвиг захватил Аквитанию и другие провинции Вестготского королевства в Южной Галлии.

* * *

Завоевав Италию, остготы, как и их предшественники, воины Одоакра, первоначально поселялись там на правах госпитов (временных поселенцев), пользуясь третьей частью урожая с занятых ими территорий, но очень скоро (или даже одновременно) они стали производить разделы земель с местным римским населением, становясь собственниками трети как крупных латифундий, так и мелких парцелл.

Во многом в землевладении сохранялись позднеримские порядки: поместья и виллы обрабатывались трудом посаженных на землю рабов, либертинов (вольноотпущенников) и колонов, приписанных к своим участкам, низшая категория которых — оригинарии — стояла наиболее близко к рабам.

Оставался в силе слой крупных земельных собственников, в составе которого оказывались теперь не только римляне, но и готская служилая знать. В еще большей мере свободные готы пополняли ряды средних и мелких земельных собственников (посессоров), в том числе горожан. Длительное сохранение частной собственности на землю позднеримского типа затрудняло процесс синтеза. Это было одной из характерных черт раннесредневекового общества в Остготском королевстве и Южной Европе в целом.

Изменения в структуре землевладения в Вестготском королевстве были более существенны, чем в Италии. Но и там позднеримское поместье не утратило до конца своего значения. Здесь дважды имели место разделы земель между завоевателями и коренным населением, в результате которых местные землевладельцы потеряли $^2/_3$ и более своих земель. Знатные готы могли получать целые виллы-поместья, принадлежавшие римским магнатам. Вместе с землями имений к готам перешла и большая часть держаний рабов, колонов и прекаристов в сами их держатели.

В отдельных районах Пиренейского п-ова — стране басков, Лузитании, в Тарраконе — сохранились остатки иберийского общинного устройства. Некоторые проявления общинных связей можно обнаружить и в собственно Вестготском государстве. Общинная сходка могла выполнять

и судебные, и полицейские функции. Должностные лица, избираемые соседями, следили за соблюдением границ их земельных владений.

В Вестготском королевстве готы и римляне совместно пользовались частью неподеленных угодий (пастбищами и лесами). Возможно, что на отдельных участках общинников после уборки урожая практиковался принудительный выпас скота. В то же время нет убедительных свидетельств о повсеместном существовании принудительных севооборотов и системы открытых полей, неприемлемых при смешанном поселении вестготов и местных жителей и при господстве поликультуры.

Наличие смешанных поселений готов и римлян способствовало ускорению процесса имущественного и социального неравенства, разложению родо-племенного строя готов. Положение колонов у остготов и вестготов, как и ранее, определялось нормами позднеримского права. Хотя они и не были прикреплены к государственному тяглу, тем не менее не могли покидать занимаемые ими участки. Юридический статус рабов как у остготов, так и вестготов также в целом не претерпел каких-либо существенных перемен по сравнению с позднеримской эпохой, хотя их права на имущество — пекулий — укрепились.

В обоих государствах происходило обеднение мелких землевладельцев — и римских посессоров, и готов. Некоторые разорившиеся готы и римляне даже продавали в рабство своих детей.

По эдикту остготского короля Теодориха, как и по вестготским законам VI в., все свободное население делилось на «низших» и «почтенных», что свидетельствует о значительном социальном неравенстве. У вестготов «низшие» за свои преступления могли даже подвергаться наказанию плетьми, как и рабы. В VII в. обеднение мелких свободных собственников в Вестготском государстве сопровождалось потерей их социального статуса. Эти люди становились колонами и прекаристами знатных лиц — крупных землевладельцев, а то и превращались в бездомных бродяг. Нередко были и прямые захваты земель богатыми людьми у бедных соседей. Однако слой мелких свободных земельных собственников и в Испании, и в Италии не исчез.

Процесс развития имущественного и социального неравенства среди готов неизбежно вел к формированию знати, в первую очередь служилой,— как из дружинников короля, так и из королевских должностных лиц (графов и сайонов — приближенных остготских королей из среды придворной знати).

Преобладающее воздействие на структуру государственного управления в Остготском государстве оказали римские государственные учреждения: продолжал существовать сенат, во главе провинций стояли префекты претория, в малоизмененном виде сохранилось римское городское устройство, налоговая и монетная системы. В течение нескольких лет королевская власть у остготов из органа военной демократии стала государственным органом (в других варварских королевствах этот процесс занял десятилетия, а то и столетия). Уже Теодорих сосредоточил в своих руках высшие законодательные, судебные, военные, административные и финансовые полномочия. Остготское ополчение быстро превращалось в постоянное войско. Гарнизоны в отдельных городах получали регулярное денежное вознаграждение. Государство снабжало их продовольствием (а иногда и оружием).

Однако появились и новые органы государственной власти, созданные готами. В провинциях управление наряду с префектами осуществляли графы готов, обладавшие военными, судебными, административными и финансовыми функциями. Поручения королей исполняли в разных сферах управления сайоны. Наряду с римским правом в Остготской Италии действовало и обычное право остготов. Дела между остготами графы разбирали по готскому праву, между остготами и римлянами, а также между

римлянами — в соответствии с эдиктами остготских королей и римским правом при участии римского юриста. В центральном управлении главную роль стал играть королевский совет из представителей как готской, так и римской знати. Сохранились римские налоги, в том числе поземельный, но их платили не только римляне, но и готы. Католическая церковь признавала авторитет готского короля даже в церковных делах, хотя Теодорих и исповедовал арианство.

Итак, в Остготском королевстве господствующее римское общественное и государственное устройство сочеталось с элементами остготских общественных и государственных структур. Синтез варварских и римских элементов уже происходил в Остготской Италии, но было бы преждевременным считать, что там начался процесс генезиса феодализма. Тем не менее уже тогда появились или упрочились некоторые «протофеодальные» элементы как в экономике, так и в общественном и государственном строе. Это был не простой симбиоз разнородных обществ, а единое общество и государство, отличавшееся не только от остготского племенного союза, но и в немалой степени от позднеримского общества IV—V вв.

В 536—555 гг., несмотря на энергичные действия умного и смелого короля остготов Тотилы (541—552), сплотившего вокруг себя часть остготской знати, свободных италийцев и остготов, а также широкие массы рабов и колонов, которым он обещал за участие в его войске свободу и землю, шло завоевание Остготской Италии Византией. К Византии отошли Северная Италия с центром в Равенне (Равеннский экзархат), Рим и окрестные области (Римский дукат), Южная Италия и Сицилия. В 554 г. византийцы присоединили и юго-восточные области Испании, оставаясь там до начала VII в. Византийский император Юстиниан в 554 г. издал постановление — «Прагматическую санкцию», которая отменяла реформы Тотилы и восстанавливала в Италии земельные владения римской рабовладельческой знати, зависимость рабов и колонов.

Общественный и государственный строй Вестготского королевства являет пример более раннего синтеза варварских и римских элементов. Уже в V—VI вв. здесь происходило перерождение органов военной демократии вестготов (народное собрание, сотенная организация войска, совет старейшин, король, избиравшийся войском), а также местного римского государственного устройства в раннефеодальное государство. Король издавал законы, назначал военачальников. Во главе провинций и городских общин, где сохранилось римское административное устройство, король ставил уже не только представителей местной знати, но и своих дружинников. В начале V в. появилось писаное право: вестготский король Теодорих издавал отдельные законы, регулировавшие раздел земель между завоевателями и местным населением. Приблизительно в 475 г. король Эйрих издал первый кодекс законов. К концу VII в. заметно возросла роль в войске дружин светских и духовных магнатов в ущерб значению готского свободного ополчения.

Для Вестготского государства VII в. было характерно особенно активное по сравнению с другими государствами Европы участие духовенства в государственном управлении. Уже арианских епископов вестготские короли привлекали к выполнению административных и судебных функций не только по религиозным, но и некоторым гражданским делам. После же принятия католицизма при короле Рекареде (конец VI в.) участие церкви в государственных делах еще более возросло. На провинциальных церковных соборах, созывавшихся ежегодно, обсуждались вопросы налогового обложения, а также жалобы на епископов, судей и магнатов. Особая роль принадлежала соборам всего королевства, созывавшимся в Толедо по инициативе короля. На их заседаниях присутствовали епископы и аббаты некоторых монастырей, а с 30-х годов VII в.— также представители высшей светской служилой знати по выбору короля. Собо-

ры определяли порядок престолонаследия, выборов короля. Порой они занимали независимую позицию по отношению к королю, и их постановления ограничивали его действия. Таким образом, в Вестготском королевстве в VII в. уже складывались раннефеодальное общество и государство. Сходные черты были присущи и Южной Галлии, где франкское завоевание начала VI в. стало фактором дополнительного ускорения феодализационного процесса.

* * *

Города, прежде всего как административно-политические, церковные и культурные центры, сохранившиеся от позднего Рима, оказали существенное влияние на экономику, социальную и политическую структуру Остготского и Вестготского государств.

Кризис рабовладельческого способа производства повлек за собой упадок большого числа городов, который выразился в сокращении их ремесленной и торговой активности, расстройстве монетного обращения, ограничении прав городского самоуправления — муниципальной курии — в пользу богатых купцов и магнатов. В IV—V вв. в городах возрастала власть епископов, которые, помимо духовных прерогатив, стремились осуществлять там и административно-судебные функции.

Однако далеко не все города пришли в упадок в IV—V вв., особенно в Северной Италии и Южной Галлии. Богатыми и многолюдными оставались Милан, Турин, Верона, Равенна. До конца V в. в Милане функционировали монетный двор, цирк и театры, имелись христианские базилики. Арль (на юге Галлии), хотя площадь его сократилась почти вдвое, сохранял важное значение как речной и морской порт на пути между Апеннинским п-вом и Пиренеями и из Галлии на Восток. Сохранялись города и на юге Вестготской Испании.

После падения Западной империи в Остготской Италии имел место подъем ряда городов, в том числе пришедших в упадок в предыдущие столетия. Строились городские стены, возводились мосты, дороги, водопроводы в Риме, Равенне. Особо примечательной была постройка в Равенне мавзолея Теодориха, богато украшенного стенной росписью и прекрасно сохранившегося до наших дней. Развивалось горное дело: добывались железная руда и особенно золото. На верфях строились многочисленные корабли: по сведениям Кассиодора, Теодорих задумал построить тысячу больших судов, для чего свозился строевой лес из королевских поместий, расположенных по берегам р. По. Государственные монетные дворы существовали в Риме, Равенне, Милане и других городах, оружие изготовляли в Кремоне, Мантуе, Вероне, Павии, Лукке. В городах производились различные сельскохозяйственные орудия, металлические латы и панцири, мечи, щиты, копья. Археологи находят многие предметы личного обихода: пряжки, фибулы, бронзовые украшения для конской сбруи, короны и крестики, предметы гончарного производства, ювелирного дела как местных римско-итальянских, галло-римских и испано-римских мастеров, так и ремесленников-готов, свободных и рабов.

После войн Византии с остготами византийское правительство предприняло ряд мер для восстановления разрушенных городов. Особую заботу новые правители проявляли о Риме, стремясь укрепить престиж империи, восстанавливали государственные мастерские, проводили работы по очистке русла Тибра, благоустройству форума. Функционировали государственные мастерские по изготовлению одежды и окраске тканей в Равенне, многочисленными были частные ремесленные мастерские; в них работали гончары и плотники, строительные рабочие, резчики по камню, мозаичисты, художники, архитекторы. Продолжали существовать и объединения ремесленников — коллегии, зависимые от государства.

Как и ремесло, торговля уменьшилась в объеме, но не исчезла. Объектами средиземноморской торговли были прежде всего предметы роскоши, пряности, папирус, но также и металлы, соль, оливковое масло. Зерно и вино из Сицилии, Апулии, Калабрии, Лациума, частично с итальянского севера доставлялись в центральные области Италии, но еще чаще — в Галлию и далее на север. Активное участие в международной торговле принимали города Южной Галлии: Нарбонна, Арль, Тулон, Марсель. Одновременно интенсивный обмен осуществлялся между городами Нарбоннской Галлии с районом Тулузы, а через посредство тулузских купцов — с Пиренейским п-овом. Объектами торговли были оливковое масло, вино, зерно, шерсть, рабы.

Богатые купцы и состоятельные ремесленники-менялы, золотых дел мастера, мыловары, портные были влиятельной силой в городах. Эти «почетные граждане», «светлейшие мужи» — как именуют их источники — владели имениями, обрабатывавшимися рабами, колонами, свободными арендаторами. Активное участие в торговле принимали и магнаты-землевладельцы в провинциях.

Многие горожане — купцы, ремесленники и богатые землевладельцы могли все (или почти все), в чем они испытывали потребность, приобрести на городском рынке. Поэтому даже землевладельцы не нуждались в обширном барском хозяйстве и развитии сельского ремесла. С сохранением городской активности и торговли было связано и широкое распространение в Юго-Западной Европе денежных чиншей в конце V—VI в. среди платежей краткосрочных и долгосрочных арендаторов-эмфитевтов и частично натуральных оброков у колонов. Последние, однако, очень редко были обязаны барщиной.

В V—VII вв. в городах Юго-Западной Европы еще продолжала сохраняться муниципальная организация, хотя круг деятельности курий все более сокращался: нет сведений о судебной деятельности магистратов, их участии в раскладке государственных налогов. Однако известно, что курия продолжала утверждать завещания, дарения, продажи, акты об отпуске рабов на волю, разбирала споры о несении повинностей рабами и колонами, заботилась о благоустройстве и водоснабжении городов, об охране городских стен. Куриалы (члены курии), а возможно и вся городская община, по-прежнему (см. т. I) отвечали за уплату налогов и несение повинностей жителями города, что приводило к разорению менее состоятельных горожан и побуждало их переселяться в деревню. Как в Италии, так и в Вестготском королевстве курия постепенно уступала место назначенным королями или графами чиновникам — кураторам и дефензорам, а с VII в. прерогативы этих должностных лиц все более переходили к епископам, особенно в городах, ставших центрами церковных округов — диоцезов. То же характерно и для Южной Галлии.

Сохранение в V—VI вв. позднеантичных городов и позднеримского поместья придавало немалую специфику общественному развитию региона. Воздействие на него разлагающихся общинно-родовых отношений варваров-завоевателей хотя и проявлялось, а порой было даже значительным, не могло стать решающим (или хотя бы уравновешивающим) фактором развития. Синтез их с отношениями позднеримского общества здесь происходил с преобладанием позднеримских экономических и социальных структур.

По сравнению с северными и восточными областями Франкского государства Юго-Западная Европа медленно вступала на путь феодализации. В ее экономическом и социальном развитии появились лишь «протофеодальные» черты. Свободные мелкие римские и готские собственники и свободные арендаторы продолжали составлять весомую часть населения, были далеки от того, чтобы стать феодально-зависимыми крестьяна-

ми. Позднеримские посессоры и землевладельцы-готы из числа служилой знати также еще не превратились в класс феодалов, использующий специфически феодальные методы эксплуатации.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ИТАЛИИ ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ ЛАНГОБАРДОВ

Лангобарды — германское племя, входившее в свевскую группу племен и первоначально обитавшее в нижнем течении Эльбы, с конца IV в. (или в начале VI в., по мнению других ученых) расселились в качестве федератов империи в районе между Дунаем и Тиссой. Они встретили здесь серьезного противника в лице аваров, которых одолеть не смогли, и под предводительством короля Альбоина и нескольких десятков герцогов — военачальников отдельных ветвей их племен — в 568 г. двинулись в Италию. К этому времени лангобарды (возможная этимология происхождения названия от лат. «длиннобородые») составляли лишь часть обширного союза племен, в состав которого входили как германцы — свевы, саксы, гепиды, так и протоболгары, сарматы и др.

Вплоть до правобережья р. По в Северной Италии лангобарды продвигались, не встречая значительного сопротивления. В их руки перешел ряд городов, где они оставляли гарнизоны, возглавляемые должностными лицами — гастальдами. Под властью лангобардов оказались Венеция, Милан, Брешия, Бергамо, разрушенные и опустошенные еще во время готской войны. Неожиданно отчаянное сопротивление оказали жители Павии, осада которой длилась три года. Завоевателям пришлось оставить здесь часть своего войска, но их продвижение к югу продолжалось. Лангобарды захватили Тусцию (Тоскану), южнее — Сполето и Беневенто. Равеннский экзархат и Римский дукат, Южная Италия и Сицилия остались под владычеством Византии. Лангобардское завоевание во многом отличалось от готского. Как отмечают многие хронисты, завоеватели разрушали города и деревни, убивали жителей, и не только знатных римлян, но и людей среднего достатка и мелких землевладельцев.

Ко времени завоевания Италии в племенном союзе лангобардов имущественная и социальная дифференциация была уже довольно значительна. Здесь сказалось влияние их длительного пребывания (более 100 лет) в Паннонии, романизированной области Римской империи с развитой городской жизнью. Вокруг короля группировались 35 могущественных военачальников отдельных отрядов — герцогов, получавших в свое управление завоеванные области — дукаты. Во главе городов и земельных территорий, перешедших в руки самого короля, были поставлены королевские должностные лица — гастальды. Земли и привилегии получили королевские дружинники — газинды. Земельных разделов с местным населением здесь не было. Лангобарды селились компактно, родовыми группами, вначале чаще не в самих городах, а вблизи них, изолированно от римлян. Впоследствии лангобардские поселения стали сближаться с римскими, возникали поселения со смешанным населением.

В середине VII в., когда было издано первое лангобардское законодательство — Эдикт короля Ротари («Лангобардская правда», 643 г.), большинство лангобардов являлись полноправными свободными. Они занимались земледелием и скотоводством. Однако часть их приобщалась к ремесленным и торговым занятиям. В городах они составляли правящую верхушку, были собственниками домов и земельных участков, в их подчинении находились римские колоны и лангобардские полусвободные альдии и сервы (рабы), в том числе посаженные на землю сервы-массарии (от лат. massa — хозяйство).

Эдикт Ротари уже отчетливо свидетельствует о значительном имущественном и социальном неравенстве среди свободных лангобардов и за-

чатках будущих феодальных институтов — прекария, бенефиция. Согласно такому либеллярному договору, свободный лангобард получал участок земли от крупного землевладельца на определенный срок, позднее — и в наследственное держание, и тем самым попадал в поземельную зависимость от него. Был известен и институт вольноотпущенства, но отпускаемые на волю рабы-сервы становились свободными лишь тогда, когда акт освобождения совершался священником либо при отпуске на волю на перекрестке четырех дорог по приказанию короля или на судебном собрании (гайретинкс). Однако вольноотпущенник чаще всего оставался под покровительством патрона, которому был обязан нести ту или иную службу.

Лангобарды составляли незначительное меньшинство населения завоеванных областей Апеннинского п-ова (около 4%), что не помешало им занять ключевые посты в управлении государством и городами, их обычаи оказали немалое влияние и на некоторые стороны последующего развития итальянского общества. В Эдикте Ротари римляне не упомянуты. Скорее всего тогда их статус регулировался особыми законами. Из более поздних законов лангобардских королей VIII в.— Лиутпранда, Ратхиса и Айстульфа — совершенно ясно, что в этот период римское право продолжало существовать и действовать в королевстве.

Во времена Ротари римляне не принимались в войско (термин «воин» отождествлялся с лангобардом). Тем самым они лишались и политических прав (завоеватели, очевидно, имели основание опасаться враждебно настроенного большинства населения). Но уже в VIII в. ариманном-воином, т. е. свободным и полноправным человеком, называют не только лангобарда, но и римлянина. Римское население, включая крупных и средних землевладельцев — посессоров, было обязано уплачивать в пользу завоевателей треть своих доходов. Посессоры вносили ее из доходов, которые им давала эксплуатация сервов, колонов и свободных арендаторов.

Влияние римских институтов стало сказываться довольно скоро на разных сторонах деятельности лангобардского государства. Организация королевской канцелярии лангобардов копировала канцелярию Равеннского экзарха. По римскому образцу были построены фискальная, монетная системы, управление королевским доменом. Знаки королевского достоинства (корона с крестом) во многом напоминали инсигнии императоров Византии. Лангобарды восприняли византийские наименования для своих военачальников — комиты (графы), деканы, центенарии и герцоги.

В середине VIII в., как видно из законов короля Айстульфа, имущественная и социальная дифференциация среди свободных лангобардов углубилась, значительная часть прежних полноправных свободных оказалась в зависимости от крепнущей и влиятельной служилой знати, которая не только владела земельными и иными богатствами, но и подчинила себе немалое число альдиев, рабов и колонов. Уже в 20-е годы VIII в. размер вергельда (штрафа за убийство свободного лангобарда) приводится в полное соответствие с имущественной состоятельностью пострадавшего, тогда как ранее он зависел от родовитости и достоинства убитого. Этот факт наряду со многими другими, приведенными выше, свидетельствует о том, что место старой родо-племенной знати постепенно занимала военно-служилая знать, в состав которой входили как газинды — дружинники короля, герцога и других частных лиц, так и королевские должностные лица.

Продолжали оставаться грозной силой герцоги. Короли вынуждены были делать им (как и высшим церковным сановникам) многочисленные земельные пожалования. Укреплялась бенефициальная система, первые ростки которой появились в VII в. Постоянный сепаратизм герцогов, рост влияния складывавшейся феодальной знати (светской и церковной),

в том числе из высших представителей королевских должностных лиц, вынуждали лангобардских королей вести двойственную политику: опираясь на новую служилую знать, они пытались противостоять герцогам, которых сами же одаривали. Не имея твердой поддержки со стороны собственной знати, короли вынуждены были ограничить свои притязания на другие области Апеннинского п-ова. В 30—40-х годах VIII в. король Лиутпранд не смог подчинить себе ни Равеннский экзархат, ни Римский дукат. Лишь Айстульфу (749—757) удалось временно захватить весь Равеннский экзархат. Он даже осадил Рим, но взять его не смог.

ИТАЛИЯ В VIII—IX вв.

Против Айстульфа выступили в союзе франкский король и папа. В 751 г. папа Захарий дал согласие на коронацию майордома франков Пипина Короткого (см. ч. I, гл. 3), который затем предпринял два похода в Италию (в 754 и 756 гг.). В результате второго похода при папе Стефане II было основано светское Папское государство. Это событие не явилось неожиданностью. Римские епископы, с V в. именовавшиеся «папами» (от греч. pappas — отец), уже в III—IV вв. выделялись своим влиянием среди других епископов полуострова и претендовали на особое положение в церкви. Уже папа Лев I (440—461) добился от римских императоров издания декрета о подчинении всех епископов папскому суду (см. ч. III, гл. 5).

Одержанные Пипином победы означали коренной перелом в отношениях между Франкским и Лангобардским государствами. Попытки нового лангобардского короля Дезидерия поссорить папу с франкским королем успеха не имели. В 763 г. папа вновь обратился за помощью к Пипину, и Дезидерию пришлось окончательно отказаться от притязаний на Папскую область. По просьбе папы франкский король Карл (будущий Карл Великий) снова направился в Италию, и в 773 г. его войска осадили Павию, столицу Лангобардского королевства. Сам же он продолжал путь в Рим, где его торжественно встретил папа Захарий, которому он передал грамоту Пипина. Согласно этой грамоте, было оформлено дарение папе патримония св. Петра, т. е. подтверждены его права как светского правителя Папского государства. После сдачи Павии франкам в июне 774 г. Дезидерий был взят в плен и низложен. Карл стал королем лангобардов и «римским патрицием». Королевство лангобардов прекратило свое существование. Завоевание Италии франками, которые были более «феодализированы», ускорило складывание феодального общества в Италии, которое было в основном завершено к X в.

После франкского завоевания политическая карта Италии выглядела следующим образом: Северная и частично Средняя Италия вошли в состав королевства Каролингов. В 781 г. Италия формально была выделена как особое королевство в составе Франкского государства, доставшееся сыну Карла Великого — Пипину, а в 843 г., по Верденскому договору, в результате раздела империи Карла Великого Итальянское королевство было признано самостоятельным государством. Это королевство на всем протяжении IX—X вв. было ареной борьбы различных группировок как местной, так и иноземной феодальной знати. Вновь образованное светское государство пап включало Рим и окружающую территорию, Петаполис и Равеннский экзархат. Герцогства Сполето и Беневенто, которые лангобардские короли так и не смогли полностью подчинить себе, находились в вассальной зависимости то от папы, то от Каролингов. Южная Италия — Апулия, Калабрия и Сицилия оставались под властью Византии.

Каролинги поделили свои владения в Италии на 20 графств, во главе которых находились представители служилой знати, чаще всего из франков. В пограничных областях были созданы маркграфства (маркизаты).

Графы, вместо гастальдов и герцогов, были поставлены и во главе городского управления. Гастальды остались управляющими владений короля, будучи зависимыми от графов. Графам принадлежали судебные, военные, административные и фискальные функции. В помощь графам для участия в судебных заседаниях и в розыске преступников был учрежден институт скабинов, избиравшихся графом из имущественно состоятельных и сведущих в законах жителей графства, так называемых добрых людей. Каждые три месяца графства и епископские диоцезы посещали «императорские посланцы», наделенные полномочиями контроля.

На протяжении IX—X вв. еще более возрастала светская власть епископов, которые постепенно становились обладателями судебных, административных и политических прав, в том числе права чеканки монеты, открытия рынков и ярмарок в городе — центре диоцеза. С середины IX в., но особенно в X—XI вв., участились случаи передачи епископам графских прав по отношению к населению бургов, в том числе прав на их строительство.

Складывавшийся господствующий класс феодалов пополнялся также должностными лицами более низкого ранга. Уже в IX—X вв. проявились некоторые специфические черты вассально-ленной системы, которая в Италии, где отсутствовала реальная центральная королевская власть, никогда не приняла столь законченного характера, как, например, во Франции. Феод (лен) (см. введение, гл. 1 и ч. I, гл. 3) в Италии в IX—X вв. гораздо чаще мог отчуждаться, делиться между мужскими потомками держателя первой руки, передаваться потомкам по женской линии в случае отсутствия мужских наследников. Нередко происходила передача земельных владений в феод под видом (или в форме) сдачи в аренду.

Приобретение иммунитетной привилегии от короля для епископа, аббата монастыря или графа означало важный шаг к судебно-политическому подчинению, а потом нередко и к установлению поземельной зависимости над еще свободными, но обедневшими и разорявшимися жителями города и деревенской округи. В IX—X вв. наиболее характерным видом зависимости было заключение либеллярного договора на условиях наследственного или долгосрочного держания, обработки полученных участков (разведение виноградников, поднятие нови) и уплаты натуральных и денежных взносов.

Часть либеллариев по своему положению приближалась к рабам-массариям и колонам, обрабатывавшим предоставленные им господином участки без заключения специального письменного соглашения. Они несли нередко барщину — два-три, а иногда и больше дней в неделю, платили натуральные оброки — до трети, а иногда и половины (обычно — вином) собранного урожая, денежные чинши. И либелларии, и массарии должны были являться регулярно на судебные заседания, устраиваемые вотчинником в административных центрах имений, поместных дворах, но чаще всего в городах. Сервы же были полностью несвободными людьми, они находились в наиболее суровой зависимости от своего господина и не могли распоряжаться земельным участком, который обрабатывали. Их можно было продавать и дарить, подвергать телесным наказаниям. В случае брака серва со свободной дети наследовали сервильный статус. Не прекратил своего существования и слой мелких и средних свободных собственников — из посессоров позднеримского типа и лангобардских и франкских аллодистов, которые часто проживали в городе.

Источники VIII—IX вв. позволяют обнаружить имевшую немалый вес в деревне большесемейную домовую общину, включавшую родственников нескольких поколений (родителей и взрослых женатых и неженатых сыновей), а иногда и соседей-консортов (совладельцев). У ее истоков была лангобардская домовая община — кондома. Во владении крестьянских коллективов находились пастбища, леса, а порой и луга, которые

нередко являлись объектами тяжб с вотчинниками, стремившимися присвоить их и обязать крестьян платить за эти земли определенные взносы.

Для выступления в суде вотчинника или графа крестьяне выделяли обычно из своей среды представителей, которые отстаивали их интересы. Так зарождался институт будущих должностных лиц крестьянской ассоциации. Но в целом до XI, а в Средней Италии и до XII в., «большая община» типа соседской в отличие от «малой общины» (домовой общины) еще не стала влиятельной и крепкой организацией крестьянства. Очевидно, специфика итальянской общины во многом определялась природными условиями: ограниченностью удобных для пашенного земледелия территорий, наличием огороженных полей и виноградников, а также стойким наследием частнособственнических позднеримских распорядков, что исключало чересполосицу и принудительный севооборот.

Южная Италия, формально подчиненная в VI в. Остготскому государству, но еще менее, чем северные области, затронутая германским влиянием, после византийских войн середины V в. и вторжения лангобардов распалась на ряд отдельных владений. Кампания и частично Калабрия были захвачены лангобардами. Византийцы сохраняли власть над Апулией и Неаполитанским дукатом, Гаэтой и Амальфи. С начала IX в. юг Италии постоянно подвергался набегам арабов (сарацин), которым даже удалось временно захватить Сицилию, отдельные города Апулии и Калабрии. Но в 80-х годах IX в. сильная византийская армия вторглась на юг Италии и потеснила арабов. Началась активная византийская колонизация, сопровождавшаяся проникновением византийской церкви, появлением православных монастырей.

Беспрерывные иноземные вторжения, войны и разорения в VI—IX вв. замедляли темпы феодализации Южной Италии. Этому способствовала и длительность сохранения римских рабовладельческих отношений, и сильное влияние Византии, и слабость остготских и лангобардских порядков. Тем не менее в результате лангобардского проникновения на юг здесь тоже начался синтезный процесс. Большие семьи, которыми селились здесь германские пришельцы, попадали под власть местных крупных землевладельцев; в VIII—IX вв. они распадались на малые семьи. Мелкие собственники как германского, так и римского происхождения, теряя землю, постепенно втягивались в поземельную зависимость. Одним из способов втягивания крестьян в зависимость было распространение в еще большей мере, чем на Севере, аренды — либеллярной, эмфитевтической, а также на условиях раздела арендуемого участка пополам после введения его в хозяйственный оборот. Но превращение таких лично свободных арендаторов в зависимых крестьян растянулось в Южной Италии на длительное время. Даже в X—XI вв. там сохранялся широкий слой свободных крестьян: лично зависимых сервов из числа посаженных на землю рабов было сравнительно мало, хотя домашних рабов, в том числе дворовых, было много, они свободно продавались и покупались.

Византийская массовая колонизация греков, армян, ливанцев, а также переселение южных славян из Далмации в Южную Италию в IX в. воздействовали двояко на начавшуюся феодализацию общества: замедляли этот процесс, так как большинство переселенцев составляли мелкие свободные крестьяне, но в то же время и подталкивали его, поскольку в Византии того времени уже складывались раннефеодальные отношения (см. ч. I, гл. 2).

АРАБСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА. ОБРАЗОВАНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

В 711 г. началось арабское вторжение на Пиренейский п-ов в пределы Вестготского королевства, которое на несколько столетий определило судьбу народов Иберийского п-ова и оказало существенное влияние на средневековую Европу. Наряду с арабами в войске завоевателей были сирийцы и берберы (латинские источники всех их называют общим именем — мавры). Они заняли города Толедо, Севилью, овладели долиной р. Эбро, захватили Наварру, Северную Месету (будущую Старую Кастилию), некоторые поселения в Астурии. К 714 г. почти весь Пиренейский п-ов оказался под властью пришельцев, которые создали там свое государство — Кордовский эмират, позднее, с 929 г., халифат. Только на севере и в горных районах Галисии, Астурии, Наварры образовались очаги сопротивления астуров, вестготов, басков и кантабров. Уже в 40—50-х годах VIII в. возникшее здесь Астурийское королевство стало теснить арабов к югу. Арабы отступили за Эбро. Вначале в состав Астурийского королевства входили земли до Бургоса и Леона, но в конце VIII — середине IX в. христианские короли постепенно активизировали продвижение к югу. Столицей государства при Альфонсо II (791—842) стал Овьедо. К концу IX — началу X в. границы королевства распространились до р. Дуэро. Во второй половине IX—X в. христианская колонизация областей Леона и Кастилии шла полным ходом. Столица была перенесена в Леон, который заселяли астурийцы, мосарабы (испанцы, сохранившие христианскую веру, но усвоившие арабский язык и арабские обычаи), а в области Старой Кастилии — кантабры, баски, готы, частично также мосарабы.

Кастилия (от «кастелла» — крепости) управлялась графами, назначаемыми королем Леона. Но граф Фернан Гонсалес (930—970) добился распространения своей власти на соседние области и стал именоваться «графом всей Кастилии», передав графство по наследству сыну. Наваррское королевство, населенное в основном басками, в конце VIII — начале IX в. вело вооруженную борьбу против франков, не раз пытавшихся захватить его территорию (в 778 г. баски напали на арьергард Карла Великого в Ронсевальской долине, этот эпизод послужил основой сюжета «Песни о Роланде», см. ч. IV, гл. 2). Графство Арагон к началу IX в. занимало небольшую территорию в северо-восточной части полуострова, в горных долинах р. Арагон. В начале IX в. в результате походов франки основали на границе с Арагоном маркизат Готия, от которого западнофранкский король Карл Лысый отделил Испанскую марку; там впоследствии сложилось княжество (принципат) Каталония. В нем особенного влияния и силы достиг граф Барселоны, подчинивший почти все каталонские графства и отвоевавший соседние области у арабов.

Арабское завоевание, а позднее Реконкиста — обратное отвоевание и колонизация христианскими государствами занятых мусульманами земель — внесли существенные перемены в социально-экономический и политический строй испанских государств, обусловив гораздо более значительные отличия их от соответствующих структур в Италии и Южной Галлии, чем это имело место в предыдущий период — V—VII вв.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ИСПАНИЯ

Продолжавшиеся войны между христианскими и арабскими государствами, а также сохранившиеся наряду с этим торговые и культурные связи между ними обусловили многочисленные миграции: мосарабы переселя-

лись на север, часть мусульманского населения уходила на юг или включалась в состав христианских государств по мере отвоевания последними тех или иных территорий.

В распоряжении мусульман оказались имения прежнего королевского фиска и вестготов, не подчинившихся сразу завоевателям. Около $^4/_5$ этих земель передавалось арабским воинам и военной аристократии, которые получали ее на условиях мулька — свободной наследственной собственности или икта, очевидно, близкой к западноевропейскому лену; получатель икты пользовался землей, пока нес службу или же пожизненно, выплачивая десятую часть доходов государству.

Арабские владыки жили в городах. Основная масса завоевателей (берберы) занималась скотоводством. Многие испано-римляне и готы приняли ислам, что освобождало их от уплаты налога, и именовались теперь мусалима (новые мусульмане) или муладн. Большинство их составляли крестьяне и ремесленники. Хотя формально они считались равноправными с арабами и берберами, на деле же в отличие от последних должны были избирать себе патронов-арабов. В войске они служили в особых отрядах, строили себе отдельные мечети и т. д. Мосарабы (оставшиеся христиане) жили в городах и деревнях, платили подушный и поимущественный налоги (джизью и харадж). В ряде городов мосарабы имели свои общины и пользовались самоуправлением, могли избирать епископов, но с утверждением их государственными чиновниками. Дела между мусульманами и христианами решали арабские судьи.

Арабское завоевание внесло значительные изменения в поземельные отношения. На завоеванных территориях исчез колонат позднеримского типа. Рабы использовались лишь в ремесле и домашнем хозяйстве. Доменов на землях крупных землевладельцев обычно не было. Земля раздавалась в держания. Крестьяне-держатели, помимо налогов в пользу государства, должны были уплачивать собственникам земли оброк натурой — от $^1/_6$ до $^1/_2$ урожая, который, как и в Италии, они доставляли почти всегда сами в господский дом. Арабское завоевание, в результате которого Пиренейский п-ов был включен в систему экономических связей мусульманского мира — с Северной Африкой, Южной Италией, Ближним Востоком,— способствовало сохранению высокого уровня развития городов, ремесла и торговли. Ряд достижений можно отметить и в агрикультуре: усовершенствование искусственного орошения (применение гидравлического колеса, заимствованного из Сирии), улучшение конструкции бороны и плуга. В земледелии применялась плодосеменная система, вводились новые культуры: хлопок, рис, тутовое дерево, цитрусовые, гранаты, шафран.

Хотя резко сократилось число лиц, подчиненных наиболее суровым формам личной зависимости, большинство жителей захваченных территорий были далеки от процветания. Они не раз восставали. Так, в 829—837 гг. мосарабские общины Толедо и Кордовы провозгласили независимость. К ремесленникам и наемным работникам здесь примкнули крестьяне и рабы, но в 837 г. восстание, подобно многим другим, было подавлено.

Для государственного устройства мусульманской Испании характерна неограниченная власть эмира, а после образования Халифата — халифа, передаваемая по наследству. Правительственные учреждения (диваны) осуществляли управление армией и финансами. Должностные лица («вали») возглавляли административные округа и города. Первоначально основывавшаяся на ополчении свободных мусульман, преимущественно конная армия со второй половины VIII в. все в большей мере стала пополняться наемниками из чужеземцев и отпущенными на свободу рабами.

ХРИСТИАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Арабы завоевали наиболее развитые в экономическом отношении районы Пиренейского п-ова. В сохранивших свою независимость или отвоеванных христианами северных областях значительную роль играло скотоводство. В земледелии использовался римский плуг, применялась в основном двухпольная система земледелия. Многие земли запустели или пришли в упадок. Крупное землевладение сильно сократилось. Возросло число мелких свободных собственников, особенно в Кастилии и Леоне, в меньшей мере — в Астурии и Галисии. Пешее крестьянское ополчение оставалось в этих государствах основой королевского войска. Свободные крестьяне-собственники частично были потомками не втянутых в зависимость земледельцев готского периода. Но в гораздо большей степени источником пополнения и расширения этого слоя был происходивший в ходе Реконкисты процесс колонизации, получивший особое развитие с середины IX в.

На начальных этапах колонизация носила в основном стихийный характер. В ней участвовали и свободные, и сервы (их переводили на новые земли патроны как из мусульманских районов, так и со старых территорий Севера). В начальный период колонизации заимки осуществлялись (особенно в Лузитании и Бэтике — будущей Португалии, позднее — в Кастилии) без вмешательства короля и королевских должностных лиц. Но с IX в. новые поселения, как правило, должны были санкционироваться королем, который считался собственником всех пустующих земель: в пользу короля все платили налоги. Хотя колонисты и являлись мелкими земельными собственниками аллодиального типа, определенная зависимость их от королевской власти и их эксплуатация государством существовали, по-видимому, даже в начальный период.

В VIII–IX вв. в источниках упоминаются как домовая, так и деревенская (соседская) община. Наиболее выраженные формы в эти столетия приобрела домовая (семейная) община, которая нераздельно владела и наследственным родовым имуществом, и вновь приобретенным и совместно вела хозяйство. После смерти отца главой семейной общины становился старший брат. Семейная община нередко входила в состав соседской. Последняя обладала правом собственности и общего пользования соседей на леса, луга, воды и пустоши. Общиной мог управлять совет (консехо), а могло решать те же вопросы и собрание членов общины. Нормы обычного права для каждой общины фиксировались в фуэрос (записях обычного права). Относительно характера землепользования отдельных общинников нет достаточно определенных данных. В северо-западной части Кастилии получили распространение компактные участки земли, занятые виноградниками, техническими культурами, посевами ячменя.

При сохранении мелкой крестьянской собственности шел, однако, и процесс интенсивной мобилизации земли, следствием которого была имущественная и социальная дифференциация; часть свободных крестьян теряла землю и утрачивала свой статус. Но продолжавшаяся несколько столетий Реконкиста, особенно на территории Кастилии, способствовала постоянному пополнению рядов мелких (как и средних) собственников за счет колонистов, осваивавших новые территории.

Среди зависимого крестьянства различались «хуньиорес де эредад» и «хуньиорес де кабеса» и близкие к ним «колласос». Все они сидели на чужой земле и были обязаны нести повинности королю или сеньору (первоначально — сравнительно небольшие натуральные оброки). Иногда такие крестьяне, особенно на землях монастырей, были обязаны и барщиной в размере нескольких дней в месяц. «Хуньиорес де эредад» могли

уходить из вотчины, но при этом теряли не только земельный надел, но и половину приобретенной ими самими земли и даже половину движимого имущества. «Хуньиорес де кабеса» выплачивали подушный налог и не имели права покидать своих господ, были прикреплены к земле.

Сервы и вольноотпущенники (либертины) чаще встречались в Галисии, Лузитании и Бэтике, в меньшей мере — в Астурии и Леоне и совсем редко — в Кастилии. Имелись и рабы-мусульмане. В большинстве своем рабы и вольноотпущенники были посажены на землю и вносили оброк. Часть их выполняла разнообразные работы в господском хозяйстве. Господин сохранял неограниченную власть над сервами, мог дарить или продавать их без земли. Однако и на положении сервов во все большей степени сказывалось влияние процесса колонизации и Реконкисты. Порой серв, обработавший новь, становился фактически обладателем участка, а его дети получали право на наследование при условии передачи части имущества сеньору.

На другом полюсе общества складывалась служилая знать — магнаты, сеньоры, которым противопоставлялись свободные люди среднего достатка и «низшие». Для вотчины-сеньории были характерны незначительные размеры, как и незначительная площадь домена. Королевские вассалы получали за службу пожалования типа бенефиция — престимонии.

Центральный аппарат политической власти представляли король и его «верные», а на местах — графы и судьи. Король обладал верховной властью, назначал и смещал должностных лиц, осуществлял высшую военную и судебную власть, распоряжался государственной казной, созывал церковные соборы. Материальной основой королевской власти являлись доходы от имений короны и поступления от налогов и судебных штрафов. В X в. короли Леона даже присвоили себе императорский титул, что выражало их стремление отвоевать всю территорию Пиренейского п-ова. Однако в VIII—X вв. короли в отличие от готского периода не чеканили монеты (употреблялись готские золотые солиды и серебряные арабские дирхемы), не имели постоянной резиденции.

Графы стояли во главе провинций и обладали административной, судебной и военной властью. Меринос управляли королевскими имениями, собирали налоги, им принадлежали и функции принуждения населения к выполнению повинностей в пользу государства. На судебных нормах и обычаях сказывалось влияние вестготского права. Вплоть до X в. и даже позже продолжали взиматься римские налоги. Иногда применялись нормы вестготских законов, но в целом господствовало обычное право, фиксировавшееся в особых грамотах — фуэрос. Как и в Итальянском королевстве, светские и церковные магнаты приобретали иммунитетные привилегии: право на сбор налогов и штрафов в свою пользу, судебные и административные функции по отношению не только к сервам и зависимым крестьянам, но и свободным людям, проживавшим на территории их вотчин.

Преобладание кавалерии в мусульманском войске в X в. сделало необходимым ее рост и в войсках христианских государств, но лошадь мог купить далеко не каждый крестьянин. В этом случае одного конного воина должна была снаряжать группа свободных людей. В армии возрастала роль знати и богатых крестьян, уменьшалось значение крестьянского пешего ополчения.

Особенности раннефеодального развития Италии, Испании и Южной Галлии не в последнюю очередь обусловливались значительной ролью городской жизни уже в период раннего средневековья. Город в эту эпоху представлял собой, как и в V—VII вв., прежде всего административный, финансовый и военный, а также культурный и церковный центр. В центре города была башня. Вблизи башни — королевский двор, местопребы-

вание правителя города — герцога или гастальда (в Италии), графа (в Испании и Южной Франции), назначаемого королем. Герцог или граф обладали судебной, административной и военной властью. Постепенно на протяжении IX—X вв. все главные функции управления и суда в городе переходят к епископам, и поэтому борьба горожан за самоуправляющуюся коммуну — это, в первую очередь, борьба с епископом. На площади перед церковью происходили общие собрания горожан, на которых обсуждались вопросы ремонта и восстановления городских стен, дорог, ворот и общественных зданий, распределялись налоги, разбирались торговые дела и мелкие происшествия в городе.

В Италии города, несмотря на разрушения, причиненные им лангобардским завоеванием, и заметный их упадок в VII в., не прекратили своего существования. Уже в VIII в. в Италии наблюдается некоторый подъем городской жизни. Документы VIII—X вв. упоминают городских ремесленников разнообразных специальностей, занятых на строительстве судов, на постройке общественных сооружений, церквей и монастырей, чеканкой монеты. Археологами найдены доказательства значительного развития в лангобардский период металлообработки — золота, серебра, бронзы и железа, изготовления оружия и украшений, фибул, золотых крестиков, сельскохозяйственных орудий, шедших и на продажу в страны Западной Европы.

Источники сообщают о наличии объединений ремесленников и торговцев, в чем-то близких к позднеримским коллегиям, но уже заметно отличавшихся от них. Наиболее важное значение в этом отношении имеет «Книга города Павии», датированная началом XI в., но свидетельства которой ученые относят к более раннему времени — IX—X вв. Там упомянуты объединения (министерии) монетчиков, золотодобытчиков, рыбаков, судовладельцев, кожевников и мыловаров Павии, Милана и Пьяченцы. Весьма явна их зависимость от королевской власти (подчинение королевским должностным лицам, королевскому суду, платежи в казну). Вместе с тем некоторые черты этих ассоциаций позволяют видеть в них зародыши будущих цеховых организаций периода развитого феодализма.

В VIII—X вв. существовали довольно широкие и интенсивные торговые связи как между странами Средиземноморья, так и этих стран с другими регионами Европы. В 629 г. в Париже была открыта ярмарка королем Дагобертом, на которую съехались лангобардские, испанские, прованские купцы. В Эдикте Лиутпранда идет речь о купцах и ремесленниках, занимавшихся своей деятельностью и в пределах королевства, и вне его. В законах Айстульфа от 750—754 гг. выступают купцы как социальный слой, имевший немалое влияние в обществе.

Внешнеторговые операции Лангобардского королевства в VII—VIII вв. осуществлялись главным образом в направлении с востока на запад и на север: через Альпийские перевалы, Марсель и Верден — в англосаксонские королевства и Скандинавию. Предметами ввоза с севера и запада были оружие, меха и особенно рабы, с востока — пряности, предметы роскоши. Равенна и порты на р. По были центрами торговли с Византией, откуда поступали шелковые ткани, ювелирные изделия, соль, маринованная рыба, специи и другие товары. В VIII в. происходило перемещение путей торговли континентальной Европы с Востоком к Падуанской равнине и Адриатическому побережью, вызванное рядом причин, в том числе арабскими завоеваниями. Специи и другие восточные товары теперь привозились в Европу из арабской Испании через Францию или из Византии, либо же через Италию. Продолжался импорт в Европу одежд и тканей с Востока. Венецианцы и купцы Амальфи снабжали роскошными одеждами всю Северную Италию, вплоть до Генуи, и Юго-Восточную Германию. Рабы (главным образом славянского происхождения) продолжали быть одним из важнейших объектов торговли. На рын-

ках Лиона и Вердена рабы продавались арабам в Испанию. В работорговле активное участие принимали Византия и Венеция.

Главной торговой артерией Италии была р. По с ее многочисленными притоками и каналами — позднеримскими и раннесредневековыми, соединявшими Милан, Брешию, Павию, Пьяченцу и другие города, а также эти города с Адриатикой. В IX—X вв. ежегодные и еженедельные ярмарки и рынки происходили в Пьяченце, Асти, Верчелли, Милане, Ферраре, Кремоне и др.

История городов Пиренейского п-ова, а также Южной Франции в VIII—X вв. имела свои особенности, связанные, в частности, с арабскими завоеваниями и последовавшим за ними перемещением торговых путей, которое ослабило их традиционные связи с западноевропейскими областями и Востоком. И все же в той или иной мере торговые отношения городов Испании (главным образом запада, юга и востока страны) с Византией и Востоком продолжались через посредство городов Южной Италии.

В VIII—X вв. происходил рост населения ряда испанских городов, которое превосходило население большинства городов Западной Европы этих же столетий. Так, Кордова, столица эмирата, в конце VIII в. насчитывала 5,5 тыс. жителей, в середине IX в.— 9,4 тыс., в конце X в.— не менее 250 тыс. (а по некоторым данным даже от 500 тыс. до 1 млн), Толедо — 37 тыс., Альмерия — 25 тыс. жителей. В IX в. возникли новые города, ряд торговых центров на побережье Средиземного моря. Известно об изготовлении шелковых тканей, обработке металлов, производстве оружия, ювелирном деле.

Постепенно возрождались города и в христианских государствах. С IX в. в Леоне происходили еженедельные торги, куда постоянно доставлялись ткани из Византии, оружие из Франции и другие товары.

В VIII—XI вв. на территории Южной Франции большинство городов возродились на месте старых римских civitas (Марсель, Арль, Нарбонна, Тулуза и др.). Все эти города представляли собой важные пункты на торговых путях, были тесно связаны с Барселоной и Бордо. С конца VIII в. сюда приезжали арабские купцы, затем — норманны (с IX в. главным объектом их внимания стала Тулуза). Весьма важными предметами региональной торговли, как и в предшествующий период, были зерновые, вино, оливковое масло и оливки, мед, рыба и, наконец (но не последняя по значению в этой торговле), соль. Солеварни во Франкском государстве оставались королевской монополией, но король дарил их также церковным учреждениям.

Сохранение в VIII—X вв. (в той или иной степени) городской активности и в сравнительно широких размерах региональной торговли, связи поместий с рынком существенно воздействовали на процесс феодализации в Южной Франции и Испании, который во многом оказался сходным с генезисом феодализма в Италии. Здесь вотчина также характеризовалась отсутствием домена или очень небольшой его ролью и раздачей всей или большей части домена в держания свободным или зависимым крестьянам. Барщина в VIII—IX вв. также не занимала сколько-нибудь заметного места среди крестьянских повинностей. Исключением являлась лишь транспортная повинность. Оброки натурой составляли основную часть крестьянских повинностей. Однако, как и в Италии, денежные взносы и здесь играли не последнюю роль.

Для Южной Франции, как и для испанских государств, характерно замедленное течение процесса разорения мелких сельских свободных собственников. Зависимое крестьянство в основном пополнялось за счет освободившихся рабов. И в Италии, и в городах Южной Франции и частично Пиренейского п-ова немалая роль (как в социальной, так и в административной сфере) принадлежала средней военно-служилой знати, так

или иначе связанной с торговыми операциями. Существование этого слоя наряду с купцами и ремесленниками, многие из которых также обладали землями в сельской округе, во многом объясняет и специфику структуры вотчины, где отсутствовал большой домен.

В варварских королевствах, образовавшихся на территории Пиренейского п-ова, Италии и Южной Галлии, происходила острая социальная и классовая борьба. Повседневной формой сопротивления рабов и колонов являлось бегство. Государство в лице короля и королевских должностных лиц стремилось всячески противодействовать побегам. Уже в ранних вестготских законах срок розыска беглых (очевидно, и рабов, и колонов) повышался по сравнению с постановлениями римского права: беглые теперь могли разыскиваться в течение не тридцати, а пятидесяти лет. Остготские короли принимали всевозможные меры для предупреждения выступлений крестьян и городского плебса. Зачинщикам мятежа грозила смертная казнь на костре. Королю остготов Тотиле, возглавившему в 50-х годах VI в. борьбу против Византии, конфискации земель старой римской аристократии и католической церкви, раздача этих земель дружинникам и свободным воинам, привлечение в войско беглых рабов и колонов позволили одержать ряд крупных побед над Империей. Но в дальнейшем непоследовательность его действий оттолкнула от него массы италийского населения. Это и оппозиция высшей знати привели к поражению Тотилы в битве при Тагине (552), где он был смертельно ранен.

Статьи, угрожавшие смертной казнью за подстрекательство к мятежу (как магнатов, так и «бунтующих крестьян»), были включены и в вестготские законы.

В лангобардской и каролингской Италии свободные отказывались от выполнения государственных повинностей, уклонялись от участия в военных походах. Они отказывались от явки в суд и не подчинялись судебным приговорам королевских должностных лиц, а иные из них покушались на жизнь короля. Они избивали и даже убивали графов, гастальдов и других должностных лиц, поднимали мятежи в королевском войске. Порой рабы-сервы, выступавшие против господ, объединялись со свободными. Последние могли быть их предводителями и подстрекали рабов к насильственным действиям, в том числе и к убийству их господ.

* * *

К XI в. судьбы исторического развития все более отдаляли друг от друга Италию, Испанию и Южную Галлию. Арабское завоевание привнесло совершенно особые порядки в области, которые в течение ряда столетий оказались под владычеством мавров. Присоединение к Франкскому государству Лангобардского королевства в Южной Галлии несомненно способствовало сближению социально-экономических и политических структур этих областей с государством франков.

И все же можно говорить о некоторых особенностях этого региона в целом. Они проявились в характере общины и вотчины, структуре крестьянства, отчасти формирующегося класса феодалов, развитии раннесредневекового города, а в более общем плане — в наибольшем и длительном сохранении позднеримских общественных структур. Влияние варварских завоеваний — остготского, вестготского, лангобардского — здесь было менее явным, чем в собственно западноевропейских областях, отчасти и потому, что готы и даже лангобарды ко времени своих завоевательных походов были уже в немалой степени романизированы, и на этой территории позднеримские и варварские порядки не столь резко противостояли друг другу. И все же после завоеваний начался более или менее интенсивный процесс переплавки свойственных тем и другим на-

родам институтов в новые социально-экономические и политические структуры феодализировавшегося общества.

На первом этапе генезиса феодализма в рамках Юго-Западного региона наиболее быстрыми темпами процесс этот развивался в Вестготском королевстве в VI—VII вв. Но затем, после арабского завоевания, он на некоторое время приостановился, а в первые столетия Реконкисты (VIII—IX вв.) возобновился, но в более замедленном темпе, так как на отвоеванных территориях все время росли масштабы средней и мелкой земельной собственности и соответственно увеличивалось число свободных крестьян. В Италии, где в остготский период процесс феодализации делал лишь первые шаги, темпы ускорились в VIII в., особенно после франкского завоевания. Еще раньше и более быстро складывание феодальных отношений происходило в южной части Франкского государства.

К XI в. феодальное общество в Западном Средиземноморье сложилось в своих основных чертах. Однако оно отличалось от «классического» франкского рядом специфических черт, сохранившихся и в период расцвета феодализма (см. ч. II. гл. 3).

Города, несмотря на отдельные периоды упадка или сокращения городской активности (особенно в VI—VII вв.), продолжали существовать в этом регионе на всем протяжении раннего средневековья, в первую очередь как административно-политические, военные, церковные и культурные центры, но сохраняя частично свое ремесленное и торговое значение. В VIII—IX вв. они все более приобретали черты новых феодальных городов.

Сохранение городской жизни сначала в позднеантичной, затем раннефеодальной форме обусловило ряд своеобразных черт в развитии вотчины и господствующего класса в регионе: наличие среди землевладельцев большого числа не только феодалов, но и горожан, включая принадлежавших к торгово-ремесленным слоям, городскую администрацию, лиц свободных профессий, вело к тому, что эти слои не были заинтересованы в ведении крупного хозяйства на домене, тем самым — в барщинной эксплуатации зависимых от них крестьян. Своего рода «возрождение» городов в IX—X вв. (в Италии раньше, чем в Южной Галлии и на Пиренеях) способствовало росту числа свободных мелких земельных собственников. В Испании подобное явление было в еще большей степени связано с Реконкистой и колонизацией отвоеванных земель.

Отсутствие сложившихся четких социальных граней между верхушкой свободного крестьянства и низшим рыцарством, незавершенность вассально-ленной системы характерны в этот период прежде всего для Испании. На Апеннинах не только в X в., но и позже, вассально-ленная система, особенно бенефициальные пожалования на условиях службы вышестоящему сеньору и королю, также оказалась слабо выраженной, выступая часто под видом многоступенчатой либеллярной аренды, верхнюю ступень которой нередко занимал граф или крупный церковный собственник, а основание составляли непосредственные держатели-крестьяне, в том числе прежние колоны.

Для всех территорий были характерны сохранение и длительное существование домовой крестьянской общины и слабая выраженность соседской, расцвет которой здесь относится уже к XI—XIII вв.

Глава 2

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (IV—XII вв.)

В IV в. единая Римская империя разделилась на Западную и Восточную. Восточные области империи издавна отличались более высоким уровнем развития экономики, и кризис рабовладельческого хозяйства принял здесь более мягкие формы. Нападения варваров, социальные движения и внутренние междоусобицы на Западе в конце III — начале IV в. угрожали самому существованию римского государства, что заставило императора Константина I (306—337) перенести политический центр империи на Восток. Принятие Константином христианства также сыграло в этом свою роль, ибо именно восточные провинции были колыбелью и идеологической опорой христианской религии.

В 324—330 гг. Константин основал на европейском берегу Босфора, на месте древней греческой колонии Византий новую столицу империи, названную по его имени Константинополем. Здесь вырос огромный город, укрепленный с суши и моря неприступными стенами. Его украсили великолепные дворцы и храмы, акведуки и широкие улицы с богатыми домами знати. Константинополь господствовал над проливами Босфором и Дарданеллами, в его руках отныне находились торговые и военно-стратегические пути из Европы в Азию и из Эгейского моря в Черное. Древний Византий позднее дал название всей империи «Византийская», но сами византийцы называли себя римлянами (по-гречески — ромеями), а империю — ромейской. Византийские императоры официально именовали себя василевсами ромеев, а столица империи долгое время носила гордое название «Нового Рима».

Окончательное разделение Римской империи официально произошло в 395 г., после смерти последнего императора единой римской державы Феодосия I (379—395). Географическое положение Византии делало империю как бы связующим звеном между Востоком и Западом. Смешение греко-римских и восточных традиций наложило отпечаток на все стороны жизни византийского общества. Однако Византия пошла своим историческим путем, во многом отличным от судеб как Востока, так и Запада.

Ранний период в истории Византии охватывает первые три с половиной столетия ее существования. В состав Византии в это время входила вся восточная половина бывшей Римской империи. Она включала в себя Балканский полуостров с центром в Греции, острова Эгейского моря, Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет, Киренаику (в Северной Африке), острова Крит и Кипр, часть Месопотамии и Армении, отдельные области Аравии, владения в Причерноморье, в частности в Крыму (Херсонес), и на Кавказе (Лазика). В V в. к ней отошли на западе Иллирик и Далмация (карта № 1). Природно-климатические условия этой огромной империи отличались большим разнообразием. Мягкий средиземноморский, местами субтропический климат прибрежных районов постепенно переходил в континентальный климат внутренних областей. В Сирии, Палестине и Египте засушливое лето сменялось теплой, дождливой зимой; на Балканах и в Малой Азии, напротив, зимы были холодными и снежными. Горный рельеф Греции, части Македонии и Малой Азии сменялся равнинами Фракии и Фессалии на Балканах, плодородными землями долины Нила.

Территория империи состояла преимущественно из областей с высокой земледельческой культурой. Там выращивали пшеницу, овес и ячмень, разводили оливковые деревья и виноградники. Житницами импе-

рии в ранний период были Египет и Фракия. Греция, прибрежные области Малой Азии, Сирии и Палестины славились своими садами, оливковыми рощами и виноградниками. В Египте и Киликии выращивался лен. С VI в. из Китая в Византию проникло искусство разведения шелковичных червей. На степных пространствах Сирии, Палестины, Киренаики, а также на плоскогорьях и высокогорных лугах Малой Азии и Балкан было развито скотоводство. Разводили крупный рогатый скот, овец, ослов, свиней. В Каппадокии, в степях Месопотамии, Сирии и Киренаики, а также Фессалии, Македонии, Эпира выращивали породистых коней, мулов и верблюдов. Античные традиции агрикультуры господствовали в византийском земледелии.

Византия была богата и природными ресурсами. Прибрежные воды изобиловали рыбой. В некоторых областях (в Далмации, Ливане) имелся превосходный строительный лес, камень и мрамор. Золото, серебро, железо и медь добывались в горных районах Балкан, Малой Азии и Понта. Лишь олово в империю ввозилось из Британии и Испании. Египет снабжал Византию важнейшим материалом для письма — папирусом. У побережья Малой Азии и Финикии добывалась особо ценная раковина — мурена, служившая для изготовления знаменитой пурпурной краски.

В ранний период этнический состав населения Византийской империи отличался пестротой. Наиболее многочисленную часть ее населения составляли греки и эллинизированные местные народности — копты в Египте, сирийцы, иудеи в Сирии и Палестине, фракийцы, иллирийцы и даки на Балканах, туземные племена в Малой Азии, грузины и армяне на Кавказе. Латинское население западных областей Византии было сравнительно немногочисленно. Постепенно в Византии складывалось основное этническое греческое ядро. Греческий язык стал самым распространенным, а греки — фактически господствующей народностью. Но завершился этот процесс лишь в последующий период истории Византии. Население огромной Византийской империи в V—VI вв. достигало нескольких десятков миллионов человек.

Своеобразие общественного развития Византии определилось еще в ранний период ее существования. И прежде всего оно проявилось в аграрном строе Византии и в судьбах византийских городов. Для Византии характерно спонтанное развитие феодальных отношений внутри разлагающегося рабовладельческого общества. Синтез элементов феодализма с общественными порядками варваров, в частности славян, был менее интенсивным, чем в Западной Европе. Это обусловило и замедленность разложения рабовладельческого строя в Византийском государстве. В ранний период труд рабов там применялся еще в широких масштабах как в деревне, так и в городе. Византия не знала, однако, как Древний Рим, огромных рабовладельческих латифундий или вилл, целиком основанных на рабском труде. Большая часть рабов здесь была помещена на землю, получала пекулий, имела семью и вела самостоятельное хозяйство. Более многообразные и гибкие, чем на Западе, формы использования рабского труда способствовали его большей рентабельности и более длительному сохранению в Византии. Рабы работали в ремесленных мастерских (эргастериях), в поместьях землевладельцев, в государственных мастерских. Рабский труд использовался в хозяйстве почти всех категорий земельных собственников. В периоды успешных завоеваний, особенно в правление Юстиниана в середине VI в., в связи с притоком новых рабов масштабы рабовладения увеличивались. Таким образом, главным типологическим отличием общественного строя Византии от других стран Европы являлось длительное сохранение рабовладения. Но, как и на Западе, главной тенденцией общественного развития здесь было постепенное сокращение применения рабского труда. Наряду с рабовладением в империи, особенно в восточных провинциях, был очень широко

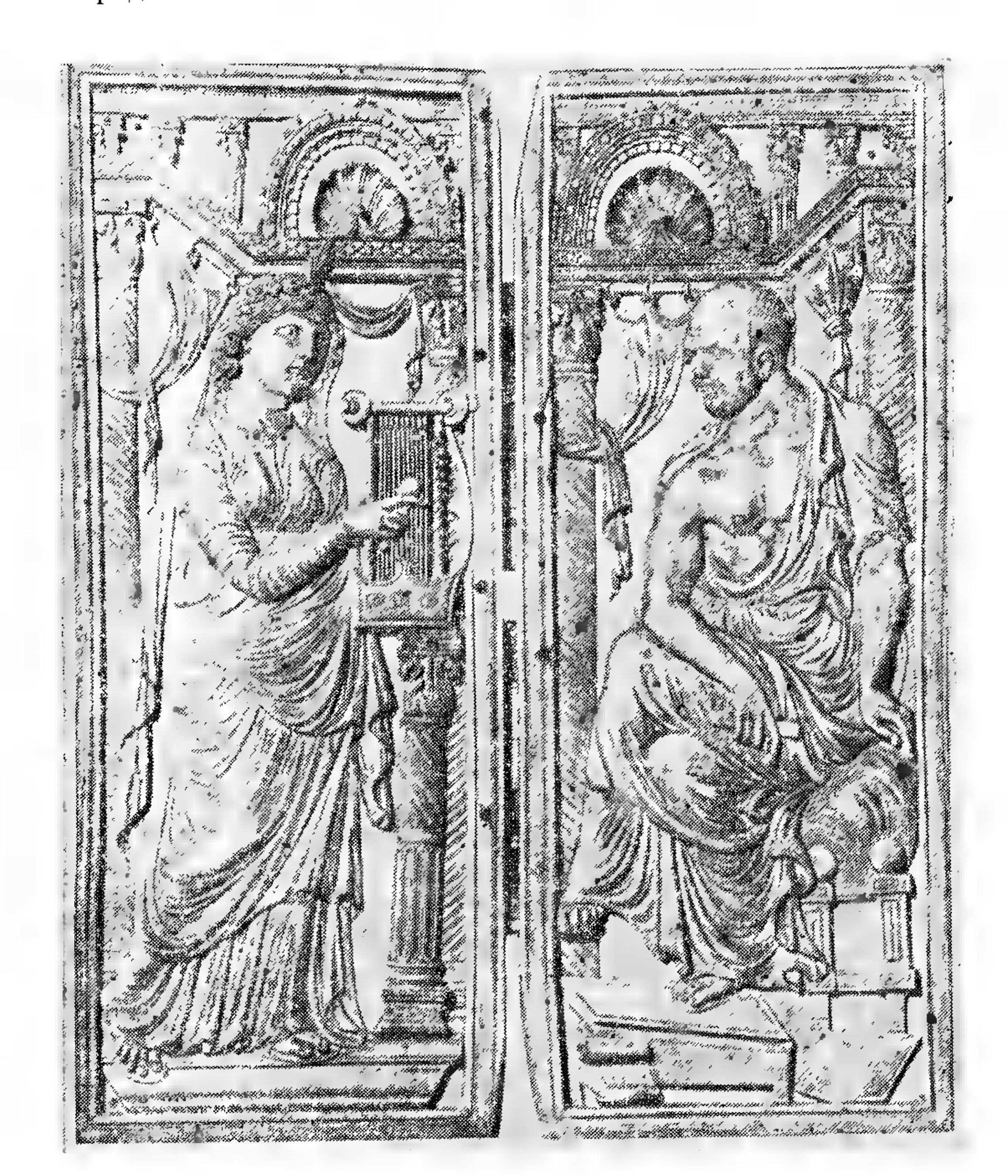
распространен колонат. Колоны разделялись на две основные категории: на свободных и «приписных» (энапографов). Первые считались свободными людьми, имели владельческие права на участок земли, часто арендовали дополнительно землю; энапографы же были бесправны, не имели земли, были приписаны к налоговому цензу имений, где они жили. Позднее на смену рабскому труду и колонату пришла свободная крестьянская община, получившая особенно большое распространение в империи в VIII—IX вв. (см. введение, гл. 1).

В Византии сохранялось крупное землевладение, которое восходило еще к поздней Римской империи и основывалось во многом на эксплуатации труда посаженных на землю рабов и зависимых колонов (энапографов). Крупное землевладение нового феодального типа развивалось в Византии медленнее, чем в Западной Европе. Его росту препятствовали такие факторы, как устойчивость городского муниципального землевладения, наличие самостоятельных сельских общин и особенно значительные масштабы государственной собственности на землю.

Сохранение централизованного государства имело первостепенное значение для всей общественной жизни. Прочной экономической базой центральной власти было наличие значительного фонда государственных земель. Этот фонд состоял преимущественно из владений фиска, а также из императорских доменов и занимал не менее одной трети, а иногда и половину территории провинций. Государственные земли достигали настолько крупных размеров, что не могли полностью обрабатываться жившими на них рабами и колонами. Обычно они сдавались в аренду и тем не менее из-за нехватки рабочих рук часто пустовали. Все чаще практиковалась долгосрочная аренда (эмфитевсис), постепенно превращавшаяся в наследственную. Государственная собственность на землю в Византии, правда, не достигала таких масштабов, как в странах Востока. Однако никаких аналогий этому явлению в других странах Европы в эпоху раннего средневековья не имеется.

Не во всех провинциях огромной Византийской империи разложение рабовладельческого строя и зарождение раннефеодальных отношений шло одинаковыми путями. В Египте и Сирии в IV—VI вв. гораздо более интенсивно, чем в других провинциях, росло крупное землевладение, основанное на труде колонов, а не рабов. Малая Азия длительное время была оплотом мелкого свободного землевладения и крестьянской общины. Рабский труд в сельском хозяйстве наиболее широко применялся в Греции, на островах Эгейского моря, в крупных имениях Киренаики, в западных районах Малой Азии. Придунайские провинции, Далмация и Иллирик сохраняли традиции крестьянской собственности, преимущественно в военных поселениях варваров-федератов и ветеранов. В VI в. во Фракии и Македонии получает преобладание свободная крестьянская община. Муниципальная городская собственность, весьма распространенная в поздней Римской империи, в ранней Византии постепенно начинает приходить в упадок. Зато растут земельные владения православных церквей и монастырей. Несмотря на своеобразие форм собственности и эксплуатации сельского населения, замедлявших формирование раннефеодальных отношений, в империи хотя и медленно, но неуклонно росло землевладение, основанное на новых, более мягких раннефеодальных формах эксплуатации. Они кристаллизовались в поместьях крупных светских и церковных собственников.

Особо складывались судьбы византийского города. Как это ни парадоксально на первый взгляд, своего наивысшего расцвета города достигли не в конце, а в начале истории Византии. В ранний период Византия изобиловала крупными городскими центрами. Природные условия весьма благоприятствовали процветанию внутренней и внешней торговли в городах. Значительные запасы полезных ископаемых стимулировали разви-

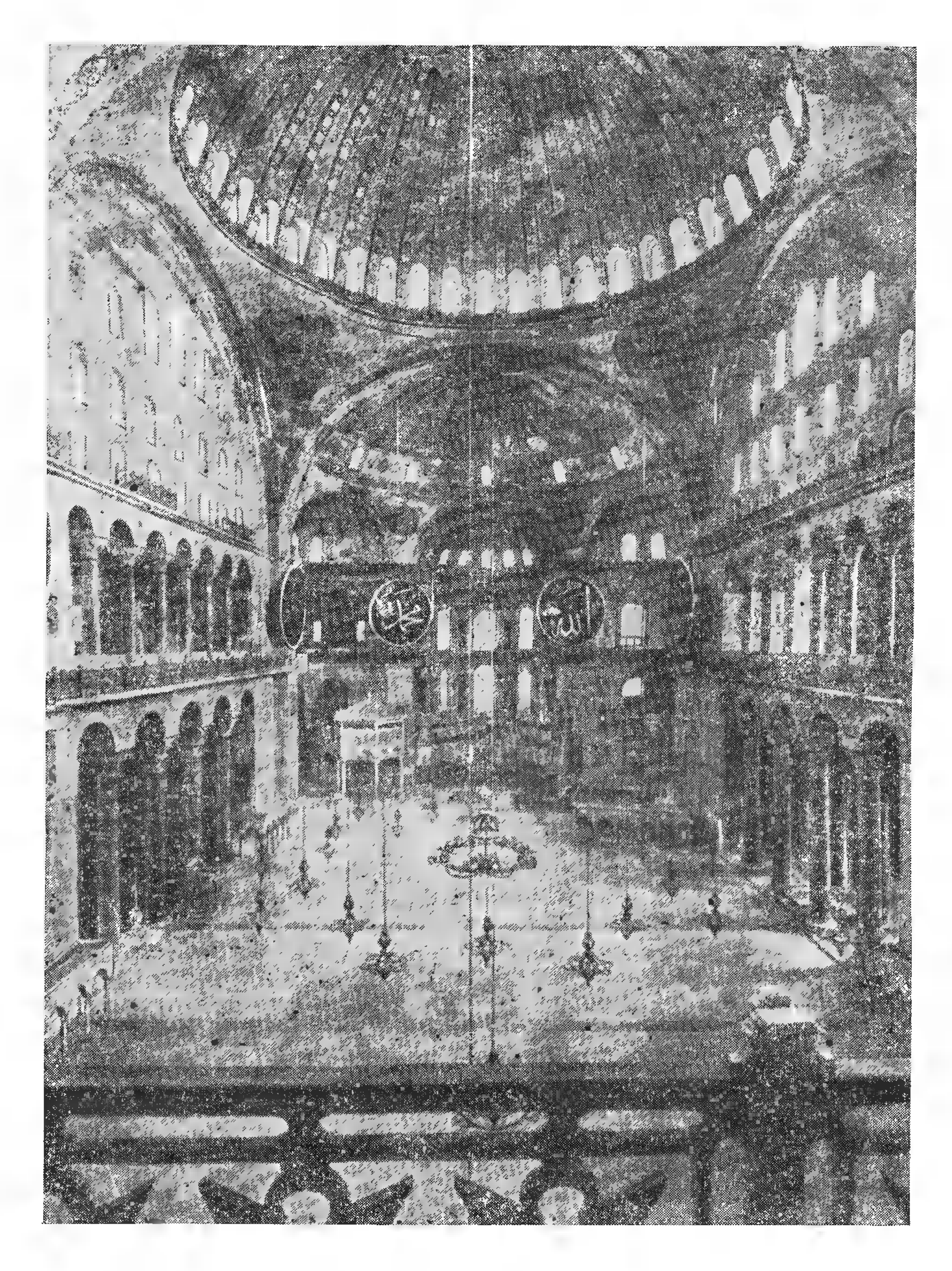

Муза и поэт. Монца. Сокровищница собора. Диптих. Слоновая кость. Около 500 г.

тие горных промыслов, рост производства оружия, орудий труда для ремесла и сельского хозяйства, изготовления стекла, ювелирных изделий и различных предметов роскоши. В IV—VI вв. славились своим богатством, красотой дворцов и храмов, блеском изысканной роскоши, утонченностью образа жизни города империи: Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Эдесса в Северной Месопотамии, Тир и Бейрут в Финикии, Эфес, Смирна, Никея, Никомидия в Малой Азии, а в европейской части постепенно росли и богатели Фессалоники, Филиппополь и Коринф. В ранний период империя ромеев обгоняла Запад по уровню развития городского ремесла и торговли.

Крупные городские центры ранней Византии еще сохраняли внешний облик античного города. Их отличала четкая планировка прямых улиц с портиками и площадями, украшенными античными статуями. Центром городской жизни по-прежнему оставалась агора (форум) — площадь, окруженная красивыми общественными зданиями. Каждый город имел свой богато отделанный театр или цирк (ипподром). Дворцы знати блистали мрамором колонн, красочными мозаиками, утопали в зелени. Акведуки и цистерны обеспечивали снабжение городов водой, всюду строились термы и фонтаны. С богатством центральной части городов контрастировали кварталы ремесленников с их скромными домами и лавками и городские предместья — пристанища бедноты.

Среди городов Византии самым могущественным и богатым была столица — Константинополь. Его возвышение достигло своего апогея в VI в., в правление императора Юстиниана. Именно тогда Константинополь украсился великолепными дворцами и храмами (в том числе храмом

Святая София. Константинополь. 532—537 гг. (Современный интерьер).

Св. Софии), а гавань Золотого Рога стала крупнейшим портом Средиземноморья. Константинополь представлял собой огромный, хорошо укрепленный город с полумиллионным населением. Будучи местом пребывания императорского правительства, резиденцией императора и его двора, центром административного управления государством, Константинополь превратился и в главный идеологический центр империи, а также в средоточие византийской культуры и образованности. Столица империи оставалась очагом светской культуры, но и приобрела новые религиозные функции, став резиденцией Константинопольской патриархии, все более

и более претендующей на главенство среди других патриархий православного мира.

Однако в ранней Византии в культурной жизни с Константинополем соперничали такие очаги древней цивилизации, как Александрия, Антиохия, Бейрут, Эфес, Смирна, Никея, Фессалоники, Коринф и Афины. Византия на заре своей истории по праву могла называться страной городов.

Все раннее средневековье вплоть до XII в. Византия оставалась великой морской державой. Ее жизненно важные экономические интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей. Византийские купцы, особенно сирийцы и египтяне, проникали в отдаленнейшие уголки ойкумены. На востоке торговали с такими сказочными в представлении европейцев странами, как Цейлон (Тапробана), Индия и Китай. На юге византийцы вели оживленный обмен с Аравией (государством химьяритов), а в Африке установили торговые связи с изобиловавшей золотом, слоновой костью и благовониями Эфиопией (Аксум). На севере корабли византийских мореходов достигали Британии и Скандинавии. Оживленная торговля велась с Ираном и Средней Азией (Согдиана). С Востока византийские купцы везли шелк-сырец (метаксу), слоновую кость, золото и драгоценные камни, жемчуг, благовония и пряности, а вывозили туда узорчатые ткани, вышитые одежды, ювелирные и стеклянные изделия.

В торговле с Западом по Средиземному морю византийцы долго сохраняли гегемонию. Фактории византийских купцов появляются в Неаполе, Равенне, Массилии (Марселе), Барселоне. Возрастает торговля Византии со странами Причерноморья и Кавказа, особую роль при этом играет опорный пункт Византии в Крыму город-порт Херсонес. Византийские золотые солиды с изображением константинопольских императоров (василевсов) имели хождение во всех странах и играли роль международной валюты. В VI в. Козьма Индикоплов, купец и отважный мореплаватель, в своей «Христианской топографии» красочно описал путешествие в Аравию, Восточную Африку и на Цейлон, нарисовал картину оживленной торговли Византии через Египет с Эфиопией, Индией и далеким Китаем. Феофан Византиец рассказал о том, как два несторианских монаха вывезли в своих полых посохах из Китая грены шелковичного червя, чем и положили начало производству шелка в Византии. Знакомство со многими странами мира, оживленная торговля с ними способствовали подъему экономики Византии, расширению научных, географических знаний, обогащению византийской культуры достижениями древних цивилизаций.

Важным отличием общественного строя Византии по сравнению с другими странами Европы было, как отмечалось, сохранение централизованного государства и монархической формы правления. В организации государственного управления империей сказалось, с одной стороны, влияние Востока, с другой — устойчивость традиций поздней Римской империи. Разумеется, в истории Византии не раз обнаруживались тенденции к политическому разобщению страны. Однако, за исключением последнего этапа своего существования, государство ромеев оставалось централизованным. Наибольшего расцвета государственная централизация достигла в ранней Византии. В то время Византия выступала как единственная законная наследница великого Рима и претендовала на то, чтобы быть повелительницей всего цивилизованного мира. По своему политическому и административному устройству Византия принадлежала к числу самодержавных монархий. Во главе государства стоял император, власть которого юридически не была ограничена: он обладал всей полнотой исполнительной и законодательной власти; в руках василевса сосредоточивалась и верховная судебная власть, он руководил внешней политикой и коман-

довал армией. Однако фактически власть монарха была ограничена целым сонмом высших чиновников, сенатом (синклитом), различными группировками господствующего класса. Ахиллесовой пятой византийской монархии было отсутствие права наследования императорской власти. Это открывало путь к узурпации и делало престол шатким.

В ранней Византии постепенно кристаллизуется одна из фундаментальных идей средневековой идеологии — идея союза христианской церкви и «христианской империи» (Imperium Christianum). Необходимым условием этого союза для теоретиков христианства было правоверие христианской церкви и правоверие императора. Со времени императора Константина христианская концепция императорской власти постепенно сливается с римской государственной теорией. Именно в ранней Византии были заложены теоретические основы господствовавшей долгое время в империи политической теории симфонии, гармоничных отношений между православной церковью и христианским императором. Культ императора — правителя всей православной ойкумены и культ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительности византийской государственности, родившись еще в ранней Византии, достигают своего апогея в последующие века.

Однако историческая действительность резко контрастировала с этой политической теорией. Писатели и историки ранней Византии оставили потомкам целую галерею портретов императоров IV—VI вв. Аммиан Марцеллин, Зосим, Прокопий, Агафий, Феофилакт Симокатта и другие авторы воссоздали поразительные по своей жизненности и многогранности образы этих правителей. Император Константин I рисуется современниками то как великий государь, мудрый правитель, защитник христианской религии, то как коварный тиран, запятнанный кровью жены и сына, непостоянный и вероломный в своей политике. Знаменитый язычник и философ на троне Юлиан Отступник (361—363) изображается то в самых черных, то в светлых тонах. Юлиан был храбрым полководцем и энергичным реформатором. Однако его попытка восстановить в христианизированной империи языческую религию потерпела полный крах. Полон противоречий и образ императора Феодосия I (379—395). Он отбил натиск варваров, укрепил православие, стабилизировал положение империи, но одновременно жестоко подавлял народные движения, беспощадно боролся с ересями, усилил налоговый гнет.

В ранний период наивысшего расцвета Византийская империя достигла в правление императора Юстиниана I (527—565). Юстиниан — одна из самых ярких, но вместе с тем противоречивых фигур на византийском престоле. Умный, властный и энергичный правитель, неутомимый труженик, инициатор многих реформ, он всю жизнь посвятил осуществлению своей заветной идеи возрождения былого могущества Римской империи. Но под маской великодушия, простоты и внешней доступности скрывалась натура беспощадная, двуличная и глубоко коварная. Юстиниан потопил в крови народные восстания, жестоко преследовал еретиков, расправлялся с непокорной сенаторской аристократией. Верной помощницей Юстиниана была его жена императрица Феодора. В молодости она была актрисой цирка и куртизанкой, но, став благодаря редкой красоте и необычайному обаянию императрицей, проявила недюжинный государственный ум, твердую волю, активно участвовала в управлении страной. Образы Юстиниана и Феодоры были воплощены в произведениях искусства, их правление прославляли услужливые панегиристы и хулили враги. В «Тайной истории» Прокопия, обличительном памфлете, написанном желчью, а не чернилами, были вскрыты все пороки и злодеяния этих правителей.

В первые десятилетия правления Юстиниана империя не только отразила натиск внешних врагов, могущественного Сасанидского Ирана на

Поклонение волхвов. Церковь Аполлинарио Нуово в Равенне. Мозаичный фриз. Около 568 г.

востоке, варварских племен гуннов, готов, славян и авар на севере, но и осуществила широкую завоевательную политику на Западе. Византийскому полководцу Велисарию удалось в 533—534 гг. завоевать государство вандалов в Северной Африке, где был основан Карфагенский экзархат под властью Византии. Более трудной и затяжной была война Византии против королевства остготов в Италии (535—555 гг.). Остготы, особенно при короле Тотиле, оказали византийским войскам решительное сопротивление (см. ч. I, гл. 1). Но победа осталась на стороне империи. В состав государства Юстиниана вошла Северная Италия с центром в Равенне, Рим и окружающие его земли, вся Южная Италия и Сицилия (см. ч. I, гл. 1). Основанный в Италии Равеннский экзархат надолго стал оплотом византийского влияния в этой стране. В 554 г. византийские войска совершили военную экспедицию против Толедского королевства вестготов в Испании и временно присоединили к Византии земли на юго-востоке Пиренейского полуострова. В середине 50-х годов VI в. территория Византийской империи увеличилась почти вдвое, Далмация, Италия, Северная Африка, юго-восток Испании, острова западного Средиземноморья — Сицилия, Сардиния, Корсика, Балеары — были присоединены к державе Юстиниана. Заветная мечта этого правителя о восстановлении Римской империи, казалось, была близка к осуществлению. Византия

при Юстиниане вновь превратилась в самое могущественное государство Средиземноморья.

В ранней Византии сохранялась централизация административного управления. Империя разделялась на две префектуры: Восток, куда входили восточные области (включая Восточную Фракию) с центром в Константинополе, и Иллирик, охватывавший почти все балканские земли, с главным городом Фессалоники. Каждая из префектур делилась на диоцезы, а те, в свою очередь, подразделялись на провинции. В IV—V вв. существовало 7 диоцезов и свыше 50 провинций. В последующее время число административных единиц империи менялось. Во главе префектур стояли два префекта претория, которые пользовались огромной властью. Они ведали гражданским управлением в своей префектуре, назначали и смещали правителей диоцезов и провинций, распоряжались финансами, сбором налогов и пошлин с купцов, наблюдали за постройкой общественных зданий, за императорской почтой. В их ведении находилось содержание и снабжение армии, государственные мастерские и арсеналы, суд и все органы административного управления. Во главе диоцезов стояли викарии, они подчинялись префектам претория и руководили администрацией, судом и сбором налогов в диоцезах и провинциях.

Константинополь был выделен в самостоятельную административную единицу во главе с префектом города (эпархом). Он руководил всей гражданской администрацией столицы, контролировал деятельность торгово-ремесленных корпораций, следил за порядком, благоустройством и снабжением города, ведал охраной императорского дворца, государственной казны и сената. Центральное управление, сосредоточенное в императорском дворце, включало ряд ведомств, во главе которых стояли чиновники высших рангов. Среди них особым влиянием пользовались магистр оффиций и квестор священного дворца. Магистр оффиций руководил внешней политикой византийского государства, заботился об охране императора, был начальником дворцовой гвардии и полиции, ведал оружейными мастерскими, арсеналами Константинополя и государственной почтой. Квестор был главным юристом империи, обладал широкой судебной властью, составлял и рассылал императорские законы и указы. Два комита ведали финансами, а препозит императорских покоев, обычно евнух, был доверенным лицом василевса и заботился о личных делах императора и императрицы. Штат чиновников в империи был очень велик. В Византии сохранялась унаследованная от поздней Римской империи изощренная фискальная система, тяжким бременем лежавшая на всем податном населении византийского государства.

Византийская армия, как и во времена Диоклетиана и Константина, делилась на пограничные и действующие, мобильные войска и включала как рекрутов из местного населения, так и варваров-федератов. Численность ее в V—VI вв. превышала полмиллиона человек. В защите Византии от внешних врагов первостепенную роль сыграл военный флот. Боевые галеры византийцев, благодаря техническим усовершенствованиям, значительно превосходили военные суда многих других средневековых государств.

На состав и характер господствующего класса в Византии оказали решающее влияние основные типологические особенности социально-экономичекого и политического развития общества. Сенаторы еще пользовались большими привилегиями. Они не могли быть арестованы и заключены в тюрьму без санкции сената или императора, были освобождены от налогов — за исключением поземельной подати. Сенаторы сохраняли также и политическое влияние, заседая в сенате или синклите — совещательном органе при императоре. Сенат подготавливал законодательные предложения, выполнял функции высшей судебной и апелляционной инстанции, обсуждал вопросы внешней и внутренней политики

византийского государства. В состав сената входили представители старой аристократии, предки которых переселились из Рима в Константинополь. Пополнение сената происходило путем наследования сенаторского достоинства, через исполнение высших государственных должностей и по личной милости императора. Состав сената систематически расширялся за счет людей незнатного происхождения, выдвинувшихся на государственной и военной службе. Постепенно происходит слияние старой сенаторской аристократии и новой военно-чиновной знати.

Торгово-ремесленная верхушка византийских городов, в первую очередь Константинополя, постепенно также стала важной составной частью господствующего класса Византийской империи. Купцы, владельцы ремесленных мастерских, навклиры (владельцы торговых кораблей) не играли, однако, первенствующей роли в управлении и находились в орбите политического влияния сената, высшей аристократии и чиновничества. Характерной особенностью господствующего класса в империи являлась его нестабильность, отсутствие замкнутости византийской элиты. В империи не существовало непроходимых сословных перегородок и наблюдалась постоянная динамика в составе господствующего класса. Незавершенность и замедленные темпы развития раннефеодальных отношений в империи обусловили относительную слабость землевладельческой провинциальной знати, которая, хотя и оказывала влияние на местное управление, была отстранена от участия в центральных органах государства.

Серьезные имущественные и социальные различия существовали и в среде византийского духовенства и монашества. Большинство монахов и низший клир по материальному положению приближались к бедным слоям населения. Им противостояли высшие церковные иерархи, обладавшие статусом светских вельмож. Наиболее привилегированное положение занимали епископы городов, которые по мере ослабления муниципальной организации сконцентрировали в своих руках политическую и духовную власть в своих епархиях, а также игумены крупных монастырей. Характерным явлением для Византии было наличие многочисленного плебса, весьма пестрого по социальному и этническому составу: свободные мелкие ремесленники, работники частных и государственных мастерских, разношерстный пришлый люд, живущий случайными заработками, подаянием и воровством, составляли народ (демос) столицы и других крупных городских центров империи. Городское население объединялось в особые организации — димы. Необычайно большая роль зрелищ, особенно конных ристалищ на ипподроме и цирковых представлений, в жизни шумных многоязычных и многоликих по социальному составу городов империи породила образование цирковых партий — факций, первоначально спортивных организаций. В Константинополе и в других городах ранней Византии существовали четыре цирковые партии: левки (белые), русии (красные), прасины (зеленые) и венеты (голубые), которые различались по цвету одежд возниц конных квадриг, участвовавших в ристалищах на ипподроме. Доминирующая роль среди них постепенно перешла в венетам и прасинам, оттеснившим на задний план левков и русиев. В течение V—VI вв. димы приобрели немалое влияние в политической жизни городов империи, организуя вокруг себя свободное городское население. Правительство империи принуждено было признать за димами некоторые права: право предъявлять во время зрелищ в цирке требования к императору и его чиновникам, одобрять или критиковать их политику, участвовать в официальных церемониях и носить оружие. Димы были привлечены к обороне столицы, по димам составлялись отряды городской милиции. Формально они участвовали в провозглашении нового императора. В Византии император выбирался сенатом, армией и «народом» — димами. Фактически, разумеется, решаю-

щей силой были сенат и высшие командиры византийского войска, выдвигавшие нового василевса.

Внутри партий цирка существовало глубокое социальное неравенство. Во главе партии венетов стояли, как правило, представители сенаторской аристократии и владельцы пригородных имений (проастиев), в партии прасинов большим влиянием пользовались богатые купцы, навклиры, владельцы ремесленных мастерских. Рядовые димоты обеих партий были выходцами из народа: среди венетов было немало клиентов богатых вельмож, работников пригородных имений; среди рядовых прасинов преобладали мелкие ремесленники, подмастерья, моряки. Между партиями возникали и серьезные социально-политические и религиозные разногласия: прасины сочувствовали ереси монофиситов (см. ниже) и были связаны с выходцами из восточных провинций, венеты защищали православие и поддерживали ортодоксальных императоров. Движение димов и борьба факций все чаще и чаще принимали социальный характер, а низы обеих партий объединялись против притеснений властей.

Так произошло во время самого грозного народного восстания в Константинополе в 532 г., известного под названием «Ника!» («Побеждай!»). Это стихийное выступление населения Константинополя отличалось сложностью и пестротой социального состава участников. Для старой сенаторской аристократии восстание Ника открыло возможность использовать народное движение в целях свержения с престола ненавистного ей «выскочки» Юстиниана, выходца из средних слоев византийского общества. Недовольство сенаторской знати вызывали ограничение Юстинианом политических прав сената, наступление на сенаторское землевладение, выдвижение на высокие посты в государстве незнатных, но преданных императору лиц. Сенаторы опирались на партию венетов. Партия прасинов была недовольна высокими таможенными пошлинами и различными запретами, стеснявшими торговлю, в особенности с Востоком. Народные массы, рядовые димоты обеих партий страдали от налогового гнета и произвола ненавистных чиновников Юстиниана. Известную роль в восстании играли и религиозные разногласия между православными и монофиситами, которым покровительствовала всесильная императрица Феодора.

Восстание Ника началось во время праздника — дня основания Константинополя — 11 января 532 г. и длилось восемь дней. Стихийно объединившиеся димоты обеих партий напали на резиденции префекта претория и эпарха города и разгромили их. В городе начались уличные бои. Восставшие сожгли налоговые списки, захватили тюрьму и выпустили на свободу заключенных. Пожары охватили весь город, многие дворцы и храмы погибли в их пламени. Сенатская оппозиция выдвинула нового императора Ипатия, который был торжественно коронован на ипподроме при ликовании восставшего народа. Во дворце началась паника. Юстиниан в отчаянии решил бежать из столицы на кораблях в Малую Азию. Однако императрица Феодора, явившись на заседание императорского совета, горько упрекнув Юстиниана в позорной трусости, заявила, что предпочитает смерть потере власти, ибо «царская порфира — прекрасный саван». Юстиниан, собравшись с силами, начал наступление на восставших. В это время часть аристократии из партии венетов, испугавшись размаха народных выступлений, отошла от восстания. Немалую роль в этом сыграло и золото Юстиниана, розданное венетам через ловкого евнуха Нарсеса. Полководцы Юстиниана Велисарий и Мунд во главе крупного отряда наемников-варваров вероломно напали на восставших в цирке и всех перебили (убито было около 35 тыс. человек). Ипатий и его брат Помпей были казнены, замешанные в восстании сенаторы сосланы, их имущество конфисковано. Но особенно жестокой была расправа Юстиниана с народными массами. Димы оправились

от этого страшного удара лишь к концу VI — началу VII в., но в конце VII в. они постепенно потеряли свое политическое значение.

Своеобразие общественного развития Византии ярко проявилось и в области правовых отношений. В отличие от других стран средневекового мира в Византии, особенно в ранний период ее истории, сохранилось единое кодифицированное действующее право. В основу законодательства этого времени были положены лучшие достижения римской юридической мысли. Была завершена разработка римской теории права, получили окончательное оформление такие теоретические понятия юриспруденции, как право, закон, обычай, уточнено различие между частным и публичным правом, определены нормы уголовного права и процесса, заложены основы регулирования международных отношений.

Создание при Юстиниане (в период с 528 по 533 г.) Свода гражданского права (Corpus Juris civilis), при известном несовершенстве этого грандиозного творения византийских юристов, является свидетельством высочайшего взлета юридической мысли в VI в. Его творцы — Трибониан, глава всего предприятия, и его помощники профессора права Феофил и Грациан из Константинополя, Дорофей и Антоний из Бейрута — показали себя не только как великолепные знатоки римского права и юриспруденции, но и как вдумчивые, порою творчески мыслящие ученые-юристы.

Свод гражданского права (современники называли его «храмом правовой науки») состоял из четырех частей. Первая часть — Кодекс Юстиниана — был создан из переработанных согласно требованиям эпохи основных законодательных установлений действующего римского права. Вторая часть, самая обширная,— Дигесты — представляла собой сборник огромного числа правовых норм, заимствованных у римских юристов; третья часть — Институции — являлась кратким руководством по юриспруденции для византийских юристов. И, наконец, последняя часть Свода гражданского права — Новеллы — включала новые законы, изданные самим Юстинианом на протяжении времени с 534/535 по 565 г. Византийские юристы в своем обобщающем труде учитывали те существенные изменения, которые произошли в реальной жизни с римских времен. Впервые была юридически признана теория естественного права, согласно которой от природы все люди равны и рабство, основанное на подчинении чуждому господству, противоречит человеческой природе. Оценить в полной мере значение этого постановления можно, только вспомнив, что даже величайшие философы древности Платон и Аристотель считали деление общества на свободных и рабов присущим самой человеческой природе. Прогрессивные реформы были проведены в сфере семейного права, улучшено правовое положение женщины. Особенно ярко это проявилось в законодательстве самого Юстиниана. Большинство его новелл вводило новые юридические нормы в области публичного права, охраняло права церкви, облегчало отпуск рабов на волю. В новеллах законодатель уже не оглядывается назад, в глубокую, хотя и почитаемую древность Рима, но больше устремлен вперед, в эпоху средневековья. Юридическая санкция принципа частной собственности, регулирование торгово-ростовщических операций, прав наследования, семейного права и других институтов римско-византийского законодательства оказали бесспорное влияние на дальнейшее развитие юридической мысли в Западной и Восточной Европе. Именно благодаря своду гражданского права Юстиниана сокровища римской юридической науки смогли стать достоянием юристов средних веков и нового времени.

Византийское государство в течение всей своей истории находилось в центре сложной внешнеполитической борьбы. Внешняя политика Византии осуществлялась с помощью изощренной дипломатии, действия которой искусно сочетались с военным давлением. Византийские правители

умели громить сильного врага чужим оружием, хитрыми интригами, натравив на него его же союзников. Окруженная опасностями, Византия в ранний период постоянно старалась избежать одновременной борьбы на два фронта. И всегда, когда ей это удавалось, она выходила победительницей из самых острых ситуаций. Девизом византийской дипломатии оставался испытанный принцип политики римлян — «Разделяй и властвуй!». Вся внешнеполитическая деятельность империи направлялась из единого центра — императорского дворца и находилась под неустанным строжайшим контролем государства. В сравнении с неупорядоченной, распыленной, зачастую действовавшей несогласованно дипломатией варварских королевств или княжеств централизованная, твердо направляемая государством византийская дипломатия имела свои бесспорные преимущества. Византийская империя обладала огромным штатом высокообразованных дипломатов и массой переводчиков, обученных языкам почти всех народов мира. Заслугой византийской дипломатии является разработка еще в ранний период правил посольского дела: порядка приема и отправления посольств, определения прав и обязанностей послов и других дипломатов. Для охраны своих дипломатов Византия ввела в международное право принцип неприкосновенности личности посла, процедуру заключения и расторжения договоров с иностранными державами, создала формуляры международных договоров, составлявшихся обычно на языках обеих договаривающихся сторон, установила церемониал их подписания. Византийские послы ввели в практику систему верительных грамот, были определены и другие формальности дипломатического ритуала. Пышный церемониал приема иностранных послов в императорском дворце Константинополя должен был своим блеском ослепить варваров, внушить им представление о силе Византийского государства, скрыть от них все его слабости.

Во внешнеполитических интересах византийского правительства умело использовались торговые, религиозные и культурные связи империи с самыми различными странами и народами. Особенно крупная роль во внешней политике Византии принадлежала церкви и церковным миссиям. Распространение христианства являлось важнейшим дипломатическим орудием Византии на протяжении многих столетий. Гибкость и изворотливость были в равной степени присущи и миссионерской деятельности православной церкви. Стараясь скрыть истинные политические цели под маской благожелательности, стремясь привлечь на свою сторону симпатии новообращенных народов, в частности проповедью христианства на местных языках, Константинопольская патриархия применяла более гибкие методы миссионерской деятельности, чем папский престол. Такая гибкая политика православной церкви во многом способствовала утверждению византийского политического и идейного влияния в христианизированных ею странах. Византийский опыт оказал большое влияние на организацию дипломатического дела в средневековых государствах Юго-Восточной и Восточной Европы, служа долгое время своего рода эталоном и для многих варварских народов.

Взлет могущества Византийской империи в правление Юстиниана оказался, однако, недолговечным. При преемниках этого императора Византия вступила в полосу упадка. Успехи Юстиниана были куплены слишком дорого — ценой истощения экономики государства и разорения народных масс. В последние десятилетия VI в. чрезвычайной силы достиг накал социальной борьбы. Выступления народных низов происходили в Константинополе, волна крестьянских восстаний прокатилась по Египту, не прекращались массовые движения в восточных провинциях — постоянных очагах ересей и сепаратизма. На рубеже VI—VII вв. угрожающий характер приняли волнения в византийской армии. В последующие десятилетия страна оказалась ввергнутой в пучину внутренних смут,

вылившихся в подлинную гражданскую войну при императоре Фоке (602—610). Она охватила Малую Азию, Сирию, Палестину, Египет. Византия быстро теряла часть своих владений на Западе и на Востоке. Но тем не менее идея всемирной монархии с центром в Константинополе жила еще долго не только в самой Византии, но и в варварских королевствах Запада. Вплоть до создания на Западе империи Карла Великого варварские королевства — пусть номинально — признавали верховную власть константинопольского императора; варварские короли почитали за честь получать от него высшие имперские титулы и пышные инсигнии своей власти, при дворах западных правителей чеканили монеты, имитирующие византийские солиды. Долгое время многие правители Юго-Восточной и Западной Европы стремились подражать обычаям и нравам византийского двора, использовать систему византийского государственного управления и дипломатии в качестве образца при создании административного аппарата в своих странах.

VII столетие было трудным временем в истории Византии. Самая страшная опасность появилась с Востока — со стороны могущественного Арабского халифата. Последний выдающийся правитель той эпохи, талантливый полководец и вдумчивый реформатор военного и административного устройства империи император Ираклий (610—641) сперва одержал победы над персами на Востоке, но затем отступил перед арабами. Недовольное деспотическим правлением империи население восточных областей поддержало новых завоевателей. В 634—640 гг. арабские войска завоевали Палестину, Сирию и Верхнюю Месопотамию. В 636 г. они разгромили армию Ираклия на реке Ярмук. В последующие два года арабы завоевали Иерусалим и Антиохию, нанеся страшный удар империи. Египет подчинился власти халифов почти без сопротивления. К 642 г. восточные провинции Византии были потеряны. К концу VII в. арабы захватили последние владения Византии в Северной Африке — Карфаген и Киренаику.

На Балканах в 681 г. возникло на территории империи первое независимое варварское королевство — болгарское государство хана Аспаруха (см. ч. I, гл. 6 и 9). Византийское влияние в Италии, в Африке, в странах Закавказья (в Армении и Лазике) было значительно ослаблено. К концу трагического VII столетия Византийская империя превратилась в средневековое государство, намного меньшее по размерам, чем прежде, но зато отличавшееся большим этническим единством, политической и религиозной сплоченностью. Империя стала теперь по преимуществу греческим государством, малоазийские области, приобретшие первостепенное значение в жизни страны, были населены греками и давно эллинизированными племенами. Греческий язык превратился в официальный государственный.

Коренные перемены произошли в сфере социально-экономических отношений. В результате этих перемен в основном подвергалась ломке рабовладельческая экономическая система и наметилась победа прогрессивных общественных тенденций, расчищавших путь к феодализму. Империя вступила в период становления и победы феодального строя. Этот длительный период, охватывавший около пяти столетий (VII—XII вв.), в свою очередь, можно подразделить на два этапа: генезис феодализма в VII—IX вв. и развитие и окончательное торжество феодальных отношений в X—XII вв.

В VII—IX вв. основную роль в экономике Византии играли Малая Азия и Балканы. В значительной их части преобладали изрезанные горами местности с малоплодородными почвами, что обусловило хозяйственную замкнутость отдельных районов и распространение мелкого крестьянского хозяйства. Прибрежные области Малой Азии, равнины

Фракии, Южной Македонии и Фессалии с их плодородной почвой стали главными областями высокой агрикультуры и вотчинного домениального хозяйства. После потери Египта именно Фракия превратилась в житницу империи. В земледелии, как и в ремесле, в Византии больше, чем в каком-либо другом регионе Европы сохранялись античные традиции. Особую роль в развитии производительных сил сыграли демографические сдвиги VII—IX вв., связанные с расселением варварских племен на территории империи. Поселившись на византийских землях, славяне — на Балканах, другие народы (армяне, мардаиты, персы, арабы) — на востоке страны значительно увеличили производительный земледельческий слой населения империи. Умножая ряды свободного крестьянства, славяне в то же время содействовали укреплению общинного крестьянского землевладения в византийской деревне. В VIII—IX вв. шло интенсивное расширение посевных площадей посредством внутренней колонизации и освоения новых земель. По-прежнему главное место в сельскохозяйственном производстве принадлежало хлебопашеству, виноградарству и разведению оливок. Повсеместно было распространено также огородничество и садоводство. Важной отраслью хозяйства являлось животноводство — разведение овец и коз, породистых лошадей, свиней (особенно в Западной Малой Азии и Вифинии, где было много дубовых лесов). В это время наблюдается почти полное исчезновение колонатной зависимости, основной фигурой в сельском хозяйстве становится свободный крестьянин-общинник. Свободная крестьянская община стала центральной ячейкой хозяйственной жизни Византии, основой ее экономики. Одним из ее истоков были местные, соседские общины-митрокомии, связанные коллективной ответственностью перед государством за поступление податей, в которых сохранялись античные традиции — рабство, влияние частной собственности и римского права. Другим ее источником стали общинные порядки славянских племен. Славяне принесли с собой общину, отличавшуюся большой сплоченностью, устойчивостью и прочностью внутренних связей. В отличие от ранневизантийских митрокомий она сохраняла некоторые элементы общинно-родового строя славян, в частности традиций большой семьи, большесемейной собственности и кровнородственных отношений. В результате синтеза этих двух компонентов сложился качественно новый тип общины, засвидетельствованный важным юридическим памятником раннего средневековья — Земледельческим законом.

Византийская община периода генезиса феодализма представляла собой соседскую общину с присущим ей дуализмом общинной и частной собственности. Приусадебные участки и пахотная земля находились в собственности общинников, а неподеленные земли, в том числе сельскохозяйственные угодья — пастбища, леса, луга, воды, составляли общинную собственность. Характерными особенностями византийской сельской общины были отсутствие периодических переделов земли, медленная кристаллизация аллода. Купля-продажа земли была крайне редким явлением, хотя уже существовали такие виды отчуждения, как обмен, аренда, заклад. Однако внутри общины шел процесс имущественной и социальной дифференциации — выделялись более богатые общинники, которые имели рабов, арендовали земли односельчан, и разорившиеся крестьяне-апоры, наемные работники-мистии, рабы. Тем не менее более двух столетий община оставалась деятельным сплоченным коллективом с устойчивой экономической структурой и крепкими общественными связями. Значительная консолидация и жизнеспособность византийской общины отличали ее от современных ей общин Западной Европы. Внутренняя эволюция общины, имущественная дифференциация и вызревание элементов феодализма в ее недрах, равно как и захват общинных земель динатами (сильными), послужили важным источником формирования феодальной вотчины в Византии.

Другим путем складывания феодальных отношений была коренная перестройка крупной земельной собственности, унаследованной от ранневизантийской эпохи. Менялись формы ведения хозяйства, труд рабов и колонов постепенно заменялся трудом разорившихся крестьян, поселившихся в имениях в качестве зависимых людей-париков. Возникали многообразные по структуре типы феодальных вотчин. Огромную роль в складывании феодальной вотчины и феодально-зависимого крестьянства играло сильное византийское государство.

Кризис VII в. коснулся и городов империи. К арабам перешли крупнейшие восточные городские центры — Антиохия, Александрия, Дамаск, Эдесса. Некоторые города в VII—VIII вв. аграризировались и превратились в сельские поселения или крепости. Упадок городов в VII—VIII вв. повлек за собой аграризацию страны и перемещение центра тяжести хозяйственной жизни в деревню. Однако дезурбанизация коснулась Византии в значительно меньших масштабах, чем Западной Европы. В Византии и в эти столетия уцелели крупные города, такие, как Фессалоника и Коринф на Балканах, Эфес, Никея, Аморий, Анкира в Малой Азии и, разумеется, столица империи — Константинополь. Одновременно росли и новые средневековые города на месте разрушенных античных городов или на вновь отвоеванных в VIII—IX вв. территориях. Пережив временный упадок, византийские города раньше, чем города Западной Европы, уже в конце IX—X в. вступили на путь экономического подъема. Причина этого — сохранение многих плодотворных традиций, унаследованных от античности: высокой техники ремесленного производства, секретов и навыков мастерства ремесленников, развитого монетного обращения, поддержки ремесленных корпораций государством. Все это способствовало сохранению византийскими городами экономического превосходства над городами Западной Европы в течение всего раннего средневековья.

Уже в ранний период формирования феодализма постепенно менялся внешний облик городов. При сохранении их стройной планировки с прямыми улицами, богатыми общественными зданиями, двух-, трехэтажными домами античного типа все чаще появляются средневековые укрепленные жилища. Крупные города покрываются многочисленными церквами новой архитектуры. Административной единицей города становится приход с центром в резиденции епископа. В городской округе, да и в самих городах строится много монастырей.

VII—IX вв. отмечены некоторым ослаблением центральной власти в Византии. Значительные изменения претерпевает провинциальная администрация. Еще в VII в. возникает новая система военно-административного деления провинций — фемный строй, получивший большое распространение в последующие два столетия. В первых фемах-провинциях, подобно тому, как это было в экзархатах (в Равенне и Карфагене), военная и гражданская власть осуществлялась одним лицом — стратигом. Число фем и их размеры с течением времени изменялись. Создание фем было связано с перестройкой византийской армии. Фемный строй опирался на воинское ополчение в фемах, состоявшее из стратиотов — свободных крестьян-воинов, обязанных нести в пользу государства воинскую службу за владение собственными или полученными земельными участками, которые передавались по наследству. Фемная организация армии была связана с временным преобладанием в империи свободного крестьянства и ослаблением централизации. Стабилизация византийского государства произошла в правление первых императоров Исаврийской династии — Льва III (717—741) и Константина V (741—775). Лев III — воин, дипломат, реформатор, опираясь на военную знать и фемное войско, сумел отразить натиск арабов. В это время Арабский халифат направил основной свой удар против империи. В 717 г.

сильная арабская армия под командованием Мосламы начала осаду Константинополя. Арабский флот, насчитывавший 1800 боевых кораблей, вошел в Босфор. Благодаря огромной энергии Льва III Исавра и мужеству защитников города, нападение огромной арабской армии на Константинополь было отбито, а арабская эскадра была сожжена «греческим огнем» византийских кораблей. Арабы принуждены были отступить. В 740 г. Лев III в сражении при Акроине одержал новую полную победу над грозным врагом, после которой империя начала постепенно вытеснять арабов из Малой Азии и Сирии. Улучшилось положение Византии на Балканах и в Армении.

Императоры Исаврийской династии были не только воителями, но и реформаторами. При Льве III начались важные реформы в сфере права, общественных отношений и церковной политики.

Особенно широкий политический и идеологический резонанс в Византии вызвали иконоборческие реформы первых Исавров. Иконоборчество потрясало империю в течение целого столетия (726—843). Впервые в истории Византии произошло открытое столкновение государства и церкви, обычно действовавших в союзе. В VIII—IX вв. в связи с временным ослаблением центральной власти значительно возросло влияние церкви и монашества. Выросли церковные богатства, что представляло уже опасность для императорского правительства, столичной бюрократии и военно-служилой знати. Стремление императоров Исаврийской династии вновь поднять престиж центральной власти и ослабить влияние вышедших из-под контроля церковных иерархов и монашества вылилось в форму идеологической борьбы против почитания икон. Культ икон, мощей, церковных реликвий был в руках церкви мощным орудием идейного воздействия на широкие слои населения и приносил церквам и монастырям немалые доходы. Иконоборчество прежде всего было борьбой военной землевладельческой знати и части торгово-ремесленных кругов Константинополя за ограничение могущества господствующей церкви и монастырей, за раздел церковных имуществ. Важную роль в этом движении сыграло стремление светской знати подчинить церковную иерархию государственной власти, император теперь открыто объявлялся главой византийской церкви. Однако эти столкновения были теснейшим образом связаны с глубокими идейными расхождениями мировоззренческого характера, охватившими широкие слои византийского общества.

Возглавили иконоборческое движение императоры Лев III и Константин V. Они стремились консолидировать вокруг центральной власти все оппозиционные церкви и монашеству элементы: провинциальную военную знать, стратиотское войско, горожан Константинополя, столичную интеллигенцию, часть епископата, недовольного политикой Константинопольской патриархии. Оплотом иконоборцев стали восточные провинции империи — Малая Азия и Армения. Богословскую полемику с иконопочитателями вела высокообразованная светская и духовная элита. Живые импульсы иконоборчество черпало из гущи народного сознания, нашедшего воплощение в еретических движениях. Все ереси IV—VII вв.— несторианская, монофиситская и монофелитская (см. ч. III, гл. 5) — подвергали сомнению почитание икон. Иконоборческие идеи ранних ересей отражали протест народных масс против роскоши церкви, распущенности духовенства, призывали к отмене церковной иерархии. Наибольшее распространение еретические движения получили в Армении и Малой Азии. Иконоборческие настроения проникли и в среду еретиков-павликиан (см. ниже). Среди населения восточных провинций сказывалось и идейное воздействие ислама, отрицавшего какие-либо антропоморфные изображения бога. На стороне иконопочитателей объединилось ортодоксальное духовенство, фанатически настроенное монашество,

представители константинопольской патриархии. Им удалось повести за собой часть широких народных масс, особенно в европейских областях Византийского государства. Ярым защитником и поборником иконопочитания выступил папский престол. В 726 г. Лев III Исавр поддержал малоазийских епископов, потребовавших запрещения почитания икон. Сторонник иконопочитания патриарх Герман по настоянию императора в 730 г. был свергнут с патриаршего престола и заменен иконоборцем Анастасием. Папство незамедлительно выступило в защиту Германа, но успеха не имело.

Кульминацией развернувшейся борьбы стал иконоборческий собор 754 г., проведенный под эгидой уже нового императора Константина V Исавра, продолжавшего политику отца. На соборе почитание икон было запрещено как в храмах, так и в частных домах. Иконопочитание объявлялось «эллинской», языческой ересью, а его защитники предавались анафеме. Борьба иконоборцев и иконопочитателей продолжалась с переменным успехом в течение еще длительного периода. В регентство императрицы Ирины, правившей за малолетнего сына Константина VI (780—797), огромное влияние при дворе приобрели ортодоксальные иерархи и монашество. В 787 г. на VII Вселенском соборе в Никее иконоборчество было осуждено, а иконоборческие епископы были вынуждены подписать отречение от своих убеждений. Однако борьба продолжалась до 843 г., когда при императрице Феодоре иконопочитание было окончательно восстановлено. Хотя борьба и завершилась идейной победой иконопочитателей, но фактически был достигнут компромисс между церковью и государством. Церковно-монастырское землевладение было ограничено, многие церковные сокровища конфискованы, а церковные иерархи как в столице, так и на местах фактически подчинены императорской власти. Византийский император окончательно закрепил превосходство светской власти над духовной, утвердил свое право передавать престол главы православной церкви (патриарха) угодному себе церковному деятелю.

В начальный период генезиса феодализма в Византии (середина VII—IX в.) усилились выступления народных масс. Ядром социальных движений той эпохи стало свободное общинное крестьянство, а острие этих выступлений было направлено против податного гнета византийского государства и притеснений общинников со стороны правителей (архонтов), военных командиров (стратигов) и податных чиновников. При наличии в Византийской империи сильной государственной власти, разветвленного налогового аппарата и ренты-налога крестьянские выступления часто принимали форму восстаний против гнета налоговых сборщиков. Порою к народным социальным движениям примешивались религиозные, этнические и даже династические мотивы. Знатные узурпаторы, безвестные самозванцы и просто авантюристы, стремясь к захвату власти в провинции, а иногда посягая и на императорский престол, направляли в своих корыстных целях народное недовольство в русло династической борьбы.

Самым грозным для византийского правительства стало восстание широких народных масс империи под руководством Фомы Славянина (821—825 гг.). Восстание началось в Малой Азии и быстро охватило почти всю эту провинцию. В нем приняли участие крестьяне-общинники, солдаты-стратиоты, закрепощаемые сельские бедняки, беглые рабы. По мере роста движения к нему присоединилась часть городской бедноты, а также различные племена и народности — славяне, гунны, лазы, абазги, недовольные властью империи. Восстание поддержали и павликиане, весьма многочисленные в восточных областях Византии. Территория, на которой первоначально развернулось восстание, простиралась от границ Армении до побережья Эгейского моря.

Вождь восстания Фома, по прозвищу Славянин, к моменту начала восстания был человеком преклонного возраста, прожившим долгую и бурную жизнь. Смелый воин, талантливый военачальник, обуреваемый страстями честолюбец, Фома сочетал в своей натуре безмерное властолюбие с умом хитрого политика, большим жизненным опытом и талантом привлекать на свою сторону сердца людей. Сравнительно в короткий срок под знаменем Фомы собралась огромная повстанческая армия. Ее успехи привели к тому, что в эту армию влились солдаты и некоторые недовольные правлением нового императора военачальники из числа знати. Часть монашества, недовольная иконоборческой политикой правительства и конфискацией имущества монастырей, тоже временно примкнула к движению. Первоначально Фома облегчил налоги, пресекал злоупотребления сборщиков податей, щедро раздавал деньги народу. В борьбе с византийским правительством Фома искал поддержки арабов. Халиф Мамун (813—833), надеясь использовать восстание Фомы в своих интересах, дал ему значительное войско, а арабский флот напал на принадлежавшие Византии острова Эгейского моря и приморские районы Малой Азии.

Одержав ряд побед, повстанцы приняли решение двинуться на столицу империи Константинополь. В декабре 821 г. началась осада столицы с суши и с моря. Под знаменем Фомы собралась восьмидесятитысячная хорошо вооруженная армия и сильный флот. Повстанцы вплотную подошли к городским стенам, а флот Фомы, прорвав железную цепь, преграждавшую вход в Золотой Рог, проник в залив и угрожал городу с моря. В столице началась паника. Однако повстанцам не удалось с ходу овладеть сильно укрепленным городом. Осада затянулась. Она длилась с перерывами около двух лет. Между тем византийское правительство вступило в союз с болгарским ханом Омуртагом, войска которого нанесли Фоме тяжелое поражение. Весной 823 г. повстанцы были разбиты правительственными войсками на равнине Диабасис, близ столицы. Фома с горсткой своих приверженцев укрылся в Аркадиополе. Аркадиополь был окружен плотным кольцом блокады, в нем начался страшный голод. Фома пал жертвой заговора внутри города, он был схвачен заговорщиками и отдан в руки императора. Расправа с Фомой была чудовищно жестокой: ему отрубили руки и ноги, посадили на кол. Казнь Фомы совершилась в середине октября 823 г. Правительство свирепо расправлялось с восставшими, но их сопротивление продолжалось в отдельных крепостях Фракии и Малой Азии. Лишь к 825 г. восстание было окончательно подавлено. Восстание Фомы Славянина, безусловно, было одним из самых крупных народных движений раннего средневековья. Оно оставило заметный след в памяти народных масс Византии.

Одной из типологических особенностей истории раннесредневековой Византии было широкое распространение там ересей как форм социального протеста, тогда как на Западе ереси такого типа возникали только в период развитого феодализма (см. ч. III, гл. 5). Так, крупные народные движения в Византии IX в. были связаны с крестьянско-плебейской дуалистической ересью павликиан, зародившейся еще в VII в. и к IX в. получившей широкое распространение в Малой Азии, а позднее и в европейских владениях Византии. Павликиане, воспринимая земной, материальный мир как царство сатаны, выступали и против власти погрязших в пороках земных правителей, и против церкви с ее богатствами; они выступали против имущественного неравенства, требовали упразднения монашества, упрощения церковных обрядов, отмены иконопочитания, таинств крещения и причастия, культа девы Марии и святых. Их лозунгом было положение апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться — то и не ешь!» Последователи павликиан имелись в разных слоях общества, но основное их ядро составляли крестьяне, тяжесть положения

которых в это время определялась процессом втягивания их в феодальную зависимость. После разгрома восстания Фомы Славянина, в котором многие из них участвовали, павликиане вместе с частью разбитых повстанцев построили на берегу Евфрата сильную крепость Тефрику и создали вокруг нее свое независимое от Византиии и халифата объединение, куда стекались массы беглых крестьян. Отсюда они делали успешные набеги на Византию. Только после ряда походов в 872 г. императору Василию I (867—886) удалось захватить Тефрику и разгромить павликиан. При этом часть их была уничтожена, а часть насильственно переселена на Балканы.

В X—XII вв. Византия вступает в новый период своего исторического существования, характеризующийся интенсивным развитием феодальных отношений во всех сферах общественной жизни. Наиболее ярко становление феодализма проявилось в росте и утверждении крупной феодальной собственности, формировавшейся преимущественно за счет земель свободной крестьянской общины, которая все более беднела и разлагалась. В складывании феодальной вотчины и феодально-зависимого крестьянства централизованное государство играло двойственную роль. С одной стороны, оно само укрепляло феодальное землевладение, широко используя практику пожалования земель, особенно распространившуюся во второй половине X—XII в. С другой стороны, государственная власть еще пыталась сдерживать рост феодального землевладения, ограничить его и сохранить в сфере своего контроля. Такая политика отчасти замедляла темпы вызревания феодальной вотчины в Византии и соответственно — формирования частновладельческой крестьянской зависимости.

Источниками засвидетельствованы в этот период три основных вида крупной земельной собственности: частное феодальное землевладение, церковно-монастырское землевладение, домены императора и его семьи. Процесс феодализации особенно интенсивно развернулся в X—XII вв. в Малой Азии и в районе Фессалоники и Филиппополя на Балканах. Здесь складывались крупные вотчины известных аристократических родов.

В X—XII вв. значительную силу в качестве крупных коллективных феодальных собственников снова приобретают монастыри. Рост монастырской земельной собственности происходил нередко при прямом содействии византийского государства. При основании монастырей императоры, как правило, жаловали им не только земли, но и различные выдачи из казны и освобождение от уплаты части налогов, так называемые солемнии.

Государственные владения располагались обычно чересполосно, среди имений крупных собственников и крестьянских наделов. Они сохранялись на протяжении всего существования Византии. Государственная власть в Византии не обладала верховным правом собственности на все земли подданных. Свободные деревни мелких собственников не могли быть пожалованы частным лицам. Поэтому византийские государи раздавали в виде пожалований знати казенные земли, населенные государственными париками-демосиариями, земли императорских доменов и пустоши. Домениальное хозяйство императоров в период интенсивного развития феодализма обычно не достигало больших размеров и ограничивалось удовлетворением нужд императорской семьи и двора. Однако государственная власть сохраняла за собой право контроля над размерами земель феодалов и числом работавших на них париков.

Долгое время в империи сохранялись такие формы эксплуатации, как использование труда рабов и наемных работников — мистиев. Рабство в IX—XI вв. как уклад было еще достаточно широко распространено; рабы

использовались в качестве домашней прислуги, на тяжелых работах в рудниках, в ремесленном производстве, в мореплавании. Беглые рабы могли быть возвращены господином в любое время независимо от срока давности. Тем не менее рабство постепенно теряло свое значение в сельском хозяйстве и статус рабов сближался с положением низших слоев крестьянства. Наемные работники были лишенными собственности батраками. Это были пришлые люди, по разным причинам ушедшие из родных мест. Мистии работали в поместьях по договору в течение установленного срока и за определенную плату. Юридически они оставались свободными. Однако главную рабочую силу на частновладельческих землях представляло в это время уже феодально-зависимое крестьянство. Как и в VII—IX вв., феодальная зависимость формировалась двумя основными путями: путем втягивания непосредственных производителей в частновладельческую зависимость вместе с их землей, т. е. без предварительной экспроприации и обычно без потери связи с общиной, или путем феодального подчинения, которому предшествовали лишение их земли, отрыв от общины и превращения в париков. Этот второй путь был в империи наиболее распространенным.

Вотчинная организация хозяйства сочеталась в Византии с централизованной, государственной эксплуатацией крестьянства. Нигде в Европе доля прибавочного продукта, присваемая в форме государственного налога, не была так велика, как в Византии. В своих вотчинах византийские феодалы находились под постоянным контролем центральной власти. Государство ограничивало число освобождаемых от налогов крестьян в частных имениях, регулировало размеры взимаемой сеньором ренты и сохраняло за собой право конфискации земли. Именно наличие централизованного государства определило такие особенности общественного строя Византийской империи, как существование многочисленных категорий крестьян, подчиненных непосредственно государству, прикрепление крестьян к деревням и налоговому тяглу, значительная роль ренты-налога в совокупных доходах господствующего класса и казны. Однако по мере развития феодализма в Византии значительно возрастала частносеньориальная доля феодальной ренты и сокращались размеры централизованной ренты. Это все больше сближало Византию с Западной Европой и отдаляло от Востока, где прочно сохранялись централизованные формы эксплуатации.

Иерархическая структура земельной собственности Византии складывалась медленнее, чем в Западной Европе. Коренные изменения произошли лишь в XI—XII вв., когда наряду с другими видами собственности довольно широкое распространение получили такие формы условного землевладения, как прония, близкая к западноевропейскому бенефицию, которую жаловали обычно на срок жизни на условии выполнения какой-либо службы, и геникон, передававшийся в наследственное владение также при условии несения феодалом определенной службы в пользу государства.

Феодальные институты, сложившиеся в Византии: прония, арифмос, харистикий, экскуссия — типологически были близки соответствующим учреждениям вассально-ленной системы Западной Европы, но имели значительные отличия. Прония вела не только к передаче феодалу земельного владения на определенных условиях, но и к предоставлению ему права сбора в свою пользу определенной квоты налогов с этой территории. Государство особенно дорожило своим правом конфискации проний. Прониары же в тех случаях, когда они пользовались правом сбора налогов, стремились превратить пронию в свое наследственное земельное владение. В XI—XII вв. прония четко оформилась как условная феодальная собственность, обычно связанная с выполнением военной службы. Арифмос («число») означал пожалование феодалам права на владение

строго ограниченным числом освобожденных в пользу господина от государственных налогов крестьян-держателей — париков, зафиксированным в императорских хрисовулах. Но при этом государство сохраняло право контроля за числом этих присельников в имении феодала. Институт харистикия представлял собой передачу на определенный срок земли монастыря или иного духовного учреждения в распоряжение светского или другого духовного феодала в качестве условного держания. В Византии, в отличие от Западной Европы, доминирующую роль в иммунитетных правах играли податные привилегии — так называемые экскуссии, а не судебные и административные привилегии. Экскуссия превращала владение феодала в привилегированное, освобожденное от основных государственных налогов, но не полностью изъятое из ведения гражданских и военных властей, в отличие от феодальной вотчины на Западе. Описи крестьянских хозяйств в привилегированных вотчинах производили и далее государственные чиновники, высшая юрисдикция крупным феодалам в Византии никогда не предоставлялась.

Вассально-ленная система оставалась в империи сравнительно неразвитой: феодальные дружины (этерии) выступали здесь чаще как свита, а не как отряды вассалов, связанных со своим сеньором личными, поземельными и формально-этическими узами. Многоступенчатая феодальная иерархическая лестница в Византии так и не создалась, что было закономерно при наличии в империи сильной центральной власти. Государственная централизация определила и относительную слабость провинциальной феодальной аристократии Византии.

По сравнению с Западной Европой процесс феодализации развивался в Византии замедленно и пришел к завершению лишь к концу XI—XII в. Это проявилось в сохранении общины и широких масс лично свободных крестьян-общинников, эксплуатируемых государством, в замедленном развитии вотчины и основных феодальных институтов, в существовании системы государственного контроля за крупной земельной собственностью.

В период интенсивного развития феодализма (XI—XII вв.) происходила и серьезная перестройка социально-экономической структуры византийского города. Города приобретали черты собственно средневековых. По данным «Книги Эпарха» — устава константинопольских ремесленных и торговых корпораций, составленной в X в., Константинополь этого времени был во многом уже новым, средневековым городом, хотя и сохранял еще некоторые античные традиции. Основной фигурой в городском ремесленном производстве становится свободный ремесленник, владелец небольшой ремесленной мастерской. В ней работал сам хозяин — мастер и два-три помощника: мистий, ученик, раб. Большинство ремесленников Константинополя и, быть может, других крупных городов были объединены по профессиям в торгово-ремесленные корпорации, которые пользовались монополией в своей отрасли производства и рядом привилегий.

Наряду с эргастериями свободных ремесленников в Константинополе и других городах имелись многочисленные государственные мастерские по производству предметов роскоши, оружия, монетные дворы и др. В государственных мастерских работали преимущественно рабы и лица, осужденные за какие-либо преступления. Торгово-ремесленные корпорации были обеспечены защитой и покровительством государства, но одновременно подвергались строгому контролю эпарха города.

Покровительство торгово-ремесленным корпорациям со стороны государства стимулировало временный расцвет городского ремесла, обеспечивало торговую монополию и защиту ремесленных корпораций от конкуренции внецехового ремесла, обилие заказов императорского двора, армии, константинопольской знати, безопасность на дорогах и в городах

империи. Вместе с тем оно связывало инициативу ремесленников в отношении технических новшеств.

В X—XI вв. продолжалось поступательное развитие экономики византийских городов. Изобретение «греческого огня» и косого паруса обеспечивало морские успехи империи, а расцвет строительной техники, достижения точных и естественных наук, особенно математики, астрономии и медицины, помогали Византии обогнать в своем развитии многие государства Востока и Запада. Византийское мореходство и торговля, несмотря на конкуренцию арабов и норманнов, все еще играли главенствующую роль в бассейне Средиземноморья, а византийская золотая монета (номисма или солид) высоко котировалась на всех рынках от Евфрата до Гибралтара. Организации византийской морской торговли, морским законам и технике мореплавания византийцев подражали в странах Юго-Восточной и Западной Европы.

Огромную роль во всей общественной жизни Византии и в эту эпоху играл Константинополь. Вплоть до XII в. он оставался центром производства предметов роскоши, средоточием транзитной торговли между Азией и Европой, поистине «золотым мостом» — по выражению Маркса — между Востоком и Западом.

Подъем XI—XII вв. охватил и некоторые провинциальные городские центры. Во многих из них в это время наблюдается улучшение техники ремесленного производства в кораблестроении, металлообработке, изготовлении тканей, изделий из кожи, керамики. Следствием экономического подъема провинциальных городов явилось упрочение внутреннего рынка в отдельных регионах империи. Центрами обмена становятся оживленные, изобилующие разнообразными товарами ярмарки, например ярмарка в Фессалонике, куда съезжались купцы из Беотии и Пелопоннеса, Италии и Финикии, Египта и Испании, Малой Азии и Киевской Руси. Растет и вотчинное ремесло, происходит постепенное втягивание деревни в рыночные связи. В связи с расцветом провинциальных городов иноземные купцы стекаются теперь не только в Константинополь, но и в другие крупные порты империи, такие как Фессалоника, Смирна, Трапезунд. Оживляется торговля с Причерноморьем, Крымом (Херсонесом). Возвышение провинциальных центров в эту эпоху находит яркое воплощение в подъеме каменного зодчества. Интенсивно застраиваются храмами, дворцами знати, домами богатых горожан Фессалоника, Афины, Коринф, Никея, Смирна, Эфес, Трапезунд. Эти города становятся важными центрами образования, культуры и искусства. Рост провинциальных городов повлек за собой усиление политической активности городского населения, появление городских советов, собраний граждан, вооруженных дружин города. Но эти пока еще робкие ростки городской самостоятельности решительно подавлялись центральной властью и местными феодалами.

Со второй половины XII в. в экономике городов, как и во всей империи, появляются черты упадка. Они были вызваны многими причинами. Городские торгово-ремесленные корпорации все болезненнее ощущали сковывавшую их инициативу государственную регламентацию, ослаблявшую их перед лицом столь опасных конкурентов, как торговые города-республики Италии. Близорукая политика императоров из дома Ангелов (1185—1204), покровительствовавших итальянским коммерсантам, открыла дорогу предприимчивым конкурентам в империю. Расцвету городов мешали и постоянные междоусобицы феодалов и их активное вмешательство в дела горожан. С конца XII в. экономическое превосходство окончательно переходит от Византии к государствам Западной Европы. Пожалуй, решающую роль в этом сыграли различия в судьбах византийских и западноевропейских городов. Именно в конце XII в. пути их развития полностью разошлись. В Западной Европе неуклонный рост городских центров привел к кардинальным сдвигам во всей социально-эко-

номической жизни феодального общества, а позднее, в XIV—XV вв., к зарождению в наиболее передовых странах того времени, в Италии и Нидерландах, раннекапиталистических отношений. В Византии же расцвет городов оказался недолговечным и не повлек за собой коренной ломки феодальной экономики страны.

В период генезиса феодализма серьезные перемены происходили в структуре государственной власти. Несколько ослабевшая в VII в. центральная власть в Византии вновь упрочилась в X в., когда выкристаллизовались все формы государственности. Империя ныне управлялась из императорской канцелярии, а провинциальные наместники, получая жалование из казны, полностью зависели от центра. Огромную роль в жизни византийского общества играл централизованный бюрократический аппарат, объединенный в замкнутую, строго иерархизированную касту.

Правление императоров Македонской династии (867—1056) часто называют «золотым веком» византийской государственности. При них оформляются пышный этикет византийского двора, строгий церемониал приема иностранных послов, через институт соправителей происходит упрочение принципа легитимности. Как правило, император делал своего сына соправителем и тем самым закреплял власть за своей династией. Оформление нового государственного устройства произошло в правление Льва VI Мудрого (886—912 гг.). Центральное управление сосредоточивалось в столичных ведомствах (логофисиях), во главе которых стояли логофеты. Основными функциями центрального аппарата были фискальные, судебные и военные. Сохранял свое влияние синклит — совет высшей знати при императоре. В провинциях фемная организация медленно начинала приходить в упадок. Ее место занимало феодальное войско, ядро которого составляли тяжеловооруженные всадники — катафракты. Оно формировалось из зажиточных крестьян, выделившихся из общины, и мелких вотчинников. Все большее значение в пограничных, особенно в малоазийских областях, приобретает войско из военных поселенцев — акритов. Однако рыцарства как особого военно-служилого сословия в Византии, в отличие от Запада, так и не сложилось. В X—XII вв. большую роль во внешней политике Византии, в ее оборонительных и наступательных войнах играл прекрасно технически оснащенный военный флот, вплоть до конца XII в. преобладавший над морскими силами других держав Средиземноморья.

После полосы тяжких поражений международное положение Византии стало улучшаться с середины X в. Империя отвоевала у арабов Верхнюю Месопотамию и часть Малой Азии, области Сирии, Крит, Кипр, вернула под свой протекторат Грузию и Армению. Во второй половине X в. при императоре Василии II (976—1025 гг.) Византия завоевала Болгарию. Весь Балканский полуостров до Дуная вновь вошел в состав Византийской империи. После присоединения Болгарии и ряда сирийских и кавказских территорий Византия вновь стала самым могущественным государством в Восточном Средиземноморье. В XI в., однако, у Византии на Востоке появился новый опасный враг — турки-сельджуки. В 1071 г. при Манцикерте сельджуки нанесли тяжкое поражение Византии и ее союзникам, приведшее к потере Армении и части Малой Азии. Через столетие, в 1176 г., при Мириокефале византийские войска потерпели новое поражение от армии сельджуков. К 1071 г. норманны завоевали Южную Италию, а в 1185 г. захватили Диррахий и Фессалонику. С севера в XI в. на империю постоянно нападали печенеги. Однако после длительного периода внутренних смут и внешних неудач вновь в конце XI в. происходит консолидация всех сил империи вокруг новой династии Комнинов. В правление трех первых императоров этого дома — Алексея I (1081—1118), Иоанна II (1118—1143) и Мануила I (1143—1180) — Византия отвоевала у сельджуков почти все малоазийское побе-

режье, подчинила, правда, временно Сербию и Венгрию, боролась за гегемонию в Италии, успешно предотвратила конфликты с крестоносцами I и II крестового походов. В этот период Византия вновь выступала на международной арене как великая европейская держава.

В правление Комнинов империя возродила былую централизацию государства. Здание новой централизации Комнины, однако, строили, как это ни парадоксально, опираясь по существу на силы децентрализации — военно-феодальную знать и расцветшие провинциальные города. В XI—XII вв. происходит экономическое усиление и политическая консолидация феодальной знати. Интенсивно идет процесс формирования наследственной родовитой аристократии. Первые три правителя из династии Комнинов были выдающимися государственными деятелями. Алексей I Комнин сумел вывести империю из тяжелого кризиса, победить мятежных магнатов и опасных внешних врагов и упрочить власть своей династии. Успехи ему обеспечили не только его исключительная энергия, ум государственного человека, скрытность и осторожность хитрого дипломата, талант и смелость военачальника, умение не падать духом в самых тяжелых ситуациях. Главной причиной его побед была поддержка сильной феодальной аристократии провинций, которую он сумел сплотить вокруг трона. Столичная знать и влиятельные чиновники были оттеснены от управления государством. Теряла влияние и столичная торгово-промышленная верхушка, поскольку Комнины поддерживали провинциальные города.

Сын Алексея Иоанн II Комнин еще более упрочил положение византийского государства. Он сочетал сдержанность и взвешенность решений, суровость и замкнутость характера с воинской энергией и дипломатическим тактом. Особенно широкую известность приобрел его сын Мануил I Комнин, удачливый полководец, рыцарственный и храбрый воитель, но самовластный, порою капризный и склонный к авантюрам государь. В его правление империя значительно сближается с Западом. При дворе Мануила Комнина расцветают западные обычаи и нравы, сам император участвует в турнирах в честь прекрасных дам, поэты-трубадуры прославляют его подвиги.

При Комнинах меняются стиль и характер византийской дипломатии. Византия отказывается от исконной гордой политики «блестящей изоляции» и все активнее ищет на Западе союзников. Династические браки с европейскими правителями становятся теперь одним из важных средств дипломатии империи. Мануил I строит даже универсалистские планы создания в Европе единой империи, единой церкви и под властью единого монарха в лице византийского императора. Но времена универсалистских монархий уже прошли, а Европа стояла на пороге рождения национальных государств. Честолюбивым мечтам Комнинов так и не было суждено сбыться.

В X—XII вв. в империи не прекращалось социальное брожение народных масс. Наиболее ярким проявлением его были неоднократные вспышки павликианских еретических движений, переплетавшиеся с близкой им по духу дуалистической крестьянской ересью богомилов, зародившейся в X в. в Болгарии, но затем захватившей и Византию (см. ч. I, гл. 6), особенно после завоевания ею Первого Болгарского царства (в 1018 г.). Начало правления Алексея Комнина было отмечено крупным богомильско-павликианским восстанием в Филиппополе, где ересь охватила и воинские контингенты, отказавшиеся воевать против норманнов. После взятия Филиппополя восстание вспыхнуло вновь в 1084 г. Во главе его стал способный военачальник Травл, нанесший поражение правительственным войскам. Только в самом конце XI в. Алексей Комнин окончательно подавил это народное движение, жестоко расправившись с его участниками.

В XI—XII вв. все яснее кристаллизовались основные различия между православной и католической церквами, которые во многом отражали различия в общественной структуре и идейной жизни Византии и Запада. После неудачи иконоборческого движения и восстановления иконопочитания подчинение православной церкви императору вновь стало свершившимся фактом. Новая попытка утвердить равенство светской и духовной власти при патриархе Фотии (ок. 810—897) тоже окончилась неудачей. Фотий — крупный богослов и церковный деятель, поклонник и знаток античной культуры, один из первых среди византийских патриархов начал борьбу против главенства императора над церковью. Он открыто отстаивал идею равенства светской и духовной власти, за что поплатился своим саном. Фотий проводил широкую миссионерскую деятельность и способствовал вопреки папству распространению православия среди славянских народов: в Болгарии, Моравии, сербских княжествах и на Руси. При нем же с особой силой проявились политические и догматические разногласия с Римским престолом, что явилось как бы прелюдией к разделению церквей.

В 1054 г. произошел резкий разрыв между Константинополем и Римом. Патриарх Константинополя Михаил Кируларий (1043—1058) закрыл подчиненные Риму церкви и монастыри в Византии, объявил ересью традиционное у латинян причащение опресноками и соблюдение субботнего поста и категорически отказался признать верховенство папы над восточной церковью. Папа Лев IX осудил действия константинопольского патриарха. 16 июля 1054 г. в Константинополе римский кардинал Гумберт возложил на алтарь Св. Софии грамоту с отлучением патриарха Кирулария от церкви, тот, в свою очередь, отлучил папского легата и объявил сторонников западной церкви еретиками. Схизма 1054 г. продлилась недолго и завершилась временным компромиссом. Она активизировала, однако, деятельность католического духовенства на Балканах — в Хорватии и Западной Сербии. Вместе с тем схизма усилила антилатинские настроения в Восточной Сербии, в Болгарии и на Руси.

Окончательный раскол был неминуем. Он действительно произошел, когда после завоевания Византии крестоносцами католическая церковь попыталась провозгласить папскую супрематию на Востоке, но натолкнулась на решительное сопротивление как греческого духовенства, так и широких масс населения. В последующие столетия церковные разногласия переросли в открытую вражду схизматиков — греков и католического Запада, и все попытки заключения церковной унии успеха не имели.

Латинское завоевание Византии в начале XIII в. было подготовлено всем ходом социально-политического развития империи. Немалую роль сыграли идеологические и религиозные расхождения православного населения империи с папским престолом. При преемниках Мануила Комнина византийское государство было ввергнуто в пучины смут и междоусобиц. Начались выступления народных масс городов, особенно столицы, недовольных экономическим засилием иностранцев, в частности итальянцев. На волне этих движений к власти в 1183 г. пришел двоюродный брат императора Мануила Андроник I Комнин (1183—1185), одна из наиболее колоритных фигур на византийском престоле. Великий честолюбец, обуреваемый сильными страстями, обольстительный красавец, склонный к авантюрным похождениям, Андроник сочетал рыцарственное благородство, безрассудную храбрость и щедрость с коварством и жестокостью. Придя к власти, он пытался провести ряд реформ, направленных на некоторое улучшение положения народных масс и ограничение всевластия феодалов и высшей знати. Расправившись со всеми своими соперниками, он начал кровавые преследования столичной знати. Однако правление Андроника было недолгим. Военные неудачи и растущее недовольство самовластным правлением василевса решили его судьбу. В 1185 г. знатный

вельможа Исаак Ангел сверг Андроника, подняв против него народное восстание в столице. Андроник был схвачен и предан мучительной казни.

В правление династии Ангелов (1185—1204) упадок Византии продолжался. Обострились до крайности отношения с Венецией. Влиятельные слои на Западе, в том числе Венеция, добились изменения направления IV крестового похода: вместо Палестины и Сирии объектом его стал Константинополь. В походе против Византии объединились интересы римской курии, мечтавшей подчинить власти папского престола схизматиков-греков, Венецианской республики, добивавшейся торговой гегемонии в Средиземноморье, Германской империи, стремившейся к усилению политического влияния на Востоке. Раздираемая внутренними противоречиями Византия не смогла оказать сопротивления крестоносцам. Ситуация осложнилась из-за разгоревшейся династической борьбы. Император Исаак Ангел (1185—1195), в свою очередь, был свергнут с престола и ослеплен своим братом Алексеем III (1195—1203). Весной 1202 г., накануне IV крестового похода, в Италию бежал сын свергнутого императора Исаака Ангела царевич Алексей. Он попросил крестоносцев помочь ему и его отцу вернуть утраченный престол, тем самым крестоносцы получили благовидный предлог для похода на Константинополь. Крестоносное войско во главе с Бонифацием Монферратским, захватив у венгров Задар, весной 1203 г. двинулось на Византию. Летом этого года началась осада Константинополя с суши и с моря. Жалкий правитель, Алексей III, захватив государственную казну и императорские драгоценности, бежал с семьей из осажденного города, бросив столицу империи на произвол судьбы. И хотя осажденные выполнили требование крестоносцев и провозгласили снова императором слепого Исаака Ангела, а его соправителем царевича Алексея, осада продолжалась. Крестоносцы потребовали от византийцев уплаты огромной контрибуции. Наиболее неумолимым противником Византии был венецианский дож Энрико Дандоло, имевший старые счеты с ненавистными ему ромеями. Папа Иннокентий II внешне как будто бы стоял в стороне, но на самом деле покровительствовал завоеванию империи схизматиков-греков. В осажденном городе вспыхнул народный мятеж, императоры из дома Ангелов были свергнуты с престола, а василевсом был провозглашен знатный вельможа Алексей Дука, по прозвищу Мурчуфл (Хмурый). Крестоносцы, между тем, готовясь к захвату великого города, разработали на своем совете план завоевания Византии и раздела ее владений. 12—13 апреля 1204 г. начался штурм города. Решающий удар рыцари нанесли со стороны Золотого Рога. Придвинув вплотную к стенам корабли и перебросив с них мостки, по которым перешли воины, крестоносцы захватили укрепления и ворвались в город. Они открыли ворота основным силам крестоносного войска, и судьба Константинополя была решена. Три дня продолжался страшный разгром Константинополя, в городе начались пожары, в пламени которых погибли прекрасные памятники искусства. Город был разграблен и опустошен, а его жители были перебиты или обращены в бегство. Ценные произведения искусства, древние рукописи и книги были сожжены или захвачены крестоносцами и увезены на Запад. Гордость Византии Св. София была осквернена, опустошена и разграблена. Знаменитая квадрига коней Лисиппа, шедевр античного искусства, по приказу дожа Энрико Дандоло была увезена в Венецию, где по сей день она украшает главный портал собора Св. Марка. Весной 1204 г. Византия временно перестала существовать, а на ее развалинах возникло новое государство — Латинская империя и ряд самостоятельных греческих государств (см. ч. II, гл. 4).

Глава 3

ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Возникшее на развалинах Западной Римской империи Франкское государство было одним из крупнейших в раннесредневековой Европе. В период своего апогея оно охватывало всю территорию современных Франции, Бельгии и Люксембурга, а также ряд областей Нидерландов, ФРГ, Италии и Испании. Более чем четырехсотлетняя история Франкского государства составляет как бы пролог истории большинства современных западноевропейских стран и в первую очередь Франции.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА

В 486 г. в битве при Суассоне потерпел поражение от франков последний римский наместник в Галлии Сиагрий. Во главе победителей стоял девятнадцатилетний отпрыск знатного рода Меровингов Хлодвиг. Племя салических (приморских) франков, часть которого возглавлял Хлодвиг, входило в обширную группу западногерманских племен, с IV в. расселившихся в низовьях Рейна на правах римских федератов. В V в. франки расширили границы подвластной им области до р. Соммы. В ходе дальнейших военных экспедиций салических франков власть их военных вождей постепенно укреплялась. Уже в V в. все франкские короли принадлежали к одному и тому же роду Меровингов. Наследственность королевской власти не исключала, однако, сохранения у них некоторых обычаев военной демократии. Так, после упомянутой победы под Суассоном Хлодвиг, по рассказу Григория Турского, не смог получить сверх доли военной добычи, полагавшейся ему, как и всем участникам сражения, драгоценной чаши из суассонского собора, которую он обещал возвратить местному епископу (Хлодвиг уже в 80-е годы V в. стремился к установлению связей с христианской церковью и римским клиром). Правда, через год после этого Хлодвиг жестоко расправился с воином, воспрепятствовавшим этому его желанию (Greg., II, 27). Тем не менее согласия дружины на то, чтобы отказаться от поклонения языческим идолам и принять христианство, он добился только через 10 лет (в 496 или 497 г.). Крестившись по римско-католическому (а не арианскому, как бургунды и вестготы) образцу, Хлодвиг укрепил свой союз с галло-римской церковной и светской аристократией и обеспечил себе сравнительно благожелательное отношение местного христианизированного населения. Это облегчило включение во Франкское государство Бургундии (Хлодвиг женился на бургундской принцессе-католичке) и помогло военным победам над Вестготским королевством.

Через 22 года после битвы при Суассоне Хлодвиг овладел уже большей частью Галлии. Его власть была признана византийским императором Анастасием, приславшим Хлодвигу консульские инсигнии. При сыновьях Хлодвига — в середине VI в.— Франкское государство простиралось уже от Пиренеев и Средиземноморья на юге до земель, населенных баварами и тюрингами в правобережье Рейна.

Каков был общественный строй Франкского государства в VI в.? Напомним прежде всего, что большая часть его территории в течение предшествующих пяти веков находилась под властью Рима. Это не могло не наложить сильнейший отпечаток на все стороны жизни Галлии. Но последствия этого господства в разных областях были не одинаковыми. Северная Галлия, относительно удаленная от Рима и гораздо менее освоенная им, чем Южная, дольше сохраняла свою самобытность (исключение составляла на севере лишь долина Рейна — граница Римской империи,

вдоль которой стояли гарнизоны и которая издавна была сильно романизирована).

Констатируя эти различия Севера и Юга Галлии, историки XIX и первой половины XX в. вообще отрицали сколько-нибудь интенсивное влияние Рима на развитие Северной Галлии и в период Ранней империи, и позднее. В 70-е годы нашего столетия под влиянием новых археологических открытий эта точка зрения подверглась пересмотру. С помощью аэрофотосъемки под верхним слоем почвы обнаружены фундаменты римских поместий II—III вв., а отчасти и IV в. Число таких вновь найденных поместий измеряется многими сотнями. Их неизвестность исследователям предыдущих поколений не должна удивлять: руины римских построек и в самом деле встречаются в Северной Галлии неизмеримо реже, чем в Южной. Видимо, мощные волны иноземных нашествий, прокатившиеся по равнинам Северной Галлии, смели эти поместья с лица земли и породили ложное представление об их полном отсутствии.

Длительное существование крупных и средних римских поместий в основных областях Северной Галлии отражало ее интенсивную романизацию и, в первую очередь, укоренение здесь новой классовой общественной структуры. В стороне от этого процесса остались лишь удаленные лесные районы, в которые была оттеснена часть галльского населения. В наиболее же плодородных местах крупная и средняя земельная собственность римского типа просуществовала (по крайней мере, частично и с временными перерывами) вплоть до прихода франков. Что касается Южной Галлии, то здесь преемственное сохранение этой формы землевладения вплоть до VI в. давно не вызывает сомнений. Ее роль была еще выше, чем в северной половине страны.

В свете подобных наблюдений по-новому зазвучали имеющиеся в варварских Правдах VI в., актах церковных соборов и в повествовательных памятниках данные о крупных римских землевладельцах, об использовании ими рабов и колонов, об имущественном неравенстве и частнособственнических сделках в галло-римской среде. Они приобрели значение весомых аргументов в пользу сохранения не только в Южной, но и в Северной Галлии некоторых существенных черт позднеантичного наследия.

Длительности его влияния способствовала и политика первых Меровингов. После истребления Хлодвигом соперничавшей с ним родовой аристократии его ближайшую опору составляла не только франкская служилая знать. Последняя была еще очень малочисленна: число «левдов» — дружинников (термин leudes близок к fideles «верные»), крестившихся вместе с Хлодвигом, составляло лишь 3000. В не меньшей (если не большей) мере Меровинги опирались на галло-римскую землевладельческую аристократию, привлекавшуюся ими к службе при дворе, в местных органах власти и в церковной иерархии. Естественно, меровингские короли не покусились ни на институт рабства, ни на колонат, ни на земельные владения галло-римских магнатов, поддерживавших франков (конфискации подверглись преимущественно земли римских императоров и необрабатываемые территории). Сохранили Меровинги и римскую денежную налоговую систему, и римское право (для галло-римского населения). Более того, записанный в конце правления Хлодвига (начало VI в.) франкский судебник Салическая правда узаконил привилегированный статус высшего разряда римлян — так называемых королевских сотрапезников: их вергельд — денежное возмещение за убийство (300 солидов) был в полтора раза выше вергельда рядового свободного франка (200 солидов); в то же время вергельд римлянина — «трибутария» (т. е. крестьянина-налогоплательщика) был почти в 5 раз ниже, чем у знатного римлянина (63 сол.), хотя и в 4 раза выше штрафа за похищение раба (L Sal, XLI, 5—7).

Однако полной преемственности между социальной системой поздней античности и общественным строем Франкского государства не было. За время войн и восстаний V—VI вв. ряд галло-римских поместий и поселений был стерт с лица земли. Вместе с бюрократической машиной римского государства рухнули и немаловажные устои римского общества. Бегство рабов и колонов от своих господ стало обычным явлением. Роль рабского труда сократилась. Еще более явным стал упадок античных городов (начавшийся еще во времена Поздней империи). В Галлии, особенно в Северной, резко усилились натурально-хозяйственные тенденции и аграризация экономики, увеличилась обособленность отдельных географических областей. Позднеримские городские округа (civitates) уступили во Франкском государстве место пагам (сельским округам), которые в своем большинстве были намного меньше, чем римские административные единицы и отличались большей изолированностью. Римские муниципальные курии прекратили свое существование, власть на местах сосредоточивалась теперь в руках христианских епископов. Могучим соперником графов и епископов на местах выступали земельные магнаты — старые, галло-римские или новые, получавшие земельные пожалования от франкских королей. В еще большей мере, чем в позднеримское время, магнаты пользовались в своих владениях правами частной власти, отвечали за поступление налогов и т. д. В общем, в VI в. в социально-экономической структуре Франкского государства произошли важные изменения: еще более сократились масштабы рабовладения; резко увеличилась роль рентной эксплуатации мелких землевладельцев; в общественной верхушке место рабовладельческих слоев все в большей мере занимала землевладельческая и служилая знать разной этнической принадлежности; среди эксплуатируемого населения выросла доля мелких свободных собственников и полузависимых земельных держателей.

Немалое влияние на изменение социального строя оказало основание ряда новых германских поселений. Правда, удельный вес вновь расселившихся германцев среди местного (галло-римского или романизированного германского) населения был очень невелик — в целом они составляли не более 5%. Но отдельные области — низовья Рейна и Мааса, левобережье Среднего Рейна — были заселены ими достаточно компактно (в отличие от этого в правобережье Рейна германцы составляли основное население — см. ч. I, гл. 4).

Общественные отношения в немецких поселениях не имели ничего общего с позднеантичными. Ярче всего их характеризует Салическая правда. Согласно этому судебнику, основную массу франков составляли полноправные свободные люди, совмещавшие сельскохозяйственный труд с участием в управлении. Обладая правами-обязанностями членов варварского общества, франки участвовали в военном ополчении, присутствовали на собраниях «сотни» — низшей территориально-племенной административной единицы, обеспечивали выполнение судебных решений, выбирали судей, пользовались правом на долю военной добычи и т. п. Каждый свободный франк имел дом, усадьбу, земельный участок, мог пользоваться лесами, лугами, водами и прочими угодьями, мог владеть иноплеменным рабом или полусвободным-литом. Жители каждого франкского хутора или тем более деревни составляли общину. Она регулировала порядок пользования угодьями, ведала выморочными и неосвоенными землями, обеспечивала взаимопомощь между общинниками. Рядовым свободным противостояла франкская знать. В VI в. ее господство основывалось еще не на производственной эксплуатации рядовых свободных, но на занятии важных государственных должностей, военной добыче, с середины VI в.— после появления у франкской знати крупных поместий — и на эксплуатации иноплеменных рабов и зависимых. Социальная

дифференциация во франкском обществе VI в. не дошла, следовательно, до классового раскола, она ограничивалась раннеклассовыми формами.

Общественные отношения такого же типа существовали в VI в. и в поселениях, создававшихся рипуарскими франками и алеманнами. Хотя область преобладания этих отношений в целом была очень невелика, они привносили в социальную структуру Франкского государства свою специфику, увеличивали ее внутреннюю неоднородность, способствовали разложению позднеантичных порядков. В результате общественный строй Франкского государства в течение большей части VI в. отличался причудливым сочетанием деформированных черт позднеантичной системы, элементов разлагавшегося родоплеменного общества, а также некоторых «протофеодальных» по своей сути явлений. Подобные явления зародились еще во времена поздней античности (рентная форма эксплуатации, частная власть магнатов, отношения патроната и т. п.). Некоторые из них складывались и в разлагавшемся варварском мире. Но условия для их укрепления и роста сложились только в ходе коренной ломки позднеримского и германского обществ в период их столкновения и синтеза (см. введение, гл. 1). Развернувшийся в результате всего этого процесс зарождения феодального уклада с особой силой проявился начиная с рубежа VI—VII вв.

ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО МЕРОВИНГОВ В КОНЦЕ VI – НАЧАЛЕ VIII В. И СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО УКЛАДА

К концу VI в. внешнеполитическая экспансия преемников Хлодвига угасла. Войны против соседей сменились междоусобной борьбой. Еще сыновья Хлодвига разделили между собою франкские владения, следуя обычному для германцев правилу равного раздела наследственного достояния между мужскими потомками. Во времена внуков и правнуков Хлодвига распри правителей отдельных частей королевства достигали крайней ожесточенности. Междоусобицы прерывались, лишь когда смерть соперников позволяла более удачливому из них на время воссоединить владения. Так случилось, например, при сыне Хлодвига Хлотаре I в 50-е годы VI в. или при правнуке Хлодвига Хлотаре II и сыне этого последнего Дагоберте I во втором десятилетии VII в. Фактически же на территории франкской державы постепенно обособляются Нейстрия (Новое западное королевство), Бургундия и Австразия (Восточное королевство). Южная часть— Аквитания — долгое время дробилась между этими тремя королевствами, но в конце концов и она обрела самостоятельность. Что касается зарейнских владений, населенных тюрингами и баварами, то они, как и крайний юго-запад Галлии, надолго выходят из-под власти франкских королей.

Каждое из образовавшихся королевств имело свои особенности. Так, в Австразии, где были прочнее пережитки родоплеменных отношений варварского мира, на местах продолжали функционировать судебные собрания, включавшие всех свободных жителей; низшей административной единицей по-прежнему оставалась «сотня», главой в ней считался выборный «сотник» (центенарий), который лишь на рубеже VI—VII вв. превращается в помощника назначаемого королем графа. В отличие от этого, в более романизированных областях, особенно к югу от Луары, вся местная власть была сосредоточена в руках королевских должностных лиц (графов, префектов, патрициев и т. п.), назначавшихся из среды галло-римской сенаторской знати; они же руководили судами, в которых заседали представители землевладельческой и городской верхушки;

деятельность этих учреждений пронизывали пережитки римских бюрократических традиций.

В течение VII — начала VIII в. большинство подобных различий тускнеют. С особой силой тенденция к нивелировке местных особенностей сказывалась в перестройке центрального аппарата франкских королевств. Во всех них носителем высшей власти признавался король. Его титул передавался по наследству, так что все франкские короли VI — начала VIII в. принадлежали к прямым потомкам Хлодвига. В руках короля сосредоточивались важнейшие государственные прерогативы. Он командовал военным ополчением, используя в нем уже не только германцев, но и свободных галло-римлян. Он же назначал — «по совету и воле епископов и вельмож» — и смещал всех высших должностных лиц, вознаграждая их за службу ценными дарами или земельными пожалованиями. В VI—VII вв. эти пожалования переходили в полную собственность новых владельцев. Центральным органом управления являлся королевский двор. Именно здесь король держал совет с приближенными. С конца VI в. все более важную роль на этом совете стал играть майордом («старший по дому»). Первоначально он управлял лишь дворцовым хозяйством, но постепенно превратился в главное административное лицо королевства. Кроме дворцового совета, государственные дела обсуждались на так называемых мартовских полях. Представлявшие во времена Хлодвига ежегодные смотры всеобщего военного ополчения — реликт племенных собраний эпохи военной демократии — «мартовские поля» превращаются в VII в. в собрания служилой знати разного этнического происхождения. Здесь утверждались решения, намеченные на собраниях королевских приближенных. Власть франкских королей все более выражала, таким образом, интересы аристократической верхушки общества, включавшей ныне и светских магнатов, и высший клир; и германцев, и галло-римлян.

Среди источников государственных доходов в VI — начале VII в. важную роль играли поземельная и подушная подати, сохранившиеся с римских времен. Они взимались теперь не только с галло-римлян, но и с германцев. Хотя ставки налогов не раз увеличивались, налоговых поступлений не хватало, тем более что короли стали жаловать многим церквам, монастырям и другим крупным земельным собственникам налоговые иммунитеты. С середины VII в. место налоговых поступлений в королевском бюджете стали постепенно занимать чрезвычайные поборы, судебные штрафы, торговые пошлины, доходы от королевских поместий. Иррегулярность большинства этих источников доходов подрывала казну и затрудняла вознаграждение королевских приближенных; произвол при взимании штрафов, пошлин и т. п. усиливал недовольство населения. Параллельно сокращался и фонд земельных владений, за счет которого наделялась землей служилая знать. Единственным способом обеспечения верности знатных оставалось предоставление им все новых привилегий: исключение их самих и их владений из подчинения графскому суду, передача им права взимания судебных штрафов, освобождение от обязанности выставлять в распоряжение королей ополчение, обещание «не смещать» с занимаемых должностей, расширение налоговых изъятий. Некоторые из этих привилегий были закреплены эдиктом Хлотаря II в 614 г., другие зафиксированы иммунитетными грамотами середины VII в. Эдикт 614 г. предоставил знати и возможность контролировать назначение графов, которые отныне могли подбираться только из местных землевладельцев.

Усиление самовластия знати, типичное для определенного этапа эволюции всех раннесредневековых обществ, проявилось во Франкском государстве особенно рано и полно. Одной из причин этого было сохранение здесь слоя достаточно сильных галло-римских магнатов. Интенсивная

диффузия этого слоя с вновь формирующейся германской знатью способствовала укреплению знати в целом. Кроме того, в VII — начале VIII в. знать пополняется все новыми людьми. В более романизированных областях (и в первую очередь в Бургундии) ее пополнению, помимо королевских пожалований, способствовала непрекращающаяся дифференциация мелких и средних земельных собственников галло-римской деревни, издавна втянутых в частнособственнические отношения. Выделявшаяся в ходе такой дифференциации зажиточная верхушка постепенно сливалась с землевладельческой знатью. В Нейстрии и, особенно, в Австразии, в областях продолжавшейся германской колонизации, имущественное расслоение среди рядовых свободных, владевших наследственными свободноотчуждаемыми земельными наделами — аллодами, также имело место, но в VII — начале VIII в. оно шло медленно; слой крупных землевладельцев пополнялся здесь преимущественно за счет тех представителей знати — как германского, так и галло-римского происхождения,— которые получали от королей государственные должности, судебно-административные права и земли.

Рост во Франкском государстве частной власти светских и церковных магнатов был использован ими для увеличения числа зависимых от них крестьян. В VII — начале VIII в. среди таких зависимых преобладали галло-римские колоны и рабы, становившиеся несвободными держателями земли. Превращение же в зависимых людей оскудевших свободных крестьян галло-римского и германского происхождения в этот период только начиналось, реализуясь на основе закладных сделок, договоров о патронате, актов самозакабаления, а также прекарных договоров (т. е. договоров о передаче земли в пользование на основе просьбы). Это был лишь первый этап складывания феодально-зависимого крестьянства. Тем не менее начиная с VII в. заметно возрастают поземельные доходы знати. Археологические, топонимические и письменные свидетельства позволяют констатировать расширение в это время многих поселений, распашку невозделанных земель, основание в необжитых местах новых монастырских поместий.

Возникновение системы рентной эксплуатации крупными земельными собственниками мелких несвободных земледельцев, рост частной власти этих собственников, их социально-политическое возвышение, появление класса зависимого крестьянства — все это отражало становление во Франкском государстве феодального уклада.

Глубокая социальная ломка VII — начала VIII в. отразилась и в социокультурной сфере. Прежние этические нормы — как в галло-римской, так и в германской среде — все более утрачивали свой авторитет. Христианизированное миропонимание, хотя и получает большее распространение, в толщу сельского населения проникает медленно. В результате VII—VIII столетия оказались периодом своеобразного морального вакуума. В невиданных масштабах расцветают в это время казнокрадство, взяточничество в суде, произвол при сборе налогов и штрафов, вероломство и коварство в борьбе за власть. «Горе наполняет душу при рассказе об этих гражданских войнах»,— пишет Григорий Турский о междоусобицах Меровингов (Greg., IV, 50). «Отец шел против сына, сын против отца, брат против брата, родственник против родственника» (Ibid., V, Praefatio).

Резко ослабели моральные запреты и в сфере брачно-семейных отношений: Хлотарь I ничтоже сумняшеся женил своего сына, короля Дагоберта I, на сестре его матери, ибо это входило в политические расчеты Хлотаря. Дагоберт без всякого сопротивления выполнил отцовское предписание, тем более что оно ничуть не помешало ему обзавестись и другими женами. Целые гаремы наложниц имели и все другие — христианские! — меровингские короли.

Судя по руководствам для исповедников, составленным в это время, для массового сознания той эпохи была характерна живучесть многих, дохристианских верований и представлений о мироздании, которые находились в причудливом сплаве с упрощенными и заземленными христианскими идеями. Отчасти это было следствием того, что церковная иерархия была еще относительно слаба, низший клир — немногочислен, малограмотен и невежествен.

Взаимодействие германского и галло-римского обществ затронуло в VII в. и этническую сферу. Важнейшим был здесь процесс ассимиляции франков, алеманнов, бургундов и других германцев галло-римлянами. Он обусловливался не только численным перевесом последних, но и более высоким уровнем производственной и духовной культуры галло-римлян, их правосознания и политической практики. И хотя многое из римского наследия было тогда же отброшено или изменено, именно оно стало исходным пунктом этнокультурного развития. Так, потомки франков-завоевателей восприняли язык, на котором говорило галло-римское население и на котором составлялись и распоряжения королей, и проповеди священников. Правда, в словарном составе латинского языка, в его грамматическом строе и произношении произошли определенные перемены. Они были тем более естественны, что базой языкового развития была в Галлии не классическая, а народная латынь. Но романские основы языка сохранились полностью.

Социокультурное воздействие германцев сказывалось лишь в некоторых, хотя и особо «престижных» сферах. Так, франки дали свое имя завоеванному ими народу и всему государству: в письменных памятниках VII—VIII вв. Галлию в целом все чаще называют «государством франков» (Regnum Francorum); параллельно складывается и укороченная форма этого названия — Франция (Francia), которым, однако, именуют чаще междуречье Соммы и Лауры или же округу Парижа, но иногда и всю область между Рейном и Луарой, включая Бургундию. Как политически господствовавший этнос, франки смогли наложить решающий отпечаток и на именной фонд. Поучительно, что возобладание в антропонимике Галлии германских имен относится не к VI в., а к VII—IX вв.: оно отражало не численное соотношение германцев и галло-римлян, но обусловленную политическими и престижными обстоятельствами постепенную германизацию именного фонда, которая смогла проявиться лишь через столетия. Аналогичные явления (в тех же хронологических рамках) можно наблюдать и в топонимике, и даже в такой специфической области, как погребальные обычаи. Наиболее интенсивной была этнокультурная диффузия в среде знати: в VII—VIII вв. знатный человек мог, например, быть франком по имени, бургундом по рождению и галло-римлянином по языку и одежде.

В целом на территории Франкского государства сложились две основные народности — северофранкская (к северу от Луары) и южнофранкская (будущая провансальская), различавшиеся по происхождению, культуре и языку. Самостоятельные этнические группы представляли, кроме того, бритты, переселившиеся в V—VI вв. на полуостров Арморику (Бретань) из Англии, и немецкое население германских племенных герцогств в Рейнской долине.

ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ КАРОЛИНГАХ (VIII — СЕРЕДИНА X В.)

С VII в. франкские королевства все чаще терпели военные поражения. В первые десятилетия VIII в. военная опасность поставила под угрозу само существование Франкского государства: в 718 г. арабы, подчинившие себе перед этим весь Пиренейский полуостров, вторглись в Галлию.

В этом же году они захватили Септиманию и развернули наступление на Аквитанию и Бургундию. К началу 30-х годов VIII в. они продвинулись до Луары. Действия арабов представляли тем большую опасность, что отдельные аквитанские и бургундские магнаты охотно вступали с ними в союз, надеясь с их помощью одержать верх в междоусобной борьбе с соперниками.

Одолеть самовластие знати и дать отпор арабам удалось австразийскому майордому Карлу, прозванному в дальнейшем Мартеллом (Молотом). Он сумел соединить в своих руках должности майордомов всех трех франкских королевств и стать в полном смысле некоронованным правителем всего Франкского государства: престол меровингских королей оставался при нем в течение ряда лет вакантным. Решающее значение в его успехах имела проведенная им реорганизация военных сил. Исчерпание земельных ресурсов фиска и прекращение завоеваний лишило к этому времени франкских королей возможности вознаграждать служилых людей новыми пожалованиями; утратившие авторитет короли перестали быть центром притяжения знати; расширение ее частной власти «выводило» все бо́льшую часть рядовых свободных из-под королевского подчинения и затрудняло их призыв в ополчение. К тому же военное значение пешего ополчения сократилось: успехами своих завоеваний арабы в немалой степени были обязаны широкому использованию мобильного конного войска, которым не располагали франки. Карл Мартелл сделал главную ставку не на пеших ополченцев из простых свободных, но на людей среднего достатка, имевших материальные возможности для службы в конном войске. Чтобы привлечь их к себе, он прибегнул к секуляризации земельных владений церкви (в первую очередь, в Нейстрии, где церковное землевладение было особенно обширным) и к передаче их в пользование всем, готовым служить под его знаменем. А чтобы предотвратить выход служилых людей из повиновения, Карл установил, что земельные пожалования предоставляются не навечно, а на срок службы (или пожизненно) и в дальнейшем могут быть переданы другому служилому человеку (такие условные пожалования назывались бенефициями, из-за чего эту реформу стали именовать бенефициальной .

Источники не сохранили данных о том, сколько времени потребовалось Карлу для формирования нового войска и какова была его численность. Известно лишь, что в решающей битве с арабами при Пуатье в октябре 732 г. франки выстояли; более того, напав из засады на арабский лагерь, где хранилась награбленная добыча, франки вызвали смятение во вражеском стане; предводитель арабского войска был убит. Не решившись продолжать сражение, арабы на следующий день отступили.

Это был переломный момент не только в борьбе против арабской экспансии. В 30—40-е годы VIII в. Карл Мартелл и его сын Пипин Короткий (унаследовавший после смерти отца его должность майордома) сумели восстановить власть над Аквитанией, овладеть Провансом и Септиманией, вновь подчинить алеманнов и баваров и обложить данью фризов и саксов. Успех сопутствовал и действиям Пипина против лангобардов в Италии. Поддерживавшие Карла и Пипина слои получили широкие возможности приобретения почетных должностей и земельных владений во вновь завоеванных областях. Число их сторонников, осевших на юге Галлии, было столь велико, что порою говорят о «втором франкском завоевании» юга в это время. В результате власть новых правителей Франкского государства заметно укрепилась. В 751 г. на собрании знати в Суассоне Пипин Короткий был официально провозглашен королем, последний из Меровингов Хильдерик III был пострижен в монахи. Папа римский Стефан II в обмен на помощь, которую Пипин согласился оказать папству в борьбе против лангобардов в Италии и в утверждении

Статуэтка, предположительно изображающая Карла Великого. Бронза. IX в.

его светской власти над Римом и прилегающей Папской областью, помазал его на царство.

Это было лишь одним из проявлений тесного союза, связавшего новую Каролингскую династию (названную так впоследствии по имени Карла Великого, сына Пипина Короткого) с католической церковью. В рамках этого союза Пипин (как и его преемники) согласился признать верховную собственность церкви на секуляризованные во времена Карла Мартелла и после него церковные земли, за пользование которыми их новые владельцы были обязаны уплачивать двойную десятину. В свою очередь папство признало законность назначенных новыми королями епископов и аббатов. Каролинги еще шире, чем Меровинги, использовали в государственном аппарате высший клир и еще последовательнее поддерживали идеологическую деятельность церкви внутри государства и ее миссионерские акции среди языческого населения еще не завоеванных стран. Решениям церковных соборов Каролинги стали придавать силу закона, церковь же со своей стороны поддерживала королевские предписания. Переплетение политики церкви и государства достигает апогея при Карле Великом.

Продолжая политику отца и деда, Карл Великий (768—814) еще шире раздвинул границы Франкского государства. Он разбил войско лангобардского короля Дезидерия, правившего в Северной Италии, лишил его власти и принял титул короля франков и лангобардов (774 г.). Подавив восстание, поднятое баварским герцогом Тассилоном, Карл лишил Баварию автономии, присоединив ее к своим владениям (778 г.). Вслед за этим в союзе со славянскими племенами франки захватили резиденцию аварского хагана (795 г.); здесь была образована граничившая с Баварией Паннонская марка. Еще до этого — с 772 г.— начались более чем 30-летние кровопролитные войны с саксами. Безжалостно расправляясь с недовольными (тысячи саксов были казнены, еще большее их число насильственно переселено в другие области), Карл заставил саксов покориться и принудил их принять христианство. В ходе завоевания саксов сложился союз Карла со славянским племенным княжеством ободритов, позволивший предотвратить попытки других славянских племен (в частности, вильцев в 789 г.) помешать франкскому освоению Саксонии и подавить некоторые из мятежей саксов (795—798 гг.). Продолжал Карл войны своих предшественников и на юге: развернув наступление против арабских владений в Испании, он перешел Пиренеи и образовал пограничную Испанскую марку. (Во время одной из неудачных для Карла военных кампаний здесь в 778 г. погиб возглавлявший франкский арьергард маркграф Роланд — прототип легендарного героя «Песни о Роланде».) В целом за время правления Карла Великого тер-

ритория Франкского государства выросла почти вдвое. Оно простиралось теперь от Эльбы и Дуная до Каталонии и Беневенто, включив в свои пределы почти все основные земли бывшей Западной Римской империи.

Важнейшей причиной всех успехов Карла Великого была поддержка, которой он пользовался у знати. И старые аристократические роды, и в еще большей мере вновь выдвинувшиеся военные среднего достатка шли за Карлом потому, что он давал им возможность не только сохранить, но и укрепить и расширить их власть. Новые — пусть условные — земельные пожалования, новые почетные должности, щедрые подарки позволяли знати увеличивать число собственных слуг, приобретать новое оружие, снаряжение, коней, широко участвовать в принятом среди знати того времени обмене дарами с другими членами правящей элиты, строить обширные замки, создавать (или расширять) свои поместья.

Господствующее положение знати обеспечивала созданная при Карле политическая система. Одним из ее элементов было распространение и упрочение вассальных связей. Обязанность каждого королевского вассала (их было несколько тысяч) служить королю вместе со своими вооруженными слугами оформлялась специальными договорами и клятвами верности. Присяги на верность Карл потребовал и от других свободных людей. Начиная с 789 г. он неоднократно предписывал повсеместно составлять списки присягнувших свободных, а уклонившихся принудительно доставлять ко двору для присяги. Сознавая, однако, трудности централизованного контроля за «верными», Карл обязал, кроме того, каждого свободного мужчину найти себе сеньора, под началом которого ему надлежало воевать и по отношению к которому он был обязан личным подчинением. Таким образом, вассальные отношения должны были, по замыслу Карла, пронизать всю толщу правящего слоя. Согласованию королевской политики с волей знати и — одновременно — проверке выполнения королевских распоряжений служили реформированные при Карле общегосударственные «генеральные» собрания знати. С марта они были перенесены на май (когда кони были обеспечены свежим кормом) и именовались теперь «майскими полями». Реально в обсуждении всех дел участвовала только верхушка знати; остальная ее часть лишь выслушивала и утверждала королевские постановления («капитулярии») или планы очередных военных походов.

Территория франкской державы была разделена примерно на 200 графств. Каждый из графов, назначавшихся королем, пользовался в пределах графства высшей военной, судебной и фискальной властью, не распространявшейся, однако, на иммунитетные территории. Для контроля за деятельностью графов была создана своеобразная инспекция: специальные королевские «посланцы» (missi) время от времени направлялись на места для проверки положения дел. Каждая такая «миссия» состояла обычно из 2—5 духовных и светских лиц, получавших письменную инструкцию о маршруте и заданиях. Посланцы могли сменять должностных лиц, назначавшихся графами (но не самих графов), пересматривать принятые графами решения, при необходимости они возглавляли подавление мятежей. О результатах проверки посланцы сообщали на очередном генеральном собрании. В свою очередь, графы, являясь ко двору, докладывали о деятельности посланцев. Не удовлетворяясь этими формами взаимного контроля должностных лиц, Карл вместе с приближенными почти постоянно переезжал с места на место и лично следил за ходом государственных дел. Организация управления, созданная при Карле, позволяла в течение нескольких десятилетий поддерживать единство огромной державы.

Тем не менее не приходится преуменьшать трудности, с которыми сталкивался Карл Великий и его двор в поддержании целостности государства. Кроме мер, о которых говорилось, их преодолению должно было

способствовать провозглашение Франкского государства империей, как бы возрождавшей Римскую. Добиваясь такого провозглашения, Карл умело использовал внутриполитическую обстановку в самом Риме, где попытки папства утвердить свою светскую власть наталкивались на сопротивление местной знати. Чтобы оправдать эти попытки папства, в VIII в. был составлен подложный документ — «Константинов дар», согласно которому император Константин, принимая еще в IV в. крещение из рук папы Сильвестра, якобы передал ему высшую власть над Римом и всем Западом. В декабре 800 г., явившись в Рим, Карл помог папе Льву III, избранному против воли римской аристократии, утвердить свое верховенство. Папа провозгласил Карла римским императором. И хотя процедура коронования была Львом III осуществлена так, чтобы подчеркнуть верховенство власти первосвященника над императором, этот акт еще выше поднял авторитет Карла и Франкского государства.

В раннее средневековье имя Карла стало синонимом могучего властителя: по латинской форме имени Карла — Karolus — правителей отдельных государств стали в Центральной и Восточной Европе называть «королями». Карл действительно был незаурядным государственным деятелем своего времени. Он сумел максимально использовать политические результаты, достигнутые его предшественниками, и довести до конца начатое ими дело расширения государства. Он стремился сохранять и укреплять связь с поддерживавшими его слоями знати. Ему была не чужда трезвость в определении внутриполитических и внешнеполитических задач. При нем достигло максимума использование католической церкви в интересах вновь складывавшегося общественно-политического порядка. Одним из первых он оценил политическую возможность использования достижений римской духовной культуры. При всем том величие Карла во многом относительно. Он не принадлежал к государственным деятелям, осуществившим какой-либо крутой политический поворот, он ни в чем не опережал свой век. Почти все его реформы лишь развивали намеченное еще до него. Не был Карл и выдающимся полководцем. Он не ввел ни одного тактического и стратегического новшества. В общем усиление Франкского государства при Карле Великом следует объяснять не только (или даже не столько) его личными талантами, но прежде всего объективно сложившимися условиями.

Одним из важнейших среди таких условий было резкое увеличение численности зависимого крестьянства, усилившее господствующий класс империи. Именно на рубеже VIII—IX вв. особенно широко развертывается процесс социального опускания мелких свободных собственников — потомков галло-римских крестьян и германских аллодистов. Перестройка войска, проведенная Каролингами, постепенно отстранила рядовых свободных от участия в ополчении (со времен Карла Великого право — и обязанность — служить в нем распространялись лишь на владельцев трех или четырех земельных наделов — мансов). Судебная реформа лишила их активной роли в суде: на абсолютном большинстве судебных заседаний они даже не присутствовали. Королевские капитулярии все чаще называют их людьми «незначительными», «второстепенными» (mediocres). Свобода этих людей перестает подразумевать полноправие. И хотя Карл Великий, стремясь приостановить переход свободного населения из-под королевской власти в подчинение к магнатам, не раз предписывал должностным лицам не допускать притеснения рядовых свободных, подобные явления приобретали все более массовый характер.

Нередко свободные объединялись для защиты своей свободы и поднимали мятежи. Но остановить наступление крупных земельных собственников они не смогли. О примерных масштабах феодального подчинения свободных в Галлии VIII — первой половины X в. позволяют судить два ряда фактов: во-первых, относительное обилие упоминаний об этом про-

цессе в капитуляриях, грамотах, формулах, иммунитетных пожалованиях; во-вторых, бурный рост в это время крупного землевладения, немыслимый без включения в число зависимых все большей доли свободного крестьянства.

Количественный рост зависимого крестьянства, качественное нарастание его роли в сельскохозяйственном производстве и, главное, массовое включение в состав зависимых мелких свободных земледельцев позволяют рассматривать время с VIII до середины X в. как новый — второй — этап генезиса феодально-зависимого крестьянства в данном регионе, этап «аграрного переворота» (Энгельс). Именно в это время развивается и усложняется феодальная общественно-политическая структура. Преувеличивать ее зрелость не приходится. Сохранение в ряде мест мелкой свободной собственности, относительно узкое использование местными сеньорами средств судебно-политического господства над крестьянами, сравнительная широта прерогатив центрального государственного аппарата, так же как самый факт объединения большей части господствующего класса вокруг королей — все это позволяет говорить о преобладании ранней формы феодальных отношений. Но и становление их зрелых форм было уже не за горами.

Об этом среди прочего свидетельствуют судьбы крупного частного землевладения. Уже в IX в. оно определяло собой жизнь весьма значительной части крестьянского населения (не менее трети). Тогда же в центре и на севере Парижского бассейна, в несколько меньших масштабах — в Пикардии, Северной Бургундии и среднерейнских областях распространяется так называемая классическая вотчина, т. е. крупная сеньория в несколько сот гектаров и более, включающая обширную барскую запашку с хлебным производством (25—30% общей площади вотчины) и комплекс земельных держаний; зависимые владельцы этих держаний выполняли регулярные барщины (по 2—3 дня в неделю в сезон сельскохозяйственных работ) и потому были тесно связаны с господским хозяйством. Наряду с такими крупными сеньориями (по 3—4 тыс. крестьянских держаний) часто встречались и меньшие, с 3—4 сотнями мансов. Было, однако, много еще более скромных по размерам сеньорий (по нескольку десятков крестьянских держаний и менее).

Границы сеньорий — даже мелких — редко совпадали с границами крестьянских общин. Наиболее распространенный тип крестьянских держаний — мансы — почти везде (исключая Нормандию и отдельные прирейнские территории) представляли не компактно расположенные наделы, но сложные земельные комплексы. Дом с приусадебным участком находился в деревне. Пахотные же земли были разбросаны отдельными участками, чересполосно, в трех-четырех полях, принадлежавших деревне. Каждый владелец манса мог, кроме того, пользоваться неподеленными общинными лесами и пастбищами, пасти свой скот по жнивью на поле, оставленном под паром. Манс как таковой представлял наследственное владение своего держателя, имевшего право отчуждать его внутри сеньории, а при согласии вотчинника — и вне ее.

Важнейшими отраслями сельского хозяйства оставались в VIII—X вв. животноводство и землепашество. Хотя разведение скота продолжало занимать в хозяйстве важное место, его экономическая роль в сравнении с VII в. сократилась и первенствующее значение землепашества стало очевиднее. Особенно это касалось районов с плодородными почвами — Иль-де-Франса и Пикардии.

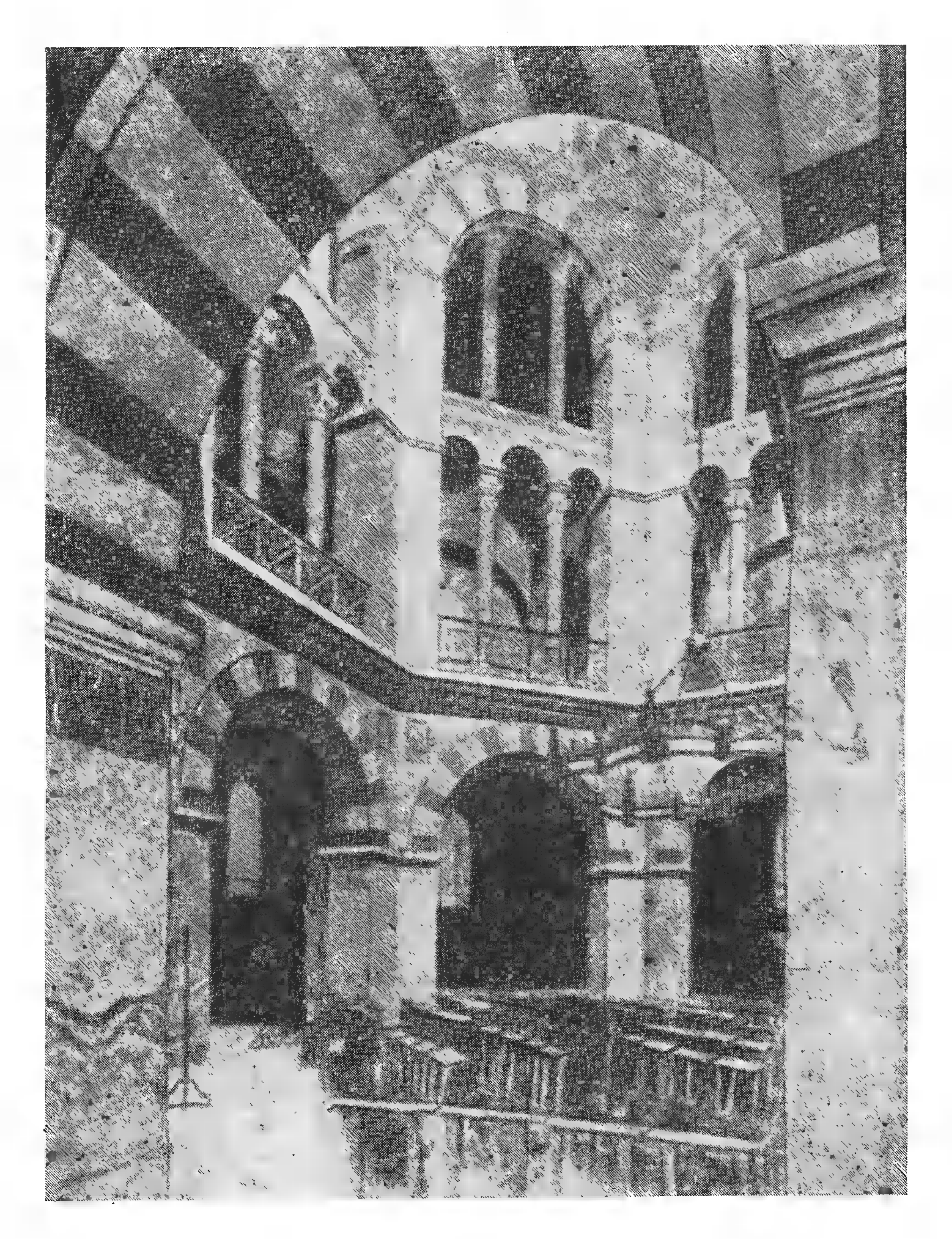
Как сказалась феодализация деревни на экономическом развитии в VIII—IX вв.? В специальной литературе XIX и первой половины XX вв. было широко распространено мнение об общей интенсификации хозяйства на основной территории Франкского государства в каролингское время, об оживлении городской жизни и обмена. В западной медиевисти-

ке 70-х — начала 80-х годов нашего века этот вывод был поставлен под сомнение. Ряд исследователей (Ж. Дюби, П. Тубер, Р. Фоссье и др.) констатировали крайнюю неустойчивость урожаев, опускавшихся даже на лучших землях Галлии порою до сам-два, сам-полтора и сам-один. Было обращено внимание на очень низкий технический уровень сельскохозяйственного инвентаря в это время, редкость использования в нем железа, ограниченность торговли. Подчеркивалась явная нехватка рабочей силы, препятствовавшая должной обработке земли. Бедственное имущественное положение большинства зависимых крестьян обусловливало стагнацию численности этого главного производящего класса или даже его сокращение. Преодолеть подобные неблагоприятные явления удалось, по мнению сторонников этой концепции, лишь во второй половине X и в XI в., во время так называемой «феодальной революции», до нее говорить об экономическом подъеме якобы не приходится.

Хотя дискуссия по данному вопросу не закончена, в ряде новейших работ уже собраны материалы, позволяющие существенно сузить хронологические рамки того периода, по отношению к которому можно отрицать хозяйственное оживление. Уточнение данных об урожайности и о динамике населения свидетельствует, что с конца VIII до середины IX в. преобладающей была тенденция экономического подъема. О ней же говорят неоспоримые данные IX в. о сельскохозяйственном производстве в крупных поместьях, о существовании в них определенного избытка продукции, периодически реализуемого на рынке.

Эту тенденцию подтверждают и изменения в судьбе городов и торговли. Большинство городов Франкского государства, известных в VIII—IX вв., имело римские корни. Как отмечалось выше, аграризация городских поселений развернулась еще во времена Поздней Римской империи и продолжалась при Меровингах. В VI—VII вв. большинство этих поселений сохраняли значение лишь военно-административных или церковных центров. Даже периодическая чеканка монеты известна в это время не более чем в 25 городах. В VIII—IX вв. положение заметно меняется. Число монетных дворов увеличивается втрое-вчетверо. Их резкий рост побуждает Карла Великого в 805—808 гг. ограничить права городов на чеканку монеты, передав это право дворцовому монетному двору. Но уже через шесть лет после смерти Карла его сын Людовик Благочестивый в специальном капитулярии «О монете» вынужден был допустить ее чеканку под контролем графов во всех крупных городах. Рост денежной массы отражал заметное расширение масштабов торговли и числа ярмарок и рынков. Уже в Суассонском капитулярии Карла Мартелла (744 г.) предусматривается возможность существования еженедельных рынков в каждом из епископских (или архиепископских) городов Галлии (в Каролингское время их было 129, причем их число особенно выросло в северной половине страны). Среди таких городов были, в частности, Амьен, Аррас, Байе, Бове, Камбре, Клермон, Лан, Льеж, Макон, Мец, Нант, Орлеан, Париж, Реймс, Ренн, Руан, Турне, Тур и др. Важнейшими предметами торговли были хлеб, соль, оливковое масло, вино, спрос на которые свидетельствовал о росте городского населения, не связанного (или мало связанного) с сельским хозяйством. В качестве продавца этих продуктов чаще всего выступало поместное хозяйство (в первую очередь, монастырское). Существовала также межобластная и транзитная торговля экспортными товарами, которую вели заезжие купцы, правда, в скромных размерах. Что касается ремесленных изделий повседневного спроса, то большинство их производилось пока что самими крестьянами или домениальными ремесленниками на поместных подворьях.

В общем замедление экономического роста — и то не во всех отношениях — относится, видимо, лишь ко второй половине IX — первой половине X в., когда во Франкском государстве вновь начались внутриполи-

Дворцовая капелла в Аахене. Интерьер. 798 г.

тические усобицы и достигли апогея разорительные набеги норманнов (см. ч. I, гл. 7 и ч. III, гл. 3).

Приведенные материалы об экономическом развитии VIII—IX вв. подтверждают представление о его тесной связи с интенсивной феодализацией деревни в это время. Отстранение массы свободного населения от участия в управлении и ее принуждение к производственному труду представляло в этот период суровую необходимость, обусловленную неразвитостью производства. Именно эта неразвитость делала неизбежным раскол свободных на производящий и управляющий классы, без которого экономический прогресс оказывался тогда невозможным.

Центробежные тенденции во Франкском государстве, с которыми с большим или меньшим трудом удавалось справляться Карлу Великому, возобладали вскоре после его смерти. Уже при его сыне Людовике Благочестивом враждующие группировки знати, возглавлявшиеся королевскими сыновьями, достигли такого влияния, что не раз добивались временного отстранения Людовика от власти. В 843 г. сыновья Людовика разделили Франкское государство на три неравных части: Западно-Франкское королевство (к западу от Рейна), Восточно-Франкское (к востоку от Рейна) и «Среднюю Францию» (области вдоль Рейна и Роны и Италия). Из этих трех государств Западно-Франкское явилось непосредственным предшественником Франции.

В 40—60-е годы IX в. вследствие усиления норманнских набегов политическое положение Западно-Франкского королевства особенно осложнилось. Неспособность королей дать отпор норманнам побуждала отдельных графов или герцогов действовать на свой страх и риск. Знать предпочитала подчинение таким местным правителям, реально защищавшим ее от норманнских набегов, покорности далекому и бессильному королю. Графские и герцогские должности превратились в наследственные, так же как становились наследственным достоянием условные бенефиции (эти владения именовались теперь «феодами»). Стремясь к укреплению своего положения, отдельные знатные роды продолжали расширение своих сеньорий, добиваясь, с одной стороны, распространения своей власти на еще сохранявшиеся свободные территории и, с другой стороны, более жесткого подчинения мелких свободных земледельцев, вовлеченных в зависимость на предыдущем этапе. Таким образом, в конце IX и начале X в. феодализация шла и вширь, и вглубь, подготавливая становление зрелых форм феодальных отношений и в то же время делая невозможным сохранение единства государства.

В обстановке феодального самовластья в Западно-Франкском королевстве возродилась практика выбора королей на собраниях высшей светской и церковной знати. Одним из наиболее сильных претендентов на королевский престол с конца IX в. все чаще становятся графы Парижа — Робертины. Усилившись в ходе борьбы с норманнами, они то открыто провозглашали себя королями, заставляя соперников из династии Каролингов отрекаться от престола, то правили, прикрываясь их именем. Избрание в 987 г. королем одного из Робертинов — Гуго Капета, стало концом династии Каролингов в Западно-Франкском государстве и положило начало династии Капетингов. За королевством, которым они правили, прочно закрепилось название Франции. Для общественного развития Франции гораздо большее значение, чем это становление новой династии, имело приходящееся на вторую половину X в. начало нового исторического этапа — этапа зрелого феодализма.

Глава 4
ГЕРМАНИЯ В IX — НАЧАЛЕ XII в.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА. ХАРАКТЕР КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ. СОЗДАНИЕ ИМПЕРИИ

Каролингская империя распалась. На ее территории возникли государства, послужившие началом будущих Франции и Германии. Династические разделы, из которых важнейшим был Верденский 843 г., юридически санкционировали давно происходившее обособление этнических общ-

ностей с разным уровнем социально-экономического и политического развития, временно объединенных империей Каролингов.

В IX в. германские земли, оказавшиеся под властью Людовика Немецкого (833—876), сына Людовика Благочестивого, носили наименование Восточно-Франкского королевства, что свидетельствует об еще не порванных связях с Западно-Франкским королевством и живучести идеи единой Франкской империи. Впервые название regnum Theutonicorum (королевство тевтонов, т. е. немцев) было употреблено в 919 г.

В течение IX в. сформировалась в основе своей территория королевства, расположенного с запада на восток между Рейном и Эльбой и с юга на север между отрогами Альп и средним течением Дуная и Северным морем; кроме того, к Восточно-Франкскому королевству отошли города, лежавшие на левобережье Рейна,— Майнц, Вормс и Шпейер. В 870 г. в результате нового Мерсенского раздела к нему была присоединена Восточная Лотарингия. Границы королевства не были стабильными, особенно восточная, где рано начались завоевание и колонизация заэльбских славянских земель. Население Германии от середины VII до конца IX в. выросло приблизительно с 2 до 4 млн; до X в. оно было более редким на севере и востоке.

Основание германского (Восточно-Франкского) королевства датируется по-разному (833, 843, 919 гг.). Все эти даты условны. Но важно отметить, что ко времени разделов Франкской империи германские герцогства отставали по уровню социально-экономического и политического развития от Западно-Франкского государства. Это было связано с значительно меньшим воздействием в этих областях римских институтов. Восточно-Франкское королевство составилось из четырех крупных племенных герцогств: Саксонии (в северо-западной части Германии), Франконии (в междуречье Рейна и Майна), Баварии (между Лехом, Дунаем и Альпами) и Аламаннии (Швабии) (к югу между реками Майном и Лехом); в него вошли также Тюрингия, лежавшая между верхним течением Везера и рекой Заале, и Фрисландия (на берегу Северного моря), не составлявшая отдельного герцогства, но длительное время сохранявшая свою обособленность и самобытность.

Начальные стадии развития германских племенных герцогств едва прослеживаются. Все они возникли в результате слияния отдельных германских племен, иногда мелких, и формирования больших военных союзов и на их базе более крупных консолидированных племен. С VI до IX в. германские герцогства были подчинены Франкскому государству. Общим в судьбе германских герцогств при всей их обособленности было насильственное их включение в состав Франкской державы. Для них были характерны замедленность социально-экономического развития, сравнительно поздняя христианизация, долгое сохранение пережитков язычества (особенно у саксов).

Франкские короли у всех покоренных племен устанавливали власть герцогов, которые, однако, быстро превращались из должностных лиц короля в племенных герцогов. При последних Меровингах власть герцогов усилилась, что способствовало консолидации племен, постепенно вернувших себе независимость.

При Каролингах начался новый натиск франкских королей на племенные герцогства: в 714 г. Карл Мартелл снова присоединил тюрингов к Франкской державе. В Аламаннии были построены военные укрепления и введено сотенное устройство, созданы графства; аламаннские герцоги были изгнаны, значительная часть их владений конфискована и перешла в руки франкской знати. В VIII в. к Франкскому государству была присоединена Бавария; в 788 г. Карл Великий сместил герцога Тассилона из могущественного рода Агилольфингов. В IX в. Баварией управляли члены Каролингской династии. Фризы были включены в государство Кар-

ла Великого в 782 г. В 804 г. после тридцатилетних кровопролитных войн была покорена Саксония (см. гл. 5). Все герцогства были подвергнуты христианизации. При Карле Великом герцоги снова стали должностными лицами, военными вождями своих племен, не имевшими наследственной власти. В отличие от Западно-Франкского королевства в Германии (Восточно-Франкском королевстве) войска созывались по отдельным племенам. При Карле Великом германские герцогства составляли обширную часть Франкской державы, однако их исторически сложившееся своеобразие сохранялось.

После смерти Карла Великого племенные герцоги вновь усилились. Из их среды после угасания династии Каролингов выдвигаются немецкие короли, которые были вынуждены лавировать между остальными герцогами и искать их поддержки; без нее власть короля оставалась чисто иллюзорной.

С середины 50-х годов IX в. развивается представление о едином государстве во главе с королем. Первым королем был Арнульф, затем Конрад I и, наконец, Генрих I. Известное единство между герцогствами проявлялось и в наличии в каждом из них влиятельных групп знати, сфера действия которых не ограничивалась пределами одного герцогства: так, баварская знать имела владения и пользовалась большим влиянием в Аламаннии и среднефранконских землях. Объединяющим фактором было также наличие во всех герцогствах королевского и церковного землевладения, которое во второй половине IX в. переживало свой расцвет. Владения королевского фиска и многочисленных церковных учреждений были разбросаны на территории всех герцогств Германии. Проявлялось определенное единство и в законодательстве: так, можно проследить влияние Баварской правды на Аламаннскую и зависимость той и другой от франкского права. По сравнению с Западно-Франкским население Восточно-Франкского государства было более единым по своему этническому составу. С IX в. можно говорить и о появлении некоторой языковой общности, несмотря на наличие племенных диалектов.

Восточно-Франкское государство было менее заселенным, земли его слабее освоены, нежели в Западно-Франкском; ленные отношения недостаточно выражены, государственное устройство и законодательство менее феодализировано. Феодальные отношения в Восточно-Франкском, затем в Германском королевстве развивались медленнее, чем в Западно-Франкском.

Уровень феодализации был различным и в самих германских герцогствах. В Саксонии в IX в. процесс этот находился на начальных стадиях, и общественные отношения долго сохраняли свою архаичность. Более развиты были Бавария и Аламанния. Хотя в германских герцогствах развивалось крупное феодальное землевладение — королевское, церковное и светское, в феодальную зависимость попадали большие массы недавно свободных крестьян, в них значительно дольше, чем в Западно-Франкском государстве, сохранялась аллодиальная (наследственная, свободно отчуждаемая) собственность разных слоев общества, в том числе свободных крестьян, особенно в Саксонии, некоторых районах Аламаннии, тирольских землях. Однако, даже оставаясь юридически свободным, крестьянство разными путями втягивалось в зависимость от вотчины.

Для раннесредневековой Германии характерно длительное сосуществование ленных и аллодиальных владений. Лены (условные земельные пожалования, аналогичные франкским феодам) длительное время (до XI в.) оставались должностными, ненаследственными. В отличие от Франции в Германии вотчинники-иммунисты не приобрели даже в X в. полной политической самостоятельности, их судебные права ограничивались решением мелких дел, так называемой низшей юрисдикцией. Пра-

во высшей юрисдикции оставалось за королем и его представителями — графами, старинные графства все еще оставались основной единицей административного деления, лишь постепенно они превращались в ленные владения, а графы из должностных лиц становились крупными феодалами.

Таким образом, по сравнению с процессами, достигшими полного развития на территории Северной Франции уже в рамках государства Каролингов, в Германии феодализм развивался с опозданием и оставался незавершенным. В первый период развития германского королевства это создавало возможность формирования относительно единого государства с более сильной властью, чем та, которой располагали государи Западно-Франкского государства. В Германии период феодальной раздробленности отодвинулся на значительно более поздний период. Королевская власть здесь, по определению А. И. Неусыхина, переживала как бы «обратный» путь развития: от известного единства в IX—XI вв. к децентрализации в XII—XIII вв.[1]

Королевская власть при последних немецких Каролингах (династия пресеклась со смертью Людовика Дитяти в 911 г.) была настолько слаба, что герцог Саксонии Оттон отказался от предложенной ему тогда короны; королем был избран герцог Франконии Конрад I. На смертном одре в обход ближайших родственников он указал как на своего преемника на герцога Саксонии Генриха, основателя новой Саксонской династии, избранного королем в 919 г. под именем Генриха I (Птицелова).

При Генрихе I королевская власть приобрела относительную устойчивость. Восточная и западная границы Германии были укреплены. Генрих I предпринимал многочисленные военные походы, построил множество крепостей-бургов (по свидетельству хрониста, бурги строились «днем и ночью»), создал сильное конное войско, что помогло ему в 933 г. одержать победу над венграми. В этой битве на стороне Генриха I сражались все германские герцоги. Король Западно-Франкского государства признал притязания Генриха I на Лотарингию, занимавшую особое положение в послекаролингской Европе. Узкая полоса между Западно-Франкским и Восточно-Франкским государствами, по Верденскому договору отошедшая к старшему сыну Людовика Благочестивого Лотарю вместе с Италией и титулом императора, Лотарингия до начала XII в. несколько раз переходила то к Франции, то к Германии.

В 936 г. сын Генриха I Оттон I, герцог Саксонский, объявленный королем еще при жизни отца на съезде князей в Эрфурте, был коронован в Аахене. В его длительное царствование (ум. в 973 г.) была одержана окончательная победа над венграми при Лехе (955 г.); Оттон I предпринял первый (951), а затем второй поход в Италию и в 962 г. был коронован императорской короной в Риме — эта дата считается основанием первой Германской империи, формально включавшей в свой состав также Северную и Среднюю Италию. Название этого государства неоднократно менялось. В 1034 г. появилось название «Римская империя», в 1157 г.— «Священная империя», в 1254 г.— «Священная Римская империя». Наконец, громоздкое название «Священная Римская империя германской нации» возникло лишь в XV в., причем дополнение «германской нации» означало, по мнению некоторых исследователей, ограничение империи немецкими землями, отказ от притязаний на Италию. В глазах современников и в личных устремлениях германских королей создание империи было восстановлением и продолжением империи Карла Великого и утверждением преемственности от власти западноримских императоров. Статус империи был весьма важен для складывания Германии как самостоятельного государства и для ее международного положения.

[1] *Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 232.

Однако за достижение и сохранение этого статуса каждому суверену Германии приходилось платить непомерную цену: корона добывалась каждым государем в результате военных походов в Италию, что истощало силы и ресурсы страны. Таким образом, под громким названием империи сложилось громоздкое политическое образование, раздираемое противоположными интересами германских феодалов, папы, городов-государств Италии.

В X — начале XII в. Германией правили сначала Саксонская династия (919—1024 гг.: Генрих I, Оттон I, Оттон II, Оттон III, Генрих II), затем — Франконская или Салическая (1024—1125 гг.: Конрад II, Генрих III, Генрих IV, Генрих V).

Королевская власть в Германии была выборно-наследственной. Короли избирались из среды герцогов при участии знати и высшего духовенства. Для того чтобы его власть была реальной, избранный король должен был привлечь на свою сторону всех герцогов и заручиться поддержкой высшего духовенства. Поэтому после избрания король, как правило, совершал объезд своего государства, в ходе которого и устанавливались отношения с некоронованными местными властителями, а также отправлялось правосудие, взимались повинности с королевских фисков (поместий). Короли не имели ни постоянной резиденции, ни столицы, ни развитого центрального аппарата власти; их финансовую, материальную базу составляли доходы с королевских фисков и личных королевских доменов, которые сосредоточивались преимущественно в том герцогстве, откуда происходил король. Король с многочисленной свитой жил то в одном, то в другом своем дворце (пфальце) или в епископских резиденциях. В постоянных разъездах, проводя жизнь в седле даже в не столь уж длительные периоды мирного времени, король управлял государством, пытался укрепить земский мир.

В поисках социальной опоры короли всячески укрепляли и одаривали новыми правами и привилегиями многочисленные и богатые еще с каролингских времен церковные учреждения — архиепископства и епископства, монастыри и аббатства, увеличивая их огромные, разбросанные по всей территории страны земельные владения с зависимым населением. Основываются и новые епископства и монастыри. Щедро одаривая церковь, короли и императоры надеялись создать себе опору из церковных феодалов против фактически независимых от них светских крупных феодалов. Хотя духовные феодалы также эксплуатировали тысячи крестьян в своих огромных владениях, поставляли с них определенное число вооруженных воинов и сами нередко возглавляли их в военных походах, их должности не передавались по наследству, а замещались путем канонических выборов, исход которых все более и более ставился в зависимость от воли короля. Каждый новый епископ или иной церковный сановник получал из рук короля светскую инвеституру (ввод во владение землями, в знак чего епископу вручался посох) на свои владения и приносил ему ленную присягу в верности. Часто император назначал епископов своей властью в обход канонических выборов. Особенно щедро одаривал церковных магнатов Оттон I. Его церковная политика была направлена на включение церкви в государственный механизм, превращение ее в имперскую церковь.

Тесный союз государства и церкви сложился еще в эпоху Франкского государства. Тогда же возникли многие крупные монастыри (Фульда, Лорш, Райхенау, Вейссенбург, Сен-Галлен и др.). Имперскими (королевскими) монастырями (церквами, аббатствами) в Германии назывались церковные учреждения, основанные королем и ему подчинявшиеся (в отличие от церковных учреждений, подчиненных епископам, и от монастырей и церквей, основанных светскими феодалами). Оттон I распространил систему привилегий, привязывавших церковные учреждения к коро-

не, и на епископат (что получило название «Оттоновых привилегий» или «епископальной политики»). Стремясь противопоставить в качестве своей опоры духовных феодалов светским, Оттон I широко раздавал монастырям и епископствам иммунитетные привилегии, жаловал право банна (банн — совокупность полномочий, которыми обладал король в силу своей принудительной повелевающей власти, часть этих полномочий король мог передавать своим должностным лицам или крупным феодалам), вмешивался в избрание должностных лиц церкви, отправлявших правосудие в церковных вотчинах и располагавших военной силой,— так называемых фогтов. Фогты, не принадлежавшие к духовному званию, приобрели огромное влияние именно в Германии, где они пополняли средние и высшие слои господствующего класса. Император стремился использовать в своих целях огромные богатства церкви. Пожалования банна изымали церковные владения из-под власти графов.

БОРЬБА ИМПЕРИИ И ПАПСТВА

Благодаря такой церковной политике королей к XI в. добрая половина земель и богатств и значительная часть военной силы Германии были в руках германского высшего духовенства. Связь немецких епископов с папой даже в те времена, когда папская власть была слабой, полностью никогда не прерывалась. Поэтому германским королям так необходим был императорский титул: императору в силу прерогатив его власти было легче вмешиваться в дела римской церкви, влиять на выборы пап и тем самым держать в руках немецкий епископат. В XI в. в Риме наступил так называемый период «германских пап». Папы выбирались по указанию императоров, иногда даже из лиц, не имевших духовного сана, как, например, Лев VIII, за одни сутки превратившийся из простого рыцаря в главу католической церкви. За столетие с 955 по 1057 г. путем прямого вмешательства немецких королей из 25 пап 5 было свергнуто и 12 возведено на папский престол.

Церковные должности стали покупаться и продаваться; епископами нередко становились лица, не имевшие духовного звания. Они вели образ жизни, обычный для крупных светских феодалов, возглавляли военные отряды, а церковные службы и требы отправляли их заместители. Чтобы оправдать большие расходы, связанные с приобретением церковной должности, иерархи часто буквально грабили свои диоцезы и приходы, вплоть до того, что продавали церковную утварь и даже черепицу с церковных зданий. «Порча» церкви, ее «обмирщение» заходило все дальше и дальше. Но чем богаче становилась церковь, тем сильнее она стремилась освободиться от светской власти.

Уже в X в. в богатых и сильных монастырях Бургундии[2] поднялся голос протеста против церковной «порчи», против разгульной жизни церковных сановников, против продажи церковных должностей (так называемой «симонии»), против браков клириков (требование «целибата»), ибо женатые священники расхищали церковное имущество в пользу своих родственников. Центром этого движения за очищение церкви был монастырь Клюни, откуда и пошло название «клюнийское движение». Из числа монахов-клюнийцев вышли выдающиеся церковные деятели и несколько пап, в том числе Гильдебранд, ставший затем папой Григорием VII. Стремление папства освободиться от власти и влияния германских императоров стало особенно заметным к середине XI в. После смерти Генриха III (1056 г.), при котором вмешательство императора в дела церкви достигло апогея, императоры уже не могли больше назначать пап.

[2] Обширное и влиятельное герцогство Бургундия признавало то сюзеренитет императора, то власть французского короля, а в некоторые периоды было связано ленными отношениями и с тем и с другим сувереном.

При папе Николае II в 1059 г. под воздействием клюнийского движения был установлен новый избирательный закон, не позволявший императору и светским феодалам вмешиваться в выборы пап. Папу отныне избирала коллегия кардиналов.

Папы стремились усилить свое влияние на многочисленное и богатое германское духовенство. Императорам же было необходимо сохранить в своих руках назначение высших церковных сановников, ибо они составляли существенную часть их материальной, военной и политической опоры. Борьба за назначение и утверждение в сане епископов и других высших прелатов — борьба за инвеституру[3] открыто вспыхнула при сильном и энергичном папе Григории VII (1073—1085). Став папой, он стремился всемерно укрепить папскую власть, поставить папу выше всех светских государей, не исключая императора. Создав сильные рыцарские отряды, Григорий VII активно вмешивался в сложные распри многочисленных итальянских властителей, всячески пытаясь использовать их в своих интересах. В своем знаменитом трактате «Диктат папы» он провозгласил примат папской власти над светской, неподсудность папы светским государям, резко выступил против установившегося обычая светских владык замещать церковные должности и распоряжаться церковными бенефициями. Лишь папа может жаловать знаки императорского достоинства, короновать и низлагать императоров, отлучать их от церкви, освобождать от присяги его подданных.

Запретив светскую инвеституру, Григорий VII не признавал и смещал епископов, поставленных молодым германским королем Генрихом IV (1056—1106). В германских епископствах и монастырях сплошь и рядом вели вооруженную борьбу два претендента — ставленник короля и прелат, посвященный в сан папой. Светские феодалы, связанные с духовенством и ленными и родственными узами, принимали активное участие в этой борьбе. Папа и император взаимно низлагали и отлучали друг друга. Первый этап этой борьбы закончился поражением Генриха IV: крупные феодалы воспользовались ею для выступлений против короля, часть духовных магнатов поддержала папу. Теряя социальную опору, Генрих IV вынужден был пройти через унизительное покаяние перед папой: в одежде кающегося грешника он в холодные январские дни трое суток выстоял босиком под стенами замка Каносса в Северной Италии, где находился папа (1076 г.), этой ценой Генрих удержал королевскую корону. С тех пор распространилось образное выражение «пойти в Каноссу», означающее величайшее унижение.

Однако вскоре борьба разгорелась вновь. Она не кончилась и со смертью Григория VII. Генрих IV еще около 20 лет продолжал эту борьбу. Завершилась она при сыне и преемнике Генриха IV Генрихе V заключением в 1122 г. Вормсского конкордата. В силу принятого соглашения папы и императоры разделили свое влияние на епископат: в Германии император, хотя и в ограниченной степени (в его руках осталась светская инвеститура), сохранил влияние на выборы и утверждение епископов, в Италии же и Бургундии его лишался. После Вормсского конкордата германские императоры уже не могли опираться на духовенство. «Епископальная политика», начатая Оттоном I, потерпела крах.

Вормсский конкордат не завершил борьбу с папами. Итальянская политика германских королей — цена, которую они платили за императорскую корону,— неминуемо вела к ослаблению их власти.

С конца XI в. центральная власть в Германии слабеет. При Генрихе IV Германия с запозданием переживала эпоху феодального дробле-

[3] Инвеститура – акт возведения в духовный сан (духовная инвеститура) и ввода во владение земельными угодьями – ленами (светская инвеститура), в знак чего прелатам, в том числе епископам, вручались кольцо и посох.

ния. Впереди еще был внешне блестящий период правления Штауфенов (см. ч. II, гл. 2). Но в XI — начале XII в. уже явственно обозначились те силы и процессы, которые привели к междуцарствию и упадку императорской власти в середине XIII в.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Общество в германской части империи вплоть до XI в., когда стали подниматься города как существенная социально-экономическая и политическая сила, жило исключительно за счет труда крестьянства. Становление и развитие крестьянства как класса феодального общества отличались в Германии большой сложностью и длительностью. Сложен был и состав самого крестьянства.

Самые ранние стадии развития крестьянства на территории германских герцогств до эпохи франкского завоевания исследованы все еще недостаточно. Ясно, во всяком случае,— и это доказывают материалы археологических раскопок.— что уже в ранний период существовали богатые дворы местной знати (хотя слой ее был довольно узок), жившей за счет эксплуатации в основном несвободных и отчасти свободных сельских жителей. Круг знати значительно расширился в ходе франкских завоеваний, когда в зарейнскую Германию стали переселяться в большом числе франкские феодалы; быстро росло в процессе христианизации зарейнских племен церковное землевладение.

Одной из особенностей развития аграрных отношений в ранней Германии было то, что здесь не крестьяне получали землю от феодала, а, напротив, раннефеодальная вотчина осваивала свободную деревню, втягивая ее по частям в зависимость и постепенно превращая ее в деревню «смешанного типа», в которой находились владения и наделы одного или чаще нескольких вотчинников, наделы свободных крестьян, а также хозяйства зависимых и крепостных. Преобладание деревни такого типа отчетливо прослеживается в источниках начиная с VIII в. Она сохраняла многие распорядки соседской общины, особенно в пользовании общинными угодьями (альмендой). С этой спецификой развития связаны особенности аграрного переворота в зарейнской Германии, в частности его замедленность и длительность.

Самое начало аграрного переворота для более развитых экономически областей будущей Германии можно отнести к VII в., когда начали складываться крупные и мелкие светские и церковные вотчины, в которых применялся уже не только труд рабов (сервов), но втягивалась в сферу эксплуатации и часть свободных. Этот процесс шел с особой интенсивностью в IX в., захватил X в., но в целом завершился лишь в XI в. Это подтверждают данные археологических раскопок последних десятилетий и письменные источники. Перелом в аграрных отношениях был связан с формированием широкого слоя низшей знати в процессе глубокой социальной дифференциации свободного крестьянства в VII—IX вв. Параллельно росту феодальных вотчин и бургов происходило уменьшение размеров крестьянских домов, обеднение и сокращение большинства крестьянских дворов. После IX в. средние и мелкие крестьяне теряли возможность использовать рабочую силу рабов или литов. В результате возникала резкая грань между крестьянством и господствующим классом; процессы формирования двух основных классов феодального общества завершаются. При этом вотчина не поглощала полностью деревню, которая оставалась живым и действующим социальным и экономическим организмом, сохраняя многие общинные распорядки и связи. Таким образом, экономическое производство осуществлялось и в вотчине, и в деревне. Вопрос о том, где же происходил прогресс сельскохозяйственного производства —в хозяйстве вотчинника или в хозяйстве крестьянина,—

вызывает споры между историками-марксистами и немарксистами. В буржуазной историографии издавна существует точка зрения, что работы на домене, в хозяйстве вотчинника были школой крестьянина, источником нововведений и технического прогресса. Однако историки-марксисты в СССР и ГДР, в частности археологи, убедительно показывают, что необходимость работать на вотчинников ограничивала производственную инициативу крестьян и производительность их хозяйств. Вотчина лишь интегрировала крестьянские повинности и отработки, сохраняя низкий уровень домениального хозяйства. Поскольку крестьяне работали на господской земле своими орудиями, техника производства в крестьянском и вотчинном хозяйстве была одинаковой. В рамках крупной феодальной собственности господствовал мелкий характер производства.

Завершение феодализации немецкой деревни было связано и с развитием политико-правовых институтов — иммунитета и округов банна (см. выше), возникновение которых отдавало ранее свободных крестьян сначала в судебную, а затем и вотчинную зависимость от феодалов. К концу XI — началу XII в. «смешанная деревня» преобразовывалась в феодальную деревню под воздействием изменений в природе вотчинной власти, приобретавшей все более политических прав.

Структура крестьянства как класса была сложной и неоднородной. Среди крестьян были лично зависимые «манципии» и «сервы», часть которых сидела на земле, а часть составляла дворовых людей феодала; поземельно зависимые, но еще лично свободные «прекаристы» и др., наконец, лично свободные владельцы собственных наделов — аллодисты. Сложность структуры немецкого крестьянства в раннефеодальный период и многозначность его отношений с господствующим классом отразилась на ходе двух крупных восстаний, имевших место в Саксонии: восстания «Стеллинга» 841—842 гг. и восстания, вспыхнувшего в канун борьбы за инвеституру (1073—1075 гг.), в период завершения феодализации Германии.

Восстание «Стеллинга» отразило начало процесса феодализации в Саксонии, когда крестьянство как класс феодального общества еще не сложилось. Непосредственные сельские производители состояли из свободных (фрилинги) и полусвободных (литы) слоев архаического древнесаксонского общества, и их восстание было направлено против начавшегося внедрения в Саксонию франкских феодалов и против проникновения в страну церковного землевладения, за сохранение старых дофеодальных порядков.

Восстание «Стеллинга», хотя и было подавлено, способствовало замедленности процесса феодализации в Саксонии и длительному сохранению там остатков общественного строя саксов.

Саксонское восстание 1073—1075 гг. было направлено уже против отдельных слоев феодальной знати и опиравшейся на швабских министериалов королевской власти, пытавшейся превратить Саксонию в свое домениальное владение. В восстании участвовало раннефеодальное, в основном еще свободное крестьянство и часть крупной саксонской знати, недовольной политикой Генриха IV в Саксонии. Эта группа знати сначала (до начала февраля 1074 г.) возглавила восстание, рассчитывая использовать крестьянское движение, чтобы добиться удовлетворения своих требований, и, получив уступки от короля, отошла от восстания. Тогда крестьяне выступили самостоятельно и стали разрушать королевские бурги, сражаться с королевскими войсками. Феодалы обратились против своих бывших союзников. Крестьяне были вынуждены 22 октября 1075 г. сдаться на милость короля-победителя, разгромившего саксов незадолго до этого в битве возле Хоэнбурга.

Помимо открытых выступлений, хотя и обреченных на поражение, но сыгравших свою роль в крестьянском сопротивлении различным видам

феодальной эксплуатации на разных этапах ее эволюции, крестьяне оказывали сопротивление и в других формах, то активно, то пассивно. Шла непрестанная борьба за альменду: если феодальные собственники захватывали и огораживали валами большие участки общинных угодий, изымая их из общего пользования, то и крестьяне возделывали клочки земли в общих угодьях под так называемые «сады» (вернее, огороды) и огораживали их, что создавало для них особое право («садовое право»). Крестьяне добивались лучших условий держания на вновь расчищенных землях, особенно во второй половине XI в., когда начал быстро развиваться процесс колонизации. В XI в. стали расти города, куда из феодальных вотчин уходили крестьяне и ремесленники и, становясь горожанами, освобождались от личной зависимости. Одной из форм крестьянского социального протеста было уклонение от выполнения барщины или небрежная работа на господских полях — с заметно меньшей производительностью труда, нежели в своем собственном хозяйстве.

Господствующий класс Германии был неоднороден по своему составу и происхождению. Его различные слои имели разный объем прав и власти, разные по величине и структуре земельные владения. В состав господствующего класса входила светская и духовная знать, представители которой происходили из старой родовой знати, или из должностной, выдвинувшейся на службе королю. Во времена франкского господства знать составляла сравнительно тонкий слой, в большинстве своем связанный фамильными узами с правящей династией. В X в. слой высшей знати существенно расширился: в него входили герцоги и представители их фамилий, графы, самостоятельность которых особенно выросла в XI в., когда многие крупные феодалы, не занимавшие должности графа, присваивали себе это звание. Расширялся и слой духовной знати, росло число епископств, монастырей, аббатств. Среди духовных феодалов первое место занимали архиепископы Трирский, Кёльнский и Вормсский. Таков был высший слой знати, именуемый в целом князьями. В X—XI вв. росло влияние германской знати, началось оформление строгой феодальной иерархии (так называемой иерархии щитов, полностью сложившейся позднее, в XII—XIII вв.) и особого положения верхушки этой иерархии — сословия имперских князей (см. ч. II, гл. 2).

Первоначально «иерархия щитов» имела лишь три ступени: король, князья, свободные господа. В течение X—XI вв. структура феодальной иерархии меняется. Возникают новые ее звенья, в которые входят потомки вассалов старой знати, поднимаются низшие слои класса феодалов, держатели или собственники бургов и крепостей (Burgherren) и их вассалы, несшие службу в этих бургах. Класс феодалов расширяется за счет незнатных воинов (рыцарей), а также владельцев мелких служебных ленов — министериалов. Формируется рыцарство как особый низший слой феодалов, который, однако, в X—XI вв. еще оставался незамкнутым в отличие от более позднего времени.

Министериалитет, развивавшийся еще с франкских времен, представлял собой слой служилых людей крупных феодалов, их управляющих, ключников, стольников и др., исполнявших различные хозяйственные службы и имевших судебные и фискальные функции. Существовал и разряд министериалов-воинов. Из среды министериалов, весьма немногочисленных к X в., назначались фогты и субфогты, были случаи, когда министериалы управляли даже графствами. Близость к господам давала им возможность повышения социального статуса. Для Германии характерно происхождение многих министериалов из несвободных. По мере усиления этого многочисленного и неоднородного слоя его верхушка стала получать бенефиции, затем лены. Высшие слои министериалов позднее (в XIII в.) слились с господствующим классом, достигая даже высоких его ступеней. Уже в XI в. министериалы могли держать, а затем и

жаловать феоды (лены). Постепенно в их состав стали входить и представители знати, что способствовало сближению этих слоев.

С XI в. знать в Германии селилась в замках, поодаль от крестьянских поселений, и именовалась по названиям замков. Хотя уже складывалась феодальная «иерархия щитов», в Германии оставались властители, которые не только имели в своих руках крупные аллодиальные владения, особенно в Саксонии и Баварии, но иногда и похвалялись тем, что все их владения были аллодами и что они не держали феодов даже от короля.

Исключительное положение и политическое влияние высшей знати в Германии было обусловлено ее огромными земельными богатствами и тем, что князья на своих территориях пользовались суверенитетом, не уступавшим на практике королевскому. Имперские князья на своих собраниях решали важнейшие государственные вопросы и избирали королей. Важную роль сыграли ландтаги (собрания отдельных земель) знати во время Саксонского восстания, имперские рейхстаги — во время борьбы за инвеституру. Короли и императоры постоянно были озабочены тем, чтобы обеспечить себе поддержку высшей знати, однако им приходилось считаться и с низшими слоями господствующего класса. Так, Конрад II (1024—1039) устанавливает наследственность рыцарских ленов, хотя возможности короля присоединять выморочные лены к своим домениальным владениям в это время еще сохраняются.

Перестройка и расширение сословия знати, ее стремление увеличить размеры своих домениальных владений, сосредоточить в своих руках не только поземельные, но прежде всего и судебные права подготавливали складывание в XIII в. множества суверенных территориальных княжеств, которые в дальнейшем, когда распались крупные племенные герцогства, густой сетью покрыли территорию Германии. Исключительность положения и сила высшей немецкой знати порождали насилие и самоуправство даже при таком могущественном императоре, как Оттон I; еще более распространились насилие и произвол в XI в.

Начиная с XI в. в Германии растет еще одна важная социально-политическая и экономическая сила — города: формируется бюргерство (термин burgenses появляется в XII в.). С его образованием феодализм достиг в Центральной и Западной Европе, в том числе и в Германии, своего полного развития и расцвета (см. ч. II, гл. 1). Древнейшие города Германии — римского происхождения, у германцев городских поселений не было. В областях Рейна, Мозеля и Дуная располагались военные лагеря римских легионов: так возникли Бонн, Майнц, Вормс, Кёльн, Трир, Страсбург, Вена, Регенсбург и многие другие города. Вокруг этих лагерей селились ремесленники и торговцы. Наиболее богатыми и значительными были Кёльн и Трир, служивший резиденцией римского императора, в IV в. он насчитывал около 80 тысяч жителей. В последний век существования Западной Римской империи все эти города пришли в упадок, хотя полностью жизнь в них не прекратилась. С ростом и укреплением Франкской империи в ряде этих старых городов возникают епископства (Майнц, Кёльн, Пассау), аббатства; некоторые города становятся резиденциями королей и графов.

Обширное строительство бургов для защиты от норманнов и венгров или в качестве форпостов для наступления на славянские области за Эльбой, развернувшееся особенно интенсивно при Генрихе I, дало толчок возникновению новых городов; так появляются Гослар, Мерзебург и другие бурги, в стенах которых зарождается городская жизнь. Выраставшие вокруг бургов предместья (субурбии) с их ремесленно-торговым населением обносились в IX—X вв. новыми стенами.

По всей Германии росли рыночные местечки: близ резиденций епископов, на путях дальней торговли, у речных переправ. Торговля велась

товарами, которые нельзя было произвести в собственном хозяйстве: солью, металлическими изделиями, дорогими тканями и другими предметами роскоши, пряностями, предметами для богослужения. Король и крупные феодалы охраняли и поддерживали рынки, приносившие большие доходы. Из рыночных местечек, предгородских поселений также возникали города. В XI в. число таких рыночных местечек возросло: в каролингское время их насчитывалось между Рейном и Эльбой 60—70, в XI в.— 200—300. Рынки и рыночные местечки пользовались особым королевским миром, нарушение которого строго каралось высокими штрафами, отсечением руки, даже смертной казнью. «Рыночный мир» был одним из правовых компонентов, из которых позднее сложился «городской мир», охранявший горожан от обычных в то время насилий и дававший возможность заниматься ремеслом и торговлей. Во внешней торговле Германии с Италией, Англией, Фландрией преобладала транзитная; для нее было также характерно длительное преобладание ввоза над вывозом.

Горожане первоначально зависели от господина города (короля, князя, епископа, графа). Во вновь основанных городах жители пользовались бо́льшими свободами, нежели в старых, особенно епископских. Постепенно складывалось городское право, отличное от феодального вотчинного права с его градациями для разных слоев населения. Города очень долго сохраняли полуаграрный характер, и жизнь их обитателей сначала мало отличалась от сельской. В раннее средневековье строительство в городах было деревянным, из камня строились лишь церкви и резиденции господина. В XI в., как показали археологические раскопки, появились деревянные дома на каменных фундаментах. Городские стены с увеличением территории города постоянно расширялись. Население городов в раннее средневековье было немногочисленным — 1—2 тыс. жителей (деревня в 10 дворов насчитывала от 100 до 300 жителей).

В XI в. происходят первые восстания горожан против их господ (Вормс, Кёльн). В столкновениях королей со знатью города часто принимали сторону королевской власти (так было при Генрихе IV, Генрихе V), однако королевская власть не сумела воспользоваться подъемом городов, выгоды от роста которых в большей степени получили территориальные князья.

Весьма вероятно, что технический прогресс в сельском хозяйстве, который археологи наблюдают в XII в. (тогда как для раннего средневековья отмечается малая эффективность крестьянского труда и регресс по сравнению с римской техникой), был связан не только с совершенствованием сельского хозяйства и вотчинного ремесла, но и с ростом городского ремесла и укрепления связей с рынком. Появляются новые дороги. Растет число монетных дворов; право чеканить монету получают во второй половине XI в. иногда даже небольшие местечки. Роль денег как мерила ценности возрастает. Вокруг городов создавались экономические зоны местных рынков, преодолевавших географические преграды (реки, горы, моря). Развитие городов способствовало преобразованию племенного самосознания, все чаще употребляется общее наименование немецкого народа — Teutonici. В некоторых городах, например в Вормсе, возникают зачатки коммунальной организации. Растет влияние бюргерства, закладываются основы новых форм производства, господства и права.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

В X—XI вв. Германское королевство занимало важное место среди других государств Европы и вело активную внешнюю политику. Если борьба Генриха I и Оттона I против венгров носила в основном оборонительный характер, то другое направление их внешнеполитических устремлений — земли заэльбских (полабских) славян — было агрессивным. Еще

Генрих I пытался обложить их данью, сохранив, однако, славянские княжества. Но Оттон I уже подчинил себе и включил в состав своей империи народы, жившие между Эльбой (Лабой) и Одером (Одрой). Началась немецкая колонизация этих земель. С царствования Оттона I и со времени создания империи начинается и новая ориентация королевской власти и крупных феодалов вовне — итальянская политика: многократно повторявшиеся итальянские походы германских королей и их столкновения с папством (см. выше). Пытались они подчинить своему верховенству и Южную Италию, но безуспешно. Оттон I продолжил начатую Генрихом I, основавшим марку в Шлезвиге (935 г.), борьбу с датчанами, ускорив их христианизацию.

Статус империи как бы санкционировал вмешательство императоров во внутренние дела стран Европы, в частности Франции, в качестве посредников между французским королем и крупными магнатами, его подданными. При этом германские императоры стремились подчинить своей власти Лотарингию и Бургундию. Борьба за эти области не была завершена в период X—XII вв.

Германские императоры путем посольств и династических браков установили отношения с Византией. Иоанн Цимисхий признал Оттона I императором, что укрепило значимость его титула и международное положение Германии. Византия поддерживала Генриха IV в его борьбе с папой. Германские властители вели также длительную борьбу за верховенство над формирующимися в X—XI вв. Польским и Чешским (Богемским) государствами, которые то признавали суверенную власть Германии, то освобождались от нее. При Генрихе III признавала верховенство империи и Венгрия, однако она вернула себе независимость в 1058 г. В 1110 г. германским императорам подчинилась Богемия (см. ч. I, гл. 5).

На восточной границе в ходе жестокого завоевания и колонизации земель полабских славян германские короли и феодалы создали систему пограничных марок (марка Геро Железного, марка Биллунгов, Мейссенская, Цейцская и другие марки), основали ряд восточных епископств и монастырей, в частности влиятельное архиепископство Магдебургское. Однако ряд славянских восстаний, в особенности крупное восстание 983 г., разрушили эту систему. Эти неудачи на первом этапе натиска на восток вынудили немецких феодалов временно отказаться от своих воинственных планов; новое наступление на полабских славян возобновилось лишь в XII в.

При Оттоне I Германия обменивалась посольствами с Византией, Римом, Данией, Польшей, Богемией, Русью, Венгрией, Болгарией. Однако престиж императоров Саксонской и Франконской династий в Европе далеко не всегда был высок. Периоды подъема империи перемежались с периодами упадка. Внешняя политика Германской империи способствовала развитию ее торговых связей со многими странами Европы.

Итак, в период IX — начала XII в. Германия, возникшая как раннефеодальное королевство, объединение племенных герцогств, во многих отношениях продолжавшее традиции каролингской государственности, прошла длительную эволюцию и превратилась в феодальное государство с рядом особенностей, определивших ее дальнейший путь. Однако несмотря на несомненное сходство с Франкским государством, империю Оттонов нельзя полностью отождествлять с ним. В ней складывается новое взаимодействие между королевской властью и местными крупными феодалами, особенно князьями, новая надрегиональная система связей.

Преодолевая в известной мере противодействие племенных герцогов и крупных феодалов, племенную обособленность и связанную с ней организацию войска, Германское государство при нескольких сильных императорах (Оттон I, Генрих III) достигало определенного единства — в пре-

делах собственно Германии, но не в пределах Империи в целом. Но даже при сильных государях центробежные силы не прекращали своего действия и неизбежно вырывались на поверхность в моменты ослабления королевской власти или пребывания императоров в Италии. В такие периоды высшая феодальная знать всякий раз неуклонно усиливала свои экономические и социально-политические позиции за счет центральной власти.

В основе специфики государственного развития раннесредневековой Германии лежат особенности ее социальной и классовой структур: позднее завершение феодализации (хотя феодальная собственность высших слоев господствующего класса начала складываться еще в каролингский период), запоздалый по сравнению с Италией и Францией переход от раннего к развитому феодализму, что определялось пестротой и сложностью класса феодального крестьянства, исключительностью положения высших слоев знати, ролью имперской церкви, которая была необходимым компонентом немецкого государства в X—XIII вв. Особыми путями развивались и слои средней и низшей знати, в некоторые периоды составлявшие опору королевской власти, но в большей мере группировавшиеся вокруг имперских князей и крупных феодалов и становившиеся постепенно их оплотом. Рост и суверенный характер князей в последующий период вели к преобразованию Германии из объединения племенных герцогств, каким она была в IX—XI вв., в объединение территориальных княжеств в XII—XIII вв. (см. ч. II, гл. 2). Вормсский конкордат создал условия, при которых германское королевство в государственном и церковном праве выступило как замкнутое политическое целое. Однако дуалистический характер империи (претендовавшей на объединение Германии и Италии), заложенный в ранний период, развивался и позднее, что наложило отпечаток на все стороны жизни Германии в последующие столетия.

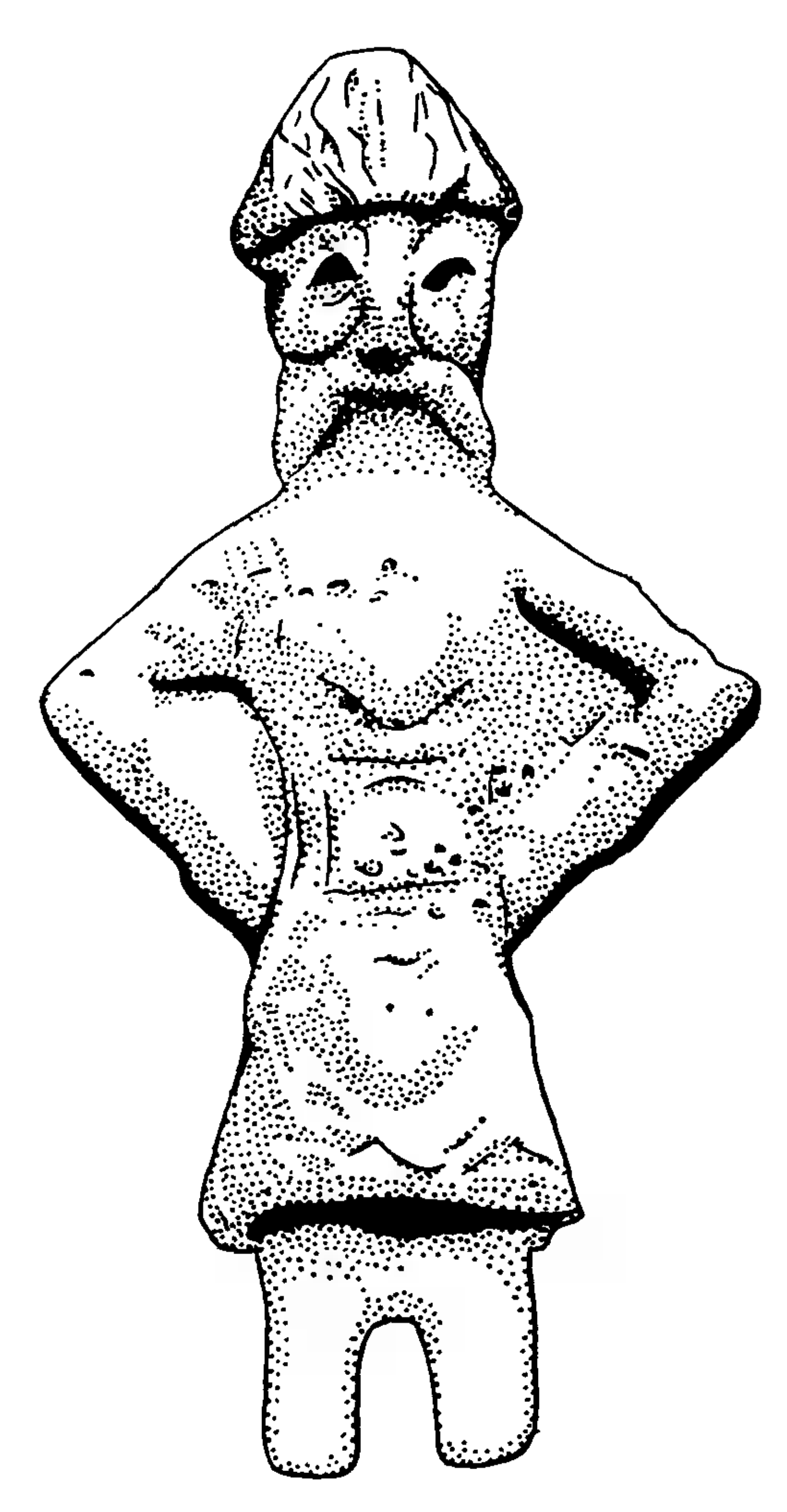
Германия в раннее средневековье, несмотря на ее силу и влияние в правление отдельных императоров, не представляла собой прочного политического целого. Это находилось в тесной связи с экономической разобщенностью ее отдельных областей и различным уровнем развития в них феодальных отношений.

Глава 5

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Географическими границами региона, который здесь обозначается как центральноевропейский, можно считать часть балтийского побережья на севере, Лабу (Эльбу) на западе, Дунай (в среднем течении) и Карпатские горы на юге и юго-востоке.

Этническая карта региона может быть воссоздана в основных чертах для периода не ранее рубежа VIII—IX вв., когда с началом первых контактов славян с Каролингской империей во франкских источниках появились первые описания граничащих с империей на востоке земель. Северо-западную часть региона — земли между Одрой на востоке и Лабой на западе (в ряде мест поселения славян выходили и за этот водный барьер) и выходившие на севере к Балтийскому морю — занимали славянские племена, которые частично заселили территорию, оставленную германцами в III—V вв. Они получили в науке условное наименование полабских славян. Наиболее крупными и устойчивыми этнополитическими объеди-

Западнославянская статуэтка крестьянина. Бронза. I тыс. н. э.

нениями полабских славян были ободриты, земли которых примыкали с востока к нижнему течению Лабы, и лютичи, земли которых соседствовали на востоке и юге с землями ободритов, выходя к среднему течению Лабы. На юге субрегиона между реками Лабой и Салой размещалось объединение сорбов, существование которого засвидетельствовано уже в источниках первой половины VII в.

По особенностям исторического развития в период раннего средневековья к этому региону иногда относят и племена поморян, занимавших побережье Балтийского моря от Одры на западе до нижнего течения Вислы на востоке. Впрочем, в отличие от собственно полабских славян поморяне жили в тесной связи с размещавшимися южнее славянскими племенами, которые впоследствии объединились в польскую народность. Среди них наиболее значительную роль играли поляне, давшие позднее название всей польской народности. Объединение полян располагалось в бассейне реки Варты, доходя на западе до среднего течения Одры. С ними на востоке — в среднем течении Вислы — соприкасалось племенное объединение мазовшан. Верховья Вислы занимали племенные объединения вислян и лендзян (от названия последних происходит термин ляхи, lengyel — позднейшее наименование поляков у восточных славян и венгров). В верхнем течении Одры располагался ряд славянских племен, среди которых главную роль играли слензяне.

На юг от земель, занятых полабскими славянами, в верхнем течении Лабы и бассейне Влтавы, в котловине, окруженной невысокими лесистыми горами, жили родственные славянские племена, среди которых со второй половины IX в. главную роль стали играть чехи. На востоке с ними граничили мораване — крупное объединение славян в бассейне впадающей в Дунай Моравы. На землях мораван и их восточных соседей почвы были более богатыми, чем у полабских славян, а климатические условия сближали этот район с Балканами (здесь, в частности, оказалось возможным широкое распространение виноградарства).

На юг и юго-восток от земель мораван и чехов шли обширные территории в басейнах Дуная и Тиссы, где в VI—VIII вв. жило славянское население, находившееся в зависимости от аваров. С падением в начале IX в. Аварского каганата славяне стали широко расселяться на территории, ранее занятой аварами. В районе оз. Балатон в первой половине IX в. образовалось зависимое от Каролингов Блатенское княжество. Природные условия в долине Дуная были благоприятными для развития земледелия и скотоводства. Чешско-моравское плоскогорье и Дунайская низменность непосредственно граничили с отрогами Карпат, где население издавна вело пастушеское хозяйство. Последующие изменения этнической карты региона были вызваны появлением в конце IX в. на территории Дунайской низменности мадьярского союза племен, который частично ассимилировал проживавшее здесь славянское население.

Часть южных территорий региона более или менее длительно входила в Римскую империю или испытывала ее сильное культурное влияние, но

в ходе варварских вторжений гунны и авары так опустошили эти области, что говорить о сколько-нибудь существенном сохранении здесь римских социальных и культурных традиций не приходится. Правда, на части территории Среднего Придунавья источники XII—XIII вв. фиксируют наличие значительных групп восточнороманского пастушеского населения, которое могло проживать там и ранее, но нет серьезных оснований считать, что оно передавало античные традиции славянскому и мадьярскому этносам.

В целом Центральную Европу следует отнести к числу тех частей Европейского континента (наряду с Древней Русью и Скандинавией), где имел место бессинтезный вариант генезиса феодализма на основе социальной трансформации общественных институтов эпохи военной демократии. Обо всей этой территории как едином регионе позволяет судить относительная общность политической организации и социальной структуры трех главных сложившихся там государств: Польского, Чешского и Венгерского. У полабских славян, в силу причин, о которых будет сказано ниже, процессы формирования классового общества и государства не получили полного развития. Если говорить о соотношении с другими районами бессинтезного варианта развития феодализма, то различия со Скандинавией вполне очевидны — ряд институтов, характерных для Центральной Европы (например, «служебная организация» — см. ниже), не были известны у скандинавов. Напротив, очевидна большая близость общественного строя стран Центральной Европы и Древней Руси.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (VI—XI вв.)

Формирование классового общества и государства в странах Центральной Европы было обусловлено важными сдвигами в развитии производительных сил населения этого региона.

Не позднее VIII—IX вв. пашенное земледелие утвердилось здесь как ведущая отрасль хозяйства. Значительно развито было и скотоводство, по сравнению с ним роль охоты, рыболовства или пчеловодства стала явно второстепенной. При этом сыграло свою роль появление пахотных орудий — прежде всего рала с железными сошниками (более тяжелый плуг получил распространение лишь позднее) и успехи скотоводства, позволившие использовать волов (гораздо реже — коней) в качестве тягловой силы. Улучшение качества обработки земли привело к заметному расширению ассортимента сельскохозяйственных культур. Если ранее главной сельскохозяйственной культурой было просо, то теперь его удельный вес уменьшился, возросли посевы таких культур, как рожь, пшеница, ячмень, овес. Упоминание в источниках X в. яровых и озимых свидетельствует о переходе от подсеки и нерегулярного перелога к первым, еще примитивным формам севооборота (двухполье). В этот период населению уже был известен ассортимент садово-огородных растений, который практически не изменился до конца средневековья. Значительная часть территории оставалась еще незаселенной, в ряде районов сохранялись старые способы ведения хозяйства.

В скотоводстве следует отметить принявшее широкий размах разведение свиней, которые, в отличие от других животных, не нуждались в обширных пастбищах. Для населения они стали главным источником мясной пищи. Развивалось и овцеводство. На то же время приходится очевидный прогресс в развитии ряда ремесел, прежде всего разных видов обработки металлов.

Определенными особенностями отличалось историческое развитие Подунавья. Здесь с поселением в конце IX в. мадьярского союза племен в

течение некоторого времени земледельческое хозяйство местного славянского населения сосуществовало с кочевым скотоводством пришельцев. Постепенно в ходе повседневных контактов со славянами и под воздействием природных условий мадьяры перешли к оседлости. Часть славянского населения была ассимилирована мадьярами, другая сохранилась как особый этнос, сформировавшись со временем в отдельную словацкую народность. У венгерского населения Дунайской долины в X—XI вв. сложился особый тип смешанного земледельческо-скотоводческого хозяйства с постоянными зимними стоянками для скота, удобренная территория которых использовалась затем для посева. Большая роль скотоводства (разведение крупного рогатого скота) в хозяйстве венгров эпохи раннего средневековья отразилась и на характере судебных штрафов, исчислявшихся количеством быков, и в характере повинностей, среди которых различные конные службы занимали гораздо большее место, чем в соседних славянских странах. В отдельных степных районах роль скотоводства была еще значительнее. В горных районах Прикарпатья постоянным занятием населения (главным образом восточнороманского) было пастушество. Однако в развитии региона в целом земледелие было главной, господствующей отраслью хозяйства и именно его прогресс обеспечивал поступательное развитие региона в целом.

С переходом к пашенному земледелию появилась стабильная сеть поселений. Вместе с тем прогресс земледельческой техники способствовал росту хозяйственной самостоятельности отдельных групп, входивших в состав рода, сначала большой, а затем и малой семьи. Наиболее очевидным свидетельством перемен может служить появление наряду с крупными большого числа однодворных поселений. Правда, между группами родственных семей сохранялись связи, выражавшиеся в некоторых обычаях взаимопомощи и кровной мести, но главной формой организации населения стала уже территориальная соседская община. Пахотная земля и скот находились во владении отдельных семей, а леса, пастбища и воды оставались в совместном пользовании всей общины.

Рост производительных сил, приведший не только к появлению прибавочного продукта, но и к его заметному увеличению, создал объективные предпосылки для разделения общества на классы и возникновения государства. С образованием государства в положении всей массы населения произошли глубокие изменения. К сожалению, проследить эти изменения позволяют лишь данные немногих венгерских и чешских документов XI в., относящиеся прежде всего к церковным владениям, а также пережитки прежних отношений, которые можно выявить в документах XII—XIII вв. Определенный материал дает и единственный в этом регионе комплекс памятников законодательства — декреты венгерских королей XI в.

Основная масса населения в период раннего средневековья формально сохранила свой прежний юридический статус свободных; средства производства, в том числе земля, оставались во владении членов соседских общин, но фактически эти свободные стали объектом эксплуатации со стороны органов раннефеодального государства.

Определенные обязанности в пользу племени существовали и в родоплеменном обществе: общественные работы по строительству градов — укрепленных убежищ, обязанности по охране границ племенной территории, нерегулярные добровольные подношения вождям и племенной знати. Эти повинности были затем узурпированы нарождавшимся раннефеодальным государством, которое сумело придать им качественно иное значение. К концу X в. на сельские общины легла целая система разнообразных повинностей, выполнение которых объективно должно было обеспечить надлежащие условия существования формирующемуся господствующему классу. Хотя главные налоги, накладывавшиеся на лично

свободное население («подымное-подворовое» в Польше, «дань мира» в Чехии, «денарий свободных» в Венгерском королевстве), формально измерялись в денежной форме, но на практике деньги часто заменялись натуральными эквивалентами. С учетом же всего комплекса налогов следует констатировать, что первое место занимали фактически поставки продуктов, взимавшиеся первоначально с общины в целом, а затем — с отдельного хозяйства с определенным учетом его возможностей; в их состав входили зерно, овес, рогатый скот, свиньи, птица, а также в целом ряде случаев — мед и меха. К этому добавлялись и обязанности по доставке продуктов на град или двор, а также целый ряд повинностей, связанных с обслуживанием поездок по стране монарха, представителей государственного аппарата. Кроме того, сохраняли полную силу и восходившие еще к древнему времени обязанности по строительству крепостей и охране территории. Установление системы централизованной эксплуатации населения, принципиально сходной во всех трех указанных странах, сопровождалось, судя по данным венгерского законодательства, уже в первых десятилетиях XI в. ухудшением общественного положения свободных — за ущерб, нанесенный выделившимся из числа простых свободных профессиональным воинам — milites, это законодательство устанавливало повышенные санкции.

Усиление эксплуатации вело к разорению свободных. Неудивительно, что в законодательных актах венгерских королей рубежа XI—XII вв. встречаются упоминания о свободных, которые не имеют своей земли и селятся во владениях вельмож. Однако в то время такие свободные составляли лишь небольшую часть деревенского населения.

Другой аспект политики раннефеодального государства заключался в том, что часть населения тем или иным образом была выведена за рамки общин и освобождена от лежавших на них налогов и повинностей, с тем чтобы они осуществляли специальные «службы» для государя. Поселения с таким населением группировались обычно либо вокруг «градов» как военно-административных центров государства, или «дворов» как центров дворцового хозяйства и резиденций монарха. Всю эту «служилую людность» можно разбить на ряд групп: лица, занимавшиеся обслуживанием и приготовлением пищи (повара, пекари, подстолии, прачки и др.), лица, ухаживавшие за скотом (овчары, конюхи и др.), ремесленники разных профессий, наконец, рыболовы и охотники (ловцы, псари, сокольники, бобровники). Деятельность некоторых из этих групп населения опиралась на систему регалий, обеспечивавших для них монополию на охоту за определенными видами животных, разработку полезных ископаемых, постройку мельниц и т. д. Назначением этой «служебной организации» было выделение квалифицированной рабочей силы для обслуживания потребностей формирующегося господствующего класса, основное ядро которого на этом этапе практически совпадало с аппаратом государственной власти. По своему социальному происхождению слой служилого населения не был однородным: в его состав вливались как часть свободного сельского населения, так и часть принадлежавших правителям невольников, посаженных на землю для исполнения указанных выше служб.

Невольники представляли собой социальную группу, появившуюся в составе общества времен военной демократии. В то время к ней в основном принадлежали захваченные во время военных столкновений пленные, но поскольку особой потребности в их труде в обществе не было, то их либо убивали, либо отпускали за выкуп, либо просто освобождали после ряда лет пребывания в плену и включали в состав общины. Число невольников сильно увеличивалось в условиях военной экспансии раннефеодальных государств. Эта социальная группа также пополнялась за счет людей, попадавших в долговое рабство или лишавшихся свободы за тяжелые преступления.

В период раннего средневековья невольники стали одним из главных предметов вывоза из стран Центральной Европы на рынки Средиземноморья. Вместе с тем уже в это время значительная часть их оседала на месте, оказываясь юридической собственностью правителей. Так, польским князьям второй половины XI в. принадлежало по меньшей мере несколько тысяч человек. С помощью этих людей проводилось освоение пустых, не занятых общинами земель, где создавалось собственное хозяйство монарха. Часть невольников находилась на построенных специально для них дворах и обеспечивалась необходимыми средствами для пропитания, другие наделялись участками земли, на которых они могли обстраиваться и жить. Аналогичные владения, заселенные несвободной челядью, но гораздо меньшего размера, имелись у представителей знати. Во владениях монарха занятия невольников были разнообразными, а наиболее значительная их часть занималась обработкой господской пашни. В хозяйствах знати в период раннего средневековья едва ли не главным занятием невольников, помимо непосредственного обслуживания господина, был надзор за его стадами, прежде всего за табунами боевых коней, необходимых для вельможи и его дружинников. Что касается юридического положения невольников, и там и здесь они считались полной собственностью господина, а их эксплуатация не была ограничена какими-либо нормами. В некоторых случаях невольник должен был работать на господина 6 дней в неделю.

Описанная здесь система отношений предстает перед нами в источниках XI в. уже в готовом виде, и у нас практически нет возможностей проследить этапы ее формирования. В этом смысле свидетельство чешского средневекового хрониста Козьмы Пражского, что установление принудительных работ для постройки княжеских «градов» относится к правлению князя Болеслава I (935—972), является совершенно уникальным.

С принятием странами Центральной Европы христианства здесь появились земельные владения епископий, соборов, монастырей. В период раннего средневековья эти владения были почти исключительно образованы за счет пожалований со стороны государственной власти. Поэтому на первых порах владения церкви являлись как бы сколком в миниатюре земель, находившихся под контролем государственной власти. Среди их населения можно выделить три основные группы, по отношению к которым церковные власти располагали разными правами. Во-первых, невольники, от которых можно было требовать любых служб и повинностей. Во-вторых, ремесленники и другие «специалисты» из числа «служилого населения», передававшиеся специально для обеспечения потребностей духовенства. В случае необходимости княжеская власть при пожаловании неоднократно заменяла лежавшие на этих людях службы иными, более нужными для монастыря, однако сам акт пожалования (новый или старый) особого статуса затруднял попытки его изменения со стороны церковных властей. В-третьих, члены сельских общин, которые «приписывались» к определенным церковным учреждениям с обязанностью нести в пользу них те повинности и платить те налоги, которые ранее требовала с них государственная власть. При этом часть указанных налогов и повинностей государство оставляло за собой, сохранялась и подсудность этой части населения органам государственной администрации. Таким образом, если пожалования правителей и привели к зарождению крупного церковного землевладения, то население во владениях церкви жило во многом по порядкам, характерным для раннего феодализма с его системой централизованной эксплуатации.

В жизни феодального общества стран Центральной Европы к концу периода раннего средневековья наметилось скопление торгово-ремесленного населения на «подградьях», что превращало в известной мере уже на этом этапе административные центры раннефеодального государства в

центры ремесла и торговли. Среди селившихся там людей немалый удельный вес принадлежал «служилому» населению, совмещавшему, по-видимому, производство нужных для потребностей господствующего класса изделий с производством их на продажу представителям иных слоев населения. Наряду с ними там жили и свободные ремесленники — выходцы из сельских общин, мелкие странствующие торговцы того же происхождения, наконец, служащие магнатов или правителей, продававшие на торге собранные для них продукты или изделия. Все эти люди разного правового статуса и материального положения находились под прямой юрисдикцией княжеской администрации. Особое положение занимали по размеру весьма небольшие и характерные лишь для самых крупных «градов» поселения иноземных купцов, участвовавших в далекой транзитной торговле на путях, ведущих с запада Европы на Восток. В Венгерском королевстве такими центрами были Эстергом, Пожонь (Братислава), Секешфехервар, в Польше — Познань, Краков, Вроцлав, Плоцк, в Чехии — Прага и Оломоуц.

Можно предполагать, что такой тип социальной организации раннефеодального общества наиболее полно был развит в Венгерском королевстве, но это может объясняться просто тем, что большая часть известных нам материалов относится к территории этого государства.

В условиях господства такого рода отношений классовая борьба принимала главным образом форму восстаний масс свободных общинников, вовлеченных в систему централизованной эксплуатации, против гнета государства и процесса феодализации, иногда — христианизации. Ярким выражением этой борьбы стали народные восстания в Польше в 1037—1038 гг., в Венгерском королевстве в 1046 г. под предводительством Ваты и в 1061 г., вождем которого был его сын Янош. Характерной чертой восстаний, приобретших общегосударственный размах, было то, что объектом особой ненависти восставших наряду с представителями государственной власти были члены христианского клира. Имели место не только убийства епископов и священников, но и (например, в Венгрии) демонстративное возвращение к языческим обрядам и обычаям. По-видимому, в сознании народных масс принятие новой религии ставилось в связь с теми изменениями, которые произошли в их положении с формированием раннефеодального государства. Не случайно, например, в Венгрии требовали истребления одновременно и священников, и сборщиков налогов. Здесь конфликт отличался остротой, так как становление новых отношений господства и подчинения шло в условиях перехода массы рядовых свободных венгров к земледелию и распада традиционной для кочевого общества военно-родовой организации. В моменты таких кризисов имели место и выступления невольников, которые убивали своих господ и вообще пытались воспользоваться положением, чтобы вернуть себе свободу.

Гораздо медленнее протекали социальные изменения в политических образованиях полабских славян (у сорбов, ободритов, лютичей, гаволян). Хотя по уровню развития производительных сил полабские славяне, по крайней мере в VIII в., не отставали заметно от своих восточных и южных соседей и здесь определенно наметилось отделение слоя воинов (носивших у сорбов название «витязей») от основной массы свободных, нет никаких сведений о существовании сложившейся системы централизованной экплуатации основной массы населения или «служебной организации». Судя по более поздним данным, замедленно протекал процесс классообразования и у пастушеского населения прикарпатских владений Венгерского королевства.

ГОСУДАРСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ (VI—XI вв.)

Ранние этапы формирования государства на территории Центральной Европы могут быть представлены лишь схематично, так как письменные источники очень неполны и отрывочны, а данные археологии не всегда могут быть однозначно интерпретированы.

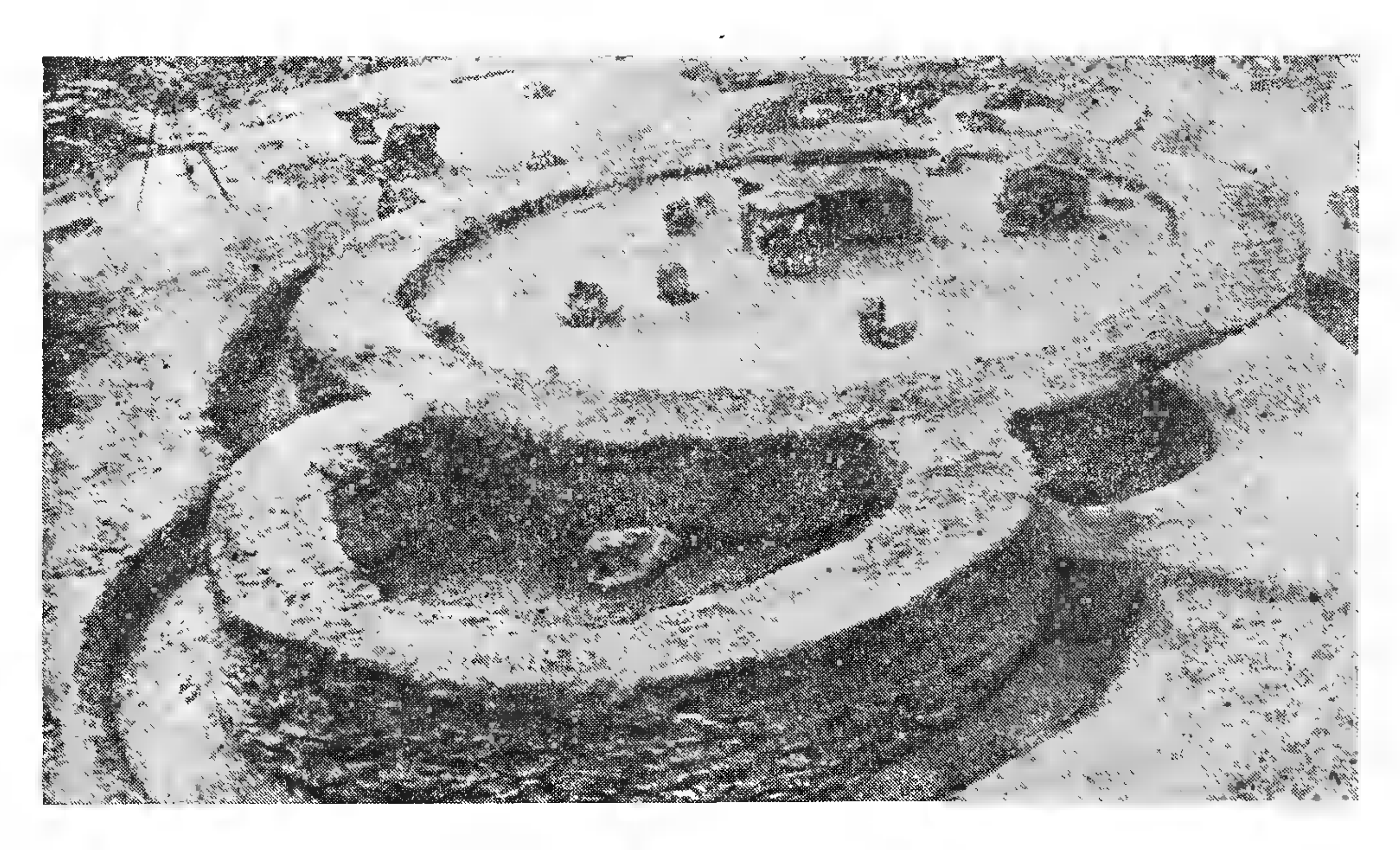
Период VII—VIII вв. следует определить как период постепенного формирования племенных княжеств на базе ранее возникших племен или союзов племен. Вероятно, эти княжества уже можно рассматривать как первые, еще очень примитивные государственные организации. По данным каролингских анналов, в жизни этих сравнительно небольших социальных организмов большая роль принадлежала родоплеменной знати. Институт княжеской власти во многом зависел от племенных обычаев и традиций, на которые опиралось и могущество знати. Степень подчинения населения власти была сравнительно невелика.

Более крупные раннефеодальные государства складывались в ходе конфликтов между племенными княжествами, завершавшихся иногда насильственным объединением в обширное политическое целое. Одним из следствий этих конфликтов было дальнейшее разрушение традиционных племенных структур, уход со сцены родоплеменной знати как особого социального слоя, усиление княжеской власти, опиравшейся на дружину, ставшую ядром формирующегося господствующего класса.

Эти процессы сопровождались углублением социальной дифференциации (что видно отчетливо, в частности, по различиям погребального инвентаря) и созданием системы укрепленных «градов» (пришедших на смену центрам племенных княжеств) — ярко выраженных центров военно-административной власти. Уже это позволяет заключить, что в рамках крупного раннефеодального государства степень подчинения населения государственной власти должна была резко возрасти.

Хотя подобный тип развития был в данном регионе преобладающим, эти процессы не везде непрерывно эволюционировали в указанном направлении. Так, на землях полабских славян они довольно интенсивно развивались в VIII—IX вв., когда здесь сложился целый ряд племенных княжеств, но с X в. оказались заметно заторможенными. На землях ободритов, например, так и не произошло (вплоть до XI в.) объединения «племенных» княжеств в один более обширный политический организм. Это замедляло ослабление позиций родо-племенной знати и формирование новых политических и социальных структур. На землях же лютичей в X в. был вообще ликвидирован институт княжеской власти и наметилось возвращение к традициям эпохи военной демократии. Эти явления исследователи связывают с постоянным воздействием на полабских славян военно-политической экспансии сначала Восточно-Франкского королевства, а затем Германской империи в правление Оттонов (см. ч. I, гл. 4). Необходимое в данных условиях всеобщее вооружение населения оказалось мощным препятствием на пути к завершению классообразования и формирования государственности. В дальнейшем самостоятельное развитие полабских славян было прервано завоеванием их земель немецкими феодалами.

Первым крупным политическим образованием в центральноевропейском регионе, обладавшим несомненными признаками раннефеодального государства, стала Великоморавская держава, охватившая уже в первой половине IX в. в правление князя Моймира I (ум. ок. 846 г.) значительную часть территории современной Чехословакии. В правление Моймира в 30-е годы IX в. мораване приняли христианство по католическому обряду из Баварии. При преемнике Моймира Ростиславе (846—870) Великоморавская держава сумела оказать серьезное сопротивление попыткам

Фундамент Великоморавской ротонды в Микульчике. Начало IX в.

восточнофранкских королей подчинить ее своей власти. В связи с этим франкские анналы упоминают о построенных Ростиславом мощных крепостях, успешно выдержавших осаду франкских войск. Эти сведения подтверждены исследованиями археологов, которые раскрыли остатки каменных укреплений не только в столице государства, но и в ряде других его центров. Тогда же великоморавский правитель сумел распространить свое влияние на земли славянских племен в бассейне Влтавы и на сорбов, которые выступали вместе с Великой Моравией против восточнофранкских феодалов. Одновременно, стремясь сделать страну независимой от связанной с Каролингами баварской церкви, Ростислав обратился в Константинополь с просьбой прислать епископа. В Великую Моравию приехали создатели славянской письменности Кирилл и Мефодий; а в дальнейшем Великая Моравия превратилась ■ тот очаг, откуда славянская письменность распространилась в другие славянские страны. Используя противоречия между интересами франкской церкви и папства, Ростислав добился ■ конце своей жизни (869 г.) создания для Великой Моравии и соседних с ней славянских земель архиепископства, непосредственно подчиненного Риму, во главе которого стоял Мефодий.

Быстрый рост политического влияния и расширение границ Великоморавской державы имел место в правление племянника Ростислава — Святополка (870—894). В той или иной форме его власть распространилась не только на бассейн Влтавы и земли сорбов, но также на верховья Вислы и бассейн Тиссы. В войнах с Восточно-Франкским королевством он занял значительную часть территории Блатенского княжества. Военные походы сопровождались попытками создавать на землях славян-язычников христианские учреждения, подчиненные архиепископству Моравскому. Правда, это огромное политическое образование было весьма непрочным: перечисленные земли были связаны с Великой Моравией скорее всего лишь отношениями даннической зависимости, и большая их часть после смерти Святополка отпала от Великой Моравии. В конце IX в. Великоморавское государство распалось под напором переместившегося в бассейн Дуная из Восточной Европы союза мадьярских племен, однако за сравнительно короткий период его существования развитая

материальная культура, идеология, формы социальной организации населения оказали сильное воздействие на обитателей соседних славянских территорий, способствуя их эволюции в сторону формирования государственности. Процессы эти завершились к концу X в. созданием Польского и Чешского раннефеодальных государств. Источники позволяют представить в полной мере лишь заключительный этап этого процесса (середина — вторая половина X в.), когда ликвидация последних «племенных» княжеств происходила в обстановке острого соперничества между чешскими и польскими правителями.

Первые шаги к образованию единого раннефеодального государства на территории позднейшей Чехии были предприняты в 80-е годы IX в., когда князь племени чехов Борживой из рода Пржемысловичей, принявший крещение на дворе Святополка, сумел при поддержке его стать главным среди племенных князей Чешской долины. Окончательное объединение племенных княжеств Чешской долины под властью чешских князей со столицей в Праге относится к правлению князя Болеслава I (935—972). К этому времени власть пражских правителей распространилась и на земли в районе Моравы — старое ядро Великоморавского государства, и на земли слензян и их соседей на Верхней Одре, земли лендзян и вислян на верхней Висле и даже на часть граничивших с последними объединений восточнославянских племен. Обширная держава была, однако, столь же непрочной по составу, как и Великоморавское государство.

Это обнаружилось, когда экспансия чешских князей столкнулась с экспансией политического центра, возникшего на землях племенного княжества полян и сумевшего к середине X в. подчинить себе ряд соседних территорий. В последних десятилетиях X в. развернулась острая борьба между князем полян Мешко I (ум. 992) и чешским князем Болеславом II (973—999), в результате которой чешские князья утратили власть над землями в бассейне верхней Одры, а в 90-е годы сын Мешко I Болеслав Храбрый (992—1025) овладел и землями вислян и лендзян.

В дальнейшем все эти земли прочно закрепились в составе нового государственного образования полян, охватывавшего всю территорию течений Вислы и Одры вплоть до земель поморян на севере и чешских земель на юге. От племени полян, к которому принадлежала княжеская династия, это государство уже на рубеже X—XI вв. получило общее название Polonia — Польша. Болеслав Храбрый пытался пойти дальше и подчинить своей власти и центр Чешского государства. Но здесь его политика столкнулась с сопротивлением уже сложившегося в Чехии господствующего класса и раннефеодального государства и не имела прочного успеха. Его владычество в Чехии продолжалось очень недолго. Моравия к началу 20-х годов XI в. тоже вернулась под власть чешских Пшемысловцев. Древнечешское государство окончательно сформировалось на территории Чешско-Моравского плоскогорья. Сложившиеся к этому времени территории Древнечешского и Древнепольского государств существенно не менялись вплоть до наступления феодальной раздробленности. В первой четверти XII в. с подчинением поморян власти польского князя Болеслава III Кривоустого территория Польского государства на севере расширилась, достигнув балтийского побережья. Однако лишь Восточное Поморье (земли на нижнем течении Вислы с центром в Гданьске) непосредственно вошло в состав польского государства, а верховенство над Западным Поморьем польским правителям с наступлением феодальной раздробленности сохранить не удалось, и оно превратилось в одно из княжеств германской Римской империи (см. ч. I, гл. 4).

В Подунавье параллельно шло завершившееся в начале XI в. формирование раннефеодального Венгерского государства, примерно с теми

Корона венгерских королей. XI в.

же этапами, что и у западных славян,— от княжеств отдельных входивших в венгерский союз племен, к их интеграции в более обширное политическое целое. Спецификой этого процесса в Венгрии было, однако, взаимодействие в нем двух не только этнически, но и социально разных компонентов: массы кочевников — венгров, лишь постепенно переходившей к оседлости и к земледельческому, социально-дифференцированному обществу, и местного земледельческого, издавна оседлого славянского населения Великой Моравии или Блатенского княжества, уже хорошо знакомого с социальными отношениями раннефеодального общества. Социальные верхи славянского населения были, по-видимому, частично уничтожены, частично ассимилированы формирующимся венгерским господствующим классом, но сложившиеся здесь ранее социальные и государственные институты были в определенной мере освоены, использованы для своих нужд новой венгерской государственностью. Ряд исследователей объясняют этим то, что по основным параметрам социальной структуры и организации Венгерское раннефеодальное государство принципиально не отличалось от Чешского и Польского.

В первой половине X в. на землях, занятых мадьярами, в среднем течении Дуная, в бассейне Тиссы и на восток от нее сложились племенные княжества. Их правители формально признавали верховенство вождя «семи племен» Арпада и его потомков, но практически были вполне самостоятельными. Первая половина X в. была временем почти непрерывных набегов венгерской конницы на земли более богатых южных и глав-

ным образом западных соседей. Набеги охватывали огромную территорию, доходя до Испании. Они были ярким выражением неизжитых традиций жизни кочевого общества, их прекращение стало результатом не только эффективной обороны, организованной противниками, сумевшими нанести венгерскому войску серьезные поражения (например, в битве на р. Лех в 955 г., где соединенные войска венгерских князей были разбиты Оттоном I), но было связано с переходом вчерашних кочевников к ведению хозяйства нового типа, что создавало объективную основу для ломки характерных для кочевого общества структур и обычаев и создания государственной организации.

Образование Венгерского раннефеодального государства связано с деятельностью правителей из дома Арпадов Гейзы (972—997) и его сына Вайка (в крещении Стефана-Иштвана) (997—1038). Гейза, опираясь на союз с Баварией (откуда он пригласил христианских миссионеров и призвал отряды наемных рыцарей), сломил могущество родовой знати и заложил начало новой государственной организации в своих владениях к югу от среднего течения Дуная, в районе озера Балатон. Иштвану удалось не только еще более укрепить эту государственную организацию, но и распространить ее на новые районы — бассейн Тиссы и к востоку от нее, уничтожив на рубеже X—XI вв. существовавшие здесь племенные княжества. Тогда же, по-видимому, она распространилась на восточную часть бывших великоморавских владений к северу от Дуная, где к 20-м годам XI в. сложилась очень стабильная граница между Польским, Чешским и Венгерским государствами. Окончательному правовому оформлению Венгерской раннефеодальной монархии и определению ее места в семье европейских государств способствовало принятие Иштваном в 1001 г. королевского титула.

Процесс классообразования в среде восточнороманского этноса на территории этого государства протекал в условиях уже сложившегося феодального общества (см. ч. II, гл. 5). По мере социального возвышения отдельных восточнороманских знатных родов происходила их мадьяризация. То же в значительной мере относится к входившим тем или иным образом в ряды господствующего класса лицам славянского происхождения.

Если племенные княжества могут быть охарактеризованы лишь самым общим образом, то о раннефеодальных государствах можно составить гораздо более конкретное представление. Государственная организация в странах Центральной Европы эпохи раннего феодализма опиралась на систему укрепленных «градов», являвшихся военно-административными центрами «тянувшей» к ним территории. Сюда стекались дани с окрестного населения, здесь вершился суд по делам, выходившим за пределы юрисдикции общинных судов, вблизи от «градов» под защитой «торгового мира» совершался торг, у «градов» располагалась и несла в них свои повинности значительная часть «служебного населения». Власть над «градами» и связанными с ними административными округами находилась в руках наместников (comes). Наместники руководили сбором и действиями военных сил при необходимости защиты территории или нарушениях порядка, организовывали обложение населения данями и службами, вершили суд (прежде всего по уголовным делам и делам о наследовании или отчуждении земли), наконец, их важной обязанностью была охрана «торгового мира». Они назначались и сменялись правителем, но, как правило, принадлежали к знатным родам, составлявшим элиту господствующего класса. Их могущество основывалось не столько на доходах с небольших земельных владений, сколько на том, что в пользу наместников шла часть (обычно 1/3) поступавших в «грады» даней с населения, судебных и торговых пошлин. Эти средства позволяли им не только вести соответствующий своему званию образ жизни, но и содер-

жать собственные дружины, о существовании которых имеются определенные указания в источниках. Но прежде всего сила и могущество наместников определялось тем, что они могли опираться на размещенные в «градах» сильные отряды профессиональных воинов, входивших в княжескую дружину. Тесная связь дружины и князя сохранялась и после возникновения раннефеодальных государств и превращения дружины в ядро формирующегося господствующего класса.

Более конкретно представить положение дружины позволяет рассказ арабского путешественника Ибрагима ибн Йакуба (60-е годы X в.) о дружине польского князя Мешко I. По его словам, в дружине было 3 тыс. человек, составлявших отборную военную силу, превосходившую любые другие виды войска. «Дает он этим людям,— писал Ибрагим о Мешко I,— одежду, коней, оружие и все, в чем они только нуждаются». Князь также давал приданое дочерям дружинников, когда они выходили замуж. Арабский путешественник прямо указывает, что собиравшиеся Мешко дани шли главным образом на содержание этого войска. Потребности воинов обслуживало также «служилое» население. Таким образом, вся сумма даней и повинностей, лежавшая на зависимых людях, служила прежде всего всестороннему обеспечению дружины как военно-административной организации господствующего класса. Не вся дружина размещалась по «градам». Часть ее составляло непосредственное окружение правителя, которое сопровождало его во время регулярных объездов страны, участвуя также в потреблении собранных в «градах» продуктов.

Верхний слой дружины составляли молодые представители знатных родов, начинавшие свою карьеру при дворе правителя. К его ближайшему окружению принадлежали такие придворные чины, как конюший, стольник, ловчий, чашник. Осуществляя контроль и руководство соответствующими группами «служилого» населения (в ведении чашника находились, например, бортники, а ловчего — псари и охотники), они должны были заботиться о том, чтобы правителю и его окружению были постоянно обеспечены соответствующие «службы» и продукты. В условиях господства централизованных форм эксплуатации власть монарха была очень значительной и формально ничем не ограниченной. Однако князя и его дружину связывали своеобразные «договорные» отношения: дружинники должны были верно служить своему господину, а он вознаграждал их за службу пирами, дарами, должностями. Не случайно в наставлениях юным монархам (венгерского короля Иштвана, чешского хрониста Козьмы Пражского) подчеркивалось, что правитель должен относиться к своим советникам и воинам, как к членам собственной семьи.

К концу эпохи раннего средневековья сложилось в основных чертах разделение основной массы населения на два слоя — «воинов» (milites) и тяглого населения. Правда, к этому времени несение военной службы было еще обязанностью всего населения, но на тяглом населении лежала обязанность пешей службы (и то нерегулярной), а «воины» были постоянно готовы к войне и являлись настолько состоятельными, чтобы держать боевых коней и необходимое для конницы того времени тяжелое вооружение. Помимо правовых привилегий, отделявших «воинов» от рядовых «свободных» (о чем уже говорилось выше), отличительной чертой статуса первых было освобождение принадлежавших им наделов земли (в том числе с невольниками, если они имелись) от большей части даней и повинностей тяглого населения. Состав этого слоя, в тот период еще социально открытого, был, по-видимому, достаточно широким: наряду со знатью и княжеской дружиной в него вошли и определенное число свободных общинников, не приобщенных к системе государственной эксплуатации, а также группы населения, близкие по своему статусу к «служилым».

Однако для периода X—XI вв. еще нельзя определить всю совокупность «воинов» как сословие феодалов-землевладельцев. Еще в начале XII в. даже владения магнатов были весьма невелики по размерам, например, владения крупнейшего польского магната Петра Власта, полученные им от отца и деда, состояли из 7—9 деревень, 5 деревень упомянуты в завещании бездетного чешского магната Немоя. Социальные и имущественные различия между его отдельными слоями всецело определялись степенью их участия в системе государственной эксплуатации населения.

Духовное сословие как особая общественная группа со своими специфическими функциями появилось в раннефеодальных монархиях Центральной Европы сразу же с момента принятия ими христианства. Утверждение в этом регионе христианства было тесно связано с возникновением раннефеодальных монархий, нуждавшихся в монотеистической религии для освящения новых социальных отношений. Распространение христианства в Центральной Европе растянулось более чем на столетие; на его ход оказывало определенное воздействие церковно-политическое соперничество между Римом и Константинополем. В этом плане было весьма двойственным положение возглавляемого Мефодием моравского архиепископства: находясь под юрисдикцией Рима, Мефодий поддерживал добрые отношения с Константинополем. В его архиепископстве совершалось богослужение на славянском языке и развивалась славянская письменность, что резко выделяло моравскую церковь на фоне других церковных организаций католического мира. Мефодий крестил в начале 80-х годов IX в. князя чехов Борживоя, и одновременно на чешскую почву были перенесены великоморавские культурно-религиозные традиции.

В дальнейшем, однако, распространение христианства в Центральной Европе происходило при решающем воздействии двух факторов: вторжения венгров в Дунайскую низменность и падения Великоморавской державы. Земли, занятые западными славянами, оказались отрезанными от Балкан и от Византии, а усиление в X в. Германского королевства, превратившегося затем в империю, сделало вопрос об отношениях с ней важнейшим для западнославянских государств. Принятие христианства из Рима затрудняло для Германской империи экспансию против восточных соседей. Чешские земли с конца IX в. перешли под юрисдикцию регенсбургского епископства (Бавария), что означало утверждение их связи с католическим миром, хотя традиции славянской письменности, заимствованные из Великой Моравии, сохранялись здесь еще длительное время вплоть до конца XI в. Когда Мешко I польский в 965 г. принял христианство по католическому обряду из Чехии, женившись на дочери чешского князя Болеслава I, возникшая здесь церковь с самого начала оказалась в зависимости от Рима.

Иным было положение на землях, занятых мадьярами, где в равной мере ощущалось политическое влияние и Византии, и Германской империи. Некоторые из венгерских князей на землях, граничивших с Первым Болгарским царством, приняли крещение из Константинополя, и в 965 г. было создано венгерское епископство, подчиненное константинопольскому патриарху. С другой стороны, князь Гейза, владения которого граничили с Баварией, пригласил в 973 г. к себе миссионеров из этого немецкого княжества. Как указывалось выше, сын Гейзы Иштван одержал победу над другими венгерскими князьями, и это определило установление организационной связи венгерской церкви с Римом. Однако благодаря особенностям международного положения Венгрии, о которых говорилось выше, в XI — начале XII в. католическое вероисповедание венгерских правителей не мешало им терпимо относиться к православию на землях Венгерского королевства, где в это время существовал ряд православных

монастырей (некоторые из них были основаны членами правящей династии).

Христианские епископства на землях полабских славян были образованы в 968 г. после их подчинения Германской империи. Поскольку в данном случае христианство было навязано извне, они почти перестали существовать после произошедшего в 80-х годах X в. грандиозного восстания полабских славян. Восстановление епископств в дальнейшем было так или иначе связано с подчинением полабских славян в XI—XII вв. власти немецких феодалов.

Сложившиеся раннефеодальные государства Центральной Европы, принимая христианство и определяя свое место в системе европейских государств, стремились к собственной, независимой церковной организации. Эту задачу в полном объеме удалось решить лишь Польше и Венгрии, где уже в самом начале XI в. были созданы свои церковные «провинции». Чешские же епископства вплоть до XIV в. подчинялись архиепископству майнцскому.

В период раннего феодализма положение церкви в странах Центральной Европы определялось ее всесторонней зависимостью от государственной власти. Как отмечалось выше, часть потребностей духовенства удовлетворялась за счет доходов с их земельных владений, но в период раннего средневековья большее значение имел иной источник доходов — передача различным церковным учреждениям определенной доли (часто — 1/10) судебных и торговых пошлин или вообще всех доходов, поступавших в «грады». Следует также учитывать, что в условиях упорного сопротивления населения христианизации духовенство могло существовать и укреплять свои позиции лишь в самом тесном сотрудничестве со светской властью. Никакой приходской организации, которая охватывала бы всю территорию страны и обеспечивала бы повседневное влияние духовенства на массу верующих, в раннефеодальную эпоху в регионе не существовало. Отдельные храмы, появлявшиеся в сельских владениях магнатов, служили прежде всего удовлетворению духовных потребностей самих магнатов и их окружения. Большая часть христианских храмов этого времени находилась в «градах» (отсюда польское их название «костел» — производное от латинского castellum) под непосредственной опекой представителей государственной администрации. Они же в этот период наказывали за нарушение христианских норм (например, в Польше за нарушение поста выбивали зубы), а штрафы делились между церковью и государственной казной. Следует добавить, что все церковные учреждения этого времени были основаны правителями, располагавшими широкими правами патроната над ними. Неудивительно, что при такой всесторонней зависимости от государства практически именно правитель назначал угодных ему людей на должности епископов и аббатов, а сами епископы прямо именовались «его» капелланами. Изменения в положении церкви, связанные со спорами из-за права на инвеституру (см. ч. II, гл. 6), не затронули страны Центральной Европы.

С образованием в Центральной Европе трех крупных раннефеодальных монархий определилось и место региона в системе международных отношений того времени. Существовала одна проблема, общая для всех трех государств,— взаимоотношения с Германской, позднее «Римской империей», их главным соседом на Западе. Центральная Европа была постоянным объектом активной внешней политики германских императоров. Прежде всего они стремились сохранить здесь своего рода равновесие сил между Польшей, Чехией и Венгрией, не допуская усиления одного из этих королевств за счет соседей. Это было нужно для осуществления дальнейшей цели — вовлечения их в сферу политического влияния Империи.

Относительно Венгерского королевства такие попытки предпринимались лишь в 40—60-е годы XI в., когда императоры Генрих III и Генрих IV пытались посадить на венгерский трон своих ставленников — сначала Петра (1044—1047), а затем Соломона (1063—1074). Но попытки эти закончились провалом, и Венгерское королевство полностью сохранило свою самостоятельность. Отношения Польского государства с Империей были ознаменованы целым рядом конфликтов (от продолжительных войн XI в. до начала XII в.). Главный итог этих войн также оказался для Империи негативным: установить зависимость польских правителей от императора не удалось. Ленная присяга польского князя Болеслава Кривоустого императору Лотарю в Мерзебурге в 1135 г. оказалась эпизодом, не имевшим последствий.

Несколько иначе складывались взаимоотношения Империи с Чехией. Используя конфликты Пшемысловцев с соседями, правители Германской империи добились с начала XI в. установления ленной зависимости чешского князя от императора, после долгого перерыва эта практика возобновилась в конце столетия. Однако такая ленная зависимость сводилась, как правило, к утверждению избранного чешскими феодалами короля и не давала императору серьезных возможностей для вмешательства в чешские внутренние дела. В целом с внутренним ослаблением «Римской империи» в период спора из-за инвеституры опасность с ее стороны для центральноевропейских государств уменьшилась и стала опять возрастать лишь с вступлением Польши и Чехии в период феодальной раздробленности.

Главным восточным соседом Польского и Венгерского государств была Древняя Русь. Отношения с ней, несмотря на отдельные конфликты, в целом носили более мирный характер. Правители Древнерусского государства не ставили своей целью подчинить центральноевропейские государства, а с польской и венгерской стороны также не было подобных планов по отношению к русским землям. В середине XI — начале XII в. часто заключались браки между княжескими династиями трех стран.

Отношения с соседями на северо-востоке — пруссами и литовцами в то время для Польского государства имели второстепенное значение, так же как для Венгрии ее отношения с кочевниками — печенегами, а затем половцами, нападавшими с востока на земли королевства. Несмотря на эти набеги, венгерские правители сумели к концу XI в. существенно расширить границы государства на востоке, утвердив свою власть на всей территории позднейшей Трансильвании. Для Венгерского королевства особой проблемой были отношения с южными соседями, прежде всего Византией, которые были в XI — начале XII в. тесными и дружественными. Иштван I помогал Василию Болгаробойце в его болгарских войнах, позднее венгерские правители искали в Константинополе поддержки, когда вели борьбу против Римской империи. Дружественные отношения с Византией явились одним из условий достижения того крупного успеха, каким явилось для венгерских феодалов включение на рубеже XI—XII вв. Хорватии вместе с рядом городов на далматинском побережье в состав Венгерского королевства как особой области с широкой внутренней автономией. После этого балканские дела стали занимать во внешней политике Венгерского королевства первостепенное место.

Уничтожение родоплеменной знати — главного носителя племенных традиций, замена племенного деления государственным и приход па смену племенным языческим культам христианской религии, возникновение единых для всей государственной территории норм политической и социальной организации общества, ее четкое отграничение от государственных территорий соседей — все способствовало интеграции групп

родственных племен в раннефеодальные народности. На этом этапе развития сознание принадлежности к народности было тесно связано с сознанием принадлежности к определенному государству (второе исторически предшествовало первому).

К началу XII в. процесс формирования польской, чешской, венгерской народностей зашел уже достаточно далеко. В самосознании правящих верхов он нашел двоякое отражение. С одной стороны, в развитии культа святых «патронов» страны и народа, защитников от внешней опасности и внутренних смут. В эпоху раннего средневековья такими «патронами» чаще всего становились члены правящей династии. В Чехии это были жена Борживоя Людмила и ее внук Вацлав (921—935), в Венгрии — «святые короли» Иштван I и Ласло I (1077—1092). Кроме того, рубежом XI—XII вв. датируется появление первых исторических трудов, в которых предпринимается попытка дать историю народа с древнейших времен до современности. Такими сочинениями были «Деяния венгров» конца XI в. (реконструируемые на основе более поздних сочинений), законченная в 1125 г. «Хроника чехов» Козьмы Пражского и близкая к ним по содержанию «Хроника и деяния князей или правителей польских», написанная неизвестным автором во втором десятилетии XII в.

Главные итоги периода раннего средневековья для основной части Центрально-Европейского региона можно сформулировать следующим образом: приход на смену родо-племенным отношениям отношений классового феодального общества и их утверждение в виде централизованной эксплуатации населения со стороны господствующего класса, складывание опирающихся на эту систему эксплуатации раннефеодальных монархий, утверждение христианской религии, формирование новых этносоциальных организмов — раннефеодальных народностей.

Глава 6

СЛАВЯНО-БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН В VI—XII вв.

Южнославянские народы в средние века (болгары, сербы, хорваты, словенцы и боснийцы) занимали (в основном, как и в наше время) северную часть Балканского полуострова. Северные, а отчасти и южные границы их расселения со временем менялись, но в целом проходили на севере по Дунаю, от его устья до слияния с Дравой, далее — вдоль этой реки до ее верховий, включая примыкающий с северо-востока к Триестскому заливу район с полуостровом Истрия. На юге этническая граница южного славянства постепенно стабилизировалась близ заселенных греками районов Южной Фракии, Южной Македонии и Северной Греции.

В природно-географическом отношении эта территория весьма разнообразна. Большая ее часть занята горами (Балканский хребет, Родопский массив, Динарское нагорье). Особенно труднопроходимы расположенные параллельно Адриатическому побережью обрывистые хребты Динарского нагорья. Кроме правобережья Нижней Дравы и Дуная, долины Савы и районов к югу от Балканского хребта, земель, пригодных для пашенного земледелия, здесь относительно немного.

Столь же разнообразны и климатические условия. Лишь на крайнем юге и на Адриатическом побережье климат является средиземноморским. В горах и на севере Балкан в целом он умеренно континентальный, сходный с климатом Центральной Европы и Северного Причерноморья. Особенно характерную природно-географическую зону составляет прижатая

горами к морю и изолированная ими от континента полоса адриатического побережья. Эти природные условия оказывали существенное влияние на производственную деятельность южных славян, развитие хозяйственных связей между ними, на интенсивность и темпы их этнической консолидации и общественно-политической эволюции.

Территорию, занятую южными славянами, в марксистской историографии включают обычно в регион, характеризуемый в целом как зона синтеза учреждений разлагающегося первобытнообщинного строя «варваров» (славян) и институтов позднерабовладельческого восточноримского (ранневизантийского) общества с преобладанием последних в Далмации и Истрии и более умеренным их влиянием в Болгарии и особенно в сербохорватских землях.

Основанием для этого служит, во-первых, то, что Балканы испытали мощное нивелирующее воздействие позднеантичной цивилизации, находясь более полутысячелетия в пределах Римской (с конца IV в.— Восточной Римской) империи и составляя часть ее общественно-экономической и административно-политической системы; во-вторых, то, что расселившиеся на Балканах во второй половине VI — первой трети VII в. славянские племена находились приблизительно на одинаковом уровне социального развития, на переходной стадии от строя военной демократии к классовому, раннефеодальному обществу. Степень интенсивности синтеза убывала при этом в направлении с юга на север и с юго-востока на северо-запад, а также от прибрежных районов к центрально-континентальным. В целом в Славяно-Балканском регионе более значительную роль в ходе синтеза играли учреждения «варварского» (славянского) общества.

Для всего региона в VII—XII вв. были характерны замедленные темпы развития феодализма, длительное преобладание централизованных форм эксплуатации, сохранение значительного слоя свободного крестьянства, неполное отделение ремесла от сельского хозяйства и связанное с этим отсутствие (вплоть до позднего средневековья) свойственной западному городу цеховой организации ремесла и торговли и, наконец, со второй половины IX в. единая религия (исключая далматинские города, хорватские и словенские земли, где господствовал католицизм) — восточная (византийская) ветвь христианства — фактор существенный для общественно-политического и культурного развития большинства славянских государств на Балканах.

Результаты синтеза на южнославянских землях были в большей мере ощутимы в социально-экономической сфере, в меньшей — в области государственно-политической. Однако и в том и в другом отношении различия в последствиях синтеза в пределах самого южнославяно-балканского ареала были весьма значительными. Представляется с этой точки зрения обоснованным выделение в рамках Славяно-Балканского региона по крайней мере четырех особых зон. Это, во-первых, болгарская зона, где ход греко-славянского синтеза был осложнен дополнительным протоболгарско-славянским и где воздействие Византийской империи было особенно сильным, тем более что болгарские земли с начала XI до последних десятилетий XII в. были включены в пределы Византии как ее провинция. Во-вторых, сербская зона, где на пути развития феодальных отношений и оформления устойчивой государственности имелись особые трудности (длительный политический партикуляризм). В-третьих, хорватско-словенская зона, в которой направление хозяйственных связей и вмешательство внешних сил (Франкской империи, германских королевств, Венеции и Венгрии) обусловили со временем нарастание типологических признаков, сближающих эту контактную зону (см. Введение, гл. 2) не с общебалканским, а с Центрально-Европейским регионом. Наконец, совершенно особую зону составляли далматинские города, где имел место

прямой континуитет позднеантичных форм общественного развития, которое в течение целой эпохи совершалось относительно независимо от близлежащих континентальных районов.

БОЛГАРСКАЯ ЗОНА в VII—XII вв.

Болгарское государство, известное в науке как Первое Болгарское царство, возникло в конце VII в. между Дунаем и Балканским хребтом. Образование Болгарии было связано с вторжением на полуостров из Северного Причерноморья в заселенный до этого славянами район протоболгарского племенного союза во главе с ханом Аспарухом (см. ч. I, гл. 9). Разбив выступивших против него в 680 г. византийцев, Аспарух в союзе с местной славянской знатью, возглавлявшей крупное племенное объединение «Семь родов» (или «Семь племен»), создал новую политическую организацию под своей верховной властью. Родоплеменная аристократия обоих народов была заинтересована в утверждении своего господства над массами рядовых общинников и в регулярной их эксплуатации. Неотложной задачей объединения было также обеспечение безопасности от соседей — Аварского каганата и Византии. Именно двум славянским племенным союзам (славиниям) Аспарух доверил охрану особо опасных участков границы. Набеги протоболгар на Фракию заставили византийского императора смириться с оформлением нового государственного объединения. В 681 г. он заключил мир с Болгарией и согласился платить ей дань.

Первое Болгарское царство, пережившее тяжелый кризис в начале 70-х годов X в. из-за временного захвата Византией в 971 г. его северо-восточной части и некоторых южных земель, просуществовало до 1018 г., когда оно было целиком завоевано империей. Это была эпоха господства раннефеодальных производственных отношений в Болгарии: сложившиеся здесь в VIII—X вв. институты феодального общества еще не достигли полного развития. Зрелые формы они приобрели позднее, примерно к середине XII в., в период византийского господства (см. ниже).

С момента образования Болгарского государства подавляющее большинство его подданных составляло оседлое славянское население, основным занятием которого было земледелие и скотоводство. Еще до появления в Подунавье славяне имели длительные контакты с позднеримской провинциальной культурой, подготовившие восприятие ими достижений передовой для той эпохи ранневизантийской цивилизации. К тому же славяне, населявшие Болгарию, жили до этого около столетия в левобережье Дуная, в непосредственном соседстве с империей. Но в особенно тесном общении с автохтонами (романизированными и эллинизированными фракийцами и с греками) они находились после переселения во второй половине VI — начале VII в. на земли к югу от Дуная.

Все это обусловило ускорение темпов развития славянского общества. Совершавшийся у славян еще до переселения переход от подсечно-огневого земледелия и нерегулярного перелога к устойчивому севообороту значительно ускорился на новых, издавна культивировавшихся землях. Существенные сдвиги произошли в скотоводстве: выросла роль овцеводства и свиноводства, рогатый скот стали содержать в основном в качестве тягловой силы и ради молочных продуктов. Славяне активно воспринимали ранневизантийскую агротехнику, внедряли неизвестные им ранее сельскохозяйственные культуры.

На рубеже VIII—IX вв. складывается болгарский город не только как военно-административный, но и как торгово-ремесленный центр. Часть городов, особенно на Дунае и на черноморском побережье, сохранилась от поздней античности, перейдя в средневековье (хотя и через упадок и аграризацию) в «готовом виде», часть была отнята у Византии в IX—X вв., часть основана заново (Плиска, Преслав). Возрождавшиеся древ-

ние и новые города развивались на феодальной основе. Большинство их жителей составляли свободные ремесленники, обычно сами в то время торговавшие своими изделиями. Они владели собственным инструментом и самостоятельно трудились в мастерской (лавке). Для болгарских, как и для большинства балканских, городов было характерно неполное отделение ремесла от сельского хозяйства: ремесленники обычно вели близ стен города, а иногда и внутри них небольшое хозяйство, а сельские жители много орудий труда и предметов быта изготовляли сами. Однако в Преславе в X в. уже существовали целые торговые ряды: часть продукции производилась, видимо, уже не на заказ, а на рынок.

Вторжение протоболгар — полукочевников и кочевников — не изменило в целом земледельческого хозяйства славян. Относительная малочисленность протоболгар обусловила быстрый процесс их оседания на землю и постепенное слияние со славянским земледельческим населением. В конце IX — начале X в. этот процесс в целом завершился.

В левобережье Дуная славянская община трансформировалась из кровнородственной в территориальную земледельческую, которой были присущи сочетание малых и больших семей и периодические переделы пахотной земли, находившейся в верховной собственности общины в целом. Переход к соседской общине, в которой пахотная земля стала собственностью отдельных (малых и больших) семей, завершился уже на территории Византийской империи. Согласно византийскому юридическому сборнику — «Земледельческому закону» (начало VIII в.) община была уже соседской с явно выраженными признаками имущественной и социальной дифференциации. Отраженные в этом законе отношения были, видимо, свойственны и тем районам Фракии и Македонии, которые вошли в состав Болгарии в VIII—IX вв. До конца существования Первого Болгарского царства (1018 г.) большинство его населения составляли лично свободные непосредственные производители в деревне и городе. Классы феодалов и зависимого крестьянства находились еще в процессе становления.

Со времени образования болгарского государства централизованная эксплуатация была, несомненно, главенствующей формой изъятия прибавочного продукта у свободных общинников и горожан. О размерах трудовых повинностей можно судить по грандиозным оборонительным сооружениям первых 150 лет существования Болгарии, а о размерах натуральных взносов в казну — по крупным торговым операциям, которые хан и высшая знать совершали на рынках Византийской империи, сбывая здесь предметы роскоши и дорогие изделия, кожу, шерсть, лен, мед, воск, скот. Эта торговля имела большое значение для болгарского казначейства и регулировалась договорами с Византией.

В первые полтора века часть пограничных («окольных») областей — «славиний», входивших в Болгарию, сохраняла внутреннюю автономию. Их население, несомненно, также платило налог (дань) и несло повинности в пользу и казны, и своих вождей (князей). Отличия в статусе славян и протоболгар утратили, вероятно, значение с ликвидацией административного дуализма к середине IX в.

О принципах и нормах налогообложения в дохристианскую эпоху и первые сто лет после крещения данных нет. После принятия христианства (865 г.) они были, возможно, близки к византийским. Известно о регулярных в Болгарии в 70-х годах X в. налоговых описях (кадастрах). Согласно грамотам Василия II Болгаробойцы, уже в X в., при Петре и Самуиле, налоговым тяглом в Болгарии, как и в Византии, являлась упряжка волов и обрабатываемый с ее помощью участок. Налог с тягла вносился натурой (пшеницей, просом, вином), Тяжесть централизованной эксплуатации стала одной из главных причин возникновения в Болгарии антифеодальной ереси богомилов (см. ниже).

О первых этапах формирования в Болгарии феодального землевладения известия отсутствуют. Известно, что хан Крум в начале IX в. повелел богатым наделять разорившихся имуществом так, чтобы они впредь не нищенствовали. В этом распоряжении усматривают намек на испомещение крупными собственниками безземельных крестьян в своих владениях на условиях уже феодальной зависимости.

Проявившееся на рубеже X—XI вв. сходство процесса феодализации в Болгарии и Византии позволяет думать, что в Болгарии, как и в империи, опережающими темпами складывались имения правящего дома, а затем (после принятия христианства) и духовенства. К середине IX в. правители Болгарии создали обширный фонд государственных земель, закрепив права короны на межобщинные пустоши, выморочные и конфискованные владения, значительную часть присоединенных в ходе войн византийских земель. Сначала ханы (князья) жаловали служилой знати незаселенные угодья, где она создавала свои имения. Возможно, на этой стадии шире, чем впоследствии, применялся труд рабов.

Во второй половине IX в. государи жаловали уже и организованные имения (чаще — церкви и монастырям). В начале XI в. церковное землевладение обладало широкими иммунитетными привилегиями. Зависимых от церкви болгарских крестьян источники не отличают от византийских париков. По масштабам развития крупного землевладения Болгария еще уступала империи. Тем не менее и здесь к началу XI в. оформились основные институты феодального строя. Принципиально структура земельной собственности была сходна с византийской: частное землевладение делилось на крупное (феодалов) и мелкое (крестьян); большинство налогообязанных сел владело угодьями, находившимися в общинной собственности; все прочие земли, за пределами частных и общинных, входили в фонд княжеских (государственных) владений. Преобладало, однако, мелкое крестьянское землевладение. Наличие широкого слоя свободных крестьян, составлявших основу войска царя Самуила, позволило Болгарии с ее гораздо меньшими ресурсами, чем у империи, оказывать ей сопротивление в течение почти 40 лет.

В период византийского господства (1018—1186 гг.) множество земель Болгарии вошло в домен императора, особенно в Северо-Восточной Болгарии, где византийцы опасались основывать свои вотчины. Темпы развития крупного землевладения замедлились в этом районе, подвергавшемся преимущественно экстенсивной эксплуатации (взимание налогов, организация крупных скотоводческих хозяйств, в частности конных заводов). Напротив, на западе и юго-западе, особенно в долинах Струмы и Вардара и в верховьях Марицы, складывание крупного частного землевладения ускорилось, и уровень развития феодализма быстро приближался к существовавшему на исконно имперских территориях. В этой части Болгарии в XI — первой половине XII в. выросли крупные владения византийской служилой, военной и чиновной знати, в частности имения трех последовательно правивших династий (Дуки, Комнины, Ангелы). Здесь же сложились и крупные имения афонских монастырей. С конца XI в. византийские императоры стали раздавать болгарские земли в пронии — пожалования на условиях несения государственной (чаще — военной) службы. Первоначально пронии предоставлялись на срок жизни и означали лишь право прониара собирать в свою пользу часть государственных налогов с населения определенной территории и управлять ею. Но пронии быстро превращались в земельные условные, а затем — в наследственные иммунитетные имения и к концу XII в. нередко мало отличались от родовых вотчин. Раздача проний означала распространение права государственной (императорской) собственности на земли свободных крестьян — налогоплательщиков, превращение их в феодально-зависимых.

Феодальное землевладение местной болгарской знати (боляр) не исчезло полностью в Болгарии и после византийского завоевания. Временно подорванное, оно окрепло к концу XI в. Часть боляр несла императорскую службу, часть занималась только своим хозяйством, но и она обретала со временем иммунитетные льготы. Многие из боляр возводили в своих имениях укрепления, создавали свой штат управителей в городах, где они имели подворья и лавки, сбывали продукцию своих вотчин. Крупные боляре в западных и юго-западных болгарских землях, стремясь к полной независимости от империи, исподволь создавали собственные княжества.

В Северо-Восточной Болгарии пожалования получали преимущественно знатные пришельцы, в том числе беглецы-изгои из русских княжеств. Здесь был широкий слой мелких и средних феодалов. Они быстро усиливались во второй половине XII в., даже возводили крепости в своих усадьбах. Таково, видимо, было происхождение Тырнова, лежавшего в центре владений Федора и Асеня, ставшего позднее столицей Второго Болгарского царства.

Под византийским владычеством феодализм на болгарских землях достиг зрелых форм. Большинство крестьянства составляли зависимые частновладельческие и государственные (императорские) парики. Формально они признавались свободными, имели право перехода (рассчитавшись с господином), передавали хозяйства по наследству, могли отчуждать землю вместе с лежавшим на ней тяглом. На практике их зависимость от господина была значительной. Парики платили господину в 2—3 раза больше, чем вносили в казну в качестве налога свободные поселяне. Слой свободных крестьян еще сохранялся и был более широким к концу XII в. в Северо-Восточной Болгарии. Уровень эксплуатации возрастал. В середине XI в. власти стали все реже созывать крестьянские ополчения, зато были резко повышены налоги и повинности. С развитием иммунитета контроль центральной власти над крупным землевладением и масштабами его привилегий слабел, и парики иммунистов оказались фактически в полной власти своих господ.

Завоевание Болгарии империей привело к оживлению ремесла и торговли в болгарских городах. Сложились постоянные рынки. В XII в. регулярные ярмарки устраивались близ крупных монастырей. Как крупные торгово-ремесленные центры поднялись Средец (София), Ниш, Видин, Дристра, Шумен, где имелось подворье русских купцов. Росли товарные связи.

Предоставление императорами с конца XI в. огромных торговых льгот купечеству Венеции и Генуи отрицательно сказалось на всех балканских городах империи, в том числе болгарских. Активную оптовую торговлю вели крупные вотчинники, что привело к экономическому засилью феодалов в городах. Отсутствие в городах профессиональных торговых и ремесленных организаций (цехов), налоговый гнет, превращение части горожан в париков — все это обусловило аморфность социальной структуры городского населения.

Оформление институтов государственной власти продолжалось в Болгарии и в VIII—IX вв. Конкретное соотношение сил и внешнеполитическая ситуация определили значительную самостоятельность ряда «окольных» славиний, в число которых входили, вероятно, и племенные славянские объединения, составлявшие некогда часть союза «Семь родов». Непосредственная власть хана сразу же установилась над славянами в восточных и северо-восточных областях нового государства.

Ярко выраженной особенностью Болгарского государства на первом этапе была усложненность синтезных процессов. С VII по X в. там проходил синтез институтов автохтонного (славянского) и протоболгарского обществ. Как упоминалось, результаты греко-славяно-протоболгарского

синтеза были более ощутимы в сфере экономики и менее (по крайней мере, до крещения Болгарии) — в государственно-политической области. Причины этого состояли в недостаточной для адаптации имперских институтов зрелости славянского (а затем славяно-протоболгарского) общества в VI — первой половине IX в., а позднее — в остром противоборстве с империей: формы ее общественно-политического устройства сознательно отвергались протоболгарской и славянской знатью. Положение изменилось после крещения Болгарии, но и тогда влияние империи в государственно-политической сфере осталось ограниченным: аппарат власти в Болгарии уже оформился, вполне отвечал местным условиям и был освящен традицией.

Синтез славянских и протоболгарских институтов, напротив, не привел к существенным сдвигам в экономике (победу одержал славянский земледельческий хозяйственно-культурный тип), но отчетливо проявился в сфере политической. В центральном аппарате и кое-где в местном управлении до второй четверти IX в. преобладали учреждения протоболгарского общества, тогда как в полуавтономных славиниях правила признававшая верховную власть хана славянская знать. В результате синтеза началось, с одной стороны, внутреннее перерождение органов власти протоболгар, восходивших к кочевым племенным союзам, в стабильные территориальные институты управления массами оседлого населения, а с другой стороны, стагнация политической структуры подконтрольных хану славиний.

Объединение столь разных в этнокультурном отношении обществ оказалось жизнеспособным потому, что оба они находились на стадии интенсивного разложения строя военной демократии. С приходом протоболгар ускорилось преодоление племенного партикуляризма, конституировались органы центральной власти, повысился военный потенциал укреплявшегося государственного объединения, сложились его границы и система их обороны. Развитая сеть земледельческих поселений славян и упрочившаяся в славиниях регулярная эксплуатация общинников обеспечили, в свою очередь, материальный базис государства, содержание его аппарата и необходимые средства для военных предприятий.

Междоусобицы середины VIII в. в Болгарии были вызваны недовольством славянской знати (составлявшей большинство господствующего слоя) отстранением ее от высших постов в центральном аппарате. Сопротивление родовой протоболгарской аристократии было в конце концов преодолено; укрепилась власть хана, ускорилось слияние правящих верхов обоих народов в единый господствующий класс. Процесс этот сопровождался постепенным переходом политического преобладания к славянским социальным верхам, из которых формировался быстро растущий слой служилой знати, непосредственно подчиненный хану.

Результаты этих процессов проявились в правление Крума (803—814) и Омуртага (814—831). В конце IX в. Болгария превратилась в относительно централизованную раннефеодальную монархию. Крум ввел общие для всей страны законы, поставил судопроизводство под контроль столичных ведомств и укрепил свою власть над славиниями. При Омуртаге славинии были лишены автономии, страна была разделена на новые, не связанные с племенными традициями военно-административные области (комитáты) во главе с наместниками хана (кóмитами), обладавшими военными и гражданскими полномочиями. Тем самым на всей территории страны под контролем центральной власти оказались и налоговая система, и военные силы. Знать окольных славиний (тимочане) ответила на эти меры открытым мятежом, стремясь отделиться от Болгарии. Попытки эти, однако, были пресечены.

Традиционной оставалась лишь политика гонений на христиан, число которых, особенно с расширением границ за счет бывших византийских

территорий, быстро росло. Христианство рассматривалось господствующими кругами как средство нежелательного для них утверждения византийского влияния. Но сохранение двух видов языческой религии — славянской и протоболгарской — препятствовало развитию феодальных отношений, оформлению единой народности, упрочению единства господствующего класса. Созревали социально-экономические предпосылки (укрепление системы централизованной эксплуатации и развитие крупного землевладения) для принятия новой, характерной для передовых стран тогдашней Европы идеологии. За влияние в Болгарии боролись Рим и Константинополь. Выбрав удачный момент, византийский император Михаил III вторгся в 864 г. в Болгарию, и под его нажимом болгары во главе с ханом Борисом (852—889), получившим при крещении имя Михаила, приняли христианство по греческому обряду. Христианизация отвечала и государственным интересам самой Болгарии. Попытка протоболгарской знати помешать принятию христианства была отбита — 52 знатных рода были истреблены Борисом-Михаилом поголовно. Разгром языческой оппозиции, возглавленной сыном Бориса князем Владимиром (886—893 гг.), был довершен в 893 г. Принявший в 886 г. монашество Борис сверг сына. На трон взошел другой сын Бориса Симеон (893—927 гг.). Столица была перенесена из связанной с протоболгарскими традициями Плиски в Преслав, новый христианский престольный град.

Организованная по иерархическому принципу, централизованная и подчиненная главе государства церковь, как и в Византии, выполняла важную социальную, идеологическую и политическую функцию по упрочению формирующегося феодального строя. Первое Болгарское царство превратилось в подлинно централизованную раннефеодальную монархию. В первой четверти X в. завершился и процесс оформления раннесредневековой болгарской народности, в целом славянской по своему облику и культуре.

В конце IX — первой четверти X в. началась ожесточенная борьба Болгарии и Византии за гегемонию на Балканах. Честолюбивый, получивший прекрасное образование в Византии царь Симеон, опираясь на возросшую мощь государства, стремился к созданию славяно-греческой империи с центром в Константинополе, во главе с болгарской династией. Симеон расширил пределы страны, поднял ее авторитет на международной арене, но войны стоили народу слишком много человеческих жертв и материальных средств.

В правление Симеона совершился переход к церковнослужению на славянском языке и к использованию славянской грамоты в государственном делопроизводстве. Быстрый подъем всех отраслей болгарской культуры сопровождался активным приспособлением достижений византийской цивилизации к местным условиям. Происходила рецепция византийского права, вводились основанное на писаном законе судопроизводство и сходные с имперскими принципы центрального управления, тщательно регламентированная налоговая система. Все основные формы культуры и искусства и идеологической жизни были поставлены под контроль христианской церкви. В отличие от Византии строго соблюдался принцип наследственности власти (от отца к сыну или от брата к брату).

Ореолом святости был окружен не только трон, как в империи, но и сам правящий род. В правление Симеона элементы сходства государственной системы Болгарии и Византии умножились, в то же время ожесточенное соперничество между ними сохранялось. Однако при преемнике Симеона Петре (927—970) социальный кризис, вызванный закабалением свободного крестьянства, побудил болгарского царя искать сближения с Византией, которая в обмен на ряд уступок престижного характера упрочила свое влияние в Болгарии. Возникла реальная угроза

превращения страны в вассальное, зависимое от империи государство. Часть господствующего класса Болгарии ратовала за возвращение к политике Симеона, вступив в союз с русским князем Святославом в его балканских войнах против империи. Другая часть во главе с царем ориентировалась на империю, и наследовавший Петру Борис II (с 970 г.) оказался фактически в почетном плену у Святослава. Часть же служилой аристократии в западных и юго-западных провинциях выступила во главе с комитопулами (четырьмя сыновьями комита Николы) в качестве организатора борьбы за возрождение государства. Святослав потерпел поражение от империи, захватившей северо-восточные и часть южных земель Болгарии (971 г.). Однако комитопулы в 976 г., изгнав византийские гарнизоны, восстановили единство страны.

Ослабление центральной власти при Петре не было следствием феодальной раздробленности. Возвышение провинциальных магнатов зиждилось в основном на их широких должностных полномочиях, особенно в период, когда они были вынуждены действовать в условиях паралича центральной власти. Самуил, единственный из четырех братьев, оставшийся в живых к 80-м годам, уже тогда обладал реальной полнотой власти, но короновался только в 997 г., основав новую династию.

Возрожденное (порой именуемое в науке Западно-Болгарским) государство рассматривалось современниками как продолжавшее существование Первое Болгарское царство. На это указывают: само официальное название государства и его подданных («Болгария» и «болгары»), уважение прав прежней династии, традиционные институты управления.

В последний период существования Первого Болгарского царства (976—1018 гг.) в обстановке жестокой 40-летней борьбы с империей, в целях сплочения господствующего класса, ближайшие родичи государя стали получать высшие посты не только в центре, но и в провинциях. После участившихся с 1000-го г. поражений вспыхнули междоусобицы представителей правящего дома. В 1018 г. Первое Болгарское царство прекратило свое существование.

Эпоха византийского господства продолжалась до 1186 г. Земли собственно Болгарии, непосредственно подчиненные Константинополю, стали провинциями империи: Паристрион (Северо-Восточная Болгария), Болгария (западные и юго-западные земли) и Сирмий (область Срема на Дунае). Большинство представителей бывшей болгарской династии, высших сановников и полководцев получили посты в Константинополе и на востоке империи; управление болгарскими провинциями оказалось целиком в руках имперского иноземного чиновничества.

Первоначально в Болгарии были сохранены прежние формы и размеры налогов и повинностей, оставлены на местах представители болгарского духовенства. Ранг патриархии, которым церковь Болгарии обладала с 927 г., был ликвидирован, но болгарское архиепископство с центром в Охриде получило статус автокефального, независимого от патриарха Константинополя; архиепископ подчинялся лишь императору, а избирался с его одобрения лишь болгарскими епископами.

С конца 30-х годов XI в., после упрочения власти империи, первоначальные уступки были отменены. Уровень централизованной эксплуатации резко возрос, произвол византийского чиновничества усугублял положение. Церковь была передана в руки византийских церковнослужителей. Использование славянской грамоты больше не поддерживалось высшим и средним духовенством. Все это объективно обусловило ухудшение условий развития славяноязычной болгарской культуры.

Формы управления Болгарией менялись в XI—XII вв. вместе с общеимперскими. Особые меры по укреплению власти империи принимались в Западной и Юго-Западной Болгарии, бывшей в течение века глав-

Богомильский саркофаг. X в. Радминия. Югославия.

ным очагом антивизантийского движения. Менее стабильным господство Византии оказалось в Северо-Восточной Болгарии, куда почти непрерывно вторгались кочевники (печенеги, узы, половцы), постепенно оседавшие здесь и укреплявшие связи с менее крупной, чем на западе, но более сплоченной болгарской знатью. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, местные боляре Федор и Асень возглавили вспыхнувшее здесь в 1186 г. антивизантийское восстание, которое и привело к основанию Второго Болгарского царства.

Формы классовой борьбы на болгарских землях претерпевали в VIII—XII вв. изменения в соответствии с общим ходом социального развития страны. На первых этапах (VIII — начало X в.) преобладали формы разрозненного стихийного сопротивления крестьян централизованному гнету и установлению феодальной зависимости (бегство от феодалов, порча их имущества, уход из страны, уклонение от налогов, возвращение к язычеству).

Однако наиболее характерной формой классовой борьбы в Первом Болгарском царстве стала первая по времени возникновения в средневековой Европе антифеодальная народная дуалистическая ересь — богомильство, распространившееся в середине X в. Суть доктрины богомилов, как и восточных павликиан, состояла в учении о борьбе двух начал: духовного мира «добра» и материального мира «зла», воплощаемого его создателем сатаной. К «совершенным» («апостолам») — учителям ереси примыкали действующие скрытно общины богомилов во главе со «старцами». Сила ереси заключалась в социальных идеях богомилов, отвергавших именно то, что отягчало жизнь крестьян: богомилы призывали к отказу от повиновения царю и властям, от уплаты налогов в казну и феодальной ренты господам, к ликвидации церквей и монастырей, как и самого государства. Объявляя существующие порядки установлением сатаны, богомилы содействовали духовному раскрепощению народа. Они пользовались глубокими симпатиями угнетенных. Их аскетизм, бесстрашие, готовность ответить на самые жгучие вопросы находили широкий отклик среди закабаляемого крестьянства. Распространение богомильства в 40—60-х годах X в. накалило социальную обстановку в стране, обострило классовые противоречия и ослабило власть феодалов.

В источниках периода борьбы с Византией в конце X — начале XI в. нет упоминаний о богомилах. Активизировали они свою деятельность в эпоху византийского господства. Их позиция приобрела ярко выраженную антивизантийскую направленность: они объявляли, что «князь тьмы» (сатана) избрал резиденцией сам храм св. Софии в Константинополе. Богомилы подвергались жестоким гонениям. Многие из них бежали в страны Центральной и Западной Европы, где они содействовали оформлению антифеодальной ереси катаров во Франции. В отмеченных влиянием богомилов древнеболгарских памятниках эпохи византийского господства проявилась идеализация прежнего независимого Болгарского царства и даже личности царя Петра, против которого богомилы некогда так непримиримо выступали. Вряд ли сами богомилы возглавляли воору-

женную борьбу — пролитие крови они считали тяжким грехом, но их деятельность подрывала устои власти империи и укрепляла решимость народа продолжать борьбу за освобождение страны от иноземного господства.

На эпоху господства Византии в болгарских землях приходятся самые массовые народные восстания, в которых освободительное движение переплеталось с антифеодальным. Крупнейшим из них было восстание Петра Деляна в 1040—1041 гг. в Западной и Юго-Западной Болгарии. Восставшие стремились восстановить независимую Болгарию. Петр был коронован как внук Самуила. Восстание было подавлено лишь из-за предательства части знатных болгар. Те же цели ставились в ходе второго крупного восстания в 1072 г. На трон Болгарии был приглашен представитель сербской династии (сын князя области Зета). Часть болгарской знати на этот раз с самого начала выступала против восставших. Колеблющаяся позиция вождей и прямое предательство в их среде снова оказалось одной из решающих причин неудачи восстания.

Вслед за ослаблением слоя свободного крестьянства в Западной и Юго-Западной Болгарии в связи с быстрым ростом крупного феодального землевладения центр народно-освободительной борьбы стал перемещаться в Центральную, а затем Северо-Восточную Болгарию, где было мало имений византийских феодалов, были слабее позиции империи и было более многочисленным свободное крестьянство. Здесь и созревали предпосылки для третьего крупного восстания против власти Византии, положившего в 1186 г. начало Второму Болгарскому царству.

СЕРБСКАЯ, ХОРВАТСКАЯ, СЛОВЕНСКАЯ И ДАЛМАТИНСКАЯ ЗОНЫ В VI—XII вв.

В северо-западных районах Балканского полуострова зарождение нового, раннефеодального строя было также неразрывно связано с кардинальными переменами этнической и политической карты в VI—VII вв. Поселение славян на землях бывших византийских провинций, образование здесь множества племенных союзов и военно-политических объединений (они известны в источниках под именем «Славинии» или «Славии»), сохранение части византийских владений и, с другой стороны, экспансия соседних держав — аваров, франков, позднее Германского королевства и Венгрии — все это обусловило сложность путей становления южнославянской государственности и нового, классового общества у сербов, хорватов и словенцев.

В первой половине VII в. здесь сложились первые политические образования: словенское княжество (так называемая Карантания), сербский и хорватский союзы племен. В плане типологии процессов генезиса феодального строя внутри этих рамок существовали заметные различия. В тех областях, где поселились славянские племена, независимые от Византии (т. е. на большей части территорий, где жили сербы, хорваты и словенцы), заметную роль, как и в Болгарии, играл синтез «умеренного» типа. Однако — в отличие от Болгарского государства — в этой части Балкан в отдельных районах имел значение иной тип синтеза с преобладанием позднеримских элементов, характерный прежде всего для приморских областей (Далмации и Истрии); там еще полностью или частично сохранялась и имперская власть, и прежнее, романское население, поддерживавшее тесные связи с Италией и центрами Византийской империи. Второй немаловажной особенностью северо-западной окраины Балкан является то, что некоторые ее области по своим социально-экономическим и этническим аспектам относятся к так называемой контактной зоне (см. Введение, гл. 1). Эта зона лежала в Центральной и Юго-

Восточной Европе между областями синтеза и бессинтезного развития, включая земли внутренней Хорватии, части Словении и Сербии. Для контактной зоны характерна не только гораздо меньшая роль античного наследия, отсутствие или крайняя немногочисленность романского или романизованного населения, но и существование на протяжении нескольких веков разных культурно-хозяйственных типов, земледельческого — у славян, кочевого — у тюркоязычных скотоводов-аваров и пришедших в Подунавье в конце IX в. угроязычных венгров.

Для динамики производительных сил на Балканах в целом характерно резкое изменение в судьбе античных городов, многие из которых были разрушены и покинуты жителями, бежавшими в горы или на запад (к морю). Города, сохранившиеся преимущественно на адриатическом побережье или основанные заново романским населением, покинувшим свои прежние места обитания (например, Дубровник), заметно меняли свой облик. Несмотря на их связи с Италией и Византией, для них были характерны вплоть до IX—X вв. стагнация и аграризация. Упадок городов сопровождался заметной натурализацией экономической жизни в регионе, снижением роли внешней и внутренней торговли, падением экономического значения прежних торговых путей, проходивших по Балканскому полуострову. Переселение части романского или романизированного населения (так называемых «влахов») в горы способствовало переходу от земледелия к скотоводству.

В то же время на всей этой территории — одновременно с завершением миграционных процессов, стабилизацией образовавшейся к этому времени новой сети поселений начинается и поступательное развитие производительных сил, причем ранее всего в сельском хозяйстве и домашнем ремесле. Происходит освоение новых земель, переход к трехполью, овладение славянами теми культурами, с которыми они вовсе или почти не были знакомы (виноград, оливки, другие садовые и огородные культуры). Эти новые для них сельскохозяйственные культуры славяне осваивали в тесном контакте с местным населением, перенимая и названия, и навыки обработки тех или иных растений. Все эти медленные, но весьма значимые сдвиги в сфере материального производства во многом ускоряли разложение первобытнообщинного строя, начавшееся у славян еще до переселения на Балканский полуостров. Преобладающую роль стал играть уже не род, а территориальная община, которая объединяла в одном поселении ряд отдельных семей, имевших свое хозяйство и общие для всех них угодья. Возникновение таких соседских общин сопровождалось заменой прежнего племенного деления территориальным, нарастанием имущественного расслоения среди славян, постепенным переходом к классовому обществу и образованию первых государств.

На этом этапе генезиса феодализма основная масса славянского населения сохраняла свободу и полноправие в рамках племени или союза племен и первых государственных образований. Глубокие перемены, происходившие в славянском обществе в северо-западной зоне южнославянского региона были более заметны на примере судеб племенной верхушки, с одной стороны, и тех неполноправных, зависимых людей (будь то славяне или романские автохтоны), которые потеряли свободу и оказались во власти нового господина или целого рода, влиятельной семьи,— с другой стороны. Весьма показательно резкое нарастание богатства и могущества родоплеменной знати — вождей, «князей», «жупанов» и прочих властителей, постепенно превращавшихся в господствующий класс раннефеодального общества, а также увеличение числа несвободных, ставших одним из главных источников хозяйственной мощи этой знати, ее обогащения и тем самым политического господства в возникавших тогда государствах.

Изменяется положение рабов той поры и источники их пополнения. Ранее, в эпоху заселения славянами балканских земель (VI — начало VII в.), в рабство попадали прежде всего романские автохтоны, оказывавшиеся в плену у победителей-язычников, и поэтому-то они, в отличие от славян, именовались «крещеными»; таких рабов, видимо, было не так много, а рабский их статус, судя по сообщениям византийских чиновников, был недолговечным и не столь тяжелым. Совсем иным было положение рабов 3—4 века спустя. В «Летописи попа Дуклянина» (которая датируется серединой XII в.) сохранилась легенда о восстании бана (наместника) Белой Хорватии против короля Радослава, подавленного Радославом и его сыном Чаславом. Часлав тогда захваченных мятежников обратил в рабство и роздал своим воинам (дружинникам), а пленные, оказавшиеся во власти Радослава, были им отпущены восвояси; поэтому-то, по словам Летописи, недовольные этим дружинники короля оставили своего господина и перешли к его сыну — Чаславу. Из этого рассказа видно не только то, что пополнение массы зависимого населения происходило уже за счет самих славян, даже их верхушки, но и большое значение рабов, полоняников, для княжеской и королевской дружины, а также и роль княжеских и королевских пожалований для роста могущества знати. Такого рода пожалования здесь, как и в других странах Европы, содействовали формированию и укреплению христианского клира и земельных владений церкви, приобретавшей после христианизации южных славян этой зоны в VIII—IX вв. все большее и большее влияние.

Рубеж VIII—IX вв. был связан также с развитием некоторых ремесел, ростом товарообмена, возрождением старых и образованием новых городов (в их числе были не только прежние центры — Задар, Котор, но и новые — Белград на Дунае, Крнски-град в Карантании, Книн, Нин и Клис в Хорватии). В то же время прогресс производительных сил, становление классовых отношений не привели к нивелировке путей и уровней развития феодального строя в северо-западной зоне, и образование новых государств протекало здесь по-разному, соответственно различиям в типологии генезиса феодализма.

В северо-западной части Южнославянского региона основные линии становления раннефеодальной государственности и общественной структуры в целом, видимо, схожи с этими процессами в других славянских странах. Можно наметить три этапа: возникновение вначале отдельных племенных княжеств, представлявших собой еще крайне несовершенные формы государственной организации, процесс консолидации и концентрации таких племенных княжеств и, наконец, образование достаточно обширных и этнически однородных раннефеодальных монархий. При этом имелась тесная генетическая связь многих элементов новых государственных институтов с теми, которые уже существовали у славян в эпоху военной демократии: княжеская власть постепенно превращалась в наследственное господство одного рода (династии); могущественная княжеская дружина становилась основной силой в общегосударственном войске (при сохранении народного ополчения); те дани и общинные повинности, которые взимались и прежде, в эпоху складывания государств уже служили экономическому и политическому усилению феодализирующейся знати и княжеской власти.

С прежней племенной организацией в известной мере была связана и довольно четко прослеживающаяся в северо-западных областях Балкан территориально-административная сеть «градов» («цивитатес» — латинских, «кастра» — греческих источников). Эти «грады» вначале, видимо, были военными, а затем также социально-экономическими центрами областей, жупаний, бывших мелких княжений, превратившихся в низшие

подразделения новых раннефеодальных держав. Иногда такими центрами на начальном этапе складывания раннефеодальной государственности были и прежние, античные города и поселения, обновлявшиеся или возникавшие на тех же местах заново в новых условиях.

В названной выше «контактной зоне» в формировании первых политических образований славян большую роль сыграла мощная аварская держава, просуществовавшая несколько веков (см. ч. I, гл. 9). Здесь (частично и на землях словенцев) возникает в VII в. «держава» Само, одно из древнейших славянских политических объединений, созданных в борьбе против аваров. Примерно тогда же образовались и два славянских племенных союза — один во главе с хорватами, другой — с сербами, союзов, оказавшихся, вероятно, почти столь же недолговременными, как «королевство» Само. Позднее (в том же VII в.) на этой территории возникает словенское княжество Карантания, а затем — хорватское княжество и несколько сербских «архонтий» (княжеств), враждовавшие между собой. Уже в то время — до VIII — начала IX в. аварская политическая система оказывала воздействие на общественную структуру этих славянских княжеств и их правящую верхушку. У словенцев, хорватов и сербов появляются тогда для обозначения высшей знати и правителей термины «жупан» и сходный с ним титул «бан», долго сохранявшийся у хорватов и сербов.

Со второй половины VIII и особенно в IX в. в этой части региона все более рельефно выступают различия в типах раннефеодального строя, которые были обусловлены крушением аварской державы под ударами франков и их союзников славян. Этот важный рубеж примечателен укреплением ряда южнославянских государств (на территории Хорватии и Сербии), с одной стороны, и ликвидацией раннефеодальной государственности словенцев — с другой. Карантанское княжество словенцев перешло вначале под сюзеренитет Баварского герцогства и Франкского королевства Каролингов, а затем (820 г.) утратило самостоятельность. Позднее, в 874 г., Каролингами было ликвидировано и недолговечное Блатенское княжество в Нижней Паннонии (см. гл. 5). Все это привело к установлению в словенских землях более развитых франкских феодальных порядков, постепенному ограничению прав словенской верхушки, а затем — к началу постепенной германизации словенских земель. С начала X в. часть сербских земель находилась под властью Болгарии, а после 1018 г. сербские княжества оказались в подчинении Византии, в качестве вассальных владений, обязанных ей данью. В XI—XII вв. сербы неоднократно восставали против византийского господства. В середине XI в. центром этой борьбы становится княжество Зета (на территории будущей Черногории), владетели которого Воислав, Михаил, Бодин во второй половине столетия собрали под своей властью значительную часть сербских земель. И хотя уже примерно к 1101 г. Зетская держава ослабела и распалась, в продолжавшейся борьбе за независимость центром объединения сербских земель стала Рашка (внутренняя Сербия), владетель которой Стефан Неманя в 60—80-е годы XII в. в качестве «великого жупана» объединил большую часть сербских территорий. Резко изменялось и положение Хорватии; ослабевшее в XI в. Хорватское королевство в 1102 г. вошло в состав Венгрии (как одно из владений династии Арпадов).

Вторая половина VIII и IX в. ознаменовались и постепенной христианизацией местных славян (в некоторых районах она началась еще в VII в.). Если словенцы и хорваты приняли новую веру от итальянских, далматинских и франкских клириков по западному обряду, то в христианизации сербов бо́льшую роль сыграла византийская церковь. В результате в этих районах заметно усиливается влияние христианской церкви (как западной, католической, так и восточной, византийской). Одновре-

менно нарастает воздействие на структуру государств этой части Балкан политических и религиозно-правовых институтов Франкской империи, позже — Германии и Италии, а также Византии (особенно в сербских княжествах). Этому содействовали укреплявшиеся политические и экономические связи сербов и хорватов с городами Адриатики, а при их посредстве — с Италией и Константинополем (причем епархии Далмации и Истрии были подчинены папской курии). Возникновение самостоятельных южнославянских государств в этом регионе послужило предпосылкой для создания своеобразных политических структур, сочетавших признаки определенного влияния западноевропейских и византийских институтов и вместе с тем отличавшихся местной спецификой. При этом они сохранили следы политической организации времен, когда они входили в «контактную зону».

О большой социально-политической значимости и устойчивости этих исконных государственных и общественных институтов раннефеодальных югославянских княжеств свидетельствует роль так называемых косезов — лично свободных крестьян, имевших собственный суд и право ношения оружия (в словенских землях уже после ликвидации Карантанского княжества). Одной из важнейших привилегий косезов Словении, видимо генетически связанных с прежней дружиной древних князей Карантании, было право возведения на престол нового герцога Каринтии (по-словенски — Корушки) с помощью специальной торжественной церемонии, сохранившейся вплоть до XV в. Она совершалась в центре бывшей Карантании (близ Крнского града), где и доныне сохраняется старинный престол, сооруженный из античных каменных плит, и ранее стоял так называемый «княжий камень», игравший важную роль во время таких церемоний. Возможно, что право возведения на престол нового герцога (а ранее, наверное, князя Карантании) сохранялось за косезами потому, что в начале IX в. были уничтожены не только словенская княжеская династия, но и все высшие сановники раннефеодального государства (воеводы, конюший, стольник и др.), функции которых в Сербии и Хорватии выполняли баны и жупаны. Можно предположить, что в Хорватском королевстве и сербских княжествах IX—X вв. торжественное возведение на трон нового правителя также происходило при непременном участии этих сановников.

Отрывочность и недостаточность скудных свидетельств сохранившихся письменных источников позволяют лишь в общих чертах охарактеризовать социальную структуру раннефеодального общества в самостоятельных государствах этой части Славяно-Балканского региона в IX—XI вв. Главной ее чертой уже стало тогда разделение всего населения на два четко различающихся социальных слоя: раннефеодальную правящую верхушку («воинов», «рыцарей» во главе с княжескими династиями и высшими сановниками — жупанами, банами, сотниками, тепчиями и т. п.) и податной, тяглый, зависимый люд, который выполнял многообразные службы и повинности в пользу князей и королей, т. е. подвергался в значительной мере еще государственной эксплуатации. Заметно возросло и влияние духовенства.

Социальная дифференциация в среде южных славян и их христианизация привели к сближению социальной структуры славянских княжеств и тех городов Далмации и Истрии, которые еще находились под властью Византии (а позднее — иногда Венеции). Основным прослойкам южнославянского раннефеодального общества соответствовали в целом три главные категории городского населения в Далмации и Истрии IX—XI вв., а именно: знать («нобили», «майорес»), простой народ («популюс») и духовенство («клерики»), помимо которых в городах Адриатики было немало рабов, иноземных купцов и воинов, славянских крестьян (переселенцев из окрестных мест) и др.

Южнославянские общества той поры, сходные по своей классовой сущности с раннефеодальными обществами в других странах и регионах Европы, в то же время имели и локальную специфику. Она проявлялась, в частности, в положении христианской церкви и духовенства в словенских, сербских и хорватских землях этого периода: например, в XI в. там не было столь мощных народных восстаний против феодальной верхушки и христианского духовенства, в защиту язычества, как в Польше, Венгрии и Болгарии. Это своеобразие вряд ли можно объяснить лишь малочисленностью известных нам исторических памятников. Скорее всего, дело в том, что сохранение в северо-западной части Балканского полуострова прежнего (романского и романизированного) населения, ряда античных городов с древней христианской церковной организацией, наконец, длительное воздействие Франкского государства, Италии и Византии обусловили более быстрые (в целом для региона) темпы христианизации и утраты влияния «старой» (языческой) веры. Движения в ее защиту, имевшие место в словенских землях в третьей четверти VIII в., довольно легко подавлялись местными князьями с помощью франкского клира.

Недовольство народных масс католическим духовенством, олицетворявшим в сознании простых людей установление новых, более тяжких служб и повинностей в пользу феодального государства и церкви, их социальный протест выражались в этом регионе зачастую в надеждах на создание «своей» особой церкви, с богослужением на славянском языке, пользующейся славянским (глаголическим) письмом. Лишь в результате длительной и ожесточенной борьбы в X—XI вв. католическому клиру Далмации, при содействии папской курии и хорватских королей, удалось воспрепятствовать попыткам создания такой параллельной, «народной» или славянской церковной организации, серьезно ограничив распространение глаголической письменности и запретив богослужение на славянском языке в Хорватии (решения Сплитских соборов 925 и 1060 гг.).

Каждый из основных социальных слоев раннефеодального общества в сербских, хорватских и словенских землях, естественно, не был вполне однородным. Однако более многозначная социальная динамика даже на заключительном этапе раннего средневековья до XII в. далеко не всегда может быть выявлена полностью как из-за малочисленности сохранившихся свидетельств, так и благодаря специфике латинской терминологии той поры. Известно, например, что в X—XI вв. на северо-западе Балкан имелись уже частновладельческие вотчины светской знати и духовенства и поземельно-зависимые крестьяне-«вилланы». Наряду с ними в источниках фигурируют «сервы». В их число к этому времени, видимо, входила не только феодальная челядь, рабы, невольники короля, знати, церковных владений, но и феодально-зависимые крестьяне-общинники, бывшие аллодисты, уже потерявшие или еще сохранявшие свое хозяйство, но попавшие в зависимость (возможно, и личную) от новых вотчинников — светских и духовных. Эти зависимые крестьяне подвергались уже частновладельческой эксплуатации.

Применительно к словенским землям, которые были полностью включены в феодальную систему Восточно-Франкского (позже — Германского) королевства, можно отметить целый ряд других категорий населения, в частности косезов (см. выше), составлявших остатки привилегированного свободного крестьянства. В рамках феодальных вотчин существовали также различные промежуточные прослойки и группы сельского населения, например полусвободные, так называемые «празники», т. е. крестьяне, которые имели и вели свое хозяйство с правом передачи наследникам, но в смысле господской барщины были «праздными», т. е. освобожденными от отработок в пользу своего господина. В свою очередь, начало немецкой колонизации в словенских землях приводило

к появлению здесь новых поселенцев — немецких колонистов, которые зачастую оказывались в более благоприятных условиях, чем словенцы. Все это имело следствием и изменение этнической структуры общества в землях, оказавшихся в сфере влияния германского феодального общества.

Глава 7

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Северо-Западный регион — это два субрегиона или историко-территориальные общности: Британия, объединяющая Англию, Шотландию, Ирландию, и Северная Европа — Скандинавские страны и Финляндия. Кроме расположенных на Скандинавском полуострове Швеции и Норвегии, согласно историко-культурной традиции, в Скандинавские страны включают также Данию, занимающую Ютландский полуостров и прилегающие острова, а также остров Исландию. Не только входящие в Северо-Западную Европу два субрегиона, но и составлявшие их 8 стран были в значительной мере исторически самостоятельны; вместе с тем они имели много общих черт.

Скандинавские страны отличались в целом однородным этнокультурным составом. К началу средневековья они были заселены преимущественно северными германцами (скандинавами), имевшими общий язык, хозяйственные занятия, материальную культуру, верования, способы расселения. Иное дело Британия. Ее основное население в начале средневековья составляли кельты, которые в юго-восточной части страны подверглись определенной романизации (см. т. 1). С середины V до середины XI в. субрегион являлся объектом почти непрерывных вторжений и колонизации со стороны северных германцев.

Общими чертами, характерными для всего Северо-Западного региона, были сходные условия обитания, отчасти хозяйственная жизнь, но главное, для всех стран этого региона был характерен в основном бессинтезный путь развития феодализма (заметное романское влияние имело место лишь на Юго-Востоке Англии, в Кенте). Такой путь развития порождал сходство общественного строя, политической организации, духовной культуры. Не случайно скандинавский эпос «Старшая Эдда» отражает реалии всего северо-германского варварского мира, а англосаксонская «Сага о Беовульфе» и исландские саги являются ценными источниками по истории всего Северо-Западного региона в раннее средневековье.

Феодализм в Северо-Западном регионе формировался относительно медленно. Долго сохранялись доклассовые варварские структуры, прежде всего свободное (в разной мере) крестьянство, большая семья, племенная организация, соседская община, мелкая земельная собственность и патриархальное рабство.

В первый период раннего средневековья (VI—VIII вв.) оба субрегиона прошли через варварский этап с начальными элементами феодализации. Во втором (IX—XI вв.) феодальный уклад формировался более активно, а в Англии к XI в. стал ведущим.

Из-за теплых морских течений климат региона, исключая северные области, преимущественно влажный, умеренный. Территории Скандинавского полуострова, Ютландии, а также Британии сильно вытянуты с севера на юг, что обусловило значительное разнообразие климата всех этих областей, а также почв и растительного покрова. Рельеф, на который

оказали влияние наступающие и отступающие ледники, представлен тремя формами: горы, холмистая равнина и низменность. Невысокие горы покрывают почти всю территорию Норвегии, лишь на Атлантическом побережье лежит узкая полоса всхолмленной равнины. На территории средней Швеции и полуострова Сконе преобладают невысокие плоскогорья и холмистые плодородные равнины. Ютландский полуостров и Датский архипелаг — это ровные низменности. В Британии также горные районы Шотландии, Северной Англии, Корнуэлла и Уэльса постепенно переходят в равнины юга и юго-востока страны, вполне пригодные для земледелия. Преимущественно равнинна и Ирландия — «Зеленый остров».

Природные условия большей части Скандинавского субрегиона характеризуются преобладанием бедных каменистых почв, густым лесным покровом, низкими температурами, коротким вегетационным периодом растений, ограниченной площадью низменностей. Эти условия не способствовали земледелию. Благоприятные условия для землепашества имелись в равнинной Дании и в большей части будущей Англии. Одновременно условия региона способствовали занятию скотоводством, в частности овцеводством.

Важная общая черта природы Северо-Западного региона — его близость к морю. Север региона — побережье незамерзающего здесь Северного Ледовитого океана и Баренцева моря. Запад и юго-запад через Норвежское и Северное моря, как и Британские острова, омываются водами бескрайней Атлантики. Море сыграло выдающуюся роль в политической жизни, занятиях, экономических, культурных связях населения стран Северо-Западного региона. Длиннейшие береговые линии, изрезанные многокилометровыми узкими заливами-фьордами, предоставляли массу удобных портов и стоянок. В занятиях населения важнейшее место занимали морские промыслы, мореплавание и судостроение, морская торговля. Море способствовало политическому объединению северных стран, внутренней консолидации каждой из них. В то же время море и проливы — Ла-Манш, Зунд (Эресунн), Каттегат, Скагеррак — содействовали раннему развитию контактов, в том числе торговле между странами Северо-Западного региона. Необходимо также отметить обилие в регионе внутренних вод — озер (особенно в Скандинавии) и рек, которые связывали между собой и с морем все внутренние области региона.

В раннее средневековье плотность населения Северо-Западного региона была еще довольно низка. Наиболее густо были заселены датские территории, Юго-Восточная Англия, восточное побережье Скандинавии, острова Эланд и Готланд. В начале средневековья (V—VI вв.) в регионе происходили преимущественно перемещения северогерманских племен. Племена, а также союзы родственных племен, как правило, непрочные, были там основными политическими объединениями, являлись верховным собственником-распорядителем и охранителем занятой территории.

Центральную Швецию уже занимали в это время свеи, делившиеся на восточных, южных и северных. Южнее расположились ёты (гёты, геаты, позднее гуты); часть их заселяла остров Готланд. Расселение этих основных племенных групп запечатлено в позднейших названиях территории: Свеаланд (Земля свеев), Ёталанд (Земля ётов), Готланд (Земля гутов). В V — первой половине VI в. на территориях свеев и ётов сложились крупные общности, ставшие, видимо, первыми варварскими королевствами: Свитьод и Гаутиод, во главе с королями, точнее, вождями-конунгами, выбиравшимися из знатного рода Инглингов. От этого рода, по преданию, происходили шведские и норвежские короли.

В Западной Скандинавии располагались небольшие племена ранрикиев (современная область Эстфолль), раумов (в районе современного Осло), трендов (Тронхейм) и другие — всего до 30 германо- и финноязычных

племен. Во второй половине I тысячелетия на территории Норвегии сложились четыре племенных союза. Полуостров Сконе заселяли племенные объединения данов, которые жили также на островах Датского архипелага и в Северной Ютландии. В V—VI вв. в Ютландии расселились юты и англы, частично туда просочились саксы, соседние фризы. Одновременно с королевствами Инглингов в Швеции и Норвегии возникло королевство Скволдунгов в Дании.

Область современной Финляндии издревле населяли саамы-лопари (лапландцы), кочевавшие на севере, финны, занимавшие юг страны, и карелы — на ее юго-востоке. В середине I тысячелетия в среде разобщенных местных племен выделились племенные союзы хямэ (тавастов) и финнов (суоми), а также карелов.

В Британии начала средневековья господствовали племена и племенные союзы кельтов — гэлов, белгов, бриттов, пиктов, скоттов и др. После ухода римских легионов в 407 г. с середины столетия начались вторжения в Британию германцев: англов, саксов и ютов из Ютландии и с побережья Северного моря. Сначала на острове появились германцы-дружинники, которых нанимали воевавшие между собою кельтские племенные вожди. Затем начались массовые (целыми племенами) переселения германцев в Британию. Завоеватели-германцы образовали на территории будущей Англии семь варварских королевств: Кент — королевство ютов на крайнем юго-востоке современной Англии; саксонские королевства Уэссекс, Суссекс на юге страны, Эссекс на востоке севернее Кента, королевства англов — Нортумбрия на севере и Мерсия — в центре страны; Восточная Англия — севернее Эссекса. Эти королевства вступили между собою в ожесточенную борьбу. Приоритет Кента (конец VI и VII в.) сменился лидерством Нортумбрии (с середины VII в.), Мерсии (VIII в.). Правитель главенствующего королевства — бритвальда («Повелитель Британии») — имел право получать дань и военную помощь от прочих королей.

Кельтов к началу VII в. в основном оттеснили на северные и западные окраины Британии, частично истребили, часть бриттов переселилась на полуостров Арморику (будущая Бретань). Незначительная часть кельтов, оставшаяся жить вперемежку с германцами в качестве их рабов и данников, впоследствии ассимилировалась с завоевателями. Свою самостоятельность, родоплеменной строй кельты сохранили лишь в горных районах — на полуостровах Уэльс и Корнуэлл (бритты), а также в Шотландии (пикты, гэлы, скотты) и Ирландии (скотты).

Экономика Северо-Западного региона в раннее средневековье была экстенсивной. Но хозяйственная жизнь значительно варьировала в зависимости от местных условий. На крайнем севере Норвегии и Швеции основными занятиями были оленеводство и охота. Еще в IX—X вв. разведение скота здесь было основой экономики, как и в Фенноскании (будущей Финляндии), гористых районах Британии, а также в Шотландии и Ирландии. Пастушество соединялось с земледелием, сохранялась заметная роль промыслов (рыболовства и охоты на морского зверя). Плужное земледелие было главным занятием на равнинах Англии, Дании, в Сконе, Южной и Восточной Швеции, Юго-Восточной Норвегии. Остальные скандинавы долго не знали правильного севооборота. Развитое земледелие также повсеместно соединялось с разведением скота, тем более что быки служили тягловой силой, а для удобрения почвы требовалось много навоза. Согласно более поздним памятникам, 6—12 коров составляли среднюю норму для хозяйства большой семьи в Норвегии. При сравнительно небольших размерах пахотных участков, с трудом отвоеванных у камней и леса, в Скандинавии обильное унавоживание позволяло реже оставлять землю под пар. У англосаксов и датчан уже в I тысячелетии преобладало двуполье, которое лишь постепенно распрост-

ранялось на земледельческие районы Скандинавского полуострова, сменяя подсечно-огневую систему (см. введение, гл. 2).

В Британии еще кельты, а позднее англосаксы использовали на тяжелых почвах колесный плуг с отвалом, в который запрягали 4—8 волов; землю под него нарезали длинными полосами («длинные поля»). Затем колесный плуг и систему «длинных полей» заимствовали в Дании, а через нее и на Скандинавском полуострове. Но деревянная соха с железным лемехом преобладала здесь долго, ею удобнее обрабатывать каменистые почвы. Кроме того, в обоих субрегионах применялся легкий безотвальный плуг с упряжкой из двух волов.

С конца I тысячелетия в связи с ростом населения активизировалась внутренняя колонизация за счет расчисток территорий от леса, осушения болот. Основывались новые поселения. В целом внутренняя колонизация была связана с прогрессом хозяйства и динамикой населения. Но важными факторами здесь были также перемены в социальном и политическом строе: рост и обособление знати, развитие отношений поземельной зависимости, складывание варварских королевств.

Народы всего региона были прекрасными мореходами и кораблестроителями. Особенно славились весельно-парусные корабли скандинавов, устойчивые и маневренные. Владение кораблем было и знаком могущества. Королей-язычников эпохи викингов обычно хоронили в корабле, такие захоронения обнаружены в Восточной Англии и в королевстве Свитьод. В дальних морских путешествиях сложился особый тип отважного, воинственного и предприимчивого северного мореплавателя.

Особое богатство региона составляли металлические руды, на базе которых уже рано выделились некоторые ремесла: добыча руды, литейное, кузнечное, оружейное и ювелирное. В Британии, в частности, Динский лес славился железом, Корнуэлл — свинцом, оловом; территория Средней Швеции — запасами железа и меди. Из прочих ремесел следует отметить судостроение и камнерезное дело, гончарное ремесло (кроме Норвегии, где не было своих глин и керамика ввозилась), прядение и изготовление тканей из льна и шерсти. В Британии и Швеции было развито грубое шерстоткачество и сукноделие, на юге Ютландского полуострова и в некоторых районах Англии производилось тонкое сукно. В Англии распространено было солеварение. Ремесла в основном носили домашний характер. Вместе с тем уже в V—VI вв. появляется тенденция к концентрации ремесленных занятий (особенно кузнечного) и обмена в некоторых пунктах.

Наибольших успехов достигли в раннее средневековье материальная культура и торговля в Англии. В юго-восточных ее районах еще римляне построили много прекрасных дорог, гаваней, укреплений; они научили британцев пользоваться монетой, разрабатывать залежи металлических руд и соли, каменному строительству, познакомили их с некоторыми сельскохозяйственными культурами. Наконец, под влиянием римлян наиболее крупные кельтские поселения превратились в города римского типа: Лондиний (Лондон), Камулодун (Колчестер), Веруламий (Сент-Олбанс). Многие города выросли вокруг бывших военных лагерей римлян (о чем свидетельствуют названия на -честер и -кастер).

И после ухода римлян в Юго-Восточной и Центральной Британии некоторое время сохранялись виллы кельтской знати, основанные на эксплуатации рабов и колонов. Однако в других частях страны господствовал примитивный клановый строй. В целом романизация Британии была далеко не столь глубокой, как в Галлии. Англосаксы принесли в Британию более примитивный общественный строй и в ходе завоевания уничтожили большую часть римского наследства, в том числе на юго-востоке страны. Но даже эти слабые элементы романо-германского синтеза имели большое значение. Воздействие англосаксонских институтов, а позднее также кон-

такты с более развитым обществом Франкского королевства, при наличии такого базисного фактора, как преобладание здесь земледелия, обусловили большую динамичность развития Англии, чем других областей региона. Следующее место по уровню развития занимала Дания, затем — Норвегия, Швеция. Более всех отставали Ирландия, Шотландия и Фенноскания. С конца IV в. торговые связи Северо-Западного региона со средиземноморским миром были нарушены, зато возросли внутренние связи между субрегионами, а также контакты скандинавов с западными славянами, прибалтийскими и финскими племенами, Англии — с франкским государством.

В начале средневековья народы Северо-Западной Европы жили в условиях родоплеменного общества на стадии военной демократии. Природные условия и периферийное положение тормозили разложение в этом регионе первобытно-общинных отношений. Памятники древнескандинавского эпоса, судебники («правды») англосаксонских королевств, а также данные археологии, топонимики, исторической лингвистики единодушно свидетельствуют, что большинство населения региона в начале средневековья составляли свободные, полноправные общинники: керлы у англосаксов, карлы или бонды у скандинавов. Керл или бонд [1] — прежде всего земледелец, крестьянин, занимавшийся подчас также скотоводством и промыслами. Они обычно являлись главами больших семей, включавших, как правило, три поколения — до нескольких десятков родичей и державших нескольких рабов. Глава такого родственного коллектива распоряжался имуществом и хозяйством, судил своих домочадцев и отправлял языческие обряды. Малые индивидуальные семьи стали преобладать в Англии не ранее середины VII в., а у других народов региона много позднее. При этом следы родовых связей и большой семьи сохранялись долго и повсеместно (право на вергельд родичей, коллективное право рода на наследственную землю, право кровной мести).

Свободные общинники — главы семей участвовали в народном сходе: моте (или большом сходе — гемоте) саксов, мёте или тинге скандинавов. Там решали дела племени, касающиеся войны и мира, уплаты дани и выборов вождя, вершили суд, обсуждали хозяйственные вопросы. Свободные общинники имели право-обязанность носить оружие и участвовать в ополчении: фирде англосаксов, хирде и ледунге скандинавов. Все это свидетельствовало об их полноправии.

Узкую высшую прослойку общества составляла родовая знать: эрлы англосаксов, ярлы и хевдинги скандинавов. Знатный член племени имел по нескольку десятков крупных усадеб, которые обслуживались лично зависимыми людьми: рабами-трэлями и колонами. К привилегированной части общества принадлежали также военно-служилые люди: телохранители короля и знати (хускерлы англосаксов, хускарлы скандинавов), а также прочие дружинники и министериалы (гезиты англосаксов, гардманы скандинавов).

Заметной была прослойка в той или иной мере лично-зависимого населения, резко отделенного от свободного. В англосаксонских королевствах это были леты, близкие к римским колонам, и сходные с рабами сью и уили (видимо, часть местных кельтов, потерявших свою землю и свободу). У скандинавов прослойка трэлей и колонов в рассматриваемый период формировалась преимущественно за счет пленников. В хозяйствах рядовых общинников, как правило, использовались домашние рабы (прислуга), вероятно выполнявшие вспомогательные функции. В имениях знати трудились также посаженные на землю рабы, несвободные и полу-

[1] Карл, керл (древнегерм.) — «мужик», «простолюдин». Бонд (от древнесканд. «бу» — поселение) — свободный, незнатный поселенец-общинник, впоследствии крестьянин.

свободные люди. Роль рабов в складывании феодальных отношений на территории Скандинавии и Британии была весьма значительной.

Различное общественное положение отдельных слоев отражалось в размерах вергельдов. Согласно Кентской правде (VI в.), за убийство керла платили 200 шиллингов, эрла — 400 шиллингов, за гезита (с конца VII в.) — 600 шилл.; а за лета улу уиля — от 40 до 80 шиллингов.

Замедленно (в Англии не ранее середины VII в., в Скандинавии позднее) совершался переход от большесемейной к соседской общине. В Скандинавии в силу особенностей природных условий, занятий и способа расселения такая община нередко принимала более рыхлые формы. В Ютландии и на Датских островах, где деревенские поселения фиксируются с начала новой эры, развивалась классическая соседская община — марка. Община этого типа складывалась и в Британии, постепенно разрушая семейную общину. Занятая в процессе расселения территория становилась общенародной землей завоевателей — фольклендом. Верховным ее распорядителем являлся король, который наделял землей родовую знать и дружинников. Территории отдельных общин считались частью фолькленда. Пашни распределялись в наследственное пользование между свободными семейными коллективами.

Земля соседской общины состояла из многих разбросанных участков, чересполосно лежавших в соответствии с принятой здесь системой полей — в двух (реже в трех) полях. Совокупность таких участков, полученных керлом (с его большой или малой семьей) в каждом поле, и составляла его неотчуждаемый надел. Обычно он равнялся гайде — в среднем около 50 гектаров (участок, который можно было обработать упряжкой с восемью волами). Однако эрлы имели поместья в 40 гайд, гезиты — по 3 — 20 гайд. Королевские приближенные получали иногда сотни гайд — целые районы. Угодья находились в совместном пользовании общинников; осуществлялся выпас скота по пару (система «открытых полей») и принудительный севооборот. Владение керла не могло отчуждаться без согласия общины и ближайших родичей — членов большой семьи.

По мере развития индивидуальной семьи и крупного землевладения первоначальное равенство керлов нарушилось. Часть их стала попадать в поземельную и личную зависимость. Королевская власть усиленно способствовала росту крупного землевладения. Уже в VII—VIII вв. английские короли стали раздавать отдельные территории своим служилым людям и церкви по особым грамотам (бок) на срок, в пожизненное, реже в наследственное управление (под их судебную власть) и в «кормление» (получение части королевских поборов и штрафов). Держатели такой земли (бокленда) назывались глафордами (позднее лордами), что значит сеньор, господин. Несущие воинскую и другую службу королю люди, церковнослужители и церковные учреждения — держатели боклендов стали освобождаться от налогов. Сначала бокленд был не их земельной собственностью, а как бы иммунитетным округом. Но, располагая в нем широкими судебными и фискальными правами, глафорд постепенно ставил керлов, особенно обедневших, в поземельную зависимость. Им давалась в пользование земля — за несение барщины и оброков. Раздача боклендов стала в Англии одним из главных путей складывания крупного феодального землевладения. Но крепкая община тормозила разложение свободного крестьянства и процесс феодализации. По существу в Британии до IX в. не сложились ни аллод, ни прекарий. Государственная эксплуатация преобладала до X в.

В еще большей мере эти процессы были замедлены на Скандинавском полуострове. Природные условия европейского Севера, неблагоприятные для развития земледелия, способствовали долгому сохранению там северогерманской традиции изолированных однодворных или хуторских посе-

лений, находившихся во владении большой семьи, обладавшей также рабами. Первоначально объединение нескольких больших семей — патронимия и представляло собою, видимо, у северных скандинавов род — этт. Такие роды, вероятно, населяли «большие» или «длинные» дома, которые покрывали Скандинавию в первые века н. э. и сохранялись в Швеции до VI., а в Норвегии до VII в. Деревни в Северной Европе возникли не позднее I тысячелетия, но сохраняли разбросанность и малые размеры — от 3 до 8 дворов.

Владение карла или бонда — одаль («достояние») было неотчуждаемой коллективной собственностью большой семьи. Даже в условиях феодальных отношений у норвежцев сохранялось понятие «издревле наследуемой земли». Шведские законы выделяли в составе недвижимости так называемую арв — землю, наследовавшуюся в семье хотя бы на протяжении двух поколений. Верховное право земельной собственности и здесь первоначально принадлежало племени, а затем перешло к королям. Владение одалем давало бонду гражданское полноправие, которое отличало его от оседавших на территории хутора или деревни пришельцев, рабов, вольноотпущенников. Одаль, подобно английскому фолькленду, не мог отчуждаться без согласия определенного круга родичей, но он меньше зависел от соседской общины. Община у скандинавов вообще была менее четко выражена, не знала системы «открытых полей», чересполосицы и принудительного севооборота, но в ее коллективной собственности были общие угодья — альменнинги («владения всех людей»), которыми она распоряжалась. В определенной мере соседская община регулировала и владение пашней, поскольку из альменнинга нарезались участки пашни для тех общинников, которым ее не хватало, земля для присельников и т. д. Силами соседских общин строились оборонительные сооружения для целых районов, соседи собирались на тинги и для отправления религиозных обрядов, вместе выступали в походы.

Бонды составляли костяк, опору древнескандинавского общества. Но наряду с ними уже существовали десятки лично зависимых людей, которые обслуживали каждую усадьбу знатного мужа, нередко и хозяйства простых бондов. Кроме того, в среде свободных скандинавов существовали малоземельные и безземельные бедняки — хусманы. Уже в силу своего безземелья они были обречены на неполноправие в общине. На другом полюсе общества находилась родовая знать. О могуществе и богатстве скандинавской родовой знати, прежде всего конунгов, свидетельствуют «большие курганы» в шведском Упланде и в Юго-Восточной Норвегии. Состав этого высшего слоя уже начинает расширяться за счет включения военно-служилых людей.

В процессе расселения, межплеменной борьбы и завоеваний разрушалась племенная однородность германцев Северо-Западного региона. Возникало территориальное административное устройство. Несколько общин объединялись в округа — сотни (англ. хундерт, сканд. хунд, впоследствии хундари), каждый со своим сходом. Сотенное деление имело прямую связь с военной организацией населения — воинским ополчением общинников. Сотни объединялись в более крупные области, занимавшие земли бывших племенных объединений. В Швеции это были ланды, в Англии — шайры (будущие графства), в Норвегии — фюльки. Дела области, соответственно, решались на ее народном собрании — фольксмоте англосаксов, фольксмете или фолькстинге скандинавов. Возглавлявший областной сход выборный блюститель — лагман («охранитель закона») скандинавов и элдормен («старший человек») англосаксов обладали значительными полномочиями, авторитетом.

Верховная власть, в частности право высшего суда, принадлежала королям. Они же выполняли, видимо, и сакральные функции. И хотя корона наследовалась королевским родом, престолонаследие оформлялось

через выборы, и его порядок нередко нарушался. В северогерманском эпосе король (риг, герм. rigr) — признанный сын бога, получивший от него свою власть, имущество и как бы «творящую общество» силу.

При англосаксонских королях собирался совет магнатов, так называемый «совет мудрых» (уитенагемот), который участвовал также в избрании королей. Аналогичный орган — совет знатных (род) возник и у скандинавов.

Взамен гарантии мира и защиты, отправления военных и сакральных функций короли начинают получать первый, самый ранний налог с соплеменников. Сначала это полюдье, дары, кормление — пир; в Скандинавии соответственно — скатт и вейцла, в Англии — фирма или «деньга» (гельд). Дани и все прочие поборы доставлялись в пункты сбора податей или в резиденции короля. В каждой усадьбе король проживал в течение определенного времени вместе с двором и известным числом дружинников, потребляя собранное. В Англии фирму в VII в. платили все свободные крестьяне. Единицей обложения был обычный надел керла — гайда. Знать и церковные учреждения, получая бокленд, пользовались фискальными привилегиями. Государственные поборы преобладали в эксплуатации крестьян. Короли, кроме того, получали доходы в виде пошлин от внешней торговли, а также дани — «дары» от вождей подвластных племен. Но наиболее стабильным, регулярным был доход королей от складывавшегося домена и его собственных (родовых) имений, которые правители всеми путями расширяли.

Таким образом, к VII—VIII вв. основные черты родоплеменного строя у народов Северо-Западного региона уже исчезли. Независимость и равенство всех членов племени были нарушены, начала складываться ранняя государственность. Однако пережитки военной демократии сохранялись в регионе много дольше, чем в континентальной Европе.

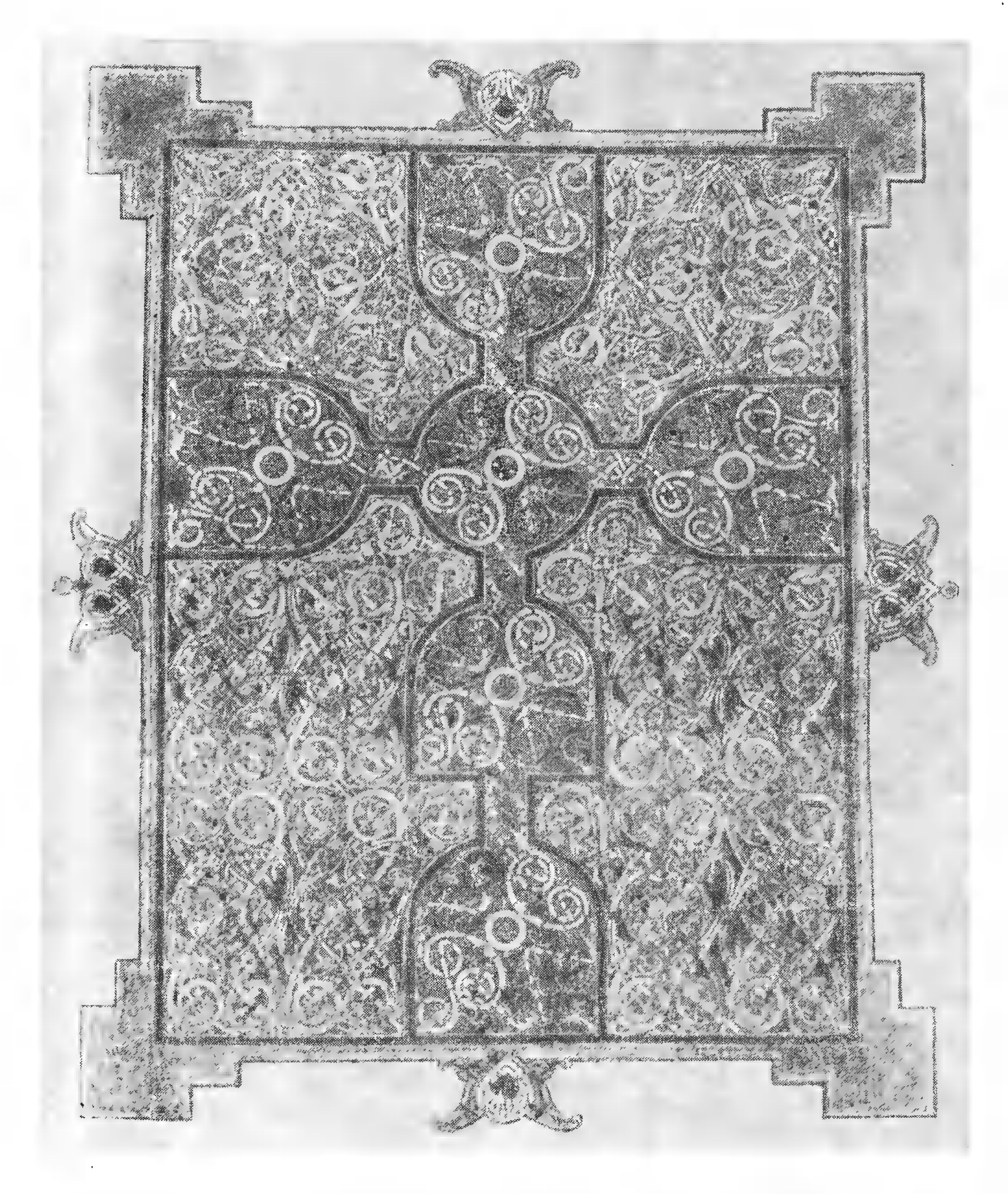
Верования, мораль и идеология язычников-скандинавов до конца I тысячелетия хранили черты воинственного и вольного варварского мира. Строго соблюдался обычай кровной мести. Верховный бог Один, а также боги Тор, Фрей и Фрея, асы (впоследствии богини плодородия) и другие боги олицетворяли верховную власть над миром, они защищали семейный очаг и слабых, покровительствовали отважным. Подобно родовой знати, они проводили время в войнах и грабежах. В обиталище Одина Валхáллу — желанный загробный мир скандинава — допускался лишь тот, кто пал на поле битвы. Обряду захоронения придавалось большое значение. Короля, знатного человека по соображениям престижа хоронили в ладье (ибо имитировали ее выложенными в земле камнями) или в высоких курганах. В Скандинавии жрецы-годи обычно принадлежали к знати, власть королей тоже носила сакральный характер.

Только в Англии в раннее средневековье уже знали христианство, хотя и здесь оно внедрялось с трудом: христианизация англосаксов, начавшись в 597 г., в основном завершилась только к концу VII в. Более ранняя христианизация этого субрегиона соответствовала более быстрому процессу развития раннефеодальных отношений и, в свою очередь, как и в других регионах, способствовала этому процессу и усилению раннефеодального государства в Англии.

ЭПОХА ВИКИНГОВ (КОНЕЦ VIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XI В.)

С середины VIII в. процесс классообразования в Скандинавии привел к вспышке активности и к новому «выбросу» населения субрегиона за его пределы. Эпоха викингов[2] (793—1066 гг.) характеризуется широкой экс-

[2] «Викинг» — воин. Этимологию этого наименования чаще всего связывают с тер-

Страница Евангелия, написанного в Линдисфарне. Северная Англия. Около 700 г.

пансией скандинавов в Европе. Скандинавы, которых в Европе обычно называли норманнами (а на Руси также варягами), заселили большие острова Северной Атлантики, создали свои колонии и княжества в Британии, Северной Франции, Южной Италии и Сицилии, основали поселение в Северной Америке, служили в качестве дружинников и воинов на Руси и в Византии, доходили до Поволжья и Багдадского халифата (см. ч. III, гл. 3). В истории Северо-Западного региона эпоха викингов характеризовалась ускорением генезиса феодальных отношений, более

мином «вик» – поселение, залив, бухта, торговое (или иное прибрежное) местечко, лагерь.

Корабль викингов из Усеберга. Около 800 г.

результативным в Англии, затем в Дании, менее — в Швеции, Норвегии, Ирландии, Шотландии.

Разложение родоплеменного строя, развитие индивидуальной семьи и складывание государственности резко усилили борьбу между отдельными слоями скандинавского общества. Но прежде всего они породили относительное перенаселение и острую нехватку жизненных средств, стабильным источником которых служила земля. Возможности внутренней колонизации, начавшейся в Северной Европе в VIII в., сильно ограничивались природными условиями. Это стимулировало стремление «расшириться» за пределы своей территории. Норвежцы устраивали свои военно-торговые экспедиции против северных соседей — саамов (лопарей), облагая их данью или прямо захватывая их земли. Шведы действовали в основном на финском берегу и в Прибалтике, получая от местного населения дань мехами, шкурами, китовым усом, которые викинги сбывали «за морем».

В поисках мест, удобных для заселения, особенно для крестьянской колонизации, взоры скандинавов устремились к более богатым территориям Европы. Рыбаков, морских охотников, отважных мореходов и искусных кораблестроителей не смущали дальние плавания.

В основе военной организации викингов лежало два компонента: ополчение (ледунг) и корабль. Скандинавы строили маневренные одномачтовые корабли (дракены) с веслами и парусом, до 23 м и более в длину и 5 м в ширину, со скульптурой дракона на носу. Нередко в поход собирались десятки и сотни судов. Викинги были хорошо вооружены: каждый имел длинный меч и нож, боевой топор и пику, железный шлем, металлическую кольчугу и щит.

Снаряжением кораблей занимались бонды, объединенные в корабельные округа. Из бондов же составлялась команда-отряд — до 60—100 взрослых воинов. На суда грузили верховых лошадей (для передвижения по суше), запасы пресной воды и пищи, в том числе живой скот. Вои-

ны вешали свои щиты вдоль бортов корабля и садились на весла. Команды обычно возглавлял знатный человек — ярл, а большой ледунг — король или члены его семьи. Знатные скандинавы имели собственные корабли, ходили в походы со своей дружиной.

С конца VIII в. эпизодические пиратские набеги викингов на корабли и селения ближайших побережий сменяются регулярными массовыми и организованными походами, иногда с целью захвата новых территорий. В начале X в. активность экспансии викингов падает из-за необходимости освоить уже захваченное, а также вследствие отпора со стороны консолидировавшихся европейских государств. Последняя вспышка военной активности викингов пришлась на конец X — начало XI в.

В большинстве ледунгов участвовали представители разных северогерманских племен. Но все же датчане и норвежцы ходили главным образом в Западную Европу, шведы — в Восточную. Наиболее важными для местного населения были захваты викингов в Британии, где главную роль играли датчане и норвежцы, но участвовали также шведы и готландцы. В 793 г. даны, как называли в Британии всех викингов, разрушили монастырь на острове Линдисфарне у побережья Нортумбрии. Не встречая серьезного отпора от англосаксов, в 866 г. они взяли Йорк, Рочестер, Лондон и другие города, разорили множество поселений, при этом уничтожали христианское духовенство и возрождали язычество. В руках датчан оказалась бóльшая часть страны: половина Нортумбрии и Мерсии, Восточная Англия и Эссекс. Северо-Западная Нортумбрия в это же время попала в руки норвежцев, вторгшихся туда из Ирландии, где в 30-е годы IX в. принц-викинг Олав создал королевство с центром в Дублине. Теперь викинги стали оседать на занятых территориях, привозя семьи и заселяя особенно восточные и северные районы Англии, ставшие «Областью датского права» (англ. Денло, сканд. Данелаг).

Аналогичным образом викинги колонизовали восточное побережье Ирландии, а также Восточную и Западную Шотландию. Они установили на завоеванных землях свои порядки, обложили местное население данью — «датскими деньгами», которыми оно откупалось от новых набегов скандинавов. В среде англосаксов даны довольно скоро ассимилировались, чему способствовало принятие скандинавами Денло христианства. Но их господство наложило на развитие Денло значительный отпечаток; Восточная и Северо-Восточная Англия на протяжении почти всего средневековья оставалась более отсталой, с бóльшей прослойкой свободного крестьянства.

При короле Альфреде Великом (871—899 или 900) англосаксы, создав сильный флот, систему укреплений и сухопутное войско, в освободительной борьбе приостановили наступления норманнов и начали отвоевывать Англию. К 70-м годам X в. Англия была снова объединена, включая Денло. С 90-х годов при английском короле Этельреде Нерешительном (978—1016) викинги, усилившиеся благодаря складыванию в Скандинавии трех больших, объединенных королевств, возобновили нападения на Англию. После смерти Этельреда датский король Кнут Великий стал королем Англии (1016—1035), сделал ее своей опорой и центром огромной державы, включившей также Данию и Шлезвиг (1018—1035), Норвегию (1030—1035), южную часть Скандинавского полуострова (Сконе, Халланд, Блекинге). Однако после смерти короля Кнута его держава распалась. В Англии какое-то время правили его сыновья Харальд, потом Хардакнут, но затем знать избрала королем его сына Этельреда Эдуарда (1042—1066). Позднее, в 1066 г., попытку захватить страну предпринял норвежский король Харальд Хардрад (Грозный), но был разбит англичанами при Стамфордбридже.

Около 1001 г. вождь Манстера (Южная Ирландия) Бриан Бороймe стал верховным вождем (королем) ирландских племен. Так был положен

конец владычеству данов в Ирландии. Ирландия сохраняла самостоятельность до захвата части страны английскими феодалами в конце XII в.

Сложившееся в том же XI в. (также в ходе освободительной борьбы против норманнов) королевство Шотландия сохраняло свою независимость до конца XIII в.

Одновременно с завоеваниями в Британии датчане и норвежцы начали грабежи и захваты на побережье континентальной Европы (см. ч. III, гл. 3). Они, преимущественно датчане, создали в устье Сены вассальное Франции герцогство Нормандию (911). Именно из Нормандии в 1066 г. было осуществлено последнее в истории завоевание Англии.

Норвежцы действовали главным образом в кельтских Ирландии и Шотландии. Они закрепились на Оркнейских и Шетландских островах, которые начали заселять еще до эпохи викингов; освоили остров Мэн, Гебридские и Фарерские острова, доходили до Шпицбергена. В 874 г. норвежцы начали заселение пустынного острова, который назвали «Ледовой страной» — Исландией. К 930 г. они заняли и поделили обширные приморские территории, пригодные для обитания. Экономические и социальные отношения на острове сохраняли дофеодальный характер. Великолепные мореходы, исландцы в 80-е годы X в. обосновались в Гренландии, а в конце 1000 г. знатный викинг Лейф Эйрикссон высадился в Северной Америке, где скандинавские колонии существовали еще в первой трети XII в.

Основную массу разноплеменных викингов в Восточной Европе и Византии составляли шведы, которых на Руси называли варягами (а Балтийское море — Варяжским) (см. ч. I. гл. 8 и ч. III, гл. 3). Важнейшей сферой их деятельности на Руси постепенно стали торговля и служба в дружинах князей. Вообще викинги широко занимались меновой торговлей, торговым транзитом и сбытом награбленного, богатея за этот счет. Викинги ходили и в специальные торговые экспедиции. Активнее всех торговали шведы, двигаясь по пути «из варяг в греки» и по Волге — к булгарам, хазарам и закаспийским народам.

На чужих территориях более феодализированные датчане предпочитали захватывать культурные территории и, не ограничиваясь получением дани, вести там пашенное хозяйство, усваивали иногда и феодальные обычаи местных обществ. Норвежцы либо захватывали дофеодальные окраины, где собирали дань, либо колонизовали незаселенные земли, даже далеко расположенные; там они занимались не земледелием, а пастушеством и морским промыслом. Шведы облагали данью и частично захватывали слаборазвитые области Балтийского региона, а в более развитую и богатую среду Руси и, в меньшей мере, Византии внедрялись прежде всего в качестве служилых людей и торговцев. В Северо-Западной Европе походы викингов способствовали складыванию единого государства в Англии, ускоряли развитие классового общества, феодального государства, церковной организации и городского строя у скандинавов.

СКЛАДЫВАНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИИ

Во второй половине раннесредневекового периода развитие британского субрегиона стало еще более неравномерным. У кельтов, прежде всего в нетронутых норманнами районах Ирландии и Шотландии, в меньшей мере на полуостровах Уэльс и Корнуэлл, по-прежнему господствовал родоплеменной (клановый) строй.

Общественное же развитие Англии все более ускорялось. В IX — первой половине XI в. феодальный уклад в Англии становится ведущим. Короли все шире практикуют раздачу пустующих, а также заселенных керлами земель своим министериалам, дружинникам-гезитам (позднее —

тэнам); бокленды (см. выше) все прочнее закрепляются за глафордами, которые становятся крупными землевладельцами, собственниками пожалованной земли (с конца IX в.— с правом ее свободного отчуждения) и сеньорами живущих там людей. Крупными землевладельцами постепенно становятся и церковные учреждения, также за счет королевских пожалований.

Серьезно изменилось положение крестьян. В IX в. уже возникает индивидуальная собственность общинника на надел с правом отчуждения (подобная франкскому аллоду). С ее возникновением и выделением малых семей идет дробление наделов: если большая семья обычно владела гайдой, то индивидуальная — виргатой (четверть гайды, ок. 10,25 акр.). Это стимулировало имущественное расслоение в среде свободных англосаксов; а непрерывные грабежи и поборы норманнов, рост платежей в пользу феодалов и государства способствовали разорению многих керлов.

В этих условиях в поземельной зависимости от глафордов оказывались не только крестьяне несвободного происхождения (колоны-уили), но и потомки керлов, лично свободные гениты, отчасти гебуры (см. ниже). Уплачивая оброк или неся барщину за земельный надел, полученный от господина, гебуры теряли свое полноправие, оказывались прикрепленными к земле. Если же глафорд получал от короля право юрисдикции над иммунитетной территорией (так называемую соку), то все ее жители попадали и в судебную зависимость от землевладельца. Постепенно эта территория превращалась в вотчину. С первой половины X в. человек, не имевший сеньора, по «Законам Ательстана» обязывался срочно «найти себе лорда».

В середине X в., согласно «Правде короля Эдмунда», поземельно-зависимые крестьяне уже считались неправоспособными. Уровень вотчинной эксплуатации крестьян был значительным. Трактат первой половины XI в. «О правах и обязанностях разных лиц» дает представление о маноре феодала средней руки того времени. В нем выделяются три основные категории крестьянства: 1) гениты — свободные ранее керлы, оказавшиеся в зависимости от лорда — владельца бокленда. Они платили ряд небольших натуральных платежей, выполняли некоторые поручения господина («верхом на коне»), но были в то же время обязаны королю конной военной службой; 2) гебуры — крестьяне, находившиеся в тяжелой поземельной зависимости (так как сидели на земле лорда). Они происходили, видимо, от рабов или уилей, но иногда и от керлов, утративших права на надел. Гебуры несли наиболее тяжелую, в том числе полевую, барщину (2—3 дня в неделю), вносили много натуральных и денежных платежей. Этот разряд зависимых крестьян, сидевших на наделе среднего размера, нес главную тяжесть обработки барской земли; 3) коттеры (коссетли, котсетли) были держателями того же типа, но с мелкими земельными наделами. Они также несли еженедельные барщины, но в меньшем объеме, а также много мелких платежей. Коттеры происходили из разорившихся свободных, бывших рабов и вольноотпущенников. На барской усадьбе использовался порой и труд дворовых рабов-холопов.

Однако феодальная вотчина в Англии к концу раннесредневекового периода еще не получила повсеместного распространения. Манориальная структура была характерна прежде всего для крупного землевладения Средней Англии, а в стране в целом преобладали именно мелкие владения и переходная форма вотчины, которая основывалась преимущественно на труде домашних рабов.

Особенностью раннего феодализма в Англии был большой удельный вес свободного крестьянства. Значительная его часть еще в X—XI вв. сохранила не только личную свободу, но и право на землю, права-обязанности общинника и ополченца. Сохранение значительной категории

свободных полноправных мелких собственников-землевладельцев, стоявших как бы между крестьянами и мелкими вотчинниками, не позволило отдельным социальным категориям приобрести замкнутость. Согласно трактату X — начала XI в. «О светских различиях и законе», купец, «трижды плававший за море», или свободный керл, обладавший определенным имуществом и земельным цензом (5 гайд земли), мог, на условии несения службы королю, перейти в разряд тяжеловооруженных воинов — тэнов. Неразвитыми до конца XI в. остались также вассально-ленные и иммунитетные отношения.

С конца VIII в. успехи феодализационного процесса и экспансия норманнов стимулировали политическое объединение англосаксов и укрепление раннефеодального государства. Король Уэссекса, наименее разрушенного скандинавскими нашествиями и превратившегося в оплот антинорманнского сопротивления, с IX в. стал бритвальдой — «Повелителем Британии». При короле Экберте в 829 г. началась история объединенного раннефеодального Английского государства.

В 70—90-е годы IX в. при короле Альфреде Великом это государство значительно усилилось, а борьба с данами способствовала и внутренней консолидации. Вдоль границы страны, особенно по побережью, выросло до 30 фортов. Создается первый английский флот — свыше 100 «длинных» (по 60 и более весел) кораблей, более устойчивых и быстроходных, чем скандинавские. Реорганизуется и сухопутное войско. Оно в основном состояло из крестьянского ополчения. Однако главной боевой силой войска становятся теперь профессиональные тяжеловооруженные конные воины, каждый из которых владел 5 гайдами земли. Они имели металлические доспехи и являлись на службу в сопровождении нескольких пехотинцев. В тяжеловооруженное конное войско входили также тэны и крупные феодалы, в том числе духовные, со своими отрядами. Тэны, в основном предшественники будущих рыцарей, получившие землю от короля за службу, составили теперь большинство феодалов и стали опорой королевской власти.

При Альфреде было создано и первое общеанглийское законодательство «Правда короля Альфреда» (ок. 890 г.), которое унифицировало и переработало, в соответствии с условиями IX в., положения прежних судебников Уэссекса, Мерсии, Кента. Это законодательство рисует общество, родоплеменная основа которого уже разрушена. Строительные и воинские повинности, а также налоги основной тяжестью ложатся на керлов, правовое положение которых снижается. В середине X в., при короле Эдгаре (959—975) название «Земля англов» (Engla land), ранее обозначавшее только владения Уэссекских королей, распространилось на всю страну, а ее жители стали называться англичанами. В начале XI в. датский король Кнут Великий стал королем Англии (1016—1035), сделав ее своей опорой и центром огромной державы, включавшей Данию и Шлезвиг (1018—1035), Норвегию (1030—1035), южные области Скандинавского полуострова. Стремясь закрепиться в Англии, Кнут Великий объективно содействовал усилению английской феодальной государственности. В своем кодексе («Законы Кнута») он подтвердил привилегии феодалов и судебную зависимость от них крестьян. Государственная власть при Кнуте и его преемниках-сыновьях воспринималась народными массами как главный источник эксплуатации. В 1041 г. мятежное население перебило сборщиков налогов датского короля Хардакнута(1040—1042), в 1051—1052 гг. в стране возник широкий мятеж против короля-англичанина Эдуарда Исповедника с требованием «справедливых законов». После смерти этого последнего англосаксонского короля в ходе разгоревшихся смут среди претендентов на английский престол выдвинулся герцог Нормандии Вильгельм. В конце сентября 1066 г. его мощная армия (5 тыс. воинов, из них 2 тыс. тяжеловооруженных), куда собрались

рыцари из всех пределов Франции, сосредоточилась на берегу Ла-Манша. Было подготовлено до 700 транспортных судов-барок. Погрузив на них воинов, лошадей, продовольствие, герцог Вильгельм переправился через пролив и высадился на английском побережье. 14 октября того же года в битве около порта Гастингс рыцарское войско нормандцев наголову разбило наскоро собранное крестьянское ополчение англосаксов. В конце 1066 г. герцог Нормандский был помазан в Вестминстере на царство и стал королем Англии Вильгельмом I.

До конца раннесредневекового периода политическая организация Англии сохраняла ряд архаических элементов. Однако их содержание качественно изменилось. Так, продолжали действовать сельские сходы во главе со старостами, но они стали одновременно низшей фискально-административной единицей государства. В народном собрании сотни-округа с IX в. главная роль перешла к 12 «старшим» тэнам — видным местным землевладельцам. Народное собрание областей бывших королевств, позднее графств, стало совещанием видных представителей сотен; исполнительную (судебную и административную) власть в графствах получил королевский чиновник шайр-риф (будущий шериф). Сохранялся уитенагемот, в который, кроме членов королевской семьи, светских и духовных магнатов, входили теперь и королевские тэны. Совет ограничивал действия короля, вмешивался в дела престолонаследия, порядок которого до нормандского завоевания оставался непрочным.

Роль народного ополчения в армии была еще значительной. Однако, как показала и битва при Гастингсе, оно не могло успешно противостоять рыцарскому войску.

Финансовая база королевской власти расширилась. Наряду с доходами со своих частных и коронных земель, фирмами (теперь — дань продуктами), «датскими деньгами», пошлинными сборами с ввоза короли, по меньшей мере с середины IX в., получали также весовой и различные другие рыночные и городские сборы. Большинство этих поборов носило натуральный характер. Кроме того, крестьяне обязаны были служить в ополчении, сооружать и чинить мосты, дороги, укрепления.

К середине XI в. королевская власть значительно усилилась. Еще в середине VIII в. вводится церемония помазания королей на царство, с вручением атрибутов власти. Сопротивление королевской власти со стороны знатного лица влекло его изгнание или смерть («Законы Этельреда», 978—1016). Укрепляясь, королевская власть играла все более значительную роль в складывании феодальных отношений и развитии городов.

Развитие торговли, особенно внешней, в Англии отражено уже в судебнике VII в. Ведущим рыночным центром рано стал Лондон. Из Англии вывозили металлы (олово, цинк, железо) и изделия из них, соль, грубые ткани и предметы одежды, великолепные украшения из драгоценных металлов и бронзы, резной кости. В X — первой половине XI в. во многие страны уже вывозили английскую шерсть. Ремесленные изделия вырабатывались главным образом в крестьянских домах, в деревенских общинах и в вотчинных центрах.

Хотя города как центры ремесла и торговли складываются в Англии лишь к XII в., их предыстория началась раньше. Нередко ранний город проходил через три этапа: кельтский, римский и англосаксонский. Таковы были, например, Глева—Глевум—Глостер, Вента белгов — Уинчестер, Лун-Дин (от кельтск. «укрепление») — Лондиний — Лондон. В каждом варварском королевстве в англосаксонский период выделились свои столицы и раннегородские поселения. В Уэссексе это Уинчестер, Солсбери, позднее Дорчестер; в Эссексе — Колчестер; в Нортумбрии — Йорк; в Мерсии — Лестер, Линкольн; в Кенте — Кентербери; в Восточной Англии — Норидж и др. В резиденциях королей, в центрах областей

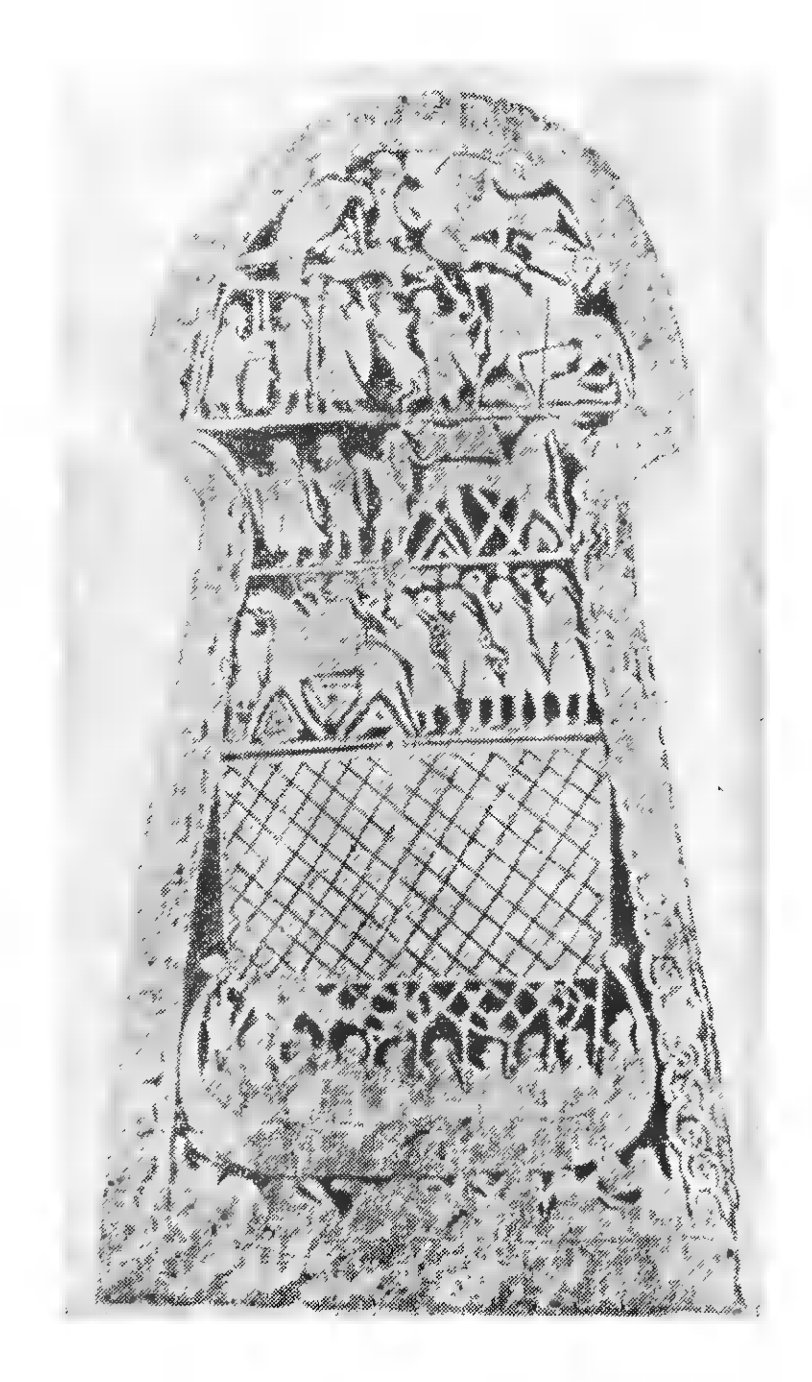
и общин, крупных имениях, в крепостях и замках стали сосредоточиваться административные функции ранних государств, создаваться епископские и монастырские резиденции; во всех этих центрах все более концентрируется торговля и ремесло. На побережье и вдоль судоходных рек быстро растут торгово-ремесленные местечки — «порты» и «вихи» («вичи»). В конце IX — начале X в. возрастает торговое значение Лондона и ряда других городов, улучшаются условия для торговли. торговые местечки получают привилегии, становятся центрами монетной чеканки, сбора торговых и других пошлин. X век — начало складывания в Англии города как центра ремесла и торговли.

Значительное место в процессе феодализации Британии заняла христианская церковь. Знакомство с христианством в среде британских кельтов и германцев началось еще с III в. Благодаря деятельности миссионеров из Ирландии в начале VII в. оно распространилось на Север Англии (в Нортумбрию), но внедрение христианства тормозилось рецидивами язычества и упорным сопротивлением низов, центром которого стала Мерсия. В конце VI в. в Англию проникают миссионеры из Рима. Миссия св. Августина в Кенте (597 г.), организованная папой Григорием Великим, превратила Кентербери в центр влияния римской церкви (впоследствии город стал резиденцией примаса Англии) — и способствовала успешной христианизации по римскому образцу самого Кента, Восточной Англии, Эссекса и Уэссекса. Ирландская церковь, архаичная по организации, принуждена была отступить: на соборе в Уитби (664 г.) христианство в римско-католической форме было провозглашено официальной религией всей страны. Началось устройство церковных приходов, епископских диоцезов, стала формироваться церковная иерархия, вводились церковные поборы, каноническое право. Как уже отмечалось, распространяются пожалования земель церквам и монастырям со стороны как королей, так и представителей знати, горожан и крестьян. Единая церковная организация способствовала политическому объединению Англии.

Итак, в Англии еще в течение IX—XI вв. сложились в значительной мере феодальные отношения, хотя до нормандского завоевания феодализм не стал абсолютно господствующим. Сохранялась значительная прослойка свободных крестьян-землевладельцев, государство было слабым, престолонаследие неупорядоченным и т. д. В Шотландии и Ирландии еще преобладал родоплеменной клановый строй, хотя и эти общества были уже социально стратифицированы, выделилась знать.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

В Северной Европе в эпоху викингов также складывался феодальный уклад. Экспансия норманнов сыграла в этом процессе неоднозначную роль. Вследствие многообразной деятельности викингов в Северную Европу притекли огромные богатства. На ее территории, особенно в Южной Швеции и на острове Готланд, найдены сотни монетных кладов той эпохи, содержащие десятки тысяч золотых и серебряных монет: главным образом восточных (арабских, так называемых «куфических»), меньше — западноевропейских (англосаксонских). Значительная часть добытого драгоценного металла, в том числе монет, превращалась в сокровища, оседая в кладах (так, в клады превратилась и значительная часть англосаксонской контрибуции данам в начале XI в.). Но многие добытые викингами средства пускались в обращение в самой Скандинавии. Чеканенные или иначе оформленные деньги использовались в торговле в меж- и внутрисоциальных отношениях, во внутренних и внешних связях. Скальдическая поэзия и саги постоянно рассказывают о щедрых

Рунический камень. Готланд. IX в.

конунгах, которые расплачивались с дружиной, «даря» и «раздавая» серебряные кольца, браслеты и т. п. Драгоценные металлы, как и другая добыча викингов, также использовались ими в колониях и на родине для приобретения земельных владений. Скандинавский эпос, саги, рунические надписи прямо связывают увеличение числа усадеб у знатных скандинавов с их военно-грабительской деятельностью. Одновременно покупались или захватывались рабы. Деятельность викингов способствовала также заимствованию скандинавами опыта общественного устройства и социальных отношений, духовной культуры у более развитых народов континента. Это усилило и ускорило процесс, который Маркс назвал «*тенденцией феодализма* вытеснить... прежнюю свободу»[3]. Процесс складывания феодальных отношений во всех его проявлениях у скандинавов, безусловно, был стимулирован деятельностью викингов.

С другой стороны, походы викингов сопровождались потерей наиболее активной части самодеятельного населения и, в определенной мере, «вывозом социального конфликта». Возможно, что эти обстоятельства способствовали консервации у скандинавов некоторых дофеодальных порядков, хотя подчас и получавших «феодальный облик».

С VIII в. в Северной Европе широко развивается и внутренняя колонизация. В VIII—IX вв. возникают тысячи новых дворов, деревень, заимок и «расчисток». Началось заселение многопромысловой области Даларна в Швеции, торговое и данническое освоение Финского берега. Развивается земледелие. Не только в Дании, но и на Скандинавском полуострове увеличилось производство ржи, появились посевы репы, гороха, капусты. Распространяется плуг, двупольная система, в Дании трехполье, хотя урожайность еще низка. По-прежнему значительную роль играет скотоводство, в Норвегии и Швеции преимущественно экстенсивное; широко распространено овцеводство. Важную роль сохраняют охота, рыбная ловля.

Большое развитие получила торговля, которой, помимо узкого круга профессиональных купцов, занимались викинги — знать, бонды, даже короли. Скандинавы ввозили к себе фризские ткани, франкские мечи, бронзовые и стеклянные сосуды, ювелирные изделия, монеты, прирейнскую и славянскую керамику, изготовленную на гончарном круге. Вывозили скандинавы меха, янтарь, тюлений жир, медь, рыбу и ремесленно-промысловые изделия: железо в брусках (осмунд), ювелирные украшения, ножи и предметы обихода из металла. Особенно успешно вели они

[3] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VIII. С. 324. (Подчеркнуто К. Марксом).

транзитную торговлю, в том числе рабами. Специальные рынки рабов в IX—XI вв. действовали в Юго-Западной Швеции (возле будущего Гётеборга) и на датском острове Самсё (между Ютландией и Зеландией).

Из ремесел быстрее всего развиваются кузнечное и оружейное дело, ткачество и прядение, обработка кожи, резьба по кости и камню, судостроение, военно-фортификационное искусство. Во второй половине IX в. в Скандинавии началась чеканка собственной монеты — сначала по образцу каролингского серебряного денария, а позднее по англосаксонским образцам. Профессиональные ремесленники начинают концентрироваться в торговых местечках и городах.

Быстрее и успешнее, чем у других скандинавов, формировались феодальные отношения в Дании с ее более ранним развитием земледелия, малых семей, сельской общины и частной земельной собственности, с более сильной знатью, контактами с Каролингской империей и огромными захватами в Европе. Но наиболее отчетливо различия в темпах феодализации обнаруживались в истории государственности.

Первым на рубеже VIII и IX в. возникло раннефеодальное государство датчан, объединившее под властью короля-викинга Готфреда собственно Ютландию, Зеландию, более мелкие острова, а также юг Скандинавского полуострова и Шлезвиг. Значительно упрочилось Древнедатское государство в X в., при королях-викингах Горме Старом (ум. ок. 945 г.) и его сыне Харальде Синезубом (ок. 950—986), который ввел в стране христианство.

В Норвегии первое объединение значительной части страны произошло в конце IX в. под главенством Вестфола (Южная Норвегия) и его конунга из рода Инглингов Харальда Прекрасноволосого. Около 872 (по некоторым данным — ок. 900) он победил в сражении местных хевдингов и стал именовать себя «правителем норвежцев». Тогда же в источниках появляется общее наименование «Норвегия» (Norvegr от norrvegr — путь на север), в отличие от племенных или областных названий. До конца X в. потомки Харальда вели ожесточенную борьбу за престол. При известном конунге из рода Инглингов викинге Олафе Трюггвесоне (995—999 или 1000), который ввел в Норвегии христианство, а затем Олафе Харальдссоне Святом (1015—1028), усиленно насаждавшем новую религию, единение Древненорвежского государства упрочилось, сепаратизм местной знати решительно искоренялся.

Но знать Исландии (где первый колонист-норвежец высадился в 874 г.) сохранила независимость. Исландия оставалась политически самостоятельной аристократической республикой. Она управлялась сходом — альтингом (впервые собран в 930 г.) во главе со знатным «законоохранителем».

Древнешведское государство образовалось на рубеже X и XI вв. Его ядром стал Свеаланд, отсюда и общее наименование Швеции. Длительные междоусобицы в государстве Свитьод завершились, судя по сагам, на рубеже VIII—IX вв., при конунге Ингьялде Суровом, правителе, который убил шестерых «малых» конунгов — правителей свейских областей. На рубеже X и XI вв. Олаф Шётконунг (ок. 955 — ок. 1022) из рода Инглингов подчинил королевство ётов и другие земли на востоке Швеции и стал именовать себя «королем свеев и ётов». Он же, подобно всем скандинавским королям-объединителям, ввел в своей стране христианство.

Для политической организации раннесредневековой Финляндии были характерны еще племенные союзы.

Образование раннефеодальных государств в Северной Европе положило начало складыванию отдельных скандинавских народностей и диалектов. Но эти государства еще не имели устойчивых границ, внутри них происходила ожесточенная борьба как за овладение короной, так и против централизации. Одновременно происходили столкновения с сопре-

дельными княжествами, в IX—X вв.— в форме тех же набегов викингов. Организация обороны от соседей послужила одним из стимулов внутренней консолидации. С конца X — начала XI в., по мере образования трех скандинавских королевств, борьба все более шла за государственный приоритет и даже за овладение всей Скандинавией. Это на короткое время удалось сделать Кнуту Великому (см. выше).

Сложившиеся в Северной Европе в течение X — начала XI в. государства были монархиями с довольно устойчивой королевской властью. Их политико-административная структура как бы вырастала из организации военных походов викингов, наполняя родоплеменную терминологию новым содержанием и подчиняя себе прежнее устройство, из которого эта структура выросла. В основе новой структуры лежала базирующаяся на воинской правообязанности свободного населения комплексная система военно-морского ополчения — ледунга (лейданг, лейдинд). В IX—XI вв. ледунг, помимо воинских, имел также политико-административные и фискальные функции. Корабельные и ополченские обязанности свободного рядового населения к концу периода превратились из добровольных в принудительную повинность, которую можно было выкупать. Взимались, в частности, штраф за личное неучастие бонда в походе, «корабельный взнос» на постройку корабля, побор продуктами для его команды. Поборы взимались через «корабельные округа» — гавани (хамны) и округа — сотни, их возглавляли по-прежнему херадсхевдунг или лендрман — когда-то организаторы ополчения, а теперь должностные лица короля. Сложилось и крупное территориально-административное деление — сетка областей: ланды (в Швеции), фюльки или рики (в Норвегии), амты (в Дании). Глава области — лагман, выбиравшийся из числа знати, обладал широкими полномочиями и обычно был поборником областного (в какой-то мере еще племенного) сепаратизма. Все еще заметной оставалась на местах роль общинников-бондов, особенно их верхушки. Поэтому короли стремились заручиться поддержкой тингов, ввести их в русло своего управления.

Не позднее XI в. возникает и совершенно новая административная сеть. Король жаловал тому или иному приближенному — служилому человеку право сбора податей, а также судебную и административную власть на территории округа или группы округов, которая позднее получила название лен, сюсла, вейцла. В виде вознаграждения ленник присваивал половину поборов и штрафов. Лен-кормление, в отличие от франкского феода или английского бокленда, давался на срок (не более жизни), не передавался по наследству, не отчуждался, не перерастал в вотчину. Но как форма соединения землевладения с публичной властью и метод усиления новой служилой знати ленная система и в Скандинавии являлась важным орудием феодализационного процесса, в частности разорения свободного крестьянства.

В эпоху викингов родовая знать все еще составляла господствующий слой населения. Ее представители получали львиную долю добычи и земли на колонизуемых территориях. Но к концу периода родовая знать была заметно потеснена новой служилой знатью, которая составлялась из представителей разных слоев населения: малоимущих групп родовой знати, богатых бондов, простых свободных и даже бывших несвободных. В нее вошли королевские дружинники — хирдманы, предводители корабельных и конных отрядов, управляющие королевскими имениями (брюти, арманы). Это была опора королевской власти, и короли всеми способами укрепляли, поднимали этот новый слой. Родовая знать ослаблялась также вследствие потери сакральных функций; в ходе введения христианства, которое опиралось на своих активных поборников — королевскую власть, служилых людей, городское купечество, и, в свою очередь, являлось опорой этим новым, уже феодальным слоям населения.

Напротив, языческая глубинка служила тылом родовой знати, выступавшей охранительницей «старых обычаев».

Власть короля в это время усиливается. Приняв от подданных вассальную присягу, король воюет от имени всей страны, ведет переговоры по поводу торговли, пошлин, территорий и границ. Король чеканит от своего имени монету, помещая на ней свое изображение и титул. Он возглавляет состоящий из знати так называемый Совет королевства (риксрод, риксрат), назначает должностных лиц, в том числе городских префектов. Складывается понятие «королевского мира», его нарушение, как и покушение на короля, приравнивается к измене.

Возникает представление о праве короля распоряжаться всей землей королевства. Короли отнимают владения у своих противников, производят земельные раздачи церкви, своим сторонникам и служилым людям, в том числе за счет общинных земель. Верховное право короны на землю изменяет характер повинности с кормлений (вейцла, скатт), которая превращается во всеобщую поземельную подать с населения — централизованную ренту-налог. Кроме нее население несет повинность постоя — естнинг («гостевание»), т. е. содержания проезжающих должностных лиц короля, а также трансформирующуюся повинность — ледунг (см. выше). Уже в эпоху викингов важную статью доходов фиска стали составлять и торговые пошлины.

Однако общественные повинности в каждой из скандинавских стран еще не превратились в четкую и унифицированную систему налогов. Кроме того, значительная часть доходов государства составлялась за счет прямого ограбления и даней. Только к концу периода доходы казны уже включали относительно постоянное централизованное обложение. Государственные поборы, как и система ленов, способствовали разорению бондов, складыванию в их среде разных форм феодальной зависимости. Путь феодального закабаления «сверху» и централизованные формы феодальной эксплуатации получили в скандинавских странах особенно важное значение из-за относительной слабости и длительной «незамкнутости» господствующего класса. В целом феодальные государства в Скандинавии как институт находились в этот период еще на своей ранней стадии. В каждой области действовало свое обычное право. Не было твердого порядка престолонаследия, и новые короли должны были проходить процедуру избрания.

Наряду с королевской властью важную роль в складывании феодализма в Северной Европе, как и по всему континенту, играла христианская церковь. Официально христианство было введено в субрегионе «сверху» королями-объединителями (см. выше). Но с христианским миром скандинавы столкнулись еще во время своих поездок в Византию и другие христианизированные страны. Находясь при дворах государей-христиан, они нередко принимали крещение. В числе первых христиан были многие короли-викинги с их дружинами, а также купцы, часто посещавшие города континента. Католические миссионеры из Гамбурга и Бремена начали действовать в Скандинавии еще в 20-е годы IX в. Однако они наталкивались на сопротивление большинства местного населения, которое оставалось верным язычеству. Даже во второй половине XI в. епископ Адам Бременский, путешествуя по Скандинавии, увидел ее в общем языческой. Элементы старой религии изживались в Северной Европе, особенно в Исландии, очень долго, вплоть до XIII в.: она служила как бы знаменем в борьбе против феодализации. Тем не менее после создания объединенных государств церковь, поддерживаемая королевской властью, все более укреплялась. В середине XI в. скандинавские страны получили свое церковно-административное устройство. Королевские земельные пожалования довольно быстро выдвинули церковь в ряды крупных землевладельцев. Христианизация Финляндии произошла позднее.

В свою очередь, молодая скандинавская церковь стала мощной опорой, одним из рычагов политической централизации раннефеодальных государств Северной Европы. Христианская церковь принесла в традиционное периферийное североевропейское общество элементы римского права с его принципами частной собственности, брачных отношений, социальной стратификации, единовластия, а также поголовного регулярного обложения в виде церковной десятины. Рост земельных владений церкви и ее поборы ускоряли разорение свободного крестьянства и подрывали власть родовой знати, ранее контролировавшей языческий культ.

Опорой королевской власти, централизации и христианизации становятся и нарождающиеся города. Именно эпоха викингов стала временем возникновения в Скандинавии пред- и раннегородских центров. В VIII—IX вв. это прежде всего рыночные местечки, обычно приморские, с устойчивым ремесленным и торговым населением. В Ютландии это балтийский порт Шлезвиг или Хэдебю (Хайтхабю), который «дирижировал» морской торговлей на Северном и Балтийском морях, и город Рибе. Торговые центры возникли в Сконе. В Южной Норвегии сложилось известное торговое местечко Скирингсаль, или Каупанг (западный берег Ослофьорда). На юго-западе Скандинавского полуострова, на границе Норвегии и Швеции, выросли торговые местечки: шведское Лёдёсе и норвежское Кунгсхелла. В Швеции в IX в. расцвела богатая Бирка на о-ве Бьёркё (т. е. «Березовом»). Бирка имела за́мок и удобную, хорошо защищенную гавань. Находки археологов подтверждают, что там встречались купцы из многих стран Европы и Ближнего Востока: в могильниках Бирки найдены остатки китайского шелка, сосудов из Ирана, египетских стеклянных кубков, украшения из Хорезма, Византии, Руси. Тесные связи сложились у Бирки с Восточной Европой. Наследницей Бирки в X—XII вв. стала Сигтуна (на оз. Меларен). Важными пунктами транзитной торговли с востоком стали в это время — и надолго — острова Готланд и Эланд. К концу эпохи викингов эти ранние скандинавские города почти все исчезли.

Бо́льшую роль и перспективу получил иной тип раннего города: старый племенной и новый областной центр, где созывали тинг, отправляли языческие обряды, а с принятием христианства были устроены христианские учреждения, где издревле собирались ярмарки, а затем стало все более сосредоточиваться ремесленное население. Это Уппсала, Скара, Линчёпинг, Тельё (Сёдертелье) и др. в Швеции; Роскилле, Виборг, чуть позднее Орхус, Ольборг, Рибе и Шлезвиг (Ютландия), Оденсе (остров Фюн), Копенгаген (Зеландия), Лунд (Сконе) — в Дании; в Норвегии с конца X в. функционировал Нидарос (Тронхейм), с XI в.— важный атлантический порт Берген, а также Ставангер и Тёнсберг, с середины XI в.— Осло.

С самого начала именно города становятся центрами областной администрации, монетной чеканки, церковными центрами. Появление в скандинавских странах собственных монет поднимало престиж государей внутри и вне страны. Монетная чеканка развивалась как королевская регалия и стала существенной статьей доходов казны.

История государства также отражает глубокие перемены, происшедшие в хозяйственной организации и социальных отношениях североевропейского общества. Как отмечалось, в эту эпоху возникла в первичной форме верховная регальная собственность на землю — право, которое король реализовал в интересах господствующего класса. Королевские пожалования разрушали родовую и большесемейную земельную собственность, ускорялось развитие малых семей. Большая семья, однако, все еще оставалась реальной общностью скандинавского мира. Она регулировала распоряжение родовой землей (арв, одаль), защищала права родичей на преимущественное ее приобретение. Сохранялись право кров-

ной мести и элементы родового семейного права: например, глава семьи распоряжается жизнью детей. Но большая семья (или род — этт) в это время все более теряет общую производственную функцию. Реальной производственной ячейкой постепенно становятся малые семьи, дворы которых зачастую создавались неподалеку от первоначальной усадьбы, иногда образуя совместную с ней деревню — поселение соседей, т. е. соседскую общину.

С развитием малых семей росла потребность в земле, появилось понятие приобретенной, в том числе купленной, земли. Складывание малой семьи и индивидуальной собственности вело к изменениям в социальной организации Северной Европы. В эпоху викингов она вступала еще с «варварской» структурой. Обогащаясь в походах, знать резче отделилась от массы рядовых свободных. Усадьбы знати были намного крупнее и богаче крестьянских. В Норвегии они имели выразительные названия: «Жилище благородного», «Богатый дом», «Большой дом» и т. п. Над местом захоронения знатных людей насыпали огромные курганы, их и сегодня можно видеть в центрах ранней скандинавской государственности — около Уппсалы и в районе Осло-фьорда. Разбогатевшие представители знати превращаются в крупных землевладельцев, особенно с XI в.

Одновременно изменяется характер хозяйственной организации имений. Если в VIII в. основной, если не единственный, тип зависимого работника в поместье — трэль, домашний раб, то к середине XI в., хотя трэли сохраняются, но земельное хозяйство имений ведется уже в значительной мере трудом держателей — зависимых крестьян. Крупные имения приобретают структуру феодальной вотчины: сочетание домена и наделов держателей. В результате к концу эпохи викингов социальный характер господствующего слоя изменяется. В его ряды вошла служилая знать, отчасти сливаясь с родовой, отчасти вытесняя ее. Она опирается на поддержку королей и эксплуатирует бондов на территории своих кормлений. С XI в. в господствующий класс вливаются церковники. Аристократия конца эпохи викингов — это преимущественно крупные землевладельцы, эксплуатирующие труд зависимых крестьян и обладающие политической властью. Однако крупные вотчины с доменом в Швеции и Норвегии не имели тогда заметного распространения, земледелие все еще не стало господствующим, земельные владения знати имели дробную структуру, преобладающей формой ренты был натуральный оброк. Все это не способствовало развитию личной зависимости крестьян, вспомогательной рабочей силой были рабы, отчасти сезонные наемные рабочие. Опираясь на местные обычаи, языческие верования и глубокое недовольство бондов исчезновением прежних свобод, родовая знать еще долго оставалась в Скандинавии значительной общественной силой. Более сильным молодой класс феодалов был только в Дании, с ее крупными поместьями.

В конце эпохи викингов бонды составляли все еще наиболее значительную часть населения Северной Европы. Однако реальный смысл термина «бонд», как и действительное положение бондов, также меняется. Теперь бонд — это простолюдин, «мужик». Исполнение публичных обязанностей — участие в ополчении и тинге — для глав малых семей стало обременительным. На тинг теперь собирались только их представители, в армии ведущее место все более занимали профессиональные воины. Таким образом, бонды в массе своей теряют полноправие, становятся объектом государственной эксплуатации в форме ренты-налога.

Бонд по-прежнему участвовал в сходе соседской общины, в решении местных судебных и поземельных дел. Но лишь немногие богатые бонды были причастны к управлению и могли нести воинскую службу. К концу эпохи викингов они превращаются в особую социально-правовую прослойку «лучших людей», «могучих бондов» или «хольдов», составивших

основу будущего рыцарства — опоры королей в противовес местной знати.

Бонды Норвегии рассматривали введение постоянных налогов в соединении с ленной системой как «отнятие одаля» (приписывается королю Харальду Прекрасноволосому) — их исконной собственности, источника их полноправия. Владение одалем постепенно становится признаком «благородства». В это же время появляются и свободные бедняки, вливавшиеся в категорию «лишенных» — лёскеров (преимущественно выходцев из бывших трэлей). Они нанимались в батраки, либо арендовали землю у господина. Не обладая недвижимостью, такой поселянин не имел и полных прав даже в общине. Все же даже к концу XI в. основная масса бондов еще сохраняет землю и личную свободу.

Изменения претерпел и слой домашних рабов-трэлей. К середине XI в. этот слой включал несколько групп лично зависимых людей. Собственно трэли (в латиноязычных документах — сервы) были преимущественно челядью, дворовыми, состоявшими под началом зависимых же управляющих — брюти. Наряду с ними в господских имениях жили находившиеся, в личной поземельной и судебной зависимости крестьяне, наследники колонов — фостре, обязанные господину оброком и барщиной. В эпоху викингов слой фостре значительно разрастался, особенно в ходе внутренней колонизации, освоения новых земель (нуодлингов). Многие из них держали жилище без пашни, возможно, с огородом «участок с хижиной», зачастую оплачивая его промысловыми и ремесленными барщинами. Очевидно, что к XI в. за собирательным термином «трэли» в Скандинавии уже скрываются как домашние рабы, так и зависимые крестьяне, отдельные группы которых вполне сопоставимы с лично и поземельно-зависимыми западноевропейскими крестьянами того же времени. Без учета обширной прослойки трэлей и ее эволюции невозможно восстановить и понять историю феодально-зависимого крестьянства в странах Северной Европы. В частности, нет сомнений, что значительная широта сервиального слоя в северных странах эпохи викингов замедляла закабаление там свободного крестьянства. А особенности положения держателей-трэлей повлияли позднее на положение свободных срочных держателей в данном субрегионе — ландбу, складывание которых как отдельного слоя крестьянства началось к концу периода.

Таким образом, к концу раннего средневековья процесс формирования класса феодально-зависимого крестьянства в Скандинавии уже развернулся, а в Дании достиг заметных успехов. Бонды постепенно подпадали под централизованную государственную эксплуатацию, тогда как сеньориальная эксплуатация была еще развита слабо. Поэтому крестьянские антифеодальные движения в Северной Европе (как и в Англии) этого времени приобретали характер прежде всего антиправительственных мятежей, основной силой которых были свободные крестьяне, но нередко участвовала в них и родовая знать. Так, около 995 г. бонды Треннелага (Норвегия) выступили против своего правителя ярла Хакона, возмущенные его вымогательствами и нарушением их прав; ярл был убит своим рабом, бонды же приняли участие в выборах нового короля. В 1086 г., во время народного антиналогового восстания в Дании, был убит король Кнут (Святой).

Хотя к концу раннего средневековья в Скандинавских странах возобладал феодальный уклад, феодальные отношения в целом были далеки от завершения, сохранялись пережитки родоплеменного строя. Не сложился полностью класс феодально-зависимого крестьянства, значительной оставалась роль свободных землевладельцев — бондов и родовой знати, сохранялись пережитки большой семьи и многие родовые этико-правовые нормы, не развились вассально-ленные отношения. Не были упорядочены престолонаследие, государственный аппарат, армия, налоги.

Большую живучесть обнаружили языческие верования. В этот период ярко проявилось сочетание традиционных местных устоев с сильным, почти постоянным влиянием более феодализированной континентальной Европы, без учета которого развитие Северной Европы не может быть понято.

Ведущее место в развитии феодальных отношений принадлежало Дании. К концу эпохи викингов их развитие усилилось. В социальном отношении несколько отставала Швеция. Североевропейская архаичность оказалась закрепленной в Исландии. В Финляндии еще господствовал родоплеменной строй, она раздиралась борьбой между племенными союзами, что способствовало успехам первых «крестовых походов» шведов на финский берег (с середины XI в.).

* * *

Итак, социальная структура Северо-Западного региона к концу периода раннего средневековья была весьма пестрой. На преобладающей территории региона к концу периода заметно развился феодальный уклад: в Англии — в IX—XI вв., Скандинавских странах — с X—XI вв.

Одновременно со складыванием объединенных государств возникают народности и их диалекты — основы будущих скандинавских и британских языков. Однако генезис феодализма в странах региона к концу раннесредневекового периода оставался незавершенным, хотя и в разной степени: в Англии и Дании он был близок к завершению, в Швеции и Норвегии еще далек от него. В Ирландии, Шотландии, в финских землях этот процесс еще только начинался, в Исландии законсервировался на уровне племенной аристократической республики. Наряду с замедленностью процесса феодализации общими особенностями раннесредневековой истории Северо-Западного региона были: значительное (в Скандинавии — преобладающее) место централизованной государственной эксплуатации, в сравнении с частно-сеньориальной, и особенно большая роль государства в генезисе феодальных отношений.

Глава 8

ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Одним из самых больших государств раннесредневековой Европы было Древнерусское государство, или Киевская Русь. Возникшее на просторах Восточной Европы в результате объединения ряда восточнославянских княжеств и племенных союзов в IX в., это государство существовало как единое политическое целое на протяжении двух с половиной веков, играя огромную роль не только в Восточной Европе, но в истории Европы в целом, являясь связующим звеном между странами Европы и Востока.

Как известно, К. Маркс именовал Киевскую Русь «Империей Рюриковичей», сравнивая государство восточных славян с крупнейшим раннесредневековым государственным объединением Западной Европы — империей Карла Великого. Однако, в отличие от империи Карла Великого, распавшейся уже после смерти его сына Людовика Благочестивого (см. ч. I, гл. 3), Киевская Русь как политическое целое оказалась более долговечной, хотя, разумеется, и Древняя Русь, как всякое раннефеодальное государство, в ходе феодализации развивалась в направлении феодальной раздробленности. Одной из причин долговечности Древнерусского государства являлось то, что ядром его были главным образом вос-

точнославянские земли. Хотя в его состав входили и другие этносы, оно было более стабильным, нежели империя Каролингов, где ни один народ не составлял большинства.

О Киевской Руси существует огромная историография[1]. Одна из сложных и до сих пор не решенных проблем — происхождение славян, история их расселения, разделения на восточных, западных и южных, которые, в свою очередь, заложили основу современных славянских народов.

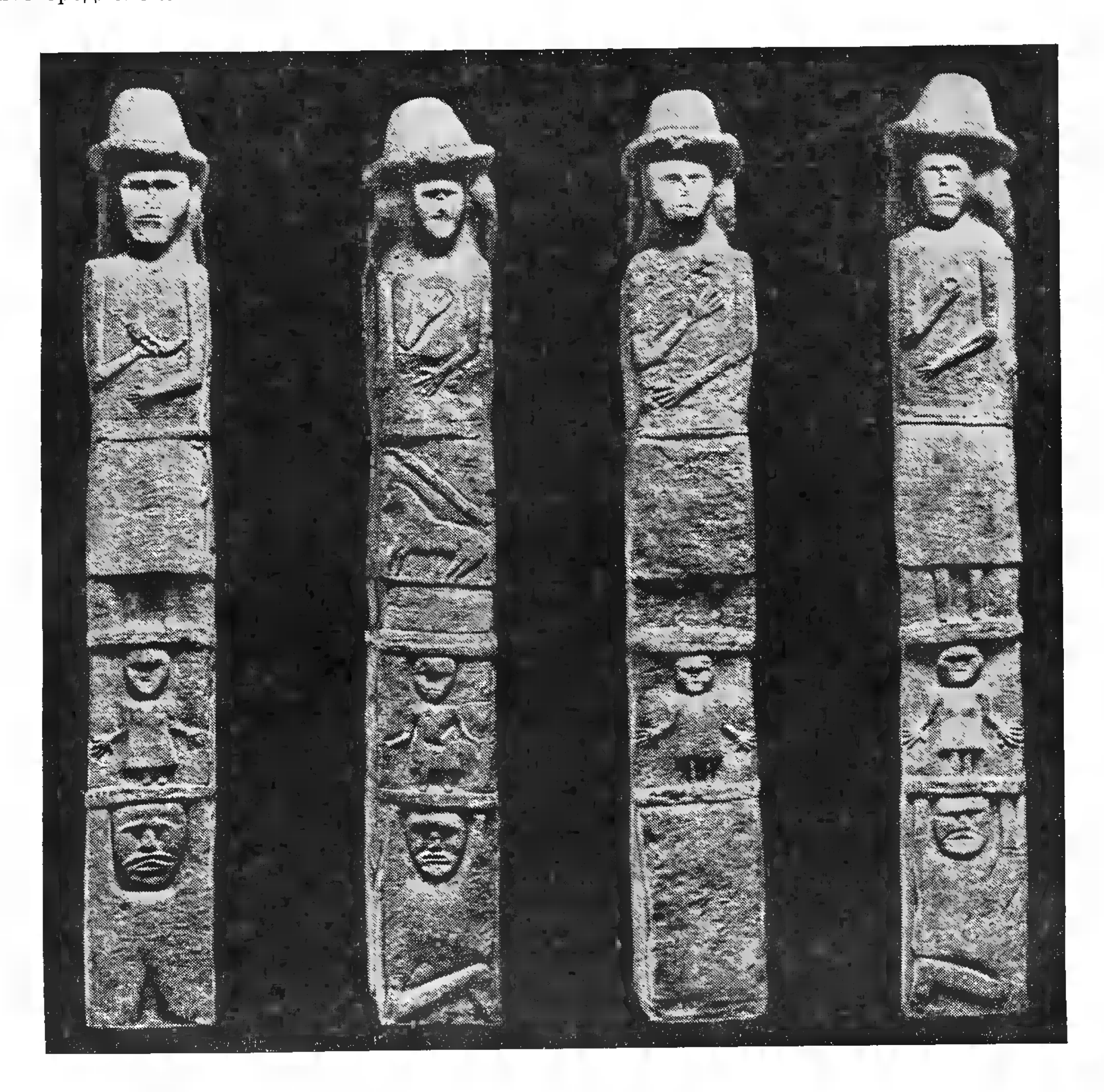
Славяне становятся значительной политической силой с конца V в., когда Византия сталкивается с ними на дунайской границе и когда славяне вместе со степными племенами, прорвав оборонительную линию греков по Дунаю, хлынули на Балканы. Сливаясь с более древним фракийским, иллирийским и иным населением этих мест, передав этим народам свой язык, славяне положили начало образованию южнославянских народов. Византийские источники, к сожалению, почти не дают известий о славянских областях Восточной Европы. Но общий комплекс письменных, археологических и лингвистических данных позволяет утверждать, что в VI—VII вв. славяне продвигались не только на юг, но и на восток, заложив основы племенных восточнославянских объединений. Уже византийские авторы VI в. делили славян на три группы: антов, венедов и склавинов. Можно полагать, что Антский племенной союз был преимущественно славянским, хотя включал и ряд неславянских племен юга Восточной Европы, позднее частично ассимилированных славянами. После VI в. само имя антов исчезает из источников.

Процесс разделения славян (или, правильнее, праславян) на восточных, западных и южных был длительным и завершился только к VIII в. К сожалению, в разноязычных источниках о Восточной Европе VI—VIII вв. сведений о славянах меньше, чем, скажем, о тюрках или аварах. Это объясняется опять-таки спецификой византийских источников (а они здесь доминируют), фиксировавших прежде всего события, связанные с внешней политикой империи. Ромейским императорам приходилось иметь дело с недолговечными, особенно опасными для империи объединениями кочевников (гунны, авары, болгары и др.), которые при своих передвижениях на юг и запад, к Дунаю и Карпатам, неизбежно вступали в военные конфликты с Византией (см. ч. I, гл. 6). Постоянные, но не столь остроконфликтные соприкосновения с пограничным славянским миром привлекали меньшее внимание византийских авторов.

Между тем к северу от Дуная в лесостепной и лесной зоне Восточной Европы консолидировались восточнославянские племена, племенные объединения, формировались зачатки государственности.

Восточные славяне не просто пришельцы на эту территорию, как порой принято думать. Двигаясь на восток, славянские племена претерпевали в принципе ту же эволюцию, что и на Балканах, ассимилировали более старое разноплеменное население территорий современных Украины, Белоруссии и России (балтское, иранское, затем финно-угорское и, возможно, частично фракийское и иное). Наиболее важную роль в процессе юго-восточной колонизации славян играл, по-видимому, их синтез со скифами, сарматами и др. народами преимущественно иранского происхождения, которые в течение предшествовавших не менее полутора тысяч лет были главными обитателями степного и частично лесостепного юга. Накануне страшного гуннского нашествия IV—V вв. на территории современной Украины и смежных областей существовала черняховская культура, носители которой достигли больших успехов в хозяйстве и по крайней мере находились на пороге государственности. Ныне доказано, что среди создателей черняховской культуры было несколько этнических

[1] См.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

Збручский идол. Изображения божеств славянского языческого пантеона. Русь. Камень. IX в.

групп, в том числе, вероятно, и праславяне (на северо-западе). Но главную роль, по-видимому, играло здесь ираноязычное население, потомки скифов и сарматов, в значительной мере уже перешедших к земледелию.

Гунны уничтожили черняховскую культуру, но какая-то часть населения уцелела и позже слилась со славянами. Вероятно, именно от нее у юго-восточных славянских племен (полян, северян) сохранились реликты иранской лексики, а также иранские по происхождению и названиям божества восточнославянского языческого пантеона (Хорс, Симаргл, Вий и другие).

К сожалению, письменные источники, лингвистические и археологические данные почти ничего не говорят о конкретном ходе славянского продвижения на восток, не дают его хронологии. Некоторые восточные известия позволяют локализовать славян в VIII в. где-то на Дону (или на Северском Донце).

Картина расселения восточнославянских племен накануне образования Древнерусского государства до сих пор воссоздается преимущественно по данным древнерусских летописей, хотя записаны эти данные не ранее XI в., когда сами племена или племенные союзы уже исчезли,

слившись в единую древнерусскую народность. Правда, «Повесть временных лет» знает не только племена, реально относимые к IX—X вв., но и ряд восточнославянских племен, некогда известных. но затем оттесненных кочевниками или даже исчезнувших (уличи, тиверцы). Кроме этих «племен», летопись называет волынян (дулебов), белых хорватов, полян, северян, дреговичей, древлян, радимичей, кривичей, вятичей и славян ильменских. Дополнить этот список трудно.

Чрезвычайно сложен и до конца не решен, несмотря на огромную литературу, вопрос о происхождении термина Русь. Ряд ученых доказывали исконно южную его этимологию, однако более убедительна теория северного происхождения этого термина.

Основная проблема, разумеется, не в происхождении того или иного термина. Уже более двух столетий идет борьба между норманистами и антинорманистами. Старая, «классическая» норманистика сводилась к тому, что государственность и вообще цивилизация были принесены восточным славянам, племенам, по мнению норманистов, диким и неспособным к самостоятельному развитию, «культуртрегерами»-скандинавами. В подтверждение этого развивались теории о широкой скандинавской колонизации в Восточной Европе, сыгравшей доминирующую роль в складывании древнерусской государственности. В нашем столетии ряд историков и лингвистов, стоявших на позициях пантюркизма, наоборот, преувеличивали роль тюркских народов, хотя, разумеется, отрицать, например, историческое значение Хазарского государства, оснований нет.

Советские ученые, руководствуясь марксистско-ленинской теорией происхождения государства, заново проанализировали все виды источников и доказали, что Древнерусское государство возникло на основе прежде всего внутреннего развития восточнославянского мира как результат определенных и закономерных социальных и хозяйственных сдвигов в ходе генезиса классового общества.

Известные внешние влияния, разумеется, имели место, но решающей роли в складывании древнерусской государственности они не играли. Более того, советские скандинависты показали, что классовое общество и государство в Швеции и Норвегии сложилось позже, чем на Руси (см. ч. I, гл. 7), а потому никак не могли повлиять на формирование Киевского государства. Разумеется, скандинавы (викинги или варяги) в Восточной Европе были. Вероятно, некоторые из них, вступая в соглашение с местной славянской знатью, захватывали власть в отдельных восточнославянских землях. Но, становясь славянскими князьями, они оказывались в теснейшей связи с местной знатью и отражали ее интересы, а сами быстро теряли свой этнический облик, язык, ославянивались.

В период, предшествующий образованию у восточных славян классов и государства, их племена, расселяясь на обширной территории Восточной Европы, оседали в местах, различавшихся по географическим условиям. Можно наметить две главные зоны их расселения. Во-первых, лесостепной (а частично в известное время и пограничный степной) юг. Во-вторых, лесистые и болотистые зоны современных Северо-Западной Украины, Белоруссии и прилегающих районов. Северо-западные территории Украины и часть Белоруссии являлись древнейшим районом обитания славян. Основным занятием восточных славян в I тысячелетии нашей эры было земледелие, более развитое на юге, где имелась очень древняя традиция обработки земли, восходящая еще к античным временам. В более северных областях условия для земледелия были хуже, а на самом севере население никогда не могло себя обеспечить собственным хлебом и зависело в этом отношении от других русских земель. Стабильная оседлость и господство земледельческого хозяйства вызвали к жизни у восточных славян земледельческую общину (на севере «мир», на юге «вервь»), которая надолго стала основной первичной организацией вос-

точнославянского общества. Эта община не была неизменна и, очевидно, имела конкретные особенности в отдельных восточнославянских землях. Известная совокупность таких общин составляла «землю», в которой уже стала обособляться государственная власть, в ее функции входило улаживание общинных вопросов, а также оборона от соседей — на севере от набегов скандинавских дружин, на юге от разного рода кочевников (см. ч. I, гл. 7). О последних для VIII—IX вв. есть довольно подробные известия восточных авторов и русской летописи.

Имеются некоторые данные о том, как конкретно формировались местные восточнославянские княжества. В древнерусских летописях применительно к IX—X вв. говорится о племенных княжествах, о местных князьях. Возможно, появились они раньше. Для Киева, например, существует сказание о Кие, легендарном основателе города. Известны местные князья у древлян, дреговичей, полочан. Таким образом, уже в IX в. у восточных славян было несколько княжеств. Их точная территория, а также политический статус нам неизвестны.

Будучи сравнительно небольшими политическими объединениями, эти княжества часто не ладили друг с другом. Подвергались они и внешним нападениям: на севере в VIII—IX вв. набегам норманнов, на юге — аваров. Восточные источники сообщают о войнах с кочевыми мадьярскими племенами, которые около 30-х годов IX в. временно обосновались в южных степях (Ателькузу) между Днепром и Днестром. Наконец, восточным славянам приходилось иметь дело с крупнейшим в VII—IX вв. аполитическим объединением Восточной Европы Хазарским каганатом. Правда, эта держава с середины VIII в. стала терять свою силу (см. ч. I, гл. 9). В связи с этим византийцы, до того противники хазар, в 837 г. построили по просьбе последних крепость Саркел (Белую Вежу) на Дону. В то же время русская летопись сообщает, что хазарам подчинялись некоторые восточнославянские племена, в том числе и самое сильное — поляне.

Внешняя опасность, таким образом, была одной из причин (хотя и не главной), способствовавших объединению восточнославянских племен и княжеств в единое государство. Процесс этот был длительным и можно определить лишь его отдельные, преимущественно последние, этапы. Наиболее крупными восточнославянскими объединениями IX в. были киевское и новгородское. Кроме легенды о Кие и его братьях, а также указаний на подчинение полян хазарам, в нашем распоряжении практически нет фактов о киевской истории до слияния этого центра с другим, расположенным в земле ильменских славян. Поздняя традиция указывает в качестве центра последних Новгород, но в IX в. этого города еще не было, зато само название позволяет утверждать, что там был какой-то другой, более старый центр. Очевидно, именно о нем говорят арабские источники, именуя его Славией. Во всяком случае, первоначально процесс объединения восточнославянских центров происходил при ведущей роли этих двух местных объединений. Поздняя летописная традиция отдает в одних случаях предпочтение Киеву, в других — Новгороду. Вероятно, это результат возникшего позже (в XII в.) соперничества между киевскими и новгородскими летописаниями.

Эрудированный арабский историк и географ IX в. ал-Йакуби, описывая восстание кавказского племени санаров (цанаров) против арабских властей в 50-х годах IX в., отмечал, что восставшие горцы обратились за помощью к трем государям: хазарскому кагану, византийскому императору и некоему «сахиб ас-сакалиба». В последнем есть определенные основания видеть киевского князя.

Согласно древнерусским летописям, инициатором объединения южнорусских и северорусских земель был новгородский князь Олег, который, спустившись по Днепру, овладел Киевом, убил княживших там Асколь-

да и Дира и остался в Киеве, сделав его центром своей державы. Объединение восточнославянских земель в процессе классообразования и зарождения государственности заняло в целом более столетия. Первоначальное же ядро Древнерусской державы складывалось вдоль одной из крупнейших торговых артерий Восточной Европы, именуемой «путем из варяг в греки». Он шел через землю ильменских славян и затем по Днепру через Смоленск, Киев и некоторые другие торговые центры, ставшие уже в IX (или X) в. городами, и связывал Балтику с Черным морем и Византией. Существовал и другой важный торговый путь из Балтики в страны Востока — по Волге и Каспию. Он отмечен восточными источниками, а также многочисленными находками кладов арабских дирхемов (серебряных монет), большая часть которых обнаруживается как раз в северных областях.

Древнерусские купцы хорошо знали этот путь. В 921—922 гг. в Булгаре на Волге их видел арабский путешественник Ибн Фадлан. Из более ранних арабских источников известен и другой путь, скорее всего из южных восточнославянских земель через хазарские владения на Северном Кавказе и переволоку на Волгу. Можно полагать, что в IX в. он был не менее важен, чем волжский. Путь по Волге, однако, проходил через места расселения разных поволжских народов, а также через земли Хазарского государства, через булгар. А вот «путь из варяг в греки» пролегал главным образом по восточнославянской территории и подчинение его киевскому князю было жизненной необходимостью в условиях, когда господствующий класс Руси только формировался. Ведь одним из источников его существования были военные походы против соседей и торговля с ними. Роль последней на раннем этапе существования Древнерусского государства, разумеется, нельзя преувеличивать, но ею нельзя и пренебрегать, тем более что раннеклассовые общества вообще были непрочны из-за слабости экономических связей.

КИЕВСКАЯ РУСЬ В X—20-х ГОДАХ XII В.

Историю Древнерусского государства можно разделить на три периода. Первый из них — это время довольно длительного «собирания» восточнославянских земель. Он растянулся с 80-х годов IX в. почти до конца X, когда при Владимире I были окончательно присоединены радимичи и вятичи, а также Червонная Русь. Второй период — это время существования единого или относительно единого Киевского раннефеодального государства, приблизительно со времени Владимира I до 20-х годов XII в., когда оно окончательно распалось на независимые княжества. И, наконец, третий период — господство феодальной раздробленности — от 20-х годов XII в. до монгольских нашествий 30—40-х годов XIII в., соответствующий начальному этапу развитого феодализма.

После завершения дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов в отечественной науке победила точка зрения Б. Д. Грекова, согласно которой отрицалось наличие у восточных славян рабовладельческой формации, время Киевской Руси считалось периодом генезиса феодализма. Эта точка зрения и теперь преобладает. Однако в наши дни ряд исследователей обратили внимание на необходимость изучения роли рабства в Древнерусском государстве, по крайней мере как уклада[2]; с другой стороны, в отдельных работах без достаточных оснований даже утверждается, что Киевская Русь, по крайней мере на ранних этапах своего развития, была рабовладельческим обществом[3]. Наконец, в трудах

[2] См.: *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973.

[3] *Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ. Минск, 1970; История древнего мира. М., 1982. Т. III. С. 12.

И. Я. Фроянова вообще отрицается классовый характер общества Киевской Руси, которое приравнивается к племенным объединениям типа военной демократии [4], что весьма спорно.

Если ученых-марксистов больше всего занимают проблемы общественного строя Древней Руси, специфики ее классовой структуры, земельной собственности, то зарубежные авторы чаще всего по-прежнему вращаются в круге этнополитических проблем, решая вопрос о том, кто из соседей, ближних или дальних, сыграл бóльшую роль в образовании Киевского государства.

С точки зрения большинства советских историков, Древнерусское государство на первом этапе его развития можно рассматривать как типично раннеклассовое. По-видимому, основная часть населения состояла из свободных земледельцев, и каждая земля представляла систему сельских общин, которые, однако, все больше попадали под суверенитет складывающегося государства, постепенно втягиваясь в зависимость раннефеодального типа. Существовали и рабы (челядь, холопы). Из иностранных, особенно восточных, источников мы знаем, что из стран Восточной Европы, в том числе из славянских, в IX—X вв. вывозилось большое число рабов. При этом продавались они и в страны более экономически развитые, где их могли использовать в домашнем хозяйстве, в войске (в Багдадском и Кордовском халифатах) и т. д. Уже это показывает, что у самих восточных славян рабство не достигло большого развития. Во всяком случае, у нас нет данных о сколько-нибудь активном использовании рабского труда на Руси в сельскохозяйственном производстве, что опровергает теорию о рабовладельческом характере Древнерусского государства. В IX — первой половине X в. это было государственное объединение, непрерывно расширявшееся прежде всего за счет присоединения славянских, а позже и других земель. В одних случаях речь шла об утверждении власти Киева в землях, где некоторое время оставались и свои князья, ставшие зависимыми от Киева (например, у древлян). В других случаях славянские территории отторгались у соседних государств (например, страна вятичей у хазар).

Во главе Киевского государства стоял князь, который именовался Великим, поскольку на местах существовали и другие зависимые от него князья. Киевский князь уже в IX в., желая подчеркнуть свою силу и значение в пределах Восточной Европы, а также независимость Киева, принял тюркский титул хакана (кагана) (соответствующий европейскому титулу императора), подчеркивая этим свое равенство с ранее доминировавшим в Восточной Европе хазарским каганом.

Великий князь не был, однако, самодержцем в буквальном смысле слова. Он управлял от имени своих ближайших родственников и ближайшего окружения — крупного боярства, формировавшегося из верхушки княжеской дружины и знати города Киева. Эта дружина состояла из очень разноплеменного люда: там были (судя по именам, перечисленным в договорах Олега и Игоря с греками) скандинавы, иранцы, тюрки, балты. Скорее всего, речь должна идти о дружинной верхушке. Именно она вместе с местной знатью, прежде всего киевской, стала основой класса феодалов в Киевской Руси.

Для первого периода истории Киевской Руси о таком классе говорить, по-видимому, еще рано. В этот период основной опорой киевского князя была дружина. Материальной основой ее существования в IX — первой половине X в. были, с одной стороны, военные походы и связанные с ними грабежи и торговля, с другой — так называемое «полюдье».

[4] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; *Он же.* Киевская Русь. Л., 1981.

Известия о нем содержатся в «Повести временных лет», у Константина Багрянородного и у восточных авторов (Ибн Руста и др.).

Судя по этим данным, полюдье представляло регулярный, упорядоченный (очевидно, обычным правом и конкретными договорами) сбор дани в пользу княжеской дружины или дружины его приближенных. Собиралась эта дань натурой (мехами, медом, воском, рабами и т. д.) и потом сбывалась во время походов в чужие страны. Перед нами очень архаичная форма даннических отношений, свойственная самым ранним этапам существования государства. Не случайно полюдье, по-видимому, исчезает, по крайней мере для центральных земель, в середине X в., когда оно заменяется ранними формами налога.

Великому князю русскому подчинялись другие князья, до середины X в., очевидно,— местные владетели, признавшие власть Киева. Впрочем, так было далеко не всюду. Новгород в X в., вероятно, был уделом наследника великого князя — там сидел, например, Святослав, сын Игоря. Это определялось, очевидно, особой ролью Новгородской земли как второй по значению области Древнерусского государства. Великокняжеская власть вела борьбу с местным сепаратизмом, стремясь ликвидировать локальные княжества. Как эта борьба конкретно протекала, мы знаем лишь в отдельных случаях. Наиболее известен пример с древлянами, о которых в летописи много данных из-за убийства там князя Игоря и мести древлянам его жены княгини Ольги.

О древнерусском праве и судопроизводстве ранней поры данных немного. «Повесть временных лет» упоминает «Закон русский», который, скорее всего, подразумевает для X в. обычное право полян, которым руководствовались великие князья и их дружина.

Больше всего в нашем распоряжении сведений о внешней политике Древней Руси, которая имела две основные цели. Первая — объединение под властью Киева всех восточнославянских земель. Вторая — далекие заморские походы киевских князей. Но Древняя Русь — государство, хотя и находившееся на раннем этапе своего развития, уже испытывало необходимость контактов с другими странами и активно участвовало в международных отношениях и дипломатии той поры [5], которые, разумеется, в раннее средневековье носили еще относительно локальный характер, и сама их сущность, формы дипломатических связей были совсем иными, чем в новое время (см. ч. III, гл. 3).

Для периода IX — 70-х годов X в. можно указать два основных направления древнерусской внешней политики. Первое — Византия, второе — Восток, прежде всего Хазарский каганат, затем — ряд стран Передней Азии, куда русы по разным причинам совершали в IX—X вв. свои походы. При этом нельзя не отметить, что если о русско-византийских отношениях имеется информация от обеих участвовавших сторон, то русско-восточные связи почти исключительно освещаются восточными источниками. Дело, очевидно, в том, что русские летописцы XI—XII вв.— монахи-христиане — стремились осветить особенно подробно связи с христианской Византией.

Ранние походы русов на Византию 60-х годов IX в. по сути дела только упоминаются источниками (византийскими и русскими). Первые рассматривали их как набеги сильных и опасных варваров; по русским летописям, эти походы совершили киевские князья Аскольд и Дир (РЕ.Р. 178; ПВЛ. Т. 1. С. 18—19).

Гораздо более основательная информация имеется о походах Олега, завершившихся договорами 907 и 911 гг. (ПСРЛ. Т. I. С. 29—42). В составе древнейшей русской летописи дошли договоры Олега с греками.

[5] См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

Из них и прочего летописного текста мы знаем, что походы были для киевского князя удачны и договоры предусматривали ряд льгот и привилегий для русских купцов в Константинополе. Следовательно, одной из целей этих походов было обеспечение выгодных условий для русских торговцев в Византии. Но походы эти имели и чисто политический смысл. Вслед за походами Олега на Константинополь русские дружины появляются и на Каспийском море. Первый поход русов в этом направлении, датированный 60—80-ми годами IX в., упоминается в одном позднем (начала XIII в.) персидском источнике [6]. Но есть некоторые основания сомневаться в реальности этого похода. А вот поход 909 г. подробно описан несколькими восточными авторами, в том числе одним современником — ал-Масуди (ум. 956 г.). Если принять эту дату похода (909 г.), то получается, что он имел место вскоре после похода 907 г. на Византию. Это дает основания предположить, что поход был как-то связан с русско-византийскими отношениями, а также с восточной политикой империи, которая находилась во враждебных отношениях с Арабским халифатом и его вассалами в Прикаспии. Но пройти на Каспий русские дружины могли только через владения Хазарии, которая в ту пору, хотя уже и клонилась к упадку, но все еще держала под своим контролем Великий Волжский путь.

Поход русских дружин на Каспий закончился неудачей. Хазарский каган сначала разрешил русским пройти через Атиль на Каспий, а затем позволил своей мусульманской гвардии устроить возвращавшимся с большими потерями русским дружинам засаду в устье Волги. Но поход уже ясно показал слабость центральной власти в Хазарии.

Восточная политика Древней Руси имела в определенном смысле бо́льшее значение, чем походы на Византию, так как имела целью окончательное освобождение ряда восточнославянских земель, в частности земли вятичей, от хазарской зависимости, в которой они находились до 60-х годов X в. В последние годы своего правления киевский князь Игорь снова совершил поход на Византию (941 г.), хотя Русь находилась с ней в союзе.

Арабские и армянские источники отмечают совершенный через четыре года поход русских дружин в Закавказье, завершившийся взятием крупнейшего закавказского города Бердаа и попыткой проникнуть на юг в сторону озера Урмия. Исследователи находят и тут связь с русско-византийским договором князя Игоря. На сей раз, очевидно, согласие ослабленного хазарского кагана на проход к Каспию не было необходимым.

Жена и наследница Игоря княгиня Ольга все время поддерживала дружественные отношения с Византией. Это проявилось не только в принятии Ольгой христианства и в поездке княгини в Константинополь, но и в наличии там постоянных русских воинских контингентов, которые сражались вместе с византийскими войсками против арабов.

Возможно, этот разрыв с политикой предшественников привел к тому, что сын Игоря и Ольги Святослав в конечном счете отстранил мать от власти и стал у руля правления. Внешняя политика Святослава была направлена, с одной стороны, на юг — против Болгарии и Византии, с другой — на восток, против хазар. Вначале киевский князь выступал как союзник империи на Балканах против болгар, но затем вступил с Византией в конфликт, который закончился его поражением и гибелью при возвращении на Русь от рук печенегов. Иными были результаты его восточной политики. В итоге походов (предположительно двух) Святослав не только освободил от хазарской зависимости вятичей, но и разгро-

[6] *Ибн-Исфендийар.* Тарих-е Табаристан. Тегеран, 1941. (На перс. яз.).

мил Хазарский каганат и уничтожил его как государство [7]. Русь стала теперь главной политической силой в Восточной Европе.

К сожалению, сохранилось мало данных о социальной политике времен Ольги и Святослава. А между тем, очевидно, в эту пору на Руси происходили серьезные изменения. Прежде всего исчезает полюдье как основной источник внутренних доходов киевских князей и их дружины. Согласно «Повести временных лет», Ольга упорядочила и регламентировала сбор дани, создав на местах княжеские опорные пункты, «уставляющи уставы и уроки... места и погосты» (ПЛДР. С. 74).

После смерти Святослава между его сыновьями началась борьба за верховную власть. Здесь мы сталкиваемся с фактом, ранее неизвестным на Руси: разделом государства между сыновьями Великого князя. Владимир I получил Новгород и, опираясь на новгородцев и варягов, затем победил своих братьев и стал Великим князем в Киеве.

Его внутренняя и внешняя политика отличалась от отцовской. Больших войн с соседями он не вел. Военные конфликты с Польшей за Червонную Русь, поход на Корсунь и столкновения с болгарами не идут в сравнение с войнами Святослава. На это были свои причины: восточнославянские земли в основном уже были объединены, политика же дальних походов себя не оправдывала. К тому же и внутри государства назрели определенные изменения, которые надо было закрепить и зафиксировать в законодательном порядке. Важнейшими здесь были религиозные реформы Владимира. Их было две. Первая сводилась к тому, что Владимир отобрал из огромного языческого пантеона Древней Руси несколько главных божеств, среди которых выделялись Перун, покровитель княжеской дружины, а также божества южных восточнославянских областей. Эта реформа, однако, оказалась недостаточной, поскольку для раннефеодального государства, каким было тогда Киевское, требовалось уже утверждение полностью монотеистической религии, лучше всего освящавшей власть великого князя. Таких религий в Киеве знали три: христианство, ислам, иудаизм. Известная легенда «об испытании вер» киевским князем, возможно, имеет какую-то реальную основу, хотя у Владимира не было никаких намерений принять иудаизм, в ту пору не господствовавший ни в одном государстве. Можно полагать, что относительно ислама дело обстояло сложнее [8]. Очевидно, усиление Византии в это время сделало христианство наиболее предпочтительным. Князь и его дружина приняли христианство в 988 г. Новая религия отвечала интересам феодализировавшейся знати и дружинников, а также потребностям социального строя, который утверждался в качестве господствующего в Древней Руси. Принятие христианства из Византии не привело к политическому и даже в полной мере религиозному подчинению ей Руси. Правда, епископы, а затем митрополиты, как правило, до XIII в. были греками, однако они полностью зависели от киевского князя. Приняв христианство, Владимир добился брака с сестрой византийских императоров Анной, что было свидетельством высокого международного престижа Древней Руси.

Утверждение христианства на Руси в качестве государственной религии оказало большое влияние на разные сферы общественной и духовной жизни страны. Ускорилось изживание местных, племенных различий в отдельных областях Руси и формирование древнерусской народности с единым языком, культурой, этническим самосознанием. Ликвидация местных языческих культов также способствовала дальнейшей этнической консолидации, хотя различия в этой сфере продолжали сохраняться и обнаружили себя позже, когда в период феодальной раздробленности,

[7] *Ибн Хаукаль.* Китаб сурат ал ард. Лейден, 1939. Т. I. С. 15. (На араб. яз.).
[8] *Новосельцев А. П.* Киевская Русь и Восток // Вопросы истории. 1983. № 5.

усугубленной татаро-монгольским нашествием, отдельные части Руси обособились друг от друга или попали под власть иноземных завоевателей.

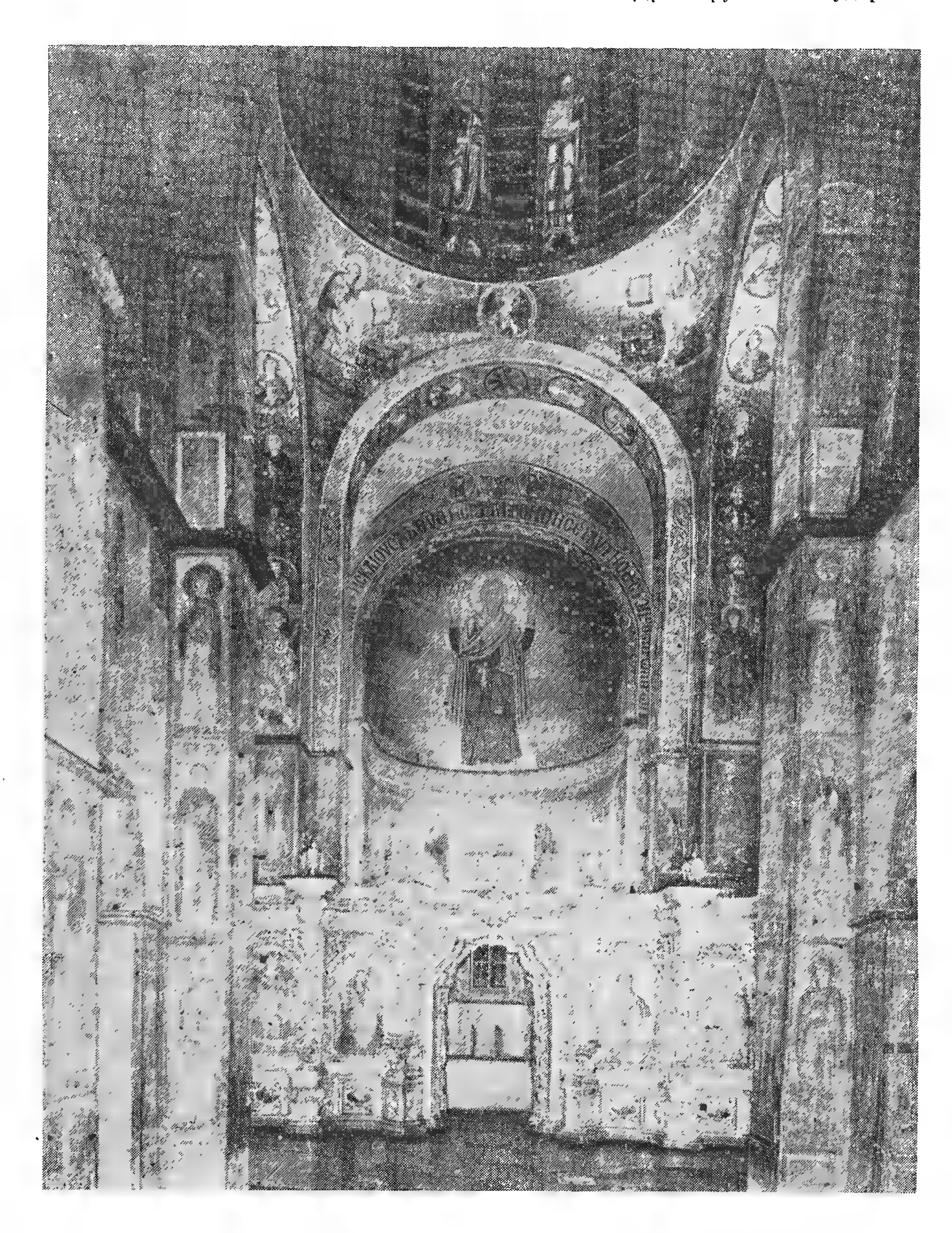
Утверждение монотеистической религии способствовало укреплению великокняжеской власти, ликвидации «дофеодальной раздробленности», присущей Руси вплоть до конца X в., когда в ряде восточнославянских земель существовали собственные князья под эгидой Киева.

Несомненны определенные положительные последствия христианизации и в сфере социально-экономической. После возникновения церковной земельной собственности, сменившей первоначальную десятину, появилась и частная (боярская) земельная собственность. Распространение на Руси норм византийского права также стимулировало формирование феодальных отношений, поляризацию отдельных социальных групп, слоев и т. д.

С принятием христианства на Руси возникла и литература. Славянская письменность появилась в Киеве и других русских центрах раньше, но вплоть до конца X в. широкого распространения она, по-видимому, не получила. И лишь в XI в., главным образом со времени Ярослава Мудрого, возникает древнерусская литература, сначала переводная, а затем оригинальная. И здесь роль христианской церкви была велика. Насколько известно, все ранние древнерусские писатели происходили из церковной среды, тесно связанной с Византией и Болгарией. Древнерусское летописание, возникшее, очевидно, также при Ярославе Мудром, наряду с местными фольклорными и частично документальными источниками опиралось и на византийскую историографию с ее многовековой традицией, восходящей в античной эпохе.

В то же время именно в области культуры с принятием христианства связаны и отдельные негативные моменты. Речь прежде всего должна идти о народном творчестве, восточнославянском эпосе языческой поры. Даже та информация (далеко не полная), которой мы располагаем, позволяет заключить, что устная словесность Древней Руси дохристианского времени была богатой и многообразной. Это подтверждают ее образцы, вошедшие в древнейшие летописные своды. Однако есть основания утверждать, что на практике народная литература была много богаче. И в том, что ее значительная часть утрачена, не попала на пергамент и бумагу, определенная вина церковных кругов, которые, естественно, отрицали языческую культуру и, как могли, боролись с ее проявлениями.

Если самому Владимиру I удалось помешать разделению Русской земли, на которое пошел его отец, то в правление его сыновей эта практика постепенно утверждается. Смерть Владимира I в 1015 г. совпала с очередным кризисом в княжеском роду: Великий князь готовился в это время к походу против своего сына Ярослава, правившего в Новгороде. Дело в том, что Владимир сам вынужден был разделить Киевскую Русь между своим многочисленным потомством, и его сыновья начали междоусобную борьбу еще при жизни отца. После его кончины в течение четырех лет продолжалась усобица, в которой приняли участие Польша (на стороне старшего Владимировича, правившего Киевом Святополка), варяги (поддержавшие по традиции новгородского князя Ярослава), печенеги и другие соседи. Победил Ярослав по прозвищу «Мудрый», в чем, вероятно, немалую роль сыграла поддержка церкви, которая выступила против Святополка, опиравшегося на католическую Польшу. Но Ярославу сначала не удалось на практике управлять всей Русью. Кроме полоцкой земли, отделившейся еще при Владимире, до 1036 г. вне власти Киева оказались восточные (Чернигов, Тмутаракань и др.), где утвердился брат Ярослава Мстислав. Лишь в 1036 г. земли Мстислава, скончавшегося бездетным, были присоединены к Киеву.

Софийский собор в Киеве. Интерьер. XI в.

Тем не менее говорить о раздробленности Киевской Руси при Ярославе нельзя. Последние восемнадцать лет Ярослав Мудрый властвовал над всей Русью. Он проводил независимую политику в отношении соседей, хотя как осторожный и умный правитель больше действовал не военной силой, но с помощью брачных контактов с правящими домами Европы (Византии, Франции, Германии, Скандинавских стран). Хотя его поход против Византии в 1043 г. окончился неудачей, Ярослав укрепил независимость страны от посягательств империи, в частности назначив митрополитом не грека, как повелось, а русского Иллариона (1051 г.). Этим актом князь поднял престиж и русской церкви, и княжеской власти.

После смерти Ярослава (1054 г.) Русь, хотя формально и сохраняла единство, практически была временно разделена на три части между его сыновьями — Изяславом, Святославом и Всеволодом. Кроме того, в Полоцке правили потомки Изяслава Владимировича. В этом проявились ростки будущей политической раздробленности Руси. Один из Ярославичей — первоначально старший Изяслав — являлся Великим князем, т. е. верховным главой других русских княжеств, которые обязаны были ему подчиняться. Уже в третьей четверти XI в. между братьями началась борьба за киевский стол. Положение осложнялось и внешнеполитическими изменениями. В середине XI в. печенеги были вытеснены из южных степей новыми кочевыми племенами — половцами (кыпчаками или куманами). Огромная Кыпчакская степь простиралась от Алтая до Дуная. Ближайшим к Руси из многих кыпчакских племенных союзов были половцы. Раздел Руси между сыновьями Ярослава изменил ситуацию. Братья не жили дружно, и даже их совместное выступление против половцев в 1068 г. закончилось поражением на реке Альте. Оно привело к народному восстанию в Киеве и к смене великого князя. Отныне половцы стали играть все большую роль в русских делах, и эта роль возрастала с углублением процесса раздробления Киевской Руси.

Остановимся на кардинальных вопросах внутренней истории Древней Руси XI—XII вв., которые, собственно, и объясняют возникновение феодальной раздробленности. Объединение восточнославянских земель под эгидой Киева было закономерным процессом, связанным с зарождением феодальных отношений и возникновением раннефеодального государства. Но государства этого типа, как известно, не отличаются внутренней прочностью. Дальнейшее развитие феодальных отношений, прежде всего крупной феодальной земельной собственности, неизбежно ведет к распаду таких политических объединений (см. ч. I, гл. 1). Киевская Русь, хотя и оказалась долговечнее большинства аналогичных государственных объединений, все же была обречена на переход к феодальной раздробленности.

Для этого были экономические, социальные и этнические причины. Начнем с последних. Объединение восточнославянских племен и земель в единое государство привело к постепенному оформлению древнерусской народности и древнерусского литературного языка и культуры. Этот факт имел огромное значение в жизни восточного славянства и в его дальнейших судьбах. Но местные особенности и различия не были полностью преодолены, в том числе в языке, быту и т. д. Изменения в политической истории, имевшие место в XIII—XV вв., способствовали не только оживлению этих местных черт, но и еще большему обособлению отдельных областей Древней Руси, что вкупе с рядом экономических и социальных факторов и привело затем к разделению единой древнерусской народности на великороссов, украинцев, белорусов (см. ч. II, гл. 8).

В основе социально-экономических предпосылок развития феодальной раздробленности на Руси лежал процесс феодализации — рост феодальной земельной собственности и складывание классов феодалов и зависимых крестьян. Формирование крупной земельной собственности на Руси в IX—XII вв. шло сложным путем. В IX—X вв. оно происходило путем «окняжения» ранее общенародных общинных земель, которое делало живших там свободных общинников — «людей» — зависимыми от князя «смердами», платившими ему подати (т. е. подвергавшимися государственной эксплуатации). Затем великие князья стали раздавать «окняженные» земли зависевшим от них местным князьям, боярам, монастырям сначала в форме своего рода столов-«кормлений» (права сбора податей с определенной территории), а затем и в виде земельных пожалований. Из тех и других в XI в. формировались уже феодальные вотчины — на-

следственные земельные владения феодалов, обрабатывавшиеся трудом зависимых крестьян. Хотя точных данных о формах эксплуатации нет, преобладала, видимо, государственная эксплуатация. Существовали и иные группы крестьянского населения: «челядь», «холопы», т. е. рабы; «изгои», оторвавшиеся от своих общин и жившие в чужих; «закупы» — люди, попавшие в долговую кабалу и работавшие в хозяйстве в качестве земледельцев до выплаты ссуды. Появление «изгоев» и «закупов» свидетельствует о наличии расслоения в старой свободной общине и создании категорий крестьян, вынужденных вступать в поземельную зависимость не от государства, а от частных господ.

Параллельно складывались и формы древнерусской феодальной иерархии, характерной для всех стран в периоды феодальной раздробленности. Эти формы во многом отличались от «классических» западноевропейских: в основе вассалитета здесь лежало не столько условное земельное держание, сколько подчинение «младших» князей «старшим» по силе и могуществу, а бояр — великому князю и князьям в каждом княжестве. В XII в. в отдельных княжествах на землю сажается часть дружины и слуг княжеского «двора», составившие основу будущего слоя дворян и «детей боярских», т. е. низшее звено феодальной иерархии. Структура ее оставалась, однако, менее четкой и многоступенчатой, чем в Западной Европе. На этом более высоком уровне феодализации политическая раздробленность Древнерусского государства была закономерной и вела к укреплению его функций в интересах отдельных земель, местных бояр, городов, дворян. Вместе с тем она делала Русь более уязвимой для внешних врагов. Боярство формировалось из верхушки княжеской дружины, в меньшей степени местной знати, и делилось на «столичное» (великокняжеское) и «провинциальное» (областное). Роль боярства была неодинакова в разных древнерусских землях. Наиболее значительна она была в Новгороде, Галицко-Волынской Руси.

В Киевской Руси большую роль играли города, которых к середине XIII в. было около 150. Наиболее значительные древнерусские города XI—XII вв. не уступали западноевропейским, а столица Киев по числу жителей и размерам превосходила большинство из них. В городах процветали ремесла, купечество вело активную торговлю со многими странами Западной Европы и Востока, с Византией. Особенно выделялись Киев и Новгород. Через Киев, а также Чернигов велась сухопутная торговля с немецкими городами Рейнской области и Баварии, Чехии и Польши. Новгород имел обширные морские торговые связи с Северной Европой. Древнерусский город XI—XII вв. представлял собой своеобразный социальный организм. В большинстве городов были некоторые элементы самоуправления, а Новгород и Псков стали самостоятельными городскими республиками. В отличие от Западной Европы, где города в средние века возникали в противовес феодальной вотчине и развивались в борьбе с феодальными сеньорами, русский город всегда сохранял тесную связь с феодалами и их сельскими владениями. Отсюда та большая роль, которую играло в городах, в том числе в Новгороде, боярство, экономическая сила которого черпалась в основном, однако, вне города. Поэтому и в древнерусских республиках типа Новгородской, при всей силе купечества и верхушки ремесленников, главную политическую роль играло боярство, само тесно связанное с торговлей и купеческой верхушкой; фактически оно стояло у власти в городах.

Таким образом, древнерусское общество и государство с конца X — начала XI в. становилось уже раннефеодальным и никак не может рассматриваться как военная демократия.

В зарубежной историографии и по сей день бытует точка зрения о народовластии на Руси, осуществлявшемся вечем — народным собранием. На деле вече, которое генетически действительно восходит к народному

собранию древних славян, в XI—XII вв. даже в Новгороде было уже покорным орудием в руках тех же бояр и торгово-ремесленной верхушки древнерусских городов.

Наиболее четкое социальное размежевание оформилось в Киевской земле, в Новгороде, княжестве Черниговском и некоторых других центральных областях. На окраинах же феодальные отношения развивались медленнее. Этим, очевидно, объясняется и то, что в XII в., за исключением Новгорода, старые центры Киевской Руси постепенно приходили в упадок; там особенно интенсивно шло дробление на уделы. Разумеется, надо учитывать и роль половецких набегов, особенно пагубных для Переяславской и Киевской земель. Но в основе ослабления старых центров Древней Руси лежали все-таки внутренние процессы: рост крупного феодального землевладения и ослабление центральной власти. С другой стороны, усиливаются окраинные княжества — Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское, где процесс феодализации шел медленнее, дольше сохранялась центральная власть и лишь позже, к началу XIII в., возобладали тенденции к феодальной раздробленности.

Не случайно в XII — начале XIII в. владимирские и галицко-волынские князья проводили интенсивную политику переселения в свои земли выходцев с юга Руси или пленных (литовцев, половцев). Из этого можно заключить, что основная часть местного населения их княжеств в ту пору еще была свободной и для обработки княжеских «имений» требовались пришлые люди.

Со складыванием феодальных отношений формировалось и русское феодальное право. В дошедшем до нас виде сборник «Русская правда» включает «Правду» Ярослава Мудрого, «Правду» Ярославичей (сыновей Ярослава Мудрого), Устав Владимира Мономаха и другие документы. Из этого видно, что первые записи права на Руси были произведены при Ярославе Мудром, а до этого действовало устное обычное право, о котором упоминают еще документы начала X в. (см. выше). Эти памятники, сложные по содержанию, исходят из норм древнего обычного права, с одной стороны, и из княжеских решений — с другой. «Правда» Ярослава допускает возможность замены кровной мести штрафом («Правда» Ярославичей отменила кровную месть), определяет права различных социальных групп древнерусского общества и прежде всего князя и его дружины, роль которой в XI в. была еще очень велика.

Начальная история русской церкви известна плохо. Точно не установлено, когда на Руси появились митрополиты и кто был первым митрополитом в Киеве. Но уже в первой половине XI в. возникли епископства в важнейших русских городах (Новгороде, Переяславле, Чернигове, Турове и др.). С середины XI в. возникают монастыри, быстро превращавшиеся в феодальных землевладельцев, прежде всего в Киеве и вокруг него. Здесь особо надо отметить Киево-Печерский монастырь, сыгравший большую роль и в развитии русской культуры. В XII в. монастырей на Руси было уже много, и все они становятся крупными землевладельцами.

Внешнее единство Киевской Руси, воплощенное главным образом в Верховной власти киевского князя над всеми прочими князьями, сохранялось еще при сыновьях и внуках Ярослава. Киевский стол стал ареной борьбы между отдельными представителями династии. Необходимость обороны от половецких нашествий, а также решения разных общих вопросов толкали князей на разные способы координации своих действий, в частности на княжеских съездах, где обсуждались общие проблемы Русской земли.

Самым известным из таких съездов был Любечский 1097 г., на котором князья договорились о принципе держания каждым из них своей вотчины, владения отца (ПЛДР. С. 248—249). В 1103 г. на Долобском съезде было решено совершить большой поход в степь против половцев.

В ту пору распри князей достигли особой остроты. Князья не только стремились лишить друг друга владений, но и покушались на жизнь своих ближайших родственников. Особенно тяжелые последствия для Руси имели половецкие набеги. Это толкало наиболее дальновидных князей на временные соглашения друг с другом и совместные действия против половцев. После съезда на Долобском озере был совершен успешный поход на половцев в степь. За ним последовал поход 1111 г. В попытках объединения князей главную роль играл Владимир Всеволодович Мономах, тогда князь переяславский, последний крупный правитель единой Киевской Руси. Киевским князем он стал, однако, позже, в 1113 г., когда после смерти его предшественника Святополка Изяславича в Киеве произошло грандиозное народное восстание, вызванное действиями этого князя и его окружения. Горожане угрожали всем знатным людям, восстание перекинулось в окрестные деревни. Напуганная знать призвала на великокняжеский стол талантливого правителя и полководца Владимира по прозвищу Мономах (1113—1125). Прибыв в Киев, он (где уступая, где прибегая к силе) ликвидировал восстание и утвердился в столице. Мономах сумел заставить прочих князей признать свою власть, расправляясь с непокорными и лишая их владений. Так он поступил с князьями минским и владимиро-волынским. Укрепление центральной власти позволило нанести ряд поражений половцам, в результате чего часть кочевников признала власть Киева, часть вынуждена была откочевать на Северный Кавказ.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ 30-х ГОДОВ XII—30-х ГОДОВ XIII В.

Сын Мономаха Мстислав (1125—1132) еще удерживал отцовскую власть и влияние, но после его смерти Русь окончательно распалась на отдельные княжества. В XII — первой трети XIII в. сложилось несколько крупных княжеств, вокруг которых так или иначе группировались соседние земли. Эти княжества имели неодинаковый политический строй, разные исторические судьбы, которые определялись рядом внутренних и международных факторов.

Киевский великокняжеский стол все более приобретал символическое значение. Среди многочисленных потомков Владимира I самыми сильными оказались дети и внуки Владимира Мономаха. Но в разных удельных княжествах правили и потомки Изяслава Владимировича, Святослава Ярославича и Изяслава Ярославича. Младший сын Мономаха Юрий Долгорукий, основные владения которого были в Северо-Восточной Руси, упорно боролся за Киев, трижды им овладевал и умер в Киеве в 1157 г. Но уже сын его Андрей Боголюбский взял в 1168 г. Киев буквально как вражеский город, разграбил его (ПСРЛ. Т. I. С. 354), после чего ушел в свою столицу — город Владимир на Клязьме. Так бывало нередко и позднее: утвердившись в Киеве, тот или иной князь продолжал считать основным владением свое княжество.

Из большого числа княжеств, на которые распалась Киевская Русь, наиболее значительными были Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское и Новгородская земля. Крупным феодальным объединением была и Полоцкая земля, обособившаяся еще после смерти Владимира I. В них вплоть до монголо-татарского нашествия сохранялась единая княжеская, реальная или символическая (как в Новгороде), власть и единая государственная территория. Прочие земли, такие как Смоленская, Черниговская и другие, на протяжении XII в. дробились на мелкие уделы и не представляли политической силы.

Владимиро-Суздальская земля в своей значительной части относится к поздно славянизированным землям. Здесь долго держалось и язычество.

Известно, что народное восстание в начале 70-х годов XI в. в Ростовской земле возглавляли языческие жрецы волхвы.

После смерти Ярослава Мудрого северо-восточные русские земли достались его второму сыну Святославу, основным владением которого был Чернигов. Позже они перешли к потомкам Всеволода Ярославича. Владимир Мономах построил там новый город, названный его именем,— Владимир (1108 г.). Сюда была перенесена и столица княжества из Суздаля (при Андрее Боголюбском).

Правление Андрея (1157—1174) и его брата Всеволода (1176—1212) было временем усиления Владимиро-Суздальского княжества. Окраинная Северо-Восточная Русь (как и Юго-Западная) временно консолидировалась. Укрепление власти князя проходило здесь в постоянной борьбе с крупным боярством, в которой князья опирались на горожан и мелкий военный люд (дворян). Андрей Боголюбский погиб в этой борьбе в результате боярского заговора. Но его брат Всеволод сумел с помощью владимирских горожан подавить боярский сепаратизм и временно укрепить княжескую власть. Всеволод был сильнейшим князем тогдашней Руси. Автор «Слова о полку Игореве», желая подчеркнуть силу Всеволода, писал, что воины его могут шлемами вычерпать Дон, а Волгу раскропить веслами. Всеволод считался Великим князем киевским, но с его времени появляется и титул Великого князя владимирского. Особенно активной была восточная политика Всеволода. Он несколько раз воевал с волжскими булгарами и даже осаждал их столицу. Кроме того, князю Владимирскому подчинились мордовские племена. Сила и влияние владимирских князей были столь велики, что о них знали в далекой Грузии, летописец которой отмечал, что им повинуются триста царей. Однако после смерти Всеволода, который получил из-за многочисленности потомства прозвище «Большое гнездо», Владимиро-Суздальская Русь фактически распалась на отдельные княжества, хотя один из сыновей Всеволода считался великим князем. Многочисленные потомки этого князя не жили в мире и согласии, но первое время внешнеполитическое положение Владимиро-Суздальской Руси было еще прочным. В 1220 г. был совершен успешный поход на Волжскую Булгарию, а в 1221 г. при впадении Оки в Волгу был основан Нижний Новгород (ПСРЛ. Т. I. С. 444—445), на долгое время ставший восточным аванпостом русских княжеств.

Большую роль среди русских земель играли во второй половине XII—XIII в. юго-западные княжества Волынское и Галицкое. В них правили князья из разных линий Ярославичей. Во второй половине XII в. наиболее сильным было Галицкое княжество, правитель которого Ярослав Осмомысл (1152—1187) был после Всеволода Большое гнездо сильнейшим русским князем. Галицким и волынским князьям, как и владимиро-суздальским, приходилось вести постоянную борьбу с боярством. После смерти Ярослава Осмомысла бояре пригласили на галичский стол волынского князя Романа (1188 г.). Однако для того, чтобы реально овладеть Галичем, Роман более десяти лет воевал с венгерскими феодалами, которых поддерживала другая группировка галичского боярства. После этого Роману удалось укрепить свою власть, отбить нападение польских феодалов, совершить несколько удачных походов в Литву, где как раз начиналось формирование государства. Положение Галицко-Волынской Руси было сложным, ее князьям постоянно приходилось бороться с венгерскими и польскими феодалами, которые стремились овладеть этой частью Руси и даже поделили владения Романа после его гибели в походе. Но сын Романа Даниил сумел, опираясь на горожан, закрепиться в 1238 г. в отцовских владениях.

В отличие от Северо-Восточной Руси монголо-татарам не удалось подчинить себе надолго юго-западные русские земли. Галицко-Волынская Русь была разорена, ослабла и распалась на отдельные княжества.

В итоге Волынь перешла под власть Литовского княжества, а Галицкая Русь была подчинена Польше. В состав Великого княжества Литовского уже в XIV в. вошли и западнорусские (белорусские) земли, а также большая часть южнорусских (украинских) земель (см. ч. II, гл. 8).

Своеобразное место среди древнерусских земель XII—XIII вв. занимал Новгород Великий с его обширными владениями. Это русское княжество в XI—XII вв. сильно расширилось за счет подчинения ряда северных и восточных территорий, богатых пушниной и населенных в основном финно-угорскими племенами. К концу XII в. Новгороду принадлежали северные земли — Пермь, Печора и Югра (область по обоим склонам Северного Урала). Новгород вел обширную торговлю прежде всего со странами бассейнов Балтийского и Северного морей: Швецией, Данией, Англией, северонемецкими городами, в XIII в. объединившимися в Ганзейский союз (см. ч. II, гл. 1). С XII в. там существовали особые готский и немецкий торговые дворы. Новгородское купечество было сильнее и организованнее, нежели в других русских городах.

Новгород уже в XI в. стал проявлять тенденцию к обособлению от Киева. Пока власть великих киевских князей была прочна, это ему не удавалось. Но после смерти Владимира Мономаха, в 1126 г. новгородские бояре добились, чтобы посадники, фактически главные правители города, выбирались на вече из числа новгородцев (до этого они присылались из Киева). А в 1136 г. в результате восстания против князя Всеволода Мстиславича, который был в конечном счете изгнан из Новгорода, формально главой Новгородского государства стало новгородское вече, которое призывало угодного ему князя. Сам этот князь уже не имел самостоятельной власти и, за редким исключением, полностью зависел от новгородского боярства, командовавшего на вече. Однако само вече из собрания полноправных горожан превратилось в орудие нескольких крупных боярских фамилий, которым принадлежала вся власть в городе. Великий Новгород превратился в своеобразную боярскую феодальную республику. Приглашаемый вечем князь приносил присягу на верность новгородским обычаям. С 1156 г. стала выборной и должность новгородского епископа. Наконец, вече назначало и тысяцкого, который командовал новгородским ополчением. Высшим лицом новгородской администрации был посадник, избиравшийся на вече из знатнейших бояр.

Несмотря на свою экономическую силу и политическую самостоятельность, Новгород вынужден был считаться с сильнейшими князьями Руси, в первую очередь владимиро-суздальскими. Новгород зависел от Северо-Восточной Руси, откуда привозилась значительная часть хлеба, поскольку собственно новгородские волости не поставляли его в достаточном количестве. Поэтому даже в случае военного перевеса новгородцев, своеобразная экономическая блокада со стороны Владимира вынуждала Новгород уступать и приглашать в князья ставленников владимирских князей из владимиро-суздальской ветви Мономаховичей.

Расположенный на северо-западных рубежах Руси, Великий Новгород имел теснейшие разносторонние связи с Прибалтийскими землями. Еще в 1030 г. Ярослав Мудрый построил город Юрьев (по-эстонски Тарту). К Новгороду относилось и устье Невы, а также прилегающие районы вдоль Финского залива.

С конца XII в. началась активная агрессия немецких рыцарских орденов в Прибалтике. В 1201 г. епископ Альберт заложил город Ригу, после чего немецкие рыцари стали покорять ливов и другие балтийские племена. На устье Невы претендовали и шведские феодалы. В борьбу прибалтийских племен против немецкой и шведской агрессии включились и соседние русские земли, прежде всего Новгород и Псков, которым эта агрессия также угрожала. Как раз в разгар монгольских похо-

дов на Русь и Центральную Европу наступил и кульминационный момент в борьбе новгородцев и псковичей с немецкими рыцарями и шведскими феодалами. В июле 1240 г. князь Александр Ярославич нанес шведским войскам поражение в устье Невы (за что получил прозвище «Невский»), а 5 апреля 1242 г. он же на льду Чудского озера разгромил немецких орденских рыцарей (в так называемом «Ледовом побоище»). Эти победы остановили дальнейшую агрессию немецких и шведских феодалов в русские земли.

* * *

Таким образом, в рамках Древнерусского государства завершился генезис феодализма и начался период развитых феодальных отношений на Руси, хотя и с сильными пережитками раннефеодальных: прежде всего наличием широкого слоя лично свободных крестьян, подвергавшихся в основном государственной эксплуатации. Складывание феодальных отношений имело на Руси много особенностей, однако в целом укладывалось в рамки этого общеевропейского процесса, имея много сходного со странами Центральной и Северной Европы, тех областей Западной Европы, которые развивались по бессинтезному пути генезиса феодализма. Возникновение классового общества и государства, его христианизация поставили Древнюю Русь в конце XI—XII в. на один стадиальный уровень с соседними европейскими странами.

Сложившееся на восточной оконечности Европейского континента Древнерусское государство сыграло выдающуюся роль в формировании облика средневековой Европы в целом, ее политической структуры международных связей, ее экономической эволюции, ее культуры. Киевская Русь являлась центром транзитных торговых путей, соединявших Западную и Центральную Европу с арабским Востоком и Византией. Она влияла в IX—XI вв. на положение Византии, Хазарского каганата, Болгарских государств на Волге и на Балканах, прикрывала Центральную и Западную Европу от кочевников-печенегов и половцев, своей борьбой с немецкими захватчиками надолго изменила соотношение сил в Прибалтике, Центральной и Северной Европе. Связанное торговыми отношениями почти со всеми странами Европы, Древнерусское государство имело дипломатические контакты с Польшей, Чехией, Скандинавскими странами, Византией и даже с более отдаленными Францией, Англией, Италией. На Руси хорошо знали географическое положение этих стран и сама она не была для них неведомой землей: в Англии о Руси знали уже в X в., а в XIII в. регулярно плавали в Новгород, отмечали его на географических картах. Путь на Русь был хорошо известен в Германии и Франции, в папской курии, неоднократно посылавшей туда свои миссии. Что касается Скандинавских стран, прибалтийских народов, Польши, Чехии и Венгрии, то для них Русь была хорошо знакомым соседом.

О высоком престиже Древнерусского государства в X—XIII вв. говорит заинтересованность в союзных отношениях с ней многих государей тогдашней Европы, которые, по обычаям времени, закреплялись брачными связями. Ярослав Мудрый и его сыновья через своих сестер и дочерей роднились с княжескими и королевскими дворами Польши, Чехии, Венгрии, Швеции, Англии, Франции. Дочь Ярослава Мудрого Анна с 1051 г. стала французской королевой, а после смерти своего мужа Генриха I (1060) некоторое время была регентшей королевства.

Многообразны были и культурные связи Древней Руси как с Византией и арабским Востоком, так и с Западной и Центральной Европой, балканскими славянами.

В целом Древнерусское государство в XI — начале XII в. до его распада на отдельные княжества было одним из сильных и влиятельных в Европе.

Глава 9

КОЧЕВНИКИ И РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На рубеже II и I тысячелетий до нашей эры в степях Восточной Европы появились первые кочевники. К середине I тысячелетия до нашей эры кочевое скотоводство полностью заменило пастушество. Степи и отчасти лесостепи Европы и Азии почти на 3 тыс. лет стали колыбелью кочевничества.

Кочевничество определяется этнографами как такой тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участием в кочевании вместе со стадами большей, или даже подавляющей, части населения. Однако кочевничество — это не только своеобычная экономика, но и особые, свойственные только ему образ жизни, материальная и духовная культура, религиозные представления, общественный строй и политическая история.

В настоящее время этнографы выделяют три формы кочевого хозяйства: 1) полностью кочевое («таборное») при отсутствии земледелия и оседлости; 2) полукочевое с постоянными зимниками и частичным заготовлением кормов; 3) полуоседлое, в котором сочетаются скотоводство (кочевое и пастушеское) с развивающимся земледелием.

Итак, самый кочевой вариант — «таборный». В средневековье кочевник обыкновенно боролся с длительными засухами и повторяющимися морозными зимами путем перекочевки на новые, более подходящие для жизни места. Необходимость расширения территории для выпаса стад и облавных охот приводила к завоевательным войнам — нашествиям, целью которых был захват территорий с одновременным уничтожением ранее жившего здесь населения или частичным включением его в свои объединения. В периоды нашествий передвигалось все население со своими стадами и кибитками, женщины, дети, огромное число всадников-воинов. Одним из признаков характерной для этого периода военной демократии являются социально-политические объединения типа союзов племен. Возглавляли союзы, как правило, наиболее сильные и активные представители влиятельных родов.

В начале передвижений население принадлежало обычно к одной этнолингвистической группе, нередко уже сплоченной этнической общности. По мере ее продвижения по степям в поисках района, заселенного более слабым в военном отношении этносом, эта группа постепенно обрастала примыкавшими к ней ордами разных попадавшихся на пути и мимоходом побеждаемых племен. Так создавались предпосылки для формирования новой этнической общности, и прежде всего для образования нового сообщества. То же происходило и с культурой. Отпочковавшаяся группа первоначально была естественной носительницей культуры «материнского сообщества». Но за долгие годы перекочевок, слияния с покоренными и примкнувшими общностями, первичная культура почти полностью исчезала. Сохранялись только усовершенствования в военном деле, т. е. то, что делало завоевателей непобедимыми. Через стадию таборного кочевания прошли все кочевые народы евразийских степей.

После захвата новых земель наступал так называемый период «обретения родины». Он характеризуется прежде всего ограничением территории кочевания для каждой орды, для каждого рода и соответственно появлением постоянных мест для сезонных стойбищ: летовок и зимовок.

В начале освоения степи участки были очень большими. На каждом кочевал крупный, обычно кровнородственный коллектив, который Б. Я. Владимирцов назвал «куренем» [1], считая его продуктом разложения родоплеменного строя еще в рамках военной демократии. Обнищание рядовых кочевников и накопление богатств в руках отдельных семей приводили к распаду общин-куреней на мелкие хозяйственные объединения: прежде всего из куреней стали выделяться богатые большие семьи — аилы.

Постепенно военно-демократический строй сменялся раннеклассовым, который отличался необычной для оседлых народов «патриархальностью». На территории бывшего куреня возникало принципиально новое объединение самостоятельных аилов, которое обычно называют «ордой». Это было сообщество некровнородственных, экономически и социально неравноправных семей, нередко включающее в себя и чужеземцев. Курени и орды легко начинали войны, если позволяло состояние сил. Однако характер военных действий изменился. Если при первой стадии кочевания в походы двигался весь народ, то на второй в них участвовали только воины; военные предприятия принимали характер набегов с целью грабежа, угона населения для продажи в рабство, получения выкупов.

Локализовавшиеся на определенных участках кочевники, постепенно оседая у зимних стойбищ, в которых нередко сосредоточивались большие богатства, стали значительно более уязвимы для нападения соседей. Нередко соседние аилы и орды воевали друг с другом. Этот обычай, известный в степях под названием «баранты», подрывал экономику и разорял массы скотоводов.

Обстановка постоянной опасности, а также выдвижение сильных экономически и политически аилов и орд привели к необходимости создания более крупной, стоящей над ордами организации, которая была бы способна регулировать внутреннюю и внешнюю политику степняков. Так появились своеобразные «союзы орд» — зародыши будущих государств или объединений государственного типа. Во главе таких объединений вставали выбранные на съездах аристократии наиболее богатые и деятельные ханы. Основной их функцией были заключение союзов с более цивилизованными соседями, организация далеких больших походов, а внутри объединения — предотвращение мелких междоусобиц и грабежей.

Такие объединения напоминают скорее «союзы племен», чем государства, поскольку в них не было ни регулярных армий (а только ополчения), ни административного аппарата (судей, аппарата принуждения, сборщиков налогов), ни податной системы. Тем не менее нередко они достигали огромных размеров и почти непобедимого могущества. В письменных источниках такие союзы племен называли обыкновенно «империями». Возникновению их способствовали, во-первых, удачно сложившаяся историческая обстановка и, во-вторых, несомненно, личные качества хана-объединителя: ум, энергия, военные таланты, политическая хитрость, дипломатичность и жестокость к врагам. После смерти таких ханов начинались междоусобицы, центробежные стремления разрывали объединение, и «империи» распадались и исчезали.

Огромные непрочные общности, типичные для первой стадии кочевания, были чисто политическими образованиями. На второй стадии объединения постепенно приобретают общие этнические черты, главными из которых являются язык и культура, способствуют складыванию в степях крупных этнических общностей — прообразов будущих народов. Вторая стадия кочевания — наиболее характерная форма ведения скотоводческого хозяйства в европейских степях.

[1] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Ограничение территории кочевания, возникновение зимовок и летовок уже на второй стадии создавали тенденции к оседлости. На зимовках ежегодно оставалась какая-то часть населения, которая, чтобы не умереть с голоду, начинала распашку окрестных участков степи под бахчи, сады, пашни. Так осуществлялся переход к третьей стадии кочевания.

С возникновением оседлых поселений у богачей появилась потребность отделиться от массы рядовых поселенцев. Они ограждали стенами и рвами участки земли, занятые их личными аилами. Так появились в степях своеобразные «замки». Они были настоящими зимовищами, так как на лето владельцы их откочевывали в степь. Но вокруг замков росли оседлые поселения, постепенно превращавшиеся в своеобразные «посады» вокруг «детинца», возникали степные города. Их население занималось ремеслом и торговлей, и в них сосредоточивалась административная власть. Все это вело к образованию и расцвету новой материальной культуры. Расширение внутренней торговли, единство культуры способствовали распространению и утверждению единого языка, созданию новой или же принятию чужой письменности. Все это — признаки развивавшейся государственности.

Родовая аристократия становится феодализирующейся знатью такого раннеклассового государства. Несмотря на то что согласно древним кочевническим традициям главу этого государства выбирали на съезде аристократии, кандидатом на выборах всегда был представитель правящего рода: сын, племянник, дядя умершего правителя. Таким образом, власть в государстве была уже наследственной. Создавался свой аппарат управления (судьи, сборщики податей, вооруженные блюстители порядка и, главное, армия: постоянно действующая гвардия и ополчение, которое обязаны были во время войн поставлять феодалы в войско правителя). Войны теперь велись за политическое господство. Захваченные области уже, как правило, не разорялись дотла, а лишь облагались тяжелой податью и включались в состав государства.

Достаточно устойчивые государства третьей стадии кочевания в письменных источниках часто именовались каганатами, а их правители — каганами. В крепко спаянных объединениях такого рода создаются благоприятные условия для слияния входивших в них этнических групп в единую народность. Характерно, что государства, а нередко и этнические сообщества, складывавшиеся внутри них, получали имя по названию правящего рода, даже если этот род не принадлежал к этническому большинству.

Значительную роль в образовании и усилении государства и центральной власти в нем играли не только единая материальная культура, но и единая идеология — единство религиозных представлений, превращение их в государственный культ. Наряду с культом вождей и богатырей (типичным для второй стадии) в каганатах появился культ высшего божества — бога неба Тенгри-хана. Централизация отразилась и в религиозной сфере. В этих раннеклассовых государствах выделялся слой служителей-жрецов, а позднее начали внедряться монотеистические мировые религии (ислам, христианство и др.).

Процессы, протекавшие в периоды возникновения и расцвета степных государств, так же как и причины их упадка и гибели удивительно единообразны. Это или сокрушительные поражения от врагов, или междоусобицы, а иногда климатические изменения — засухи, похолодания и пр. В реальной жизни все эти причины часто были связаны друг с другом, постепенно накапливаясь и выявляясь одновременно и неожиданно.

Предложенная систематизация процессов, протекавших в степях в эпоху средневековья, позволяет выявить общие для всех степных объединений закономерности развития, моделировать их. Поскольку источ-

ники никогда не дают всех признаков, характеризующих то или иное степное этническое или государственное объединение, такие модели, при всей их условности, становятся необходимыми для возможно более полного представления о жизни десятков степных образований, ранее почти неизвестных историкам.

ГУННЫ

Одним из наиболее значительных обществ эпохи раннего средневековья, находившихся на первой стадии кочевания, является объединение, возглавляемое гуннами.

Анализ сведений о них следует, видимо, начать с событий несколько более ранних, происшедших в империи Хунну в первые столетия нашей эры[2]. В середине I в. н. э. вследствие многих бедствий (засух, эпидемий), неудачных войн с Китаем, длительных междоусобиц империя Хунну разделилась на две державы: Южную и Северную. Первая сразу же оказалась в вассальных отношениях с Китаем. Северные же хунну еще в течение столетия сохраняли относительную самостоятельность. В это время все доселе подвластные им и ранее неизвестные народы, освобождаясь из-под власти хуннов, начинали свой исторический путь. Среди других выделялись обитавшие на восточных окраинах синьби.

В несколько десятилетий синьби из небольшого охотничьего и пастушеского народа превратились в свирепных завоевателей. Они прошли стадии развития кочевничества в обратном порядке: от пастушеского оседлого и полуоседлого образа жизни — к кочеванию, которое толкало их к нашествиям. «Скотоводство и звероловство недостаточны были для их содержания»,— записано в хронике Хоуханьшу. Основным объектом нашествий была слабеющая с каждым десятилетием держава северных хунну.

Китайские хронисты с удовлетворением констатировали, что «в сие время у северных неприятелей происходили великие замешательства, к которым присоединился голод от саранчи». Под воздействием этих внутренних причин орды хунну двинулись в далекий западный поход по сибирским, уральским и среднеазиатским степям через земли угроязычных, ирано- и тюркоязычных народов. Этот «поход» занял у них более 200 лет. Хуннская волна постоянно пополнялась народами, побежденными и разоренными ими, которые тоже переходили к «таборному» кочеванию, к возрождению строя военной демократии и все участвовали в этом продвижении на Запад.

Объединение хунну того времени нельзя было даже назвать «союзом родственных племен» или этнолингвистической группой. Не считая самих хунну, относившихся, возможно, к особой, ныне исчезнувшей лингвистической группе, к нашествию подключились огромные массы тюркоязычных, а в Приуралье — угроязычных племен.

О том, какими были ворвавшиеся в конце V в. в Европу полчища некогда оседлых и цивилизованных хунну и какими представились они европейцам, наиболее подробно рассказывается в «Истории» Аммиана Марцеллина, писавшего свое сочинение в последней четверти IV в.: «Они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями трав и полусырым мясом всякого скота... У них никто не занимается хлебопашеством и не касается сохи... Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как веч-

[2] Следуя установившейся в исторической литературе традиции, мы называем именем Хунну империю и ее население, занимавшее степи Восточной Азии к северу от Китая. После того как хунну обрушились на европейские народы, они в соответствующих (в основном латинских) источниках стали именоваться гуннами.

ные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь... Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение, как к гробницам». И далее: «Придя на изобильное травою место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут, так сказать, свои города, расположенные на повозках... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их... Все, кто по возрасту и полу непригодны для войны, держатся около кибиток и занимаются мирными делами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховою ездою, считает позором ходить пешком». Характерное оружие гуннов — меч, тяжелый лук и аркан. Очень редко гунны сходились с врагом врукопашную, обычно же, «разнося смерть на широкое пространство», они «не прекращали войны и боя, издали осыпая противника стрелами и ловя отступающих и выбившихся из общей массы воинов арканами». Аммиан Марцеллин отмечает, что гунны «не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадается на пути» (АМ. Вып. IX. С. 236—248).

Отсутствие хлебопашества, постоянных жилищ, «дикий» образ жизни, поиски новых пастбищ и экстенсивная эксплуатация степных богатств, общественный строй, где нет царей и «все советуются» друг с другом на общих сходках,— эти черты, отмеченные римским автором, характерны для первой стадии кочевания, для общества военной демократии.

В 70-х годах IV в. гунны появились на берегах Дона и разбили обитавших там сармато-алан. Одна часть алан после этого отошла к Кавказскому хребту, другая компактной группой присоединилась к гуннам, стремившимся на запад. Далее, в этом движении гуннские орды столкнулись в первую очередь с остготами, возглавлявшими в то время аморфное и многоэтничное государственное образование, занимавшее громадные степные и лесостепные территории от среднего течения Днепра до берегов Черного моря (с севера на юг) и от бассейна Северского Донца до Приднестровья (с востока на запад). При первом же ударе гуннов в 375 г. это непрочное объединение распалось. Король остготов Германарих покончил жизнь самоубийством. Огромные земледельческие области Крыма и Приднепровья превратились в дикие пастбища, а поселения и города, встретившиеся на пути гуннов, были разграблены и сожжены. На берегах Днестра гунны разбили вестготов (см. ч. I, гл. 2). Часть вестготов отступила на Карпаты, а другая направилась на Балканы к границам Римской Империи. Гунны двинулись за ними, огнем и мечом прошли по Фракии и заняли плодородные степные просторы Среднего Подунавья.

В первой половине V в. союз гуннов распался на самостоятельные группировки. Собственно гунны начали терять в нем первенствующее положение. Это ослабление усугубилось еще и тем, что одна из гуннских орд была в начале V в. наголову разбита императором Феодосием. Множество гуннов было уничтожено, взято в плен, продано в рабство. Но сельское население Византийской империи в Подунавье симпатизировало гуннам, поскольку в основном происходило из варваров с северного берега Дуная. Постепенно это население становилось гуннской земледельческой базой, и именно это обстоятельство в значительной степени способствовало укреплению экономики и новому возрождению гуннского могущества.

Вождем, который смог вновь объединить под своей властью гуннские орды, стал Ругила. Он сначала победил и подчинил себе народы, раньше входившие в гуннский союз, перешел Дунай и занял Паннонию. Затем он начал расширять свою территорию и потребовал у Византии дани или ежегодной выплаты 700 фунтов золота. В 433 г. Ругила умер.

Объединение было возглавлено двумя его племянниками — Бледой и Аттилой. По словам Иордана, Аттила, очевидно, просто убил Бледу, борясь за единовластие, и в 433 г. стал вождем гуннов (Иордан. С. 101—103). Несмотря на невероятную жестокость к своим врагам, Аттила был хорошим политиком. Византийский историк Приск изображает его мудрым правителем, искусным дипломатом и справедливым судьей. В короткое время Аттила сумел создать огромную гуннскую империю.

Основой ее хозяйства оставалось кочевое скотоводство. Аттила даже запрещал возделывать некоторые особо пригодные для пастбищ земли вдоль Дуная. Продукты земледелия кочевники брали у фракийских и германских племен, входивших в империю. Этот симбиоз кочевников и земледельцев также весьма способствовал укреплению и единению гуннской державы Аттилы.

Дальние походы в глубь Западной Европы отвлекали внимание растущей родовой аристократии, которую они обогащали, от центробежных устремлений. Переход гуннов в Европе ко второй стадии кочевания, ярко выраженное экономическое расслоение общества, выделение родовой аристократии говорят о том, что Аттила был главой уже крупного объединения государственного типа.

Походы Аттилы не всегда были направлены на завоевание новых земель. «Помыслы Аттилы,— писал Иордан,— обращены на разорение мира», а после походов он, как правило, возвращался «на свои становища» (Иордан. С. 102, 110). То, что становища эти были достаточно стабильны, подтверждается описанием «селения», принадлежавшего лично Аттиле. Оно «было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить — и то при старании — стык между ними... Площадь дворца опоясывалась громадной оградой; ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего в своей власти весь варварский мир...» (Иордан. С. 101). Аттила предпочитал свою ставку всем завоеванным им городам. Такими же «дворцами», по словам Приска, владели и приближенные к Аттиле сановники и родичи. Эти ставки, таким образом, возникали в степи, окруженные своим кочевым населением. Завоеванные же города находились на окраине империи, где обитали остатки оседлых земледельцев.

Накопив и сконцентрировав силы, Аттила организовал поход на Западную Европу, ставивший целью не столько грабеж, сколько расширение территории своей державы. Он свергал королей и включал в свое войско побежденные народы (франков, бургундов, тюрингов), через земли которых катилась эта грозная масса воинов. В 451 г. гуннское наступление было приостановлено в Галлии, в окрестностях города Труа на Каталаунских полях. Там произошла битва, в которой гунны впервые после воцарения Аттилы были разбиты, что нашло отражение в ряде сказаний и мифов Германии, Франции и даже далекой Скандинавии. Через год Аттила вновь вторгся в Галлию. Однако наступательные возможности гуннов, видимо, были уже в значительной степени подорваны. В 454 г. после буйного пира Аттила скончался.

Огромное объединение Аттилы распалось сразу же после его смерти. Большую роль при этом сыграли как восстания покоренных ими племен (гепидов, герулов и др.), так и вражда между многочисленными сыновьями властителя. Все они разбрелись по разным территориям бывшей Империи Аттилы, которая утратила былое единство и могущество.

АВАРЫ, БОЛГАРЫ И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

После распада гуннской державы в европейских степях остались кочевать многочисленные племена, которые постоянно упоминаются в византийских и переднеазиатских источниках V—VII вв. Это акациры, барсилы, сарагуры, угори, савиры, авары, утигуры, оногуры, кутригуры, болгары, хазары и многие другие. Все они находились на первой стадии кочевания, в состоянии войны друг с другом и с соседними земледельческими народами и странами.

В первой половине VI в. среди этих многочисленных кочующих группировок выделялась орда авар. Есть основания считать, что авары, появившиеся в европейских степях, были остатками разбитого тюрками огромного азиатского каганата жуаньжуаней. Отступив под натиском тюрков в восточноевропейские степи, сравнительно небольшая орда авар столкнулась здесь с савирами, утигурами и кутригурами. Побеждая все попадавшиеся им на пути группы кочевников, авары, по-видимому, оказались не в силах вытеснить побежденных с их земель и тем более самим обрести собственную территорию ни в предкавказских, ни в днепродонских степях. Пытаясь закрепиться хотя бы на правобережье Днепра, авары напали на антов и в 557 г. разбили их. Эта победа, однако, также не дала им ни желаемых пастбищ, ни земледельческого податного населения для нормального развития их экономики.

В 562 г. аварский каган Баян обратился в Византию к императору Юстиниану с просьбой выделить ему земли на византийском пограничье в Подунавье. Юстиниан решительно отказал аварам, узнав от перебежчика, что Баян собирается, заняв пограничье, начать наступление на Византийскую империю. Получив отказ, авары ринулись к Дунаю, на земли, занятые остатками гуннов и славянами. В 578 г. авары заняли Паннонию, а в начале VII в.— Далмацию. Именно во время этого нашествия авары захватили территорию одного из сильнейших славянских племенных союзов — дулебов. Там они не просто «примучивали» славян, о чем писал позднее русский летописец (ПСРЛ. Т. II. Стб. 9), но использовали их на земледельческих работах.

Политическая история авар дунайского периода — это история беспрерывных походов и военных стычек с Византией и ограблений побежденных народов.

Под властью Баяна объединились многие кочевые народы, ранее подвластные гуннам. Объединение стало именоваться каганатом. Входившие в него народы начали, видимо, формироваться в единый этнический массив со своей особой культурой, господствующим языком которого стал тюркский. Авары принесли с востока два, связанных друг с другом нововведения: железные стремена и сабли однолезвийные, слегка изогнутые клинки, предназначенные для скользящего удара.

В настоящее время известно много могильников аварского времени, в которых не только найденные там вещи, но и антропологические материалы свидетельствуют о сильной смешанности населения аварского каганата и о значительном числе в его составе славян. Оседлые славяне и были, видимо, той силой, которая способствовала быстрейшему переходу авар на вторую стадию кочевания, оседанию их на землю и приобщению к земледелию и ремеслам.

Другие кочевнические орды (кутригуры, болгары), а также славяне создавали в каганате своего рода комлексную скотоводческо-земледельческую базу, которая способствовала быстрому росту и укреплению аварского объединения государственного типа. Аварские каганы, подобно гуннам, совершали набеги в основном на ослабевшую в то время Византию (она вела тогда тяжелейшую борьбу с Ираном), на славян и на западноевропейские страны и народы: франков, лангобардов, гепидов и др.

В результате этих постоянных войн военный потенциал каганата постепенно слабел, тем более что его аварское ядро смешивалось с побежденными ими народами, ассимилировалось в их среде. В 791 г. авары были разбиты Карлом Великим, а позднее его сын Пипин окончательно уничтожил аварскую державу. Еще недавно могущественное объединение исчезло с лица земли: по словам русского летописца: «есть притъча в Руси и до сего дне погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 9).

Подавляющее большинство племен, входивших сначала в Гуннскую империю, а затем в Аварский каганат, после гибели последнего так и не смогли организоваться и возглавить ни одного достаточно крупного государственного союза. Исключение составляют только два племени: болгары и хазары. Оба народа примерно столетие (с середины VI по 30-е годы VII в.) входили в состав Тюркского каганата, занимая его крайние западные владения — Приазовье и Прикаспийские степи. После гибели последнего в ходе борьбы двух знатных родов Ашина и Дуло на обширных пространствах, бывших под властью Тюркского каганата, образовалось несколько подобных ему государственных объединений. Правящий род Ашина и его противник — род Дуло приняли самое деятельное участие в формировании болгарского и хазарского политических объединений.

Сразу вслед за развалом Тюркского каганата один из представителей рода Дуло — хан Кубрат (Куврат), начал энергично объединять в Приазовских степях разрозненные болгарские орды. Так было создано новое объединение, хорошо известное в источниках под именем Великая Болгария. В него входили не только тюркоязычные болгарские, но и угроязычные орды, однако ведущим языком здесь стал язык правящего рода Дуло — тюркский.

Объединение это просуществовало всего одно десятилетие: после смерти Кубрата (ок. 642 г.) оно распалось на несколько больших орд, возглавляемых его сыновьями. Двое из них — Батбай (старший) и Аспарух неоднократно упоминаются в письменных источниках. Уже сам факт образования объединения государственного типа говорит о том, что орды, составившие его, находились в начале второй стадии кочевания. Кочевники даже не освоили в своих владениях древний город-порт Фанагорию, хотя он уже начал отстраиваться после гуннского погрома. Они пользовались им, видимо, только как торговым пунктом, в котором значительную роль играли местные крымские купцы.

Вскоре после смерти Кубрата на разрозненные, хотя и большие орды болгар, напали хазары и одержали победу, заняв пастбища и пробившись к морю, связавшему их с Византией. Хан Аспарух с ордой, не пожелав покориться хазарам, ушел на Дунай. В первое время, кочуя по Дубрудже и левому берегу Дуная, в землях, уже до них частично занятых оседлым земледельческим населением (в основном славянами), болгары вели хозяйство, характерное для первой формы кочевания, а общественный строй их был близок к военной демократии. Однако в Подунавье именно Аспарух со своей военизированной ордой возглавил новое государственное объединение — Дунайскую Болгарию. При первых болгарских ханах Дунайское государство болгар весьма напоминало обычное полукочевое государство. Во главе его стоял кочующий вместе со своим родом и родовой кочевнической аристократией хан. У хана была зимняя резиденция — ставка.

Земледельческую основу государства создавали славяне и местные фракийские племена. Судя по тому, что нередко могильники славян и болгар были общими, слияние этих двух этносов в одну этническую общность протекало довольно быстро. Уже во второй половине VIII — начале IX в. мы не можем говорить о протоболгарах как об отдельно су-

ществующем этносе. Новая болгарская этническая общность начала создавать свою оригинальную культуру. Наиболее ярким материальным ее выражением явилось создание общей столицы, выстроенной по образу и подобию кочевой ставки Аттилы (в виде концентрических прямоугольников), но названной уже по-славянски — Плиска. Правящим родом в Дунайской Болгарии оставался тюркский род Дуло, а официальным языком завоевателей сначала был тюркский. Однако уже к середине IX в. языком этого государственного объединения стал славянский. С X в. утвердилась славянская письменность (кириллица). Полукочевое государственное объединение превратилось в славянское государство, в экономике и культуре которого кочевнические тюркские элементы в конце IX в. почти не прослеживаются.

Единственное, что сохранялось в Первом Болгарском царстве от его основателей — кочевников-болгар, было особое почитание всадников-воинов, породившее в IX в. культ всадника-бога. Об этом свидетельствует большое число изображений коней и всадников на стенах Плиски. Они датируются не только временем расцвета этого культа (Мадарский конник), но и значительно более поздним временем полной христианизации страны, когда столицей стал Преслав.

* * *

Знатный тюркский род Ашина стал во главе хазарского объединения орд, кочующих в Прикаспийских степях, ранее возглавлявшегося гуннским племенам савиров, которые в это время находились уже в конце второй стадии кочевания.

Новый каганат также включал в себя различные этнические группировки и племена. Кочевники слились с местным оседлым населением (как и в Дунайской Болгарии), обитавшим на обжитых столетиями местах, нередко укрепленных стенами. Очень рано там появились поселения городского типа. Рядом с городами возникали обширные разноэтничные могильники. Основная масса населения, судя по материалам могильников, состояла из близкородственных остатков гуннских орд: савир, болгар, хазар и др. Язык у них, естественно, был общий — тюркский.

Несмотря на активное оседание других входивших в каганат этнических групп, сами хазары оставались на второй, а некоторые орды даже, возможно, на первой стадии кочевания. По мнению ряда ученых, само название «хазар» — производное от тюркского корня «каз» — кочевать. Вероятно, как и у протоболгар в Подунавье, большую роль сыграло то обстоятельство, что оба этноса попали в земледельческую среду и все, что нужно было для развития их экономики, они получали, не переходя к земледелию сами, от подвластных им земледельцев.

Хазары, как и аспаруховы болгары на Дунае, представляли собой военный подвижный организм, всегда готовый к набегам и войнам. От этих «северных варваров» более всего страдала соседняя кавказская Албания, отчасти Армения и Грузия. Хазары ходили туда еще в качестве федератов в войсках Тюркского кагана (Каганкатваци. С. 104, 105, 110—112). По проторенной дороге, через Дербент, продолжали они свои набеги и после образования собственного политического объединения.

В середине VII в. хазарский каган разгромил Великую Болгарию (см. выше), которая могла стать опасным соперником его государства. Он имел своей целью не просто грабеж, но присоединение болгар и их пастбищ к своему союзу, а также захват оживающих после гуннского погрома морских торговых портов (Фанагория, Кеп и др.). Это была уже государственная политика. Хазары подчинили себе обширные степные пространства между Каспийским и Азовским морями, заселенными алана-

ми, болгарами, древними уграми. К концу VII в. они захватили Боспор, Восточный Крым и Херсон, став в VIII в. соперниками Византии в борьбе за Крым. В это время каганат оказался в центре политических интриг Византии. Хазарский каган Ибузир Гляван, как называли его византийцы, выдал даже свою дочь замуж за свергнутого и сосланного в Херсон императора Юстиниана II.

Некоторое время император жил в Фанагории под покровительством хазар, а потом с помощью болгарского хана Тервела — властителя Дунайской Болгарии вернул себе трон и начал войну с хазарами за власть над Крымом. Каган поддержал его противника Вардана (Филиппа), который с его помощью вошел в Константинополь, разбил войска Юстиниана и казнил его. Хазары приобрели в лице Вардана надежного союзника для отпора новой надвигающейся через Закавказье силы — арабов. Поскольку и Византия была кровно заинтересована в этом союзе против арабов, она пошла на всевозможные уступки каганату, в частности в Крыму, где Византия получила Херсон, а Хазария — Восточный Крым с его степными просторами.

Однако, пока каган улаживал отношения с Византией, в южных провинциях каганата проявились сепаратистские тенденции среди знати, которые облегчили поход арабов в прикаспийские степи. Междоусобицу начал в 80-х годах VII в. савирский владетель Алп-Илитвер. Решив, видимо, отделиться от хазар, он заключил союз с Закавказской Албанией и для его укрепления принял христианствс

Каган быстро принудил его к покорности и взял себе в жены его дочь. Христианизация Хазарии не устраивала кагана, поскольку она означала идеологическое подчинение соседним христианским странам и особенно Византии. В то время он предпочитал языческий культ Тенгри-хана, который укреплял его власть как представителя бога на земле. Впрочем, уже тогда каган Булан (олень — тюрк.), противопоставляя себя христианскому императору и нападавшим с юга мусульманам — арабам, попытался внедрить в своем государстве еще одну религиозную систему — иудаизм. В 684 г. он огнем и мечом прошел по Албании, опустошив несколько областей и ее столицу Ардебиль, захватив добычу и пленных. На награбленные богатства он выстроил у себя в стране синагогу. Однако народ и даже аристократы не приняли тогда новой религии. Албания была обложена тяжкой данью. Только в 713 г. знаменитый арабский полководец Хабиб Ибн-Маслама вытеснил хазар из Албании. Началась затянувшаяся на два десятилетия война хазарской конфедерации с арабами, которые нередко терпели поражения от хазарских отрядов.

В 735 г. талантливый арабский военачальник Мерван Ибн-Мухаммед (двоюродный брат самого халифа) хитростью одолел кагана, вторгся в его страну, пройдя ее до волжских просторов.

Тем не менее страна не была завоевана и не стала вассалом халифата. Арабы не оставили в холодных для них степях ни гарнизонов, ни укрепленных поселений. Однако экономике молодого хазарского государственного объединения война нанесла серьезный ущерб. Города были разграблены, пашни заброшены, стада угнаны. Разорение, как это часто случается в кочевнических государствах, было как бы толчком для стремительного нового продвижения хазар в низовья Волги и Дона, в Приазовье и Крым. Только Приазовье и Крым были заняты кочующими и кое-где оседающими болгарскими ордами, а весь бассейн Нижнего Дона и степи на Волге были почти свободными от населения.

Таким образом, продвижение в северные степи не носило характера завоевания. Для части племен это была откочевка, а для большинства — расселение (переселение), поскольку они в Дагестанских степях и в предгорьях Кавказа перешли уже к оседлому образу жизни и к земледельческому хозяйству.

Переселение части алан, болгар и хазар из Предкавказья и Прикаспийских степей началось еще в период арабских войн и закончилось примерно к середине VIII в. Аланы заняли верховья Северского Донца и Дона, болгары — низовья Дона, хазары, барсилы и некоторые другие орды локализовались в Нижнем Поволжье и в Калмыцких степях. Размеры каганата после всех этих передвижений выросли примерно в три раза.

Экономика каганата теперь основывалась в первую очередь на земледелии и отгонном скотоводстве. Некоторые районы этого громадного объединения, мало пригодные для пашен, использовались для кочевнического скотоводства. Всюду на поселениях появлялось ремесло, сначала домашнее, затем постепенно выделявшееся в отдельную отрасль хозяйства. Это вело к развитию внутренней торговли. Внешняя торговля со странами Закавказья, Передней и Средней Азии, с крымскими провинциями Византии и самой Византийской империей была очень оживленной.

В каганате было несколько более или менее крупных городов. Самым большим среди них был Итиль (или Атиль) на Нижней Волге — столица государства, выросший из ставки кагана и во все время существования государства остававшийся зимовищем хазарской знати, которая по-прежнему кочевала семь месяцев в году. Крепость была изолирована от остальной части города. Она и была, очевидно, тем военно-административным ядром, вокруг которого вырос затем ремесленный и торговый центр всего государства — Итиль. В нижнем течении Дона находился еще один известный в средневековых источниках город — Саркел, через который проходили степные торговые пути: с юга на север — сухопутный, с запада на восток — речной. На берегу Азовского моря и в Крыму хазарскому государству принадлежало несколько древних портов. Они быстро отстраивались и заселялись в период расцвета каганата.

Относительно развитая экономика была надежной базой для устоявшихся классовых отношений. Население каганата делилось на «черных» и «белых». Черными называлась податная часть населения. Белые составляли класс феодалов, складывающийся из родовой знати. Знать, в свою очередь, была разделена на группы, состоявшие друг с другом в сложных иерархических отношениях. Верховная власть в государстве принадлежала кагану, избиравшемуся на съезде знати, но всегда из одного правящего рода, и обычно передавалась от отца к сыну. Сохранявшийся обычай выборов и сопутствовавшие ему обряды свидетельствовали о пережитках военной демократии. Таков, например, обряд «удушения» перед избранием, описанный в X в.: «Когда они желают поставить кого-нибудь этим каганом, то приводят его и начинают душить шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: „Как долго желаешь царствовать?“,— он отвечает: „Столько-то и столько-то лет“. Если он раньше умрет — его счастье, если нет, то его убивают по достижении назначенного числа лет царствования...» (Ал-Истахри. С. 51). В этом жестоком обряде отражается вера в божественную силу кагана-вождя. Он сам должен в состоянии эйфории определить, на сколько лет хватит этой силы. Когда она исчезает — вождь должен уйти. В период военной демократии вождь всегда выполнял и функции верховного жреца, обладателя сверхъестественной силы. Поэтому все его действия были строго регламентированы, и постепенно каган превратился в носителя древних традиций и потерял реальную власть. Государством правил «царь», или, как его называли в источниках, иша (шад). Ал-Истахри писал, что «у хакана власть номинальная... хотя хакан и выше царя, но его самого назначает царь», а Ибн Русте добавляет к этому: «...царь не дает отчета никому, кто бы стоял выше его... он сам распоряжается получаемыми податями и в походы ходит со своими вой-

сками»[3]. В государстве был развитый бюрократический аппарат: тудуны — правители портовых городов и завоеванных даннических областей, сборщики податей, судьи и, вероятно, даже полицейские силы, роль которых могли выполнять воины из личного царского войска (лариссии).

Большие оседлые земледельческие области, города с ремесленным производством, связанные друг с другом внутренней торговлей и администрацией, естественно, способствовали распространению единообразной государственной культуры на всей территории каганата, что также приводило к сплочению населения.

В каганате была широко распространена тюркская руническая письменность, которой пользовались не только правительственные круги, но и рядовые жители. Очевидно, общепризнанным государственным языком в каганате был тюркский.

Объединяющим фактором для всего населения была общность религиозных представлений. Как уже говорилось, в стране господствовал культ главного бога неба — Тенгри-хана. Проникали в Хазарию и другие религии. Христианство наступало из Византии, основавшей на территории боспорских провинций каганата отдельную епископию (в Таматархе). Мусульманство силой оружия принесли арабы. Наконец, еще в начале VIII в., как отмечалось, каган Булан принял иудаизм. Веротерпимость властей в каганате была широко известна современникам, вызывая у них удивление и, нередко, осуждение.

В начале IX в. положение изменилось. Каган, как рассказывает в своем письме, написанном спустя 150 лет, каган Иосиф (середина X в.), устроил при дворе диспут священника, муллы и раввина, и последний пленил его своими доводами, переспорив христианина и мусульманина[4]. Не исключено, что так оно и было, но следует помнить, что еврейские купцы захватили к тому времени торговлю Хазарии, а еврейские советники проникли во дворцы и юрты хазарской знати. К тому же Византия и халифат раздражали властителей Хазарии постоянным желанием подчинить их своему влиянию и власти.

Каган и все его приближенные приняли иудаизм и начали активно насаждать его в стране. Видимо, это вызвало недовольство, началась междоусобица, кончившаяся тем, что часть болгарских орд откочевала на Дунай, пополнив там тюркское, к началу IX в. уже ославянившееся, население. Туда же на запад отступили и некоторые орды хазар, в том числе и принявшие иудаизм (кабары). Другая часть болгар отошла далеко на север — на Среднюю Волгу и в Прикамье. Несмотря на это, иудаизм все-таки утвердился в каганате как государственная религия. Правда, народ не принял его судя по данным археологии, всюду ели свинину, хоронили своих мертвых по языческим обрядам, поклонялись «тенгри» и «предкам», верили шаманам и священной силе кагана.

Каганат вел с соседями постоянные войны и дипломатическую борьбу, нередко вмешиваясь в отношения между Халифатом и Византией. В течение полутора столетий каганату удавалось удерживать свои владения и даже увеличивать их за счет северных и северо-западных соседей, которые выплачивали ему дань. Таким образом, войны каганата носили уже политический характер, преследуя прежде всего цель присоединения новых территорий для обложения их данью.

В каганат входило несколько очень сильных этнических общностей, отличавшихся друг от друга по языку и даже антропологически. Прежде всего это были различные болгарские племена как из числа живших в Дагестане, так и оставшиеся в Приазовье после развала Великой Бол-

[3] *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 16–18.

[4] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 94–95.

гарии. Среди них кочевали и какие-то угроязычные орды. Кроме того, в каганат входили ираноязычные аланские племена, жившие в лесостепных регионах бассейна Дона, а также в предгорьях Северного Кавказа. Только в X в., после ослабления каганата, кавказские аланы создали самостоятельное государство. Каждая из этих этнических общностей имела не только свой язык, но и свои экономические и этнографические особенности, свою территорию. Поэтому можно сказать, что Хазарский каганат был федерацией этих общностей. Очевидно, для того, чтобы сложиться в народы или единый народ, этим общностям необходимо было еще несколько спокойных столетий. Однако этих столетий у них не оказалось — каганат был обескровлен ворвавшимися в европейские степи в конце IX в. печенегами, подорвавшими его экономику, и окончательно разгромлен во второй половине X в. русским князем Святославом Игоревичем (см. ч. I, гл. 8).

АЛАНЫ, ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ И ВЕНГРЫ

Союз сармато-аланских племен, судя по данным археологических и письменных источников, занимал в III—IV вв. обширную территорию от северо-западного Приаралья до степей Предкавказья, Причерноморья и Крыма. Находясь под сильным влиянием культуры морских торговых городов Причерноморья, сармато-аланы создали своеобразную культуру, владели ремеслами, вели полуоседлый образ жизни, находились, по-видимому, на второй стадии кочевания. В 70-х годах IV в. огромный и рыхлый аланский племенной союз был разгромлен хлынувшими в Европу гуннами. Но аланы не исчезли с лица земли. Значительная часть их приняла активное участие в гуннском движении на запад. Источники фиксируют их присутствие на Дунае уже в конце 70-х годов IV в. вместе с вандалами и вестготами.

В 406 г. аланы вместе с вандалами и свевами зимой по льду перешли Рейн и вторглись в римскую провинцию Галлию. Основательно ограбив ее, аланы надолго осели там, перейдя на службу к империи. Одна часть алан вместе с вандалами и свевами двинулась дальше на запад, и в 411 г. они завершили завоевание Испании. Однако пробыли там недолго — менее двух десятилетий; в 429 г. их вытеснили оттуда вестготы. Под предводительством короля Гейзериха остатки разбитых алан и вандалов переправились в Северную Африку и завоевали ее. Только в 534 г. Юстиниан I победил их и подчинил их территорию Византии.

Аланы всюду — в Галлии, Испании, Северной Африке — быстро оседали на землю, становились жителями городов и нередко выступали против своих недавних победителей и союзников кочующих по Подунавью гуннов (в частности, в Каталаунской битве 451 г.). Археологические данные свидетельствуют об устойчивости их экономики и культурных традиций, которые были только поколеблены, но не разрушены гуннами. Особенно отчетливо это прослеживается на той части алан, которые остались после гуннского разгрома в предкавказских восточноевропейских степях и предгорьях.

Вести кочевой образ жизни на оставшихся в их власти землях было невозможно, поэтому скотоводство у алан стало отгонным (в основном на альпийские луга). Параллельно со скотоводством развивалось и земледелие. В оседлых поселках возникали разнообразные ремесла, прежде всего гончарное и ювелирное.

Оттесненные к Кавказскому хребту, аланы в контакте с местными кавказскими племенами создали высокую материальную культуру, легшую в основу не только собственно Алании X—XIII вв., но и культуры Хазарского каганата, а также ставшую существенным компонентом культуры Волжской Булгарии. У алан были все условия для создания госу-

дарства, но этому помешало соседство значительно более мощного Хазарского каганата. Зато аланы внутри своей в целом довольно ограниченной территории быстро начали сплачиваться в единый народ. К середине X в., после падения Хазарского каганата, кавказские аланы были уже не ранней этнической общностью, а народностью.

* * *

В те столетия, когда племена сармато-алан объединялись в единую народность, на Средней Волге появилось новое многоэтничное объединение государственного типа — Волжская Булгария.

Толчком для образования этого государства послужила откочевка в Волго-Камье части болгарского населения из Хазарского каганата в начале IX в. Часть болгар в это время ушла в Дунайскую Болгарию, другая же часть отошла далеко на север, к самой границе леса с лесостепью — в междуречье Камы и Волги. Первое столетие своего пребывания на новом месте волжские орды вели кочевой образ жизни. Об этом говорят как археологические данные, так и письменные источники. Арабский писатель Ибн Фадлан в подробном отчете о путешествии на Волгу (написан в 922 г.) отмечал, что царь кочует вместе со своей ордой по стране с одного стойбища на другое. Видимо, это была вторая стадия кочевания с определенными местами летних и зимних стойбищ. В непосредственной близости от зимовища находился и торговый центр страны на берегу Волги. Пошлина (десятина), которую брал правитель булгар с купцов, торгующих на рынке и проплывающих по Волге с севера в Хазарию и обратно, была важной статьей его дохода. В начале X в. «царь» волжских булгар, по свидетельству Ибн Фадлана, не был еще единовластным правителем населения Волго-Камья. Даже родственные ему кочевые орды сувар (суваз) и баранджар не были полностью подчинены ему.

Многочисленное угро-финское население края также, вероятно, не было полностью покорено булгарами. Видимо, тюркоязычное население преобладало в лесостепном Волго-Камье, а угро-финские племена были в подавляющем большинстве оттеснены с этих земель, пригодных для кочевания. В отличие от Дунайской Болгарии, где победили славянская культура и славянский язык, здесь сохранились тюркские культурные традиции и языком-победителем стал тюркский.

Отдаленность этой территории от хазарских центров не помешала Хазарскому каганату держать новое политическое образование под своим влиянием. Правитель булгар платил дань кагану, а его сын был заложником при хазарском дворе. Не ограничиваясь этим, каган потребовал в свой гарем дочь булгарского царя, а когда та умерла в неволе, послал новое требование выдать за него вторую дочь. Этим каган пытался связать булгарского владетеля и еще более подчинить его. Однако крутые меры возымели обратное действие: царь булгар не только принял мусульманство — религию, чуждую и враждебную кагану, исповедовавшему иудаизм,— но и обратился за помощью к самому халифу багдадскому. Ибн Фадлан прибыл от халифа с целью выяснения силы возникшего далеко на севере государства, правитель которого склонился к мусульманству. Торговля с этим государством и, главное, с северными народами через Булгарию была очень выгодна арабам, поэтому просьба царя и нашла такой живой отклик у халифа. Посольство Ибн Фадлана укрепило мусульманскую веру в Волжской Булгарии.

Однако окончательное освобождение молодого государства от влияния Хазарского каганата следует относить к 60-м годам X в., ко времени после разгрома его русским князем Святославом Игоревичем.

Археологические данные позволяют говорить, что внутри Волжской Булгарии обитали какие-то группы населения, которые в IX в. объеди-

нились в общность (языковую и культурную). Аналогии культуре этой общности археологи видят в культуре населения приуральских областей и связывают ее с венграми. Примерно в начале IX в. Константин Багрянородный упоминает небольшое венгерское объединение, называвшееся Леведией, на территории Хазарского каганата (Конст. Багр. С. 298).

Причина ухода части населения Приуралья и Прикамья на Запад, возможно, кроется в общей обстановке, сложившейся в степях во второй половине VIII в. Кимакский и Хазарский каганаты вытесняли соседей с хороших пастбищ, отнимали земли для пашен. В начале IX в. булгары заняли большой участок в Волго-Камском междуречье. Видимо, все это способствовало обезземеливанию угорского населения, что заставило часть его двинуться сплоченной массой на Запад. Трудно сейчас локализовать Леведию. Никаких археологически уловимых следов венгры в восточноевропейских степях, прилегающих к Хазарии, не оставили. Общественный строй их в этот леведийский период можно охарактеризовать как военно-демократический, поскольку Константин Багрянородный подчеркивает, что у них было семь родов, а князя они никогда не имели ни своего, ни чужого. Очевидно, венгры в экономическом отношении находились в ту пору на первой стадии кочевания. Леведий, по имени которого была названа вся занятая венграми местность, не был князем, а только, «как и прочие после него, воеводою». Хазарское правительство, обеспокоенное соседством такого постоянно готового к грабежу и нашествию объединения, натравило на венгров печенегов, которые погнали их с речки Хингилус на запад — в местность, названную у Константина Багрянородного Ателькузу. Через эту землю протекало пять крупных рек, перечисленных Константином,— современные Серет, Прут, Днестр, Буг и Днепр, а значит, и локализацию Ателькузу можно, видимо, считать доказанной. В Ателькузу венгры выбрали «по обычаю хазар» и под их давлением первого князя — Арпада, сделав шаг от военной демократии к государству. Вскоре после этого венгры вновь потерпели поражение от печенегов и направили свою экспансию далее на запад — в Паннонию. До этого они попытались захватить лесостепные области севернее Ателькузу и подошли к самому Киеву, о чем и сообщала под 898 годом русская летопись: «Iдоша Оугре мимо Киев горою... и пришедше к Днепру сташа вежами» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 17). Из этой фразы явствует, что шли венгры со всеми своими кибитками, семьями, т. е. это была характерная форма нашествия.

В первые годы X в. венгры появились в Паннонии. С этого начинается история Венгерского государства. По словам русского летописца, «устремишася [угры.— *С. П.*] черес горы великия яже прозвавшася горы Угорьскиа и почаша воевати на живущая ту волохи и словени... Посем же угрии прогнаша волохов и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся и оттоле прозвася земли Угорьска» (ПВЛ. Т. I. С. 2).

Таким образом, как и болгары в Дунайской Болгарии, венгры слились здесь со славянами, но при этом сохранили свой язык. Очевидно, причина этого различия заключается в особенностях конкретной исторической обстановки: во-первых, в Болгарии славянское население было во много раз бóльшим, чем протоболгарское, а в Венгрии —напротив, численно преобладали завоеватели; во-вторых, уровень развития венгров в X в. был значительно выше, чем у протоболгар в VII в., отстававших, видимо, в общественном развитии от местных славян; наконец, в Болгарии слияние произошло более мирно — славянский язык не преследовали, славян не изгнали и даже не потеснили с занятых территорий. В Паннонии же венгры прежде всего должны были отвоевать себе земли для поселения, изгнав славян и волохов. И хотя часть славян осталась на прежних местах, они, еще совсем недавно объединенные в своем го-

сударстве — «Великой Моравии»,— держались, вероятно, враждебно. Поэтому венгры, возглавив государство, требовали от всех новых подданных овладения своим языком. Очень быстро венгерское государство обрело устойчивую земледельческо-скотоводческую экономику. С кочевым прошлым их связывали только глубоко внедрившиеся в быт «всаднические» традиции (конная армия, сабли в качестве основного оружия, погребения всадников с оружием и конями и т. п.).

Венгры значительно быстрее болгар перешли ко второй, а затем и третьей формам кочевания, очевидно, потому, что местные славяне в X в. были уже на классовой ступени социального развития, обладали сложившейся земледельческой культурой и потому значительно активнее влияли на пришедших кочевников, чем славяне VII в., столкнувшиеся с ордами Аспаруха.

Вытеснением венгров печенегами из восточноевропейских степей и почти полным уничтожением кочевниками экономики Хазарского каганата кончилось в степях I тысячелетие.

Часть вторая

ЕВРОПА В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

1. Средневековые города
2. Западноевропейский регион в XI–XV вв.
3. Юго-Западная Европа в X–XV вв.
4. Поздняя Византия (XIII – середина XV в.)
5. Славяно-Балканский регион в XIII–XV вв.
6. Центрально-Европейский регион в XII–XV вв.
7. Северная Европа в XII–XV вв.
8. Русь и Восточная Европа в XIII–XV вв.
9. Кочевое население и феодальные государства Юго-Восточной Европы в X–XIV вв.
10. Товарно-денежные отношения и эволюция феодальной деревни

←

Средневековый город. Французская миниатюра начала XIV в.

Глава 1

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА

В средневековье город был носителем динамичного начала. Город способствовал расцвету феодальной формации, выявлению всех ее потенций, и он же оказался у истоков ее распада. Сложившийся средневековый город, его типичный образ хорошо изучены. В социально-экономическом отношении город был средоточием товарных ремесел и промыслов, наемного труда многих видов, товарного обмена и денежных операций, внутренних и внешних связей. Его жители в массе своей были лично свободными. В городе размещались резиденции королей, епископов и других господ, опорные пункты дорожной сети, административной, фискальной, воинской служб, центры епархий, соборы и монастыри, школы и университеты; он был, следовательно, также политико-административным, сакральным и культурным центром.

Историки давно спорят о социальной сущности средневекового города (феодален или нефеодален?), о времени его возникновения и общественной роли. Большинство современных историков считает, что этот город как бы «двоесущен». С одной стороны, он был отделен от феодально-натуральной деревни и во многом ей противопоставлен. В условиях средневекового общества с господствующим натуральным хозяйством, сепаратизмом и местной замкнутостью, догматическим мышлением, личной несвободой одних и всевластием других город явился носителем качественно новых, прогрессивных элементов: товарно-денежных отношений, личной свободы, особых типов собственности, управления и права, связи с центральной властью, светской культуры. Он стал колыбелью понятия гражданства.

Вместе с тем город оставался органичной частью феодального мира. Намного уступая деревне по общей численности населения и массе производимых продуктов, в том числе ремесленных, город уступал ей и политически, находясь в той или иной зависимости от сеньориального режима короны и крупных землевладельцев, обслуживая этот режим своими деньгами и выступая как место перераспределения феодальной ренты. Постепенно сложившись в особое сословие или сословную группу феодального общества, горожане заняли важное место в его иерархии и активно воздействовали на эволюцию государства. Муниципальный строй и правовая организация города оставались в рамках феодального права и управления. Внутри города господствовали корпоративно-общинные формы организации — в виде цехов, гильдий, братств и т. д. По своей социальной сущности это был, таким образом, феодальный город.

СКЛАДЫВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ (V—XI вв.)

Развитой феодальный город имел свою предысторию. В раннее средневековье в масштабах континента еще не существовало сложившейся городской системы. Но города уже были: от многочисленных преемников античного муниципия до примитивных градообразных поселений варваров, которые современники также именовали городами. Поэтому раннее средневековье отнюдь не было «догородским» периодом. Истоки средневековой городской жизни восходят именно к этому раннему периоду. Возникновение городов и бюргерства были частью процесса генезиса феодальной формации, характерного для нее общественного разделения труда.

В социально-экономической области образование средневековых городов определялось отделением ремесла от сельского хозяйства, развитием товарного производства и обмена, концентрацией занятого в них населения в отдельных населенных пунктах.

Первые столетия средних веков в Европе характеризовались господством натурального хозяйства. Немногочисленные ремесленники и торговцы, жившие в городских центрах, обслуживали в основном их жителей. Крестьяне, составлявшие преобладающую массу населения, обеспечивали себя и господ не только сельскохозяйственными продуктами, но и ремесленными изделиями; соединение сельского труда с ремеслом — характерная черта натурального хозяйства. Уже тогда в деревне существовали немногие ремесленники (кузнецы-универсалы, гончары, кожевники, сапожники), обслуживавшие округу теми изделиями, изготовление которых было затруднительным для крестьянина. Обычно деревенские ремесленники занимались и сельским хозяйством, это были «ремесленники-крестьяне». Ремесленники были и в составе дворни; в крупных, особенно королевских владениях насчитывались десятки ремесленных специальностей. Дворовые и деревенские ремесленники чаще всего состояли в такой же феодальной зависимости, как и остальные крестьяне, несли тягло, подчинялись обычному праву. Тогда же появились и бродячие ремесленники, уже оторвавшиеся от земли. Хотя мастера и в деревне, и в городе работали преимущественно на заказ, а многие изделия уходили в виде рент, процесс товаризации ремесла и его отделения от сельского хозяйства уже происходил.

Так же обстояло дело с торговлей. Обмен продуктами был незначительным. Монетные средства платежа, регулярные рынки и постоянный торговый контингент лишь отчасти сохранялись в южных регионах Европы, в прочих же господствовали натуральные средства платежа или прямой обмен, сезонные торжища. По стоимости товарного оборота преобладали, видимо, дальние, транзитные торговые связи, рассчитанные на сбыт привозных товаров: предметов роскоши — шелков, тонких сукон, ювелирных изделий, пряностей, драгоценной церковной утвари, хорошо выделанного оружия, породистых скакунов, либо различных металлов, соли, квасцов, красителей, которые добывались в немногих пунктах и потому были сравнительно редкими. Большинство редких и роскошных товаров вывозили с Востока странствующие купцы-посредники (византийцы, арабы, сирийцы, евреи, итальянцы).

Товарное производство на большей части Европы не было развито. Однако уже к концу раннего средневековья наряду с древней южной (Средиземноморской) торговой зоной и более молодой западной (по Рейну, Маасу, Мозелю, Луаре) в орбиту общеевропейской торговли оказались втянутыми северная (Балтийско-Североморская) и восточная (Волга и Каспий) торговые зоны. Активно развивался обмен и внутри этих зон. Действовали купцы-профессионалы и купеческие объединения типа компаний, позднее гильдии, традиции которых проникали и в Северную Европу. Повсюду ходил каролингский денарий. Устраивались ярмарки, некоторые из них пользовались широкой известностью (Сен-Дени, Павийская и др.).

Процесс отделения города от деревни, начавшийся в раннее средневековье, порождался всем ходом феодализации, прежде всего успешным развитием производства, особенно на втором этапе генезиса феодализма, когда наметился прогресс сельского хозяйства, ремесла и промыслов. В результате ремёсла и промыслы превращались в особые сферы трудовой деятельности, которые требовали специализации производства, создания благоприятных профессиональных, рыночных, личных условий.

Складывание передового для своего времени вотчинного строя способствовало интенсификации производства, закреплению профессионализма,

в том числе ремесленного, умножению торжищ. Формирование господствующего класса феодалов, государства и церковной организации, с их институтами и учреждениями, вещным миром, военно-стратегическими сооружениями и т. д., стимулировали развитие профессиональных ремесел и промыслов, практики найма, чеканки монеты и денежного обращения, средств сообщения, торговых связей, торгового и купеческого права, таможенной службы и пошлинной системы. Не менее важно было и то, что города становились резиденциями королей, крупных феодалов, епископов. Подъем сельского хозяйства позволял прокормить большое число людей, занятых ремеслом и торговлей.

В раннесредневековой Европе процесс феодального градообразования шел через постепенное слияние двух путей. Первый — трансформация античных городов с их развитыми традициями урбанизма. Второй путь — возникновение новых, варварских по происхождению поселений, не имевших традиций урбанизма.

В период раннего средневековья еще сохранялось немало античных городов, в их числе Константинополь, Фессалоника и Коринф в Греции; Рим, Равенна, Милан, Флоренция, Болонья, Неаполь, Амальфи в Италии; Париж, Лион, Марсель, Арль во Франции; Кёльн, Майнц, Страсбург, Трир, Аугсбург, Вена на немецких землях; Лондон, Йорк, Честер, Глостер в Англии. Большинство античных полисов или колоний пережили упадок и в значительной степени аграризировались. На первый план вышли их политические функции — административного центра, резиденции, укрепления (крепости). Однако немало этих городов были все же относительно многолюдны, в них жили ремесленники и торговцы, действовали рынки.

Отдельные города, особенно в Италии и Византии, по Рейну являлись крупными центрами посреднической торговли. Многие из них не только послужили позднее ядрами первых собственно средневековых городов, но и оказали мощное воздействие на развитие урбанизма по всей Европе.

В варварском мире эмбрионами урбанизма стали маленькие торгово-ремесленные местечки — вики, порты, а также королевские резиденции и укрепленные убежища для окрестных жителей. Примерно с VIII в. здесь расцвели ранние города — торговые эмпории, главным образом транзитного назначения. Редкие и небольшие, они образовали, однако, целую сеть, охватившую значительную часть Европы: от побережий Ла-Манша и Балтийского моря до Волги. Другой тип раннего варварского города — племенные «столицы» с торгово-ремесленным населением — стали важнейшей опорой внутренних связей.

Путь генезиса феодального города был сложным и для старых античных, и особенно для варварских городов. По степени и особенностям взаимодействия варварского и античного начал в процессе градообразования в Европе можно выделить три основные типологические зоны — при наличии, конечно, ряда переходных типов.

Зона урбанизации с доминирующим воздействием позднего античного начала включала Византию, Италию, Южную Галлию, Испанию. С VII—VIII вв. города на этих территориях постепенно выходят из кризиса, социально перестраиваются, появляются и новые центры. Жизнь собственно средневековых городов в этой зоне развивается раньше и быстрее, чем в остальной Европе. Зона, где античные и варварские начала урбанизма были относительно уравновешенными, охватывала земли между Рейном и Луарой (запад Германии и Северная Франция), в известной мере также Северные Балканы. В градообразовании — VIII—IX вв.— здесь участвовали как остатки римских полисов, так и древние туземные культово-ярмарочные местечки. Третья зона градообразования, где доминировало варварское начало,— наиболее обширная; она охватывала

всю остальную Европу. Генезис городов там происходил медленнее, региональные различия были особенно заметными.

Раньше всего, в IX в., средневековые города сложились в Италии и выросли из позднеантичных городов в Византии, в X в.— на юге Франции и по Рейну. В X—XI вв. складывается городской строй в Северной Франции, Фландрии и Брабанте, в Англии, в Зарейнской и Дунайской областях Германии, на севере Балкан. В XI—XIII вв. сложились феодальные города на северных окраинах и во внутренних областях Восточной Германии, на Руси, в Скандинавских странах, в Ирландии, Шотландии, Венгрии, Польше, Дунайских княжествах.

ГОРОД В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (XI—XV вв.)

Со второго периода средних веков города континента достигают, хотя и не одновременно, стадии зрелости. Этот качественный скачок был обусловлен завершением генезиса феодальных отношений, высвободившим потенции эпохи, но одновременно обнажившим и обострившим ее социальные противоречия. Тысячи крестьян, оказавшись в феодальной зависимости, уходили в города. Этот процесс, принявший массовый характер с конца XI — середины XII в., обозначил конец первого этапа градообразования в средние века. Беглые крестьяне составили демографическую основу развитых средневековых городов. Поэтому феодальный город и сословие горожан созрели позднее, нежели государство, основные классы феодального общества. Характерно, что в странах, где личная зависимость крестьян оставалась незавершенной, города долго были малолюдными, со слабой производственной основой.

Городская жизнь второго периода средневековья прошла через два этапа. Первый — достижение зрелости феодального урбанизма, когда сложился классический городской строй. Этот строй представлял собой совокупность экономических, социальных, политико-правовых и культурных отношений, оформленных в виде специфических городских общностей (ремесленные цехи, гильдии купцов, гражданская городская община в целом), особого правления (муниципальные органы, суд и др.) и права. Тогда же образовалось городское сословие как особая, достаточно широкая социальная группа, обладавшая закрепленными в обычае и законе правами и обязанностями и занявшая важное место в иерархии феодального общества.

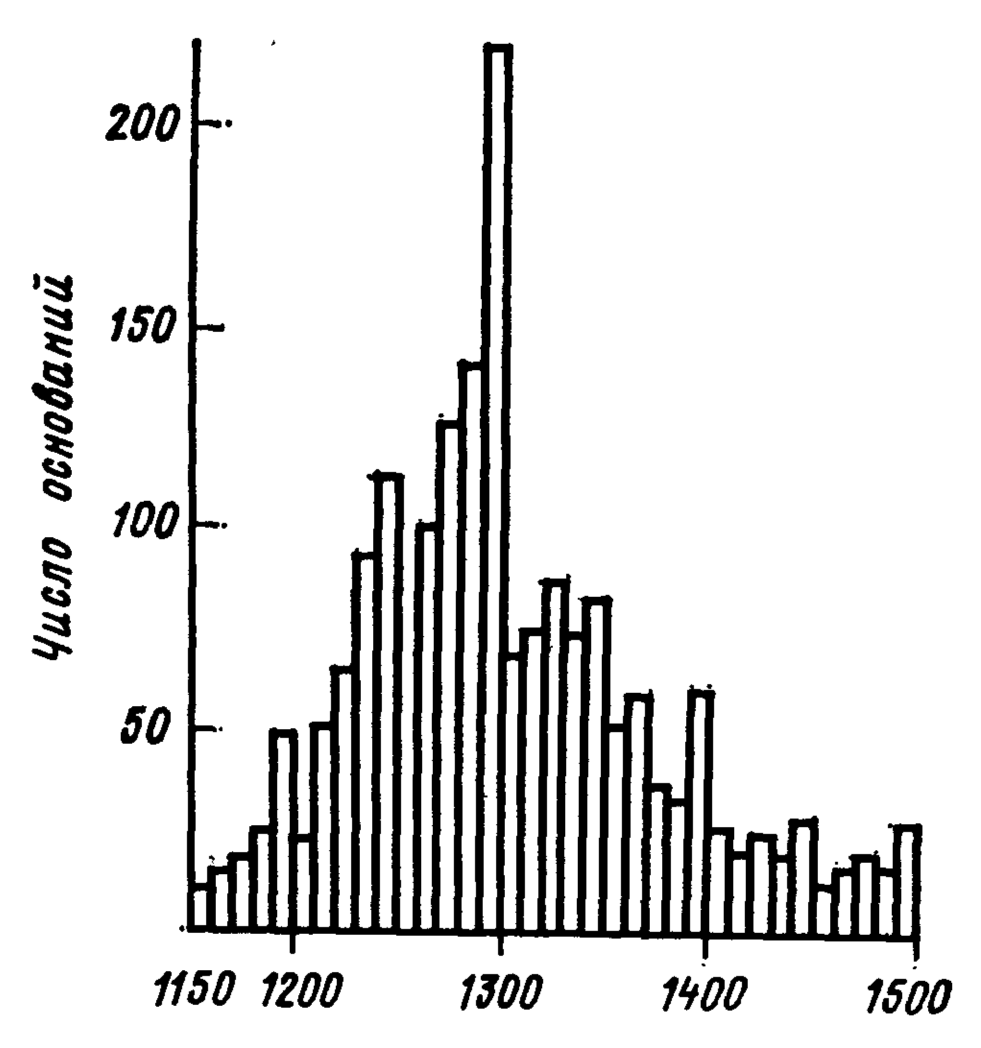
Конечно, процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и в целом города от деревни не был завершен ни тогда, ни на протяжении феодальной формации вообще. Но возникновение городского строя и городского сословия стало в ней важнейшей ступенью: оно ознаменовало вызревание простого товарного уклада и развитие внутреннего рынка.

Средневековый город достиг расцвета в XII—XIV вв., и затем в городской жизни появляются первые признаки и черты разложения феодальных, а затем зарождения раннекапиталистических элементов. Это второй этап зрелости средневековых городов.

В Западной и Южной Европе средневековые города переживали подъем в XIV—XV вв. В остальных регионах средневековые города развивались в этот период еще по восходящей линии, приобретая черты, сложившиеся в западных и южных городах еще на предыдущем этапе. Поэтому в ряде стран (Русь, Польша, Венгрия, Скандинавские страны и др.) второй этап истории феодальных городов до конца XV в. так и не завершился.

В итоге к концу периода развитого феодализма наиболее урбанизованными были Северная и Центральная Италия (где расстояние между городами зачастую не превышало 15—20 км), а также Византия,

Основание городов в Центральной Европе. (Число оснований дано по десятилетиям).

Фландрия, Брабант, Чехия, отдельные районы Франции, прирейнские области Германии.

Средневековые города отличались значительным разнообразием. Различия между ними, подчас существенные, проявлялись в пределах не только одного региона, но и отдельной области, страны, района. Например, в Северной и Средней Италии соседствовали: мощные портовые города-республики с ремеслом, рассчитанным на экспорт, и международной торговлей, немалыми денежными накоплениями и флотом (Генуя, Венеция); внутренние города (Ломбардии, Пьемонта, Тосканы), где были сильно развиты как промышленность, так и политико-административные функции; города Папской области (Рим, Равенна, Сполето и др.), находившиеся на особом положении. В соседней Византии могучий «царьград» Константинополь намного превосходил более слабые города провинции. В Швеции сосуществовали крупный торгово-промышленный и политический центр Стокгольм, небольшие центры горно-рудного промысла, крепости, монастырские и ярмарочные городки. Еще большее многообразие городских типов наблюдалось в масштабах всего континента.

В тех условиях жизнь города зависела от местной среды, прежде всего от наличия выхода к морю, природных богатств, плодородного ополья и, конечно, защитного ландшафта. Совершенно по-разному жили гиганты вроде Парижа или некоторых мусульманских городов Испании и безбрежное море мелких городков. Свою специфику имели состав населения и жизнь мощного торгового морского порта (Марсель, Барселона) и сельскохозяйственной агломерации, где товарные функции целиком опирались на аграрные занятия или отгонное скотоводство. А крупные центры экспортного ремесленного производства (Париж, Лион, Йорк, Нюрнберг, города Фландрии) были непохожи на торгово-ремесленные центры округи в той же мере, как центры управления лена на столицу государства или на пограничную крепость.

Значительно варьировали и формы муниципально-сословной организации: были города частносеньориальные или королевские, а среди первых — подчиненные светскому или духовному сеньору, монастырю или другому городу; города-государства, коммуны, «вольные», имперские — и обладающие лишь отдельными или единичными привилегиями.

Наиболее высокий уровень феодального муниципального строя, сословной консолидации, обособления внутренней организации горожан был достигнут в Западной Европе. В Центральной и Восточной Европе города были теснее связаны с феодальным землевладением, их население оставалось более аморфным. Русские города в начальный период приближались к западноевропейским, но их развитие было трагически прервано ордынским игом и переживало новый подъем только с конца XIV в.

Историки предлагают разные критерии конкретной типологии развитых городов: по их топографии, численности и составу населения, профессионально-хозяйственному профилю, муниципальной организации, по политико-административным функциям (столица, крепость, центр епархии и т. д.). Но общая типология городов возможна лишь исходя из

комплекса основных черт и признаков. В соответствии с этим можно выделить три основных типа развитых феодальных городов.

Численно преобладающим и наименее динамичным был малый город с населением в 1—2 тыс., но часто и в 500 чел., со слабо выраженной социальной дифференциацией, местного значения рынком, не организованным в цехи и слабым ремеслом; такой город обычно имел лишь ограниченные привилегии и чаще всего был сеньориальным. Это большинство городов Балкан, Руси, Северной Европы, ряда районов Центральной Европы.

Наиболее характерный для феодального урбанизма средний город имел примерно 3—5 тыс. населения, развитые и организованные ремесла и торговлю, сильный (областного или регионального значения) рынок, развитую муниципальную организацию, политико-административные и идеологические функции местного значения. Этим городам обычно не хватало политической мощи и широкого экономического влияния. Такой тип городов был распространен в Англии, Франции, в Центральной Европе, Юго-Западной Руси.

Самым ярким образцом средневекового урбанизма были крупные торгово-ремесленные и портовые города с многотысячным населением, ориентированным на экспорт и объединенным в десятки и сотни цехов ремеслом, международной посреднической торговлей, сильным флотом, европейского значения купеческими компаниями, огромными денежными накоплениями, значительной поляризацией общественных групп, сильным общегосударственным влиянием. Подобные центры шире всего были представлены в Западном Средиземноморье, Нидерландах, Северо-Западной Германии (ведущие центры Ганзы), реже встречались в Северной Франции, Каталонии, Центральной Европе, Византии. Большим считался город уже с 9—10 тыс. населения, и огромными даже в XIV—XV вв. выглядели города с 20—40 и более тысячами жителей, их во всей Европе едва ли насчитывалось больше ста (Кёльн, Любек, Мец, Нюрнберг, Лондон, Прага, Вроцлав, Киев, Новгород, Рим и др.). Совсем немногие города имели население, превышающее 80—100 тыс. человек (Константинополь, Париж, Милан, Кордова, Севилья, Флоренция).

Характерной особенностью городской демографии, социальной структуры и хозяйственной жизни были пестрота, сложность профессионального, этнического, имущественного, социального состава населения и его занятий. Большинство горожан были заняты в сфере производства и обращения товаров, это прежде всего ремесленники разных специальностей, которые сами же сбывали свои изделия. Значительную группу составляли торговцы, причем самая узкая верхняя группа — купцы-оптовики — обычно занимали ведущее положение в городе. Значительная часть городского населения была занята обслуживанием производства и торговли и в сфере услуг: носильщики, возчики, лодочники, матросы, трактирщики, повара, цирюльники и многие другие. Складывалась в городах интеллигенция: нотариусы и адвокаты, врачи и аптекари, актеры, правоведы (легисты). Все более расширялась, особенно в административных центрах, прослойка чиновников (сборщики налогов, писцы, судьи, контролеры и др.).

В городах были широко представлены и разные группы господствующего класса. Крупные феодалы имели там дома или целые усадьбы, некоторые также занимались откупами доходных статей, торговлей. В городах и пригородах размещались архиепископские и епископские резиденции, большинство монастырей, особенно (с начала XIII в.) нищенствующих орденов, а также принадлежавшие им мастерские, соборы и множество церквей, и следовательно, было очень широко представлено белое и черное духовенство. В университетских центрах (с XIV в.) заметную часть населения составляли студенты-школяры и профессора, в городах-крепостях — воинские контингенты. В городах, особенно портовых,

проживало немало иностранцев, имевших свои кварталы и составлявших как бы особые колонии.

В большинстве городов существовал довольно широкий слой мелких земле- и домовладельцев. Они сдавали в аренду жилье и производственные помещения. Основным занятием многих из них было сельское хозяйство, рассчитанное на рынок: разведение скота и производство продуктов животноводства, виноградарство и виноделие, огородничество и садоводство.

Но и прочие жители городов, особенно средних и мелких, были так или иначе связаны с сельским хозяйством. Жалованные грамоты городам, особенно в XI—XIII вв., постоянно включают привилегии относительно земли, прежде всего права на внешнюю альменду — луга и пастбища, рыбную ловлю, на рубку леса для своих нужд, выпас свиней. Примечательно также, что богатые горожане нередко владели целыми имениями, пользовались трудом зависимых крестьян.

Связь с сельским хозяйством была наименьшей в городах Западной Европы, где городское владение среднего ремесленника включало не только жилую постройку и мастерскую, но и усадьбу с огородом, садом, пчельником и т. д., а также пустошь или поле в пригороде. Вместе с тем для большинства горожан сельское хозяйство, особенно земледелие, было подсобным делом. Необходимость аграрных занятий для горожан объяснялась не только недостаточной доходностью собственно городских профессий, но и слабой товарностью сельского хозяйства округи. В целом тесная связь горожан с землей, значительное место в их среде разного рода землевладельцев — типичная особенность средневекового города.

Одна из примечательных черт социодемографической структуры городов — наличие значительно большего, чем в деревне, числа лиц, живших за счет труда по найму, прослойка которых особенно возросла с начала XIV в. Это всевозможные слуги, поденщики, матросы и солдаты, подмастерья, грузчики, строительные мастера, музыканты, актеры и многие другие. Престиж и доходность названных и им подобных профессий, правовой статус людей наемного труда были очень различными, поэтому по крайней мере до XIV в. они не составляли единой категории. Но именно город предоставлял наибольшую возможность для труда по найму, что и притягивало к нему людей, не имевших других доходов. В городе находили наилучшую возможность прокормиться также многочисленные тогда нищие, воры и прочие деклассированные элементы.

Внешний вид и топография средневекового города отличали его не только от деревни, но и от античных городов, а также от городов нового времени. Подавляющее большинство городов той эпохи было защищено зубчатыми каменными, иногда деревянными стенами в один-два ряда, либо земляным валом с частоколом-палисадом по верху. Стена включала башни и массивные ворота, снаружи окружалась наполненным водой рвом, с подъемными мостами. Жители городов несли сторожевую службу, особенно ночью, составляли городское военное ополчение.

Административно-политический центр многих европейских городов представлял собою крепость — «Вышгород» (Верхний город), «сите», «кремль»,— обычно находившуюся на холме, островке или речной излучине. Там размещались дворы государя либо сеньора города и высших феодалов, а также резиденция епископа. Хозяйственные центры располагались в городском предместье — посаде, нижнем городе, слободе, «подоле», где жили главным образом ремесленники и торговцы, причем лица одинаковых или смежных профессий нередко селились по соседству. В нижнем городе располагалась одна или несколько рыночных площадей, порт или причал, здание муниципалитета (ратуша), кафедральный собор. Вокруг создавались новые предместья, которые, в свою очередь, окружались укреплениями.

Планировка средневекового города была довольно регулярной: радиально-круговой, с XIII в. чаще прямоугольной («готической»). Улицы в западноевропейских городах делались очень узкими: даже на главных с трудом разъезжались две телеги, ширина же обычных улиц не должна была превышать длину копья. Верхние этажи зданий выступали над нижними, так что крыши противостоящих домов почти соприкасались. Окна закрывались ставнями, двери — на металлические засовы. Нижний этаж дома в центре города обычно служил лавкой или мастерской, а его окна — прилавком либо витриной. Стиснутые с трех сторон дома тянулись ввысь на 3—4 этажа, выходили на улицу лишь узким, в два-три окна, фасадом. Города в Восточной Европе были более разбросанными, включали обширные усадьбы, византийские отличались простором своих площадей, открытостью богатых застроек.

Средневековый город поражал современников и восхищает потомков своим великолепным зодчеством, совершенством линий соборов, каменным кружевом их декора. Но в городе не было ни уличного освещения, ни канализации. Мусор, отбросы и нечистоты обычно выбрасывались прямо на улицу, украшенную рытвинами и глубокими лужами. Первые мощеные улицы в Париже и Новгороде известны с XII в., в Аугсбурге — с XIV в. Тротуаров обычно не делали. По улицам бродили свиньи, козы и овцы, пастух прогонял городское стадо. Вследствие тесноты и антисанитарных условий города особенно тяжко страдали от эпидемий и пожаров. Многие из них не раз выгорали дотла.

По своей общественной организации город складывался как часть феодальной системы, в рамках ее феодально-сеньориального и домениального режима. Сеньором города был владелец земли, на которой он стоял. В Южной, Центральной, отчасти в Западной Европе (Испания, Италия, Франция, Западная Германия, Чехия) большинство городов располагалось на частносеньориальной земле, в том числе многие оказывались под властью епископов и монастырей. В Северной, Восточной, отчасти Западной Европе (Англия и Ирландия, Скандинавские страны), а также на Руси и в Византии города находились преимущественно в домене короля или на государственной земле, хотя фактически нередко попадали в зависимость от местных ленников короны и просто могущественных господ.

Первоначальное население большинства городов состояло из феодально-зависимых людей сеньора города, нередко связанных обязательствами перед прежним господином в деревне. Немало горожан имело сервильный статус.

Суд, управление, финансы, вся полнота власти первоначально также были в руках сеньора, который присваивал значительную часть городских доходов. Ведущие позиции в городах занимали его министериалы. С жителей городов взимались поземельные повинности, вплоть до барщины. Сами горожане были организованы в общину, собирались на свой сход (вече, динге, тинг, народное собрание), где решали дела низшей юрисдикции и местные хозяйственные вопросы.

Сеньоры до известного времени помогали городу, покровительствуя его рынку и ремеслам. Но по мере развития городов сеньориальный режим становился все более тягостным. Связанные с ним обязательства горожан и внеэкономическое принуждение со стороны сеньора все сильнее мешали развитию городов, тем более что в них уже формировались специфические купеческие и ремесленные (или смешанные ремесленно-купеческие) организации, которые заводили общую кассу, выбирали своих должностных лиц. Профессиональный характер принимали объединения вокруг приходских церквей, по «концам», улицам, кварталам города. Созданные городом новые общности позволяли его населению сплотиться, организоваться и сообща выступить против власти сеньоров.

Город Каркассон. Франция. XIII в.

Городской жилой дом. Кведлинбург. Германия. Около 1300 г.

Борьба между городами и их сеньорами, развернувшаяся в Европе в X—XIII в., первоначально решала экономические задачи: освободиться от наиболее тяжких форм сеньориальной зависимости, получить рыночные привилегии. Но она переросла в политическую борьбу — за городское самоуправление и правовую организацию. Эта борьба, или, как ее называют историки, коммунальное движение городов, разумеется, была направлена не против феодального строя в целом, а против сеньориальной власти в городах. Исход коммунального движения определял степень независимости города, в дальнейшем — его политический строй и во многом экономическое процветание.

Методы борьбы были разными. Нередко город покупал у сеньора права за единовременный или постоянный взнос: этот метод был обычным для королевских городов. Города, подвластные светским и чаще церковным сеньорам, добывали привилегии, особенно самоуправление, путем острой борьбы, подчас длительных гражданских войн.

Различия в методах и результатах коммунального движения зависели от конкретных условий. Отсутствие сильной центральной власти позволяло самым развитым, богатым и населенным городам добиваться наиболее полных из возможных тогда свобод. Так, в Северной и Средней Италии, в Южной Франции уже в IX—XII вв. города добивались положения коммуны. В Италии коммуны сложились уже в XI в., и некоторые из них (Генуя, Флоренция, Венеция и др.) стали фактически городами-государствами и своего рода коллективными сеньорами: их политико-судебная власть распространялась на сельские поселения и мелкие города в радиусе десятков километров (область-дистретто). Самостоятельной коммуной-республикой с XIII в. был далматинский Дубровник. Боярско-купеческими республиками с огромной подвластной территорией стали к XIV в. Новгород и Псков; власть князя ограничивалась выборным посадником и вече (см. ч. I, гл. 8 и ч. II, гл. 8). Города-государства, обычно управлялись советами из числа привилегированных горожан; некоторые имели выборных правителей типа монарха.

В итальянских независимых городах в XI в., а также в южнофранцузских в XII в. развились такие органы самоуправления, как консулы и сенат (названия которых заимствованы из античной традиции). Несколько позднее стали коммунами некоторые города Северной Франции и Фландрии. В XIII в. городские советы образовались в городах Германии, Чехии, Скандинавии. Во Франции и Германии коммунальное движение приняло особенно острый характер в епископских городах; оно продолжалось иногда десятилетиями (например, в городе Лан), даже столетиями (в Кёльне). В других странах Европы масштабы и острота коммунальной борьбы были много меньше.

Города-коммуны имели выборных советников, мэров (бургомистров), других должностных лиц; свои городское право и суд, финансы, право самообложения и раскладки налогов, особое городское держание, воинское ополчение; право объявлять войну, заключать мир, вступать в дипломатические сношения. Обязательства города-коммуны в отношении его сеньора сводились к небольшому ежегодному взносу. Сходное положение в XII—XIII вв. заняли в Германии наиболее значительные из имперских городов (подчиненных непосредственно императору), которые фактически стали городскими республиками (Любек, Гамбург, Бремен, Нюрнберг, Аугсбург, Магдебург, Франкфурт-на-Майне и др.).

Важную роль играла выработка городского права, которое соответствовало не только общему феодальному правопорядку, но и условиям тогдашней городской жизни. Обычно оно включало регулирование торговли, мореплавания, деятельности ремесленников и их корпораций, разделы о правах бюргеров, об условиях найма, кредита и аренды, о городском управлении и судопроизводстве, ополчении, бытовых распорядках. При этом

города как бы обменивались правовым опытом, заимствуя его друг у друга, подчас из других стран. Так, Магдебургское право действовало не только в Ростоке, Висмаре, Штральзунде и других городах своей зоны, но и было принято скандинавскими, прибалтийскими, чешскими, отчасти польскими городами.

В странах с относительно сильной центральной властью города, даже наиболее значительные и богатые, не могли добиться права коммуны. Хотя они имели выборные органы, их деятельность контролировалась чиновниками короля, реже иного сеньора. Город платил регулярные городские и нередко экстраординарные государственные подати. В таком положении были многие города Франции (Париж, Орлеан, Бурж и др.), Англии (Лондон, Линкольн, Йорк, Оксфорд, Кембридж и др.), Германии, Чехии (Прага, Брно) и Венгрии, королевские и панские города Польши, города Дании, Швеции, Норвегии, а также Каталонии (Барселона), Кастилии и Леона, Ирландии, большинство русских городов. Наиболее полные свободы таких городов — отмена произвольных налогов и ограничений в наследовании имущества, свой суд и самоуправление, экономические привилегии. Под контролем государственных и столичных чиновников находились города Византии; они не добились широкого самоуправления, хотя и имели собственные курии.

Конечно, вольности городов сохраняли характерную феодальную форму и приобретались в индивидуальном порядке, что было типично для системы феодальных привилегий. Масштабы распространения городских свобод сильно варьировали. В большинстве стран Европы не было городов-республик и коммун. Многие мелкие и средние города по всему континенту не получали привилегий, не имели самоуправления. В Восточной Европе вообще не развилось коммунальное движение, города Руси, за исключением Новгородской и Псковской республик, не знали городского права. Большинство европейских городов в течение развитого средневековья получили лишь частичные привилегии. А многие города, не имевшие сил и средств для борьбы со своими сеньорами, оставались под их полной властью: княжеские города южной Италии, епископские города некоторых немецких земель и др. И все-таки даже ограниченные привилегии благоприятствовали развитию городов.

Важнейшим общим результатом коммунального движения в Европе оказалось освобождение горожан от личной зависимости. Установилось правило, что убежавший в город крестьянин становился свободным, прожив там год и день (иногда и шесть недель). «Городской воздух делает свободным»,— гласила средневековая пословица. Однако и этот прекрасный обычай не был всеобщим. Он вообще не действовал в ряде стран — в Византии, на Руси. Итальянский город-коммуна охотно освобождал крестьян-беглецов из чужих дистретто, но вилланы и колоны из собственного дистретто этого города освобождались лишь через 5—10 лет городской жизни, а сервы не освобождались вовсе. В некоторых городах Кастилии и Леона беглый серв, обнаруженный господином, выдавался ему.

Городская юрисдикция повсюду распространялась на пригород (субурбий, контадо и т. д.) шириной в 1—3 мили; нередко право юрисдикции в отношении одной или даже десятков деревень постепенно выкупалось городом у соседа-феодала.

В конце концов сами города, особенно в Италии, становятся своего рода коллективными сеньорами.

Наиболее впечатляющими успехи горожан в борьбе с сеньорами оказались в Западной Европе, где сложился особый политико-правовой статус горожан, специфический характер их землевладения, определенные полномочия и права в отношении сельской округи. В подавляющем большинстве русских городов эти черты отсутствовали.

Печати средневековых ремесленных корпораций. Франция.

Общие итоги коммунального движения для европейского феодализма трудно переоценить. В ходе его окончательно сложились городской строй и основы городского сословия средневековья, что стало заметным рубежом в дальнейшей городской и всей общественной жизни континента.

Производственную основу средневекового города составляли ремесла и промыслы. На юге Европы, особенно в Италии, отчасти Южной Франции ремесло развивалось почти исключительно в городах: их раннее развитие, густота сети, мощные торговые связи делали нецелесообразными ремесленные занятия в деревне. Во всех других регионах даже при наличии развитых городских ремесел сохранялись и сельские — домашние крестьянские и профессиональные деревенские и домениальные. Однако повсюду городское ремесло занимало ведущие позиции. В городах работали десятки и даже сотни ремесленников одновременно. Только в городах достигалось наиболее высокое для своего времени разделение ремесленного труда: до 300 (в Париже) и не менее 10—15 (в мелком городе) специальностей. Только в городе имелись условия для совершенствования мастерства, обмена производственным опытом.

В отличие от крестьянина городской ремесленник был почти исключительно товаропроизводителем. В своей личной и производственной жизни он был гораздо более независим, чем крестьянин и даже сельский ремесленник. В средневековой Европе было множество городов и ремесленных слобод, где мастера работали на свободный, для своего времени широкий, нередко международный рынок. Некоторые славились изготовлением определенных сортов сукон (Италия, Фландрия, Англия), шелка (Византия, Италия, Южная Франция), клинков (Германия, Испания). Но ремесленник социально был близок крестьянину. Изолированный непосредственный производитель, он вел свое индивидуальное хозяйство, основанное на личном труде и почти без применения наемного труда. Поэтому его производство было мелким, простым. Кроме того, в большинстве городов и ремесел по-прежнему господствовала низшая форма товарности, когда труд выглядит как продажа услуг по заказу или найму. И лишь производство, нацеленное на свободный рынок, когда обмен ста-

новится необходимым моментом труда, составляло наиболее точное и перспективное выражение товарности ремесленного производства.

Наконец, особенностью городской промышленности, как и всей средневековой жизни, была ее феодально-корпоративная организация, соответствовавшая феодальной структуре землевладения и общественному строю. С ее помощью осуществлялось внеэкономическое принуждение. Оно выражалось в регламентации труда и всей жизни городских тружеников, которая исходила от государства, городских властей и различных местных общностей; соседей по улице, жителей одного церковного прихода, лиц сходного социального положения. Наиболее совершенной и распространенной формой таких внутригородских объединений стали цехи, гильдии, братства ремесленников и торговцев, которые выполняли важные экономические, социальные, политические и социокультурные функции.

Ремесленные цехи в Западной Европе появились почти одновременно с самими городами: в Италии уже в X в., во Франции, Англии и Германии с XI — начала XII в., хотя окончательное оформление цехового строя с помощью хартий и уставов происходило, как правило, позднее. Цех возник как организация самостоятельных мелких мастеров. В условиях тогдашнего узкого рынка и бесправия низов объединения ремесленников помогали им защищать свои интересы от феодалов, от конкуренции сельских ремесленников и мастеров из других городов. Но цехи не были производственными объединениями: каждый из цеховых ремесленников работал в собственной отдельной мастерской, со своими инструментами и сырьем. Он срабатывал все свои изделия от начала до конца и при этом, по образному выражению К. Маркса, «срастался» со своими средствами производства, «как улитка с раковиной». Ремесло передавалось по наследству, было семейным секретом. Ремесленник работал с помощью своей семьи. Часто ему помогали один или несколько подмастерьев и учеников. Внутри ремесленной мастерской почти не существовало разделения труда: оно определялось там только степенью квалификации. Основная же линия разделения труда внутри ремесла осуществлялась путем выделения новых профессий, новых цехов.

Членом цеха мог быть только сам мастер. Одной из важных функций цеха было регулирование отношений мастеров с подмастерьями и учениками, которые стояли на разных ступенях цеховой иерархии. Тот, кто желал вступить в цех, обязательно должен был пройти низшие ступени, сдав затем экзамен по мастерству. Высокое мастерство было обязательным для мастера. И до тех пор, пока основным цензом при вступлении в цех служило мастерство, разногласия и рознь между мастерами и подмастерьями не имели резкого и постоянного характера.

Каждый цех устанавливал на соответствующий вид ремесла в своем городе монополию или, как это называлось в Германии, цеховое принуждение. Этим устранялась конкуренция со стороны не входивших в цех ремесленников («чужаков»). Одновременно цех проводил регламентацию условий труда, продукции и ее сбыта, которой обязаны были подчиняться все мастера. Уставы цехов предписывали, а выборные должностные лица следили, чтобы каждый мастер выпускал продукцию лишь определенного вида, качества, размера, цвета; пользовался лишь определенным сырьем. Мастерам запрещалось производить больше продукции или делать ее дешевле, так как это грозило благополучию остальных мастеров. Все цехи строго ограничивали размер мастерской, число подмастерьев и учеников у каждого мастера, число его станков, сырья; запрещалась работа в ночное время и в праздничные дни; строго регулировались цены на ремесленные изделия.

Регламентация цехов имела своей целью также обеспечить мастерам наилучший сбыт, поддерживая на высоком уровне качество изделий и их

репутацию. И действительно, мастерство тогдашних городских ремесленников было подчас виртуозным.

Принадлежность к цеху повышала чувство собственного достоинства простых людей города. До конца XIV — начала XV в. цехи играли прогрессивную роль, создавая наиболее благоприятные условия для развития и разделения труда в ремесле, повышения качества продукции, совершенствования навыков ремесленного труда.

Цех охватывал многие стороны жизни городского ремесленника. Он выступал как отдельная боевая единица в случае войны; имел свое знамя и значок, которые выносили во время праздничных шествий и битв; имел своего святого-покровителя, день которого праздновал, свои церкви или часовни, т. е. являлся также своеобразной культовой организацией. У цеха была общая казна, куда поступали цеховые взносы мастеров и штрафы; из этих средств помогали нуждающимся ремесленникам и их семьям в случае болезни или смерти кормильца. Нарушения цехового устава рассматривались на общем собрании цеха, который являлся отчасти и судебной инстанцией. Все праздники члены цеха проводили вместе, завершая их пирушкой-трапезой (и многие уставы четко определяют правила поведения на таких пирушках).

Но цеховая организация не была универсальной даже для Западной Европы, тем более не получила распространения по всему континенту. В ряде стран она была редкой, возникла поздно (в XIV—XV вв.) и не достигла завершенной формы. Место цеха нередко занимала общность ремесленников-соседей, которые зачастую имели сходную специальность (отсюда обычные в городах всей Европы Гончарные, Колпачные, Плотницкие, Кузнечные, Сапожные и т. п. улицы). Такая форма организации ремесленников была характерна, в частности, для русских городов. Во многих городах (в Южной Франции, в большинстве городов Скандинавии, на Руси, в ряде других стран и районов Европы) господствовало так называемое «свободное» ремесло, т. е. не объединенное в особые союзы. В этом случае функции цехового надзора, регламентации, защиты монополии городских ремесленников и другие функции цехов брали на себя органы городского управления или государства. Государственная регламентация ремесла, в том числе городского, была особенно характерна для Византии.

На втором этапе развитого феодализма роль цехов во многом изменилась. Консерватизм, стремление сохранить мелкое производство, помешать усовершенствованиям превратили цехи в помеху технического прогресса. Одновременно, несмотря на все уравнительные мероприятия, разрасталась конкуренция внутри цеха. Отдельные мастера ухитрялись расширять производство, менять технологию, увеличивать число наемных работников. Имущественное неравенство в цехах постепенно перерастало в социальное. С одной стороны, в цехе появилась богатая верхушка, захватившая цеховые должности и вынуждавшая прочих «братьев» работать на себя. С другой стороны, образовалась прослойка бедных мастеров, вынужденных работать на владельца крупных мастерских, получая от них сырье и отдавая им готовую работу.

Еще более обнаженно расслоение внутри ремесла, прежде всего в крупных городах, выразилось в разделении цехов на «старшие», «большие» — богатые и влиятельные, и «младшие», «малые» — бедные. «Старшие» цехи (или богатые ремесла в зонах «свободного» ремесла) устанавливали свое господство над «младшими», лишали членов «младших» цехов или ремесел экономической самостоятельности, превращали их фактически в наемных работников.

В то же время в положении эксплуатируемой категории оказались подмастерья и ученики. В условиях ручного труда приобретение мастерства было делом долгим и трудоемким. К тому же мастера искусственно

завышали сроки обучения, чтобы ограничить свой круг, да и приобрести дарового работника. В разных ремеслах и цехах срок обучения колебался от 2 до 7 лет, у ювелиров достигал 10—12 лет. Подмастерью надо было отслужить своему мастеру в течение 1—3 лет и получить хорошую характеристику. Труд подмастерьев длился не менее 12, иногда 16—18 часов ежедневно, за исключением, конечно, воскресных и праздничных дней. Мастера контролировали быт, времяпровождение, траты, знакомства подмастерьев и учеников, т. е. ограничивали их личную свободу.

Когда в разных странах (на Западе в XIV—XV вв.) началось разложение классического цехового строя, доступ к званию мастера оказался для большинства подмастерьев и учеников закрытым. Началось так называемое замыкание цехов. Мастерами теперь могли стать почти исключительно близкие родственники членов цеха. Для прочих же эта процедура была связана не только с более серьезной проверкой изготовленного на пробу «шедевра», но и со значительными тратами: уплатой больших вступительных взносов, устройством дорогого угощения для членов цеха и т. п. В этих условиях ученики превращались в даровых работников, а подмастерья становились «вечными подмастерьями». Такое же положение складывалось в «свободном» ремесле.

Для защиты своих интересов против мастеров подмастерья в ряде городов Западной Европы создавали свои «братства» и союзы. Они выдвигали экономические требования — повышение зарплаты, уменьшение рабочего дня, но требовали также расширения личных прав и прибегали подчас к таким острым формам борьбы, как забастовка и бойкот. Известны случаи, когда объединялись подмастерья двух или нескольких городов.

Подмастерья и ученики составляли самую организованную и грамотную часть довольно широкого в городах XIV—XV вв. слоя наемных работников, в который входили также разного рода рабочие, поденщики, слуги, матросы. Этот слой все время расширяется за счет беглых крестьян, а с известного времени также за счет обедневших ремесленников. Труд по найму был такой же мелкий, раздробленный, обставленный статутами и ограничениями, как любой неполноправный вид деятельности в средневековом обществе. Городской слой лиц наемного труда составлял лишь элемент предпролетариата, который сформируется позднее, в условиях повсеместного развития мануфактур.

Важнейшим видом городской деятельности была торговля. Со складыванием городского строя все центральные функции в сфере товарообмена перешли к городам. Горожане, продавая продукт своего труда, услуги или рабочие руки, одновременно приобретали на рынке преобладающую часть необходимых жизненных средств. Город с его крупными сооружениями, портом и рынком, оборонительными функциями, коммунальными делами был крупным заказчиком для торговцев, ремесленников, рабочих. Широкий слой непроизводительного населения (господ, чиновников, солдат) и государственные учреждения также создавали значительный рынок сбыта. Преимущественно в городах сбывались продукты крестьянских и домениальных (дворянских, церковно-монастырских, коронных) хозяйств и закупались необходимые для них предметы.

Именно в городах происходил обмен продуктов «всех со всеми». В городе сформировались такие формы и атрибуты товарообмена, как собственно рынок — регулярное торжище, собирающееся в определенные дни, иногда ежедневно, на особой площади, а также периодические, обычно сезонные, ярмарки; оба эти вида торжищ имели особенно строгую правовую защиту. Так было почти во всех городах уже с XI—XII вв. Местами торговых сделок служили также лавки и ремесленные мастерские, порт или причал. По всему городу бродили разносчики товара. Торговлей в той или иной мере было занято почти все население городов. Вполне закономерно, что не только городские хартии и статуты, но и государствен-

ное законодательство очень большое место отводили организации торговли теми или иными товарами, чеканке монеты, торговым привилегиям отдельных категорий жителей, пошлинному режиму — важному источнику казенных доходов.

Складывание относительно стабильных государств, укрепление границ между ними значительно продвинули размежевание между внутренней и внешней торговлей. Однако при нечеткости политических границ, экономическом сепаратизме и элементарном состоянии внутренних связей, при сословно-корпоративной системе как бы внешними в отношении друг друга оставались также рынки разных районов и даже соседних городов. Поэтому товарные связи различались преимущественно по характеру торгового ассортимента: предметы повседневного спроса имели хождение в ближней и местной торговле, а товары редкого спроса и высокой цены были характерны для дальней торговли. Соответственно различались размеры сделок, а также пути и средства сообщения. В период развитого феодализма дальняя, транзитная торговля все еще играла более заметную роль — не только по объему и общей стоимости, но и благодаря редкости своего ассортимента, высокой прибыли, значительному общественному весу занятых в ней лиц и вниманию со стороны властей.

Межрегиональная торговля была сосредоточена в основном в трех связанных между собой зонах. В южной торговой зоне действовали давние и тесные связи между северным, восточным и южным побережьями Средиземного моря, между Средиземноморьем и Черноморьем, между Крымом, Кавказом, Малой Азией. Эта зона по-прежнему связывала европейские Юг и Запад — Испанию, Южную и Центральную Францию, Италию, Византию и их черноморские колонии — как между собой, так и со странами Востока, прежде всего с арабами. С конца раннего средневековья, но особенно в связи с крестовыми походами первенство в торговле перешло к купцам Генуи и Венеции, Барселоны и Марселя, увеличилась интенсивность торговли в западном направлении. Главными товарами были ввозимые с Востока предметы роскоши, пряности, шафран и другие красители, лекарства, ароматические вещества, драгоценная древесина, квасцы и др., но также местное зерно, вино и фрукты (в том числе сухие). На Восток вывозились, помимо таких товаров, как металлы, сукна, янтарь и др., также рабы, торговля которыми на европейских рынках имела место и в XV в. К концу периода ассортимент товаров в этом районе заметно расширился, постепенно включив многие предметы местного производства, в том числе повседневного спроса: иголки, ножи, проволоку, шпоры и шляпы, белье.

Другая зона европейской торговли охватывала Балтийское и Северное моря, Северо-Восточную Атлантику. В ней принимали участие северо-западные области Руси (особенно Новгород, Псков и Смоленск), Прибалтика (Рига, Ревель), Северная Германия, Дания, Норвегия и Швеция, Фландрия, Брабант и Северные Нидерланды, Северная Франция и Англия. Значение этой зоны в европейском товарообмене в период развитого феодализма непрерывно увеличивалось. Там торговали преимущественно товарами более широкого, в том числе хозяйственного назначения: рыбой, солью, мехами, шерстью, сукнами, льном, пенькой, воском, смолой, канатами, лесом (особенно корабельным), металлами и изделиями из них, с XV в.— зерном.

Регулярные связи между двумя зонами международной торговли осуществлялись через альпийские перевалы, а затем по Рейну, где все города были втянуты в транзитную торговлю. Большую роль в международном товарообмене получили крупные ярмарки, широко распространившиеся во Франции, Италии, Германии, Англии с XI—XII вв. Там велась оптовая торговля товарами повышенного спроса: шерстью, кожами, сукном, шелковыми и льняными тканями, металлами, оружием, зерном.

В XII—XIII вв. на ярмарках во французском графстве Шампань, длившихся почти круглый год. встречались купцы из Венеции и Генуи, Фландрии и Флоренции, Англии, Франции, Германии, Скандинавских стран и Чехии. В XIV—XV вв. общеевропейским центром ярмарочной торговли стал Брюгге (Фландрия). В каждом регионе и районе действовали свои местные ярмарки.

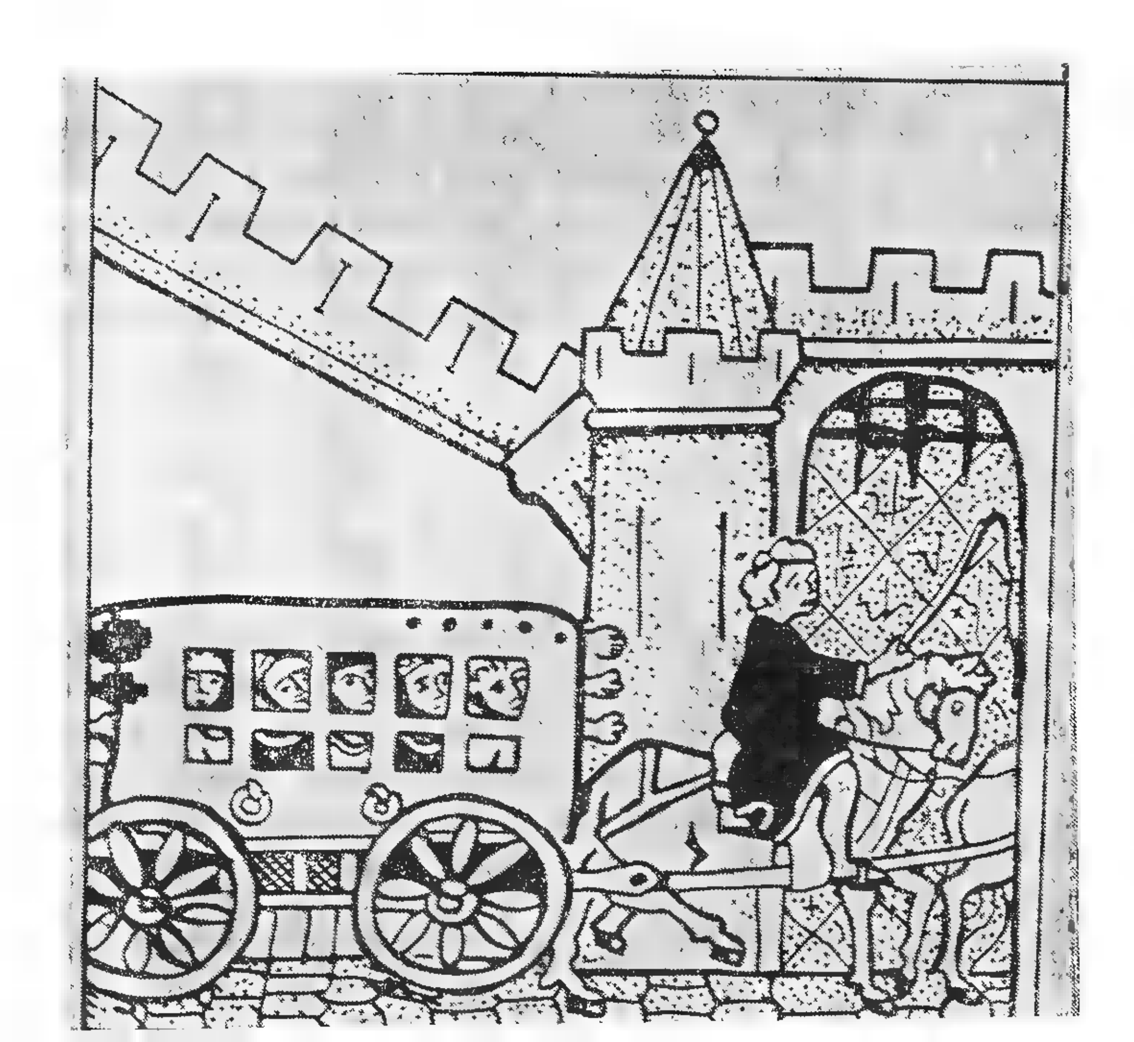
Серьезное значение для европейской и евроазиатской торговли имела Волжско-Каспийская зона. Связь с ней осуществлялась либо через Византию, Мраморное море и Черноморскую водную систему, либо через Западную и Восточную Русь, затем по Волге, хотя ордынское иго, тяготевшее над Русью, а затем турецкое завоевание Балкан создали на этом маршруте значительные препятствия. В XV в. торговля по Волге достигла подлинно широкого размаха, там выросли большие торговые города: Нижний Новгород, Казань, Сарай, Астрахань. На крупных лодках-ушкуях доставляли в Золотую Орду русские меха, седла, мечи, балтийский янтарь, фландрские и английские сукна и другие западноевропейские и византийские товары; часть этих товаров попадала в Среднюю Азию и дальше, на восток. Постоянные торговые связи существовали между Восточной Европой и Византией, Крымом. Крымские генуэзские (Сурож-Судак и Кафу-Феодосию) и византийские (Херсонес) колонии связывали итальянские города и Русь, а также Литву и другие балтийские страны, куда через русских купцов попадали и многие крымские товары. Еще в XII в. зафиксированы встречи на волжских ярмарках русских и испанских купцов.

Активизация дальней торговли шла рука об руку с развитием путей и средств сообщения. Морские и речные суда специализируются: наряду с быстроходными и маневренными военными кораблями на верфях сооружаются устойчивые и вместительные торговые и транспортные суда (см. введение, гл. 2). Увеличилось число верфей. Сухопутные дороги в развитых странах Европы к концу периода превратились в довольно густую сеть, хотя оставались большей частью немощеными и в «мокрые» сезоны малопроходимыми. Во Франции строятся королевские дороги, на которых действует курьерская почта. Развитие корабельного транспорта и сухопутных дорог ускорило перевозку грузов и доставку коммерческой информации, позволило увеличить массу перевозимых товаров, приблизило к рынкам глухие углы.

Почти нет сведений о местной торговле того времени — между городом и окружающими деревнями и вотчинами, между соседними районами — в которой реализовались наиболее повседневные, хозяйственные и социально значимые рыночные связи. «Дирижером» местной торговли также выступал город. Продовольственные нужды городов и потребности в сырье были важным стимулом развития их связей с деревней. Большинство городов в то время вообще вырастало и функционировало прежде всего в рамках локальных товарных отношений, в которых были заинтересованы все слои местного общества. Базой внутреннего обмена в Европе стали также деревенские рынки и ярмарки, которые умножались начиная с XIII в., особенно там, где были развитые сельские ремесла и промыслы: в Англии, на Руси, в Скандинавских странах, ряде районов Германии.

Значительный интерес представляет социальная характеристика феодального рынка, т. е. классовая и сословная принадлежность торгующих лиц. Она претерпела серьезные изменения: расширилась категория профессиональных торговцев. Но их число в общем составе торгующих лиц оказалось в масштабах общества небольшим. Основную массу товаров сбывали либо те, кто их производил, т. е. сами ремесленники и крестьяне, вольные рудокопы, рыбаки, углежоги, либо сеньоры, которые отправляли на рынок излишки натурального оброка или продукты со

Торг в Новгороде. Миниатюра из Летописного Свода. Лаптевский том.

Экипаж для путешествий. Рисунок. XIV в.

своего домена. В то же время многие лица из разных сословий подрабатывали торговлей: моряки сбывали контрабанду, крестьяне брались за мелкую перекупку товара, монастыри и светские господа заводили свои лавки и корабли. Не отставали и члены королевских семей.

По мере развития феодализма и роста всеобщего разделения труда торговля становилась все более важной сферой общественных связей эпохи. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что при неразвитом товарном производстве «именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю» [1]. Торговля создавала прочные экономические связи между различными отраслями производства и внутри них, между отдельными хозяйственными единицами и районами, между городами, деревнями, промыслами. Вслед за производством торговля оказывала воздействие и на тип присвоения. Являя собой «общественный обмен веществ», она относилась к важнейшим факторам развития.

Но масштабы средневековой торговли, конечно, нельзя преувеличивать. Ее тормозило господство натурального производства, неразвитость техники обмена, средств и путей сообщения, сословные рогатки, местная разобщенность, а также беззакония господ и феодальный сепаратизм. Знатные рыцари и сами короли не брезговали грабежом купеческих караванов. На море бесчинствовали многочисленные пираты, на суше — разбойники. При переезде из владения одного феодала во владения другого (не говоря уже о пересечении государственных границ, прибытии в чужой порт и т. п.) с купцов взимались всякого рода пошлины: дорожные и мостовые, речные и привратные, весовые и др.

Тем не менее постепенный рост товарно-денежных отношений, расширение обмена создавали возможность накопления денежных средств и способствовали возникновению денежного рынка. Это прежде всего операции по обмену денег, необходимые из-за бесконечного разнообразия монетных систем и монетных единиц, поскольку деньги тогда чеканили не только императоры и короли, но и все сколько-нибудь видные сеньоры, в том числе епископы, а также многие города. Для установления ценности той или иной монеты, для обмена одних монет на другие обращались к менялам, которые занимались также переводом денежных сумм (разновидностью кредитных операций) и ростовщичеством. Кредитно-ссудные операции получили в европейском обществе, особенно с XIII в., значительный размах в связи, во-первых, с разорением многих тружеников города и деревни, а во-вторых, с торговлей. Купеческий кредит особенно развился в сфере транзита и оптовых сделок. Расширение денежных операций привело к созданию специальных банковских контор. Впервые они возникли в Ломбардии; поэтому в средние века слово «ломбардец» было синонимом банкира и ростовщика (и сохранилось в наименовании ломбардов). Крупнейшим ростовщиком была католическая церковь, и прежде всего римская курия, куда стекались огромные средства из многих стран Европы.

В среде профессиональных торговцев преобладали мелкие лавочники и разносчики. Элиту составляли собственно купцы — богатые «гости», разъезжавшие по разным городам и странам. Купцы столичных городов — Константинополя, Лондона, Парижа — и больших портов обычно подавляли купцов провинциальных городов, даже крупных.

Купеческая среда каждого города, как и ремесленная, была объединена родственными и корпоративными связями; к ней подключались и бюргеры из других городов, иногда далеких. Особенно характерно это было для так называемых торговых домов — семейных купеческих компаний.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 70; ср.: Там же. С. 13–14, 15, 29–30; Т. 25, ч. I. С. 358.

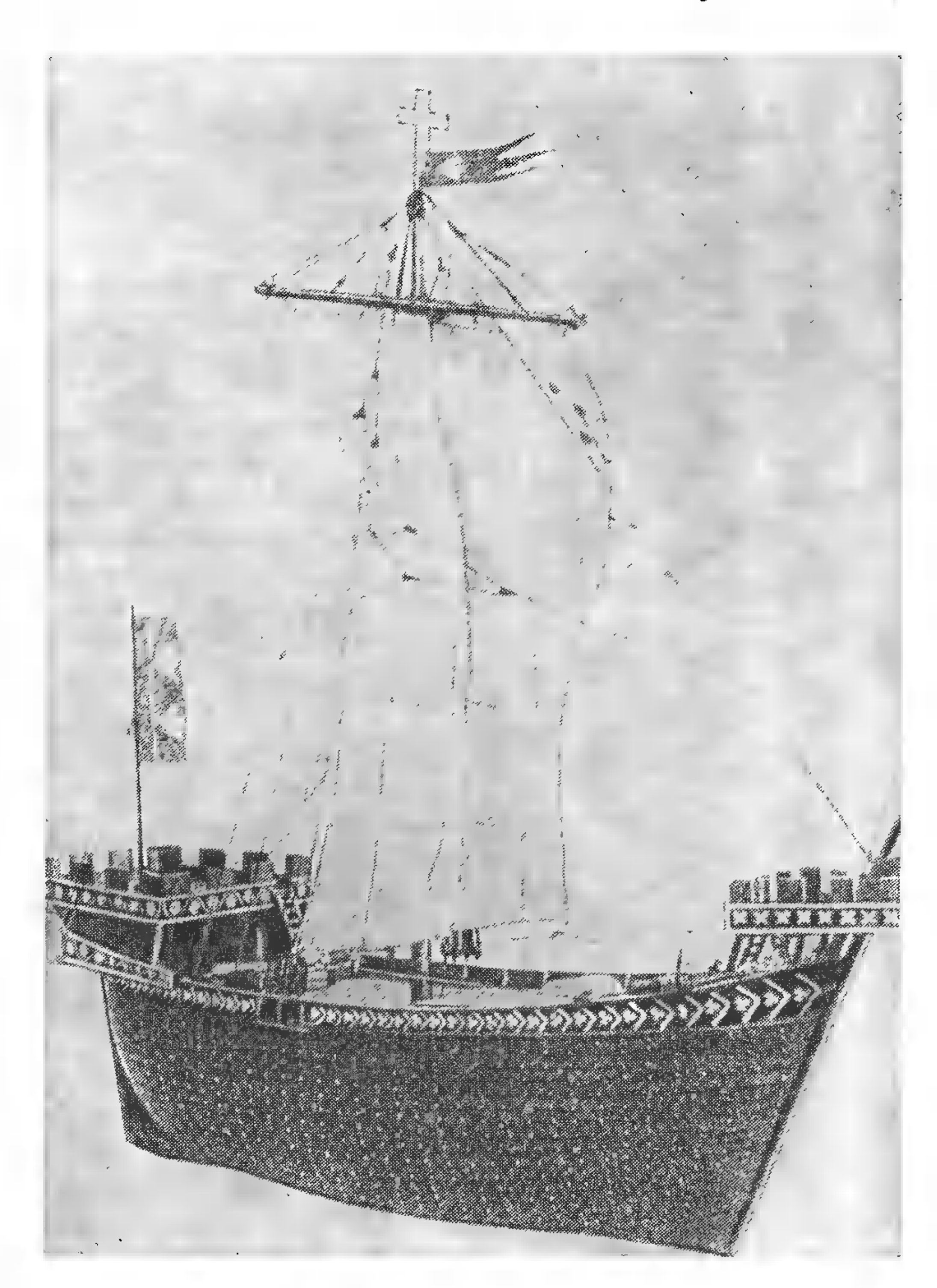

Монеты с изображением Конрада III и Фридриха I. Германия. XII в.

Совладельцы такой компании — родичи и свояки организовывали конторы в других городах, где действовали сами или через агентов-факторов. Новой формой купеческих объединений стали морские охраняемые караваны — так называемые конвои. Широко распространились издавна известные паевые купеческие товарищества (компаньонажи, складничества, коменды), а также объединения купцов одного города — гильдии. Нередко в городе было несколько гильдий, куда входили купцы, путешествующие в одно место или с одинаковым товаром: например, суконщики во Флоренции и Нидерландах или русские «гости-сурожане». Торговые гильдии, как и ремесленные цехи, добивались для своих членов монопольных привилегированных условий в торговле, оказывали помощь в случае гибели товара, пленения, болезни или смерти купца. Они добивались для себя правовой защиты в чужих странах. В Барселоне уже в XIII в. возник институт торговых консулов, которых специально для защиты торговых интересов и купцов своей страны направляли в Византию, Александрию, Сирию, на Сицилию; к концу XV в. резиденции барселонских консулов были уже в 50 средиземноморских портах. Тогда же в Барселоне появилась морская биржа, где заключались контракты. К концу периода почти во всех странах возникли элементы протекционизма: запрет перевозить свои товары на иностранных судах и ввозить товары, конкурирующие с местными, установление таможенных льгот для своих купцов и т. п. Неприкосновенность жизни, чести и имущества купцов, в том числе иноземцев, обычно гарантировалась городом и государством.

Иногда объединялись все купцы нескольких городов. Самым значительным объединением такого рода в средневековой Европе была знаменитая Ганза — торгово-политический союз купечества многих североевропейских городов. Ганза (наименование употреблялось с 1358 г.) созывала собрания их представителей — ганзетаги, имела свой флот, объявляла войну и мир, вмешивалась в дела всех балтийских стран и вела активную борьбу за преобладание на Балтийском и Северном морях. Ганза возникла в середине XIII в. как антипиратский союз купечества 60 городов Северной Германии во главе с Любеком, а к началу XV в. объединение насчитывало несколько сотен немецких и западнославянских городов и делилось на насколько филиалов: прусский во главе с Данцигом (Гданьском), рейнский — с Кёльном и др. Наибольшую роль играла вендская Ганза во главе с Любеком, позднее Гамбургом, которая держала в своих руках торговлю в Северной Европе до начала XVI в. Ганза

Ганзейский корабль «когг». XIII–XIV вв. (реконструкция)

имела колонии, конторы, склады, портовые сооружения, церкви во многих городах Европы: Амстердаме и Брюгге, Лондоне и Новгороде, Висбю, Стокгольме, Риге, Бергене и др. Она значительно расширила рыночные отношения в северной торговой зоне.

В течение XI—XV вв. торговля в целом способствовала экономической эволюции европейского общества. Но рынок оставался феодально ограниченным: он охватывал лишь небольшую часть производимых продуктов и рабочих рук, мало включал в оборот земельную собственность; отличался корпоративной узостью, раздробленностью, обилием личных связей, господством местных интересов и привилегий, неотделенностью торгово-профессиональных функций.

Городское сословие оформилось в ходе коммунальных движений, когда в борьбе с сеньорами население городов обнаружило единство главных интересов. Затем новое сословие укреплялось по мере роста ремесленно-торговых слоев, расширения экономической, финансовой мощи городов.

И деятельность, и собственность сословия горожан (несравненно бóльшие, чем другие виды средневековой деятельности и собственности) были связаны с товарными отношениями. А в социальной и политико-правовой сфере сословие горожан занимало как бы промежуточное положение между господствующим классом (сословиями светских и церковных феодалов) и постепенно формировавшимся в сословие или сословную

Образцы печатей средневековых городов: а) Берлин – середина XIII в.; б) Любек – 1226 г.; в) Бристоль – первая половина XIV в.

группу классом феодально-зависимого крестьянства. Горожане пользовались рядом специфических привилегий: личной свободой, особым (городским) держанием, подсудностью городскому суду, подвластностью городскому управлению, правообязанностью участвовать в городском ополчении и самообложении; наконец, горожане ряда стран участвовали в сословно-представительных учреждениях. В то же время сословие горожан оставалось неравноправным по отношению к высшим сословиям; оно несло государственное тягло и считалось «неблагородным» в рамках корпоративного феодального общества.

Первоначально городское сословие отождествлялось с понятием «горожане», жители городов. С IX в. в верхненемецких источниках появляется адекватный термин burgari, от «бург» – город (откуда произошло также наименование буржуазии); с X в. термин «бюргер» известен во Франции. Но очень скоро (в Италии с XI в.) появилось понятие внутригородского гражданского полноправия. Уже в XII–XIII вв., когда горожан по всей Европе стали именовать мещанами, бургензес, ситизенс (от слав. «място», герм. «бург», романского «ситэ» – город), термин бюргер означал лишь полноправных горожан, «граждан города». Прочее городское население не включалось в это понятие.

Полноправными, т. е. бюргерами, были только те жители городов, которые получили по наследству либо приобрели городское гражданство, пользовались всей полнотой городских привилегий: правом на жительст-

во, на угодья городской общины, ее покровительство в делах и в случае нападения, приобретение недвижимости, участие в управлении городом. Для приобретения прав бюргера нужно было обладать личной свободой, заплатить значительный вступительный взнос, доказать способность нести тягло (городу и государству) и участвовать в городских платежах, очень часто — приобрести в городе или его субурбии землю, иметь имущество не ниже определенной стоимости, позднее — стать членом гильдии или цеха. Повсеместно полным правом в городе могли пользоваться лишь относительно зажиточные люди и, во всяком случае, те, кто, согласно тогдашней формуле, «сам себя содержал». Неполноправную часть городского населения составляли неимущие люди, доля которых в общем его составе все время увеличивалась.

Городское плебейство первоначально состояло преимущественно из деклассированных лиц, лишенных постоянного местожительства и определенных занятий. На первом этапе развитого феодализма сюда попадали неорганизованные наемные рабочие, поденщики и слуги, беглые крестьяне, рабы и холопы, нищие, в балканских городах — зависимые парики. Постепенно плебс стал пополняться за счет основного — ремесленно-промыслового — слоя городов: «вечных» подмастерьев и учеников, обедневших мастеров, представителей непрестижных профессий. Городские плебеи подвергались особенно жестокому внеэкономическому нажиму: ограничению личных прав, принуждению к труду по найму (в XIV—XV вв.— согласно «рабочему законодательству»), регламентации зарплаты и образа жизни. Во второй период развитого феодализма грань между плебсом и собственно бюргерством стала практически непреодолимой. И если бюргерство дало начало первым элементам буржуазии, то городской плебс — предпролетариата.

Однако и само бюргерство не было единым. Из его среды также рано выделились наиболее имущая влиятельная и привилегированная верхушка — нобили (благородные), или «лучшие», магнаты и т. п.— богатые купцы-оптовики, откупщики, ростовщики и менялы, крупные владельцы домов, скота и земли. Это была очень узкая, замкнутая, тесно спаянная родственными и деловыми узами элитарная группа — наследственная городская аристократия или патрициат, доступ в который новых людей был жестко ограничен. Только из среды патрициата избирались мэры (бургомистры, посадники), члены городского совета и судебной коллегии, а также все городские делегаты в сословных парламентах и на межгородских съездах. Патриции держали в своих руках администрацию, суд, финансы, налогообложение, оборону, строительство города, используя эти функции в своих интересах.

Изначальной особенностью городской элиты по всей Европе было широкое представительство в ней феодалов и министериалитета. Процесс взаимного проникновения части дворянства и бюргерской элиты, одворянивания последней, начавшийся еще в XII—XIII вв., усиленно продолжался затем на протяжении всей эпохи. Феодалы занимали высшие городские должности, входили в привилегированные бюргерские сообщества. Все купцы —члены патрицианского Большого совета Венеции были крупными землевладельцами-вотчинниками, имели звания «благородных купцов» и рыцарей, превращали свои земли в феоды. В Кастилии высшие городские должности в XIII—XIV вв. принадлежали титулованным дворянам. В Германии богатейшие патриции ганзейских городов, узурпировавшие все магистратуры, владели целыми деревнями, держали феоды от крупных сеньоров. В городах Византии господствующее положение занимала светская, чиновная и церковная знать. Преобладающее влияние феодалов-горожан и горожан-феодалов было отличительной чертой всех южноевропейских (испанских, итальянских, французских, балканских) городов. Так же обстояло дело с патрициатом на Руси (в том чис-

ле в Новгороде и Пскове), в Швеции и Дании, да и по всей Европе.

Иногда значительную часть городской элиты и цеховую верхушку составляли иностранцы: в польских, чешских, скандинавских городах — немцы, в словенских— немцы и итальянцы, в далматинских— итальянцы и т. д. Нередко городские богатеи даже говорили на другом, нежели местные жители, языке, носили иные имена, подчас исповедовали иную религию. Все это вызывало глубокое недовольство прочих горожан.

С выделением патрициата последние превратились в простолюдинов — пополанов, «меньших», «тощих» и т. п. В этот слой входили цеховые ремесленники, средние и мелкие торговцы, владельцы земли и домов, шкиперы, нотариусы, врачи, университетские профессора. Они отнюдь не были бедными людьми, так как обладали профессией, движимым и недвижимым имуществом, включая землю в городе и его округе.

Постепенно в социальной борьбе горожан наступил новый этап. Если в коммунальном движении горожане сообща выступали против сеньора, то теперь центр социального антагонизма переместился внутрь городов. Торгово-ремесленная прослойка бюргерства начала выступать против патрициата, стремясь получить доступ к власти в городах. Данный этап социальной борьбы средневековых горожан обычно связывают с борьбой цехов против патрициата: хотя она происходила и в городах с так называемым свободным ремеслом и вообще получила в Европе XIV—XV вв. почти повсеместное распространение, именно цеховые ремесленники довели ее до наибольшего накала, наивысших форм и наивысших результатов.

Там, где ремесленное производство получило большое развитие и занимало ведущее место, где имелись сильные цехи, обычно они побеждали (Кёльн, Аугсбург, Флоренция). В других городах, где ведущую роль играла широкая экспортная торговля, победителем из борьбы выходила купеческо-патрицианская верхушка (Гамбург, Любек, Росток и другие города Ганзы, Венеция, Генуя). Иногда патрициат допускал к власти самую богатую часть ремесленной верхушки. Но и там, где цехи одерживали полную победу, управление городом не становилось подлинно демократическим, т. е. власть оказывалась в руках новой олигархии — представителей наиболее влиятельных цехов и части старого патрициата,— которая также отражала интересы городской элиты.

Социальная борьба внутри бюргерства принимала разные формы. Так, в Византии вооруженные дружины провинциальных городов выступали против опеки Константинополя. Восстания посадских людей против власти и кабалы бояр и крупных купцов прокатились в XIV—XV вв. по русским городам (Кострома, Нижний Новгород, Торжок, Великий Новгород, Брянск). Борьба против патрициата нередко смыкалась с еретическими выступлениями: это известное движение богомилов на Балканах, катаров в Южной Европе (одно из последних восстаний — в Сплите, 1398—1402 гг.), восстания в Новгороде (1337, 1340 гг.) и др. Особенно острый характер борьба против патрициата принимала тогда, когда она сочеталась с национально-освободительным движением: против засилья немцев (в Праге и Вроцлаве в 1333 г.; в Праге в 1419 г. и др.), золотоордынского ига (в XIV в.— в Ростове, Ярославле, Твери, Москве) и др.

В борьбе против патрициата активное участие всегда принимали городские низы. В XIV—XV вв. городской плебс, нередко при участии низших групп бюргерства, поднимал восстания против нового патрициата (в Перудже, Сиене, Кёльне и др.). На этом третьем, плебейском этапе социальной борьбы горожан впервые прозвучал голос предпролетариата (восстание чомпи во Флоренции в 1378 г.). Городские низы в эти же столетия приняли участие в ряде общенародных восстаний: Уота Тайлера в Англии, французской Жакерии, в Гуситских войнах в Чехии, восстании Энгельбрекссона в Швеции и др.

Одновременно высшие группы бюргерства включались в государственное управление: в ряде стран они играют заметную роль в сословно-представительных собраниях, где имеют свою палату, либо действуют совместно с рыцарями или верхушкой крестьянства.

Таким образом, сословие бюргерства заняло важное место в жизни феодального общества как его органичный структурный элемент. Оно было связано с прочими слоями не только через производство, торговлю, кредит, но и через господствовавшую в ту эпоху земельную собственность, а также через тесные контакты между городской элитой и господствующим классом, между всеми группами населения города и деревни. Оно участвовало в политической жизни общества, в представительных учреждениях, вместе с деревней часто оказывалось подвластным общему сеньору, иногда же города сами осуществляли сеньориальную власть над прилегающей сельской округой.

Конституирование горожан как общности происходило подобно всем феодальным сословиям в форме корпоративных привилегий и «свобод». Еще более, чем прочие феодальные сословия, бюргерство было социально гетерогенным, делилось на ряд групп по профессиональному, имущественному, политико-правовому принципу. Разобщенность усиливалась из-за преобладания локальных интересов городов, соперничества и войн между ними. Все это затрудняло совместные выступления бюргерского сословия в масштабах каждой страны. Однако хозяйственная, денежная, военно-стратегическая сила горожан была важнейшей опорой государственной централизации в масштабах целых стран или на княжеско-территориальном уровне. Заинтересованность горожан в мире, законности и порядке делала их верными союзниками неверных монархов, которые позволяли бюргерству оплачивать свои долги и военные авантюры, но далеко не всегда защищали их от притеснений феодалов.

Успехи внутренней и внешней торговли, кредита и ростовщичества в Европе XIV—XV вв. способствовали накоплению в руках купеческой и ростовщической верхушки горожан значительных денежных средств и образованию древнейших свободных форм капитала — торгового и ростовщического. В обстановке начавшегося замыкания цехов и разложения цехового ремесла торговый капитал получил возможность постепенно внедряться в сферу производства. Во многих крупных городах купцы приобретали оптом сырье и раздавали его обедневшим ремесленникам, а затем скупали у них готовые изделия для продажи на рынке, превращая их таким образом в кустарей, т. е. наемных рабочих-надомников. Такая «раздаточная система» вела в перспективе к ранним, примитивным формам капиталистического производства — рассеянной мануфактуре. В ряде стран Европы эта система в XIV—XV вв. уже проникла в крестьянское домашнее ремесло. При этом крестьянин превращался в наемного рабочего с земельным наделом — также характерную фигуру раннекапиталистического производства. В Германии прядением и ткачеством на городских раздатчиков-скупщиков были заняты многие крестьяне в округе городов Ульм, Констанц, Аугсбург, Мемминген, Равенсбург, Сен-Галлен. В самих этих городах производилась лишь отделка деревенских тканей, целиком же изготовлялись только лучшие сорта. Напротив, в прославленном сукноделии, развившемся по Среднему Рейну, в деревне допускалось лишь прядение, а основные стадии производства сосредоточились в городах. Раздаточная система была широко развита в Восточной Англии, вокруг некоторых городов Северной Франции.

В Италии и Фландрии она в период развитого феодализма порождала раннекапиталистические отношения. Компания флорентийских суконщиков из старших цехов Лана, Калимала, Сета уже в XIV в. широко привлекала к работе бедных крестьян окрестных деревень в качестве прядильщиков и ткачей, но еще в большей степени городских бедняков,

разорившихся мастеров, представителей плебса. Не ограничиваясь раздаточной системой, они создавали даже централизованные небольшие (по нескольку десятков рабочих) предприятия мануфактурного типа. Первые ростки капитализма в XIV в. появились во Флоренции и некоторых других городах Тосканы. Тогда же в текстильное производство городов Фландрии и Брабанта в качестве раздатчиков и скупщиков стали внедряться цехи суконщиков, а в XV в. там тоже стали возникать как рассеянные, так и централизованные мануфактуры. В Голландии, где ранние мануфактуры стали развиваться с начала XV в. на основе эксплуатации разорившихся крестьян пригородных деревень, борьба городских корпораций за монополию в конце того же столетия задавила деревенское мануфактурное производство, что привело к упадку всю отрасль

В других странах, в частности в Англии и в Германских землях, раздаточная система гораздо медленнее разъедала цеховую и порождала мануфактуры. Ее массовое развитие, в основном в форме рассеянной мануфактуры, относится лишь к концу XV в., причем оно происходило не только в городах, но и деревне, где не было цеховых ограничений.

Раннекапиталистические отношения в Европе XIV—XV вв. возникали лишь спорадически. Раньше всего и в более широких масштабах они наблюдались в самых крупных центрах и в отдельных, наиболее развитых отраслях производства (особенно в сукноделии). Но они в большей или меньшей мере вовлекали в сферу своего действия и другие производственные отрасли: как крестьянские промыслы (добыча соли, торфа и камня-песчаника, изготовление веревок и парусов, лесопильное дело), так и городские ремесла (судостроение, книгопечатание, монетное и пушечное дело). Важную роль в зарождении капиталистических отношений, хотя и в особой, связанной с регальной организацией форме, сыграло в конце XIV и особенно в XV в. передовое горно-металлургическое производство в немецких, чешских, венгерских и шведских землях. В него вкладывались большие капиталы, там активно происходил процесс превращения ранее самостоятельных вольных рудокопов и мастеров-металлистов в наемных рабочих.

Однако раннекапиталистическая мануфактурная организация производства в масштабах континента и отдельных стран оставалась редкой даже в XVI в. Развитие новых явлений раньше, быстрее и успешнее всего происходило в тех странах и тех отраслях, где имелся емкий внешний рынок сбыта, побуждавший к расширению производства и допускавший его расширение, совершенствование, вложение новых капиталов. Появление мануфактур поэтому еще не означало складывания нового капиталистического уклада в рамках всего общества. Даже в крупных городах значительная часть капиталов, созданных в торговле, ростовщичестве и самом мануфактурном производстве, вкладывалась не в расширение последнего, не в коммерческие предприятия, а в приобретение земли и дворянского статуса. Феодальная система и здесь оставалась еще господствующей.

Глава 2

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН В XI—XV вв.

В период развитого феодализма в этот регион входили Франция, Германские земли (сначала до Эльбы, а затем и за ее пределами) [1], включ-

[1] Географически эти Заэльбские земли скорее можно было бы отнести к Центральной Европе. Однако на всем протяжении рассматриваемого периода они экономи-

чавшие будущие Нидерландские княжества (Голландия, Зеландия, Оверэйссел, Брабант и др.), а на юге также Швейцарию. С конца 20-х годов XIII в. в него вошла и Южная Франция (Лангедок), до этого тяготевшая к Юго-Западной Европе. С XI в. в Западноевропейский регион входит также Англия и тесно связанные с ней экономически и политически Ирландия и Шотландия. В истории этих стран в XI—XV вв. были некоторые общие черты, позволяющие объединить их в один регион.

1. Некоторое сходство климата, почвы, рельефа (перемежение всюду, кроме Нидерландов и других областей приморской Германии, плодородных долин и равнин с невысокими, кроме Швейцарии, горными массивами). Возможность широкого распространения пашенного земледелия и оседлого скотоводства. Разветвленная сеть речных и морских коммуникаций, способствовавшая раннему развитию внутренних экономических связей (локальных и более широких) и активной прибрежной и дальней морской торговли. Наличие больших лесных массивов, составляющих резерв для внутренней колонизации.

2. Для основных стран этого региона была характерна наибольшая по сравнению с другими регионами завершенность феодальных отношений к *исходному моменту* рассматриваемого периода: преобладание частновладельческих вотчин и разделение между ними основного массива территорий, а следовательно, и частновладельческой (а не государственной) эксплуатации крестьян; подчинение большинства крестьян разным формам поземельной и личной зависимости, подчинение феодалу общины; развитая система феодального иммунитета и вассально-ленных отношений.

3. Относительно раннее (XI — начало XII в.) возникновение городов и складывание местных, а в отдельных странах более широких внутренних рынков, вовлечение в них крестьянства, а отчасти феодалов, однако, без экономического и политического господства города над деревней (в противоположность Италии).

4. Общие тенденции воздействия товарно-денежных отношений на аграрный строй в XI—XV вв.: постепенное сворачивание домениального хозяйства феодалов; все большее развитие сначала натуральной, затем денежной ренты вместо отработочной; освобождение крестьян от личной зависимости.

5. Политическое развитие региона характеризовалось сначала (XI—XII вв.) преобладанием феодальной раздробленности, часто под внешним покровом слабых монархий; затем (XIII—XV вв.) повсеместным усилением государственной централизации в форме складывания феодальных монархий или территориальных княжеств (Германия) с сословным представительством.

6. Религиозная жизнь региона, так же как в Юго-Западной Европе, определялась огромным влиянием не только в области культуры и идеологии, но и в политике католической церкви, независимой от государств и стремившейся в отдельные периоды подчинить их своему диктату, а с другой стороны,— особенно широким развитием в XI—XV вв. разного рода еретических учений и движений.

В это время основная часть феодалов в регионе еще вела в больших или меньших масштабах домениальное хозяйство, используя труд зависимых крестьян. Получаемая с них феодальная частносеньориальная рента была в этот период главным обеспечением существования феодалов. Повсеместно (за исключением отдельных территорий) крестьяне находились в частновладельческой зависимости от своих сеньоров — личной (более тяжелой) или поземельной (более легкой). Свободные крестьяне-

чески и политически были связаны с Германской империей и по своему социальному развитию были ближе к Германским землям.

собственники сохранялись к началу XI в. лишь в отдельных замедленно развивавшихся частях региона (Северогерманские земли, Ирландия, Шотландия, Швейцария). В более развитых странах (в Англии, например) эта категория крестьян в XI в. была малочисленна. Лично зависимые крестьяне (сервы во Франции, нэтивы, позднее вилланы в Англии и подобные им категории в Германии) составляли в данном регионе значительную, по сравнению с другими регионами Европы, часть крестьян, но не были преобладающими: их число в среднем по региону не превышало 30—40% крестьянского населения. Они несли тяжелые недельные барщины (2—4 дня в неделю), платили унизительные сервильные повинности: «брачную подать», «посмертный сбор», произвольный побор сеньора (талья во Франции и в Англии), их права на земельный надел не были защищены законом. Поземельно-зависимые крестьяне если несли барщину, то менее тяжелую (чаще поурочную), платили в основном натуральную, позднее и денежную ренту, не несли сервильных повинностей, имели более обеспеченные права на земельный надел. Они составляли бо́льшую часть зависимого крестьянства в начале, но особенно в конце рассматриваемого периода.

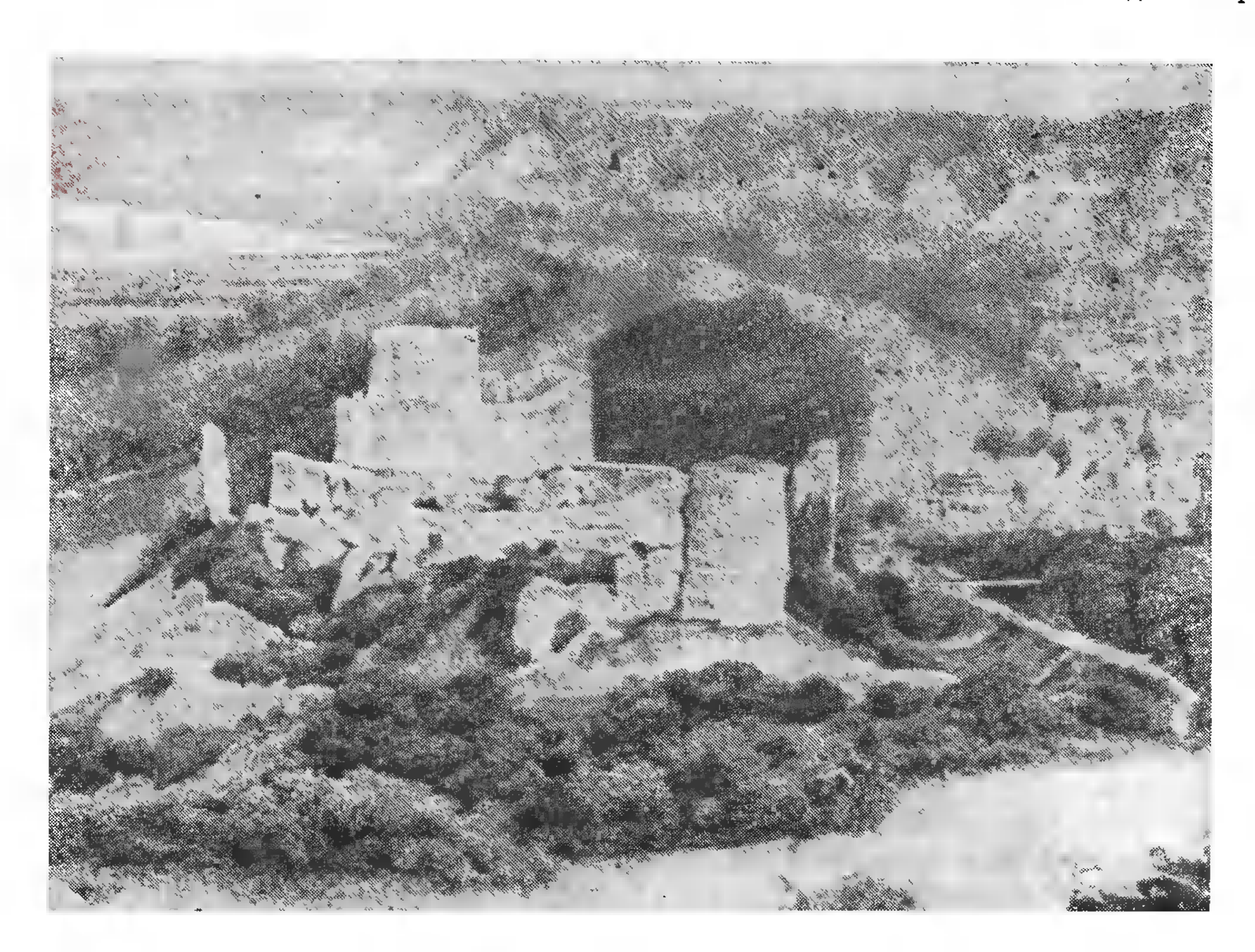
Характер крестьянских поселений и полевых систем был различным в разных частях региона (см. введение, гл. 2). В его многочисленных равнинных районах преобладала система «открытых полей» с чересполосицей, принудительным севооборотом и выпасом скота по пару. В горах, на лесных расчистках и в болотах более обычны были небольшие, в несколько домов, деревни или хутора. В этих случаях крестьянские наделы были компактны и огорожены. Жители деревни (а иногда и нескольких деревень) составляли общину типа соседской. В XI — начале XII в. она была зависима от сеньора, и ее наличие слабо отразилось в источниках этого времени. Однако это не значит, что ее не было вовсе, как считают теперь многие историки на Западе. Во Франции, Англии, Германских землях уже в X — начале XII в. общины часто выступали против попыток их сеньоров захватить общинные угодья, повсеместно сообща пользовались альмендой. Они же часто служили низшими ячейками местного управления и единицей раскладки налогов.

Крестьянству как единому (несмотря на социально-правовые различия в его среде) классу эксплуатируемых противостоял господствующий класс феодалов, в руках которого была сосредоточена собственность на землю. Он также делился на разные группы: светских и церковных феодалов, часто враждовавших между собой. Каждая из этих групп в Западноевропейском регионе была уже в XI в. сильно иерархизирована и строилась на вассально-ленных отношениях.

Феодалы в той или иной степени располагали в своих владениях политической и судебно-административной властью. Эта власть служила одной из гарантий эксплуатации крестьянства, особенно еще лично свободного. В конце X—XI в. по всему региону сильно расширяются иммунитетные права феодалов. Высшие и средние их слои наделяются правами «бана», которые включали право высшей юрисдикции, право иметь свои тюрьмы, орудия пытки, виселицы для казни преступников. Даже простые рыцари могли привлекать в свои сеньориальные суды не только лично зависимых, но и поземельно-зависимых крестьян и располагали «баналитетами» — монополией сеньоров на мельницы, печи, виноградный пресс, за пользование которыми крестьяне-держатели обязаны были им дополнительными платежами.

Средоточием политической власти феодалов высшего и среднего ранга становятся замки (во Франции с конца X в., в Англии и Германии — с конца XI в.). Они заметно изменяют аграрный пейзаж региона.

Расположенные обычно на высоких труднодоступных холмах, часто над речной долиной, они, господствуя над окрестностями, позволяли из-

Замок Шато-Гайяр, построенный по приказу английского короля Ричарда Львиное Сердце. Нормандия. 1196 г.

дали увидеть приближение врагов. Донжон — высокая башня, где жили феодал и его свита, стоял на внутреннем дворе, окруженном одной или двумя стенами с несколькими башнями. Нередко замок обносился наполненным водой глубоким рвом, через который к его воротам вел подъемный мост (подробнее см. введение, гл. 2).

Замки и укрепления служили не только военным целям, но и оплотом политической независимости их владельцев от короля. Они являлись также центрами организации управления феодальным владением, в том числе эксплуатации крестьян. Массовый рост замков был выражением завершения процесса феодализации в регионе. Однако нельзя согласиться с теми западными учеными, которые видят в массовом росте числа замков в X—XI вв. главное орудие «феодальной революции» (см. введение, гл. 1) в регионе. Ведь появление замков в эти столетия было отнюдь не источником формирования феодализма, но лишь спутником и завершением тех экономических и социальных изменений, которые лежали в основе этого процесса. Не политическая власть сеньоров, концентрировавшаяся в замках, создавала феодальную собственность и зависимое крестьянство, но, напротив, она была атрибутом и следствием складывания феодальных отношений в экономике и социальной жизни.

Располагая широкой политической властью, объединенные системой феодальной иерархии, обладающие сильным войском из своих вассалов, разбойничьими гнездами замков, феодалы, особенно крупные, повсеместно в регионе в XI—XII вв. не были заинтересованы в сильной центральной власти короля, что явилось одной из предпосылок состояния феодальной раздробленности большинства областей региона; сепаратизм крупных феодалов был также источником постоянных феодальных междоусобных войн за земли и доходы; тяжелее всего они отзывались на не защищенных стенами сельских поселениях.

На первых порах в феодальном обществе низкий уровень производительных сил обусловил в основном натуральный характер как сеньориального, так и крестьянского хозяйства. Ни то, ни другое не имели значительного излишка продуктов для торговли. До начала XII в. она велась в очень ограниченных масштабах. Натурально-хозяйственная замкнутость политически разобщенных феодальных мирков порождала замедленность развития общества, его традиционность, вообще свойственные феодальному строю.

Однако зрелое феодальное общество Западноевропейского региона отнюдь не было неподвижным. В его развитии выделяются два этапа: первый, когда простое товарное производство не вносило еще существенных деформаций в феодальную структуру, и второй, когда такого рода деформации исподволь стали подготовлять ее разложение.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

Относительно раннее завершение процесса феодализации, утверждения, с одной стороны, мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства, с другой — вотчины, побуждавшей его своими требованиями к повышению производительности труда, уже с конца XI в. привело к значительному росту продуктивности сельскохозяйственного производства и к общему экономическому подъему в регионе. В XI—XIII вв. здесь распространяются более совершенные пахотные орудия (см. гл. 2), развивается конная тяга, ускорившая процесс обработки земли, применяются удобрения; переложная система сменяется двухпольем, а в XIII в. во многих местах — трехпольем, прогрессирует садоводство, виноградарство, возделывание технических культур. Создавалась возможность образования в крестьянском хозяйстве некоторых излишков.

Первым результатом прогресса крестьянского хозяйства был быстрый рост населения в регионе на протяжении XII—XIII вв.— в среднем в 2—2,5 раза, а в отдельных его частях еще больше (например, в Англии более чем в 3 раза). Рост населения создавал нехватку годных для обработки земель, которая возмещалась постепенно развивавшейся внутренней колонизацией за счет обширных еще тогда лесов, осушения болот, строительства дамб на низменных морских побережьях. Иногда связанная с внутренней колонизацией миграция сельского населения происходила под главенством феодалов, особенно монастырей, переселявших своих крестьян на новые земли, привлекая их льготными условиями. Но основную массу колонистов, трудом которых создавались новые поселения, составляли крестьяне, уходившие с насиженных мест в надежде избавиться от барщины и личной зависимости.

Однако по пятам крестьян-колонистов шли феодалы и на новых местах подчиняли их своему экономическому и политическому господству. Расширение обрабатываемых земель в результате внутренней колонизации вело к увеличению валового продукта, производимого в деревне, т. е. на первых порах имело прогрессивное значение. Велики были и социальные последствия внутренней колонизации: в некоторых случаях она облегчала, хотя бы временно, положение крестьян на новых местах поселения, в других, угрожая массовым уходом крестьян на новые места, вынуждала феодалов создавать им более благоприятные условия и на старом месте.

Нехватка земли была причиной и внешней колонизации там, где это было возможно. Как правило, она носила характер военно-колонизационных движений, руководимых феодалами, но вовлекавших в свое русло и массы крестьян. К ним относятся завоевательные походы немецких феодалов в Заэльбье и Прибалтику в XII—XIII вв.; более мирное их про-

никновение в «Восточную марку» (будущую Австрию), где немецкие колонисты, в том числе крестьяне, селились среди местного, в основном славянского населения; английские завоевания в 60-х годах XII в. в Ирландии с частичной ее колонизацией; попытки английских феодалов проникнуть в Южную Шотландию. Внешняя колонизация, тяжело отражавшаяся на местном населении завоеванных областей, иногда так же, как и внутренняя, облегчала положение крестьян в местах старого поселения (особенно в Германских землях).

Наиболее важным результатом и проявлением общего хозяйственного подъема XI—XIII вв. был массовый рост в это время в Западноевропейском регионе городов как центров ремесла и торговли (см. введение, гл. 2). В отличие от Юго-Западного региона города здесь в подавляющем большинстве случаев возникали заново, а если и на местах старых римских городов (Пуатье, Париж и др.— во Франции; Кёльн, Аугсбург и др.— в Германии; Лондон, Винчестер и др.— в Англии), то без прямой преемственности с ними. Районами наиболее тесного скопления городов в регионе была Северная Франция, особенно Фландрия, где сеть городов по плотности уступала лишь итальянским. Особенно высокого развития достигли уже в XII—XIII вв. города Фландрии и Брабанта (Гент, Брюгге, Ипр, Брюссель, Лувен). Главной отраслью производства здесь было сукноделие, в частности производство тонких сукон, которое базировалось на импорте английской шерсти. Фландрские сукна вывозились во многие страны Европы и даже Ближнего Востока и ценились особенно высоко. С конца XIII в. в производстве сукна, рыболовстве и мореплавании стали приобретать все большее значение города северных княжеств (входивших в состав Германской империи) Голландии и Зеландии, Утрехта.

Районами концентрации городов в регионе были также долины Рейна и Мааса, бассейн Среднего Дуная, Германское побережье Северного моря, Юго-Восточная Англия с центром в Лондоне. Однако и вне этих районов и на других территориях возникали средние и мелкие городские поселения. В XII—XIII вв. сеть городов, как рыночных центров, была довольно густа; в среднем города располагались на расстоянии 20—30 км друг от друга. Несмотря на феодальный характер (см. ч. II, гл. 1), города внесли много нового в жизнь средневекового общества, способствовали его прогрессивному развитию (см. ч. II, гл. 10).

Главным прогрессивным следствием массового роста городов в экономике было формирование в регионе рынка. Все города, как крупные, так и мелкие, формировали местный рынок городской округи; но более крупные из них создавали и более широкие рыночные связи, иногда в масштабе целой страны (Париж во Франции, Лондон в Англии, Берик в Шотландии). Некоторые крупные города были широко втянуты во внешнюю торговлю, иногда даже в ущерб внутренней.

Характер формирования рынка городами в каждой стране имел своеобразие. Во Франции города, резко выделявшиеся из сельской округи, имели с ней регулярные повседневные связи, но постепенно втягивались и в областную, а затем и общефранцузскую торговлю. Фландрские города, как уже отмечалось, помимо местного рынка, активно были втянуты в международную торговлю. В Англии города не были столь полными монополистами в торговле, так как там с начала XII в. был развит сельскохозяйственный экспорт, в который деревня втягивалась иногда и помимо городов. В Германских землях крупные города в зонах их наибольшего сосредоточения были центрами международной транзитной торговли и больше были связаны с внешними рынками, чем друг с другом. Рейнские города тяготели к торговле с Италией и Северной Европой, Дунайские города — с Балканскими странами и Восточной Европой; Северонемецкие города (Бремен, Любек, Штеттин, Гамбург и др.)

были больше связаны с торговлей на Балтике, со Скандинавией, Северной Русью. Города же менее крупные, обычно сеньориальные, формировали внутренний рынок не в масштабе всех Германских земель, но на отдельных территориях. В результате подъема XII—XIII вв. здесь не выделился единый экономический центр, подобный Парижу или Лондону.

Возникновение городов привело к созданию в феодальном обществе нового социального слоя горожан, постепенно конституировавшегося в особое сословие — бюргерство. Оно формировалось в процессе борьбы городов с сеньорами за экономические и политические привилегии. В Западноевропейском регионе эта борьба выступала в наиболее острой и классической форме и имела для многих значительных городов весьма ощутимые результаты. Во Франции большинство их (за исключением расположенных на королевском домене) добилось к середине XIII в. самоуправления, так называемого права коммуны (см. ч. II, гл. 1). Широкими правами самоуправления и значительной властью над городской округой пользовались города Фландрии и Брабанта. Фландрские города к началу XIV в. оказались столь сильными, что смогли разгромить своим городским пешим ополчением большое рыцарское войско французского короля Филиппа IV (пытавшегося подчинить себе Фландрию) в битве при Куртре (в июле 1302 г.). Большую политическую самостоятельность приобрело большинство крупных городов в Германии, имевших статус «имперских» (расположенных на землях императорского фиска) или «вольных» (сеньориальных, но добившихся широких привилегий типа «коммун») городов.

Однако основная масса менее значительных городов (т. е. их большинство) и там и здесь добивалась обычно лишь ограниченного самоуправления, при котором мэр (бургомистр в Германии) и городской совет контролировались представителями сеньориальной власти. В Англии, а также в Шотландии и Ирландии, где наиболее значительные города лежали на землях королевского домена, все они находились под смешанным управлением и имели более ограниченные привилегии. Но даже при ограниченном самоуправлении оставалось в силе правило: «городской воздух делает человека свободным».

Города в Западноевропейском регионе не господствовали политически над деревней, как это было в Италии. В силу этого они не мешали, а скорее способствовали прогрессивному развитию сельской экономики. Особенностью городского строя в этом регионе было также повсеместное высокое развитие цеховой системы организации ремесла (см. ч. II, гл. 1). «Свободное», не организованное в цехи ремесло существовало только в Южной и Юго-Западной Франции.

В политическом отношении города и новое сословие — бюргерство стали важным фактором развития феодального государства во всех странах Западноевропейского региона. Повсюду они уже в XII в. представляли собой третью силу, с которой вынуждены были считаться как королевская власть, так и крупные феодалы. Ведь города чем дальше, тем больше становились источником государственных финансов и доходов для их сеньоров-феодалов. На первом этапе развитого феодализма намечается политический союз королевской власти с бюргерством. Этот союз более или менее успешно реализовался во Франции, Англии, Шотландии и немало помог на определенном этапе процессу государственной централизации. В Германском королевстве, в силу различий в экономических, в частности торговых, интересах крупных городов, а также особенно большой самостоятельности крупных феодалов, этот союз короля с городами оставался нереализованной потенцией. Крупные города вместе с тем повсюду сохраняли и свои местные сепаратистские интересы, нередко приводившие к нарушению их «дружбы» с королем.

В городах региона уже в XIII в. наблюдалось значительное имущественное и социальное расслоение населения. Как и везде, оно делилось на городскую верхушку (патрициат), средний, собственно бюргерский слой и бедноту (городское плебейство) (см. ч. II, гл. 1).

Выделялись города из сельской округи не только своей ремесленно-торговой экономикой, но и своим внешним видом. Вместе с замками они изменяли однообразный сельский пейзаж Западной Европы. Городские стены, один из главных внешних признаков города, замыкали его в ограниченное пространство. В центре обычно находилось сердце экономической жизни города — рыночная площадь и его духовной жизни — кафедральный собор. Дома теснились вокруг них, образуя узкие улочки и переулки. Под стенами городов возникали пригороды, населенные частью переселившимися из деревни нецеховыми еще ремесленниками, частью мелкими держателями земли — огородниками, садоводами. Дальше обычно простирались общинные угодья города, а иногда и полевые наделы горожан, не порвавших с земледелием (см. ч. II, гл. 1).

В ходе формирования городского сословия зарождалось и сословное самосознание горожан. В ту пору оно в первую очередь противопоставлялось феодальной и церковной идеологии, было направлено на утверждение сословного достоинства бюргерства. В городском животном эпосе — «Романе о Лисе» (возникшем в Северной Франции и затем широко распространившемся в регионе) — его главный герой Лис Ренар, символизирующий деловитого и ловкого горожанина, выступает неизменно победителем в столкновениях с сильными, но глупыми феодалами — медведем Бреном, злым, всегда голодным волком Изенгрином — мелким хищником-рыцарем, глупым придворным проповедником — ослом Бодуэном. В аллегорической поэме «Роман о розе», возникшей во второй половине XIII в. в городской среде Франции, автор второй ее части Жан де Мен выдвигает новое, городское в своей основе, понимание доблести и благородства, противостоящее рыцарскому. По его словам: «Все благородство в поведении. А знатное происхождение не стоит ровно ничего, коль сердце подло и черство». Жан де Мен высмеивает феодалов, кичащихся доблестью своих предков и своими успехами в псовой и соколиной охоте. Он говорит, что они «подлы и по своей природе злы», «чужою доблестью богаты, от предков по наследству взятой», которая, по мнению поэта, отнюдь не делает их благородными (Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. М., 1953. С. 311).

Стремление городского сословия к самоутверждению проявляется и в высокой оценке его представителями своей политической роли. Так, французские города, оказавшие помощь королю Людовику IX (середина XIII в.) в борьбе с феодальной лигой, по сообщению официальной «Большой французской хроники», считали, что они «могут дать столько добрых людей, что те обеспечат безопасность короля» (Les Grandes Chroniques de France. P., 1934. T. VIII. P. 39).

Города, наряду с общим ростом населения, резко повысили спрос на сельскохозяйственные продукты, прежде всего зерно, следствием чего был рост цен на них (в Англии, например, с конца XII до конца XIII в. более чем в $2^1/_2$ раза). Поскольку на местных рынках преобладала продукция крестьянских хозяйств, это, казалось бы, было для них выгодно. Однако извлечению выгоды мешала монополия феодалов на земельную собственность, которой они пользовались, чтобы усиливать эксплуатацию крестьян, по мере того как развитие рынка повышало потребности феодалов в дорогих городских товарах.

Несмотря на широкий размах внутренней и внешней колонизации, во всех странах региона ощущалась нехватка земли и не только из-за быстрого роста населения. Используя свое право собственности на нее, феодалы сокращали крестьянские наделы в 3—4 раза при сохранении

прежней ренты, что повышало норму эксплуатации крестьян. Сокращение размеров надела крайне ограничивало возможности накопления в крестьянском хозяйстве. Отрицательные последствия малоземелья для крестьян усугублялись еще тем, что феодалы с середины XII в. повсеместно повели наступление на общинные угодья, отнимая их в свое индивидуальное пользование или раздавая за высокую ренту новым держателям.

В большинстве стран региона уже в XII в. связи деревни с рынком осуществлялись в основном через крестьянское хозяйство. Заинтересованные в получении с крестьян необходимой им звонкой монеты, феодалы в этом случае предпочитали раздавать бо́льшую часть домена в держания, ликвидировали барщину, заменяя ее сначала натуральным, а затем и денежным оброком, часто в повышенном размере. Несмотря на связанное с этим иногда усиление эксплуатации, положение крестьян улучшалось: ослабевали узы внеэкономического принуждения и шел процесс освобождения лично зависимых крестьян.

Во Франции к середине XIII в. значительно сокращается число сервов, утверждается так называемая «чистая сеньория», в которой домен был невелик или совсем отсутствовал, основная часть земли находилась в руках наследственных держателей-крестьян, поземельно-зависимых и плативших феодалу обычно денежный «ценз». В Северо-Восточной Франции, во Фландрии и нидерландских княжествах «чистая сеньория» сочеталась уже в это время с широким распространением краткосрочной издольной аренды, которая не обеспечивала земледельцам наследственных прав на землю.

В Германских землях на северо-западе — в Нижней Саксонии, Вестфалии, а также на юге, в Баварии, в XIII в. возобладала тоже «чистая сеньория», но не с наследственными держаниями, а с краткосрочной арендой уже лично свободных крестьян. На Среднем Рейне и в юго-западных областях (Швабия, Франкония) господствовала так называемая «окаменевшая сеньория», где сохранялась старая вотчинная организация с наследственными крестьянскими держаниями, за которые теперь уплачивалась в основном денежная рента. В Заэльбье, где в процессе немецкой колонизации лично свободные крестьяне-колонисты в то время не знали барщины и серважа и где города были много слабее, положение крестьян в XII—XIII вв. оставалось более или менее стабильным. Здесь натуральная рента сочеталась с денежной.

Аграрная эволюция Англии под воздействием товарно-денежных отношений шла более противоречивым путем. С середины XII в. в ней переплетались две тенденции: одна также в сторону коммутации ренты и личного освобождения, вторая, проявившаяся в конце XII в. и преобладавшая в XIII в.,— к расширению домениального хозяйства, росту барщинной эксплуатации крестьян, укреплению личной зависимости основной их части — вилланов. Такая аномалия в развитии английской деревни в XII—XIII вв. была следствием уже отмечавшегося роста в эти десятилетия экспорта шерсти и зерна. Главную роль в нем играли не крестьяне, но крупные феодалы, которым торговля на экспорт приносила большие доходы. Отсюда их стремление увеличить домен и барщины, чтобы производить побольше дорогостоящих товаров.

Однако эта консервативная тенденция и в Англии не пресекла полностью прогрессивных изменений. В мелких и средних вотчинах также происходила коммутация ренты, росло число лично свободных крестьян. С конца XI до конца XIII в. число их выросло более чем втрое, в отличие от вилланов они платили в основном денежную ренту.

Таким образом, в целом по региону освободительная тенденция в положении крестьян все же превалировала над тенденцией к усилению феодальной зависимости. Это, тем не менее, не ликвидировало феодаль-

ную эксплуатацию как таковую. Кроме того, переход крестьян из личной в поземельную зависимость автоматически влек за собой обложение их налогами со стороны государства, т. е. к зарождению, наряду с сеньориальной, государственной их эксплуатации, ранее в регионе незначительной. Нельзя не учитывать и того, что под воздействием товарно-денежных отношений значительно усилилось расслоение крестьянства. Уже в X—XI вв. в среде зависимого крестьянства во всех странах региона выделялись разные имущественные категории: богатые, среднего достатка, бедные малоземельные. К концу XIII в. эти имущественные различия заметно увеличивались в основном за счет роста малоземельных и безнадельных крестьян. Естественно, что выгоды от улучшения социально-правового положения крестьянства могли извлечь только наиболее зажиточные его представители, тогда как беднота не имела возможности их использовать в своих интересах.

В окраинных районах региона, где процесс феодализации шел более медленно, конец XI—XII в. был временем его окончательного завершения. Так обстояло дело в завоеванном Англией (1169—1170 гг.) районе Ирландии «Пэйле» (дословно — «ограда»). На господствовавший там до этого клановый строй, в котором только зарождались феодальные отношения и основную массу населения составляли свободные общинники — фении, завоеватели наложили английскую развитую манориальную (вотчинную) систему, пытаясь превратить местное крестьянство в лично зависимых барщинных крестьян — бетагиев. В остальной независимой Ирландии продолжал господствовать клановый строй.

В Шотландии, где в XI в. частично (в северной и западной части страны) тоже господствовал еще клановый строй, а частично (в юго-восточных областях) уже раннефеодальный, основная масса крестьян— бонды, касбонды — оставалась лично свободной и подвергалась лишь государственной эксплуатации в виде поборов в пользу короля и его должностных лиц — танов. Однако с середины XII в. в связи с завершением процесса феодализации в земледельческих юго-восточных областях страны (собственно Шотландии) бонды постепенно втягиваются в сеньориальную зависимость, в основном поземельную, но частично и личную, подобную зависимости английских вилланов. В северных и западных районах страны крестьянство не знало личной несвободы и находилось в положении поземельно-зависимых.

Сходная эволюция происходила и в Швейцарии, где до конца XI в. повсеместно преобладало свободное, объединенное в общины крепкое крестьянство. В XI—XII вв. в долинах — особенно Восточной Швейцарии, а также Тироля, где развивалось земледелие,— тоже начался, не без влияния здесь сильных городов (Цюрих, Берн, Женева) и немецкой колонизации из Баварии, процесс втягивания крестьян в поземельную зависимость от владевших основным земельным фондом феодалов. Однако в лесных горных кантонах Северо-Восточной Швейцарии (Швиц, Ури, Унтервальден) еще в XIII в. преобладало крепкое крестьянство дофеодального происхождения, жившее сильными самоуправляющимися общинами и пользовавшееся правом собственности на свои наделы. Наконец, в отдельных северогерманских землях (Фрисландии, Дитмаршене, в земле Штедингов в устье Везера) основную часть населения составляли также никому не подвластные крестьяне-общинники, упорно сопротивлявшиеся попыткам соседних феодалов подчинить их своей власти.

Немалые изменения произошли в XII—XIII вв. и в положении господствующего класса. Две его группы — духовные и светские феодалы — оформились как два отдельных сословия. Церковная иерархия строилась по принципу занимаемых в церкви должностей (папа, архиепископы, епископы, аббаты, архидьяконы, деканы, приходские священники) (см. ч. III, гл. 5). Все они были связаны общими привилегиями церкви

как корпорации и соучастием в эксплуатации крестьянства (даже приходские священники получали часть собираемой с крестьян десятины). Однако приходские священники, в отличие от высших членов этой иерархии, жили среди простого народа, обычно были бедны и вели жизнь, во многом сходную с крестьянской.

В руках церковных феодалов были сосредоточены огромные земельные богатства и большое число зависимых крестьян. Эти богатства не подлежали дроблению между наследниками. Крупные церковные феодалы были более рачительными хозяевами, чем светские. Повсеместно в регионе они широко использовали возможности рынка, а потому во многих случаях дольше держались за домениальное хозяйство, барщину и личную зависимость крестьян. Такую же консервативность проявляли церковные феодалы и в отношении освободительной борьбы горожан: вели с ними наиболее длительные войны, туго шли на уступки, а многие мелкие города так и оставляли в своей полной зависимости. Это стимулировало антицерковные настроения в среде как крестьян, так и горожан.

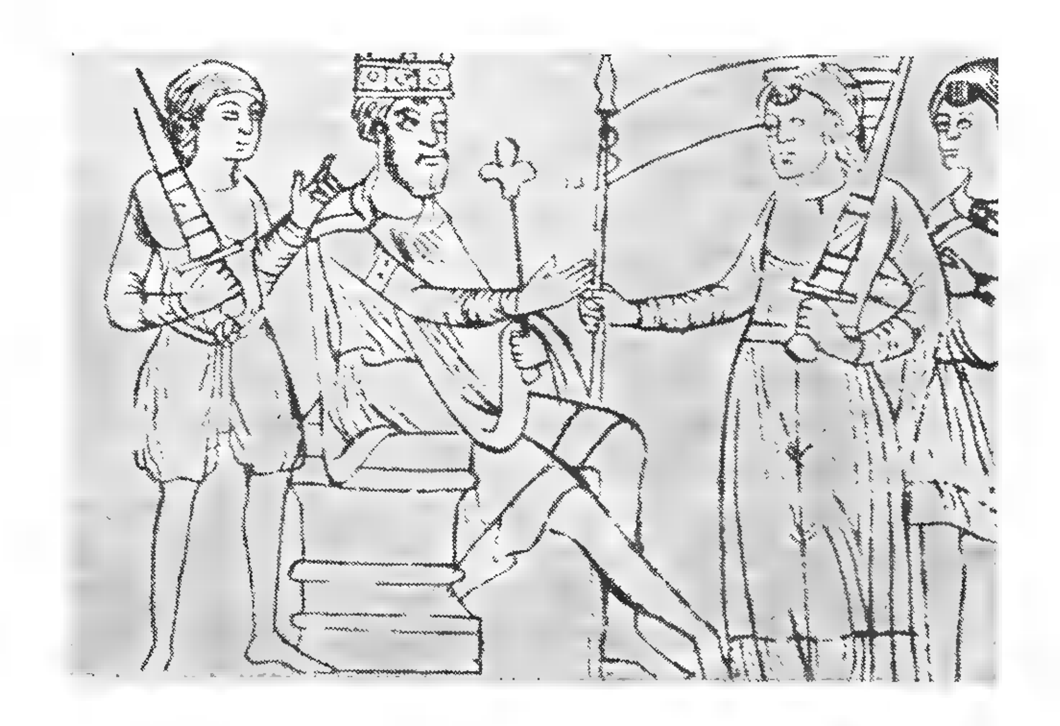
Церковные феодалы благодаря своему экономическому могуществу и идеологической функции — оправдания и сохранения существующего строя — пользовались огромным политическим влиянием, особенно в XI—XIII вв., когда шла острая борьба за политическое верховенство между светскими государями и папством. Среди церковных феодалов во всех странах региона намечались две партии: одна стояла за усиление центральной власти в своих странах, ее представители охотно занимали высшие посты в королевской администрации; другая, напротив, поддерживала папские претензии на политическое господство в Западной Европе, препятствовала усилению светской власти королей, сближаясь на этой почве с крупными светскими феодалами.

Богатства церкви вызывали зависть и раздражение не только у крестьян и горожан, но и у светских феодалов, которые боролись с церковниками за земли и доходы, добиваясь иногда запрещений даровать земли церкви. (В 1279 г. такое запрещение было сделано, например, королем Эдуардом I в Англии.)

Иерархия в среде светских феодалов в XII—XIII вв. еще более усложнилась. Она строилась по принципу отношения феода (фьефа) держателя к королю, стоявшему во главе этой иерархии: непосредственно от него держали крупные феодалы (князья, графы), от них (а иногда и непосредственно от короля) — менее крупные феодалы (бароны в Англии, Германии, Шотландии, бароны и шателены во Франции), от них — более влиятельные рыцари (milites). В самом низу этой лестницы стояли мелкие бедные рыцари (иногда они назывались «однощитными»). Во Франции и Германских землях отношения внутри иерархии регулировались правилом «вассал моего вассала не мой вассал», в Англии король считал своими вассалами и вассалов низших ступеней (арьервассалов).

В масштабе всего региона в XI—XIII вв. происходила консолидация сословия светских феодалов. Она находила свое внешнее выражение в том, что термин рыцарь — воин (miles), которым ранее обозначались только представители низшего слоя феодалов, теперь переносился на все их слои и становился синонимом знатности, благородства — в противовес нижестоящим — крестьянству, горожанам. В то же время это обозначение светской знати противопоставляло ее как сословие воинов церковным феодалам. Сохранялось, однако, и прежнее, более узкое, значение этого термина для обозначения низших слоев класса феодалов.

В Северной Франции это новое осмысление термина относится к началу XII в., во Фландрии — к концу этого столетия, в Германских землях и в Англии — к рубежу XIII в. Оно имело как материальные, так и идеологические причины. С одной стороны, удорожание в конце XI —

Церемония инвеституры фьефа сеньором вассалу. Миниатюра. XI – начало XII в.

начале XII в. рыцарского снаряжения требовало, чтобы рыцарь был богаче, чем раньше, что сближало его со знатью. С другой стороны, рост сословного самосознания светских феодалов обусловливал их стремление непроходимой гранью отделить себя от «подлых», неблагородных мужиков. Одним из главных признаков благородства в среде светских феодалов становится длинная родословная (по отцовской линии) – линеаж, что вызывает стремление каждого из них прославить доблести и моральные достоинства своих действительных или выдуманных предков. Одной из причин приверженности к линеажу было стремление светских феодалов поставить преграду проникновению в их среду богатых свободных крестьян и горожан. Последним, однако, иногда это все же удавалось; в Англии, например, разбогатевшие свободные крестьяне даже обязывались королем к принятию рыцарского звания, что вызывало еще большее стремление светских феодалов обособиться от этих «нуворишей».

Рост сословного самосознания рыцарства выражался и в его резко отрицательном отношении к крестьянству и горожанам. В этом светские и духовные феодалы были единодушны. Они считали, что крестьяне обязаны были беспрекословно кормить своим трудом все общество, и в то же время постоянно упрекали их в жадности и корыстолюбии (сравнивая со щедрыми рыцарями), но главное – в непокорности и неверности своим господам. Один из французских церковных писателей XII в. утверждал, что крестьяне, отказывающиеся трудиться на господина, «теряют все свои достоинства» [2]. Поэт-рыцарь Робер де Блуа в 60-х годах XIII в. призывал своих товарищей по классу не доверять сервам, так как они лишены чувства верности и готовы «ежедневно менять по своей воле сеньора» [3], т. е., видимо, убегать от него.

Весьма враждебно в этот период было и отношение феодалов, как светских, так и духовных, к городам. Аббат Гвиберт Ножанский в начале XII в. называл коммуну «отвратительнейшим словом», так как она освобождает бывших вилланов от уплаты большинства сервильных повинностей (*Guiberti de Novigento.* De vita sua. Migne. Patrologia. Series latina. T. 156. P. 921).

В поношениях крестьян и горожан сквозит страх феодалов перед угрозой крестьянских и городских движений. Они ощущают себя «угрожаемым» классом. Такое представление отражало наличие острых социальных конфликтов в феодальном обществе.

[2] *Langlois Ch.* La vie en France au moyen age de la fin de XIIe au milieux du XIVe siècle d'apres les moralists du temps. P., 1925. P. 11.
[3] Ibid. P. 170.

Единые перед лицом мятежных низов, светские феодалы, как и церковные, находились, однако, в постоянных внутренних конфликтах. Причиной тому, с одной стороны, была все усложняющаяся и запутывающаяся феодальная иерархия, с другой — связанная с этим, а также с воздействием товарно-денежных отношений борьба между группами светских феодалов за землю и доходы и имущественное неравенство в их среде. Рыцарство в узком значении этого слова — мелкие феодалы — оставалось неравноправным по отношению к баронам, тем более к титулованной знати.

Соблазны городских товаров — дорогой утвари, оружия, богатой одежды, мехов, драгоценностей — стимулировали рост расточительности феодалов. Это вызывало отмеченные выше попытки усилить эксплуатацию крестьянства, которые, однако, далеко не всегда оказывались успешными, в частности, из-за ожесточенного сопротивления крестьян. В результате доходы феодалов все более и более не соответствовали их растущим расходам. Уже в XI в. наблюдаются сильная задолженность феодалов, прогрессирующее оскудение мелкого рыцарства. Как правило, феод передавался старшему сыну. Младшие часто оставались или совсем без земли, или с минимальным наделом. Молодые, раздраженные своими неудачами и бедностью, столь мало соответствовавшей их представлению о благородстве, готовы были на любые военные авантюры, образовывали в обществе беспокойный и неустроенный элемент, составляя буйные свиты более крупных сеньоров.

* * *

Обоснованию рассмотренной выше сословной структуры феодального общества служила возникшая в XI в. политическая теория. С некоторыми модификациями она оставалась господствующей политической теорией еще и в XV в. Ее создатели и первые пропагандисты Жерар, епископ Камбре (высказавший ее еще в 1024 г.), и Адальберон, епископ Лана (несколько позднее),— оба из Северной Франции — утверждали, что бог установил различные сословия (ordines) среди людей, чтобы «низшие оказывали уважение высшим, или „лучшим“, людям», а те были бы благодарны низшим. По словам Жерара Камбрейского, таких сословных групп три: люди, которые молятся (духовенство), те, кто обрабатывает землю, и воины, которые охраняют тех и других. Такое же деление на «молящихся», воюющих и трудящихся (laboratores) проводил Адальберон Ланский, добавляя, что, пока они существуют вместе, нераздельно,— «будет мир».

Впоследствии эта довольно огрубленная схема несколько модифицировалась: во-первых, возникло стремление подчеркнуть приниженность трудящихся, а также их особую греховность, во-вторых, уже в XII в. в число трудящихся входили не только крестьяне, но и горожане. Крестьяне стали трактоваться как обреченные навечно искупать своим трудом первородный грех всех людей или как потомки библейского Хама, осужденные на вечный подневольный труд за надругательство над своим отцом (Ноем). Их труд и в том, и в другом случае рассматривался в качестве наказания и божия проклятья.

В начале XII в. теолог Гонорий Августодонский в своем энциклопедическом трактате «Светильник» впервые заметил, что третий чин общества делится на две группы — горожан (ремесленников и купцов) и крестьян. Первые еще хуже крестьян, так как коварны, лживы и беспокойны, а поэтому никогда, даже на том свете, не заслужат спасения. В середине XII столетия английский политический мыслитель Иоанн, епископ Солсбери, уподобляя общество человеческому телу, писал, что горожане и крестьяне — это его ноги и, хотя служат его опорой, составляют низший, презираемый слой.

Действительность, однако, не соответствовала этой благостной схеме: феодальное общество в Западноевропейском регионе в конце XI в., и чем дальше, тем больше, было ареной острых социальных конфликтов. О борьбе городов с сеньорами уже говорилось. Не менее важной была борьба крестьян с феодалами, являвшаяся постоянным фактором жизни средневекового общества.

В начале рассматриваемого периода классовые конфликты в деревне нередко выливались в крупные восстания, направленные на возврат к старым дофеодальным порядкам общинного строя. Таковы были восстание крестьян (rustici) в 997 г. в Нормандии. На мятежных сходках крестьяне требовали права «жить по своей воле» и пользоваться «по своим законам» общинными угодьями, вопреки всем запретам феодалов. В 1024 г. в Бретани крестьяне нападали на феодальные замки, убивали своих сеньоров, ожесточенно сражались с рыцарскими отрядами, пока их выступления не были жестоко подавлены. Аналогичный характер носило участие крестьянства в многосословном Саксонском восстании 1071—1075 гг. (см. ч. I, гл. 4). Сходным с ним было и восстание англосаксов против нормандского владычества в 1069 и 1070 гг. В нем наряду со свободным крестьянством участвовала и знать. Позднее, уже в XII и XIII вв., имели место также восстания свободного крестьянства против попыток соседних феодалов подчинить их своей власти в Дитмаршене (1144 г.), земле фризов (1153 и 1227 гг.), земле Штедингов (1232—1234 гг.), в конце XIII в. в Швейцарии. В ходе этих восстаний феодалы неоднократно терпели военные поражения от крестьян и одержали верх только над Штедингами.

В XII—XIII вв., происходили иногда и восстания против уже установившейся феодальной эксплуатации. Наиболее крупные из них — восстание клобуков, или капюшонов (1182—1184 гг.) во Франции, начавшееся как движение за «божий мир», возглавленное духовенством, а затем переросшее в антифеодальное движение, охватившее Лимузен, Аквитанию, Гасконь, Прованс; и первое восстание пастушков (1251 г.) во Фландрии и Северной Франции, выросшее из крестового похода крестьянской бедноты, но затем переросшее в широкое движение, направленное в основном против церковных феодалов.

Однако более обычными для первого этапа развитого феодализма были низшие, локальные повседневные формы крестьянского протеста: небрежная работа на барщине, отказы от ее выполнения, соглашения и заговоры крестьян против сеньоров, в частности против захватов общинных угодий феодалами. Особенно распространены были побеги индивидуальные и коллективные, порой сливавшиеся с внутренней колонизацией. Иногда крестьянские общины жаловались на притеснения своих сеньоров в королевские и княжеские суды, иногда устраивали вооруженные бунты. Наконец, одним из проявлений постоянного социального напряжения в деревне было широкое распространение в XI—XIII вв. не только в городах, но и среди крестьян различных еретических учений.

Отмеченные выше улучшения в положении крестьянства в Западноевропейском регионе к концу XIII в. были следствием не только чисто экономических процессов, но и крестьянского сопротивления феодалам. Крестьянство выступало здесь и как объект экономических процессов, и как субъект, иногда успешно используя их в своих интересах. Личное освобождение крестьянства, коммутация ренты (особенно во Франции и Германских землях) в значительной мере были следствием побегов и других форм повседневного крестьянского сопротивления. Даже в Англии, где борьба крестьян отчасти шла вразрез с главной экономической тенденцией, им иногда удавалось успешно противостоять нажиму феодалов, особенно их попыткам увеличивать барщины.

Важным следствием крестьянской борьбы на этом этапе в Западноевропейском регионе было усиление роли общины. В ходе локальной борьбы община играла все бо́льшую роль в организации коллективных выступлений крестьян. Из подчиненной феодалу организации она постепенно превращалась во влиятельную и относительно автономную самоуправляющуюся единицу, нередко прямо связанную с центральной властью. Особенно больших успехов общины добились во Франции. Многие из них (хотя и далеко не все) получили в ходе борьбы с феодалами статус вольных коммун, независимых от повседневного контроля своих сеньоров в хозяйственной жизни и управлении. Другие общины, даже не имея статуса коммун, добивались все же довольно значительных прав самоуправления.

В Германских землях, Англии, Шотландии крестьяне, хотя не пользовались правами коммун, однако к концу XIII — началу XIV в. имели более или менее широкое самоуправление, в частности получили право издавать по согласованию с сеньорами свои общинные постановления (Weistümer — в Германии, By-laws — в Англии).

К середине XIII в. в ходе социальной борьбы у крестьян, как несколько раньше у феодалов и горожан, зарождаются элементы классового самосознания. В их среде все больше распространяется убеждение, что крестьянский труд вовсе не наказание, но высокое призвание, благородный подвиг на благо всего общества, особенно угодный богу, который в силу этого ставит крестьян выше других сословий. Герой немецкой крестьянской поэмы (70-е годы XIII в.) крестьянин Гельмбрехт, поучая своего непутевого сына, мечтающего стать рыцарем, говорит: «Мужик не словом, делом всех кормит в мире целом» и добавляет, что крестьянский труд обеспечивает власть королей и благосостояние богачей (Садовник Вернер. Крестьянин Гельмбрехт: Пер. со старонем. М., 1971. С. 24—25). В самом начале XIV в. в английской «Песне Землепашца» крестьянин, жалуясь на свою судьбу, замечает, что вся «спесь рыцарства опирается на труд бедняка» (The Political Songs of England from the Reign of John to that of Edward III/Ed. by Th. Wright. L., 1839. P. 149).

Средством сословного и классового самоутверждения крестьян являлась широко распространенная в его среде с середины XII в. трактовка бедности как состояния, наиболее угодного богу и предпочтительного с точки зрения «спасения» после смерти. Такая трактовка бедности также противостояла официальной точке зрения на бедность и богатство, как взаимодополняющие и равно угодные богу состояния. Хотя в реальной жизни крестьяне страдали от бедности, в их глазах бедность противопоставлялась неправедному богатству, с которым ассоциировались прелаты, князья, бароны, рыцари, позднее городская верхушка. Излюбленный герой крестьянской фольклорной сказки всегда бедный, зато обладающий высокими моральными качествами крестьянский сын, который торжествует над жадным и глупым богачом.

* * *

Для политического развития региона в целом характерен переход от феодальной раздробленности к усилению централизации государства. Если в начале данного периода (до конца XI в.) и Франция, и Англия, и Шотландия находились в состоянии феодальной раздробленности (хотя номинально управлялись королями), то к концу XIII в. эти страны уже представляли собой более или менее централизованные государства. Происходил процесс централизации и в Германских землях, хотя и в масштабах не всего королевства, но отдельных территориальных княжеств.

Экономическими предпосылками этого процесса были рост городов и развитие внутреннего рынка, связывавшего общими экономическими ин-

тересами области той или иной страны, ранее замкнутые хозяйственно. Социальную опору процесса централизации составляло новое сословие горожан, заинтересованное в усилении центральной власти. Но не менее активно ее стали поддерживать в XII—XIII вв. и мелкие феодалы, видевшие в короле защитника против засилья магнатов, а в отдельные периоды — и весь класс феодалов в борьбе против мятежных крестьян. Важным стимулом для государственной централизации в беспокойном феодальном мире являлась часто и внешняя опасность или агрессивные войны, которые велись в интересах господствующего класса и сплачивали его представителей вокруг трона.

Политическая сущность процесса государственной централизации в Западноевропейском регионе в этот период заключалась в постепенном переходе королевской или княжеской власти от чисто сеньориальных форм управления, когда король правил своим государством, как любой другой сеньор в своих владениях, к общегосударственным, публично-правовым средствам. Следствием этого процесса была постепенная концентрация власти в руках короля и его аппарата управления, который складывался примерно по одному типу во всех странах региона. Вокруг короля создавался узкий королевский совет — королевская курия. В нее входили наряду с духовными и светскими магнатами, угодными королю, также должностные лица, часто менее знатного происхождения, но лучше профессионально подготовленные. Среди них выделялись лица, отвечавшие за отдельные ведомства: канцлер (первый министр короля), хранивший королевскую печать; казначей, ведавший финансовыми вопросами; маршал, коннетабль (во Франции), руководившие феодальным войском.

Королевская курия обычно разделялась на две палаты — судебную и финансовую в Англии — уже в середине XII в., во Франции — в конце XII — начале XIII в., в Шотландии — в конце XII в.). В Англии судебная палата называлась «суд королевской скамьи», во Франции — «парламент», казначейство соответственно — «Палата шахматной доски» и «Счетная палата». Параллельно создавалось или укреплялось местное управление: шерифы и бейлифы в Англии, прево, бальи и сенешали во Франции. Эти должностные лица на местах отвечали за все управление в своих округах. В Англии существовала еще с XII в. система разъездных судей — своего рода выездных сессий центрального королевского суда, контролировавших также работу местного управления. Аналогичные органы власти развивались и в Германских территориальных княжествах.

В конце XIII — начале XIV в. эта система управления дополняется сословно-представительными собраниями, которые в Западноевропейском регионе имели наиболее ярко выраженную и законченную форму. В 1265 г. такое общеанглийское собрание — парламент — возникло в Англии, в 1302 г.— Генеральные штаты во Франции, в конце XIII в. в Германских территориальных княжествах возникают ландтаги, в масштабе всего Германского королевства — Имперские собрания (позднее рейхстаги). Через эти собрания складывавшиеся в то время сословия — духовенства, светских феодалов и горожан (обычно в лице городской верхушки) — допускаются к некоторому участию в управлении страной. Крупные феодалы взамен их былой политической власти на местах, которую они постепенно теряют, получают возможность влиять на правительство с помощью таких собраний. Крестьянство, даже свободное, а также массы горожан в Западноевропейском регионе, как правило, не были представлены в сословных собраниях.

Процесс государственной централизации вел к установлению прямых связей короны с арьервассалами, в том числе мелкими рыцарями, наиболее значительными городами, а в финансовом отношении — со свободным

и даже зависимым крестьянством. Для горожан и крестьян это означало зарождение наряду с сеньориальной государственной их эксплуатации в форме государственных налогов. Уже в XIII в. получаемые от налогов средства частично поступали в руки феодалов в виде пенсий, пожалований, прощения долгов короне. При этом представители господствующего класса или были совсем свободны от государственного обложения (Франция, германские княжества), или пользовались большими льготами в уплате налогов (Англия). Классовая природа средневекового государства отразилась и в том, что судебно-административный аппарат усилившейся королевской власти, располагая более эффективными средствами внеэкономического принуждения, чем отдельные феодалы, помогал им усиливать эксплуатацию крестьян и подавлять их растущее сопротивление.

Процесс государственной централизации уже на первом этапе развитого феодализма способствовал прогрессу общества — развитию экономических связей внутри каждой страны, ослаблению произвола крупных феодалов на местах, прекращению частных феодальных войн. В XII—XIII вв. он был иногда выгоден крестьянству и горожанам, хотя совершался в основном за счет их интересов.

Наиболее упорными противниками государственной централизации повсеместно были крупные феодалы, не желавшие отказываться от политической самостоятельности. Лишь постепенно, по мере личного освобождения крестьянства и усиления классовой борьбы, и они стали все более нуждаться в некотором усилении государства.

Быстрее, чем в других странах региона, процесс централизации происходил в Англии. Этому способствовало сначала нормандское завоевание страны в 1066 г. Оказавшись у власти, завоеватели-нормандцы стремились поддерживать власть короля Вильгельма I (1066—1087), прозванного «Завоевателем», в его борьбе с не всегда покорными англосаксами. Это позволило королю создать себе большой домен (до $^1/_7$ территории страны), дававший ему значительные средства и независимость от крупных феодалов. Владения последних были разбросаны, что ослабляло их перед лицом королевской власти. Пользуясь этим, Вильгельм I, грубый воин и одновременно ловкий политик, сумел в 1085 г. получить феодальную присягу не только от своих непосредственных крупных вассалов, но и всех арьервассалов, обязав их нести военную службу в пользу короля (Солсберийская присяга). В 1086 г. он провел общегосударственную перепись всех феодальных владений («Книга Страшного суда»), уточнив службы и повинности, которые должны были нести в пользу короля все его вассалы и вообще подданные. Успехам централизации здесь способствовали и небольшие размеры страны. В дальнейшем эти успехи закрепились благодаря сложившейся в Англии расстановке социальных сил: относительной слабости в экономическом и политическом отношении крупных феодалов, активной поддержке короля мелким рыцарством (главную его часть составляли англосаксы, ненавидевшие нормандских баронов-завоевателей), сохранявшимся здесь свободным крестьянством и слабыми и несамостоятельными городами (см. выше). С конца XII в., когда крупные феодалы все более расширяли барщинное хозяйство, они, не имея достаточной политической власти, вынуждены были искать помощи в централизованных средствах внеэкономического принуждения.

Идя навстречу классовым интересам феодалов в деле личного закрепощения вилланов (вторая половина XII в.), Генрих II Плантагенет (1153—1189) сумел, в обмен на эту услугу, отнять у феодалов значительную долю их и без того ограниченной судебно-административной власти, сосредоточив ее и связанные с ней доходы в своих руках (судебные реформы Генриха II, проведенные в 1166—1176 гг.). Генрих, осторожный и

предусмотрительный политик, превратил центральные королевские суды в высшую апелляционную инстанцию и сосредоточил в своих руках всю уголовную юрисдикцию, в том числе для вилланов.

В 1164 г. король попытался ограничить также автономию церковных судов, но, встретив резкий отпор примаса Англии — архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета, которого поддерживал папа, вынужден был отступить. Генриху II удалось усилить свою независимость от крупных феодалов в военном отношении, заменив частично их военную службу особым платежом (щитовыми деньгами) и создав военное ополчение из всех свободных людей, обязанных со своим оружием являться в войско по первому призыву короля.

Усиление феодального государства и его аппарата, особенно же его фискальная политика вызвали в начале XIII в. оппозицию против королевской власти со стороны не только крупных феодалов, но также рыцарства, горожан и верхушки свободного крестьянства. В результате действий этого временного антиправительственного блока в 1215 г. у короля Иоанна Безземельного (1199—1216) была вырвана «Великая хартия вольностей», ограничившая притязания королевской власти в пользу церкви и крупных феодалов — баронов. Феодально-олигархический характер этого документа вызвал недовольство их временных союзников и вскоре он был легко аннулирован королем.

Второй, еще более широкий конфликт 1258—1267 гг., когда сложился такой же антиправительственный блок, привел к настоящей гражданской войне, полному поражению короля, слабого и расточительного Генриха III (1216—1272), позволявшего папе и своим французским родичам обирать страну. В ходе этой войны политический перевес временно получили рыцарство и горожане, во главе которых стал один из магнатов Англии, Симон де Монфор, граф Лестерский. Опираясь на эти слои, он первым стал созывать в Англии сословно-представительное собрание — парламент. В нем получили право участвовать не только крупные феодалы (прелаты и бароны), лично приглашаемые королем, но также выборные представители рыцарства и городов, имевшие много общих интересов.

Эти слои общества в своей хозяйственной деятельности были связаны с рынком, вели между собой активную торговлю, сообща работали в местном управлении, часто роднились благодаря брачным союзам. Рыцарство и города, а также верхний слой свободного крестьянства составили с этого времени третью политическую силу в стране, с которой вынуждены были считаться отныне как короли, так и крупные феодалы.

Победив оппозицию, английские короли — Генрих III, затем Эдуард I (1272—1307) — продолжали созывать парламент, который на первых порах скорее укреплял, чем ограничивал их власть, поддерживая королевскую политику своим авторитетом. Властный и решительный, в отличие от своего отца, Эдуард I, опираясь, в частности, на парламент, сумел временно обуздать крупных феодалов, создать сильную и хорошо организованную налоговую систему, элементы наемной армии, общегосударственное законодательство. Однако и он не избежал очередного конфликта с сословиями. При поддержке рыцарства и городов в 1297 г. бароны обязали короля взимать основные налоги в стране только с согласия парламента, что значительно усилило позицию этого учреждения и несколько ограничило власть короля.

Таким образом, к концу XIII в. в Англии сложилась новая форма феодального государства — сословная монархия. Аналогичный английскому строй установился в завоеванных восточных областях Ирландии — «Пэйле», где от имени короля правил его наместник. При нем существовал узкий административный совет, а с конца XIII в. и сословный парламент. В оба эти совета допускались только англичане. Независимая

Ирландия продолжала пребывать в состоянии феодальной раздробленности.

В соседней с Англией Шотландии процесс централизации шел в XII—XIII вв. более медленно, хотя и по сходному типу. Постепенно феодальные княжества страны объединялись под властью королевства скоттов (собственно Шотландии), занимавшего наиболее развитые земледельческие южные и восточные части страны (Лотиан), где были расположены и наиболее крупные города страны (Эдинбург, Берик, Роксбург, Абердин, Перт). К нему в XI—XII вв. присоединялись горные скотоводческие районы запада, севера Шотландии, а также островов, расположенных у ее западных берегов. Одноименные с английскими органы центрального и местного управления начали складываться здесь еще в первой половине XII в. (при короле Давиде I). В 1174—1189 гг. шотландские короли даже приносили оммаж английским в качестве их вассалов (с 1189 г. только за земли, пожалованные английской короной).

Постоянные вмешательства английских королей в дела Шотландии усиливали влияние там английской политической системы. Во второй половине XIII в. в Шотландии тоже возникает парламент. Однако в силу слабости шотландских городов и мелкого рыцарства в нем были представлены в этот период только крупные феодалы. В начале 90-х годов XIII в., после смерти шотландского короля Александра III, Эдуард I, будучи приглашен в качестве арбитра решить вопрос о новом короле, в конечном счете с помощью интриг, поддержки части шотландских феодалов а затем и военных действий добился присоединения Шотландии к Англии в 1295 г. Однако в 1297 г. в стране вспыхнуло восстание крестьян, горожан и части феодалов против английских наместников и проанглийских магнатов, возглавленное У. Уоллесом и А. Мореем. Несмотря на ряд побед, одержанных англичанами, и восстановление их власти в Шотландии (после победы англичан при Фолкирке в 1298 г., а затем нового поражения шотландцев и казни Уоллеса в 1305 г.), вспышки недовольства и даже восстания местного характера против английского владычества не прекращались и делали его весьма нестабильным.

Во Франции процесс централизации шел несколько медленнее, чем в Англии, и при меньшей политической активности сословий. В X—XI вв. власть королей династии Капетингов (ее правление началось в 987 г.) в Северной Франции (не говоря уже о Южной) была фактически номинальна. Король располагал очень небольшим, хотя и компактным доменом между Парижем и Орлеаном — Иль де Франс, который сильно уступал обширным владениям его непосредственных вассалов (графов Фландрских, Анжуйских, Пуату, Шампани, герцогов Нормандии и Бретани и др.). Наделенные широкими административно-судебными правами в своих владениях, они были настроены сепаратистски. Принцип же «вассал моего вассала не мой вассал», господствовавший здесь, исключал возможность для королей вплоть до середины XIII в. опираться на мелких феодалов. Единственными более или менее прочными союзниками короля в этот период были города, нуждавшиеся в его поддержке в своей борьбе с сеньорами.

В первой половине XII в. централизаторские усилия королей предпринимались только в рамках их небольшого домена, где они достигли значительных успехов. Большим препятствием на пути объединения страны с середины XII в. стало и то обстоятельство, что значительная часть (на севере и западе) Франции (Анжу, Пуату, Мэн, Турень, Бретань, Нормандия, Аквитания) оказалась под властью английских королей (из дома Плантагенетов), после того как французский граф Анри Анжуйский под именем Генриха II стал править Англией, оставаясь по своим французским землям вассалом французского короля. Эта политическая ситуация еще более способствовала непокорности крупных феода-

лов, игравших на противоречиях между французским и английским королями. Собирательской деятельности Капетингов, кроме поддержки городов, содействовало и то, что территория их доменов лежала в центре страны в областях развитого земледелия и на пересечении важных торговых путей. Не имея достаточной социальной опоры, французские короли пытались расширить ее путем установления прямых отношений с арьервассалами и даже отчасти содействовали в XII — начале XIII в. личному освобождению сервов с целью также подчинить их непосредственно своей власти и увеличить свои доходы за счет их государственного обложения.

Одним из важных переломных моментов в процессе централизации Франции было постепенное освобождение в начале XIII в. (1202—1214) из-под власти английских Плантагенетов почти всей Северной Франции при короле Филиппе II Августе (1180—1223). Осторожный и умный политик, Филипп после долгой борьбы одержал в 1214 г. решительную победу (в битвах при Бувине и Ла-Рош-о-Муане) над взбалмошным и истеричным английским королем Иоанном Безземельным. Обширная отвоеванная у англичан территория вошла в состав королевского домена, значительно увеличив владения, доходы и политическое влияние короля. Это дало возможность французским королям (на полстолетие позже, чем в Англии) создать более или менее устойчивую систему центрального и местного управления. Вскоре за этим (в 1229 г.), после так называемого крестового похода против еретиков-альбигойцев в Южную Францию (см. ниже), большая ее часть (Лангедок) была также присоединена к королевскому домену. В начале XIII в. крупные феодалы Франции стали частично поддерживать короля в надежде получить выгоды от его военных захватов, а также эффективную помощь в усилении эксплуатации уже получивших личную свободу крестьян. Это дало королю Людовику IX Святому (1226—1270) возможность провести ряд реформ, аналогичных тем, которые Генрих II Плантагенет провел в Англии почти на 100 лет раньше.

Однако и после реформ крупные феодалы оставались достаточно сильными, чтобы противодействовать королям. Экономическая сила и широкая автономия наиболее крупных французских городов определяла их больший сепаратизм, затруднявший их общесословные действия как в защиту, так и против короля. В результате основные сословия в стране складывались сначала на уровне провинций, где все три сословия проявляли значительную политическую активность. Только к началу XIV в. они стали выходить на общегосударственную политическую сцену. В связи с этим и сословное представительство возникало во Франции в масштабе отдельных провинций (провинциальные штаты). Только к началу XIV в. во Франции появилось общегосударственное сословное собрание — Генеральные штаты, которые впервые были созваны в 1302 г. по инициативе не столько сословий, сколько короля Филиппа IV Красивого (1285—1314). Но даже к этому времени ряд крупных вассальных княжеств (Фландрия, Бургундия, Бретань, Шампань, Аквитания, остававшаяся частично под властью англичан, Прованс и ряд других) находились вне королевского домена и нередко вели себя совершенно самостоятельно, выступая против короля.

Процесс централизации в Германских землях проходил в XI—XIII вв. еще медленнее и не привел к концу рассматриваемого периода к объединению этих земель. Напротив, здесь наметился распад королевства на отдельные территориальные государства-княжества, внутри которых и происходил процесс централизации. Поражение германских императоров в борьбе за инвеституру (см. ч. I, гл. 4) ослабило их позиции и внутри страны. Еще большее значение, чем раньше, приобрели крупные феодалы-князья (герцоги Франконский, Баварский, Швабский, Тюринг-

ский, Лотарингский, архиепископы Кёльнский, Трирский, Майнцский, князья Брабанта, Геннегау, Люксембурга, Голландии и многие другие). При этом германские короли, в отличие от французских и английских, не располагали компактным и стабильным доменом. Обладая значительной политической властью по отношению к своим вассалам, а также крестьянам, немецкие крупные феодалы еще менее, чем французские, были заинтересованы в сильной королевской власти.

Германские короли по-прежнему избирались на имперских съездах князей и некоторых городов и не обязательно из одной и той же династии. Из-за этого между претендентами на престол и в XII в. и особенно в XIII в. постоянно шла борьба, сопровождавшаяся частыми междуцарствиями. Города тоже не являлись для немецких королей достаточно прочными союзниками. Наиболее крупные и привилегированные из них — имперские и вольные города, мало связанные взаимными экономическими интересами и располагавшие широкими привилегиями, были настроены почти столь же сепаратистски, как и крупные феодалы. Менее значительные сеньориальные города тяготели к территориальной централизации в рамках отдельных княжеств. Короли, правда, пытались добиться союза с городами, даровали им новые привилегии, создавали новые имперские города в своих владениях, пытались обеспечить в стране необходимый, особенно для городов, земский мир, иногда поддерживали их в борьбе с их сеньорами. Однако зависимость королей от князей в финансовом и прежде всего в военном отношении вынуждала их в конечном счете искать соглашения с ними, часто в ущерб интересам городов.

Пытались короли приобрести себе союзников также в лице мелкого рыцарства, поддерживая институт имперских рыцарей — непосредственных держателей короны. Но отсутствие развитого королевского домена и частая смена династий на престоле делали поддержку рыцарства недостаточной. Что касается крестьянства, то королевская власть в XII—XIII вв. уже не пыталась, как раньше (см. ч. I, гл. 4), превратить их в своих непосредственных подданных — «королевских свободных», вмешиваться в отношения их с сеньорами.

Слабость власти немецких королей внутри страны во многом определялась также и внешней политикой. Несмотря на неудачу в конфликтах с папой из-за инвеституры, они не отказались от надежд подчинить себе богатые области Северной и Средней Италии, включить их вместе с Германией в рамки единой так называемой Священной Римской империи и навечно возглавить ее под титулом императоров. Однако в силу упорного сопротивления итальянских городов и папства, а также малой заинтересованности германских князей в итальянской политике короны она терпела поражение за поражением. Чтобы удержать в повиновении Италию и получать от папы титул императоров, немецким королям приходилось то и дело совершать туда дорогостоящие военные походы.

Эта безнадежная, постоянно повторяющаяся ситуация была характерна и для периода правления династии Гогенштауфенов (1138—1254). Один из ее наиболее крупных представителей, Фридрих I Барбаросса (Рыжебородый) (1152—1190), добившись в 1154 г. императорской короны в Риме, попытался в 1158—1176 гг. навсегда подчинить города Средней и Северной Италии (см. ч. II, гл. 3). Это вызвало восстание городов против императорского владычества, поддержанное папой. После долгой войны с созданной городами вместе с папой Ломбардской лигой император понес тяжелое поражение в битве при Леньяно (1176 г.), а в 1183 г. по Констанцскому миру отказался от всех притязаний на Италию. На последнем этапе этой войны часть германских князей во главе с могущественным Генрихом Львом, герцогом Саксонским, отказали Фридриху в военной помощи, что и предопределило поражение при Леньяно. Неудачной оказалась и последняя попытка Гогенштауфенов подчинить Италию,

Фридрих Барбаросса — крестоносец. Миниатюра из рукописи «История Иерусалима». XIII в.

предпринятая внуком Фридриха Барбароссы Фридрихом II (1212—1250). Будучи одновременно королем Сицилии (его отец Генрих VI был женат на наследнице Сицилийского престола), которую он стремился сделать центром своей державы, Фридрих II пытался взять в клещи Северную и Среднюю Италию и папское государство, но вновь столкнулся с ожесточенным сопротивлением городов и папы. Этот король, затем император, представлял собой одну из колоритнейших фигур в истории империи. Воинственный рыцарь, он создал в Сицилийском королевстве подобие восточной деспотии. Вместе с тем он был одним из образованнейших людей своего времени, покровительствовал наукам и искусствам, основал университет в Неаполе, знал греческий, арабский и, конечно, латинский языки, писал научные трактаты, был поэтом. В то же время он жестоко преследовал еретиков и народные движения. После долгой, почти 30-летней борьбы, в которой германские князья Фридриху II почти не помогали, отлученный папой от церкви и объявленный Антихристом, он потерпел полный крах. Вместе с его смертью (1250 г.) потерпела крах и династия Гогенштауфенов, а в значительной мере — и итальянская политика германских императоров в целом. Пока Гогенштауфены растрачивали силы в этой бесперспективной борьбе, они вынуждены были покупать помощь германских князей и даже их нейтралитет все новыми и новыми политическими уступками в их пользу, притесняя вместе с тем города. Мельфийский статут 1231 г., изданный Фридрихом II,

закрепил за германскими князьями право высшей юрисдикции, чеканки монеты, взимания в их пользу налогов и пошлины, разрешил им основывать города и давать им рыночные права. Этот же статут запретил городам объединяться в союзы против князей.

Тем временем германские князья в XII—XIII вв. усиленно расширяли свои владения за Эльбой. Они предпринимали благословлявшиеся папой крестовые походы (XII в.) в земли полабских славян (ободритов, лютичей, поморян), в XIII в. — в Прибалтику. В этом «движении на Восток» (Drang nach Osten) их поддерживали торговые города Северной Германии и жадное до земель рыцарство. В результате истребления или подчинения населения заэльбских земель, куда завоеватели направляли потоки немецких колонистов — крестьян, здесь образовались в XII в. новые немецкие княжества: герцогство Мекленбургское (в нижнем течении Эльбы), основанное уже упоминавшимся Генрихом Львом, маркграфство Бранденбургское (в среднем течении Эльбы с центром в Берлине), основанное другим крупным феодалом — Альбрехтом Медведем, Померания (между устьями Одера и Вислы), завоеванная тем же Генрихом Львом. В XIII в. два духовно-рыцарских ордена — «меченосцев» (возникший в Европе) и «тевтонский» (переведенный сюда папой из Палестины) — захватили территорию современной Латвии, часть Эстонии, а также земли племени пруссов в Восточной Прибалтике. После слияния в 1237 г. обоих орденов здесь сложилось в конце 30-х годов государство Тевтонского ордена (позднее Ливония), угрожавшее Польше и Руси. В XIII же в. на юго-восточной окраине Германских земель, в результате более мирной колонизации в бывшую Восточную марку, образовалось еще одно новое княжество — герцогство Австрийское, которое вскоре захватило соседние славянские области — Штирию, Каринтию, Крайну.

В Германии не было единого центрального правительства, единой налоговой системы, единства мер и весов, которые в других странах постепенно обеспечивались королевской властью. Не было и постоянного или «земского мира», которого так домогались города. «Земский мир» поддерживался не королевским законодательством, но периодическими соглашениями об его соблюдении, заключавшимися на имперских сеймах между королем и князьями, иногда с участием наиболее влиятельных городов. Эти постановления постоянно нарушались и требовали возобновления.

Немецкое бюргерство, отданное во власть князей (не получая защиты от короля), пыталось противостоять такому ходу событий, создавая региональные городские союзы. Так возникли Рейнский (XIII в.), Швабский (XIV в.) союзы городов, а также мощный Ганзейский союз североморских городов (см. ч. II, гл. 1). Эти союзы тщетно пытались воздействовать на короля в деле поддержания мира в стране. Князья же требовали их запрещения, так что после Мельфийского статута 1231 г. союзы существовали как бы нелегально.

То обстоятельство, что немецкие города не смогли создать общегосударственного союза, показывает, что складывание городского сословия шло в Германских землях в основном в региональных рамках. Города все больше искали поддержки против своих господ у территориальных князей, усиливая их политические позиции. Междуцарствие 1254—1273 гг., последовавшее за падением Гогенштауфенов, еще более способствовало политическому распаду Германии на множество фактически самостоятельных территориальных княжеств.

С таким развитием была связана и специфика сословно-представительных собраний. В XIII в. в отдельных княжествах появляются местные сословные собрания — ландтаги с представителями духовных и светских феодалов и наиболее значительных в данной области городов. Эти местные собрания пользовались известным влиянием в рамках территорий. Общеимперские собрания (впоследствии получившие название рейхста-

гов) имели скорее символическое значение. В их состав входили князья и прелаты, города же, притом только имперские, приглашались туда нерегулярно и не имели там особой палаты (до конца XV в.). Не имели самостоятельного представительства и рыцари. Решения рейхстагов практически не являлись обязательными ни для императора, ни для других его участников. В стране не было достаточно сильных исполнительных органов, которые могли бы обеспечить их реализацию. В отличие от Франции, где складывание сословий на уровне отдельных провинций было лишь этапом в их общегосударственном оформлении, в Германских землях этот процесс оставался на таком уровне многие столетия.

Особым путем шло политическое развитие Швейцарии. В отличие от других германских земель она не превратилась в централизованное территориальное княжество. Сохранению здесь значительного контингента крепких крестьян-собственников способствовал горный ландшафт страны и преобладание в горных районах пастушеского хозяйства. Наличие широкого слоя свободных крестьян замедлило процесс феодализации, а позднее и феодальной централизации. Когда в 1264 г. австрийские Габсбурги унаследовали (от вымерших Кибургов) Швейцарию, они попытались подчинить себе всю страну, включая горную ее часть, но натолкнулись на упорное сопротивление свободного крестьянства. В 1291 г. кантоны Швиц, Ури, Унтервальден, составили военный союз против Габсбургов, к которому вскоре присоединились и другие области страны. Так возникла Швейцарская конфедерация многих кантонов, земель и городов, которая решительно сопротивлялась притязаниям Габсбургов. Главную роль в ней играли крепкое крестьянство и богатые города, тогда как влияние феодальных владетелей постепенно стало падать. Габсбурги, однако, и после этого не отказались от своих притязаний, что приводило к постоянным военным конфликтам между ними и Конфедерацией в течение всего XIV в. (см. ниже).

Процесс централизации государств в Западноевропейском регионе сопровождался изменениями в праве. В XII—XIII вв. происходит во все больших масштабах письменная фиксация обычного права (общинного и вотчинного, вассально-ленного, регулировавшего отношения внутри господствующего класса, а также городского) в хартиях, областных кутюмах (Франция), королевских и княжеских законах и распоряжениях. В них обычай переплетался с новациями, исходившими от государя и его советников, ломавшими старый обычай, приспосабливавшими его к пожеланиям правителя (например, судебные реформы Генриха II в Англии, Людовика IX во Франции).

Новое писаное право, в частности королевское законодательство, испытывало на себе заметное влияние ранее сложившегося церковного (канонического), давно уже письменно зафиксированного права. А начиная с середины XII в. в Англии, с середины XIII в. во Франции, в XIV—XV вв. в Германских землях на феодальное светское право оказывает значительное влияние и возрожденное в Болонской школе юристов римское право, проникавшее сначала в Южную, позднее Северную Францию, в Англию и Германию. Начинается так называемая рецепция (буквально — восприятие) римского права, оформившегося еще в позднеримское время, и приспособление его к новым условиям феодального общества — явление особенно характерное для Западного (как и для Юго-Западного) региона.

Рецепция римского права отвечала тем новым потребностям, которые возникали по мере усложнения структуры феодального общества. В частнособственническом римском праве нуждались города для регулирования торговых сделок, организации кредита, охраны собственности горожан. Не случайно знатоки права (легисты во Франции), нотариусы, оформлявшие разного рода сделки, судьи и адвокаты впервые появились в городах

и по большей части были выходцами из среды бюргерства. В XIII в. римское право внедряется в область частного права и в деревне. Однако рецепция римского права была в некоторых случаях выгодна и феодалам. Например, в английском общегосударственном «общем праве», сложившемся между серединой XII и серединой XIII в., бесправное положение лично зависимых вилланов обосновывалось и в юридической теории и в судебной практике трактовкой этой категории крестьянства как сервов-рабов по римскому праву, что облегчало феодалам борьбу с крестьянским сопротивлением.

Использовались некоторые нормы римского права и для обоснования усиления центральной власти. Кодифицированное в эпоху Римской империи, это право высоко ставило авторитет государя как единовластного правителя. Положение этого права: «То, что угодно государю, имеет силу закона» — помогало утвердить исключительный авторитет короля по отношению к церкви или к непокорным феодалам. Другой излюбленный тезис, почерпнутый, правда, из канонического права: «То, что касается всех, должно быть одобрено всеми» — широко применялся и самими королями и их должностными лицами для обоснования необходимости созыва сословных собраний.

* * *

Развитие Западноевропейского региона вобрало в себя все сложные изменения, происходившие в ту эпоху в экономической и социально-политической и идейной жизни общества.

Резкое ухудшение положения крестьянских масс в связи с утверждением феодального строя привело на рубеже X и XI вв. к возникновению в их среде эсхатологических, мистических настроений, связанных с ожиданием «конца света» или «страшного суда» в ближайшем обозримом будущем. «Конец света» сначала назначался на 1000-й год, но когда эта дата прошла, сроки его неоднократно переносились на более позднее время. Обострение социального напряжения в деревне и ожидание «конца света» породили уже в начале XI в. ряд открытых ересей. Наряду с Италией одним из главных центров их распространения была Франция. Это крестьянская по составу ересь пастуха Леутара в Шалоне на Марне (ок. 1000 г.), Орлеанская ересь, возникшая в церковной аристократической среде, но охватившая и окрестное крестьянство (1022 г.), городская ересь в Аррасе (область Камбре — 1025 г.) и другие. Ранние ереси, при всех различиях их социального состава, были едины в своей враждебности к богатой церкви, в апологии бедности и проповеди аскетизма, выдвигая в качестве примеров жизнь Христа и апостолов. Их учение о добровольной бедности отражало и вместе с тем стимулировало развитие крестьянских представлений о труде, бедности, богатстве.

Позднее, в XII в., в южной Франции возникли два массовых еретических движения. Первое из них, ересь катаров (греческ.— «чистый»), охватившее бóльшую часть Южной Франции, носило, подобно павликианству и богомильству, дуалистический характер и, по-видимому, развилось под влиянием богомилов. Возникшая в южных городах Франции, ересь быстро увлекла и крестьянско-плебейские массы. Как и богомилы, катары считали земной мир, католическую церковь и государство творением дьявола, а папу — его наместником. Поэтому они отвергали все католические догматы, церковную иерархию, требовали ликвидации церковного землевладения и десятины, призывали не повиноваться государству. Катары создали свою особую церковную организацию, члены которой делились на две степени: «совершенных», обязанных вести аскетический образ жизни, и массы простых верующих (credentes), которым разрешалось жить в миру, заниматься любыми профессиями и не придерживаться строгого аскетизма. Требование катаров конфисковать церковные зем-

ли привлекло к этому движению и часть феодалов. Однако основную их массу составляли трудящиеся слои деревни и города, что придавало катаризму характер народно-еретического движения.

Другая ересь, возникшая в конце XII в. в Лионе,— вальденсы (по имени основателя секты —лионского купца Петра Вальда), носила евангелический характер. Вальд и его многочисленные последователи проповедовали бедность и аскетизм в духе раннего христианства. Они оспаривали многие церковные догматы, большинство таинств, почитание икон, молитвы, культ святых, церковную иерархию. Как и катары, они боролись против церковной десятины, а также против воинской службы, церковных судов, смертной казни. Вальденсы в конце XII — начале XIII в. действовали часто вместе с катарами и получили у современников общее название «альбигойцев» (по названию южнофранцузского города Альби, ставшего центром еретической деятельности). Борьба ортодоксальной церкви и французских феодалов с этой ересью послужила, как отмечалось, поводом для завоевания большей части Южной Франции французским королем. В XIII в. вальденство, как более умеренных, так и радикальных направлений, распространилось в Италии, а в XIV—XV вв. и в ряде других стран. В самом конце XIII — начале XIV в. в Южной Франции возникла еще одна ересь — спиритуалов (см. ниже). Как и в других регионах, католическая церковь жестоко преследовала эти ереси, вплоть до физического уничтожения их адептов (см. ч. III, гл. 5).

XI—XIII века в Западноевропейском регионе были временем не только нараставших внутренних противоречий, но и острых международных конфликтов. Одним из главных узлов противоречий этого времени была борьба между империей и папством или, иначе говоря, между Германской империей и Италией. В этой борьбе папство на данном ее этапе (XIII в.) в конечном счете одержало победу. Усилив свои позиции в конце XI в., католическая церковь организовывала и вдохновляла такие международные акции, как крестовые походы на Ближний Восток и внутри Европы. Наиболее массовый характер носили крестовые походы на Ближний Восток против «неверных» — мусульман, продолжавшиеся с 1095 по 1291 г., т. е. почти 200 лет. Всего за это время было проведено восемь наиболее значительных крестовых походов (1096—1099, 1147—1149, 1189—1192, 1202—1204, 1217—1221, 1228—1229, 1248—1254, 1270). В большинстве этих походов ведущую роль сыграли страны Западноевропейского региона (Фландрия, Северная Франция, Германия, Англия) и Юго-Западного региона (Италия, Южная Франция).

Официальной целью походов на Восток было освобождение из-под власти мусульман — турок-сельджуков «гроба господня», находившегося, согласно христианским мифам, в Иерусалимском храме. Начало этим походам на Восток положило стремление церкви усилить свое политическое влияние в раздробленной Европе, а также расширить границы сферы влияния католицизма на Византию и мусульманский Ближний Восток. Церковь сумела мобилизовать для участия в походах массы оказавшегося в тяжелой зависимости крестьянства, а также мелкого рыцарства, разорявшегося в связи с ростом товарно-денежных отношений и системой единонаследия рыцарских феодов. Учитывали руководители римской церкви и царившие в народе мистические настроения — ожидание конца света, а также и то, что с помощью крестовых походов можно было несколько смягчить царившее в обществе социальное напряжение, направив ненависть недовольных вовне Европы — против «неверных».

Призыв к первому походу прозвучал из уст папы Урбана II на церковном соборе в Клермоне (Южная Франция) в 1095 г. Обещая людям, принявшим крест (крестоносцам), спасение после смерти, он не преминул соблазнить их сказочными богатствами Ближнего Востока. Призыв папы нашел отклик во всех слоях населения. И простой народ, и феодалы

были охвачены религиозным экстазом. Вместе с тем крестьяне рассчитывали, идя в поход, освободиться от личной зависимости и приобрести земли на местах нового поселения. Рыцари видели в крестовом походе наиболее яркое выражение своей общественной функции воинов божьих, одновременно — возможность избавиться от долгов и приобрести землю, которой были лишены многие из них на родине. Крупные феодалы, принимая крест, рассчитывали приобрести на новых местах целые самостоятельные государства. Участие в крестовых походах на Восток приняли и североитальянские города — Венеция, Генуя, Пиза, отчасти финансировавшие эти предприятия, рассчитывая на установление прямых торговых контактов со странами Ближнего Востока.

Основную силу первых наиболее массовых четырех крестовых походов составляло рыцарство главным образом Западноевропейского региона. Но в отличие от последующих в них довольно широкое участие принимали массы простого народа. Первый крестовый поход начался весной 1096 г. с отдельного похода бедноты Северной Франции и Германии во главе с проповедником Петром Пустынником и обедневшим рыцарем Вальтером Голяком. В нем участвовали целые крестьянские семьи, со всем своим имуществом двинувшиеся в землю обетованную. Войско этих нищих, плохо вооруженных крестоносцев было полностью истреблено турками в Малой Азии еще до прихода туда лучше организованного и вооруженного рыцарского ополчения, выступившего в поход летом 1096 г. под руководством ряда крупных феодалов — герцога Лотарингии Готфрида Бульонского, герцога Роберта Нормандского, графа Этьена Блуа, графа Роберта II Фландрского, графа Раймунда Тулузского, нормандского князя Южной Италии и Сицилии Боэмунда Тарентского.

После тяжелых переходов и жестоких сражений рыцари-крестоносцы в 1099 г. овладели Иерусалимом и подвергли его неслыханному разграблению. Под главенством крупных феодалов — вождей похода было создано несколько феодальных государств. Главным сюзереном их номинально считался иерусалимский король. Его вассальными государствами являлись графства Эдесское, Триполи, герцогство Антиохийское. Местные крестьяне, превращенные в лично зависимых, обязаны были платить ренту своим новым сеньорам. Создание этих государств, расположившихся на узкой, легко уязвимой прибрежной полосе Сирии и Палестины, послужило поводом для новых крестовых походов, предпринимавшихся с целью восстановить власть западных рыцарей после очередного набега турок-сельджуков.

Чтобы упрочить положение новых государств, на Ближнем Востоке были созданы военно-монашеские, иначе духовно-рыцарские, ордена — тамплиеров (храмовников), госпитальеров (иоаннитов), а в конце XII в. — Тевтонский, т. е. немецкий, орден. Члены этих орденов принимали монашеский обет, но оставались воинами-рыцарями. Под монашеским плащом с эмблемой креста скрывались рыцарские доспехи. Объединенные в сильную централизованную организацию, обладавшие несметными богатствами благодаря военной добыче и занятиям ростовщичеством, эти рыцарские ордена составляли сильную опору папства — сначала на Ближнем Востоке, а затем и в Западной Европе, где они располагали обширными землями.

Однако и ордена не могли помешать турецким набегам и защитить вновь созданные государства без помощи из Европы. Следующие два крестовых похода были неудачны, хотя во главе их стоял ряд коронованных особ (во втором — французский король Людовик VII и германский император Конрад III, в третьем — Филипп II Август, Фридрих Барбаросса и английский король Ричард I Львиное сердце. Четвертый крестовый поход (1202—1204 гг.) завершился завоеванием христианского Константинополя (ч. III, гл. 3). Последующие четыре крестовых похода

выродились в небольшие военные экспедиции, редко увенчивавшиеся даже незначительными успехами. В 1291 г. пала Акра — последняя крепость крестоносцев на Ближнем Востоке. Сохранилось лишь государство крестоносцев на Кипре.

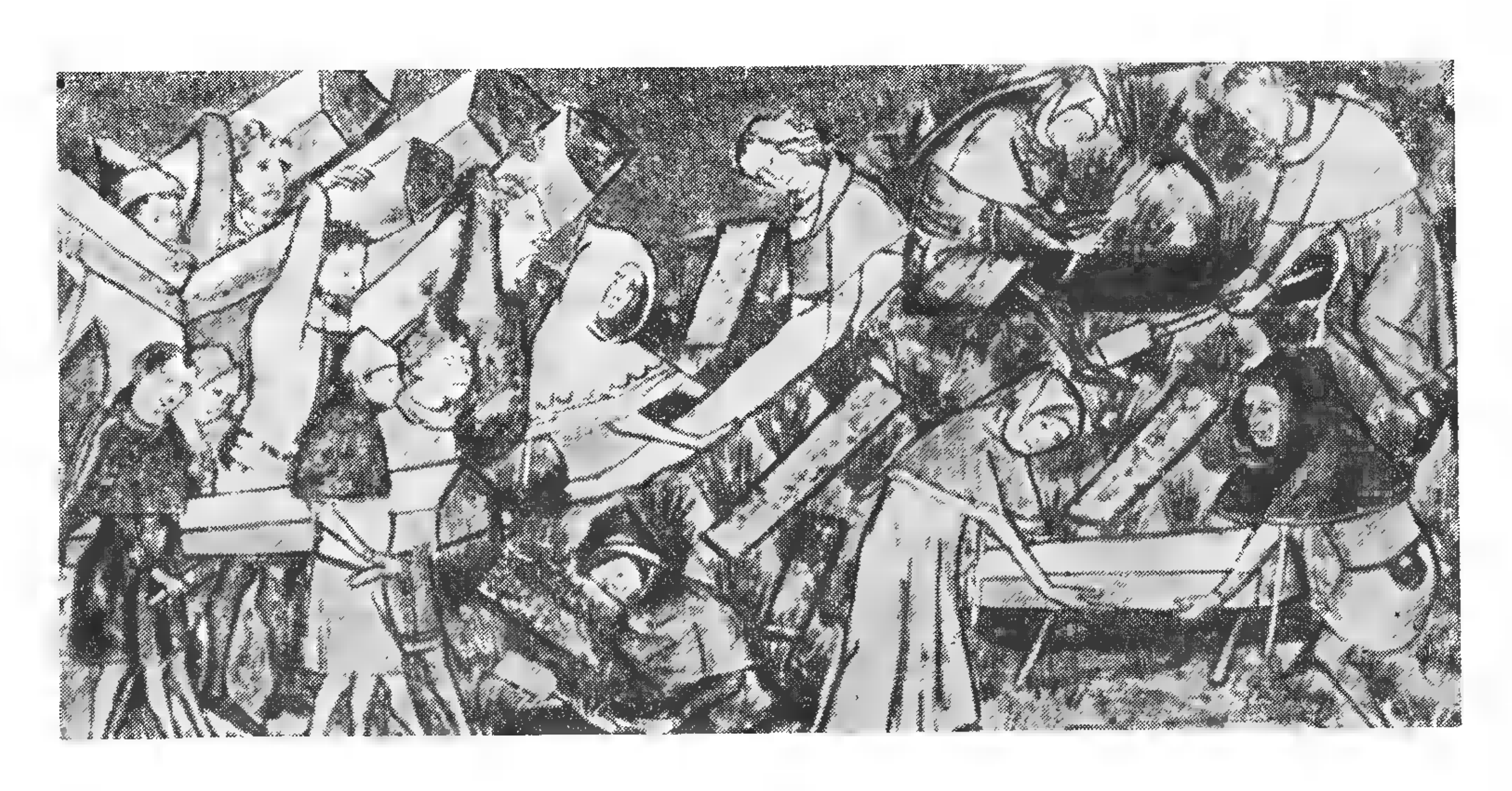
Хотя крестоносцам не удалось удержаться на Ближнем Востоке, крестовые походы оказали влияние на последующее развитие Западной Европы. Они усилили ее прямые торговые связи с Византией и Ближним Востоком, познакомили высшие слои общества с более высокой культурой, благоустроенным бытом заморских стран: европейцы заимствовали на Востоке ряд ценных сельскохозяйственных культур (рис, арбузы, лимонные и фисташковые деревья и др.), более утонченные вкусы, гигиенические привычки — регулярное мытье в бане, ношение белья и многое другое. Это привело к дальнейшему росту потребностей феодалов, стимулировало развитие городов и товарно-денежных отношений, в частности денежной ренты в Западной Европе.

В XII—XIII вв. папство пыталось использовать крестоносное движение и внутри Европы, прикрывая как свои агрессивные действия, так и военные захваты феодалов лозунгами борьбы с неверными — в лице не только мусульман, но и язычников или даже христиан-еретиков и схизматиков-греков. Под лозунгом крестового похода немецкие феодалы совершали свой Drang nach Osten, в том числе в польские и русские земли (Ледовое побоище 1242 г.). Под лозунгом крестового похода против альбигойцев северофранцузские рыцари опустошили и отдали под власть французской короны Южную Францию. И повсюду церковь получала свою долю движимых богатств и земли во вновь завоеванных областях Европы.

Крестовые походы, как уже отмечалось, не могли пресечь рост в регионе антицерковных настроений и массовых еретических движений — в городах, в крестьянской и даже рыцарской среде. Все же период между концом XI и концом XIII в. был апогеем могущества церкви, когда она выступала на европейской арене как крупная политическая сила. И хотя претензии папства на политическое верховенство над светскими государями никогда полностью не реализовались даже в пределах Западной Европы, ему удавалось долгое время оказывать весьма большое влияние на политическую жизнь региона. Однако к концу XIII в. падение интереса к крестовым походам, распространение еретических учений, но самое главное — рост государственной централизации в отдельных странах все больше ограничивали непомерные претензии папской политики (см. ниже).

Другой узел международных противоречий в регионе в XI—XIII вв. был связан с англо-французской борьбой, история которой восходит еще к концу XI в.— нормандскому завоеванию Англии — и не получает своего окончательного решения и к концу XIII в. Вассальные отношения английских королей к французским, наличие во Франции обширных английских владений были источником постоянных конфликтов между этими странами. Борьба французских королей за английские земли во Франции нередко приобретала международный характер (см. ч. III, гл. 3). Но и после крушения «анжуйской империи» Плантагенетов противоречия между Англией и Францией не были ликвидированы. Источником их оставались сохранившиеся на юго-западе Франции вассальные английские владения в Гиени (Гаскони), вызывавшие постоянные войны между обеими странами.

Более локальное, хотя и весьма важное, значение для участвовавших в них стран имели менее крупные международные конфликты в регионе, о которых уже говорилось выше: завоевание Англией части Ирландии, установление вассалитета Шотландии по отношению к Англии, а затем попытки полностью завладеть этой страной; завоевание француз-

Массовые похороны во время чумы 1349 г. «Чёрная смерть». Французская миниатюра. Около 1359 г.

ской короной Лангедока; агрессия немецких князей в Заэльбье. Эти международные конфликты XI—XIII вв., так же как и крестовые походы на Восток, отражали стремление господствующего класса феодалов и представлявших их государств к феодальной экспансии, целью которой было приобретение новых земель и доходов, часто за счет менее развитых стран и народов.

Культурная жизнь региона развивалась в общих рамках эволюции, характерной для всей Европы (см. ч. IV).

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО НА ВТОРОМ ЭТАПЕ РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

На втором этапе зрелого феодализма развитие общества становится все более противоречивым. С начала XIV в. здесь наблюдаются некоторые явления экономического упадка. В результате неурожайных лет 1315—1322 гг. несколько сократилось население, дальнейшему падению его численности с середины XIV в. содействовала страшная эпидемия чумы — «Черная смерть» 1348—1349 гг. и последовавшие за ней эпидемии 1360—1361, 1369 и 1374 гг. К концу столетия население сократилось по сравнению с его началом в среднем по региону на четверть или треть, а в некоторых странах еще больше. Следствием этого, с одной стороны, была резкая нехватка рабочей силы и быстрый рост заработной платы наемных рабочих в деревне и в городах (примерно в 2—2,5 раза), а с другой — прекращение внутренней колонизации и сокращение фонда обрабатываемых земель, а также повсеместное запустение деревень.

Постепенное снижение цен на зерно ко второй половине XIV в. из-за убыли населения при росте заработной платы делало невыгодным товарное зерновое хозяйство в широких масштабах, что привело к сокращению посевных площадей, особенно в сеньориальных хозяйствах, которые оказались в кризисной ситуации. Сокращается и экспортная торговля сельскохозяйственными товарами. Некоторые явления упадка наблюдались и в городах. Цеховая организация ремесла из двигателя развития производительных сил с середины XIV в. постепенно превращается в тормоз этого развития (см. ч. II, гл. 1). В середине XV в.

начинают приходить в упадок некоторые старые торгово-ремесленные центры — Гент, Брюгге, Ипр, Любек, Кёльн и др.

Все эти явления экономического спада послужили поводом для возникновения и распространения в западной медиевистике в 50—70-е годы теории, согласно которой в этом регионе Европы в XIV—XV вв. разразился экономический кризис или даже «кризис феодализма». Придавая решающую роль в развитии экономики демографическому фактору, сторонники этой теории считали, что смена тенденции к росту населения тенденцией к его падению определяла смену хозяйственных циклов «экономического подъема» в XI—XIII вв. и «кризиса» в XIV—XV вв. наподобие смены циклов при капитализме. При этом совершенно игнорировалась специфика экономических условий феодального общества, в частности роль в нем внеэкономического принуждения и классовой борьбы, их воздействие на экономику.

Возражая сторонникам этой теории, советские историки еще в конце 50-х — начале 60-х годов, во-первых, отвергли чисто демографическое объяснение явлений экономического упадка XIV—XV вв., подчеркнув, что сам демографический спад был результатом истощения крестьянского хозяйства вследствие возраставшей в XIII—XV вв. эксплуатации; во-вторых, показали, что и в XIV—XV вв. явления экономического упадка сочетались с явлениями экономического подъема. Дело в том, что общий уровень развития товарно-денежных отношений и в деревне и в городе заметно вырос в эти столетия. Если падала товарность сеньориального хозяйства, то она резко возрастала в крестьянском хозяйстве, если отдельные города переживали упадок, другие в это время росли и укреплялись, если сокращалось зерновое хозяйство, то оно постепенно интенсифицировалось, а вместе с тем успешно развивалось товарное скотоводство, огородничество, виноградарство, возделывание технических культур. И в сельском хозяйстве, и в ремесле продолжался заметный рост производительных сил (см. гл. 2), подготовлялись условия для зарождения раннекапиталистических отношений в деревне и в городском производстве [4].

В деревне противоречия экономического развития выражались в том, что сеньориальное и крестьянское хозяйство развивались в противоположных направлениях. Первое действительно переживало тяжелый кризис: падала его товарность, шло дальнейшее сокращение домениальной запашки за счет роста крестьянских держаний, утверждалась личная свобода крестьян при безусловном преобладании денежной ренты. На протяжении XIV и XV вв. происходило вместе с тем и постепенное сокращение общих размеров сеньориальной ренты. Начинался развал барщинной сеньории: домениальные земли в широких масштабах, а иногда и полностью, раздавались в конце XIV — начале XV в. уже лично свободным наследственным держателям или долгосрочным, а иногда и краткосрочным арендаторам (лизгольд в Англии, мейерская аренда в Германских землях, фермерская аренда в Нидерландах).

Резко возрастает хозяйственная роль крестьянства. К середине XV в. крестьянское хозяйство повсеместно вытесняет с сельскохозяйственного рынка феодалов. Крестьяне все больше превращаются в товаропроизводителей по преимуществу.

Однако в обществе, где сохранялась монополия феодалов на земельную собственность и политическую власть, эти выгоды реализовались крестьянством с большими затруднениями. Кризис сеньориального хозяй-

[4] О теории «кризиса XIV–XV вв.» и ее критику см.: *Косминский Е. А.* Были ли XIV–XV вв. временем упадка европейской экономики? // СВ. 1958. Вып. X; *Барг М. А.* О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV вв. // ВИ. 1960. № 8.

ства и связанное с ним падение доходов господствующего класса вызывало с его стороны нередко резкую реакцию. Главной целью феодалов было удержать ренту на достаточно высоком уровне, а иногда даже повысить свои доходы, как можно более полно реализовать для этого свои сеньориальные права. В феодальной деревне этих столетий наблюдается поэтому тенденция к сеньориальной реакции.

Наиболее ярко реакция была выражена в Англии, где феодалы в XIV в. даже пытались укрепить свое домениальное хозяйство, рекоммутировать ренту, сохранить личную зависимость вилланов. Во Франции и Нидерландах сеньориальная реакция в XIV—XV вв. была выражена слабее, так как ликвидация барщины и личной несвободы — серважа уже была там необратима. Однако все же делались попытки, правда в целом неудачные, возродить, особенно у краткосрочных арендаторов, натуральные чинши и даже серваж (так называемый «новый серваж» во Франции) для уже давно лично свободных, но нуждавшихся в земле крестьян.

В Германских землях сеньориальная реакция началась несколько позднее, с конца XIV в., и достигла широкого размаха только во второй половине XV в. В западных областях империи она выражалась в массовом наступлении феодалов на общинные права крестьян, в попытках, нередко удачных, повысить ренту, вернуться от денежной ренты к натуральным чиншам, а иногда и к барщине. Феодалы с помощью начавшейся здесь с конца XIV в. «рецепции» римского права стали ухудшать земельные права крестьян на наследственные наделы, превращать их в краткосрочных арендаторов, ренту которых всегда было легче повысить. Наряду с этим господа увеличивали личные и судебные повинности крестьян, пытаясь небезуспешно вновь установить статус личной зависимости для некоторых из них (Leibeigeschaft).

Во Франции, Нидерландах и Англии сеньориальная реакция в конечном счете потерпела поражение. К середине XV в. в этих странах крестьянство не только полностью было лично свободным, но платило невысокую ренту и имело наследственные права на держание (цензива — во Франции, копигольд — в Англии), а иногда и право собственности (фригольд в Англии). В Германских же землях между Рейном и Эльбой сеньориальная реакция имела известные успехи уже в канун Крестьянской войны 1524—1525 гг.

Еще более заметные изменения в этом направлении произошли в XIV—XV вв. в Заэльбье. В XIII — начале XIV в. крестьянство здесь было лично свободным, не знало значительной барщины, несло натуральные и денежные платежи в первую очередь в пользу территориальных князей. В XIV же веке положение заметно изменилось. В связи с активизацией здесь к концу XIV столетия хозяйственной деятельности рыцарства, которое стало в широких масштабах производить зерно на продажу, в частности на экспорт в Западную Европу, усилился нажим на крестьянство сначала в форме роста натуральной ренты. Постепенно рыцари захватывают и судебную власть над крестьянами. Когда в XV в. они переходят в широких масштабах к ведению предпринимательского фольварочного хозяйства, то присоединяют к своим доменам пустующие наделы и даже вытесняют с занятых наделов наиболее экономически слабых крестьян. Они превращают их в малоземельных «огородников» и «коссатов», которых принуждают к несению барщины в фольварке. Более зажиточных также обязывали своей тягловой силой и инвентарем обрабатывать земли фольварка. Широкое применение барщины обусловило здесь массовое личное закрепощение к концу XV в. как бедноты, так и более зажиточных крестьян.

Препятствия на пути свободного развития крестьянского хозяйства в относительно благоприятных экономических условиях XIV—XV вв. ста-

вила и политика феодальных государств. Укрепившиеся к этому времени сословные монархии всемерно старались поддержать реакционные поползновения господствующего класса, сами усиливая при этом государственную эксплуатацию крестьянства с помощью растущих налогов. Во Франции, например, именно налоговый гнет и в XIV, и в XV в. был одной из главных причин крестьянского недовольства. В Англии, где сеньориальная рента стала падать только с конца XIV в., размеры государственных налогов, уплачиваемых крестьянами, приближались в это время к размерам ренты, а в XV в. уже значительно ее превышали. В западногерманских землях князья с конца XIV в. присвоили себе право сбора имперского поголовного налога (bede), особенно тяжело ложившегося на крестьян, и стали взимать в свою пользу еще поземельный налог. Возрастал с начала XIV в. также налоговый гнет во Фландрии.

По мере развития товарно-денежных отношений в деревне в XIV—XV вв. резко усилилось расслоение крестьянства. Теперь более заметно, чем раньше, шло отслоение крестьянской верхушки. В Англии XIV—XV вв. она составляла в среднем уже около 15% крестьянства, а в XV в. конституировалась в особый слой — йоменов, куда входили не только фригольдеры, но и богатые копигольдеры. Зажиточные крестьяне в значительном числе имелись в XIV—XV вв. во Франции; мейеры и шульцы составляли богатую верхушку крестьянства в Германских землях. Однако основная масса среднего крестьянства повсеместно оставалась на грани нужды, с трудом сводя концы с концами. За два рассматриваемых столетия сильно возросло во всех странах региона число малоземельных и вовсе не имевших полевого надела крестьян.

Использовать к своей выгоде благоприятные экономические условия могли только богатые крестьяне и небольшая часть средних. Именно среди них постепенно распространялась фермерская аренда. В XIV—XV вв. в таких фермах основная часть продукции шла на рынок. Между тем крестьянская беднота и низшие слои среднего крестьянства вынуждены были арендовать землю на совсем иных, более тяжелых условиях, поставляя кадры для краткосрочной, по большей части испольной, мелкой аренды. Они оказывались в долгу у сельских и городских ростовщиков, в том числе и у своих господ. Многие из таких мелких арендаторов более или менее регулярно работали по найму или, живя в деревне, занимались ремеслом на продажу. Крестьянская беднота особенно тяжело страдала от явлений сеньориальной реакции, налогового гнета и ростовщичества. Чем больше преград встречало крестьянство всех имущественных групп на пути к улучшению своего материального положения и социально-правового статуса, тем острее становилась его классовая борьба.

В XIV—XV вв. крестьянство в Западноевропейском регионе, как и другие социальные слои феодального общества, постепенно складывалось в сословие. Однако, даже освобождаясь от личной зависимости и укрепляя свои права на землю, оно в отличие от других сословий не располагало комплексом каких-либо прав и привилегий, т. е. оставалось сословно неполноправным.

Эволюция господствующего класса в Западноевропейском регионе в XIV—XV вв. была связана с постепенным падением его экономического значения и сокращением сеньориальных доходов. В связи с этим происходила перестройка господствующего класса, которая создавала условия для временной стабилизации его положения. Наряду с попытками сеньориальной реакции феодалы использовали и другие пути для выхода из трудностей. Наиболее крупные из них стремились еще больше расширить свои земельные владения и укрепить свою политическую власть в них в целях усиления феодальной эксплуатации теперь уже лично свободного крестьянства. В Англии именно в XIV—XV вв. при

поддержке правительства закладывались основы крупных компактных феодальных территорий — палатинатов и герцогств, которых ранее эта страна не знала. Владения того же типа — апанажи, принадлежавшие крупнейшим феодалам страны — принцам крови, в еще большем числе складываются в это время во Франции. В Германской империи территориальные княжества фактически становятся самостоятельными государствами. При этом князья используют политическую власть для превращения своих подданных — крестьян в лично зависимых от себя людей, а государственные налоги, по сути дела, отождествляются с феодальной рентой.

Во всех странах региона вокруг крупных феодалов образуются большие военные свиты, состоящие из их менее богатых родственников и других мелких феодалов, которых эти магнаты содержат на свой счет. Одновременно с этим классическая военно-ленная система под воздействием товарно-денежных отношений претерпевает существенные изменения: с конца XIII в., и особенно в XIV в., главной формой связи между сеньорами и их вассалами становится уже не условное земельное пожалование (лен или феод), но так называемый рентный феод, когда вассал получает от сеньора за свою службу уже не реальный участок земли, но лишь доход (ренту) с него. В XV в. широко распространяется, особенно во Франции и в Англии, система феодальных контрактов. При этой системе вассал обязуется служить сеньору в течение обусловленного в договоре срока просто за денежную плату. Таким образом, вассальные связи также постепенно отрываются от земельного держания и превращаются в чисто денежные отношения. Это неизбежно вело к развалу прежней многоступенчатой феодальной иерархии, к установлению прямых связей между крупнейшими феодалами страны, в том числе и королем, и мелкими рыцарями, служившими им по контрактам.

Содержание больших военных свит, пышного двора, организация турниров, щедрые пожалования клиентам требовали огромных денежных средств, в то время как доходы феодалов от крестьянской ренты и сеньориальных прав в XIV—XV вв. неуклонно сокращались. Для их пополнения крупные, да и более мелкие феодалы, охотно прибегали к войнам, которые могли обогатить их военной добычей, выкупами пленных врагов, простым мародерством. На смену частным и локальным межгосударственным войнам приходят теперь крупные длительные международные военные конфликты. Такова была Столетняя война (1337—1450 гг.) между Англией и Францией (см. ч. III, гл. 3).

Другим не менее важным дополнительным доходом для господствующего класса в XIV—XV вв. становится практика постоянных государственных субсидий феодалам (в форме пенсий, высокооплачиваемых гражданских и военных почетных должностей, пожалований королевским фаворитам земель и богатств, конфискованных у врагов короля). Королевская казна все более рассматривается представителями господствующего класса как своего рода кормушка.

Такая ситуация меняет характер феодальных междоусобий в этот период. Не только в Англии, где это наблюдалось еще в XIII в., но и во Франции сепаратистские выступления отдельных крупных сеньоров с целью ослабить королевскую власть постепенно сменяются борьбой целых феодальных группировок за овладение королевским престолом. Для таких выступлений чаще всего используются моменты временного ослабления центральной власти.

В Германских землях, где князья фактически были почти полностью самостоятельными, междоусобия крупных феодалов были связаны с борьбой за королевский титул, которая облегчалась тем, что королевская власть оставалась выборной. Боровшиеся за престол князья домогались здесь не столько контроля за весьма скромными в Германии королевски-

ми финансами, сколько возможности, став королем, вести свою узкодинастическую политику (Hausmachtspolitik), т. е. расширять в период царствования территорию своих владений, а вместе с тем доходы и политическое влияние.

Низший слой класса феодалов — рыцарство в узком смысле этого слова — в XIV—XV вв. также пытался поправить свои дела службой в военных свитах королей и крупных феодалов, участием в межгосударственных и внутренних войнах, а иногда грабежами на больших дорогах, мародерством и насилиями над более слабыми своими соседями. Во Франции и Германских землях между Рейном и Эльбой подавляющая часть рыцарства, так же как и крупные феодалы, устранилась от ведения сеньориального хозяйства и полностью сосредоточила свои интересы на военной или судебно-административной службе. Значительная часть английского рыцарства также жила за счет военной и гражданской службы, пенсий, подарков, войн и грабежей. Однако вместе с тем в Англии в XIV—XV вв. росло число мелких феодалов, занимавшихся в своих владениях активной хозяйственной деятельностью, в основном с помощью наемных рабочих. Они округляли за счет скупки или аренды соседних земель свои владения, усовершенствовали методы земледелия, усердно занимались товарным скотоводством, были постоянно и в больших масштабах связаны с рынком. Низшие слои этих мелких феодалов, не входивших в число титулованных рыцарей, собирательно называемые «джентри», постоянно пополнялись снизу выходцами из крестьянской верхушки, и сами по достижении определенного имущественного положения (20 или 40 фунтов годового дохода) поднимались в ряды рыцарства, которое, таким образом, в Англии не было замкнутым сословием. Число джентри в XIV—XV вв. все время росло. Эта жизнеспособная часть феодалов укрепляла общие позиции господствующего класса и являлась наряду с городами наиболее прочной опорой центральной власти. Хозяйственная деятельность джентри, так же как и богатых крестьян, создавала предпосылки для зарождения капитализма в сельском хозяйстве.

Хозяйственно активным, как уже отмечалось, было в эти столетия и немецкое рыцарство в Заэльбских землях. Однако здесь оно, напротив, оставалось замкнутым сословием, которое не получало свежего пополнения из крестьянской среды. Это рыцарство сыграло скорее консервативную роль в последующем социально-экономическом развитии Заэльбской Германии, стало одним из препятствий на пути развития там капиталистических отношений в деревне.

Чем больше падало экономическое значение феодалов в XIV—XV вв., тем больше росли их политические амбиции, их сословное самосознание, а вместе с тем претензии на то, чтобы поставить себя на недосягаемую социальную и моральную высоту, отделить непроходимой гранью от нижестоящих слоев общества. Такое самовозвеличивание господствующего класса в XIV — начале XV в. достигает своего апогея. Это время называют иногда «веком рыцарства» (в широком смысле этого слова), поскольку именно тогда окончательно складываются образ идеального рыцаря и кодекс рыцарской чести, только наметившиеся в предшествующий период. Согласно этому кодексу, рыцарь «без страха и упрека» должен был быть отважным воином, благородным человеком, щедрым к своим вассалам, верным слугой своего сеньора, защитником слабых и угнетенных, преданным возлюбленным избранной им дамы. От него требовались учтивость, умение сочинять или хотя бы читать стихи, играть на каком-нибудь инструменте, сражаться на турнирах, соблюдать все сложные правила так называемой «куртуазии» — безупречного воспитания и поведения при дворе королей или вышестоящих сеньоров — в любви и даже в войне.

Однако подавляющее большинство феодалов на практике очень мало руководствовалось этими идеальными нормами. В их среде по-прежнему господствовали насилие и обман, предательство своих сеньоров, они постоянно делали налеты на владения врагов или просто соседей. И уж, конечно, они были скорее врагами бедняков, слабых и обездоленных, а не защитниками.

* * *

Противоречивым было и дальнейшее развитие городов и бюргерства в Западноевропейском регионе. В XIV—XV вв. процесс отделения ремесленного производства от сельскохозяйственного несколько изменил свой характер. В эти столетия на всей территории региона появилось сравнительно мало крупных новых городов; возникали вновь или вырастали из рыночных местечек в основном мелкие и мельчайшие города, не всегда превращавшиеся в более значительные. Они, однако, играли весьма важную роль в развитии местного и внутреннего рынка в масштабах отдельных стран и упрочивали положение городов как центров экономического прогресса. Развитие более крупных старых городов вело в этот период к их специализации в торговле (Гамбург, Любек, Додрехт, Брюгге, Марсель, Бордо, Дувр, Портсмут, Бристоль, Линн и др.) или ремесленном производстве (Амьен, Ипр, Гент, Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Нориджи, Йорк и др.). Отдельные города соединяли в себе обе функции в качестве «общенациональных» центров ремесла и торговли (Лондон, Париж).

Города развивались неравномерно. Некоторые старые центры приходили в XIV — начале XV в. в упадок, часто в связи с развитием товарного сукноделия в окрестных мелких городках и селах; другие, напротив, переживали подъем в связи с особыми успехами той или иной области городского ремесленного производства, особенно сукноделия или металлообработки (Лилль, Антверпен, Амстердам — в Нидерландах; Рипон, Лидс, Понтефракт — в Англии). Рост числа цехов, происходивший в крупных городах в это время, отражал факт дальнейшего развития общественного разделения труда. С другой стороны, замыкание цехов (см. ч. II, гл. 1) тормозило развитие городской экономики и иногда даже вело к упадку старых городов.

В XIV в. в странах Западноевропейского региона бюргерство окончательно конституируется как особое сословие на общегосударственном (Франция, Англия) или территориальном (Германские земли) уровне. Оно наряду с крестьянством становится одним из главных источников государственных доходов. В то же время усиливаются социальное расслоение и социальные противоречия в среде горожан (см. ч. II, гл. 1). Городская, а позднее и цеховая верхушка (если цехам удалось победить во внутригородской борьбе) постепенно становятся опорой существующего феодального строя, утрачивают свою ранее столь заостренную антифеодальную позицию.

Бюргерство все активнее выходит на общеполитическую арену, пытаясь воздействовать на политику центральной власти через сословно-представительные собрания. Участие бюргерства в таких собраниях было особенно характерно для всех стран Западноевропейского региона. Но его позиция в них была различна в разных странах. Во Франции бюргерство и в вооруженных конфликтах, и в столкновениях на Генеральных штатах выступало обычно самостоятельно, отдельно от других сословий, что приводило часто к неудачам в борьбе за улучшение его положения (см. ниже).

Еще более изолированно действовали города раздробленной Германии. Главными их врагами оставались крупные феодалы, а основной целью их политических выступлений — сохранение «земского мира» в стране,

необходимого для их экономического преуспеяния. В то же время наиболее крупные «имперские» и «вольные» города не желали поступаться даже ради этого мира своими политическими привилегиями и региональными интересами. Не имея каких-либо союзников в лагере князей-феодалов, они в XIV—XV вв. продолжали практику создания и развития уже сложившихся ранее региональных союзов городов — Швабского, Рейнского, Ганзы. Неспособное организоваться в качестве имперского сословия, немецкое бюргерство не могло вести борьбу за централизацию в общеимперском масштабе. Сепаратизм ряда крупных германских городов при высоком уровне их экономического развития привел к тому, что некоторые из них, в частности члены Ганзейского союза, превратились в подобие итальянских городов-республик, установив свою экономическую и политическую гегемонию над окрестными сельскими местностями и в то же время фактически освободившись от власти своих сеньоров и короля.

Такой путь развития был характерен и для старых «добрых городов» Фландрии — Гента, Ипра, Брюгге. Пользуясь большой самостоятельностью, они имели в графстве сильное политическое влияние, которое тщетно пытались сломить их сеньоры — графы Фландрские, а порой и французский король. В Англии города не имели достаточно сил, чтобы самостоятельно бороться с фискальным гнетом и притеснениями со стороны короля. Наиболее крупные из них продолжали в XIV—XV вв. тактику союза с хозяйственно активной частью рыцарства, которая приносила бюргерству немалые политические успехи. Общим для тех и других было стремление к прекращению феодальных смут и укреплению централизации, но без злоупотреблений представителей государственного аппарата. В Англии XIV—XV вв. бюргерское сословие и мелкие феодалы постоянно действовали вместе и в парламенте, и вне его, поэтому в представлении современников выступали как некое социальное единство, получившее наименование «общин» (commons). В этом единстве бюргерство занимало подчиненное место и следовало чаще всего в фарватере рыцарства. Однако в то же время благодаря этому довольно прочному союзу горожанам удавалось иногда добиваться осуществления своих сословных интересов и соответствующих уступок короны, если они не противоречили интересам рыцарства. В вооруженных политических конфликтах XIV—XV вв., в которых особенно велика была роль Лондона (от позиции столицы обычно зависел исход борьбы), горожане, и прежде всего лондонцы, не брезговали и временными союзами с крупными феодалами, постоянно лавируя между ними и королем.

Несмотря на рост политического значения бюргерства, который наблюдался в регионе, оно не было равноправно с сословиями духовенства и дворянства. Бюргерство оставалось низшим податным сословием, а его интересы учитывались королями и сословными собраниями лишь тогда, когда не шли вразрез с интересами высших сословий.

В истории феодального государства в Западноевропейском регионе второй этап развитого феодализма — время расцвета сословных монархий. Происходит совершенствование государственного аппарата, развивается дальше налоговая система, наемные постоянные армии постепенно вытесняют прежние рыцарские ополчения. Все это требует новых и новых средств. Того же требует необходимость чем дальше, тем больше поддерживать материально скудеющих феодалов. В результате повсеместно в это время растут государственные налоги, которые по мере личного освобождения крестьянства все больше превращаются в форму его государственной эксплуатации. Усиливается и налоговый нажим государства на города. Феодалы же практически или вовсе освобождаются от налогообложения, или получают постоянные налоговые льготы.

Дальнейший расцвет в XIV—XV вв. сословно-представительных собраний не меняет феодальной природы государства. Как и в XIII в., представительство в них имели, как правило, только светские и духовные феодалы и высшие слои городского населения. Основная же масса горожан и крестьян не допускалась к выборам депутатов, тем более они не могли быть избраны в сословные собрания. Сословно-представительные собрания отражали потребности и королевской власти, и складывавшихся сословий. Первой они позволяли лучше ориентироваться в настроениях сословий и укреплять свою политику с помощью «всенародного волеизъявления». В этом качестве сословно-представительные собрания усиливали в известной мере центральную власть. Сословиям же эти собрания были нужны для того, чтобы контролировать и корректировать в своих интересах политику центральной власти. В этом отношении сословно-представительные собрания несколько ограничивали ее.

С этих позиций выступали французские Генеральные штаты в 1356—1358 или в 1413 г., когда им удавалось добиться (хотя бы временно) реформ у правительства, или английский парламент в 1327 г., когда он принял участие в низложении Эдуарда II; в 1376 г., когда он вынудил правительство произвести ряд реформ; в 1399 г., когда он поддержал низложение Ричарда II.

В разных конкретных обстоятельствах на первый план выступала то централизующая, то ограничительная функция сословных собраний. Но в любом случае они являлись ареной политических компромиссов, которые в какой-то мере ограничивали возможности вооруженных конфликтов между королем (или князем) и сословиями.

Сословные собрания обычно поддерживали правительство и даже активизировали его деятельность, направленную против угнетенных классов: фискальный нажим на них, принятие антирабочих законов, искусственно снижавших заработную плату наемных рабочих после «Черной смерти» 1348—1349 гг. В Англии парламент активно препятствовал личному освобождению крестьянства (даже после восстания 1381 г.), а позднее санкционировал сословное неполноправие уже лично свободных копигольдеров. В частности, в 1429 г. английский парламент принял закон, запрещавший участвовать в выборах даже фригольдерам (не говоря о копигольдерах) с годовым доходом ниже 2 ф. ст. В Германских землях в конце XIV—XV в. ландтаги поддерживали князей в их стремлении ухудшить права крестьян на землю, а позднее и закрепостить их. Во всех странах региона сословные собрания помогали правительствам в подавлении крестьянских, а иногда внутригородских восстаний.

Существенные различия были в организационной структуре сословно-представительных собраний, которая довольно точно соответствовала сословной структуре страны, а от этого зависели различия во взаимоотношениях этих собраний с исполнительной властью.

Во Франции и в провинциальных, и в Генеральных штатах горожане заседали в качестве отдельного (впоследствии третьего) сословия и часто оставались изолированными от высших сословий. Поэтому в обычных условиях они не могли оказывать решающего воздействия на позицию сословных собраний. Им удавалось добиваться временных успехов лишь в моменты острых политических конфликтов, когда они случайно оказывались на заседании штатов в большинстве (в 1356—1358 гг., в 1413 г.). Такая структура Генеральных штатов была одной из причин общей политической слабости этого учреждения перед лицом правительства. Другой причиной было распыление силы всех сословий, в том числе и городского, между провинциальными ассамблеями и Генеральными штатами. Поддержка последними королевской власти играла здесь бóльшую роль, чем их ограничительные функции.

В Германских землях городское сословие пользовалось в XIV—XV вв. постоянным представительством только в ландтагах, где горожане составляли особую курию, но уступали по своему влиянию светским и духовным крупным феодалам. В отличие от Франции, однако, до конца XV в. городское сословие не имело регулярного представительства в имперских сословных собраниях (будущих рейхстагах). Туда иногда приглашались наиболее крупные «имперские» города, но до 1489 г. их присутствие там не было обязательным. Не участвовало в них и рыцарство. Тенденция к укреплению сословно-представительных собраний на уровне отдельных территорий здесь, в отличие от Франции, так и осталась непреодоленной, и рейхстаг имел еще меньшее значение, чем Генеральные штаты.

В Нидерландах также сложилась ступенчатая система сословного представительства. Сначала, как и в других княжествах империи, здесь сформировались самостоятельные территориальные сословные собрания с довольно широкими полномочиями. Когда с начала 30-х годов XV в. Нидерланды объединились в рамках Бургундского государства, возникли общие для всей территории Нидерландов Генеральные штаты. В них, как и в провинциальных собраниях, горожане составляли отдельную палату. Однако право устанавливать и распределять налоги принадлежало в первую очередь провинциальным собраниям. Ограничительные функции сословных собраний были здесь весьма значительны.

В Англии не было развитой системы провинциальных собраний, и политическое влияние сословий концентрировалось в общегосударственном собрании — парламенте. Он состоял не из трех (или четырех) палат соответственно представленным в нем сословиям, но из двух палат (с 40-х годов XIV в.). В первой — палате лордов — заседали прелаты и бароны, получившие личные приглашения от короля; во второй — палате общин — заседали вместе выборные представители от наиболее влиятельных городов и от графств (рыцари графств), т. е. от «общин» (см. выше). Объединение этих двух сословных групп значительно усиливало их позиции в парламенте. Совместными усилиями «общины» постепенно добились большого влияния в парламенте, а через него — и на политику правительства.

С 1297 г. основные налоги на движимость в Англии могли собираться только с согласия парламента, с 1322 г. королевское законодательство было поставлено под его контроль, с середины XIV в. парламент получил право законодательной инициативы, которая стала исходить от палаты общин. За палатой лордов и королем было закреплено лишь право санкционировать предлагаемые «общинами» петиции (билли). Рост значения палаты общин усиливал и общую роль английского парламента в стране. Его ограничительные функции по отношению к королевской власти были более значительны, чем во Франции и Германских землях.

Процесс дальнейшей централизации государства, характерный для Западноевропейского региона, развивался с большими противоречиями. С одной стороны, господствующий класс был вынужден в своих интересах поддерживать центральную власть. С другой стороны, свойственный ему сепаратизм, стремление к политической самостоятельности в своих владениях ослабляли эту поддержку. Даже в таких наиболее централизованных монархиях, как Англия и Франция, периоды усиления королевской власти в XIV—XV вв. перемежались с периодами феодальной анархии, крайне замедлявшими процесс централизации. Феодальные междоусобия отрицательно сказывались на экономике, ослабляли судебно-административную систему и элементарный порядок в стране. В Англии в XIV в., и особенно в XV в., парламент фактически находился в руках магнатов. Они часто под вооруженным нажимом добивались избрания в парламент от городов и графств угодных им лиц из числа их вассалов и администраторов. Сами магнаты и их ставленники сплошь и рядом

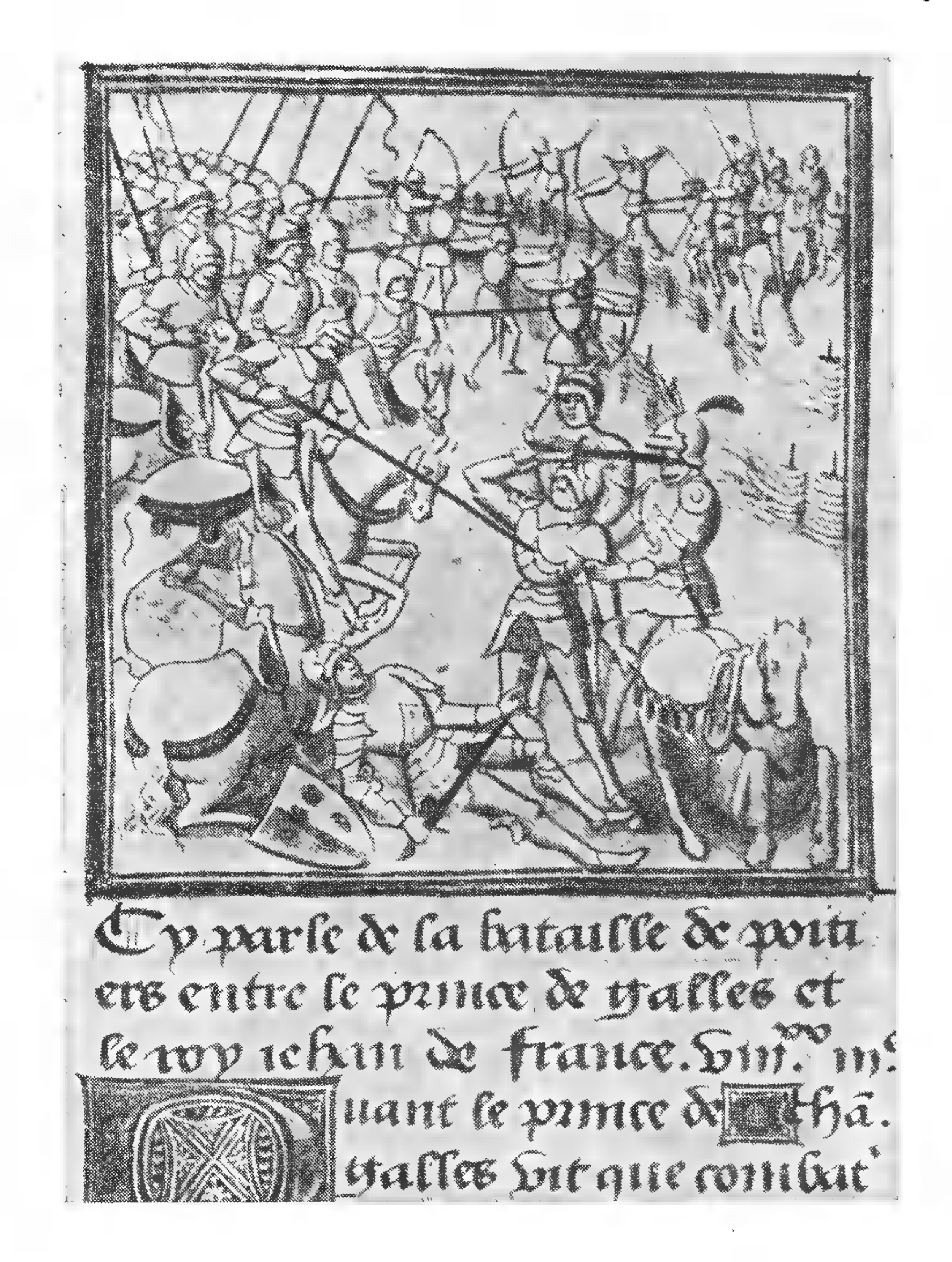
являлись в парламент вооруженными и затевали там по всякому поводу кровопролитные драки. Их вассалы и должностные лица, прибирая к рукам судебную и административную власть на местах, чинили насилия простолюдинам, оставаясь фактически безнаказанными. Во время войн «Алой и Белой розы» (1455—1485 гг.) прежние успехи централизации временно утонули в бесконечных сражениях за престол, которым оказалась подчиненной вся политическая жизнь страны, в том числе и деятельность парламента. В еще большей степени такого рода эксцессы были распространены в других странах.

Второй этап развитого феодализма характеризуется в Западноевропейском регионе (как и в других) сильным обострением классовых и социальных противоречий и в деревне и в городах. Новые экономические условия, складывавшиеся в деревне в пользу крестьян, делали их особенно нетерпимыми и к явлениям сеньориальной реакции, и к росту налогов, и к рабочему законодательству, и к насилиям феодальных клик. Болезненно реагировали они и на такие бедствия, как неурожаи, голодовки, эпидемии. Наконец, содействовал обострению классовой борьбы в деревне социально-психологический настрой крестьянских масс, их уверенность в высоком значении крестьянского труда для всего общества, на фоне которой их реальное приниженное положение представлялось особенно невыносимым.

Наиболее характерной для этого периода формой классовой борьбы крестьян были крупные крестьянские восстания, охватывавшие большие территории и выдвигавшие не только экономические, но и политические требования (см. ч. III, гл. 2). Первые крупные крестьянские восстания такого рода вспыхнули во Фландрии и Северной Франции. В 1320 г. разразилось массовое народное движение — новое восстание «пастушков». Оно началось в Северной Франции и Фландрии, а затем восставшие двинулись через Париж и Орлеан к югу. Основную массу их составила крестьянская беднота. Главной целью восставших формально была организация «крестового похода» силами наиболее угодных богу, как он считали, бедных «пастухов». В ходе движения, однако, оно приняло антифеодальный характер, сопровождалось нападениями на владения феодалов, прежде всего церковных, против которых восставшие были особенно настроены. Только на юге страны, куда направились «пастушки», после отлучения их папой от церкви, толпы восставших были рассеяны, а отдельные отряды разгромлены поодиночке.

В 1323—1328 гг. бушевало крестьянское восстание в Приморской (Западной) Фландрии. Восстание началось как крестьянское антиналоговое, против графа Фландрского Людовика Неверского и его сборщиков. В нем приняли участие все имущественные категории крестьянства, включая богатых. Вожди восстания Колен Зеннекен и Якоб Пейт были зажиточными крестьянами и в то же время бюргерами Брюгге. Ряд фландрских городов во главе с Брюгге на втором этапе восстания (с 1325 г.) активно поддержали крестьян; другие города, Гент и Ипр, напротив, из-за соперничества с Брюгге стали на сторону графа. Повстанцы взяли Людовика Неверского в плен, и восстание на этом этапе приняло форму массовых антисеньориальных и особенно антицерковных выступлений (не связанных, однако, с какой-либо ересью). В руках восставших находилась почти вся Приморская Фландрия. И только вмешательство французского короля, призванного на помощь графом, привело к поражению восстания в битве при Касселе в 1328 г.

В 1358 г. в Северо-Восточной Франции (Бовези, Пикардия, область Суассона и др.) произошло мощное, хотя и кратковременное крестьянское восстание — Жакерия (от прозвища крестьян «Жак Простак»). Восстание началось на фоне бедствий Столетней войны, после позорного поражения французских рыцарей в битве при Пуатье (1356 г.), в которой

Пленение французского рыцаря в битве при Пуатье. Французская миниатюра. XIV в.

был взят в плен король Иоанн Добрый. Рост налогов в связи с войной, грабежи английских войск и французских военных отрядов (бриганд), безразличие феодалов к ходу войны накалили социальную обстановку в деревне до предела, послужив поводом для восстания. Однако оно вылилось в жестокие аграрные беспорядки — нападения на замки, физическое истребление дворян. Эти действия крестьян и их главный лозунг «истребить всех дворян» позволяют считать восстание не столько антиналоговым, сколько антисеньориальным, направленным, в частности, против явлений сеньориальной реакции. Отдельные крестьянские отряды действовали изолированно. Самый большой отряд провинции Бовези, возглавлявшийся Гильомом Калем, направлялся к Парижу, однако был разгромлен одним из претендентов на пустовавший в то время французский престол — королем Наварры Карлом Злым, после чего восстание было быстро подавлено. Карл при этом действовал не столько силой, сколько хитростью: он заманил Гильома Каля, якобы для переговоров, в свой лагерь и убил его там, обезглавив тем самым крестьянское войско, и одержал над ним легкую победу.

С марта 1382 по июль 1384 г. длилось крупное крестьянское восстание «тюшенов», охватившее юг Франции (Лангедок, Овернь, Пуату, Дофине). Восстание началось с антиналоговых выступлений, но вскоре, как и Жакерия, переросло в антидворянскую войну. После разгрома их основного войска около Нима отдельные отряды тюшенов, пользуясь партизанской

тактикой, долгое время (вплоть до 1395 г.) оставались неуловимыми и фактически были полными хозяевами на юге страны.

В 1381 г. произошло знаменитое крестьянское восстание в Англии под руководством Уота Тайлера. Оно также началось как протест против нового тяжелого налога — подушной подати, введенного правительством незадолго до этого. Но тотчас же переросло в мощное антисеньориальное движение, направленное, в частности, против еще существовавшей в Англии личной зависимости крестьян и барщины. В то же время восставшие ставили и политические цели, проявляли резкую враждебность по отношению к органам феодального государства (исключая короля). Правительственные должностные лица жестоко преследовались повстанцами. Центр восстания находился в графствах Эссекс, Кент, Норфолк, Суффолк, а также в Лондоне и прилегающих к нему с Запада территориях. Но крестьянские выступления имели место в большинстве (около $^{2}/_{3}$) графств страны. Участие в восстании приняли все категории крестьянства, сельские ремесленники, городское плебейство, а частично и средние слои горожан. Активную роль в восстании в качестве его организаторов и идеологов сыграли «бедные священники» — наемные капелланы, монахи-расстриги. К их числу принадлежал и идейный вождь восстания Джон Болл.

Главные силы крестьян двинулись из Эссекса и Кента к Лондону с целью встретиться с королем Ричардом II и высказать ему свои жалобы. Им удалось без боя овладеть столицей благодаря поддержке горожан, расправиться с главными должностными лицами короля — архиепископом Кентерберийским, канцлером Англии, казначеем и другими и встретиться с королем. Первое их свидание на Майл-Энде закончилось принятием королем их довольно умеренных требований: ликвидации вилланства, установления единообразной невысокой денежной ренты и амнистии для участников восстания. Однако беднейшие слои повстанцев остались недовольными. На новой встрече с королем на Смитфилде они устами Уота Тайлера выдвинули более радикальные требования: отмены «всех законов» (имея в виду прежде всего рабочее законодательство), конфискации церковных земель и раздачи ее крестьянам, отмены всех привилегий сеньоров, уравнения сословий и ликвидации вилланства, а также возврата общинных земель, ранее отнятых феодалами. Во время переговоров Уот Тайлер был убит одним из приближенных короля, а бывшее с ним крестьянское войско, потерявшее своего вождя, было легко разбито.

Крестьянские восстания не миновали и Германские земли. В 1336—1339 гг. на территории Франконии, Швабии, Гессена, Эльзаса происходило большое восстание армледеров, главный отряд которого возглавлялся так называемым «королем» Армледером. Основную силу восстания составляли бедные крестьяне, сельские ремесленники и небогатые горожане. Армледеры утверждали, что их действия вдохновляются богом. Восстание не оставило какой-либо программы. Сначала действия восставших были направлены главным образом против городских ростовщиков, но затем приобрели антисеньориальный характер — против духовных и светских феодалов.

В 1401 г. началось длительное и довольно успешное по началу восстание крестьян области Аппенцелля (в Юго-Западной Германии) против их сеньора аббата Сент-Галленского, от власти которого они по примеру своих соседей-швейцарцев надеялись освободиться. Швейцарцы оказали им помощь, что позволило крестьянам в 1404 г. добиться уступок от аббата. Когда же тот пригласил себе на помощь одного из габсбургских герцогов, крестьянское войско в 1405 г. разбило его в сражении в долине Рейна. Крестьяне по примеру швейцарцев создали самостоятельную федерацию «Озерную лигу», которая просуществовала еще несколько лет.

В 1460 г. восстали крестьяне Гегау (Юго-Западная Германия). В этом восстании они впервые выступили под знаменем «Башмака». Простой крестьянский башмак, изображенный на их знамени, как бы противопоставлялся ими рыцарскому сапогу со шпорами. В 1493 г. под этим символическим знаменем в Эльзасе подготовлялся новый заговор «Башмака» при участии крестьян и горожан, который был, однако, пресечен еще до его начала. Участники этого союза надеялись после победы провести ряд реформ довольно умеренного характера, улучшить судопроизводство, упразднить часть княжеских налогов, ликвидировать ростовщичество.

Более радикальный характер носило крестьянское движение, возникшее в 1476 г. под руководством Ганса Бехайма из Никласгаузена. Вокруг него собрались несколько тысяч крестьян, особенно бедноты, частично вооруженных. Бехайм призывал своих сподвижников «исполнить волю бога», бороться с церковью, истреблять духовенство и светских феодалов, добиваться возвращения альменды, установления всеобщего равенства и даже ликвидации собственности («пусть все будет общим»). Движение было быстро подавлено окрестными феодалами и городами, которые были очень им напуганы.

В рамках крупных крестьянских восстаний XIV—XV вв. в Западноевропейском регионе можно рассматривать и продолжавшуюся борьбу Конфедерации швейцарских кантонов против упорно пытавшихся подчинить их себе герцогов Австрии Габсбургов. В 1315 г. крестьянское войско Конфедерации нанесло сокрушительный удар рыцарской армии герцога Леопольда Габсбургского при Моргартене, показав боеспособность и силу крестьянского ополчения. В 1332 г. к Конфедерации присоединился габсбургский город Люцерн, желавший освободиться от власти своих сеньоров, в 1351 г.— самый крупный ремесленно-торговый центр Швейцарии имперский город Цюрих, в 1353 г. другой имперский город — Берн. Так, уже во второй половине XIV в. Швейцарская конфедерация охватила бóльшую часть современной Швейцарии, составив своеобразную крестьянскую республику, соблюдавшую также интересы входивших в нее вольных городов. В 1385 г. при Земпахе Швейцарская конфедерация вновь разбила большую армию Габсбургов, фактически окончательно утвердив свою независимость. На долгие годы она стала примером для подражания крестьянским массам региона, особенно Юго-Западной Германии, в их борьбе с феодалами.

В XIV—XV вв. в регионе происходили и другие крупные крестьянские восстания. При всех различиях в конкретных условиях все они имели много общих черт: однотипные организационные формы — возникновение отдельных локальных отрядов, часть которых объединялась в большой главный отряд, возглавлявшийся лидером восстания; кроме того, они охватывали обширные территории, объединяя усилия большого числа крестьян. Отряд добивался переговоров с королем или другим сеньором, но обычно быстро подвергался разгрому, не получая помощи от других отрядов. В действиях крестьянства проявлялись свойственные ему царистские иллюзии, используя которые, власти обманывали крестьян. Характерна и слабая организованность этих движений и их стихийный характер (даже в восстании Уота Тайлера). Наиболее общими из дошедших до нас крестьянских требований в Западноевропейском регионе были: сокращение налогов, устранение дурных слуг и советников короля и даже истребление всех дворян. Там, где еще сохранялась личная зависимость крестьян (в Англии), главным требованием была ее отмена, а также ликвидация барщины. Все эти требования были направлены не против каких-то случайных конъюнктурных изменений в положении крестьян, но против коренных устоев во взаимоотношениях между феодалами или феодальным государством и крестьянами.

Глубоко были связаны с закономерным развитием феодального общества выдвигавшиеся восставшими более радикальные требования: конфискация церковных имуществ и раздача их народу, уравнение сословий, упразднение несправедливых законов, иногда даже общность имуществ. Если умеренные требования большей частью имели в виду лишь некоторое облегчение феодальной эксплуатации, то более радикальные претендовали на существенные социально-политические изменения и даже ликвидацию феодализма. Позитивные идеалы крестьян, однако, всегда оставались довольно расплывчатыми мечтами о новом справедливом обществе, в котором не будет места для дворян и духовенства, дурных слуг и советников короля. Более умеренные программы выдвигались обычно зажиточными слоями крестьянства, более радикальные — бедными.

Большинство крестьянских восстаний в регионе (кроме борьбы швейцарских крестьян) заканчивались поражением повстанцев и жестоким террором по отношению к ним. И все же их нельзя считать полностью безрезультатными. Минимальные требования крестьян обычно реализовывались на практике, если не сразу после восстания, то в более длительной исторической перспективе. Крестьянские восстания на этой территории своим активным нажимом снизу ускоряли и довершили крушение барщинной системы, личной зависимости, прекратили или сильно замедлили (Германия) развитие сеньориальной реакции, способствовали переходу к более прогрессивным формам эксплуатации крестьян. Угроза крестьянских восстаний в XIV—XV вв. постоянно беспокоила феодалов Западной Европы, порождая у них «великий страх», побуждала их к некоторой осторожности в попытках дальнейшего нажима на крестьянство.

Под воздействием опыта крупных восстаний в крестьянской среде Западноевропейского региона возникают в XIV—XV вв. новые представления и даже специфически крестьянский комплекс идей, резко противостоявший идеям рыцарства и официальной церкви. Для них характерна апология крестьянского труда и самого крестьянина-труженика, который ставится теперь уже выше других сословий, как наиболее угодный богу. Английский крестьянский поэт XIV в. У. Ленгленд изображает простого крестьянина «Петра Пахаря» как вечного труженика, которому суждено своим трудом помочь «спасению» всех людей. Отсюда уже недалеко до идеи уравнения сословий, которая к концу XIV в. довольно широко распространяется в крестьянской среде разных стран региона. Афористическим ее выражением становится известная формула: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был тогда дворянином?», широко принятая в Англии и Германских землях. Во Франции в 1430 г. во время одного из восстаний крестьяне рассуждали так: «Когда Адаму было предписано Богом добывать хлеб в поте лица своего, все люди были подвергнуты этому наказанию, в том числе и знать не должна быть от него свободна. Поэтому дворяне тоже должны работать, если хотят жить» [5].

В кругах бедного крестьянства (и городского плебейства) пользовалась популярностью и идея уравнения имущества, а иногда и необходимости его обобществления. Джон Болл мечтал о временах, «когда все станет общим», о том же говорил уже упоминавшийся Ганс Бехайм. Такие идеи отвергали божественное происхождение теории трех сословий, считая, что с божьей помощью надо создать совсем иное, более справедливое устройство.

* * *

Бурные конфликты на втором этапе развитого феодализма происходили и в городах. Борьба городов с сеньорами за городские хартии теперь уходит в прошлое, на смену ей приходят новые противоречия. Главными их

[5] Цит. по: *Bonnemére E.* Histoire des paysans depuis de fin du moyen âge jusqu'a nous jours 1200—1850. P., 1856. P. 391.

источниками были, во-первых, налоговый гнет центральной власти, во-вторых, внутригородские конфликты между массой бюргерства, поддерживаемой плебейством, и городской верхушкой — патрициатом. Антиправительственные и антипатрицианские восстания порой сливались, главным образом потому что налоговый гнет правительства осуществлялся часто через городских заправил, несправедливо распределявших налоги в своих интересах. Кроме того, патрицианская верхушка во внутригородской борьбе нередко опиралась на помощь сеньора или короля.

Конфликты обоего типа, чаще всего тесно переплетавшиеся, в XIV в. особенно сильно потрясали наиболее развитые фландрские города. В них шла ожесточенная борьба между цехами и патрициатом, который обычно поддерживался графом. В 1302 г., не в силах сломить сопротивление цехов, граф попросил помощи у французского короля Филиппа IV, который давно стремился присоединить графство к своим владениям. Король ввел во Фландрию войска, а вместе с тем и новые тяжелые налоги. Тогда в городах и в сельских местностях началось антифранцузское восстание. Оно завершилось «битвой шпор» при Куртре (1302 г.), в которой французские рыцари понесли жесткое поражение от фландрского пешего народного ополчения, потеряв на поле боя множество шпор.

В конце 30-х годов XIV в. во фландрских городах вспыхнуло новое восстание, также направленное против графа Фландрского и французского короля. Во главе его стал город Гент, и оно опиралось на союз с Англией. Вождем восстания стал богатый гентский купец Жак Артевальде, который, играя на соперничестве двух цехов — ткачей и валяльщиков, в 1338 г. установил в Генте порядки, выгодные более бедным ткачам, и при поддержке высадившихся во Фландрии англичан (в это время уже шла Столетняя война) полностью освободил фландрские города от власти графа. Ткачи, разбившие валяльщиков в настоящей битве в мае 1345 г., добились решающего влияния в Генте, но ненадолго, Жак Артевальде был убит в том же 1345 г. недовольными им валяльщиками, которые в 1349 г. фактически захватили власть.

В 1379—1385 гг. происходило новое большое восстание в Генте и Брюгге. Оно началось с конфликта между этими двумя городами, в котором Брюгге поддержал последний граф Фландрский Луи де ла Маль. Но затем ремесленные элементы и Гента и Брюгге, в частности ткачи, объединились в борьбе против графа и патрициата своих городов. Во главе их стал Филипп, сын Жака Артевальде. Восставшие захватили власть в обоих городах. На помощь графу вновь пришел французский король, который в 1382 г. одержал победу при Роозбеке. Но и после этого Гент не сдавался вплоть до 1385 г., и только обещание французского короля подтвердить все привилегии города привело к заключению мира. В результате этой длительной и упорной борьбы в управлении всех фландрских городов значительно возросло влияние цехов.

Сочетание антиналоговых восстаний с внутренней борьбой в городах было обычным явлением во Франции XIV в. Париж и некоторые другие города возглавили антиправительственное выступление в 1356—1358 гг. Используя созванные дофином Карлом (король был в плену) Генеральные штаты и свое преобладание в них, города (феодалы находились в армии или в плену) потребовали от дофина целой серии реформ, направленных на ограничение полномочий центральной власти, в частности в сфере налогообложения и расходования налогов. Они добились в 1357 г. издания так называемого «Великого Мартовского ордонанса», установившего регулярный созыв Штатов и обязательность их решения для налогообложения. Однако реальную власть в результате этого получила городская верхушка во главе с купеческим старшиной Этьеном Марселем, своекорыстная политика которой привела к отходу от восстания как массы парижан, так и большинства других городов. В результате дофину,

бежавшему из Парижа, удалось окружить город. Этьен Марсель пытался установить контакт с восставшими в 1358 г. жаками. Однако прочного союза между ними не получилось, и парижское восстание было подавлено одновременно с Жакерией.

В конце 70-х – начале 80-х годов XIV в. во Франции прокатилась волна городских восстаний, связанных с ростом налогов. В 1379 г. в связи со сбором нового очередного налога начались восстания в городах Южной Франции – Монпелье, Ниме, Клермоне. Одновременно там шла борьба ремесленников и бедноты против городских заправил, купцов и ростовщиков. В 1382 г. последовала серия антиналоговых восстаний в городах Северной Франции – Руане, Амьене, Сен-Кантене, Лане, Суассоне, Реймсе, Орлеане, главную силу которых также составляли массы ремесленников и мелких торговцев. Аналогичное восстание, получившее название восстания «майонетов» (от слова maillot – молот) или «молотил», произошло в 1382 г. в Париже. Восстание обрушилось одновременно и на сборщиков королевских налогов, и на представителей городской верхушки. Правительство вынуждено было временно отменить новые налоги и только после этого расправилось с вождями восставших.

В 1413 г. в Париже произошло большое восстание горожан, которое по имени их вождя живодера Симона Кабоша получило название восстания «кабошьенов». Как и в 1356 г., восстание происходило во время заседаний очередных Генеральных штатов, на которых все сословия высказались против усобиц между феодальными группировками – бургундцами и арманьяками и против злоупотреблений правительственной администрации. Чтобы добиться выполнения своих требований, «кабошьены» (в основном цеховые ремесленники и беднота) подняли вооруженное восстание, которое было использовано городской верхушкой, чтобы вырвать у правительства ряд умеренных реформ. Однако вступившие в город арманьяки подавили восстание и аннулировали нововведения.

В Англии городские восстания против притеснений королевских чиновников также часто сочетались с внутригородской борьбой между цехами и городской верхушкой. В 1312–1316 гг. такое восстание имело место в третьем по величине городе страны – Бристоле. Неоднократно цеховые восстания против городской олигархии в XIV в. происходили в Лондоне. К концу столетия цехи были допущены к управлению городом. Нередко цеховые движения в Лондоне происходили на фоне общеполитических конфликтов, в которых столица обычно принимала активное участие (в 1310–1311, 1321–1322, 1326–1327, 1381, 1399 гг.). Внутренняя социальная борьба происходила в XIV в. в городах Беверли, Йорке, Скарборо, Бриджуотере и др. Она наложила отпечаток на выступления этих городов во время восстания Уота Тайлера, в котором они пытались решать свои внутренние вопросы.

Борьба между цехами и патрициатом особенно остро протекала в немецких городах. В 70–90-е годы XIV в. волна цеховых восстаний прокатилась по ганзейским городам: в 1372 г.— в Брауншвейге, Нордхаузене, Гамбурге, в 1378 г.– в Данциге (ныне Гданьск). В 1380 г. начались волнения в Любеке; в 1384 г. там подготовлялось цеховое восстание в целях захвата городского совета и исключения из него неугодных народу лиц. В 1391 и 1394 гг. восстали ремесленники Штральзунда, а в 1396 – Кёльна, который был в это время также членом Ганзы. Аналогичные цеховые восстания происходили в Магдебурге (1330 г.), Франкфурте (1358 г.), Аугсбурге (1368 г.) и др.

Наконец, повсюду в регионе в XIV, а особенно в XV в. возникают городские движения нового типа, в которых бедные ремесленники и подмастерья выступают против эксплуатировавших их мастеров. Эти движения выливаются в стачки за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, за право подмастерьев создавать особые союзы для защиты

своих интересов. Подмастерья нескольких соседних городов заключали между собой союзы. Например, в 1421 г. такое соглашение заключили подмастерья и слуги нескольких рейнских городов — Майнца, Вормса, Шпейера, Франкфурта. Такой же союз был создан и в Эльзасе.

Результаты городских движений были неоднозначны. Иногда они достигали некоторых успехов, вынуждая правительство временно снижать налоги и пресекать злоупотребления должностных лиц. Иногда цеховые восстания приводили к победе цехов над патрициатом или — во всяком случае — к допуску их представителей в городские советы. И эти победы были недолговечными, хотя и по другой причине: в городские советы допускались главным образом представители цеховой верхушки, которые сами очень быстро начинали притеснять своих менее богатых собратьев. Кроме того, одержав победу и став у кормила власти в городе, цехи старались ужесточить свою монополию на производство и на торговлю в городах, способствовали замыканию цехов, а вместе с тем и застою в экономической жизни города. Пример такого развития дают «старые добрые города» Фландрии — Гент, Ипр и Брюгге. С усилением роли цехов в городском управлении в конце XIV—XV вв. они постепенно утрачивают свое первенство в производстве сукна и торговле им, уступив его городам Брабанта.

Городские восстания, как и крестьянские, вызывали постоянную тревогу и у феодалов, и у центральной власти. Особенно они опасались возможного союза между ними. Попытки установить такой союз имели место во время восстания в Приморской Фландрии, в ходе Жакерии. В восстании Уота Тайлера этот союз осуществлялся в Лондоне, а также в некоторых мелких сеньориальных городах; попытка подобного союза имела место в заговоре «Башмака» в 1493 г. в Германии.

Однако союзы между крестьянством и горожанами носили спорадический характер и существовали недолго. Интересы городов и крестьянства были во многом различны, что мешало выработке каких-либо общих программ. Мешал этому и неистребимый сепаратизм городов, их приверженность местным привилегиям, обычно крайне невыгодным для крестьян, а еще более то, что многие города сами эксплуатировали окрестное население, как феодальные землевладельцы (см. ч. II, гл. I).

Одним из проявлений социального протеста продолжали оставаться ереси. В них также крестьяне участвовали часто совместно с горожанами. В начале XIV в. францисканцы-спиритуалы (левое крыло вполне ортодоксального францисканского ордена, идеологом которых был богослов Петр Оливи) требовали строгого выполнения аскетических норм, установленных основателем ордена Франциском Ассизским, а заправилы ордена к этому времени скопили в своих руках огромные богатства. Спиритуалы призывали к бедной церкви, ожидали в ближайшее время прихода «Антихриста» и «конца света». Главным местом их действия был Прованс (Южная Франция), где они приобрели большое влияние среди простонародья и в деревне, и в городах, получив прозвище «бегинов». Наиболее радикальная их часть предсказывала скорое установление на земле нового, справедливого строя, где все имущество будет общим.

Сходное со спиритуалами-францисканцами еретическое движение одновременно развивалось в Нидерландах и Рейнской области. Его участники, в основном миряне, которые получили название «бегардов» (мужчины) и «бегинок» (женщины), также призывали к благочестию и добровольной бедности. Позднее из этого довольно аморфного движения среди мирян выросла влиятельная ересь «свободного духа», весьма опасная для церкви. Ее адепты утверждали, что, ведя аскетическую и добродетельную жизнь, человек может без всякого посредничества со стороны церкви воспринять божественную истину путем непосредственного интеллектуального и эмоционального общения с богом и даже стать равным

ему. Ересь «свободного духа» исходила отчасти из учения мистиков, распространившегося в среде ученых городских теологов в конце XIII—XIV вв. в Германских землях (Майстер Экхарт, Таулер, Сузо) и во Фландрии (Ян Рюисброк).

В XIV в. в Восточной Франции, Германии широко распространилась уже упоминавшаяся евангелическая ересь вальденсов. Вальденсы, призывая к евангельской бедности по примеру Христа, осуждали богатства и греховность католической церкви, самостоятельно толковали Священное писание, переводимое ими на народные языки, понятные массам. В отличие от других ересей этого времени они создали в XIV—XV вв. свою особую иерархически организованную церковь, которую противопоставляли католической.

Во второй половине XIV—XV в. впервые в истории Англии возникла и получила широкое распространение ересь лоллардов. В ней вальденские идеи сочетались с идеями ереси «свободного духа». Теоретическим обоснованием взглядов лоллардов была доктрина ученого теолога, профессора Оксфордского университета Джона Уиклифа, который проповедовал идеи очищения церкви, упрощения ее обрядов, ликвидации некоторых таинств, свободу проповеди и конфискацию церковных земель. Последний лозунг на первых порах вызвал сочувствие не только простонародья, но также городских богачей и даже рыцарства. Однако с начала XV в. эти «попутчики» отошли от движения, и в нем возобладала простонародная струя, представители которой толковали учение Уиклифа в более радикальном и демократическом духе, чем предполагал он сам.

Главную социальную опору всех названных ересей составляли средние и низшие слои горожан и крестьянства. Их оппозиционность существующему строю не шла дальше борьбы с «церковным феодализмом», требования конфискации богатств церкви, создания «дешевой церкви» [6]. Однако в рамках некоторых ересей (вальденсов, лоллардов) существовали более радикальные течения, в чем-то сближавшиеся с крестьянско-плебейскими ересями, хотя и не получившие организационного оформления. Их представители в среде лоллардов в первой половине XV в., например, неоднократно поднимали вооруженные восстания, в которых тайно или явно призывали к уравнению сословий, имуществ и даже к общности имуществ.

Что касается открытых крестьянско-плебейских ересей, то в Западноевропейском регионе в XIV—XV вв. можно назвать лишь ереси Джона Болла накануне и во время восстания Уота Тайлера и Ганса Бехайма. Их сторонники вполне открыто выдвигали лозунги ликвидации личной зависимости, уравнения сословий, имущественного равенства, общности имуществ, уничтожения церковной иерархии и государственного аппарата, установления «народной монархии» без каких-либо посредников между народом и «добрым королем».

Политическая история Западноевропейского региона на втором этапе развитого феодализма значительно осложнилась. На его территории в это время возникли новые самостоятельные государства — Нидерланды, Швейцария, Бургундское государство, а также Австрия и Пруссия на востоке Германии.

В 1385—1431 гг. происходило постепенное объединение «низовых земель» — Нидерландов под властью герцогов Бургундских. Брат французского короля Карла V Филипп Смелый, герцог Бургундии, путем династического брака подчинил себе в 1387 г. Фландрию. При его преемниках путем военных действий и династических браков под власть бур-

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 361—362.

гундцев попали провинция Геннегау (1422 г.), Голландия и Зеландия (1428 г.), Брабант (1431 г.), Люксембург (1451 г.). Так совершилось объединение Нидерландов, ранее вассальных частично по отношению к Франции, частично — к империи, в отдельную область Западной Европы, которая находилась, однако, в составе герцогства Бургундского. Последнее превратилось к этому времени из французского апанажа в обширное самостоятельное государство, простиравшееся от верховьев Роны до низовья Рейна и включавшее, помимо Нидерландов, графство Бургундское. Несмотря на все усилия герцогов Бургундских спаять эти земли воедино, они оставались разобщенными и после смерти последнего герцога Карла Смелого в 1477 г. развалились. Нидерланды и графство Бургундское попали под власть империи Габсбургов, собственно Бургундское герцогство — в руки усилившейся Франции. Тем не менее в период своего кратковременного взлета (конец XIV и XV в.) Бургундское государство играло весьма значительную роль в системе политических и международных отношений.

В конце XIV в. к Швейцарской конфедерации в 1391 г. присоединились города Фрейбург и Солтурн (уже в XV в. также Базель, Шафхаузен, Аппенцелль), а в 1499 г. она добилась официального признания своей независимости от империи. Кроме кантонов, в конфедерацию входили союзные земли, не имевшие голоса в делах конфедерации. Швейцария резко делилась на два района: в горной и лесной его части процветало товарное животноводство, продукты которого шли частично на экспорт. Главную силу здесь составляло зажиточное крестьянство, объединенное в общины типа марки, в рамках которой, однако, в XIV—XV вв. происходило быстрое отслоение неполнонадельных крестьян и бедноты, постепенно терявших свои общинные права. В городах на юге успешно развивались ремесло и торговля, как внутренняя, так и транзитная.

Идеальный образ Швейцарии как «крестьянского царства», будораживший умы европейского крестьянства (см. выше), не вполне соответствовал действительности. Значительная часть обедневших крестьян лесных кантонов, не находя применения на родине, поставляла всем европейским дворам военных наемников, что подрывало патриархальные отношения в этих кантонах.

Как арсенал наемничества и перевалочный пункт в торговле между Южной и Северной Европой Швейцарская конфедерация приобрела заметное место в международных отношениях XV в. В частности, она сыграла значительную роль в распаде Бургундского государства, пытавшегося присоединить и Швейцарию, нанесла тяжелое поражение герцогу Бургундскому в 1477 г. в битве при Нанси, положившей конец существованию самостоятельной Бургундии.

Наиболее сильными и централизованными державами в Западноевропейском регионе оставались Англия и Франция. В их политической эволюции в XIV—XV вв. было много сходного. И там и здесь моменты продолжавшегося усиления центральной власти перемежались с вспышками феодальных усобиц при дворе и на полях сражений, направленных на то, чтобы ослабить центральную власть или овладеть ею в интересах одной из борющихся сторон. На развитие обеих стран оказывала примерно одинаковое воздействие длительная Столетняя война между ними, которая с небольшими перерывами велась с 1337 до 1453 г.

Во Франции в начале XIV в. централизация страны достигла значительного уровня. В правление Филиппа IV Красивого (1285—1314) были заложены основы регулярного государственного обложения и наемной армии. Он стремился к ослаблению магнатов, самостоятельности церкви и городских коммун. Решительный, властный и дальновидный политик, он отличался непреклонностью и жестокостью в осуществлении своих

целей. Вместе с тем именно этот «самодержец» по собственному почину впервые собрал в 1302 г. общефранцузские Генеральные штаты, ища у них поддержки в борьбе с папством. Филипп IV оказался настолько силен, что вступил в 1296 г. в острый конфликт с папой Бонифацием VIII из-за права короля облагать государственными налогами французское духовенство, одержал над ним верх и тем самым положил начало общему падению авторитета папства в Европе. Вопреки воле папы французский король самовольно распустил богатейший духовно-рыцарский орден тамплиеров, осудил его руководителей как еретиков, связанных с нечистой силой, и присвоил себе богатства ордена. Однако после смерти Филиппа IV в стране началась реакция на усиление королевской власти, вынудившая его сыновей пойти на значительные уступки крупным феодалам. Наследникам Филиппа IV, как и первым королям новой династии Валуа (с 1328 г.), так и не удалось полностью восстановить достигнутую ранее степень централизации.

С 1337 г. началась так называемая Столетняя война между Англией и Францией, с перерывами продлившаяся до 1453 г. Инициатором ее была Англия. Однако война была неизбежна и для французской стороны, поскольку дальнейшая консолидация Франции оказалась невозможной без отпора притязаниям Англии на ее территории.

Англичане стремились расширить свои сильно сократившиеся владения во Франции (Гасконь — область между Бордо и Ла-Рошелью), вернуть ранее принадлежавшую им Аквитанию (Гиень). Это означало бы новое расчленение Франции, неприемлемое для французского короля. Притязания англичан, впрочем, шли еще дальше: поводом для начала войны послужили претензии английского короля Эдуарда III на французский престол после конца династии Капетингов (он был внуком Филиппа IV Красивого по линии дочери) (см. ч. III, гл. 3). Эдуард III имел серьезное намерение в перспективе объединить в своих руках корону обоих королевств, что означало бы гибель Франции как самостоятельного государства. Третьим спорным вопросом оставалась фландрская проблема. Французские короли со времени Филиппа IV пытались включить эти вассальные земли в свой домен. Англичане, связанные с Фландрией постоянными экономическими отношениями, не могли этого допустить, стремясь сохранить ее независимость.

Столетняя война, крайне неудачная для Франции с 1337 по 1360 г., еще более ослабила центральную власть в стране. Беспрерывные налоги, жестокие поражения при Кресси (1346 г.) и Пуатье (1356 г.), грабежи воюющих армий на территории Франции послужили, как уже отмечалось, поводом к народным движениям в городах и деревне, на время еще более подорвавшим престиж королевской власти.

После подавления восстаний 1356—1358 гг. и заключения мира в Бретиньи (1360 г.), очень тяжелого для Франции, король Карл V (1364—1380) снова значительно укрепил центральную власть: провел налоговую реформу, упорядочил сбор субсидий, повысил роль более боеспособных наемных отрядов в армии (по сравнению со старым рыцарским ополчением), поставил во главе армии талантливого полководца Дюгеклена, который уже через 15 лет постепенно вытеснил англичан из Франции, загнав английскую армию в их прежние владения между Бордо и Ла-Рошелью.

В Англии тоже к началу XIV в. в правление Эдуарда I (1272—1307) государственная централизация, казалось бы, достигла наивысшего уровня. Был полностью подчинен Англии Уэльс, в середине 90-х годов XIII в. путем сложных дипломатических маневров Эдуард был провозглашен королем Шотландии. И хотя в 1297 г. он оказался перед лицом многосословной оппозиции (см. выше) и вынужден был пойти на расширение полномочий парламента, все же до его смерти политическое

положение Англии оставалось стабильным. Однако правление Эдуарда II (1307—1327), его наследника, ознаменовалось взрывом феодальной оппозиции во главе с графом Томасом Ланкастерским, которая продолжалась с небольшими перерывами с 1309 по 1322 г. и сильно подорвала влияние непопулярного короля.

Началось освободительное движение в Шотландии — сначала в 1297 г. под руководством Уильяма Уоллеса, затем в 1307—1314 гг., принявшее характер народной войны за независимость во главе с шотландским магнатом Робертом Брюсом, которого восставшие шотландцы избрали своим королем. Роберт Брюс в битве при Бэнноксберне в 1314 г. одержал решительную победу. Шотландия фактически обрела вновь независимость от Англии, которую сохраняла до начала XVII в. Усилия английских королей в конце XIII—XIV в. расширить территорию Пэйла в Ирландии не увенчались успехом.

Новый взрыв феодальной оппозиции в самой Англии произошел в 1326 г. На этот раз во главе мятежных баронов стала жена Эдуарда II Изабелла, сторонники которой, с согласия Лондона, низложили в 1327 г. Эдуарда II, вскоре убили его и провозгласили королем его несовершеннолетнего сына Эдуарда III. Правление этого короля (1327—1377), казалось бы, было вполне благополучным с точки зрения укрепления центральных органов власти и парламента. Однако в действительности это было время политического господства крупных феодалов, направлявших к своей выгоде политику не только короля, но и парламента. Держа в руках весь центральный и местный аппарат, они использовали достигнутый уровень централизации для безудержного притеснения не только простого народа, но и рыцарства. Они же были активными поборниками войны с Францией, рассчитывая обогатиться в чужой земле и пополнить свои падающие доходы.

Однако, когда укрепившаяся при Карле V Франция начала успешно вытеснять англичан с завоеванных территорий, а сама Англия все более истощалась беспрерывными налогами и пенсиями, пожалованиями крупным феодалам, страна вступила снова в полосу ослабления центральной власти. Открытое засилье баронов — родственников одряхлевшего Эдуарда III продолжалось и при его несовершеннолетнем внуке Ричарде II (1377—1399). Восстание Уота Тайлера в 1381 г. еще более ослабило центральную власть, которую бароны, в частности партия Ланкастеров, пытались подчинить своему диктату, в том числе заставить короля возобновить выгодную для них войну. Когда Ричард II, объявив себя самостоятельным правителем (в 1389 г.), стал им противодействовать, бароны-ланкастерцы устроили заговор и, отчасти опираясь на парламент, недовольный диктаторскими наклонностями короля, в 1399 г. свергли его с престола и объявили королем Генриха IV Ланкастера (1399—1413), представителя младшей линии Плантагенетов. Но и при этом ставленнике баронов не прекращались баронские мятежи — теперь в пользу свергнутой династии. В стране ширилось движение лоллардов, усиливалась антицерковная оппозиция. Поддерживавшие Генриха IV бароны настаивали на возобновлении войны, но король чувствовал себя на престоле столь непрочно, что не решался ее начать.

Тем временем во Франции при долго правившем, но психически больном короле Карле VI (1380—1422) началась бесконечная борьба за политическое руководство в стране между двумя феодальными группировками, возглавлявшимися дядьями короля — герцогами Бургундским и Орлеанским. Последнего поддерживали его родственники на юге страны — графы Арманьяки (отсюда название орлеанской партии — «арманьяки»). При этом арманьяки стремились к возобновлению войны с Англией; бургундцы, в это время утверждавшие свое владычество в Нидерландах, напротив, хотели мира с англичанами. Между обеими фео-

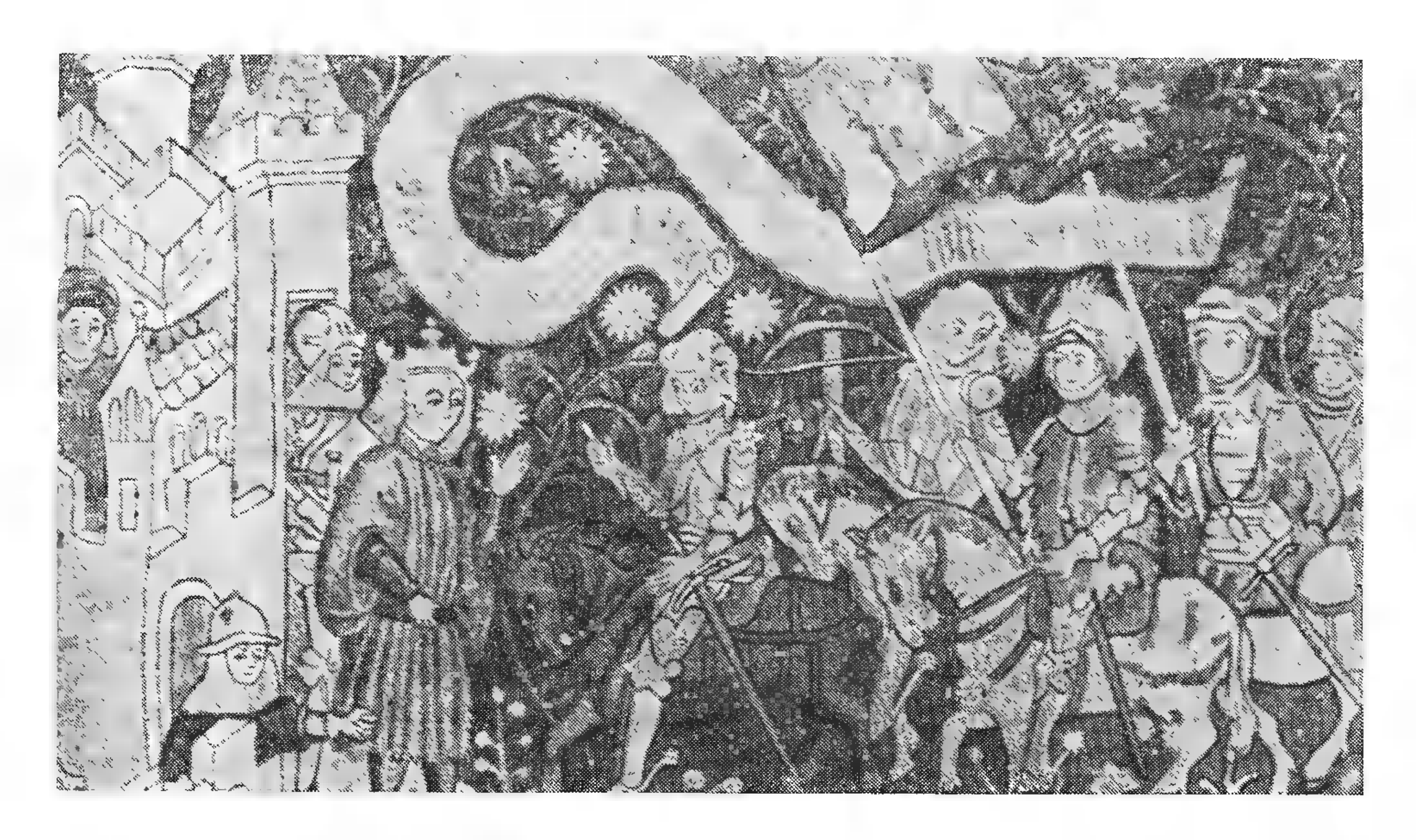
дальными партиями началась настоящая гражданская война (1411—1413 гг.), крайне разорительная для страны, целью которой был захват Парижа. Во Франции воцарился полный политический хаос, который безуспешно пытались пресечь более патриотично настроенные города и мелкое дворянство (в 1413 г.).

Этот благоприятный для Англии момент был избран новым английским королем Генрихом V Ланкастером (1413—1422) для возобновления войны. Он стремился одновременно выполнить волю толкавших его к войне магнатов и укрепить свои политические позиции в Англии победоносной войной. Герцог Бургундский открыто перешел на сторону англичан, что немало способствовало их успеху. В битве при Азенкуре (к югу от Кале) в 1415 г. рыцарская армия арманьяков была наголову разбита. Англичане захватили Нормандию и Мэн и беспрепятственно вошли в Париж. В 1420 г. был заключен мирный договор в Труа, по которому после смерти Карла VI корона Франции должна была перейти к сыну Генриха V (будущему Генриху VI), которого предполагалось женить на французской принцессе. Дофин Карл, сын Карла VI, был устранен от наследования. Он бежал на юг, в Бурж, где после смерти Карла VI и Генриха V (в 1422 г.) провозгласил себя королем Франции Карлом VII (правил с 1422 по 1461 г.). Но его реальная власть на первых порах простиралась только на Южную Францию. Вся северная часть страны находилась под властью англичан, которые угрожали владениям Карла VII. Судьба его висела на волоске.

Однако теперь свое веское слово в борьбе сказал французский народ. Притеснения оккупантов-англичан, которым парижское правительство щедро раздавало земли в Северной Франции, вызвали здесь широкое партизанское движение. В стране нарастал патриотический подъем, достигший своего апогея, когда англичане попытались овладеть крепостью Орлеан, открывавшей путь в Южную Францию. В то время охваченная патриотическими настроениями юная крестьянская девушка из Лотарингии (Северо-Восточная Франция) Жанна д'Арк сумела возглавить борьбу народа с завоевателями. Жанна искренне считала, что эта миссия поручена ей богом, утверждала, что слышала какие-то таинственные голоса, призывавшие ее к борьбе с врагом. Добившись, чтобы ей помогли пробраться из Лотарингии через оккупированную часть Франции в Орлеан, потребовала встречи с Карлом VII и просила дать ей армию, с которой она освободит крепость. Находясь в безвыходном положении, Карл VII вынужден был поставить ее во главе своего войска. Жанна проявила большой здравый смысл в ведении военной кампании, часто предлагая опытным полководцам оригинальные военные решения. Вдохновленная присутствием «Девы», в которой видели посланницу Бога, французская армия в 1428 г. освободила Орлеан.

Взяв ряд крепостей на Луаре, Жанна вместе с королем двинулась в Реймс, где он торжественно венчался на царство 17 июля 1429 г. Французы одерживали победу за победой, приближались к Парижу. 23 мая 1430 г. в битве при Компьене Жанна была взята в плен бургундцами, передана англичанам, которые предали ее суду как еретичку и колдунью. Суд инквизиции приговорил ее к сожжению. На суде Жанна держала себя мужественно и с большим достоинством, отрицая нелепые обвинения, и погибла как героиня. Она была сожжена в Руане в 1431 г. Тем временем победа французов в войне стала неотвратимой. В 1435 г. на их сторону перешел герцог Бургундский; в 1453 г. война закончилась в пользу Франции (англичане сохранили на ее территории только порт Кале).

Из войны Франция вышла опустошенной и экономически ослабленной, но зато более политически сплоченной. И хотя при Карле VII и при его сыне Людовике XI (1461—1483) происходили отдельные вспышки

Прибытие Жанны д'Арк к дофину Карлу. Франция. Гобелен. Около 1435 г.

феодальной оппозиции, все же центральная власть стала укрепляться, достигнув к концу столетия невиданной ранее силы. К концу XV в. экономическое положение в деревне заметно улучшилось. Быстро возрождались также города и промышленность, покровительствуемые короной. После гибели герцога Бургундского Карла Смелого в битве при Нанси (см. выше) в состав Франции вошли бургундские земли (Пикардия, Ниверне, герцогство Бургундское), в 1481 г. был присоединен Прованс. Королевство почти достигло границ современной Франции. В правление Людовика XI во Франции появляются признаки новой, наиболее централизованной формы феодального государства — абсолютизма (см. т. III).

В Англии после кратковременного усиления центральной власти при Генрихе V, после военных неудач 30—40-х годов XV в. снова наступил период ее ослабления. Малолетство короля Генриха VI (1422—1461), а затем его периодически возвращавшаяся душевная болезнь создавали удобную атмосферу для разгула феодальных смут и борьбы за престол между феодальными кликами. Они начались еще в последние годы Столетней войны, когда доходы от нее стали все более сокращаться. В результате острое недовольство в среде джентри (иначе называемого «новым дворянством», как по его происхождению из крестьянской верхушки, так и потому, что оно вело хозяйство новыми методами), горожан и крестьян вызвало в 1450 г. восстание под руководством Джека Кэда. Главной целью его было пресечь борьбу феодальных клик, добиться возвращения королю расхищенных ими коронных земель, укрепить центральную власть в стране, упорядочить деятельность администрации, ликвидировать засилие мятежных магнатов в парламенте и усилить общее значение этого учреждения. В то же время повстанцы сами поддерживали одного из претендентов на руководство страной, герцога Ричарда Йоркского, надеясь на то, что он установит прочный порядок.

Восстание, однако, было подавлено, и все осталось по-старому. Конец Столетней войны в 1453 г. и утрата всех владений во Франции дали новый толчок феодальным распрям, которые приняли характер настоящей войны. Она велась за престол, за возможность расхищать в свою поль-

зу королевскую казну между сторонниками королевских домов Ланкастеров (в гербе их была алая роза) и Йорков (в гербе их была белая роза). Эта жестокая борьба поэтому получила поэтическое название войны «Алой и Белой розы». Она продолжалась 30 лет с 1455 по 1485 г., закончилась гибелью обеих династий и значительного числа магнатов вообще. Последний представитель дома Йорков король Ричард III был убит в битве при Босуорте (1485 г.), и престол занял под именем Генриха VII (1485—1509) граф Ричмонд из новой династии Тюдоров — младшей линии Ланкастерского дома. Только при нем произошло более стабильное укрепление центральной власти, положившее начало новой форме феодального государства — абсолютизму. Постепенно происходило экономическое возрождение Англии, послужившее прологом развития в ней капиталистических отношений с конца XV в.

Все спорные вопросы, вызвавшие к жизни Столетнюю войну, были решены в пользу Франции. Она положила конец длительным притязаниям английских королей на французскую корону и унию двух королевств, на сохранение и расширение английских владений во Франции. Фландрия не стала добычей ни одной из воюющих сторон, оказавшись в руках герцогов Бургундских, а затем германского императора. Война завершилась окончательным и полным территориальным размежеванием между Англией и Францией и послужила одной из предпосылок завершения оформления французской и английской народностей, патриотического сознания, проявившегося особенно ярко во Франции на последнем этапе войны. В Англии со второй половины XIV в. происходит аналогичный процесс, в частности английский язык быстро вытесняет латинский и французский (которым ранее широко пользовались феодалы) в законодательстве, судопроизводстве, правительственной переписке, а также в литературе (см. ч. IV, гл. 2).

По-иному шло политическое развитие Германских земель. В XIV—XV вв. здесь все более усиливалась политическая раздробленность, все более ослаблялись политические связи, ограничения, накладываемые на крупных феодалов Германской империей. Западная ее часть была раздроблена на мелкие и мельчайшие княжества, претендовавшие на полную политическую самостоятельность, и на имперские города. В восточных областях империи в междуречье Эльбы и Верхнего Дуная, где немецкие княжества врезались в славянские территории, складывались в это время крупные территориальные княжества: Бавария на юге, Австрия на юго-востоке, Бранденбургская марка и Пруссия (иначе государство Тевтонского ордена, или Ливония) на северо-востоке. Маркграфство Бранденбургское, Бавария и Австрия в XIV—XV вв. значительно укрепили свою территориальную консолидацию и свое влияние в Германской империи. Что касается Ливонии, то с начала XV в. она, напротив, шла к своему упадку. В 1410 г. Ливония потерпела жестокое поражение от своих восточных соседей — Польши, Литвы, русских Смоленских полков — в битве при Грюнвальде, навсегда остановившее ее продвижение на восток. По первому Торунскому миру (1411 г.) орденское государство обязано было уплатить своим противникам огромную контрибуцию и потеряло часть своих земель в пользу Литвы. Вскоре начался его постепенный распад. По второму Торунскому миру (1466 г.) к Польше отошла часть Пруссии с Данцигом, Торунь, Эльбинг и ряд других областей. В руках ордена осталась только Восточная Пруссия с Кёнигсбергом, ставшим новым местопребыванием его магистров. Последние обязаны были приносить вассальную присягу польским королям, которым столь долго угрожали. После 1305 г. под власть империи попало и славянское Чешское королевство, куда была направлена сильная германская колонизация. Самостоятельную политическую позицию занимал Ганзейский союз городов.

Власть императора, хотя формально и признавалась князьями и имперскими городами, становилась все более и более номинальной. Теперь император избирался не на общеимперских сеймах, но в особой коллегии наиболее влиятельных князей — курфюрстов, в число которых входили архиепископы Майнцский, Кёльнский и Трирский, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский, король Чехии. В XIV в. на императорском (и королевском) престоле сменялись представители трех династий — Люксембургов (которые одновременно были королями Чехии), Габсбургов (герцогов Австрийских) и Виттельсбахов (герцогов Баварии и графов Пфальца). Не пользуясь реальной властью в стране, императоры, так же как и в XIII в., стремились использовать пребывание у власти лишь для того, чтобы расширить свои наследственные владения. Нередко два претендента соперничали друг с другом.

Людвиг Баварский Виттельсбах (1314—1347) сделал последнюю попытку реализовать имперскую власть над Италией, выступив с большой армией против папы Иоанна XXII и поддержав враждебную ему римскую аристократию (1327—1330 гг.). Поход этот, однако, кончился полным провалом. Людвиг оттолкнул от себя князей, которые в 1348 г. выбрали императором чешского короля Карла I Люксембурга под именем Карла IV (1348—1378). Карл IV, озабоченный более всего укреплением своей власти в Чехии и расширением личных владений, закрепил политический распад империи, издав в 1356 г. «Золотую буллу». Булла признавала полный суверенитет князей в их владениях, узаконивала войны между феодалами, вновь запретила союзы городов.

Откупившись таким образом от князей, Карл направил свои усилия на то, чтобы захватить корону Польши и Венгрии. В Польше его постигла неудача, но в Венгрии путем династического брака ему удалось сделать королем своего сына, будущего императора Сигизмунда. Попытки следующих императоров Люксембургов — Венцеслава и Сигизмунда — укрепить свою власть в Германии были безуспешны. Ее политический распад продолжался. Не прекратился он и при королях Габсбургской династии (1433—1516 гг.), снова сменившей Люксембургов на германском престоле (Альберте II, Ладиславе, Фридрихе III, Максимилиане I). В XV в. империя неудержимо распадалась. Из ее состава вышли Нидерланды и Швейцария, большая часть земель Ливонского ордена. Тяжелый удар по единству империи нанесли освободительные Гуситские войны в Чехии (1429—1434 гг.), в частности военные походы гуситов во многие области империи вплоть до самых северных. В результате этих войн Чехия получила фактическую независимость от Германской империи. Выделилась из нее как самостоятельное королевство и Венгрия (см. ч. II, гл. 6).

Города и крестьянство, страдавшие от тяжелого налогового гнета, произвола князей и бесконечных войн между ними, а отчасти и мелкие рыцари были заинтересованы в укреплении центральной власти, установлении земского мира. В этих кругах росли патриотические настроения, осознание единства германского народа. Такие настроения нашли наиболе яркое выражение в политическом памфлете «Реформация императора Сигизмунда» (1439 г.), вышедшем из городской среды. В нем указывалось на необходимость превратить Германию в централизованное государство, подчинить князей общегосударственным законам, прекратить феодальные войны, а также упразднить цеховые ограничения и монопольные торговые кампании. В памфлете подчеркивалась особая роль городов, а также «простых людей» (возможно, крестьян) в этих предполагаемых прогрессивных преобразованиях. Им, однако, не суждено было осуществиться. Своекорыстие князей, не желавших поступиться своей властью, разобщенность и сепаратизм наиболее сильных городов, бессилие имперских властей помешали проведению подобных реформ. В кон-

це XV в. князья Юго-Западной Германии создали под своим главенством Швабский союз, в который входили также рыцари и имперские города. На рейхстаге 1495 г. они предложили свой проект «имперской реформы», предполагавший постоянное сохранение «земского мира» и создание общеимперского управления и суда для улаживания споров и конфликтов между князьями. Хотя этот проект был принят рейхстагом и императором Максимилианом I Габсбургом (1493—1519), он, однако, не был реализован из-за фактического нежелания самих князей поступиться хотя бы долей своего суверенитета в княжествах. Так, к началу XVI в. Германские земли (успешно развивавшиеся в экономическом отношении) подошли в отличие от Англии и Франции в полной политической разобщенности.

Существено изменилось на втором этапе развитого феодализма политическое положение папства в Западноевропейском регионе. После жестокого удара, который нанесло его престижу резкое столкновение с французским королем Филиппом IV Красивым из-за государственного обложения церкви, папство так и не смогло оправиться. За этим последовал организованный Филиппом, вопреки воле папы, судебный процесс над орденом тамплиеров. Вскоре из-за нестабильности политической обстановки в самом Риме папы перенесли свою столицу в южнофранцузский город Авиньон. Началось так называемое «авиньонское пленение» пап (1309—1378 гг.), когда глава католической церкви фактически был подчинен французской политике (см, ч. III, гл. 5). В это время и Англия предпринимала попытки ослабить влияние папства в стране, ограничивая его ранее очень широкие судебные права, его право назначить своих ставленников на церковные бенефиции в Англии, принимала меры против роста церковного землевладения (постановления 1343, 1351, 1353, 1376 гг.).

После возвращения папской курии в Рим в 1378 г. начался длившийся сорок лет «великий раскол» («великая схизма»), когда за папский престол вели борьбу то два, а то и три претендента. Авторитет папства как фактора международной политики падал все ниже и ниже. Эти изменения в политическом положении папства были следствием в первую очередь процесса государственной централизации в наиболее значительных странах Западноевропейского региона, который объективно вел к формированию в дальнейшем национальных государств, к росту в них национального самосознания.

Одновременно во всех странах региона усиливаются антицерковные настроения, которые находят свое отражение не только в многочисленных ересях, но и в светских оппозиционных движениях в пользу сокращения церковных имуществ, ограничения церковной юрисдикции, вмешательства папства в дела отдельных стран. Светские государи стали домогаться официальной автономии церкви в своих владениях. Так, в «Буржской прагматической санкции» 1438 г. французский король установил известную автономию французской, так называемой галликанской, церкви от Рима; он объявил, что папские постановления должны утверждаться церковными соборами, провозгласил право французского короля влиять на назначение епископов в стране, утвердил подсудность духовенства светскому суду парламента. Однако в раздробленной и разрываемой княжескими распрями Германии влияние папства и католической церкви сохранялось до начала Реформации (см. т. III).

Католическая церковь неохотно сдавала свои позиции. И все же к концу XV в. и в организационном, и в идейном, и в политическом отношении католическая церковь и папство уже не пользовались столь большим влиянием, как в предшествующие столетия (см. ч. III, гл. 5; ч. IV, гл. 2).

Изменения в характере и структуре феодальных государств, происхо-

дившие в XIV—XV вв. в Западноевропейском регионе, так же как во взаимоотношениях между этими государствами и папством, вызывали к жизни новые явления и в международных отношениях в данном регионе (подробнее см. ч. III, гл. 3).

На протяжении XIV—XV вв. в рамках Западноевропейского региона складываются более стабильные и прочные, чем в раннее средневековье, народности: французы, англичане, шотландцы, ирландцы, немцы, швейцарцы. В среде этих народностей развивалось уже патриотическое сознание, особенно проявлявшееся перед лицом внешних завоеваний. Создавались предпосылки возникновения современных наций.

Глава 3

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В X—XV вв.

Политическое развитие стран Юго-Западного региона в период зрелого феодализма было очень различно.

На Пиренейском полуострове в ходе Реконкисты (см. ч. I, гл. 2) в X—XIII вв. шел процесс консолидации ранее слабо спаянных феодальных владений. К концу XIII в., когда весь полуостров (кроме Гранадского эмирата на юге) был отвоеван, здесь сложились три самостоятельных государства: Леоно-Кастильское на севере и в центре (возникло в 1230 г. в результате объединения Леона и Кастилии), Арагоно-Каталонское (образовалось в 1137 г.) на северо-востоке, Португальское на западе (выделилось в 1143 г. из бывшего королевства Леон). В дальнейшем все они развивались в направлении относительно централизованных монархий.

В другом направлении шло политическое развитие на Апеннинском полуострове, где по Верденскому договору 843 г. на Севере и отчасти в Средней Италии образовалось самостоятельное, но весьма непрочное королевство Италия, фактически распавшееся уже в X в. на отдельные феодальные владения. Большая часть Средней Италии с центром в Риме была занята Папским государством (см. ч. I, гл. 3 и ч. III, гл. 5). Области Южной Италии — Апулия и Калабрия — оставались сначала под властью Византии, а в 70-х годах XI в. были завоеваны норманнами (из Нормандии), которые вскоре захватили у арабов и Сицилию.

При нормандском короле Рожере II Гвискаре (1130—1154) Сицилия и Южная Италия объединились в одно Сицилийское королевство, где в течение X—XIII вв. шел, как и на Пиренеях, процесс государственной централизации. В Папской области, хотя папы пытались добиться того же, это удавалось лишь в отдельные периоды. Обычно там, в том числе и в самом Риме, господствовали крупные феодалы, боровшиеся между собой за власть.

В Северной Италии и Тоскане с конца X в. шла борьба городов (очень многочисленных) с их сеньорами, результатом которой было формирование здесь в XII—XIII вв. большого числа самостоятельных городов-коммун, затем городов-республик, в рамках которых происходила своеобразная локальная централизация. Таким образом, государственное развитие Италии отличалось большой пестротой, и на всем протяжении X—XIII вв. и позднее там так и не было достигнуто политического единства.

Совсем отличной была политическая судьба Южной Франции. До начала XIII в. крупные феодалы этих земель (в частности, Праванса и Лангедока), хотя и считались номинально вассалами французского коро-

ля, фактически оставались самостоятельными. После альбигойских войн в 1229 г. южные области вошли в состав королевского домена Франции, с которой было тесно связано их дальнейшее развитие, но до реального единства севера и юга было далеко.

Однако при всех различиях в политической эволюции стран Юго-Западного региона все они сохраняли ряд общих черт в своей экономической и социальной структуре, которые позволяют объединить их в один типологический ряд.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН В X—XIII вв.

Становление и расцвет городских коммун и вызванные этим явлением преобразования всей структуры средневекового общества — наиболее характерная черта развитого феодализма и в Западном Средиземноморье. Но здесь этот процесс протекал с рядом особенностей по сравнению с другими регионами Европы. Истоки этих особенностей восходят к раннесредневековому периоду, они связаны с исключительно сильным влиянием римского наследия в период генезиса феодализма и прежде всего с длительным сохранением здесь старых римских городов, однако уже значительно видоизменившихся в период средневековья (см. ч. I, гл. 1). Это ускорило и формирование новых, феодальных городов, которые сложились во многих частях региона уже в IX—X вв. Так было, в частности, в Италии, особенно на Севере ее и в Тоскане, где в XI — начале XII в. развернулась борьба городов с их сеньорами, обычно епископами или графами за автономию, за коммуну. Синонимом обретения городом независимости было установление консульского правления, которое означало зарождение коммуны. Сначала, однако, это не исключало вмешательства епископа или графа в дела города.

Коммуна возникла в Пизе в 1081—1085 гг., в Генуе — в 1099 г., в Ареццо — в 1096 г. Несколько позже консульское правление утвердилось в Пистойе (1105 г.), в Лукке (1115 г.). Еще позднее — во Флоренции (1138 г.), Болонье (1123 г.), Парме (1149 г.). Законодательная власть в коммуне принадлежала собранию горожан, обычно происходившему на площади перед городским собором. Исполнительные функции лежали на коллегии консулов, избираемых от каждого из районов города. Утверждение консулата далеко еще не было полной победой горожан (в Италии их называли пополанами или пополарами от итальянского слова popolo — народ) над феодальной знатью. Первоначально представители торгово-ремесленного населения (cives) входили в число консулов, но преобладали среди них представители средних и мелких, иногда и крупных феодалов. Однако в число горожан входили не только «чистые» торговцы и ремесленники, нередко они были земельными собственниками или держателями земель феодальной знати.

Одной из первых важнейших акций возникшей коммуны было обычно активное ее наступление на феодалов округи. Городское войско разрушало замки феодалов, захватывало и принадлежавшие им укрепленные поселения, которые в большом количестве повсеместно возникали в X—XII вв. и куда переселялось немало жителей соседних деревень и местечек. Побежденные коммуной и признававшие ее верховенство, феодалы должны были приносить присягу на верность коммуне, дарили или продавали ей свои земельные владения (обычно половину или треть), обещали — как вассалы — оказывать городу помощь в случае военных действий, а от лица проживавшего в их укрепленных поселениях зависимого населения обязывались ежегодно уплачивать коммуне установленные денежные и натуральные взносы. Как правило, феодалы (и жители бургов) принимали городское гражданство. Однако, переселяясь в город, феодалы далеко еще не признавали себя побежденными. Они воздвигали

там дома-башни, сохранившиеся подчас до наших дней, нередко объединялись в сообщества, пользовавшиеся особыми правами внутри города, и ожидали подходящего момента, чтобы возобновить враждебные действия против коммун.

Завоевательная политика итальянского города по отношению к феодалам в XII—XIII вв. приводила к подчинению его власти обширной территории (дистретто), порой простиравшейся на 10—20 км от города-метрополии и включавшей не только сельские поселения, но и десятки крепостей, а иногда и мелких городов. Резко увеличилось население и самого города. На протяжении XIII в. население Флоренции выросло в 6 раз, Сиены — в 4—5 раз, Пизы — в 2—3 раза. К концу XIII в. процент городских жителей в целом по Тоскане вырос до 26,3% (в начале века он составлял лишь 10,8%), причем в дистретто Флоренции и подвластных ей городах проживало более 40% всех жителей. К началу XIV в. во Флоренции проживало примерно 95—100 тыс. человек (а всего в округе — 120 тыс.), в Милане в конце XIII в.— 100 тыс. (по другим данным — даже 200 тыс.), в Палермо и Неаполе — около 100 тыс. человек.

В XI—XIII вв. в Северной и Средней Италии функции отсутствовавшего там централизованного государства фактически выполнял каждый сколько-нибудь крупный город-коммуна, превратившийся с присоединением дистретто в город-республику. Одновременно произошло усложнение структуры управления. Постепенно место коллегии консулов занял подеста, возглавлявший Генеральный и Специальный советы города, насчитывавшие по несколько сот членов. Подеста был обычно выходцем из дворянской среды, он обязательно должен был иметь рыцарское звание, являться жителем другого города и приглашался на год вместе со своими судьями, нотариями и вооруженной свитой. Чужеземное происхождение подесты должно было гарантировать ему независимость от местных партий, хотя на деле эти надежды обычно не реализовывались.

Вместе с тем укрепление экономических и социальных позиций пополанов делало все более нетерпимым для них недостаточное привлечение их представителей к управлению городом. И они добились существенных перемен: наряду с Генеральным и Специальным советами, в которых были представлены как пополаны, так и нобили, были созданы советы, состоявшие только из пополанов, а наряду с подеста в городе появился еще один правитель — «капитан народа».

Внутри «большой коммуны» образовалась «малая коммуна». Почти повсеместно она возникла в середине XIII в. «Малая коммуна» представляла интересы купцов и владельцев наиболее богатых и влиятельных цеховых ремесленных мастерских, так называемых «старших цехов», получивших собирательное название «жирных пополанов» (popula grosso). Ремесленники «младших цехов», подмастерья и внецеховые элементы городского населения, так называемый «мелкий народ» (popolo minuto), или «тощий народ», не получили доступа к власти.

Однако и после образования «малой», пополанской, коммуны борьба между знатью — нобилями — и пополанством продолжалась. Кульминацией ее стало так называемое антимагнатское законодательство, имевшее целью ограничение влияния городских нобилей или их исключение из органов городского управления, предотвращение их возможных совместных выступлений, в том числе в союзе с пополанами. Вершиной антимагнатского законодательства во Флоренции стали «Установления справедливости» (1293 г.), согласно которым магнаты, нанесшие оскорбление и причинившие какой-нибудь ущерб пополанам, подвергались суровым карам. Дополнения к «Установлениям» (1295 г.) исключали магнатов из руководящих органов города, если они не являлись членами какого-либо цеха. Подобные пункты содержались и в постановлениях других городов.

Собор Св. Марка. Венеция. XIV в.

Рост политического могущества и высокая ступень автономии городов Северной и Средней Италии были обусловлены высоким уровнем их экономического развития — как центров ремесла и торговли, преимущественно внешней, средиземноморской. Пиза и Генуя, а несколько позже и Венеция, оказавшие существенную помощь крестоносцам еще в осуществлении Первого крестового похода (см. ч. II, гл. 2, ч. III, гл. 3), были достойно вознаграждены. Венеция получила во всех захваченных крестоносцами городах Иерусалимского королевства места для устройства рынков и освобождение от налогов. Уже в первой половине XII в. почти во всех прибрежных городах Сирии и Палестины были основаны многочисленные колонии венецианцев, генуэзцев и пизанцев, которые стали важными центрами торговли между Западом и Востоком. Итальянские купцы из этих городов были частыми гостями и в египетских портах, прежде всего Александрии, и в портах Туниса, Алжира и Марокко, откуда привозили шерсть. После Четвертого крестового похода (см. ч. II, гл. 2 и ч. III, гл. 3) Венеция приобрела неограниченную власть над всем побережьем Ионического моря — от Эпира до Южной Мореи, над Критом, во внутренней Фракии и других территориях Византийской империи. В Константинополе венецианцам принадлежал большой квартал, которым управлял подеста или баюл. После восстановления Византийской империи (см. ч. II, гл. 4) генуэзцы, соперничавшие с Венецией и оказавшие помощь Михаилу Палеологу, заняли привилегированное положение в Константинополе и приобрели ряд торговых портов на островах Эгейского моря, на берегах Малой Азии и в Крыму. На всем протяжении

XIII в. и до поражения Генуи в битве при Кьодже в 1380 г. продолжалась ожесточенная борьба между этими главными торговыми соперниками на Востоке. Помимо Восточного Средиземноморья, Венеция прочно утвердила свое господство в Адриатике, подчинив себе Полу, Задар и Дураццо. Прибрежные города Романьи и Анконской марки также вынуждены были признать ее верховенство. Венецианские купцы стремились осуществить роль посредников между Адриатикой и городами долины По.

Города внутренних областей Италии — Милан и другие центры Ломбардии, Флоренция — использовали купцов Генуи и Пизы в качестве посредников в своей торговле с Западной Европой. Находясь на пересечении важных международных торговых путей — из Швейцарии, Франции и Германии в Лигурию и Тоскану, а также на Адриатическое побережье, Милан к концу XIII в. стал одним из главных торговых центров на Апеннинах.

Флоренция и ряд других городов Тосканы своим могуществом были обязаны прежде всего развитию шерстяной промышленности. Среди цехов Флоренции наиболее влиятельными были цехи шерстяников — Лана и Калимала. Купцы цеха Калимала торговали сукнами, привезенными из Франции, Фландрии и Англии, но очень рано стали заниматься их переработкой в более тонкие и дорогие. Флорентийские купцы в конце XIII — начале XIV в. приобретали для многочисленных мастерских Ланы и Калималы шерсть в Англии и Шотландии, на ярмарках Центральной Европы, Испании, Северной Африки и Греции. 20 мастерских Калимады перерабатывали ежегодно более 10 тыс. кусков иностранного сукна, вся же продукция шерстяной промышленности Флоренции составляла 100 тыс. кусков сукна в год. Особенностью цехового устройства итальянских городов было отсутствие четкого разделения на купеческие гильдии и ремесленные цехи, а также сочетание цеха с компаниями, ограниченное число учеников, редко встречающиеся подмастерья и, особенно, широкое использование внецеховых наемных работников.

С середины XIII в. банковские компании Флоренции, объединенные с цехами, прибрали к своим рукам значительную часть финансовых дел папской курии, ссужали крупные денежные суммы английскому королю. Флорентийцы нередко получали в Англии привилегии при экспорте шерсти и откуп на сбор пошлин. В 1252 г. Флоренция первая из итальянских городов-республик приступила к чеканке золотой монеты — флорина (1 флорин содержал 3,14 г золота), получившего повсеместное признание в международной торговле. Несколько лет спустя широко распространился и венецианский золотой дукат.

Экономические и политические успехи городов Северной Италии и Тосканы обеспечили им возможность самостоятельного существования в качестве городов-государств, создали условия для высокого развития здесь материальной и духовной культуры, более благоприятные, чем где-либо в Европе.

Разительный контраст с ними представляли города Папской области, которые развивались медленнее, не смогли добиться сколько-нибудь значительных прав самоуправления, страдали от засилья враждующих между собой феодальных фамилий. Даже Риму по уровню его экономического развития и политической самостоятельности было далеко до Милана или Флоренции. Хотя временами он добивался более или менее широкого самоуправления, но ненадолго, оставаясь под властью папы или хозяйничавших в городе феодальных клик.

Города Южной Италии и Сицилии переживали расцвет несколько раньше городов Тосканы — в X—XII вв. Среди них выделялся Амальфи, купцы которого вели оживленную торговлю с Испанией, Тунисом и Египтом, Левантом и странами Балканского полуострова. Обширная ко-

лония амальфитанцев была в Константинополе. Из Византии и стран Леванта купцы Амальфи вывозили шелковые ткани, ковры, ювелирные изделия, часть которых затем продавали на ярмарках в Северной Италии.

На Адриатическом побережье Италии важнейшим торговым портом был Бари, до XI в. центр византийских владений в Южной Италии, через него шли многие товары (и прежде всего зерно) из Апулии в Венецию. Связанные преимущественно с транзитной торговлей при слабом развитии местной и ремесленного производства, эти города начали терять свою роль уже после норманнского завоевания и окончательно утратили ее в XIII в., так как лишились привилегии в Византии и арабских странах, враждебных норманнам. Еще более неблагоприятными для них были последствия политики императора Фридриха II Гогенштауфена, не допускавшего городской автономии и жестоко подавлявшего сопротивление городов.

Города Южной Франции — Марсель, Арль, Нарбонн, Бордо, Тулуза и др., как и итальянские, в большей своей части ведут родословную с галло-римских времен. В VIII—X вв. многие из них переживали упадок в результате многочисленных войн и вражеских нашествий (арабских, норманнских), а также эпидемий. В конце X—XI в. в условиях демографического роста и общего экономического подъема возродилось большинство городов, а также возникло много новых — на месте старых римских или по соседству с ними.

Возрождению и расцвету городов Прованса благоприятствовало их активное участие в средиземноморской торговле. Ведущая роль в ней принадлежала Марселю. Главными предметами торговли были сукна из Северной Франции и Фландрии, лен из Шампани и германских областей, ткани с золотой нитью из Генуи и Лукки, а также ремесленные изделия и продукты сельского хозяйства местного происхождения. Связи городов Прованса с Левантом упрочились в результате активной поддержки ими крестоносцев. После Четвертого крестового похода марсельцы получили торговый квартал в Константинополе. Им принадлежали торговые складочные пункты в Аккре, Сеуте, Тунисе, Александрии. С конца XIII в. взятие Аккры мусульманами, упадок шампанских ярмарок, конкуренция каталонских купцов в Северной Африке привели к падению торгового могущества Марселя.

В Тулузе зерновой рынок известен уже в конце X — начале XI в. Крупные производители зерна — рыцари и церковные феодалы — вывозили зерно из страны, прибегая к помощи перекупщиков или собственных вотчинных агентов. В результате южнофранцузские города (в том числе и Тулуза) испытывали нужду в снабжении продовольствием, прежде всего тем же зерном. В XII в. Тулуза становится также важным центром торговли солью и вином как в регионе, так и на внешних рынках: вино вывозилось по Гаронне в Аквитанию, Северную Францию, Фландрию и особенно в Англию. В XI в. Пуатье, Тулуза, Руэн насчитывали каждый 20 тыс. жителей, Монпелье, Тур, Орлеан — по 10 тыс. жителей. В Арле за XI—XIII вв. население выросло в 3 раза. К XIII в. только крупные города, насчитывавшие более 5—7 тыс. человек, населяло 20% жителей юга Франции; 26% проживали в городах, где имелось от 400 до 1000 очагов.

Окончательное утверждение консулата в южнофранцузских городах — в Арле, Ницце, Тарасконе, Нарбонне, Ниме, Тулузе — датируется второй половиной XII — началом XIII в., в Марселе и Монпелье — первой половиной XIII в. Но возникало консульское правление раньше, начиная с 30-х годов XII в. В консулатах, как и в Италии, сначала преобладали горожане-рыцари, нередко занимавшиеся одновременно и торговыми операциями, держатели фьефов (в числе которых бывали городские зда-

ния и сооружения) от крупных церковных сеньоров. Но консулы часто избирались и из среды богатых купцов и ремесленных мастеров, приобревших земельную собственность.

В большинстве своем южнофранцузские города заставили сеньоров «продать» им свободу за деньги (без вооруженной борьбы), добившись значительной независимости. Высокая ступень внутренней автономии южнофранцузских городов и сосредоточение значительной политической и административной власти в руках консулов, которым принадлежали контрольные функции и в ремесленном производстве, обусловили специфику в организации ремесла — преобладание в городах Южной Франции так называемого «свободного ремесла», т. е. практическое отсутствие до конца XIV в. там цехов (см. ч. II, гл. 1). Как и в Северной Италии, богатые и самостоятельные города Южной Франции, ослабив в XII в. крупных феодалов, сами не были заинтересованы в сильной центральной власти. В XII—XIII вв. они являлись средоточием высокой городской и рыцарской культуры и острых социальных противоречий.

К итальянским городам-республикам, но еще более к консульским городам Южной Франции были близки на Пиренейском полуострове города Каталоно-Арагонского королевства (Барселона, Валенсия, Лерида, Херона, Сарагоса, Перпиньян и др.). Барселона уже в X в. была одной из баз каталонского каботажного флота, плававшего в порты Лангедока и Прованса.

Тогда же в горных районах Каталонии сложился один из крупных центров металлургического производства Европы. Развитие виноделия в округе благоприятствовало продаже вина на ежедневных рынках в бургах. Среди купцов было много пришельцев из-за Пиренеев (они все именовались франками), а также мусульман и евреев.

Виноградники часто были собственностью городских жителей, которые сдавали их в аренду. На рынках бойко торговали рабами, которых доставляли корсары, а также лесом, краской индиго, хлопком, железом и кожами. В 1025 г. граф Раймон Беренгер I предоставил Барселоне хартию вольности. Наиболее влиятельным элементом в Барселоне и других крупных городах были mercaders — крупные купцы, судовладельцы, участвовавшие в средиземноморской торговле с Лангедоком и Провансом, Генуей и Пизой, Магрибом и Левантом. Нередко они же были менялами, а с конца XIII в. и банкирами.

Но основная масса городского населения принадлежала к мелкому ремесленному люду. В городах было много учеников-подмастерьев, одновременно исполнявших обязанности домашних слуг. Существовали объединения ремесленников по профессиям, а также поденщиков и чернорабочих.

Во главе арагоно-каталонских городов стояли обычно представители городской верхушки, это были городские землевладельцы — кабальерос вильянос, крупные купцы или выходцы из купцов, собственники земельных участков, в Валенсии среди городского патрициата были и крупные скотовладельцы. В состав городского патрициата входили также доктора медицины и юристы, судьи и иные члены королевской администрации. Существовало, правда, собрание жителей — ассамблея, избиравшаяся ежегодно и состоявшая из нескольких десятков человек, но в действительности ее функции принадлежали ограниченному кругу лиц — постоянным «советникам» —5—8 нотаблям. С конца XIII в. депутаты от городов участвовали в сословно-представительном собрании — кортесах. Среди привилегий, полученных каталонскими городами от королей в конце XIII в., было освобождение от «дурных обычаев» (см. ниже) и право принимать в число горожан зависимых крестьян, проживших в городе год и один день.

Реконкиста. Миниатюра из рукописи Национальной библиотеки. Мадрид. Около 1285 г.

Иной характер носили города Кастилии и Леона. В процессе Реконкисты, по мере заселения новых земель на территории Кастилии и Леона происходило образование новых городов наряду с восстановлением разрушенных старых (Медина-дель-Кампо, Саламанка, Авила, Сеговия, Мадрид, Гвадалахара, Куэнка и др.). Многие из них возникали на королевской земле и носили первоначально характер военных укреплений (Саламанка, Сеговия, Толедо). Они служили также убежищами для населения и скота во время военных действий. На севере многие города образовались на пути паломников в Сантьяго-де-Компостела в Галисии, к предполагаемой гробнице «покровителя Испании» святого епископа Якова. Среди ремесленников и купцов, обслуживавших богомольцев, было немало французов из Гаскони, Прованса, Бургундии. Наконец, в ходе Реконкисты были завоеваны богатые и развитые ремесленные центры Андалусии, населенные мусульманами. К концу XIII в. многие из них были изгнаны.

Кастильские города обычно были небольшого размера, ремесленное производство в них было рассчитано на прилегающую округу, многие изделия в XIII в. ввозились, Невелико было и число купцов, подавляющую часть которых составляли евреи и мудехары (арабы, сохранившие верность мусульманству и под властью христиан). В XIII в. Кастилию через северные порты активно посещали фламандские, английские и французские купцы, а через Андалусию и Мурсию — итальянские «гости».

Положение городского населения определялось поселенными грамотами или обычаями — фуэрос, которые предоставлялись городам королем, церковными учреждениями или светскими магнатами. Фуэро определял права и обязанности городского совета (консехо) и всех членов городской общины в отношении короля или другого сеньора. Основную массу городского населения составляли пеоны (земельные собственники крестьянского типа, а также низший слой торговцев и ремесленников), ка-

бальерос вильянос (мелкие и средние землевладельцы, иногда держатели и арендаторы), знать — инфансоны. В городе проживали и зависимые держатели городских землевладельцев: соларьегос, кольясас, мансебос.

Термином консехо обозначали и городской совет, и саму городскую общину. Консехо был собственником общинных угодий и пустующих земель, иногда наследовал выморочное имущество горожанина, регулировал пользование пастбищами, порядок пастьбы скота, принадлежавшего горожанам, определял условия пользования оросительной системой. Под контролем королевского представителя или церковного сеньора — аббата, либо епископа консехо избирал алькальда — главу городской администрации — и судей. Консехо контролировал ремесленные занятия, устанавливал систему мер и весов на местном рынке, следя за тем, чтобы продукты питания были хорошего качества, не вывозились за пределы округи и не продавались посторонним лицам, если в них испытывали нужду горожане.

В кастильских городах цехи не сложились. Там, как и в Южной Франции, господствовало свободное ремесло. Особенностью кастильских городов было широкое распространение в них аграрных занятий и до XII в. не всегда их четкое отличие от деревни. При всей достаточно обширной автономии города Кастилии оставались в зависимости от короля. Королевские должностные лица непосредственно или через избранных консехо алькальдов и судей сохраняли значительное влияние в городских делах.

Короли были заинтересованы в поддержке городов. Так, по свидетельствам хрониста, португальский король Хайме I писал своему зятю королю Кастилии Альфонсу X: «Два сословия в государстве должны Вы особенно лелеять и возвышать — клириков, а также жителей городов и местечек. Бог любит их больше, чем знатных, которые более, чем другие сословия, склонны к возмущению против своих господ» [1].

В Португалии в XI—XII вв. довольно крупными городами были Брага, Порту, Коимбра (древняя столица). В XIII в. большое значение приобрел Лиссабон, ставший новой столицей. Графы, а позднее короли даровали привилегии (форалы) ряду городов, в частности право избирать свою администрацию — судей и алькальдов. Форалы городов запрещали феодалам-инфансонам поселяться в городе и иметь там земли, если они не давали обязательства нести те же повинности, что и остальные горожане.

Крестьянские поселения в Средиземноморье очень часто были окружены стенами. Каменные, нередко двухэтажные и более высокой застройки дома, тесно прижавшиеся друг к другу на узких улочках в укрепленных бургах, мало походили на обычные деревенские. Около домов были лишь небольшие приусадебные участки (виноградники, фруктовые сады, огороды). Пашни и луга находились за пределами такого поселения. Их владельцы или держатели отправлялись туда утром «на работу», возвращаясь вечером «домой», в бург.

Общинники были собственниками или (по преимуществу) наследственными владельцами своих пахотных участков, которые не подвергались каким-либо переделам. Одновременно наряду с этой «большой общиной» в Средиземноморье почти повсеместно продолжала существовать (и была сильнее, чем в других европейских областях) так называемая домовая община, в которую входили взрослые женатые и неженатые сыновья хозяина дома с их женами и детьми (кондома, армандад), а также консортерия — ассоциация из двух-трех семей, связанных или не связанных родственными узами. Домовая община и консортерия как бы восполняли

[1] Цит. по: *Корсунский А. Р.* История Испании IX–XIII вв. М., 1976. С. 169.

хозяйственную слабость «большой общины», так как именно им принадлежала организация всего процесса сельскохозяйственного производства на принадлежавших ее членам участках. Длительное сохранение таких большесемейных объединений объяснялось тем, что в Средиземноморье значительные пространства были заняты холмами и предгорьями, землями неудобными и трудными для обработки силами малой семьи. Этому же способствовала и система поочагового налогообложения, независимо от числа членов семьи.

В собственности (или владении) всей «большой общины» находились пастбища и леса, которые передавались общинникам во временное пользование.

В Северной Италии и Тоскане в XII—XIII вв. многие общины добились значительной автономии, превратившись в самоуправляющиеся сельские коммуны, внутренняя жизнь которых регулировалась составленными и утвержденными на собрании общинников законами — статутами. Административный аппарат сельской коммуны (особенно крупной, подчас объединявшей десятки деревень) во многом был схож с органами управления городской коммуной. Да и должностные лица именовались одинаково: подеста, ректор, консулы, массарии, деканы и др. Высшим законодательным органом был генеральный совет коммуны, собиравшийся обычно 2 раза в год. Он утверждал или изменял статуты, устанавливая размеры налогов и порядок их взимания, избирал высших должностных лиц, распоряжался землями, принадлежавшими коммуне, ее доходами. В состав совета входили главы семей, имевшие собственную недвижимость. Для исполнения административных функций в коммуне требовался значительный имущественный ценз, и поэтому очень рано на этих постах оказывались зажиточные крестьяне или торгово-ремесленные слои (порой имевшие дома и в городе, но проживавшие большую часть года на территории сельской коммуны).

Наряду с сельскими коммунами продолжали существовать общины, находившиеся почти в полном судебно-административном подчинении сеньора — собственника этой территории (особенно в Папской области и Сицилийском королевстве). По мере усиления городов и расширения их дистретто сельские коммуны на Севере и в Тоскане все более подчинялись городам.

В Кастилии, Леоне и Португалии в ходе Реконкисты сложилась специфическая форма общины — «бегетрия». Так именовались деревни или группы свободных крестьян-землевладельцев, которые пользовались правом самим избирать себе сеньора. Они обычно получали статус бегетрии от сеньоров или представителей королевского дома. Иногда сеньор оставался пожизненным патроном бегетрии. В отличие от итальянской сельской коммуны бегетрии сохраняли ту или иную форму зависимости от сеньора (или короля), хотя вначале права их были огромными: они могли свободно избирать своего сеньора, где угодно «от моря до моря», т. е. от Кантабрийского моря до Атлантического океана, свободно смещать его и избирать нового «до семи раз в день», если сеньор их притеснял или нарушал обычаи общины. На землю бегетрии часто бежали и феодально-зависимые держатели — соларьегос, надеявшиеся найти здесь защиту от произвола вотчинников. Появление такой своеобразной формы общины было связано со стремлением короля и крупных феодалов с помощью подобных льгот обеспечить в ходе Реконкисты вновь отвоеванные земли новыми поселенцами. Но в XII—XIII вв. постепенно все большее распространение получают такие бегетрии, сеньоры которых избираются лишь из определенного рода. Изменяется и характер повинностей сеньору: теперь это уже далеко не символические, как раньше, а регулярные и фиксированные взносы, обычно натурой. Происходит и усиление судебной и полицейской зависимости членов бегетрий от их

сеньоров, особенно тех, которые получали на бегетрии иммунитетные права. В XIII в. был введен и ряд ограничений для членов бегетрий в их правах распоряжения имуществом, перехода в другую бегетрию. Помимо бегетрий, на Пиренейском полуострове (особенно к югу от р. Дуэро) существовали и общины других типов.

В Южной Франции, где, как и в Италии, крестьяне по большей части владели огороженными компактными наделами, община устанавливала время сбора винограда или — иногда — снятия полевых изгородей для выпаса общинного скота. Община и здесь приобретала автономию, хотя и более ограниченную властью городов (в более развитых районах) или феодалов (в более отсталых).

Общими характерными чертами аграрного строя в большинстве стран Юго-Западного региона были незначительное развитие домениальной пашни, а следовательно, и барщины, преобладание натуральной или денежной ренты, сравнительно небольшое число крестьян, находившихся в тяжелой личной зависимости. Эти особенности, несомненно, во многом были обусловлены природной средой региона: преобладанием гор и плоскогорий и небольшими площадями низменностей, в большинстве своем к тому же нуждавшихся в ирригации или мелиорации для их введения в культурный оборот. Равнинные участки обрабатываемых земель довольно редко (только в Ломбардии и Кастилии) состояли из чересполосно расположенных клиньев пашни, подчинявшихся принудительному севообороту. Чаще всего встречались огороженные участки поликультуры (использовавшиеся сразу под несколько культур): зерновые посевы или луговины были окружены (или перемежались) фруктовыми деревьями и виноградниками, виноградники и сады могли располагаться и компактно, по соседству с участками пахотного поля и луга.

На Апеннинах повсюду римская агротехника и римские системы земледелия продолжали оставаться господствующими. В хозяйствах повсеместно был распространен симметричный легкий плуг без колес с горизонтальным лемехом. Для глубокой вспашки на влажных почвах — главным образом в долине р. По — был в ходу также тяжелый колесный плуг с отвалом и асимметричным лемехом, а кое-где бесколесный плуг с асимметричным лемехом и отвалом. На Пиренеях встречались как колесные плуги, так и плуг кастильского типа с копьеобразным лемехом. Широко применялись заступ и мотыга, особенно на небольших и гористых участках. Жали обычно вручную серпами. Молотили как вручную — цепами, так и с помощью лошадей, но на сельскохозяйственных работах до XIII—XIV вв. в основном использовались волы.

Преобладало двухполье, но иногда встречалось и трехполье. Уже в XI и тем более в XII—XIII вв. все чаще паровое поле занималось бобовыми культурами. В среднем урожайность составляла сам-3 — сам-4, т. е. хотя и была чуть выше урожайности в раннее средневековье, но не превышала урожайности I—II вв. н. э. Однако по сравнению с римским временем в сельском хозяйстве все же заметен прогресс: широкое развитие внутренней колонизации, внедрение и все более широкое распространение интенсивных культур — новых сортов пшеницы, виноградной лозы, маслин, цитрусовых, хлопка и сахарного тростника (на юге Италии), тутового дерева. Повсеместно создавались системы ирригации и мелиорации. С середины XII в. на севере Ломбардии начали возникать орошаемые искусственные луга для выращивания кормовых культур.

На Пиренейском полуострове в результате Реконкисты к территории Леона и Старой Кастилии к XIII в. были присоединены плодородные земли Новой Кастилии и Андалусии. Переселение на север многих земледельцев-мусульман, широкая торговля сельскохозяйственными продуктами оказали немалое влияние на прогресс сельского хозяйства на большей части отвоеванной в ходе Реконкисты территории. Скотоводы северных

областей стали все шире использовать возможности перегона скота зимой на пастбище юга — на равнины Эстремадуры, Андалусии, Ла-Манчи. Во второй половине XII в. появились объединения скотоводов — месты, которые ведали делами охраны стад и распределения пастбищ. В ряде случаев месты получали привилегии от королей на право свободного прогона скота через определенные области.

В странах Западного Средиземноморья в X—XIII вв. размеры господской запашки, которая была невелика и прежде, неуклонно сокращались, а вместе с ней уменьшались роль и место барщины среди крестьянских повинностей. В XII в. в Италии почти везде полевая барщина не превышала нескольких дней в году; чаще с зависимых крестьян требовалась транспортная или подводная повинность — доставка на своих волах натурального оброка на господский двор (обычно к городскому дому вотчинника); либо же — по приказанию того же сеньора — перевозка продуктов из одного пункта имения в другой, нередко в речные и морские порты. Все больший удельный вес в составе феодальных повинностей занимала рента продуктами, которая в XIII—XIV вв. почти повсеместно стала преобладающей.

Небольшой домен и преобладание продуктовой ренты, кроме природных условий, были обусловлены и тем, что в Италии многие вотчинники являлись жителями городов, владевшими там домами, ремесленными мастерскими и торговыми заведениями и входившими в состав городской администрации. Естественно, что вотчинники-горожане (как и находившиеся в городе монастыри) стремились получить из своих имений прежде всего продукты для собственного потребления и для реализации их на городском рынке, а также сырье для ремесленного производства или для продажи. Денежные же доходы они получали в первую очередь от торгово-ростовщических и ремесленных занятий.

Высокий уровень ремесленного производства в итальянском городе подавлял, делал ненужным и малоперспективным развитие ремесла в поместьях и деревенской округе в целом. В этом направлении действовали и запретительные меры статутов городских цехов, нацеленные на ограничение и даже запреты деятельности внецеховых ремесленников — возможных конкурентов, на подчинение ведущим цехам всех видов сельских ремесел (подобные постановления известны и в Португалии).

Среди феодально-зависимого крестьянства Италии, как на Севере, так и на Юге, наиболее многочисленную группу составляли наследственные держатели-либеллярии, эмфитевты и др. Их права на держание приближались к собственности: они могли продавать, дарить, закладывать свои участки, сдавать их в субдержание, соблюдая лишь право возможной предпочтительной покупки их собственником. Помимо уплаты натурального, иногда и денежного чинша (чаще всего фиксированного), либеллярии выполняли транспортную повинность, обязаны были предоставлять постой собственнику или его агенту, подчиняться юрисдикции собственника или иного «судебного» сеньора. Однако в Южной Италии уже с середины XI в. условия либеллярных договоров начинают ухудшаться; возрастает оброк (до половины урожая), вводится барщина, растут ограничения держателей в распоряжении участками и резко уменьшаются возможности их оставления. Более тяжелой, чем у либелляриев, была зависимость сервов и колонов, которые были прикреплены к земле. Господин мог свободно распоряжаться имуществом сервов, продавать, дарить и обменивать их как движимость, подвергать телесному наказанию.

На всем протяжении X—XIII вв. в Италии продолжал сохраняться немалый по численности слой свободных крестьян и горожан — мелких собственников, который пополнялся за счет выкупавших свои наделы держателей и землевладельцев-горожан.

В то же время уже в эти столетия значительно продвинулась имущественная дифференциация среди крестьян. Часть их (в том числе мелкие собственники) обеднела и, разоряясь, уходила в города или превращалась в срочных арендаторов, некоторые же крестьяне, напротив, обогащались и даже эксплуатировали соседей-держателей и наемных работников.

В Северной и Средней Италии в XIII в. произошло освобождение сотен и даже тысяч сервов и колонов от наиболее тягостных форм личной зависимости от сеньоров. Им предоставлялась возможность не только покидать занимаемые участки, но и выкупать их в собственность или заключать новый договор с сеньором, который обусловливал более высокий социальный и юридический статус держателя.

Первой в числе городов, осуществивших освобождение большого числа сервов, была Болонья. В 1257 г. была обнародована «Райская книга» Болоньи (Liber Paradisus). Согласно книге коммуна выкупила за свой счет у более чем 400 сеньоров 5682 серва. Правда, имущество сервов и их наделы остались у господ. Сделала это коммуна в разгар своей борьбы с феодальной знатью не бескорыстно. Освобожденные сервы приписывались к той или иной сельской коммуне в городской округе и должны были нести повинности в пользу города. В 1283 г. та же Болонья уплатила выкуп за освобождение в своей округе колонов и адскриптициев.

Широко известны флорентийские постановления 1289—1290 гг. Главной их целью было освобождение от личной зависимости и прикрепления к земле колонов, зависимых от «извечных врагов» Флоренции — сеньоров Убальдини и ряда других враждебных городу феодальных фамилий. При этом выкупную сумму должны были вносить сами колоны. И этот акт не касался колонов, принадлежавших горожанам Флоренции и всем тем сеньорам, которые подчинились коммуне. Но и в таком урезанном виде это постановление выполнялось далеко не полностью. При освобождении крестьяне, не имевшие средств выкупить свой надел, или уходили в города, или превращались в краткосрочных арендаторов, чаще всего у городских землевладельцев. В Южной Италии, напротив, в XII—XIII вв. происходило прикрепление сервов и колонов к земле. Беглые должны были при их обнаружении передаваться их господам или королевским должностным лицам [2].

Процесс складывания иерархической структуры господствующего класса феодалов продолжался в Италии и в X—XI вв. Ему способствовали сначала королевские, потом императорские иммунитетные пожалования как духовенству, так и крупным светским вотчинникам, приобретавшим таким образом графские права. Одновременно происходила феодализация должности графа, которая все более становилась наследственной.

Класс феодалов в Италии в XI—XII вв. состоял из нескольких разрядов. К высшей группировке принадлежали князья, капитаны. За ними шли вальвассоры. Низшую группировку феодального класса составляли вассалы вальвассоров, вальвассини. Как в повсюду в Европе, существовал и слой министериалов — служилых людей несвободного происхождения. Институты феода (бенефиция) в Италии оформились относительно поздно, к концу X в. феод можно было свободно отчуждать, при условии, что покупатель или получатель дарения принимал на себя лежавшие на феоде обязательства; его можно было поделить между мужскими наследниками и даже передать по наследству по женской линии. Наслед-

[2] *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство в X–XIII вв. Крестьянство и город; Крестьянская община // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. II; *Абрамсон М. Л.* Южная Италия IX–XIII вв. // История Италии. М., 1970. Т. I.

ственность феодов была законодательно установлена императорским декретом 1037 г.: осадивший Милан император Конрад II стремился привлечь на свою сторону низшие слои вассалов миланского архиепископа. В Южной Италии феод сложился в период господства норманнов в XI—XII вв. и был близок к северофранцузскому или франкскому.

Аграрные отношения в Южной Франции имели немало общего с порядками на Апеннинском полуострове. Здесь редко встречалась домениальная запашка и полевая барщина. Денежные цензы обычно сочетались с натуральными. Особенно частым был оброк из доли урожая — таска, позднее распространилась испольщина. Немало было крестьян-аллодистов. В городах влиятельной силой были рыцари, держатели феодов от сеньора города. Нередко они занимали консульские должности.

Специфика аграрного строя отдельных областей Испании, и прежде всего двух ее основных королевств — Кастилии и Леона и Арагоно-Каталонского, в значительной степени определялась различием их исторических судеб уже в предыдущий период. Недолгое арабское господство и нахождение в течение длительного времени в составе Франкского государства обусловили бо́льшую близость социальной структуры Каталонии к «классической», франкской и значительную несвободу основной массы ее феодально-зависимого крестьянства. Это обусловливалось отчасти и высоким уровнем развития городов и товарно-денежных отношений в Каталонии, которое стимулировало экспорт сельскохозяйственных продуктов, а следовательно, усиление эксплуатации как в Арагоне, так и в Каталонии.

В Кастилии и Леоне же, напротив, более длительное арабское владычество, а затем Реконкиста, широкая колонизация отвоеванных и запустевших земель в XII—XIII вв., осуществлявшаяся при участии массы крестьянства, создали основу для образования более благоприятных для крестьян-новопоселенцев условий. На отвоеванных у арабов землях король, под непосредственным руководством которого осуществлялась Реконкиста, раздавал земли не только светским магнатам, церковным учреждениям, но также городским и сельским свободным общинам. Поэтому среди крестьянского населения немалое место принадлежало мелким свободным собственникам (верхушка которых нередко сливалась с низшим рыцарством). Они, однако, в соответствии с обычаем — фуэро или поселенной хартией, дарованной отдельным общинам, подчинялись в той или иной мере королю.

Новопоселенцы обычно должны были уплачивать налоги и нести конную военную службу. Довольно значительную группу составляли феодально-зависимые крестьяне (хуниорос и кольясос), обозначавшиеся иногда более общими терминами — «люди» (homines), «вилланы» (сельские жители) или «соларьегос» («поселенцы», от solar — земля). Хуниорос де эредад были поземельно-зависимыми наследственными держателями. Кольясос по своему юридическому статусу стояли ближе к сервам, наиболее приниженной категории крестьянства.

Повинности тех и других обычно фиксировались в фуэрос. Они состояли главным образом из разного рода денежных и натуральных взносов, десятины в пользу церкви, государственных налогов, обязанности предоставления постоя как королевским должностным лицам, так и сеньору и его агентам, а также отдельных платежей, ущемлявших личную свободу крестьянина (брачные пошлины, посмертный оброк и др.). Барщина ограничивалась несколькими днями в году. Вотчинники обладали и баналитетными правами. В то же время кольясос и хуниорос могли приобретать в собственность новые земли, иногда сами владели сервами, имели право обращаться в королевский суд с жалобами на незаконные поборы со стороны сеньоров. К XIII в. можно констатировать некоторое смягчение в положении наследственных зависимых держателей

и сервов, облегчение условий их ухода из вотчины, освобождение от ряда повинностей, связанных с подчинением личности крестьянина. К XIII в. многие крупные вотчины еще более сокращают пашню на домене и все большее внимание уделяют перегонному скотоводству.

В XI—XIII вв. происходило оформление феодальной знати Кастилии и Леона как привилегированного сословия. Высший слой знати — рикос омбрес («богатые люди») составляли крупные землевладельцы. Они входили в королевскую курию, многие из них являлись королевскими вассалами и обладателями широких иммунитетных привилегий. Рикос омбрес имели сотни собственных вассалов. Со второй половины XII в. был введен майорат: имущество магната становилось неотчуждаемым и переходило к старшему сыну. Знатные люди, а также духовенство были освобождены от налогов, должны были судиться только в королевской курии, их не могли подвергать телесным наказаниям и тем более пыткам.

Наиболее многочисленными были феодалы низшего разряда — инфансоны и идальгос («дети из хороших семей», «люди особого достоинства»). Их привилегии и благородный статус передавались только по наследству или в результате королевского пожалования.

Кабальерос («конные воины») первоначально не принадлежали обязательно к знати, но с X в. все больше сливались с инфансонами и идальгос. Этот термин иногда стал обозначать всех знатных вообще, несших конную военную службу. В XII в. распространяется обычай посвящения в рыцари. Вместе с тем в фуэрос фиксировались и такие случаи , когда с помощью определенной процедуры представители низшей знати могли отказываться от знатности, объявлять себя рядовым членом общины с обязательством выполнять соответствующие повинности. Однако знатность можно было и вернуть публично, в заседании консехо, заявив об отказе от крестьянского звания. Это говорит о нестабильности и подвижности границы между низшим слоем рыцарства (кабальерос) и крестьянством. Вассально-ленные отношения и их основа — феод (сходный с франкским) оформились в Кастилии сравнительно поздно — в XII—XIII вв.

В Арагоне и в Каталонии, где Реконкиста завершилась значительно раньше, чем в Кастилии, крестьянско-сеньориальные отношения были мало сходными с кастильскими, итальянскими и северофранцузскими. В Каталонии, как и в Южной Франции, наряду с развитием феода, как у светских и духовных феодалов, так и у горожан и крестьян, долго сохранялась аллодиальная форма собственности. Однако основная масса крестьянства состояла из зависимых держателей земли феодалов. В XI—XII вв. это были держатели манса, имевшие право быть присяжными и участвовать в судебных тяжбах об имуществе стоимостью до 7 солидов, и держатели более мелких участков — баккаларии, которые могли быть присяжными в делах об имуществе не свыше 2 солидов. Кроме них, имелись еще байюлы — наследственные арендаторы, уплачивавшие долю урожая (от $^1/_4$ до $^2/_3$).

К XIII в. положение основной массы крестьянства и в Арагоне, и в Каталонии значительно ухудшилось. Уже с XI в. немало крестьян должны были выполнять так называемые «дурные обычаи» (mali usitaci). Главные из них: интестия — право сеньора на наследство крестьянина, умершего без завещания, экзоркия — право сеньора на имущество держателя, не оставившего прямого потомства, кугусия — право сеньора на часть имущества крестьянина, жена которого совершила прелюбодеяние, арсина — право на имущество крестьянина, в усадьбе которого по его небрежности случился пожар.

В XIII в. происходит законодательное прикрепление к земле части зависимых крестьян — ременсов (от remensa — первоначально выкуп за пленного мавра, позднее, в XII в.,— выкуп держателя манса за уход с

него). В результате ряда постановлений кортесов сеньоры фактически приобретают права распоряжения жизнью и имуществом ременсов. В XIV в. ременсы составляли не менее четвертой части всего крестьянства. Их освобождению путем выкупа сеньоры чинили всяческие препятствия: признанное еще в XIII в., на практике это право не могло быть реализовано.

В XI—XII вв. в Арагоно-Каталонском королевстве складывается феодальная иерархия, более разветвленная, чем в Кастилии. Это вельможи (магнаты) (виконты и комиты), вальвассоры и низшая знать — простые рыцари. Феод был близок к франкскому.

В Португалии влияние Реконкисты не было столь многоплановым, как в Кастилии. Хотя на севере сохранялась мелкая земельная собственность, основная масса крестьян находилась в личнонаследственной зависимости. Они платили оброки натурой и несли небольшую барщину. Крестьянские общины пользовались известной автономией согласно дарованным им обычаям (форалам). На юге — к югу от р. Доро (Дуэро) преобладали лично свободные крестьяне — колоны, держатели на основе заключенного с сеньором договора, которые платили фиксированную ренту (или из доли урожая) и могли уходить от сеньора или выкупать свою землю в собственность. В XIII в. в связи с быстрым развитием городов возрастает роль денежных платежей и происходит расслоение крестьянства, распространяется использование феодалами и богатыми крестьянами наемного труда. Развивается невыгодная для крестьян краткосрочная аренда, ухудшаются их держательские права.

* * *

Политические структуры на Апеннинском полуострове, как отмечалось, отличались большой пестротой. Попытки германских императоров после образования Империи (962) подчинить своей власти Италию окончились безуспешно (см. ч. I, гл. 4). С тех пор политические судьбы Северной Италии и Тосканы, Папской области и Южной Италии были весьма различны.

В Северной Италии и Тоскане господствовали самостоятельные города-коммуны, по существу отдельные мелкие государства-республики, часто враждовавшие между собой. Они объединялись лишь тогда, когда им угрожала опасность извне, и прежде всего от германских императоров, которые с середины XII в. резко активизировали свою итальянскую политику. В 50-е годы XII в. начались походы в Италию германского императора Фридриха I Гогенштауфена (Барбароссы), главной целью которого было подчинить своей власти северные и тосканские города-республики, а также папу и Папское государство (см. ч. II, гл. 2). Сначала он добился некоторого успеха, вынудив в 1158 г. представителей городов коммун, собранных им в Ронкальской долине, согласиться признать его право утверждать их консулов и — более того — назначать в города императорских наместников. Милан, который этому воспротивился, был взят им в 1162 г. после двухлетней осады, разрушен, территория его была запахана плугом в знак того, что здесь никогда не будет города, жители выселены, их обязали нести повинности императору. Эта жестокая расправа, однако, вскоре вызвала восстание 22 городов, которые в 1167 г. создали против императора союз — Ломбардскую лигу. Папа Александр III, также опасавшийся императора, поддержал ее. Совместными усилиями лиги и Папского государства Фридрих был разбит при Леньяно в 1176 г. и вынужден отказаться от своих притязаний (см. ч. II, гл. 2). Немецкие конные рыцари потерпели поражение от пехоты ломбардских городов.

В 30-е годы XIII в. эти притязания возобновил внук Фридриха I — Фридрих II, одновременно бывший германским императором и королем

Сицилии. Но и он в 1248 г. потерпел поражение около Пармы от возродившейся Ломбардской лиги, снова действовавшей в союзе с папством. Вскоре, в 1250 г., Фридрих II умер, и вместе с ним потерпела полный крах итальянская политика Германской империи (см. ч. II, гл. 2). В период борьбы итальянских городов с Империей в них сложились две партии: сторонников императора — гибелинов (от названия одного из замков Гогенштауфенов в Германии — Вайблинген) и противников императора и союзников папы — гвельфов (искаженное имя германской герцогской фамилии Вельфов, врагов императоров в Германии). Эти партии сначала имели и социальную окраску: к гибеллинам примыкала в основном знать, гвельфы опирались на пополанов. В дальнейшем, однако, эта социальная основа утратила значение: гвельфами и гибеллинами стали называться любые враждующие партии в том или ином городе.

Папская область представляла собой феодальное княжество, политическое влияние которого и степень внутренней консолидации во многом зависели от положения папы как главы католической церкви в тот или иной момент. В XI — начале XII в., когда папство усилилось в ходе борьбы с Империей, расширилось и Папское государство, присоединив Сполето, Беневент и часть Тосканы. Однако политическая власть папы в государстве оставалась слабой, там командовали крупные феодалы. С конца XII до начала XIV в., когда папство переживало расцвет после победы над Гогенштауфенами, Папское государство расширилось за счет Романьи, Кампаньи, Умбрии, Анконской марки.

Сицилийское королевство было единственным относительно централизованным государством на Апеннинах. С 30-х годов XII в., когда норманский герцог Рожер II Гвискар был коронован антипапой Аналектом II «королем Сицилии и Италии», до середины XIII в. там шел процесс централизации, кульминацией которого было правление Фридриха II Гогенштауфена. Королевская Большая курия — ранее высший судебный трибунал — постепенно превратилась в частный королевский совет. Входившие в него крупные дворцовые чиновники (адмирал, сенешал, канцлер, камерарий и др.) ведали отдельными отраслями королевской администрации. Все королевство было разделено на 11 округов, во главе которых стояли юстициарии, обладавшие там верховной судебной властью. Однако в землях, переданных королем в феоды, практически вся полнота власти сосредоточивалась в руках баронов и графов. Особые меры были приняты против городской автономии, так как Фридрих II (и не без оснований) боялся «дурного примера» североитальянских городов. В каждом городе была учреждена должность королевских чиновников — баюлов, в руках которых сосредоточивалась полнота власти. Вместе с тем Фридрих II, стремясь заручиться поддержкой (прежде всего финансовой) городов, допускал их представителей к участию в заседаниях курии баронов и высших церковных сановников, составлявших своего рода «парламенты». Однако права городских «парламентариев» были ничтожны: королевские чиновники лишь информировали их о законах, одобренных королем.

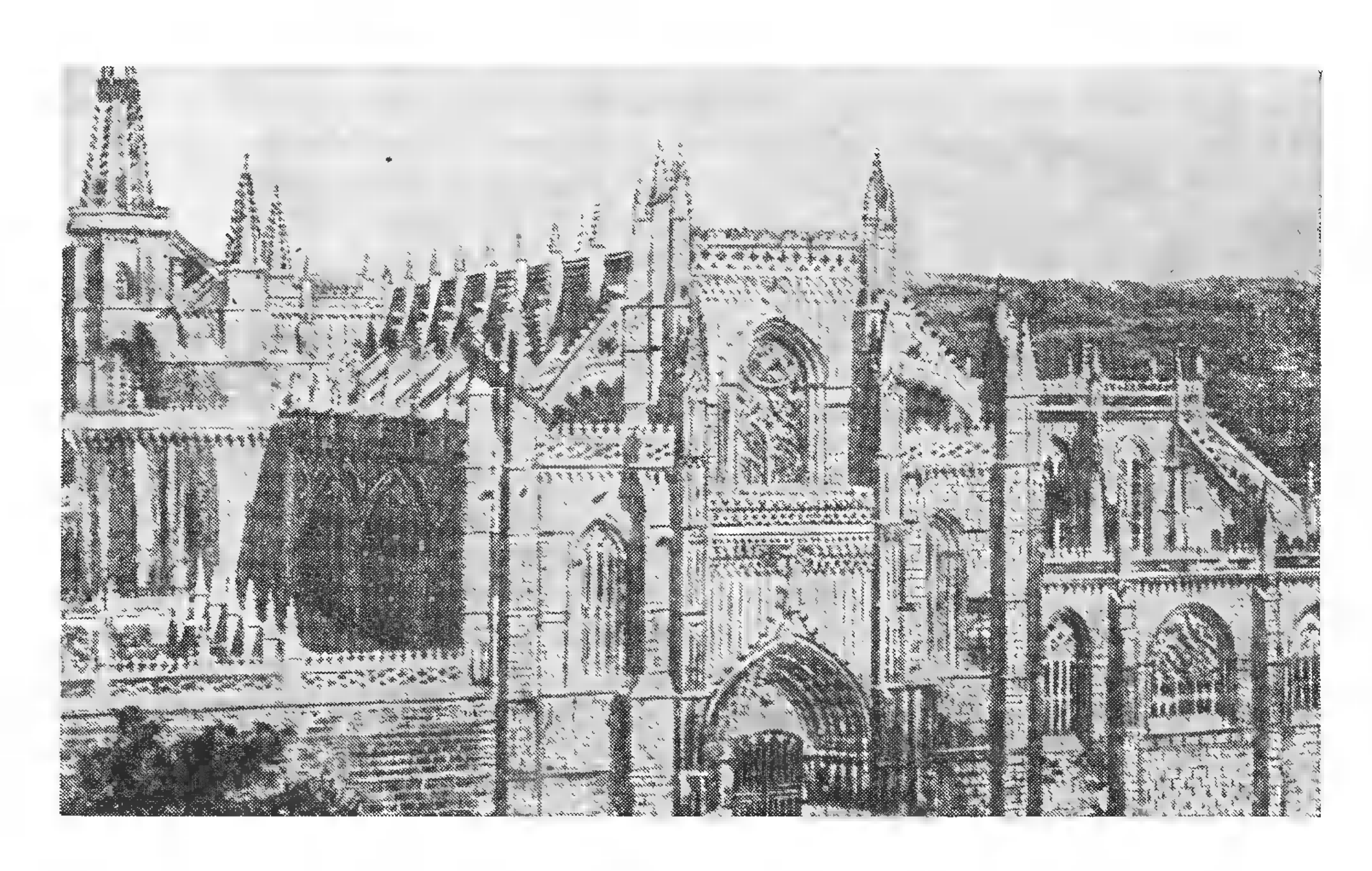
После смерти Фридриха II ему наследовал сын Манфред, вскоре погибший в войне с Карлом Анжуйским — братом французского короля Людовика IX, который в 1268 г. завладел Сицилийским королевством. Иноземный гнет вызвал в 1282 г. восстание на острове Сицилия (так называемая «Сицилийская вечерня»), в результате которого Сицилийское королевство стало независимым. Неаполитанское же королевство (в его состав входила теперь только Южная Италия) осталось под властью Анжуйской династии, а в 1302 г. оно перешло в руки арагонского короля Педро, дяди Манфреда, который присоединил его к своим владениям в Испании.

На Пиренейском полуострове в X—XIII вв. происходила (сначала в региональном масштабе) постепенная консолидация трех государств: Леоно-Кастильского, Арагоно-Каталонского и Португальского. Немалую роль в этой консолидации сыграла Реконкиста, требовавшая объединения усилий всех слоев общества в борьбе с внешней опасностью. В процессе Реконкисты и складывались, как отмечалось, все три королевства. В XII—XIII вв. Реконкиста становилась все более успешной: в 1085 г. был взят Толедо (ставший столицей Кастилии), в 1118 — Сарагоса (вошла в состав Арагона). В 1212 г. в битве при Лас-Навас-де-Толоса объединенное войско Кастилии, Леона, Арагона, Наварры при участии европейского рыцарства нанесло решающее поражение арабам. Позднее они потеряли Кордову (1236 г.), Севилью (1248 г.), Кадис (1262 г.), область Альгарви на юге Португалии (середина XIII в.). К концу XIII в. весь полуостров освободился от владычества мавров, кроме Гранадского эмирата на самом юге страны. В атмосфере постоянных войн, передвижений, колонизации отвоеванных земель складывались все Пиренейские государства.

В руках королей Кастилии и Леона, власть которых приобрела наследственный характер уже в X—XIII в., было сосредоточено право издания законов, обязательных для всех подданных королевства. После образования единого Леоно-Кастильского королевства в конце XIII в. был создан свод законов «Сиете Партидас». В нем уже нашла отражение тенденция к усилению королевской власти, подкрепленная рецепцией римского права в стране. Согласно этому кодексу, формально законодательные функциии признавались лишь за королем, «наместником бога на земле», но вместе с тем допускалась и важная роль в этом деле сословных собраний — кортесов (что больше соответствовало практике).

Начало более или менее постоянному сословному представительству в Леоне было положено в конце XII в. В борьбе с мусульманами и крупными феодалами внутри страны в 1188 г. Альфонс IX созвал в Леоне епископов, магнатов и «выборных граждан от отдельных городов» и поклялся на этом собрании (Curia, cortes), что впредь не станет объявлять войну или заключать мир без согласия епископов, знати и «добрых людей». Епископы, магнаты и горожане также принесли клятву в верности королю. Вскоре кортесы появились и в Кастилии. С тех пор кортесы играли в этих королевствах, а затем в объединенной Кастилии весьма значительную роль. Фактически вместе с городскими депутатами в них заседали и представители свободных сельских общин. Эта третья палата в кортесах до конца XIV в. пользовалась значительным влиянием, иногда в ущерб крупным феодалам, что было одной из особенностей кастильских кортесов. С конца XII в. кортесы переняли функции прежней королевской курии: избирали короля, провозглашали новые законы, даровали городам и селениям новые фуэрос, решали вопросы войны и мира. Курия же оставалась высшим судом. Местное управление сосредоточивалось в территориальных округах, сначала — графствах, а затем мериндад, во главе которых стояли подчинявшиеся королю должностные лица меринос.

Сходным во многом было развитие Арагона и Каталонии (большую ее часть составляло графство Барселонское), которая и после создания объединенного королевства в 1137 г. пользовалась большой автономией. В Арагоне и Каталонии при едином короле были отдельные кортесы. В Каталонии они складывались в конце XII — начале XIII в., в Арагоне — в начале XIII в. В Каталонии города в кортесах поддерживали крупных феодалов, в Арагоне заправляли магнаты (ricos ombres). Арагонские кортесы распадались на четыре палаты: духовенства, магнатов, мелких рыцарей и городских представителей (бесправные в королевстве крестьяне в них не участвовали). Если в Кастилии кортесы укрепляли в целом власть короля, в Арагоне они ее ограничивали.

Монастырь Баталья. Португалия. XV в.

В Португалии в XI—XII вв. постепенно также шел процесс централизации, приведший ко времени образования единого Португальского государства в XIII в. к значительному усилению королевской власти и возникновению кортесов.

Иными были судьбы Южной Франции. Ее крупнейшие феодалы, номинально являясь вассалами французского короля, практически оставались самостоятельными. Пока французская монархия была слаба (в XI — начале XII в.), это им удавалось. Но по мере ее усиления в начале XIII в. воинственные и враждующие между собой графы Прованский, Тулузский и другие все менее могли противостоять ее нажиму. Северофранцузские рыцари зарились на богатые южнофранцузские города. Поводом для нападения послужил крестовый поход, объявленный папой в начале XIII в. против распространившейся в Южной Франции альбигойской ереси.

Ее главными участниками были горожане и крестьяне, но примыкали к ней и некоторые феодалы, рассчитывая использовать это массовое движение для присвоения церковных имуществ. Ересь в основном носила антицерковный характер, но угрожала и устоям феодального строя. С благословения французского короля и папы северофранцузские рыцари в нескольких крестовых походах разгромили альбигойцев, несмотря на их отчаянное сопротивление, разделив между собой владения местных феодалов и богатые города. Воспользовавшись этим, французский король Людовик VIII вмешался в войну и в итоге новых походов (1224 и 1226 гг.) в 1229 г. присоединил к своему домену одну из главных областей Лангедока, графство Тулузское и часть земель на побережье Средиземного моря (см. ч. II, гл. 2; ч. III, гл. 5).

* * *

Страны Юго-Западной Европы уже в XI—XIII вв. были ареной острых социальных столкновений. О борьбе городов Северной и Средней Италии против их сеньоров и пополанов против знати за демократизацию управления уже было сказано. Но борьба за коммуну происходила и в Риме,

не пользовавшемся сколько-нибудь значительной автономией. Ярким эпизодом такой борьбы было выступление за республику (против папы и феодалов) в Риме в 1143 г. во главе с прогрессивным философом и противником церковной иерархии Арнольдом Брешианским. Захватив власть, горожане и мелкие рыцари провозгласили республику. Они требовали отказа церкви от земельных владений, выступали против светской власти пап, нападали на дома светских и духовных феодалов, вынудив папу бежать из города. Восстание было подавлено, римская республика ликвидирована, а Арнольд Брешианский казнен Фридрихом Барбароссой, который в то время совершал свой первый поход в Италию.

Сопротивление крестьянских масс лежавшему на них гнету в тот период, как и везде в Европе, больше выражалось в локальной повседневной борьбе. Своеобразной формой социального протеста в эти столетия в Юго-Западном регионе были народно-еретические движения, непрерывно возникавшие с конца XI в. в Северной и Средней Италии и Южной Франции. Наиболее важные из них — ереси катаров и вальденсов, развивавшиеся первоначально в Южной Франции, а затем на протяжении XII—XIII вв. захватившие и Италию. Катары исповедовали дуалистическую ересь, последователи которой считали церковь, государство, феодалов порождением дьявола, мечтали об их уничтожении и установлении нового порядка на земле. Вальденсы, использовавшие евангелические принципы, прославляли бедность и осуждали богатство, проповедовали раннехристианские идеалы; выступали против богатой церкви и ее иерархии (см. ч. III, гл. 5). В Южной Франции обе ереси рассматривались как единая ересь альбигойцев (см. выше).

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН В XIV—XV вв.

Одним из наиболее существенных явлений в экономике Западного Средиземноморья было возникновение и все более укореняющееся развитие в передовых городах Северной и Средней Италии «зачатков капиталистического производства» [3], в первую очередь в сукноделии и шелкоткачестве, но также в горнорудной промышленности и судостроении.

В XIV в. мануфактуры с широким применением наемной рабочей силы и значительным разделением труда возникли в текстильном деле во Флоренции, Сиене, Милане, Болонье, в судостроении — в Венеции и Генуе. В 30-е годы во Флоренции существовало от 200 до 300 сравнительно крупных суконодельческих мастерских, которые производили ежегодно не менее 1600 тыс. метров дорогого тонкого сукна. На операциях по обработке шерсти было занято около 30 тыс. человек, несколько тысяч занимались окраской и отделкой грубых чужеземных сукон. Каждый рабочий выполнял отдельную производственную операцию (в мастерской суконщика их насчитывалось 20—25) [4].

В 30-х годах XIV в. население Флоренции достигало 120—125 тыс. человек. Признаки постепенного сокращения промышленного производства проявились в той или иной мере к концу XV в. в ряде городов Северной и Центральной Италии, но в большей степени они затронули Тоскану и ее сукноделие. Однако не всегда закрытие тех или иных мастерских было признаком упадка отрасли.

В XV в. одновременно наблюдался подъем шелкоткацкого производства во Флоренции, Болонье, Лукке, Венеции и других городах. В 1472 г. во Флоренции было 83 шелкоткацких мастерских. В Ломбар-

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728.
[4] *Рутенбург В. И.* Очерк из истории раннего капитализма. Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951. С. 127 сл.

дии, Эмилии и других северных областях переживали подъем прежде небольшие торговые и промышленные городки и сельские местечки, где развивались и новые отрасли, например изготовление хлопчатобумажных тканей, причем обычно теперь уже вне цеховых рамок.

Цехи (и прежде всего Лана) в конце XV — начале XVI в. перерождаются в наследственные ассоциации. В синьориях ограничиваются политические права цехов. Заработная плата рабочих суконодельческих мастерских во Флоренции, Сиене и Прато в XIV в. была очень низка и еще урезывалась многочисленными штрафами. Она не обеспечивала прожиточного минимума для работника и его семьи. Статуты многих итальянских городов устанавливали максимум заработной платы как городских наемных работников, так и сельских тружеников. Наемные рабочие могли покинуть хозяина, только отработав аванс и предупредив его за 4 месяца. Для надзора за рабочими приглашались «чужеземные чиновники» (иногородние жители, считавшиеся беспристрастными, как и подеста), надсмотрщики-факторы и секретные осведомители [5].

Глубокие изменения переживали экономика и социальный строй итальянской деревни. Процессы имущественной дифференциации и поляризации в течение XIII—XV вв. зашли довольно далеко. В деревне городским землевладельцам, крупным феодалам, богатым крестьянам противостояли многочисленные обедневшие слои и обезземеленные крестьяне и жители пригородов, мигрировавшие в города в поисках работы. В округе Сиены уже к началу XIV в. (1320—1330 гг.) в руках 5,3% горожан оказалось 42,6% всех земель. Это были наиболее крупные магнатские семьи, тесно связанные с кредитно-ростовщическими и банковскими операциями [6]. По данным налоговой описи (кадастра) Флоренции, в 1427 г. только шести наиболее богатым семьям города принадлежало более 10% всего облагаемого имущества [7]. Такое же соотношение было и в других городах.

К исходу XV столетия преобладающей формой держания вместо либеллярного на землях горожан в этих областях страны — особенно на крупных земельных участках — подере стала испольщина, на них обычно велось поликультурное хозяйство. В пригородных районах была распространена аренда мелких участков — парцелл, засаженных обычно какой-либо одной доходной культурой. Испольщики — недавние мелкие собственники или наследственные держатели земли — вынуждены были теперь арендовать участки (чаще всего на 3—5 лет) при условии получения кредитов от собственников на покупку скота, семян, удобрений. Сравнительно невысокие урожаи (сам-5—6), необходимость выплаты долгов обусловливали их хроническую задолженность. Разнообразные и немалые «дополнительные дары» собственнику в виде нескольких десятков килограммов мяса, птицы, десятков, а то и сотен яиц, а также обязанность выполнять ряд дополнительных работ на участке по указанию собственника — все это также приводило к тому, что фактическое положение испольщика оказывалось значительно хуже, унизительней в личном плане, чем статус прежнего наследственного арендатора. В долине р. По с конца XV в. появилась и постепенно распространялась крупная аренда орошаемых лугов и пашни в целях производства сена и зерна на продажу, которая порой дополнялась сдачей в аренду скота. В этой аренде уже возникали элементы капиталистического предпринимательства с использованием наемного труда, рамки применения которого постепенно расширялись [8].

[5] *Рутенбург В. И.* Народные движения в городах Италии XIV — начала XV вв. Л., 1974; *Он же.* Италия и Европа накануне нового времени. М., 1958. С. 50 сл.
[6] *Cherubini G.* Signori, contadini, borghesi. Firenze, 1974. P. 247—249, 259, 302—303.
[7] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Les Toscanes et leurs familles. P., 1978. P. 251—252.
[8] *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. М., 1987. С. 92—179.

Таким образом, в экономике и социальной жизни общества в городе и деревне Италии происходила глубокая перестройка. На характер ее определенное воздействие оказали так называемые кризисные явления, затронувшие весь Запад Европы, которые начались в 20-х годах XIV в. и давали себя чувствовать до конца XV в. Им способствовали периодически повторявшиеся с 1348 г. эпидемии чумы («Черной смерти»), унесшие в Италии от 1/3 до 2/3 населения многих городов и селений. С 1300 по 1450 г. население Италии уменьшилось с 11 млн до 8 млн человек. С 1300 по 1400 г. средняя продолжительность жизни (40 лет) сократилась ровно наполовину и только к концу XV в. повысилась до 27 лет [9]. Пагубное воздействие эпидемий усугублялось следовавшими один за другим в 20—40-е годы XIV в. неурожаями. Естественным следствием такой ситуации был голод, жертвы которого пополняли список погибших от эпидемий. Эпидемии чумы, приведшие к гибели трети и более населения, нехватка рабочих рук в деревне, забрасывание пахотных земель имели место и на Пиренеях.

В Португалии феодалы стремились повысить крестьянские платежи, ограничивали торговую активность крестьян. Разбогатевшая крестьянская верхушка — кавлейру вилланос, смыкавшаяся с горожанами и феодалами, применяла в своих владениях наемный труд, устанавливала связи с рынком. Наемные работники зачастую были обязаны платежами личного характера. Феодалы участвовали в традиционных городских занятиях и заморской торговле сельскохозяйственными продуктами. Отсюда их заинтересованность в дальних морских экспедициях и захватах новых земель, проявившаяся уже в конце XV в. (см. т. III).

При всей их значимости кризисные явления тем не менее были преходящими, они не оказали решающего влияния на происходившие процессы. К тому же демографический спад проявлялся неравномерно в разных регионах, он не был ни единовременным, ни всеобщим. Уменьшение численности населения имело место прежде всего в крупных городах, где была велика скученность, подчас даже на довольно обширной территории в деревне. Однако запустения не были повсеместными. Часть забрасываемых земель использовалась под пастбища для скота. На другой их части насаждали интенсивные культуры: виноград, фруктовые деревья, оливы, разводили технические культуры.

* * *

В XIV—XV вв. на Апеннинах и Пиренеях происходило неуклонное ослабление общины как экономической и политической организации. Ее сила была подорвана ростом городского (в Италии), дворянского и церковного (в Испании) землевладения за счет присвоения общинных земель в результате покупок, кредитно-ростовщических операций, прямых захватов. Не менее важным был рост имущественной дифференциации среди общинников, частного присвоения богатыми соседями общинных земель. Прежние общинные земли в большинстве своем становятся объектом аренды. Одновременно изменяется и характер сельских поселений: все в большем количестве появляются отдельно стоящие хутора в окружении поликультурного поля. Такая форма поселений была показателем ослабления общинных связей, она же способствовала этому процессу.

В своем стремлении к господству над деревенской округой город продолжал интенсивно использовать сельскую коммуну: в Италии в XIV—XV вв. почти повсеместно на все сколько-нибудь значимые посты в ней назначались горожане, ее статуты составлялись и редактировались лишь при участии представителей городских должностных лиц. Наконец, наиболее действенным орудием подчинения городом общины или сельской

[9] *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch.* Op. cit. P. 168–200.

коммуны являлось взимание многочисленных постоянных и чрезвычайных, поимущественных и подворных налогов с ее жителей, требование регулярной доставки продовольствия на городской рынок, установление максимальных (обычно низких) цен, определение времени и места продажи крестьянами сельскохозяйственных продуктов, ограничение количества продуктов, продаваемых в одни руки.

В Кастилии в XIV—XV столетиях происходил упадок свободных бегетрий: ограничивалось их право менять сеньора по собственному усмотрению, становились постоянными прежде спорадические взносы в пользу сеньора, росли их размеры. Подчас по своему характеру они не отличались от тех, которые платили зависимые держатели — соларьегос. Размеры платежей, которые вносила сеньору та или иная бегетрия, фиксировались — вначале «Старым фуэро Кастилии» (XIII в.), а позднее — «Телячьей книгой бегетрий» (XIV в.).

Тем не менее само существование бегетрий (как и вольных городов — вилья), куда крестьянин мог уйти, являлось фактором, в той или иной степени препятствовавшим дальнейшему ухудшению положения крестьянства.

* * *

Тенденция к централизации возрастала на протяжении XIV—XV вв. и на Пиренейском полуострове, и на Апеннинском.

На юге Италии существовали две относительно централизованные монархии, в которых правили чужеземные династии — Неаполитанское королевство и королевство Сицилия (до 1422 г.). В северных и центральных областях страны (хотя там сохранялась политическая раздробленность) внутри городских республик тоже происходила консолидация, которая в конце XIII—XIV в. привела к образованию синьорий, во главе с единовластным правителем. Затем к XV в. здесь складываются своего рода территориальные княжества-принципаты. Эта эволюция политических форм соответствовала глубокой трансформации экономической и социальной структуры городских коммун и обострению в них социальных и классовых противоречий.

Ослабление богатой купеческо-ремесленной верхушки при упрочении позиций и росте могущества патрициата должно было закономерно привести к изменению и формы государственного управления: свое господство в создавшихся условиях эти слои могли обеспечить, лишь прибегнув к резкому ограничению круга лиц, допущенных к управлению. Однако средние, а частично и богатые пополаны не уступали свои позиции без боя. Поэтому новые синьоры вынуждены были лавировать, проводить ряд социальных и экономических мероприятий, чтобы привлечь на свою сторону более широкие слои пополанов, и даже сохранять до поры до времени ряд учреждений коммуны, хотя и все более ставя их под свой контроль. Так, во Флоренции в XV в. уже после прихода к власти синьоров из дома Медичи сохранялись все республиканские институты: синьория из 8 приоров, общий городской совет, прежние судебные инстанции. Козимо, основатель династии Медичи, будучи осторожным и хитрым политиком, вначале, после возвращения во Флоренцию из изгнания в 1434 г., не занимал в городе никаких постов и только в 1438 г. вошел в состав Комиссии десяти, к которой постепенно переходили верховные полномочия в государстве. Однако наиболее важные посты находились с 1434 г. в руках его сторонников. И все же прежние коммунальные институты все в большей степени становились номинальными. Во время правления внука Козимо — Лоренцо Великолепного (1469—1492), который славился устройством пышных празднеств, карнавалов, своим покровительством искусству (но в то же время и небывалым повышением налогового бремени), был создан Совет 70-ти, которому теперь подчинялись

все высшие государственные должности. Лоренцо лично руководил внешней политикой, его опора — уже не ополчение и не наемные отряды, а постоянная гвардия.

Исключительный рост налогов во время правления Лоренцо Великолепного, а затем его сына Пьетро, капитуляция Пьетро перед войсками французского короля Карла VIII во время Итальянских войн вызвали всеобщее недовольство. Его выразителем стал доминиканский монах одного из флорентийских монастырей Джироламо Савонарола. Он выступал против светской власти церкви, в частности папы, предвосхищая отчасти требования будущей Реформации, обличал богатство и ростовщичество. Его проповеди привлекали внимание широких народных масс. И хотя сам он был далек от призывов к восстанию, проповеди Савонаролы стимулировали в 1494 г. народное восстание против Медичи, в результате которого правитель Пьетро Медичи бежал и во Флоренции установилась республика во главе с Савонаролой. Он попытался провести ряд мероприятий в пользу торгово-ремесленных слоев и городской бедноты. Однако действовал он очень непоследовательно, чем вызвал недоверие и тех, и других. Вызывал недовольство и аскетический фанатизм Савонаролы — публичные сожжения по его приказу произведений искусства, музыкальных инструментов и т. п. В 1498 г. его свергли и казнили как еретика. Через несколько лет (в 1512 г.) Медичи вернулись во Флоренцию.

Быстрее, чем во Флоренции, единовластное правление — синьории — утвердились в других городах Северной и Средней Италии. Возникновение этой формы государства было шагом по пути к созданию в Италии регионального абсолютизма.

На Пиренейском полуострове продолжался процесс централизации. В 1422 г. король Арагона и Сицилии, одержав победу над Рене Анжуйским, королем Неаполитанским, присоединил также Неаполь, значительно усилив Арагонское королевство. Бракосочетание королевы Кастильской Изабеллы и короля Арагоно-Каталонского королевства Фердинанда в 1479 г. положило начало объединенному Испанскому королевству. Политическая уния не привела сразу к установлению единообразия законодательства, административных и судебных органов. Не были отменены фуэрос и другие пожалования и привилегии, действовавшие в каждом из королевств, не произошло слияния кортесов. Мало этого, кастильцы в Арагоне, арагонцы и каталонцы в Кастилии продолжали считаться иностранцами. Тем не менее вторая половина XV в. отмечена явными чертами своего рода переходного периода от сословной к абсолютной монархии. В 1492 г. был отвоеван Гранадский эмират — последнее мусульманское государство на Пиренеях. Этим была завершена Реконкиста. «Католические короли» (Фердинанд и Изабелла) предприняли энергичные меры по подавлению мятежей высшей знати как военным путем, так и законодательными мерами, несмотря на упорное и длительное сопротивление кортесов. В 1480 г. дворянам было запрещено присваивать себе некоторые привилегии, принадлежавшие исключительно королевской власти. Тем не менее главные привилегии знати — освобождение от налогов и податей, долговой тюрьмы и пытки — были оставлены неприкосновенными.

В городах продолжались междоусобицы между рыцарями, знатью и горожанами, а также столкновения муниципальных властей и королевских чиновников. Для «наведения порядка» короли ежегодно назначали в города специальных должностных лиц — коррехидоров, подчинявшихся королевским судьям-ревизорам. Во многих городах выборные должности стали замещаться пожизненно назначаемыми короной чиновниками. Короли предприняли попытку уничтожить автономный союз городов — эрмандаду. В противовес ей в 1476 г. было принято решение о создании

новой генеральной эрмандады с центром в Толедо, полномочия которой распространялись на Кастилию, Леон и Астурию. В состав эрмандады вошли и сеньоры. Главными ее функциями стали полицейские.

Все более ограничивалась сфера деятельности и влияния кортесов. Они созывались все реже: кастильские — 9 раз в 1475—1503 гг., а на протяжении десятилетия 1482—1492 гг., когда происходили отвоевание Гранады, открытие Америки, создание новой инквизиции и другие важные мероприятия, кортесы не созывались ни разу; число городских представителей в кортесах резко сократилось. Редакция постановлений кортесов поручалась теперь членам королевского совета.

С 80-х годов XV в. в королевском совете большинство мест заняли должностные лица короля, которые и решали все дела. Герцоги, графы, маркизы лишь присутствовали на заседаниях совета, но не имели права решающего голоса. Совет ведал административными, но все более и судебными делами по мере реорганизации местных судебных органов (аудиенсий). В конце XV в. были созданы такие органы, как высший совет инквизиции, совет духовно-рыцарских орденов, совет по делам Индий. Кастилия и Арагоно-Каталонская области имели свои отдельные советы. Были проведены меры по упорядочению и централизации королевских финансов, а также военная реформа: возрос контингент наемных войск, однако немалый вес сохраняли еще милиционные ополчения городов.

В соответствии с папской буллой 1478 г. и последующими постановлениями 1482—1499 гг. была учреждена испанская инквизиция — церковный суд, члены которого назначались папой с согласия короля. Он вошел в историю как особо жестокое судилище. Первоначально суд инквизиции ведал только делами еретиков, обращенных в христианство мусульман и евреев, а затем стал разбирать и дела, касающиеся всего населения страны. Страшные пытки, жестокие меры наказания — нередко вплоть до сожжения на костре — оставили в памяти потомков «деятельность» этого учреждения. Каннибальской жестокостью «прославился» уже первый генеральный инквизитор Торквемада.

* * *

Новые формы эксплуатации в раннекапиталистических мануфактурах в городах Италии вызвали и новые формы классовой борьбы: выступления наемных рабочих со своими специфическими программными требованиями. Первое стихийное выступление шерстобитов произошло в 1289 г. в Болонье. В 1345 г. во Флоренции чесальщик шерсти Чуто Брандини пытался создать союз наемных рабочих, за что был присужден к смертной казни.

Наемные рабочие сукнодельческих мастерских Перуджи в 1371 г. подожгли дома богатых пополанов и явились активной силой восстания, которое привело к падению правительства городской верхушки. Крупнейшим восстанием предпролетариата в Италии XIV в. и по существу первым в мире выступлением наемных рабочих было восстание чомпи (чесальщиков шерсти и других наемных рабочих) во Флоренции в 1378 г. 22 июня вооруженные отряды наемных рабочих и ремесленников младших цехов начали поджоги домов магнатов, что вынудило правительство «жирных пополанов» принять некоторые антимагнатские постановления. Но восставшие хотели добиться улучшения своего положения и политических прав. Одним из главных их требований было предоставление им четвертой части всех мест в правительственных органах (где они раньше не были представлены) и поста главы правительства — гонфалоньера справедливости. Поскольку политическими правами в городе пользовались только члены цеха, чомпи и другие наемные рабочие выдвигали требование о создании особого цеха наемных рабочих. 21 июля им уда-

лось после долгой борьбы занять дворец подеста, а 22 июля — дворец Синьории, из которого они изгнали правительство приоров. В число вновь избранных приоров вошли и чомпи, им, как и мелким ремесленникам, удалось также создать и свои особые цехи.

Но «жирные пополаны» сумели поставить на пост главы нового правительства своего ставленника, надсмотрщика в мастерской Микеле ди Ландо, который саботировал мероприятия восставших. Хозяева не открывали сукнодельческие мастерские, установили голодную блокаду города. Вынужденное решение правительства о повышении на 50% заработной платы чомпи не было выполнено. Близкий к чомпи хронист писал: «Жирный народ все делает для себя и подносит вам ко рту пустую ложку».

В августе в Камальдоли, на окраине Флоренции, чомпи во главе с Пьетро Чири, Лукой Мелани и Мео де Грасса решили создать собственное правительство — «Восемь святых божьего народа», которое разместилось в церкви Санта Мария Новелла. Вооруженный отряд чомпи направился к площади Синьории и осадил дворец. Приоры вынуждены были подчиняться власти «Восьми». Новое революционное правительство, избранное 29 августа, возглавил чесальщик шерсти Бартоло ди Якопо. Но Микеле ди Ландо обеспечил себе поддержку не только выдвинувших его «жирных пополанов», но и многих ремесленников, испугавшихся радикальных действий чомпи. 31 августа собранные Микеле цехи на площади Синьории беспощадно расправились с чомпи. 5 сентября на этой площади казнили вождей восстания — Доменико ди Туччо и Маттео Сальви.

В Риме в отсутствие пап, находившихся с 1309 по 1378 г. в Авиньоне, снова обострилась борьба горожан за расширение прав самоуправления городской коммуны, против феодальной знати. Во главе движения в 1347 г. стал нотариус, сын трактирщика и прачки Кола ди Риенцо; при поддержке горожан он захватил правительственные здания на Капитолии и объявил Рим народной республикой, а себя — «трибуном свободы, мира и справедливости». Тем самым папа был лишен светской власти. Кола вынудил баронов присягнуть на верность республике, запретил горожанам становиться их вассалами, сократил количество налогов, установил единство мер и призвал все итальянские города сплотиться вокруг Рима в единое государство (утопический план, неприемлемый для городских республик Италии, которые отказались подчиниться Риму). Однако Риенцо действовал непоследовательно. Он раздавал прощения мятежным баронам, правил единолично как диктатор, потеряв доверие простого народа. В конце 1347 г. власть феодалов была восстановлена, а Кола ди Риенцо бежал из Рима.

Выше уже отмечались социально-политические конфликты между сторонниками республики и режимом Синьории во Флоренции. Аналогичная борьба велась во многих других городах.

В XIV—XV столетиях произошли и крупные крестьянские восстания. Вся Италия — от крайнего северо-запада до юга — стала их ареной. Восстание Дольчино явилось одним из первых крупных крестьянских восстаний в Европе. Крестьянско-плебейская ересь здесь соединилась с восстанием. Дольчино в самом начале XIV в. развивал идеи секты апостольских братьев, основанной еще в 1260 г. монахом, в прошлом крестьянином в округе Пармы, Сегарелли.

Апостольские братья полагали, что эпоха, в которую они живут, переходная к тысячелетнему царству божию, цель которого — возвращение к истинным правилам жизни, завещанным Христом и апостолами. Считая, что на них возложена миссия слома старых и утверждения новых порядков, апостольские братья действовали активно и решительно, стремясь преобразовать прежде всего существующие отношения собственности. Они продавали свое имущество, раздавали бедным деньги и жили

милостыней, не работая и не имея собственного очага в соответствии с апостольскими идеалами. Однако в своих проповедях и действиях они пошли дальше обычных сектантских представлений о бедности и равенстве, потребовав, чтобы десятина вносилась не папской церкви, а им (возможно, что вся секта имела какое-то общее имущество). Дольчино предсказывал, что папа должен быть смещен, нищенствующие ордена и церковная иерархия подлежали уничтожению.

Активная позиция апостольских братьев, решительность их действий, популярность движения складывались и нарастали постепенно. Сегарелли, приговоренный вначале к пожизненному заключению, а затем сожженный на костре, имел в первое время лишь несколько сотен последователей, но к моменту его смерти одних только активных членов секты стало несколько тысяч. Вооруженное восстание крестьян развернулось в Пьемонте, его возглавил монах Дольчино. В его армии были выходцы из Фриуля, Пармы, даже Швейцарии и Германии, но основную часть составляли крестьяне Северо-Западной Италии. В начале 1304 г. Дольчино обосновался со своими сторонниками в нижнем течении Сезии, в 30—35 км от города Верчелли.

За короткое время число последователей Дольчино здесь выросло до нескольких тысяч человек. Испуганные движением местные правители — епископ Верчелли, маркизы Монферрато и Салуццо и др.— создали лигу для борьбы с ним и двинулись с большим войском против восставших. Сражение у Гаттинара 28 марта 1354 г. окончилось полной победой повстанцев, беспрепятственно действовавших с апреля по июль вокруг Верчелли. Однако в июле вновь созданному феодальному войску удалось потеснить восставших, которые двинулись в верховья Сезии. Папа Климент V объявил летом 1305 г. крестовый поход против повстанцев.

Восставшие укрепились на горе Парете Кальва, над долиной одного из притоков Сезии, и продержались в нем до конца зимы 1305/06 г., несмотря на то что снабжение всем необходимым этой отдаленной области было чрезвычайно затруднено и в лагере начался голод. Есть предположение, что в этих условиях осажденные ввели организованное распределение продуктов и одежды, коллективное пользование оружием и доспехами (т. е. на практике осуществили идею общности имущества). Оттесненные еще дальше повстанцы, голодные и истощенные, преодолев с невероятным мужеством перевал зимой, построили новый укрепленный лагерь на горе Цебелло и здесь продолжали одерживать победы над крестоносцами. Лишь в марте 1307 г. после многомесячной блокады и наступления вновь организованного феодального войска под предводительством епископа Райнерия лагерь повстанцев был взят в результате трехдневного штурма. Среди пленных оказались и руководители движения — Дольчино, его подруга Маргарита, Лонгино да Бергамо, которые были сожжены по приговору суда спустя три месяца после страшных пыток.

В конце XIV в. в районе, близком к действиям армии Дольчино, в округе Верчелли, в Канавезе (Северный Пьемонт), в части пьемонтско-савойских земель и в Южной Швейцарии произошло крупнейшее крестьянское восстание тукинов (от tuchin — лес, tuchinaggio — объединение или же, возможно, от tutti uno — на пьемонтском диалекте — все, как один). В 1386 г. в округе Турина восстание охватило десятки деревень. Его участники разрушали феодальные замки, убивали сеньоров. К началу 1387 г. они оказались в 10 км от Турина. Весной 1387 г. феодалы вместе с ополчениями ряда мелких городков нанесли тукинам поражение.

И тем не менее граф Савойский вынужден был пойти на некоторые уступки: в июле 1387 г. крестьяне семи деревень, принадлежавших враждебному графу роду Канавезе, получили освобождение от формарьяжа, мэнморта, произвольной тальи (повинности, символизировавшие личную

зависимость крестьян, неизвестные в других областях Италии), была сокращена барщина.

В 1347—1348 гг. в округе Флоренции земельные собственники обращались к городским приорам с жалобой на жителей контадо, арендаторов и наемных работников, которые устроили своего рода забастовку и заговор против горожан, призывая, чтобы никто не обрабатывал их земли и не жил в их домах в городе, не молол зерно на их мельницах и не вел торговлю с этими горожанами и их колонами, поощряя в то же время тех, кто будет разорять их земли и нанесет ущерб их урожаю [10].

Другие крестьянские восстания XIV—XV вв. имели отчетливо выраженную антиналоговую направленность, требовали снижения или отмены налогов, взимавшихся городом-государством. Главным требованием крестьян, восставших в Калабрии (Неаполитанское королевство) в 1459 г., была отмена поочагового налога — фоколерро. Летом число повстанцев под руководством Никколо Тосто достигло 20 тыс. человек. Крестьяне сжигали баронские замки, одержали несколько побед над войсками короля Ферранте I Арагонского. Восстание было подавлено с трудом.

В 1462 г. в округе Пьяченцы произошло крупное крестьянское восстание, направленное против высоких торговых пошлин и ограничений крестьянской торговли продовольствием, введенных миланским герцогом Франческо Сфорца (с 1448 г.— синьор города). Семитысячное крестьянское войско во главе с Бьянко Гранелло и Пелидзаро (Пелоджо), которого называли «крестьянским императором», подступило к Пьяченце, предъявив эти требования. Не дождавшись результата переговоров, крестьяне осадили резиденцию герцога, но поддерживавший их враг Сфорца — граф Ангвиссола со своими воинами покинул их в решающий момент, и восстание было подавлено.

В Каталонии вторая половина XV в.— время крупных крестьянских восстаний. Существование вплоть до XV в. наиболее тяжелых и унизительных «дурных обычаев», несомненно, являлось одной из существенных причин крестьянских выступлений. К ним добавились с середины XIV в. бедствия от неурожаев, многочисленных эпидемий. С XV в. начались волнения лично зависимых крестьян — ременсов в разных районах Каталонии. Они создавали союзы и собирали средства на выкуп «дурных обычаев» с разрешения короля. Наконец, с 1462 г. разразилось крупнейшее выступление крестьян, охватившее всю Каталонию. Толчком к выступлению послужил конфликт короля Арагонского Хуана II (в котором крестьяне видели своего заступника) с высшей знатью и его изгнание из страны. К ременсам примкнули и малоземельные свободные крестьяне и арендаторы. Во главе восставших крестьян встал мелкий дворянин Франсиско де Вернтальят, который не собирался отменять «дурные повинности» и ременсу, но стремился только вернуть Хуана II в страну. Крестьяне же восстали, чтобы добиться освобождения от личной зависимости (ременсы) путем санкционированного правительством выкупа. Знать и городская верхушка, испугавшись восстания и не будучи заинтересованными в выкупной операции, не поддержали крестьян. 14 февраля 1463 г. был издан декрет от имени отсутствовавшего короля, в котором утверждалось, что не существует королевских распоряжений о выкупе, и предписывалось крестьянам исправно выполнять обязанности.

Однако остановить движение было уже нельзя. На требования сеньоров или их агентов выполнять повинности крестьяне отвечали угрозами; появились вооруженные крестьянские отряды по 100 или даже 500 человек во главе с избранными предводителями. К маю 1463 г. крестьянское войско насчитывало уже 3 тыс. человек. Король Хуан II поддерживал

[10] *Rodolico N.* Il popolo minuto. Firenze, 1968. P. 61–64, 114–115.

контакт с крестьянскими предводителями. Но уже вначале среди восставших произошел раскол. Большая часть крестьян, справедливо не доверяя королю, в то же время поверила обещанию муниципалитета Барселоны отменить «дурные обычаи» и — более того — взять на себя уплату выкупной суммы сеньорам. Вернтальят же с частью крестьянского войска активно помогал Хуану II в борьбе с принципатом и Барселоной.

Борьба шла с переменным успехом и закончилась договором в октябре 1471 г., по которому Хуан II был признан королем при условии всеобщей амнистии и уважения вольностей принципата. Вернтальят за оказанные услуги получил титул виконта, звание члена королевского совета и земельные владения с зависимыми крестьянами. Кортесы, однако, подтвердили прежнее бесправное положение крестьян, обязанность их выплачивать сеньорам все повинности (в том числе и «дурные обычаи»). Таким образом, цели восстания не были достигнуты.

В 1484 г. оно разразилось снова. Вождем на этот раз стал ременс Пере Сала. В качестве цели восстания он провозгласил освобождение крестьян, но «как исполнение воли короля». Военные действия продолжались до начала 1486 г., восставшие заняли ряд важных центров, вступили даже в пригород Барселоны, но потом под натиском королевских войск вынуждены были отойти. Пере Сала был взят в плен, обезглавлен и четвертован, но восстание продолжалось. В апреле 1486 г. представители короля, сеньоров, духовенства, города Барселоны и крестьян заключили соглашение («Гваделупская сентенция»), по которому отменялись шесть «дурных обычаев», в частности личная ременса за выкуп, который крестьяне должны были заплатить в Барселонский банк. Уголовная сеньориальная юрисдикция была заменена королевской. Крестьяне могли уходить с мансов, уплатив все долги.

Крупные крестьянские восстания в начале XIV в. происходили и на Балеарских островах. Самое известное из них — восстание 1450—1451 гг., во время которого к крестьянам присоединилась и городская беднота.

Таким образом, в период развитого феодализма X—XV вв. в эволюции отдельных областей в регионе Западного Средиземноморья при всем своеобразии политического развития стран имелось много общих черт. Эти общие черты одновременно составляли его специфику по сравнению с другими регионами Европы.

Глава 4

ПОЗДНЯЯ ВИЗАНТИЯ (XIII — СЕРЕДИНА XV в.)

Захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. привел к распаду Византийской империи. Постепенно в хаосе феодальных княжеств выделились три центра греческой государственности: Никейская империя в северо-западном углу Малой Азии, Эпирское царство на Балканах и Трапезундская империя на земле древнего Понта, на южном берегу Черного моря. Латинянам так и не удалось завоевать всю территорию Византийского государства, и в течение всего кратковременного существования Латинской империи (1204—1261) они вели постоянную изнурительную борьбу с греками и болгарами.

Латинская империя (Романия) оказалась непрочным политическим образованием, раздираемым внутренними смутами и борьбой за престол. Первым латинским императором был провозглашен Балдуин Фландрский (1204—1205) — ставленник французских баронов, всячески третировав-

ший греков. Патриарший престол был передан католическому прелату венецианцу Томазо Морозини. Православная церковь подвергалась гонениям и должна была признать супрематию римского папы. На константинопольский престол, однако, претендовал еще самый влиятельный вождь Четвертого крестового похода Бонифаций Монферратский, который начал открытую борьбу против Балдуина Фландрского.

Пользуясь этими усобицами в Латинской империи, особенно усилилась Венеция. Латинская империя превратилась в конгломерат феодальных владений западных баронов и торговых факторий венецианцев. На территории империи возникли Фессалоникское царство в Македонии, Ахейское (Морейское) княжество на Пелопоннесе, Афино-Фиванское герцогство в Средней Греции. В руки венецианцев попали важные порты на побережье Мраморного и Эгейского морей, некоторые острова и опорные пункты на Пелопоннесе (Корон и Модон). Оба враждующих претендента на престол вскоре погибли в борьбе с болгарами. Престол занял Генрих Геннегауский (1206—1216), но феодальные усобицы не прекращались.

Завоевание крестоносцев привело к утверждению в захваченных ими областях Византии западных форм феодализма: росли вотчины феодалов, оформлялись вассальные отношения, фактически закрепощалось крестьянство, что засвидетельствовано таким важным памятником, как «Ассизы Романии». Система феодальной иерархии сложилась в завершенной форме: появилось сословие рыцарей, связанных клятвой верности со своим сюзереном, но совершенно чуждое местному населению. Оммаж и инвеститура по западному образцу устанавливали как поземельные, так и личные связи между сеньором и вассалом. Часть греческой феодальной знати пошла на соглашение с латинянами и влилась в ряды господствующего класса Романии, чтобы нашло отражение в «Морейской хронике».

В Латинской империи большим влиянием стало пользоваться католическое духовенство. В Морее появилось католическое монашество и духовно-рыцарские ордена. Греческое население отвергло католичество, отказалось платить десятину католическим прелатам, сохраняло свою веру, обряды и обычаи. Греческие священники не признавали целибат и вели постоянную борьбу против латинян. Латинское завоевание затормозило рост греческих городов: как в торговле, так и в ремесле преобладание получили итальянцы. Соперничество греческих и итальянских предпринимателей проходит красной нитью через всю общественную жизнь Латинской империи. Установление феодальной системы по западному образцу приводило нередко к двойному гнету греческих и франкских феодалов, что вызывало активное сопротивление народных масс. Городское население было недовольно своекорыстной политикой венецианцев, беспощадно подрывавших греческую торговлю и ремесло. Подлинному сближению франкских и местных феодалов препятствовала религиозная рознь. Все это объясняет, почему Латинская империя оказалась столь недолговечной.

Самым влиятельным и экономически устойчивым среди греческих государств, возникших на территории Византии, оказалась Никейская империя (1204—1261). в состав которой входили плодородные сельские местности и богатые города северо-западного региона Малой Азии — Никея, Нимфей, Смирна, Филадельфия. Основателем ее был первый никейский император, энергичный и умный правитель Феодор I Ласкарис (1206—1222). Ему удалось в короткий срок собрать в казну значительный фонд земель, что составило основу его могущества. Феодор I широко раздавал своим сторонникам эти земли в пронию — на условии несения военной и иной службы в пользу императора. Над прониями он сохранял верховное право собственности. Это способствовало консолидации феодалов

Богоматерь из Деисуса. Фетие Джами. Константинополь. Начало XIV в. Мозаика.

вокруг престола и укреплению военных сил империи. Интенсивно росло крупное феодальное землевладение и феодальная зависимость крестьян (парикия). Заметно сократилась численность свободного крестьянства. Города Никейской империи вступили в полосу временного процветания. Однако и здесь ощущалась конкуренция итальянских купцов.

Преемником Феодора I стал его зять Иоанн III Дука Ватац (1222—1254) — самый выдающийся деятель на никейском престоле. Удачливый полководец, значительно расширивший территорию никейского государства, рачительный хозяин, поднявший его экономику, Иоанн III вместе с тем был щедрым меценатом, покровителем наук и искусств, стремился к возрождению интереса к античности, к эллинской культуре предков. Пытаясь повысить доходы казны, он хорошо организовал домениальное хозяйство на императорских землях и в короткий срок добился их процветания. По словам современников, было достигнуто изобилие: амбары ломились от зерна, загоны были полны скотом, в имениях появились табуны коней и стада домашней птицы. Пример хозяйственных успехов императора нашел широкое применение и в вотчинах феодалов. В отношении городов Иоанн III вел протекционистскую политику, установил торговые пошлины на иностранные товары, в первую очередь на итальянские. Это, бесспорно, стимулировало дальнейший подъем малоазийских городов. Никейский император щедро осыпал дарами церковь, но

взамен потребовал полной покорности духовенства. Возросшие доходы помогли Иоанну III вести успешную борьбу на международной арене с латинянами и соперником Никеи Эпирским царством. В этот период вновь окрепло и свободное крестьянство. Преемником Иоанна III стал его сын Феодор II Ласкарис (1254—1258). Философ и писатель, сделавший очень много для превращения Никеи в один из главных культурных центров, Феодор II не был способен управлять государством и не смог добиться успехов на политической арене. Его заслуги целиком относятся к сфере культуры.

Соперником Никейской империи в борьбе за главенство среди греческих государств и за овладение Константинополем долгое время было Эпирское царство, занимавшее территорию от Коринфского залива до Диррахия. Это царство, то единое, то с двумя центрами — в Арте и Фессалонике, было одновременно местом взаимодействия общественных институтов. Там смешивались культурные влияния греков, латинян и местного балканского населения, в том числе славян. Нескончаемые усобицы и отсутствие единства предопределили поражение Эпирского царства в борьбе с Никеей.

Трапезундская империя (1204—1461) с самого начала обособилась как самостоятельная держава, ведущая независимую политику. Во главе этой империи встали внуки последнего византийского императора из дома Комнинов Андроника I — Алексей и Давид, принявшие титул Великих Комнинов. Создание Трапезундского государства произошло при помощи Грузии, переживавшей в правление царицы Тамар (1184—1213) значительный расцвет. Удаленная от главных центров на Средиземном и Эгейском морях, Трапезундская империя не смогла принять активного участия в борьбе с Никеей и Эпиром за отвоевание Константинополя у латинян. Расцвет империи Великих Комнинов относится к концу XIII — середине XV в.

Основной целью борьбы греческих государств против латинян было восстановление Византийской империи. Эта миссия выпала на долю выдающегося политического деятеля и смелого военачальника Михаила VIII Палеолога (1259—1282). Ставленник высшей феодальной знати Никеи, Михаил путем интриг захватил никейский престол, отстранив от власти, а позднее ослепив малолетнего сына Феодора II — Иоанна IV Ласкариса (1258—1261).

В 1261 г. Михаил VIII в результате удачного похода захватил Константинополь и восстановил Византийскую империю. Падение Латинской империи в 1261 г. было подготовлено длительной борьбой греческого народа за свою независимость. Михаилу VIII удалось восстановить Византийскую империю благодаря тому, что он сумел объединить всех противников латинского владычества — византийскую знать, духовенство, купечество. Искусный дипломат и хитрый политик, Михаил Палеолог использовал вражду венецианцев с генуэзцами и путем предоставления последним торговых привилегий приобрел поддержку генуэзского флота. Войска Михаила и генуэзский флот при активной помощи населения Константинополя атаковали город с суши и с моря и овладели столицей. Михаил стал основателем новой династии византийских императоров — династии Палеологов, которая с некоторыми перерывами царствовала до конца существования Византии.

Михаилу Палеологу досталось от латинян тяжелое наследие. Древняя столица империи представляла картину разорения и опустошения. В короткий срок был восстановлен из руин великий город, отремонтированы укрепления, отделаны дворцы и храмы. Были восстановлены торжественный церемониал и придворный этикет византийского императорского дворца. Св. София вновь стала центром православия. С огромной энергией правительство Михаила VIII стремилось возродить престиж Византии

как мировой державы. Однако территория империи резко сократилась по сравнению с эпохой Комнинов. Под властью Византии оставались лишь владения Никейской империи, часть Фракии и Македонии, Фессалоника с ближайшей округой, некоторые острова Архипелага и отдельные города на Пелопоннесе (Мистра, Монемвасия, Майна). Трапезундская империя и Эпирское царство сохранили самостоятельность. Византийской империи предстояло еще отвоевать у латинян важные области в Средней Греции и на Пелопоннесе. Север Фракии и Македонии находился в руках болгар и сербов. Венеция сохранила свое господство на значительной части островов Эгейского моря. На востоке византийские владения подвергались постоянным набегам турок.

Михаил VIII Палеолог совершил большую ошибку, недооценив турецкую опасность. Пренебрегая защитой восточных областей, он лишил привилегий пограничных воинов-акритов, земли их были обложены налогами, жалованье выплачивалось нерегулярно. Увеличились налоги и на крестьян Вифинии. В 1262 г. вспыхнуло вооруженное восстание вифинских акритов и малоазийских крестьян. Движение проходило под лозунгами защиты династии Ласкаридов против узурпатора Михаила Палеолога. Восстание приняло угрожающие для правительства размеры и было с трудом подавлено войсками императора.

Михаил Палеолог с присущей ему неукротимой энергией направил основные усилия на отвоевание византийских владений у латинян. В течение всего его царствования шли бесконечные войны с латинскими баронами. Однако латиняне нашли сильных союзников прежде всего в лице папского престола, ставившего своей целью восстановление Латинской империи и подчинение власти Рима схизматиков-греков. До крайности обострились отношения между Венецией и Генуей из-за господства на торговых путях в восточное Средиземноморье и в Черное море. Византии приходилось постоянно лавировать между враждующими торговыми республиками. При Михаиле VIII дело кончилось временным разрывом с Генуей и возобновлением союза с Венецией. Адриатическая республика помогла Византии в войне с герцогами Ахайи и Афин, в отвоевании части Пелопоннеса.

Однако вскоре у Михаила VIII на Западе появился новый, чрезвычайно опасный враг — младший брат французского короля Людовика IX Карл Анжуйский. Утвердившись в Южной Италии и на Сицилии, Карл Анжуйский распространял свое влияние в Западной Греции и на островах Архипелага. Он ставил целью захват Константинополя и восстановление под своей эгидой Латинской империи, готовился к походу на Константинополь в союзе с Венгрией, Кастилией, сербами и болгарами. Михаилу Палеологу удалось расколоть антивизантийскую коалицию. К борьбе против Карла Анжуйского был привлечен Педро Арагонский. В 1282 г. испанцы захватили Сицилию. После потери Сицилии Карл принужден был навсегда распроститься с планами захвата Византии.

Во время тяжелой борьбы с Карлом Анжуйским и различными коалициями западных держав Михаил Палеолог решился на примирение с главным врагом греков — папским престолом. Мир с папой был куплен, однако, дорогой ценой — заключением в 1274 г. в Лионе унии западной и восточной церквей, по которой греки признавали супрематию папы над всей христианской церковью. В обмен папа обещал Михаилу Палеологу помощь в борьбе с врагами. Но в Византии уния полностью провалилась, так как вызвала несокрушимое сопротивление монашества, духовенства, народных масс и части знати.

В одном из походов против латинян Центральной Греции в 1282 г. Михаил VIII умер. Новый император — его сын Андроник II Палеолог (1282—1328) — был во многом противоположностью отца. Любитель философии и литературы, широко образованный человек, он предпочитал

занятия наукой военным походам или политическим интригам. Во внешней политике он перешел к обороне. Тем временем на Востоке, воспользовавшись ослаблением Иконийского султаната Сельджукидов, Осман I Гази (1288—1326) основал новую династию турецких султанов. Объединенные под его властью турецкие племена стали называться турками-османами.

Осман I, энергичный и жестокий правитель, начал наступление на восточные владения Византии. К началу XIV в. почти вся Малая Азия была потеряна византийцами. В руках императора остались лишь города Никея, Никомидия, Брусса, Сарды, Филадельфия, Магнесия, Смирна. В 1302 г. Осман наголову разбил византийские войска при Никомидии. В обстановке крайней опасности Андроник II призвал на помощь против турок наемные войска каталонского авантюриста Рожера де Флора. Началась «каталонская кампания», которая принесла Византии разорение и невиданные бедствия. Каталонцы, хотя и одержали ряд побед над турками, грабили население в Малой Азии, а затем перешли в Грецию. Они разгромили в 1311 г. Фивано-Ахейское герцогство, и господство французов в Афинах и Фивах рухнуло навсегда. Однако Рожер де Флор в Центральной Греции создал Каталонское княжество, ставшее вассалом испанского Сицилийского королевства, которое просуществовало там около 80 лет и принесло много забот и тревог византийскому правительству. Но постепенно Византия укрепила свои позиции в Морее на Пелопоннесе.

При Андронике III Палеологе (1328—1341), внуке Андроника II, происходила дальнейшая консолидация византийских земель в Европе: к империи были присоединены Фессалия и Эпирское царство. С новыми трудностями Византия встретилась при сыне Андроника III — Иоанне V Палеологе (1341—1391). В малолетство нового правителя в империи разразилась настоящая гражданская война (1341—1355). В центре борьбы были столкновения двух враждующих партий господствующего класса. Одну из них возглавил регент при малолетнем Иоанне V — сильный, волевой, умный, честолюбивый вельможа Иоанн Кантакузин. Его социальной опорой была провинциальная знать, оппозиция же включала столичное чиновничество, торгово-предпринимательские слои городов. Во главе ее стоял выходец из средних слоев горожан Алексей Апокавк, сумевший привлечь на свою сторону народные массы. Движение вылилось в настоящее восстание в Адрианополе. Константинополь был в руках оппозиции и временщика Апокавка. Кантакузин опирался на армию в Дидимотике.

Впервые в истории Византии сложился, правда временный, союз городов с центральной властью в борьбе против крупной феодальной аристократии, что находит аналогии в Западной Европе в эпоху классического феодализма. Союз с городами и помощь широких народных масс принесли Апокавку временные успехи. Социальная и политическая борьба в империи тесно переплелась с идейно-религиозной борьбой между представителями мистического течения исихазма во главе с их вождем Григорием Паламой и умеренно рационалистическим направлением в богословии, возглавляемым калабрийцем Варлаамом. Исихасты поддержали Кантакузина, их противники остались на стороне законного императора Иоанна V Палеолога и его матери Анны Савойской. Гражданская война шла с крайним ожесточением; обе враждующие партии, не считаясь с интересами греческого населения, призывали на помощь то сербов Стефана Душана (1331—1355), то болгар Ивана Александра (1331—1371), то турок-сельджуков, а затем и турок-османов, что было чревато особенно опасными последствиями для империи. Кровопролитная борьба закончилась победой Кантакузина, который в 1347 г. узурпировал императорский престол.

Новый правитель сперва повел весьма осторожную политику. Он сделал Иоанна V своим соправителем и выдал замуж за него свою дочь

Елену. Видимость примирения была достигнута. К власти пришла высшая феодальная аристократия империи. В течение всего царствования Иоанн VI Кантакузин (1347—1354) вел войны со Стефаном Душаном, который захватил ряд византийских территорий, с генуэзцами и, наконец, с турками. Страна была разорена, а императорская казна пуста. Турки укрепились в европейской части империи, захватив город Галлиполи, который стал их опорным пунктом для дальнейшего продвижения в Европе. Малая Азия была потеряна Византией еще раньше; в 1331 г. турками были захвачены город и крепость Никея. Военные неудачи, уступки туркам, покровительство феодальной знати и исихастам ослабили позиции Кантакузина, обеспечили победу законному императору Иоанну V Палеологу. В 1354 г. Иоанн V при поддержке горожан и населения Константинополя сверг Кантакузина, который отрекся от престола и стал монахом. Итоги гражданских войн и усобиц для Византии были плачевными: в западных областях империи господствовали сербы, на островах — генуэзцы и венецианцы, восточные провинции были завоеваны турками.

При Палеологах Византийская империя вступила в последний период своего существования, который характеризуется господством феодального строя и началом его разложения. В сфере аграрных отношений окончательно складывается феодальная вотчина, огражденная от притязаний государства рядом привилегий. Бывшие пронии, пожалованные на условиях несения службы государю, теперь в широких масштабах превращаются в наследственные вотчины, сходные с западноевропейскими феодами или ленами. Расширяются иммунитетные права феодалов: экскуссия теперь включает не только фискальные привилегии, но и судебные и административные права по отношению к зависимому населению феодальных вотчин. Государственная власть, ослабевшая в поздней Византии, уже не была способна достаточно эффективно контролировать рост земельных владений и число париков в имениях феодалов.

Формирование феодально-зависимого крестьянства как единого класса в Византии, однако, несколько затянулось по сравнению с аналогичным процессом в Западной Европе. И в поздней Византии поражает пестрота упоминаемых в источниках категорий феодально-зависимых крестьян. Наряду с основной категорией зависимых крестьян-париков здесь встречаются так называемые «свободные» (элевтеры), крестьяне-присельники, чужаки, «неизвестные казне лица». Большинство их было беглыми париками, покинувшими свои прежние места жительства и в связи с бесконечными войнами искавшими спасения в имениях крупных феодалов. Как правило, они не были внесены в кадастры — налоговые списки — и не платили подати государству. Постепенно они попадали в феодальную зависимость от феодалов. Во владениях крупных вотчинников было много дворовой челяди, часть домениальных земель сдавалась в аренду крестьянам-испольщикам. В имениях встречались среди челяди даже рабы. Правда, такие категории зависимых, как дулевты и дулопарики, происхождение которых было генетически связано с рабскими формами эксплуатации, в поздней Византии исчезают. Зато сохраняется, хотя и в незначительных масштабах и преимущественно в горных районах Пелопоннеса, Эпира и Малой Азии, свободное крестьянство и сельская община.

В отличие от стран Западной Европы в Византии наряду с частновладельческой феодальной рентой до конца существования империи сохранялись государственные налоги, которые платили и государственные крестьяне, и частновладельческие парики, и крестьяне-общинники. Однако динамика развития шла в сторону увеличения частно-сеньориальной феодальной ренты. Начало кризиса феодализма, хронологически совпавшее с последним периодом исторической жизни Византии, было ознаменовано повышением товарности вотчинного хозяйства феодалов, возрастанием удельного веса денежной ренты и появлением в деревне такой

новой фигуры, как арендатор-предприниматель, снимавший в долгосрочную аренду землю феодального собственника и возделывавший ее с помощью субарендаторов. В сфере аграрных отношений Византия была близка к зарождению раннекапиталистических форм хозяйства, однако в отличие от Западной Европы она так и не перешла этот рубеж.

В поздней Византии в экономической жизни городов наблюдались черты как подъема, так и упадка. Некоторые провинциальные города, особенно Фессалоника, Мистра, Патры, Коринф, оставались центрами ремесла и торговли. Богатым городом-эмпорием был Трапезунд. Наступившая децентрализация Византии не была сопряжена с общим упадком хозяйственной жизни провинциальных городов. Они сохраняли значение центров активной торговли местными продуктами и отчасти ремесленными изделиями. Освобождение от стеснительной и мелочной опеки центральной администрации, ее жесткого фискального контроля создавали благоприятные возможности для развития крупных городских центров новых греческих государств и государств Латинской Романии, например Трапезунда, Никеи, Патр и др. Вместе с тем и сам Константинополь со второй половины XIII в. и до 1453 г. оставался важным пунктом международной транзитной торговли, а его значение как торгового центра в масштабах Черного и Эгейского морей даже возрастало. Городское ремесло было ориентировано прежде всего на удовлетворение потребностей местного рынка в товарах широкого спроса, а не на сбыт за рубеж. Но Константинополь, Фессалоника, города Фракии и Македонии, Западного Причерноморья экспортировали на запад зерно и были также рынками для итальянских товаров, в частности шерстяных и полотняных тканей.

В XIII — начале XV в. постепенно возрастает активность греческого купечества в транзитной торговле. Состав этого купечества отличался пестротой, но с середины XIV в. усилилась роль крупных предпринимателей, располагавших довольно значительными капиталами. В торговле принимала участие и византийская феодальная знать, продававшая, нередко непосредственно итальянцам, продукцию собственного домена и вкладывавшая средства, получаемые от феодальной ренты, в коммерцию.

С конца XIII в. постепенно росла кооперация византийского купечества с итальянским. В условиях, когда венецианцы и генуэзцы контролировали основные рынки Восточного Средиземноморья, греческие купцы становились лишь их младшими партнерами. Однако создание греческих торговых обществ с достаточно значительными капиталами, рост вложений в торговлю, создание греческих банков — все это свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений в городах Византии. Оно приводило к усилению поляризации городского населения, складыванию все более зажиточной патрицианской верхушки из крупных предпринимателей и феодалов, с одной стороны, и обедневших масс ремесленников и мелких торговцев — с другой. Однако если сравнивать экономику византийских и итальянских городов XIV — середины XV в., то преимущество остается бесспорно на стороне торговых республик Италии.

Ремесло в городах поздней Византии так и не достигло мануфактурной стадии развития. Византийское ремесло не было в состоянии выдержать конкуренцию итальянцев главным образом потому, что расцвет мануфактур в Италии того времени обеспечил решающее превосходство итальянского ремесленного производства над византийским. Включение Византии в единую средиземноморскую торговую систему, концентрация капиталов, наличие значительного рынка дешевой рабочей силы создавали, однако, предпосылки для начала процесса первоначального накопления капитала в византийских городах. Но этот процесс тормозился узостью производственной базы и отсутствием мануфактур, переливом капиталов за границу, недостатком сырьевых ресурсов, неравномерностью

развития различных областей Византии, ростом военной опасности, засильем в экономике и управлении городов феодальных элементов.

Византийские торгово-ремесленные корпорации с течением времени все острее стали ощущать государственную регламентацию, сковывающую их инициативу. Взращенное в условиях исключительной привилегированности, византийское ремесло, потеряв в поздней Византии поддержку ослабевшего государства и лишившись прежнего обеспеченного спроса императорского двора и знати, уже не могло соперничать с процветающим итальянским ремесленным производством. С XII в. византийские торгово-ремесленные корпорации приходят в упадок, а в XIII—XIV вв. многие из них исчезают.

В поздней Византии в отличие от Западной Европы городское торгово-ремесленное население так и не консолидировалось в сплоченное и влиятельное сословие горожан, которое могло бы противостоять наступлению феодалов и отстоять свою независимость от них. Византийское правительство постоянно стремилось внести раскол в среду городского населения, а феодалы захватывали в свои руки не только экономические позиции, но и политическую власть в городах. Они скупали городские земли, заменяли труд свободных ремесленников трудом феодально-зависимых париков, подчиняли себе управление городами. Западноевропейские же цехи, возникнув позднее, чем византийские корпорации, развивались более интенсивно и не только стимулировали подъем ремесла и торговли, но и помогали политическому сплочению торгово-ремесленного населения городов. А с ростом богатства и политического влияния сословия горожан на Западе расцвел яркий цветок автономных городских коммун (см. ч. II, гл. 1—3).

Однако и в Византии в XIV в. развертывается борьба горожан за свои привилегии и свободы. Кульминационным моментом этой борьбы стала Фессалоникийская республика зилотов (1342—1349) в городе Фессалонике — богатом торгово-ремесленном центре, сохранявшем в XIV в. известную экономическую самостоятельность. Видное место в его экономике занимала транзитная торговля со странами Восточного Средиземноморья и торговля хлебом. Славилась Фессалоника и высоким уровнем развития различных ремесел. Византийские писатели называли Фессалонику «вторым оком империи». Однако политическая власть в Фессалонике, впрочем, как и в других городах Византии, сосредоточивалась в руках феодалов и духовенства. Оттесненные от власти торгово-ремесленные круги давно вели подспудную борьбу за привилегии и самоуправление городов. Особую силу это движение приобрело в столь богатом городе, как Фессалоника.

В 1342 г., воспользовавшись ослаблением центральной власти в связи с гражданской войной (см. выше), горожане Фессалоники подняли вооруженное восстание и провозгласили свой город республикой. Современники прекрасно сознавали особый характер этого государства. По словам Никифора Григоры, «оно было до сих пор небывалой властью черни, которая сложилась сама собой». Во главе восстания стояла партия так называемых зилотов («ревнителей»), организовавшая оборону города. Социальный состав движения зилотов был весьма разнородным: в него входили богатые торговцы и предприниматели, широкие слои ремесленников и плебейские массы города, к ним примыкали мелкие вотчинники и крестьяне окрестных поселений. Восстание четко разделяется на два периода. В первый период (1342—1345) фактическую власть в городе захватили богатые горожане, городской патрициат, которые проводили умеренную политику. Требования более радикальной части зилотов не были выполнены. Более того, напуганные размахом народного движения, богатые горожане составили тайный заговор против зилотов. Заговор, однако, был раскрыт, и в городе в 1345 г. вспыхнуло новое, подлинно народное

восстание. Главную роль в нем играла городская беднота, плебейские массы, моряки. Смелые и талантливые вожди зилотов Андрей Палеолог и Георгий Кокала возглавили отряды восставших. Городская знать бежала в Акрополь, где была окружена, все участники заговора были перебиты, и власть перешла в руки победивших зилотов. В течение второго периода (1345—1349) правили Фессалоникой представители партии зилотов.

Зилоты и граждане Фессалоники являлись ярыми противниками Кантакузина, опиравшегося на крупных феодалов и главу исихастов Григория Паламу. В связи с обострившейся идейной борьбой зилоты особенно резко выступали против привилегий церкви и монашества. Церковь была лишена в Фессалонике административных и судебных прав, была отменена плата за исполнение религиозных обрядов. За свое короткое правление зилоты осуществили ряд демократических преобразований: частичную конфискацию земель феодалов и монастырей, ограничение их налоговых привилегий, освобождение населения от некоторых налогов, аннулирование долгов бедноты ростовщикам. Было укреплено городское самоуправление: все граждане города получили возможность участвовать в народных собраниях и выбирать должностных лиц.

Против республики зилотов объединились все силы реакции. Республика была окружена кольцом осады, феодалы призывали на помощь иноземцев — турок и сербов. Зилоты героически сопротивлялись, но силы были неравными, и Фессалоникийская республика пала.

Причинами поражения восстания зилотов — самого крупного социального движения в истории Византии — были отсутствие единства среди восставших и фактическая изоляция Фессалоникийской республики. Движение зилотов не было поддержано ни другими городами, ни крестьянством Македонии и Фессалии. Поражение восстания зилотов негативно сказалось на дальнейших судьбах византийского государства. Оно привело к ослаблению движения горожан по всей империи и к полному торжеству феодальной знати. В сфере правовых отношений и юриспруденции последний период истории Византии отмечен возрождением установлений греко-римского права. В этот период был создан обширный компендиум, почти целиком основанный на нормах греко-римской правовой науки, известный под названием «Шестикнижие законов». Он был составлен известным юристом из Фессалоники Константином Арменопулом. «Шестикнижие» Арменопула пользовалось большой популярностью в XIV—XV вв., оказывало воздействие на право стран Юго-Восточной Европы и получило признание на Западе.

Сохранявшееся еще в поздней Византии классическое римско-византийское право в известной мере препятствовало правовому оформлению условной иерархической феодальной собственности. А при сравнительно слабом вызревании элементов раннекапиталистического строя оно еще не могло быть применено для юридической санкции новых общественных отношений. В этом кроется причина того, на первый взгляд парадоксального, явления, что классическое римско-византийское право, основанное на частной собственности, получило импульсы качественно нового развития не в самой Византийской империи, а на почве Западной Европы, где более интенсивно зарождались раннекапиталистические отношения.

Последнее столетие истории Византии было наполнено драматическими событиями. Могущество грозного врага Византии — турок-османов росло из года в год. Политическая раздробленность, внутренние междоусобицы, враждебность соседних Балканских государств — Сербии, Болгарии, а также Венгрии, выжидательная позиция Запада делали положение Византии крайне опасным. Решающий удар империи был нанесен утверждением турок-османов в Европе. При смелом полководце и умном

правителе султане Мураде I (1362—1389) началось наступление османов во Фракии. В 1365 г. ими был захвачен важный форпост на Балканах Адрианополь, который новый султан превратил в свою резиденцию и столицу Османской державы Эдирне. Византия признала вассальную зависимость от султана и откупилась от новых набегов турок высокой данью.

В этой критической ситуации в Византии начались лихорадочные поиски союзников. Спасение от турок император и многие латинофилы видели лишь в помощи Запада. Бесплодные просьбы о помощи не принесли желаемых результатов. Тогда, впервые в истории Византии, император Иоанн V Палеолог в 1366 г. покинул свою столицу и поехал на Запад — сперва к венгерскому королю, позднее к папе Урбану V в Италию. Под давлением папства император в 1369 г. принял католичество, но помощи так и не получил. Между тем турецкие войска продвигались в глубь Балканского полуострова и стали громить своих врагов поодиночке.

В 1371 г. они разгромили сербов на р. Марице, затем захватили болгарские города Серры, Софию, Ниш, а в 1389 г. нанесли сокрушительное поражение соединенным сербским и боснийским войскам на Косовом поле, после которого завоевание турками Балканского полуострова было лишь делом времени. В те суровые для Византии годы во главе Византии и Османской державы стояли правители, во всем отличавшиеся друг от друга. Доброму, мягкому, увлеченному наукой и философией, немного легкомысленному Мануилу II Палеологу (1391—1425) противостоял турецкий султан Баязид I Йылдырым («Молния»), отличавшийся неукротимой жаждой власти, безмерной жестокостью и выдающейся личной храбростью. Баязид завершил завоевание всей Малой Азии, к 1392 г. закончил захват Македонии, в 1393 г. взял столицу Болгарии Тырново, где победители учинили беспощадную резню мирного населения. В 1394 г. султан завладел вторым по величине и богатству городом Византии — Фессалоникой. Дорога на столицу туркам была открыта. Семь лет они держали Константинополь в осаде, в столице начались голод и болезни. Продолжались вторжения турок в Фессалию и Грецию, отдельные набеги они совершали и на последний оплот греков — Морею.

Напуганные успехами османов, западные державы под эгидой папства организовали в 1396 г. крестовый поход против турок во главе с венгерским королем Сигизмундом. В Никопольском сражении на Дунае многочисленное крестоносное войско, собравшее под свои знамена цвет рыцарства Венгрии, Чехии, Германии, Польши и Франции, было наголову разбито армией Баязида. Около десяти тысяч рыцарей попало в плен к туркам, остальные пали на поле битвы. Мануил II Палеолог вновь обратился за помощью к Западу. Для этого он совершил поездку в Италию, Францию и Англию, затянувшуюся на несколько лет. Всюду ему был оказан почетный прием, всюду ему расточались щедрые обещания, но никакой реальной помощи он так и не получил.

Спасение Византии неожиданно пришло с Востока. В 1402 г. при Анкире (Анкаре) войска турецкого султана Баязида I были полностью разгромлены новым завоевателем Тимуром (Тамерланом). Битва при Анкире отсрочила гибель Византии еще на половину столетия.

Преемник Мануила II Иоанн VIII Палеолог (1425—1448) еще раз попытался пойти на сближение с Западом. Однако римский престол выдвинул непременным условием помощи Византии заключение унии православной и католической церквей. На Ферраро-Флорентийском соборе (1438—1439) после длительной и острой полемики по догматическим вопросам уния была заключена. Победа латинян, которым помогали латинофилы-греки, в частности Виссарион Никейский, была полной, а условия унии для греков были весьма унизительны. Однако Византия и на этот раз, как и прежде, не получила никакой реальной помощи. А уния в Ви-

зантии вызвала острейшие столкновения униатов и их противников — ортодоксов и фактически опять провалилась.

При воинственном султане Мураде II (1421—1451) турецкий натиск продолжался. Европейские народы, сознавая общую опасность, в 1443—1444 гг. предприняли новый крестовый поход против турок. Во главе огромного крестоносного войска встал король Польши и Венгрии Владислав III Ягеллон. Союзниками Владислава выступили прославленный герой венгерского народа Янош Хуньяди и сербское ополчение. Первоначально они действовали успешно и одержали несколько побед над турками в Болгарии и во Фракии. Но в 1444 г. в битве при Варне крестоносные войска были разгромлены огромной армией Мурада II и почти полностью уничтожены. Сам Владислав III пал на поле боя, его участь разделил цвет крестоносного ополчения. Турки торжествовали победу и начали готовиться к решающему наступлению на Византию.

Последний византийский император Константин XI Палеолог Драгаш (1449—1453), бывший деспот Мореи, готовился к смертельной схватке с коварным и грозным врагом — султаном Мехмедом II Фатихом («Завоевателем») (1451—1481). Оба правителя были незаурядными людьми. Константин XI — умный и храбрый, больше воин, чем политик, понимал грозящую империи опасность и деятельно взялся за укрепление великого города, ожидая длительной осады. Мехмед II — один из самых выдающихся турецких султанов, натура неукротимая и волевая, сочетал необузданное властолюбие с беспощадной жестокостью. Ближайшей целью Мехмеда стало уничтожение государства ромеев. Для этого прежде всего необходимо было захватить Константинополь, что было задачей не легкой.

Заключив перемирие с императором, Мехмед II , как «волк, прикрывшись шкурой ягненка», старался усыпить бдительность греков и обеспечить свои тылы. Первым делом султана была постройка вблизи Константинополя крепостей: на европейском берегу Босфора — Румели-Хиссар и на азиатском — Анатоли-Хиссар. Обе мощные крепости были вооружены артиллерией, которую стали применять турки, и сильными турецкими гарнизонами. Решительный шаг к установлению блокады Константинополя был сделан.

В этот критический момент внутри Константинополя вновь начались распри между униатами и антиуниатами. В столицу державы ромеев приехал папский легат грек-ренегат кардинал Исидор. С ним прибыл на помощь грекам небольшой отряд наемников. Но взамен этого Исидор опять потребовал заключения унии. Византийское правительство в декабре 1452 г. было вынуждено принять это предложение. Принятие унии вызвало в городе народные беспорядки, разжигаемые главой ортодоксальной партии Георгием Схоларием, будущим первым греческим патриархом при турках Геннадием. Он провозгласил призыв к народу: «Не надо нам ни помощи латинян, ни единения с ними!» Его поддержали духовенство, народ и особенно монашество. Одновременно среди части столичной знати, разочарованной неудачами и недовольной правительством, росли туркофильские настроения. Командующий византийским флотом знатный вельможа Лука Нотара — враг унии, по свидетельству современников, публично бросил крылатую фразу: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару!» Слова эти оказались пророческими, и сам Лука Нотара вскоре узнал весь ужас турецкого завоевания. Раскол внутри господствующего класса пагубно сказался на судьбах империи. На Западе же по существу шел спор о византийском наследстве и строились планы захвата обреченной Византии.

Из западных держав наиболее решительно действовали генуэзцы. Еще до начала осады в столицу империи прибыл на двух галерах военный отряд из 700 генуэзцев под командованием храброго кондотьера Джованни Джустиниани по прозвищу Лонг («Длинный»). Позднее из Венеции

приплыли еще два военных корабля под командованием Моросини. Константин XI возлагал большие надежды на помощь греков Мореи, но распри его братьев Димитрия и Фомы помешали этому.

Зима 1452/53 г. прошла в военных приготовлениях с обеих сторон. Мехмед II с большой энергией готовил артиллерию, обдумывал план осады, собрал огромное войско из 150—200 тыс. воинов. Созданная Мехмедом II артиллерия не имела себе равных в Европе. Однако флот турок уступал морским силам греков и итальянцев, умелых мореходов, да еще располагавших таким техническим преимуществом, как греческий огонь.

В начале апреля 1453 г. кольцо турецкой осады охватило древнюю столицу Византии и с суши, и с моря. Турецкая эскадра вошла в Мраморное море и заперла византийско-итальянский флот в Золотом Роге. Константин XI мог противопоставить огромному войску турок лишь небольшой гарнизон да отряды итальянских наемников. Началась осада Константинополя, которая длилась около двух месяцев. Несмотря на превосходство сил, турки длительное время терпели неудачи. Особенно большого успеха греки достигли на море. С острова Хиос к ним подошла эскадра из четырех генуэзских и одного византийского корабля, которые везли войска и продовольствие в осажденный город. Перед входом в Золотой Рог эта маленькая эскадра приняла неравный бой с турецким флотом из 150 кораблей и одержала блестящую победу на глазах у осажденных, столпившихся на стенах города. Турецкие корабли были сожжены «греческим огнем», а осажденные быстро сняли тяжелую железную цепь, преграждавшую вход в Золотой Рог, и победоносная эскадра благополучно вошла в гавань. Гнев султана был столь велик, что он собственноручно избил золотым жезлом командира турецкого флота, болгарина-ренегата Палада-оглу, отрешил его от должности, а все имущество неудачливого флотоводца отдал янычарам.

Мехмед поставил задачей во что бы то ни стало переправить турецкий флот в гавань Золотого Рога. В ночь на 22 апреля турки, согнав множество народа, соорудили деревянный настил протяженностью в несколько километров от залива св. Устья до Золотого Рога. На этот настил, густо смазанный бычьим салом, были поставлены турецкие корабли. С распущенными парусами, при звуке труб, грохоте барабанов и пении воинственных песен турки за одну ночь перетащили свои корабли по суше в Золотой Рог. Велик был ужас защитников и жителей Константинополя, когда на другой день они увидели в гавани Золотого Рога 80 турецких кораблей. Попытка греков сжечь эти корабли успеха не имела. Турки построили в Золотом Роге плавучий помост, с которого стали обстреливать артиллерией как корабли, находившиеся в гавани, так и стены города. Это было тяжелым ударом для осажденных. Обстрелы турецкой артиллерии, полная блокада, голод и болезни, и особенно предательская позиция генуэзцев Галаты, начавших тайные переговоры с султаном, резко ухудшили положение осажденных. В ряды защитников города, в частности итальянских наемников и пролатински настроенной знати, проникла измена. Смута и волнения потрясали осажденный город.

Решительный штурм города произошел 29 мая 1453 г. На рассвете лавина турецких войск двинулась на приступ. Два часа продолжалась кровопролитная схватка. Защитники города и его жители проявили огромное мужество, они сжигали осадные машины неприятеля, бросая на них со стен греческий огонь. Турецкие войска несли огромные потери. Однако силы были неравны, в то время как горстка защитников таяла на глазах, к стенам Константинополя, подобно волнам прилива, прибывали все новые и новые отряды турок. Командир итальянских наемников Джованни Джустиниани, раненный в бою, покинул стены, сел на корабль и отправился в Галату. Это вызвало замешательство в рядах итальянских наемников. В этот момент султан бросил в бой свою отборную гвардию

янычар. Они захватили крепостную башню и водрузили на ней турецкое знамя.

Турки ворвались в Константинополь, бои продолжались по всему городу. Император Константин XI Палеолог с горсткой храбрецов бросился, ища смерти, в самую гущу сражения. Он бился с мужеством отчаяния и погиб под ударами турецких ятаганов. Мехмед II повелел отрубить голову василевса и выставить ее на высокой колонне в центре завоеванного города. Три дня и три ночи длился страшный разгром Константинополя. Остатки византийских войск были перебиты, большинство жителей убито или захвачено в плен. Лишь итальянские моряки, захватив некоторых своих соотечественников, бежали на кораблях из города. Особенно много пленных было захвачено и перебито в храме св. Софии, где искали убежища жители Константинополя. По сообщениям историков, Мехмед II, торжествуя победу, въехал по трупам на белом коне в Св. Софию, дивился красоте храма и приказал превратить его в мечеть. Константинопольские дворцы и храмы, дома богатых жителей были разграблены, а часть их сожжена, прекрасные памятники искусства и ценные манускрипты погибли в пламени пожаров. По словам очевидцев, турки гнали из Константинополя десятки тысяч пленных и продавали их в рабство.

Некогда великий град Константинополь, Новый Рим на берегах Босфора, славившийся своей роскошью и блеском изысканной культуры, знавший мало соперников среди городов средневековой Европы, был охвачен пожарами и лежал в развалинах. Его гибель произвела потрясающее впечатление на многие страны и народы Европы. Армянский поэт Аракел Багешский так оплакивал в своих стихах гибель столицы державы ромеев:

Окружили тебя неверные и осквернили, Византия,
Стала посмешищем ты для соседей язычников, Византия,
Как виноградник роскошный, ты цвела, Византия,
Сегодня плод твой стал негодным, колючкой стал, Византия.

Судьбу столицы вскоре разделили Морея, острова Эгейского моря и, наконец, в 1461 г.— Трапезунд.

После разгрома Византии Турция превратилась в одну из могущественных держав средневекового мира, а захваченный Мехмедом II Константинополь стал столицей Османской империи — Истамбулом.

Гибель Византии была обусловлена как внутренними, так и внешними причинами. Упадок ее экономики, феодальные усобицы и религиозные распри, бесконечная борьба за власть — все это вызывало недовольство в стране, ухудшало положение народных масс. Неблагоприятной для Византии была и международная обстановка. Русское государство, Армения и Грузия, сочувствовавшие единоверной Византии, сами вели борьбу с различными врагами и не могли оказать ей помощь. Гибели Византийской державы способствовало и вероломное попустительство Запада, и постоянные столкновения со славянскими государствами Балканского полуострова, ослабившие перед лицом общего врага как Византию, так и славян.

Только после падения Византии ошеломленная Европа в какой-то мере осознала ту историческую роль, которую долгие годы играла эта страна в международной политике средневековья. Византийская империя, подобно Древней Руси, на протяжении столетий служила как бы барьером для Западной Европы, о который разбивались многочисленные войска тюркских и монгольских завоевателей, двигавшихся с Востока.

Турецкое завоевание имело, как известно, глубоко отрицательные последствия для подпавших под их власть народов Юго-Восточной Европы. Более того, утверждение турок на Балканах создало постоянную угрозу и для стран Западной Европы. Переход в руки турок торговых путей

через проливы в Черное море, а также торговых связей с Ближним и Дальним Востоком, нанесло чувствительный удар по европейской торговле. Это послужило одним из побудительных стимулов, заставивших европейцев искать новые торговые пути на Восток, в частности вокруг южной оконечности Африки.

Византия прошла трудный, но насыщенный яркими событиями общественной и культурной жизни тысячелетний исторический путь. Ей по праву принадлежит видное место в прогрессивном развитии Европы и всего средневекового мира.

Глава 5

СЛАВЯНО-БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН В XII—XV вв.[1]

Социально-экономическое развитие южнославянских земель с конца XII до конца XV в. характеризовалось в целом дальнейшим упрочением феодального строя. Типологические различия при этом между отмеченными выше (см. ч. I, гл. 6) зонами не только не уменьшились, но в ряде случаев еще больше углубились. Существенное значение в этом отношении имели отличия в политической истории разных южнославянских народов. Феодальные отношения восторжествовали на западнословенских землях ранее, чем у других южных славян (уже в X—XI вв.), и типологически оказались ближе к Центрально-Европейскому региону, поскольку с конца IX—X в. вошли в состав немецких государств (с конца X в.— в состав Германской империи). Тот же тип феодализма, но позднее (в XII в.), утвердился на восточнословенских территориях, захваченных в X в. венграми (см. ч. II, гл. 6). Классовое деление общества здесь совпадало с этническим: господствующий класс (феодалы в деревне и патрициат в городах) состоял из немцев, венгров, в Далмации — итальянцев.

Хронологически почти столь же рано, как у словенцев, феодализм достиг зрелых форм в Далматинской Хорватии; позднее (в XII в.) это произошло в Посавской Хорватии, вошедшей в состав королевства Венгрия в конце XI в.— несколько раньше образования объединенного Венгеро-Хорватского государства (1102 г.). В силу сохранения обеими частями Хорватии административной автономии в составе королевства Венгрия (ими управляли хорватские наместники короля — баны), а в отдельные периоды — обретения фактически полной независимости, хорватские феодалы не утратили своих классовых позиций. Развитие феодальных отношений в XII—XV вв. совершалось здесь также в формах, близких к тем, которые были присущи Центрально-Европейскому региону. Сливаясь с XIII в. в единый господствующий класс, венгерские и хорватские магнаты все более усиливали борьбу за свою политическую независимость от центральной власти. Ослаблением королевства воспользовалась Османская империя. В первой четверти XV в. бо́льшая часть хорватских земель, кроме приморских городов, оказалась под властью османов.

Ярким своеобразием по-прежнему, как и в VII—XI вв., отличалось развитие далматинских городов, которые после временного господства Венеции в XI в. попали с начала XII в. под протекторат королевства Венгрия (власть Венеции утвердилась здесь снова лишь в начале XV в.). Фактически эти города представляли собой самоуправляющиеся коммуны, в которых главенствовала патрицианская верхушка — нобили. Наи-

[1] Как и в первой части тома, в этот регион не включена Византийская империя, которая ввиду больших особенностей ее развития выделена в особый регион.

более характерна в этом отношении история города-республики Дубровника, который, хотя и уплачивал попеременно дань то Византии, то Венгрии, то Венеции, то османам, сохранялся как самостоятельное государство вплоть до начала XIX в. Сколь ни своеобразны были в далматинских городах формы социального и политического неравенства и эксплуатации нобилями низших разрядов ремесленников, рыбаков, матросов, наемных работников, эти города составляли в целом органический элемент европейской феодальной системы. Недаром здесь, как и в континентальных городах хорвато-словенского субрегиона, прослеживаются формы цеховой организации ремесла и торговли.

Сербские земли во второй половине XII — середине XV в., сохраняя в целом социально-экономическое единство, в котором феодализм оформился в XIII в., в государственно-политическом отношении и в отношении вероисповедания разделились на две части: собственно сербскую и боснийскую. Для обеих были характерны медленные темпы развития феодальных аграрно-правовых отношений и становления феодального города. Процесс обособления Боснии ясно обозначился еще в пределах Зетского сербского княжества. Когда оно распалось в начале XII в., Босния попала в вассальную зависимость от Венгрии, носившую порой, особенно во второй половине XIV в., чисто номинальный характер. Яркой спецификой Боснии в аграрном устройстве и государственно-политической системе являлись соответственно отсутствие церковно-монастырского землевладения и особая, патаренская, или бабунская (близкая по учению богомильской доктрине), церковь, не поддерживавшая связей с христианскими религиозными центрами. К концу существования Боснийского государства из него выделились земли прежних княжеств Хума и Травунии, составив особое княжество (Герцеговину). В 1463 г. почти вся Босния и часть Герцеговины были завоеваны османами.

В формах аграрного развития Сербии характерную особенность составило законодательное санкционирование государством («Законником Стефана Душана») в середине XIV в. статуса личной зависимости большинства крестьянства в стране — меропхов, в развитии ремесла (особенно горного дела) — проникновение пользовавшегося привилегиями иноземного (немецкого) элемента. В государственном устройстве Сербии — особенно во время правления Стефана Душана (1331—1355) — нашло отражение заметное византийское влияние. Феодальная раздробленность и здесь усугублялась вмешательством Венеции и королевства Венгрия, что и облегчило установление в середине XV в. османского владычества на всех сербских землях.

Что касается болгарских земель, то в социально-экономическом отношении эпоха существования Второго Болгарского царства (возникло в 1186 г.) представляет собой в целом период зрелого феодализма. Во время почти двухсотлетнего владычества Византии уровень развития феодальных отношений на болгарских землях сравнялся с их уровнем в Византии, а типологически структура феодального строя в Болгарии стала представлять (ко времени освобождения) его византийский вариант. Нараставшие постепенно в течение XIII—XIV вв. отличия между Болгарией и Византией оказались более ощутимыми в государственно-политическом устройстве и были обусловлены сохранением некоторых старых традиций болгарской государственности и особенностями развития страны в ту эпоху. В середине XIII в. Болгария навсегда потеряла свои населенные в основном болгарами юго-западные земли и часть западных и южных территорий, а к середине XIV в. распалась на фактически независимые друг от друга три государства.

Таким образом, территория южного славянства не может быть, даже отвлекаясь от особенностей далматинских городов, охарактеризована для конца XII—XV в. как полностью типологически единый регион. Опреде-

ленные черты сходства в социально-экономической и политической структуре общества, как и в VII—XII вв., ослабевали, причем теперь с еще большей интенсивностью, в направлении с востока на запад и северо-запад. Представляется возможным обозначить два субрегиона, северная и северо-западная граница между которыми проходила в зоне соприкосновения сербских и хорватских земель. Области к востоку и юго-востоку от этой границы, т. е. сербские и болгарские территории, тяготели в большей степени к византийскому типу феодализма и свойственной ему политической системе, а области, лежавшие к северо-западу от указанного рубежа, имели специфику, сближавшую их с Центральноевропейским регионом.

По сравнению с последним сербо-болгарскому (как и византийскому) ареалу в целом были присущи сравнительно более медленные темпы развития феодализма, бóльшая роль централизованной эксплуатации, длительное сохранение слоя свободного крестьянства, отсутствие вассально-ленной иерархической системы, замедленный процесс оформления сословий, относительная организационная и политическая слабость городского производительного населения, сосредоточение господствующего феодального класса преимущественно в городах, серьезное влияние на внутреннюю рыночную конъюнктуру в городе и на внешнюю торговлю усиливающейся товарности хозяйства крупной феодальной вотчины, почти одновременно проявившаяся в канун османского нашествия феодальная раздробленность. Все эти черты, характеризовавшие в феодальной Европе лишь определенный этап на пути развития феодализма, предварявший переход к его более высокой стадии и оформлению сословно-представительных монархий, были не просто законсервированы османским завоеванием — господство раннефеодальной Османской империи отбросило южнославянские народы назад, надолго лишив их возможностей самостоятельного развития.

В XIII—XIV вв. в Славяно-Балканском регионе, в северных областях полуострова, наметился субрегион, где в более раннее время еще господствовали родоплеменной строй и военная демократия. Начавшийся здесь в XIII в. активный процесс феодализации привел к возникновению в XIV в. феодальных государств — Дунайских княжеств Валахия и Молдавия. Уровень их развития отставал от южнославянских субрегионов и от королевства Венгрия, так что в XIV в. здесь большую, если не главную роль играла государственная эксплуатация крестьян.

Своим особым путем шло в эти же столетия Албанское княжество, возникшее в XIII—XIV вв. на западе Балканского полуострова в окружении югославянских государств. Там также феодальные отношения развивались замедленными темпами и очень неравномерно в разных районах.

Османское завоевание, обрушившееся на обе эти области Балкан в XV в., также задержало происходивший там процесс феодализации на уровне перехода от раннего к зрелому феодализму.

БОЛГАРИЯ В КОНЦЕ XII—XIV В.

Возрождение Болгарского государства, обозначаемого в историографии иначе как Второе Болгарское царство, произошло в результате освободительного восстания против Византии в 1186 г. под руководством двух братьев — местных боляр Федора (Петра) и Асеня. От власти империи освободились прежде всего северо-восточные болгарские земли, составлявшие с 1000 г. ее особую провинцию (фему) Паристрион (между Балканским хребтом и Дунаем). Начался последний этап в средневековой истории независимости Болгарии.

Несмотря на то что зрелые формы феодализма в его византийском варианте сложились на всех болгарских землях к середине XII в., еще в эпоху византийского господства, некоторые, сравнительно более существенные особенности были свойственны именно той территории, которая стала колыбелью и ядром Второго Болгарского царства. Ко времени восстания Асенидов эта специфика заключалась прежде всего в том, что здесь было менее распространено крупное феодальное землевладение, более широким являлся слой сохранившегося лично свободного налогообязанного крестьянства, отсутствовали (по крайней мере неизвестны по источникам) крупные частные владения собственно византийской (иноземной) светской и духовной знати. Однако именно в провинции Паристрион находились особенно обширные земли императорской короны, на которой она организовывала экстенсивные формы ведения хозяйства, в частности скотоводческого. Известно и о существовании здесь конных заводов императора, управление которыми — как особого рода служба — возлагалось на местных феодалов. Управителем таких заводов являлся и Асень непосредственно перед тем, как он возглавил восстание.

Установившиеся на болгарских землях и в деревне и в городе отношения вполне соответствовали той государственно-политической системе, которая вскоре после восстания конституировалась как Второе Болгарское царство. Оно возглавлялось болгарскими феодалами, которые выступали в качестве организаторов и руководителей народно-освободительной борьбы. В освобожденной стране сменился в этническом отношении прежде всего высший правящий социальный строй: от византийцев власть перешла к болгарской знати, которая, однако, не только не поступилась своими привилегиями, но еще более укрепила и расширила их. Особенно значительными последствия этого стали, когда территория Болгарии — примерно через 20 лет после основания нового государства — увеличилась почти вдвое, охватив и те земли к югу, западу и юго-западу от Балканского хребта, где располагалось немало владений византийской светской и духовной знати. За счет этих владений и императорского домена резко увеличился в Болгарии фонд земель новой династии Асенидов. Имения имперских феодалов, греческих церквей и монастырей также перешли к болгарским феодалам и к болгарскому духовенству. В 1018 г., когда Византия завладела Болгарией, масштабы крупного землевладения были еще ограниченными, и имения византийской знати возникали на болгарской земле постепенно, в течение длительного времени; теперь же, в результате установления болгарской власти, на освобожденных землях быстро складывались обширные имения боляр Болгарии. Перемены в жизни болгарского общества состояли, таким образом, не в изменении его социально-экономической структуры, а в смене высшего экономически, социально и политически господствующего слоя.

О том, что византийские формы аграрноправовых отношений остались господствующими и в новом Болгарском государстве, свидетельствует усвоенная болгарами византийская терминология, обозначавшая (иногда в староболгарском переводе) основные институты феодального строя: парики — зависимые крестьяне, ангарии — отработочные повинности, стась — крестьянское хозяйство, зевгарь — налоговое тягло, метох — филиал монастырского имения, эпирия — чрезвычайный сбор, дымнина (греч. капникон) — подворная подать, правины (греч. дикэа) — сельские угодья и т. п.

Как и в империи, усиление экзимированного (пользующегося налоговыми и административными льготами) частного феодального землевладения сопровождалось одновременно укреплением прав государя на земли сохранявшегося свободного крестьянства. Некоторые косвенные данные

свидетельствуют о существовании пронии не только в Западной и Юго-Западной Болгарии (данных об этом немало) в канун восстания 1186 г., но и в Северо-Восточной: Петр и Асень требовали у императора пожаловать им деревню в балканском горном крае и одновременно зачислить их в войско, и отказ императора братья использовали как предлог для начала восстания. Допустить, что Асениды, воцарившись, ликвидировали условное военное держание от короны, во всяком случае в возвращенных Болгарией западных и юго-западных землях, представляется едва ли возможным. Установлено, что прония — с некоторыми вариантами — сохранилась и после распада Византии в 1204 г. на всех территориях, ранее входивших в состав империи. Развитие пронии на Балканах в XIII—XIV вв. находилось в русле основных процессов эволюции феодализма. В ее утверждении была заинтересована центральная власть, в особенности в период чрезвычайного обострения межгосударственных отношений на Балканах в XIII—XIV вв. Распространение же пронии, как упоминалось, означало прежде всего закабаление остатков свободного крестьянства.

Размеры феодальных имений в Болгарии в тот период значительно увеличились; господский домен обычно в несколько раз превышал крестьянские держания. Феодалы все решительнее расширяли собственную запашку, особенно на востоке страны, увеличивая отработочную ренту в связи с повышением товарности вотчинного хозяйства, как земледельческого, так и скотоводческого. Крупные феодалы поставляли во все более значительных размерах на внутренний, но главным образом на внешний рынок зерно, вино, лен, солонину, скот, шкуры, шерсть, мед, воск и т. п. Происходило также повышение денежной и продуктовой ренты. Соотношение всех видов рент на разных этапах в ходе XIII—XIV вв. не поддается, однако, определению по сохранившимся сведениям. Предполагают, что в западных районах большое значение имела денежная рента, а в восточных, где быстро росло товарное зерновое хозяйство,— отработочная.

Крупные феодальные владения, располагавшие широкими иммунитетными привилегиями на западе и юго-западе страны еще в 1186 г. и превратившиеся фактически в мало зависимые от центра княжества, сохранили свое привилегированное положение и в составе государства Асенидов. Господа этих владений обладали крепостями и собственными военными отрядами, издавали в пользу церкви и монастырей грамоты, наделяли их десятками зависимых деревень.

В Болгарии, как и в Византии, не сложилось четкой иерархической структуры феодальной собственности, а вместе с тем и вассально-ленной системы. «Великие» и «малые» боляре различались по размерам владений и иммунитетных привилегий, по важности постов и положения на служебной иерархической лестнице чинов и должностей, не были связаны друг с другом отношениями сюзеренитета и вассальных обязанностей, подчиняясь непосредственно государю. Благодаря этому царская власть в течение значительного времени в целом успешно сдерживала развитие центробежных феодальных тенденций.

Зрелые формы феодальных отношений в Болгарии не сопровождались полным исчезновением свободного налогообязанного крестьянства. Усилив налоговый гнет (а названия податей и повинностей в пользу казны и чиновничества в грамотах правителей Второго Болгарского царства приводятся уже целыми десятками) и укрепив хозяйство на землях короны, центральная власть располагала еще крупными материальными ресурсами. Поскольку крестьянское военное ополчение постепенно утратило былое значение, цари имели возможность опираться на воинскую поддержку среднего и мелкого болярства и на отряды наемников. Иногда в качестве союзников временно нанимались целые племенные объедине-

ния кочевников: в XIII в.— половцев, в XIV в.— турок. Все это позволяло главе государства сохранять относительную независимость от высшего болярства, использовать тактику социального маневра между группировками господствующего класса, сдерживая с разной степенью успеха до второй половины XIV в. децентрализаторские тенденции.

Однако общие закономерности феодального развития действовали неотвратимо. Во главе постепенно укрепившихся полуавтономных княжеств оказывались чаще всего высшие боляре, либо непосредственно происходящие из правящей семьи, либо связанные с ней узами родства. На землях магнатов создавался собственный разветвленный аппарат управления, доступ чиновников центральной власти на земли магнатов-иммунистов оказывался все более затрудненным. Во власти крупных феодалов находились даже целые города. Такими, например, княжествами были владения с центром в Мелнике в Македонии родственника Ивана II Асеня деспота Слава, владения зятя этого царя Мицо близ Несебра, имения севастократора Калояна в области Средца и др.

К середине XIV в. обозначилось обособление северо-восточного района государства, где успешно развивалось зерновое хозяйство, имелись тучные пастбища и богатые портовые города. В 70-х годах XIV в. при новом правителе удела Добротице, как и при его сыне деспоте Иванко, эта территория стала фактически независимым государством, которое по имени ее государя Добротицы стало называться Добруджей. Подобные тенденции проявились и на северо-западе страны, в районе, тяготевшем к крупному торгово-ремесленному центру и мощной крепости Видин. Сама центральная власть, стремясь сохранить контроль над провинциями, пошла по пути создания уделов-апанажей, передавая представителям правящей династии обширные области при единственном условии — следовать в русле внешней политики главы государства. Иван Александр (1331—1371 гг.) в конце своего правления узаконил разделение государства на две части, передав все права на Видин одному сыну — Ивану Страцимиру, а на Тырнов — другому, Ивану Шишману.

Что же касается болгарских земель, лежавших к югу, юго-западу и западу от Балканского хребта, то крупные магнаты в этих районах нередко лишь эпизодически подчинялись верховной власти, вели ожесточенную борьбу друг с другом, теряли и обретали снова свои владения, меняли внешнеполитическую ориентацию и переходили со стороны на сторону во время сложных перипетий войн Болгарии с Никейской (с 1261 г.— восстановленной Византийской) империей, Эпирским царством, крестоносными и иными государствами, а эти войны на Балканах не прекращались практически в течение всего рассматриваемого здесь периода.

Подавляющее большинство крестьян в конце XIII—XIV вв. оказалось в частновладельческой зависимости — и в имениях светской и духовной знати, и во владениях царской семьи. Право перехода крестьян было стеснено еще больше. Отдельные категории крестьян (холопы-отроки, пастухи-влахи, вотчинные ремесленники) имели практически статус крепостных. Политическое ослабление центральной власти во второй половине XIII и в последней четверти XIV в. не означало экономического упадка страны. Напротив, феодализм достиг своего расцвета. Феодальное хозяйство переживало подъем.

Успехи в развитии ремесла и торговли в болгарских городах в XIII—XIV вв. были особенно значительными. Наиболее заметными они были в металлургии и металлообработке, в кожевенном производстве, в ткачестве, строительном деле. Совершались параллельно и интенсивно два процесса: увеличение числа самостоятельных ремесел (т. е. дальнейшее отделение ремесла от сельского хозяйства) и углубление дифференциации в рамках самих ремесленных отраслей. В городах образовались

целые кварталы, населенные ремесленниками одной или нескольких родственных профессий (ткачей, оружейников, кожевников, портных, гончаров, медников и т. д.). Существенно увеличилась прослойка ремесленников и торговцев, не связанных более с сельскохозяйственным производством. Менее характерным стало соединение в руках одного хозяина мастерской и лавки. Более широкое применение находил наемный труд, главным образом — в крупных частных и государственных мастерских и в строительном деле.

Значительная часть ремесленной продукции предназначалась уже не на заказ, а на обеспеченный рынок, дифференциация ремесел сделала существенные успехи, товарно-денежные отношения расширились, в городах оформилась прослойка купцов, которые уже не были заняты непосредственно в производстве. Этому содействовала и начавшаяся впервые в Болгарии в правление Ивана Асеня II (1218—1241) чеканка собственной болгарской монеты (золотой, серебряной и медной). Важным доказательством активизации внутренней и внешней торговли являлось быстрое сокращение (обнаруживаемых археологами) монетных кладов от второй половины XIII—XIV в.: к созданию кладов прибегали теперь лишь в исключительных обстоятельствах, так как появились возможности прибыльного использования денег и ценностей, вкладывая их в торговые предприятия.

В качестве крупных торгово-ремесленных центров славились Видин, Дристра, Карвуна (Каварна), Варна, Констанца, Тырнов, Ловеч, Средец и др. Через эти города, особенно портовые, сбывались крупные партии сельскохозяйственной продукции и сырья. Здесь имелись уже ежедневные и еженедельные рынки, регулярно устраивались ярмарки. Эти города имели международные торговые связи (с Византией, Сербией, Дубровником, Венецией, Генуей, странами Центральной Европы).

Разумеется, развитие ремесла и торговли совершалось в рамках натурального в своей основе феодального хозяйства. Обслуживая его, ремесла и торговля были ограничены размерами доходов и потребностей как феодалов, так и непосредственных производителей, обращавшихся к рынку лишь при крайней необходимости. Высокие налоги и пошлины в пользу фиска, взимаемые с ремесленников и торговцев, ухудшали условия производственной и торговой деятельности. Препятствовали развитию торговли и таможенные барьеры на границах феодальных владений. Развитие города в целом тормозилось безраздельным господством в нем феодалов. Отрицательные последствия имели в этом отношении также периодические вторжения на земли Болгарии в ту эпоху воинских сил соседних государств (Византии, Венгрии). Особенно разорительными были набеги татар, а с середины XIV в.— турок.

Оформление городского сословия совершалось более быстрыми темпами в узком кругу торговцев, связанных с верхушкой господствующего класса и занятых главным образом внешнеторговыми операциями. Они скупали оптом у вотчинников крупные партии товаров, являясь партнерами иноземных купцов, основывавших при покровительстве центральной власти свои пользующиеся статусом экстерриториальности и торговыми льготами фактории в портовых городах Болгарии (дубровницкая колония в Видине, колонии венецианцев и генуэзцев в Варне). Крупные болгарские купцы торговали и на рынках Константинополя, Дубровника, Генуи, Венеции, стран Западной Европы, находясь под протекторатом государственной власти, которая через международные соглашения добивалась привилегий и для болгарского купечества. Полагают, что в отличие от Византии, где привилегии итальянскому купечеству наносили огромный ущерб отечественному ремеслу и торговле, в Болгарии ущерб от этого был менее заметным, так как ввоз состоял преимущественно из предметов роскоши и изделий высококачественных ремесел.

В особенностях структуры центральных и провинциальных органов власти возрожденного государства нашли отражение как традиции болгарской государственности, восходившие к Первому Болгарскому царству, так и сильное византийское влияние, упрочившееся в эпоху господства империи.

Юридически наследственные права монарха как «помазанника божия» признавались незыблемыми, однако фактически с укреплением класса крупных феодальных собственников и с ослаблением слоя свободного крестьянства усиливалась зависимость главы государства от соперничавших группировок высшей знати. Политически и в значительной мере экономически подчиненный крупным феодалам болгарский город, как и в Византии, не мог стать союзником центральной власти в ее борьбе против центробежных тенденций.

Важную роль приобрел акт коронации в качестве необходимого условия признания законных прав монарха — и внутри государств, и на международной арене. Характерно, что все три брата, вожди антивизантийского восстания и основатели Второго царства — Асениды Асень I, Петр и Калоян — пали жертвой заговоров боляр. Калояна не спасла при этом и коронация с благословения папы королевской короной (титул «короля», полученный от папы, не помешал ему сохранить и титул «царя», который носили все правители Второго Болгарского царства).

Ивану Асеню II, установившему гегемонию Болгарии на Балканах в 30-х годах XIII в., удалось упрочить авторитет центральной власти, но он не сумел подорвать самые основы феодального сепаратизма. Ослабление центральной власти после смерти Ивана Асеня II ярко проявилось в течение целого полустолетия. Отнюдь не случайно в это время в Болгарии утвердился, как это уже давно имело место в империи, обычай короновать своего наследника, нередко ребенка, делая его соправителем, чтобы вернее обеспечить его наследственные права на царский трон.

Чрезвычайно возросла роль болярского совета (синклита) при монархе, состоявшего из представителей царской семьи и крупнейших магнатов, которые, как правило, занимали высшие должности в центральном аппарате. Усилились вместе с тем и возможности замены по инициативе членов синклита, а нередко также и по настоянию группировок провинциального болярства одного представителя династии на царском троне другим ее представителем. Более того, с конца XIII в. неоднократно проявлялась тенденция к смене и самой правящей в стране династии. Умножились династические смуты: на занятый законным наследником трон стали претендовать близкие (кровные) и дальние родственники царя, а затем и крупнейшие провинциальные магнаты и даже иноземные авантюристы, опиравшиеся на поддержку либо татарских ханов, либо византийских императоров. Тогда как в соседней Византии в тот период, с сокращением ее владений, захватываемых турками-сельджуками, сербами и османами, все более упрочивался, в отличие от предшествующей эпохи, принцип наследственности престола за представителями одной династии (Палеологов), в Болгарии вплоть до второй трети XIV в. одна династия сменялась другой, хотя государство еще оставалось относительно централизованным. Сравнительная стабильность на царском троне была достигнута лишь при Шишмановцах, в последние шестьдесят лет существования Второго Болгарского царства, но и Шишмановцы не добились прочного объединения страны под скипетром единого монарха. Государство при них, как упоминалось, распалось на три независимые друг от друга части. Силы Тырновского царства, Видинской Болгарии (Видинского царства) и Добруджанского княжества были разгромлены османами в 90-х годах XIV в. поодиночке.

Органы центрального управления Тырновского царства были весьма близки к византийским. Великий логофет играл роль высшего царского

сановника, протовестиарий ведал финансами государства, протостратор — снабжением войска оружием и продовольствием, великий воевода замещал царя в качестве главнокомандующего. Представители высшей знати получали от царя пышные почетные титулы византийского происхождения, сопряженные с обширными привилегиями. Важнейшими являлись титулы севастократора и деспота, жаловавшиеся обычно родственникам царя.

Как и в Византии, по тем же причинам, основную роль в воинских силах государства стали играть соединения, приводимые под знамена царя крупными магнатами, а также отряды наемников. К помощи народного ополчения из крестьян и горожан царская власть прибегала лишь эпизодически. Участие народа в вооруженной борьбе, впрочем, нередко было спонтанным, независимым от призывов царской власти, в частности во время вторжений в Болгарию чужеземных врагов: византийцев, татар и особенно османских полчищ.

Провинции Второго Болгарского царства именовались уже не комитатами, а «хорами» (греч.— «землями», «областями»), и были довольно крупными: в обширной державе Ивана Асеня II их было всего девять. Центрами провинций являлись наиболее значительные города, где находились резиденции наместников царя, называвшихся дуками, кефалиями, севастами (термины византийского происхождения). В их руках сосредоточивалась и гражданская и военная власть. Им были подчинены судебные органы провинций и многочисленный штат налоговых чиновников. В резиденции наместника провинции находился непосредственно подвластный ему аппарат управления, в который входили также градоначальник и комендант воинского гарнизона. Хоры делились на катепаникии во главе с катепанами, а низшую власть в деревнях-общинах, связанных круговой порукой в отправлении обязанностей перед фиском, осуществляли старосты (кметы и примикюры).

Сокращение числа свободных налогообязанных крестьян, расширение податных привилегий для крупных вотчинников-иммунистов, активная внешняя политика Второго Болгарского царства, необходимость укреплять воинские силы и оборону страны от сильных врагов — все это вело к непрерывному увеличению расходов казны. Налоговый гнет быстро возрастал. Государство переложило тяжесть содержания налогового (и вообще государственного) аппарата на самих налогоплательщиков— крестьяне уплачивали множество пошлин и выполняли множество повинностей для мелкого и крупного, провинциального и столичного чиновничества.

Принципы организации православной христианской церкви Второго Болгарского царства остались в основном теми же, на которых она строилась в Первом царстве, но вслед за судьбами государства менялись ее статус и территориальное устройство. Охридская (именуемая также официально «Болгарской») архиепископия, сохранявшая свою автокефальность, лишь временно (при Калояне и Иване Асене II) возвратилась под власть государей Болгарии. В 1246 г. Охрид и прилежащие западные и юго-западные болгарские земли были навсегда отторгнуты от Второго Болгарского царства. Центр государства, а вместе с тем и его церкви остался вплоть до 1393 г. в Северо-Восточной Болгарии, в Тырнове. В 1204 г. в результате унии Калояна с папством архиепископ Тырнова получил сан примаса, а в 1235 г. в связи с разрывом давно ставшей чистой формальностью унии с папством и по союзному договору с Никейской империей глава болгарской церкви, как некогда в X в. при Петре, обрел высший сан партиарха. Патриарх, впрочем, как и ранее, находился в подчинении у светского главы государства. Патриарший синод имел право лишь рекомендации кандидатов на трон владыки; окончательный выбор, как и в Византии, зависел от царя. Патриарх,

Богоматерь с младенцем. Болгария. XIV в. Из собрания музея А. С. Пушкина в Москве.

однако, принадлежал к высшей правящей элите болгарского общества, и его позиция имела большое значение в кипевшей в Болгарии во второй половине XIII — первой трети XIV в. междоусобной борьбе. Так, в 1300 г. произошел беспрецедентный в истории Болгарии случай казни патриарха Иоакима III с приходом к власти Федора Святослава, так как по проискам той болярской группировки, в которой играл большую роль Иоаким, Федору пришлось провести несколько лет в качестве заложника в ставке татарского хана Ногая. Крупной и влиятельной фигурой был последний тырновский патриарх, писатель, богослов и ученый Евфимий (Тырновский), организатор героической обороны столицы, умерший в османском плену.

На церковных соборах епископов и митрополитов всего царства, созываемых патриархом, присутствовали царь и высшие сановники. Соборы рассматривали важнейшие дела церкви, в особенности вопросы борьбы с еретиками. После осуждения собором (анафемствования) уличенных в ереси подвергали преследованию не только церковные, но и светские власти.

Яркие вспышки классовой борьбы в болгарских землях характерны также и для эпохи Второго Болгарского царства. Богомилы, не проявлявшие активности в годы тяжелой борьбы за освобождение и упрочение восстановленного государства, вновь вышли на арену в конце первого десятилетия XIII в. в обстановке династических смут и резкого усиления эксплуатации крестьянства. Характерной особенностью богомильства XIII—XIV вв. было сравнительно большее распространение ереси среди городского населения. В 1211 г. церковный собор, проходивший под председательством царя, подверг богомилов официальному осуждению, положив начало новым гонениям против них. Сведения об их деятельности эпизодически встречаются в источниках и после этого. Однако с упрочением власти крупных феодалов в провинциях и в городах страны богомильство постепенно утратило классовую антифеодальную направленность и превратилось в учение узких тайных сект мистического, эсхатологического толка.

Наиболее острым проявлением классовой борьбы в Болгарии в тот период было восстание крестьян в 1277—1280 гг. во главе со свинопасом Ивайлом по прозвищу «Лахана» (греч.— «Капуста»). Угнетаемые феодалами и государством, страдавшие от междоусобий, подвергавшиеся беспощадному грабежу полчищ монголо-татар, которым Болгария с 1242 г. выплачивала дань, крестьяне поднялись на восстание. Возглавив их отряды, Ивайло, оказавшийся талантливым организатором и полководцем, сначала очистил земли Болгарии от грабивших население монголов, затем разгромил в 1278 г. царское войско. Царь погиб в битве. Крестьяне стремились посадить своего («доброго») царя на трон страны.

В обстановке не прекращавшихся попыток византийского императора утвердить с помощью своих войск на престоле Тырнова своего ставленника и возобновившихся татарских набегов Ивайло принял предложение вдовствующей царицы и ее болярского окружения заключить с нею брак и занять трон. Однако сближение с правящей верхушкой, отсутствие ясной программы социальных преобразований, объективная невозможность изменить существующий строй, крайне неблагоприятная внутренняя и внешняя обстановка, противодействие и интриги болярства обрекли Ивайла на поражение. В 1279 г., воспользовавшись отсутствием царя в столице (Ивайло вел борьбу с татарами на Дунае), боляре открыли ворота города зятю византийского императора Ивану Мице. Разбив его войска, Ивайло осадил Тырнов. Но возобладавшая в столице другая группировка, враждебная и Ивайле и Мице, возвела в 1280 г. на трон болярина Георгия Тертера, который сплотил вокруг себя феодалов и развернул борьбу против Ивайла, вынужденного бежать из страны. В поис-

ках поддержки Ивайло отправился в ставку Ногая, но был там коварно убит. Имя «крестьянского царя» долго хранилось в памяти не только болгар, но и греков: имя «Ивайло» принимали даже в Малой Азии руководители отрядов, пытавшиеся организовать сопротивление османскому наступлению на империю.

Натиск османов на Балканах, начавшийся в середине XIV в., пришелся на время, характерное в политическом отношении для эпохи развитого феодализма: малые и крупные балканские государства оказались разобщенными перед наступавшими полчищами сильной и сплоченной Османской державы, они погрязли в непрерывных войнах друг с другом, не прекращая их даже в обстановке османской экспансии; кроме того, для большинства этих государств постоянным явлением была острая внутренняя междоусобная борьба.

Первый набег на Болгарию турецкие отряды совершили в 1352 г., а к 1364 г. большая часть владений Болгарии во Фракии была потеряна. В 1371 г. в битве при Черномене, разгромив войска правителей Македонии Вукашина и Углеша, османы открыли себе путь в глубь полуострова. К 1373 г. у Болгарии уже не было земель к югу от Балканского хребта. Преемник Ивана Александра Иван Шишман (1371—1393) признал себя вассалом султана, как это несколько раньше сделали правители Византии и Сербии. Но и этот акт не избавил страну от османского вторжения. После двух лет тяжелой осады в 1382 г. пала София (Средец). Натиск османов стал особенно сильным после поражения войск Сербии и Боснии в 1389 г. на Косовом поле. В 1393 г. после героического сопротивления пал Тырнов. Вслед за ликвидацией Тырновского царства и Добруджанского княжества в 1396 г. был захвачен последний оплот обороны болгар — столица Видинского царства город Видин.

Таким образом, Болгария одной из первых стран на Балканах подверглась особенно интенсивному удару османов и прекратила свое существование как государство. В целом османское завоевание продолжалось на Балканах еще около столетия, завершившись в последних десятилетиях XV в., когда ясно определилось дальнейшее направление османской экспансии — на страны Центральной Европы (Венгрию и Австрию) и на Италию. Лишь далматинские города остались не подвластными османам на Балканах, они находились под протекторатом Венеции.

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО СУБРЕГИОНА В XIII—XV вв.

Эта эпоха в данном субрегионе, как и в других частях Европы, характеризуется процессами заметного и повсеместного (хотя вовсе не одновременного) роста производительных сил в деревне и городе. Речь идет не только о достижениях городского ремесла, сельского хозяйства, горнорудного промысла в этом ареале, но и о том, что бесспорные проявления подъема в сфере городского и сельского производства были связаны с ускоренным (особенно с середины XIII в. в Сербии, позже — в Боснии) выравниванием прежних различий, преодолением прежнего отставания этих стран (по их культурному и хозяйственному уровню) от земель Западной и Центральной Европы и Византии. Это не исключает сохранения и в данную эпоху локальных различий, особенностей, определявшихся конкретными географическими условиями, политической обстановкой, наконец, влиянием важных факторов, проявившихся еще в раннесредневековый период (сохранением античных традиций, наличием налаженных связей городов Адриатики с Западом).

Экономический подъем субрегиона в XII—XV вв. и рост богатства этих земель заметно изменили не только положение Балкан в общеевро-

пейской системе товарообмена, но и представления жителей Западной Европы о прежде малоизвестных, «пустынных» странах полуострова. Теперь западноевропейских путешественников поражает уже не «дикость» балканских гор и лесов, «отсталость» их жителей, а богатство природных ресурсов, которые закономерно становятся объектом вожделений феодалов Западной Европы.

Причиной этого было дальнейшее отделение ремесла от сельского хозяйства, оживление и подъем разных отраслей ремесла и горного промысла, повсеместное развитие в этих землях больших и малых городов (в их числе в Сербии, Хорватии, Боснии и Словении наибольшую роль приобрели тогда Любляна, Загреб, Марибор, Белград, Ново Брдо, Призрен, Приштина, Сребрница, Олово и др., причем мы можем говорить о росте не только новых, но и возрождении старых, античных центров). Эти города были неодинаковы не только по своей величине, традициям и времени возникновения, но и по своим экономическим связям и роли, по степени автономии в рамках феодальных государств. Так, в Боснии и Сербии города нередко возникали как населенные купцами и горняками «пригороды» близ крупных крепостей и замков феодалов (Подвисоки близ крепости Височи, Подборач близ крепости Борач и др.).

Количественный и качественный подъем городов в этой части Балканского полуострова, приводивший к превращению их в важные пункты внутренней и внешней торговли, вовлекал их в широкий международный товарооборот. В свою очередь, интенсивная разработка горнорудных богатств (особенно в Боснии и Сербии), подъем сельскохозяйственного производства и его определенная специализация (прежде всего вблизи крупных городов) также усиливали международные экономические связи этих земель, увеличивая вывоз в Центральную и Западную Европу металлов (серебра, золота, свинца, железа и др.), шерсти, меда, воска, кож и мехов, а с другой стороны — ввоз из Италии и других стран тканей, вина, соли, разных ремесленных изделий и пр.

Бесспорным показателем экономического подъема, характерного в целом для данной эпохи, была также интенсификация сельского хозяйства, которая охватила и прежде малонаселенные районы экстенсивного хозяйства. В ту пору здесь отмечается расширение (или же появление в новых районах — например, в центральных и северных областях Сербии) интенсивных отраслей земледелия, в первую очередь виноградарства и садоводства; поэтому возникает и конкуренция местных и привозных вин, а затем (в XIV—XV вв.) — принудительная регламентация посадок виноградной лозы в Далмации. Продолжается и набирает большой размах внутренняя колонизация — расширение посевов за счет корчевки леса и кустарника, распашка лугов и пастбищ, сочетавшаяся с усовершенствованием методов обработки почвы (распространение трехполья в тех районах, где оно ранее лишь только появлялось или же почти вовсе не применялось).

Все эти социально-экономические изменения в северо-западных областях Балканского полуострова сопровождались значительными сдвигами в сфере сословной и этнической. Во внутренней колонизации участвовали не только местные жители (т. е. славянское население), но и иностранные переселенцы — главным образом немецкие колонисты, и это приводило к заметным переменам в этнической и социальной структуре городов (а в словенских областях — также во многих сельских поселениях). Если поселения немецких горняков («саксов») в городах и горнорудных центрах субрегиона со временем ассимилировались, сохранив, правда, для части жителей таких «торгов» и «градов» особый сословный статус и некоторые привилегии, то интенсивная немецкая колонизация словенских земель охватила города и сельские местности, привела к передвижению на юг северной границы словенской этнической территории, к за-

метному усилению (и даже засилью) германского элемента в словенских городах.

Немногочисленными, но не менее важными (по своему участию во внешней торговле и горном деле) были «колонии» итальянских купцов и предпринимателей (венецианцев, флорентийцев и др.), которые, часто объединяясь с торговцами из коммун Далмации (Дубровника, Котора, Сплита и др.) или конкурируя с ними, в немалой мере определяли размах товарно-денежных операций, нередко препятствуя развитию местной городской прослойки и ее консолидации.

Общее повышение товарооборота и расширение экономических связей югославянских земель сказалось и на уровне и масштабах распространения (особенно во внутренних районах) денежного хозяйства, на интенсивности рыночных отношений города и деревенской округи. Явным выражением политических прав и претензий, как и несомненных экономических потребностей, было появление собственного монетного чекана и в независимых городах Далмации, и во владении феодальных правителей Хорватии, Сербии, Боснии. Такой чекан вначале подражал уже известным монетам других стран (немецким, венецианским), что вызвало и протесты соседних держав.

Социально-экономическое развитие этой части Балкан зачастую протекало в сложной политической обстановке, успехи сочетались с периодами стагнации и упадка, не всегда приводя к однозначным результатам. Даже общий подъем товарно-денежных отношений, появление кредита, задолженность крестьян (особенно живших недалеко от крупных торговых и горнорудных центров) иностранным купцам и дельцам вовсе не исключили сильных тенденций к автаркии, обусловленных не только замкнутостью многих крестьянских хозяйств, полунатуральностью отдельных феодальных имений, но и немаловажными политическими причинами. В обстановке частых военных конфликтов для нужд центральной власти требовалось много продовольствия, и это приводило к сбору налогов в натуральной форме; в свою очередь приморские города испытывали нередко острый недостаток продуктов питания (зерна, мяса, сыра), ввозимых из их сельского окружения.

Начиная с середины или конца XIV в. по мере нарастающей османской угрозы, а также завоевания большей части побережья Адриатики Венецианской республикой такие негативные последствия войн стали общими и фактически почти постоянными для Балканского региона. Ликвидация самостоятельных югославянских государств, частые нашествия и вторжения османских войск, войны Венгрии и Венеции против югославянских феодальных правителей в целях захвата плацдармов или целых областей вели к подрыву налаженных торговых связей, к разрушению и опустошению многих городов и обширных районов, к невосполнимым демографическим потерям и громадным передвижениям местного населения (в особенности бегству славянских жителей от османских завоевателей), наконец, к заметной аграризации всего региона и сохранившихся городских центров (прежде всего во внутренних районах), к застою или упадку многих отраслей ремесла и торговли.

Увод в рабство или истребление османскими войсками массы славянских (сербских, хорватских, боснийских, словенских) крестьян и горожан означал резкое сокращение численности производительного населения, которое сопровождалось нередко переходом части сохранившегося местного населения, укрывшегося в горах, к пастушескому скотоводству. Численность пастушеского населения возрастала с XV в. ввиду постепенного поселения в захваченных османами землях групп турок-кочевников (юрюков). Все это зачастую сводило на нет усилия местных жителей, старавшихся возродить заброшенные пашни и виноградники, восстановить горнорудные промыслы и ремесленные мастерские. В немалой мере

причиной заметного регресса и разрыва прежних торговых связей служили экономические меры венецианского правительства и османских властей (в вассальных югославянских государствах), запрещавших или значительно ограничивавших торговлю подчиненных им горожан и торговцев с другими странами.

Конечно, и ранее феодальные властители соседних с городами Далмации югославянских стран, враждуя с тем или иным «непокорным» или «несговорчивым» приморским городом, вовсе не брезговали установлением торговой блокады, введением новых таможен и поборов с далматинских купцов; однако к таким запретам на торговлю (с Боснией, Сербией) прибегали в своих политических целях и патрицианские правители городских коммун. Поэтому в архивах Дубровника и Венеции до наших дней сохранилось много торговых договоров и жалованных грамот различных феодальных властителей, обеспечивавших купцам и предпринимателям этих городских республик особые юридические права и весьма широкие привилегии в XII — середине XIV в.

В последующий период (т. е. во второй половине XIV и в XV в.), когда османское нашествие и экспансия Венеции и Венгрии требовали колоссального напряжения всех материальных и финансовых ресурсов югославянских стран, феодальные правители Сербии и Боснии должны были от прежней столь щедрой политики переходить к новым экономическим мероприятиям, повышавшим их собственные доходы, ограничивавшим засилье иностранных (прежде всего дубровницких, венецианских) купцов и предпринимателей, регулировавших их торговые операции и статьи вывоза. Уже в переписке сербского правителя — деспота Стефана Лазаревича (1389—1427) с Дубровником появляются любопытные сравнения прежних и нынешних статей сербского экспорта и неутешительные оценки торговой активности дубровницких купцов. В экономической политике правителей Боснии и Герцеговины (в конце XIV и в XV в.) уделяется немало внимания созданию новых, собственных портов и флота, установлению новых («незаконных», по словам дубровчан) мест соляной торговли, столь важной и доходной в ту пору. Один из последних югославянских правителей XV в., герцог Степан Вукчич Косача (владыка нынешней Герцеговины, названной так по его титулу), предпринимал также попытку создания впервые в южнославянских странах мануфактурного производства в принадлежавшем ему приморском г. Нови (ныне Херцегнови). Мануфактура герцога Степана смогла не только выдержать конкуренцию с тканями из Дубровника (с которыми враждовал тогда Степан), но и вывозить свою продукцию в соседние области Далмации (находившиеся под властью Венеции), а это вызывало в свою очередь запреты и недовольство венецианского правительства.

Возросший тогда спрос в южнославянских странах на ткани, вывозившиеся через Дубровник (из Италии и других стран Западной и Центральной Европы), вызвал и появление в XV в. суконной мануфактуры П. Пантелы в самом Дубровнике. В этом предприятии заметную роль сыграл денежный капитал Дубровницкой республики, т. е. стремление патрицианских властей этой коммуны поддержать и развить изготовление тканей для вывоза на Балканы. Но уже вскоре обе названные мануфактуры прекратили свое существование, что было обусловлено общими негативными причинами экономического упадка и стагнации в Юго-Восточной Европе той поры.

Оценивая в целом роль феодального государства в экономической жизни югославянских земель в XII—XV вв., можно отметить, что мероприятия государственной власти, как местной, так и иноземной, в сфере торговли и предпринимательства воздействовали на процессы социально-экономического развития стран этого ареала, на позицию отдельных прослоек и группировок местного населения.

Социально-политическое развитие северо-западной части Балканского полуострова в эпоху развитого феодализма характеризуется по сравнению с другими славянскими странами рядом особенностей и одновременно наличием немаловажных общих черт, говорящих о типологическом единстве феодальной формации в данном и других регионах Европы.

Наметившиеся уже в раннефеодальный период в странах Славяно-Балканского региона заметные расхождения в устройстве классового общества не только сгладились в XII—XV вв., но, напротив, нашли свое продолжение и развитие. Эти различия, как отмечалось выше, в известной мере закрепились потому, что Хорватское королевство в начале XII в. вошло в состав королевства Венгрии; в свою очередь, словенские земли, потеряв в предшествующую эпоху свои особые политические права и славянскую феодальную верхушку, находились в рамках ряда герцогств и других мелких владений Германской империи. К концу рассматриваемой эпохи тесные связи многих городов Далмации и Истрии с Италией были четко стабилизированы в силу перехода (на протяжении XIV и XV вв.) отдельных городов и областей этой части Адриатики под владычество Венеции. Точно так же в Сербии и Боснии, где завершение становления феодального строя в XII—XV вв. происходило под определенным влиянием Византии (отчасти и Болгарии), к исходу эпохи развитого феодализма можно отметить и появление некоторых институтов, заимствованных из государств Центральной или Западной Европы.

Аналогичное многообразие социально-политических процессов определяет положение земель данной части Балканского полуострова и в плане государственно-правовом. Здесь в ту пору возникают разные типы государственного устройства как по территориальным масштабам, так и по этническому составу и характеру управления. Появляются тогда и весьма обширные государства (вроде Сербской державы Неманичей, существовавшей почти два века) и небольшие княжества (например, княжество Качичей на Адриатическом побережье или расположенное поблизости Захумское княжество и т. д.), которые оказывались нередко гораздо менее устойчивыми и долговечными. Антиподами этих крупных и мелких феодальных держав становились городские коммуны-республики Далмации и Истрии, из которых к концу данной эпохи сохранилась лишь Дубровницкая республика.

Анализ социально-политических основ таких феодальных государств позволяет обнаружить разные тенденции: с одной стороны, объединительную, направленную на создание громадных держав (например, державы Стефана Душана в середине XIV в., а позже — Боснийского королевства, расширившегося за счет Сербии, отчасти Хорватии и Далмации); с другой стороны, тенденцию к децентрализации (в Сербии — во второй половине XIV в., после распада царства Душана, а в Боснии — в XV в.), к образованию удельных княжеств и королевств, разделению прежних держав на новые, более мелкие «полугосударства». Своеобразным вариантом социально-политического развития, сходным отчасти с феноменом так называемой Бургундской державы (см. ч. II, гл. 2), представляются попытки отдельных крупнейших феодалов Германии и Хорвато-Венгерского королевства (герцоги Меранские, герцоги Цельские, хорватские князья Брибирские) с помощью завоеваний и династических браков создавать собственные, т. е. «промежуточные» или «межгосударственные», державы и владения, нарушавшие ранее сложившиеся границы. Такой своеобразный и не вполне завершенный вариант государственно-социального развития в северо-западной части Балканского полуострова служит также наглядным примером громадного политического и экономического могущества феодального сословия, в среде которого выделяются наиболее влиятельные светские вельможи, уже претендующие даже на новую роль в созданных ими державах.

Наблюдались и разнообразные локальные особенности в отдельных государствах и землях. В некоторых отсутствовало местное славянское феодальное сословие. Были заметны конкретные различия в размерах и статусе земельной собственности представителей светской и духовной знати (например, земельные владения нобилей Далмации были крайне малы по сравнению с обширными вотчинами сербских, хорватских, боснийских вельмож или сербских монастырей). Господствующий класс в югославянских землях разделялся не только на духовных и светских феодалов: из светской верхушки общества, которая была неоднородной, в частности, в Сербии и Боснии (в XIV—XV вв.) выделилась менее влиятельная и недолговечная прослойка — «властеличей». Но подобные тенденции к формированию разных категорий светской знати оказывались незавершенными в силу многочисленности мелких и средних дворян, стремившихся добиться полного сословного равенства с могущественными «баронами» и «великими властелями». Нельзя также считать вполне устойчивыми и общераспространенными признаки формирующейся феодальной иерархии в субрегионе, хотя иногда источники определенно говорят о существовании вассальных отношений среди феодалов.

Патрициат (нобилитет) городов Далмации и Истрии, обладавший значительной (в масштабе городских округов) феодальной земельной собственностью и бесспорным политическим господством в своих городских коммунах, в то же время сближался по своим социальным функциям с представителями феодального землевладения. Однако эти нобили отличались от представителей собственно феодальной знати и своей тесной связью с городскими институтами, и определенной спецификой источников доходов в рамках города и его округа. Сословная замкнутость далматинского патрициата, его консолидация (к концу этой эпохи) бесспорно содействовали осознанию общности интересов нобилей с представителями других феодальных прослоек и группировок в городах и превращению патрициата в единственую полноправную политическую силу городских коммун.

Такое засилье патрициата Далмации уже в XIV—XV вв. имело следствием частые конфликты с представителями простого народа («пополаны» или «пук») и крестьян подчиненных местностей. О силе этих противоречий говорят антипатрицианские восстания народа в городах Трогир, Шибеник и Сплит (1357—1359), Задар (1346) и волнения крестьян на островах Дубровницкой республики (1402—1403), которые иногда (пусть на короткий срок) низвергали власть нобилей (как было в Которе в 1380 г., в Сплите в 1398—1402 гг.). Во время таких народных движений нобили разных городов сразу забывали о своей извечной вражде и спешили оказать помощь друг другу, чтобы только подавить «чернь». В то же время даже в наиболее экономически развитых далматинских городах острота противоречий между нобилями и другими слоями горожан иногда смягчалась в периоды распрей данного города с другими или конфликтов с соседними феодальными властителями, а также Венецией.

Самым бесправным, выполнявшим основную массу повинностей и поборов для нужд феодального государства и его правящей верхушки, было зависимое крестьянство, составлявшее наиболее многочисленную часть населения субрегиона. В отличие от раннефеодальной эпохи в XII—XV вв. для оценки положения крестьян уже не было главным противопоставление рабов и свободных общинников; определяющими теперь становятся различия сельских жителей по их занятиям и повинностям в пользу феодального господина.

В сербской деревне XIII—XIV вв. имелся ряд категорий крестьян (меропхи, сокальники, ремесленники, влахи, отроки и др.), которые отличались по размерам и формам феодальной ренты, своим юридическим правам, размерам надела, иногда даже основным занятиям. В XIII —

первой половине XIV в. в Сербии преобладала отработочная и продуктовая рента, причем резкий, хотя и недолговременный, рост барщины (введение в середине XIV в. двухдневной барщины в неделю) совпадал с постепенной нивелировкой разных категорий крестьян.

Иным был аграрный строй в Далмации XIII—XIV вв., где основными были два типа крестьянской зависимости: колонат (аренда разных видов) и кметство, близкое к положению сербских и хорватских зависимых крестьян (меропхов, кметов). Здесь тогда господствовала продуктовая и денежная рента, а отработки крестьян были довольно редкими. В северной части Хорватии и Словении с XIII в. уже заметна тенденция к замене барщины денежной рентой и продуктовым оброком, но и в середине XIV в. барщина оставалась важнейшей формой эксплуатации кметов; в этих землях, как и в Сербии, заметно постепенное сближение и слияние разных категорий крестьян в единую массу кметов. В словенских землях рост значения денежной ренты был связан с падением роли феодального домена, с нивелировкой прежних категорий крестьянства и распространением разных форм аренды.

В последующий период, т. е. в эпоху османского завоевания балканских стран (во второй половине XIV и XV вв.), нивелировка старых категорий крестьянства постепенно все более усиливается в Сербии, Далмации и других областях. В ту пору сначала борьба с османскими завоевателями, а затем признание даннической зависимости от них заставляли балканских правителей вводить новые налоги, а одновременно ограничивать или вовсе отменять иммунитетные привилегии духовной и светской знати. Таким образом, в то время возрастала роль государственной власти в регламентации крестьянских повинностей; вместе с тем нередко феодалам приходилось сокращать барщину или денежный чинш для крестьян, пострадавших от османских набегов и терпевших урон во время междоусобных войн. Среди таких мероприятий феодальных властей по регламентации крестьянских повинностей следует назвать закон, изданный в середине XIV в. в королевстве Венгрия (о девятине урожая с крестьян), и почти одновременное постановление Законника Стефана Душана (1349) о двухдневной барщине в неделю, в XV в.— решения венецианских властей о размерах повинностей крестьян в пользу республики и местных дворян, а также меры по сокращению податного иммунитета в некоторых югославянских государствах в XIV—XV вв.

Анализ всех этих мероприятий феодальной государственной власти в сфере социальной и экономической политики, которые были выработаны в результате соглашения феодальных правительств той эпохи с разными прослойками и группировками правящего класса, позволяет перейти к вопросу о складывании на этих землях сословного представительства, которое играло здесь значительную роль в некоторые периоды. Преобладающее влияние в этих сословных собраниях принадлежало тогда светской знати, и лишь в случаях острых конфликтов между различными группировками светских феодалов и возглавлявшими их представителями разных династий (например, в Сербии) могли приобрести особое значение позиции представителей высшего христианского духовенства (в Сербии — православной церкви, в Боснии — так называемой «боснийской» или богомильской иерархии).

Весьма показательно многообразие форм сословного представительства в югославянских землях той поры. Здесь наряду с общегосударственными собраниями (соборами), которые созывались в Сербии, Хорватии и Боснии, и «земскими» собраниями в каждом их тех герцогств, на которые были разделены словенские земли, существовали и иные формы сословных собраний. Они могли быть постоянными, временными, иногда недолговечными, собирались в разных территориальных рамках и в разном составе. Известны, например, соборы, созывавшиеся в удельных «королев-

ствах», входивших в состав Сербской державы Неманичей (в начале XIV в.); примерно в то же время в Хорватии появляются областные собрания дворянства, сходные с аналогичными институтами в Венгрии (см. ч. II, гл. 6). В таких областных («жупанийских») собраниях мелкое и среднее хорватское дворянство могло легче добиваться выгодных ему мероприятий. В борьбе против могущественных магнатов, вероятно, было создано не менее примечательное объединение дворян Хорватии, а именно «Двенадцать хорватских племен» (или братств), которое ревностно отстаивало свои права и привилегии, возводя их ко времени подчинения Хорватии Арпадами (1102). Вместе с этим объединением здесь было создано «Общество дворян королевства Хорватии». Одновременно возникла и узколокальная «благородная община» дворян Турополья (близ Загреба). Существование таких разнообразных форм сословной консолидации и представительства дворянства вызвало к жизни и разные течения общественно-политической мысли, отраженные в некоторых сербских памятниках: одно из них было направлено на усиление феодальных ограничений центральной власти, другое, напротив,— к монархической автократии.

Важным рубежом социально-политического развития южнославянских государств этого субрегиона, как было сказано выше, явилось османское завоевание Сербии (окончательно в 1459 г.), Боснии (1463 г.), Герцеговины (1482 г.) и Зеты (нынешней Черногории, 1499 г.), а также подчинение некоторых районов этого субрегиона Венеции и Венгрии.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА В XIV—XV вв.

В VII—X вв. в карпато-балканском субрегионе происходили процессы взаимовлияния и ассимиляции в ходе совместного проживания местных романизированных гето-даков и расселившихся здесь с начала VI в. славян. В условиях постоянных контактов, тесных экономических и культурных связей между ними к X в. сформировалась восточнороманская этническая общность, в латинских и греческих источниках именуемая чаще всего влахами, в славянских — волохами [2].

Влахи (предки современных румын, молдаван) стали этнически преобладающими к северу от Дуная, в Карпато-Дунайских землях; к югу от Дуная возобладали славяне. Но контакты между ними продолжались и в последующие периоды истории.

Славяне оставили значительный след в истории духовной и материальной культуры влахов, особенно в сфере деятельности, связанной с земледелием и ремеслами. Влияние славянского элемента сказалось и в области социальных отношений. Первые политические объединения влахов и славян X—XIII вв. возникали в форме славянских институтов «кнезатов» и «воеводатов». Вместе с христианством, воспринятым влахами у южных славян, с X в. во влашском обществе распространяется славянское письмо и книжнославянский язык, который стал официальным языком в возникших в XIV в. Валашском и Молдавском княжествах. Влияние славян проявилось и в процессе формирования языка романского населения к северу от Дуная, о чем говорит значительное число славянских заимствований в его лексике при сохранении основного словарного фонда и грамматической структуры народной латыни.

Контакты и взаимовлияния влахов к северу от Дуная с разными ветвями славян — южной и восточной — обусловили возникновение здесь к XIV в. двух народностей — валашской и молдавской, оформлению кото-

[2] Вопрос о месте формирования этноса влахов является спорным. Некоторые ученые считают, что эти восточнороманские племена пришли в Подунавье позднее с Балкан. Об этих спорах см.: Краткая история Румынии. М., 1987. С. 16–20.

рых способствовало создание самостоятельных государств — Валашского и Молдавского княжеств.

В X—XII вв. население Карпато-Дунайских земель не было этнически однородным. Влахи проживали преимущественно в предгорьях и на южных склонах Карпат, постепенно расселяясь в равнинные районы левобережья Дуная. К востоку от Карпат продолжали обитать славяне. В X—XII вв. в Карпато-Дунайских землях кочевали и оседали печенеги и половцы (или куманы). Источники фиксируют здесь в XII—XIII вв. также отдельные группы населения под наименованием берладников и бродников, этническая принадлежность и локализация которых учеными до сих пор точно не установлены. В XIII—XIV вв. в результате притока влахов из южнодунайских областей и за счет бежавших от феодальной эксплуатации влахов с территорий, входивших в состав королевства Венгрии, в Карпато-Дунайских землях и Восточном Прикарпатье возрастает и становится преобладающим влашское население.

К XIII в. экономика и социальные отношения в Карпато-Дунайских землях достигли значительного развития. Главными отраслями хозяйства населения были скотоводство и земледелие. Развивалось и ремесло: получили распространение гончарное дело, добыча и обработка металлов, возникали города. В юго-западной части субрегиона в конце XIII—XIV в. появились города Кымпулунг, Куртя-де-Арджеш, в Восточном Прикарпатье — Байя, Сирет, Сучава. Расширялся внутренний обмен, распространялось денежное обращение. Этому способствовала и транзитная торговля. Через Карпато-Дунайские земли проходили торговые пути, связывавшие Западную и Центральную Европу с Причерноморьем и Балканским полуостровом, Балтийское море с Черным.

Основой социальной организации сельского населения издавна была территориальная община, объединявшая одно или несколько поселений в совместном владении земельной площадью (хотаром). Общинники получали во владение участки земли; леса, пастбища, луга и водоемы находились в общем пользовании. Дела в общине решались общим собранием ее членов, управлял общиной совет старейшин (жуде) из числа зажиточных крестьян. В совет входил вождь (кнез), осуществлявший власть в военное время. С разложением общин роль общих собраний падает, власть кнеза становится постоянной. Из среды зажиточных общинников, сосредоточивавших в своих руках крупные земельные и материальные богатства, формировалась феодализирующаяся знать, постепенно захватывавшая административную и судебную власть в общине. В XIII—XIV вв. она превращалась в верхушку раннефеодального общества. Вместе с общинной собственностью эта знать присваивала себе право взимания общинных повинностей, превращая часть членов общины в зависимых крестьян.

В XIII — начале XIV в. в Карпато-Дунайских землях оформляются раннегосударственные объединения влахов — кнезаты и воеводаты. В их политической организации сохранились черты строя военной демократии. Возглавляли их кнез или воевода, власть которых опиралась на военную дружину. В случае военной опасности созывалось всенародное ополчение. Административные и судебные функции также были в руках кнеза или воеводы, их власть постепенно становилась наследственной.

В середине XIII в. на территории Олтении (к западу от р. Олт) существовали кнезаты Иоанна и Фаркаша, на севере Олтении и на северных склонах южных Карпат сформировался кнезат Литовоя. В северной части Мунтении располагались земли воеводы Сенеслава. Имеются данные, свидетельствующие о наличии политических объединений влахов и в Восточном Прикарпатье.

Эти раннефеодальные политические объединения влахов находились в трудных внешнеполитических условиях: они были вынуждены отстаи-

вать свою самостоятельность в борьбе с половцами и татарами. В XIII в. кнезаты и воеводаты юго-западного района Карпато-Дунайских земель оказались в зависимости от королевства Венгрии. Необходимость внешней защиты, внутреннее социальное развитие вызывали стремление кнезатов и воеводатов к объединению в более крупные государственные формирования.

В начале XIV в. источники фиксируют в Мунтении государство во главе с воеводой Басарабом. В господарских грамотах того времени оно называется «Румынской землей» или «Угровлахией», позднее появляется название Валахия. Образованию этого государства благоприятствовала внешнеполитическая обстановка на юго-востоке Европы: после гибели хана Ногая Золотая орда была отвлечена борьбой с Ираном; в королевстве Венгрии вспыхнула феодальная анархия; Византия, Болгария, Сербия боролись между собой.

В этих условиях Басарабу удалось объединить существовавшие в юго-западных районах Карпато-Дунайских земель кнезаты и воеводаты в одно государство с центром в Куртя-де-Арджеш. Признав формально вассальную зависимость от венгерской короны, Басараб стремился проводить самостоятельную внешнюю политику, участвовал в нападениях татар, болгар и сербов на южные границы королевства Венгрии. В 1330 г. венгерский король Карл Роберт предпринял поход против валашского воеводы, но был вынужден отступить. Используя гористую местность, Басараб около местечка Посада устроил ловушку отступающим королевским войскам и выиграл сражение с ними.

Победа при Посаде способствовала укреплению власти воеводы в княжестве в борьбе против крупной знати, противившейся централизации. Опорой воеводы являлись свободные крестьяне-общинники, обязанные нести воинскую повинность и составлявшие войско в случае военной опасности.

При преемниках Басараба Николае Александру (1352—1364) и Владиславе Влайку (1364—1372) расширяется территория княжества, растет его политический вес, о чем говорит учреждение в 1359 г. в Куртя-де-Арджеш «угровлашской» митрополии. Упрочение внутреннего положения княжества побуждало валашских воевод к проведению самостоятельной политики, что встречало противодействие венгерской короны, стремившейся к укреплению своего сюзеренитета в Карпато-Дунайских землях. Попытки валашских воевод добиться самостоятельности успеха не имели: в сражении с венграми погиб Влайку; тщетными оказались усилия воевод Раду I (1377—1383) и Дана I (1383—1386).

В Восточном Прикарпатье в середине XIV в. возникло другое государство, называвшееся в источниках «Молдавская земля». Центром его формирования был бассейн реки Молдовы. Здесь в XII—XIII вв. выросло влашское население за счет притока влахов из Трансильвании и других областей Прикарпатья, входивших в состав королевства Венгрии. В начале XIV в. Восточное Прикарпатье оказалось также под властью венгерских королей, превративших эту область в свой домен, управлявшийся наместниками.

Недовольное правлением венгерского наместника местное население поддержало восстание влахов входившей в королевство Венгрия области Марамуреша, выступивших против попытки короля упразднить их автономию. Во главе восставших встал воевода Богдан, который в 1359 г. с частью влахов переселился в район Молдовы и установил свою власть на большей части территории Восточного Прикарпатья. Богдан объединил существовавшие здесь политические образования влахов в единое государство и в 1365 г. добился признания его независимости Венгрией.

При преемниках Богдана происходит дальнейшая консолидация Молдавского княжества. Большое значение для укрепления нового государ-

ства на юго-востоке Европы имела победа русских над татарами на Куликовом поле (1380 г.), заставившая Золотую Орду оттянуть свои силы из Нижнего Подунавья.

Валашское и Молдавское княжества сформировались как монархии во главе с воеводой, который титуловал себя также господарем. Господарь избирался собранием светских и духовных феодалов, которое решало и важные государственные вопросы — объявление войны и мира, отношений с иностранными державами. Как правило, власть наследовалась представителями правящих фамилий. Но поддержка отдельными группами феодалов разных претендентов на престол приводила к частым феодальным распрям и междоусобным войнам. Власть господаря ограничивалась боярским советом, в который входили наиболее влиятельные и родовитые феодалы, а также служилые бояре. Управление княжеством осуществлялось посредством двора во главе с дворником и канцелярии, находившейся в ведении логофета, являвшегося и хранителем печати. При дворе и канцелярии состоял штат боярских чинов, ведавших разными государственными делами.

Административно княжества были разделены на округа во главе с назначаемыми господарем пыркалабами, которые представляли власть на местах, осуществляли судебные функции. Возглавлял судопроизводство сам господарь. Судебные дела велись на основе обычаев земли, зафиксированных «волошским правом». В судопроизводстве княжеств долгое время сохранялся обычай соприсяжничества; главной мерой наказания были штрафы. Основу военных сил составляли господарские и боярские дружины из служилых людей, т. е. «малое войско». В периоды войн путем призыва крестьян собиралось «большое войско». Опорой господарской власти служила и православная церковь в княжествах, пользовавшаяся автономией при формальной зависимости от Константинопольской патриархии.

Складывание государственности стимулировало процесс феодализации в княжествах. Проявившиеся в ходе этого процесса особенности в каждом из княжеств были обусловлены различным уровнем развития феодальных отношений на территориях, где они сложились. В Валахии ко времени образования государства уже была сильная феодальная знать, сосредоточившая в своих руках значительную часть земель — этим объясняются небольшие размеры домена валашского господаря. В данных условиях формирование частного землевладения за счет господарских пожалований здесь было ограничено. Главным источником его пополнения оказывались общинные земли. На территории Молдавского княжества, где феодальная знать не была еще значительной, господарь имел обширные земли. В данном случае складывание владений светских и церковных феодалов происходило преимущественно за счет господарских земельных пожалований.

К концу XV в. в обоих княжествах оформление частнофеодального землевладения завершается. В ходе этого процесса сформировались классы феодалов и феодально-зависимого крестьянства. По сравнению со странами Западной, Центральной и Восточной Европы этого времени размеры частновладельческой ренты в княжествах были незначительными. Основным ее видом был оброк продуктами в размере десятины. Барщинные работы ограничивались двумя—шестью днями в году и состояли главным образом из сенокошения, извоза, ремонта мельниц, ухода за прудами и озерами.

Сравнительно выше были масштабы государственной эксплуатации частновладельческих крестьян (подворный налог — бир, десятина натурой с различных отраслей крестьянского хозяйства, выполнение отработок, связанных со строительством и ремонтом дорог, заготовкой дров и т. д.). Государственные крестьяне несли такие же повинности в пользу

государства, но в бóльших размерах. Денежная рента большого распространения не имела.

Церковные феодалы в княжествах пользовались значительным податным и судебным иммунитетом. Светские вотчинники, хотя формально и обладали правами сбора податей и суда над своими подданными, были ограничены государственной властью в осуществлении своих финансовых и судебных функций. Это обусловило то обстоятельство, что развитие феодальных отношений в княжествах не привело к политической раздробленности.

Образование Валашского и Молдавского государств ускорило процесс отделения ремесла от сельского хозяйства на территориях их формирования. Возникали новые торгово-ремесленные поселения, перераставшие в города. Городское население состояло главным образом из ремесленников и торговцев. Проживали здесь феодалы и духовенство, а также крестьяне. Многие горожане занимались земледелием и несли государственные повинности. Города пользовались некоторым самоуправлением. Во главе их находился городской совет из двенадцати членов, деятельность которого контролировалась входившим в него представителем господаря.

Развитие ремесла шло по линии специализации, о чем говорит существование многочисленных профессий — скорняков, ткачей, портных, сапожников, кузнецов и т. д. В XIV—XV вв. ремесленное производство было мало связано с рынком, большинство ремесленников работало на заказ. Однако потребности внутреннего обмена стимулировали развитие торговли в городах. Главной ее формой становятся ярмарки, где крестьяне начинают сбывать свою продукцию и покупать необходимые изделия ремесла.

Развитию внешней торговли княжеств способствовало соседство с Причерноморьем, где скрещивались международные торговые артерии, связывавшие европейские страны с Востоком. После завоевания османами Малой Азии важное значение в XV в. приобрел «молдавский торговый путь», по которому шли через Молдавское княжество восточные товары в Валахию, Трансильванию, на Львов и далее в Центральную и Западную Европу. Транзитная торговля стимулировала внешние связи княжеств. Особенно оживленными были торговые отношения молдавских и валашских городов со Львовом и трансильванскими городами Брашовом, Сибиу, Бистрицей. Ввозились в княжества преимущественно ремесленные изделия, а вывозились скот, продукты сельскохозяйственного производства. Большую роль во внешней торговле княжеств играли иностранные купцы — особенно генуэзцы, а также немцы, армяне и др., находившиеся под покровительством властей и получавшие от господарей торговые привилегии. С XV в. в торговле начинают участвовать и местные купцы.

Процесс феодализации, сопровождавшийся установлением феодальной зависимости крестьян, встречал сопротивление с их стороны. Крестьяне отказывались от выполнения повинностей, захватывали земли бояр и монастырей. Широко распространилось бегство за границу. Молдавские крестьяне переселялись на украинские земли, входившие тогда в состав Польши. Крестьяне из Валахии уходили в Карпатские горы и за Дунай. Крестьянские волнения перерастали иногда в открытые выступления. В 1490 г. вспыхнуло антифеодальное восстание молдавских и украинских крестьян в пограничных с Польшей районах, которое возглавил «волошин» Муха. Классовый протест крестьянства и городских низов находил выражение также в распространении религиозных ересей богомильства и гусизма, проникавших из соседних Болгарии и Чехии.

В конце XIV в. над Валахией нависла османская угроза. В этих условиях господарь Мирча Старый (1386—1418) принял меры по стабилизации экономики княжества и укреплению своей власти. Чтобы упрочить

внешнеполитическое положение княжества, Мирча наладил отношения с молдавским господарем Петром I Мушатом и польским королем Владиславом Ягеллоном, укрепил крепости на южных границах.

В битве с османами при Ровине Мирча осенью 1394 г. одержал победу. Но крупное валашское боярство, противившееся усилению господарской власти, было готово подчиниться султану. Когда в мае 1395 г. османские войска вторглись в Валахию, ставленнику бояр Владу по прозвищу «Узурпатор» удалось сместить Мирчу. При поддержке венгерского короля и трансильванского воеводы Мирча сумел вернуться на валашский престол. Воспользовавшись временным ослаблением Османской империи в начале XV в., он предпринял успешные военные акции против султана и вернул захваченные им в 1393—1396 гг. территории княжества. Тем не менее в 1417 г. Мирча был вынужден согласиться на уплату дани Порте.

После смерти Мирчи в Валахии начинается период длительной политической неустойчивости. Борьба различных группировок валашского боярства за власть, искавших поддержки извне, создавала условия для вмешательства королевства Венгрии и Османской империи, соперничавших за утверждение своих позиций в Юго-Восточной Европе. Османское влияние в княжестве усиливается при господаре Александре I Алдя (1431—1436). Провенгерски настроенным боярам удалось посадить на престол сына Мирчи Влада, по прозвищу Дракул (Дьявол) (1436—1446). Но вскоре Влад перешел на сторону Порты. Вступление войск трансильванского воеводы Яноша Хуньяди на территорию Валахии в ходе борьбы с султаном побудило, однако, господаря принять участие в антиосманских действиях. Последовала расплата, Дракул был убит.

Влад Цепеш (1456—1462), занявший валашский престол при поддержке Яноша Хуньяди, жестоко расправлялся с оппозиционным крупным боярством, часто приказывая сажать своих противников на кол, за что и получил прозвище Цепеш — Колосажатель. Во внешней политике Цепеш ориентировался на Венгрию. Чтобы расправиться с неугодным господарем, султан Мехмед II в 1462 г. вторгся с войсками в Валахию. Недовольное централизаторской политикой крупное боярство пошло на сговор с османами и поддержало ставленника Порты на престол брата Цепеша Раду Красивого (1462—1476), который стал послушным данником султана. Попытки молдавского господаря Штефана III Великого утвердить своего ставленника в Валахии и сделать ее союзницей в антиосманской борьбе оказались безрезультатными. В правление Влада Кэлугэра — «Монаха» (1482—1495) Валахия полностью подчиняется Порте. Предательская политика крупного валашского боярства привела к тому, что к концу XV в. Валахия оказалась в вассальной зависимости от Османской империи. Султан узаконил свое право утверждать господаря и обязывал его ежегодно лично доставлять ему дань, а также участвовать с войском в османских подходах.

Для Молдавского княжества османская угроза возникла позднее. Сменивший Богдана на молдавском престоле господарь Лацку (1365—1374), а затем Петр I Мушат (1374—1392) проводили политику укрепления центральной власти, отвечавшую интересам политической консолидации класса феодалов и защиты княжества от внешней опасности. В 1387 г. Петр I признал вассальную зависимость от польского короля, который обязывался защищать княжество, а господарь должен был в случае войны оказывать помощь сюзерену. Значительных успехов в централизаторской политике достиг господарь Александр Добрый (1400—1432). Для укрепления внешнеполитического положения княжества большое значение имело завоевание им порта Килии в устье Дуная.

Начавшаяся после смерти Александра Доброго борьба боярских группировок ослабила центральную власть (до 1457 г. сменилось 14 господа-

рей), усилила могущество крупного боярства, ухудшила международное положение княжества. Венгерские короли не оставляли надежду на восстановление своей власти в Восточном Прикарпатье. На северо-восточных границах княжества не прекращались нападения татар из Крыма, возрастала османская опасность. По мере усиления влияния Порты в Валахии османская угроза стала реальной и для Молдавского княжества, особенно после завоевания Мехмедом II Константинополя в 1453 г. В условиях боярских междоусобиц господарь Петр III Арон осенью 1455 г. был вынужден согласиться на уплату султану дани.

Сместивший Петра III Штефан III Великий (1457—1504), опираясь на среднее боярство и военно-служилое сословие, города и церковь, прибегая к компромиссу с крупными боярами и расправляясь с их оппозиционными группами, добился упрочения своей власти. Для защиты от внешней опасности он создал сильную армию, построил сеть крепостей и пограничных укреплений. Имея в виду планы королевства Венгрия по восстановлению своих прежних вассальных территорий, Штефан принес присягу польскому королю. Обострению молдавско-венгерских отношений способствовал и вторичный захват господарем в 1465 г. крепости Килии, уступленной в 1448 г. венгерской короне.

В 1467 г., воспользовавшись тем, что Штефан имел связи с восставшими против короны трансильванскими феодалами, венгерский король Матьяш Корвин предпринял поход на Молдавское княжество, однако, потерпев поражение в сражении при Байя, вынужден был отступить.

В 1470 г. Штефан выступил против валашского господаря Раду Красивого, вассала Венгрии и данника Порты. Стремясь сделать Валахию союзницей, Штефан в течение нескольких лет вел борьбу за утверждение на валашском престоле своего ставленника. Эта борьба привела его к конфронтации с Османской империей. В 1473 г. он отказался от уплаты дани Порте. В ответ на это в конце 1474 г. многочисленное османское войско во главе с румелийским бейлербеем Сулейман-пашой вступило на территорию Молдавского княжества. Применив тактику «выжженной земли», Штефан нанес неприятелю поражение у Васлуя (10 января 1475 г.).

Молдавский господарь понимал, что остановить новый натиск османов можно только совместными усилиями европейских стран. Но, занятые своими проблемами, они были заинтересованы в мирных отношениях с Портой. Польский король также начал переговоры с султаном, которые закончились заключением мира в 1476 г. Это заставило Штефана признать в 1475 г. венгерский сюзеренитет. После захвата в 1475 г. Каффы, Мангупа и подчинения Крыма султан Мехмед II сам двинулся в 1476 г. на Молдавское княжество, но решающего успеха так и не сумел добиться. В османской армии начались голод, чума. Весть о приближении венгерской помощи заставила султана отступить.

Общие интересы в противодействии планам польских Ягеллонов сблизили Штефана с Русским государством. Важное значение для укрепления молдавско-русских связей имело бракосочетание в 1483 г. его дочери Елены с сыном Ивана III Иваном.

В 1483 г. Венгрия договорилась с Портой о мире, который закрепила в 1485 г. Новый султан Баязид II возобновил экспансию против Молдавского княжества и в 1484 г. захватил крепости Килию и Белгород. Внешнеполитическое положение княжества осложнилось. Соседние европейские правители, установив мир с Портой, были заняты соперничеством друг с другом. Валахия оказалась в вассальной зависимости от Османской империи. Внутри княжества оппозиционное боярство открыто выступало за мир с Портой. В этих условиях Штефан вынужден был во второй половине 80-х годов XV в. сохранять мирные отношения с султаном и платить ему дань.

Чтобы избежать окончательного подчинения османам, Штефан Великий использовал конфронтацию Венгрии и Польши с Османской империей, признавая себя вассалом то польского, то венгерского короля. В то же время господарь учитывал польско-венгерское соперничество за право сюзеренитета над Молдавским княжеством, что давало ему возможность действовать в интересах сохранения его самостоятельности. Это позволило Штефану отразить нападение польских войск во главе с королем Яном Ольбрахтом на Молдавское княжество в 1497 г. и содействовать османо-татарским вторжениям в 1498 г. на территорию Польши. Но когда Венгрия и Польша заключили в 1498 г. антиосманский союз, Штефан присоединился к нему, заключив в 1499 г. мир с Яном Ольбрахтом.

Изменившаяся в связи с военными успехами османов в начале XVI в. международная ситуация на юго-востоке Европы заставила молдавского господаря сохранять мирные отношения с Портой. При преемниках Штефана угроза подчинения княжества Османской империи возрастает. К середине XVI в. Молдавское княжество также оказывается в вассальной зависимости от султана.

АЛБАНИЯ В XIII–XV вв.

Территории, населенные предками современных албанцев — иллирийцами, находились на крайнем западе Византийской империи. Такое их местоположение, с одной стороны, ограничивало возможности вмешательства Константинополя в повседневную жизнь этой окраины империи, а с другой — в случаях конфликта империи с внешним миром — превращало эти районы в театр военных действий. Таким образом, слабые социально экономические связи с центром империи в сочетании с разрухой, периодически причиняемой войнами и нашествиями, сдерживали развитие этих районов, вели к устойчивости родоплеменных отношений. Формально территория будущей Албании входила, хотя и с длительными перерывами, в состав Византийской империи до середины XIV в.

Миграционные процессы на Балканах и массовое поселение славян в VI—VII вв., в частности, изменили этнический состав населения, иллирийские племена были оттеснены в горные районы. Оставшиеся в долинах компактные поселения иллирийцев сохраняли свою общинную организацию и относительную самостоятельность в самоуправлении, «откупаясь» от завоевателей уплатой дани. Славяне, обладавшие более высокой культурой земледелия, способствовали развитию этой отрасли хозяйства у иллирийцев, занимавшихся ранее главным образом скотоводством. Свидетельством этого являются заимствованные албанцами из славянских языков и сохранившиеся до наших дней сельскохозяйственные термины, названия феодальных держаний, некоторых категорий крестьян и т. д.

К периоду раннего средневековья восходит начало образования албанской народности, получившей свое название по имени одного из иллирийских племен албанов. В VII в. в византийских хрониках еще встречаются упоминания об иллирийцах, а уже с XI в. жители этих районов стали называться арберийцами, или арбрешами, а территория — Арбрией, Арбаноном, Албаноном. По всей вероятности, с этого же времени ведет свое происхождение самоназвание албанцев — шкиптары, т. е. «люди, говорящие правильно, на правильном языке».

Зарождение феодализма в Албании принято датировать VIII–XI вв., исходя из общепринятой для всего региона периодизации. При устойчивом сохранении родоплеменных отношений в горных районах происходила трансформация родовой общины в сельскую территориальную в долинах рек и около приморских городов, находившихся в зависимости от

Венеции. Внутри общины развивался процесс дифференциации, а следовательно, созревали условия для ее распада.

При новом военно-административном фемном устройстве Византийской империи (см. ч. I, гл. 2) албанское население входило в состав фем Дурреса и Никополя. Однако принадлежность этих территорий Византии была во многом формальной, ибо западные районы империи чаще всего подвергались нападению извне. Кратковременные, но опустошительные набеги арабов сменились сравнительно длительным пребыванием Албании в составе Болгарского государства в конце IX — начале XI в. С этим периодом связано распространение христианства, проповедниками которого стали ученики и последователи Кирилла и Мефодия — Климент и Наум.

После разгрома Первого Болгарского царства в 1018 г. был восстановлен византийский суверенитет, но ненадолго. Набеги норманнов и походы крестоносцев вновь нарушили мирные будни Адриатического побережья. Лишь в правление династии Комнинов (см. ч. II, гл. 4) положение стабилизировалось. Утвердилась система баштинного и прониарского условного держания, стали восстанавливаться старые города и строиться новые, допущение на Балканы венецианских купцов оживило торговлю и ремесла. Характерной особенностью албанских районов было то, что феодальные владения жаловались представителям местной знати, ибо она охотно служила в византийской армии. Это обстоятельство привело к тому, что по мере ослабления Византийской империи арбрешские феодалы стали приобретать все большую самостоятельность.

К концу XII в. относится возникновение первого государственного собственного албанского образования — Арберийского княжества, или принципата. Просуществовавшее четверть века, оно оставило о себе скудные свидетельства. Достоверно известны имена его правителей — архонта Прогона и «великого» архонта «пангиперсевеста» Димитрия — и некоторые перипетии сложных отношений с папством. Попавшее под власть Эпирского деспотата после Четвертого крестового похода (см. ч. II, гл. 4), Албанское княжество восстановило свою шаткую независимость при Карле I Анжуйском, короле Сицилии (1272—1286), назначившем в город Дуррес своего наместника. В XIV в. Албания находилась под властью то анжуйцев, то византийцев, то сербов. Распространение власти Сербского государства Стефана Душана (см. выше) на бóльшую территорию Балканского полуострова покончило навсегда с господством Византии над Албанией, длившимся девять с половиной веков. После распада Сербского государства на его обширной территории стали образовываться самостоятельные государства.

В XIV — начале XV в. феодальные отношения в Албании отличались большим разнообразием. Господствуя в прибрежных и равнинных районах, они уживались со значительными остатками родоплеменного строя в горных местностях. Обычные для Балкан того периода феодальные держания и владения (пронии, баштины, террени) светских феодалов соседствовали с обширными владениями религиозных учреждений, относившихся частично к православной, частично к католической церквам.

По мере развития феодальных отношений росли города. Албанские ремесленники славились искусством обработки железа и драгоценных металлов, производством оружия, шерстяных и шелковых тканей, резьбой по дереву и обработкой камня. Города Адриатического побережья Албании находились под властью Венеции. Они выполняли посреднические функции в торговле между Востоком и Западом. Некоторые из них чеканили свою монету. Развитые и процветающие города побережья почти не были связаны с внутренними районами. Венецианцы поддерживали эту разобщенность, усматривая в развитии внутренней торговой активности угрозу своему господству.

После смерти Стефана Душана на территориях, населенных албанцами, образовались независимые феодальные княжества, враждовавшие между собой. Во главе наиболее крупных из них стояли семейства Топия (южная ветвь носила имя Арианити), Бальши, Музаки, Кастриоти и др.

Проникновение на Балканы турок-османов привело к захвату ими большей части албанских земель уже к 1417 г. Горные районы были вынуждены признать вассальную зависимость от султана. Началось распространение военно-ленной системы. В 1431 г. на части земель, населенных албанцами, были созданы два санджака — Албания и Дибра, которые вошли в общую для завоеванных турками европейских территорий единицу — эялет Румелии. Владения албанских феодалов, признавших вассальную зависимость от султана (Бальши, Кастриоти и др.), не были включены в эти санджаки, а считались тимарами и носили имена их держателей. Тимары, как ранее пронии, давались условно, под обязательство несения военной службы в армии сюзерена, которым стал теперь турецкий султан. Они могли передаваться по наследству, если наследник брал на себя выполнение военных повинностей. Получение военных ленов не было связано на первых порах с обязательным переходом в мусульманство.

Ослабление центральной власти в Османской империи в первой четверти XV в. в результате династической борьбы не было использовано албанскими феодалами, враждовавшими между собой, для ликвидации иноземного господства. Отдельные успешные выступления албанских феодалов против турецких гарнизонов не смогли повлиять на расстановку сил на Балканах. До начала 40-х годов XV в. успех сопутствовал завоевателям.

Остановка продвижения османов была связана с именами талантливого венгерского полководца Хуньяди Яноша и национального героя Албании Георгия Кастриоти, прозванного Скандербегом. Георгий Кастриоти (1405?—1468) был послан своим отцом Гьоном в качестве заложника ко двору султана Мурада II. Воспитанный в янычарском корпусе, он возвысился при дворе в качестве талантливого полководца и тогда получил имя Искендер в честь Александра Македонского (Искендер-бей, превратившееся в Скандербег). После смерти своего отца Скандербег наследовал в 1437 г. его тимар с центром в Круе (Центральная Албания). Немногие сохранившиеся свидетельства того времени говорят о том, что Скандербег готовился к борьбе против султана, устанавливая связи с его противниками. Случай представился в 1443 г., когда победа Хуньяди Яноша над армией султана под Нишем стала сигналом к выступлению балканских народов против захватчиков. С этого времени и до дня своей смерти в 1468 г. Скандербег руководил борьбой албанского народа за независимость.

Освободительная борьба албанского народа имела исключительное значение для истории Балкан того периода, да и для Южной Европы в целом. Замечательны ее организованность, а главное — народный характер. Силой обстоятельств крупный феодал Скандербег превратился в вождя народного ополчения, реорганизованного им затем в регулярную армию. Обладая незаурядным талантом государственного и военного деятеля, он хорошо понял ценность этой народной армии.

Борьба албанского народа получила большой международный резонанс. Сопротивление албанцев, нередко вынужденных сражаться один на один против жестокого завоевателя, было одной из причин, остановивших османское продвижение в Европу. Когда же это сопротивление было сломлено и армия Мехмеда Завоевателя наконец прорвалась к Адриатике, оказалось, что время было упущено. Предпринятая османами в 1481 г. попытка осуществить с албанской территории поход в Италию потерпела неудачу. Вот почему героическая борьба албанского народа

XV в. навсегда вошла в историю страны как одна из самых ярких ее страниц, а руководитель народной борьбы Георгий Кастриоти Скандербег — как выдающийся национальный герой.

Глава 6
ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН В XII—XV вв.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Со второй половины XII в. и примерно до середины XIV в. в центральноевропейском ареале резко усиливается внутренняя колонизация за счет распашки лесов (в меньшей мере — осушения болот) и освоения менее пригодных для земледелия земель. Наибольшей интенсивности этот процесс достиг в Чехии, наименьшей в Венгрии, где он в описываемый период еще не завершился. Именно в это время сложилась густая сеть сельских поселений, более или менее равномерно охватывавшая основные территории центральноевропейских стран.

Однако изменения в сельскохозяйственной технике были не очень существенны: можно отметить лишь использование на ряде территорий плуга вместо рала (в том числе и тяжелого плуга, способного производить глубокую вспашку) и вообще более широкое применение железных орудий, в значительной мере городского производства. Можно отметить также более частое использование наряду с волами и коней в качестве тягловой силы. Большие изменения произошли в системах земледелия. Именно в XIII—XIV вв. в основных земледельческих районах Чехии и Польши стала господствующей система регулярного трехполья (в королевстве Венгрия в этот период она получила лишь некоторое распространение) с установившимся порядком чередования культур и принудительным севооборотом. Главными зерновыми культурами оставались, как и ранее, рожь и овес, удельный вес пшеницы возрастал лишь на особенно хороших почвах. К этому же времени относятся первые данные об удобрении полей и высевании стручковых (прежде всего гороха) не только на огородах, но и на полях.

Все эти перемены происходили в условиях общего развития товарно-денежных отношений и формирования наряду с сетью сельских поселений сети городов, потребности которых налагали отпечаток на развитие отдельных отраслей сельского хозяйства. Так, в пригородных деревнях выделилась категория крестьян, специализировавшихся на снабжении горожан овощами. Наметившееся расширение сельского овцеводства было также стимулировано потребностями городского сукноделия. Наконец, следует отметить появление в регионе определенных элементов географического разделения труда: например, начавшийся вывоз хлеба из Чехии в Венгрию, откуда в Чехию поступал скот.

Происходили и значительные перемены в социальном положении сельского населения. В XII — начале XIII в. шел интенсивный рост как церковного, так и светского феодального землевладения за счет государственных земель — и путем пожалований правителей, и путем узурпации, а затем хозяйственного освоения пустующих земель, лесов и т. д. Для первой половины XIII в. источники содержат сведения о существовании наряду с церковными крупных латифундий светских магнатов, в состав которых в ряде случаев входили даже «грады». Так значительная часть свободных общинников и даже «служилого» населения, являв-

Заставка из «Золотого кодекса» Пултуского Евангелия. Польша. XII в.

шихся ранее объектом эксплуатации со стороны государства, стала объектом эксплуатации отдельных феодалов-землевладельцев.

Последствия этих перемен оказались весьма значительными. Во-первых, с переходом тех или иных земель в руки феодалов утверждалась их собственность на эту землю, а личная свобода крестьян ущемлялась с их прикреплением к земле. Во-вторых, пожалования сопровождались предоставлением феодалам судебного и податного иммунитета, постепенно все расширявшегося. Таким образом, происходило превращение переданных феодалам земель в типичную феодальную вотчину-сеньорию, а проживавшего в них населения в феодально-зависимых крестьян.

Наиболее важные практические перемены для крестьян были связаны с организацией феодалами своего домениального хозяйства. В связи с этим в общей сумме крестьянских повинностей возрастал удельный вес отработок. Феодалы — светские и церковные — стремились распространить отработки и на те группы сельского населения, в частности различные категории «служилых», которые ранее обладали привилегированным статусом и не исполняли подобных повинностей в пользу государя. Подобные попытки вызывали энергичное сопротивление со стороны крестьян, поэтому конфликты были неоднократно предметом судебного разбирательства с участием высших государственных сановников.

В XII – начале XIII в. усилилась и эксплуатация крестьян со стороны церковных учреждений, к этому времени по примеру других католических стран в государствах Центральной Европы была введена церковная десятина, взимавшаяся натурой с каждого крестьянского хозяйства в размере $^1/_{10}$ урожая.

Была, однако, и другая тенденция в эволюции феодальной вотчины того времени. В условиях развития товарно-денежных отношений и появления городов возрастала заинтересованность феодалов в увеличении доходов. Отсюда их стремление привлечь на свои земли колонистов, которым приходилось обеспечивать благоприятные условия держания. Уже во второй половине XII в. в составе населения центральноевропейских сеньорий можно выделить небольшие слои так называемых «госпитов» (по-славянски – «гости») – колонистов, севших на землю сеньора по соглашению с ним. Отличительными чертами такого держания были личная свобода и денежная рента.

Эти формы держания приобрели значительное распространение (при активном использовании иностранных образцов) с начала XIII в., когда государственная власть центральноевропейских стран и феодалы, духовные и светские, попытались привлечь в широких размерах для заселения своих территорий иностранных колонистов, по большей части немцев. Поэтому новые формы держания получили наименование «держания на немецком праве» (которое правильнее было бы называть «правом немцев», так как идентичных норм права в самой Германии не было).

Складывавшаяся система отношений оформлялась соглашением, которое первоначально заключалось устно, а с середины XIII в. оформлялось при помощи письменного договора. Договор этот фиксировал передачу крестьянам земли в наследственную аренду, и их держания обозначались поэтому как держания на «эмфитевтическом праве». При исполнении взятых крестьянами на себя обязательств им гарантировалось наследственное пользование наделом и (в известных пределах) свобода распоряжения им. При заключении соглашения выделенные крестьянам наделы обмерялись, а причитавшиеся с них повинности фиксировались в постоянном размере с определенной меры площади – идеального надела (лана). Среди крестьянских повинностей доминирующее место занимала денежная рента, а роль отработок и взносов продуктами была второстепенной. Даже десятина частично переводилась на деньги. Еще одной особенностью новых отношений было юридическое признание самоуправления общины и общинного суда, имевшего право самостоятельно рассматривать дела так называемой «низшей юстиции».

Когда начались приглашения иностранных колонистов, правители и отдельные феодалы вовсе не намеревались пересматривать свои отношения с массой местного крестьянского населения. Однако этим планам помешала классовая борьба подданных, особенно эффективно использовавших в период колонизации такую ее форму, как бегство. Понимание, что без уступок крестьянам доходов увеличить не удастся, и нужда в деньгах, становившаяся с развитием товарно-денежных отношений все более острой (за переход на «эмфитевтическое право» жители старых поселений уплачивали, в отличие от колонистов, единовременно крупные денежные суммы), заставили правителей, а также светских и духовных феодалов пойти на превращение в держателей на «эмфитевтическом праве» значительной части и местного населения. Одновременно держания на местном праве во многом приблизились к положению держаний на «эмфитевтическом праве», от которых в XIV в. они отличались главным образом отсутствием письменного договора.

Одним из важнейших итогов происходивших социальных процессов было практическое исчезновение слоя несвободных – потомков невольников эпохи раннего феодализма, да и вообще восходивших к этому време-

ии различных сословных градаций в среде сельского населения. К XIV в. образовался единый в правовом отношении крестьянский класс (в Польше «кметы», в Чехии «седлаки», в Венгрии «иобагионы»). Лица, входившие в его состав, различались между собой не по юридическому статусу, а по имущественному положению.

В условиях втягивания крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения имущественная дифференциация в среде крестьянства, существовавшая в какой-то степени и ранее, определенно углубилась. Наметилось выделение сравнительно немногочисленной группы богатых крестьян, активно участвовавших в торговле зерном и скотом.

Основную массу населения составляли держатели, владевшие, как правило, полным или половинным наделом. Наряду с ними может быть выделена группа малоземельных крестьян, владевших лишь небольшим участком земли и домом или только домом и частично подрабатывавших в хозяйстве господина или у богатых крестьян (в Польше и Чехии этот слой крестьян был известен под наименованиями «загродники», «халупники», в Венгрии — «желлеры»). Наконец, в источниках упоминаются и работники, проживавшие по чужим дворам и вовсе не имевшие своего хозяйства (в Польше и Чехии они обозначались старым термином «челядь», в Венгрии, по-видимому, и на эту прослойку распространялось название «желлеры»). Дворы малоземельных составляли сравнительно небольшую часть крестьянских усадеб, численность же прослойки работников источники определить не позволяют. Часть таких работников, проживая на господском дворе, использовалась для работы в господском хозяйстве, которое в XIII—XIV вв. было сравнительно невелико и рассчитано на удовлетворение потребности в продовольствии феодала и его семьи. Для основной массы держателей отработки, как правило, не превышали одной-двух недель в году.

Описанные здесь процессы охватили не всю территорию Центральной Европы. Даже в Чехии, где они отличались наибольшей интенсивностью, известны крупные имения, где не было перевода крестьян на новое право, а отработки достигали нескольких дней в неделю. Кроме того, имеющиеся источники освещают в основном положение во владениях государей, крупных феодалов и церкви. В имениях мелких и части средних феодалов, как полагают некоторые исследователи, существенные перемены вообще могли не иметь места.

В различных странах переход на денежную ренту происходил с разной степенью полноты. В Чехии во многих случаях натуральные взносы приобрели полусимволический характер, вносились скорее не для удовлетворения потребностей, а «in signum dominii» (в знак подчинения господину). По отношению к Польше этого уже утверждать нельзя, а в Венгрии роль натуральных взносов была вообще более значительной.

Эти оговорки не могут, однако, изменить главного вывода: в Центральной Европе XIII—XIV вв., как и в Западной в XII—XIII вв., произошли важные социальные изменения, которые привели к улучшению социально-правового положения крестьян, упрочению их прав на свое владение и укреплению хозяйственной самостоятельности крестьянского хозяйства. Подобные изменения, в свою очередь, способствовали росту производительных сил, увеличению продуктивности хозяйства и товарных излишков, развитию товарообмена между городом и деревней.

Центральноевропейское держание на «эмфитевтическом праве» можно признать принципиально однотипным с французской цензивой. Однако если во Франции освобождение сервов и создание цензивы сопровождались ограничением сеньориальной юрисдикции и распространением в той или иной мере на земли феодалов и их держателей сферы действия государственных органов, то в странах Центральной Европы одновременно с процессом внутренней колонизации и создания держаний на «эмфитев-

тическом праве» шел процесс перехода в руки феодалов сначала низшей, а затем и высшей юрисдикции над подданными.

Данное обстоятельство приобретало особое значение, когда со второй половины XIV в. стали намечаться перемены в характере аграрных отношений в Центральной Европе. Перемены эти вызывались сходными причинами, но по-разному проявлялись в отдельных странах. Важнейшим фактором было завершение во многих районах процессов внутренней колонизации, что ограничивало возможности повышения доходов путем освоения новой земельной площади. Имело значение и прогрессирующее обесценение монеты, в которой фиксировались размеры денежных платежей. Между тем потребности господствующего класса в обстановке развития товарно-денежных отношений не уменьшались, а, наоборот, увеличивались. И хотя феодалы так и не пошли в массовом порядке на общий пересмотр заключенных договоров и повышение размеров ренты, они пытались увеличить свои доходы иным образом.

Рассматривая положение в целом, можно выделить пути, по которым пошли феодалы. Один из них, наиболее полно осуществившийся в Чехии, состоял в том, чтобы повысить доходы с держаний на «эмфитевтическом праве», формально не нарушая имеющиеся соглашения. Это достигалось с помощью «перемера» полей, в результате чего увеличивалось число наделов, с которых должна была поступать установленная договором рента, а также благодаря взиманию разного рода чрезвычайных сборов (или «помощи»), имевших способность превращаться в постоянные налоги. Наконец, были ужесточены санкции за нарушение договора — неаккуратная уплата давала основание для увеличения повинностей в несколько раз.

Другой путь заключался в возврате от теряющих ценность денежных платежей к натуральным поборам. Такая тенденция может быть прослежена на венгерском материале, где эти поборы внедрялись с помощью общегосударственных актов. Так, в 1351 г. был введен новый побор в пользу землевладельцев — «девятина» — девятая часть всех плодов и вина, а по закону 1397 г. в собственность феодала отходила треть выловленной рыбы. Еще один путь — в создании собственного, производящего на рынок хозяйства феодалов, что и дало бы возможность резко увеличить доходность их имений. Хронологически ранее всего дворянское предпринимательство проявилось в такой отрасли, как рыболовство, например в Чехии. Эта практика касалась крестьян в основном лишь постольку, поскольку их усилиями создавались пруды для разведения рыбы. Более глубоко затрагивало взаимоотношения крестьян и феодалов создание последними собственного зернового хозяйства в целях продажи его продуктов на рынок. Подобное хозяйство основывалось на барщинном труде крестьян и зачастую создавалось на отобранной у них земле.

Отдельные попытки создать подобное хозяйство там, где для этого были благоприятные условия, предпринимались в конце XIV—XV в. по всему Центральноевропейскому региону, но широкий размах они приобретали прежде всего там, где стремления феодалов к повышению доходности своего хозяйства совпадали с международной экономической конъюнктурой. Интенсивное экономическое развитие ряда стран Западной Европы (прежде всего Нидерландов) привело к выделению ряда районов с повышенной плотностью городского населения, потребности которого в продовольствии (прежде всего хлебе) не могли быть удовлетворены местной деревней. Тем самым создавался новый емкий рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов из тех частей Европы, где они не поглощались полностью местным рынком. Разумеется, такая возможность могла быть реализована там, где имелись удобные (в то время преимущественно водные) пути доставки этих продуктов в районы потребления. Применительно к такому району, как Нидерланды, речь могла идти в

первую очередь о землях у южного побережья Балтийского моря. С конца XIV до конца XV в. ареал земель, на которые оказывала воздействие эта конъюнктура, расширялся, захватив в Центральноевропейском регионе польские земли.

О становлении здесь в широких размерах фольварочно-барщинного хозяйства убедительно говорят данные о происходившем с конца XIV в. росте отработок, которые уже начинают измеряться не числом дней в году, а числом дней в неделю. Статут князя Януша Мазовецкого 1421 г. устанавливал общую для всего княжества норму барщины — один день в неделю с полного надела («лана»), а в церковных имениях Малой Польши, по данным, собранным Яном Длугошем, отработки в ряде случаев достигали уже двух-трех дней в неделю. Резко возросли, в частности, транспортные повинности, так как крупные феодалы стремились сами доставить зерно в балтийские порты, не прибегая к посредничеству местных купцов. Начался также экспорт «лесных товаров», в которых нуждалось зарождавшееся промышленное производство Западной Европы. Все это вело к явлениям «феодальной реакции».

Закономерным следствием ухудшения положения крестьян в такой ситуации явилось усиление классовой борьбы в деревне. На начальном этапе «феодальной реакции» распространенной формой борьбы крестьян была жалоба в государственный суд на нарушение договора. Подобные жалобы иногда давали положительный эффект, но с течением времени все реже. Кроме того, подобный путь борьбы был нереален для крестьян, не обладавших письменными договорами. Важной формой борьбы становился уход крестьян из владений тех феодалов, где условия для их деятельности ухудшались. Он осуществлялся как в легальной (переход), так и в нелегальной (бегство) форме. Вопрос о крестьянском переходе и сыске беглых занимает большое место во второй половине XV в. в законодательстве всех трех центральноевропейских государств. Следует отметить, что речь шла не столько об ограничениях крестьянского перехода, которые имелись и раньше, сколько о явной тенденции к ликвидации самого этого обычая. Одновременно ряд актов упрощал процедуру сыска беглых и усиливал санкции за их прием. Стало также отвергаться практически признававшееся ранее за городами право оставлять в своих стенах беглых, проживших в них определенный срок. Интенсифицировались и такие более активные формы борьбы, как отказ от исполнения повинностей, нанесение ущерба барскому имуществу, разбои. По сравнению с предшествующим периодом подобные выступления крестьян против существующего порядка стали более массовыми.

Должно быть также отмечено массовое участие крестьян в гуситском движении, в особенности на его высшем этапе — на рубеже второго и третьего десятилетий XV в. Помимо самого факта активного участия крестьян в центральных социально-политических конфликтах этого периода, заслуживает внимания определенная их восприимчивость к проповеди уничтожения всего существующего порядка (разделения общества на сословия и государства) и установления равенства имуществ, исходившей от представителей левого крыла таборитов — идеологов городской бедноты. Крестьяне приняли участие не только в массовых паломничествах на «горы», организованных гуситскими проповедниками, но и в попытках создания укрепленных «лагерей» для «ревнителей божьей правды».

В наиболее известном из них, Таборе, где на начальном этапе его существования была предпринята попытка осуществить равенство имуществ на практике, поселились многие деревенские жители Южной Чехии. Много крестьян вошло и в состав «полевых войск» гуситов. Гуситские военные уставы фиксировали их право на получение определенной доли военной добычи. Однако в гуситском движении крестьянству не

принадлежала ведущая роль, в нем оно не выступило как самостоятельная сила и не выдвинуло своих особых требований.

Для изучения высших форм классовой борьбы крестьянства в эпоху развитого феодализма особый интерес представляет крестьянское восстание в Трансильвании 1437—1438 гг. О том, чего добивались крестьяне, дает хорошее представление текст соглашения, заключенного в июле 1437 г. дворянами Трансильвании с крестьянскими представителями под давлением восставших. По этому соглашению крестьянам гарантировались право перехода и возможность свободно распоряжаться своим имуществом по завещанию, а их повинности должны были ограничиваться уплатой небольшой денежной ренты, натуральными приношениями полусимволического порядка и барщиной в размере одного дня в год. Наложенные на население натуральные поборы, такие, как «девятина» — девятая часть зерна и вина или десятина свиней и пчел, подлежали ликвидации. За соблюдением принятых решений должен был наблюдать особый орган — крестьянское собрание.

Содержание этого документа ясно показывает, что крестьянство боролось за сохранение позиций, завоеванных им в XIII—XIV вв., за ликвидацию всех новшеств, внесенных «феодальной реакцией», за создание условий для успешного развития самостоятельного крестьянского хозяйства. Вместе с тем само появление такого соглашения — яркое свидетельство размаха классовой борьбы и силы восставшего крестьянства. Оно было заключено после поражения, нанесенного трансильванским дворянам крестьянским войском, которое также сумело овладеть одним из главных центров области — г. Клужем. Восстание было подавлено лишь после ряда сражений, в которых крестьянам противостояли соединенные силы трансильванского дворянства и городов. Проявленное крестьянами умение воевать и организованность лишь отчасти могут объясняться участием в восстании на первом этапе мелкого дворянства. Немалую роль сыграло, по-видимому, само положение Трансильвании как пограничной области, подвергавшейся постоянным набегам турок, где, очевидно, вооруженная самооборона была обычной практикой.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА В ПОЛЬШЕ, ЧЕХИИ И ВЕНГРИИ

На протяжении XII в., особенно в его конце, на территории Польши и Чехии шел процесс социально-экономической трансформации торгово-ремесленных центров («подградий») в города. Наиболее интенсивно развивались центры транзитной торговли (Краков, Прага). Городов было немного, но они были достаточно крупными. Можно говорить о едином типе центрально- и восточноевропейского крупного города XII в. (включая Древнюю Русь) как важного узла транзитной торговли, политического центра отдельных земель (княжеств).

Города находились в феодальной зависимости от князей, в пользу которых их жители несли ряд феодальных повинностей, принося княжеской казне значительный доход.

Не следует, однако, переоценивать экономическое развитие центральеевропейских городов XII в. При цветущей транзитной торговле ремесло в них только начинало развиваться. Горожане продолжали заниматься сельским хозяйством как вспомогательным занятием, ибо доходы от ремесла не были достаточными. Специализация ремесленного производства находилась в зародыше. И хотя качество городской ремесленной продукции было выше, чем в сельском ремесле, но (за некоторыми редкими исключениями) ниже, чем в Западной Европе, и поэтому оно

не было связано с внешней торговлей. В ней и в XII в., и позднее преобладала продукция сельского хозяйства. Эти особенности, объясняемые относительно поздним возникновением городов как торгово-ремесленных центров, обусловили отставание городов Центральной Европы от западноевропейских, а в результате и отсутствие у них эмансипационных стремлений.

В XIII в. города Польши, Чехии, Венгрии достигают более высокой степени развития. Наряду с внутренними причинами в этом сыграл роль и процесс так называемой внешней колонизации, охвативший все области экономической, социальной и политической жизни этих стран, в том числе городов. «Городская колонизация» выражалась в том, что пришедшие, в основном из Германии, «гости» («госпиты») основывали в этих странах свои города с письменно фиксированным правом по образцу городского права той земли, откуда они пришли, или же, что было намного чаще, поселялись в местных городах и предгородских поселениях, получая для них аналогичные правовые гарантии. «Городская колонизация» способствовала расширению торговых связей городов, прогрессу ремесленного производства и фактическому освобождению их от наиболее грубых форм зависимости от сеньоров.

По городскому праву, принесенному колонизацией, город оказывался лишь номинально зависимым от короля или князя, обладал судебным и податным иммунитетом, мог облагаться только денежным налогом, имел статус самоуправляющейся общины во главе с локатором-войтом, правда при наличии контроля представителя государя. Отрицательным результатом колонизации был приток в города иноэтничного (главным образом немецкого) населения, занявшего ключевые позиции во внутригородской жизни. Вскоре в городах началась борьба за полное самоуправление, закончившаяся в различных странах по-разному. Но почти везде место войта занял избираемый самими горожанами магистрат как орган самоуправления городской коммуны.

Внутренняя социальная структура города, как и в Западной Европе, была трехчленной: патрициат, ремесленники, беднота. Власть в городе находилась в руках немецкого патрициата, однако до XV в. в городах рассматриваемого региона не было открытого антагонизма между патрициатом и ремесленниками, что сглаживало формы борьбы ремесленников за участие в городском самоуправлении: во многих городах представители ремесленников мирным путем вводились в городской магистрат. Эта особенность внутригородской социальной борьбы отчасти объяснялась процессом колонизации, в ходе которого члены городской общины экономически, политически и в определенной мере этнически противостояли как единое целое окружающему местному миру, несмотря на существующее имущественное и социальное неравенство в их среде, отчасти более поздним и замедленным развитием города в регионе, вследствие чего там до XV в. еще не образовалась «плебейская оппозиция». В городах региона очень трудно отличить собственно социальную борьбу от столкновений разных этнических элементов, поскольку уже в XIV в. в большинстве городов Польши и Чехии часть ремесленников и городская беднота состояли из местного населения. Этническое напряжение внутри города, переплетавшееся с социальным, постепенно нарастало и вылилось в XV в. в ряде городов Чехии и Венгрии в крупные восстания.

Характерным признаком внутригородской социально-экономической жизни стали ремесленные цехи, по своей структуре, функциям и характеру эволюции не отличавшиеся от классического западноевропейского цеха (см. ч. II, гл. 1, 2). Все более усиливавшаяся цеховая регламентация и тенденция цехов к монополизации производства и сбыта в своих узкокорпоративных интересах приводили к напряженным отношениям

Староместская башня Карлова моста в Праге. 1357 г.

между ремесленниками-производителями и потребителями их товаров, т. е. между ремесленниками разных цехов. За пределами города цеховая монополия вела к конфронтации горожан с сельским населением. Известное «право мили», исключавшее конкуренцию сельских ремесленников в городе и его ближайшей округе, в конечном счете тормозило развитие городского ремесла.

Город постепенно превратился в обособленную хозяйственную единицу, где вся основная продукция ремесла изготовлялась на месте, а торговля ею находилась в руках самих горожан. Приток высококачественных импортных товаров при качественном отставании собственного ремесла привел к утверждению ряда охранных мер против иностранных и иногородних купцов, передав торговлю с ними в руки местных купцов. Таким образом, наряду с купечеством, занимавшимся экспортом продукции сельского хозяйства, в городах появилась группа купцов-перекупщиков. Но там не сложился слой купечества, занимавшегося сбытом продукции местного ремесла вне рамок ближайших рынков. Развитие ремесла, способного проникать на более отдаленные рынки Западной Европы, не стало основой расцвета ни одного крупного города в регионе. Напротив, в крупнейшие процветающие города превратились те, которые издавна были центрами транзитной торговли (Прага, Краков, Вроцлав, ганзейские города Поморья). Ремесленная продукция центральноевропейских городов находила, однако, сбыт в Восточной и Юго-Восточной Европе. Но эти рынки были в руках купечества тех стран, куда эти изделия ввозились.

Особую категорию городов во всех странах региона представляли города — центры горнорудных разработок, где очень рано стал использоваться наемный труд, уже в XIV—XV вв. возникали элементы раннекапиталистических отношений, развивались острые социальные конфликты. Однако эти города оставались малыми анклавами в море феодальных отношений.

При отмеченных общих чертах развития города Польского, Чешского и Венгерского государств обладали в XIII—XV вв. рядом специфических черт и глубоких отличий. Наиболее экономически и особенно политически развитыми были города Чешского государства XIV в. (Прага, Кутна Гора, Брно, Вроцлав и др.). В Чехии возникла чрезвычайно густая сеть городов. Был основан огромный, даже по более поздним критериям, город — Новое Место Пражское. Большое развитие получили торговля и ремесло, достигшее значительной степени специализации. Существовали тесные торговые связи с городами соседних немецких земель. Несмотря на противодействие королевской власти укрепилась и приняла законченные формы цеховая система. Среди городов доминирующее положение занимала Прага — столица королевства, а при Карле IV и столица всей Германской империи. Подавляющее большинство городов было королевскими и лишь несколько — частновладельческими. Горожане в большинстве городов довольно рано выкупили «рихту» — институт королевского представителя в городах — и стали пользоваться полным самоуправлением. Города в Чехии не стали поддержкой королевской власти, очевидно, потому, что королевская власть не искала их союза, к тому же во внутренней политике Люксембургов иногда явно проявлялись антигородские тенденции. Постепенно города сформировались в третью политическую силу в стране после короля и шляхты. В XIV в. завершился процесс консолидации бюргерства в самостоятельное сословие. В конце XIV — начале XV в. шел постепенный процесс чехизации ремесленников и патрициата, что обостряло межэтнические отношения.

В городах существовали глубокие внутренние социально-экономические противоречия, что позволило им (прежде всего Праге) стать очагом гуситского движения. Города наряду с рыцарством были основной движу-

щей силой этого движения. В ходе гуситских войн благодаря самостоятельной политике городов чрезвычайно вырос их политический вес и авторитет в стране, они стали непременными и активными участниками земских сеймов. К середине XV в. они прочно заняли место в сейме, обрели фактически полную независимость от королевской власти и значительно укрепили свое экономическое положение, поскольку оказались собственниками части бывших земельных владений католической церкви и бежавшего немецкого патрициата. Чешский город превратился в коллективного феодального сеньора. Города стремились к осуществлению в масштабах страны своих торгово-ремесленных монопольных интересов. Однако на этом пути было неизбежным столкновение с дворянством, не желавшим мириться с возросшей политической силой городов. К тому же монополистические тенденции городов в торговле препятствовали начавшемуся во второй половине XV в. подъему дворянского хозяйства и усилению его связей с рынком (см. выше). Столкновение между дворянством и городами также было неизбежным и на экономической почве.

Во внутреннем развитии города в результате гуситского движения произошла значительная демократизация городской жизни, исчез старый патрициат, возник новый за счет усилившегося бюргерства, несколько повысился жизненный уровень средних и низших слоев горожан, что привело к известной нивелировке имущественного положения и условий жизни городского населения. В городской политике главное место заняли цехи, получившие много мест в магистрате. В целом для послегуситского города XV в. характерны «вертикальная мобильность» горожан, демократизм, моноэтничность, консолидация на новой идеологической основе (гусизм), осознание своей силы бюргерством и вытекающие отсюда политические амбиции, хотя экономическое развитие оставалось на прежнем уровне.

В Польше роль городов была скромнее. Немецкий патрициат городов не был заинтересован в создании самостоятельного польского государства, ориентируясь на иностранные или уже германизировавшиеся политические центры. В XIV в. экономически окрепший польский город с развитой цеховой системой в политической жизни заявлял о себе тем, что поддерживал попеременно того или иного князя, стремясь при этом лишь к увеличению своих привилегий, и не содействовал формированию в Польше единого государства. Эмансипировавшиеся в XIV в. от власти сеньоров и добившиеся широкого самоуправления города, однако, попали в зависимость от воевод, не добились полной автономии и не получили представительства в сословном собрании — сейме, т. е. роль их в политической жизни страны была незначительной.

В XIV—XV вв. в польских городах развивалось и совершенствовалось ремесло, в частности ткачество, продукция его стала предметом экспорта. Значительных успехов достигла транзитная торговля и ее центры, входившие в Ганзу: Краков, Львов, Гданьск. Расширилась внутренняя торговля, усилилась роль ярмарок. Купцы из городов Польши начали самостоятельно вести заграничную торговлю. В конце XIV в. в результате перемещения торговых путей на Балтику, а также из-за упадка восточных торговых путей вследствие агрессии Османской империи начался бурный расцвет балтийских городов. Для старых торговых центров Польши главной стала внутренняя торговля, что привело к их экономическому ослаблению. Вместе с тем в XV в. шел интенсивный приток в города польского населения.

В Венгрии в связи с замедленностью социально-экономических процессов города были продуктом главным образом «внешней колонизации». Города основывались немецкими колонистами во второй половине XIII в. на месте старых торговых центров с колониями «госпитов». В Трансильвании города, основанные выходцами из Саксонии, появились в 1140-х

годах. Особенностью Венгрии было то, что городские привилегии получили лишь поселения на территории королевского домена. В XIV в. некоторые венгерские города добились самоуправления, но в экономическом отношении оставались слабыми, в значительной степени сохраняли аграрный характер. Слой купечества был невелик, так как монополия внешней торговли принадлежала феодалам. Тем не менее в конце XIV в. в городах возникает цеховая система, что, очевидно, было связано с перенесением в венгерские города норм городской жизни Германии. В XV в. происходит некоторая интенсификация городского развития и увеличивается политическое влияние городов. Так, король в 1405 и 1432 гг. запрашивает мнение городов по экономическим вопросам. В государственном собрании города впервые стали участвовать в 1445 г., однако заседали в нем эпизодически и не выступали там как самостоятельная политическая сила. Число городов оставалось небольшим. Многочисленные рыночные местечки в Венгрии не имели тенденции к превращению в частновладельческие города. В XV в. в связи с расширяющимся притоком местного населения в городах возникло сложное переплетение социально-этнических противоречий, приводивших в ряде городов (Жилина, Буда) к крупным выступлениям против немецкого патрициата, причем на территории современной Словакии (тогда составлявшей северную часть королевства Венгрии) эти движения были связаны с процессом демографического и социального роста словацкой народности, представители которой требовали права (наравне с венграми и немцами) участия в городской жизни. С середины XV в. города королевства начали приходить в полный упадок в связи с процессом натурализации венгерской экономики в целом.

Таким образом, несмотря на разный уровень экономического развития в разных странах, города всего региона характеризовались более отсталым ремесленным производством по сравнению с Западной Европой и отсутствием политического союза с королевской властью.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Во второй половине XI и в середине XII в. в политической жизни Чехии и Польши произошли заметные изменения. Оба ранее единых государства разделились на ряд княжеств во главе с членами правящего княжеского рода, которые вели постоянную борьбу за обладание столицей и политическое верховенство. Начавшаяся в этих странах «феодальная раздробленность» должна оцениваться как качественно иное явление по сравнению с феодальной раздробленностью некоторых стран Западной Европы после распада империи Каролингов. В период политического разделения Чехии и Польши на отдельные княжества процесс образования феодального землевладения и класса феодалов и оформления их привилегированного статуса находился лишь в начальной стадии, и не могла идти речь о превращении уже существующих сеньорий в самостоятельные владения. Здесь скорее имело место разделение централизованной ренты между региональными группировками формирующегося господствующего класса, возможное потому, что централизованная система эксплуатации в обеих странах полностью упрочилась. Образовавшиеся княжества оказались довольно стабильными политическими организмами, и в дальнейшем не произошло их распада на массу более мелких владений — в руках государственной власти продолжал находиться значительный фонд земель. Третье центральноевропейское государство — королевство Венгрия вообще не разделилось на уделы. Но это различие не помешало идентичности основных процессов развития во всех трех странах. Правда, обстановка постоянной борьбы между князьями созда-

вала в Польше и Чехии более благоприятные условия для развития процесса формирования церковного и светского феодального землевладения, о котором говорилось выше.

Этот процесс был сходен с аналогичным процессом в других странах Европы, но отличался одной существенной особенностью: хотя здесь также в ряде случаев земельные пожалования светским феодалам были условными, это, во-первых, касалось далеко не всех пожалований, а, во-вторых, даже носившие первоначально условный характер быстро превращались в наследственную собственность аллодиального типа. С XIII в. практика пожалований на ленном праве использовалась в своих владениях отдельными магнатами и церковными иерархами, а с XIV в. их стала практиковать и государственная власть (как, например, в Чехии). Но подобные владения так и остались в конце концов второстепенным элементом социально-политических структур иного характера. В Центральной Европе не сложилось ни системы земельной собственности, основанной на ленных пожалованиях, ни производной от нее системы феодальной иерархии, основанной на вассально-ленных связях.

Как и в Западной Европе, в Центральной образование церковного и светского землевладения сопровождалось приобретением феодалами судебного и податного иммунитета. Предоставление такого иммунитета означало существенное изменение в функционировании сложившегося в период раннего феодализма аппарата центрального управления. Его компетенция по отношению к отдельным группам населения сокращалась, сокращались и поступавшие в его распоряжение доходы (натуральные и денежные) и «службы» с населения, имевшие целью удовлетворять коллективные потребности господствующего класса. Государственный аппарат утрачивал не только власть и доходы, но и очень важную общегосударственную функцию их распределения, хотя формально традиционные органы управления продолжали существовать и дальше в неизменном виде.

Изменился и социальный облик лиц, направлявших деятельность государственных учреждений. В XIII в. их немалый авторитет в глазах общества зависел не столько от должностного положения, сколько от размеров их земельных владений и клиентелы, а также от их родственных связей в среде формирующейся землевладельческой аристократии. Такие должностные лица не могли быть послушным орудием в руках монархии.

Эти особенности позволяют понять некоторые характерные черты политики центральноевропейских монархий в переломный период. Если первоначально они пытались при поддержке группировок господствующего класса, заинтересованных в сохранении системы централизованной эксплуатации, поставить определенные препятствия росту крупного землевладения, то в дальнейшем они перешли к созданию «домена», выделяя из массы еще оставшихся объектом централизованной эксплуатации земель определенные владения, освобождая их от всякого подчинения местным органам власти и всяких повинностей в их пользу и предназначая доходы с них исключительно на содержание двора. Частью такого «домена» являлись в планах правителей и наиболее значительные города, основывавшиеся на этих землях при участии государственной власти.

В XIII—XIV вв. в Центральной Европе сложились социальные и политические институты, характерные для периода развитого феодализма. По сравнению с ранним феодализмом не изменились существенно ни состав, ни специфические функции такой особой социальной группы, как духовенство. Однако ее положение в обществе стало иным. Прежде всего с XII в. духовенство решительно вышло за стены «градов», о чем свидетельствует масса храмов, построенных начиная с этого времени в сельской местности. Бо́льшая часть из них постепенно превращалась в приходские церкви. Деятельность духовенства охватывала теперь все население страны, что способствовало росту значения и престижа церкви в об-

щественной жизни. Духовное сословие не только очень увеличилось численно, оно превращалось в сложную социальную структуру со все разраставшимся аппаратом управления. Благодаря многочисленным дарениям церковь приобрела собственных подданных и доходы. Одновременно с уменьшением удельного веса государственных форм эксплуатации ослабевало и значение данного источника поступлений для духовенства.

В этих условиях духовная иерархия стала тяготиться зависимостью епископов и соборов от центральной власти, а приходских священников от тех феодалов, на чьих землях и на чьи средства приходские храмы были построены. На очередь в странах Центральной Европы стал вопрос о проведении здесь реформ, аналогичных «грегорианским» в Западной Европе (см. ч. I. гл. 4 и ч. III, 5). Первая половина XIII в. отмечена во всех трех центральноевропейских государствах рядом конфликтов между церковной иерархией, которую поддерживало папство и часть крупных светских феодалов, и государственной властью.

В итоге к середине XIII в. намеченная программа церковных реформ была в основном реализована. Был установлен целибат, выборы епископов стали проводиться не светскими правителями, а капитулами, были утверждены подсудность духовных лиц только церковному суду, а также подчинение приходского духовенства власти епископов (с определенным ограничением прав светских патронов). К исключительной компетенции церковных судов были отнесены и некоторые дела, касавшиеся всех членов общества (о браке, о нарушении присяги, о ересях и др.). В деятельности церковных судов широко применялись нормы канонического права того времени. Наконец, одним из результатов реформ стало признание за владениями церкви полного судебного и широкого податного иммунитета.

Не менее значительные изменения произошли и в положении профессиональных воинов — milites (рыцарей) — эпохи раннего феодализма. На протяжении XII—XIII вв. развернулся процесс превращения их основной массы в феодалов-землевладельцев. Разумеется, при этом между обеими групами не всегда была полная преемственность: часть раннесредневековых milites, не сумевшая приобрести земельных владений с крестьянами, в особенности те из них, в статусе которых имелись элементы личной зависимости, не попала в состав формирующегося дворянского сословия и в конце концов влилась в ряды крестьянства. В некоторых случаях, однако, как, например, в польской Мазовии, преемственность была почти полной, и здесь в состав дворянства вошел довольно большой слой лиц, которые обрабатывали землю своим трудом (так называемая «загродовая шляхта»). Впрочем, и в этом варианте определяющим для положения члена господствующего сословия был статус привилегированного феодала-землевладельца.

Комплекс прав и обязанностей владельцев феодальных вотчин складывался довольно быстро, и есть основание полагать, что совокупность соответствующих норм ко второй половине XIII в. стала реальностью во всех трех центральноевропейских государствах. В королевстве Венгрия эти нормы были письменно зафиксированы уже в начале XIII в. (так называемая «Золотая булла» 1222 г.). В Чехии и Польше это было сделано лишь в законодательных актах XIV в. (привилегии короля Яна Люксембургского 1310—1311 гг. для чешских феодалов, так называемый «Кошицкий привилей» 1374 г. для феодалов польских). Правда, и в этих документах были зафиксированы не все аспекты сословного статуса дворянства, например не нашел в них отражения такой существенный момент, как признание за феодалами права юрисдикции над подданными, вероятно, потому, что это само собой разумелось.

Характеризуя главные черты сословного положения дворянства, как оно определилось к XIV в., можно выделить следующие основные момен-

Коронационный меч польских королей. Вторая четверть XIII в.

ты. Во-первых, претерпело существенные изменения главное обязательство milites — обязательство несения военной службы. Оно было ограничено обязанностью участия в обороне страны; в случае похода за пределы страны феодалам полагалось денежное вознаграждение. В равной мере на государственную власть (по памятникам польского права) ложились обязательства выкупать феодала, попавшего в плен, и возмещать ущерб лицам, пострадавшим во время заграничного похода. Следует при этом добавить, что во всех центральноевропейских государствах речь шла о личной службе феодала, которая не стояла ни в какой связи с размером принадлежавшей ему земли.

Во-вторых, утвердилось право феодалов на использование всех возможностей, какие давало в руки соответствующему лицу обладание данной территорией и живущими на ней крестьянами (включая право охоты, строительства корчем и мельниц, устройства торга и др.), а также право наследования и распоряжения такой собственностью (к государству отходило имущество лишь такого лица, у которого вообще не имелось родственников).

В-третьих, довольно скоро обозначилась тенденция к тому, чтобы как можно большая часть продукта крестьянского труда оставалась в руках собственника, а не поступала в пользу государства. При этом господское хозяйство, в частности господская запашка, никакому обложению вообще не подлежало. Освобождения владений феодалов от отдельных налогов и

повинностей начались уже в XII в. В дальнейшем, в частности в связи с распространением колонизации на «немецком праве», распространилась практика замены разнообразных налогов и повинностей, кроме связанных с обороной страны — строительство мостов, укрепление крепостей, единым фиксированным денежным налогом. В Польше и Венгрии этот сбор превратился в постоянный налог, но размер его в законодательных актах XIV в. (декрет 1351 г., «Кошицкий привилей» 1374 г.) был сведен к очень небольшим суммам (3 гроша с двора в королевстве Венгрия, 2 гроша с «лана» в Польше). В Чехии XIV в. главный поземельный налог — «берна» взимался в размере 33 гроша с «лана», но по привилегии Яна Люксембургского (1311 г.) король мог взимать его лишь при коронации или браке короля и его детей. Результат в обоих случаях был сходным: резкое уменьшение доходов, поступавших в пользу монархии с владений светских феодалов. В результате господствующий класс конституировался как особое сословие феодалов-землевладельцев, обладавшее податными привилегиями. Положение этого сословия в обществе было уже функционально иным, чем положение milites раннего средневековья.

Раньше всего ослабление государственной власти было использовано верхами формирующегося дворянского сословия — знатью, «баронами». Постоянной практикой становится решение судебных дел, принятие политических решений и законов, установления о сборе налогов по «совету» и с «согласия» магнатов. Эта практика затем получила подтверждение и в формальных соглашениях, по которым правители обязывались также не раздавать и «урядов» без «совета» знати. Сила знати в XIII в. настолько возросла, что даже такой могущественный правитель, как чешский король Пржемысл (Отакар) II (1253—1278), пытавшийся править по-старому, поплатился за это в конечном итоге своей жизнью.

Казалось, развитие должно было привести к созданию режима магнатской олигархии либо просто к разделу государственной территории между магнатами. В действительности этого не случилось. Чешские земли, политическое объединение которых произошло еще в конце XII в., сохранили свою целостность, несмотря на ряд острых конфликтов конца XIII — начала XIV в. между династией и знатью и между отдельными группировками магнатов; в начале XIV в. было восстановлено единое Польское государство. Оно сохраняло единство и позднее — в конце XIV и в XV в., усилив свои позиции личной унией с Великим княжеством Литовским (см. ч. II, гл. 8). В начале XIV в. потерпели неудачу также попытки венгерских магнатов создать в разных частях королевства Венгрии практически самостоятельные княжества. В XIV в. государственная власть в регионе повсеместно заметно укрепилась.

Главной причиной этих перемен в политической жизни региона было то, что развитие товарно-денежных отношений, коммутация ренты, рост доходов феодалов за счет внутренней колонизации способствовали заинтересованности широких слоев господствующего класса, а также большей части высшей знати в прекращении феодальной анархии, в наличии единой власти, способной обеспечить всем представителям дворянского сословия возможность спокойно пользоваться своими доходами. В политическом объединении оказалась заинтересованной и церковь — ее немалые владения и ценности в условиях феодальной анархии легко становились объектом посягательств со стороны светских феодалов. Наконец, в поддержку объединения и укрепления центральной власти выступала такая новая сила центральноевропейского общества, как города. Их роль в этом процессе, однако, не была столь значительной, как на Западе Европы, прежде всего в силу их экономической слабости. Кроме того, как и там, наиболее богатые и могущественные из них, связанные прежде всего с транзитной торговлей, нередко занимали сепаратистские позиции.

Политическое объединение и связанное с ним определенное укрепление государственной власти осуществились главным образом благодаря соглашению между региональными группировками феодалов.

Королевский домен, сильно сократившийся в предшествующий период, был теперь частично восстановлен, а управление им улучшено. Был упрочен патронат правителя над церковью. В результате негласного компромисса монархия стала гарантом сохранения приобретенных церковью прав и привилегий и одновременно обеспечила себе контроль за назначениями на высшие церковные должности. Была упрочена и власть правителей над королевскими городами. Наконец, упрочилось и финансовое положение центральной власти за счет появления доходов от разработки рудников (более значительных — в Чехии и Венгрии, менее значительных — в Польше) — горное дело продолжало в этот период оставаться королевской регалией.

Правители, осуществившие все эти преобразования и укрепившие авторитет института королевской власти, такие, как Карл Роберт (1310—1342) и Лайош I Великий (1342—1382) Анжуйские в Венгрии, Казимир Великий в Польше (1333—1370), Карл IV Люксембургский в Чехии (1347—1378), стремились править самостоятельно, прекратить возникшую в эпоху предшествовавших смут и междоусобиц практику съездов знати (иногда с представителями наиболее богатых городов) для решения государственных вопросов, созывая такие собрания лишь в чрезвычайных случаях. Однако широкий судебный и податной иммунитет светских феодалов не подвергся существенным ограничениям. Росла политическая активность и организованность разных слоев этого сословия.

В таких условиях с конца XIV в. во всех трех странах началось формирование органов сословного представительства. Развитие этого процесса было различным в Польше и королевстве Венгрия, с одной стороны, и в Чешском королевстве — с другой.

Отличительной чертой положения в Польше и Венгрии была слабость городов. Далеко не все из этих городов к тому же находились под властью королей, да и королевские города не проявляли никаких стремлений к эмансипации, так как их благосостояние прямо зависело от могущества их владельцев. Правда, под властью государей находились, как правило, наиболее крупные города, но доходов с них было недостаточно, чтобы обеспечить монархии самостоятельное и ведущее положение в стране.

Экономическая слабость городов закономерно влекла за собой их политическую слабость, усугублявшуюся отсутствием у них единства действий, никакой общегосударственной организации горожан в Польше и Венгрии в XIV—XV вв. не было. Города в целом в этих странах не принимались в расчет как серьезный участник политической борьбы. Внутриполитическое развитие в обеих странах определялось эволюцией отношений между монархией и различными слоями господствующего класса. Первоначально как главный протагонист монархии выступали представители знати, которые по традиции претендовали на занятие высших должностей в государстве. Конституировавшийся в XIV в. как главный орган управления, королевский совет стал ареной столкновений двух сил: крупных магнатов, добивавшихся подчинения правителя своим интересам, и государя, стремившегося играть самостоятельную роль. С этой целью монархи выдвигали в состав совета представителей средних феодалов, лично обязанных им своим возвышением, наделяя их должностями и землями. Однако многие из возвышенных таким способом лиц рано или поздно превращались в новых магнатов, наследовавших от старой знати все ее политические традиции.

Фактором, оказывавшим в XIV—XV вв. все большее воздействие на внутриполитическое развитие обеих стран, стало обострение противоре-

Вид части города Будапешта — Буды. Немецкая гравюра XV в.

чий между магнатами и широкими слоями средних и мелких феодалов. Острота этих противоречий в немалой мере зависела от того, что институт ленных отношений получил в обеих странах, как уже говорилось, слабое развитие. Клиентела магнатов, состоявшая из служилого дворянства, не имела собственной земли и жила за счет жалованья или доходов от предоставленных им должностей. В общеполитическом плане борьба средних и мелких феодалов за сохранение или приобретение своей собственности принимала характер борьбы против сосредоточения в руках магнатов полноты административной власти.

В Венгрии конфликт обозначился уже во второй половине XIII в., к этому же времени относятся и первые сведения о появлении здесь областных (комитатских) дворянских собраний. В Польше такие местные собрания («сеймики»), на которых преобладало влияние средних и мелких феодалов — шляхты, стали регулярно собираться на рубеже XIV—XV вв.

Областные собрания являлись главным инструментом борьбы среднего и мелкого дворянства за свои права. Особый размах эта борьба в обеих странах приобрела в XV в., и на данной почве наметилось определенное сотрудничество среднего дворянства с монархией. Ограничить влияние знати, опираясь на среднее дворянство, пытались такие правители, как Казимир Ягеллончик (1447—1492) и особенно его сын Ян Ольбрахт (1492—1501) в Польше и Матьяш Хуньяди (Корвин) в Венгрии (1457—1490). Последний добился наибольших успехов в проведении своей политики.

В 70-х годах XV в. в Венгрии был даже установлен новый постоянный налог, которого оказалось достаточно для создания наемной армии. Однако сразу же после смерти Корвина реформы, направленные на усиление центральной власти, были отменены. В целом именно среднее дворянство извлекло основные выгоды из создавшегося положения. К концу XV в. окончательно конституировались и получили официальное признание областные дворянские собрания, приобретшие практически ряд функций органов государственной власти на местах. Они осуществляли даже собственную законодательную деятельность в рамках своих областей. Вместе с тем в тот же период окончательно утвердилась и была закреп-

лена в нормах права практика, согласно которой значительная часть представителей исполнительной власти на местах и члены судов назначались из числа местных землевладельцев по представлениям местного дворянства.

Резко возросла роль представителей провинциального среднего дворянства и в общегосударственном масштабе. В составе окончательно сложившихся в XV в. в обеих странах общегосударственных сословных собраний — государственного собрания в Венгрии, общего («вального») сейма в Польше — выборные представители дворянских организаций на местах заняли наряду с чинами королевского совета весьма видное место, без их участия принятие решений стало невозможным. Одновременно серьезно расширилась и компетенция этих собраний. Наряду с вотированием «чрезвычайных» налогов, которые могли взиматься лишь с согласия сословий, к концу XV — началу XVI в. к ним перешло и право издания новых законов, что ранее, по крайней мере формально являлось прерогативой королевской власти. Перестройка политических институтов в соответствии с требованиями среднего дворянства осуществлялась в значительной мере за счет сокращения компетенции центральной власти. Такой исход борьбы в немалой мере объяснялся отсутствием у монархии Венгрии и Польши сильного союзника в лице городов. Существенно также, что на общегосударственные собрания приглашались представители лишь отдельных городов, а системы организованного представительства от сословия горожан не возникло.

Однако и среднему дворянству не удалось в полной мере добиться своих целей: если стремления знати к усилению своей власти были в общеполитическом плане определенно ослаблены формированием институтов дворянского представительства, то главный источник могущества знати — ее землевладение эти реформы ни в чем не затронули. Заседавшие на сеймах представители дворянства в целом старались взвалить на монархию основную тяжесть расходов на управление страной, включая и такую важнейшую статью, как военные расходы. Отсюда растущие финансовые трудности монархии, которые разрешались за счет отдачи в заклад в обмен на займы имевшихся в ее распоряжении источников доходов — прежде всего земель королевского домена. В итоге к концу XV в. бóльшая часть территорий домена, включая и многие города, оказалась в закладе у магнатов, ссужавших корону деньгами.

Этим можно объяснить тот факт, что на рубеже XV—XVI вв. наметилось новое усиление магнатов, стремившихся взять в свои руки власть в стране. В Венгрии конца XV — начала XVI в. она стала объектом борьбы соперничавших магнатских клик. В Польше стремления магнатов нашли свое выражение в так называемом «Мельницком привилее» 1501 г., по которому фактически полнота власти в стране должна была сосредоточиться в руках королевского совета — сената, состоявшего по преимуществу как раз из крупных феодалов-магнатов.

Развитие Чешского королевства отличалось рядом особенностей. Для этой страны были характерны более сильные позиции магнатов. Уже на рубеже XIII—XIV вв. высшие государственные должности в стране оказались фактически монополизированы представителями немногих магнатских родов. В их же руках оказалось и главное судебное учреждение страны — земский суд, превратившийся из общегосударственного в сословный суд светских феодалов.

В Чехии попытки (например, короля Вацлава IV) создать новую знать из числа приближенных к нему незнатных дворян не привели к сколько-нибудь существенным результатам. Могущество магнатского землевладения и отсутствие в очень освоенной стране резервов для внутренней колонизации, а также развитого государственного и военного аппарата способствовали социальной деградации значительных групп мелкого ры-

царства, вынужденных поддерживать свое существование разбоем или наемной службой в соседних государствах, что вызывало у них глубокое недовольство существующим порядком.

Другой особенностью было наличие в Чехии городов, гораздо более экономически сильных и гораздо более быстро развивавшихся, чем города Польши и Венгрии (см. выше). Именно благодаря этому в чешских городах к концу XV в. сложилось свое национальное бюргерство и вместо характерной для других центральноевропейских стран медленной ассимиляции местной средой иноэтнической верхушки назрел конфликт между этим бюргерством и немецким патрициатом. Специфика политического развития Чехии была и в том, что с начала XII в. она была в ленной зависимости от Германской империи. Хотя с конца XII в. она фактически была самостоятельным государством, все же король Чехии с XIII в. являлся курфюрстом империи, и даже формальная принадлежность к ней способствовала широкому проникновению немцев в Чехию, которое особенно усилилось в правление короля Карла I Люксембургского (1346—1378), ставшего в 1356 г. германским императором под именем Карла IV. Появление немцев в окружении чешских королей, их засилье в среде городского патрициата, а также в церковной иерархии вызывали острое недовольство в среде мелкого рыцарства, средних и низших слоев городского населения, интеллигенции. С конца XIV в. социальные противоречия в чешском обществе переплетались с этническими, а позднее и с религиозными.

В особенностях исторического развития Чехии следует искать ответ на вопрос, почему столь распространенный в Европе позднего XIV века лозунг «реформы церкви» в XV в. получил наиболее живой отзвук именно в этой стране.

На чешской почве с таким лозунгом выступила группа магистров Пражского университета во главе с Яном Гусом —люди, непосредственно связанные с чешским бюргерством и отражавшие прежде всего его интересы. Их программа реформ представляла собой адаптацию к чешским условиям проектов английского реформатора Джона Уиклифа (см. ч. II, гл. 2, ч. III, 5), в том числе такую их существенную часть, как требование секуляризации церковных земель, представление о церкви как общине всех верующих, включая и светских людей, которые и должны своими активными действиями вернуть духовенство к желательному идеалу евангельской бедности. Их выступления были окрашены и антинемецкими настроениями: они требовали покончить с немецким засильем в Пражском университете, широкого использования чешского языка в богослужении и проповедях.

Помимо бюргерства, все эти лозунги привлекли к себе сочувственное внимание ряда других общественных групп. Крупных магнатов, стремившихся стать полными хозяевами в стране, привлекала перспектива создания такой церковной организации, которая находилась бы под их полным контролем, а союз между королевской властью и церковью оказался бы разорванным. Немаловажными были и открывавшиеся возможности присвоения церковных имуществ. Мелкое рыцарство, городскую бедноту, крестьян привлекала к себе сама общая идея реформы несправедливых порядков, ее антикатолическая направленность, а также положение сторонников Гуса о том, что авторитет «божьего закона» (понимаемого как необходимость благочестивой жизни) обязателен для всех членов общества и нижестоящие могут наказывать вышестоящих, если те отступят от его предписаний. Так, значительная часть чешского общества, поддержав лозунг реформы, оказалась в конфликте сначала с местными церковными учреждениями, а затем (после сожжения Яна Гуса на церковном соборе в Констанце в 1415 г.) и с католической церковью как общеевропейской духовной организацией, и с поддержива-

шими эту организацию против последователей Гуса — гуситов — германским императором и господствующим классом феодальной Европы.

Движение, в котором временно объединились столь разные социальные силы, недолго сохраняло единство. Довольно быстро достигнув своих целей, гуситские магнаты стали склоняться к поискам компромисса как с претендовавшим на чешский трон германским императором Сигизмундом Люксембургским, так и с католической церковью. Боязнь оказаться в положении «еретиков», которым угрожает «крестовый поход» императора во главе всей Европы, сыграла здесь роль, но не главную. В «крестоносцах» и Сигизмунде гуситские паны чем дальше, тем больше усматривали возможных союзников в борьбе с развернувшимся в стране мощным народным движением. Соглашение не состоялось главным образом потому, что инициаторы «крестового похода» упорно настаивали на полной реставрации прежних порядков.

Казнь Яна Гуса и уборка золы костра. Гравюра из рукописи «Хроника Констанцского Собора». Вторая половина XV в.

Народное движение, начавшееся в 1417—1418 гг. «паломничествами в горы», объединяло в своих рядах крестьян, горожан, представителей мелкого служилого рыцарства, низшего духовенства, университетской интеллигенции. От требований «реформы церкви» значительная часть его участников переходила к требованиям более радикальным. Выдвинувшиеся из среды низшего духовенства проповедники отвергали большую часть церковных обрядов и статус духовенства, установленный католической церковью. Они возвещали приход «царства божия на земле», в котором не будет социального неравенства и власти вообще. Некоторые намеки источников позволяют предполагать, что в захваченных или основанных участниками движения поселениях первоначально существовала стихийная общность имуществ. Однако даже в период наивысшего подъема движения далеко не все его участники заходили в своих представлениях и ожиданиях так далеко. Характерно в этом плане, что в острых спорах о будущем государственном устройстве страны все же возобладало мнение, что Чехия должна по-прежнему оставаться монархией, а не республикой, как предлагали наиболее радикальные представители гусизма. В литературе они получили название «таборитов» — от наименования одного из главных центров движения — города Табора в Южной Чехии, основанного в начале движения наиболее радикальными его участниками.

Сложный социальный состав гуситского движения во многом способствовал его размаху и успехам, когда его участники от мирных форм деятельности стали переходить к вооруженной борьбе с врагами «божьего закона». Участие крестьян придало движению массовость и антифеодальный оттенок, участие горожан дало возможность овладеть целым ря-

дом городов, превратившихся в опорные пункты движения. Соединение самоотверженного героизма горожан и крестьян с профессиональным опытом мелких рыцарей позволило создать с умелым использованием наличных ресурсов подвижную армию нового типа, которая не только смогла дать отпор чешским католическим панам, но в ряде сражений разбила войска немецких крестоносцев и позволила в конце концов перенести войну на территорию противника, совершая походы в соседние страны и распространяя там свои еретические взгляды. Результатом стало появление в Германии, Польше, королевстве Венгрии и даже Молдавии сторонников гусизма — как умеренного, так и радикального толка. Особенно большое историческое значение имели действия гуситов для развития словаков. Их акции против немецкого патрициата способствовали словакизации городов, а принесенный ими чешский литературный язык стал в своем словакизированном варианте на длительное время литературным языком словацкой народности.

В целом, однако, расширить рамки гуситского движения за пределы Чехии не удалось. Разрозненные выступления сторонников гусизма были быстро подавлены феодальными властями. А мощное движение «братьев» на территории современной Словакии, явно связанное с гуситскими традициями, развернулось лишь в середине XV в., когда положение гуситов в самой Чехии принципиально изменилось. Неоднородный социальный состав участников движения обусловил не только его сильные, но и слабые стороны.

Руководство войском, а следовательно, в какой-то мере и всем движением находилось в руках представителей мелкого рыцарства, отнюдь не стремившихся к ниспровержению всего существующего строя (крупнейший из гуситских гетманов Ян Жижка был посвящен в рыцари и построил себе замок). В укрепленных поселениях, даже в таких, как Табор, быстро устанавливались формы организации и управления, характерные для средневековых городов. С течением времени эти города превращались в своеобразных сеньоров, взимавших в свою пользу налоги с оказавшихся под их властью территорий. Переселившиеся в эти города крестьяне становились полноправными членами новых городских общин. Улучшили свое положение и крестьяне, вошедшие в состав гуситского войска, ставшего в обстановке непрерывной войны практически постоянным. Однако мы ничего не знаем о каких-либо мерах, принятых гуситами для облегчения положения тех крестьян, которые продолжали сидеть на земле.

В городах, перешедших под власть гуситов, произошли, напротив, серьезные изменения, господство патрициата (немецкого по происхождению) было ликвидировано, его имущество конфисковано. В управлении городом стала принимать участие масса рядовых членов городской общины, в полной зависимости от которой оказались городские магистраты. Своеобразной проекцией такого положения на общегосударственное устройство стало воплощенное в так называемых «четырех пражских артикулах» положение, что «община» должна наказывать за «смертные грехи» всех, «в каком бы сословии они ни наблюдались». Такую программу можно было бы охарактеризовать как своеобразную утопию демократического самоуправления в условиях сохранения сословного строя.

Не у всех жителей городов такая программа вызывала удовлетворение. На этой почве наметилось сближение зажиточной верхушки горожан с гуситским панством. Сторонники этого политического лагеря получили название «чашников». «Чаша» как обозначение требования причастия под обоими видами (т. е. и вином, и хлебом) не только для духовных лиц, но и для мирян, была символом программы ликвидации особых привилегий церкви. Требования общественных реформ, выдвигавшиеся таборитами, были им чужды, что приводило к частым военным

конфликтам между двумя политическими лагерями. Чашники, не в последнюю очередь из-за измены некоторых обзаведшихся имениями гуситских гетманов, в битве при Липанах в 1434 г. нанесли поражение войску таборитов. Так был расчищен путь к соглашению гуситов с королем Сигизмундом и высшим органом католической церкви — Базельским собором.

Итоги гуситского движения оказались противоречивыми. Королевская власть и церковь утратили бо́льшую часть своих владений, захваченных приверженцами как гуситского, так и католического лагеря. Позиции католической церкви были ослаблены, а церковная организация гуситской церкви находилась в полной зависимости от гуситских магистратов в королевских городах и от феодалов-гуситов в их вотчинах.

Значительная часть церковных земель перешла в собственность королевских городов. Эти города в гуситский период приобрели почти полное самоуправление и свободу от налогов. Вопрос об их обложении должен был решаться на общегосударственных сословных собраниях — сеймах, на которых представительству городов, в отличие от Польши и Венгрии, принадлежало видное место.

За счет церковных и королевских владений улучшились и положение рыцарства, и его политическая активность, и организованность, проявляющаяся прежде всего в деятельности так называемых крайских (областных) съездов. Законодательными актами рыцарству, оформившемуся как особое сословие, было обеспечено свое представительство на сейме, для его представителей резервированы определенные должности в государственном управлении и земском суде. Однако наибольшие выгоды извлекли магнаты — члены особого оформившегося сословия панов. Именно в их руки перешла бо́льшая часть захваченных во время гуситских войн церковных и государственных земель, что еще более повысило их социальный престиж. За представителями этого сословия было в законодательном порядке закреплено право на занятие высших государственных должностей и большинство мест в составе земского суда. В силе магнатов следует усматривать основную причину того, почему предпринимавшиеся в Чехии во второй половине XV в. попытки усиления центральной власти при поддержке городов и рыцарства закончились безрезультатно.

Этому способствовало и то обстоятельство, что в это время постепенно возобновился прерванный было гуситскими войнами процесс упадка мелкого феодального землевладения, что имело своим следствием начавшийся упадок политической активности рыцарства и усиление руководящей роли магнатов. Консолидация феодального сословия под их эгидой сопровождалась одновременно обострением отношений между королевскими городами и дворянством.

Дворянское сословие не только выступало против монополии королевских городов на определенные виды ремесла и торговли, но и пыталось отстранить города от участия в управлении страной, лишив их, в частности, представительства на сеймах. Эти попытки встретили открытое сопротивление городов, объединившихся в особый союз. Государственная власть даже не пыталась вмешиваться в конфликт. Управление страной стало объектом борьбы соперничавших магнатских клик. Таким образом, к концу XV в. сложившееся в Чехии соотношение социальных сил оказалось во многом близким тому, которое сложилось в Польше и Венгрии. Общим для всех трех стран стало резкое ослабление центральной власти и расширение привилегий дворянского сословия, усиление политических притязаний магнатов.

С XII по XV в. роль и место центральноевропейских государств в системе международных связей значительно изменились. XII век — время феодальной раздробленности в Польше и Чехии и широкого вмешательст-

ва правителей Священной Римской империи, в особенности Фридриха Барбароссы, во внутренние дела этих стран. В то же время королевство Венгрии подвергалось мощному натиску со стороны Византийской империи. Начавшийся на рубеже XII—XIII вв. быстрый политический упадок обеих империй создал благоприятные условия для внешнеполитической активности центральноевропейских государств. Наиболее активной из них была Чехия. Обладая большими финансовыми ресурсами благодаря серебряным рудникам, чешские правители использовали свой статус имперских курфюрстов, чтобы утвердиться на соседних немецких землях. В этой связи могут быть отмечены во второй половине XIII в. переход австрийских земель под власть чешского короля Пржемысла II, а во второй половине XIV в.— присоединение к чешским землям Бранденбурга и ряда других немецких территорий. Эта политика вела и к расширению чешско-немецких контактов, и к конфликтам с немецкими князьями, которые сами стремились подчинить Чехию своему влиянию. В то время, когда чешский король Карл I, а затем его сын Вацлав IV занимали имперский трон (см. выше), Прага стала одним из главных центров европейской политической жизни. С развитием гуситского движения наступила длительная международная изоляция Чехии. Еще в конце 60-х годов XV в. Чехия явилась объектом очередного крестового похода.

Экспансия венгерских феодалов в XIII—XV вв., особенно в XIV в., была направлена на Балканы, к Адриатическому побережью. Но во второй половине XIV в. венгерские короли столкнулись здесь с османами, борьба с которыми затем выдвинулась в венгерской внешней политике на первый план.

С начала XIII в. определилось еще одно направление экспансии венгерских и польских феодалов — древнерусские земли. Ослабление древнерусских земель монголо-татарским нашествием (затронувшим и Центральную Европу, но в несравненно меньшей степени) объективно способствовало успеху их планов. Польские феодалы овладели в середине XIV в. Галицкой Русью. Новым стимулом их восточной политики стало заключение в 1386 г. Кревской унии между Польшей и Великим Княжеством Литовским. Это соглашение способствовало поражению угрожавшего обоим государствам Тевтонского ордена. Вместе с тем в результате унии с Литвой интересы польских феодалов все более перемещались к востоку, и они постепенно утрачивали интерес к судьбам своих западных земель, захваченных немецкими феодалами.

Система отношений между самими центральноевропейскими государствами, возможно потому, что экспансия их господствующих классов была направлена главным образом за пределы региона, была в целом устойчивой. Несмотря на имевшие место конфликты, границы между странами практически не менялись (лишь Силезия в XIV в. из Польши перешла в состав Чешского королевства). Важной стороной их взаимоотношений были постоянно появлявшиеся в XIV—XV вв. проекты политических уний двух или всех трех центральноевропейских стран. Время от времени эти проекты осуществлялись частично или полностью. Поскольку при возникновении таких объединений входившие в них государства полностью сохраняли свою внутреннюю самостоятельность, наиболее вероятным представляется, что их возникновение диктовалось внешнеполитической конъюнктурой (см. ч. III, гл. 3).

Глава 7

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА В XII—XV вв.

ПЕРВЫЙ ЭТАП РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (XII—XIII вв.)

К концу XI в. процесс феодализации в странах Северной Европы в целом еще не завершился. История решала здесь одновременно три задачи: изживались черты «варварской» (военно-демократической) стадии; завершалось становление феодальных отношений; развертывались (особенно в XIII в.) процессы, формировались институты и явления, свойственные уже периоду развитого феодализма[1]. Страны Северной Европы испытывали в эти столетия сильное влияние развитых стран (в частности, Англии и Германии), что ускоряло их включение в общеевропейскую феодальную систему.

Лидирующее положение в регионе заняла Дания. После распада империи Кнута Великого ее территория намного превышала современные границы, так как страна включала южные области Скандинавского полуострова, Сконе, Халланд, Блекинге, владела (с XI в.) герцогством Шлезвиг. Дания располагала плотным населением, обширными посевными площадями. Ее господствующий класс был сильнее, чем в Швеции в Норвегии. В XII в. в Дании уже распространилась феодальная вотчина и соседская община, сложился класс зависимого крестьянства, возникли города. Владение системой проливов, соединяющих Атлантику, Северное и Балтийское моря, давало Дании значительные торговые, финансовые и политико-стратегические преимущества.

Прочие страны Скандинавского полуострова к XII в. были заселены еще слабо. Лишь в приморских районах и вокруг больших озер население было более плотным.

Норвегия в XI—XIII вв. находилась в расцвете. Она владела наибольшей за свою историю территорией, включая будущие шведские области Емтланд, Херьедален и Бохуслен, активно разведывала север, вплоть до Фенноскании, присоединила Исландию и Гренландию. С XII в. в Норвегии ускорился процесс расслоения свободного крестьянства. Хотя бонды еще сохраняли оружие и традиции полноправия, в их среде уже давно не было равенства. Увеличился разрыв между знатью, верхушкой бондов и массой прочего свободного населения.

Швеция к началу классического средневековья располагала наименьшей за свою историю территорией: без будущих областей юга и запада (принадлежавших Дании и Норвегии), без крайнего Севера. Коммуникации страны замыкались преимущественно на внутреннем бассейне Балтики, причем главный перевалочный центр — вассал Швеции остров Готланд — жил своей жизнью, торговал от своего имени. По развитию вотчинного строя, класса крестьянства, общины, государства Швеция до конца XII в. отставала от Дании и Норвегии.

[1] Классическая скандинавская историография отрицала наличие феодализма (до XVI в.) в Северной Европе (за исключением Дании), так как там не возникли характерные вотчинная и вассально-ленная системы, отсутствовала личная зависимость крестьян, большинство которых сохраняло владельческие права на землю. Советская скандинавистика первоначально хотя и признала «скандинавский феодализм», но оценивала его как принципиально отличный от феодализма других стран Европы, поскольку он не имеет основных признаков феодализма. Современные скандинавские и некоторые советские исследователи придерживаются более взвешенной точки зрения, показывая наличие как специфических, так и типичных формационных черт в североевропейском феодализме: развитие «старой» и «новой» вотчины, ленных отношений, характерных форм ренты и, наконец, существование (задолго до XVI в.) широкой категории феодально-зависимого крестьянства. См., в частности: *Сванидзе А. А.* Зависимое крестьянство Швеции до конца классического средневековья//Вопросы истории, 1984. № 2.

После завершения «эпохи викингов», особенно с XII в., население Северной Европы заметно возросло. В Швеции и Дании оно достигало примерно 500 тыс. человек в каждой, в Норвегии — более 300 тыс. человек. Расширяются внутренняя колонизация, распашка целины под зерновые. Земледелие продвигается в средние и северные области Скандинавского полуострова. Его технико-экономический уровень варьировал. Двух-, реже трехполье, соха, тяжелый и легкий плуг, преобладавшие на равнинах, сменялись на каменистых и покрытых густым лесом землях подсекой и перелогом, мотыгой и киркой. Урожайность зерновых и общая продуктивность земледелия в регионе из-за неблагоприятных почвенно-рельефных и климатических условий была (за исключением Дании) низкой. Наряду с рожью сеяли в значительных количествах ячмень и овес, пшеницу в Дании, кое-где в Швеции. Хозяйство оставалось экстенсивным и многоотраслевым.

Благодаря обилию вод, лесов, выпасов и природных ископаемых большую роль играли пастушество и добывающие промыслы. В XII—XIII вв. по мере роста населения, торговли и рентных обязательств расширялись привычные промыслы — наземная и морская охота, рыбная ловля, лесное дело, добыча ископаемых. Север Балтики привлекал пушниной и лососем, Далекарлия и Естрикланд — металлическими рудами, Сконе — сельдью.

Многоотраслевое хозяйство оставалось характерным для Северной Европы на протяжении всего средневековья. Однако по сравнению с предыдущим периодом земледелие как стабильный источник жизненных средств в XII—XIII вв. уже главенствовало на значительной части освоенных территорий региона, а в Дании вообще преобладало. Соответственно, главным средством извлечения дохода и показателем гражданского состояния становится земельная собственность, ее реализация в виде земельной ренты; возрастает крупное землевладение и развивается вотчина.

Наиболее распространенной в Северной Европе единицей хозяйствования и земельного владения являлся отдельный двор (горд) — устойчивый комплекс жилых и хозяйственных построек, с пашней и отчасти угодьями: лугом, рыбными ловлями, участком леса. Большинство гордов населяли индивидуальные семьи свободных крестьян — бондов. В собственности бонда была вся недвижимость — «арв» и движимость — «лёсёре» горда. Но большесемейные связи все еще играли значительную роль. Родичи участвовали в получении и уплате вергельда и сохраняли право преимущественной покупки родовой наследственной земли — одаля в случае ее отчуждения (бёрдрэтт).

Из-за особенностей рельефа в Норвегии и некоторых районах Швеции преобладали хутора (деревни свыше шести — восьми дворов уже считались там большими), в Дании — небольшие деревни, как и в шведских долинах. Поэтому на большей части региона соседскую общину составляли не столько односельчане, сколько соседи по району проживания. Социальный состав общины был смешанным: зажиточные хуторяне типа мелких вотчинников, рядовые бонды, держатели чужой земли — ландбу. Общинники совместно владели общей территорией деревни или сотни — альменнингом, из которой им в индивидуальное владение нарезались луга и дальние пашни, но не поровну, а пропорционально размеру основной (приусадебной) собственной пахотной земли. Входящими в альменнинг лесами пользовались коллективно. Видимо, только в Дании существовали чересполосица, принудительный севооборот и переделы угодий.

Повсюду общинники собирались на сход — тинг, где решали вопросы о границах участков и прирезках земли, о новопоселенцах. Общественные обязательства — охрана побережий, постройка и починка кораблей, мос-

Шведский бонд. Гравюра.

тов и дорог, налоги — также обсуждались на тингах. Заправляли в общине наиболее богатые крестьяне. Держатели, не имевшие своей земли, хотя и получали долю альменнинга и участвовали в повинностях общины, но не обладали правом голоса в делах о земле, не занимали публичных должностей.

До конца классического средневековья бонды — мелкие индивидуальные земельные собственники, вольные (лично свободные) хлебопашцы — все еще составляли самую обширную прослойку населения региона. Их доля в земельной собственности составляла более трети в Норвегии, около половины в Швеции и была наименьшей в Дании. В сфере феодального землевладения также преобладали мелкие вотчинники. Но наряду с ними уже в XII в. были крупные господа, которым принадлежали десятки усадеб с многочисленными держателями. Крупное землевладение раньше и шире всего распространилось в Дании, затем в Норвегии, позднее в Швеции и в целом по региону не преобладало количественно. В каждой из стран знать состояла всего из нескольких десятков родов, связанных узами родства между собой и с правящей династией. Но ее социальное и политическое положение было господствующим.

Доля церкви в земельной собственности была примерно такой же, как у дворян или бондов, в Швеции, Норвегии и наименьшей в Дании. Церковные и монастырские учреждения особенно активно участвовали в колонизации новых земель, затем присваивая их. До 5% освоенной земли держали в своих руках правители и вожди — конунги.

Еще в XI в. в Северной Европе, видимо, господствовала «переходная» вотчина — поместье дофеодального типа, где домен и наделы обслуживались трудом рабов и колонов. Однако специальные исследования последних десятилетий показали, что и в Скандинавии имела место классическая феодальная «старая» вотчина с доменом и барщинами лично зависимых земельных держателей, сочетавшая внеэкономическое и экономическое принуждение крестьян. Сохранившиеся скандинавские дипломы-завещания от 1085 г. и 60-х годов XII в. рисуют вотчину с доменом, составлявшим примерно половину земли всего владения, в виде пашен, выпасов, леса и других угодий. Другую половину земли занимали держатели; наделы их отстояли от господской усадьбы на 2—25 км и более, и на каждом сидели одна или несколько держательных семей.

Таким образом, в XII—XIII вв. скандинавские крестьяне окончательно превратились в феодально-зависимый, неполноправный класс, разделенный на две основные категории: мелких лично свободных наследственных земельных собственников — одальменов, которые подвергались преимущественно государственной эксплуатации, и разного типа зависимых земельных держателей, которые подвергались преимущественно внутривотчинной эксплуатации.

Термин «бонд», ранее обозначавший одальменов, в рассматриваемый период приобрел уже два значения. В широком смысле бонд — это все еще лично свободный, незнатный, правоспособный домо- и землевладелец (хусбонд), который, по словам законов, «может сам себя содержать»; он полноправный член общины, связанный обязательствами лишь с публичными организациями — государством и — на месте — с той же общиной. Одновременно бонд — обязанный государству налогами крестьянин, который в состоянии нести полное тягло (скаттебонд). К XIII в. слой бондов значительно сузился и категория вотчинного крестьянства количественно преобладала в Дании, где в середине XIII в. осталось всего 10 тыс. бондовых хозяйств, а возможно, и в Швеции. Кроме того, собственно бонды в это время отнюдь не составляли монолитный слой.

Земельные захваты феодалов и короны, соединение крупной земельной собственности с политической властью, развитие государства, его налогов, земельной регалии и частного права, бесконечные войны — все это привело к обеднению многих бондов. Особенно развились в то время отношения долговой кабалы и прекарные, которые фиксируются еще в начале XIV в. Обедневшие бонды передавали свою землю, прочую недвижимость и отчасти свою независимость «в дар» какому-либо состоятельному человеку, становясь его холопами или лично зависимыми земельными держателями. Такие люди имели выразительные названия: «трэль по дару», «тот, кто сел на скамью для слуг» (дат.). Одним из важнейших факторов развития прекарных отношений была долговая кабала, особенно от церковно-монастырских учреждений. Причем, если имущества несостоятельного должника не хватало на покрытие долга, он «отрабатывал телом» кредитору, превращаясь в его кабального холопа. Таких холопов, в том числе «штрафных трэлей», использовали по всей Скандинавии, особенно в имениях короля.

Размывание слоя бондов сопровождалось разрушением одаля, распадом большой семьи, дроблением земельной собственности и ее движением, что стимулировалось также развитием товарно-денежных отношений. Если раньше одальменом считался человек, владеющий одалем или арвом на протяжении трех—пяти поколений, то теперь арвом становится земля, доставшаяся от отца. В число одальменов включаются люди, получившие землю от короля или в счет уплаты вергельда.

Стремясь затормозить распад одаля, сохранить слой своих тяглецов — лично свободных крестьян-собственников, государство предпринимает консервацию бёрдрэтта, запрещает прекарные отношения, дарения земли церкви и т. п. Но, безусловно, роль государства в отношении бондов была противоречивой: ведь объективно своим правом и фискальным нажимом то же государство способствовало сокращению числа «старых» бондов и снижению их социальных позиций. Кроме того, в конце XI—XIII в. корона захватывала общинные угодья, что тяжело отражалось на хозяйстве крестьян. Большинство вновь колонизованных земель объявлялось собственностью государства, господ, церкви. Бонды вытеснялись на худшие земли, а новопоселенцы превращались в держателей земли.

В эти же столетия в Скандинавии завершилось формирование регулярных государственных налогов. Первым из них стал ледунг-лейданг, который из личной правообязанности свободных людей превратился в

обязательное подоходное обложение — скатт. Кормление теперь также заменялось регулярной продуктово-фуражной повинностью (вейцла, малый скатт, спаннмоль). Прибрежные крестьяне по-прежнему несли сторожевую службу и снаряжали (либо оплачивали) суда с их командой. Бонды обязаны были предоставлять постой (естнинг) чиновникам и солдатам короля, ездить по его поручениям. Церковные поборы и судебные штра́фы еще более усложняли положение бондов.

Не случайно введение регулярного государственного поземельного обложения, как и церковных поборов, вызвало в Скандинавии серию народных восстаний. В Дании крупные мятежи бондов произошли в 80-е годы XI в.— при попытке обложить их десятиной, в 1249—1250 гг.— при попытке собрать поземельную подать. В Швеции известно восстание бондов Упланда 1247 г. Обложение постоянными налогами рассматривалось бондами Норвегии и Швеции как «отнятие одаля», т. е. присвоение королями прав бонда на его наследственную землю, и как признак несвободы — установления зависимости от короля.

Теперь место хусбондов заняли скаттебонды — государственные тяглые крестьяне. Они составляли высшую, наиболее лично и хозяйственно привилегированную, состоятельную и общественно активную категорию феодально-зависимого крестьянства, внеэкономическое принуждение которой абсолютно преобладало над экономическим. Противодействие бондов королевскому фиску сохранялось долго. Бонды служили опорой областного сепаратизма, поддерживали аристократию в ее стремлении сохранить консерватизм областных законов. При этом среда скаттебондов не была однородной. Немногочисленные, так называемые «могучие» бонды (стурбонды или хольды), которые обладали значительными земельными владениями, являлись по сути мелкими вотчинниками. Часть их, поступив на службу королю, вливалась в состав служилой знати. На противоположном полюсе оказались неполнотяглые скаттебонды, которые для уплаты полного тягла объединялись в группы. Наконец, бо́льшая часть обедневших «старых» бондов (хусбондов) в XII—XIII вв. превратилась в вотчинных земельных держателей — ландбу.

Слой ландбу также претерпел изменения: теперь это преимущественно зависимое крстьянство. Оно подразделялось на несколько групп: лично наследственные и поземельно-зависимые держатели, лично свободные срочные держатели, хусманы (держатели хижины с клочком земли), дворовые холопы и наймиты. Первоначально в вотчинах решительно преобладал слой лично зависимых трэлей (бывших рабов), затем в Дании и Норвегии с XII в., в Швеции с XIII в. возобладали лично свободные держатели земли. Этот процесс был основной тенденцией развития вотчинного крестьянства в странах Северной Европы рассматриваемого периода.

Вообще личная несвобода — трэльдум — была распространена в Северной Европе вплоть до середины XIII — начала XIV в. Во всех скандинавских законах того времени имеются разделы о трэлях — безземельных людях, состоявших в полной лично наследственной зависимости. Различались трэли урожденные («выросшие в доме»), купленные, «похолопленные» пленники и преступники, а также полные трэли и отпущенники в первом или последующих поколениях. Среди трэлей были домашние слуги, держатели земли, министериалы, не в узком смысле полный трэль — это прежде всего холоп.

Полный трэль не имел личных гражданских прав, он был в полной собственности господина и отчуждался подобно крупному скоту; его вира была в 10 раз ниже виры свободного лица, занятого теми же видами труда. Среди вотчинных трэлей закон особо выделяет лишь управляющего и старшую служанку, которой позволялось «сидеть рядом с госпожой». Число домашних трэлей еще в XII в. было значительным: по не-

скольку десятков холопов — в барских усадьбах, до трех трэлей — в гордах полноправных бондов.

Состоящий в трэльдуме земельный держатель в латиноязычных документах обычно именовался сервом, колоном или вилланом, а в скандинавоязычных — фостре («урожденный раб») или фрельсгива («отпущенник»), лейсинг («лишенный»). Он обладал жилищем и каким-то хозяйством. Фрельсгива имел право защищать себя в суде, свидетельствовать по уголовным делам, а в Дании даже участвовать в ледунге, но не имел голоса в делах общины и подчинялся суду господина. За участок, на котором он сидел, не имея на него прав собственности,— размером обычно в $^2/_3$ свободного держания — фостре нес преимущественно барщину. Более всего фостре распространились в Дании, меньше всего — в Норвегии. В обстановке широкой внутренней колонизации и растущей дробности владений фостре, которых чаще всего сажали именно на новину (нуодлинги), где использование барщины и других сервильных повинностей было затруднено, в течение нескольких поколений превращались в лично свободных срочных держателей. Кроме того, трэль мог освободиться за выкуп, по завещанию и т. д. либо убежать от хозяина, превратившись затем в бродягу, наймита, горожанина или крестьянина на слабозаселенных окраинах.

Очевидно, что трэльдум в Скандинавии XI — начала XIV в.— это состояние, охватывавшее ряд переходных типов личной зависимости, в разной мере сочетавших реликтовые формы домашнего рабства эпохи варварства, и уже феодальную лично-поземельную зависимость, аналогичную серважу во Франции, вилланству в Англии и др. К XV в. трэльдум изжил себя.

Исчезновение трэльдума (как и повсюду в Европе) было следствием изменения поместной организации под воздействием развития товарно-денежных отношений. Немаловажно также, что в скандинавских условиях того времени рост крупного землевладения усиливал его дробность; соответственно увеличивалась роль надельной системы и соответственно уменьшалось значение сервильных обязательств, барщинного труда.

Развитие товарно-денежных отношений и значительные миграционные процессы — при широте сервильного слоя — способствовали распространению в Северной Европе свободных срочных (обычно краткосрочных) держаний, которые стали одной из обычных форм землепользования в регионе до конца средневековья. Соответственно сложилась и особая категория феодально-зависимого крестьянства — лично свободные, но неполноправные срочные земельные держатели по договору — ландбу (в Швеции и Дании), лейлейдинги (в Норвегии). Как показывают новейшие исследования, этот слой крестьянства окончательно сформировался в Скандинавии именно в XII—XIII вв. в результате двух процессов — ликвидации трэльдума и разорения части бондов.

Рента держателей состояла из оброка, достигавшего $^1/_6$ и более дохода, небольшой барщины (несколько дней полевых работ в году), лесной повинности и многочисленных строительных заданий. При заключении и перезаключении договора феодал получал вступительный взнос: «подарки», «угощение». На держании полагалось выполнять ремонтные работы и вносить улучшения; их стоимость при необеспеченности держания фактически также входила в состав ренты.

Договор с держателем в Норвегии возобновлялся каждые три года (с XIII в.), в Швеции и Дании составлялся на шесть-восемь лет. Таким образом, земельные права держателей юридически не были обеспечены. Вместе с тем сложные условия расчетов с господином, закрепленные законами, на практике затрудняли переход ландбу или лейлейдинга от одного феодала к другому и приводили к фактическому их закабалению. В отличие от скаттебондов срочные держатели не имели

права участвовать в решении земельных дел, занимать должности в общине, сотне, области и быть тингманами (полноправными участниками схода), т. е. не являлись полноправными членами общины. В целом же краткосрочное держание в Скандинавии XII—XIII вв., как и других странах Европы того времени, скрывало феодальные отношения, включая элементы внеэкономического принуждения.

Низшие позиции среди лично свободных вотчинных крестьян занимали хибарочники-хусманы, державшие жилище с огородом, но без пашни и пастбища. Их основной повинностью была полевая барщина, осуществлявшаяся при помощи хозяйского скота и орудий.

Одним из обычных вспомогательных занятий в среде скандинавских крестьян был труд по найму. В рассматриваемый период он стал основным занятием целой категории населения — лёскеров, по существу батраков. Лёскеры были не только бесправными в общественной жизни, но и подлежали прямому принуждению к труду по найму: за отказ от него они сурово наказывались. Наемный труд имел, таким образом, также значительные элементы внеэкономического принуждения.

В целом можно констатировать, что к концу XIII в. в среде вотчинного крестьянства произошла определенная нивелировка правовых статусов при усилении социально-экономических различий.

Как и в других европейских странах, весь первый период классического средневековья в Скандинавии заполнен ожесточенными междоусобицами. И здесь централизованные монархии складывались и развивались, преодолевая автономию исторических областей. Возглавлявшие их аристократические группировки и отдельные члены правящих домов вели с королями и между собой борьбу за власть. Стремясь к упрочению своей власти, короли опирались на растущие города, абсолютное большинство которых выросло на королевской земле, на торговлю, как сферу общегосударственного экономического интереса, на служилую знать, на церковь, искавшую у королей поддержки против живучего язычества. Напротив, бонды составляли тылы оппозиции: государство с его налогами и администрацией было в их глазах узурпатором старинных вольностей. И бонды активно поддерживали феодальные усобицы широкими мятежами. Политическая борьба поэтому нередко принимала характер длительных гражданских войн.

В каждой из скандинавских стран феодальные усобицы имели свои характерные особенности. В Дании в течение многих десятилетий короной «жонглировали» представители королевской династии Горма (с середины X в.).

Борьба сопровождалась мятежами бондов и знати и серьезно осложнялась из-за вмешательства соседних германских правителей. Последний король-викинг на датском престоле — Кнут Святой (1080—1086, канонизирован в 1100 г.) попытался установить постоянные налоги с бондов и ввести знать в рамки вассальной системы. Ответом был широкий мятеж, в ходе которого были убиты Кнут, его брат-принц и 17 хирдманов, а его вдова и малолетний сын изгнаны. В 1147 г. в стране оказалось сразу два короля: Свен Грате, избранный знатью Зеландии и Сконе, и его кузен Кнут Магнуссон. По очереди апеллируя к правителям Германии, они встретили живой интерес к датским делам у императора Фридриха I Барбароссы, герцога Генриха Льва Саксонского и в Гамбург-Бременском архиепископстве. Речь шла даже о присоединении части Дании к империи (тем более, что еще в начале X в. император Генрих I основал в Шлезвиге свою марку). Эти события по существу послужили началом многовековых датско-германских осложнений — династических, территориальных, политико-стратегических и торговых. Одновременно фактически отложился Шлезвиг. А в 1154 г. страна оказалась разделенной между тремя кузенами: в Сконе остался Свен Грате.

в Зеландии — Кнут Магнуссон, а Ютландия и Шлезвиг достались Вальдемару.

В борьбе между братьями победил Вальдемар I Великий (1157—1182). Опираясь на поддержку католической церкви, он объединил королевство, закрепил трон за своим родом. При нем и его сыне Кнуте VI в Дании возводятся каменные замки, особенно на границе с германскими землями, создается рыцарское войско. Еще более усилилась центральная власть при брате и преемнике Кнута VI — короле Вальдемаре II Победителе (1202—1241), проводившем активную политику захватов в Прибалтике и Северной Германии. При нем завершается образование феодальных сословий, упорядочивается аппарат центрального управления, кодифицируются областные законы, составляется поземельная опись страны. Однако после смерти Вальдемара II снова началась более чем полустолетняя кровавая борьба за трон между его сыновьями и внуками. В ходе ее опять отложилось герцогство Шлезвиг (1241), произошло крупное восстание бондов, по Сконе и другим областям прокатились мятежи. Лишь при Эрике Менведе (1286—1319) государственная власть в стране снова временно укрепилась.

В Норвегии процесс централизации затруднялся из-за неразвитости городского строя, незначительности внутренних связей, земельного голода. Борьба за власть, доходы, ренту внутри господствующего класса обострялась вмешательством в династические распри претендующих на престол авантюристов. Сложный клубок общественных противоречий вылился здесь в широкие по размаху и социальному составу гражданские войны, которые продолжались с середины XII до середины XIII в. В политической борьбе столкнулись стремившиеся к власти знатные фамилии и верная центральному правительству служилая знать. Поднялись недовольная государственным нажимом верхушка свободных крестьян и стремившиеся как-то поправить свое положение бедняки и деклассированные элементы. В конце 70-х — начале 80-х годов XII в. бывший священник с Фарерских островов Сверрир Сигурдарсон, выдавая себя за представителя королевского рода Харфагров, предъявил права на престол, занятый тогда ставленником знати и высшего клира, сыном ярла Магнусом IV (1163 или 1164—1184).

Способный политик и военачальник, опытный демагог, Сверрир первоначально возглавил широкое движение обездоленных крестьянских низов — так называемых биркебейнеров («лапотники», букв.— «березовоногие»), которым обещал в случае победы раздать должности и богатства знати. Затем, умело склонив на свою сторону старинные аристократические семьи, а также верхушку бондов, Сверрир захватил норвежский престол, основав новую династию. Конные биркебейнеры составили основу профессионального войска короля Сверрира (1184—1202), а само слово «биркебейнер» постепенно превратилось в почетное звание, символ служилой знати. Своим приближенным дружинникам (хирду) Сверрир роздал государственные должности и земельные владения, отнятые у истребленной и оттесненной части знати. Он укрепил судебный и фискальный аппарат. Норвежское государство при нем упрочилось.

Борьба, однако, продолжалась. Норвегия долго оставалась расколотой на два обособленных королевства: биркенбейнеров (Треннелаг и Вестланн) и баглеров[2] (Эстланн). До конца 20-х годов XIII в. продолжались крестьянские восстания, которые соперничавшие партии равно жестоко подавляли. Только при внуке Сверрира Хаконе IV (1215—1263) Норвегия стала единой централизованной монархией с упроченным престолонаследием, сословием дворян, организованной администрацией и армией.

[2] Баглер (дословно «епископский посох») — обозначение сторонников рода ярла Эрлинга.

В вассальную зависимость от нее попала Исландия. При короле Магнусе VI Исправителе Законов (1263—1280) на базе областного законодательства было создано (первое в Скандинавии) общегосударственное уложение Норвегии — Ландслов.

Шведское королевство сначала также оставалось федерацией отдельных областей; Готланд, вассал Швеции, пользовался значительной политической автономией. Главенствовала в стране область Упланд, на тинге которой провозглашался король. В XII в. общешведский престол занимали поочередно представители королевских династий Свеаланда — из рода Эрика и Ёталанда — из рода Сверкера. Но в середине столетия между наследниками этих родов вновь обострилась борьба. В нее включились мощные сепаратистские силы: старая родовая знать, которая опиралась на ополчение бондов, страдавших от государственного фискального нажима и недовольных усилением католической церкви. Оппозицию возглавил знатный упландский род Фолькунгов, который стремился закрепить выборность короля и епископов и провозглашал себя сторонником древних вольностей бондов. Опираясь на города, служилую знать и церковь, силы централизации возглавил ярл Биргер, фактически правивший при слабом короле Эрике XI. В решающей битве при Спарсетере (1247) ярл Биргер разбил ополчение бондов, и их принудили платить все государственные налоги.

В 1250 г. ярл Биргер возвел на престол своего сына Вальдемара, основав новую династию Биргерссонов. Породнившись с популярными в народе Фолькунгами и провозгласив себя их преемником, ярл Биргер покончил с усобицами знати и мятежами бондов. При нем и особенно его втором сыне — короле Магнусе Амбарном замке (1277—1290) военная повинность — ледунг окончательно заменяется поземельным налогом того же наименования. Возводятся каменные замки, оформляется сословное деление и возникают сословно-представительные собрания, укрепляется государственный аппарат. Кодифицируются областные законы и отдельно городское право.

Исландия до второй половины XIII в. была независимой аристократической республикой. Первоначально власть и земля на острове принадлежали преимущественно потомкам норвежцев-первопоселенцев — «могучих» бондов. Все дела решались на их съезде — альтинге, где выбирались и два епископа. Но к середине XIII в. рост крупного землевладения привел к усилению нескольких знатных родов, вступивших между собой и епископами в борьбу за власть. В 1262 г. альтинг заключил с новержским королем вассальный договор, обязавшись платить ежегодный налог на условиях снабжения Исландии зерном, сохранения традиционных учреждений и обеспечения безопасности острова. Этот договор означал конец независимой исландской государственности. Одновременно к Норвегии отошла и колонизованная ранее исландцами Гренландия.

Достигнутая в результате гражданских войн политическая централизация стран Северной Европы была непрочной. Области сохраняли определенную автономию, получали частные привилегии, имели свое обычное право, хотя и подчиненное праву «главных» областей: ютландскому в Дании, упландскому в Швеции. Тем не менее феодально-монархическая государственность в Скандинавии все более приближалась к политической организации передовых стран тогдашней Европы. Возросли удельный вес и роль служилой знати, опоры тронов. Упорядочивалось престолонаследие. В Дании и Норвегии в XII в., в Швеции в XIII в. утверждалось мнение, что в стране должны быть одна корона, один король из одного рода. Однако формально сохранялась выборность королей представителями светской знати и высшего клира, что ставило ее под контроль верхушки господствующего класса.

Короли со своими дворами часто переезжали с места на место, не имея постоянной резиденции. Слабый еще административный аппарат, несовершенные налогообложение и коммуникации не позволяли сосредоточить управление страной в одном центре. Вместе с тем росли и укреплялись будущие столицы: Копенгаген в Дании (со второй половины XII в.), Стокгольм в Швеции (с середины XIII в.), Осло в Норвегии (с конца XIII в.).

Предпринимается кодификация обычного областного права: в XII—XIII вв. в Норвегии, с начала XIII в. в Дании и Швеции. Областные правды, записанные комиссиями из местной аристократии, в условиях ее борьбы против укреплявшейся королевской власти, отличались значительным провинциальным консерватизмом, отражая идеалы родовой знати и бондов, и поэтому во многом отставали от реальной действительности. Но в эти кодексы все же были включены разделы о правах короля, «королевском мире» и престолонаследии, о привилегиях высших сословий, об обязательствах населения в отношении короля и церкви, повинностях земельных держателей, т. е. объективно фиксировали уже феодальную общественную структуру. Поэтому кодификация законов стала важной вехой в укреплении нового строя, государственности и правопорядка.

Короли становятся охранителями законности и «мира», постепенно приобретая высшие судебные и административные права. Во главе королевской администрации утверждается Государственный или Королевский совет — риксрод, конгсрод; в числе советников — ярл, дротс (гофмейстер), канцлер, епископы, некоторые лагманы, виднейшие аристократы. Риксроды действуют и как регентские советы при малолетних государях. Канцлер — хранитель королевской печати стоит во главе канцелярии, состоявшей из духовных лиц. В первой половине XII в. составляется и самая ранняя в скандинавских странах поземельная опись — «земельная книга» Дании.

Низшей судебно-административной единицей в каждой из скандинавских стран являлась сотня (хундрад, хундари), или округ (херад, херред), со своим тингом (собранием свободных), где решали судебные дела, связанные с низшей юрисдикцией, рассматривались вопросы об уплате податей, сборе военного ополчения и охране порядка, землепользовании, общественном строительстве (мостов, дорог). Области (сюслы, фюльки, ланды или лагсаги) обычно соответствовали историческим племенным территориям. Судьи и политические руководители областей — лагманы принадлежали к знати, обычно передавали свой пост по наследству. С XIII в. крупные административные единицы все более подчинялись королевским чиновникам — вейцламанам, а сотенные округа — ленсманам, в пользу которых отчуждалась часть королевских судебных прав и штрафов. Ленсманы, обычно из незнатных лиц, исполняли полицейские функции, контролировали общинные сходы, где главный голос на тинге сохраняли местная знать и «могучие» бонды.

Главным достоянием королей все еще оставались их родовые и домениальные земли, которые они всячески расширяли. Земельная регалия (грундрегален) — верховное право государя на территорию государства — еще окончательно не сформировалась. Однако, укрепляя свою верховную власть, короли фактически начали распоряжаться территорией государства как своим одалем, т. е. наследственным достоянием королевского рода. Она становится объектом фискального обложения, ее раздают в лены. Одновременно идет наступление королей на общинные земли, за счет которых приращивается королевский домен. Короли становятся собственниками земли в завоеванных и вновь колонизуемых районах, которую раздаривают своим приближенным, церквам и монастырям. Важным источником дохода короны и государства стали внешнеторговые

пошлины и монополия на чеканку монеты. Сначала в Дании, затем в Швеции (первая половина XIII в.) складывается система «королевских взиманий» (regales exactiones), в число которых входит часть судебных штрафов, постой-кормление и постоянные налоги.

Король и ярл — верховные вожди в военное время. Сохраняется пешее ополчение, но основной военной силой в Дании (вторая половина XII в.), Швеции и Норвегии (первая половина XIII в.) становится профессиональный воинский контингент — рыцари (риддаре), преимущественно из «могучих» бондов, хольдов. Возникает сеть замков во главе со служилыми людьми из дворян— комендантами (хёвитсманами, «капитанами») или управляющими — фогтами. Замки стали центрами административных округов — замковых ленов, часто включавших обширные территории. Скандинавские лены отличались преобладанием именно служебных функций: они были не наследственными, чаще всего краткосрочными, в них сохранялась верховная судебная и политическая власть короны. Ближе всего к континентальным образцам были так называемые «княжеские» (или «герцогские») лены, которые жаловались младшим представителям королевских фамилий (и не раз становились базой их сепаратизма), а также епископские лены.

В течение XII—XIII вв. сложилась и налоговая система путем своего рода «выкупа» лично-подворных повинностей: ледунга-лейданга, постоя-естнинга, полюдья-вейцлы, генгерда и т. д. Эти обязательства населения превратились в одноименные денежные и натуральные подати. Борьба за налоговые привилегии и одновременно вокруг распределения повинностей среди населения стала в XII—XIII вв. одним из главных стержней общественной борьбы и социального размежевания. Как и в большинстве стран Европы, от налогов оказались избавленными церковные и светские господа (херреманы), «большие люди» (стурманы), рыцари, все светские служилые люди и священнослужители, которые теперь обязывались нести конную воинскую службу королю или служить богу и составили высшее сословие — фрэльсе в Дании и Швеции, хирд в Норвегии. Одновременно часть господ, прежде всего церковники, получили и судебный иммунитет. Так, уплата государственного тягла — скатта стала основной повинностью широкого в Скандинавии слоя производительного населения, не состоявшего в частно-сеньориальной зависимости, который превратился в тягловое (скаттовое) сословие — уфрельсе.

Ранее всего судебно-налоговый иммунитет, как основная привилегия господствующего класса-сословия был оформлен в Дании (1241 г.), позднее — в Швеции (указы 1280, 1281 и 1305 гг.). В Норвегии иммунитетных привилегий добились лишь отдельные господа, церковные учреждения и духовные лица (последний указ 1300 г.). Складывание сословной организации закрепило неполноправие бондов, их в конечном счете принадлежность к феодально-зависимому населению. Но на протяжении ближайших столетий граница между фрэльсе и уфрельсе формально оставались открытой: бонд, способный нести рыцарскую службу, становился фрэльсисманом, последний же, обеднев, опускался в податное сословие.

В обществах Северной Европы сословная структура не совпадала с классовым строением. Так, господствующий класс — сословие фрэльсе состоял из двух внутрисословных групп: светской и церковной. Среднее податное сословие — уфрэльсе включало три внутрисословные группы: бонды, бюргеры и горные люди; при этом из числа бондов выделялись «королевские бонды» — мелкие землевладельцы, державшие непосредственно от короля. Широкий слой земельных держателей разного типа и вообще вотчинных крестьян (ландбу, хусманы и др.), к концу периода в массе своей лично свободных, и неуклонно возраставший слой неимущих и бродяг, которые все вместе формально входили в класс крестьян-

ства, составляли в его среде две особые правовые группы, отличные от сословной группы бондов. Только фрэльсисманы имели доступ к высшей государственной власти. Бонды, полноправные бюргеры и горные мастера участвовали лишь в местном управлении, позднее периодически допускались в сословно-представительные собрания. Ландбу и неимущие вообще не имели политических прав.

Монополия на ренту, налоги и власть консолидировала господствующий класс, чему способствовали сословные собрания (мёте), куда съезжались все дворяне или одни магнаты, либо же духовенство, нередко — одной области; иногда собирались все господа государства (риксмёте). В Норвегии на эти собрания приглашались и по 12 назначенных властями «лучших» бондов от каждой епархии — но лишь до середины XII в. В Швеции и в Дании бонды, вероятно, как-то участвовали в выработке либо утверждении областных законов, но в центральные совещательные органы в этот период также не допускались. В этих собраниях XII—XIII вв. можно видеть зародыши будущих сословно-представительных учреждений.

Со второй половины XI в. экспансия скандинавских стран сосредоточилась преимущественно на ближайших направлениях: финско-карельских землях, Прибалтике, североатлантических островах, приобретая порой форму крестовых походов. Одновременно усилились внутрискандинавские межгосударственные войны — династические и одновременно за господство на Балтийском море. Известную роль здесь стало играть и торговое соперничество, связанное с развитием городов и товарообмена.

Норвегия на рубеже XI—XII ввв. присоединила часть Оркнейских островов, вела войну в Ирландии и захватила Шетландские острова. При короле Сверрире была взята пограничная со Швецией область Емтланн (швед. Емтланд). В середине XIII в. удалось присоединить Исландию и Гренландию. Еще в IX в. Норвегия облагала данью саамов (лопарей), которые кочевали со своими олепями, на огромных просторах от Северного Ледовитого океана до Ботнического залива, Онежского и Ладожского озер. К XIII в. Норвегия обложила регулярной данью саамов современной области Финмарк, а также Кольского полуострова и стала колонизовать эту территорию. В XII—XIII вв. сюда же продвигаются союзники Новгорода — карелы и сами новгородцы, также претендовавшие на дань с саамов. В Финмарке между Норвегией и Новгородом возникли вооруженные столкновения, в которых последнему удалось остановить продвижение Норвегии к Кольскому полуострову (договор 1251 г.).

Шведское феодальное государство с 70-х годов XII в. начало серию крестовых походов в Финляндию и к 1250 г. присоединило юго-западную и южную (Тавастланд) ее части. Тогда же (1249—1250) был организован крестовый поход в центральную Финляндию, затем (1293—1300) — против Западной Карелии. Швеция стремилась овладеть также невским и ладожским водными путями и в 1240 г. вторглась в пределы Руси, но была разгромлена в Невской битве (см. гл. 8). Позднее, пользуясь ослаблением Руси вследствие татаро-монгольского ига, шведы захватили Западную Карелию и основали крепость Выборг (1293), но их попытка овладеть устьем Невы (1300—1301) снова оказалась безуспешной. Население юго-западной Финляндии и Нюланда (северное побережье Финского залива), освоенных шведами, было обложено податями. Местные земли и угодья захватывались шведскими господами и купцами. Здесь распространялись феодальные порядки: крупное землевладение, сословный строй. Возникали первые города, в их числе Або (современ. Турку), ставший значительным торговым центром Северо-Восточной Балтики.

Дания также переносит свое внимание на Балтику. Во второй половине XII—XIII в. в результате серии крестовых походов были покорены, на-

сильственно крещены и обложены данью поморские славяне—венды, включая население острова Рюген, и города на нижней Эльбе — Гамбург, Любек. Одновременно велись войны против эстов; в 1219 г. были подчинены пять эстонских земель — преимущественно северная Эстония (с Нарвой и Таллинном) и часть западноэстонских островов. Ответом было крупное восстание североэстонских земель (1222) против датских крестоносцев.

Походы в Северную Германию увенчались было присоединением Голштинии, однако северогерманские города и крестьяне Дитмаршена поднялись против датчан, нанесли им поражение (1227) и вернулись под власть немецких князей. Дания сохранила в Восточной Балтике лишь Рюген и Северную Эстонию, но в конце 30-х годов XIII в. поделила последнюю с Ливонским орденом, совместно с которым совершала безуспешные нападения на Новгородское и Псковское княжества.

Международные контакты Северной Европы были широкими. Брачные династические союзы связывали скандинавские страны как между собой, так и с Русью, Польшей, Англией, Фландрией, Голландией, Францией, Португалией, Саксонией, Голштинией, Бранденбургом и другими немецкими землями. Наиболее регулярными были контакты скандинавов с балтийским миром, заэльбской и Восточной Европой, с Англией. С XIII в. доминирующим в Скандинавии становится северонемецкое влияние, прежде всего в Дании, которая постоянно прибегала к помощи германских князей, особенно финансовой. Немало немецких князей, рыцарей, бюргеров переселялись в Данию, привлеченные выгоднейшим расположением страны, ее рыбными богатствами и плодородными землями. В Швеции особенно мощным был приток из северонемецких, позднее ганзейских городов, прежде всего Любека и Гамбурга. Получая привилегии и оседая, немецкие переселенцы к XIV в. заняли ведущие позиции в городской жизни страны, а в крупных городах образовали основную массу полноправного бюргерства.

Еще сильнее было внедрение немцев в Норвегию. Хозяйственная бедность страны, хроническая нехватка зерна, необходимость коммерчески использовать рыболовецкий промысел поставили Норвегию в значительную зависимость от немецких купцов, которые начиная с 70-х годов XIII в. получали там привилегии. Город Берген, подобно готландскому Висбю, был фактически ганзейским.

Христианство утверждало свои позиции в глубоко языческой Северной Европе, особенно Норвегии и Швеции, относительно медленно. Но учреждения католической церкви в XI—XIII вв. сильно укрепились и заняли значительно место в обществе, став важным фактором завершения феодализационных процессов в Скандинавии. В 1104 г. было создано общескандинавское архиепископство в датском Лунде, в 1164 г. отделились архиепископства Швеции и Нервегии. В XI—XII вв. в скандинавских странах стали собирать церковную десятину, треть которой по обычаю получало местное «белое» духовенство. Возводятся первые деревянные, затем величественные каменные соборы. Появляются первые скандинавские святые. В XII—XIII вв. распространяются монастыри — цистерцианские, францисканские, доминиканские.

Церкви, монастыри и высшие церковнослужители стали богатейшими землевладельцами. Они получали крупные земельные пожалования от королей и знати и мелкие — от крестьян, вели торговлю и замаскированные ростовщические операции. На церковно-монастырских землях развивается феодально-домениальное хозяйство. Кодифицируется церковное право — в духе континентального канонического (в Исландии — лишь в 1275 г.). На Север приезжают легаты Рима, они распространяют здесь постановления римской курии, втягивают местное духовенство в важнейшие европейские события, например, в борьбу за инвеституру. Церковное

Мужская голова. Скульптура из собора в Тронхейме. XIII в.

законодательство оказывает значительное воздействие на местное архаическое обычное право.

В Северной Европе, как и в других регионах континента, имело место известное политическое противоборство между светской и церковной властями, в том числе из-за финансовых вопросов. Государство было заинтересовано в сохранении налогообязанного контингента, церковь же, подобно светским феодалам, стремилась разрушить архаичное земельное право и разделить ренту. Отношения особенно обострились во второй половине XII — начале XIII в., но затем было достигнуто равновесие: при сильных в Северной Европе пережитках язычества и местного сепаратизма, которые черпали силу друг в друге, церковь и государство неизбежно должны были объединяться. Духовенство получило ведущие позиции в риксродах, с XIII в. участвовало в коронации государей и прямо влияло на престолонаследие. При помощи привилегий короли сделали церковь своим союзником в борьбе против местной знати. На протяжении всего периода церковники вдохновляли, организовывали, возглавляли крестовые походы феодалов, направленные на захват новых земель.

Важным моментом жизни скандинавских стран в конце XI—XII в. стало складывание городского строя. Оно происходило здесь относительно замедленно. Сельское население на протяжении всего средневековья обеспечивало себя большинством необходимых предметов быта и орудий труда. Крестьяне занимались торговлей, особенно местной. А епископы и аббаты, знатные господа и сами короли заводили торговые корабли, вступали в контакты с торговцами из Англии, Германии, Готланда, Руси, Франции. Во внутренней торговле широко применялись натуральные платежные средства, во внешней — весовой драгоценный металл, что было особенностью всей торговли в балтийском ареале.

Городские центры, появившиеся еще в эпоху викингов, в течение X—XI вв. либо исчезли, либо потеряли былое значение. Вместо них в течение XI — начала XIII в. складывается целая сеть раннефеодальных городов. Раньше всего этот процесс реализовался в Дании, где на рубеже XI—XII вв. возникли и с середины XII в. приобрели особенный размах ютландские города Шлезвиг, Ольборг, Орхус, Рибе, зеландский Роскилле, Оденсе на острове Фюн, Лунд и ряд других городов в Сконе. 1167 год считается датой рождения Копенгагена. С конца XI в. стали развиваться и города Норвегии. По письменным источникам XII в. уже известен Осло, с конца XIII в. оказавшийся центром государственного управления, и крупный порт Берген; развиваются Нидарос, Ставангер, Тёнсберг. В Швеции тогда же стали расти, наряду со старинными Уппсалой, Сигтуной, Стренгнесом, города Энчёпинг и Фольклацдстингстад, Вестерос, Сёдерчёпинг, Кальмар, Йёнчёпинг и др. С середины XIII в. ведущую политическую и экономическую роль начал играть Стокгольм.

Скандинавские города были невелики, имели в лучшем случае по несколько тысяч населения. Почти все они были связаны с морем и озерными системами, морская торговля составляла наиболее характерную и

прибыльную часть их экономики. В XIII в. расширяется число городов-крепостей.

В течение второй половины XII—XIII в. одновременно с земским законодательством оформляются муниципальные привилегии скандинавских городов. Здесь не было вольных коммун, но не было и тяжкой сеньориальной власти. Города получали свои привилегии по договоренности с королем, обычно за выкуп. Как и города по всей Европе, они управлялись выборными бургомистрами и городскими советами, имели свой суд — по городскому праву, добивались монополии для своих граждан в области торговли и ремесел, платили особые городские налоги и пошлины. Полноправием в городе обладали лишь состоятельные люди — домо- и землевладельцы, члены цехов и гильдий. Они собирались на городской сход — тинг, заседали в органах самоуправления. Короли постоянно укрепляли свои позиции в городах, отношения с бюргерами и одновременно строго следили за денежными поступлениями от бюргерства, городских судов, внешней и внутренней торговли. Городскими гарнизонами командовали королевские коменданты, городские дела контролировали постоянные королевские уполномоченные — фогды. Города в скандинавских странах были важным элементом экономического и политического объединения.

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА НА ВТОРОМ ЭТАПЕ РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА. ЭПОХА УНИЙ (XIV – НАЧАЛО XVI В.)

Главное содержание политической жизни региона в XIV—XV вв. составила острая борьба вокруг межскандинавских уний, в которой так или иначе участвовали все социальные слои. В истории уний можно отметить несколько этапов. В течение XIV в. преобладала тенденция к объединению всех трех скандинавских государств, которая реализовалась в создании так называемой Кальмарской унии (1397). Однако эта уния сразу же ярко продемонстрировала датскую гегемонию в ней, что было несовместимо с интересами Швеции и Норвегии. Переломным моментом стали народные войны 30—40-х годов XV в., после которых наступил этап известного равновесия сил внутри унии. С 70-х годов XV в. начался последний этап, когда уния фактически уже распалась и шла борьба за ее формальное расторжение, которое совершилось в 1523 г.

Роль отдельных скандинавских стран в борьбе за унию и их политические судьбы складывались неодинаково. Норвегия, переживавшая в XII в. «эру величия», с XIV в. попала в полосу хозяйственного упадка и подчинения более сильным соседям, что привело к потере ею политической независимости. Швеция, напротив, стала теперь заметной экономической и политической силой на Балтике. Самая населенная и хозяйственно развитая Дания утвердила еще больше свое политическое лидерство в регионе и активно включилась в борьбу за господство в Северной Европе.

И сама уния Скандинавских стран, и ее эволюция отражала в государственно-политической сфере глубинные социально-экономические процессы, характерные для Северной Европы тех столетий. Как и у других европейцев, их стержнем была общественная перестройка, вызванная так называемым аграрным кризисом, его постепенным преодолением и переходом феодального общества на новую ступень его эволюции. Уже с конца XIII в. экономика скандинавских стран стала переживать серьезные трудности. Началось забрасывание части культивированных земель, сокращение пахотных площадей. «Черная смерть» середины XIV в. (см. ч. II, гл. 2) и последующие чумные эпидемии резко усилили нехватку

рабочих рук в стране. Снизились поступления от налогов и рент. Цены на зерно и другие продукты земледелия, а также на наемный труд резко повысились. Наступил аграрный кризис.

Существуют разные мнения о причинах этих явлений. Ухудшение климата, истощение почв, передислокация пашен из старых районов в новые были в числе факторов аграрного кризиса. Важнейшую роль в его возникновении, как и в других регионах Западной Европы, сыграла эпидемия чумы, резко сократившая население, восстановление которого потребовало не менее трех поколений. Особенно сильно пострадала от демографической катастрофы середины XIV в. Норвегия. Цены на землю упали там на 60—75% и лишь в XV в. достигли уровня 1348 г. Число крестьянских дворов сократилось более чем наполовину. Землевладельцы потеряли до $^3/_4$, даже $^9/_{10}$ ренты. Из 300 знатных семей сохранились или удержали свои позиции лишь 60.

Трудности, которые XIV век принес господствующему классу всех трех стран, в целом небогатому и немногочисленному, усилили нажим господ на крестьянство. С начала XIV в. ограничиваются возможности перехода держателей и усиливается правовая власть над ними господ, особенно в Дании. Резко сократился слой свободного крестьянства, что объяснялось не только демографической катастрофой, но главным образом нажимом со стороны феодалов: присвоением земель (церковью, дворянством, короной) и особенно растущим налоговым прессом. Экономические трудности еще более усилили стремление господ участвовать в разделе налога — скатта, который получало государство. Повысилось значение для дворян вейцл, сюсл и ленных пожалований короны. Вопросы, связанные с раздачей ленов, назначением фогтов, отношениями с бюргерством, надолго остались среди центральных пунктов раздоров внутри знати и, главное, ее объединенной оппозиции короне, прежде всего в Норвегии и Швеции.

В этих условиях и сложилась идея общескандинавской унии. Ее созреванию и реализации способствовали разные факторы.

В междоусобной борьбе и корона, и феодальная оппозиция постоянно использовали такие испытанные методы, как династические межгосударственные унии. Многие знатные скандинавские семьи имели владения по всей Северной Европе, общий король был бы для них гарантом сохранения и их владений, и сепаратизма. Товарообмен между жителями приграничных районов трех стран, с XIV в. получивший важное значение, также делал мир между соседями желанным. Наконец, объединению скандинавских стран способствовало их этническое, языковое, культурное родство, близость исторических судеб, соседство, многообразные связи, постоянные брачные союзы.

Важным побудительным мотивом создания унии было сопротивление растущему немецкому проникновению в Скандинавию. Внедрение немцев в Скандинавские страны на данном этапе усилилось. Оно шло по нескольким основным каналам: через города — путем оседания купцов и ремесленников из ганзейских городов, захвата ими ведущих позиций в бюргерском сословии, в городской торговле, в финансах и на промыслах; через феодальное землевладение — путем приобретения (разными путями) имений; через государственную систему — путем внедрения в вассально-ленные отношения, воздействия на государственые дела и вплоть до овладения престолом. В особенно тяжелом положении и здесь оказалась Норвегия, где ганзейцы устраивали подлинные погромы. Многие ганзейцы оставались в Северной Европе на протяжении всей жизни, сохраняя, однако, связи с северонемецкими городами и подчас отправляясь туда кончать свои дни.

Наиболее сложные отношения сложились с северонемецкими соседями у Дании, особенно при Кристофере II (1320—1326, 1330—1332), ког-

да северонемецкие князья и дворяне держали в ленах значительную часть датской территории. Ганзейцы получили тогда большие привилегии на сконских ярмарках (1328), а Сконе и Халланд попали в залог шведскому королю (1332—1360). Герцог Шлезвига, став на несколько лет датским королем Вальдемаром III (1326—1330), способствовал тому, что датская корона сохранила лишь номинальную власть над Шлезвигом. Сын Кристофера II — воинственный Вальдемар IV Аттердаг («Снова день», 1340—1375) — попытался снова усилить и объединить страну, вернул Дании Сконе и Халланд, а в 1361 г. напал на остров Готланд, жестоко разграбил и поставил под свою власть богатейший ганзейский город Висбю, который с тех пор так и не оправился. Политические позиции Дании, казалось, значительно упрочились. Но начавшаяся вскоре война Дании с Ганзой (1367—1370) была ею проиграна. Завершивший войну Штральзундский мир (1370) надолго закрепил господство Ганзы на Балтике. Ганзейцы получили фактическое право вмешиваться в избрание датских королей и на 15 лет стали обладателями части датских владений в Южной Скандинавии. Воспользовавшись ослаблением Дании, голштинские герцоги в 1386 г. присоединили Шлезвиг, который теперь лишь номинально составлял лен Датского королевства. В середине XIV в. Дания под давлением Тевтонского ордена и в связи с ослаблением своей власти в Эстонии в результате крестьянской войны 1343—1345 гг. продала районы Нарвы и Таллинна Тевтонскому ордену. Постоянные денежные затруднения датской короны, связанные с ее великодержавными амбициями, толкали страну на использование объединенных сил всей Скандинавии.

В Норвегии, ввиду слабости там господствующего класса, королевская власть оказалась сильнее, нежели в других странах Северной Европы. Однако она не располагала ресурсами для содержания тяжеловооруженной рыцарской конницы и силами для ликвидации экономической зависимости от городов вендской Ганзы. Разоренная аграрным кризисом и закабаляемая Ганзой, Норвегия до второй половины XIV в. также охотно шла на политическое сближение с соседями.

Швеция была активной силой в движении за унию. XIV век начался фактическим разделом страны между королем Биргером (1290—1319) и его братьями-герцогами, один из которых, Эрик, создал «пограничное» герцогство из земель всех трех скандинавских государств. Король расправился с братьями, но его крутая самовластная политика вызвала мятеж знати, поддержанный бондами (1318), в результате чего Биргер бежал и окончил свои дни в Дании (1321). На престол был возведен его малолетний племянник Магнус VII Эрикссон (1319—1363), ставший затем и королем Норвегии (1319—1355). Регенштей при нем стала мать Ингеборг Норвежская, вместе с ней правили представители высшей знати. В результате сложилась личная уния Швеции и Норвегии (1319—1343), при которой каждая страна сохраняла свои обычаи и управление. При Магнусе VII в Швеции были приняты общешведское уложение — Ландслаг, общегородское уложение — Стадслаг и ряд важных законов, которые укрепили престолонаследие, положение городов и рыцарства. При посредничестве Ганзы Магнус VII заключил первый мирный договор между Швецией и Русью, так называемый «Ореховецкий» (Нотебургский, 1323), согласно которому Приладожье осталось вне власти шведов. Шведским форпостом на границе стала крепость Выборг. Второй норвежско-новгородский договор (1326) имел целью прекратить столкновения в Финмаркене.

Норвежские дворяне были напуганы активностью короля Магнуса VII в Швеции и его уступками Ганзе за счет Норвегии. Они разорвали унию со Швецией и избрали своим королем сына Магнуса — Хакона VI (1355—1380). Вскоре он стал также королем Швеции и женился на доче-

Скандинав. Скульптура. XIV в.

ри и наследнице Вальдемара IV Датского Маргарите. Династический союз с Данией показался шведской аристократии опасным, и на престол Швеции был приглашен Альбрект Мекленбургский (1363—1389). Первый король-немец на шведском престоле не оправдал надежд местной знати. Он повел жесткий курс на усиление короны: запретил дворянам приобретать скаттовую землю (дабы она не изымалась из налогообложения), попытался вернуть в казну лены, фактически ставшие наследственными. Опираясь на соотечественников-немцев, он раздавал им земли, лены, должности. Это вызвало новую резкую оппозицию знати.

Итак, в течение XIV в. скандинавские страны испытывали значительные внешние и внутренние трудности. На первый план в этих условиях вышло единство интересов знати и ясно обрисовалась общая ее программа — программа трехсторонней унии. Дания рассчитывала использовать унию для реализации своей великодержавной политики. Шведская знать надеялась при общем короле сосредоточить государственное управление в своих руках. Наименьший энтузиазм в отношении унии испытывала Норвегия, которая к этому времени уже убедилась в невозможности вести в рамках Северной Европы самостоятельный политический курс. Все три страны видели в унии средство против внешних врагов и возможных возмущений народных масс.

Фигурой, воплотившей идею скандинавского единения, стала Маргарита Датская (1353—1412) — умный, решительный политик и государственный деятель, пользовавшаяся огромным авторитетом в скандинавском обществе. Датчане и норвежцы (1387), а затем и шведы (1388) признали Маргариту своей правительницей. Маргарита не только окончательно реализовала унию, но и сформировала общую политику Дании в рамках скандинавского единения.

В 1389 г. она добилась возведения на престол Норвегии своего внучатого племянника Эрика Померанского и организовала разгром короля Альбректа в Швеции. В 1397 г. в шведском городе Кальмаре Эрик был торжественно коронован как общескандинавский государь. Тогда же было составлено и соглашение об унии. В нем провозглашался вечный мир между странами, их обязательство иметь общего короля, получавшего власть по прямой мужской линии, а в случае бездетности государя — путем выборов представителями всех трех стран. Страны должны были оказывать друг другу помощь в случае войны или мятежа, согласовывать свои сношения с иноземными государями, не предоставлять убежища преступникам, осужденным в союзной стране. Специально оговаривались привилегии церкви. Подчеркивалось, что внутренние дела

всех членов унии должны решаться в соответствии с обычаями и законами каждой страны.

Но с первых же шагов Кальмарской унии выявились различия интересов ее членов. Норвегия оказалась в унии как бы помимо ее воли: под Кальмарским соглашением нет печатей ее делегатов. В самой унии страна заняла подчиненное положение. Характерно, что на совете знати трех стран в 1401 г. среди 112 присутствовавших рыцарей было только 8 норвежцев. Государственная печать Норвегии стала храниться в Копенгагене. Маргарите удалось еще ранее (1396) навязать свою волю и шведскому риксроду, который утвердил исключительное право короля назначать и взимать налоги, право правительства редуцировать (возвращать в казну) все податные земли, которые ранее в виде королевских пожалований перешли в дворянские руки, а также запретил приобретать скаттовую землю. Эти и прочие установления Маргариты, продолжавшие политику короны в самой Дании, значительно усилили центральную власть в скандинавских странах. Аристократическим планам знати был нанесен удар.

При короле Эрике Померанском (1396—1439), самостоятельно правившем с 1412 г., продатская внешняя политика и централизаторские тенденции главы унии привели к усилению налогообложения, основной тяжестью обрушившегося на Норвегию и особенно на более богатую Швецию. Стремясь расширить свои владения к югу и господствовать на Балтике, Эрик непрерывно ввязывался в длительные и в конечном счете безрезультатные войны: с Голштинией, затем с Ганзой. Нуждаясь в средствах, он вводил в скандинавских странах все новые налоги. Их тяжесть усугублялась экстраординарными и косвенными поборами, неоднократной преднамеренной порчей монеты.

Тяжелым испытанием оказалась реализованная еще Маргаритой редукция в Дании и Швеции скаттовых и коронных земель, ранее пожалованных дворянам. На практике она более всего поразила самые богатые, влиятельные семьи местной знати, в том числе датско-шведские. Часть редуцированных земель (в Швеции до $^1/_4$) была отобрана у церкви. Редуцированные земли король Эрик раздавал во владение и управление немцам и датчанам. Иноземцы постепенно оказались на всех наиболее важных административных и церковных должностях — сначала в Норвегии, а затем и в Швеции. Иноземные фогды и ленники возбуждали недовольство бондов, так как по немецко-датскому образцу ограничивали их свободу. Тяжелым испытанием для шведских крестьян стали фискальные реформы Эрика.

В 1413 г. в Швеции составили общую налоговую опись (так называемую земельную книгу — ёрдебук). В ней были зафиксированы положение отдельных групп крестьян, их держания и подати, что справедливо было воспринято крестьянами как шаг к их закабалению, к введению более жестких датских аграрных распорядков. В том же году был издан так называемый денежный указ (пеннингстадга), согласно которому налоги отныне должны были взиматься в строго фиксированном размере и только в денежной форме, что было трудно в условиях специфического местного рынка (см. ниже). Рифмованная хроника XV в. рассказывает, что после введения «денежного указа» по стране «стала гулять смерть», опустели деревни, «добро людское подверглось расточению».

Свою политику повел Эрик и в области торговли. Дания стала ориентировать скандинавскую торговлю на Запад (на Англию и Нидерланды), одновременно устанавливая самостоятельные торговые связи с традиционным партнером Ганзы — Новгородом. Прямым вызовом Ганзе стало введение в 1429 г. так называемой зундской пошлины, которая взималась со всех судов, проходивших через датские проливы. Пошлина давала огромные доходы, и для охраны пролива на обоих его берегах выросли крепо-

сти Хельсинборг и Хельсингёр (Эльсинор). В ответ на это ганзейские города во главе с Любеком применили против скандинавских стран торговую блокаду и присоединились к Голштинии в ее антидатской войне. Война и торговая блокада нарушили экономический режим в Северной Европе, на море усилились пираты. В особенно тяжелом положении оказалось население шведских областей Даларна и Вестманланд, чье существование зависело от горно-металлургических промыслов, а продукция последних сбывалась исстари ганзейскими купцами. Эрик был вынужден в 1433 г. заключить с Ганзой перемирие, возобновить все ее привилегии и временно отменить зундский транзитный побор.

Очевидно, что уже в первые десятилетия унии все общественные слои Северной Европы имели полное основание для недовольства ее режимом. Особенно страдали от датской политики Швеция и Норвегия. В Швеции и началось широкое выступление против унии. Застрельщиками явились вольные рудокопы Бергслагена, пострадавшие от датско-ганзейских столкновений, но уже ранним летом 1434 г. возмущение приняло характер широкой общенародной войны. Во главе повстанцев встал «человек из средних слоев», столь характерных для шведского (и вообще скандинавского) общества: горный мастер, землевладелец и мелкий дворянин Энгельбрект Энгельбректссон. В движение включились крестьяне — бонды и арендаторы, городские низы, а также противники самовластия Эрика. Восставшие грабили и жгли замки, усадьбы королевских фогдов. В течение лета 1434 г. они овладели почти всей Швецией, осадили Стокгольм. Лагман Упланда перешел на их сторону, сын его Эрик Пуке стал ближайшим соратником Энгельбректа.

Однако восстание под предводительством Энгельбректа (1434—1436) было направлено отнюдь не только против унии и датского правления, за «собственного короля». Повстанцы стремились «сами быть господами» и восстановить в стране порядки времен короля Эрика Святого (ум. ок. 1160 г.), когда, по их мнению, «не было ни пошлин, ни налогов, ни тяжелых поборов». Таким образом, в этом восстании национально-освободительное направление соединилось с антифеодальным требованием отмены или облегчения государственного тягла и поземельных повинностей, защиты личных прав. Современники-немцы сравнивали это восстание с гуситскими войнами в Чехии. Подобно гуситам, скандинавские крестьяне устраивали «вагенбурги»: свои лагеря окружали повозками, которые соединяли цепями и досками.

В августе 1434 г. вождь повстанцев и его сподвижники принудили риксрод, собравшийся в Вадстене, направить особые послания королю, Немецкому (Ливонскому) ордену, ганзейским городам и норвежскому Государственному совету. От имени Швеции риксрод отказывался от присяги на верность Эрику и одобрял выступление против королевского произвола. Светская знать и духовенство официально присоединились к восстанию, крупные феодалы вошли в его руководство. К началу следующего года армия и флот Эрика были разбиты. В 1435 г. в Арбуге расширенный совет риксрода ввел Энгельбректа в свой состав, назначил главнокомандующим и наделил титулом «вождь государства». На совещании, помимо стурманов и духовенства, присутствовали также представители полноправных городов. Поэтому собрание в Арбуге в январе 1435 г. вошло в историю как первый риксдаг (сословное собрание) Швеции.

Размах движения, авторитет умного и отважного Энгельбректа пугали знать. Она начала переговоры с Эриком, и в середине 1435 г. Кальмарская уния была восстановлена. Энгельбректу предоставили замковый лен Эребру, сохранили титул и место члена риксрода. Снова подтверждались привилегии ганзейских городов. Народные массы не получили ни реальных гарантий, ни уступок. Очевидно, что знать, внедрившись в ру-

ководство восстанием, воспользовалась им для реализации аристократической программы унии. А затем риксрод перешел в открытое наступление. Майской ночью 1436 г. народный вождь был предательски убит, а затем, после поспешного суда, казнили одного из его ближайших соратников, Брудера Свенссона. Убийцы Энгельбректа из семьи Натт-о-Даг («Ночь и День») получили охранную грамоту риксрода, которую им выдал Карл Кнутссон, вскоре занявший пост регента (1438—1441). В конце 1436 г. Эрику Пуке и его товарищам удалось поднять новое восстание в Бергслагене, но уже в следующем году они были схвачены и казнены вместе с многими повстанцами. Остальным повстанцам приказали разойтись по домам. Были восстановлены в прежнем объеме повинности держателей, бондам строжайше запретили носить оружие. Вместе с тем дворянское собрание (1437, Стренгнес) было вынуждено снизить на треть государственные налоги, запретило насильственно забирать на службу к фрэльсисманам крестьянских детей.

Лозунги восстания еще долго сохраняли популярность. Имя Энгельбректа окружили легенды, его могила в Эребру стала местом паломничества. Народное восстание 1434—1436 гг., лишенное четкой антидворянской направленности и еретической окраски, отличавшееся невыраженностью интересов отдельных податных групп, было умеренно радикальным и отвечало особенностям скандинавского феодализма с его традициями крестьянской свободы, сильным влиянием феодальной аристократии. Но это было крупнейшее народно-освободительное движение, которое положило начало борьбе скандинавов против иноземцев, за независимую местную государственность. Оно было подлинно народной войной, которая послужила примером и сигналом для классовых битв и в других странах унии.

В 1436—1438 гг. произошло восстание крестьян и низшего рыцарства в Норвегии, направленное против крупных землевладельцев и датских чиновников. Сначала поднялись юго-восточные районы (вокруг Осло), где повстанцев возглавил дворянин Амунд Сигурдссон Болт. И здесь знать попыталась использовать восстание для восстановления политической независимости страны. Риксрод, в котором участвовали Амунд и представители крестьян, направил королю Эрику послание, прося соблюдать право и законы Норвегии, не назначать на светские и церковные должности иноземцев, вернуть стране ее государственную печать и отменить незаконные налоги. В 1438 г. восстало под теми же лозунгами население Телемарка и соседних областей. Под предводительством бонда Хальварда Гротопа повстанцы двинулись к Осло, но были разгромлены норвежскими же дворянами, которые для этой цели объединились с датским фогдом. Однако и здесь восстание не было безрезультатным: как и в Швеции, оно оказалось в числе основных факторов, помешавших распространению личной зависимости держателей.

Крестьянские волнения произошли также в Дании в 1439—1443 гг. Они начались в Зеландии, где было много лично зависимого крестьянства, но наибольшего размаха достигли среди свободных крестьян Ютландии (1441—1443). Классовые столкновения в Дании были сосредоточены на борьбе крестьян против своих господ. Характерно, что и здесь основной силой движения было свободное крестьянство, выступавшее против централизованной эксплуатации и нажима на крестьянскую свободу со стороны государства. Воспользовавшись народным движением, датская знать в 1439 г. низложила короля Эрика. Вскоре к акту присоединились шведы и норвежцы.

Народные войны открыли новый этап в истории унии: тенденции единения теперь противостояла примерно равносильная тенденция разъединения. После недолгого правления нового общего короля — князя Баварского Кристофера I (1438, в Швеции 1441—1448) шведы избрали своим

королем Карла Кнутссона (Бунде), который претендовал и на норвежскую корону. Датчане же пригласили на свой престол князя Ольденбургского, ставшего их королем Кристианом I, а также королем Норвегии — после того как последняя была вынуждена согласиться на провозглашение «вечной» датско-норвежской унии (1450). Вскоре между Данией и Швецией, поддержанной Ганзой, началась серия войн (1452). Изыскивая средства для войны, король Карл прибегал к экстраординарным поборам, повышая импортные пошлины, и даже попытался снова провести земельную редукцию (возвращение в казну ранее розданных земель). Это вызвало мятежи знати, которую поддерживали бюргеры Стокгольма, общины Бергслагена и Упланда. Трижды Карл Кнутссон изгонялся из страны. Летом 1457 г. корону Швеции получил было Кристиан I, что означало востановление унии.

Однако внимание Кристиана I было отвлечено на борьбу за объединенный лен Шлезвиг-Гольштейн, где в это время пресеклась правящая голштинская династия. В результате долгой борьбы Дания потеряла сюзеренитет над Голштинией, которая стала леном германского императора. Шлезвиг, хотя формально остался леном датской короны, находился под влиянием империи. Нуждаясь в средствах для своей шлезвиг-голштинской политики, Кристиан I обложил единой податью крестьян-бондов, держателей-ландбу и бюргеров. Шведы восстали и зимой 1464 г. разбили войско короля. Уния снова распалась.

В 1471 г. регентом Швеции стал племянник незадачливого Карла Кнутссона Стен Стуре (Старший), ставленник шведской знати. Так было положено начало правлению дома Стуре (1471—1520) — активного борца за расторжение унии.

За политической борьбой внутри унии скрывались большие экономические и социальные сдвиги. В XV в. отчетливо выявилось, что аграрный кризис был одним из проявлений той хозяйственной перестройки — под воздействием товарно-денежных отношений, которая знаменовала переход феодальной организации на новую ступень. Тесно связанные с балтийским рынком, Дания и Швеция с этого времени вступили в полосу процветания. Норвегия отставала, но перестройка происходила и там.

В целом по региону численность населения к концу XV в. превысила уровень середины XIV в. Оживился процесс внутренней колонизации, особенно Далекарлии, шведского и норвежского Севера, финских земель. Увеличилась в регионе роль животноводства, продукция которого имела емкий сбыт в балтийской торговле. Одновременно сохранялась нехватка рабочих рук. Оба эти обстоятельства вели к распаду домениально-вотчинной организации и распространению надельной крупной земельной собственности, которая стала преобладать со второй половины XIV в.

Феодальные господа раздавали всю свою землю (или бóльшую ее часть) в держания за смешанный оброк. Но если владения многих мелких и средних дворян значительно пострадали от кризиса, то могущественные господа путем покупок, захватов, ростовщических операций значительно укрупнили свои владения. Увеличилось также церковное землевладение. В Норвегии церковь уже в XIV в. завладела $^3/_4$ земли вокруг Осло. Священнослужители и церковные учреждения в Швеции обладали более чем $^1/_5$ освоенных земель.

Еще более усилилась имущественная дифференциация в среде крестьян. Прежде всего резко сократился слой бондов. В Норвегии число крестьянских усадеб-гордов упало с 55 тыс. до 30—35 тыс.; в Дании крестьяне занимали 14 тыс. гордов из 80 тыс; только в Швеции скаттебонды еще владели более чем половиной гордов. Государство в интересах фиска по-прежнему стремилось поддержать среднее крестьянство, затормозить дифференциацию в его среде. Бондам запрещалось приобретать

землю вне своего постоянного местожительства и в объеме, превышавшем тот, который они могут обработать силами семьи. Запрещались разделы полнотяглых дворов и продажа их не родственникам. Такой политике, однако, объективно противостояла мобилизация земли, связанная с развитием рынка и семейных отношений, отчуждением земли в пользу дворян и церкви, самого государства, принимавшего одновременно меры по укреплению собственности на землю, усилению налогов. В результате в XV в. уплата полного тягла стала многим бондам не под силу, и государство ввело систему так называемых ёрдов (gärd). Это коллектив, который платил сообща некий постоянный, или экстраординарный, налог. Первоначально он состоял из четырех бондов (два богатых и два бедных), с 1437 г. создавались ёрды уже из шести скаттебондов.

В течение XIV—XV вв. положение бондов и держателей продолжает сближаться. Теперь бонды, как и держатели, должны были принимать на постой королевских слуг либо выдавать соответствующий оброк деньгами или натурой. Запрет носить оружие и полное освобождение от регулярной воинской службы подчеркивали растущее сословное неполноправие бондов. Лишь узкая их верхушка, особенно из числа кронобондов, сохраняла право перехода во фрэльсе (и несения конной воинской службы короля взамен налогов).

Теперь, когда многие бонды разорились, а господа перешли на надельную систему, слой держателей — ландбу и лейлейдингов значительно расширился, стал количественно превосходить слой бондов, особенно в Дании и Норвегии. Держатели земли в Скандинавии в массе своей еще сохраняли личную свободу, однако со второй половины XIV в. наметилась тенденция их прикрепления к земле, к господину. Особенно далеко зашел нажим господ на вотчинное крестьянство в Дании, где владельцы земли получили право представлять своих крестьян в суде, взимать с них судебные штрафы, а в Зеландии даже появилась практика отчуждения земли с людьми. К тому же государство, которое по обычаю не имело права облагать держателей обычным скаттом (налогом), в течение XIV и XV вв. стало взимать с них экстраординарный налог (экстраскатт).

Значительно расширилось в XIV и особенно в XV в. число людей, которых законодательство называет «бездомными», «неимущими», «бродягами». Они жили преимущественно за счет наемного труда. С середины XIV в. в скандинавских странах начинает действовать «рабочее законодательство», ограничивавшее заработную плату наемных работников, принуждавшее их к труду за низкую оплату и ставившее их личную жизнь под опеку нанимателей. Наемный труд имел, таким образом, еще феодальные черты.

Особенностью скандинавской экономической жизни того времени было сохранение вплоть до конца XV в. продуктовой ренты: значительная доля оброков, государственных налогов, экстраординарных податей и судебных штрафов вносилась натурой. Это было следствием того, что товары, имевшие высокий спрос на балтийском рынке (продукты животноводства, рыболовецкого, горного, пушного промыслов), сбывались обычно через ганзейских купцов самими землевладельцами, получавшими их в качестве ренты и не особенно заинтересованными поэтому в коммутации последней. Проявляя деловую смекалку, скандинавские дворяне, церковь, корона приобретали лесные угодья и места рыбной ловли, мельницы, рудоносные участки и т. п., используя их для получения товарной продукции.

Со времени редукции конца XIV в. горно-металлургические промыслы в Швеции почти целиком отошли к короне, которая установила там регальный режим наподобие того, который господствовал на немецких и чешских рудниках, а с середины XV в. общему регальному уставу были

подчинены и рыболовецкие становища. В Дании правительство держало в руках сельдяные промыслы.

При частых порчах монеты короне, феодалам да и ганзейцам было выгоднее применять прямую безденежную форму обмена, когда деньги участвовали в сделках лишь номинально либо для уравнивания счетов. Эта ситуация также побуждала скандинавских землевладельцев сохранять продуктовую ренту, а королей и правителей — укреплять регальные права, особенно в промысловых районах.

Втягивались в товарно-денежные отношения и крестьяне, которые не только сбывали на рынках часть продукции собственных хозяйств, но и регулярно занимались в целях подсобного заработка посреднической торговлей. Важную подсобную роль играли и промыслы (пушной, лесной, рыболовецкий, охота на морского зверя), которые сравнительно быстро товаризовались. Этими промыслами, кроме профессионалов, широко занимались крестьяне, отдавая часть продукции в виде оброка, часть сбывая на местных, а иногда и отдаленных рынках. Существенное значение среди подсобных занятий крестьян составляли также ремесла: изготовление деревянной утвари, грубого сукна, полотна, гончарных изделий, канатов и многого другого. Продукция этих деревенских ремесел также регулярно поступала на рынок скандинавских стран. В XIV и особенно XV в. на базе роста местных, мелких рынков и ярмарок в деревне стали развиваться и профессиональные ремесла, сложился слой сельских ремесленников с наделом. Рыночные отношения, как и вспомогательные занятия, углубляли дифференциацию в среде крестьянства, но вместе с тем способствовали его сохранению в Скандинавии как класса.

Многосторонняя деятельность замедляла процесс усиления экономической и правовой зависимости крестьян от землевладельцев. Она позволила крестьянам Дании и Швеции пережить кризис, а в Швеции к началу XVI в. добиться даже заметного подъема. В Норвегии же, где природные ресурсы были ограниченнее, население — реже и беднее, кризис XIV—XV вв. так и не был преодолен. В дальнейшем это отставание было закреплено датским господством. В 1468—1469 гг. Норвегия понесла и территориальные потери: Оркнейские и Шетландские острова, с их преимущественно норвежским населением, отошли к Шотландии.

Важнейшим фактором общественного прогресса Дании и Швеции на данном этапе являлись города. В Норвегии они были слабее, в Исландии вовсе отсутствовали. Развитие в деревне ремесла и промыслов, личная свобода ее жителей в известной мере тормозили рост и развитие городов. В регионе преобладали мелкие и мельчайшие города, которые насчитывали по нескольку сот жителей. В крупнейших из них — Копенгагене и Стокгольме — было соответственно не более 10 тыс. и 9 тыс. жителей. Все города сохраняли аграрные черты, горожане содержали скот, имели огороды и даже пашни. Вместе с тем именно через города велась наиболее регулярная торговля — местная, межобластная, зарубежная. Города являлись центрами дифференцированных и продвинутых профессиональных ремесел, коммуникаций, сбора налогов, монетной чеканки.

В XIV—XV вв. в шведских и датских городах появляются ремесленные цехи, оформляются их уставы, хотя цеховой строй в Северной Европе того времени не получил всеобщего распространения. Увеличилось и число купеческих гильдий; среди них наибольшее распространение имели гильдии св. Кнута, пришедшие из Дании (первый устав был принят около 1200 г. в г. Фленсборг).

В течение XV в. имущую и правящую верхушку в шведских, норвежских, отчасти датских городах все еще составляли немцы, державшие в руках внешнюю торговлю, цеховые организации, органы городского управления. Благодаря посредничеству немецких купцов из Швеции вывозились на континент медь и железо, из Швеции и Дании — продукты

животноводства, а также сельдь, из Норвегии и Швеции — пушнина, дерево, сушеная рыба и т. д. В Скандинавию ганзейцы поставляли вино, пиво, соль, шерстяные, льняные и шелковые ткани, пряности, предметы роскоши.

Торговый капитал ганзейцев вторгался и в производство, прежде всего в промыслы, например в промысел знаменитой эресуннской сельди, которым занимались на побережьях пролива, в Сконе и Зеландии; основные привилегии на сконских ярмарках, через которые вывозилась эта сельдь, имели ганзейцы. Но особенно значительную роль играли ганзейцы на горно-металлургических промыслах Швеции. В XIV в. они вывозили в основном медь, в XV в. — ковкое шведское железо. Емкий внешний рынок положительно сказался на технике производства: появились домны, к концу XV в. шведы научились варить чугун, делали хорошую сталь и свыше девяти сортов железа. В XV в. в шведском горнометаллургическом промысле возникли элементы раннекапиталистических отношений. Все больше места там получает фигура предпринимателя, чаще всего купца-немца, тесно связанного с верхушкой бюргерства. Такой купец финансировал горные и металлургические работы, сбывал готовую продукцию и управлял наемными рабочими.

Как отмечалось, в течение второй половины XIV и в XV в. в скандинавских странах сложились сословные монархии. Феодальная знать хотя и усилилась, но ее сепаратистские тенденции ослабели: противоречия в среде знати определялись теперь борьбой за власть, за влияние на государственную политику. Дворяне, и ранее заинтересованные в короне, сближаются с верхушкой свободного крестьянства и бюргерством. Бюргеров устраивали «свои» (а не иноземные) правители. Короли и правители также нуждались в поддержке сословий. Датские короли со второй половины XV в. стали приглашать на собрания вместе со светскими и церковными феодалами представителей от городов и крестьянских общин (впервые в 1468 г.). В Швеции общесословное собрание было созвано впервые в 1359 г. при короле-законодателе Магнусе Эрикссоне, а затем в 1435 г., но регулярный характер эти собрания получили к концу XV в. В шведском риксдаге участвовали знать, епископы и аббаты, выборные от низшего дворянства и приходского клира, от скаттебондов, горняков и непременно от торговых городов. Главным вопросом, который решался в этих сословных учреждениях, было вотирование обычных и экстраординарных налогов и пошлин; шведский риксдаг рассматривал и политические вопросы, выражал общенародную поддержку антидатской борьбе — в противовес аристократическому риксроду, что углубляло тенденцию к самостоятельной государственности.

Стен Стуре Старший решительно выступил против унии как таковой. 14 октября 1471 г. у северных предместий Стокгольма приплывшее на кораблях войско Кристиана I, состоявшее из датских рыцарей, немецких наемников и дружин верной унии части шведской знати, было наголову разбито шведским войском. Под знаменами Стуре сражались ополчения бюргеров Стокгольма и других городов, бонды ряда областей, горняки Бергслагена, значительная часть дворянства. После этой победы Стен Стуре Старший (регент в 1470—1504 гг.) принял закон, значительно ограничивавший доступ к аппарату управления, главным образом в городах, лиц нешведского происхождения, усилил государственную администрацию, расширил и укрепил финансовую базу короны, контроль за торговлей, ремеслами, промыслами и пошлинами, основал первый в Скандинавии университет (Уппсала, 1477). Он умело привлекал симпатии широких масс к своей политике. В 1495 г. созванный Стеном Стуре Старшим риксдаг торжественно отверг «иноземца в качестве господина или конунга». Однако неудачная внешняя политика регента — союз с Ливонией против Московского государства и вызванный этим союз Ивана III с дат-

ским королем Хансом I — позволила датскому королю разбить под Стокгольмом шведское войско и снова получить от риксрода шведскую корону на прежних условиях (хотя население страны отказало ему в вассальной присяге).

Следующие правители дома Стуре — Сванте Нильссон (1504—1511) и Стен Младший (1512—1520) — придерживались традиционной политики и тактики своего предшественника, и при Стене Стуре Младшем Кальмарская уния была окончательно разорвана.

Королем Дании в это время стал сын Ханса I, умный и энергичный Кристиан II (1513—1523), который, подобно регентам Стуре, покровительствовал в Дании и Норвегии средним слоям, расширял привилегии бюргерства, урезал права риксродов и усилил роль датского риксдага. Главной же своей задачей Кристиан II считал восстановление Кальмарской унии под гегемонией Дании. После неудачной для шведов войны (1517—1520) риксрод весной 1520 г. провозгласил Кристиана II королем Швеции. Взяв Стокгольм, король восстановил унию и произвел казнь сторонников Стуре — аристократов и рыцарей, епископов и священников, многих бюргеров (так называемая Стокгольмская кровавая баня). Кровавые погромы прокатились по ряду провинций. В ответ в Швеции поднялось широкое всенародное национально-освободительное движение под руководством знатного рыцаря Густава Вазы. Он вступил в соглашение с ганзейцами, которые объявили Дании морскую блокаду. В результате победы восстания Густав Ваза был избран королем Швеции (1523).

В Дании, между тем, разгорался мятеж знати, недовольной абсолютистскими притязаниями Кристиана II; поднялись и народные массы, задавленные его налогами. В 1523 г. Кристиан II был вынужден бежать. Королем Дании и Норвегии стал его дядя Фридрих I, герцог Голштинский, отменивший все реформы племянника и признавший Густава Вазу королем Швеции. Кальмарская уния завершила свое существование.

Глава 8
РУСЬ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В XIII—XV вв.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Восточная Европа второй половины XIII—XV вв. поражает этнической пестротой. Наряду с древнерусской народностью на основной части Восточно-Европейской равнины, балтскими племенами на северо-востоке, севере, северо-западе, отчасти в Поволжье и бассейне Оки, здесь обитали и племена тюркского происхождения — булгары в Среднем Поволжье, остатки половцев на юге смешивались с пришлыми тюркскими же племенами. На крайнем юге Крымского полуострова с 70-х годов XIII в. основали свои колонии итальянцы, в частности генуэзцы.

Огромен и перепад уровней социально-экономического развития — от родоплеменных отношений на севере и северо-западе, в частности, у балтов, до раннего феодализма, в стадию которого давно уже вступила Киевская Русь. Разнообразны были и формы политической структуры. Русские княжества и боярские республики (Новгород и Псков) на северо-западе с XIII в. соседствовали с немецким орденским государством, а также с епископствами и архиепископствами во главе с пришлым из Германии духовенством, на юге и востоке (вплоть до нашествия монголов в 30-е годы XIII в.) — с племенными образованиями половцев, на

севере и северо-востоке с финно-угорскими племенами, не создавшими еще государственности.

Политическая карта Восточной Европы на протяжении этих двух с половиной столетий крайне нестабильна. Основным фактором нарушения сложившейся структуры государств региона стало монголо-татарское нашествие и образовавшийся на востоке Монгольской империи улус (удел) старшего сына Чингисхана — Джучи (см. гл. 9). В ходе монгольского завоевания потеряла независимость Волжская Булгария. Большая часть русских земель оказалась под игом Монгольской империи. Для русских земель эти два с половиной столетия — время борьбы за независимое существование и самостоятельное развитие древнерусской народности, против монголо-татарского ига, с одной стороны, шведских и немецких феодалов — с другой. Агрессия немецких феодалов-крестоносцев на северо-западе была вторым фактором, определявшим политическое развитие региона. Слабые и разъединенные племенные образования балтов и эстов не выдержали натиска немецких духовно-рыцарских орденов, которые в начале XIII в., воспользовавшись ослаблением Руси, прочно обосновались на Балтике и в Прибалтике, подчинив себе местное, еще языческое население. В результате исчезло с лица земли балтское племя пруссов. В Прибалтике же установилось господство немецких феодалов. Социальный гнет дополнялся здесь национальным и религиозным. Третьей силой, воздействовавшей на политическую жизнь Восточной Европы, стало в XIV—XV вв. Великое княжество Литовское. Возникшее на западных и отчасти северо-западных границах Руси, Литовское княжество в конце XIII — начале XV в. проводило политику захвата западных русских областей. Правда, при этом оно «аннексировало» и высокую культуру Руси, ее письменность, право, литературу, вызвав тем самым у части русских феодалов иллюзию, поддерживаемую государями Литвы, будто княжество может стать центром объединения русских земель. Однако уже в конце XIV в. ее развеял стремительный взлет Московского княжества, ставшего лидером и главной движущей силой освободительного антиордынского движения, что и обеспечило ему роль центра складывающейся русской (в XVIII в. названной великорусской) народности, ускорило создание единого Русского государства. С конца XIV и особенно в XV в. складывание русского централизованного государства становится четвертым все более важным фактором в политической жизни Восточной Европы. Наряду с Русским государством и княжеством Литовским возникло и несколько ханств на развалинах Джучиева улуса (Крымское, Казанское и Астраханское), унаследовавших от него имперские амбиции. Но не всем народам Восточной Европы удалось после монгольского нашествия создать собственные государственные образования. Это прибалтийские племена, оказавшиеся под господством немецких феодалов, а также украинский и белорусский народы, складывавшиеся в рамках Литовского государства.

Если для большей части населения Восточной Европы период XIII—XV вв. начинается с монголо-татарского нашествия, то для народов Прибалтики отправной точкой можно считать вторжение немецких феодалов на рубеже XII—XIII вв. Общей для большинства народов Восточной Европы является их борьба за независимость от иноземных завоевателей. Сохранялись и крепли лишь те государства, политика правящих классов которых соответствовала удовлетворению жизненных потребностей формировавшихся на территории Восточной Европы народностей, и прежде всего права не самостоятельное развитие. Это ясно обнаруживает сравнение истории двух крупнейших государственных образований региона — Великого княжества Литовского и Русского государства.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Литовское княжество возникло в XIII в. как раннефеодальное государство. В течение XIII в. оно постепенно объединило несколько отдельных племенных княжеств, до того находившихся на стадии военной демократии. Княжество значительно укрепилось при князе Миндовге (ум. 1263), а затем при Гедимине (1316—1341) и особенно Витовте (1392—1430). Тогда оно и получило название Великого. Власть в княжестве принадлежала быстро феодализировавшейся знати, которая владела заселенными землями, замками и городами. Тем не менее в XIII в. широко использовались еще дофеодальные формы эксплуатации — набеги на земли других балтов (ливов, земгалов) и угро-финнов (эстов). Княжество создавалось в трудных условиях непрекращающейся борьбы с немецкими феодалами, в 1217 г. объявившими крестовый поход против балтских племен — пруссов и литовцев. Поражение основанного в 1202 г. Ордена меченосцев под Шауляем в 1236 г., заставило его объединиться с приглашенным папой из Палестины Тевтонским орденом. Новый орден стал позднее называться Ливонским по имени покоренного племени ливов, земли которого были заняты крестоносцами. Литовцам теперь предстояло иметь дело с объединенными силами крестоносцев. Ведущую роль в борьбе с ними играло племя жемайтов, оказывавшее постоянную поддержку и другим балтским племенам, в том числе куршам. Значительной вехой в этой борьбе стала победа литовцев над немецкими рыцарями у озера Дурбе в 1260 г., которая послужила толчком к восстанию земгалов и куршей. Вплоть до 1273 г. продолжалось восстание и в Пруссии. Пользуясь ситуацией, Миндовг в 1262 г. предпринял попытку объединить свои усилия с русскими. В том же году в поход против крестоносцев выступил Александр Невский. Ведя в XIII—XIV вв. постоянную борьбу с Орденским государством, а временами и с монголами, литовская знать в то же время стремилась распространить свою власть на западнорусские земли (между Западной Двиной, Днепром, Припятью, т. е. на современные белорусские и украинские земли). Под ее натиском, начавшимся еще до монгольского нашествия, эти земли в конце XIII — начале XIV в. стали терять независимость.

Установление монголо-татарского ига на землях южных и части северо-восточных русских земель вызвало отлив населения с юга Руси. Один из потоков шел на запад — в Черниговскую землю, Киевское Полесье (Житомирщину) и галицко-волынские земли. Другой поток направлялся в Верхнее Поднепровье и в Приокские земли. Демографические сдвиги сопровождались и политическими изменениями. Бурный, но краткий расцвет пережили Смоленское (до начала XV в.) и Галицко-Волынское (до XIV в.) княжества.

При князе Данииле Романовиче Галицко-Волынское княжество включало в себя территории Киевского и Турово-Пинского княжеств, Берестейскую, Люблинскую и другие земли. О высоком международном авторитете княжества, которое вело активную борьбу против монголо-татар, свидетельствует получение Даниилом Романовичем титула «короля» (1254 г.).

Князья и бояре остальных западнорусских земель, теснимые одновременно ордынскими ханами и объединившимися орденами, вынуждены были заключить соглашения с Литвой о присоединении к ней. В состав Литовского княжества в XIII—XIV вв. вошли подвинские, поднепровские и принеманские области (Полоцк, Витебск, Смоленск, Свислочь, Любошаны, Бобруйск, Кричев, Пропойск, Чичерск, Горволь, Речица, Мозырь, Бчичь, Черная Русь, Новгородок, Волковыйск, Слоним, Здитов, Гродно). В середине XIV в. прекратило свое существование Галицко-Волынское княжество — один из долго продержавшихся политических

организмов, сложившихся еще в Киевской Руси. Волынь и Подолье вошли в состав Литовского княжества, Галицкая земля и Западная Волынь — в Корону Польскую, Закарпатская Украина — сначала (в XII—XIII вв.) в Венгерское королевство, а с 1387 г.— также в Корону Польскую. Северная Буковина с 60-х годов XIV в. находилась в Молдавском воеводстве.

На протяжении XIV в. продолжалась и борьба Руси против Орденского государства, которому император Людвиг Баварский в 1337 г. «подарил» еще языческую Литву. Вслед за этим последовала новая серия походов на Литовское княжество, в некоторых из них приняли участие и феодалы Чехии и Венгрии (например, в 1345 г.). В 1348 г. в битве при Стреве немецкие рыцари потерпели поражение от соединенного литовско-русского войска в котором были и ратники из Бреста, Витебска, Смоленска, Полоцка. В 1362 г. литовский князь Ольгерд предпринял поход на Буг, где на Синих водах (пограничье Киевской земли, Подолья и Волыни) нанес поражение ордынским наместникам в Подолье, а в 1370 г. совершил поход на столицу Тевтонского ордена Кенигсберг.

В 70-е годы XIV в. Литовское княжество вело военные действия на два фронта — против ордена и против Руси. Ради захвата русских земель литовские феодалы поступались интересами собственного государства — князь Ягайло в 1380 г. заключил союз с Тевтонским и Ливонским орденами, а Витовт по Салинскому договору 1398 г. отдал ордену Жемайтию.

Со второй половины XIV в. характер отношений между Литовским княжеством и русскими землями стал меняться. Если в предшествующее время стремление литовской знати расширить территорию княжества встречало ответное желание части русских князей и бояр, искавших защиты от монголо-татар, то со второй половины XIV в. подобная политика уже не поддерживалась населением независимых русских княжеств. Агрессивные устремления литовских феодалов все чаще противоречили потребностям борьбы за освобождение русских земель от ордынского ига. Так, вмешательство Литовского княжества на стороне Твери в междоусобные распри Московского и Тверского княжеств (см. ниже), три похода Ольгерда на Московское княжество в 1368—1372 гг. помешали освободительным планам Дмитрия Донского, на несколько лет отсрочили Куликовскую победу.

Попытку захвата Московского княжества предпринял позднее и литовский князь Витовт в союзе с изгнанным, но мечтавшем о возвращении в Орду ханом Тохтамышем. Сокрушительное поражение 12 августа 1399 г. на Ворскле, которое нанесли объединенные силы Едигея и Тимур-Кутлуга войску Витовта, под знаменами которого сражались князья Полоцкий, Брянский, Киевский, Гольшанский, Смоленский, а также отряды Тохтамыша, положило конец этим планам. Следствием поражения 1399 г. оказался разгром Киева и Волыни.

В 1403 г. к Литовскому княжеству был присоединен Смоленск; а в 1411 г.— Жемайтия, вошедшая в это государственное образование как полусамостоятельная административная единица — староство. Походы 1406 и 1426 гг. на Новгород и Псков были отбиты общими усилиями русских княжеств.

В начале XV в. Великое княжество Литовское простиралось от причерноморских степей на юге до верховьев Оки на востоке и Балтики на севере. Уровень социально-экономического развития земель, входивших в Литовское княжество, был очень разным. На коренных литовских землях в XIII—XIV вв. только началось применение сохи, редко встречалось двухполье, давно уже господствовавшее на большинстве русских земель, вошедших в княжество. В Карпатах и Закарпатье наряду с горной огневой системой (с двухпольем) было развито кошарное овцеводство,

а также виноградарство. На южных землях, разоренных в ходе монгольского нашествия, преобладал перелог. В лесных районах будущей Белоруссии происходило, особенно с конца XIV в. интенсивное сведение леса под пашню. Это расширяло площадь пахотного земледелия, но несколько замедляло развитие техники и усовершенствование систем земледелия, которое сохраняло экстенсивный характер. Двухполье и местами трехполье соседствовало в этих областях с подсекой. Здесь рано выделились различные ориентированные на экспорт в страны Северной и Западной Европы деревообрабатывающие промыслы: изготовление оснований для мачт, клепки для бочек, золы для производства поташа.

Развитие городов Южной и Западной Руси было задержано монгольским нашествием, на коренных землях Литвы наряду с замковыми укреплениями к концу XIV в. появились первые города. Основным видом негородских поселений были села с челядью. Их владельцами являлись феодализирующиеся выходцы из племенной аристократии — князьки, бояре («нобили» латинских источников).

Из массы мелких и средних феодалов Литвы быстро выдвинулись магнаты, владевшие землями и в русских частях княжества. Среди них наиболее известен род Гаштольдов. Местная «русская» знать, в которой также формировались мощные магнатские роды — Острожских, Глинских, Олельковичей, Гольшанских, Чарторыйских, должна была потесниться, дав место представителям великокняжеской («господарской») администрации, которые также владели землей на вотчинном праве. Доля условного землевладения («до воли», т. е. до распоряжения великого князя, или «до живота», т. е. пожизненно) была очень невелика, как и удельный вес великокняжеских дворян.

Наиболее развитые из западных земель бывшей Киевской Руси сохранили внутреннее единство и некоторую автономию даже в пределах Великого княжества Литовского. Заключаемые князьми отдельных земель (Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской и других) договоры («ряды») с литовскими господарями гарантировали феодалам той или иной земли участие в выборе и назначении — причем часто пожизненном — наместника, который первоначально происходил обычно из местных феодалов. Эти договоры, повторяя древнерусские «ряды» князя и города, предусматривали неприкосновенность личности и владений светских и духовных феодалов. Даже формирование воеводств как главной административно-территориальной единицы во второй половине XV в. не нарушило прежней целостности западнорусских земель. Сохранение внутреннего строя отдельных «русских» земель в пределах Великого княжества Литовского придавало этому государству некоторое сходство с конфедерацией — с той лишь поправкой, что главными в этой конфедерации были литовские феодалы, узурпировавшие право выбора великого князя и законодательной деятельности в Раде панов, специальном совете при князе.

Фиксация «старины» в жалованных уставных грамотах литовских князей русским землям оказалась возможной в силу того, что эти уже ранее более развитые земли оказались в составе государства, где процесс феодализации лишь завершался. Немаловажным оказалось и принятие в Литовском княжестве русской письменности, что содействовало проникновению сюда русских традиций оформления феодального права. После Куликовской битвы, высоко поднявшей престиж великого князя московского Дмитрия (см. ниже), делались и попытки введения православия в Литовском княжестве. Однако этого не случилось. Брак литовского князя Ягайлы с польской королевной Ядвигой в 1385 г. сопровождался заключением личной унии в Кревском замке между Литовским княжеством и Короной Польской, сохранявшейся вплоть до 1392 г., а затем и на протяжении большей части XV в.

Вслед за Кревской унией в 1387 г. началась и христианизация Литовского княжества по католическому обряду. Здесь, как и в других восточноевропейских государствах, христианство насаждалось сверху, его распространение ограничивалось первоначально исключительно правящим сословием, в то время как трудовое население Литвы, особенно в Жемайтии, на протяжении всего XV в. сохраняло верность религии предков — язычеству, бережно хранило традиции народной культуры.

Распространение католицизма в Литовском княжестве сопровождалось проникновением латыни и латинской письменности, памятников польского права. В великокняжеском делопроизводстве утвердилось двуязычие, создававшее большие трудности для основного — как русского, оставшегося православным, так и литовского населения. Однако принятие католичества, покончив с полуторавековым существованием языческого государства, нанесло удар идеологическому обоснованию завоевательных планов Тевтонского ордена. Агрессию же его на восток приостановило сражение при Грюнвальде 15 июля 1410 г., где решающую роль сыграли смоленские полки, занимавшие центральное место между польскими и литовскими на флангах (см. ч. III, гл. 3).

Христианизация Великого княжества Литовского имела и глубокие социально-экономические последствия. Еще в 1387 г. привилеем Ягайлы владения католической церкви и ее подданные были освобождены от исполнения всех повинностей и уплаты различных даней и податей в пользу великого князя. Католическая церковь расширяла свои владения и на территории этнической Литвы, и в пределах всего княжества. В бывших землях Киевской Руси был пресечен дальнейший рост землевладения православной церкви. Литовские князья-католики не предоставляли ее учреждениям ни податных привилегий, ни земель. Собственность православных церковных феодалов увеличивалась исключительно за счет мелких и немногочисленных вкладов частных владельцев. Монастыри остались на стадии ктиторских частновладельческих, почти не имевших собственных земель.

В XV в. в Великом княжестве Литовском быстро шла консолидация господствующего класса. В 1413 г. согласно Городельскому привилею права польской шляхты получили феодалы-католики. Православные же добились этого спустя 20 лет в ходе феодальной войны 1432—1447 гг., когда православные русские земли выступали против различных претендентов на великокняжеский трон; в частности, города (Полоцк, Витебск, Смоленск) требовали сохранения «старины», городского самоуправления. Наиболее сильное выступление горожан состоялось в Смоленске в 1440 г. Приглашенный боярами князь Юрий Лингвеньевич не был принят рядовой массой горожан. «Черные люди», ремесленники разных профессий по звону вечевого колокола изгнали воеводу и бояр и посадили нового князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского. В конце концов восстание было подавлено, и новому великому князю литовскому Казимиру (1440—1492) удалось направить в Смоленск своего воеводу, правда, подтвердив одновременно старые права и вольности города.

В ходе войны в 1434 г. были расширены права православных феодалов, которые, однако, не получили доступа в Раду панов. Все сословие феодалов добилось отказа великого князя от «дякла» (дани), которое отныне должно было поступать в их пользу. В 1447 г. были подтверждены привилеи отдельным землям.

Патрициат крупнейших русских городов Короны Польской (Львова, Каменца Подольского) в XIV в., а патрициат литовских и русских городов Великого княжества Литовского (Вильнюса, Бреста, Гродно, Киева, Владимира Волынского, Полоцка и др.) в конце XIV—XV в. добились самоуправления по так называемому магдебургскому праву, получив освобождение от власти воевод и державцев. Городом управляла рада во

главе с войтом и бурмистром, которые избирались из числа богатейших горожан, чаще католиков.

На протяжении XV в. окончательно конституировалась Рада панов. Входившие в нее канцлер, подскарбий — казначеи (земский, т. е. общегосударственный и дворный, т. е. великокняжеский), виленский католический епископ с 1492 г. получили право решать вместе с князем внешнеполитические и финансовые вопросы. Последние приобрели жизненную важность для княжества. Расхищение земельного фонда великими князьями на протяжении XV в. поставило финансы в правление князя Александра (1492—1506) на грань катастрофы. Многочисленные налоговые льготы, предоставленные магнатам, католическому духовенству и отдельным городам, опустошили казну.

Ослабление власти великого князя-«господара» и рост политического влияния магнатов и шляхты было естественным следствием постепенного складывания феодальных отношений. В течение XV столетия натуральный оброк традиционно господствовал в некоторых районах княжества — Киевской земле, Поднепровских областях (на Верхнем Днепре, Соже, Березине, Сейме), принадлежавших великому князю. Даже в наиболее развитых районах княжества наряду с «грошовой» (денежной) данью взималась медовая, бобровая, куничная. На северо-западе же княжества в связи с развитием фольварков (см. ч. II, гл. 6), ориентированных на сбыт сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна, на внешние рынки, быстро увеличивалась барщина, достигавшая одного-двух дней в неделю и больше.

Социальное развитие этих областей Великого княжества Литовского имело сходные черты с развитием Прибалтики, где к XV в. сложилось мызное хозяйство немецких феодалов — вассалов Ливонского ордена, а крестьяне должны были исполнять барщину от одного до нескольких дней в неделю. Уже с начала XV в. началось прикрепление крестьян к земле, а в конце столетия были достигнуты соглашения крупнейших феодалов, как, например, рижского архиепископа и его вассалов, об обоюдном возвращении беглых крестьян.

Несколько ранее — в 1435 г. — ограничение права перехода крестьян одним сроком в году (на рождество) и при условии уплаты выкупа произошло в Галиции. В 1447 г. великий князь литовский и король польский Казимир Ягеллон запретили частным владельцам принимать к себе беглых господарских крестьян. Тем самым крестьянство лишалось права свободного перехода. В ответ на это в 1418 г. в Жемайтии «против благородных бояр и добрых людей» выступили крестьяне нескольких волостей. В 1431—1438 гг. вспыхнуло восстание в Подолье, в 1436—1437 гг. — в Закарпатье. Особенно массовым было движение под предводительством Мухи в Галиции — на Покутье и в Буковине в 1490—1492 гг. Таким образом, крайний запад и юго-запад Руси, районы рано сформировавшихся феодальных отношений, оказались очагами наиболее сильных крестьянских движений. В то же время стала складываться новая прослойка — казачество в юго-восточных пограничных с Крымским ханством степях, куда одновременно начались массовые отходы населения из русских земель Великого княжества Литовского. Здесь закладывалась база будущего оплота украинского народа в борьбе против феодально-крепостнического и национального гнета и против иноземной агрессии.

К концу XV в. Великое княжество Литовское являло собою некоторый анахронизм, подобный, пожалуй, Священной Римской империи германской нации. В эпоху, когда в остальных странах Европы формировались национальные централизованные государства, Литовское княжество, как и Германская империя, оставалось нецентрализованным полиэтничным образованием. Традиционное сохранение «старины» создавало базу

для обособленности земель, а магдебургское право — для обособленности городов. Широкие полномочия феодалов сужали сферу деятельности господаря. Его политика была направлена лишь на сохранение в пределах княжества «русских» земель. Ради этого великокняжеская власть предавала интересы собственного народа (Клайпедский край и Занеманье попрежнему оставались в руках Ливонского ордена) и шла на союз с враждебными и ей, и широким массам населения Литвы Орденским государством и Крымским ханством.

Слабая централизация Великого княжества Литовского и его этническая неоднородность обусловили значительную автономию вошедших в него русских земель. Население их сохраняло свой язык, как правило, религию, культурные традиции Киевской Руси. Пограничные с Северо-Восточной Русью земли в верховьях Оки, Дона и Днепра в конце XV — начале XVI в. вышли из Литвы и влились в образовавшееся к этому времени единое Русское государство, приняв участие в складывании великорусской народности (см. ниже). В других землях, оставшихся в Литовском княжестве, в XV в. постепенно формировались украинская и белорусская народности. То, что они находились в государстве, где власть принадлежала литовцам (и полякам) и где ощущалось сильное влияние польской и латиноязычной культуры, замедляло становление этих народностей. Тем не менее к XV в. они создали свои языки, самобытную культуру, отразившуюся в фольклоре, прикладном искусстве, позднее (XVI в.) — в архитектуре, литературе, летописании. Пробуждалось патриотическое сознание украинцев и белорусов, у которых вместе с тем сохранялась живая историческая память об общих культурных традициях всех трех восточнославянских народов.

РУСЬ

Историю русских земель второй половины XIII—XV в. можно разделить на три этапа. Первый охватывает 40-е годы XIII в.— начало XIV в. и характеризуется глубоким демографическим кризисом, социально-экономическими потрясениями на большей части территории Руси, захваченной монголами, замедлением развития даже в северо-западных землях, не знавших ужасов монгольского нашествия конца 30-х годов XIII в. Второй этап приходится на XIV столетие. В это время кризис постепенно преодолевается, ускоряется развитие феодальных отношений, складываются политические центры, борющиеся за ведущее положение в регионе, делаются первые попытки освобождения от иноземного ига. Третий этап — XV век — характеризуется сравнительно быстрыми темпами роста производительных сил, вовлечением в процесс развития феодализма земель с финно-угорским населением, отчасти за счет ускорения внутренней колонизации в Северо-Восточной Руси. Укрепляются города и растет роль городского населения. К концу XV в. образовалось и государство типа сословной монархии — Русь или, по тогдашней терминологии, Руссия, которое под пером Ивана Грозного получило позднее наименование Московского государства. Русь в конце XV в. добилась освобождения от иноземного ига. В пределах Русского государства началось воссоединение бывших земель Киевской Руси.

РУСЬ В 40-Х ГОДАХ XIII – НАЧАЛЕ XIV В.

Монгольская держава, поглотившая огромные пространства Китая, среднеазиатских государств, Закавказья, в конце 30-х годов XIII в. в поисках рабов и добычи приступила к завоеванию Восточной Европы, в первую очередь Руси. Были захвачены Половецкая степь, Крым, Кавказ до Дербента, Волжская Булгария (см. ч. II, гл. 9). Зимой 1237 г. нападению

подверглось Рязанское княжество. Несмотря на героизм и мужество защитников Рязани во главе с князем Юрием Ивановичем, Рязань пала. Страна, находившаяся в состоянии феодальной раздробленности и княжеских междоусобиц, не смогла объединиться перед лицом страшного врага, и это определило неудачу сопротивления. В 1238 г. монголо-татарами под руководством хана Батыя были завоеваны, разрушены, разграблены Владимир, Суздаль, Переславль, Тверь, безвестная тогда еще Москва, Торжок. На следующий год та же участь постигла Чернигов, пала и древняя столица Руси — Киев.

Последствия нашествия были катастрофичны: тысячи погибших воинов, тысячи разоренных жилищ и сел, десятки оставшихся в руинах городов, многие тысячи угнанных в плен мужчин, женщин и детей, резкое сокращение населения страны. После возвращения в 1243 г. из европейского похода монгольского войска, добравшегося до Адриатики, над Русью установилось монголо-татарское иго. Оно задержало ее экономическое, социальное и политическое развитие, завершение складывания феодализма, возродив временно архаичные формы эксплуатации, вызвав демографический кризис в стране и во многом предопределило отставание развития Руси в XIV—XVII вв. от стран Западной и Южной Европы. Героическая борьба русских княжеств с монгольскими завоевателями имела огромное позитивное значение, она истощила силы завоевателей, помешала им установить свое иго над народами Центральной, Юго-Западной и Западной Европы, обеспечила этим народам благоприятные возможности для дальнейшего самостоятельного развития.

После распада империи Чингисхана на отдельные улусы (уделы) Русь оказалась под властью Джучи, старшего сына Чингисхана. С конца XIII в. из этого улуса выделилась его западная часть — правое крыло войска Джучи, так называемая Синяя Орда, в русских источниках XVI в.— Золотая (в историографии XIX в. было принято именно это позднее наименование). Центр ее находился на Нижней Волге (Сарай). Это государство занимало огромную территорию: от Дербента на юге до бывшей Волжской Булгарии на севере, от бассейна Оби и Иртыша на востоке до берегов Дуная — на западе (см. ч. II, гл. 9).

Во второй половине XIII в. Золотая Орда провела в русских землях перепись населения и установила систему управления через баскаков — наместников Орды. Отряды во главе с баскаками собирали налоги, угоняли в рабство тех, кто не мог платить. Вся экономическая и политическая жизнь княжеств находилась под их жестоким контролем. Однако уплата податей не избавляла Русь от монгольских набегов, постоянно повторявшихся и во второй половине XIII в. Так, в 1293 г. подверглась нападению и опустошению огромная территория с 14 городами, в том числе и Тверь.

Всех самых квалифицированных ремесленников отправляли в Орду. По словам итальянского путешественника Плано Карпини, всех мужчин выгоняли за пределы города, а затем отбирали из них наиболее знающих и опытных ремесленников для вывоза из страны. Именно руками русских ремесленников и созидались ордынские города, поражавшие своим великолепием приезжих. На Руси же в результате исчезли многие отрасли ремесла: была забыта техника перегородчатой эмали, производства стеклянных бус, черни, зерни, скани (художественной обработки благородных металлов). В других ремеслах произошло опрощение и огрубление технических приемов. Почти на целое столетие прекратилось каменное строительство в русских городах. Были нарушены традиционные связи Новгородской, Полоцкой, Смоленской, Витебской земель с Византией и Востоком. Хозяйственнное развитие городов было искусственно заторможено, что во многом предопределило общее замедление социально-экономического прогресса в стране.

Сократилась роль вотчинного землевладения. В период Батыева нашествия сильно уменьшилась численность низших категорий класса феодалов и княжеско-боярской верхушки, а вместе с тем и размеры светской частно-сеньориальной собственности. Напротив, возросли размеры «черных» (государственных) земель, налоговая эксплуатация крестьянства князьями была усилена ордынскими поборами.

Особое положение в новых условиях занимала церковь. Монголы оставили за церковью все привилегии и земли и даже упрочили ее права. К существовавшим еще в Киевской Руси епархиям добавились новые. В XIII в. это были Сарская (от столицы Орды г. Сарая), Подонская (с XVIII в. она именовалась Крутицкой) и Тверская, а в XIV в. Суздальская, Коломенская и Пермская. Митрополия и епископаты пользовались судебно-административной автономией, зависимое от митрополита население было освобождено от уплаты всех видов налогов.

Форма эксплуатации сельского населения на Северо-Востоке Руси стала более примитивной. Немалую роль в этом играл рост государственного обложения за счет поборов в пользу ордынского хана. По-видимому, с помощью системы откупов взимались ясак (дань), харадж (возможно, поплужное), тамга (торговая пошлина), сусун и улуф (корм и питье), конак (дар, почести, гостевая пошлина), кулуш-колтка (запрос, чрезвычайный сбор по требованию хана), исполнялись натуральные повинности — ям и улаг (подводная повинность). Постоянный спрос ордынцев на продукты промыслов, в первую очередь охоты, способствовал их развитию в ущерб земледелию на большей части территории Руси.

Замедление темпов феодализации проявилось и в консервации холопства (полной личной зависимости крестьян, обычно не имевших надела), которое поддерживалось и монгольским игом. В конце XIII — начале XIV в. холопы составляли основную рабочую силу домениального хозяйства и пополнялись главным образом за счет взятых в плен в междоусобных войнах соплеменников.

В связи с демографическим спадом в русских землях замедлилась колонизация в районах финно-угорского и балтского населения. Опасность ордынских набегов все же побуждала русское население уходить на север и восток — в менее пригодные для земледелия, но более безопасные области. С начала XIV в. территории Москвы и Твери — двух княжеств, возникших в результате дробления Великого княжества Владимирского, стали центрами притяжения населения из южных, юго-восточных и отчасти западных земель Руси. Упадок городов, усиление натурально-хозяйственных тенденций способствовали сохранению обособленности отдельных земель, поддерживаемой и ордынскими ханами.

Изменилась политико-географическая карта Руси. На окраинах, слабее затронутых нашествием, в 60—70-е годы XIII в. возник ряд новых политических образований: княжества Костромское, Тверское, Галицко-Дмитровское, Московское, Городецкое, Белозерское, а позднее были восстановлены два княжества, существовавшие и до нашествия — Суздальское и Стародубское. Несмотря на распад Великого княжества Владимирского, князь, носивший этот титул, по-прежнему считался главой Северо-Восточной Руси.

Крупнейшим политическим образованием Восточной Европы оставалась Новгородская боярская республика. Вторая боярская республика — Псковская — значительно уступала по размерам своему северо-восточному соседу — Новгороду.

В результате политико-географических изменений трансформировалось и представление о Руси. Так стали называть теперь и отдельные части бывшего Киевского государства: Волынь, Подолию, Киевщину, Смоленщину, входившие в Великое княжество Литовское, и независимые Новгород и Псков, Владимир и Ростов. Само же население этих княжеств

и республик, вступая в контакт с другими народностями, именовало себя «русью», «русинами», «русаками». Таким образом, идея этнической общности даже в условиях потери единой государственности продолжала жить.

Для общественной мысли Руси первого полустолетия после нашествия наиболее характерна тема патриотизма, прославление воинского героизма и скорби по погибшим. Этими идеями проникнуты рассказы о битве на Сити в 1238 г., об осаде и гибели русских городов в летописании Северо-Восточной (Лаврентьевская летопись) и Галицко-Волынской Руси (Ипатьевская летопись), о борьбе за независимость князей Даниила Галицкого и Владимира Васильковича в так называемых воинских повестях о битве на Калке, о разорении Рязани Батыем. Лирический плач в «Слове о погибели земли Русской», прославляющий Родину («О, светло светлая и украсно украшенная земля Русьская! Многими красотами прославлена ты ... бесчисленными городами великими, селениями славными...»), сопровождается идеализацией могущественного князя Киевской Руси — Владимира Мономаха. Уже во второй половине XIII в. зазвучала мысль о необходимости сильной княжеской власти, способной дать отпор иноземным захватчикам. Ею проникнута и «Повесть о житии Александра Невского», составленная в 1263—1280 гг.

Главной силой, противостоящей ордынскому игу, были горожане. Политическая борьба в городах приобрела ярко выраженную антиордынскую направленность. В 1262 г. волна подобных восстаний прокатилась в Ростове, Угличе, Устюге, Ярославле. Обычно они были направлены против сборщиков ордынской дани. Эти народно-освободительные движения протекали в обстановке единодушия всех горожан и принимали форму вечевых выступлений: в 1293 г. в Твери бояре целовали крест черным людям, а черные люди боярам, что будут биться с захватчиками «с одиного» (сообща). В 1289 г., а затем в 1320 г. «створиша вече» в Ростове и «изгнаша татар». Все же в русских городах конца XIII — начала XIV в. продолжалась и борьба за городские вольности, часто в форме поддержки «своего» князя против объединительных тенденций «великих князей». Такие выступления имели место в 1297 и 1304 гг.— в Переславле, в 1340 г.— в Костроме и Нижнем Новгороде, т. е. в тех окраинных землях, где ордынская власть была недостаточно сильна.

Меньше других русских городов пострадали от монголо-татарского нашествия северо-западные районы Руси — Новгород и Псков. Здесь к концу XIII в. окончательно сложились феодальные боярские республики. Исполнительная власть в Новгороде первоначально, как и в остальных городах, принадлежала князю, действия которого контролировались — и в этом особенность Новгорода — посадниками, избиравшимися территориальными группами боярства. В конце XIII в. складывается новый государственный орган — Совет господ из представителей боярства различных территорий города — так называемых «концов»; посадник теперь избирается из членов этого Совета. Резко сокращаются права князя в области суда. Из его ведения исключаются земельные тяжбы: они решаются общим судом князя и посадника. Суд по торговым делам переходит из рук князя в компетенцию тысяцкого. Главной обязанностью князя остается организация обороны. На протяжении XIII в. утвердились сходные республиканские начала и в соседней с Новгородом Псковской республике.

Попытки захватчиков ввести в Новгороде свои поборы вызывали там антиордынские выступления. В 1257 г. произошло восстание против введения «тамги» и «десятины». В 1259 г. город ответил мятежом на требование ордынцев провести опись населения для установления новых налогов. Несмотря на протест против переписи и взимания туски — дара в пользу монгольской администрации, горожанам, боярству и князю Алек-

сандру Невскому под давлением монголо-татарских войск пришлось согласиться на «число», т. е. проведение переписи. А это вызвало широкое народное волнение, жестоко подавленное князем. В 1269 г. борьба за городские вольности в Новгороде переплелась с борьбой против ордынского владычества над Русью. Когда в Новгороде началось восстание против князя Ярослава, во время которого был убит посадник, разорены городские усадьбы сторонников князя, он обратился за помощью к хану. Итогом этого мятежа стало утверждение очередного договора между городом и князем, который послужил основой для дальнейших взаимоотношений Новгорода с приглашаемыми туда князьями.

Однако главной линией социальной борьбы в Новгороде и в это время оставалась борьба за городские вольности. В 1255 г. город стал ареной антикняжеского выступления. В ходе этого движения интересы «меньших» людей, не имевших представительства в органах власти, были преданы боярством, которое составило заговор с целью «князя ввести по своей воле» и добилось своего. Александр Ярославич Невский, новгородский и владимирский князь, принял условия горожан.

Северо-западные русские земли стали в XIII в. объектом агрессии со стороны Швеции. В 1240 г. шведские рыцари на многих кораблях проникли в Неву и дошли до ее притока Ижоры. 15 июня 1240 г. Александр Ярославич, в спешном порядке прибывший из Новгорода со своей небольшой дружиной, полностью разгромил шведский лагерь. За эту блистательную победу князь получил свое прозвище — Невский.

Новгородской и Псковской республикам пришлось отражать и агрессию немецких духовно-рыцарских орденов, утвердившихся ранее на землях Прибалтики. Тевтонский и Ливонский ордена поделили ее территорию с князьями церкви (рижским архиепископом, дерптским-тартуским и др. епископами) и датским королем, овладевшим районами Харьюмаа и Вирумаа вопреки ожесточенному сопротивлению местного населения — ливов, земгалов, эстов. Особенно упорно отстаивали свою свободу жители острова Сааремаа (после восстания 1236 г. их подчинение растянулось на весь XIII в.). Тем не менее в Прибалтике установилась власть иноземных феодалов. Не удовлетворившись эксплуатацией прибалтийского населения (с которого завоеватели получали оброк и десятину), немецкие феодалы попытались захватить и соседние русские земли. На льду Чудского озера русские войска под предводительством Александра Невского 5 апреля 1242 г. нанесли сокрушительное поражение тяжеловооруженным орденским братьям-рыцарям. Было убито 400 рыцарей и 50 взято в плен. Хотя и позднее, в XIV—XV вв., делались новые попытки вторжения на Русскую землю с Запада, угроза ее завоевания и порабощения с этой стороны была снята.

РУСЬ В XIV В.

Решительных сдвигов в развитии производительных сил в XIV в. не произошло. Прежними оставались возделывавшиеся хлебные злаки (ячмень и пшеница), распространялись овес и единственная озимая культура — рожь. Активизировалась внутренняя колонизация, в том числе на землях, запустевших после Батыева нашествия. Особенно энергично осваивался центр Северо-Восточной Руси.

Ко второй половине XIV в. относятся первые признаки нового подъема городов и городского ремесла в Северо-Восточной Руси. Развиваются портняжное, сапожное, плотницкое дело, возрождается металлообработка и литейное дело, в частности литье колоколов. Начинается строительство водяных мельниц, в основном в хозяйствах крупных светских и церковных феодалов. Значительных успехов снова достигает ювелирное ремесло, сосредоточенное в городах. Развитие металлообрабатывающих

Расчистка леса под пашню. Русь. Миниатюра XVI в.

ремесел тормозило отсутствие на Руси месторождений цветных и благородных металлов. Они поступали из-за границы через Новгород и Псков, которые поддерживали оживленные торговые связи с Ганзой и ливонскими городами. Переход в середине XIV в. от пергамента к бумаге позволил начать массовое изготовление книг.

Возобновляется строительство, в том числе оборонительных сооружений. Новые дубовые стены Кремля в Москве были возведены при князе Иване Калите (1315—1340). Возрождается и культовое строительство. Так, при том же Калите в Кремле было поставлено четыре храма, в их числе Успенский собор. Во второй половине XIV в. началась чеканка монет в Московском, Тверском, Нижегородском, Ростовском и Ярославском княжествах. Крепли торговые связи между княжествами. Значительно выросла внешняя торговля через северо-западные и западные города — Новгород и Псков, Смоленск, Полоцк, Витебск — с Прибалтикой, Северной и Западной Европой. Несмотря на то, что низовья Дона и Днепра находились в руках кочевнических орд, города Руси возобновили торговлю с итальянскими колониями в Крыму. В этих внешнеторговых связях Русь выступала поставщиком продукции промыслов — пушнины, воска. меда, получая в обмен сукна, соль, бумагу, благородные металлы.

С начала XIV в. возобновился рост частновотчинного землевладения за счет пустующих, вновь колонизуемых «черных» земель. Княжеские пожалования фиксировали вотчинный иммунитет. Еще шире распространилась сложившаяся в XIII в. практика «кормлений» (права на получение доходов с определенной территории за какие-либо службы — см. ч. I, гл. 8). И «кормления», и иммунитетные пожалования в конечном итоге служили укреплению феодальных отношений и феодальной вотчины. Именно к XIV в. позднее возводили свою родословную большинство знатных родов Северо-Восточной Руси (за исключением Рюриковичей).

В XIV в. растет и церковное землевладение. Складывается земельный фонд митрополичьего дома. В качественно новый этап вступает развитие

монастырей, которые из частновладельческих ктиторских становятся общежитийными. С середины XIV в. монастырские земельные владения увеличиваются за счет «черных» земель, сокращается численность свободного — «черносошного» крестьянства.

В быстро развивавшейся Новгородской земле к середине XIV в. завершается складывание вотчинной системы как господствующего вида феодального землевладения. Огромные вотчины светских и духовных феодалов в это время принимают законченную форму. Фонд государственных земель, находившихся в распоряжении Софийского собора и владыки как хранителя государственной казны, сократился. Освоив основной фонд «черных» земель новгородских пятин к середине XIV в., вотчинники начали борьбу за перераспределение земельной собственности. В XIV в. в руки крупных феодальных землевладельцев — бояр полностью переходит должность тысяцкого. В 1354 г. была проведена реформа, вводившая принцип представительства от городских концов: от каждого конца избирался пожизненно один посадник (от нового быстро росшего Плотницкого — два). В реорганизации политического строя республики активно участвовали городские низы, оказывавшие постоянное давление на патрициат или непосредственно или через оппозиционные группировки бояр. Основной причиной городских волнений в Новгороде в это время стала внутрифеодальная рознь между отдельными боярскими группировками, боровшимися за власть и доходы. Причиной распрей был и передел земли. Так, в 1359 г., когда жители Славенского конца добились возведения в должность посадника Сильвестра Леонтьевича, не поддержанного жителями остальных концов, на городском вече на Ярославовом дворе произошли вооруженные стычки, во время которых «бояр многих побили и полупили». В итоге вместо Сильвестра был избран Микита Матвеевич, а села, принадлежавшие первому из них и другим землевладельцам Славенского конца, были конфискованы.

В начале XIV в. Северо-Восточная Русь вступила в новый этап подчинения Золотой Орде. Правление хана Узбека сопровождалось увеличением поборов с русского населения, в том числе с духовенства. В связи с этим в 1328—1359 гг. резко увеличивается число антиордынских выступлений на Руси. Наиболее значительным оказалось знаменитое восстание в Твери 15 августа 1327 г. против баскака Чолхана (Щелкана русских народных песен) и его слуг, потребовавших исполнения подводной повинности тверским духовенством. Баскак вместе со своими приспешниками был убит. Подобные движения, ведущей силой которых были не князья с боярами, а горожане, последовали и в других городах, после чего утвердилась новая, менее тяжкая форма зависимости русских князей от ордынских ханов или «царей» (как их стали титуловать по аналогии с византийскими императорами). Князья отныне должны были платить дань за получение права княжения в собственной земле, так называемый «выход».

Некоторая стабилизация русско-ордынских отношений и восстановление экономики в период правления в Москве Ивана Калиты создали предпосылки для возобновления борьбы за политическое объединение Северо-Восточной Руси. Главными соперниками в борьбе за великокняжеский владимиро-суздальский престол были московские и тверские князья, возглавлявшие два самых крупных центра Северо-Восточной Руси. Оба города, расположенные на удобных водных магистралях (Волга и Москва), складывались как транзитные центры: Тверь — между Новгородом, поволжскими и северо-восточными городами, Москва — между Киевом, Черниговом, Смоленском и Ростовом, Владимиром. В Москве оканчивался водный путь по Москве-реке. Князья получали большие доходы от торговых пошлин. Пожалуй, некоторое преимущество было все же у Москвы, поскольку ее округа была благоприятней для зем-

леделия. Московские князья проводили более гибкую и дальновидную политику, они своевременно и правильно оценивали немалую роль православной церкви. Киевский и всея Руси митрополит, хотя и получал поставление от константинопольского патриарха, а потому до середины XIV в. обычно был греческим уроженцем, поневоле проводил политику в интересах объединения Руси. Он возглавлял разветвленную сеть церковной администрации епископий и архиепископий вне зависимости от их принадлежности к тому или иному княжеству или республике. Церковь выступала не только носительницей идеи единства страны, воплощенной в титуле митрополита, но и на практике как бы предваряла политическое воссоединение ее разрозненных частей. В княжение Калиты в 1362 г. центр митрополии, возглавляемой митрополитом Петром, из Владимира (он был перенесен туда из Киева еще в 1300 г.) передвинулся в Москву, что превратило ее в новый церковный центр Северо-Восточной Руси.

Идею единства Руси, уже созревшую к этому времени, стали воплощать в жизнь одновременно тверские и московские князья. Первым титул великого князя всея Руси принял Михаил Ярославич Тверской, который в начале XIV в. пытался подчинить себе оба Новгорода — Великий и Нижний, Кострому, Переславль. Его примеру последовал и Иван Калита — внук Александра Невского, глава сравнительно молодого и небольшого московского княжества, домогаясь этого титула и претендуя тем самым на главенство над всеми землями Северо-Восточной Руси. Борьба между ними велась и в ставке хана, который давал русским князьям «ярлык» (жалованную грамоту) на право занятия великокняжеского владимирского престола. Иван Калита воспользовался антиордынским восстанием в Твери 1327 г., выступив при его подавлении пособником хана. В награду за подавление Тверского восстания Иван Калита получил ярлык на великое княжение владимирское и право сбора ордынской дани, которое обеспечило великокняжескую казну дополнительными средствами. Это позволило Ивану Даниловичу (по прозвищу Калита, что значит «кошель») расширить территорию Московского княжества с помощью «купель», санкционированных Ордой. Так были присоединены к Московскому Галицкое и Угличское княжества. Переход в руки московских князей (носивших великокняжеский титул «владимирских») права сбора дани привел к сокращению сферы деятельности баскаков, временному прекращению ордынских набегов, что способствовало подъему экономики страны.

Упрочение внутреннего положения Северо-Восточной Руси к третьей четверти XIV в. сделало возможным первые военные успехи в борьбе с Ордой, переживавшей двадцатилетний период усобиц. В ходе их беклярибеку (главному ханскому военачальнику) Мамаю удалось объединить всю территорию западнее Волги вплоть до Днепра. Орда Мамая стала в 70-е годы наиболее сильным политическим образованием в пределах Джучиева улуса и главным противником Руси. В 1374 г. Мамай предпринял поход на Рязань, затем — в 1376 г. за Оку, в 1377 г.— на Булгар. 12 августа 1377 г. объединенная русская рать была разбита Мамаевой ордой на реке Пьяне. В 70-е годы активную антиордынскую позицию заняла русская православная церковь. Идейным вдохновителем борьбы с Мамаем выступил настоятель Троице-Сергиева монастыря под Москвой, благословивший князя Дмитрия Ивановича (1359—1390) на эту борьбу, Сергий Радонежский. 11 августа 1378 г. русским удалось нанести поражение ордынским войскам во главе с Бегичем на реке Воже. Этот успех удалось закрепить лишь через два года в Куликовской битве. Борьба с ордой была задержана московско-тверскими междоусобицами (1371—1372 гг.) и вмешательством литовского князя Ольгерда на стороне Твери. В результате похода объединенного войска московского и верхнеокских князей, ставших подданными Дмитрия Ивановича, последнему в 1375 г.

удалось добиться капитуляции тверского князя, его отказа от претензий на великое княжение владимирское и признания им московского князя «братом старейшим». В это время ясно выразилась тенденция поддержки московских князей горожанами: их противодействие Михаилу Александровичу Тверскому в 1371 и 1375 гг. сыграло свою роль в победе Москвы над Тверью. С конца 70-х годов авторитет Московского княжества усилился, так как оно стало организатором и центром борьбы с Ордой, что закрепило его превосходство над Тверью.

8 сентября 1380 г. произошло победное сражение русских войск под руководством московского князя Дмитрия, прозванного за эту победу «Донским». Само сражение в источниках XIV в. было названо Мамаевым побоищем, а Н. М. Карамзиным в начале XIX в.— Куликовской битвой. Для современников важен был факт, что битва произошла на Дону, верховья которого в то время не принадлежали к русским владениям, и князю Дмитрию нужно было немалое мужество, чтобы, покинув русские пределы, принять открытый бой с противником на контролируемой им территории, о чем подробно повествует созданное 100 лет спустя после битвы «Сказание о Мамаевом побоище». Наиболее же достоверные сведения о битве содержат почти современные битве летописи, а отдельные детали — поэтическая песня-плач «Задонщина».

Целью похода Мамая было восстановление зависимости Руси от Орды в том объеме, который был характерен для середины XIV в. и от которого отказался Дмитрий Донской: уплаты ордынского «выхода», в том числе и с церкви. Требования эти были неприемлемы для усилившейся Руси, столкновение стало неизбежным. Получив известие о походе Мамая в конце июля—августе, князь Дмитрий направил войска в Коломну, ключевую крепость на Оке, а затем к Лопасне. В русское войско, насчитывавшее по косвенным данным около 10 тыс. человек, входили отряды из Москвы, Владимира, Белоозера, Серпухова, Тарусы и других верхнеокских городов. Оно переправилось через Оку навстречу Мамаю, ожидавшему на правом берегу Дона обещанной помощи литовского князя Ягайлы. Местом кровопролитной битвы, где русское войско встретилось с равной по силе ратью ордынцев и подвластных Мамаю народов, стал левый берег реки Непрядвы, правого притока Верхнего Дона. Здесь в соответствии с военной тактикой того времени русские войска построились в две линии: впереди сторожевой полк во главе с Дмитрием, а в глубине — большой (главный), с полками «левой и правой руки» (на флангах), в лесу выше по Дону расположился засадный полк. Сражению, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», предшествовал поединок богатырей — слуги Троице-Сергиева монастыря Пересвета и ордынского воина Темир-мурзы (Челубея). Основной удар войско Мамая нанесло в центр русских войск и сначала потеснило их, создав угрозу большому полку. Тогда-то решающую роль сыграл засадный полк, состоявший из отборной конницы. Возглавлявшие его воеводы Дмитрий Боброк и князь Владимир Андреевич Серпуховской бросили в тыл ордынской конницы свои войска и привели ее в замешательство, она начала отступать. Большой полк «левой руки» завершил разгром мамаева войска, обратившегося в паническое бегство.

Победа на Куликовом поле стала провозвестницей конца ордынского ига. Она показала, что созрели силы для отпора врагу, дала новый толчок формированию самосознания русской народности, противопоставив разлагающему воздействию ига пример единства Руси в героической и самоотверженной борьбе с захватчиками. Важным политическим последствием Куликовской битвы было то, что Дмитрию Донскому удалось окончательно закрепить главенство Московского княжества над Владимирским княжением, присоединить Белоозеро. Началась эпоха быстрого роста Московского княжества, признанного центра борьбы против Орды.

В конце XIV в. были созданы условия для последующего освоения русским населением «Поля» — нейтральной полосы между русскими и ордынскими владениями на правобережье Оки и в верховьях Дона, где раньше кочевали лишь одни ордынцы. Велик и международный, хотя и значительно более поздний резонанс победы на Куликовом поле. В течение столетий она была примером для освободительного движения других народов, страдавших от монголо-татарских набегов. Результатами победы на Дону воспользовалась и церковь — не только для того, чтобы поднять свой авторитет на северо-востоке Руси, но и для того, чтобы усилить влияние во всех русских землях. Если накануне Куликовской битвы существовали две православные митрополии — «московская» и «литовская», то митрополиту Киприану, прибывшему в Москву в мае 1381 г., удалось объединить их, вернув титулу митрополита «киевского и всея Руси» реальное значение.

Однако ни до политического объединения всей Руси, ни до ее освобождения в конце XIV в. дело еще не дошло. Воспользовавшись поражением и гибелью в Крыму Мамая, новый хан Золотой Орды энергичный и предприимчивый Тохтамыш быстро восстановил ее единство. В 1382 г., мобилизовав все силы, он совершил новый поход на Москву. Князь Дмитрий, спасая свое малочисленное войско поредевшее в 1380 г., счел возможным покинуть столицу. Оборону города на этот раз взяли в свои руки рядовые жители. Началось противоборство двух лагерей. Один состоял из «коромольников и мятежников» (по терминологии Ермолинской летописи), которые вслед за князем хотели оставить город. Представители второго настаивали на обороне Москвы. Защитники города не выпускали беглецов из него, задержали и грабили митрополичьих слуг и великокняжеских бояр. Столица была взята Тохтамышем лишь обманом. В событиях 1382 г. важен не только факт роста политической (а также гражданской и социальной) активности горожан в момент временного ослабления княжеской власти, но и то, что в конце XIV в. народно-освободительная антиордынская борьба горожан и на северо-востоке Руси уже сочеталась с социальной борьбой против городских верхов.

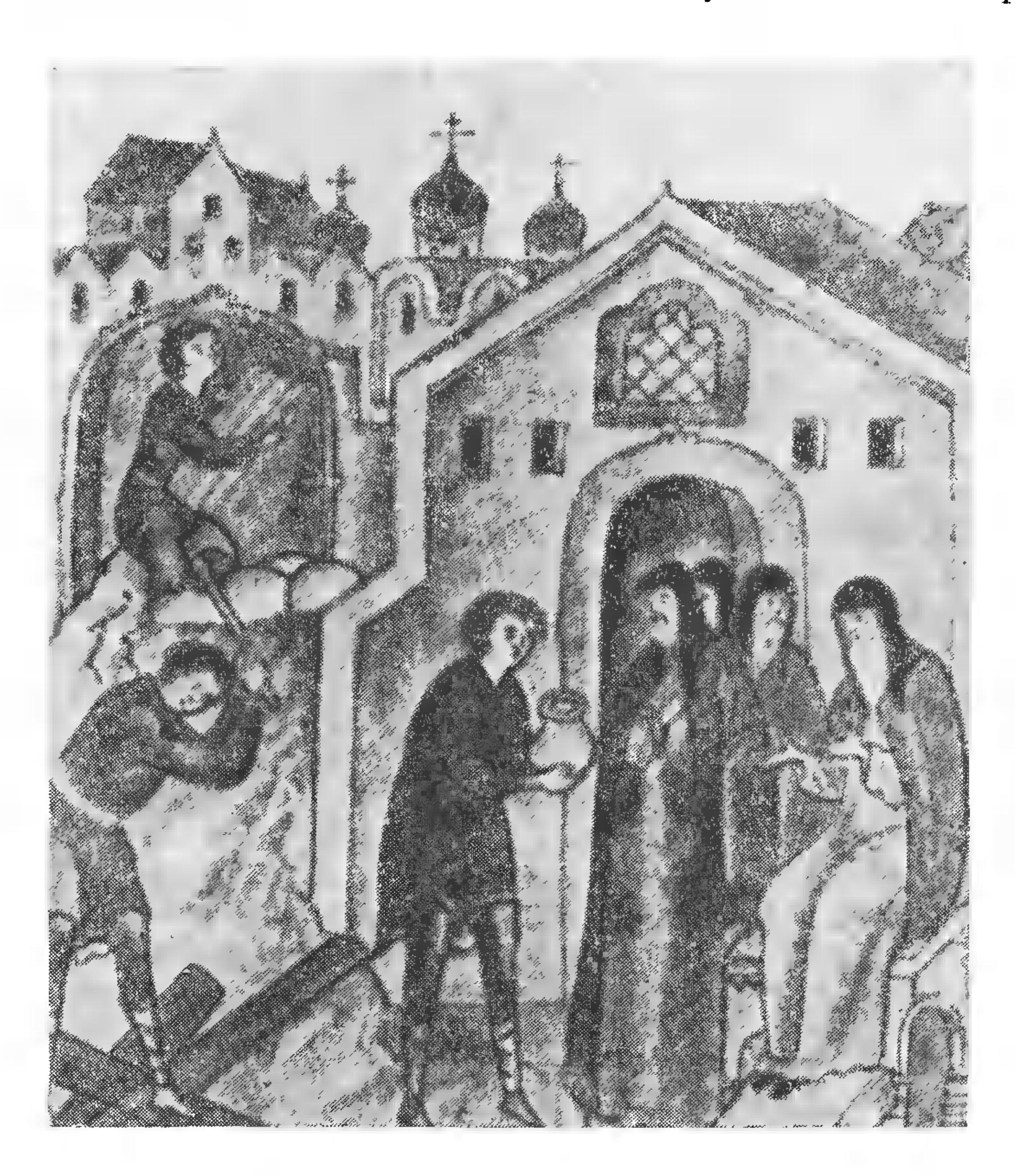
Золотая Орда, хотя и ослабленная походами Тимура (1395—1396 гг.), и в XV в. продолжала оказывать еще немалое воздействие на развитие Руси. Поход хана Едигея 1409 г. и осада им Москвы снова затормозили объединительные процессы.

Подъем освободительной борьбы Руси против иноземных захватчиков нашел отражение в литературе и фольклоре. Повесть о Шевкале, как и историческая песня о Щелкане Дудентьевиче, прославляла мужество тверичей, восставших против ордынского наместника Чолхана, а повесть о Михаиле Ярославиче Тверском воспевала подвиг князя, пожертвовавшего жизнью ради предотвращения ордынского нападения на свой город.

О зрелости общественной мысли свидетельствует появление ереси стригольников в Новгороде в конце XIV в., Пскове — в 20-е годы XV в. Происхождение названия точно не установлено. По мнению одних, оно происходит от ремесленной специальности (стрижки сукон), по мнению других, связано с обрядом «пострига» в низший духовный сан. Главными приверженцами ереси были представители низшего духовенства, городские ремесленники, возможно, и мелкие торговцы. Стригольники оспаривали божественное происхождение таинств священства, причащения, покаяния, крещения, отвергали иерархию церкви, попытались возродить некоторые языческие культы. В Новгороде церковь сурово с ними расправилась в 1375 г., казнив руководителей движения. В 1427 г. подверглись преследованиям псковские стригольники.

В отличие от Северо-Восточной Руси ситуация для других регионов Восточной Европы складывалась менее благоприятно. По-прежнему под гнетом иноземных захватчиков оставались народы Поволжья и Прибал-

Горн и кузница.
Русь.
Миниатюра XVI в.

тики. Грандиозное восстание Юрьевой ночи 1343 г. в Харьюмаа и Вирумаа, Ляанемаа и Сааремаа привело лишь к перемене власти: датские феодалы должны были передать две первые земли Ливонскому ордену (1346 г.). Лишь на самом юго-западе Восточной Европы в 1365 г. образовалось Молдавское княжество, ставшее вскоре прочным оплотом в защите поствизантийского мира от османов (см. ч. II, гл. 5).

РУСЬ В XV СТОЛЕТИИ

В конце XIV и особенно в XV в. в Северо-Восточной Руси наблюдаются значительные успехи в экономике. Усовершенствовались орудия земледелия. Двузубая соха, более легкая и более производительная, чем однозубая, стала главным орудием обработки почвы. В густонаселенных районах на старопахотных землях двухполье все шире дополняется трехпольем, которое становится господствующим к концу XV в. Однако и в это время для Руси характерна неравномерность социально-экономического развития. Старые центры земледелия соседствовали с районами, где лядинное земледелие (перелог на пустошах) дополнялось подсекой. В восточных и северных районах ведущую роль по-прежнему сохраняли различные промыслы — охота, рыболовство, бортничество, соледобыча, а в земледелии господствовал перелог. Наряду с этим началась специализация отдельных отраслей сельского хозяйства — льноводства, хмелеводства и т. д. Шире стала распространяться механизированная переработка зерна на мельницах, хотя в крестьянских хозяйствах все еще преобладал ручной помол в ступах или с помощью жерновов.

Сформировались земледельческие поселения разных типов. На старопахотных землях располагались большие села — центры княжеской или

вотчинной администрации, и одно- или двудворные деревни. К ним прилегали пашенные земли и различные угодья,— сенокосы, рыбные ловли, бортные леса и т. д. Часть подобных поселений, почему-либо запустевших, превращалась в селища и пустоши, рекультивировать которые не составляло особого труда. В ходе внутренней колонизации на землях, отвоеванных у леса или болот, появлялись новые починки и деревни.

Подъем земледелия с конца XIV в. сопровождался географическим разделением труда между отдельными районами и установлением экономических связей. Особенно интенсивной была соляная торговля. Соль из северных районов страны, из Русы под Новгородом поступала и в центральные земли. Постоянное экономическое общение, уплотнение сети дорог готовило условия для формирования внутреннего рынка и политического объединения страны в конце XV века.

Наметились новые явления и в развитии феодальной собственности на землю. В связи с повышением ценности земли как средства производства усиливалась борьба за нее в среде феодалов, активизировалась ее мобилизация разными способами — и официальным путем получения пожалований, и откровенными захватами «черных» государственных земель (что особенно характерно для монастырей). При сохранении формального верховного права главы государства на леса, воды, неосвоенные земельные угодья на практике все больше побеждал принцип: «нет земли без государя» (господина). К началу XV в. все больше уточнялись границы между отдельными владениями, зафиксированные в письменных актах, удостоверяющих права на землю, на доходы с нее и на лиц, ее обрабатывающих. Увеличивается число жалованных грамот — купчих, оформлявших обмен имущества, дарственных, духовных (завещаний).

Ускоряется развитие светского частновотчинного землевладения. Преобладающей формой этого вида собственности оставалась наследственная вотчина с правом свободного распоряжения ею. Но с середины XV в. все более распространяются условные земельные держания, сходные с западноевропейским леном или феодом. С конца XV в. они именовались поместьями. Князья, бояре, монастыри, стремясь повысить доходность владений, раздавали часть их своим военным и дворцовым слугам на условии заселения и обработки пустующих земель и выполнения различных служб (в том числе и военной) — на определенный срок, часто пожизненно. В качестве вотчинников выступали бояре, «слуги вольные» и «дети боярские» (мелкие феодальные держатели, термин известен с 1433 г.). Их вассальные отношения к князю определялись теперь поземельными связями. На большую сравнительно с другими европейскими странами зависимость русского феодала от князя указывает патронимический способ образования фамилий — от имен предков, а не от названия земли.

Условные феодальные держания возникали и путем самоотдачи мелкого вотчинника под покровительство крупному феодалу (наподобие западноевропейской коммендации) на условиях ограничения свободы и права распоряжаться своей землей. Нередко «коммендировавшийся» — и в этом особенность Руси — принимал на себя обязанности холопа. Из таких холопов, подобных рабам-министериалам на Западе (см. ч. I, гл. 3, 4), составлялась вотчинная администрация. Условные держатели, обычно мелкие феодалы, формировались или из отпущенных на волю холопов-министериалов, или — во второй половине века — из числа обедневших потомков князей и бояр.

Завоевания феодалов в социальной и политической сфере были особенно прочными на северо-западе. В Новгороде управление приняло законченные олигархические формы. В 1416—1417 гг. резко увеличилось число посадников, срок службы которых был сокращен до полугода. С начала XV в. приоритет в «сместном» суде князя и посадника принадле-

жал последнему. Консолидация боярства сопровождалась обострением классовой борьбы в Новгороде. Народное движение 1418 г. В. Л. Янин охарактеризовал как «последнее в истории Новгорода организованное движение черни». В ходе восстания вооруженные горожане с Торговой стороны, выступившие со своим знаменем, разграбили боярские дворы на Кузьмодемьянской, Чудинцевой, Людогощей и Прусских улицах, «Берег» (вероятно, складские помещения у пристани с судами) на Яновой улице, разорили житницы в монастыре Николы на Поле. В конфликт Софийской стороны с Торговой оказалась замешанной беднота Торговой стороны, участвовавшая в нападениях на владения бояр Неревского и Загородского концов.

Статистических данных о соотношении светского частновладельческого и государственого землевладения на Руси нет, за исключением ретроспективных данных о Новгороде самого конца XV — начала XVI в. В Новгороде же государственные земли, принадлежавшие сословию феодалов как корпорации, оставались только на севере — в Обонежье и Заволочье в Деревской пятине. На протяжении XIII—XV вв. образовались огромные вотчины духовных и светских феодалов. Светское землевладение достигло высокой концентрации: 68 крупным землевладельцам принадлежало больше половины всех вотчин. В Северо-Восточной Руси продолжало расти церковное землевладение. Наряду с уделом митрополита, владевшего землями и под Владимиром, и под Москвой, и в других местах, в качестве крупных землевладельцев выступали архиепископы и епископы — ростовский, новгородский и др. Новгородскому владыке, в частности, в различных пятинах принадлежало от 5,3% до 12,9% земли. Софийский собор в Новгороде владел в конце XV в. 2 тыс. поселений с 7 тыс. крестьян. Незначительным было землевладение приходских церквей. Его многократно превзошли монастырские земли, в особенности таких крупнейших монастырей, как Троице-Сергиева, Симонова, Пафнутьева-Боровского. Скопление в стенах монастырей крупных денежных средств за счет получения десятины, отчислений от торговли и непосредственного участия самих монастырей в торговле, а также вкладов феодалов и княжеских пожалований создало предпосылки для превращения перечисленных монастырей в крупных вотчинников, втягивавших в свою орбиту «черных» крестьян. В процессе христианизации северо-востока и севера Восточной Европы возникли монастыри и в Новгородской и Ростовской епархиях. В последней наиболее известен Кирилло-Белозерский. В Деревской пятине монастырям принадлежало от 20 до 30% земли, в Шелонской — до 28%.

Во всей Восточной Европе уже к концу XIV в. сложились свойственные развитому феодализму сеньориальное право, включавшее суд и управление зависимым населением, условные держания, судебный и податной иммунитет, которым в широкой степени пользовались вотчины светских и духовных феодалов.

С развитием феодальных отношений изменялись формы эксплуатации крестьян, общее название которых (от слова «христиане») появилось в годы ордынского ига. Крестьянство делилось на две большие группы: это лично свободные общинники («черносошные»), феодально-зависимые от государства и частновладельческие, в разной степени зависевшие от вотчинников — князей, бояр, монастырей, позднее помещиков. «Черные» крестьяне жили на земле, находившейся в феодальной собственности государства, платили ему налоги (бывшие видом феодальной ренты) с земледельческого хозяйства или с дохода от промыслов. Для «черных» земель было характерно сохранение общинного землевладения крестьян в форме территориальной общины, регулировавшей совместное пользование лесами, сенокосными угодьями, пашнями, выделявшей пахотные наделы крестьянам. Выборное крестьянское самоуправление находилось в центре

волости — стольце, где решались мелкие судебно-административные дела, производилась под контролем княжеской администрации раскладка государственных повинностей.

Наиболее многочисленным среди владельческих крестьян был слой «старожильцев», наследственных или многолетних держателей одних и тех же участков — «мест». Их обязанности заключались в выполнении повинностей в пользу владельца земли. «Старожильцы» противопоставлялись «пришлым» или «перезванным» (из других княжений). О процессах обнищания и обезземеливания крестьянства свидетельствует появление «серебренников» — задолжавших крестьян, обязанных расплатиться с землевладельцем, бобылей (непашенных и нетяглых людей), половников, потерявших свою землю и бравших надел у вотчинника за половину или иную часть урожая. «Серебренник», выплачивавший подать деньгами вместо выполнения трудовой непашенной повинности, возложенной на него, был лишен возможности порвать с господином-заимодавцем.

Наряду с крестьянами сельским трудом занимались и «страдные люди» — холопы, обрабатывавшие барскую запашку. Их ряды пополнялись за счет пленников, в особенности в западных и юго-западных районах. Об этом неопровержимо свидетельствует топонимический материал. Разновидностью холопов была «челядь». Документы середины XV в. фиксируют факты наделения холопов землей и постепенного превращения их в несвободных держателей. Длительное сохранение холопства, в том числе и в сельском хозяйстве, ограничивало возможности развития производительных сил. Условная пожизненность холопства (до смерти господина) облегчала части холопов переход на положение надельных крестьян. Холопы и крестьяне совместно участвовали в таких актах классовой борьбы, как убийства господ, поджоги, грабежи вотчин. В борьбе господствующего класса против социального протеста зрели предпосылки для организации более действенных форм властвования на территории всей Руси.

С начала XV в. все более заметной становится тенденция к унификации различных категорий сельских тружеников (в том числе и «черных» крестьян) в единую массу феодально-зависимого крестьянства, что характерно для последних этапов феодализации. Однако этот процесс полностью завершился лишь несколькими столетиями спустя. Господствующей формой феодальной ренты оставался натуральный оброк при небольшой барщине и денежной ренте (у черносошных крестьян денежная рента преобладала). В Новгородской земле доля барщины была несколько ниже, чем в Северо-Восточной Руси, а доля денежной ренты, напротив, выше. В целом до конца XV в. размеры господского домена были невелики, и основные рабочие руки для него доставляли холопы. До середины XV в. крестьяне-держатели, не являвшиеся холопами, имели право свободной смены господина при условии, если они выполнили все требуемые за год повинности. В конце 50-х — начале 60-х годов XV в. вводятся запрещения феодалам «перезывать» великокняжеских крестьян. Разрешалось «перезывать» крестьян из других княжеств. Однако по мере их поглощения Московским княжеством крупные феодалы перешли к ограничению срока перехода крестьян и от одного владельца к другому. Переходы крестьян из одного владения в другое в неустановленные сроки начинают расцениваться как побеги. Подобные самовольные выходы становятся выражением социального протеста крестьян. Его причины лежат в увеличении феодальной эксплуатации крестьянства и росте ренты. Фиксация последней в форме уставных грамот была в XV в. одной из главных целей классовой борьбы крестьянства. Не менее важна была и борьба за землю, которую крестьянство вело против духовных и светских феодалов в разных формах — путем захвата земель уничтожения изгородей, обращения в великокняжеский суд.

Незавершенность феодализации в масштабах всей страны, возможность отлива эксплуатируемого крестьянства на север и северо-восток, несомненно, сглаживала противоречия между сословием феодалов и крестьянами. Так же, как и «открытость» границ, действовало наличие холопства.

На первую половину XV в. приходится сравнительно быстрое развитие русского средневекового города. Появляется много новых торгово-ремесленных поселений — «рядков» в Новгородской земле, «слобод» — в Северо-Восточной Руси. Жители этих поселений, как правило, возникавших у окраин княжеств, были освобождены от большинства феодальных повинностей. Развитие товарно-денежных отношений происходило неравномерно. Раньше всего они распространились на специализированные отрасли сельского хозяйства (льноводство, хмелеводство), а также промыслы (железорудные и др.). Быстро росли волжские города — Ярославль, Нижний Новгород, богатевшие на торговле с Востоком. Возрождение и дальнейшее развитие ремесел сопровождалось упрочением торговых связей внутри страны, возобновлением активной внешней торговли как на северо-западе при посредничестве Новгорода и Пскова, так и на юге при участии городов центра — Москвы, Дмитрова и др.

Большинство русских городов средневековья формировалось и развивалось как центры пересечения торговых дорог. Однако пределы их связей были ограничены Европой. Внешняя торговля по северным морям находилась в руках Риги и Ревеля (Таллинна), на Черном море — итальянских городов Сурожа (Судака), Кафы (Феодосии) и др. В прибалтийских городах сложилось мощное, крепко организованное в гильдии немецкое купечество. Развитие городов Причерноморья было задержано после захвата их турками-османами в 1485 г. Однако и в тех и в других развивались специфические отрасли ремесла на базе транзита, складывались особые слои населения, специализировавшиеся на транспортировке товаров. В них почти отсутствовали функции центров феодального властвования, поскольку тянувшие к ним территории были крайне незначительными.

Русские же города играли важную роль административных центров, центров власти феодалов, а также центров ремесла и торговли. Многофункциональности города соответствовала и пестрота его населения (см. ч. II, гл. 1). Для Руси XIV—XV вв. характерны стертые формы внутригородских объединений — по сотням, улицам, вокруг патрональных церквей и т. д. Существование, наряду со свободным, вотчинного ремесла сдерживало более четкое цеховое оформление ремесленных объединений в городах. Можно говорить лишь о территориальном выделении ремесленников одной профессии, например кузнецов, или связанных местом торговли, например рядовичей — ремесленников, занимавших особое место на городском торгу. Крупные купцы, в том числе новгородские, были одновременно и землевладельцами. Их хозяйство носило ярко выраженный потребительский характер. Известны и факты прямого участия боярства в торговле, в том числе и внешней,— пушниной и воском.

В городах существовали купеческие объединения как временного, так и постоянного характера. К первым принадлежало так называемое «складничество», товарищество для торговли вне родины. Из постоянных купеческих компаний известны три: «гостей-сурожан», ведших торговлю на юге, «прасолов», патрональными храмами которых были церкви Бориса и Глеба в Новгороде и Русе, и «Иванское сто» — в Новгороде. Члены этих организаций принадлежали к богатой купеческой верхушке и были политически полноправными гражданами города, владельцами городских усадеб. Богатейшее купечество вливалось в ряды бояр, пополняя кадры дворцовых администраторов — казначеев, должностных лиц посольской службы и таможенного ведомства.

Упрочение светского и церковного феодального землевладения, нуждавшегося в крепкой государственной власти для защиты своих интересов, развитие внутренних экономических связей ставили во весь рост вопрос о централизации страны. Она была жизненно необходима для обороны и, самое главное, полного освобождения от иноземного ига.

Судьбы централизации в Северо-Восточной Руси, как и в остальных странах Европы, решались в ходе ожесточенных внутренних войн. Но расстановка сил была несколько различной. Если в Западной Европе верховной власти, опиравшейся на поддержку горожан, среднего и мелкого дворянства, противостояли сепаратистски настроенные круги крупных феодалов, то в Северо-Восточной Руси борьба за власть развертывалась в первой четверти XV в. между представителями одного и того же правящего дома — «гнезда Калиты». Предлогом для начала конфликта послужил вопрос о наследовании власти. Вопреки завещанию Дмитрия Донского в пользу его брата Юрия Галицкого, составленному тогда, когда у его старшего сына Василия Дмитриевича еще не было прямого наследника, престол при вмешательстве Орды перешел к родившемуся позднее внуку Дмитрия Донского Василию II (1425—1462), сыну Василия Дмитриевича. Смерть последнего в 1425 г. открыла полосу изнурительных для всей страны междоусобиц. Юрий Галицкий, а затем его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка вели при поддержке поволжских и подмосковных городов длительную борьбу с Василием II за московский престол. Пользуясь временным ослаблением Московского княжества, свои претензии на великокняжеский стол возобновил также тверской князь. Московского великого князя Василия II поддержали потомки героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Донского (Храброго), князя серпуховского и боровского, горожане и гости-суконники (сурожане) Москвы. Жестокое ослепление Василия II (получившего поэтому прозвище «Темного») в Троице-Сергиевом монастыре князьями Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским не обеспечило им победы. Вокруг Василия II сплотились большинство феодалов центра Северо-Восточной Руси, прочный клан московских землевладельцев — его двор, жаждавший получения новых земель, а также служилые люди из княжат, бояр и детей боярских, обеспечившие великому князю конечную победу в 1446 г.

Феодальная война 1425—1446 гг. затормозила экономическое развитие ряда княжеств. Враждующие рати оставляли после себя полосы обезлюдевшей земли, брали в плен и обращали в холопов своих соплеменников и единоверцев. Именно с этого времени распространилась раздача земли в держания на условиях заселить («ожилить») запустевшие земли. Разорение крестьянских хозяйств, рост числа холопов послужили одной из предпосылок страшного голода 1434—1436 гг. Мелкие феодалы, быстро разорявшиеся в условиях феодальной войны и стихийных бедствий, вынуждены были закладывать земли и, в случае неуплаты долга, теряли свои владения, что толкало их на путь коммендации или даже превращения в холопов. Массовыми были передачи монастырям значительных денежных вкладов и земельных пожалований в обмен на право жить при монастырях. За их высокими стенами мелкие и крупные вотчинники надеялись сохранить и жизнь, и имущество. Облегчалась и покупка земель, где располагались мелкие ктиторские монастыри, владельцы которых не надеялись удержать их в период столь длительной смуты. В связи с этим на 30—50-е годы XV в. приходится время быстрого роста крупного монастырского землевладения. Несмотря на сопротивление крестьян, монастыри захватывали много «черных» земель, внедрялись в районы промыслов, прежде всего солеварения.

Феодальная война понизила и международный авторитет княжеств, на время ослабила их обороноспособность. В 1438 г. хан Улуг-Мухаммед, ставка которого находилась в Белеве, совершил грабительский набег на

Московское княжество. Казанское ханство, выделившееся из Золотой Орды, стало постоянной угрозой для Северо-Восточной Руси. Окончание феодальной войны облегчило дело обороны, и в 1454, 1455, 1459 гг. московским войскам удалось отразить нападения ордынцев.

Сложной была обстановка и на западных рубежах. Хотя со смертью Витовта литовская агрессия перестала быть столь опасной, но и в 40-е годы его преемник Казимир Ягеллон стремился продолжать его политику, хотя по договорам с Василием II и Борисом Тверским от 1449 г. формально признавал равноправие Литовского и Московского княжеств.

К 1462 г. была ликвидирована большая часть уделов на территории Северо-Восточной Руси. Сохранились лишь уделы белозерско-верейского князя Михаила Андреевича и созданный в 1455 г. удел Юрия Васильевича. Упрочились позиции московского князя в Новгороде, с которым в 1456 г. был заключен Яжелбицкий договор, предусматривавший вмешательство великого князя в решение судебных дел в Новгороде. В 1462 г. под верховную власть московского князя перешла и Псковская республика. Пределы Московского княжества расширились на востоке, где была захвачена Вятка. Успехи централизации страны дали себя знать уже в 60-е годы. Хотя великокняжеское правительство по-прежнему предоставляло монастырям широкие податные льготы, Василий II и его сын Иван III (1462—1505) значительно ограничили их судебный иммунитет: из ведения монастырских властей были изъяты важнейшие дела о «душегубстве, разбое и татьбе с поличным» (т. е. об убийстве, разбое и грабеже). В начале княжения Ивана III дела об убийстве перешли в компетенцию центральной власти, что несомненно содействовало укреплению единовластия великого князя. В 60—70-е годы приостановилось интенсивное в годы феодальной войны возрастание монастырских владений.

Уже в середине XV в. возникли литературные произведения, идеологически обосновывавшие необходимость объединения страны: «Слово похвальное» инока Фомы возвеличивало тверского князя Бориса Александровича, которого автор сравнивал с византийским цесарем; «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя русьского», написанное до 40-х годов XV в., поднимало авторитет Дмитрия Донского как величайшего государственного деятеля, достойного преемника киевских князей и первых русских святых Бориса и Глеба. Патриотическое историческое мышление формировало и «Сказание о Мамаевом побоище», созданное около 1480 г. Это сочинение оказывало воздействие на национальное сознание русского, украинского и белорусского народов вплоть до начала XIX в. «Вся Русь» в 70-е годы мыслилась обязательно с Новгородом, а в 90-е годы и с Киевом, центром древней и традиционной культуры, одним из наиболее почитаемых религиозных центров страны. Понятие Русской земли как единства сохранялось вопреки длительному разделению славянской территории Восточной Европы на различные государства.

Складывание единого Русского государства вступило в завершающую стадию в 60-е годы. При Иване III под сюзеренитет московского князя перешли на разных условиях княжества Ростовское, часть Белозерско-Верейского, Ярославское (где князья еще долго сохраняли часть суверенных прав в области суда).

Значительным событием в истории Восточной Европы было образование в 1471—1478 гг. единого Русского государства на базе Московского княжества и Новгородской республики. Это произошло в результате частично военных, частично мирных акций Ивана III. В 1471 г. Иван III совершил поход на Новгород, закончившийся поражением новгородских войск на Шелони и заключением Коростынского договора. Вырождение на протяжении XV в. феодальной демократии Новгорода в откровенную олигархию привело к тому, что городские низы не поддержали боярское пра-

вительство. Это и обусловило поражение республики. Походы Ивана III на Новгород «миром» в 1475 и 1477—1478 гг., которые не сопровождались военными действиями, завершили его присоединение. Новгородская республика перестала существовать, в знак чего вечевой колокол был снят и увезен в Москву. Псковская республика сохраняла независимость дольше — до 1510 г. В 1485 г. потеряла независимость Тверь. Возник новый государственный организм — по терминологии того времени Русь или Руссия. Глава государства именовался великим князем всея Руси и всех тех земель, которые в нее входили.

Новое государство имело огромную территорию — оно включало центр Восточной Европы и ее север, поскольку границы Новгородской земли на севере омывались водами Северного Ледовитого океана, а на востоке доходили до Уральского хребта. Если в начале правления Ивана III территория Московского княжества составляла примерно 430 тыс. кв. км, то при нем, по праву названном Великим уже его современниками, и при его сыне Василии III территория выросла более чем в 6 раз. Плотность населения была, однако, невелика — 5—6 человек на кв. км. В рамках единого Русского государства к концу XV в. складывалась новая великорусская народность, составлявшая в нем большинство населения. Однако с самого начала Русское государство формировалось как многонациональное, в него входили многочисленные угро-финские народности: мордва на юго-востоке, карелы, саамы, коми, ханты и манси на севере.

Создание Русского государства сделало возможным окончательное освобождение страны от монголо-татарского ига. Через несколько лет после прекращения Иваном III выплат в Большую Орду дочернее ханство, сложившееся на базе распавшейся Золотой Орды, предприняло грандиозный поход на Русь в надежде возродить даннические отношения, установленные после похода Батыя. При этом хан Ахмед рассчитывал на обещанную помощь короля польского и великого князя литовского Казимира IV. К началу похода Ивана III не было в Москве. Он находился в Новгороде, а затем организовывал псковско-московский поход против Ливонского ордена.

Ахмед отправился в поход в июне 1480 г. с большим войском. Его попытки перейти Оку были отбиты русскими войсками из Москвы, Белоозера, Вологда во главе с великим князем и его старшим сыном Иваном Ивановичем Молодым. Однако советники Ивана III требовали прекратить сопротивление. Возвратившегося с Оки в Москву Ивана III встретили негодующие горожане, требовавшие более активных и наступательных действий. Князю пришлось вернуться к войску, занявшему оборону на левом берегу Угры, притока Оки, куда направился Ахмед, ожидая литовской помощи. С призывом мужественно встретить врага к Ивану III обратился ростовский архиепископ Вассиан Рыло. В течение нескольких дней русское и ордынское войско стояли друг против друга, вступая в отдельные стычки, но ордынцы так и не посмели перейти Угру. Наступили холода, помощь из Литвы не шла. Татары бежали, «никем же не гонимы». Так «стоянием на Угре» завершилось освобождение Русской земли от монголо-татарского ига.

Выход Руси «из кровавой грязи монгольского ига» (К. Маркс) стал возможным благодаря объединению русских земель в единую сословную монархию. Возникновению государства этого типа на Руси, как и в других странах Европы, способствовали преодоление хозяйственной замкнутости отдельных земель в период развитого феодализма и обострение классовой борьбы крестьян и горожан (см. ч. I, гл. 2). Но на Руси первый из этих факторов имел меньше значения, чем в Западной Европе. Из-за более низкого уровня развития городов и незавершенности процесса феодализации в масштабах всей страны — различавшейся по уровню социально-экономического развития разных ее частей — русская

великокняжеская власть в своей централизаторской политике опиралась не столько на города, сколько на основную массу феодалов. Им объединение страны было нужно для дальнейшего успешного развития феодального землевладения и укрепления крестьянской зависимости. Все же немалую роль и на Руси играли выступления горожан, имевшие своей целью активизацию сопротивления иноземным захватчикам. В большей степени, чем в других странах, образование централизованного государства на Руси было связано с потребностями обороны. Благодаря этому ускоряющему фактору складывание такого государства здесь произошло приблизительно одновременно с сословными монархиями в других более развитых экономически странах Европы: в Англии, Франции, Пиренейских государствах (см. ч. I, гл. 2, 3; ч. III, гл. 1). Ведущая роль Московского княжества в освободительной борьбе от иноземной зависимости и предопределила его роль как центра Русского государства.

Во главе его стоял великий князь, государь, верховный владелец всех земель, с конца XV в. именовавший себя самодержцем. Ему принадлежала вся полнота законодательной власти. Совещательные функции при князе выполняла Боярская дума — совет, постоянно действующий государственный орган. Во главе управления стоял «Дворец», крупнейшим и важнейшим ведомством которого была казна, превратившаяся со временем в главный орган централизованного управления финансами. Наряду с казначеем выделились должности печатника — хранителя великокняжеской печати, дворецкого, ведавшего княжеским дворцовым хозяйством. Вспомогательные функции по управлению поручались дьякам, выходцам из низших слоев феодалов, назначавшимся великим князем и Думой.

Местное управление в городах и волостях традиционно осуществлялось кормленщиками — наместниками и волостелями. Посылавшиеся туда, как правило, на год, они ведали сбором различных налогов, судили и рядили местное население. Низшие звенья местной администрации — доводчики и другие судебные исполнители также получали вознаграждение натурой; в их пользу, как и в пользу наместников, отчислялась часть судебных пошлин.

Образование Русского государства сопровождалось весьма существенными изменениями социальных отношений. Складывался правящий слой; бывшие независимые князья, в прошлом владельцы собственных земель, превратились в служилых князей, обязанных военной службой великому князю. Вассалы его — некоторые из них были членами Боярской думы и имели соответствующие думные чины боярина или окольничего — участвовали в качестве воевод в военных предприятиях страны. Бояре некогда независимых князей покидали их дворы и шли на службу к великому князю всей Руси. Таким образом, ломалась прежняя иерархическая структура господствующего класса. Формировался новый слой детей боярских, составлявший двор великого князя всея Руси. Названия «дети боярские» и «дворяне» подчеркивали их более низкое по сравнению с боярами положение и особо тесную связь с верховным государем страны и его двором. Наряду со старой боярской аристократией, статус которой поддерживали крупные земельные владения, появляются и новые могущественные фамилии, связанные с великокняжеским двором. Все они, а в первую очередь — дети боярские, организованные и объединенные по территориям, составляли русское войско.

В конце XV в. в наиболее освоенных землях Русского государства на первый план выдвинулись процессы перераспределения земельных владений, в том числе и дробление крупных феодальных вотчин. Наряду со старым вотчинным землевладением все более распространяется условное — поместья военных и административных слуг великого князя. Именно эти непосредственно подчинявшиеся главе государства помещики, условные держатели земли, и стали играть значительную роль в стране.

В связи с распространением этой формы землевладения особую остроту приобрел вопрос о земле. Несмотря на расширение великокняжеского домена за счет удельных владений, в целом фонд государственных и дворцовых земель был очень дробен, разбросан и отчасти расхищен (в первую очередь монастырями) в годы феодальных войн. В 90-е годы, пользуясь стремлением великокняжеской власти расширить государственные земли, «черные» крестьяне выдвигали претензии на земли, которые они осваивали еще в 20-е годы. Производимые в это время поземельные описи имели не только фискальные цели, как это было раньше, но и установление прав на землю отдельных владельцев, разбор земельных споров, измерение и межевание земель.

Проблему расширения государственных земель великокняжеское правительство решило за счет конфискаций во вновь присоединенных территориях, особенно большой размах эта политика приобрела в Новгороде.

Во второй половине XV в. был совершен переход от системы выводов зависимых людей из одних территорий в другие с целью обеспечения хозяйства рабочими руками, характерной для времени демографического кризиса XIII — начала XIV в., к системе выводов привилегированных или имущих слоев населения (в том числе купечества) из вновь присоединяемых земель. Они получали старые освоенные земли, снабженные рабочей силой, в пределах прежнего Московского княжества. Выводы и переселения были направлены на подрыв местных традиций землевладения, на разрыв исконных связей вассалов великого князя с их субвассалами. На Руси система многоступенчатого вассалитета вообще была развита слабо, в XV же столетии ее сменила система непосредственного вассалитета великокняжеских слуг — будь то в ранге князя, боярина или дворянина — государю. Наиболее массовые переселения были произведены после присоединения Новгорода, когда произошла передача земель, конфискованных у местных бояр и «житьих людей» (в три этапа, на протяжении 1476—1499 гг.), монастырей и владыки (в 1499—1505 гг.), в состав дворцовых и великокняжеских оброчных земель. На них были испомещены не только бояре, но и по преимуществу неродовитые служилые люди, холопы-послужильцы, поднявшиеся до уровня землевладельцев, из Северо-Восточной Руси.

Поместной реформой конца XV — начала XVI в. завершился процесс специфического развития русской иерархической системы, начавшийся в XIV в. Причины ее особенностей по сравнению с западноевропейской коренились, во-первых, в широком распространении холопства, которое делало ненужной сложную иерархическую подчиненность княжеских слуг, во-вторых, в большом значении колонизационного фактора: освоение земель на вновь присоединенных территориях создавало предпосылки для возникновения и новых феодальных владений, зависимых непосредственно от великого князя. Таким образом, расширение феодализма «вширь» несколько тормозило его развитие «вглубь», замедляло созревание многоступенчатой иерархической структуры.

Процесс централизации распространился и на сферу финансов. При Иване III в казну русского государя поступала вся тамга, часть которой раньше доставалась удельным князьям московского дома. Великокняжеские доходы пополнялись и с помощью других торговых пошлин: мыта (проездной), пятна (за клеймение лошадей), явки (за предъявление товара). В связи с переводом натуральных повинностей на деньги доходы великого князя увеличивались. Основной прямой налог в пользу государства перерастал в денежный платеж, составлявший централизованную ренту. Правда, в отдаленных и промысловых районах она сохраняла натуральную форму — в вотчинах Борецких в Новгороде, например, беличьими шкурками. На севере Новгородской земли сохранялись пере-

житки раннефеодального полюдья — поклоны, дары, перевары, постоянья. В других районах основные поборы в пользу великого князя, кормленщиков и волостелей взимались деньгами. На государственных крестьянах «черных» волостей лежали и другие подати и повинности, в частности ямская, которая, впрочем, в конце столетия также переводилась на деньги. Обременительное городовое и посошное дело (строительство укреплений, военно-инженерная повинность — прокладка дорог, строительство мостов, перевозка грузов) в условиях и мирного, и военного времени надолго отрывали крестьян от сельского хозяйства.

Положение «черных» крестьян напоминало положение аллодистов в Западной Европе, они распоряжались своей надельной землей, частью волостной общинной территории по собственному усмотрению, вплоть до ее продажи (с согласия государя), совместно пользовались угодьями. О падении социальной значимости государственных крестьян свидетельствует появление в конце XV в. уменьшительно-уничижительного термина «мужик» (вспомним равноправных членов общины — «мужей» Русской правды), сначала в Великом княжестве Литовском, а затем и в Русском государстве.

От выполнения ряда податей и повинностей в пользу государства (как правило, кроме дани) были освобождены крестьяне привилегированных светских и духовных феодалов. У церковных землевладельцев, не имевших холопов, в центре страны преобладала барщинная форма эксплуатации; на окраинных землях к ней добавлялась и рента продуктами. Ведущее место среди форм эксплуатации частновладельческих крестьян в целом занимала натуральная рента. Даже в Новгороде, где уровень развития товарно-денежных отношений был выше, чем в Северо-Восточной Руси, основной была продуктовая рента в виде определенной доли урожая (издолья), к которой добавлялась денежная рента. В северо-восточных землях наблюдался постепенный рост удельного веса барщины.

В конце XV — начале XVI в. по-прежнему в сельскохозяйственном труде было занято много холопов, и число их не уменьшалось, а увеличивалось. С 1479 г. известны «кабальные холопы», которые временно отдавали себя в «кабалу» за невыплаченные долги. Однако это явление не приобрело массовых размеров.

Поземельные отношения, судебные споры и прочее регламентировалось правовыми документами конца XIV — второй половины XV в.— уставными грамотами (Двинской, Белозерской, Новгородской, Псковской), закрепившими местные особенности управления в этих землях. Развивая положения Русской правды, эти памятники отражали новый этап развития правовой мысли Руси. Однако новые условия конца XV в. требовали упорядочения процесса судопроизводства и регламентации компетенции каждой из судебных инстанций. Этим целям отвечало создание в непосредственном окружении Ивана III Судебника 1497 г., который подвел итоги социального и политического развития страны к исходу XV в.

Судебник провозглашал обязанность судить «праведно», не брать «посулов» — взяток, устанавливал нормированные пошлины в пользу судьи — боярина и великокняжеского дьяка. Регламентировалась компетенция разных типов судей — высшей инстанции (великого князя и его детей), бояр и окольничих (которым были «приказаны» — поручены — те или иные дела) и, наконец, наместников и волостелей. Вводился, хотя и непоследовательно, контроль за деятельностью местных органов управления. В компетенции церковного суда остались по-прежнему все дела духовных лиц и тех, «которые питаются от церкви божией».

Судебник защищал жизнь и имущество бояр, помещиков, духовных лиц. Статья 9 предписывала беспощадную расправу с теми, кто осмелит-

ся покуситься на жизнь своего господина, на церковное достояние, поджечь чужое имущество вместе с каким-либо «ведомым» (известным по показаниям 5—6 свидетелей) «лихим человеком». Государство, таким образом, взяло твердый курс на решительную борьбу с преступлениями. К этой борьбе должно было привлекаться не только дворянство, но и верхушка крестьянства — «добрые крестьяне целовальники», «лучшие люди». Судебник предусматривал сохранность ограждений пашен и покосов, запрещал уничтожение межевых знаков. Устанавливался единообразный срок подачи жалоб по земельным делам (трехлетний в случае споров между частными лицами и шестилетний — в случае спора с великим князем). Тем самым санкционировался захват крестьянской или «черной» земли феодалами, произошедший за три-пять лет до создания Судебника.

Знаменитая статья 57 вводила единый срок для всего государства, когда крестьянам разрешалось покидать своего господина,— неделя до и после Юрьева дня осеннего (26 ноября), после окончания полевых работ (при этом следовало уплачивать особую пошлину — «пожилое» за пользование двором). Этим был сделан шаг по пути прикрепления всех частновладельческих крестьян к земле.

Судебник подтвердил правило, сложившееся еще в XIII в., что покупка холопов, женитьба на холопке и тиунство остаются главными внутренними источниками холопства. Напротив, холоп, «выбежавший» из иноземного плена, отпускался на волю. Судебник ограничивал источники полного холопства и в городе: городские «ключники» (приказчики) холопами отныне не становились. Дети холопа, рожденные до порабощения их родителей и живущие независимо от них, также должны были оставаться свободными. Это свидетельствует о невыгодности применения холопского труда в заметно развившихся городах. В целом, однако, судебник не содействовал смягчению холопьего бесправия.

Степень централизации, предусмотренная Судебником 1497 г., показывает, что на конец XV в. приходится один из важнейших этапов, который подготовил завершение централизации государства в середине XVI в. В течение XV в. на Руси, как и в других странах Европы, не были еще ликвидированы остатки феодальной раздробленности. Существовал и удел митрополита. По завещанию Ивана III была воссоздана удельная система. Новгород, сохранивший право чеканки собственной монеты (новгородок), не полностью лишился своей экономической обособленности. Существование там собственной единицы обложения — обжи (составлявшей примерно треть московской сохи), права новгородских наместников заключать договоры с соседними государствами говорят об остатках политической самостоятельности Новгорода.

Успехи централизации позволили молодому Русскому государству уже в первые десятилетия своего существования проводить активную внешнюю политику. Успешно проходила защита целостности Северо-Западной Руси, в том числе и Пскова. Строительство Ивангорода на реке Нарове в 1492 г. создавало стратегическую и экономическую базу на Балтике. Однако главной внешнеполитической задачей в то время было возвращение Смоленска, а также будущих украинских и белорусских земель (Киева, Чернигова, Витебска и др.). В основу этой политики легла идея киевского наследия.

Создание единого Русского государства было враждебно встречено в Великом княжестве Литовском и Короне Польской. Наличие глубоких социальных, религиозных, культурных и этнических противоречий между литовскими магнатами, католиками по вероисповеданию, имевшими право представительства в Раде панов, и белорусско-украинской шляхтой обусловливало непрочность Великого княжества Литовского. Невозможность участвовать в управлении страной толкала православную знать,

и прежде всего владетелей пограничных земель, к союзу с единоверческим Русским государством. Первыми «отъехали» к Ивану III князья Воротынские и Белевские, вместе с которыми к Руси отходили верховья Оки. Начиная с 1487 г. переход на сторону Руси верховских князей принял массовый характер. Мценск, Любутск, Серпейск, Мезецк при поддержке русских войск вошли в состав Русского государства. По перемирию 1494 г. к этим территориям присоединилось и Вяземское княжество. Отсюда открывался и прямой путь на Смоленск.

Соглашение 1494 г. не урегулировало всех спорных вопросов. В 1498 г. Великое княжество Литовское прервало сношения с Русью. Был наложен запрет на вывоз на Русь соли, благородных и цветных металлов. В условиях экономической блокады война становилась неизбежной. Она разразилась на последнем этапе так называемого «династического кризиса». Сын Ивана Ивановича Молодого (сына Ивана III от первой жены Марии Борисовны Тверской), скончавшегося в 1490 г., Дмитрий-внук, венчанный на княжение в 1498 г., попал в опалу. На следующий год Василий Иванович, первенец второй жены Ивана III — Софьи Палеолог, получил Новгород и Псков. А еще через два года — в августе 1501 г. он титулуется «великим князем всея Руси». В апреле 1502 г. Дмитрий-внук с матерью Еленой Волошанкой, дочерью молдавского господаря Стефана Великого, были заточены.

Русско-литовская война началась в 1500 г. Русские войска заняли ряд северских городов в бассейне Десны, направились к Великим Лукам и через Дорогобуж к Смоленску. 14 июня на реке Ведроше под Дорогобужем литовские войска потерпели сокрушительное поражение. Обращение Литовского княжества за помощью к Ливонскому ордену и вступление последнего в военные действия в августе 1501 г. не принесли перемен. Победа при Гельмеде недалеко от Дерпта (современного Тарту) и поддержка местного населения — эстов обеспечили продвижение русских войск в глубь Ливонии. По миру с Литовским княжеством 1503 г. к Русскому государству перешла значительная территория по течению Сожи и Десны с городами Черниговом, Стародубом, Гомелем, Новгород-Северским и Рыльском, а также верхнее течение Десны и Угры с Брянском и далекими пригородами Смоленска (сам Смоленск вошел в состав Русского государства только в 1514 г.). В ходе войны произошли существенные сдвиги и в международной обстановке. Союзный Руси Менгли-Гирей, глава образовавшегося в 40-е годы XV в. Крымского ханства, в июне 1502 г. разгромил орду Ахмедовых детей, покончив с основным преемником Золотой и Большой Орды, по-прежнему претендовавшим на власть над Русским государством. Однако Крымское ханство, восприняв вместе со знатью Большой Орды и ее традиции внешней политики, перешло на враждебные к Руси позиции. Потеря этого союзника компенсировалась приобретением другого. Народы Северного Кавказа, адыги (черкесы), страдавшие под игом Золотой Орды, а в конце XV в. ставшие объектом крымской агрессии, с надеждой смотрели на северного соседа, давно демонстрировавшего свою мощь в борьбе с захватчиками.

В конце XV в. международное положение Русского государства значительно упрочилось. Были заключены союзы с Венгерским королевством при Матьяше Хуньяди, Молдавским воеводством при Стефане Великом, со Священной Римской империей германской нации при Фридрихе III Габсбурге, Датским королевством. Целью этих союзов — антиягеллонских или антиганзейских — было решение главных внешнеполитических задач — воссоединение земель Киевской Руси, создание благоприятных условий для развития внешнеторговых связей, укрепление международного престижа страны. Последнее осуществлялось путем расширения титула великого князя: европейские державы признавали за

Иваном III право на титул князя или короля всей Руси, а не только Московского княжества (Московии), как это делали правители Литвы.

Унаследовав от отдельных русских земель задачи в области развития экономических, политических и культурных связей, Русское государство преобразовало их во всеобъемлющую программу равенства всех русских земель в торговле, беспрепятственного проезда купцов как по суше, так и по морю, свободного привлечения на Русь специалистов во всех областях тогдашней науки и ремесел. Правительству Ивана III удалось добиться пересмотра условий торговли с другими странами Европы. Монополии ганзейского купечества на поставку цветных и благородных металлов был нанесен сокрушительный удар. Закрытие Немецкого двора в Новгороде в 1494 г. облегчило развитие внешней торговли русских, перенесших центр тяжести своей торговли в ливонские города.

Крепли и культурные связи молодого государства с передовыми странами Европы эпохи Возрождения, в первую очередь с Италией. Итальянские специалисты в области монетного и литейного дела, артиллерии, строительства — гражданского и крепостного — призваны были способствовать развитию техники на Руси.

Конец XV в., как отмечалось, был богат кризисами — и политическими, и экономическими. Не миновали они и общественную мысль того времени. Особую известность получила ересь антитринитариев. Судя по утверждениям главных противников ереси новгородского архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого (в миру Санина), основателя названного его именем монастыря, ее последователи отрицали не только догмат о троичности бога, но и святость богоматери, необходимость поклонения иконам и, наконец, необходимость самого института церкви для общения человека с богом. Выступали они и против церковного землевладения. В идеологии этого еретического направления отмечают и черты мессалианства, дуалистической ереси раннего средневековья, и отзвуки реформационных настроений с присущим для них признанием авторитета Библии, в частности Ветхого завета.

Ересь распространилась в начале 70-х годов XV в. сначала в Новгороде, где большинство ее последователей принадлежало к низшему духовенству и простонародью, а затем в 80-е годы в Москве. Здесь ее поддержали и более влиятельные лица из окружения Ивана III (например, дьяк Федор Курицын). На церковном соборе 1490 г. еретики были подвергнуты проклятью. Для новгородских и особенно московских еретиков характерна гуманистическая направленность их взглядов. Члены московского кружка вольнодумцев, как и их глава Федор Курицын, дипломат и широко образованный человек, проявляли особый интерес к богословским и философским произведениям, утверждавшим свободу воли, рассматривавшим человека как мерило всех ценностей.

Внимание образованных читателей и из мирян, и из духовенства постепенно все сильнее привлекали переводные светские сочинения, обращавшиеся на Руси еще в XII — начале XIII в., такие, как «Александрия» (жизнеописание Александра Македонского, весьма популярного в средневековье), «Повесть об Акире Премудром» (ассиро-вавилонское сочинение VII в. до н. э., содержащее множество афоризмов), «Иудейская война» Иосифа Флавия и др. В конце XV в. корпус переводных светских сочинений пополнился переводами с немецкого «Прения живота со смертью» и др.

Центральным вопросом для членов московского кружка был, вероятно, вопрос о границах власти государя. В «Повести о Дракуле», распространенной в их кругу, нарисован идеал дальновидного, хотя и жестокого государя, казнившего всех, «кто учинит кое зло, татьбу или разбой, или кую лжу или неправду», вне зависимости от его сословного положения. В своей практической деятельности представители московского кружка

утверждали единовластие великого князя всея Руси, за что некоторое время пользовались сочувствием Ивана III.

На противоположных позициях стояли воинствующие церковники, стремившиеся отстоять особое место церкви в системе складывающихся внутри страны отношений. Как реакция на ущемление прав церкви в процессе объединения страны, в особенности в Новгороде, в конце XV в. была создана теория превосходства духовной власти над светской. «Слово кратко», происходившее из кружка новгородского архиепископа Геннадия, ясно и четко формулирует эту идею: «Следует больше повиноваться духовной власти, нежели мирской». Однако для проведения этой идеи в жизнь уже не было реальных предпосылок. Великокняжеская власть опиралась на многочисленный слой детей боярских — средних и мелких феодалов, заинтересованных в секуляризации или хотя бы секвестровании церковных земель для дальнейшего расширения поместного фонда. Кроме того, сама церковь вынуждена была прибегнуть к поддержке великокняжеской власти в борьбе с еретиками. При этом и сами защитники ортодоксальной церкви не могли не признать необходимости некоторых реформ, в первую очередь в отношении монашества. Иосиф Волоцкий предлагал установить строжайшую дисциплину и соблюдать внешнее благочиние в монастырях, но признавал необходимым сохранение монастырского землевладения, требовал беспощадной расправы с инакомыслящими, настаивал на вмешательстве государства в дела церкви.

В противоположность «иосифлянам» (как назывались сторонники волоцкого игумена) другое внутрицерковное течение — «нестяжатели», также стремившееся к укреплению пошатнувшегося престижа монастырей, предлагали для этого иные средства. Основоположник этого течения Нил Сорский требовал нравственного самоусовершенствования монахов путем жестокой аскезы и внутренней («умной») молитвы. «Нестяжатели» осуждали приобретение монастырями населенных земель, которые они предлагали передать в руки епископов — глав церковных епархий. Взяв за образец хозяйство северных монастырей, они призывали ограничиться лишь «самоплодными» землями, т. е. усольями — соляными источниками, водами с их возможностями для мукомольного дела и рыболовства, лесами, богатыми зверем и ягодой. Сторонники двух главных церковных идеологов придерживались, таким образом, разных взглядов на будущее развитие монастырей и их место в экономической и социальной жизни русского общества (теория Волоцкого предусматривала широкую раздачу милостыни в монастырях, «нестяжатели» передавали эту миссию в руки белого духовенства). Правда, и та, и другая теория не отрицала самой идеи «нищелюбия» и отводила церкви роль амортизатора социальных конфликтов феодального общества. Церковный собор 1503 г. сделал попытку исправления церковного быта и нравов, запретив взимать мзду за поставление (назначение) священников. Однако по вопросу об отказе монастырей от землевладения, поставленному самим Иваном III, «нестяжатели» потерпели поражение. Ивану III удалось добиться лишь ограничения иммунитетных прав церковных феодалов, в первую очередь митрополита.

Церковный собор 1504 г. принял новое суровое постановление: казнить осужденных ранее еретиков. В пламени костров погибли дьяки Иван Волк, Федор Курицын, их единомышленники — в Москве, Некрас Рукавов, архимандрит Юрьева монастыря Кассиан и др.— в Новгороде.

Власть церкви казалась незыблемой. В 1505 г. после смерти Ивана III поддерживавший ранее удельных князей Иосиф Волоцкий перешел на сторону великокняжеской власти, стал верной опорой нового великого князя Василия III. Он и его сторонники взяли теперь на себя миссию идеологического обоснования самодержавия. Они развивали

идею божественного происхождения великокняжеской власти, которая, таким образом, приравнивалась к власти других европейских государей, правивших «милостью божьей». Этот аспект идеологического оформления верховной власти был особенно важен для упрочения престижа Русского государства на международной арене. Еще в 1489 г. в ответ на предложение германского императора короновать великого князя русские дипломаты объявили, что Иван III и так имеет «поставление от бога». Целый цикл памятников, известных в комплексе как «Сказание о князьях владимирских», созданных в связи с венчанием Дмитрия-внука (см. выше), которое впервые было совершено по образцу коронации византийского наследника престола, идеологически обосновывал самодержавную власть великого князя. Сам же великий князь на коронации выступал в роли, аналогичной византийскому императору. В «Сказании» излагалась новая версия происхождения русских государей от римского императора Августа через Пруса—Рюрика—Владимира Киевского, а великокняжеских регалий (в том числе и шапки, в летописях 20-х годов получившей название «шапка Мономаха») — из Византии от императора Константина Мономаха. Возводя род русских государей к Августу, а их власть к Византии при посредстве киевского князя, «Сказание» тем самым подчеркивало преемственность русских государей XV в. от князей Древней Руси, Византии и даже античного Рима. Проводя идею римско-киевского наследия, «Сказание» в обычной для средневековья форме поднимало международный престиж великого князя.

В 1492 г. митрополит Зосима провозгласил мысль о переходе мирового значения Византии к Руси. Он называл Ивана III «новым царем Константином», а Москву — «новым градом Константиновым». Так зародилась идея о Москве — «третьем Риме», получившая дальнейшее оформление уже в XVI в.

К рубежу XV—XVI вв. Восточная Европа пришла полной противоречий. Постепенное втягивание ее западных территорий в активную внешнюю торговлю с более развитыми, вступающими на капиталистический путь европейскими странами способствовало формированию в них фольварочного хозяйства (Прибалтика, часть Белоруссии), а вместе с тем и ускоренному закрепощению крестьянства. Классовые противоречия обострялись здесь и национальными. «Ненемцами» называли эксплуатируемые низы городского населения, крепостных крестьян, всех коренных жителей Прибалтики. Раздиралось глубокими этно-религиозно-социальными противоречиями и Великое княжество Литовское. Развитие этого политического организма постепенно заходило в тупик, выход из которого княжество искало на пути военной защиты «русских» земель от усилившегося русского государства, которое, освободившись от иноземного ига, стремилось к восстановлению единства всех древнерусских земель. В то же время и здесь уже ясно обозначились тенденции закрепощения крестьянства. Однако острота классовых противоречий пока сглаживалась возможностями отлива населения в плохо освоенные районы севера, северо-востока, южные лесостепные и степные. Правда, освоение земель на юге («Поля») и востоке сдерживалось противодействием Крымского и Казанского ханств, осколков Золотой Орды, унаследовавших ее имперские внешнеполитические претензии.

В социально-экономической и культурных сферах в XIV—XV вв. в Восточной Европе постепенно складывались предпосылки формирования новых народностей: литовской, а также трех вышедших из древнерусской — русской (с конца XVIII до начала XX в., называвшейся великорусской), белорусской и украинской (в XIX в. малорусской). Стали заметными и первые результаты этого процесса. Начиная с XV в. можно говорить о выделении русского, украинского и белорусского языков, об особенностях материальной и духовной культуры, наконец, единстве тер-

риторий, занимаемых каждой из этих народностей. Сложнее обстояло дело в Прибалтике, где немецкие феодалы последовательно проводили политику подавления народной культуры прибалтийских народов.

Глава 9

КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В X—XIV вв.

ПЕЧЕНЕГИ

В первый век II тысячелетия европейские степи были захвачены печенегами — не менее грозным, чем гуннский, кочевым союзом. Формирование нового союза началось только в середине IX в. В него входили как тюркоязычные орды, так и угорские и сарматские группировки. Возглавили союз тюркоязычные выходцы из распавшегося к этому времени азиатского объединения Кангюй или Кенгерес. От него они и получили название кангар. Принадлежность к этой части союза считалась у печенегов наиболее почетной.

Захватив во второй половине IX в. заволжские степи печенеги оказались в кольце более сильных соседей: с востока — кипчаков, с юга — гузов, с севера — набирающих силу волжских булгар, а с запада — хазар. Недостаток пастбищ привел к тому, что печенеги к концу IX в. были, видимо, уже готовы к нашествию. Толчком оказалось нападение на печенегов гузов. Далее, по словам Константина Багрянородного: «Пачинакиты (т. е. печенеги), обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения» (Конст. Багр. С. 228). Местом этим оказались степи Хазарского каганата (между Волгой и Донцом) и степи в междуречье Днепра и Серета, где кочевали венгры. Поселения Хазарского каганата в донских степях были сожжены и разграблены печенегами. Через несколько лет степи превратились вновь в дикие пастбища. Венгров же просто вытеснили с их земель, захватив их стойбища и уничтожив целые семьи. В результате в конце IX — начале X в. вся европейская степь оказалась в руках печенегов. В период захвата степи никакой упорядоченности владения землей между отдельными печенежскими ордами, естественно, не было.

Печенеги, игравшие в истории восточно- и центральноевропейских народов и собственно Византии значительную роль, привлекали внимание византийских политиков, в частности императора Константина, строивших в расчете на них свои планы против других враждебных им народов: болгар, венгров, хазар и русов. Особенно страдали от печенегов болгары и венгры, которые проявляли «постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами. Так как многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами» (Конст. Багр. С. 271).

«Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании на шесть дней, от Мердии на десять дней пути, от Руси на один день, от Туркии на четыре дня и от Булгарии на полдня пути. Она очень близка к Херсону, но еще ближе к Боспору» (Конст. Багр. С. 298). Следовательно, печенеги заняли почти всю территорию Хазарского каганата, плотно окружив враждебным полукольцом домен самого кагана. Страшный урон потерпела торговля каганата и его дипломатические связи. Захватив степи между Кубанью и Доном, печенеги отрезали Хазарию от Византийской империи. Кроме того, они разрушили некоторые

торговые города на побережье и поселения в Восточном Крыму. Очевидно, каганат даже не пытался изгнать печенегов со своих земель. Слава о печенегах как о беспощадных завоевателях широко распространилась в Европе. О страшном великане — пацинаке упоминается даже в песне о Роланде.

Единственной реальной силой, способной противостоять новым кочевникам, была на степном пограничье Киевская Русь. Впервые русские воины столкнулись с печенегами в 915 г., когда «приидоша печенези первое на Русскую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю»: расселяясь по степи, захватывая степные просторы, печенеги попытались «освоить» и лесостепные области. Натолкнувшись на сопротивление, печенеги для обеспечения себе спокойного тыла заключили мир с Русью и откочевали в только что завоеванную Ателькузу (см. ч. I, гл. 9).

Византия, обеспокоенная возвышением Руси, постоянно стравливала печенегов с Русью. Русские же князья старались поддерживать с печенегами союзнические отношения. Так, заключивший с печенегами в 915 г. мирный договор князь Игорь, в 944 г. привлек их к совместному походу на Византию: «совокупи воя многы варягы, и Русь, и поляны, словены, и кривичи, и тиверци, и печенегы ная ... поиде на грекы в лодьях и на конех»,— писал русский летописец (ПСРЛ. II. Стб. 34). Однако в 920 г. князь Игорь «воеваша на печенегы». Кто победил в этом походе, неизвестно. Вряд ли походы против печенегов могли быть успешными. Расселившись на огромных пространствах южнорусских степей, они практически были неуловимы, поскольку кочевали круглый год и проводили всю жизнь в повозках и на конях.

Печенеги тогда находились на первой («таборной») стадии кочевания, а их общественные отношения — на стадии военной демократии. Со слов Константина Багрянородного мы знаем, что у печенегов было восемь округов, которые, очевидно, можно считать ордами. Во главе орд стояли «великие князья». В каждую орду входило 5 родов. Роды возглавлялись «меньшими» князьями — родовой аристократией. Роль племенных и родовых князей сводилась к роли военачальников. Каждая орда действовала, вероятно, в значительной степени самостоятельно. Во время грабительских и завоевательных походов и войн некоторые из них особенно разбогатели и выделились. Власть в ордах наследовалась двоюродными братьями или детьми двоюродных братьев, «чтобы честь наследования получали также и родичи боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом» — так завершает свои сообщения о печенегах император Константин. Описанный им порядок наследования предполагает, как нам представляется, матрилинейность родства или, во всяком случае, пережиток этого.

В экстраординарных случаях печенеги собирали сходку (о ней подробно пишет византийская царевна Анна Комнина), т. е. народное собрание — характернейший орган военной демократии. Постоянные войны, грабительские походы — наиболее типичная черта этого общественного строя. Чаще всего военной силой печенегов пользовались византийцы, в частности для охраны своих крымских владений, например Херсона. Однако печенеги в 944 г. согласились, как отмечалось, примкнуть к походу русского князя в Византию. В 965 г. они, по-видимому, участвовали в походе киевского князя Святослава на Хазарию, когда он должен был пройти через печенежские степи, чтобы добраться до хазарских городов, из которых первым был взят и разгромлен его войском Саркел и затем Итиль.

Уже через три года после совместного похода на хазар печенеги организовали большой поход на Русское государство. Святослав в то время вел войну в Болгарии на Дунае и вполне вероятно, что византийцы, напуганные близким соседством русского войска, спровоцировали этот по-

ход на Русь. Святослав, однако, вовремя вернулся домой, собрал воинов и прогнал печенегов «в поле», т. е. далеко в степи, а затем вновь подтвердил мир с ними. В 969 г. умерла его мать — княгиня Ольга, и некому стало удерживать неуемного князя дома. Разделив Русь между своими уже повзрослевшими сыновьями, Святослав двинулся в 971 г. на завоевание Подунавья. Вначале все складывалось благоприятно для русского князя, потом начались неудачи. Святославу пришлось возвращаться через враждебные степи по Днепру в Киев. Болгары и византийцы поспешили сообщить печенегам, что Святослав идет из Доростола с полоном «бещислен» и с «малой дружиной». Печенеги засели на днепровских порогах, поджидая Святослава. Узнав об этом, Святослав решил перезимовать в Белобережье. Зимовка была голодной. Весной ослабевшие воины не смогли прорваться сквозь печенежское окружение, и, когда Святослав подошел к порогам, «нападе на ня Куря, князь печенежский и убища Святослава» (ПСРЛ. II. Стб. 62). Куря приказал затем отрубить голову Святослава и из его черепа сделать окованную золотом чашу. Делать чаши из черепов убитых врагов — обычай, широко распространенный в среде тюркоязычных народов. Кочевники верили, что таким образом к ним переходит сила и мужество поверженного врага. Интересно, что князь Куря и его жена пили из этой ритуальной чаши для того, чтобы у них родился сын, похожий на Святослава. Об этом могучем и отважном витязе слагались легенды и песни не только на Руси, но и в степях.

После смерти Святослава нападения печенегов на Русь участились. Новый князь Владимир Святославович занялся укреплением южных границ своего государства. Тогда же была сооружена часть знаменитых Змиевых валов, а имевшиеся ранее обновлены и достроены. Путешествовавший по Восточной Европе в начале XI в. епископ Бруно писал, что русский государь два дня провожал его до последних пределов государства, которые на очень большом пространстве со всех сторон обведены валами.

Тем не менее при Владимире печенеги тяжелой тучей нависали над Русью. В 993 г. они перешли Сулу и встали на левом берегу Трубежа. На другом берегу выстроил свою дружину Владимир. Поскольку начать битву и та и другая сторона затруднялись, печенежский хан предложил Владимиру единоборство богатырей. В случае победы печенежина, его единоплеменники по договору могли три лета подряд беспрепятственно грабить Русь, победа русского обусловливала три спокойных года от печенежских набегов. Русский богатырь победил, печенеги побежали, русские, преследуя их, многих посекли мечами и саблями (ПСРЛ. II. Стб. 106—108). Три года печенеги действительно не приходили на Русь. Но в 996 г. вновь началась изнурительная борьба русских со степью. Судя по летописным сообщениям, печенеги подходили к какому-либо заранее намеченному городку, брали его, грабили окрестности и отступали с полоном в степь.

Владимир всемерно стремился поддерживать мир. В первые годы XI в. уже упоминавшийся епископ Бруно «от лица русского князя заключил с печенегами мир». Русский князь при этом обещал выполнить ряд требований степняков и «дал в заложники мира своего сына». Надо полагать, печенеги, как обычно, требовали откупов, а вот заложником был, очевидно, нелюбимый сын Владимира — Святополк. Не случайно именно он воспользовался помощью печенегов в борьбе за отцовский престол после смерти князя Владимира. Четыре года— до 1019 г.— печенеги, участвуя в смуте, грабили и разоряли Русь. В 1019 г. Ярослав Мудрый, уже утвердившийся на киевском столе, собрал свои дружины, вышел навстречу и разбил печенегов вместе со Святополком. После этого в начале княжения Ярослава напор печенегов значительно ослабел.

В 1034 г. они организовали новый поход на Киев. Ярослав, находившийся тогда в Новгороде, поспешил вернуться в Киев с сильной варяго-славянской дружиной. Выйдя тремя полками из города, русские войска сшиблись с печенегами на месте, где сейчас стоит Софийский собор, «бе бо тогда поле вне града»,— писал летописец. Сраженье длилось целый день и только к вечеру победа русских дружин стала очевидной. Эта блестящая победа фактически уничтожила печенежскую опасность.

В середине XI в. четыре округа (орды) печенегов, кочевавшие между Днестром и Днепром, распались, и самой крупной административной единицей стала считаться «часть» или «колено», как называл их Константин Багрянородный. По сообщению другого византийца — Кедрина, писавшего в XI в., 13 печенежских колен обитали на берегу Черного моря, между Днепром и Дунаем. Над всеми ними стоял верховный военачальник — Тирах, слабый и безынициативный человек, не пользовавшийся популярностью у своих единоплеменников. На борьбу с Русью у печенегов уже не было сил, отдельные приднепровские роды — аилы отражали натиск новых кочевников гузов и половцев. Большинство же отступило к границам Византии. Там они были частично уничтожены византийскими войсками. Оставшиеся роды были поселены в византийском пограничье — в степях между Балканами и Дунаем.

В конце XI в. печенеги, немного окрепнув, вновь решили «попытать счастья» в Византии. Они широкой волной хлынули в империю, разрушая небольшие городки, вытаптывая пашни. Об этом сохранился подробный рассказ византийской писательницы и царевны Анны Комниной — дочери царствовавшего тогда Алексея Комнина (Анна Комнина. С. 201—239).

Для борьбы с печенегами император привлек половцев, которые помогли ему одержать решающую победу. В ночь после битвы окруженные со всех сторон печенеги были вырезаны византийцами. Погибло более 30 тыс. печенегов. Однако и после этого побоища печенеги вплоть до монголо-татарского нашествия упоминаются в источниках: особенно часто в русской летописи, поскольку вместе с некоторыми другими кочевническими этническими группировками и ордами, они, получив во владение Поросье, стали вассалами Руси.

ПОЛОВЦЫ И ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ

Печенеги в период своего столетнего господства в Причерноморских степях так и не перешли ко второй стадии кочевания.

Наиболее выразительный пример перерастания первой формы кочевания во вторую — половцы, впервые зафиксированные в восточноевропейских степях русской летописью под 1055 г.

Первая половина XI в. знаменуется появлением в Причерноморье еще одного народа — гузов или, как их называет русский летописец, торков. Орды торков представляли собой северную ветвь мощного Сельджукского союза тюркоязычных племен. Северные гузы всеми силами пытались пробиться к границам Византии. Несмотря на явное их желание избежать столкновения с Русью, киевские князья, сыновья Ярослава Мудрого, возглавили большой поход против новых врагов. Торки, только услышав о приближении русских войск, испугались и поспешно отступили к границам Византии. Немногочисленные оставшиеся в степях отряды печенегов и торков не смогли противостоять идущим с востока ордам половцев, захватившим почти пустые пространства в бассейне Дона и в Приазовье.

В IX—X вв. половцы (кипчаки, как именовали их восточные авторы) кочевали в степях Прииртышья и Восточного Казахстана. В начале XI в. они появились в Поволжье, а в середине XI в. подкочевали уже к

границам Руси. С конца 50-х годов XI в. летопись пестрит записями о грабительских походах половцев на русские пограничные княжества. Половцы не ограничивались грабежом русских окраин. Они уходили из восточноевропейских степей далеко на юго-запад: в Болгарию, Венгрию, Византию. Особенно прославились в походах XI в. два половецких военачальника — ханы Боняк и Тугоркан. Из византийских походов половцы привозили огромные богатства, получаемые в виде откупов, а чаще — в результате обычных грабежей городов и населения степей. Уже тогда они стали активными участниками русских междоусобиц, выступая на стороне то одного, то другого русского князя. Неоднократно воевали они на стороне русских в борьбе с соседними государствами — Венгрией, Польшей и др. Совместные походы были так выгодны половцам, что даже рьяный враг Руси хан Боняк соглашался иногда на военный союз с русскими князьями. Так, в 1097 г. он воевал вместе с князем Давыдом против Галицкой земли, на стороне которой были венгерские отряды.

В 1095 г. Тугоркан и Боняк последний раз ходили «на греки». На этот раз они шли на Византию с претендентом на императорский престол Романом Диогеном. Половцы были наголову разбиты, а Роман Диоген схвачен и ослеплен. Вернувшись в степи, половцы сделали попытку организовать большой поход на русские княжества, но и здесь потерпели поражение, причем в бою был убит Тугоркан.

В этот период половцы находились на первой стадии кочевания. Постоянные их передвижения по степи делали половцев практически неуловимыми. В течение всего XI в. русским не удалось организовать ни одного похода в глубь степи. Однако к концу XI в. жизнь в степях несколько стабилизировалась. Можно уверенно говорить о формировании в то время нескольких рыхлых объединений — орд, владевших определенными территориями, разделенными внутри на более или менее устойчивые кочевья с определенными стойбищами и путями перекочевок. Во главе одного из них — Приднепровского стояли Боняк и Тугоркан. Ордами на Нижнем Днепре, в так называемом Лукоморье, правил Урусоба, а в Подонье утвердился у власти род Шарукана.

По-видимому, к началу XII в. особой опасности объединение Боняка и Тугоркана для Руси уже не представляло. Именно поэтому русские нанесли первый удар половцам, кочевавшим в низовьях Днепра. Случилось это в апреле 1103 г. Очевидно, половцы подкочевали весной к берегу моря для проведения весенней путины. Орды были ослаблены и малоподвижны после тяжелой зимы: скот только начал выгуливаться и плодиться. Все это прекрасно учитывали организаторы русского похода Владимир и его союзники. Опасность положения видел старый и опытный хан Урусоба. На съезде аристократов, состоявшемся сразу же как половцы узнали о продвижении русских войск в степь, он говорил: «просим мира в Руси, яко крепко ся имуть бити с нами», а «уньшие» — молодые аристократы, привыкшие к легким победам и грабежам сел на русском пограничье, отвечали ему: «аще ся ти боиши Руси, но мы ся не боим...» (ПСРЛ. II. Стб. 253—255). После полного уничтожения передового отряда под руководством хана Алтунопы половцы всеми силами двинулись на русских и были впервые на собственной земле разгромлены.

Все остальные походы русских князей, зафиксированные летописью, были направлены на наиболее экономически развитый район Половецкой земли — бассейн Северского Донца. В декабре 1109 г. там было взято воеводой Владимира Мономаха 1000 веж, в марте 1111 г.— огромный полон и два половецких города — Шарукань и Сугров. В 1116 г. два молодых русских княжича снова взяли оба эти города и еще один — Балин. Походы Владимира Мономаха заставили половцев откочевать на восток: «за Дон, за Волгу, за Яик» и на юг — в Прикавказские степи. Много разбитых, разрозненных орд ушло на запад — в Болгарию, Венгрию, Византию.

Там они получили пограничные степные участки земли и на правах вассалов активно участвовали в войнах и внутриполитических смутах этих стран.

В восточноевропейских степях появились отдельные группы половцев, называемые в русской летописи «дикими», т. е., видимо, оторванными от старых, хорошо известных на Руси орд. Эти половцы также охотно шли на любые совместные с Русью походы, их главари роднились с русскими князьями, отдавая за них своих дочерей. Обыкновенно их услугами пользовались князья Черниговского княжества. Впрочем, и князь Владимиро-Суздальской земли Юрий Долгорукий имел в степи родственнников, к которым обращался в случае необходимости за помощью.

Большая группа половцев, откочевавшая в Предкавказье, заключила военный союз и фактически стала в вассальные отношения с Грузией. Хан Атрак — глава этой орды (Отрок русских летописей) жил при дворе грузинского царя Давида и выдал за него свою дочь Гурандухт.

Оставшиеся в днепровских и донских степях половцы в первой половине XII в. были разделены на отдельные более или менее крупные орды. Названия некоторых из них сохранились в русской летописи: Токсобичи, Терьтробичи, Бурчевичи и др. Эти группировки были настолько устойчивыми, что остались в степях и после татаро-монгольского разгрома. Однако несмотря на крепость внутренних связей, ни одна из орд не могла противостоять русским полкам. Только в 50-х годах XII в. половцы отважились на два небольших набега на русское пограничье, закончившиеся неудачей для них: захваченный полон был отобран и сами они с трудом ушли в степь от преследования русских дружинников. В течение всей первой половины XII в. половцы грабили русские земли только в составе войск того или иного русского князя.

В 1125 г. умер Владимир Мономах, и в донские степи из Грузии осмелился вернуться хан Атрак. Его сын Кончак, появившийся на исторической арене в начале 70-х годов XII в., стал ханом-объединителем половцев и в то же время ярым врагом Руси. В это десятилетие определились вновь возникшие в степях крупные объединения орд: Приднепровское, где главенствующее положение занимала орда Бурчевичей, Лукоморское, возглавленное ордой хана Кобяка, а позже (в конце XII в.) — объединения Тоглия, Крымское, Предкавказское и самое большое — Донское, возглавленное Кончаком. Это последнее объединение в конце XII в. сильно расширилось за счет присоединения к нему приднепровцев. Хан Кончак постоянно воевал с русскими князьями, грабил русское пограничье и окрестности великокняжеских городов — Чернигова, Переяславля и Киева. Особенно усилился он после знаменитой победы над новгород-северским князем Игорем Святославичем (1185 г.). Его сын и наследник Юрий Кончакович в начале XIII в. назван русским летописцем «больший всех половцев».

Половцы этого периода повсеместно перешли ко второй стадии кочевания — с постоянными зимниками и летниками. По своему составу эти союзы орд, несомненно, были полиэтничны, как и любые другие кочевнические сообщества такого типа. Помимо самих половцев — кипчаков, в союзы входили остатки самых разных народов, обитавших на данной территории до прихода сюда кипчаков. Это были аланы и болгары, печенеги и торки, полностью подчинившиеся кипчакам. Характерно, что кипчаки, имевшие, видимо, ярко выраженный южносибирский антропологический тип, очень быстро утратили его, растворившись в южнорусских степях в инородной массе.

Кипчаки были только организующей политической основой новой общности. Они дали ей этническое имя, которое не было связано с первоначальным названием пришедших сюда в первой половине XI в. орд. Новое объединение получило тюркское название «куманы» (команы) или

Половецкие вежи. Миниатюра Радзивилловской летописи. XV в.

Половецкие каменные статуи.

переведенное на славянский язык — «половцы», что означало «светло-желтые».

В степях получение нового имени для нового объединения — не редкость. Так, акациры начали называться хазарами — кочевниками. Вошедшие в каганат народы отнюдь не теряли своих собственных наимено-

ваний (болгары, савиры, аланы и пр.). Так случилось и с половецкой общностью — включенные в нее печенеги и торки кочевали по половецкой земле отдельными равноправными ордами, помнящими свое происхождение и даже сохраняющими кое-какие обычаи. Аланы на Северском Донце тоже отделялись от половцев и, судя по летописи, у них была даже своя религия — христианство. Тем не менее территория, занятая ими, называлась Половецкой землей, а восточные авторы, хорошо знавшие кипчаков и факт их ухода на запад, именовали всю европейскую степь «Дешт-и-Кипчак» (Половецкая степь).

Часть оставшихся в половецких степях печенегов и торков, пытаясь сохранить этническое лицо, откочевала к самым границам Руси — на реку Рось и пошла на службу к киевским князьям, образовав прекрасный военный заслон от половцев. Первой обязанностью кочевых вассалов была борьба с половцами. Вторая обязанность заключалась в предоставлении киевским великим князьям вспомогательной силы для борьбы с центробежным стремлением русских князей. Помимо печенегов и торков, в качестве вассалов Руси в летописях упоминаются берендеи (видимо, крупная торческая орда).

К середине XII в. все эти вассальные орды объединились в единый союз Черных Клобуков. Интересно, что новый союз взял имя не самой влиятельной орды, а совершенно новое наименование — каракалпаки (по-русски — Черные Клобуки). При этом каждая из входящих в союз орд имела и собственное название. Так, в летописи под 1169 г. говорится: «берендичи вси и торци, и печенези, и вьсь Черный Клобук» (ПСРЛ. II. Стб. 533). К концу XII в. в Поросье сложилась вполне определенная этническая и политическая общность Черных Клобуков. Они оседали и в русских крепостях, тянувшихся по Роси, и основывали собственные города. Самым крупным был город Торческ — своеобразная столица Поросья. Внешне Торческ мало отличался от обычного становища, но был, видимо, укреплен. Собственные городки были у каждой орды. Так, в записи под 1177 г. упомянуто «6 городов берендич», взятых и разрушенных половцами.

Ханы Черных Клобуков были вассалами великого киевского князя. В русской летописи, как правило, их имена не сохранились. Исключение составляют Бастий и торческий хан Кунтувдей. Последний в конце XII в. начал воевать против киевского князя, уйдя в степь к лукоморским половцам. Оттуда вместе с ханом Тоглием он организовал несколько набегов на своих соплеменников в Поросье. Киевскому князю в конце концов удалось утихомирить взбунтовавшегося вассала, который был, по мнению летописца, «муж дерз и надобен Руси». В знак мира князь дал Кунтувдею город на Роси — Дверен, т. е. вассальный надел земли. Таким образом, феодальные отношения у Черных Клобуков были уже вполне сложившимися, с устоявшейся иерархией от верховного сюзерена, жалующего наделы, до его непосредственных вассалов — ханов, вассалов этих ханов — «добрых мужей» — глав крупных аристократических семей и, наконец, простых конных воинов.

АЛАНИЯ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

Примерами полного оседания на землю кочевого и полукочевого населения являются два сравнительно небольших этноса, занимающих окраины степного мира. Это аланы, обитавшие в предгорьях Кавказа, и волжские булгары, занявшие в IX в. лесостепные просторы Волго-Камья.

Значение Алании как самостоятельной политической группировки начинает расти в X в. по мере ослабления Хазарского каганата, в который аланы входили в VII—IX вв. Разгром северных областей Хазарского ка-

ганата в конце IX в. печенегами почти уравнял силы каганата и Алании. В середине X в. Константин Багрянородный писал, что аланы могут грабить хазар и причинять им «великий ущерб и бедствия». Только что ощутившие свободу и силу аланы, естественно, отрицательно относились к своим недавним сюзеренам и все свои политические симпатии и упования обратили на Византийскую империю, прельстившись дарами и дружбой «царя Ромейского».

Араб Масуди (X в.) писал, что «аланский царь выступает (в походах) с 30 тыс. всадников. Он могуществен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей»[1]. Укреплял он свое влияние не только силой оружия, но и союзами, в том числе брачными. Масуди писал, что аланский царь женился на сестре царя Серира (небольшого кавказского владения) и отдал свою сестру замуж за этого царя. Оба владетеля активно действовали против хазар.

Византия высоко ценила союз с Аланией, поддерживая его дарами и почестями аланскому царю, а также насаждением среди алан своей религии. Христианские миссионеры проникали в Аланию еще во времена хазарского господства, но, по-видимому, каганат препятствовал их деятельности в своих владениях. Освободившись, аланы, особенно аристократия, начали в X в. принимать христианскую религию.

В первой половине X в. хазары еще старались воспрепятствовать сближению Алании с Византией, опираясь на часть алан, принявших, как и хазары, иудаизм. В начале X в., когда Византия организовала совместный поход печенегов, гузов и лесостепных алан (асов) против каганата, Алания не примкнула к этой коалиции, а поддержала хазар, отстоявших благодаря этому часть своих обширных земель.

Позже, по сведениям кагана Иосифа, царь алан попытался освободиться от хазар, но каган с помощью гузов победил его, взял в плен и заставил отдать дочь замуж за своего сына — будущего кагана Иосифа. Ясно, что аланский правитель, отдавший дочь за иудея, не был христианином или просто под давлением кагана изменил религию, как не раз делали степные властители в аналогичных обстоятельствах. Объясняется это тем, что у степняков языческие представления о душе, о загробном мире, о десятках различных «богов», окружающих человека, культ предков и культ вождей по-прежнему господствовали и там, где властитель страны принимал христианство, иудаизм или мусульманство. То же было и с аланами. По существу они остались язычниками. Только в XI в. в городах аланы начали возводить храмы, покойников погребали уже по христианскому обряду.

Несмотря на поражение и связанные с ним сближение с Хазарией и временный отход от христианства, Алания не порвала отношений с Византийской империей, которая по-прежнему руководила ее внешней политикой. Так, вскоре Византии удалось направить алан против армянских еретиков-монофизитов, а в 40-е годы X в. аланы вместе с руссами разгромили город Бердаа в Азербайджане. Этот совместный поход, вероятно, был инспирирован Византией, стремившейся ослабить влияние мусульман в Закавказье.

Во второй половине X в. каган Иосиф в письме к испанскому вельможе сообщал, что «царство алан [было] сильнее и крепче всех народов, которые [жили] вокруг нас»[2]. В то время, видимо, оно было сильнее и самих хазар, разбитых Святославом Игоревичем в 965 г. Этот поход Святослава сыграл для алан некоторую положительную роль, поскольку освободил их окончательно от грозного соседа.

[1] Цит. по: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963. С. 205.

[2] Цит. по: *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 116.

По мере христианизации Алании императоры все более приближали аланских правителей к своему двору, давая им довольно высокие придворные звания, одаривая богатыми подарками и даже вступая с ними в династические браки. Брачные связи заключались в XI в. также между властителями Алании и Грузии.

Стремление Византии и соседей христианизировать Аланию, привязать ее союзами и дарами говорит о том, что эта небольшая страна играла заметную роль среди христианских государств того времени. Уже в первой половине XI в. царь алан Дургулель был вассалом Византии. Неоднократно по желанию императора он ходил в походы на Армению и Арран (Азербайджан). Во второй половине XI в. и особенно в XII в. (при императоре Алексее Комнине) связи еще более окрепли. Аланы во главе со своими царями или крупными аристократами принимали участие в военных действиях Византии против сельджуков и крестоносцев, участвовали во внутренних заговорах, причем не всегда на стороне императора.

В начале XII в. у северных границ Алании появились половцы. Чтобы пройти в Грузию, они с помощью заинтересованного в этом грузинского царя Давида Строителя заключили мир с аланами и обменялись заложниками. Оставшиеся в предкавказских степях половецкие орды оттеснили алан с удобных для земледелия и выпаса стад степных земель. Аланы еще активнее начали заселять горные склоны и ущелья. Основой их экономики оставалось отгонное скотоводство на альпийских лугах. В пригодных для пашен местах они занимались и земледелием, особенно садоводством. Как уже говорилось, большую роль в экономике играли добыча и откупы, привозимые из походов. Один из основных перевалов — Дарьяльский — находился во власти алан, и они брали пошлины с проходивших караванов.

На протяжении всего XII в. Алания была одним из наиболее сильных союзных Византии восточноевропейских государственных образований. Известно, что Алания управлялась единовластным царем. Родовая аланская аристократия была, видимо, в вассальных отношениях к нему и постепенно становилась классом феодалов. Страну объединяли в единое целое не только центральная власть царя, но и единая, в XII в. принятая уже всеми аланами христианская религия. Уже тогда в Алании сложилась народность с единым языком и устойчивой материальной и духовной культурой. Однако, насколько можно судить по известным в настоящее время источникам, у алан не было собственной письменности (в хазарский период они пользовались тюркскими рунами, а позднее, вероятно, греческим письмом). Очевидно, не было у них и своего летописания, чеканки собственной монеты, несмотря на развитую торговлю и разнообразные культурные и политические связи с соседними и дальними странами и государствами. Все это свидетельствует о том, что Алания не была еще таким развитым государством, как Хазарский каганат.

При преемниках Дургулеля аристократы начали выходить из-под власти царя, позволяя себе нередко и сепаратные действия против союзников их сюзерена. Это значительно ослабило Аланию. Неудивительно, что первое же столкновение с монголо-татарами в 1222 г. кончилось для алан полным разгромом. Правда, Ибн-Асир и Рашид ад-Дин писали в XIII в., что аланы потерпели поражение из-за предательства «кипчаков», т. е. половцев, с которыми перед битвой заключили военный союз. В 1238 г. началось планомерное покорение Предкавказья монголами; первый удар они направили на алан. Был взят и разрушен их главный город Магас. Однако не все аланы подчинились монголам. Об этом рассказывали проехавший по Предкавказью в 1246 г. Плано Карпини, который упоминает «некую часть алан, оказавших мужественное сопротив-

ление и доселе еще не подчиненных им», и Вильгельм Рубрук (1254 г.) [3]. Джувейни и Рашид ад-Дин сообщают, что аланы участвовали и в борьбе половцев против монголов, входя в крупный половецкий отряд под руководством Бачмана, который долгое время, уклоняясь от прямой встречи с большим монгольским подразделением, наносил серьезный урон монголам, пытавшимся обосноваться в предкавказских и поволжских степях. Даже во второй половине XIII в., когда в степях уже господствовали ханы Золотой Орды, в 1278 г. монголы, присоединив к своему войску русских воинов, взяли и разграбили вольный аланский город Дедяков, по-видимому, ранее временно освободившийся из-под монгольского ига.

Хотя после монгольского нашествия Алания как государственное образование перестала существовать, многие аланы, не желая подчиняться завоевателям, мигрировали в Грузию, Византию и Венгрию. Характерно, что численность венгерских алан была настолько значительна, что около 200 лет они сохраняли там свой язык и культуру. Покорившиеся аланы также были переселены монголами в глубинные районы огромной монгольской империи. Их знать играла видную роль при дворе хана, а аланские воины образовали ханскую гвардию из тысячи всадников. У себя на родине оставшиеся аланы занимали только ущелья и недоступные горные вершины. Они не растворились в окружающем их населении и стали одним из многих сравнительно небольших кавказских народов.

Другим государством, получившим свободу и возможность самостоятельного развития после падения Хазарского каганата, была Волжская Булгария. После посещения Булгарии Ибн Фадланом сильно активизировалась мусульманизация страны, и она все более отдалялась от Хазарского каганата, правители которого были заняты борьбой с венграми и печенегами.

Сохранившиеся о Волжской Булгарии сведения в письменных разноязычных источниках очень скудны. Но, опираясь на археологические исследования, можно в настоящее время уверенно говорить, что начиная со второй половины X в. основным видом хозяйства в этом государстве было земледелие. Страна была покрыта сетью дорог (водных и сухопутных), соединяющих между собой сначала отдельные стойбища, а в X в. уже многочисленные селения и большие города, бывшие административными и торговыми центрами государства. Торговля со странами Востока и Русью, Скандинавией, угро-финскими лесными племенами Севера занимала в Волжской Булгарии ведущее место. Это государство несомненно держало ключевые позиции в транзитной торговле между Западом и Востоком, что приносило ему огромные экономические выгоды. Глубокое проникновение земледельческой оседлости в экономику Булгарии, развитие торговли привели к тому, что на протяжении всего X в. здесь распространилась самостоятельная монетная чеканка при дворе булгарского правителя.

Титул правителя «эльтебер» равнялся беку или эмиру. Очевидно, он был сюзереном вассальных ему представителей родовой аристократии, постепенно становящейся феодальной. Сейчас на территории Волжской Булгарии известно более 70 развалин феодальных замков, относящихся к XI — началу XIII в. Столицей государства стал в X в. город Булгар, стоявший на слиянии Волги с Камой — в наиболее удобном и оживленном месте для торговых караванов, проходивших по стране. Однако в XII в. на город часто нападали русские дружины Владимиро-Суздальской земли. Столицу вынуждены были перенести в глубь страны — на речку Черемшан. Новая столица была названа Биляром.

[3] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57.

В самом начале X в. булгарские правители приняли мусульманскую религию и связали свои политические интересы с Багдадским халифатом. Археологические исследования погребений свидетельствуют о чрезвычайно быстром распространении этой религии в Булгарии. В конце X в. в стране повсеместно был принят канонический мусульманский погребальный обряд. Есть основание считать, что хазарское руническое письмо в XI в. начало вытесняться и далее было, очевидно, полностью заменено арабской вязью.

Имеющиеся данные говорят о том, что Волжская Булгария была вполне сложившимся феодальным государством с относительно сильной центральной властью, крепкой экономической базой и широкими торговыми и дипломатическими связями. Тем не менее политическая, внешняя и внутренняя, история этого государства известна только по крайне лаконичным записям в русских летописях о торговле или военных стычках с Булгарией, особенно участившихся в XII в. с ростом могущества Владимиро-Суздальского княжества. Эти князья, естественно, желали подорвать гегемонию Волжской Булгарии в торговле с Северо-Востоком и взять в свои руки все торговые связи Булгарии не только с финно-угорскими племенами, но и со всеми странами, которые поддерживали с ней оживленные торговые и дипломатические отношения.

Особенно активен и беспощаден в этой борьбе был князь Андрей Боголюбский. Недаром его жена-булгарка участвовала в боярском заговоре против мужа. Летописец объясняет это так: «...булгарка родом и дрьжаше к нему злую мысль... иже князь великий много воева ... Булгарскую землю и сына посылал и много зла учини болгаром...» (ПСРЛ. XV. С. 250—251).

Русские походы XII в. сильно подорвали силы Булгарского царства. От них иногда страдали не только пограничные или торговые города, но и новая столица— Биляр. Так было, например, в 1183 г., когда под главенством Всеволода Большое Гнездо собрались и пошли в поход на булгар почти все северовосточные русские князья и половецкая орда Емякове (ПСРЛ. VII. С. 96—97). Тяжелейший удар нанесли русские князья в 1220 г. булгарам после попытки последних отбить у русских отвоеванный ими западный путь по Оке из Булгар в Белоозеро, Новгород и далее. От полного разгрома булгарам удалось откупиться.

Тем временем на Волжскую Булгарию надвигалась черная туча монгольского нашествия. Первый раз монголы подошли к границам Булгарии после битвы на Калке (1223 г.), но, ослабленные долгим походом, не смогли победить булгар. В 1229 г. монголы разгромили пограничные южные булгарские отряды. Только через три года, в 1232 г., монголы начали настоящее завоевание Волжской Булгарии: «приидоша татарове и зимоваше не дошедше Великого града Булгарьского»,— писал русский летописец (ПСРЛ. I. С. 459). Три года небольшая Булгария вела на равных борьбу с империей Чингисхана. Наконец на курултае в Каракоруме было решено бросить на запад новые силы, возглавленные чингисидами и одним из самых талантливых и беспощадных монгольских полководцев — Субутай-бахадуром. Все они «соединились в пределах Булгарских», как писал Рашид ад-Дин. Под натиском во много раз превосходящих сил противника Булгария пала. Под 1236 годом русский летописец записал: «В лето 6744... осени приидоша от восточные страны в Булгарскую землю безбожнии татари и взяша славный Великий город Булгарьскый и избиша оружьем от старца и до уного и до сущаго младенца и взяша товара множство, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша» (ПСРЛ. I. С. 460). Так кончился второй период истории волжских булгар. Следующие два столетия Волжская Булгария существовала как одна из наиболее процветающих провинций монгольского государства Золотой Орды.

МОНГОЛО-ТАТАРСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ

В XII — начале XIII в. монгольские племена занимали обширные области современной Восточной Сибири, Центральной Азии, верховья Енисея и Иртыша. Они кочевали на определенных каждому аилу (большой семье) участках, а это значит, что они находились на второй стадии кочевания. В «Сокровенном сказании», написанном в 1240 г., рассказывается о начавшемся в XII в. брожении в ононских степях, о вражде племен и борьбе за главенство, о кровной мести и возвышении одних родов, подчинении или гибели других. При этом подчеркивается существование в степях двух социальных групп населения: бахадуров — представителей родовой аристократии и простых пастухов — неравноправных членов аилов. Бахадурам было тесно в ононских степях. Этим и объяснялись постоянные неурядицы в степях — угоны скота, истребление одного рода другим с обязательным уводом в плен женщин и детей, захваты чужих территорий. Всем ходом истории бахадуры были уже подготовлены к более обширным завоеваниям, к далеким походам. Требовалась организация и человек, который возглавил бы эту организацию. Появление в монгольских степях Темучжина (Чингисхана), выбранного за безжалостность, жестокость и непобедимость каганом (ханом) в 1206 г., не было неожиданностью.

Завоевания Чингисхана в Китае, Средней Азии, Завкавказье в два десятилетия (1207—1234 гг.) расширили владения монголов на тысячи километров. В 1236—1242 гг. монголы предприняли поход в Европу. Под ударами монгольского войска во главе с ханом Батыем пали, несмотря на упорное сопротивление, русские княжества, за исключением северо-западных; монголы двинулись дальше в Польшу, Венгрию, дошли до Адриатики, но, истощенные многолетними кровопролитными походами, повернули назад. Основная территория Древней Руси оказалась под властью монгольской державы. В Монгольскую империю были включены народы и государства с тысячелетней историей, с оформившейся классовой иерархией. Однако Чингисхан предпочел установить в ней собственную иерархию, аналогичную той, которая была выработана в предшествовавших монгольскому степных государственных образованиях. Прежде всего была сохранена родоплеменная система. Общество делилось на племена, на сходках которых выбирались вожди-ханы, нередко объединявшие две функции — административную и жреческую.

С другой стороны, вся административная система была военизирована, войско делилось на десятки, сотни, тысячи, тьмы — так же, как и в других степных государствах. Вассальные, т. е. выраженные феодальные, отношения связывали ханов только с их нукерами (воинами) или дружинниками. Пожалуй, ко времени воцарения Чингиса можно было уже говорить, что побеждает в степях не тот хан, чей род (племя) больше, а тот, у кого сильнее и вернее нукеры. Личная дружина Чингиса достигла 10 тыс. воинов. Это было ядро армии, и в то же время они были обязаны следить за внутренним порядком в огромной империи.

Завоевания поставили в зависимость от кочевников массу земледельцев и ремесленников и этим на столетия приостановили естественный процесс оседания, который всегда шел внутри любого организованного в государство кочевого сообщества. Однако сидя в седле государством управлять невозможно. Крупные аристократы, поддерживавшие Чингиса, и его любимые нукеры вынуждены были, помимо войн, заниматься административной деятельностью. В степях начали появляться административные центры, постепенно перераставшие в города. Возникали они на местах постоянных зимних становищ. В одном из китайских источников

сообщается, что на зимовище у реки Керулен «есть несколько лачужек с земляными кровлями, много возделывают землю, но сеют только коноплю и пшеницу», а в районе города Каракорума «жители много занимаются земледелием и орошают поля водопроводами (арыками), попадаются и огороды»[4]. Город Каракорум быстро превратился из ставки хана и административного степного центра в настоящий город с собственными ремесленниками и оживленной торговлей.

Таким образом, несмотря на то, что захват новых земель притормозил оседание на землю, у завоевателей все же возникало экономическое неравенство и население делилось на классы, что привело к появлению даже в сердце монгольской империи кочевников-бедняков, вынужденных наряду с покоренными народами заниматься земледельческим трудом. Монгольская знать быстро освоила утепленные канами (внутренним отоплением) дома и дворцы, явно предпочитая их в зимнее время юртам. Летом же богатые монголы выезжали в степи, пастухи пасли скот, а знать занималась облавными охотами, которые были для монголов прекрасной школой войны. Тем не менее навыки земледелия и оседлой жизни все же развивались в монгольской державе.

Здесь зарождается уже классовый феодальный строй, подернутый вуалью патриархальных отношений. Ведя беспрерывные войны за политическое преобладание над соседними народами, монголы не уничтожали полностью экономику захваченных стран, а заставляли ее служить себе. Огромные размеры монгольской державы, постоянные войны, абсолютная власть и культ правителя позволяют называть это государство Империей и сравнивать его с империей Хунну, империей Аттилы, Тюркской империей VI в. Такие степные многоэтнические государства могли существовать только под властью сильных правителей и легко распадались сразу же после смерти очередного «императора». Уже при жизни Чингисхана из империи монголов начали выделяться отдельные улусы, или орды. После же его смерти (1227 г.) империя распалась. Выделившиеся орды напоминали каганаты, возникавшие в VII—VIII вв. на руинах Тюркской империи. Так, Золотая Орда, более других улусов связанная с Европой, во многом повторяет раннюю историю Хазарского каганата.

Оба эти государства занимали крайний восток европейской степи, вплотную подходя к границам оседлых земледельческих европейских государств. Территория их почти совпадает: Поволжье, Подонье, Предкавказье, Крым и Приазовье. Власть над степями простиралась у тех и других до Днепра и даже далее — до Днестра и Прута. Правда, хазары столкнулись в правобережных днепровских степях и Поднестровье с отошедшими сюда венграми и с передовыми постами Первого Болгарского царства и поэтому не смогли захватить эти районы. Ханы Золотой Орды не встретили никаких препятствий в днепровском правобережье, и потому все степи западнее Днепра были подчинены им. В современной Молдавии локализовался даже отдельный центр ордынской культуры.

Соседи обоих государств были те же, несмотря на разделяющие их полтысячелетия. Наиболее крупными и серьезными врагами были у Хазарского каганата сначала отдельные славянские племена, частично платившие кагану дань, позднее — Киевская Русь, а у Орды — побежденные, но не покоренные русские княжества.

Вассальными государственными образованиями Хазарского каганата вплоть до начала X в. были Волжская Булгария и Алания. В тех же отношениях они находились позднее и с Золотой Ордой.

Население Хазарского каганата в основном состояло из подчинившихся хазарской власти булгарских орд. Самих хазар в государстве было

[4] Цит. по: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 45.

немного. Так было и в Золотой Орде, основным населением которой были не монголы, а кипчаки (половцы). Существенным отличием являлось, правда, то, что хазары не уничтожили булгарскую родовую аристократию. В Золотой Орде половецкую знать безжалостно вырезали. Монголы сами стали правящей аристократией, превратив кипчаков в податной слой населения, постепенно оседавший на зимовищах у речных переправ, рыбных промыслов и т. п. Земледелием в Орде занимались и другие покоренные народы, а ремеслом — мастера побежденных стран. Особенно много их было захвачено на мусульманском Востоке. Именно поэтому культура Орды стала постепенно мусульманской, хотя долго сохранились пережитки язычества: даже Батыя хоронили еще по языческому монгольскому обряду.

Центр Золотой Орды находился, как и у хазар, в Нижнем Поволжье со столицей в Сарае, поэтому большинство крупных городов строилось именно там, хотя монголы по приказу хана возводили города и на Северном Кавказе, в Крыму, в Молдавии. Все они были без оборонительных стен. Стены не разрешалось строить потому, что ханы боялись проявления малейшей самостоятельности со стороны пестрого по этническому составу немонгольского населения.

Большинство золотоордынских городов было выстроено на пустынных берегах рек. Однако, взяв какой-либо крупный город, стоявший на удобном для них месте, монголы не разрушали его дотла, а приказывали только срыть стены и затем налаживали в нем жизнь такую же, как и в новых городах. Правда, если у новых городов основная функция была административная, то у старых она оставалась прежней. Так, захватив портовые торговые города Крыма, монголы через них установили торговые связи с Передней Азией и Европой, и население этих городов продолжало свою торгово-ремесленную деятельность под новой властью.

Внутри Золотой Орды шел процесс слияния этнических общностей. Об этом свидетельствует известный рассказ ал-Омари о Дешт-и-Кипчак, в котором он пишет, что татары и монголы смешались с кипчаками, «и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаками, как будто они одного рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на землю кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в их земле» [5].

Золотая Орда, как и Хазарский каганат, просуществовала сравнительно недолго — всего около 200 лет. За этот период не успела окончательно сложиться самостоятельная культура государства, не сложился и единый народ. Орда пала сначала под ударами Тимура, затем — русских войск. Интересно, что и Хазарский каганат кончил свою жизнь под копытами коней печенегов и после них — русских дружин Святослава.

При наступившем после разгрома упадке из Орды выделилось несколько разноэтнических ханств: Крымское (XIV в.), Казанское и Сибирское, Ногайская Орда (первая половина XV в.), Астраханское (вторая половина XV в.), и, наконец, в центральных областях Золотой Орды осталась так называемая Большая Орда. Экономика этих ханств была различной. Крымское и Казанское ханства были фактически земледельческими и земледельческо-торговыми государствами, Астраханское и Большая Орда — полукочевыми, а в Сибирском ханстве и Ногайской Орде господствовала вторая стадия кочевания. Хотя силы разрозненных ханств были уже не те, что в период золотоордынского расцвета, все они продолжали грабительскую политику по отношению к соседям. Однако они уже не имели целью сбор регулярной подати, это были набеги на порубежье, весьма напоминавшие набеги половцев на русские княжества в XII в.

[5] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 235.

Ханства, образовавшиеся на территории Золотой Орды, не стали крупными государствами, подобными каганатам, на которые распалась когда-то Тюркская империя. У них не хватило сил на восстановление разоренной армиями Тимура экономики и на борьбу с соседней все более усиливавшейся Московской Русью. В отличие от близившихся к упадку во времена Хазарского каганата Ирана и Византии это было молодое, с каждым годом набирающее силу государство, начавшее активную и победоносную борьбу сначала с Золотой Ордой, а затем с ее преемниками. В результате все они, а также пришедшие в XVI в. из монгольских степей ойраты (калмыки) вошли в состав России. При этом ханства, в которых преобладала вторая стадия кочевания, легко присоединились к России. Для ведения планомерного скотоводческо-кочевого хозяйства им необходим был союз с земледельцами, так как развитые феодальные отношения требовали комплексной земледельческо-кочевнической экономики, а перейти к земледелию в засушливых калмыцких и нижневолжских степях было невозможно.

Глава 10

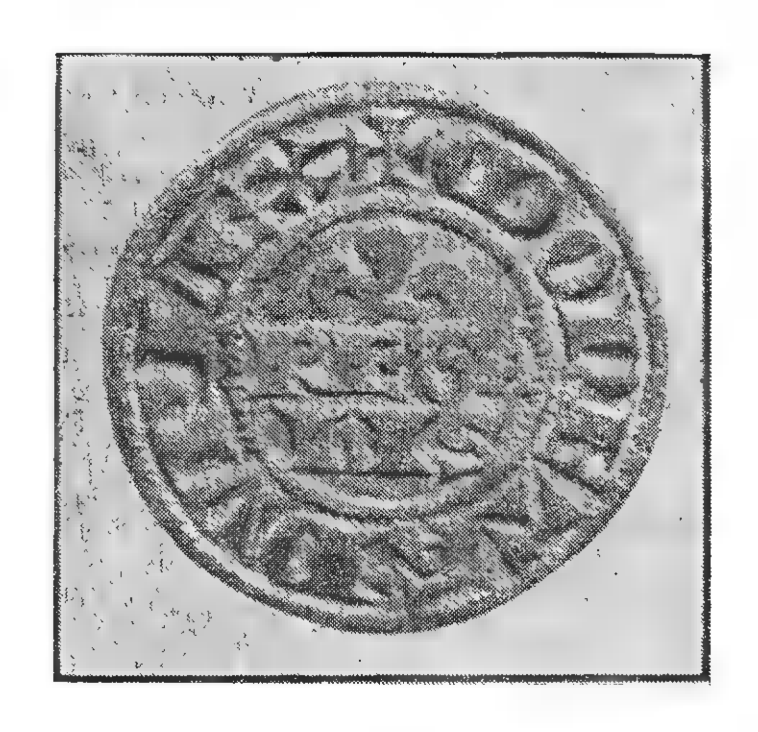
ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ

В итоге рассмотрения истории всех регионов Европы становится очевидным, что в период развитого феодализма экономическая и социально-политическая жизнь общества сильно усложнилась. Одним из главных факторов этого усложнения, чем дальше, тем больше становилось взаимодействие двух основных сфер феодальной экономики — сельского хозяйства и ремесленно-торговой деятельности, деревни и города как центра товарно-денежных отношений. Взаимодействие между ними носило противоречивый характер, ибо в рамках единой феодальной системы город и деревня на всем протяжении ее существования составляли своеобразное единство противоположностей: основой сельского производства оставалась земельная собственность и труд зависимых крестьян, основу городского хозяйства — товарное производство ремесленников и торговля. Их объединяли феодально-корпоративный характер собственности, мелкий характер производства, наличие различных форм внеэкономического принуждения и то, что с момента возникновения городов между ними и феодальной деревней существовали взаимно необходимые товарно-денежные связи, возраставшие от XI к XV в.

Развитие в феодальном обществе товарно-денежных отношений вело к складыванию внешнего и внутреннего рынков. Если внешний рынок лишь в некоторых регионах и странах активно втягивал в свою орбиту деревню (в Англии XII—XIV вв., в Юго-Западной Франции, южных областях Пиренейского полуострова тех же столетий, позднее — в XV в.— в Заэльбской Германии, Польше, Венгрии), то местные рынки вокруг даже небольших городов не только в Западной и Юго-Западной Европе, но и в других регионах, включая Северо-Восточную Русь, охватывали более или менее густой сетью товарно-денежных отношений близлежащие сельские местности.

Во всех регионах Европы, как мы видели, в рыночные связи втягивалось и господское, и крестьянское хозяйство, а это изменяло, хотя и по-разному, способы эксплуатации крестьянства и формы феодальной ренты. Развитие товарно-денежных отношений в деревне повсеместно

ускоряло расслоение крестьянства рост в его среде, с одной стороны, массы малоземельных и совсем безнадельных бедняков, с другой — зажиточной крестьянской верхушки. Бедняки подрабатывали или каким-либо ремеслом, или (в XIII—XV вв.) батрачили у феодалов и богатых соседей и в большом числе, особенно в XII—XIII вв., бежали в города в поисках заработка и личной свободы. Уходили туда и зажиточные крестьяне в поисках личной свободы и возможности вложить накопленные в сельском хозяйстве средства в более прибыльные сферы городского ремесла или оптовой торговли. В странах с высоким уровнем развития городов (Италия, Южная Франция, Нидерланды, Византия), а также в особо крупных городах на Руси (Киев, Новгород, Псков) феодалы-вотчинники также охотно переселялись в города, имели там свои дома, подворья, а иногда и лавки, сбывали продукцию своих вотчин, составляя часть городской верхушки — патрициата. В XIV—XV вв. во многих регионах шел и обратный процесс: представители городской верхушки, а иногда и средние слои горожан обзаводились в окрестностях города земельными владениями, нередко в виде настоящих феодальных вотчин, продукцию которых они сбывали на городском рынке. В качестве феодальных землевладельцев они часто разными путями становились членами дворянского сословия (см. ч. II, гл. 1). Таким образом, возникновение и развитие товарно-денежных отношений и городов повсеместно усиливало миграционные процессы и усложняло социальную стратификацию общества.

Образец монеты и два парижских денье чеканки 1295 г.

Другой общей чертой воздействия товарно-денежных отношений на деревню было во всех регионах Европы возрастание феодальной эксплуатации крестьянства, хотя и в разных формах. Города с их высокоразвитым ремеслом, дальней торговлей, концентрацией денежных богатств и роскоши способствовали росту потребностей феодалов, их стремлению к более блистательному и утонченному образу жизни, который требовал все новых и новых средств, главным источником которых была феодальная рента. И представители господствующего класса всеми доступными им способами старались повысить ее размеры, изъять у крестьян все большую долю их избыточного продукта. При этом, однако, они тратили основную часть получаемых ими доходов не на расширение и укрепление своего домениального хозяйства, но главным образом на непроизводительные расходы, на потребление; обычно не соизмеряя свои доходы и расходы, они часто оказывались в долгах, которые пытались покрывать тоже за счет крестьянской ренты.

Вместе с тем товарно-денежные отношения воздействовали на деревню по-разному в различных регионах и странах. Это своеобразие определялось некоторыми главными факторами: общим числом городов в стране, наличием или отсутствием там значительного числа крупных городов — центров международной торговли или абсолютным преобладанием мелких полуаграрных городов. От характера городского развития в стране зависели различия в соотношении там внешней и внутренней торговли, а от этого и различная роль феодалов и крестьян как поставщиков сельскохозяйственных товаров на рынках. В тех странах, где общий тон

городской жизни задавали крупные центры ремесла, рассчитанного на экспорт и международную, часто транзитную, торговлю (Северная и Средняя Италия, Южная Франция, Южная Испания, Нидерланды, города Рейнской области, Византия), феодалы, хотя и вели в XI—XIII вв. часто даже довольно крупную оптовую торговлю сельскохозяйственными товарами, но в основном не за счет домениального хозяйства, а за счет натуральной ренты зависимых крестьян. В XIV—XV вв. по мере дальнейшего развития товарно-денежных отношений натуральные оброки коммутировались в денежные, которые в эти столетия уже преобладали во Франции, Нидерландах, западных областях Германии, в Византии. Исключение составляла Италия, где особая насыщенность страны крупными городами и поликультурное земледелие создавали постоянную нехватку продовольствия в городах. Это обусловливало длительное сохранение здесь натуральной ренты и даже ее преобладание над денежной. В тех странах, где наблюдалось в этот более поздний период свертывание домениального хозяйства феодалов и смены барщины натуральным, а позднее часто денежным оброком, шел прогрессивный процесс освобождения крестьян от личной зависимости, превращения их в наследственных держателей. Наряду с этим там широко распространялась в конце XIII—XV вв. крестьянская аренда, чаще всего краткосрочная, издольная (в частности, половничество). Такая аренда являлась уже полуфеодальной, полукапиталистической формой аграрных отношений (например, меццадрия в Северной и Средней Италии), но на практике часто приобретала застойный характер и служила консервации феодальной эксплуатации крестьян и даже ее увеличению, особенно в XIV—XV вв.

В регионах, где города были особенно многочисленны и сильны, как в Италии, деревенское ремесло было слабо или вовсе неразвито. Такой путь развития имел место также в центральных областях Испании — в Леоне и Кастилии, хотя там не было большого числа крупных городов, а большинство их составляли средние и мелкие, тесно связанные с деревней и местными рынками. Своеобразие в отношениях между городом и деревней имелось в Англии и Арагоне, особенно в Каталонии. В этих странах крупные города также были не очень многочисленны, преобладавшие там мелкие и средние города не всегда были четкой гранью отделены от деревни и не могли воспрепятствовать широкому развитию сельского ремесла и мелких сельских рынков и ярмарок. Но, с другой стороны, здесь, особенно в Англии, имелись широкие возможности для экспорта сельскохозяйственной продукции — шерсти, зерна, кожи. Если на местных рынках их продавцами выступали в основном крестьяне, то на внешнем господствовали феодалы, выгодно сбывавшие свою продукцию за границу. Эти возможности побуждали значительную часть английских феодалов в период с середины XII до начала XIV в. не сворачивать, но, напротив, расширять домениальное хозяйство, широко использовать в нем подневольный труд крестьян (отработочная рента), а для этого сохранять тяжелую личную зависимость значительной части крестьян (вилланство). Сходные тенденции наметились в Арагоне, где до конца XV в. значительную часть крестьянства составляли лично зависимые «ременсы». Однако в ходе классовой борьбы английских крестьян, кульминацией которой было восстание 1381 г., эта реакционная тенденция в аграрном развитии Англии была сломлена, и к началу XV в. здесь, как и во Франции, Германии и Италии, личная зависимость крестьян, барщина в значительной части домениальных хозяйств феодалов были ликвидированы, наследственные права лично свободных крестьян (копигольдеров) на землю укрепились, быстро стала развиваться крестьянская аренда, основная масса крестьян превратилась в товаропроизводителей, господствовавших на сельскохозяйственном рынке.

Позднее и в Каталонии лично зависимые ременсы, упорно стремившиеся выкупиться на волю, добились этого в результате серии крупных крестьянских движений, завершившихся восстанием 1484—1486 гг. Так в западноевропейском и юго-западном регионах к XV в. восторжествовала более прогрессивная тенденция воздействия товарно-денежных отношений на феодальную деревню.

В Центральноевропейском регионе, где феодальные отношения складывались несколько медленнее, чем на Западе, и города как центры ремесла и торговли стали расти также позднее и были не столь многочисленны, их влияние на развитие деревни сказывалось менее заметно и преимущественно в развитии местных ярмарок, рынков, на которых в качестве продавцов сельскохозяйственных товаров, а также изделий сельского ремесла выступали в основном крестьяне. Экспортная торговля зерном в Чехии и скотом в Венгрии, имевшая в XII—XIV вв. сравнительно небольшие масштабы, велась, напротив, феодалами. Поскольку к моменту возникновения в этом регионе городов складывание феодального строя здесь еще полностью не завершилось, значительная часть крестьянства до конца XIV в. оставалась лично свободной, поэтому отработочная рента была незначительна, преобладало сочетание натуральной и денежной ренты в разных пропорциях. Развитие в этом регионе стимулировалось не только успехами товарно-денежных отношений, но и проникновением сюда в результате мирной немецкой колонизации так называемого «немецкого», «лучшего», «нового» или «городского» права, способствовавшего укреплению здесь в XII—XIV вв. наследственных владельческих прав даже поземельно-зависимых крестьян. В XV в., однако, в связи с дальнейшим развитием крупных городов, связанных с внешней торговлей, общим ростом товарно-денежных отношений, более широким вовлечением феодалов в экспортную торговлю зерном и скотом, положение крестьян в Чехии, Польше, Венгрии, а также в Австрии и Остэльбской Германии резко изменилось к худшему. Выгоды этой торговли побуждали феодалов (как ранее в Англии) расширять домениальное хозяйство за счет крестьянской земли, прикреплять к ней крестьян как лично зависимых держателей, переводить их на барщину, которой они не знали раньше.

Сходные черты влияния товарно-денежных связей на эволюцию аграрных отношений прослеживаются на Руси в XIV—XV вв. На эти столетия падает массовое возрождение разрушенных монгольским нашествием городов и рост новых — средних и мелких, особенно в Северо-Восточной Руси. Русские города, не знавшие привилегий, подобных тем, которыми располагали города в Западной Европе и находившиеся во власти удельных князей, бояр, монастырей, привлекали на свои рынки феодалов-вотчинников, ведших здесь оптовую, часто дальнюю, торговлю сельскохозяйственными продуктами. Крестьяне же обычно торговали в небольших полуаграрных городах, а также на сельских торгах и ярмарках. Развитие товарно-денежных отношений наиболее активно использовалось здесь, как и в Центральной Европе, феодалами, землевладение которых с конца XIV в. расширялось главным образом за счет «черных» земель и населявших их «черных» — государственных крестьян, попадавших во все большую зависимость от отдельных феодалов. Стремление феодалов к выгодной торговле сельскохозяйственными продуктами и вытеснению из нее крестьян, в сочетании с ростом ложившегося на тех же крестьян государственного тягла, привело в конце XV в. и окончательно — в XVI — начале XVII в. к закрепощению подавляющего их большинства. Исключение составляли русский Север и пограничные области на юге и востоке страны с их казацкими поселениями. Наличие в этих областях Руси больших масс свободного крестьянства, обладавшего сильным самоуправлением, способствовало более быстрой и полной това-

ризации там крестьянского хозяйства, развитию сельских промыслов, его активной роли в торговле сельскохозяйственными продуктами, что позволило этой части крестьянства избежать закрепощения.

В Скандинавских странах, где также сохранялся большой контингент крестьян собственников — бондов, лично свободных арендаторов и многочисленной сельской бедноты, в том числе сельских ремесленников, широко были развиты крестьянские промыслы. Рост городов в XIII—XV вв. активизировал разные виды крестьянских рыночных связей. При этом крестьяне больше продавали, чем покупали на городских рынках, и в целом преобладали там. Это укрепляло их экономические и социальные позиции по отношению к феодалам и способствовало (наряду с другими факторами) сохранению их личной свободы. Однако с конца XV в. с ростом и укреплением крупного землевладения светских феодалов, церкви, короны и расширением внешнего рынка как для сельскохозяйственных, так и для продуктов добывающей промышленности высшие сословия стали вытеснять крестьянство и с городских рынков, повышать его эксплуатацию, консервируя наиболее неподвижные натуральные ренты (см. ч. II, гл. 7).

Специфические особенности имели взаимоотношения города и деревни в Византии. Товарно-денежные связи города с деревней были различны на разных этапах. Положение осложнялось тем, что несколько наиболее значительных городов во главе с Константинополем, являясь крупными центрами международной торговли, были слабо связаны экономически со своей сельской округой. Центрами местных рынков, вовлекавших в свою орбиту крестьянство, были мелкие провинциальные города. Но крупная торговля сельскохозяйственными продуктами находилась также в руках феодалов, монополизировавших ее в больших городах и в сфере экспорта. Поэтому развитие товарно-денежных отношений слабо воздействовало здесь на положение крестьянства: сочетание натуральной и денежной ренты, при слабом развитии отработочной, сохранилось в Византии в период XII—XV вв. как в сеньориальной, так и в государственной эксплуатации крестьян; не произошло существенных изменений и в их социально-правовом положении. Много сходных черт можно отметить также в эволюции деревни на Балканах (Болгария, Сербия, Хорватия), где, однако, воздействие городов как центров ремесла и торговли на сельскую периферию (за исключением Далмации, развивавшейся в этом смысле по типу Северной и Средней Италии) было много слабее, чем в Византии.

Таким образом, воздействие товарно-денежных связей на феодальную деревню было неоднозначно. В одних случаях оно способствовало освобождению крестьянства от личной зависимости, в других случаях, напротив, вело к консервации наиболее тяжелых и грубых форм внеэкономического принуждения, к явлениям необратимой сеньориальной реакции. Первый путь был наиболее характерен для Западной и Юго-Западной Европы уже в XI—XIII вв., второй путь — для Центральной и Восточной Европы в XIV—XV вв. и позднее.

Характер воздействия товарно-денежных отношений на аграрную сферу феодального общества во многом определялся также балансом сил между феодалами и крестьянами в повседневной классовой борьбе между ними. Упорное сопротивление крестьянства сеньориальной реакции во многих случаях способствовало ее временному отступлению даже там, где экономические условия ее порождали, или ее полному преодолению там, где шла борьба двух тенденций (Англия, Каталония).

Когда в XIV в. в Италии, а позднее, в XV в., в Западной Европе в городах стали зарождаться отдельные элементы капиталистических отношений (см. ч. II, гл. 1), благоприятную почву для их развития в деревне составляли, с одной стороны, издольная аренда полукапиталисти-

Образцы западно-европейских средневековых монет.

ческого типа, с другой — развитие сельского ремесла и промыслов, дававшее резервы для распространения в деревне «раздаточной системы», ставшей базой рассеянной мануфактуры (см. ч. II, гл. 1).

Товарно-денежные отношения активизировали социальное расслоение не только крестьянства, но и феодалов, способствовали установлению более четких граней между высшими и низшими их слоями. Усиливалась задолженность и обеднение некоторой их части; с другой стороны, шло пополнение низших слоев господствующего класса за счет аноблирования представителей городской и крестьянской верхушки и вообще «простолюдинов». Развитие товарно-денежных отношений вносило изменения и в структуру феодальной иерархии даже там, где она была ранее достаточно ярко выражена: падала роль условных земельных держаний, связи между выше- и нижестоящими феодалами заменялись денежными в виде фьеф-ренты и даже просто денежной оплаты военной службы вассалов по договору. Это создавало удобные условия для возникновения наемных армий.

Велика была роль товарно-денежных отношений городов и складывавшегося там городского сословия в политическом развитии феодальной Европы. Новые экономические и социальные условия создавали предпосылки для централизации государства. Этому способствовало развитие внутреннего рынка в масштабах целых стран или феодальных владений и то, что бюргерство, составляя известный противовес сепаратизму крупных феодалов, открывало перед королевской или княжеской властью возможности лавирования между разными социальными силами, создавая и укрепляя тем временем аппарат публичной власти (см. ч. III, гл. I).

Наконец, города как центры ремесла и торговли и зарождавшиеся в них новая культура и идеология были немаловажным фактором в развитии средневековой культуры в целом, являлись рассадниками светских знаний, реализма в искусстве, школьного и университетского образования, грамотности, средневекового свободомыслия, еретических учений (см. IV часть).

Развивавшиеся в рамках феодального строя товарно-денежные отношения, ставшие в период развитого феодализма неотъемлемым элементом всей его экономической и социальной структуры, были одним из наиболее динамичных факторов его развития, расцвета, а затем и перестройки. Города как главные центры этих отношений способствовали, где в большей степени, где в меньшей, прогрессивному развитию этого общества, были его бродилом. К концу периода развитого феодализма товарно-денежные отношения и города были еще подчинены феодальной системе, но порождавшиеся ими первые ростки новой общественной организации исподволь уже начали подрывать ее.

Часть третья

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

1. Эволюция государства в средневековой Европе до конца XV в.

2. Классовая и социальная борьба в средневековой Европе

3. Международные отношения в Европе в V–XV вв.

4. Европа и страны Востока

5. Распространение христианства, церковь и ереси в средневековой Европе

←

Генрих IV в Каноссе. Миниатюра. Германия. Начало XII в.

Глава 1

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ ДО КОНЦА XV в.

В государственной жизни средневековой Европы, как и во всем экономическом и социальном развитии, проявились и общие для континента черты, и значительные региональные особенности. Первые были связаны прежде всего с формационным единством стран и народов, населявших Европу в средние века, которое позволяет выделить в развитии государства сходные этапы, а также общие предпосылки и закономерности становления феодальной государственности. Особенности же формирования политической власти в отдельных регионах и странах определялись их спецификой, которая часто усугублялась воздействием событийного фактора, особенно заметным в политической сфере.

Для раннего и развитого феодализма марксистская историческая наука выделяет три основных этапа в истории государства: зарождение и становление раннефеодального государства, которое совпадает с периодом генезиса феодализма; второй этап, когда феодальное государство в условиях уже созревших феодальных отношений переживает состояние феодальной раздробленности; и третий этап, когда в условиях денежной экономики складываются более централизованные формы феодального государства.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Развитие государственности в раннее средневековье проходило в условиях глубокого социально-экономического переустройства общества, суть которого составило формирование феодальных отношений. Поэтому именно генезис феодализма, его своеобразие в различных регионах (см. введение, гл. 1) явились решающим фактором эволюции государства на этом этапе.

Появление классовых и социальных противоречий в обществе, рождавшее потребность в государстве как аппарате насилия господствующего класса и формирование самого этого государства во многом зависели от того, имел ли место в данном обществе синтез разлагающихся рабовладельческих и первобытнообщинных отношений и в каком соотношении находились между собой эти исходные элементы феодального строя. Однако и в том, и в другом случае возникало новое по своей социальной сущности и политической структуре раннефеодальное государство, отличное как от рабовладельческой Римской империи, так и от военной демократии варварских племен. Развитие государственности у всех народов Европы в раннее средневековье прошло два этапа: первый, когда раннефеодальное государство только зарождалось внутри предшествующих политических структур, выступая в форме «варварских королевств», и второй, когда государство сложилось как новая политическая система, отличная от прежних. Каждый из этих этапов во многом различался в разных регионах.

У тех народов, которые развивались бессинтезным путем или со слабыми элементами синтеза (см. введение, гл. 1), феодальная государственность рождалась непосредственно из политической системы военной демократии. Ее основными элементами были: народные собрания и полноправие всех свободных, могущих носить оружие, в решении вопросов управления; совет старейшин, избранных народом, с правом предварительного рассмотрения дел и правом суда; выборные военачальники

(военные вожди) с постоянной дружиной; и наконец, постепенно формирующаяся власть короля, которая была ограничена народным собранием и подчас распространялась только на часть племени (внутри этого же племени могли быть и другие короли) и не обладала дисциплинарными средствами принуждения. Заторможенность процесса классообразования в таких обществах и отсутствие в них классов позднеримского типа обусловили замедленные темпы становления в них раннефеодального государства, а затем и длительное сосуществование органов новой государственности с пережитками военной демократии. При таком бессинтезном развитии окончательное складывание раннефеодального, уже классового государства относится к сравнительно позднему времени — к IX в. в Дании, Древней Руси, Англии, Великоморавской державе, к X в.— в Норвегии и Швеции.

В странах синтезного развития феодальное государство строилось на двойной основе: под воздействием не только пережитков военной демократии, но в той или иной мере остатков римской государственности, которую варвары полностью не уничтожили, столкнувшись здесь с классами и социальными группами, сохранившимися от рабовладельческого строя. В этих случаях элементы позднеантичной политической надстройки, такие, как налоговая система (налоги с земли, на содержание войска, с торговых операций), таможенная и монетная системы, территориальное, а не родоплеменное деление, остатки государственного аппарата, римское право, христианская церковь, служили первым варварским королям дополнительными рычагами усиления их власти. Если в синтезном процессе варварские начала играли значительную роль, их взаимодействие с остатками римской политической системы ускоряло складывание раннефеодального государства, как это было у франков, где оно оформилось уже к VII в. (см. гл. 5). Там же, где с момента завоеваний превалировала римская политическая система, как это было, например, в Остготской Италии, ее наличие ускоряло разложение строя военной демократии у завоевателей, развитие у них государственности, но замедляло ее превращение в собственно раннефеодальную. Уже первый остготский король Теодорих, почти полностью сохранивший римский государственный аппарат, выступает как правитель, облеченный высшей законодательной, судебной, административной, военной и финансовой властью. Но раннефеодальное государство в Северной и Средней Италии оформляется только при лангобардах, в Вестготском королевстве — в течение VII в., у славянских народов Юго-Восточной Европы — к VIII—IX вв.

В Византии, где синтез происходил при наличии сильной позднеримской государственности и реликты первобытнообщинного строя не оказывали существенного влияния на политическую структуру, развитие раннефеодального государства происходило в ходе постепенной эволюции рабовладельческого уклада. Поэтому оно формировалось более медленными темпами (в VIII—XI вв.) и сложилось как новая политическая система только в XI в. при сохранении до конца существования Византии форм античной государственности.

При бессинтезном пути развития варварские королевства имели своей основой только разлагающийся первобытнообщинный строй и военную демократию, постепенно эволюционировавшие в сторону феодального общества и государства; при синтезном же — варварским королевствам была свойственна двойственная природа. У франков, бургундов, вестготов, остготов, вандалов, свевов, а также булгар и сербско-хорватских племен в одном государстве сосуществовали доклассовая структура германских и славянских племен с классовой позднеантичной, догосударственные органы варварского управления с большими или меньшими остатками государственного аппарата бывшей Римской империи. В этих

королевствах имели место различия в характере права (обычное — варварское и римское), религии (язычество, арианство и католичество), неодинаковые повинности в пользу государства (германский элемент освобождался от налогов за землю, полученную при первом делении земли, местные жители платили налоги, но не могли служить в войске). Вместе с тем эти две части населения были связаны хозяйственными, правовыми и политическими узами, составляя единое общество.

Обращает на себя внимание важная роль общинной организации в рождении раннефеодальной государственности не только в бессинтезном, но и в синтезном варианте развития. Правда, в последнем случае влияние общинных порядков варваров-победителей оказалось менее заметным и более быстротечным. У вестготов вплоть до середины V в. народные собрания продолжали обсуждать вопросы войны и мира, а войско играло важную роль в избрании короля. Следы народных собраний не исчезают и при короле Эйрихе, хотя тот уже обладал римским титулом «rex» и располагал не только высшей военной и административной, но судебной и законодательной властью. В римском территориальном делении готского государства, основу которого составлял городской округ, еще в VI в. прослеживаются готские военные подразделения — сотни и тысячи, с определенными правами (получение штрафа за проступки воинов, например). У франков и вестготов сохраняются судебные собрания сотен и графств с институтом соприсяжничества, практикой участия в выплате вергельдов родственниками и общинной ответственностью за преступления. Лишь постепенно пробивает себе дорогу тенденция к устранению свободных германцев от судебных заседаний, а родственников и соседей от уплаты и получения вергельда или ответственности за преступления. В начале VI в., согласно Салической правде, народ франков еще участвовал в законодательстве.

Даже в Византии значительную роль в социальной и государственной истории в раннее средневековье сыграла местная община (митрокомия). Усиленная благодаря влиянию на нее общины, принесенной славянами, она в известной мере замедлила процесс социального расслоения крестьянства и, следовательно, процесс формирования феодальных отношений. Она послужила основой для попыток крестьянства добиться самоуправления во время движения павликиан и стала базой фемной военной организации.

Длительное сосуществование органов государственности с элементами управления родоплеменного строя особенно очевидно в случае бессинтезного развития. По словам хрониста Адама Бременского, например, могущество шведского короля еще в XI в. зависело от решения народа. Датский король Кнут, вторгшийся в 1028 г. в Норвегию, был вынужден для утверждения его королем созвать тинг (народное собрание), обладавший законодательной и судебной властью. По законам Гулатинга (одна из областных записей обычного права в Норвегии), король избирался из числа членов королевского дома высшим духовенством, представителями свободных общинников-бондов и дружины. Еще в XI в. областные тинги организуют активное сопротивление внедрению христианства. В XI и XII вв. на тингах, уже попавших под влияние зажиточных бондов и родовой знати, играли известную политическую роль и свободные общинники. Общинные принципы управления в Норвегии сохранят определенное влияние и позднее, когда для большинства стран Европы общинный элемент ограничится только низшим уровнем сельской общины. В Англии в X—XI вв. функционировали собрания свободных жителей сотен и графств, в том числе крестьян, основную военную силу составляло пешее крестьянское ополчение.

Сохранение общинных традиций свидетельствует о сравнительно широкой социальной базе не только варварского, но и раннефеодального

государства. Последнее выражало интересы не только складывающегося класса, но отчасти и свободных общинников, иногда опираясь на них в своей политике, в частности, по отношению к завоеванному местному населению. Военная добыча долгое время являлась достоянием всех свободных участников похода, а не только королевской дружины.

Отсюда противоречивость политики государства на ранних этапах генезиса феодализма. Так, у лангобардов, в законодательстве Айстульфа (середина VIII в.), содержались запреты превращать свободных общинников в альдиев и сервов (см. ч. I, гл. 1). Они явно контрастировали с законодательством Луитпранда начала этого же века, которое закрепляло поземельную и судебную зависимость обедневших общинников. Аналогичные противоречия обнаруживаются в политике каролингских королей (см. ч. I, гл. 3). Они заметны отчасти и в законодательстве македонской династии в Византии (см. ч. I, гл. 2).

Изживание общинного начала имело существенное значение в процессе формирования королевской власти, в котором можно отметить некоторые общие черты: в первую очередь, тенденцию к замене выборной власти наследственной, с помощью которой короли стремились устранить свою зависимость не только от свободных общинников, но и от знати. Король вандалов Гейзерих утвердил порядок престолонаследия, который исключал избрание короля, но в 530 г. в нарушение этого порядка и по решению войска король Хильперик, потерпевший поражение от мавров, был замещен новым — Геммером.

Определилась также тенденция к изживанию патримониального характера королевской власти. Государство в раннее средневековье рассматривалось как личное имущество короля, которое он мог дарить частным лицам или делить между наследниками. Служебный персонал дворца (aula regia, palatium) сосредоточивал в своих руках все высшие государственные функции. Сильное воздействие на структуру государственного аппарата оказывали королевские дружинники. Статус короля сохранял черты статуса частного лица. В Норвегии, например, король был обязан платить штраф за нанесение раны свободному человеку; общинники имели право выступить против короля, если тот совершил убийство. Однако постепенно король становится главой не только господствующей этнической группы, но юридически определенной территории. Он перестает рассматриваться как частное лицо, формируется понятие священной природы королевской власти, понятие государственной измены.

Король постепенно приобретает не только высшую судебную и военную, но и политическую и административную власть. Будучи на начальных этапах становления раннефеодального государства ограничен обычным правом, король сам теперь становится источником права. Запись обычного права дополняется и формируется под влиянием государственного законодательства и римского права, часто даже в областях, где отсутствовал прямой синтез.

Королевская власть в раннее средневековье сначала не располагала правом получения постоянных налогов. Ее доходы ограничивались поступлениями с имений королевского домена, судебных штрафов, «кормлений» (упорядоченной формы даннических отношений — полюдье в Древней Руси, гафоль у англосаксов и др.). Даже в тех варварских королевствах, где сохранилась римская налоговая система, она вначале применялась только к местному населению. Лишь со временем германских общинников начинают облагать земельным налогом. Появление постоянных налогов оказывается связанным с развитием именно публичных основ власти, в частности с необходимостью защиты государства (датские деньги в англосаксонских государствах, лейдинг — выкуп воинской повинности в Норвегии). Только в Византии римская система обложения

сохранялась в полном объеме и все более развивалась и совершенствовалась.

Особенно живучи были остатки догосударственной системы в организации войска. Долгое время оно представляло собой, и в синтезных и в бессинтезных вариантах государственного развития, ополчение, состоявшее из свободных общинников, дополняемое личной дружиной короля. Постепенно появились специальные должностные лица для сбора ополчения, гарнизоны, расположенные в укрепленных центрах, и т. д. В Византии начиная с VII в. основу армии также составляли свободные крестьяне-стратиоты, которых государство наделяло землей для обеспечения их военной службы.

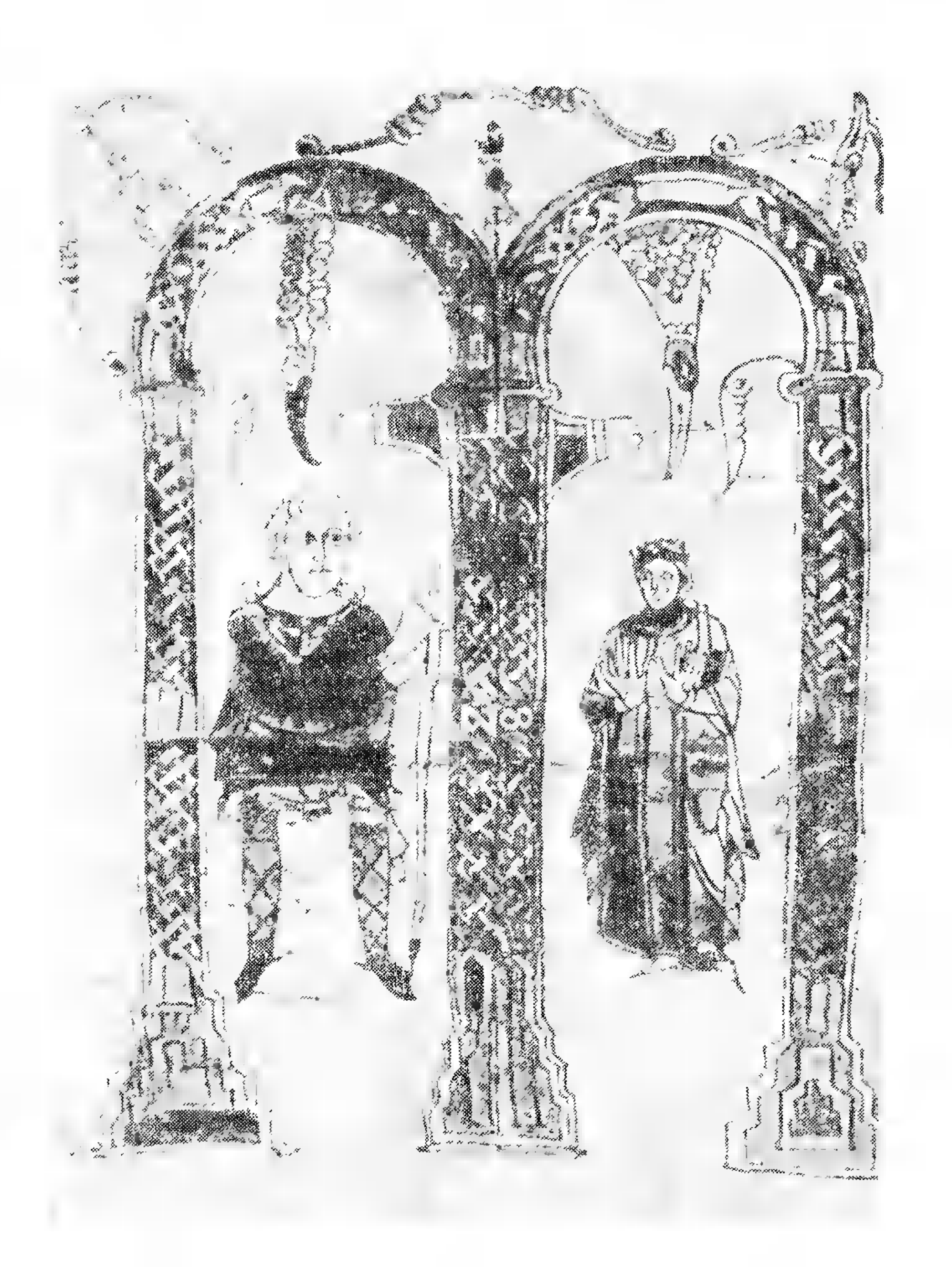
Уже при переходе от варварского к раннефеодальному государству король становился собственником всех земель (которые ранее считались принадлежавшими народу) — в бессинтезной зоне практически всей территории страны, в синтезной — земель королевского фиска, общинных земель, пустошей. Королевская власть выступает, таким образом, в роли первого крупного феодального собственника земли. В этих условиях налоги, в основном собиравшиеся с крестьянского населения, принимали форму феодальной эксплуатации крестьянства государством, которая повсюду в Европе опережала частносеньориальную. Особенно долго, вплоть до конца раннесредневекового периода эта централизованная форма эксплуатации сохраняла приоритет в регионах бессинтезного развития — в Центральной и Северной Европе, в Древнерусском государстве и даже в Англии. В Византии, где государство было особенно сильным, частносеньориальная эксплуатация в раннее средневековье во много раз перекрывалась государственной. Даже способствуя развитию частной власти и частного землевладения, государство не освобождало попадавших в зависимость крестьян от своих налогов (телос и др.).

Отмеченное обстоятельство определяет важную особенность народных выступлений этого периода: крупные восстания носили ярко выраженную антигосударственную направленность (см. ч. III, гл. 2). Против государственной эксплуатации крестьяне часто выступали и в повседневной борьбе. В источниках имеется много свидетельств об отказах от уплаты государственных повинностей и штрафов или участия в походах. В записях обычного права, в том числе Правде Ярослава, Ярославичей и Уставе Владимира Мономаха на Руси, особо тяжкими штрафами предупреждается возможность насилия над должностными лицами. Самые суровые меры наказания предусматривает законодательство за участие в мятежах, причем в вестготском, бургундском и франкском государствах они несут следы прямого воздействия жестоких римских законов. В рамках раннефеодальных государств, в регионах синтезного развития раньше (в VIII—IX вв.), бессинтезного — позже (в IX—XI вв.), формировалась феодальная земельная собственность частносеньориального характера, чему немало способствовала королевская власть.

Хотя раннефеодальное государство имело относительно широкую социальную базу, оно отражало в своей политике в первую очередь интерес формирующейся феодальной знати. Направленность его политики в ее пользу по мере продвижения общества по пути феодализации становилась все заметнее. Это проявлялось во всех регионах, но приобрело особенно выраженные формы в условиях замедленного генезиса феодализма при наличии крепкой общины и преобладании свободного крестьянства. Именно практика королевских земельных пожалований ускорила формирование аллода и крупной земельной собственности, разрушая препятствия, которые ставила этому процессу большая семья или община (см. ч. I, гл. 3, 4, 7, 8). Ускоряли рост феодальной земельной собственности церковных и крупных светских землевладельцев также иммунитетные пожалования, закреплявшие их частную власть и право собирать на-

Карл Лысый в королевском одеянии. С парижской миниатюры XI

Символическое изображение «дарования законов» или «отправления правосудия». Миниатюра из рукописи начала IX в. Монастырь Св. Павла в Каринтии.

логи с определенной территории. Иногда подобные права передавались вместе с земельным пожалованием, например, бокленд в Англии. Иногда они принимали форму «кормлений» — на Руси, в Центральной Европе, «вейцлы» — в Норвегии. В других случаях судебные и фискальные привилегии жаловались отдельно на уже находившиеся в частном владении земли (иммунитет во франкских государствах, «сока» в Англии и др.).

Организующую роль государства в генезисе феодализма отразило королевское законодательство, которое фиксировало и закрепляло зависимое положение обедневших ранее свободных общинников и охраняло крупную земельную собственность: запрещало уходы свободных людей, находящихся под покровительством феодала или в вассальной зависимости от него (законы VII в. в Англии, капитулярий 787 г. и постановления IX в. у франков). Таким образом, политика раннефеодального государства стимулировала процесс возникновения частносеньориальной феодальной собственности, а вместе с тем и рост частной власти крупных феодалов — магнатов, прелатов. Тем самым оно одновременно как бы создавало себе в их лице все более усиливавшихся политических противников. В связи с этим уже на стадии раннего феодализма зарождается характерная для него дисперсия, или дуализм, политической власти: власть в центре и власть отдельных феодалов на местах, в их вотчинах и сеньориях. Наличие синтеза ускоряло развитие этого дуализма тем более, что позднеримский патроциний в известной мере предвосхищал раннесредневековый иммунитет, хотя здесь нельзя проследить прямого континуитета.

Рост крупной земельной собственности и политического влияния магнатов отразился на структуре раннефеодальных государств. Ослабели их финансовые возможности в силу изъятий обширных территорий из сферы налогообложения, сократились судебные права, кардинально изменилась организация войска. В странах синтезного развития раньше, бессинтезного позже — свободные крестьяне-аллодисты постепенно отстраняются от участия в ополчении: сначала несут службу не с каждого, а сообща с нескольких хозяйств, затем если и выполняют ее, то в войске своих сеньоров. Единицей комплектования военных сил постепенно становятся не территории сотен и графств, но владения магнатов, которые ведут за собой основной контингент войск, состоящих из их дружин, в которые входили вассалы, а также зависимые люди.

На более позднем этапе истории раннефеодальных государств организация войска приобретает еще более выраженную феодальную основу. Это связано с появлением условных держаний за военную службу и созданием на этой основе вассально-ленной системы, которая закрепляла исключительное право быть воином за феодальными землевладельцами, лишив его крестьян. Раньше всего эта система была введена в начале VIII в. во Франкском государстве Каролингов реформой Карла Мартелла, создавшей первый тип условного держания — бенефиций (см. ч. I, гл. 3).

В IX—X вв. условные держания мелких и средних феодалов (тэнов) появляются в Англии. В XI в. в Византии практикуются условные пожалования за военную и другую службу. Значительно позднее условные держания и связанные с ними формы организации войска возникают в Скандинавских странах, в Центральной Европе, на Руси.

Повсеместно активную роль в этих изменениях играло государство, для которого при резком сокращении слоя свободного крестьянства и росте значения тяжеловооруженного конного войска в VIII—X вв. пожалования такого рода стали необходимыми, чтобы сохранить свою военную силу. Поскольку такая практика очень быстро была заимствована крупными феодалами, она, хотя временно и укрепляла позиции цент-

ральной власти, затем быстро привела к росту политической самостоятельности крупных феодалов.

Отмеченный дуализм политической власти в раннефеодальных государствах в перспективе вел к их распаду и феодальной раздробленности, в Византии — к заметному ослаблению центральной власти (в XII в.). Однако до полного утверждения феодализма, пока сохранялся значительный контингент свободного крестьянства и независимых от магнатов мелких феодалов, центральная власть сохраняла свои позиции, а в отдельные моменты проявляла тенденции к временному расширению не только своей компетенции, но и подвластных ей территорий. Это приводило к возникновению в ряде регионов Европы многоэтнических раннефеодальных политических образований, которые нередко назывались современниками «империями» (и обычно называются так в историографии).

Это империя Каролингов (конец VIII—IX в.), Великоморавская держава (IX в.), так называемая «Римская империя», созданная германскими королями (X в.), скрепленное личной унией государство датского короля Кнута, включавшее Данию, Швецию, Норвегию, Англию (первая половина XI в.), Древнерусское государство — Киевская Русь (X — середина XII в.). Такие внешне централизованные, но обычно аморфные и легко распадающиеся государства рождались обычно в процессе завоевания новых территорий в интересах центральной власти и складывающегося класса феодалов, а иногда одновременно и в целях обороны от внешних врагов, например от степных кочевников на Руси. Однако в подобных империях под покровом внешнего единства шел процесс феодализации, обособления отдельных феодальных владений, а также разных этнических общностей, который иногда в течение нескольких десятилетий (империя Карла Великого, государство Кнута), иногда медленнее (империя Оттонов, Киевская Русь) приводил к их политическому распаду. Раннесредневековые империи были высшим пиком централизации раннефеодального государства, который обычно предшествовал периоду феодальной раздробленности.

Дуализм политической власти в раннее средневековье проявился в частых столкновениях между центральной властью и крупными феодалами, а также в том, что последние постепенно начинали играть все большую роль в управлении государством. Иногда раннефеодальное государство называют «демократией знати». Власть последней осуществлялась через участие светских и духовных магнатов в Королевском совете, дворцовом и государственном управлении, а также в более многочисленных «советах магнатов», обычно собиравшихся несколько раз в год. Они пользовались законодательными, а иногда и судебными правами, давали согласие на налоги («совет магнатов» Франкского королевства, заседавший два раза в год, «совет мудрых» в англосаксонской Англии, тулузские соборы у вестготов, совет магистров и высшего духовенства в королевстве Леон в VIII—X вв., который избирал королей, осуществлял законодательную власть, давал разрешение на чеканку монеты).

Важным фактором развития раннефеодальных государств были войны и завоевания. Выше уже отмечались агрессивные устремления государств, связанные с незавершенностью феодализации. Влияние оказывала также крайняя неравномерность в развитии отдельных народов, населявших в то время Европу. Для многих племен, находившихся на стадии военной демократии или складывания государственности, военные походы были формой существования. Крайним примером в этом смысле для Европы в целом были завоевательные походы кочевых народов (гуннов, авар), позднее — норманнов в VIII—XI вв. (см. ч. III, гл. 2) и тюркских кочевников Восточной Европы (печенегов, половцев), а также венгров в Центральной Европе. Опасность со стороны этих народов иногда способствовала укреплению центральной власти (например,

в Древнерусском государстве). Вместе с тем завоевания со стороны сильной, более развитой в экономическом и политическом плане страны, стимулируя процесс феодализации, подчас могли помешать самостоятельному государственному развитию завоеванного народа. Так произошло с саксами в IX в., с Сербией, в истории которой были приостановлены две попытки образования самостоятельного государства в X и XII вв.— под ударами Византии, а затем Венгрии. В ожесточенной борьбе с Византией пало Первое Болгарское царство (681—1018).

Складывание раннефеодальной государственности сопровождалось общей ярко выраженной тенденцией к централизации религиозных, вначале языческих представлений, а затем — к принятию христианства там, где раньше его не было. Распространение и победа христианства на европейской территории на первых порах, очевидно, были связаны с влиянием, прямым или опосредованным, римских традиций (в Западной Европе и Византии), получивших благодатную почву в среде земледельческого общества. Затем укреплению христианства в немалой степени способствовало стремление вновь возникших государств в восточной, юго-восточной и юго-западной части Европы сохранить свою независимость и противостоять языческому, мусульманскому или иудейскому активному окружению. В районах замедленного генезиса феодализма государству принадлежит особая роль и во внедрении христианства, вплоть до карательных жестоких мер (Скандинавия, Русь). Таким образом, христианская религия служила орудием укрепления раннефеодальных государств, их территориального расширения и объединения (см. ч. III, гл. 5).

В качестве специфической особенности раннефеодального государства исследователи отмечают тесный союз между церковью и государством, постепенное вхождение церкви в управление и политическую организацию общества. Эта общая для всех регионов черта не исключала известных различий в роли, которую играла церковная организация в том или ином государстве. Различия определялись конкретно-историческими условиями, в которых развивалась церковь и складывалась ее организация. Наиболее сильными и независимыми от государства позиции христианской церкви были на территории бывшей Западной Римской империи, где она сумела укрепить свое положение еще до возникновения здесь раннефеодальных государств и имела общего главу в лице римского папы (см. ч. III, гл. 5). В зоне бессинтезного развития феодализма или развития со слабым синтезом, где светской власти принадлежала активная роль в насаждении христианства среди язычников, государство занимало более выгодные позиции в отношении церкви. В Византии, где сохранилась сильная государственность, христианская церковь не располагала подобными возможностями для собственного усиления и противостояния светской власти и больше зависела от государства (см. ч. I, гл. 2 и ч. III, гл. 5).

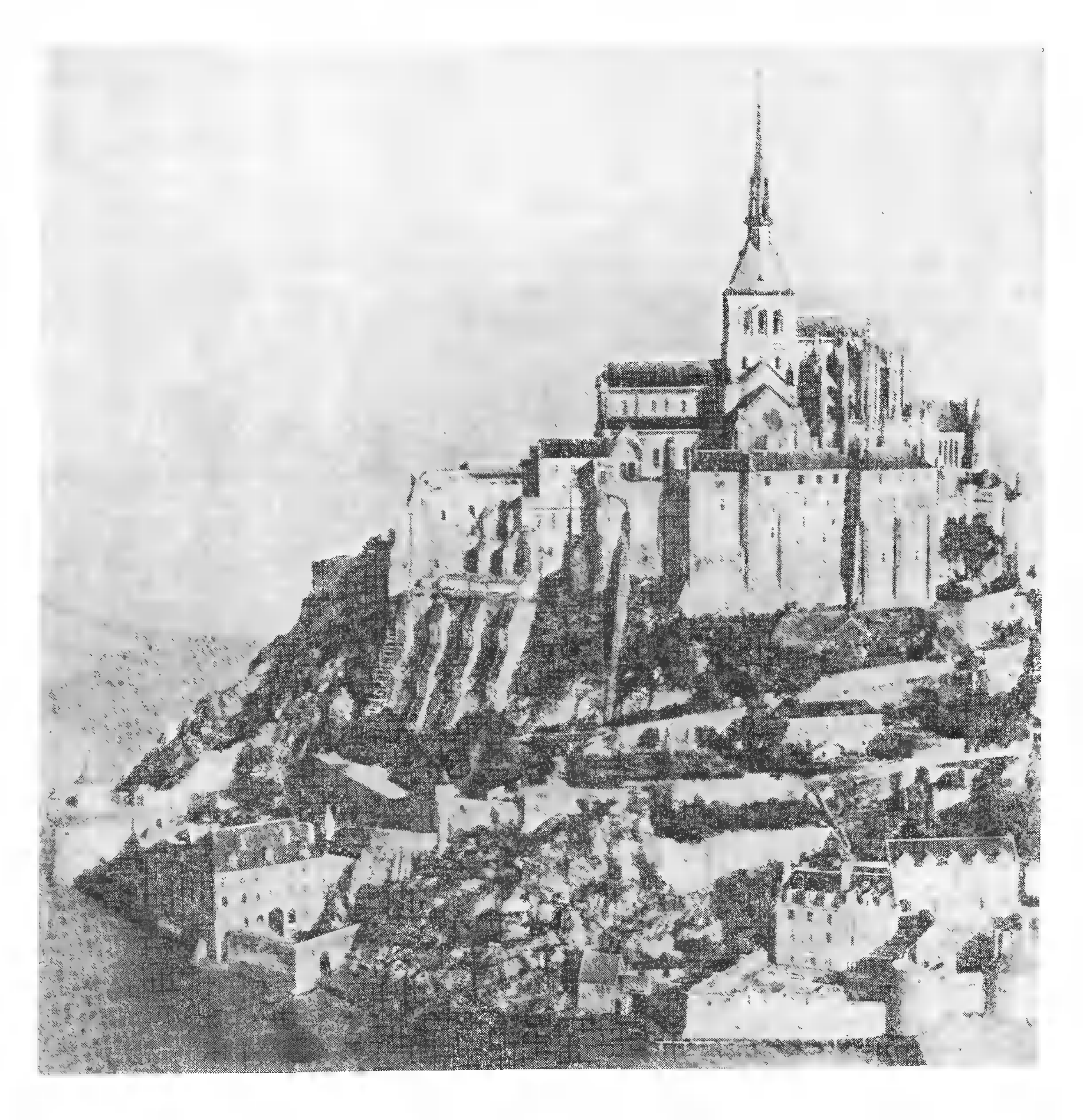
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СТРАН ЕВРОПЫ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

С установлением феодальных отношений в Европе сложился новый тип государственной организации общества, который характеризовался рассеянием политического суверенитета и получил в литературе название государства периода феодальной раздробленности. На данном этапе борьба центральной власти с крупными земельными собственниками в силу дуализма социально-политической структуры государства, ранее шедшая с переменным успехом, кончается убедительной победой последних.

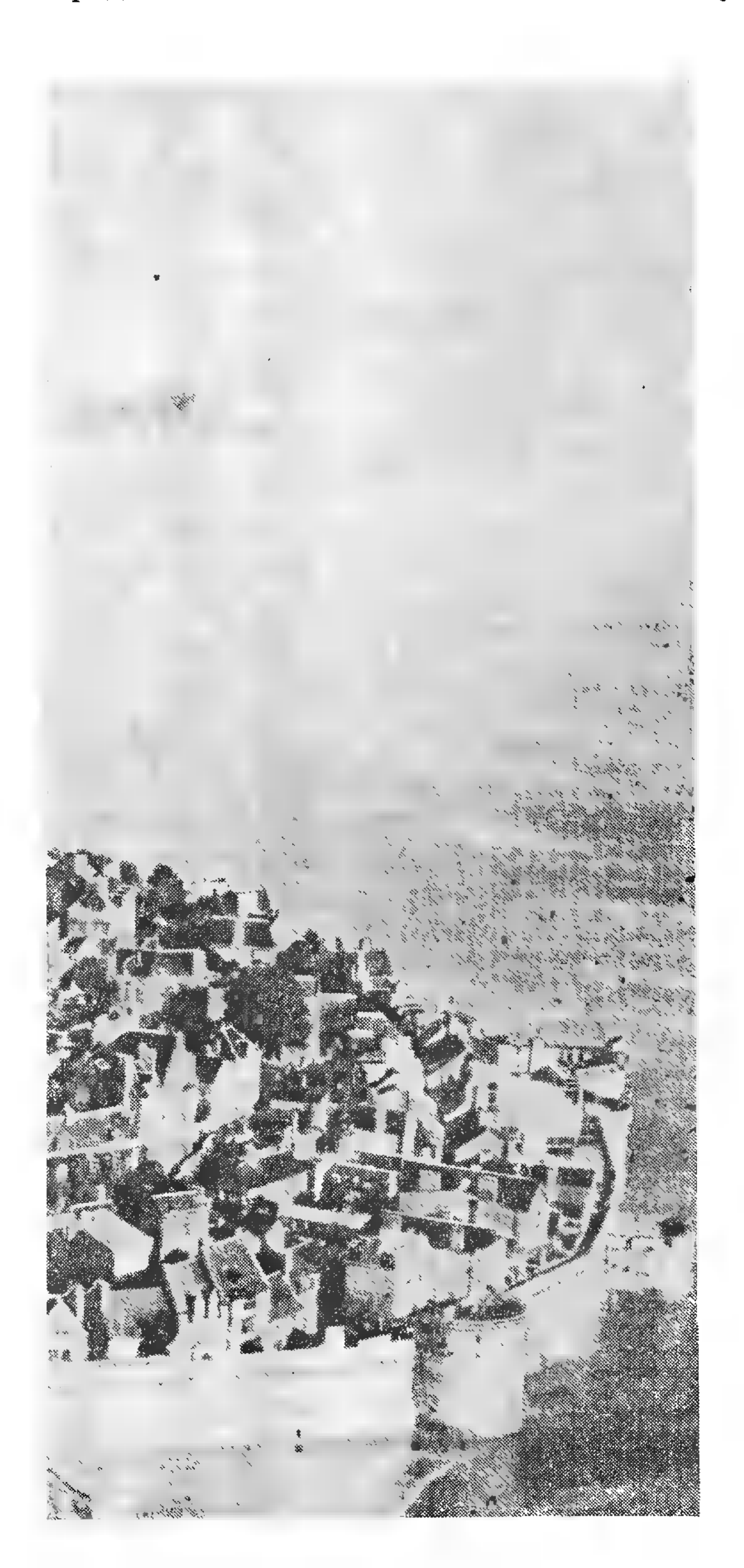
Время возникновения новой формы политического устройства не совпадало в разных частях континента. Для северной и центральной части Франции, где ранее, чем в других регионах, сложился феодализм, поли-

тическая раздробленность определилась уже к началу XI в. В регионах бессинтезного развития позднее — в XII—XIV вв., в Англии — в XI—XII вв. политическая раздробленность была выражена несколько слабее (см. ч. II, гл. 2). Не знала такой формы государства в этот период только Византия, хотя и там в связи со складыванием феодализма тоже наметились децентрализаторские тенденции. Устойчивые традиции сильной государственности, заинтересованность крупной знати в сильном государственном аппарате для эксплуатации многочисленных еще лично свободных крестьян, борьба между столичной и провинциальной знатью, почти постоянная угроза извне (арабов, потом печенегов, сельджуков, крестоносцев),— все это позволяло Византии в целом успешно преодолевать децентрализаторские тенденции и опережать по уровню консолидации другие современные ей государства (см. ч. I, гл. 2).

Политическая раздробленность (там, где она существовала) могла быть прикрыта монархической формой правления с выборной, как пра-

вило, властью короля. При этом и король, и территориальный владыка, князь или граф, реализовывал по существу один и тот же тип управления в своих владениях, в котором монархический принцип выступал в форме сеньориальной власти. Иными словами, с победой феодализма в большинстве стран центральная власть уступает позиции земельным собственникам, не будучи в состоянии ни удержать власть над ними, ни обеспечить необходимое им внеэкономическое принуждение по отношению к зависимому теперь классу крестьянства. Эту функцию должен был почти целиком взять на себя класс феодалов в лице его наиболее крупных представителей. Названное явление находит яркое материальное воплощение в процессе возникновения по всей Европе феодальных замков-крепостей как центров реализации постоянного и относительно прочного сеньориального принуждения (см. ч. I, гл. 2, 3, ч. II, гл. 2). Полнота иммунитетных прав у разных феодалов была неодинакова и при определенных обстоятельствах могла увеличиваться или сокращаться. Король в этих условиях действовал не столько как суверен, сколько как сюзерен, верховный сеньор своих самостоятельных вассалов.

Замок Сен-Мишель. Франция. XIII в.

Экономической основой политической раздробленности служило господство в Европе XI—XII вв. натурального хозяйства с характерной для него замкнутостью хозяйственных единиц, которая делала возможной и их политическую изолированность. Одну из важных предпосылок децентрализации власти составляло исчезновение или резкое сокращение слоя свободных крестьян-общинников, сужавшее социальную базу королевской власти.

Тем не менее идея центральной власти не исчезает: крупные феодалы ведут борьбу за королевский трон, представители правящих династий пытаются отстоять наследственный принцип, коронуя наследника при живом отце, как это было во Франции. В Древнерусском государстве, распавшемся с начала 30-х годов XII в. не менее чем на полтора десятка самостоятельных княжеств, делаются неоднократные попытки отдельных князей выступить объединителями земель, объявив себя великими князьями.

С дальнейшим развитием феодальных отношений и изменениями в социальной жизни

феодального общества в период расцвета государство могло развиваться либо в сторону упрочения локального суверенитета, либо в направлении общегосударственной централизации и усиления королевской власти. Там, где проявилась вторая тенденция, для этого существовали предпосылки разного рода. Среди них можно назвать обстоятельства конкретно-исторического, так сказать, преходящего характера: материальные возможности и база правящей династии (размеры домена); структура земельных владений крупных феодалов (их разбросанность или компактность, создающая наиболее благоприятные условия для политической автономии); специфика вассальной системы (ее большая или меньшая централизованность). Имело значение и наличие у короны дополнительных социальных резервов (свободного крестьянства в Англии, Швеции, Испании или черносошного крестьянства в России, мелкого рыцарства, недовольного самовластьем крупных феодалов), а также военная опасность (как на Руси) или завоевание (консолидация английского государства после нормандского завоевания). Однако наиболее активным фактором централизации в средневековой Европе была эволюция са́мой феодальной формации, которая в XI—XIV вв. шла под знаком возникновения и развития товарно-денежных отношений и городов.

Развитие городов и товарной экономики сделало возможным оформление экономического единства каждой страны — необходимого условия политического объединения на том или ином уровне. Оно облегчалось в тех случаях, когда выделялся единый экономический центр страны, постепенно превращавшийся в столицу государства (Париж, Лондон, Москва, Прага).

Развитие городов вызвало оформление в обществе новой социальной силы — сословия горожан (см. ч. II, гл. 1), заинтересованных в усилении королевской власти, ликвидации феодальной анархии, обеспечении внутреннего мира, создании благоприятных условий для торговли (устранение таможенных границ, единство монеты, мер и весов, защита от конкуренции иностранных купцов и внутренних поборов). Все это горожанам могла дать только более или менее сильная центральная власть. Таким образом создавались предпосылки для политического союза городов с королевской властью, который, однако, не всегда мог реализоваться.

Наиболее полно он реализовался и приобрел исключительное значение в централизации лишь некоторых стран: во Франции, где королевская власть не располагала дополнительным резервом в виде свободного крестьянства и мелкого рыцарства (подобно английскому монарху) и долгое время видела в городах главного союзника в борьбе с крупными феодалами; в Англии, где союз городов с королевской властью тоже состоялся, хотя и не имел столь большого значения для централизации (см. ч. II, гл. 2); в Кастилии, где этот союз опосредовался Реконкистой. В славянских странах на Балканах и в Центральной Европе, в Скандинавии и на Руси из-за слабости городов и большой политической активности феодалов союз городов с центральной властью был выражен слабее и имел меньшее значение для процесса централизации. В Византии такой союз не получил развития, поскольку сильное централизованное государство особенно не нуждалось в поддержке политически слабых городов. То же можно сказать о Сицилийском норманнском королевстве в Южной Италии.

Даже там, где такой союз реализовался наиболее полно, города всегда занимали в нем положение подчиненного и неполноправного партнера, который платил налоги, покупал привилегии в виде хартий, предоставлял государству займы, обычно безвозмездные. Король получал от городов военную, денежную и политическую помощь в борьбе с внешним врагом и крупными феодалами. Но в любой момент города могли быть лишены

своих привилегий. Позиция королевской власти при этом была очень непоследовательной; союз мог нарушаться ради сохранения отношений короля с церковными или светскими феодалами. Поощряя борьбу городов на землях феодалов, вплоть до установления самоуправляющихся коммун (см. ч. II, гл. 1), центральная власть, стараясь не допускать серьезного усиления городов, пресекала подобные вольности на территории своего домена. Усилившись, она пыталась вообще ликвидировать коммунальные вольности (во Франции в начале XIV в., на Руси, где в XV в. московские князья лишили независимости Новгородскую и Псковскую республики).

Другим не менее важным для многих стран фактором централизации служили изменения в расстановке сил внутри господствующего класса под воздействием товарно-денежных отношений. Этот класс в целом, несмотря на постоянные политические конфликты с монархией, составлял ее главную социальную опору. Однако взаимоотношения внутри класса феодалов и их отношения с центральной властью отличались большой сложностью. Наличие внутриклассовых неантагонистических противоречий определяло политику лавирования, которую осуществляла монархия, вступая в борьбу с одной группой феодалов и поддерживая другую. При этом наиболее верной и последовательной опорой монархии служили мелкие и средние феодалы, которые сами страдали от притеснений магнатов и, будучи ограничены в средствах, искали материальной помощи короны, а также ее содействия в конфликтах с крестьянами. Изменения в положении феодалов в условиях развития товарной экономики (см. ч. II, гл. 10) способствовали сплочению класса феодалов в целом вокруг королевской власти. Потребность в более эффективных средствах внеэкономического принуждения ощущали как те феодалы, в чьих землях в связи со сменой форм ренты и личным освобождением крестьян в XIII—XIV вв. укрепилась самостоятельность крестьянского хозяйства, так и господствующий класс тех областей Европы, где складывались крупные барщинные хозяйства, ориентированные на рынок, и определялась тенденция к укреплению личной зависимости крестьян (Центральная и Восточная Европа). Поэтому централизация шла, хотя медленнее, и там, где города были слабы, а их союз с короной выражен нечетко.

Усиление роли государства в укреплении средств эксплуатации зависимого крестьянства было связано также, как отмечалось, с обострением классовой борьбы и необходимостью ее централизованного подавления. Влияние этого фактора в период развитого феодализма росло благодаря усложнению и углублению классовой борьбы на новом этапе (см. ч. II, гл. 2 и ч. III, гл. 2). Подавление крестьянских восстаний в некоторых случаях стимулировало консолидацию господствующего класса и сплочение его вокруг королевской или великокняжеской власти.

Существенное значение в становлении централизованных государств в Европе имел также фактор внешней опасности. Наиболее яркие примеры его действия дали: Реконкиста в истории государств Пиренейского полуострова; Столетняя война во Франции, народно-освободительная борьба на Руси XIV—XV вв. сначала с Золотой Ордой, затем с Казанским, Крымским и Астраханским ханствами, с Литвой и Польшей; борьба швейцарских кантонов против Габсбургов. В отдельных случаях действие военного фактора приводило к тому, что политическая централизация могла опередить экономическое объединение (например, при образовании в ходе Реконкисты Арагоно-Каталонского королевства, в котором каждая из областей сохранила свою социально-экономическую и политическую индивидуальность).

От собственно процесса централизации следует отличать тенденцию к созданию в период развитого феодализма многоэтнических политических объединений (Германская империя в X—XIII вв., попытки англий-

Император и курфюрсты. Миниатюра. 1275 г. Германия.

ских королей создать универсальную англо-французскую монархию в XII—XV вв., временное объединение Скандинавских государств — Кальмарская уния в XIV—XV вв., польско-литовская уния XIV в.). Временные объединения такого рода, как правило, были связаны с феодальной экспансией и с недостаточной внутренней целостностью объединявшихся стран. Обычно они были слабо консолидированы и неустойчивы.

Европа знала и «обратный» вариант политического развития — с сохранением и углублением политической раздробленности, в условиях которой вообще не сложилось единого государства в масштабах целой страны. Так было, например, на Апеннинском полуострове, где на юге с 30-х годов XII в. существовало относительно централизованное Сицилийское королевство, в центре — государство пап, а в Северной Италии и Тоскане — множество политически обособленных городов-государств (см. ч. II, гл. 3). Так обстояло дело и в германских землях, где централизация носила территориальный характер и сложившиеся в ее ходе княжества претендовали на государственную самостоятельность. Политическая раздробленность Германии на ранних этапах развития — в XII—XIII вв.— уходила своими корнями в замедленность процесса феодализации (см. ч. I, гл. 4). Несложившаяся монополия класса феодалов на землю и его стремление компенсировать недостаточные доходы от зависимого крестьянства военными походами определили агрессивность внешней политики средневековой Германской империи, которая оказалась существенным препятствием для внутреннего единства Германии. Не стали здесь фактором централизации и города, хотя многие из них достигли высокого уровня развития. Наиболее влиятельные из них ориентировались на внешнюю торговлю и не были особенно заинтересованы в развитии внутреннего рынка и в объединении страны. Интересы остальных городов ограничивались, напротив, только местным, региональным уровнем централизации и были использованы для этой цели территориальными князьями. Кроме того, так называемые имперские города Германии обнаружили тенденцию к чрезмерной политической самостоятельности, которую не смогла преодолеть слабая королевская власть. Союз городов и королевской власти в Германии не состоялся. Не были здесь фактором централизации и мелкие рыцари, также тяготевшие к поддержке территориальных князей (см. ч. II, гл. 2).

В итальянском варианте тенденция городов к политической самостоятельности приобрела еще большее значение. Крупные города севера и Тосканы превратились в самостоятельные города-республики, подчинив-

шие себе не только сельскую округу, но и близлежащие мелкие городки. Центральная власть, даже такая, как в Германской империи, здесь вовсе отсутствовала (см. ч. II, гл. 3). Носителями децентрализаторских тенденций являлись города-республики Новгород и Псков на Руси.

На втором этапе развитого феодализма в эволюции политических форм заметны значительные региональные различия. В Византии, где с конца XII в. и затем в XIV—XV вв. после крушения Латинской империи (1261 г.), хотя и росли владения крупных феодалов на местах (провинциальная знать), широко распространялись условные держания и фискальные иммунитеты (экскуссии), нередки были случаи борьбы за престол разных группировок феодалов и государственные перевороты, тем не менее сохранялось централизованное государство. Оно было еще столь сильным, что не нуждалось в каких-либо совещательных представительных собраниях. Император по-прежнему считался единственным носителем государственной власти, дуализм, характерный для феодального государства, не получил здесь политического и юридического выражения (см. ч. II, гл. 4). Не успела сложиться сословно-представительная система и в славянских государствах Балканского полуострова. В XIII—XIV вв., в связи с завершением процесса феодализации, в Болгарии наметилась тенденция к феодальной раздробленности; в Сербии, после временного усиления центральной власти при короле Стефане Душане (1331—1355), также наступил политический распад, феодальные междоусобицы, которые не были пресечены даже турецкой угрозой (ч. II, гл.5).

Своеобразным было политическое развитие итальянских городов-государств. Здесь в XIV—XV вв. тоже укреплялась центральная власть в каждом из них. Но это не сопровождалось созданием каких-либо сословных или представительных собраний. Напротив, государство эволюционировало от республиканского строя «синьории» к более авторитарному режиму «тирании», при котором формально сохранялись городские советы и другие формы самоуправления, но реальная власть была сосредоточена в руках одного человека — диктатора, «тирана». В торговых городах-республиках (Венеция, Генуя) вся полнота власти все более сосредоточивалась в руках дожей (см. ч. II, гл. 3).

Для остальных регионов было характерно появление новой формы феодального государства — сословной монархии или феодальной монархии с сословным представительством, которая стала важным этапом на пути государственной централизации. Не было исключением и Русское государство, где сословная монархия сложилась, правда, несколько позднее — в XVI в. Эта форма государства возникла под влиянием уже отмеченных выше сдвигов, которые произошли в феодальном обществе в период его расцвета и значительного развития товарно-денежных отношений. В образовании новой формы государства можно выделить две существенные стороны. Содержание одной из них составило усиление королевской власти и дальнейшее укрепление ее публичноправовой основы. Теперь она выступала в качестве выразителя «общей воли» (volonté générale) и претендовала на то, чтобы обеспечивать «общее благо» всего общества. Подобное превращение совершалось в ходе преобразований более или менее общих для всех стран Европы. Их результатом было зарождение бюрократического аппарата. Его важнейшую и, так сказать, исходную часть составили органы центрального управления, выросшие из королевской феодальной курии,— узкий королевский совет, верховный суд, финансовое ведомство. Местный аппарат, занимавший авангардную позицию в столкновении с сепаратизмом крупных феодалов, складывался параллельно или с некоторым отставанием от центральных органов. Главной и наиболее перспективной для центральной власти линией в эволюции аппарата управления являлась постепенная замена феодалов, в качестве королевских должностных лиц, специально

обученными людьми на оплачиваемой государственной службе — «легистами» (знатоками законов), часто неблагородного происхождения. На этом этапе отчетливо проявились и попытки монархии ограничить прямое участие церкви в управлении государством.

Одним из основных условий политического могущества королевской власти явилось приобретение ею права высшей юрисдикции, носителем которой был королевский суд. Он являлся высшей судебной и апелляционной инстанцией по отношению к сеньориальному, церковному и городскому судам. Свободные люди могли подавать туда апелляцию. Ряд же дел был подсудным только королевскому суду. Начинается процесс выработки общегосударственного права, вытеснявшего или унифицировавшего местный обычай с помощью королевского законодательства и использования римского права (в Западной Европе). Например, редакция второй половины XV в. провинциальных кутюм во Франции с целью их последующего объединения в один кодекс, пересмотр законодательных памятников, сложившихся в отдельных центрах на Руси, и издание общерусского Судебника 1497 г., кодификация права в Польше, отражением чего явились Вислицкий и Петраковский статуты и т. д. Все это вело к существенным ограничениям автономии сеньориального, церковного и городского судов. Таким образом, судебные реформы являлись важнейшим средством для превращения всего населения страны в подданных короля.

Вторым важным условием политического могущества монархии стала централизация военных сил страны. Введение денежных платежей за освобождение от вассальной военной службы и практика использования наемного войска ослабили зависимость короля от феодального ополчения и заложили основы для создания постоянной армии. И, наконец, третьим условием явилось постепенное оформление системы государственных налогов — прямых (с земельных держаний или подушных), и косвенных (с торговли).

Правовая мысль, используя формулы римского права, выдвинула к середине XIV в. доктрину политического могущества королевской власти. Власть короля в его королевстве приравнивалась к власти римского императора. Утверждался священный характер королевской власти. Однако в реальной действительности процесс централизации и усиления королевской власти не устранил дуализма, свойственного социально-политической структуре феодального общества (см. выше). Он только изменил соотношение частносеньориального и центрального суверенитета в пользу последнего, а также характер их взаимоотношений. Здесь выступает другая сторона образования новой формы государства — активное оформление на базе начавшейся централизации страны сословий, т. е. общественных групп с определенными юридически закрепленными правами и обязанностями, а также экономической или социальной функцией в обществе. Взаимосвязь классовых и социальных структур в феодальном обществе определялась решающей ролью классового деления, лежащего в основе статуса сословных групп. Однако сословное деление, в свою очередь, закрепляло классовые различия. Последнее обстоятельство дает основание употреблять применительно к классам феодального общества определение «класс-сословие» [1]. В то же время сословное деление отражало глубинную особенность феодализма — корпоративный характер собственности, связанный с принципиально ограниченным развитием производительных сил и слабостью отдельной личности при этом строе.

В среде феодалов, организованных в целом в привилегированный класс-сословие земельных собственников, составлявшие его сословия —

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311.

духовенство и дворяне — были связаны общностью прав и корпоративных привилегий, а также условным характером собственности. В среде горожан корпоративный принцип отразился в существовании городской общины в целом и ее отдельных групп — ремесленных и торговых корпораций; в среде крестьянства он выражался в наличии сельской общины. Консолидация сословий и рост их политической активности в ходе государственной централизации получили логическое завершение в юридическом оформлении их социально-экономического статуса. Этот процесс постепенно привел к выработке общесословных требований вначале в рамках отдельных провинций, затем всего государства. Место индивидуальных контрактов, основанных на вассальной верности, протекции сеньора и т. п., занимает теперь связь государя с автономными сословиями и корпоративными группами, в которых права индивидов обеспечивала только их принадлежность к определенным корпорациям. Новым для сословной монархии как формы государства являлось не только специфическое распределение прерогатив суверенитета между государем и сословной группой, но и юридическое закрепление этих взаимоотношений.

Внутри класса феодалов процесс сословного самоопределения привел к тому, что деление их на сословия духовных и светских дополняется более или менее выраженным выделением средних и мелких феодалов как особой сословной группы, более или менее четко отграниченной от крупных феодалов (бароны и рыцари в Англии, титулованная знать и рыцари во Франции, территориальные князья и «господа» в Германии, паны и шляхта в Чехии и Польше, магнаты и племичи в Хорватии и т. п.). Этот процесс мог быть связан с естественным расслоением класса феодалов или с разной хозяйственной ориентацией крупных и мелких феодалов в условиях развития товарно-денежных отношений, как это было в Англии (ч. II, гл. 2), или со спецификой вассальных связей и феодального землевладения (князья, бояре-вотчинники и поместное служилое дворянство, «дети боярские» на Руси). Оформление государственного аппарата создает уже в XIV—XV вв. особую группу чиновного дворянства, активно пополняющегося за счет выходцев из городского сословия (особенно характерную для Франции). Активное и повсеместное развитие получил процесс консолидации сословия в среде горожан (посадских людей на Руси), совершавшийся, как отмечалось, в ходе освободительного движения городов (см. ч. II, гл. 1).

Консолидация городского сословия была связана с выравниванием прав отдельных городских общин, и в нем в XIV—XV вв. существенную роль сыграло государство, осуществлявшее политику, направленную на ликвидацию широких городских вольностей. Взамен отнятых местных вольностей горожане наиболее значительных городов получали право политического голоса в масштабах государства в сословно-представительных собраниях.

Процесс сословного самоопределения крестьянства шел через крестьянскую общинную организацию, заметно усилившуюся в период развитого феодализма (сельские коммуны Франции и Италии, испанские бегетрии, общинные ассоциации Германии, Англии и России, институт солтыса в Центральном регионе Европы). Это оживление общинных институтов в Западной Европе было связано с процессом личного освобождения крестьянства, развернувшимся в период развитого феодализма в этом регионе. Общинные организации, добиваясь автономии (хотя и в разной степени), как правило, становились низшей единицей налоговой, военной и административной системы государства. Однако крестьяне в большинстве стран феодальной Европы не смогли уравнять себя в правах даже с городским сословием. Это отразило положение крестьянства как основного эксплуатируемого класса в феодальном обществе.

Складывание общегосударственных сословий ставило существенные ограничения притязаниям королевской власти, не позволяло ей реализовать на практике теории неограниченной власти, согласно формуле римского права: «что угодно государю — имеет силу закона» (Quod principi placuit, legis habet vigorem). Отсутствовали система регулярных налогов, постоянная армия, достаточно действенный исполнительный аппарат, требовались согласие и помощь сословий на все крупные государственные внутри- и внешнеполитические акции.

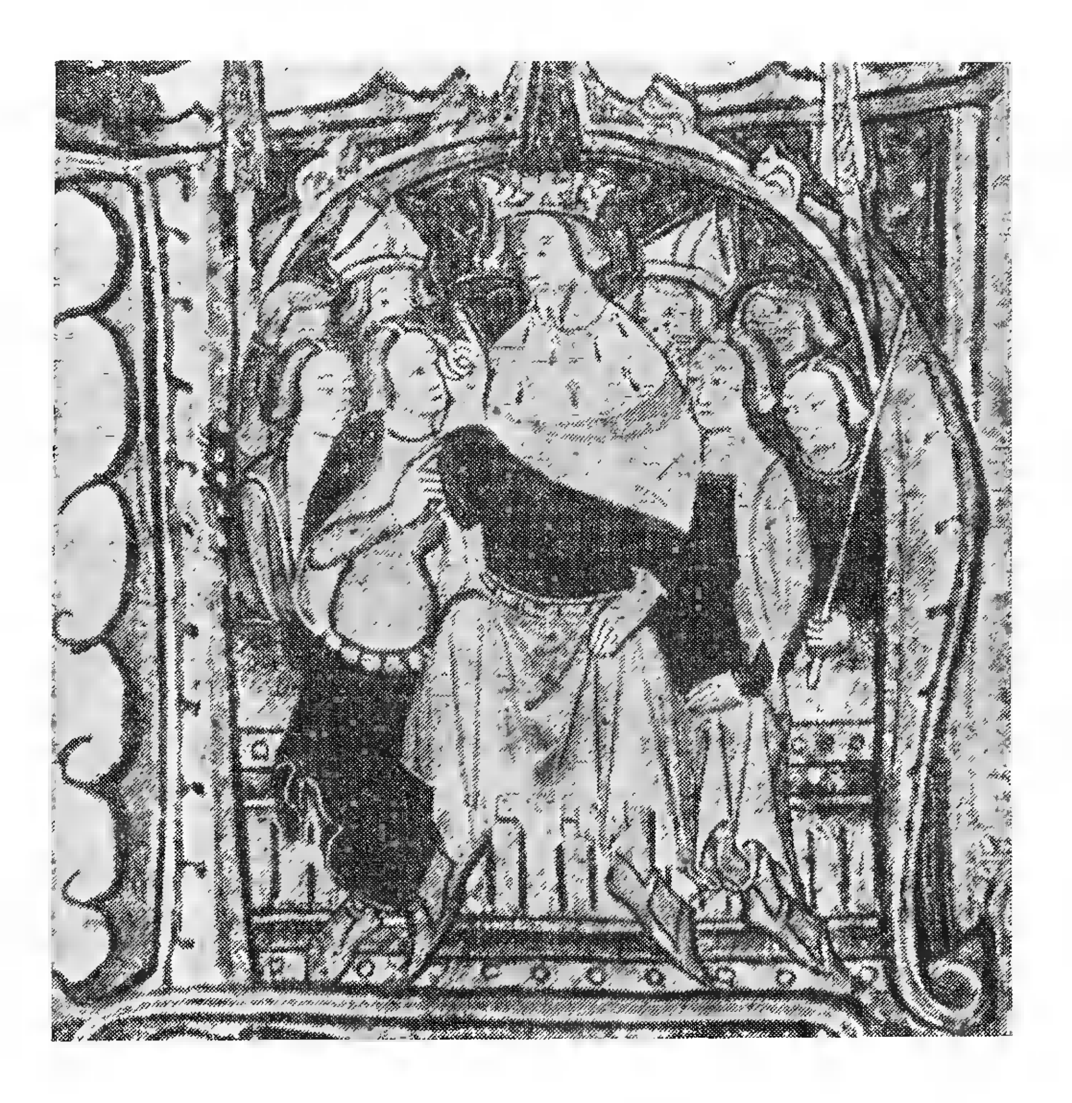
Природа и мера ограничений со стороны сословий были различны. Достигнутая степень централизации не исключала зависимости королевской власти от класса феодалов, особенно крупных, которые выступали прямыми соучастниками политической власти, как члены королевского совета, высшие должностные лица в центральном и местном управлении, в войске, в сословных собраниях (см. ниже). В большинстве стран Европы они были освобождены от государственных налогов. Городское сословие, хотя и располагало определенной автономией, однако не принадлежало к господствующему классу и являлось непривилегированным податным сословием. Крестьянство в подавляющем большинстве случаев не смогло подняться в рамках развитого феодализма до положения сословия, обладающего позитивными правами и получить политическое признание в обществе.

Соглашение между центральной властью и политически активными сословиями реализовалось в большинстве стран Европы в сословно-представительном органе. Сословные собрания объединяли в своем составе представителей духовенства, дворянства и во многих случаях горожан. Представители крестьян, за редким исключением, в них не входили, что свидетельствует о классовой природе этого политического органа. Сословные собрания возникают в Европе с конца XII в. и отражают в своей структуре особенности общественного развития той или иной страны: они могли состоять из трех палат — духовенства, дворянства и городов (Генеральные штаты во Франции) или из четырех палат за счет автономного представительства мелких и средних феодалов (кортесы Арагона). Иногда духовные и светские феодалы составляли одну палату, обособившись от мелких и средних феодалов, как это было в Венгрии или в Англии. Английский парламент, кроме того, имел еще палату общин, в которой объединялись представители среднего и мелкого дворянства и городов. В отдельных сословных собраниях присутствовали наряду с горожанами представители лично свободного крестьянства, как, например, в кортесах Кастилии, где крестьянство сыграло особую роль в условиях Реконкисты, или в риксдаге Швеции, где и в период развитого феодализма сохранялось большое число свободных крестьян-бондов.

Сословно-представительный орган мог родиться «снизу», по инициативе сословий, как это случилось в Кастилии и в Англии, но чаще всего он созывался сверху, самой центральной властью. Однако и в этом случае его созыв являлся объективной необходимостью, связанной с потребностью поддержки короля со стороны сословий или под непосредственным их давлением. Основной функцией сословно-представительных органов являлось вотирование экстраординарных налогов, что служило средством финансового контроля над правительством. Собрания имели также прямые политические функции, участвуя в обсуждении государственных дел и даже в редактировании предложений и законопроектов, стимулируя или тормозя принятие последних; иногда они обладали правом верховного суда (в Англии).

Политическая роль и степень влияния сословно-представительного органа в разных странах была различной и зависела от ряда обстоятельств. Среди них необходимо в первую очередь назвать расстановку социальных сил в обществе. Она в значительной мере определялась ролью городов.

Английский король в Парламенте. XIII в. Миниатюра.

Именно слабость городов и городского представительства в Германской империи и в Центральноевропейском регионе обусловила засилье там феодальных элементов в сословных собраниях, а в результате и слабость монархии в целом. Следует учесть при этом, что активизация государственных собраний в Чехии и Венгрии, сеймов в Польше, их ограничительные по отношению к королевской власти акции проходили на волне закрепощения крестьянства и усиления феодальных сословий дворянства и духовенства. Слабость городов могла, как в Венгрии, привести к ограничению прав городских представителей, которые были отстранены от решения общих важных вопросов. Наоборот, экономическая сила городов и их союз с мелким и средним дворянством в Англии определили рост политического влияния нижней палаты и парламента в целом. Значительное экономическое и политическое влияние французских городов не было подкреплено, однако, союзом с низшим дворянством, замкнутым и чуждым хозяйственным занятиям сословием. Это послужило одной из причин зависимости Генеральных штатов от королевской власти. Вообще слабость городского сословия при прочих благоприятных для монархии условиях могла способствовать слабости сословно-представительных собраний и укреплению королевской или княжеской власти. Земские соборы в Московской Руси, как и французские Генеральные штаты, активизировались только в «трудные» для государства периоды — время Столетней войны во Франции или крестьянской войны и польской интервенции в России начала XVII в. Тогда из учреждений, созданных правительством и служивших ему, они превращались в самостоятельный орган власти, способный на реформы и организацию сопротивления внешнему врагу. Приверженность местным и провинциальным вольностям серьезно ослабляла совместные усилия депутатов одного сословия, облегчая монархии возможность сепаратных переговоров с провинциями. Следует при этом иметь в виду, что сословно-представительные собрания могли возникать на разных уровнях территориальной централизации. Поэтому в ряде европейских стран, где местная централизация приобрела четко выраженные формы, а возникновению общегосударственных собраний пред-

шествовало (или происходило одновременно с ним) формирование местных провинциальных собраний, создавалась сложная система сословно-представительных учреждений (провинциальные и Генеральные штаты во Франции и в Нидерландах, рейхстаги и ландтаги в Германских землях, общие сеймы и сеймики в Польше и Чехии). Местные и провинциальные собрания отличала регулярность созыва, часто более широкие финансовые и судебно-административные полномочия.

В этой сословно-представительной системе могло отсутствовать жесткое соподчинение звеньев. Во Франции, например, оно реализовалось только на уровне провинциальных штатов, соподчиненых с местными, тогда как Генеральные Штаты Нидерландов объединяли депутатов, избранных провинциальными штатами, государственные собрания центральноевропейских стран — выборных местных собраний знати. В Германии ландтаги и рейхстаги вообще не были соподчинены. Общегосударственное сословное собрание во Франции как бы накладывалось сверху на всю систему представительных учреждений и формально не было подотчетно провинциальным собраниям. Эта система давала возможность королевской власти гибко использовать все ее звенья, то разделяя, то объединяя их.

Характерная для организационного становления сословно-представительного института растянутость во времени, которой не избежал даже английский парламент, могла сознательно закрепляться центральной властью. Последняя получала возможность менять формы созыва (собирать сословия вместе или по отдельности, в масштабах государства, или по провинциям), прибегать к нему только в случае острой необходимости, не быть подотчетным представительному органу и т. д. Однако организационную неоформленность использовали не только центральная исполнительная власть, но и сословия феодалов в борьбе с ней.

Сословно-представительные учреждения в зависимости от своих организационных особенностей и расстановки социальных сил в стране в большей или меньшей мере ограничивали королевскую власть. Эти ограничительные функции нашли отражение в практике «императивного мандата» депутатов, который связывал их поведение жесткой инструкцией уполномочивших их лиц. Выступая лишь как простой передатчик воли избирателей, депутат сохранял известную автономию по отношению к исполнительной власти.

Современники для обоснования необходимости совета государя с сословиями использовали принцип феодального частного права о необходимости индивидуального согласия вассалов короля на экстраординарный побор. Легисты, пытавшиеся идеологически обосновать режим сословной монархии, пользовались максимой — «что касается всех, должно быть одобрено всеми», которая создавала иллюзию народовластия в представительных органах. Иллюзию легко развеивает анализ их состава. Основную часть сословно-представительного органа всегда составляли светские и духовные феодалы. Среди них выделялась группа постоянно приглашаемых крупных феодалов, корни которой восходили к королевской курии. Присутствие крупных феодалов (каждый из них являлся политической главой более мелких групп дворян) определялось в первую очередь вассальными отношениями с королем. Рудимент королевской курии в составе сословно-представительного органа мог обрести более или менее выраженные очертания (палата лордов в английском парламенте, Боярская дума в Земских соборах России, преимущественное представительство крупных феодалов во французских Генеральных Штатах вплоть до второй половины XV в.).

Развитие выборного принципа стояло в прямой связи с политической активностью мелких и средних феодалов, а также со стремлением центральной власти привлечь их к «совету». В русле этих тенденций наблю-

дается постепенное развитие принципа представительства дворянства во французских Генеральных штатах к концу XV в., когда устанавливается число депутатов от одного до трех от каждого феодального сословия в каждом бальяже и сенешальстве. Аналогичное расширение представительства от средних и мелких феодалов наблюдается в XV в. в Центральноевропейском регионе.

Городские депутаты редко избирались общим собранием горожан. Чаще всего их посылал городской совет из числа своих членов или из числа крупных купцов, богатых ремесленников, мастеров, должностных лиц городского или государственного управления (легистов), обычно принадлежавших к влиятельным семьям города. Основная масса горожан не принимала участия в выборах, как и крестьянство, которое, за редким исключением, не получило прямого доступа в сословно-представительные органы. Таким образом, сословно-представительный орган выступал как орудие реализации компромисса между королевской властью и привилегированными сословиями, а также верхушкой бюргерства в общем деле эксплуатации широких городских и крестьянских масс.

Феодальная природа сословной монархии проявлялась в ее политике, осуществлявшейся, в частности, и через сословно-представительные учреждения. Горожане, хотя и заседали в сословных собраниях, занимали в них положение подчиненного, неполноправного сословия. В ряде случаев центральная власть принимала отдельные постановления в защиту крестьянства (поскольку оно в сословной монархии становилось объектом государственной политики в таких решающих сферах как суд, налогообложение, армия), но эти меры не снимали главного противоречия феодального общества. Государство, ограничивая иммунитетные вольности светских и церковных феодалов, сохраняло вместе с тем монополию господствующего класса на землю, наследственность его статуса, исключение из налогообложения, привилегии в условиях наследования имущества, заключения браков и т. д.

Усиление королевской власти и возникновение централизованного государства неизбежно обернулось увеличением государственных налогов. В странах Западной Европы они существенно потеснили сеньориальную ренту, что вызывало серьезную озабоченность феодалов. На сословно-представительных ассамблеях поэтому иногда высказывались опасения по поводу чрезмерного отягощения простого народа налогами и требования их сокращения. Государство, однако, компенсировало потери феодалов, возвращая им часть централизованной ренты в виде пенсий, жалованья за военную и административную службу. Иными словами, феодалы получали доступ к тем доходам от торговли и ремесла, которые они не могли извлечь самостоятельно в силу освобождения городов от власти сеньоров и которые аккумулировало государство.

Классовая направленность политики сословной монархии приобрела особенно выраженные формы в тех странах, где в условиях товарного хозяйства позднее развернется процесс так называемого второго издания крепостничества. В оформлении крепостнических тенденций государство сыграло заметную роль. В качестве примеров можно привести статуты короля Казимира III в Польше, ограничивавшие личную свободу крестьян, а также законодательство этого же порядка на Руси с 50-х годов до конца XV в., оформленное судебником Ивана III (1497 г.), резко ограничившим право крестьянских переходов и выходов, приурочив их к короткому сроку каждый год — Юрьеву дню осеннему (см. ч. II, гл. 8).

Феодальная сущность сословной монархии отразилась в социальном составе государственного аппарата. Если сначала его рост происходил главным образом за счет выходцев из городского сословия, то в дальнейшем в его состав стало вовлекаться все больше феодалов. В условиях развитой товарной экономики, снижения реальной стоимости фиксирован-

ной ренты и усиления противоречий внутри господствующего класса феодалы в поисках дополнительного источника дохода охотно пополняли ряды королевских должностных лиц. Степень и характер «отчуждения» государственного аппарата сословной монархии от господствующего класса не следует преувеличивать. В свете вышесказанного можно утверждать, что сословно-представительные органы, ограничивая центральную власть в пользу привилегированных и эксплуататорских слоев общества, обеспечивали интересы господствующего класса в целом и в конечном счете служили централизации страны и укреплению феодального государства.

Вместе с тем в сословной монархии степень централизации государства в целом была далеко не полной. Она оставалась крайне неустойчивой: за периодом резкого усиления королевской власти следовали периоды ее ослабления в результате обострения противоречий между нею и сословиями, в первую очередь — крупными феодалами. Феодальные войны (Алой и Белой розы в Англии XV в., Арманьяков и Бургиньонов во Франции в XIV в., усобицы на Руси времен Василия Темного в XV в.) нередко осложнялись народными движениями в деревне и городе, а иногда находили отражение в конфликтах в сословно-представительных учреждениях. Процесс централизации шел повсеместно через подъемы и спады в положении монархии. И все же сословная монархия как форма феодальной государственности соответствует этапу централизации, который предшествовал абсолютизму, когда центральная власть достигает максимума, возможного в условиях феодализма (см. т. 3). Сословная и абсолютная монархии не только исторически сменили одна другую, но тесно взаимосвязаны и имеют много общих политических черт, обеспечивавших положение феодалов. При всех различиях между этими государственными формами при абсолютизме сохранялись сложившаяся на этапе сословной монархии сословная структура общества и элементы дуализма политического суверенитета, хотя и с еще более явным перевесом на стороне монархии. Установление абсолютизма не исключало ни рецидивов феодальной анархии, ни непрерывного существования (как в Англии и Нидерландах) или временного возрождения (как во Франции во второй половине XIV в.) сословно-представительных собраний.

Именно на этапе сословной монархии закладываются основы таких решающих рычагов абсолютизма, как постоянная армия, система постоянных налогов, действенный и достаточно разветвленный аппарат исполнительной власти. Существовала известная аналогия и в механизме действия этих двух государственных форм, связанная со специфической расстановкой социальных сил в обществе. Важным условием высокой степени независимости государственного аппарата от господствующего класса при абсолютизме служил баланс сил феодалов и крепнущей буржуазии, так же как при сословной монархии — крупных и мелких феодалов и городского сословия. Именно из городского сословия в будущем выделилась буржуазия. Наконец, расцвет феодализма в период сословной монархии обеспечивал накопление необходимых предпосылок для генезиса капитализма. Этот процесс и обозначил качественно новый этап феодальной государственности, хотя его растянутость во времени, как и отмеченные сходные черты двух политических форм, делают в известном смысле размытыми границы между сословной и абсолютной монархиями.

Глава 2

КЛАССОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Материал региональных глав данного тома подтверждает слова Ф. Энгельса о том, что «революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» [1]. Основу социальных и классовых конфликтов средневековья всегда составляли коренившиеся в феодальном обществе экономические и социальные противоречия. Главным из них было противоречие между господством крупной феодальной земельной собственности и мелким характером крестьянского хозяйства. Оно реализовалось в феодальной ренте и в социальной сфере определяло неизбежность постоянной борьбы между зависимыми крестьянами и крупными феодальными землевладельцами в лице отдельных сеньоров или государства. Противоборство этих основных классов феодального общества можно определить как классовую борьбу в собственном смысле этого понятия.

В период развитого феодализма возникли новые социальные противоречия — между феодалами и городами, а с укреплением последних — и внутри городов, между разными слоями их населения (см. ч. II, гл. 1). Горожане, хотя постепенно конституировались в особое сословие, до конца средних веков не составляли единого класса. Борьба, которую они вели с феодалами, и конфликты, возникавшие внутри городских общин, скорее могут быть определены более широким термином как борьба социальная.

Если борьба горожан против сеньоров и внутригородские конфликты признаются безоговорочно всеми историками, то с борьбой крестьян против феодалов дело обстоит иначе. Даже те ученые, которые признают ее наличие в XIV—XV вв. в форме крупных крестьянских восстаний, считают, что до этого времени в феодальной деревне господствовала «вертикальная солидарность» и взаимопомощь между зависимыми крестьянами и их сеньорами, и они часто выступали единым фронтом против других феодалов и особенно против королевской власти, якобы равно всех угнетавшей. Кроме того, значительная часть историков-немарксистов вообще сомневается в том, что крестьянство в средние века было классом или даже сословием. Поэтому его выступления против феодалов даже в крупных крестьянских восстаниях расценивается ими не как проявление классовой борьбы, но как участие крестьян в политических многосословных движениях, которые не отражали специфических интересов крестьянства. Такие взгляды характерны для французских историков Г. Фуркена, Р. Мунье, М. Молла, Ф. Вольффа, английских — М. Постана, Е. Миллера, Дж. Хатчера и многих других. Если же крестьяне выступали самостоятельно, их борьба, по мнению этих ученых, только мешала развитию общества. Более прогрессивно мыслящие историки на Западе (Р. Хилтон, М. Фейт, А. Х. Ландсбергер, Р. Бреннер, Дж. Мартин и др.) признают, хотя и не всегда прямо так их называют, крестьянские выступления классовой борьбой, которой придают значительную роль в развитии феодального общества [2].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 361.
[2] Подробнее см.: *Гутнова Е. В.* Проблема классовой борьбы крестьянства в современной немарксистской медиевистике // Современная зарубежная немарксистская историография. М., 1989.

Восстание рабочих против налогов. Миниатюра конца XIII – начала XIV вв.

С точки зрения историков-марксистов классовая борьба между крестьянами и феодальными собственниками земли была постоянным и важным фактором средневековой истории Европы. Но ее формы и цели изменялись по мере развития феодального общества.

КЛАССОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Класс феодально-зависимого крестьянства в раннее средневековье только складывался из весьма разнородных элементов. Переплетение особенно на первом его этапе (см. гл. 1) различных социальных структур порождало многообразие форм социального протеста. Некоторые из них восходили к отжившим рабовладельческим отношениям, другие отражали конфликты между свободным еще крестьянством и складывавшимся классом феодалов или раннефеодальным государством, третьи (на более позднем этапе) выражали уже борьбу закрепощаемых или закрепощенных крестьян против феодальных сеньоров.

На первом этапе раннего средневековья, когда феодальная вотчина еще не сложилась, в большинстве регионов Европы в качестве главного эксплуататора масс еще свободного крестьянства, как варварского, так и местного происхождения, а отчасти и потомков римских рабов и колонов, выступало раннефеодальное государство; главным его орудием были государственные налоги. В Византии сохранявшееся там централизованное государство увеличивало налоговый гнет в отношении государственных и частновладельческих колонов и арендаторов (см. ч. I, гл. 2).

В зонах синтезного развития сохраняли свое значение конфликты между рабами и колонами, с одной стороны, крупными земельными магнатами — с другой: особенно большое место занимали побеги, постоянно упоминаемые в «варварских правдах» и византийском законодательстве VI—VII вв. Продолжались и традиции крупных народных восстаний (типа восстаний багаудов), разнородных по составу, в основном направленных против государственных притеснений и налогов. Такой характер носило восстание на юге Испании в 70-х годах VI в. против вестготского владычества, восстание в Лиможе (Франкское государство) в 579 г. против распространения поголовного налога на франков, ранее его не плативших.

Широкое народное движение с участием рабов, колонов, свободных крестьян как готских, так и римских, развернулось в 40-х годах VI в. в Италии, в связи с борьбой готского короля Тотилы против Византии (см. ч. I, гл. 1 и 2). В 532 г. в самой Византии — в Константинополе — произошло большое, в основном антиналоговое восстание «Ника». Главными его участниками были разные слои городских жителей, в том числе простой народ. Особенностью социальной борьбы в Византии в V—VI вв. были массовые еретические движения. Наиболее радикальные из них — манихеи, монтанисты, мессалиане — были широко распространены среди сельского трудового населения. Более умеренные — арианство, монофиситство, несторианство, возникавшие среди горожан, церковной иерархии, и военных кругов, также вовлекали в свою орбиту народные массы, сочувствовавшие борьбе еретиков с богатой церковью (см. ч. I, гл. 2).

В зонах бессинтезного развития и там, где синтез был слабо выражен, главное место в социальной борьбе занимали выступления свободных крестьян-общинников (бондов в Скандинавии, кэрлов в Англии) против растущих государственных повинностей, а также захватов королями и знатью общинных лесов, лугов, пустошей. Они отражали еще старые общинные и племенные представления. Такого же рода выступления имели место в X—XII вв. в Центральноевропейском, Славяно-Балканском регионах (ч. I, гл. 5 и 6), а также на Руси (ч. I, гл. 8).

На более позднем этапе феодализации в зонах синтезного развития складывается уже крупное феодальное землевладение в виде вотчины — сеньории, интенсифицируется процесс втягивания свободных крестьян, а также бывших рабов и колонов в феодальную зависимость. Это порождает новые формы крестьянского протеста — антисеньориальные: наряду с сохраняющими свое значение побегами возникают уже в рамках вотчины крестьянские «заговоры» против господ, пытающихся усилить зависимость крестьян и повысить ренту, захватить все больше общинных угодий. Ранее всего (в IX в.) они возникли в Италии и во Франкском государстве. На рубеже раннего и развитого средневековья происходят крупные народные восстания уже чисто крестьянского, антисеньориального характера, направленные против закрепощения, как, например, уже упомянутое восстание в Нормандии 997 г. или в Бретани 1024 г. (см. ч. II, гл. 2).

Аналогичные формы антисеньориальной классовой борьбы крестьянства возникают и в Византии в VII—IX вв. Самым грозным из народных движений было восстание Фомы Славянина (820—825 гг.), охватившее как азиатские, так и европейские области империи (см. ч. I, гл. 2). Антифеодальный характер носило и массовое еретическое движение павликиан, распространившееся в VIII—IX вв. на значительной части территории Империи и в сопредельных с ней областях (см. ч. I, гл. 2).

В значительной мере антисеньориальный характер носило народно-еретическое движение богомилов, широко развернувшееся в IX—XI вв. в Болгарии, а затем охватившее и более западные области Балканского

полуострова. Враждебно оно было и феодальному государству, особенно Византийскому, после завоевания им Первого Болгарского царства (1018 г.) (см. ч. I, гл. 3 и 6).

В странах бессинтезного развития вплоть до конца XI и даже XII в. сохраняют ведущее значение пестрые по своему социальному составу широкие антиправительственные восстания, нередко связанные со стремлением сохранить традиции язычества. В них иногда принимали участие и представители племенной знати, недовольные усилением королевской власти. Однако основную массу их участников составляли крестьяне, уже ощущавшие угрозу закрепощения.

Иногда эти восстания были направлены против иноземных завоевателей, несших с собой закрепощение и христианизацию, что вызывало протест населения. Такой характер носило восстание «Стеллинга» 841—842 гг. в Саксонии против франкского завоевания, восстания полабских славян (лютичей и ободритов) в X—XI вв. против экспансии германских императоров, несших феодализм и христианство в эти области (в 983, 990—995 гг.), завершившиеся временной победой славян и возрождением у них язычества. Позднее, в XIII в., аналогичные антинемецкие, антифеодализационные и антихристианские восстания происходили в Прибалтике в 1242, 1260, 1295 гг., в процессе немецкого «Drang nach Osten».

Восстания такого типа происходили и в тех странах бессинтезного развития, где не было внешних завоеваний и где они направлялись против местной феодализировавшейся знати и королевской политики христианизации. Это восстания в Венгрии в 1038, 1046, 1060 гг., первое из которых проходило при участии знати, в обстановке борьбы двух претендентов на престол, а два других были в основном крестьянскими (их участники добивались возврата старого общинно-родового строя и язычества), восстание в Польше 1037 г., в котором в основном действовали как свободные еще (кметы), так и уже зависимые крестьяне (сервы) (см. ч. I, гл. 5).

Смешанными по составу (родовая знать и крестьянство) были массовые проязыческие движения в Англии: в VI в. в Кенте, в VII в. в Мерсии, во главе с ее королем Пендой, против уже христианизированной Нортумбрии. Позднее, в X—XI вв., когда страна была уже полностью христианизована, борьба крестьян, как еще лично свободных, так и уже зависимых, носила в основном антиправительственный и антиналоговый характер, нередко сливаясь с восстаниями знати: восстание в области Вустер при короле Хардакнуте (1040 г.), в Уэссексе под руководством эрла Годвина (1051—1052 гг.), восстание мелких феодальных землевладельцев — тэнов и свободного крестьянства (1065 г.) против практики раздачи земли крупным феодалам Эдуардом Исповедником. Последними отголосками таких движений были антинорманнские восстания на севере Англии в 1069 и 1070 гг. (ч. I, гл. 7). Сходный характер имело Саксонское восстание 1073—1076 гг., направленное против политики германского императора Генриха IV и поддерживавших его феодалов в Саксонии (см. ч. I, гл. 4).

Восстания против королевских налогов и христианизации с широким участием свободного крестьянства происходили в X—XII вв. в Скандинавских странах: восстание 1030 г. в Норвегии, участие крестьян в борьбе между двумя группами феодализирующейся знати — «биакебайнеров» и «баглеров» — во второй половине XII в. (которое, однако, не носило самостоятельного крестьянского характера), участие бондов Швеции в политической борьбе в конце XII в. двух аристократических партий, каждая из которых обещала им защиту против короля.

В X—XI вв., когда процесс феодализации в Древней Руси заметно ускорился, там также имели место восстания сложного состава, при широком участии крестьянства и городов. Они были направлены как против

княжеских налогов, так и против складывающегося класса крупных светских и церковных землевладельцев. Их инициаторами часто выступали языческие жрецы — волхвы,— что придавало этим движениям проязыческую окраску. В 1024 г. произошло такое восстание в Суздале и его округе, вынудившее Ярослава Мудрого (тогда князя Новгородского) запретить нефиксированные поборы с крестьян и горожан. Движения, инспирированные волхвами, имели место в XI в. в Ростовской земле, Ярославле, Белоозере. В 1068 г. произошло большое восстание в Киеве, изгнавшее князя Изяслава. Крупное восстание началось в Киеве и в 1113 г. Оно было направлено против налогового гнета и богатеев-ростовщиков и вынудило князя Владимира Мономаха облегчить задолженность городской бедноты и уже зависимых крестьян («закупов»). В 1136 г. имело место восстание горожан и окрестных крестьян против Новгородского князя, который «не блюдет смердов», в 1157 г. снова восстали киевляне и окрестные смерды. Наконец, 1174 г. был годом большого восстания в Боголюбове и Владимире, начавшегося с заговора бояр, которые убили князя Андрея Боголюбского, но затем обратившегося против княжеских должностных лиц.

Идеологическое оформление народных движений раннего средневековья было еще нечетким и противоречивым, уходило своими корнями в племенное языческое сознание. Их лозунги, как правило, носили внешне консервативный характер: за сохранение или возрождение общинно-родового строя, языческой религии; их «идеологами» часто являлись языческие жрецы. Там, где христианство было уже давно господствующей религией, как в Византии IV—VII вв., недовольство крестьян нередко выражалось в еретических движениях. Позднее, когда христианство стало господствующей религией в более северных и восточных районах (IX—XI вв.), и там народные движения находили свое идеологическое выражение в ересях, которые также сохраняли некоторые черты язычества. Сочувствие простого народа вызывала ересь Готшалка во Франкском государстве в IX в. Недовольство народных масс находило выражение также в их вере в наступление скорого «конца света» или царства божьего на земле, особенно усилившейся около 1000 г. В связи с этим в крестьянской среде пользовались большой популярностью предсказатели, прорицатели, самозванные пророки, выдававшие себя за вернувшихся на землю апостолов или даже Христа. В VI в. такой лже-Христос действовал в Бурже, в VIII в. в северной части Франкского государства проповедовали «пророки» Адальберт и Климент, в 847 г. в Майнце действовала лжепророчица Теота, предсказывавшая сроки конца мира.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

В период развитого феодализма, когда крестьянство во всех регионах Европы выступает как уже сложившийся единый класс, его классовая борьба выступает в наиболее четком виде, выражая основной антагонизм феодального общества. При этом она развивается от низших форм к более высоким. На первом этапе развитого феодализма не только в Западной Европе (см. ч. II, гл. 2), но и в других регионах в XI—XIII вв. главной формой классовой борьбы становятся конфликты отдельных крестьян с их сеньорами, зародившиеся еще в раннее средневековье и довольно однотипные во всех странах (см. региональные главы). Более высокую стадию развития классовой борьбы крестьянства представляли собой его коллективные выступления, обычно на базе общинной организации. Иногда они носили «легальный» характер (судебные иски против феодалов), в других случаях выливались в вооруженные бунты. В западноевропейском регионе они были обычны в XI—XIII вв., в Центральной

Европе, на Балканах, в Византии, а также на Руси, в украинских и белорусских землях они нередки в XIII—XV вв. В них наряду с зависимыми часто принимали участие лично свободные крестьяне, боровшиеся против закрепощения. В Византии, где в XI—XII вв. все более укрепляется частновладельческая феодальная вотчина, такого рода эксцессы также учащаются, хотя продолжаются и антиправительственные, антиналоговые движения.

Борьба в таких локальных выступлениях шла за наиболее выгодные для крестьян условия существования в рамках вотчины.

В западноевропейском и юго-западном регионах борьба велась за размеры и формы ренты, в первую очередь за сокращение барщины, за право свободно пользоваться своим наделом и общинными угодьями и особенно за освобождение от личной зависимости: серважа во Франции и Италии, вилланства в Англии, статуса Leibeigenschaft в Германии, ременсы в Каталонии. Борьба за свободный статус в Западной Европе XII—XIII вв. тесно переплеталась с борьбой за общинную автономию, иногда за право свободной «сельской коммуны» (Франция, Северная Италия), иногда за более ограниченные права общины в решении внутриобщинных конфликтов.

В Центральной Европе, Славяно-Балканском регионе, на Руси и в Литовском государстве в коллективных локальных выступлениях крестьян против их господ в XII—XIV вв. участвовали не только лично зависимые, но и лично свободные еще крестьяне, боровшиеся, как и ранее, против втягивания их в более тяжелую личную зависимость.

Крестьяне, ведя такую локальную борьбу, не посягали на феодальную систему в целом, и эта борьба лишь условно может быть названа антифеодальной. Их требования носили вполне реалистический характер и могли быть осуществлены в рамках феодального строя, если для этого складывались благоприятные экономические и политические условия. Базой коллективных действий крестьян против феодалов часто служила община, в рамках которой заключались тайные соглашения (conspiratio) и заговоры (conjuratio). Для таких действий был характерен более высокий уровень крестьянского общественного сознания, чем в раннее средневековье: понимание эксплуататорской роли феодала, ограничения притязаний которого можно добиться только коллективными усилиями, противопоставление крестьян-тружеников тунеядцам-феодалам, сомнение в справедливости королевских судов и администрации, у которых они пытались искать защиты против своих сеньоров (см. ч. II, гл. 2 и 3). В Византии в крестьянских движениях переплетались антисеньориальные и антиправительственные лозунги.

Крупные крестьянские восстания в XI—XIII вв. были в Европе редкостью. Уже говорилось о восстании «клобуков» в 1182 г. во Франции, «пастушков» в 1251 г. во Фландрии и Франции, восстание Штеддингов в 1232—1234 гг. в Нижней Германии (см. ч. II, гл. 2). Большое крестьянское восстание под руководством пастуха Ивайло, направленное в первую очередь против сеньориальной, но отчасти и государственной эксплуатации, произошло в Болгарии в 1277—1278 гг. Крестьяне стремились создать новую крестьянскую монархию во главе с «хорошим» царем. Однако, став царем, Ивайло не провел никаких существенных реформ, и восстание было подавлено совместными усилиями Византии и монголо-татарского хана Ногая (см. ч. II, гл. 5).

На втором этапе развитого феодализма крестьянско-сеньориальные противоречия значительно обострились во всех регионах. В западноевропейском и юго-западном регионах главной предпосылкой этого обострения было быстрое развитие товарно-денежных отношений, связанный с ним кризис барщинной сеньории и попытки феодалов преодолеть кризис с помощью сеньориальной реакции. Обострению ситуации способствовало

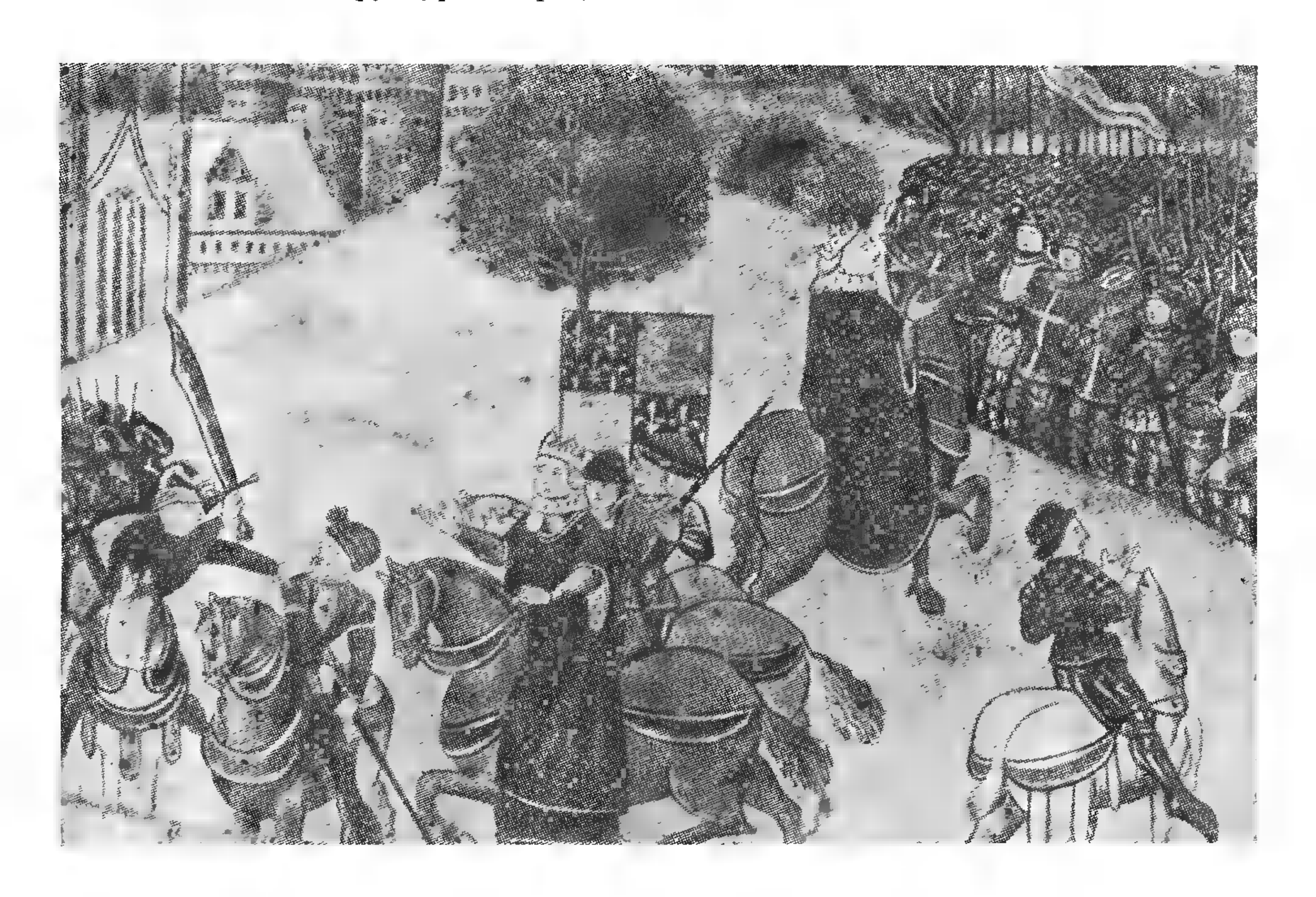
также усиление в XIV—XV вв. в этих регионах государственной (в Италии — городов-государств) эксплуатации крестьян и проведение центральной властью антирабочего законодательства о максимальной заработной плате наемных рабочих. Невзгоды крестьянства, особенно во Франции, усугублялись Столетней войной (см. ч. I, гл. 2 и ч. III, гл. 3), которая велась на ее территории. Обострение классовой борьбы крестьянства происходит в XIV—XV вв. (а затем в XVI в.) и в других регионах Европы, хотя оно имело несколько иные причины.

В Центральной и Восточной Европе под воздействием товарно-денежных отношений в это время шел, напротив, процесс укрепления барщинной вотчины и наступления феодалов при поддержке государств на личную свободу крестьянства. В Византии в XIII — середине XV в. происходило дальнейшее укрепление частновладельческой вотчины, способствовавшее усилению классовых конфликтов в деревне.

Формы крестьянской борьбы во всех регионах и в этот период были довольно сходны. По всей Европе в XIV—XV вв. растет число локальных крестьянских выступлений — как «легальных», так и бунтарских. На Западе они нередко приобретают столь массовый характер, что выходят на общеполитическую арену (в Англии в 70-х годах XIV в., в Каталонии с конца XIV до конца XV в., на западе Германии с конца XIV и особенно в XV в.). С конца XIV в. растет число коллективных крестьянских выступлений в Чехии, Словацких землях, в Венгрии. Заметно обостряется в это время также антифеодальная борьба крестьянства на Руси: с начала XV в. особенно острая борьба за землю происходит между «черными» крестьянами и феодалами, которым государство раздаривало государственные «черные» земли вместе с населявшими их крестьянами, которые таким образом попадали уже в частносеньориальную зависимость (см. ч. II, гл. 8).

Новым в классовой борьбе крестьянства в этот период было распространение крестьянского «социального разбоя», направленного в основном против феодалов, прелатов, королевских или княжеских должностных лиц. Это действия так называемых «объявленных вне закона» в Англии, породившие легенды о Робине Гуде, движения «тюшенов» во Франции, в промежутках между вспышками открытых восстаний, аналогичные действия крестьян в Чехии, Венгрии, гайдуцкие движения в Сербии, Боснии, Македонии, Болгарии в конце XV—XVI в. (направленные, правда, в значительной мере против турецкого владычества). Многочисленные разбойничьи отряды действовали в XV—XVI вв. и на Руси. Они нападали на владения светских и духовных феодалов, захватывали и уничтожали вотчинные документы.

Однако самой острой и высшей формой классовой борьбы крестьянства, характерной в этот период для всех регионов Европы, были крупные крестьянские восстания, более подробно охарактеризованные в региональных главах. Наиболее известные из них: восстаине Дольчино (1304—1307 гг.) в Северо-Западной Италии; второе восстание «пастушков» (1320 г.) в Северной Франции и Фландрии; восстание в Приморской Фландрии (1323—1328 гг.); Жакерия во Франции (1358 г.); повстанческое движение «тюшенов» — сначала в Бретани и Нормандии, а затем в Оверни и Лангедоке (60—80-е годы XIV в.), а также «тукинов» в Северной Италии (1382—1387); восстание «армледеров» в Швабии и Франконии (1336—1339 гг.); восстание под руководством Уота Тайлера в Англии (1381 г.); широкое участие крестьянства в таборитском движении в Чехии (20—30-е годы XV в.); восстания лично зависимых крестьян-ременсов (в 1462—1472, а затем в 1484—1486 гг.) в Каталонии; большое крестьянское восстание в Калабрии (1459 г.); серия восстаний и заговоров в Юго-Западной Германии в последней трети XV в.; восстание «хлеба и сыра» (1491—1492 гг.) в Северной Голландии. К числу крупных

Убийство Уота Тайлера на Смитфилде. Миниатюра из «Хроники Франции и Англии» Фруассара. Около 1460 г.

крестьянских движений XIV в. можно отнести также начавшуюся еще в XIII в. борьбу швейцарских лесных кантонов против владычества австрийских феодалов (ч. II, гл. 2). В это же время происходит ряд восстаний многосословного характера, в которых основную массу повстанцев составляло тоже крестьянство, хотя в них участвовали горожане и даже феодалы. Эти восстания выдвигали в основном общеполитические, а не специфически крестьянские требования. Таковы восстание Кэда в Англии (1450 г.), восстание в Северной Ютландии (1441—1443), восстание под руководством Энгельбректа (1434—1436 гг.) в Швеции, восстания в Норвегии в 1436 и 1438 гг.

В 1262 г. в Вифинии (Византия) произошло восстание пограничных военных поселенцев — акритов, к которому присоединились массы свободных крестьян, в XIII в. имело место восстание бедноты на острове Корфу, который попытался отложиться от Византии.

Крупные крестьянские восстания в эти столетия происходили в Польше — в Червонной Руси под руководством Мухи (1490—1492 гг.), в Краковском воеводстве (1496—1498 гг.), в Трансильвании (1437—1438 гг.). На Руси первое из таких крупных восстаний — первая крестьянская война — имело место позднее — в начале XVII в. (см. т. 3).

Дошедшие до нас программы повстанцев в собственно крестьянских восстаниях и их соглашения с феодалами чаще всего выражали минимальные и в целом реальные требования крестьян, очень схожие с теми, что выдвигались в локальной борьбе (например, Майлэндская программа 1381 г. (см. ч. II, гл. 2). Гваделупская сентенция 1486 г. в Каталонии (см. ч. II, гл. 3) и другие). Там, где крестьяне в основном были уже лично свободны (Италия, Франция, Юго-Запад Германии), главные требования сводились к сокращению налогов, церковной десятины, иногда снижению сеньориальной денежной ренты. Там, где еще сохранялась личная зависимость крестьян и их барщинная эксплуатация (Англия, Каталония), главным лозунгом повстанцев были отмена личной зави-

симости, коммутация барщины и почти всюду свобода пользования общинными угодьями. Политические требования в таких умеренных программах обычно отсутствовали. В германских землях, за Эльбой, в странах Центральной Европы и на Руси, где в эти столетия только возрождалось или начиналось формирование личной зависимости, требования в крестьянских восстаниях, в первую очередь, были направлены против процесса их закрепощения, за сохранение личной свободы и соблюдение установленных обычаем норм эксплуатации.

Однако практические действия крестьян, реже их максимальные программы, повсеместно носили более радикальный характер. Иногда восставшие выдвигали лозунг истребления всех дворян (жаки 1358 г., повстанцы Приморской Фландрии, каталонские ременсы). Такие требования нередко находили более осознанное выражение, особенно там, где крестьянские восстания сочетались с крестьянско-плебейскими ересями (Дольчино, Джона Болла, движения таборитов, Г. Бегайма в Германии, трансильванское восстание 1437—1438 гг.). В таких случаях наряду с минимальными требованиями выдвигались крайне радикальные, хотя и утопические для того времени, программы, опиравшиеся на еретические учения, предполагавшие ликвидацию сословий, установление имущественного равенства, а иногда даже общности имуществ. Такие более радикальные программы предполагали обычно установление монархии нового типа, в которой «добрый король» без посредства феодалов и каких-либо должностных лиц будет управлять простым народом. В отдельных случаях (у левых таборитов, в Швейцарии) выдвигались даже идеи установления республики. В таких максимальных требованиях обязательно звучал мотив ликвидации или полной реформы существующей церкви, отмены церковной иерархии, секуляризации церковных земель, ограничения богатств церкви, отмены церковной десятины и т. п. Выступления крестьян под подобными лозунгами можно уже считать антифеодальными в полном смысле слова.

Минимальные требования обычно исходили от более зажиточных слоев крестьянства, максимальные — от более бедных. Однако в борьбе с феодалами в XIV—XV вв. крестьянство и в повседневной борьбе и в крупных восстаниях выступало еще как единый класс. Минимальные требования, выдвигавшиеся в массовых крестьянских восстаниях, в целом шли в русле объективно осуществимых исторических задач. Максималистские программы носили, напротив, как правило, утопический характер, далеко опережали объективные и осуществимые задачи движений.

Однако и они в известной мере способствовали осуществлению этих задач, давая им идейное обоснование и мобилизуя крестьян на революционные действия, на борьбу за полную ликвидацию личной зависимости, за уравнение крестьян с другими сословиями, в том числе в правах на землю, в торговле, в налогообложении, за укрепление владельческих прав крестьян на их держания. Не случайно В. И. Ленин считал идею равенства «самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков» [3]. Но даже высшей форме классовой борьбы крестьянства в феодальном обществе, крупным восстаниям, были свойственны слабая организованность, монархические иллюзии, жертвой которой часто становились сами их вожди (Уот Тайлер, Гильом Каль во время Жакерии), нерешительность действий даже тогда, когда повстанцы добивались временного успеха (например, в восстании 1381 г.). Положительные программы крестьян, были весьма туманны и противоречивы. Внутренние

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 226–227.

слабости даже крупных крестьянских восстаний периода развитого феодализма обусловливали их постоянные поражения.

В ходе крестьянских восстаний XIV—XV вв. значительно возросло крестьянское общественное сознание. Оставаясь на почве религиозного сознания, уже на первом этапе развитого феодализма крестьянство начинает осознавать себя как класс тружеников, противостоящий феодалам. На втором этапе развитого феодализма в крестьянской среде широко распространяется идея об исключительной ценности и святости крестьянского труда, а отсюда и самого крестьянина по сравнению с другими социальными слоями и особенно классом феодалов. В эпоху крупных крестьянских восстаний появляются социальные крестьянские утопии. Они получают свое обоснование в крестьянско-плебейских ересях, с помощью неортодоксального истолкования основных догматов господствующей церкви, складываются в своеобразную систему взглядов, хотя тоже пронизанную религией, но противостоящую официальному церковно-феодальному мировоззрению и отражавшую зарождение специфической крестьянской идеологии.

Социальное недовольство крестьянства проявлялось и в еретических движениях XI—XV вв. В крестьянско-плебейских ересях (павликиане, богомилы, апостольские братья, ересь Джона Болла, табориты и др.), особенно когда они сочетались с восстаниями, можно видеть прямое выражение классовой борьбы крестьянства. Менее радикальные ереси, в частности бюргерские или смешанные по составу и религиозным учениям, едва ли можно прямо отождествлять с классовой борьбой крестьянства. Однако и они в какой-то мере выражали крестьянский протест, поскольку крестьяне в них, как и другие слои общества, выступали во всяком случае против «церковного феодализма». Иногда же, как это было у английских лоллардов XV в. (см. ч. II, гл. 2), в ереси францисканцев-спиритуалов, в немецких мистических ересях «свободного духа», у поздних вальденсов, крестьянские массы, принимавшие участие в этих ересях, интерпретировали их умеренные, бюргерские доктрины в более радикальном, даже бунтарском, духе (см. ч. III, гл. 5).

Борьба крестьян против феодальной эксплуатации отнюдь не была полностью безрезультатной и безнадежной. Хотя крестьянские восстания, как правило, терпели поражения, это не исключало воздействия, нередко прогрессивного, классовой борьбы на развитие феодального общества. Восстания раннего средневековья, хотя и не могли предотвратить процесса феодализации, помогали крестьянам добиваться более приемлемых для них условий феодальной эксплуатации, установления фиксированных рент и повинностей, иногда (например, на Руси) снижения государственных налогов (так бывало и в Византии), облегчения задолженности крестьян (на Руси).

Повсюду в Европе акты индивидуального и коллективного протеста крестьян против отдельных феодалов были результативны. В Западной Европе они в XI—XIII вв., несомненно, способствовали освобождению крестьян от личной зависимости, коммутации ренты, созданию вольных крестьянских общин и даже сельских коммун. В этой малоэффективной на первый взгляд повседневной борьбе крестьяне, опираясь на обычай, противостояли закрепостительным тенденциям рецепции римского права и либо заметно улучшали свое социально-правовое положение (на Западе), либо хотя бы затрудняли его ухудшение (в Центральном и Восточно-Европейском регионах).

Крупные восстания второго периода развитого феодализма тоже не всегда были полностью безрезультатны. В западноевропейском регионе они все же ставили известную преграду феодальной реакции, прямо (в Каталонии) или в перспективе ускоряли ликвидацию личной несвобо-

ды (в Англии), способствовали укреплению крестьянских прав на надел, торжеству денежной ренты, временному сокращению государственных налогов (в Англии, Франции). Также результаты крупных крестьянских восстаний в Западной Европе во многом определялись общими тенденциями экономического развития в регионе в сторону ослабления основ сеньориального строя.

В Центральной и Восточной Европе, как уже отмечалось, сложилась иная экономическая ситуация: феодалы были заинтересованы в укреплении сеньории, а иногда и барщинного хозяйства и пользовались в этом стремлении поддержкой усилившегося к этому времени государства. Здесь крупные и более локальные крестьянские восстания иногда замедляли этот процесс (например, таборитское движение в Чехии, восстание 1437—1438 гг. в Трансильвании, крестьянские восстания в австрийских землях, активная вооруженная борьба «черных» крестьян против закрепощения их церковными и светскими феодалами на Руси), но оказались неспособны его пресечь и помешать полному торжеству рефеодализации этих регионов. Не смогла предотвратить закрепощение русского крестьянства даже первая Крестьянская война начала XVII в., несмотря на ее широкий размах и решительные действия повстанцев (см. т. 3).

Но, как бы ни было велико воздействие общих экономических тенденций на судьбы крестьянства, свой вклад в реализацию этих тенденций внесла и его классовая борьба, баланс классовых сил в обществе, от которого отчасти зависела и аграрная эволюция каждого региона.

Как локальные движения более раннего времени, так и крупные крестьянские восстания второго периода развитого феодализма имели и некоторое политическое значение. Во многих случаях (хотя и не всегда) они вынуждали феодалов сплачиваться вокруг центральной власти, играли большую роль в борьбе с иноземными завоевателями, отчасти способствовали процессу государственной централизации. Восстание Ивайло в Болгарии началось с антимонгольского похода, во Франции в 20-е годы XV в. крестьяне поддерживали патриотические действия Жанны д'Арк. Одним из важных стимулов гуситского, в частности таборитского, движения были антинемецкие настроения в Чехии начала XV в., большую роль играла борьба народных масс против монгольского ига и его пособников из князей и бояр на Руси в XIV—XV вв.

Участие крестьянских масс во многих разносословных политических движениях, хотя и подчиняло часто их интересам других сословий (различных феодальных группировок, городов), почти всегда накладывало отпечаток на ход, а иногда и результаты такой борьбы, в частности вынуждало борющиеся группировки идти на компромиссы. Наконец, борьба крестьян с феодалами способствовала развитию их общественного сознания в целом и классового самосознания в частности.

Однако классовая борьба средневекового крестьянства оказалась неспособной сокрушить феодальный строй своими силами до начала первых буржуазных революций, когда молодая буржуазия смогла возглавить и использовать в своих интересах массовые антифеодальные движения крестьян.

СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ

В Западной Европе, как уже отмечалось, довольно четко выделяются три этапа социальной борьбы в городах. 1) Борьба городов с сеньорами за более или менее широкую автономию, охватывавшая XI—XIII вв. (в Италии X—XIII вв.). 2) Борьба между городской верхушкой (патрициатом) и средними и низшими слоями городского населения часто под руководством городских цеховых организаций. 3) Борьба между город-

ским плебсом, в том числе и предпролетариатом, и зарождающейся спорадически ранней буржуазией (см. ч. II, гл. 1—3).

Первый из этих этапов своеобразно протекал в разных частях Западной Европы. В Италии в X—XI вв., Южной и Северной Франции в XI—XII вв., в германских землях между Рейном, Эльбой и Дунаем в XI—XIII вв. борьба городов за коммунальные вольности часто принимала длительный (по несколько столетий) и вооруженный характер. Одним из наиболее ярких эпизодов этой борьбы было восстание, поднятое в 1143 г. в Риме Арнольдом Брешианским с целью создания коммуны, независимой от сеньора города — папы (см. ч. II, гл. 3). Однако и в названных странах (за исключением, может быть, Северной и Средней Италии) борьба за автономию нередко проявлялась в более мирных формах — выкупа самых тяжелых, особенно личных повинностей, который делал горожан свободными людьми. Это же относится к более мелким и слабым городам, а также и к тем крупным (например, Лондон, Париж), которые лежали на землях королевского домена и не имели сил добиться победы над столь могущественным сеньором, как король. В Англии же выкуп повинности и получение городом автономии чаще всего носили характер финансовой сделки.

Вооруженная борьба завершалась обычно получением широкой автономии, превращавшей города в самостоятельные города-государства или автономные коммуны (см. ч. II, гл. 1—3). Мирные соглашения между городами и их сеньорами, в том числе королями, приводили к установлению в городах смешанного управления или к дарованию, особенно мелким городам, чисто экономических привилегий.

Борьба городов за коммунальные вольности в Западной Европе совпала по времени с развитием крестьянского внутривотчинного протеста, подчас переплетаясь с ним (в Северной Франции, Северной и Средней Италии, отчасти — в Германии и Англии). Города иногда давали крестьянам образцы становления вольных, автономных от их сеньоров городских общин.

Городские коммунальные движения, как и социальный протест крестьян этого периода, не были направлены против феодального строя в целом. Их целью было добиться таких условий существования, которые давали бы горожанам возможность дальнейшего экономического развития, иначе говоря, ослабить эксплуатацию, которой они первоначально подвергались со стороны их сеньоров. Успехи длительной борьбы городов за разного рода привилегии создавали в рамках феодального строя территории с сильно ограниченной феодальной эксплуатацией и ослабленными узами внеэкономического принуждения. Борьба городов с сеньорами носила поэтому в Западной Европе прогрессивный характер, особенно в тех странах (Франция, Кастилия, отчасти Англия), где коммунальные движения использовались королевской властью для усиления централизации. Там же, где не было центральной власти (в Северной и Средней Италии) или она была слишком слаба (Германские земли), коммунальные движения, напротив, усиливали сепаратистские тенденции городов. Повсеместно они способствовали складыванию нового городского сословия (бюргерства).

В других регионах Европы борьба за городские вольности и привилегии или вовсе отсутствовала, или принимала очень стертые формы. В Византии в период подъема новых, уже средневековых городов в X—XIV вв. появляются кое-где городские советы, вооруженные отряды горожан.

Однако подобные тенденции наталкивались на решительный отпор могущественного государства, не выпускавшего города из-под постоянного контроля императорских наместников. В Болгарии, где центральная власть не была столь сильна, как в Византии, а сами города были не

так многочисленны и слабее экономически, в политическом отношении они полностью зависели от царя. В северо-западных областях Балканского полуострова города Далматинского побережья (Дубровник, Задар, Сплит, Котор и другие), поддерживавшие постоянные связи с Италией, в условиях слабых и раздробленных славянских государств данной части региона добились полной самостоятельности наподобие итальянских городов-республик. Новые города, возникавшие в XII—XIV вв. во внутренних районах этой зоны (Любляны, Загреб и др.), в основном находились под властью отдельных князей и, как в Болгарии, пользовались лишь некоторыми экономическими привилегиями. Только на северо-западе субрегиона активная немецкая колонизация приносила городские привилегии немецкого образца, и города без открытой борьбы получали более широкие права. В странах Центральной Европы по существу тоже не было ярко выраженных коммунальных движений. Отчасти это было следствием несколько замедленного их развития, отчасти — широкой немецкой колонизации, которая без борьбы приносила с собой немецкое городское право (например, «магдебургское право» в Польше). Оно обеспечивало наиболее крупным городам судебный и налоговый иммунитет, ограниченное королевским надзором самоуправление (см. ч. II, гл. 6).

На Руси как до монголо-татарского нашествия, так и после него города находились в основном под управлением князей и их должностных лиц. И здесь имели место городские движения против князей и более мелких господ. В такой борьбе сложились мощные боярские городские республики Псков и Новгород (см. ч. II, гл. 8). Довольно часты были городские восстания, направленные против князей, их администрации, налогов. В некоторых случаях восстания и до XIII, и в XIV—XV вв. начинались с собрания «веча». Из этого можно заключить, что в отдельных городах существовали какие-то элементы самоуправления, сосредоточенные, вероятно, в руках городской верхушки. В целом, однако, русским городам, кроме Новгорода и Пскова, так и не удалось в рамках рассматриваемого периода добиться какой-либо автономии.

Более повсеместный характер носила внутригородская социальная борьба, расцвет которой относится к XIV—XV вв. (см. ч. II, гл. 1). Внутренние конфликты в городах тоже носили разный характер. Борьба цехов, т. е. среднего торгово-ремесленного люда, с городской верхушкой (патрициатом) велась за допуск первых к политической власти. Столкновения ремесленников и купцов позднее дополнялись конфликтами между «старшими и младшими» цехами, внутри цехов между бедными и богатыми мастерами, между должниками и ростовщиками (см. ч. II, гл. 1).

В этих конфликтах активное участие принимала городская беднота — плебс, как правило, поддерживавшая средние слои населения. Внутригородская борьба часто была связана с более широкими социально-политическими движениями — с борьбой против государственных налогов, с участием городов в политических конфликтах внутри господствующего класса, или между королем и феодалами (например, восстание Этьена Марселя в Париже 1356—1358 гг., или антипатрицианское восстание «кабошьенов» там же в 1413 г.— см. ч. II, гл. 2). Когда внутригородские восстания сопровождались антиправительственными и антиналоговыми выступлениями, они иногда смыкались (или, во всяком случае, хронологически совпадали) с крупными крестьянскими восстаниями XIV—XV вв.

Ранее всего, в XIII в., начались конфликты между пополанами и феодальным нобилитетом в городах-государствах Северной и Средней Италии, где они в целом привели к победе пополанов и установлению их власти в городских коммунах. Позднее, в 1347 г., такая попытка, правда неудачная, демократизировать городское управление имела место и в Риме во время восстания Кола ди Риенцо (см. ч. II, гл. 3).

С начала XIV в., особенно же в 70—80-е годы, было много аналогичных движений во всех почти странах Западной Европы, где они носили особенно бурный характер. Наиболее яркие из них — события в Генте (1345—1349 гг.), в центре которых стоял Жак Артевальде; восстание в Париже под руководством Этьена Марселя; городские восстания в Брюгге и Ипре, происходившие во время крестьянского восстания в Приморской Фландрии (1323—1328 гг.) и тесно с ним связанные (см. ч. II, гл. 2).

В 1379 г. имели место крупные восстания в Монпелье и Арле (на юге Франции), в 1380 г. снова разразилось длительное восстание во фландрских городах Генте и Брюгге, волнения в Сен-Кантене и новое восстание в Генте, в 1382—1383 гг. восстание Гарелль в Руане, волнения в Амьене и Нормандии, восстание «майотенов» в Париже, новое восстание широких масс и плебса в Генте под руководством Филиппа Артевальде. К этому надо добавить городские движения в Англии во время восстания Уота Тайлера, частично прямо с ним связанные.

В XIV в. активная борьба между цехами и патрициатом шла и в германских землях и внутренних районах Фландрии. В 1384 г. победили цеховые движения в Льеже, в 1396 г. аналогичный строй после долгой борьбы установился в Кельне, в Страсбурге окончательная победа цехов обозначилась только к 1482 г. С конца XIII в. до 1374 г. происходили многократные цеховые восстания в Брауншвейге, в конечном счете потерпевшие поражения в начале XV в., восстания в Любеке. Аналогичные движения в XIV—XV вв. имели место и в Трире, Ростоке, Кобленце, Магдебурге, Шпейере, Майнце, Регенсбурге и многих других городах. В конце XIV в. серия внутригородских восстаний, направленных против городского патрициата, прокатилась по государствам Пиренейского полуострова. Здесь в силу непомерных налогов и задолженности средних и низших слоев торгово-ремесленного населения эти движения сопровождались антиналоговыми эксцессами и выступлениями против евреев-ростовщиков.

Внутригородские конфликты достигли в XIV в. большой остроты и в Византии. Наиболее значительным из них было восстание зилотов в Фессалонике (1342—1359 гг.), носившее сложный по своим целям и задачам характер. Оно происходило на фоне гражданской войны, охватившей Византию (1341—1355 гг.) в результате борьбы за власть двух враждующих группировок господствующего класса. Восстание зилотов («ревнителей») совместило в себе борьбу торгово-ремесленных кругов Фессалоники за политическую независимость от центральной власти и местных феодалов с борьбой средних и низших слоев горожан против власти патрициата. На первом этапе зилоты добились создания в городе республики; на втором этапе вспыхнувшее в 1345 г. восстание городской бедноты, плебейских масс, моряков отдало власть в руки наиболее радикальной части зилотов, попытавшихся провести ряд реформ в пользу бедноты (см. ч. II, гл. 4).

В городах Центральной Европы внутренние социальные противоречия обострялись национальными — между в основном немецкой городской верхушкой и местными ремесленными элементами. Наиболее ярким проявлением борьбы между городской верхушкой и массой населения было Пражское восстание (1419 г.), положившее начало гуситскому движению в Чехии. В результате гуситского движения произошла некоторая демократизация городского управления в стране в целом, исчез партицианский слой, усилились местные чешские элементы в городах (см. ч. II, гл. 6). Конфликты между немецким патрициатом и массой местного трудового населения имели место также в городах Польши и Венгрии.

На Руси внутригородские восстания, направленные против боярского патрициата, происходили в основном в Пскове и Новгороде. В Северо-

Восточной Руси XIV—XV вв., хотя в городах также имело место значительное социальное расслоение, внутригородские восстания были редкостью. Они сдерживались, с одной стороны, вотчинным характером этих городов, где власть князя-вотчинника тяжело давила на все слои населения, с другой — со второй половины XIII в. монголо-татарским игом, борьба с которым требовала сплочения всех горожан. Городские восстания этого времени, как и в более ранний период, чаще всего направлялись против княжеской администрации, а также татарских наместников, хотя иногда в них проявлялись и внутригородские противоречия.

Результаты внутригородской социальной борьбы были неодинаковы даже в рамках одной страны. Во многих городах Италии, Фландрии, Германии и Северной Франции, а также в Лондоне, в Англии эта борьба увенчалась победой цехов и первоначально демократизацией городского самоуправления. В других городах, в частности в большинстве немецких Ганзейских городов, цехи потерпели поражение. Но даже там, где цехи после долгой борьбы добивались власти, она очень быстро переходила в руки замкнутой цеховой «верхушки», или «старших цехов», которые в свою очередь начинали притеснять нижестоящие слои горожан, в том числе основную массу цеховых ремесленников. Тем не менее внутригородские восстания разного рода повышали общеполитическое значение городов. Они вынуждали центральную власть так или иначе считаться с ними, в частности привлекая их к участию в сословных собраниях, на которых в первую очередь решались налоговые вопросы.

Иногда внутригородская борьба была связана с еретическими движениями. Крестьянско-плебейские ереси — бегинов, спиритуалов, ранних лоллардов, таборитов — нередко служили идеологическим обоснованием антипатрицианских движений, а также восстаний бедноты против богачей.

Собственно бюргерские ереси давали обоснование для развития в городах антицерковной оппозиции, которая в XIV—XV вв. оказывала большое влияние на политическое развитие многих стран.

Последний тип внутригородских конфликтов — между предпролетариатом (и плебейскими массами) и зарождающейся буржуазией — до XVI в. в наиболее чистом виде имел место только в городах Северной и Средней Италии, где в XIV в. уже зарождались раннекапиталистические отношения. Особенно широкого размаха эти конфликты достигли во второй половине XIV в.: восстание Чомпи (1378—1382 гг.) во Флоренции, аналогичные движения в 70-х годах XIV в. в Сиене и Перудже. Отголоски их продолжались в конце XIV и начале XV в., что подчеркивает неслучайный, закономерный характер подобных внутригородских восстаний (см. ч. II, гл. 3).

В других странах — Франции, Англии, Германии — аналогичные выступления начинаются только с конца XV в. и в это время не принимают еще столь острых форм, как в Италии. Как правило, они выражаются в локальных стачках городских наемных рабочих и подмастерьев, а иногда и разоряющихся ремесленников. Они ведутся против снижения заработной платы, за ограничение рабочего дня, за право создавать союзы подмастерьев и т. д.

Как правило, более организованная и идейно осмысленная, чем крестьянские движения, а поэтому в целом более успешная социальная борьба в городах постепенно усложняет социальную структуру феодального общества и противоречивый характер его развития. Городские движения иногда придавали более организованный характер крестьянским восстаниям. Однако союзы такого рода обычно оказывались очень непрочными не только из-за склонности широких масс крестьянства к компромиссам, но и в силу местного сепаратизма городов, социальной разобщенности городского населения, а также в силу того, что в Цент-

ральной и Восточной Европе, на Западе многие и притом наиболее крупные и влиятельные города сами эксплуатировали крестьян городской округи.

Глава 3
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В V—XV вв.

СВОЕОБРАЗИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Эпоха становления феодализма ознаменовалась складыванием лишь эмбриональных форм международных отношений. Они отличались на первых порах зыбкостью и неустойчивостью, поскольку сама раннефеодальная государственность, в рамках которой реализовывались эти отношения в V — середине XI в., была весьма рыхлой. И варварские королевства, и складывавшиеся позднее раннефеодальные государства представляли собой зачастую конгломерат разнокалиберных сеньориальных владений, лишь номинально связанных с теми или иными центрами власти. Даже более или менее обширные государственные образования, носившие громкие названия «империй» (империя франков — 800 г., новая Римская империя, созданная Оттоном I в 962 г., Великоморавская держава, Киевская Русь), реально являли собою скорее подобие государственного единства, наложенного на лоскутную, разорванную ткань княжеств, графств и герцогств.

Господство натуральной экономики в раннее средневековье означало отсутствие в этот период сколько-нибудь солидной материальной базы для утверждения хотя бы относительно стабильной системы международных (межгосударственных) отношений.

К тому же будни европейцев протекали тогда в обстановке непрестанных войн. Их глубинные предпосылки коренились в социальной природе политической организации общества, выраставшей на «дружинном», а затем вассально-ленном фундаменте. Эти государства и рождавшийся класс феодалов нуждались в новых и новых земельных приобретениях. Вспыхивавшие там и здесь войны были обязаны своим происхождением также асинхронности процесса классообразования у различных племен и народов и связанного с ним возникновения и распространения массовых миграционных потоков, периодически обрушивавшихся на те либо иные территории (см. введение, гл. 1).

В IV—VI вв. политические комбинации, в которые вступали правители германских варварских королевств, были чрезвычайно разнообразны. Мусульманские государства, образовавшиеся на юго-западной оконечности Европы в VIII в., со временем внесли в межгосударственные контакты этой части континента дополнительные, а именно религиозные мотивы, придавшие войнам за Пиренеями особую ожесточенность. Этому способствовала церковь, постепенно вырабатывавшая доктрину «священной войны» с «неверными».

В IX — середине X в. источником многих конфликтов в Центральной Европе стали набеги венгров и особенно экспансия скандинавов (норманнов). В итоге перманентная конфликтная ситуация в Европе превратилась в «органичный» феномен повседневной действительности. Отсюда, собственно, и вырисовывалась пестрая, многокрасочная, с преобладанием кровавых тонов панорама всей международной жизни раннесредневековой Европы.

Ее специфической чертой, довольно отчетливо проступавшей уже в ту пору, являлось, кроме того, влияние церкви и религии на сферу международной политики. Церковь стала неотъемлемым компонентом международных отношений. Ее всевозраставшее в них участие с VI в. нередко придавало, казалось бы, чисто политическим аспектам международных событий, дипломатическим процедурам и просто военным действиям идеологизированные тона, пронизывало их духом конфессиональной нетерпимости — и не только в случаях войн христиан с «агарянами». Подчас и крупные внутриевропейские «мирные» коллизии, всевозможные политические столкновения между различными феодальными группировками, светскими и церковными, выливались в форму вражды по-разному истолкованных доктринально-теологических принципов. Типичным примером тому служит пресловутое «разделение церквей» — католической и православной (ч. I, гл. 2, ч. III, гл. 4).

В ходе гигантских перемещений человеческих масс с Востока на Запад в IV—VI вв. на территории бывшей Западной Римской империи появлялись и погибали многочисленные варварские королевства (см. введение, гл. 1 ч. I). Формирование и развитие всех этих политических образований происходило под непрерывный аккомпанемент войн между ними. Вместе с тем варварам приходилось считаться так или иначе с Византийской империей — самым могущественным и стабильным государством Европы того времени.

Правящие круги Византии неизменно стремились (особенно в пору подъема империи в VI в.), сочетая военный нажим с дипломатической изворотливостью, воскресить и, по возможности, претворить в реальность традиционную идею единства Римской империи. Поэтому отношения Византии с варварскими государствами превратились в V—VII вв. в одну из стержневых линий международной жизни.

Византийской империи приходилось вырабатывать разнообразные приемы и формы контактов с варварскими королевствами, признавая, хотя бы частично, приобретения одних, откупаясь золотом от других. Зачастую хитроумная византийская дипломатия сталкивала друг с другом те или иные варварские королевства и, применяя на практике старинный принцип «разделяй и властвуй», добивалась того, что империи удавалось удерживать основную часть территории, даже раздвигать ее границы, возвращая под свой скипетр ранее утраченные земли. Больших успехов достиг в этом отношении Юстиниан I (527—565), вернувший в лоно империи Северную Африку, Италию и часть Испании (см. ч. I, гл. 2). Против гуннов этот василевс поднимал аваров, против болгар — гуннов, против вандалов — остготов, которых в свою очередь одолел при поддержке франков.

Способом урегулирования отношений с варварами в Византии было предоставление их правителям и высших римских должностей, титулов, знаков отличия (диадема, мантия, жезл) и права управлять фактически занятой ими территорией от лица империи. Государи варварских королевств большой частью охотно принимали подобные «пожалования». В дипломатической сфере варвары в своих отношениях с Византией или друг с другом зачастую тоже обращались к заимствованным у империи же античным традициям, хотя одновременно вырабатывали и новые формы международных связей. При заключении договоров гарантией их прочности служили у них обычно клятвы, иногда — обмен знатными заложниками.

Новым в дипломатической практике сделались личные встречи королей германских государств в целях улаживания наиболее значительных политических проблем международного порядка. В этом плане выделяется свидание 843 г. в Вердене сыновей Людовика Благочестивого: итогом было подписание договора, определившего контуры европейских госу-

дарств, на базе которых впоследствии сложились королевства Франция, Германия, Италия, герцогство Бургундия (см. ч. I, гл. 3).

В эпоху раннего средневековья зарождается и «брачная дипломатия»: союзные отношения между варварскими государствами сплошь и рядом скреплялись брачными узами между членами правящих домов. Иногда, в виде вынужденных уступок, на такие браки шли даже византийские императоры (Юстиниан II и Константин V были женаты на хазарских княжнах).

Эффективным орудием византийской дипломатии стало миссионерство. Формально миссионеры направлялись в те или иные земли с целью распространения там христианства, по существу — также ради политического проникновения и утверждения власти империи над близкими и далекими народами. Византийских миссионеров посылали, например, в X в. в славянские области. Распространение христианства на Руси с конца X в. явилось в этом смысле международно-политическим триумфом для Византии (см. ч. III, гл. 4). Духовенство, поставлявшееся из Константинополя в христианизованные страны, выступало проводником политики Византийской империи.

Существенным компонентом в развитии международных отношений V—XI вв. был выход на арену европейской политики новой силы — папства. Он совершался по мере укрепления светской власти римских понтификов. Подобно византийским императорам, папы энергично использовали в целях распространения духовного и политического влияния Рима церковные миссии. Их деятельность среди язычников привела в VII—IX вв. к укреплению политического веса папского Рима в Центральной Европе. Постепенно складывалось сообщество христианских народов, по крайней мере номинально признававших римского папу своим духовным главой. Порой это «признание» добывалось и путем принудительного обращения силой оружия (так были христианизированы саксы при Карле Великом).

Оборотной стороной возвышения римских первосвященников, издавна претендовавших на главенствующее положение в церковной иерархии христианского мира, явились участившиеся конфликты Рима с Константинополем. Формально папы подчинялись византийским императорам, и Константинополь всячески противодействовал притязаниям Рима, однако без особого успеха, ибо он был ослаблен в VII в. арабскими завоеваниями, а в VIII в. иконоборческим движением (см. ч. I, гл. 2). Папы становились все более независимыми от него. На этом фоне папы выставляли себя хранителями христианской ортодоксии в Италии, вокруг них складывался ореол «борцов за истинную веру» — не только против лангобардов-ариан, но и против византийских императоров-«вероотступников». Римские первосвященники возглавили общественное движение против «иноверческой» власти василевсов в Италии. Когда император-иконоборец Лев III Исавр отнял у папства ряд вотчин в Калабрии и Сицилии, изъял из сферы влияния папы Иллирию и Балканский полуостров, в целом нанеся Риму чувствительный материальный и моральный ущерб, папа Григорий II (715—731) осудил василевса как еретика, а Григорий III (731—741) предал анафеме и само иконоборчество (732 г.).

Между тем лангобарды все еще оставались опасным врагом Рима. Располагавшее сравнительно скудными материальными ресурсами (всего лишь несколько областей Центральной Италии), папство нуждалось поэтому в могущественных союзниках и для борьбы против Византии, и для отпора лангобардам. Таким союзником стали франки, придерживавшиеся ортодоксии и признававшие духовный авторитет римских понтификов. Поддерживая их, франкские правители получали удобный предлог для вмешательства в итальянские дела и в то же время могли

рассчитывать на благосклонность курии в собственных внешнеполитических устремлениях.

Союз папства с франками в ранних своих очертаниях намечается уже в середине VI в. и обретает политическую реальность в VIII в., когда сначала Карл Мартелл (в 739 г.), а позднее Пипин Короткий оказали ему помощь против лангобардов (см. ч. I, гл. 3). Их земли, отнятые Пипином, были переданы папе («Пипинов дар» 756 г.). Образовалось светское государство пап (Церковная область), к которой отошли и номинальные к этому времени владения византийских императоров в Средней Италии (Равеннский экзархат, включавший также Венецию и Истрию, Римская провинция, формально ранее также считавшаяся принадлежавшей Византии).

Союз папства с Франкским королевством был неравноправным: перевес сил находился у франков. Зависимость пап от них значительно усилилась в царствование Карла Великого, который, окончательно завоевав лангобардские земли в Италии, придвинул границы Франкского королевства к Церковной области. Папа Лев III (795—816), венчавший Карла Великого императорской короной (25 декабря 800 г.), санкционировал превращение Франкского государства в империю — крупную политическую силу в Европе (см. ч. I, гл. 3).

В период феодальной раздробленности (после распада империи Каролингов) международные отношения представляли собой крайне запутанную и хаотичную картину. Почти стерлись границы между государственными и частными владениями, а следовательно, оказались «размытыми» и грани между внутренними и международными отношениями. Рубежи, отделявшие крупные государства, стали трудно различимыми. Влиятельные сеньоры нередко имели земельные владения в разных государствах, были одновременно вассалами короля и императора. Повсеместно вошло в обыкновение право частной войны и частной дипломатии. В то же время на отдельных территориях давали себя знать и консолидирующие тенденции, особенно там, где процесс феодализации не был завершен, или там, где было сильно влияние папства.

Главными очагами консолидирующих тенденций теперь стали две политические силы — Германская империя и папство. Каждая из них выступала с притязаниями на верховенство (суприматию) в европейских делах.

По существу, конечно, ни там, ни здесь такие притязания не имели твердой социальной почвы. Но идея установления политической суприматии жила своеобразной самостоятельной жизнью, словно в силу некоей исторической инерции. Она находила обоснование в Германии в традиционных, «окостеневших» с Каролингской эпохи представлениях о непрерывности существования Римской империи, в Риме — в идее главенствующей роли римских первосвященников в христианском мире.

Через всю в высшей степени запутанную картину международной жизни X—XI вв. проходили две магистральные линии: борьба империи с папством и противоборство ряда государств Запада, сплачивавшихся вокруг папского Рима, с Византией. Вторая линия, как уже отмечалось, в середине XI в. привела к разделению церквей. Что касается первой, то ее развитие в схематичном виде происходило следующим образом. Державные притязания Германской империи возникли во второй половине X в. в результате успешных походов германского короля Оттона I в Италию (50-е — начало 60-х годов). Коронованный папой Иоанном II (955—964) императорской короной (2 февраля 962 г.), Оттон I не на словах, а на деле занял положение «опекуна» апостольского престола (см. ч. I, гл. 4). Римская империя Оттонов, охватившая германские земли и Северную и Среднюю Италию, сделалась в X—XI вв. центром разнонаправленной немецкой агрессии в Европе. Ее агрессивные устремления обращены

были не только против непосредственных соседей — Бургундии, Чехии, Венгрии и входившей в ее состав Словакии: объектом агрессии стали также полабские славяне, а в дальнейшем и прибалтийские народы. Здесь завязался один из важных узлов международных отношений эпохи развитого феодализма. Как раз в это время начался пресловутый рыцарский «Drang nach Osten» против славян и балтов, в котором захватнические поползновения рыцарства и князей сомкнулись с миссионерскими интересами римской курии, стремившейся расширить сферу собственного влияния в Европе.

Позднее, по мере того как папы обретали опору в реформаторском клюнийском движении, а затем выступили с целой программой установления универсалистской теократии «наместников божьих», разгорелись острые и продолжительные, затянувшиеся на несколько столетий конфликты германских императоров и римских пап — главных претендентов на «мировое владычество» (см. ч. I, гл. 4 и ч. III, гл. 5). В эти конфликты были втянуты так или иначе различные политические силы Европы. Католическая церковь использовала свои умножившиеся в X—XI вв. материальные ресурсы и организационную структуру, в которой окрепли принципы централизации, чтобы занять главенствующие позиции в Европе. Церковь превратилась в своего рода политическое ядро большей части феодально раздробленного континента.

Внешним образом эта линия международных отношений ярче всего выразилась в так называемом споре за инвеституру между императором Генрихом IV и папой Григорием VII, выдвинувшим последовательную программу установления теократии (см. ч. I, гл. 4 и ч. III, гл. 4), который завершился Вормсским конкордатом 1122 г.

В X—XI вв. в торговые связи и военные контакты с другими народами Европы впервые вступают Киевская Русь, Венгрия, Чехия, Польша. Киевские князья уже в X в. вели весьма активную внешнюю политику на восточных и южных рубежах Древнерусского государства. Они воевали с Хазарским каганатом (см. ч. I, гл. 9), вели сложную политику в отношении Византии. Военные походы против империи перемежались с периодами мирных торговых и культурных отношений. В результате первого похода в Византию, предпринятого князем Олегом (в 911 г.), был заключен выгодный для Руси торговый договор, после менее удачного похода князя Игоря (941 г.) был составлен новый договор (944 г.), менее благоприятный для Руси. Позднее, в 968 и 969 гг., князь Святослав совершил два похода на Балканы. В первом было захвачено несколько болгарских городов на Дунае, второй был направлен против Византии, война велась в союзе с болгарами. Она началась также удачно, но затем завершилась поражением дружины Святослава при Доростоле. На обратном пути на Русь князь был убит печенегами (см. ч. I, гл. 2 и 8). Связи Древней Руси с Западной и Центральной Европой активизировались уже в XI в. В 80-е годы X в. киевский князь Владимир первый вторгся в византийские владения в Крыму, взял Херсонес (Корсунь) и вынудил правившего тогда императора Василия II отдать ему в жены его сестру — царевну Анну. В 988 г. он ввел на Руси христианство по византийскому обряду.

Особая страница международной европейской истории с конца VIII до последней трети XI в. — экспансия скандинавов (см. ч. I, гл. 7). Начальным рубежом «эпохи викингов» принято считать разгром ими монастыря св. Кутберта на острове Линдисфарна в Восточной Англии (783 г.), конечным — поражение норвежской экспедиции, имевшей целью восстановить былую власть норманнов в Англии (1066 г.). На протяжении без малого трех столетий викинги занимались прямым грабежом и торговлей, убивали или превращали в рабов местных жителей, присваивали их землю, колонизовали ее, облагали местных жителей данью. Ужас,

который они вызывали, отразился в молитве: «Избави нас, Боже, от дьявола и от норманнов».

Широкая по размаху вспышка активности в общем малочисленных скандинавов была обусловлена в первую очередь возросшими потребностями формирующегося господствующего класса и ростом народонаселения — факторами, характерными для общества, находившегося у истоков классового строя. Успеху экспансии способствовали высокое развитие мореходства в Скандинавии, традиции внешней колонизации, крепкая военная организация, первоклассное по тем временам вооружение (см. ч. I, гл. 7), а также нестабильная международная обстановка в Европе.

Норманнская экспансия в Европе прошла ряд этапов. Первоначально это были отдельные пиратские нападения на корабли и прибрежные поселения, главным образом на Балтике и в Северном море (вторая половина VIII в.). С конца VIII и в первой половине IX в. набеги приобрели регулярный, массовый, организованный характер, а с середины IX в. сопровождались колонизацией. В X в. активность викингов спала, затем возобновилась к концу столетия. Датчане и норвежцы разбойничали преимущественно в Западной Европе, шведы действовали главным образом в Восточной Европе.

Наиболее глубоко деятельность викингов сказалась в Британии. Набеги на Британию датчан, норвежцев, шведов и готландцев систематически осуществлялись с конца VIII в. В 70-е годы IX в. они колонизовали значительную территорию и образовали в восточных районах страны так называемую «Область датского права» (Денло), обложив побежденных данью («датские деньги»). Хотя в X в. англосаксам удалось отстоять от датских набегов юг и запад страны, только в начале X в. она объединилась. С конца X в. экспансия датчан в Британии возобновилась, и в начале XI в. Кнут Великий (король Англии, 1016—1036; Дании, 1018—1036; Норвегии, 1030—1035) создал огромную Северо-Западную державу, включавшую Англию, Данию со Шлезвигом и югом Скандинавского полуострова, Норвегию. С его смертью, однако, Англия и Норвегия обрели независимость. В 1066 г. норвежский король-викинг Харальд Хардрад попытался вновь овладеть Англией, но потерпел поражение в битве при Стамфордбридже (см. ч. I, гл. 7).

В Шотландии и Ирландии действовали преимущественно норвежцы. В 70—80-е годы IX в. в Ирландии было образовано норманнское королевство с центром в Дублине. Победа объединителя Ирландии короля Бриана Боройме в 1114 г. положила конец норманнскому владычеству в Ирландии.

Около 800 г. датчане, сопутствуемые норвежцами, приступили к систематическому ограблению побережья континентальной Европы и доступных судам внутренних территорий континента. Они разорили селения куршей на Балтике, земли по нижнему течению Эльбы и Рейна, грабили французское побережье, селения в устье Луары и по Гаронне; поднявшись (в середине IX в.) вверх по Сене, захватили и подвергли разграблению Париж. Пройдя (еще в 820 г.) Ла-Манш, они пиратствовали в Бискайском заливе, затем, миновав Гибралтар, ограбили побережье Испании и Марокко, а в 846 г. осадили Рим.

В 911 г. вождь викингов Роллон, заняв территорию в устье Сены, стал вассалом французского короля и получил захваченную область в лен в качестве герцогства Нормандия. Постепенно норманны-завоеватели «растворились» среди местного населения, однако сохраняли тесные связи с миром викингов и их традициями. В XI в. выходцы из Нормандии завоевали Южную Италию и Сицилию, основав здесь в начале XII в. Сицилийское королевство норманнов.

В 874 г. норвежцы высадились в Исландии и колонизовали ее. Великолепные мореходы, исландские норвежцы славились дальними плава-

ниями. Около 982 г. знатный исландец Эйрик Рыжий высадился и обосновался в Гренландии. Его сын Лейф Эйрикссон около 1000 г. достиг Северной Америки.

В X—XI вв., когда активность викингов на западных землях спала, усилился их интерес к Восточной и Юго-Восточной Европе. Они поступали на службу в скандинавские дружины при дворах русских князей, в гвардию византийских императоров, участвовали в торгово-грабительских экспедициях к Белому морю и Северной Балтике. Шведы преобладали среди разноплеменных дружин русских князей.

Профессиональная воинская служба при княжеских дворах была важным способом внедрения варягов на Руси. Неся ратную службу, варяжские дружины, кроме того, собирали дань для князей и полюдье; треть собранного, по обычаю того времени, шла дружине. Некоторые варяги выполняли дипломатические поручения. Новгородский варяжский отряд через Киев перекочевал в Константинополь, где влился в корпус руссов, подчиненный непосредственно императору. Живя подолгу на Руси, варяги быстро ассимилировались в местной служилой среде (см. ч. I, гл. 8). Важной составной частью деятельности варягов была торговля: попутная — самих викингов, профессиональная — немногих тогда купцов.

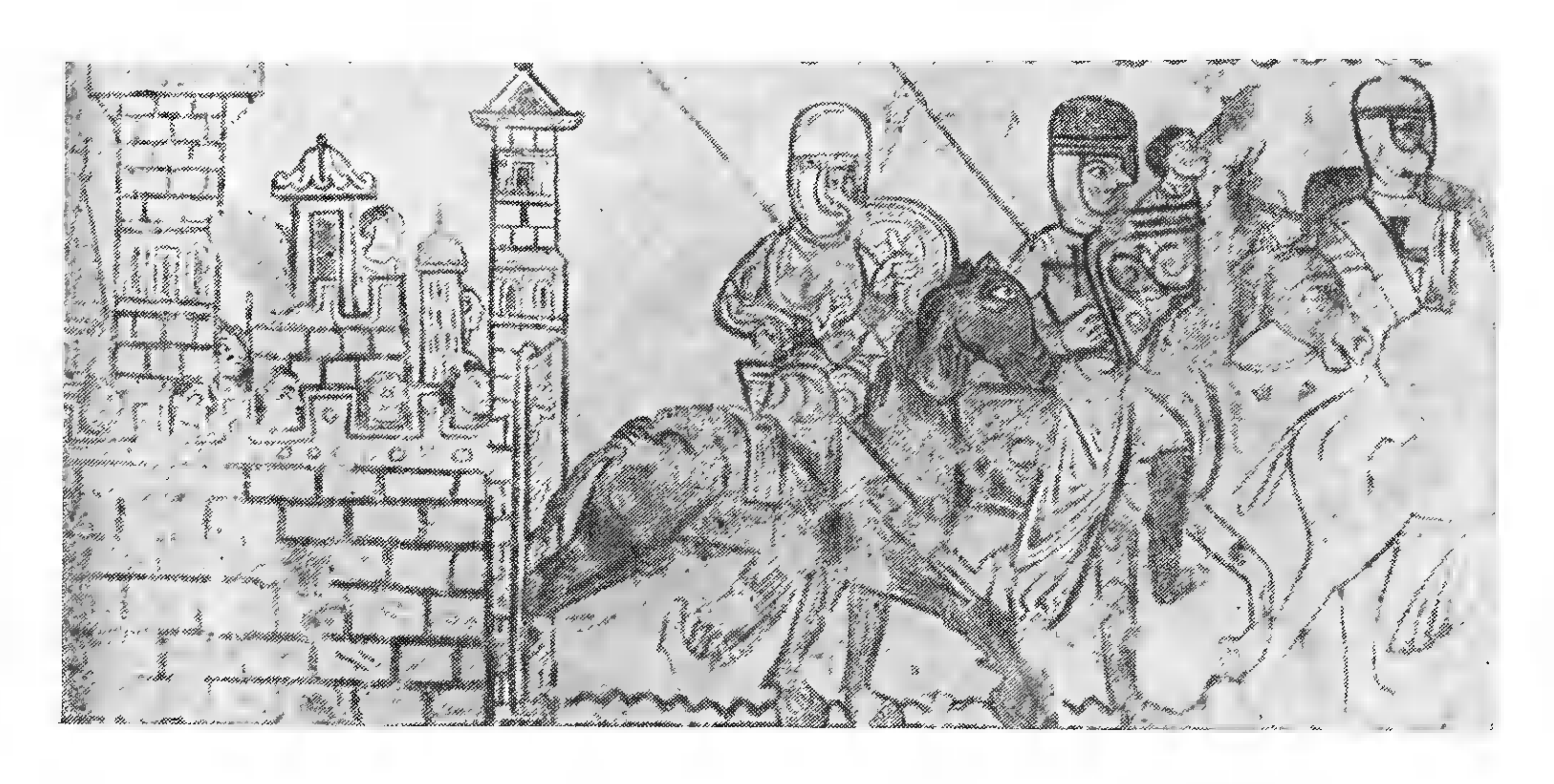
Агрессия норманнов со второй половины XI в. отступила перед силой сложившихся в Европе государств. Большинство созданных ими королевств были разрушены либо трансформированы под давлением местной среды. Викинги нанесли значительный урон народонаселению и материальной культуре ряда районов Европы. В странах, где их внедрение было глубоким и длительным, они насаждали свои общинные и языческие порядки. В то же время викингам Европа обязана открытиями и колонизацией ряда островов. Деловые разъезды норманнов по разным странам и их торговые операции шли в русле международных контактов и культурного обмена между разными регионами Европы, особенно Северо-Западной и Восточной, а также между Европой, Средней Азией и Арабским халифатом.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В XI—XIII вв.

Сближению народов и государств, разрушению укоренившейся их замкнутости во многом содействовал общий экономический рост Европы, связанный с завершением феодализационных процессов, с развитием городов, с расширением внутренней и внешней торговли. Вместе с тем, в торговых операциях купечества оказывались заинтересованными и феодальные правители, извлекавшие доходы из торговых сделок, что вело к ожесточенным, порой длительным войнам.

XI—XIII вв. были временем бурной феодальной экспансии в Европе и за ее пределами. Увеличение потребностей господствующего класса в связи с развитием рынка, а отчасти также и демографические сдвиги толкали все слои феодалов к захватам чужих земель и богатств. Одновременно в Европе происходило образование централизованных феодальных монархий, формировались народности, усиливалась королевская власть. Все эти процессы тесно переплетались между собою, порождая бесчисленные локальные, региональные, а иногда и едва ли не всеевропейские военные и дипломатические конфликты. Их возникновению в немалой степени способствовали и запутанные вассальные отношения, и сложное взаимодействие интересов отдельных групп феодального класса с династическими побуждениями правителей тех или иных королевств, княжеств и т. д.

В XII—XIII вв. продолжалась и в отдельные моменты достигала большой остроты борьба империи и папства. Теперь она осложнилась

Крестоносцы отправляются в поход. Фреска в капелле тамплиеров. Франция.

тем, что папство обрело себе сильного союзника в лице городов-государств Северной и Средней Италии, не желавших признавать власть германского императора и быть подданными так называемой Священной Римской империи, как с XII в. стала называться империя. Главным спорным вопросом в борьбе был теперь уже не вопрос об инвеституре епископов, а о германском владычестве в Италии. Кульминацией этой борьбы были 50—70-е годы XII в., когда Фридрих I Барбаросса вел ожесточенную борьбу с «Ломбардской лигой» (Союз папы и североитальянских городов), завершившуюся полным его поражением при Леньяно (1176 г.), а затем — время правления Фридриха II (1220—1250). Этот последний император из дома Гогенштауфенов, одновременно бывший королем Сицилии, также не сумел овладеть Северной и Средней Италией и подчинить себе папский престол, к чему он упорно стремился (см. ч. II, гл. 2). С этого времени борьба империи с папством утратила свое первенствующее значение в международной жизни средневековой Европы.

Во второй половине XI в. в Европе завязался новый узел международных противоречий — англо-французский. Нормандское завоевание Англии положило начало растянувшимся на столетия попыткам английского королевства создать объединенное англо-французское государство. Опираясь на династические права и военную силу, английский король Генрих II (1154—1189) сосредоточил под своей властью примерно половину французских земель (Нормандия, Анжу, Мен, Турень, Аквитания) и добился вассалитета герцога Бретани. Решение проблемы объединения Франции стало невозможным без борьбы с английской короной (см. ч. II, гл. 2).

В течение XII—XIII вв. англо-французские противоречия неоднократно приводили к вооруженным конфликтам, в которые вовлекались другие западноевропейские страны и феодальные правители отдельных областей. В 1173 г. Франция при поддержке шотландского короля и графа Фландрского вмешалась в междоусобную борьбу в Англии. Шотландию и Фландрию толкнули на вмешательство в англо-французское соперничество поиски путей независимого развития. Политическая ориентация Шотландии, постоянно находившейся под угрозой поглощения английским королевством, в течение всего периода развитого феодализма оставалась стабильно антианглийской. Фландрия же к концу XII в. ощутила большую угрозу своей относительной независимости с французской стороны и начала поддерживать Англию. В конце XII — начале XIII в.

центр англо-французских противоречий на время переместился в Средиземноморье и на Восток.

Крестовые походы XI–XIII вв.— наиболее общее и продолжительное проявление феодальной экспансии. Главным их направлением было Восточное Средиземноморье, однако под стягами креста часть западноевропейских феодалов устремлялась, особенно с последней трети XII в., и в Прибалтику, к землям славянских, балтийских и угро-финских народов Восточной Европы. Лозунги крестового похода зачастую освящали и внутреннюю феодальную экспансию (например, северофранцузских рыцарей в начале XIII в., выступивших против еретиков «альбигойцев» юга Франции — см. ч. II, гл. 2).

Воздействие крестовых походов на развитие международных отношений было крайне неоднозначным. Когда в конце XI в. сотни тысяч западноевропейцев из разных стран (причем на первых порах к рыцарству примкнули массы обнищавшего зависимого крестьянства) ринулись в Палестину, опьяненные идеями «спасения гроба господня от власти неверных» и «защиты братьев по вере от притеснений» мусульман, то эти массовые религиозно-завоевательные миграции поначалу содействовали известному сплочению народов Запада. Участники «священных войн» поневоле осознавали себя принадлежавшими к некоей общности, воодушевленные по крайней мере одинаковыми религиозными идеалами. «Хотя мы говорили на разных языках,— писал французский хронист, участник Первого крестового похода Фульхерий Шартрский,— казалось, однако, что мы являемся братьями и близкими родичами, единодушными в любви к богу» (Fulcherius Carnotensius. P. 337). В подобных высказываниях отразились признаки зарождающегося общего западноевропейского самосознания, превозмогающего языковые, этнические и другие различия.

Однако крестовые походы вместе с тем способствовали нарастанию уже и ранее значительных центробежных тенденций в развитии международных отношений. С одной стороны, по мере утверждения крестоносцев на Востоке их захватнические интересы приходили в непосредственное столкновение между собой в Ливане, Сирии, Палестине, в бассейне Средиземного моря и часто ставили крестоносцев на грань открытой междоусобной войны. С другой стороны, усиливавшаяся средиземноморская экспансия рыцарства, теснейшим образом переплетаясь со взаимоотношениями складывавшихся в самой Европе феодальных государств, втягивала их в завоевательные экспедиции рыцарства, а со временем стала решающим фактором средиземноморской экспансии Запада. В этих условиях противоречия между европейскими государствами еще более обострялись.

Примечательно, что как раз на время наиболее значительных крестоносных акций Запада приходятся и самые драматические эпизоды межгосударственных коллизий, причем именно в эти годы обычно складывается такая расстановка политических сил на международной арене, которая затем надолго будет определять основные линии развития в сфере войны и мира в Европе.

На сложные хитросплетения международной политики «накладывались» возраставшие, особенно со второй половины XII в., универсалистские тенденции в политике поднимавшихся феодальных монархий, их все глубже укоренявшиеся стремления к созданию какого-то подобия всеевропейской политической общности под эгидой одного государя. Претензии на «мировое» владычество изъявляли прежде всего, как отмечалось, германские императоры и римские папы. Но с идеей создания «универсального» государства носились и английские Плантагенеты, и французские Капетинги, и правители норманнского Королевства Обеих Сицилий. Современный французскому королю Филиппу II Августу хронист припи-

сывал ему горделивое заявление: «Одного человека достаточно, чтобы управлять всем миром». Попытки реализовать такого рода притязания, в свою очередь, приводили к бесчисленным вооруженным конфликтам в Европе, к образованию и распаду межгосударственных коалиций, к постоянным перекраиваниям политической карты. Универсалистская политика не имела никаких экономических предпосылок для успеха — она представляла собой лишь издержки процесса феодальной централизации, и, тем не менее, это был вполне реальный фактор международной жизни, в немалой степени влиявший на европейскую ситуацию в целом.

В ходе развертывания средиземноморской экспансии и централизаторско-универсалистских планов главных феодальных держав Западной Европы их интересы приходили в решительное противоречие с интересами Византийской империи. Последняя, со своей стороны, уже в конце XI в. старалась с помощью искусной дипломатии, сталкивая Венецию с Генуей, симулируя поддержку крестоносцев (а на самом деле чиня им всяческие препоны), ослабить натиск Запада, не только угрожавший ее позициям в левантийской торговле, но и представлявший опасность для самой территориальной целостности и государственной самостоятельности Империи. То одни, то другие «христианские» государства Запада оказывались вынужденными в борьбе против европейских соперников и Византии вступать в контакты и даже заключать союзы с мусульманскими государствами.

Столкновение интересов европейских государств в Средиземном море на почве их стремления взять под свой контроль эту оживленную магистраль левантийской торговли отчетливо обнаружилось уже во время Второго крестового похода 1147—1149 гг. Тогда же всплыли на поверхность и накапливавшиеся в течение столетия противоречия Запада с Византией. Все это обусловило союз Германской и Византийской империй и одновременно— соглашение Сицилийского королевства с Египтом, нападение Рожера II на Византию, которая в свою очередь заключила мир с сельджуками.

Парадоксальная, сложная ситуация повторилась и во время Третьего крестового похода (1189—1192 гг.). Англия, во владения которой в середине XII в. вошло герцогство Аквитания с Марселем, занимавшим важное место в левантийской торговле, стремилась обеспечить свое влияние во всех странах, прилегавших к Средиземному морю. Генрих II Плантагенет рассчитывал овладеть Иерусалимским королевством и вынашивал идею установления «всемирного» владычества англо-французской державы Плантагенетов.

К Средиземному морю устремлял свои взоры и германский император Фридрих I Барбаросса. Чтобы обеспечить переход Южной Италии и Сицилии к Гогенштауфенам, он в 1186 г. женил своего сына и преемника Генриха VI на наследнице сицилийского трона Констанции. В авантюристических проектах германского императора существенное место занимала также Византия. Называвший себя «владыкой мира» Фридрих I открыто заявлял о твердом намерении раздвинуть границы Германской империи до пределов старой Римской империи.

Врагом Плантагенетов в то время выступил французский король Филипп II, который участвовал в Третьем крестовом походе, надеясь в случае успеха укрепить позиции королевской власти в стране и затем нанести сокрушительный удар по главному противнику — Плантагенетам.

В Константинополе вызывали подозрения контакты Фридриха I с непосредственным противником Византии на Востоке — Иконийским султаном Кылыч-Арсланом II (1155—1192 гг.). Тугой узел международных противоречий завязался в эти годы и в Юго-Восточной Европе. В 1185—1187 гг. против власти Византии восстали болгары: к северу от Балканских гор образовалось самостоятельное государство — Второе Бол-

гарское царство. На пути к достижению своей независимости стояла и Сербия. Сербия и Болгария при этом находились между собой в дружественных отношениях (см. ч. II, гл. 5, 6). Фридрих I стремился натравить правителей обоих государств на Греческую империю. Летом 1189 г. византийский император Исаак II Ангел подписал соглашение с главным врагом крестоносцев — египетским султаном Салахом ад-Дином: ему была обещана поддержка против Кылыч-Арслана II. Таким образом, оба «христианских императора» — германский и византийский — оказались в это время в союзе с мусульманскими государями.

Враждебные отношения разъединили во время Третьего крестового похода также Францию и Англию. Когда по дороге на Восток войска английского короля Ричарда I предприняли попытку овладеть Сицилией, Филипп II вступил в тайные переговоры с ее правителем и постарался воспрепятствовать этому.

Не дождавшись окончания военных действий в Палестине и взятия осажденной крестоносцами Акры, французский король уехал домой и развернул войну против Ричарда I в его континентальных владениях. На пути во Францию Филипп II встретился в Милане с императором Генрихом VI, считавшим себя законным наследником сицилийского трона, и они договорились о совместных действиях против Ричарда. Осенью 1192 г. Генрих VI взял в плен Ричарда I, продержав его затем у себя около двух лет. В 1194 г. Генрих VI захватил Сицилию и начал подготовку к войне против Византии, овладение которой должно было послужить первым шагом на пути создания «всемирной монархии» Гогенштауфенов. Византию предполагалось в случае удачи включить в Священную Римскую империю. Весной 1197 г. первые отряды немецких крестоносцев численностью до 60 тыс. человек двинулись к Акре. Кипрский король Амори Лузиньян признал себя вассалом германского императора. Это предприятие, однако, рухнуло со смертью Генриха VI в сентябре 1197 г.

Традиции вражды Запада и Византии с особой очевидностью проявились в Четвертом крестовом походе, организованном папой Иннокентием III в 1198 г. Этот поход неожиданно для современников в результате сложного сплетения интересов различных политических сил закончился завоеванием западными рыцарями (французскими, германскими, итальянскими) в 1203—1204 гг. Константинополя. На месте Византии было создано новое государство западных феодалов — Латинская империя (1204—1261 гг.) (см. ч. II, гл. 4).

Между тем с начала XIII в. Филипп II Август начал наступление на континентальные владения Плантагенетов. В 1202—1206 гг. он отвоевал у английского короля Иоанна Безземельного Нормандию, Мэн, Анжу и Турень. К тому же в итоге столкновения с Иннокентием III Иоанн Безземельный был вынужден признать себя его вассалом. Английский король организовал коалицию против Филиппа II. В нее вошли германский император Оттон IV Вельф, граф Фландрский и некоторые недовольные Капетингами крупные французские феодалы. Однако в знаменитых сражениях 1214 г. при Ла-Рош-о-Муане (область Аженэ) и Бувине (Фландрия) англичане и их союзники были разгромлены (см. ч. II, гл. 2).

Воспользовавшись острой вспышкой недовольства политикой Иоанна в Англии в 1215 г., Филипп II выдвинул претензии на английский трон. Его сын принц Людовик (будущий французский король Людовик VIII) высадился с войсками на юге Англии (1216 г.). Английская монархия с большим трудом отразила этот удар (престол в 1216 г. перешел к сыну Иоанна Генриху III). Все завоевания французских королей на континенте получили признание де-факто, а в 1259 г. были закреплены юридически в Парижском договоре между английским и французским королями. Континентальные владения Англии свелись к небольшой области на юго-западе Франции с центром в Бордо. Однако Плантагенеты не оставляли

надежды на восстановление «Анжуйской империи», включавшей некогда половину Франции.

XI—XIII вв. были временем расширения экономических и культурных связей европейских государств. Основу этого процесса составлял их внутренний социально-экономический прогресс. Значительно вырос также товарообмен между странами Западной Европы и Востока. Большую роль в средиземноморской торговле стали играть Барселона, Марсель, Монпелье, а особенно — итальянские города-республики (Венеция, Генуя, Пиза), учредившие свои фактории в странах Восточного Средиземноморья и потеснившие там арабских и греческих купцов.

Экономические, дипломатические и культурные сношения с Востоком, в частности путешествия европейцев в восточные страны, предпринимавшиеся с политическими, торговыми и религиозными целями (Джованни дель Плано Карпини, братья Никколо, Маффео и Марко Поло и др.), обмен товарами, изделиями ремесла и продуктами земледелия были весьма плодотворны для Западной Европы. Они значительно раздвинули географический кругозор европейцев, которые к тому же позаимствовали у народов Востока ряд технических достижений, в том числе ветряную мельницу и усовершенствованное водяное колесо. Из восточных стран были переняты некоторые ранее не известные в Европе сельскохозяйственные культуры: рис, гречиха, арбузы, лимоны, абрикосы. С XII в. стал входить в употребление сахар, завезенный на Запад из Сирии. По восточному образцу начали изготовлять такие сорта ткани, как муслин (по названию города Мосула в Месопотамии), дамаст (от города Дамаска), атлас (по-арабски — «красивый»). Влияние Востока сказалось и в бытовых нововведениях (устройство горячих бань, частая смена белья и верхнего платья и пр.).

Влияние культуры Востока и заимствование технических достижений его народов шло в Западную Европу различными путями и не только из стран Восточного Средиземноморья, где побывали крестоносцы, но и из некогда арабской Сицилии, через арабов, длительное время господствовавших в Испании (см. ч. III, гл. 4).

Важное место в международной жизни Европы X—XIII вв. занимала Древняя Русь. Как в период складывания и развития Киевского государства, так и во время феодальной раздробленности (до установления монгольского ига к середине XIII в.) Русь играла активную роль в европейской политике. Формирование политического единства Руси сопровождалось острой борьбой с соседними государствами и землями, в ходе которой она вступала в различные политические союзы. Принятие христианства в конце X в. способствовало упрочению внешнеполитических сношений страны, вывело ее в ряды могущественных христианских держав средневекового мира. Русь стала признанной силой на международной арене.

В XI в. Древнерусское государство укрепляет свои позиции в Восточной Европе, заключая союзы с Польшей, Венгрией, Чехией. Завязываются связи и с Западной Европой. При Владимире и Ярославе Мудром предпринимаются неоднократные попытки русско-немецкого сближения, которое, впрочем, оставалось зыбким. В 1051 г. женитьбой французского короля Генриха I на дочери великого киевского князя Анне Ярославне был скреплен союз с Францией. Около 1074—1075 гг. дочь последнего англосаксонского короля Харальда — Гита была просватана за Владимира Мономаха.

Борьба с кочевниками южнорусских степей (печенегами, половцами и др.), постоянно угрожавшими селам и городам Киевской Руси, являлась важным аспектом внешней политики Древнерусского государства.

Составной частью широкой внешней политики Руси были и ее взаимоотношения с Византией. Древнерусское государство формировалось,

укрепляло свои границы и внешнеторговые интересы, преодолевая упорное сопротивление Византии. Константинополь, удерживавший Северное Причерноморье, стремился ослабить Русь. С этой целью он заключал союзы с ханами кочевых орд, сменявших друг друга, в степной полосе Южной Руси. Опираясь на церковные узы с Киевом, византийские правительства всячески старались помешать ее сближению с враждебными самой Греческой империи католическими государствами Западной Европы. Все это делало русско-византийские отношения неустойчивыми. Периоды мира чередовались с периодами открытых вооруженных конфликтов. Так, Ярослав Мудрый пошел даже на разрыв всех — военно-политических, торговых и церковных — связей с Византией: в 1043 г. большой русский флот, собравшись на Дунае (на кораблях находилась дружина в 20 тыс. воинов), двинулся к Константинополю (экспедиция эта, правда, потерпела неудачу).

В мирное время Киевская Русь вела интенсивную торговлю с Византией. Наемные русско-варяжские отряды в XI в. нередко участвовали в византийских войнах: против печенегов в Македонии и Фракии, против норманнов в Италии, против сельджуков в Грузии и Армении.

С возобладанием феодальной раздробленности на Руси широкие воинские предприятия прекращаются, ранее единая внешнеполитическая линия прерывается, курс внешней политики обретает полицентричность. Тем не менее и в это время отчетливо проступают некоторые традиционные тенденции внешней политики Руси, прежде всего противодействие экспансионистским поползновениям Германской и Византийской империй, а также папскому теократически-универсалистскому курсу, предполагавшему церковно-политическое подчинение как Византии, так и Руси «апостольскому престолу».

Уже во второй половине XI в., начиная с понтификата Григория VII, Русь стала одной из важнейших целей в планах римской курии. В XII в. русские земли, как и другие славянские территории Восточной Европы, сделались непосредственным объектом нападений немецких рыцарей-крестоносцев, тайно и явно инспирировавшихся папами и их окружением. В начале XIII в. под эгидой папства образуется военно-монашеский орден Меченосцев. Орден Меченосцев, как и Тевтонский, перенесший в начале XIII в. свою деятельность в Восточную Европу, под покровительством папского престола развернул экспансию в Прибалтике и против русского Северо-Запада. Большую активность проявляло папство и по отношению к Галицко-Волынской Руси. Намерение папства и немецкого рыцарства овладеть всей Восточной Прибалтикой было сорвано победой литовцев над немцами в 1236 г. при Шауляе.

В первой половине XIII в. западноевропейские государства продолжают организовывать все новые и новые крестовые походы на мусульманский Восток, безуспешно пытаясь упрочить свои шаткие позиции в Сирии и Палестине. Не утихает борьба между германскими императорами и римскими папами.

Во время Пятого похода (1217—1221), когда после взятия города Дамиетты в Египте между крестоносцами вспыхнули распри из-за добычи, папский легат Пелагий, выступивший в роли главнокомандующего, в поисках союзников для завоевания Египта обратился... к предводителю монгольских орд, вторгшихся тогда в Персию,— Чингисхану. Вскоре перед грозной опасностью монгольского завоевания оказалась вся Восточная и Центральная Европа.

Полчища хана Батыя, разорив и опустошив в 1237—1240 гг. русские земли (см. ч. II, гл. 7), весной 1241 г. двинулись в Польшу и Венгрию. Большое войско, состоявшее в основном из польских и немецких отрядов, пыталось остановить монголо-татарских завоевателей у города Лигница (Силезия), однако потерпело полное поражение в апреле 1241 г. Такая

же участь постигла и 60-тысячное венгерское войско. Император Фридрих II не оказал никакой поддержки ни полякам, ни венграм, хотя венгерский король даже обещал стать его вассалом, если Фридрих поддержит его против монголов. Передовые монголо-татарские отряды дошли до Адриатики. Западная Европа, раздираемая внутренними конфликтами, стояла беззащитной перед лицом восточных завоевателей. Неожиданно они повернули назад и ушли в степи Причерноморья и Заволжья. Причина состояла в том, что армии монголо-татар были сильно истощены длительными военными походами и героическим сопротивлением, которое им на протяжении трех с лишним лет оказывала Русь.

Немецкие рыцари в союзе со Швецией, Норвегией и Данией с благословения папы предприняли крестовый поход против Северо-Западной Руси, который завершился победами новгородского князя Александра Ярославича в сражениях на Неве (1240 г.) и на Чудском озере (1242 г.).

В 40-х годах XIII в. Рим возобновил свою крестоносную активность. Горячим приверженцем идеи крестовых походов стал французских король Людовик IX Святой (1226—1270), который в борьбе за Северную Африку попытался заключить против мусульман союз с монголо-татарами. Однако еще до него союза с ними домогался папа Иннокентий IV. С этой целью он и направил Джованни дель Плано Карпини к великому хану Золотой Орды, а позднее (в 1247 г.) и миссию к воеводе Байду во главе с доминиканцем Ансельмом Асцелином. Папа надеялся при поддержке монголов спасти Латинскую империю, которой угрожали тюрки и греки, обрести в лице монголов союзника против Фридриха II и утвердить владычество римской курии над русскими землями, недавно попавшими под монгольское иго. Папа предлагал монголо-татарским правителям... принять христианство в его католической форме (разумеется, эта затея окончилась полнейшим фиаско).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В XIV—XV вв.

В XIV—XV вв. произошли серьезные перемены в расстановке сил на международной арене. Перестала играть сколько-нибудь значительную роль в европейской политике Германская империя, ослабевшая после прекращения династии Гогенштауфенов (1254 г.); в период острой внутриполитической борьбы заметно снизилось политическое могущество папства.

В связи с усилением централизаторских тенденций в передовых европейских странах многие спорные проблемы — в отличие от прежнего времени, когда конфликты из-за них выливались в частные династические распри,— превратились в причины столкновений государственных интересов. Становление и укрепление феодальной государственности диктовало необходимость территориального размежевания и нередко создавало основу для острых межгосударственных коллизий. Существенным фактором международной политики оставались экспансионистские устремления феодалов, усиливавшиеся растущей потребностью в деньгах.

К началу XIV в. в центр международной жизни Западной Европы выдвинулись англо-французские противоречия. Юго-западные области Франции (Гасконь и Аквитания), юридически являвшиеся леном английского короля, стали на рубеже XIII—XIV вв. причиной военного столкновения между английской и французской монархиями (война 1294—1302 гг.). Еще с XII в. в орбиту англо-французских конфликтов были вовлечены Фландрия и Шотландия. В начале гасконской войны оформились два военно-политических союза: между Францией и Шотлан-

дией, с одной стороны (1295 г.), и Англией и графом Фландрским, с другой (1297 г.). Английская монархия угрожала независимости Шотландии, а Франция стремилась реально подчинить Фландрию — своего номинального вассала. Война в Гаскони закончилась заключением Парижского договора (1303 г.). Он сохранял status quo, а значит, не решил ни одной спорной проблемы. Столь же безрезультатной была война в Гаскони в 1323—1325 гг.

Готовясь к неизбежному крупному военно-политическому столкновению, Англия и Франция расширяли и укрепляли свои международные связи. Французская монархия добилась в начале XIV в. крупного политического успеха в столкновении с папством, в 1309 г. началось «авиньонское пленение» пап. Глава католической церкви на несколько десятилетий (до 1377 г.) превратился в проводника политики французских королей. Был подтвержден и укреплен франко-шотландский союз (Эдинбургский договор 1328 г.). Франция сумела вовлечь в орбиту англо-французских противоречий и Кастилию: в 1288 г. был подписан, а в 1305 г. подтвержден франко-кастильский договор. Первоначально он был направлен против Арагона — в то время основного соперника Кастилии на полуострове. Позднее, уже в ходе Столетней войны, союз приобрел антианглийскую направленность.

Дипломатическая активность английской короны в подготовке войны была обращена в сторону Нидерландов. Окрепшие экономические связи Англии с крупнейшими городами Фландрии обусловили размежевание позиций графов Фландрских и горожан. Феодальные правители этой области, уступая военному и политическому напору Капетингов, превратились в их верных вассалов, в то время как горожане стремились сохранить с Англией дружественные отношения. К этому их толкала угроза независимости Фландрии и вольностям фландрских городов, исходившая от Франции, и стремление развивать торговлю с Англией. В конце 30-х годов XIV в. сближение фландрских городов с Англией переросло в официальный союз. Английский король с помощью династических связей и денег сумел также привлечь на свою сторону большинство феодальных правителей ряда других областей Нидерландов: Гельдерна, Брабанта, Геннегау, Голландии, Зеландии и других. В 1337 г. Эдуарду III удалось заключить договор о союзе против Франции с германским императором Людвигом Баварским. Основой этого сближения послужили противоречия империи с папством — в тот момент приверженцем Франции — и сохранение остатков былых притязаний империи на Италию, где укрепился Анжуйский дом, тесно связанный с французской монархией.

Столетняя война между Англией и Францией (1337—1453 гг.) — крупнейший военно-политический конфликт в западноевропейском регионе эпохи развитого феодализма. Несмотря на длительные перерывы в военных действиях, он имел единый комплекс причин, вытекавших из давних и глубоких англо-французских противоречий. В истории войны можно выделить четыре этапа, которые отличались не только резкими переменами военного счастья, но и изменениями в ее характере. Первый — от объявления войны английским королем Эдуардом III в 1337 г. до мира в Бретиньи 1360 г. Это было время непрерывных военных поражений Франции, в результате которых она была вынуждена пойти на подписание крайне тяжелого мирного договора: французская монархия теряла огромные владения на юго-западе и порт Кале. В конце 50-х годов XIV в. наметилось изменение характера войны, так как широкие массы населения включились в сопротивление завоевателям. Реформы французского короля Карла V также способствовали успеху Франции на втором этапе войны — 1369—1396 гг. Была освобождена большая часть захваченных англичанами земель, но под властью Англии оставались важные опорные пункты на побережье (Бордо, Байонна, Брест,

Шербур, Кале). Перемирие 1396 г. не решало ни одного спорного вопроса и было просто передышкой на 28 лет для обеих стран.

Третий этап — 1415—1420 гг.— стал временем новых крупных военных успехов Англии. Генриху V удалось разбить французскую армию при Азенкуре (1415 г.) и реально подчинить английской власти Нормандию и ряд других областей Франции. Опираясь на гибельные для французской монархии противоречия в среде высшей знати и поддержку сторонников герцога Бургундского, английская корона добилась подписания договора в Труа (1420 г.). Согласно его условиям, французская корона после смерти короля Карла VI должна была перейти к английскому королю Генриху V. Это юридическое решение создавало возможность универсализации английской монархии, хотя ему противоречил достигнутый Францией высокий уровень государственности и исторической самобытности. Оно усилило вновь разгоревшееся массовое сопротивление в стране, придав войне освободительный со стороны Франции характер. На четвертом этапе Столетней войны — 1420—1453 гг.— освободительное движение стало важной опорой королевской власти (высшим проявлением этого была деятельность Жанны д'Арк), что в значительной мере определило победу Франции и изгнание англичан из страны. Их единственным владением на континенте еще в течение столетия оставался важный в стратегическом и торговом отношении город Кале.

Таким образом, исторически сложившийся комплекс англо-французских противоречий был решен в пользу дальнейшего движения обеих монархий по пути централизации и создания национальных государств.

Столетняя война приобрела невиданные прежде международные масштабы, поистине общеевропейский характер. В течение этой длительной войны происходили существенные сдвиги в расстановке сил на международной арене. Наименее прочным оказался основанный на временном политическом расчете союз Англии с германским императором. Достигнув относительного примирения с папой Бенедиктом XII, Людвиг Баварский уже в 1341 г. под влиянием папы разорвал свой договор с английским королем.

Серьезная переориентация произошла в международных позициях Фландрии. Захваченный англичанами в 1347 г. французский город Кале стал опасным конкурентом фландрских городов по ввозу английской шерсти. Бесконечная англо-французская война у берегов Фландрии и на ее земле разоряла горожан. Все это подрывало экономическую основу союза Англии с фландрскими городами. Его ослабление имело и политическую подоплеку: в 1368 г. французский король Карл V с помощью папы добился брака своего брата — герцога Бургундского с единственной наследницей графа Фландрского. На этой династической основе, подкрепленной военным участием Франции в подавлении восстания фландрских городов (1382 г.), графство в 1384 г. перешло под власть бургундского дома и было включено в состав недолговечного Бургундского государства (см. ч. II, гл. 2). После его распада (1477 г.) Фландрия оказалась под властью Габсбургов.

На Пиренейском полуострове в течение XIV в. в центр политической жизни выдвинулась борьба за гегемонию между Кастилией и объединенным королевством Каталонии и Арагона. Соперничество обострялось нерешенностью пограничных вопросов. На Пиренейском полуострове эта проблема стояла особенно остро в связи с длительным и сложным процессом Реконкисты и обусловленной им нестабильностью пограничного деления. Все это толкало государства Пиренейского полуострова на поиски политической и военной поддержки извне. Союз Кастилии с Францией был обусловлен не только стремлением французской монархии обрести опору против Англии, владевшей предпиренейскими областями Франции, но и тем, что кастильская монархия опасалась усиления Ара-

гона, который в XIV в. быстро складывался в сильную морскую державу.

Одной из форм борьбы стран Пиренейского полуострова за разрешение своих внутренних противоречий стало их участие в англо-французском военно-политическом конфликте. В 1356 г. началась война между Кастилией и Арагоном. Однако потерпевшая несколько тяжелых поражений в войне с Англией Франция не могла реально поддержать кастильского короля Педро I Жестокого. Этим воспользовалась Англия. В 1362 г. Педро I подписал договор о союзе с Эдуардом III. В ответ Франция поддержала претендента на кастильский престол Энрике Трастамарского. Под предлогом защиты его прав французские войска вторглись на Пиренейский полуостров. Сражение при Найере (1367 г.), в котором участвовали английские и французские рыцари и лучники, было не только моментом внутриполитической борьбы в Кастилии, но и одним из актов Столетней войны.

Успех Англии на Пиренейском полуострове был временным. Универсалистские тенденции в политике английской монархии коснулись и стран Пиренейского полуострова: у Педро I было вырвано обещание территориальных уступок Англии. Франция не выдвигала подобных требований. Этим во многом объяснялись крушение политики Педро I и победа французского ставленника Энрике Трастамарского (кастильский король Энрике II с 1369 г.). Подтвержденный и обновленный франко-кастильский союз (1368 г.) был открыто направлен отныне против Англии. Кастилия приняла активное участие в морских сражениях с английским флотом на втором этапе Столетней войны (70-е годы XIV в.).

В 70—80-х годах вспыхнул военно-политический конфликт между Кастилией и Португалией. Так же как и противоречия Кастилии и Арагона, он был обусловлен борьбой за территориальное и политическое размежевание. Опираясь на династические права, кастильская монархия, начиная с 70-х годов XIV в., неоднократно предпринимала военные и политические акции против португальских королей. Сопротивляясь этим притязаниям, Португалия боролась за возможность независимого развития. Обычные в такой ситуации поиски международной поддержки привели Португалию к сближению с Англией, которая давно стремилась создать в этом регионе противовес франко-кастильскому союзу. В 1381 г. был заключен англо-португальский союз. Одновременно Франция подтвердила союз с Кастилией. В 80-е годы англичане предприняли против Кастилии несколько военных экспедиций, довольно безрезультатных в военно-политическом отношении. Наиболее серьезные события произошли в 1383—1385 гг., когда возникла реальная возможность присоединения Португалии к Кастильскому королевству династическим путем. Эта перспектива вызвала резкое сопротивление в различных (преимущественно демократических) слоях португальского общества и рост патриотических настроений.

Политический кризис на Пиренейском полуострове был использован Англией и Францией для очередного акта борьбы за влияние в этом регионе. В то же время столкновение на Пиренейском полуострове имело значение для развития событий Столетней войны. В битве при Алжубарроте, где Португалия отстояла свое независимое развитие (1385 г.), вновь участвовали английские и французские войска. Поражение Кастилии помогло Англии добиться прекращения активного участия кастильского флота в англо-французской войне.

Последней попыткой Англии укрепить свои позиции в этой части Европы стало вторжение в Кастилию английских войск под предводительством герцога Ланкастерского Джона Гонта — претендента на кастильский трон (1386 г.). В ответ на это в том же году был в очередной раз подтвержден франко-кастильский союз. Неудача английского вторжения

надолго положила конец вмешательству Англии, а затем и Франции в дела пиренейских стран.

По договору 1411 г. кастильский король отказался от притязаний на португальскую корону. Арагон в международных делах также все дальше отходил от сферы англо-французских противоречий. Расширение масштабов морской державы обусловило столкновение арагонской короны с итальянскими государствами в борьбе за Неаполитанское королевство (присоединено к Арагону в 1442 г.). Отказ Кастилии и Арагона от участия в борьбе враждующих европейских группировок явился одним из факторов, которые способствовали сближению двух монархий и сделали возможной унию 1479 г. между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской.

Наиболее долго и прочно оставалась в русле англо-французских противоречий Шотландия. Союзные отношения Франции и Шотландии носили откровенно антианглийскую направленность. В документах, оформлявших союзнические отношения, указывалось, что все шотландские города и деревни «должны и впредь участвовать в любой войне против английского короля», опустошая английские земли. Франция же обязалась «прочно стоять на стороне шотландского короля» (APS. Vol. I. P. 95—97). Успешное завершение Шотландией войны за независимость (1296—1328 гг.) обусловило дальнейшее укрепление франко-шотландского союза и появление взаимных военных обязательств. Во время англо-шотландской войны 1332—1339 гг., почти совпавшей хронологически с первым этапом Столетней войны, англичане вынуждены были бороться на два фронта. Добившись почти полного освобождения своей территории, шотландцы вторглись в Северную Англию. И хотя они потерпели серьезное поражение в битве при Невилл-Кроссе (1346 г.), их действия имели большое значение для неудачно начавшей войну Франции.

В конце 40-х — начале 50-х годов XIV в. Англия была вынуждена бороться за обеспечение нейтралитета Шотландии. Франко-шотландский союз превратился в весомый фактор международных отношений в Западной Европе. Опасность этого союза для Англии была столь значительна, что начиная с 50-х годов XIV в. на всех англо-французских переговорах англичане пытались добиться его разрыва. В навязанном Франции после серии ее военных неудач договоре в Бретиньи (1360 г.) было объявлено о расторжении франко-шотландского союза «на все времена». Тем не менее он остался политической реальностью и в 1371 г. был официально подтвержден.

Французские войска приняли участие в новой англо-шотландской войне 1385—1389 гг., шотландцы постоянно участвовали в Столетней войне на стороне Франции, оказав особенно серьезную поддержку Карлу VII в 20—40-х годах XV в. Лишь во второй половине XV в. в связи с завершением англо-французской войны и ослаблением Англии в результате войны Роз ослабла и угроза Шотландии. Возникло взаимное стремление к мирному урегулированию противоречий (договоры 1474 и 1502 гг.). Сохраняя юридическую силу, франко-шотландский союз претерпел глубокие внутренние изменения и к началу XVI в. утратил прежнее значение в международной жизни Европы.

Англо-французские противоречия, в сферу которых был вовлечен широкий круг западноевропейских государств, в основном разрешились в результате Столетней войны. Участие, которое приняли в ней другие страны, в конечном счете определялось общими процессами укрепления государственности и установления межгосударственных границ, борьбы за независимость, противоборства сил централизации и феодального сепаратизма, а также потребностью в феодальной экспансии.

Опасность поглощения Франции английской монархией вызвала к жизни широкое освободительное движение, выросшее на основе креп-

нущего национального самосознания. Подобные движения стали в Европе XIV—XV вв. характерным явлением, которое играло заметную роль в международной жизни.

Сходные столкновения универсалистских тенденций с формированием основы будущих национальных государств происходили в XIV—XV вв. и в других регионах Европы. В течение XIV в. в Скандинавских странах преобладала линия сближения феодальных монархий. В отличие, например, от несостоявшихся попыток насильственного политического объединения Кастилии и Португалии или Англии и Франции, здесь основой сближения послужили общие интересы крупных феодалов Дании и Швеции, имевших поместья и лены во всех Скандинавских странах. Норвегия, более слабая в экономическом и политическом отношениях, была вовлечена в орбиту ведущих политических тенденций в развитии Дании и Швеции. Растущие скандинавские города получали в условиях сближения соседних стран более благоприятные условия для торговли.

И наконец, существенную роль в том, что на некоторое время в регионе возобладала тенденция к созданию объединенного королевства наряду с этно-культурной и экономической близостью Скандинавских стран сыграло экономическое и политическое давление со стороны северогерманских княжеств.

Формой реализации этой линии в международных отношениях на Скандинавском полуострове стала серия уний, возникавших на естественной для эпохи династической основе: унии Швеции и Норвегии (1319—1365 гг.), Дании и Норвегии (1380 г.), Дании и Швеции (1389 г.). Потребность в политическом единстве особенно обострилась после тяжелого поражения Дании в войне с немецкой Ганзой (1367—1370 гг.).

В 1397 г. на династической основе была заключена Кальмарская уния. Условиями этого политического соглашения были взаимная поддержка и совместные акции в международных и военных делах при сохранении неизменного независимого внутреннего устройства. Формой реализации союза была коронация коронами Дании, Швеции и Норвегии Эрика Померанского — внучатого племянника королевы Маргариты Датской.

Первоначально уния способствовала укреплению королевской власти и позиций высшего слоя датского дворянства. Однако уже в первой половине XV в. в Швеции и Норвегии сложилась сильная оппозиция начавшемуся датскому засилью. Широкие слои населения Швеции — купцы, рудокопы, крестьяне, отдельные выходцы из среды рыцарства — приняли участие в известном восстании под руководством Энгельбректа (1434—1436 гг.) (см. ч. II, гл. 7). В результате восстания Швеция добилась полной независимости (формально она вышла из унии в 1523 г. в связи с избранием королем Густава I Вазы). В Норвегии, отстававшей по уровню развития экономики и государственности, тенденция к созданию национального государства была надолго подавлена: в 1537 г. страна утратила независимость и превратилась в провинцию Дании (до 1814 г.).

Противоборство универсалистских и национальных тенденций играло ведущую роль и в международных отношениях в Центральной Европе. В этом регионе оно было тесно связано с внешней политикой Германской империи и немецкой агрессией против ряда стран в центре, на востоке и юго-востоке европейского континента.

В XIV—XV вв. итальянская политика Германии отошла на второй план по сравнению с X—XIII вв. Империя отказалась от борьбы с Анжуйским домом, укрепившимся в Сицилийском королевстве и на юге Италии. После захвата в 1365 г. графства Бургундии у ослабленной поражениями в Столетней войне французской монархии, которую поддер-

живало папство, центр германской внешней политики надолго переместился на восток и юго-восток.

В XIV в. усилилась немецкая колонизация в Чехии, заэльбских и придунайских областях. Номинально подчинявшиеся германскому императору орденские организации все больше угрожали самостоятельному развитию славянских стран. Русские земли стали главным объектом экспансии Ливонского ордена; Тевтонский и Ливонский ордена осуществляли агрессивную политику в отношении Польши и Литвы. Поиски внешнеполитической опоры против внешней опасности привели к образованию военных союзов и династических уний и в этом регионе. В 1325 г. был заключен польско-литовский союз, закрепленный браком королевича Казимира с дочерью литовского князя Гедимина Алдоной. Последовавшая затем война против Тевтонского ордена не принесла союзникам решительного успеха.

В течение нескольких десятилетий при Казимире III (1333—1370) Польша попыталась противопоставить давлению ордена династический союз с Венгрией. Польский престол перешел к венгерскому королю Людовику из Анжуйского дома. Однако после смерти Людовика Венгерского (1382 г.) польско-венгерская уния была разорвана. Польша возвратилась к прежней ориентации на сближение с Литвой, поскольку захваты немецкими рыцарями отдельных земель и крепостей в Польше и Литве готовили почву для назревавшей большой войны с орденом. Это привело в 1385 г. к новой, польско-литовской Кревской унии на традиционной династической основе. Был заключен брак между литовским князем Ягайло и польской королевой Ядвигой. Уния была воспринята верхушкой орденской организации как крайне невыгодная для интересов ордена: великий магистр ордена Конрад Цолльнер, узнав о заключении унии, опасался, не окажется ли это гибельным для его ордена.

Так называемая Великая война 1409—1411 гг. объединенного польско-литовского королевства против Тевтонского ордена нанесла очередной удар по немецкой агрессии на Востоке Европы. В знаменитой битве под Грюнвальдом 15 июля 1410 г. Тевтонскому ордену был нанесен удар, предопределивший развал орденского государства в середине XV в. Условия нового Торунского мира (1411 г.) предусматривали прекращение агрессии крестоносцев на Восток.

Сходные проблемы решались в XIV—XV вв. и Чехией, также испытывавшей воздействие немецкой колонизации. Чешские короли, хотя и являлись курфюрстами Германской империи, во второй половине XIII — начале XIV в. неоднократно пытались включить Чехию в иные обширные государственные образования (например, державу Пржемысла II) или временно объединиться с польской и венгерской коронами. В первой половине XIV в. Чехия вошла в состав владений Люксембургов и вновь оказалась в сфере воздействия Германской империи.

Большую роль в укреплении международного авторитета Чехии и тенденции к самостоятельному развитию сыграл разгром гуситами крестовых походов, организованных папством и германским императором (см. ч. II, гл. 6). С 1420 по 1431 г. войска таборитов отразили пять нашествий крестоносцев и нанесли серьезный удар международному авторитету папства и агрессивным устремлениям Священной Римской империи.

Одна из наиболее значительных проблем в международной жизни Западной Европы XIV—XV вв. была связана с судьбой Византийской империи. С начала XIV в. Византия и славянские государства Балканского полуострова ощущали нарастающую угрозу со стороны Османской империи. Опасность завоевания была обусловлена не только военно-политической мощью султана, но и внутренней слабостью стран Балканского полуострова и постоянными конфликтами между ними. Междуна-

родную обстановку на Балканах осложняла позиция Западной Европы: папство рассчитывало ослабить Византию и подорвать авторитет православной церкви; Венеция и Генуя боролись за приоритет в средиземноморской торговле.

Последняя попытка Византии остановить продвижение турок в Азии, закончившаяся поражением армии Андроника III при Филокрене в 1329 г., совпала по времени с обострением международных противоречий на Балканском полуострове. В начале 30-х годов XIV в. Болгария и усилившаяся Сербия конфликтовали друг с другом. Византия, опасавшаяся усиления каждой из них, поддерживала то одну, то другую сторону. В этой благоприятной обстановке турки продолжали наступление на византийские владения в Малой Азии и все чаще появлялись во Фракии.

В 40—50-х годах XIV в., используя внутренние неурядицы в Византии, в частности восстание зилотов, Генуя захватила ряд островов Эгейского моря (в том числе Самос и Хиос), а Сербия вытеснила византийцев из Македонии. Византийские феодалы привлекали турок к междоусобной борьбе и войнам с Сербией, что способствовало началу широкого переселения турок на территорию Европы.

В 60-х годах XIV в. византийские императоры искали поддержку в Западной Европе: Иоанн V ездил в Венгрию (ко двору Лайоша I) и в Италию; он даже принял католичество. Однако эти шаги не приносили реальных результатов (см. ч. II, гл. 4). Венеция и Генуя не были заинтересованы в спасении своего соперника — Византии и настолько ослабили друг друга в борьбе за преобладание в Эгейском море (войны 50—70-х годов XIV в.), что были вынуждены заключить союзные договоры с турецким султаном Мурадом I.

Османская империя использовала эту ситуацию. В 60-х годах она начала завоевание Фракии. В 1362 г. был захвачен Адрианополь, превращенный в столицу Османской империи. Неизбежная борьба против южнославянских государств облегчалась для турок феодальной раздробленностью Болгарии и Сербии (см. ч. II, гл. 5). Поражение сербов у Черномен на реке Марица в 1371 г. открывало Османской империи путь в глубь страны. Попытка сербской армии и боснийских отрядов остановить османское продвижение в Южной Сербии окончилась трагическим поражением на Косовом поле (15 июня 1389 г.). Последовавшие за этим события — признание Сербией вассальной зависимости от султана и покорение болгарского Тырновского царства в 1393 г. заставили до того бездействовавшие государства Западной и Центральной Европы попытаться остановить дальнейшие завоевания турок в Европе.

Германский король Сигизмунд I, ставший в 1387 г. и королем Венгрии, наиболее остро ощутил реальную опасность турецкого вторжения и выступил организатором крестового похода, в котором приняли участие рыцари Венгрии, Германии, Чехии, Польши, Франции. 25 октября 1396 г. близ Никополя на Дунае состоялось одно из крупнейших сражений европейских народов с турками. Оно закончилось полным поражением недостаточно организованного и не подчинявшегося единому руководству рыцарского войска.

Новые дипломатические усилия, предпринятые византийскими императорами в поисках международной поддержки, не имели успеха. Обращение к правителям Руси оказалось напрасным. Перед русским государством стояли сложные внутренние проблемы: продолжение борьбы против монголо-татарского ига и централизация. Страны Запада по-прежнему занимали неопределенную позицию (см. ч. II, гл. 4). В начале XV в. назрело новое обострение утихшего в 50—90-е годы англо-французского конфликта. Заинтересованные в средиземноморской торговле итальянские города-государства и Арагонская морская держава были поглощены конкуренцией друг с другом. Отсрочка окончательного завоевания Византии

Османской империей пришла с Востока вследствие разгрома армии султана Баязида I войсками Тимура в битве при Анкаре 28 июля 1402 г.

Западноевропейские правители и папство попытались использовать турецкую угрозу в целях утверждения гегемонии католической церкви и укрепления влияния государств Западной Европы и Византии в южнославянских странах, а также на Руси. Средства для этого они видели в унии католической и православной церквей под эгидой папства. Начавшиеся в 30-х годах переговоры византийского императора Иоанна VIII по этой проблеме завершились решениями Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439 гг.), провозгласившими унию. Уния была дипломатической победой папства, но так и осталась на бумаге.

Падение Константинополя 29 мая 1453 г. означало конец существования Византийской империи. Завоевание турками-османами стран Балканского полуострова (в 1459 г. пала последняя сербская крепость Смедерево; в 1463 г. захвачены Босния и Герцеговина) внесло новые черты в международные отношения в Европе, значительно осложнило их. Возникла опасность дальнейшего расширения границ Османской империи, был нанесен тяжелый удар европейской торговле со странами Востока.

В то время как трагически завершилась более чем тысячелетняя история Византийской империи, на европейскую международную арену в XV в. выходила новая политическая сила — Великое княжество Московское, складывавшееся в это время централизованное Русское государство. Оторванная от Европы долгим монголо-татарским игом, которое вынуждало русских князей обращать свою политику главным образом в сторону Орды, Московская Русь, окончательно освободившаяся от ига в 1480 г., смогла снова действовать и в западном направлении. Присоединив к своим владениям Новгород (1478 г.) и добившись окончательной ликвидации независимости Твери, Иван III открыл балтийское направление в политике русского государства, начав войну с Ливонией. В ходе ее в 1492 г. он поставил напротив Нарвы русскую крепость Иван-Город (Орешек) и отбил попытки Орденского государства взять реванш (в 1501 г. в битве у крепости Гельмед). Тогда же обозначились и противоречия с Литвой, с которой Иван III начал войну в 1500 г., нанеся литовцам сокрушительное поражение 14 июля под Дорогобужем. В конце XV в. были заключены союзы с Венгрией, Молдавским княжеством, даже с императором Германии Фридрихом III, направленные против Литвы и Польши. Выход Русского государства на международную арену в конце XV в. сопровождался возникновением концепции «Москва — третий Рим» и ее пропагандой среди иностранцев.

В истории международных отношений Европы XI—XV вв. прослеживаются две фазы, хронологическим водоразделом которых служит рубеж XIII—XIV вв. Однако, несмотря на специфику каждой из них, отношения между странами в XI—XV вв. характеризуются и определенным единством. В течение этих пяти столетий закладываются основы будущей целостности, основы еще весьма неустойчивой системы международных контактов. Становится более регулярным экономическое, политическое, культурное общение народов и стран. Для решения крупных, регионального масштаба или общеевропейских дел эпизодически созываются церковные соборы, на которых присутствует зачастую и светская феодальная знать. Порой здесь формулируются облаченные в религиозный покров общие правовые основы международных отношений. Соборы же принимали иной раз и принципиальные решения религиозно-политического порядка, призванные регулировать взаимоотношения, например, римско-католической и греко-православной церквей, а через них и весь комплекс международных отношений в Европе.

В XI—XV вв. мало-помалу вырабатываются нормы дипломатических отношений — входят в обыкновение представительства более или менее постоянного характера (типа посольства), с местопребыванием в чужой стране. В частности, со времени образования государств крестоносцев в Восточном Средиземноморье итальянские торговые республики посылают в города Иерусалимского королевства консулов. Папы римские все чаще используют для проведения своего политического курса послов, отправляемых ко дворам государей, порой на длительный срок, и облеченных широкими полномочиями легатов «апостольского престола». Возникают зачатки права экстерриториальности, которое распространяется, в частности, на поселяющихся в городах Востока южноевропейских, особенно итальянских негоциантов.

Хотя международное право в позднейшем смысле слова в XI—XV вв. еще отсутствовало, но отдельные его элементы уже стали появляться; весьма редко, впрочем, они фиксировались в официально-юридической документации (Барселонское морское право, оформившееся в XII в.), на практике выступая в виде молчаливо признаваемых обычаев, восходивших к раннему средневековью (разбойничье «береговое право», право выкупа пленных).

Как видно из всего сказанного, международная жизнь Европы XI—XV вв. была насыщенной событиями, пестрой и разнообразной. В ней постепенно завязывались узлы международных отношений (враждебных и дружественных), которые сменялись новыми комбинациями интересов, группировавшихся в более или менее устойчивые комплексы. При этом международная политика европейских стран всегда была так или иначе связана с бассейном Средиземноморья, со странами Востока.

Глава 4

ЕВРОПА И СТРАНЫ ВОСТОКА В V—XV вв.

Европа в средние века развивалась не в изоляции, но в постоянных контактах с ближайшими к ней континентами. До Великих географических открытий конца XV в. европейцы были незнакомы с Новым Светом (давние открытия норманнов в Америке были прочно забыты), и главной сферой межконтинентального общения для них были страны Азии и Северной Африки, собирательно определяемые как «страны Востока».

Между историческим развитием европейских стран и восточных обществ в рассматриваемое время было немало общего, но существовали и весьма значительные различия. Для большинства стран континентов Старого Света в V—XV вв. общим было прежде всего то, что для них это — время возникновения и развития феодальной общественно-экономической формации. Но конкретные формы феодализма в Европе и на Востоке были неодинаковы. Это обуславливалось историческими традициями и особенностями экономики, нередко связанными в ту эпоху со спецификой природных условий, приводивших к преобладанию разных форм хозяйства, в частности, оседлого земледелия или кочевого скотоводства. Для раннего средневековья между странами Европы и Востока обнаруживается еще одно существенное различие, восходящее генетически к особенностям развития древних обществ. В Европе крушение Римской империи под натиском варваров привело к резкой натурализации экономики, гибели или запустению большинства городов. Исключением являлись, конечно, Византия, отчасти Италия.

Эта характеристика неприменима к большинству восточных стран, где

города все время сохраняли свое значение, где не было ни натурализации экономики (хотя вне городов и здесь преобладали натурально-хозяйственные отношения), ни прекращения культурных традиций. Поэтому в странах Передней Азии, так же как и в Византии, в раннее средневековье уцелели многочисленные свидетельства античной культуры, которые лишь значительно позднее начали широко проникать и в другие регионы Европы, частично из стран Востока и из арабской Испании. Решающее же влияние античная культура в Европе приобретает только в XIV—XV вв. в эпоху Возрождения (см. ниже — ч. IV, гл. 2). Здесь наблюдается интереснейшее явление: преемственность в культурном развитии между различными континентами.

Имело значение еще одно немаловажное обстоятельство. В средние века до Великих географических открытий в Старом Свете не только ничего не знали о Новом Свете, но и отдельные части Европы, Азии и Африки были изолированы друг от друга. В раннее средневековье в Европе ничего не было известно о Японии и Корее, а о Китае имелись только весьма смутные сведения, доставшиеся в наследство от античности. Экономические, политические и культурные связи вплоть до XIII в., как правило, обнимали относительно небольшой круг прилегающих стран, о прочих слагались сказания и небылицы, частично также восходящие к аналогичным античным сюжетам. Только иррационального в них стало намного больше: в средние века, особенно в период до XII — начала XIII в., разум был сильнее подавлен религией и разного рода суевериями как в Европе, так и на Востоке.

Распад Римской империи на Восточную и Западную (395 г.) оставил в наследство Византии, включавшей ряд территорий в Азии и в Северной Африке, разного рода контакты с сильнейшим соседом империи — сасанидским Ираном. Обе державы поддерживали друг с другом торговые связи, но Иран держал под своим контролем торговые пути со многими странами Азии, прежде всего сухопутные — через Среднюю Азию и Афганистан,— а также морской — вокруг Аравийского полуострова в Индию и к берегам Цейлона. Именно стремление Византии выйти через Закавказье к Каспию, а путем захвата Ирака к Персидскому заливу, равно как и обратное желание Ирана вытеснить византийцев из Сирии и Египта, приводили к многочисленным военным конфликтам, которые особенно обострились в VI в. и в первой трети VII в. Оба государства домогались расположения кочевых владык Евразии, прежде всего тюрок Восточной Европы, которых стремились сделать своими союзниками. Без этого не могло быть и речи о контроле за «Великим шелковым путем», который шел через Среднюю Азию, разветвляясь на две части — иранскую и восточноевропейскую. При этом византийцы искали союзников среди восточных тюрок, тогда как Иран постоянно подстрекал к нападениям на империю кочевников Северного Причерноморья. Знаменитое посольство Зимарха (569—571 гг.) к тюркам Алтая как раз и преследовало цель сделать этих тюрок союзниками Византии и обеспечить торговлю с Дальним Востоком этим путем (см.: Menandr. P. 170—221).

Правда, секрет производства шелка к тому времени стал уже известен в Византии после того, как около 550 г. два христианских монаха тайно доставили в Византию из Китая грены шелкопряда.

Весьма важным был и вопрос о торговле с Индией. Он вызывал оживленный интерес в Византии, чему свидетельство известное путешествие Козьмы Индикоплова (ок. 525 г.) в Индию (хотя точно не установлено, побывал ли он там). Вскоре, однако, персидский царь Хосров I Ануширван, овладев Йеменом, на время полностью перерезал прямые связи империи с Индией. В первой трети VII в. иранские войска захватили большую часть азиатских владений Византии, овладели Египтом и осаждали Константинополь, но затем инициатива перешла к грекам,

и армии императора Ираклия и его союзника — хазарского кагана громили Междуречье и Закавказье.

Иран и Византия были враждебны и в идеологическом отношении. В Византии господствовало христианство, тогда как в Иране — зороастризм. Но христианство, ставшее в первой четверти IV в. государственной религией империи, неизбежно децентрализовывалось в связи с особенностями развития отдельных стран, ходом классовой борьбы, а также борьбы между Византией и ее противниками, будь то Иран или варварские королевства Европы. Из-за земных и богословских споров из единого лона христианства в IV—V вв. выделились арианство, затем несторианство и монофиситство. Арианство утвердилось преимущественно у германских варваров, основывавших свои королевства на развалинах Западной империи; несторианство и монофиситство, наоборот — на восточных азиатских окраинах Империи (Византии). Эти, с точки зрения православной церкви, еретические течения, естественно, поддерживал враг империи — Иран, и несториане находили там убежище. Оттуда их учение распространялось далеко на восток, вплоть до центрального Туркестана и Маньчжурии. Раскол коснулся и закавказских церквей. В начале VII в. обособились армянская и албанская церкви, а грузинская сохранила православный обряд. И здесь имела значение подстрекательская роль Ирана.

В Восточной Римской империи еще долго удерживались античные (рабовладельческие) отношения, сохранили, по крайней мере в V—VI вв., свое значение города, в том числе и как торгово-ремесленные центры. В то время, как на западе начался культурный упадок, в Византии его не было; здесь и в христианский период сохранялись значительные традиции античной культуры (см. ч. I, гл. 2). До VII в. существовала еще известная Александрийская библиотека, сожженная затем арабами. Но даже в IX в. патриарх Фотий имел возможность пользоваться, видимо, из других библиотек, трудами многих античных ученых, ныне утерянными. Античная традиция не только сохранялась в Византии, но отчасти и развивалась, хотя не столь активно, как позднее в арабском мире.

Античные научные и литературные традиции в не меньшей степени сохранялись в сирийской и отчасти армянской, а затем в арабской культуре. Особенно успешно эти традиции развиваются в раннее средневековье в сирийской (арамейской) культуре — одной из древнейших в Передней Азии. Арамейский язык являлся общераспространенным «лингва франка» в этом регионе еще во второй половине I тыс. до н. э. Но собственно сирийская литература начинает развиваться приблизительно с начала нашей эры, достигая своего апогея в V—VIII вв. Позже, когда бóльшая часть арамейцев подверглась арабизации, литература на сирийском языке (двух диалектах) существовала вплоть до конца XV в. Еще в XIII в. знаменитый Бар Гебрей писал и по-арабски и по-сирийски. В крупнейших центрах сирийской культуры (Эдессе-Урхе и др.) существовали научные общества, школы ученых и переводчиков. Последние, особенно часто в V—VIII вв., переводили на сирийский язык множество античных трудов по разным дисциплинам. Среди них — труды Аристотеля, Иосифа Флавия, Гиппократа и других представителей античной культуры, а также великое множество переводов раннехристианских памятников, начиная от Евсевия и кончая византийскими хронистами VI в.

Нечто подобное, хотя и в несколько меньших масштабах, происходило в Армении в V—IX вв. Армянские ученые той поры переводили на древнеармянский язык труды Аристотеля и Филона Александрийского, а также ранних христианских писателей. Переводились они сначала преимущественно с сирийского, а затем непосредственно с греческого языка.

Очень важно отметить, что ряд трудов античных авторов дошел до нас только в сирийском или древнеармянском переводах. Таким образом, эти две литературы также сыграли роль связующего звена между античностью и европейской культурой Возрождения и более позднего времени.

Знания о Востоке в Европе раннего средневековья (за исключением Византии) были более чем скромные. В основном пользовались теми известиями, что сохранила античная традиция в сильно урезанном, в частности и под влиянием христианства, виде. Это характерно, например, для такого ученого, как Орозий (ок. 380 г.— ок. 420 г.). У более поздних авторов (V—VIII вв.) сведений было и того меньше. Библиотеки уничтожались, в древних манускриптах нередко замазывали (стирали) старые тексты и поверх писали различные богословские трактаты.

Созданный в VII в. Арабский халифат охватил к 20-м годам VIII в. огромную территорию — от Китайского Туркестана и Западной Индии на востоке до Пиренейских гор на западе Европы. В VIII в. арабы пытались завоевать и Франкское государство, но потерпели поражение от каролингских майордомов (в битве при Пуатье в 732 г.). В свою очередь, попытка Карла Великого вытеснить арабов из Испании (778 г.) не увенчалась успехом, хотя позднее ему удалось основать «Испанскую марку» на северо-востоке Испании.

Объединение в составе единого государства (Арабского халифата) огромных территорий в Азии, Северной Африке и Европе само по себе способствовало развитию экономического, политического и культурного общения между народами трех континентов. В халифате в самом конце VII в. в итоге реформ халифа Абд ал-Малика арабский язык стал государственным и языком делопроизводства. До этого в прежних иранских областях употреблялись сирийский и пехлевийский языки, а в покоренных византийских провинциях — греческий. Не случайно первыми носителями культуры в халифате стали именно сирийцы, хорошо знакомые и с греческой, и с иранской культурой. Сирийские переводчики в VIII в. стали переводить на арабский язык и труды античных авторов. С ними соревновались на этом поприще ученые-персы, перелагавшие на арабский язык творения индийской и иранской культур. Так, уже в VIII в. в странах халифата сложилась своеобразная синтетическая культура, в которой главную роль играло греко-римское наследие. Это прежде всего труды математиков и географов, а также работы по медицине и некоторым другим дисциплинам.

Процветание городов в странах халифата, формирование там экономически сильного купечества способствовали расширению торговых связей не только с разными странами Азии, но также Европы и Африки. В этой торговле в IX в., да и в последующих столетиях, немалую роль играли еврейские купцы, которые держали в своих руках торговлю западноевропейских стран с Восточной Европой, Византией и Передней Азией. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех не случайно отмечает деятельность еврейских купцов-раданитов, которые возили свои товары через всю Европу в страны ислама (Ибн Хордадбех. С. 153). Еврейские общины были особенно сильны в захваченной арабами Испании, где из них нередко выходили крупные сановники, вроде Хасдая ибн Шафрута, по инициативе которого в середине X в. завязалась знаменитая переписка с хазарским каганом Иосифом. Евреем был и Ибрагим ибн Йакуб, совершивший во второй половине X в. путешествие по Чехии, Польше и ряду других стран Центральной Европы, о чем он оставил интересные записки [1].

[1] Комментарий на записку Ибрагима ибн Якуба о славянах/Сост. Ф. Вестберг. СПб., 1903.

Нельзя не отметить и известное возрождение южноитальянских городов, прежде всего Амальфи, купцы из которого сумели наладить отношения с некоторыми североафриканскими владетелями и таким путем обеспечить себе возможность торговли с Северной Африкой. С X в. поднимается и торговая роль Венеции в Средиземноморье. Из стран Востока в Европу вывозились преимущественно различные продукты ремесла, по большей части для обслуживания высших слоев европейских обществ. В огромном количестве в Европу, в том числе на Русь, шла арабская монета — дирхемы. Из Европы на Восток ввозились в основном невольники, в VIII—X вв. — главным образом славянского происхождения (об этом говорит их название в Андалусии и Сицилии—«сакалиба», т. е. славяне), хотя в их числе встречались и пленники из других европейских народов — франки, испанцы, германцы. Недаром гвардия кордовских владык в Испании именовалась «славянской». Немало рабов-славян попадало и в страны Северной Африки. Кроме рабов на Восток везли пушнину, в основном из восточноевропейских стран. Функционировали два главных торговых пути: один по Каспию, вверх по Волге и далее на Балтику, другой — через Средиземное море в Египет и страны Леванта.

Политические отношения между мусульманским миром и странами Европы не отличались стабильностью. В раннее средневековье они часто определялись отношениями с Византией и Хазарским каганатом, который в VIII—IX вв. был крупнейшим государственным образованием Восточной Европы.

В первой половине VIII в. арабы продолжали из Испании экспансию на север, в пределы Франкского государства (см. выше). Борьба с ними Карла Великого была, возможно, одной из причин дружественного обмена посольствами между Карлом Великим и багдадским халифом Харун ар-Рашидом (786—809 гг.), о которых упоминает биограф Карла Великого Эйнхард (Einhard. P. 451) [2].

Борьба между арабами и Византией проходила с известными перерывами на всем протяжении VIII — первой половины X в. Случалось, что мусульмане осаждали и сам Константинополь. Во всяком случае, большая часть Малой Азии была византийцами временно потеряна. Еще более существенными были определенные успехи африканских арабов в Италии, где южная часть Апеннинского полуострова, Сицилия, Сардиния, Корсика, Кипр, Крит были захвачены арабами, а в 840 г. создалась угроза Риму. Сицилия принадлежала арабам до 60-х годов XI в., когда ее завоевали норманны (из Нормандии). Но арабское влияние, как и византийское, особенно в области быта, культуры там сохранялось еще очень долго (см. ниже). Через эти завоеванные области, через находившуюся в руках арабов большую часть Испании их влияние на Южную, Западную и Северную Европу (при доминировании Византии в Юго-Восточной и Восточной Европе) заметно усилилось. Арабы являлись своего рода посредниками в передаче европейцам культурных достижений многих народов Востока — персов, сирийцев, кавказских народов, индийцев и др.

В Закавказье и на Кавказе главными противниками арабов долгое время были хазары. В этом халифат как бы стал наследником Сасанидов, которые в свое время также боролись с хазарами и византийцами за данный регион. Но если Византия надолго была отброшена от Кавказа, то хазары наоборот весь VII и VIII вв. соперничали здесь с халифатом. Непрерывные войны с переменным успехом имели место до 30-х годов VIII в., когда арабский полководец Мерван ибн Мухаммед в 737 г.

[2] Некоторые исследователи, в том числе В. В. Бартольд, отрицали наличие франко-аббасидских отношений.— См.: *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 342—364.

разгромил хазарские войска на Северном Кавказе. В итоге столица Хазарии была перенесена из пределов современного Дагестана в устье Волги (Атиль), а могущество Хазарии быстро пошло на убыль, и в IX в. роль хазар на Северном Кавказе была уже незначительна (см. ч. I, гл. 9).

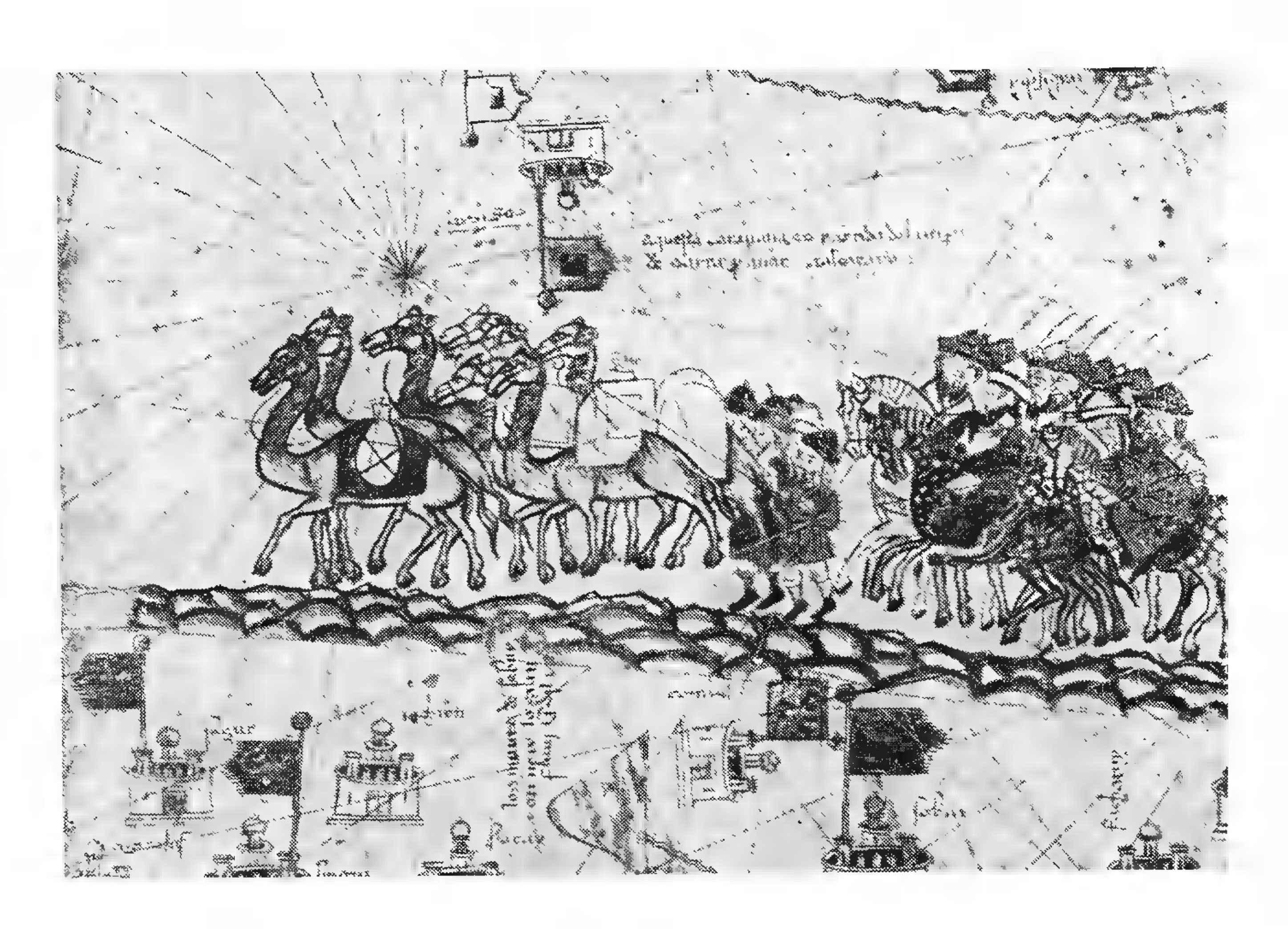
На первое место в Восточной Европе выдвигается с IX в. Древнерусское государство. В IX—X вв. древние русы совершили несколько походов на Восток, в прикаспийские страны (см. ч. I, гл. 8). Эти походы были связаны с византийско-русскими и византийско-арабскими политическими отношениями, но в то же время они затрагивали интересы народов стран Поволжья и Кавказа. Известно, что в 909 г. русы заключили договор с хазарским правителем об условиях прохода русских дружин на Каспий. Во время похода 40-х годов X в. такого договора заключено не было. А в правление Святослава в 60-х годах X в. Русь в результате двух, по-видимому, войн уничтожила Хазарию как государство. В итоге усилилось русское влияние на Северном Кавказе, где на Тамани появились русские владения.

Хазария в VII — первой трети IX в. сдерживала натиск заволжских кочевников в Европу, но уже в 20—30-х годах IX в. мадьярские племена прошли через хазарские заставы в Причерноморье. В конце IX в. их сменили там печенеги. Наконец, в середине XI в. новая волна заволжских кочевников-кыпчаков (половцев) вытеснила печенегов и заполнила южные степи (см. ч. I, гл. 9).

В VIII—X вв., т. е. в период существования Арабского халифата [3], культурные взаимодействия между странами Европы и Востоком шли в основном через арабов. Так называемая «арабская» культура начала формироваться в VIII в. В области науки она усваивала в переводах греко-римское, а также иранское и индийское наследие. Особое внимание в халифате привлекали труды античных астрономов, математиков, географов, т. е. представителей «точных наук». Это не значит, что в халифате пренебрегали античной историей или литературой. Арабские ученые IX—X вв. несомненно были знакомы с античной историей. В трудах ат-Табари, ал-Масуди есть экскурсы в историю Греции и Македонии, Рима. Но они кратки и преимущественно сведены к спискам царей и императоров с лаконичными упоминаниями их деяний (*Ат-Табари.* Тарих ар-русул ва-л-мулук. Лейден. Сер. I. С. 694—705, 741—744; *ал-Масуди.* Мурудж аз-захаб. Париж, 1863. Т. II. С. 250, 286—292, 293 — на араб. яз.). Иное дело астрономия, география, математика и медицина. Внимание именно к ним показывает, что наука в халифате носила практический характер и развивались те ее отрасли, которые были нужны государственным чиновникам, правительству огромной империи, торговцам, поддерживавшим связи почти со всеми странами Европы и многими государствами Азии и Африки. Сведения арабов о Западной и даже Юго-Западной Европе были фрагментарны, отрывочны. Арабские ученые знали Британию, очевидно, имели какие-то известия о Скандинавии, но даже об Италии их известия разрозненны и весьма неполны. У Ибн Хордадбеха (IX в.) есть описание Рима. Географ ал-Масуди имел в своем распоряжении известный комплекс сведений о западных и южных славянах (*ал-Масуди.* Мурудж аз-захаб. Париж, 1864. Т. III. С. 61—77 и др.). В то же время даже само существование Крыма улавливается в трудах лишь некоторых арабских ученых той поры.

Арабские путешественники проникали в Европу с востока (через Каспий, по Волге) и с запада (из Испании). Самым известным путе-

[3] Единого халифата с середины VIII в. уже не было. От него отделились в 40-е годы столетия самостоятельные и полусамостоятельные государства Северной Африки, а также в 756 г. аль-Андалус (арабская Испания).

Караван мусульманских купцов. Деталь Каталонского атласа Карла V. 1375.

шественником с Востока был Ибн Фадлан, участник халифского посольства в 20-х годах X в. к волжским булгарам, оставивший интереснейшее описание Болгарии и русов. С запада славянские земли посетил в том же X в. Ибрагим ибн Йакуб. Известные описания славянских земель арабскими географами IX—X вв. еще не во всем ясны, там много сложностей и туманных мест.

Знания на Западе о странах Востока VI—X вв. были еще скромнее. Преимущественно они основывались на античной традиции, не всегда точно воспроизведенной, например, у «Равеннского анонима», «Баварского географа» или в описаниях англосаксонского короля Альфреда. Так, его описание Кавказских гор и окрестных стран восходит исключительно к античным известиям (Alfred. P. 33—34).

Дипломатические связи восточных стран в VI—X вв. с Европой, исключая арабско-византийские отношения, были в раннее средневековье более чем скромными. Выше уже упоминалось об обмене посольствами между Карлом Великим и Харун ар-Рашидом, но и эти сведения Эйнхарда, как отмечалось, оцениваются некоторыми авторами скептически. Более других была связана с восточным миром Русь, но о собственно дипломатических связях имеются известия лишь для времени Владимира I (80-е годы X в.) (см. выше. ч. I, гл. 8). В целом в раннее средневековье культура стран Востока, в частности арабских государств, на Ближнем Востоке и на Пиренейском полуострове была выше, чем духовная культура и культура быта большинства европейских народов и стран (за исключением Византии).

Конец X — начало XI в. ознаменовались серьезными политическими и отчасти экономическими изменениями как в Европе, так и в странах Передней Азии. В большинстве стран Европы утверждается, с одной стороны, феодальная раздробленность, с другой — в ходе отделения ремесла от сельской экономики возрождаются старые и возникают новые города (см. ч. II, гл. 1). Крупнейшее мусульманское государство —

халифат Аббасидов теряет значение уже в X в. (в 945 г. халиф уступает реальную власть иранскому роду Буидов) и тоже распадается на ряд самостоятельных или полусамостоятельных государств. В XI в. и Восточная Европа, и мусульманские страны Ближнего Востока подвергаются новому натиску кочевых племен из Азии — половцев (кыпчаков) в первом случае, турок-сельджуков — во втором. Сельджукское нашествие привело к образованию огромной, хотя и эфемерной Сельджукской империи, пределы которой простирались во второй половине XI в. от Туркестана до западной Малой Азии: после поражения византийского императора Романа Диогена при Манцикерте (1071 г.) значительная часть малоазиатских владений была Византией утрачена.

С другой стороны, в конце XI в. начинаются крестовые походы европейцев на Ближний Восток (см. ч. II, гл. 2 и ч. III, гл. 3). Несколько раньше (1030—1080 гг.) в Южной Италии и Сицилии образуется так называемое норманнское королевство. Однако здесь, особенно в Сицилии, еще долго сохраняются следы предыдущего византийского и арабского влияния, в том числе и культурного, которое сохранялось до XIII—XIV вв. В Испании Кордовский халифат в XI в. начинает клониться к упадку, и Реконкиста после переменчивых событий конца XI — начала XII в. быстро наращивает успехи (см. ч. II, гл. 3). Но и тут традиции арабской культуры еще долго живут на отвоеванных землях. Вплоть до конца XV в. в Испании сохранялось и мусульманское арабское население, верное исламу — «мудехары». Только с начала XVI в. их подвергают насильственной христианизации (такие христианизованные мусульмане стали тогда называться «морисками»).

Растут и торговые связи между европейскими странами и странами Востока. Последние постепенно утрачивают свою гегемонию в этой сфере в пользу европейского купечества, но процесс этот идет медленно и окончательно восторжествует лишь к концу рассматриваемого в данном томе периода.

Однако мир ислама (и прежде всего арабы — и на Ближнем Востоке, и на Пиренеях и в Южной Италии и Сицилии) еще долго сохраняет культурный приоритет. XI—XII вв.— время наивысшего расцвета философии и науки в мусульманских странах. Если X в. дал такого энциклопедиста, как ал-Масуди (ум. 956), который в своих трудах сделал попытку систематизировать все знания своей эпохи, то затем в разных странах Востока появляются величественные фигуры ученых, разрабатывающих уже отдельные (насколько это было возможно в ту пору) отрасли знания. Здесь, прежде всего, встает фигура ал-Бируни, знаменитого уроженца Хорезма, который работал почти во всех областях знания. К сожалению, его непосредственное влияние на европейскую науку относительно скромно. Иное дело, например, другой выходец из Средней Азии Абу-али ибн Сина (Авиценна), испанский араб Ибн Рушд (Аверроэс) и другие светила медицины, труды которых через Испанию и Италию рано проникли в христианские страны Европы и оставили там глубокие следы. Авиценна и Аверроэс оказали также огромное влияние на развитие европейской философии своими комментариями натурфилософских трудов Аристотеля, ранее почти неизвестных в Европе (см. ч. IV, гл. 2.) Несмотря на политическую раздробленность мусульманского мира, он сохранял известное культурное единство. Это обусловливалось единством религии — ислама. Люди могли переезжать из страны в страну и учиться в научных центрах Испании, Египта, Сирии и т. д. Известно, что в XI—XII вв. чеки (слово, кстати, персидского корня), выписанные в Магрибе, учитывались в Средней Азии и наоборот. Известный выходец из Андалусии ал-Гарнати проехал всю Европу, имел дома в Венгрии и Булгаре на Волге (см.: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971. С. 7—12).

В Киеве в XII в. была колония арабских купцов. Но, конечно, особенно важную роль в культурном обмене Востока и Европы играли Италия и Испания.

В Испании в XI и последующих столетиях шел сложный и противоречивый процесс Реконкисты, в результате арабские владения на полуострове все больше сокращались. Хотя Реконкиста этого периода рассматривалась католической церковью, как составная часть крестовых походов, она все же отличалась от них тем, что велась местными жителями Пиренейского полуострова за освобождение своих земель от иноземных завоевателей и иноверцев, власть которых их тяготила. Поэтому наряду с феодалами, имевшими захватнические цели, в Реконкисте участвовали с самого начала широкие слои простого народа.

В силу этих обстоятельств, несмотря на то, что экономика и культура в арабских владениях на полуострове в раннее средневековье была выше, чем в европейских, Реконкиста для местных жителей была в целом прогрессивным процессом, освобождая их хозяйственную деятельность от иноземного гнета. К тому же в борьбе с христианскими государствами Пиренейского полуострова мусульманские государи вынуждены были прибегать к военной помощи полудиких кочевников Северной Африки, как было, например, в 80-е годы XI в., когда альморавид Юсуф со своими берберскими ополчениями нанес поражение королю Кастилии и Леона Альфонсу VI, а переселившиеся в Андалусию африканские кочевники подчинили местных мусульманских владык и на некоторое время замедлили ее экономическое и культурное развитие.

В целом, однако, культура Андалусии продолжала развиваться и составляла одну из ведущих ветвей общей арабской культуры. В длительном процессе Реконкисты, в котором военные действия перемежались с периодами мирных отношений, более высокая духовная и материальная культура Андалусии оказывала плодотворное влияние на христианские государства Пиренейского полуострова, а через них и на Западную Европу в целом. Роль арабской культуры и таких ее представителей, как Авиценна, Аверроэс и многих других в развитии мировой и особенно европейской культуры очень велика. Неслучайно именно Испания и Италия, наиболее тесно связанные с арабским миром, были теми областями Западной Европы, где в XII—XIII вв. начался подъем экономики и культуры, где установилась преемственность с античным наследием, сохранившимся наряду с Византией в арабских владениях в раннем средневековье. Характерна деятельность Альфонса X Мудрого, короля Кастилии (1252—1282), который хорошо знал арабскую литературу, в своих работах использовал труды таких ученых, как ал-Баттани (852—929), аз-Заркали (XI в.) и др. Деятельность Альфонса Мудрого сыграла немалую роль в освоении европейской наукой достижений арабской и через нее античной культуры. Несомненно, в частности, влияние арабской географии на так называемую каталонскую картографию XIII—XV вв.

Не меньшую роль играла и Южная Италия, особенно Сицилия. Возникшее здесь в XI в. норманнское королевство носило весьма своеобразный характер, поскольку лишь верхушка знати этого государства происходила из Нормандии, в остальном же здесь сохранялись значительные свидетельства византийского и арабского господства, следы влияния греков и арабов в области культуры.

При дворе сицилийских королей норманнской династии процветали науки и культура. Когда в Сицилии правил Рожер II (1130—1154), известный покровитель науки, по его поручению ал-Идриси составил свою знаменитую карту мира и комментарии к ней. По преданию, карта была составлена на серебряном диске. Труд Идриси, сделанный им в год смерти Рожера II, занимает особое место в истории арабской и мировой гео-

графии. Автор использовал предшествующую литературу — как античных географов (Птолемея), так и арабских классиков X—XI вв. Вместе с тем он привлек огромный дополнительный материал местного, итальянского происхождения. Этот материал, прежде всего по географии Европы, в том числе и России, неизвестный ранее в странах ислама, уникален и не имеет для той эпохи параллелей. Только Идриси дает сведения об Англии, Франции, Балканах, Южной России и т. д. Примечательно, что труд Идриси был всегда популярен на Западе, и не случайно первая книга на арабском языке, напечатанная в типографии в Риме в 1592 г.,— это одна из редакций (сокращенная) труда Идриси.

Позднее Фридрих II Гогенштауфен, которого можно считать более южноитальянским владыкой, чем германским императором, будучи широко образованным человеком, сделал Сицилию центром взаимодействия греческой, арабской и уже довольно высокой западноевропейской культуры. Хорошо зная арабский язык, он поддерживал необычные для той эпохи дружественные отношения со многими мусульманскими государствами. Не случайно Рожер II и Фридрих II, получили в Европе прозвища «крещеных султанов Сицилии».

Знания о Европе пополнялись в XI—XII вв. и в восточных областях мусульманского мира. Великий Бируни знал о Балтийском море (Бахр ал-варанг — Варяжское море), о Волжском пути и т. д. В «Географическом словаре» Йакута, составленном накануне монгольского нашествия, подведен как бы итог развития арабской географии и ее знаний, в том числе о Европе (*Йакут ар-Руми*. Муджам ал-булдан. Бейрут, 1955. Т. I. С. 22; Бейрут, 1955. Т. III. С. 76, 416).

В XI—XII вв. сфера контактов между Западом и Востоком значительно расширилась. Это было связано и с крестовыми походами, и с ростом итальянских торговых республик, и в то же время с продолжавшейся деятельностью восточного купечества, еще сохранявшего по сути дела приоритет в международной торговле. В целом общий уровень знаний о Европе на Востоке был еще значительно выше знакомства Европы (за исключением Византии) с Востоком. Об этом говорят и научная литература той поры, и сохранившиеся описания путешествий. В западноевропейской литературе этой поры все еще господствуют остатки знаний о Востоке, которые уцелели от античности. В тех странах, где не было прочных античных традиций, положение было не лучше. Показателен уровень знаний о восточных странах на Руси XI—XII вв. В «Повести временных лет» и других древнерусских памятниках есть факты, заимствованные из Библии, отчасти византийской литературы, в том числе и легенды типа «Романа об Александре», очень рано переведенного на древнерусский язык. Имеются там и следы непосредственного знакомства с теми странами Азии, с которыми Древняя Русь так или иначе контактировала (Закавказье, Иран, Средняя Азия). Но эти сведения очень беглые и краткие (ПСРЛ. Т. I. С. 3—7; Т. II. С. 2—5).

И западноевропейцы, и русские люди в XI—XII вв. нередко бывали на Востоке. Описания участников крестовых походов или современников последних весьма интересны. Известно описание паломничества русского игумена Даниила в Палестину начала XII в. (см.: Палестинский сборник. СПб., 1885. Т. I, вып. III, IX), которое, однако, содержит весьма ограниченную историко-географическую информацию. Сохранились записки еврейских путешественников на Восток из Европы, например, Вениамина Тудельского (XII в.), являющиеся важным источником по географии и истории стран Восточной Европы и Передней Азии и т. д.

Весьма примечательна политика восточной (православной) и западной (католической) церквей на Ближнем Востоке. Византийская церковь, особенно в период политических успехов империи в X — первой половине XI в., усилила подавление местных «малых» церквей (армянской,

якобитской, несторианской и др.). В результате представители этих «малых» церквей (например, несторианской) вынуждены были покидать свои страны и направлять миссионерские усилия на восток, в Среднюю Азию и далее в Центральную Азию, вплоть до Маньчжурии и Китая. Здесь позиции несториан сохранялись и позже, в XIII—XIV вв.

Со своей стороны, западная (католическая) церковь, особенно в период крестовых походов, стремилась упрочить свое влияние в странах Ближнего Востока, прежде всего в Ливане, Палестине и Киликийской Армении. Там возникают миссионерские католические очаги, которые развиваются в последующие столетия вплоть до XVI—XVII вв. Например, часть армян Киликии, а также Закавказья (особенно в Нахичеванском крае) приняла католичество и тем самым попала под влияние римской церкви. Представители новообращенных католиков ездили в Европу (Рим, Авиньон), получали там соответствующее богословское образование. Здесь можно указать на деятельность армянского униата Нерсеса Палеаненца (первая половина XIV в.), который перевел на армянский язык, дополнив и армянским материалом, труд официального историографа папства XIII в. Мартина Опавского. Такого рода деятели сыграли большую роль в пропаганде католицизма на Востоке. В то же время слухи об успехах несторианства создали в Европе многочисленные легенды о пресвитере Иоанне и его могущественном царстве в центральной Азии [4].

Взаимодействие Азии и Европы осуществлялось и в ходе монгольских завоеваний. Как известно, монголы шли на запад двумя путями — через Яик, Волгу, Русь и через страны Ближнего Востока. Первый путь был обозначен кровавыми погромами и стремлением подчинить все страны Монгольской империи. Батыю удалось дойти до сердца Европы и выйти к побережью Адриатики. Героическое сопротивление Руси обескровило его войска. Полчища Батыя ушли в русские степи и там основали государство Золотую Орду (см. ч. II, гл. 8, 9).

Несколько иначе действовали монголы, шедшие южным путем. Захватив Иран, они столкнулись с сопротивлением арабов в Сирии. Находясь в войне с сельджуками Малой Азии, монголы вступили в союз с Киликийской Арменией. К тому же старая легенда о пресвитере Иоанне подавала надежду на союз новых завоевателей с христианами против мусульман. Стремление использовать силу монголов против сельджуков привела к тому, что европейские государи, прежде всего папа и король Франции, стали надеяться на союз с монголами. Так родились посольства Плано Карпини, Андре Лонжюме и Рубрука. Все они с большими трудностями добрались до Каракорума (столицы великого кагана), но успеха их миссии не достигли. Монгольский владыка считал, что европейские монархи должны стать его подданными, но не союзниками. Сохранившиеся письма кагана монголов подтверждают его презрительное отношение к европейским послам. В 1254 г. в далекий Каракорум через ставку Батыя на Волге направился и киликийский царь Хетум, добивавшийся помощи от монголов против мусульман, угрожавших Киликии. Хетум был принят более благосклонно. Кстати, он встретился в монгольской столице с Рубруком.

Все эти люди оставили описания своих путешествий, которые по объему информации значительно превосходили все ранее известное в Европе о странах Востока, прежде всего Дальнего.

Наиболее значительным, конечно, является путешествие знаменитого Марко Поло (1271—1295 гг.). Оно имеет прямую связь с экономической политикой итальянских республик на Востоке, истоки которой восходят к первым крестовым походам. Однако наибольшего развития она полу-

[4] Позже они ассоциировались с государством Чингисхана.

чила после Четвертого крестового похода. Когда западные рыцари-крестоносцы при поддержке Венеции и Генуи овладели Константинополем (1204 г.), венецианцы и генуэзцы получили новые возможности торговли с Востоком. Но еще до этого в договоре Византии с генуэзцами (1169 г.) встречается упоминание города Росия — как считают некоторые ученые, в Восточном Крыму. Путь же через Крым открывал европейцам дорогу к «Великому шелковому пути» (сухопутному), через просторы юга Руси, а также на Каспий, Кавказ и в другие страны.

В Венеции и Генуе составлялись специальные руководства для торговцев на Востоке. Одним из них является написанное в XIV в. руководство Пеголотти (*Pegolotti F. B.* La practica della mercatura. Cambridge, 1936). Были там и карты, некоторые из которых изданы, другие покоятся в архивах Венеции и Генуи.

Путешествие Марко Поло составило настоящую эпоху в деле познания Востока в Европе. Через Крым и владения Берке (брата и наследника Батыя) он направился в Среднюю Азию, а оттуда дальше на Восток. Ему удалось впервые побывать в Китае, которым владел тогда Хубилай-хан, и даже достигнуть Бирмы и Зондских островов. Описание Марко Поло, хотя и не лишенное некоторых элементов фантастики, явление уникальное и в Европе долгое время было основным источником знаний о Востоке, особенно — Дальнем.

К этому времени Монгольская империя фактически распалась на четыре улуса: Джучиев улус или Золотая Орда, Чагатайский в Средней Азии, улус великого хана, центр которого при Хубилае был перенесен в Китай, и Хулагуидский с центром в Иране. В плане истории культуры наиболее интересен последний. Монгольское завоевание принесло неисчислимые бедствия покоренным странам, в том числе и Ирану. Но тем не менее культура там продолжала развиваться усилиями местных ученых, вынужденных служить монгольским владыкам. Некоторые ильханы даже покровительствовали наукам, преследуя чисто практические цели. Они, например, поддерживали крупных торговцев («уртаков»), а для последних знание торговых маршрутов было необходимо. Продолжали развиваться география и астрономия. Особенно знаменательна деятельность астронома Насир ад-Дина Туси, основавшего знаменитую обсерваторию около города Мараги (Южный Азербайджан). Его труды были высшим этапом развития астрономической науки в ту эпоху. В области географии примечательны сочинения ал-Казвини «Космография» и «География», в которых сведены все знания арабов об известном тогда мире. Еще более примечательно сочинение Хамдуллаха Казвини (XIV в.), отличающееся своим прагматизмом и несомненно составленное для практических целей: там мы находим не только описание стран, но и торговых пунктов, а также суммы податей с той или иной области. О Европе у этого автора сведений немного (преимущественно о Восточной), но значение их трудно переоценить.

Большое достижение культуры Востока того времени представляет труд историка Рашид ад-Дина. Уроженец города Хамадана (Иран), он долгое время занимал высокие посты в правление известного хулагуидского государя-реформатора Газан-хана (1295—1314). Рашид ад-Дин попытался создать всемирную историю, для написания которой он привлек китайских ученых, а также европейцев. Последние и дали ему материал по европейской истории. Конечно, с современной точки зрения, этот материал не дает почти ничего нового, но в условиях средневекового Востока эта работа была исключительно ценной, так как знакомила ученые круги Востока с прошлым европейских народов.

Нельзя обойти и такую фигуру, как Абу-л Фарадж Григориус ибн ал-Ибри (возможно, он был еврейского происхождения). Это был последний крупный представитель сирийской науки (он писал на сирийском и араб-

ском языках). Родился он в городе Малатье (современная Турция), но кончил дни в Магрибе. Его сочинения по светской и церковной истории имеют немалое значение и для истории Европы. Немало данных о Европе, больше о Восточной, содержится в трудах географов сирийско-египетской школы Абу-л-Фиды и ад-Димашки.

Из арабских путешественников XIV в. особенно известен Ибн Баттута, в своих многочисленных странствованиях посетивший Южную Россию и оставивший интереснейшие данные о Золотой Орде и подчиненных ей территориях. Уже в XIV в. центр арабской культуры начинает перемещаться в Египет. В эпоху мамлюкских династий там расцветает особый жанр научной литературы — энциклопедии. Они представляли последний этап развития средневековой арабской культуры, после чего она начинает уступать первенство европейской.

Особенностью египетских энциклопедистов (ал-Омари, ан-Нувайри и др.) была огромная начитанность и эрудиция, но нового в их произведениях было немного. В отличие от географов XIII—XIV вв. они уделяли большое и серьезное внимание Европе, в том числе Западной. Кроме чисто научных целей, эти произведения преследовали и практические задачи. В них заключались специальные руководства для писцов, государственных чиновников — правила ведения дипломатической переписки с разными странами и их правителями. О Европе сведения были разные. Например, у ал-Омари есть описание страны «Олман», т. е. «Священной Римской империи германской нации», Венеции, Генуи, Рима, Франции, Галисии, Ломбардии. Больше всего внимания уделяется странам, которые имели отношения с мамлюкским Египтом.

Ценное научное наследие оставил знаменитый Ибн Халдун (1332—1378). Родился он в Тунисе, был чиновником и ученым. Его основной труд — «Книга назиданий и сборник начал и сообщения о днях арабов и персов и тех, кто был современником их из обладателей высшей власти». Самое интересное в этой книге — попытка объяснить историю человечества через эволюцию форм экономики. Такого не знала даже античность, и здесь Ибн Халдун опередил современную ему науку на много столетий. Книга Ибн Халдуна явилась вершиной политической и экономической мысли мусульманской науки. После нее не появлялось произведений, имеющих такое значение, хотя и в XV и даже XVI в. в области истории и географии создавались ценные труды.

Торговые интересы итальянских купцов стимулировали их активность в торговле на Востоке, а политические интересы пробуждали интерес к нему и у некоторых европейских государей. В этом плане примечательна деятельность французских королей, например, Людовика IX (Святого), который пытался вести активную политику в Египте (Седьмой крестовый поход), где потерпел поражение и даже попал в плен, а затем в Тунисе (Восьмой крестовый поход), где он и погиб. Внук его, Филипп IV Красивый, не оставляя планов укрепиться в Египте, пытался заручиться союзом с иранскими ильханами Газаном и Олджайту. Было это, впрочем, связано с поддержкой Филиппом некоторых итальянских торговых компаний.

Отношения между соперничавшими в торговле с Востоком генуэзцами и венецианцами были в XIII—XIV вв. натянутыми. После того, как венецианский дож Энрико Дандоло поддержал крестоносцев в 1204 г., на некоторое время преимущество в левантийской торговле перешло к венецианцам. Но после падения Латинской империи и восстановления Палеологов в Константинополе в 1261 г. (см. ч. II, гл. 4) генуэзцы начали вытеснять венецианцев из бассейна Черного моря, так что на юге современной территории СССР во власти Венеции остался только Танаис в устье Дона. Однако в начале XIV в. венецианцы опять начали теснить генуэзцев. Их купцы развернули активную деятельность в странах Во-

стока. Тем не менее больше всего путешествовали на Восток в XIV в. генуэзцы: братья Вивальди, Перчивале Станконе и др. Сохраняла интерес к Востоку и папская курия. Миссия Монтекорвино (конец XIII в.) тому доказательство. В столице китайских Чингисидов в 30-е годы XIV в. побывал уроженец Фриуля Мариньоли, откуда он проплыл на Суматру или Яву. Все эти путешественники составили отчеты, которые знакомили европейцев с отдельными местностями Востока и их богатствами. Несомненно, красочные описания возбуждали желание европейцев проникнуть в восточные страны, чтобы овладеть их богатствами. Все эти путешествия подготовили в какой-то мере географические открытия конца XV — начала XVI в., когда европейцы стали вступать в контакты с Западной Африкой и Америкой (см. ч. I, гл. 1). Во всяком случае, как известно, Колумб стремился попасть в Индию, хотя пытался достигнуть ее, плывя на Запад.

Русско-восточные связи не прекращались и в тяжелое время монгольского ига. Они резко возросли в XV в., когда правительство Ивана III установило дипломатические отношения с рядом восточных государств. Росла торговля с Востоком, и русские купцы активно в ней участвовали. Афанасий Никитин добрался даже до далекой Индии.

Небольшое государство турок-османов, сложившееся в конце XIII — начале XIV в. на самом западе Малой Азии, расширившись с 60-х годов XIV в., начало завоевание стран Балканского полуострова. Временное поражение османов в борьбе с Тимуром лишь на несколько десятилетий задержало натиск османов (см. ч. III, гл. 3). После падения Византии (1453 г.) турки двинулись в восточную Малую Азию. В 1461 г. была ликвидирована Трапезундская империя (участник антиосманской коалиции, куда входили Венеция, Грузия, папа и мусульманское государство Ак-Коюнлу). Но в 1473 г. правитель Ак-Коюнлу Узун Хасан был разбит турками, и это решило судьбу Малой Азии. Через два года турки ликвидировали генуэзские и венецианские владения в Крыму и вообще на Черном море. Последнее надолго стало «внутренним морем» Османской империи. Началась еще более активная захватническая политика Турции в Европе.

Турция XV в., хотя и отставала в своем экономическом развитии от стран Европы того времени, в области культуры сохраняла некоторые традиции арабской и персидской науки предшествующего времени. Например, после убийства в 1449 г. в Самарканде астронома Улугбека представителями религиозной реакции его сподвижники, в том числе известнейший из них Али Кушжи, бежали именно под покровительство османов. Известно, что с помощью греческих мореходов турецкие власти создали сильный флот, который наводил ужас на страны Средиземноморья.

Однако в целом в период XIII—XV вв. культура, так же как и экономика восточных стран, постепенно уступали ведущее место в этих сферах странам Европы. Развитие городов и торговли, зарождение в некоторых странах этого континента раннекапиталистических отношений, складывание и укрепление централизованных государств (или городов-государств в Италии) — все это способствовало расширению и углублению образованности, высвобождению духовной культуры из-под диктата церкви, успехам техники и научного знания, литературы и искусств. К концу XV в. Европа уже начинает опережать Восток в сфере как материальной, так и духовной культуры, становится носителем прогрессивных тенденций всемирной истории.

Глава 5

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА, ЦЕРКОВЬ И ЕРЕСИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Христианство, возникшее и развивавшееся в исторических условиях Римской империи, как мировая религия окончательно оформилось в феодальном обществе, в котором до определенного момента оно выполняло роль идеологического интегратора и оказывало постоянное влияние на всю его культурную жизнь (см. часть IV). В этот период консолидировалась и укрепилась его организация — церковь, претендовавшая на то, чтобы быть главой христианского мира. «Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания» [1]. В этих рамках осмысливалась и классовая борьба. Церковь оправдывала социальное неравенство как неизбежное условие существования единого целого — христианского мира, однако господствующие и угнетенные классы подчас вкладывали противоположный смысл в толкование христианского учения, которое было основой духовной пищи масс. Протест против существующего социального строя облекался в форму ересей.

К началу средневековья христианство уже около двух столетий было официальной религией Римской империи. Демократические идеалы того времени, когда епископские должности служили переходными ступенями не ко дворцу императора, но на арену цирка, были прочно забыты. В стремительно меняющемся мире церковь шла рука об руку с государством. Их союз, сложившийся при Константине Великом, глубоко повлиял на все стороны жизни церкви и имел важное значение для периода средних веков в целом. Церковь из «одинокой» и «странствующей» превратилась в «воинствующую», христианство становилось одним из господствующих элементов социально-политической системы, ее консолидирующим идейным началом. Христианская церковь перестала быть преимущественно духовной общиной, трансформировалась в жестко иерархизированную социальную, политическую организацию, ориентированную на достижение господства в обществе. Росла пропасть между клиром и мирянами, что вытекало из социального статуса духовенства. Противники церкви рассматривались в качестве врагов государства, что особенно ярко проявилось в Византийской империи, где союз церкви с государством строился на руководящей роли императорской власти, которая обладала сакральными функциями и имела право участвовать в решении церковных вопросов.

Политическая и идеологическая поддержка церкви со стороны государства способствовала ее административному и экономическому укреплению. Епископы и монастыри превращались в крупных земельных собственников. В Византии им принадлежали не только земельные угодья, села, но позднее и ремесленные мастерские (эргастерии). Священнослужители и лица, обслуживавшие церковь, были освобождены от налогов, ремесленных и торговых пошлин, от военной службы, церковь получала

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 414.

большие средства от императорской казны на благотворительную деятельность, значение которой для смягчения классовых конфликтов государство вполне осознавало.

На Западе отсутствие сильной централизованной власти способствовало укреплению позиции римских епископов — пап, по существу превратившихся не только в духовных, но и светских владык Римской епархии. «Вотчина святого Петра» оказалась наиболее стабильным политическим и экономическим образованием тех бурных и исполненных драматизма столетий. Даже после падения Западной Римской империи возраставшие доходы и владения церкви не были отчуждены и королями варварских государств, образовавшихся на территории бывшей империи.

К началу средневековья на основе принятого в 325 г. Никейским собором «Символа веры» в основных чертах были завершены формирование христианского канона, систематизация церковной доктрины, осуществленная на Востоке «отцами церкви» Василием Великим, Григорием Назианзином, Григорием Нисским, а на Западе — Иеронимом Стридонским и в особенности Аврелием Августином, выработаны основные формы культа и литургии. В каноническое право были инкорпорированы многие практические установления, имевшие основополагающее значение для церковной организации и дисциплины. Получило распространение монашество. Наконец, были сформулированы и сведены воедино главные принципы социальной доктрины церкви и личной этики христианства. Тем не менее победившее христианство не представляло единой доктрины, но скорее было весьма подвижным и многозначным соединением догматов и концепций, объединенных библейско-евангельским сводом, в свою очередь внутренне весьма противоречивым, далеким от логической стройности. Это открывало возможность самых разнообразных интерпретаций и построения на его основе зачастую враждебных друг другу идеологических схем.

Тринитарные и христологические споры, бушевавшие в Средиземноморье с конца III вплоть до конца VI в., породили множество еретических течений, отражавших борьбу внутри самого христианского учения. Наиболее значительные из них, такие как арианство, донатизм, пелагианство, присциллианство, несторианство, монофиситство, оказали заметное влияние и на судьбы средневекового христианства. Так, арианство, отрицавшее один из основных догматов ортодоксальной христианской доктрины о единосущности бога-отца и бога-сына (Христа), несмотря на неоднократные осуждения на соборах, пустило крепкие корни среди варварских народов. По арианскому образцу приняли христианство остготы и вестготы, вандалы и некоторые другие племена.

В борьбе с донатистами, выступавшими за сохранение идеалов раннего христианства, проповедовавшими евангельскую бедность и чистоту клира, и пелагианцами, отрицавшими наследственную силу первородного греха и отстаивавшими свободу воли, значение нравственно-аскетических устремлений самого человека, вырабатывались основы католицизма; Аврелий Августин закладывал фундамент господствовавшего в средневековой Западной Европе мировоззрения.

На Востоке тринитарно-христологические споры в итоге привели к торжеству православия. Однако последователи осужденного константинопольского патриарха Нестория (428—431), утверждавшего, что Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии стал сыном божьим, образовали свою несторианскую церковь в странах Востока — от Ирана, Средней Азии и до Китая, продолжающую существовать и в настоящее время. Монофиситство, возникшее в Византии в конце V в. как реакция на несторианство и трактовавшее соединение двух природ в Христе как поглощение человеческого начала божественным, получило особенное распространение в восточных провинциях Византии: Египте, Сирии, Ар-

мении. Оно и доныне господствует в армянской, эфиопской, коптской и «якобитской» сирийской церквах.

Со времени своего возникновения христианская церковь претендовала на то, чтобы быть вселенской, мировой. Однако, делая еще по существу начальные шаги на пути христианизации общества, сама церковь уже перестала быть монолитным образованием. Во второй половине II в. в северной Африке началась латинизация церкви (в Риме в христианской среде вплоть до III в. преобладал греческий язык), положившая начало расхождению восточного и западного направлений в христианстве, которое постоянно усугублялось различием исторических судеб восточной и западной части Римской империи. Еще Никейский собор 325 г. показал, сколь малое значение придавали тогдашние высшие восточные иерархи церкви западным епископатам. Однако руководители западной церкви так не считали. Западная церковь не только выдвинула крупных идеологов христианства, таких как Тертуллиан, Иероним и Августин, но и открыто заявила свои притязания на главенство в христианском мире. Собор 343 г. в Сардике, где преобладали западные епископы, признал главенство Рима, однако восточные епископы не согласились с этим решением. По существу это означало разделение церкви на западную и восточную. Через сто с небольшим лет собор 451 г. в Халкидоне подтвердил расхождение церквей: константинопольский патриарх был признан не только верховным по отношению ко всем восточным иерархам церкви, но и равным римскому епископу, который претендовал, однако, на то, чтобы его власть была вселенской. С Халкидона история христианской церкви перестает быть единой. Европа стала ареной постоянного соперничества двух «вселенских» владык — римского папы и константинопольского патриарха.

Восточная церковь опиралась на мощь византийской государственности, западная — стремилась встать над светской властью, подчинить ее себе. Теократические притязания папства были в немалой степени вдохновлены идейными установками Августина, развитой им концепцией церкви как иерархической, подчиненной строгой дисциплине организации, которой единственно должно принадлежать право быть посредником между богом и людьми, высшим судьей в делах духовных и мирских.

На исходе VI в., когда обескровленная остготско-византийскими войсками Италия оказалась перед лицом еще более страшной опасности — лангобардского завоевания, на папский престол был избран Григорий I Великий (590—604). Он проявил недюжинную энергию для организации обороны Рима, обеспечения населения продовольствием. Авторитет Григория I был очень велик в западных землях, его светская власть простиралась над всей Центральной Италией. При этом папе Рим окончательно превратился в город св. Петра, преемником которого он считал себя, обосновывая свое право на главенство в христианском мире. В то же время Григорий I униженно называл себя «раб рабов божиих», не без умысла противопоставляя свое смирение блеску византийского патриарха.

При нем особенно активно развернулась миссионерская деятельность римской церкви. В конце VI в. из арианства в католичество перешли вестготы. Затем испанские епископы приложили немало усилий, чтобы обратить в христианство языческие племена, населявшие Пиренейский полуостров. Лангобарды тоже стали христианами по римскому обряду. Григорий I добивался распространения влияния папства на отдаленные племена англов и саксов, в чьи земли были направлены миссионеры, действовавшие там наряду с ирландскими монахами, которые еще в IV в. основали на острове свои обители (см. ч. I, гл. 7). С VI в. ирландские и английские монастыри давали ревностных проповедников христианства, которые проникли в самые глухие области Европейского континента.

Папская курия стремилась стать центром европейской дипломатии,

папа так или иначе поддерживал отношения с большинством государей Европы. Григорий I добился подтверждения своего главенства в западной церкви от византийского императора Фоки, укреплял традиционный союз с Меровингами, возникший еще в конце V в., когда христианство в его ортодоксальной форме принял король франков Хлодвиг.

В первой половине VIII в., когда Карл Мартелл, остановивший продвижение арабов в Европу, посягнул на церковные земли, отношения между Франкским государством и папой осложнились (ч. I, гл. 3). Тем не менее, когда король лангобардов Айстульф подступил к стенам Рима, папа обратился за помощью к Пипину Короткому, который в 751 г. с согласия папы был провозглашен королем франков. Пипин предпринял два похода в Италию (754 и 757 гг.) и силой заставил короля лангобардов отдать папе захваченные земли Римской области и Равеннского экзархата. На них в 756 г. образовалось папское государство. Так папа превратился в светского государя. В свою очередь, он даровал Пипину сан патриция, покровителя Рима.

Сын Пипина Карл Великий (768—814), опираясь на союз с папой и используя христианство как средство идеологической консолидации и упрочения центральной власти, значительно расширил границы Франкского государства и укрепил его. Под его властью находились почти все земли (кроме Англии и Ирландии), где утвердилась римская церковь, вынужденная признать Карла политическим главой христианского мира. В 800 г. Карл был провозглашен императором Священной Римской империи, и папа Лев III возложил на него в соборе св. Петра в Риме императорскую корону, тем самым подчеркнув, что светская власть, сколь бы могущественной она ни была, обретает законность лишь с благословения папы. Коронация Карла произвела огромное впечатление на современников. Император мыслился как продолжатель дела Римской империи, защитник церкви и всех христиан, а его власть представлялась священной. Византийский император поначалу категорически отказался признать Карла главой новой империи на Западе. Лишь в 812 г. он смирился с императорским титулом Карла.

При Карле Великом, стремившемся укрепить свою многоязыкую империю не только силой меча и закона, но и духовно-религиозным единством, положение западной церкви и ее главы — папы — упрочилось. В лице императора франков папство получило надежного защитника своих земельных владений и привилегий. Папские земли были, наконец, ограждены от посягательств извне. Император узаконил церковную десятину, которой стало облагаться все население Западной Европы. Это укрепило экономическое положение церкви, отныне концентрировавшей в своих руках огромные денежные средства. В этот же период осуществляется унификация по всей империи Каролингов канонического текста Библии, осуществляется литургическая реформа, повсюду устанавливается богослужение по единому римскому образцу. Проводится реорганизация монастырей в соответствии с авторитетным текстом устава св. Бенедикта Нурсийского, совершенствуется система образования, а поскольку оно было преимущественно достоянием клириков, церковь получает более подготовленные кадры. Вместе с тем попытка Карла Великого установить приоритет светской власти над духовной шла вразрез с теократическими притязаниями папства. Еще в формулировке папы Геласия (ум. в 496 г.) подчеркивалось, что только папа обладает правом направлять и вести христианский мир к высшей цели — вечному спасению. Императору отводилась забота о земном благосостоянии и политическом единстве общества.

Развитие теократической доктрины на Западе привело к тому, что государственные дела стали рассматриваться папами как один из аспектов деятельности церкви. На этом особенно настаивал папа Николай I

(858—867). По его поручению епископ Хинкмар Реймсский развивал учение о том, что король — лишь орудие в руках церкви, направляющей его к истинной цели. Только церковное помазание ставит его над другими людьми. Папа Иоанн III (ум. в 882 г.) пошел еще дальше, заявив, что папа имеет право не только короновать, но и смещать императора.

Для подкрепления теократических устремлений папства Николай I пустил в ход сфабрикованный в папской канцелярии в VIII в. подложный документ «Константинов дар», согласно которому император Константин Великий якобы утверждал права римского епископа как главы христианской церкви и даровал ему верховную власть над Римом, Италией и западными провинциями империи. «Константинов дар» был затем подкреплен столь же фальшивыми декреталиями — сборником вымышленных папских посланий и решений церковных соборов, приписанным ученому-энциклопедисту VII в. Исидору Севильскому, а на самом деле составленным в IX в. «Лжеисидоровы декреталии», вошедшие в свод канонического права, регулировавшего вопросы внутрицерковной организации и деятельности церковных судов, утверждали независимость папы от любой власти на земле и его право осуществлять свои деяния, не считаясь со светскими государями. Подложность «Константинова дара» в XV в. была неопровержимо доказана гуманистом Лоренцо Валлой. Тогда же церковь вынуждена была признать фальсификацией «Лжеисидоровы декреталии».

Отношения, сложившиеся между светской властью и церковью в Византии, отличались значительным своеобразием по сравнению с Западом. Здесь тоже высшая власть носила религиозный характер. В «Эклоге» императора Льва III (717—741) закон назван «откровением божиим». Долг василевса заключался прежде всего в правильном исполнении того, что изложено в Писании. В Византии императоры, как правило, сами глубоко вникали в богословские споры, их слово обладало высшим авторитетом и для духовенства. Синоды и соборы епископов не могли действовать помимо государя. Император Ираклий, например, издал в 628 г. указ относительно обязательности веры в две природы Христа — божественную и человеческую — с признанием в нем единой божественной воли (монофелитство). Однако ему не удалось примирить таким образом монофиситов с ортодоксами.

Зародившееся на Востоке еще в первые века христианства монашество получило чрезвычайно широкое распространение в Византии. Множество людей по разным причинам «уходило от мира», быстро росло число монастырей. Монастыри основывались василевсами, патриархами, духовенством, в их строительстве принимали участие представители всех слоев общества, некоторые землевладельцы превращали свои усадьбы в монастыри. В VIII в. монашество набрало такую силу, что императоры вынуждены были вступить в борьбу с ним. В борьбе с арабами, с мусульманской опасностью, византийцы провозглашали себя воителями за истинную веру, но в самой империи не было желанного единства веры, кипела острая религиозная борьба, принявшая форму столкновения двух религиозных направлений — иконоборчества и иконопочитания, длившаяся с VIII по середину IX в. и ослаблявшая восточную церковь.

Желая подорвать влияние высшего духовенства и тесно связанной с ним городской сановной знати, иконоборцы (иконокласты) выступили против почитания икон, доказывая невозможность какого-либо изображения божества, называя поклонение иконам идолопоклонством. Иконопочитатели (иконодулы) ссылались на исконность обычая, на необходимость дать простому народу наглядное изображение отвлеченного вероучения, особенно отстаивали поклонение иконам монахи. Иконоборческое движение возглавили сами императоры Исаврийской династии (см. ч. I, гл. 2).

Иконоборческие идеи нашли отклик и среди части народных масс, недовольных ростом монастырского землевладения и усилением эксплуатации со стороны высшего духовенства, их поддерживали еретические сектанты, например, павликиане.

Решительную поддержку иконопочитатели получили от римского папы Григория III, стремившегося использовать внутреннюю борьбу в Византии для ослабления ее власти в Италии. С особой силой борьба иконоборцев и иконопочитателей развернулась при императоре Константине V, с началом секуляризации некоторых монастырских земель (см. ч. I, гл. 2). С конца VIII в. начинается поворот в пользу почитания икон, однако в 815 г. собор по настоянию императора Льва Армянина снова запретил почитание икон и молитвы перед «бездушным деревом». В споре между иконокластами и иконодулами с 843 г. состоялось «перемирие», в память о котором был установлен «праздник православия».

В ходе борьбы выявилось еще одно значительное разногласие между частью духовенства и императорской властью. Идеологом превосходства духовной власти над светской стал Феодор Студит, который даже обратился за поддержкой к «апостольскому главе» — римскому папе. Однако последователи Феодора Студита потерпели поражение. И василевсы-иконокласты, и василевсы-иконодулы не позволяли церкви выходить из-под своего диктата. Вошло в обычай даже патриарха назначать из светских лиц, а порой и над монастырями ставить светских владетелей.

В VIII—X вв. римская церковь развернула дальнейшую активную миссионерскую деятельность преимущественно в Западной и Северной Европе. В VIII в. были обращены в христианство племена Центральной и Южной Германии. Тогда же в христианский мир были включены фризы и материковые саксы, земли которых были завоеваны франками. С IX в. начинается христианизация Скандинавии, которая завершается лишь к XIV в.

Постепенно римская церковь втягивала в сферу своего влияния все романские и германские народности, однако она не довольствовалась этим, устремляя взоры на Восток,— туда, где быстро набирали силу славянские племена. Здесь интересы западной церкви пришли в резкое противоречие с намерениями восточной. Методы христианизации вновь обращаемых народов различались. Западные миссионеры проводили более жесткую политику по отношению к обращаемым народам. Они проповедовали на непонятном местному населению латинском языке, подчас не гнушались и жестокой расправой над непокорными язычниками, пользуясь поддержкой королевской власти.

Восточная церковь действовала более «дипломатическими» методами. Ее миссионеры, как правило, проповедовали на языках тех народов, которые они хотели обратить в свою веру. Византийские проповедники Кирилл и Мефодий стали создателями славянской азбуки, приглашенные в 863 г. князем Ростиславом в Великоморавскую державу, они перевели с греческого несколько богослужебных книг. В регионе византийского влияния у славянских народов литургия также осуществлялась на местных языках, что впоследствии способствовало развитию относительной самостоятельности церквей в ряде славянских стран, в частности на Руси.

Выбор славянскими князьями ориентации на западный или восточный христианский центр определялся рядом обстоятельств, в частности, политической борьбой внутри самих княжеств и их отношениями с соседями. Однако объективно ориентация на Константинополь приводила не только к включению их в византийскую культурную сферу, но и к формированию в этих государствах национальных церковных организаций.

Христианство распространилось среди славянского населения Фракии и Македонии, входивших в состав Византийской империи, еще

в VII в., при возникновении Болгарского государства. Официально в Болгарии оно было принято князем Борисом в 864 г. В Болгарии христианизация наряду с социально-политическими и идеологическими аспектами имела также государственно-этнический аспект: она объединяла одной религией внутри одной политической системы протоболгар и славян, способствуя консолидации населения. Однако введение новой религии здесь не прошло гладко. Языческая оппозиция боярства привела к антихристианским восстаниям, которые имели также антивизантийский характер, но были подавлены.

На территории Валахии и Молдавии христианство было известно рано: к X в. относится пещерный монастырь около Констанцы. Длительные тесные культурные, торговые и политические связи с соседними славянскими странами и Византией способствовали оформлению культа в форме православия, применению в службе, администрации и быту славянского языка и письменности.

Насколько острой была борьба между Римом и Константинополем в западных славянских землях, показывает, в частности, пример христианизации Великой Моравии, где поначалу православие добилось известных успехов, а затем потерпело поражение, оставив поле сражения за римской церковью. Таким же был исход борьбы в Польше и в Венгрии. Сербы приняли христианство по византийскому образцу, а их соседи — хорваты — по римскому. Константинополь отступал. Оставалась самая крупная славянская страна — Киевская Русь, где также скрестились духовные мечи Рима и Константинополя. Княжеская власть в Киеве пыталась лавировать между Константинополем и Римом. Христианство стало распространяться в Киевской Руси задолго до официального крещения, еще в IX в. Но в отличие от полабских и западных славян в Киеве чаша весов склонилась в пользу восточной ориентации. Борьба Рима и Византии в Киевской Руси протекала в иных условиях, чем в других славянских землях. На Западе Рим нашел союзника в лице германских феодалов и местной знати. К моменту принятия христианства Киевская Русь была уже могущественным государством, с большим числом городов, развитыми ремеслом и торговлей. Немецкий хронист Адам Бременский (XI в.) называл стольный град Киев жемчужиной Востока и вторым Константинополем.

Перед княжеской властью возникла проблема укрепления единодержавного государства. Князь Владимир Святославич (980—1015) сначала пытался, как известно, решить его, реформировав и поддержав язычество, но затем он обратился к христианству. Ему, как и княгине Ольге, нужно было решить вопрос, какое христианство принять — западное или восточное. Можно с уверенностью сказать, что вопрос этот Владимиру пришлось решать в обстановке сильного дипломатического нажима как со стороны Рима, так и Константинополя. Если у славян на Западе выбора уже не было, то у Руси он был. Киеву выгоднее было иметь дело с Константинополем, в его руках был водный путь «из варяг в греки», с Византией существовали давнишние налаженные экономические и политические отношения, хотя и не всегда мирные. Столетиями Киев общался с Константинополем. Связи с Западом были слабее.

Христианизация Древнерусского государства была сложным и длительным процессом. Выбор князя Владимира, склонившегося принять христианство из Византии, был продиктован государственными интересами Киевской Руси. Союз с опасным и коварным византийским императором был предпочтительнее постоянных войн и изнурительных заморских походов, мешавших экономическим и культурным связям с великой ромейской державой. Учитывался и печальный опыт западнославянских стран, где распространение католической религии было частью «натиска на Восток» немецких феодалов. В решении Владимира известную роль

сыграли и династические соображения — борьба за власть с братом Ярополком, который ориентировался на Запад, на союз с Польшей и папством и поддерживал идею принятия на Руси католической религии. Агрессивность католического Запада и большая активность папского престола в борьбе за христианизацию Руси настораживали и вызывали недовольство в стране. Попытки Владимира объединить государство на основе языческой религии успеха не имела, ибо язычество уходило в прошлое. Принятие же христианства открывало Руси дорогу к более активной деятельности на международной арене.

Момент для соглашения с империей был выбран Владимиром весьма удачно: ромейская держава была ослаблена борьбой на два фронта — против болгар и поднявшего мятеж в Малой Азии узурпатора Варды Фоки. Около 988 г. киевский князь породнился с императорским домом, женился на византийской принцессе Анне и принял христианство. В таких условиях Русь не брала на себя никаких вассальных обязательств. Вслед за князем крестились бояре, жители Киева и других городов Древнерусского государства. В Киеве, Новгороде и прочих местах крещение сопровождалось серьезными столкновениями с язычниками.

Последствия принятия христианства на Руси по православному обряду были разнообразны и порою противоречивы. Русь выиграла от союза с Византией, заняв равноправное положение среди других влиятельных христианских государств средневековой Европы. Вместе с тем Руси и в дальнейшем приходилось оказывать постоянное сопротивление политическим и церковным притязанием империи, стремившейся подчинить Русь своему верховенству. Принятие православия временно осложнило отношения с Западом, особенно с папским престолом. Но самым важным, пожалуй, последствием принятия христианства явилось то, что оно послужило мощным стимулом для ознакомления Руси с византийской культурой. Через Византию из глубины веков в Древнюю Русь активнее начало проникать и влияние мировой цивилизации, в том числе наследие античного мира и Ближнего Востока.

К 1000 г. христианство распространилось по значительной части территории Европы. Граница между сферами влияния западной римской и восточной греческой церквей проходила по Балтийскому морю, реке Висле, Карпатам. Между этими двумя зонами лежали земли остававшихся язычниками балтийских племен леттов, ливов, прусов, эстов и др. Именно сюда в XI—XIV столетиях устремляется экспансия немецких рыцарей, благословленная католической церковью. Народы Европы обращались в лоно церкви не только проповедью, но и огнем и мечом. Так, саксам христианство было принесено на острие копий воинов Карла Великого, не знавших пощады ни к детям, ни к старикам, а обращение прусов и балтийских племен носило характер истребительной войны. Распространение христианства становилось наиболее интенсивным тогда, когда в этом оказывались заинтересованными правители складывающихся государств. Формирующийся господствующий класс обретал в новой религии мощное идеологическое орудие. Не случайно догмы церкви превращались и в политические аксиомы.

Христианство преимущественно насаждалось сверху и встречало более или менее явное сопротивление основной массы населения. Новообращенные христиане нередко в душе оставались язычниками, не понимали и не принимали новой религии. Их протест подчас принимал острые формы, они убивали миссионеров и христианских священников, разрушали церкви и часовни, и часто лишь сила оружия заставляла их покориться. Христианизация не затронула глубинные слои народного сознания, в которых продолжали господствовать языческие представления и фольклорная образность, исключительно живучими оказались и народные обряды.

Усиление притязаний пап на обладание неограниченной властью и стремление возвысить папский престол над восточными патриархами не могли не вызвать резко отрицательного отношения со стороны византийских императоров и восточного духовенства, поскольку речь прежде всего шла о политическом противостоянии Рима и Константинополя. Рим угрожал распространить свое влияние на народы Восточной и Южной Европы. Конфронтация между западной и восточной церквами усугублялась догматическими, теологическими, обрядовыми и организационно-дисциплинарными разногласиями.

Камнем преткновения стал догмат об исхождении духа святого. Никейский «Символ веры» утверждал, что дух святой исходит только от бога-отца, первого лица троицы. Римская церковь стала настаивать на его исхождении от отца и сына (filioque). Это добавление было сделано в 589 г. на третьем Толедском соборе, а затем закреплено при Карле Великом Аахенским синодом в 809 г. Восточная церковь осудила это добавление как ересь. В вину латинянам она также вменяла учение о «благодати», запас которой якобы создавался деяниями святых, что давало возможность западной церкви за счет него отпускать грехи через продажу специальных грамот — индульгенций.

Несколько утихшие после коронации Карла Великого страсти с новой силой разгорелись в 858 г. Поводом для этого послужило смещение константинопольского патриарха Игнатия и избрание Фотия, одного из образованнейших людей своего времени, решившего восстановить несколько пошатнувшееся могущество византийской церкви. Папа Николай I отказался признать законность этого акта, опротестовал решение собора, поддержавшего Фотия, и объявил о лишении константинопольского патриарха всех степеней священства. Константинополь ответил папе анафемой. Папа поступил аналогичным образом. С этого времени разногласия между западной и восточной церквами однозначно вели к их разделению, схизме. Кульминацией этой борьбы были драматические события 1054 г. в Константинополе: римский кардинал Гумберт возложил 16 июня этого года в св. Софии грамоту с отлучением патриарха Михаила Кирулария от церкви, тот в свою очередь отлучил папского легата и объявил сторонников западной церкви еретиками. Он подробно перечислил все основные пункты расхождения с латинянами. Для восточной церкви были неприемлемы как обрядовые, так и догматические правила латинян: применение опресноков вместо квасного хлеба при причащении; соблюдение субботнего поста, целибат (безбрачие духовенства); обычай священников брить бороду; крещение посредством одного только обрызгивания, без погружения в купель, принебрежение культом икон, место которых заняло скульптурное распятие. В богословской сфере основным расхождением с латинянами было признание последними исхождения св. духа не только от бога-отца, но и от сына. Споры о природе Троицы, давно уже волновавшие восточную церковь, были по существу попыткой разрешить кардинальные философско-богословские вопросы о соотношении единства и множества, земного и небесного, человека и бога. Греческие богословы, в отличие от западных теологов, подчеркивали самостоятельность лиц Троицы при единстве ее природы. В соотношении лиц Троицы они видели монархический принцип. Добавление западными богословами filioque означало замену монархического принципа иерархическим. Троица в их понимании превращалась в иерархизированное единство в отличие от монархически воплощенной триады восточного православия.

Средневековому мышлению Запада подобная иерархия лиц была ближе и понятнее, чем монархическая система, которая в свою очередь более адекватно отвечала самодержавной общественной структуре Византии. Западной религиозности был особо присущ культ бога-сына Иисуса

Христа, распятие — изображение Христа на кресте — стало главной святыней в храмах латинского Запада. На Востоке широкое распространение получило почитание св. духа и праздника пятидесятницы (духова дня).

Существенным различием восточной и западной церквей было отношение к проблеме свободы воли. Отсутствие корпоративного начала в византийском обществе и большее распространение индивидуализма приводило к замене августиновской концепции предопределения, ведущего человека к спасению или гибели, теорией синергизма — соединения свободной человеческой деятельности с божественным милосердием. На теологии Августина зиждился основной принцип деятельности западной церкви: человек сам по себе бессилен перед грехом, и только церковь как корпорация может через церковные таинства обеспечить его спасение. Отсюда вытекала оценка церковью грехов и добрых дела человека, возможность индульгенций, учение о посмертной судьбе, суде над грешниками, чистилище и т. п.

Западная церковь в силу своей корпоративности значительно резче отделялась от мирян, чем византийская. Социальная обособленность латинского духовенства воплощалась в организации клира, прежде всего во введении целибата — безбрачия духовенства, отрицаемого на Востоке, и в установлении причащения клириков хлебом (телом Христовым) и вином из чаши (кровью Христовой), тогда как мирян — одним хлебом. В Византии же целибат распространялся только на монахов и епископов, а миряне, подобно священникам, причащались и хлебом и вином («под обоими видами»).

Еще в раннее средневековье западная церковь явилась носителем идеи универсализма, что порождало создание централизованной иерархической церковной организации во главе с теократическим государем — римским папой. Папский престол не подчинялся светской власти и вел самостоятельную политику. В Византии, наоборот, светское государство само олицетворяло универсалистскую идею и стояло во главе всей христианской ойкумены. Духовная власть на Востоке была ограничена светской, хотя распространение там теории «цезарепапизма» — полного господства государства над церковью — опровергнута в современной византиноведческой науке. На Востоке не сложилась монархическая теократия, здесь возобладал принцип пентархии (пятивластия) — церковь, по мнению восточных богословов, должна управляться пятью патриархами (Римским, Константинопольским, Антиохийским, Иерусалимским и Александрийским), подобно тому, как пять органов чувств направляют деятельность человека. Восточная церковь выше патриархов ставила вселенские соборы под председательством императора или его представителя.

С универсалистскими претензиями римско-католической церкви был тесно связан и вопрос об языке богослужения. В феодально-раздробленной, многоязыковой Западной Европе, населенной различными племенами и народами, церковь сохраняла единый язык богослужения — латинский — и тем самым утвердила принцип универсализма. Византийская православная церковь, напротив, при христианизации варварских народов не требовала, чтобы греческий язык стал единственным языком литургии. Она допускала богослужение на местных языках — славянских, грузинском, сирийском, коптском и др. Зачастую эта политика обеспечивала успех церковным миссиям православной церкви. Однако борьба между западной и восточной церквами за распространение христианства по католическому или православному обряду никогда не прекращалась.

Наряду с догматическими и обрядовыми расхождениями восточную и западную церковь разделяли укоренившиеся в широких кругах средне-

векового общества Запада и Востока устойчивые социально-психологические различия. Западной религиозности была свойственна глубокая эмоциональная напряженность, граничащая с религиозной экзальтацией. Для верований греков была характерна отвлеченная философская рассудочность, приверженность к глубоко трансцендентным идеям. Взволнованное воображение латинян постоянно устремлялось к крестным мукам Христа, страшным мукам грешников в аду. В православной церкви на первый план выдвигались радостно-просветленные моменты из жизни Христа, его воплощение и воскресение. Это нашло отражение в византийской и западноевропейской культуре, в частности, в литературе и искусстве.

Итак, различия между западной и восточной церквами вытекали из особенностей социального и экономического положения церкви на Западе и в Византии, из устойчивых отличий идейных традиций, социальной психологии и церковного ритуала, из политического и языкового разобщения Запада и Востока.

Многовековые распри между Востоком и Западом завершились в 1054 г. разделением церквей, каждая из которых считала себя единственно вселенской, ортодоксальной, а другую — еретической. Западная церковь стала называться римско-католической, а восточная — греко-православной. Схизма была итогом не только церковных разногласий, но и отражением существенных различий в историческом развитии западных областей Европы и Византии.

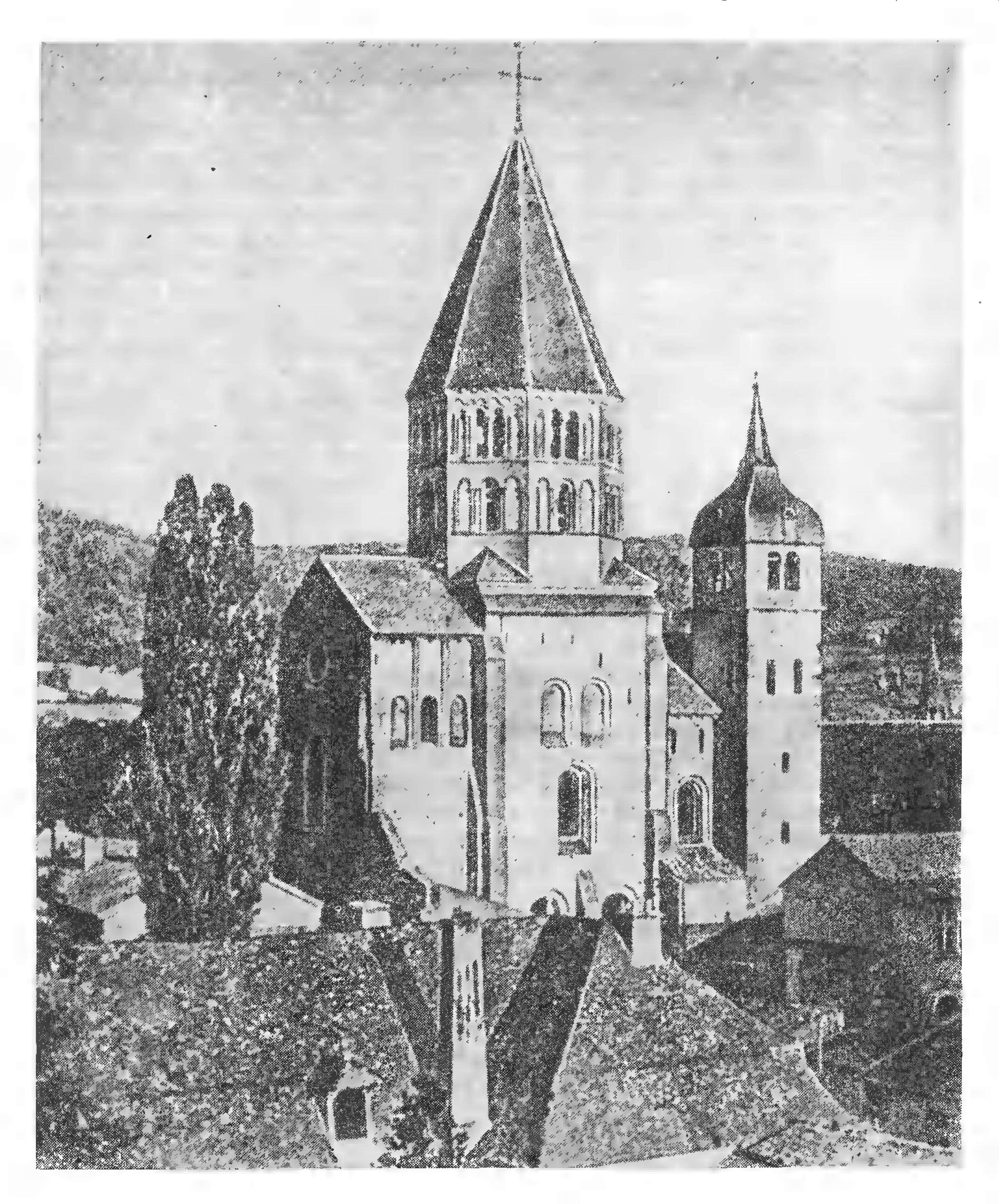
Распад империи Каролингов повлек за собой и упадок папства и возглавлявшейся им католической церкви. Без политической и военной защиты империи власть папы, который еще недавно давал указания государям в далеких землях, оказалась слишком слабой, чтобы усмирить притязания феодалов в самой Италии. Римская знать распоряжалась престолом св. Петра как своей вотчиной.

При германском короле Оттоне I была сделана попытка восстановить Священную Римскую империю. Римляне присягнули ему в том, что отныне они будут избирать папу только с соизволения императора (см. ч. I, гл. 4). Когда смещенный императором папа Иоанн XII попытался вернуть себе папский престол, Оттон I вернулся в Италию и учинил разгром его сторонников. После этого германские императоры назначали пап, не говоря уже о епископах, которые рассматривались ими как официалы короны.

Подчинение церкви светской власти стало реальностью не только в Германии, но и по всей Европе. Старое каноническое правило, что епископ избирается клиром и народом, не выполнялось. Епископы и аббаты назначались светскими властями, которые по существу присвоили себе право инвеституры — назначения и утверждения в сане высших духовных лиц. Епископ должен был преклонить колени перед сеньором, принести ему оммаж и получить от него посох и кольцо как знаки его сана.

Высшие духовные лица, епископы, архиепископы, аббаты превращались в феодальных сеньоров. Церковь «обмирщилась», подчинилась светским интересам, клир погряз в погоне за мирскими благами. Этому способствовало и распространение со времени Оттона I обычая покупать духовный сан за деньги у светской власти (симония). Все это расшатывало организационные основы церкви, лишало ее духовного и политического авторитета.

Борьбу за ее оздоровление начал монастырь Клюни, основанный в 910 г. во Французской Бургундии (см. ч. I, гл. 4). Клюнийская реформа имела целью укрепление церковной организации, приведение в порядок материальной базы церкви и строгую регламентацию ее отношений со светской властью. В любом социальном и политическом конфликте

Монастырь в Клюни. Первая половина XII в.

последнее слово должно было оставаться за церковью. Папа, как наместник бога на земле, должен был быть высшим арбитром во всех делах, духовных и мирских.

Монастыри изымались из-под власти не только светских сеньоров, но и епископов, непосредственно подчинялись папе, что способствовало централизации церкви. Клюнийцы выступили как ревнители аскетического монашества, строго осудили продажу церковных должностей, падение нравов духовенства и уделяли внимание подготовке новых поколений клириков, обучавшихся в школах при клюнийских монастырях, отличавшихся большой строгостью и суровым режимом жизни. Они использовали эсхатологические ожидания народа для проповеди «божьего мира»,

пресечения насилий феодалов. Однако влияние пацифистских устремлений клюнийцев оказалось кратковременным и неглубоким.

В 1059 г. клюнийский монах Гильдебранд (будущий папа Григорий VII) добился на Латеранском соборе принятия решения, принципиально важного для последующего возвышения папства: отныне германские императоры и римские нобили навсегда отстранялись от выборов пап. Право участвовать в них предоставлялось только кардиналам.

Позиции католической церкви еще более укрепились при папе Григории VII, который с необузданной энергией боролся за осуществление двух задач: полное подчинение общества церкви и укрепление строгой дисциплины духовенства под неограниченной властью папы. Он потребовал от королей Европы, чтобы они принесли вассальную присягу папе, как это сделал норманнский герцог Южной Италии, и уплатили взнос в пользу римской церкви, так называемый «денарий св. Петра». Английские, французские земли, Венгрия, Испания, Чехия, Далмация, Сардиния, даже далекая Русь стали объектами его дипломатических маневров.

Подобная программа не могла не вызвать резкого противодействия светских властителей, особенно германского императора. Генрих IV отказался признать отмену светской инвеституры и выступил против папы. Григорий VII пригрозил Генриху IV отлучением от церкви. Император созвал собор в Вормсе из послушных ему епископов, который низложил «лжемонаха Гильдебранда». Григорий VII в свою очередь объявил Генриха IV лишенным власти, а подданных освободил от присяги императору. Этим воспользовались феодалы Германии, враждебные императору. Генрих IV был вынужден искать примирения с папой. После долгого покаяния императора примирение состоялось в Каноссе (Северная Италия) (см. ч. I, гл. 4). Однако смута в Германии не утихала, императору едва удалось спастись. Генрих IV снова вторгся в Италию, низложил Григория VII и возвел на папский престол Антипапу Клемента III. Население Рима раскололось на два враждующих лагеря. Началась настоящая война. Григория VII освободили норманны, разорившие Рим. Он бежал в их владения, где и скончался.

Вопрос об инвеституре был окончательно решен лишь в 1122 г. на соборе в Вормсе, где для разных частей империи были установлены различные системы выборов епископов. В Германии сохранялось присутствие императора на выборах, осуществляемых духовными лицами, и светская инвеститура, которая предшествовала духовной, совершаемой папой или его легатом. В Италии и Бургундии выборы происходили без императора или его посланцев. Императорская инвеститура, осуществлявшаяся через полгода после выборов, приобрела формальный характер. С этого времени папа получил право на ношение императорских инсигний, в том числе тиары как символа вселенской власти.

Процесс феодализации, начавшийся в Западной Европе в раннем средневековье, захватил и церковь. Уже тогда в руках церковников сосредоточилось около трети обрабатываемых земель. Иерархи церкви, епископы, соборные капитулы, монастыри превращались в крупных феодальных собственников. Они обрели широкие иммунитетные права. Росло число крестьян, зависимых от церковных землевладельцев. На некоторых землях церкви эксплуатация была столь же жестокой, как и на землях светских сеньоров. В период феодальной раздробленности многие епископства и монастыри превратились в настоящие крепости, а произвол епископов и аббатов соперничал с произволом светских феодалов.

Церковь стала не только важным элементом социальной системы феодализма, но и главным институтом, санкционирующим ее. Притязания церкви простирались на все сферы жизни общества. Она ведала множеством экономических, политических, социальных дел, концентрировала судебные функции. С помощью сложной системы наказаний церковь воз-

действовала не только на рядовых мирян, но и на монархов. Церковное отлучение, не допускавшее человека к церковным таинствам и обрядам, по существу, исключало его из системы общественных связей. Еще более тяжелым наказанием был интердикт, отлучение целой территории или страны, в которых жизнь фактически парализовалась. Убить отлученного считалось богоугодным делом. Подданные освобождались от присяги отлученному монарху. Церковь, оправдывая социальные противоречия, провозглашая феодальный строй универсальным и божественным стала важнейшим идеологическим орудием господствующего класса.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕРЕСИ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

С понтификата Григория VII начинается период быстрого возвышения папства, расцвета его могущества и по существу становления папской монархии, опирающейся на жесткую церковную иерархию и собственную материальную базу. Главными инструментами достижения папского господства становятся соборы, папские послания, римский трибунал. Финансовые возможности папской курии превосходили денежные средства многих государей Европы. В Рим стекались из всех католических стран доходы от земельных владений церкви, церковная десятина, самые разнообразные церковные поборы.

Усилению папства способствовало то, что к концу XI в. большинство европейских государств переживало период феодальной раздробленности. Относительно сплоченная католическая церковь стала влиятельнейшей феодальной силой, самым стабилизированным институтом феодального общества. Она «являлась реальной связью между различными странами», своей феодальной организацией «давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах»[2]. В условиях ослабления королевской власти, нарастания феодальных противоречий авторитет церкви, опиравшейся на представлявшуюся незыблемой и справедливой основу — св. Писание и церковную традицию, значительно возрос.

Мощным орудием влияния католической церкви на средневековую Европу была монополия на образование. Как правило, в светской администрации места, требовавшие образования, замещались представителями клира. В руках духовных лиц находилась переписка книг, документов, разного рода пропагандистских сочинений, количество которых резко возросло в период борьбы за инвеституру и которые стали играть все более заметную роль в формировании общественного мнения в последующее время. Однако следует отметить, что крупные церковные иерархи, так же как и образованное духовенство, не всегда выступали в поддержку папы. В странах Западной Европы они иногда становились проводниками королевской политики и своей деятельностью способствовали укреплению светской власти.

В XII в. римская церковь создает настоящую феодальную монархию, стоящую над светскими государствами, с организованными в европейском масштабе финансами, апелляционным судом, разветвленной бюрократией, как в Риме, так и на местах, изощренной дипломатией, которая помогала папству вмешиваться во внутренние дела государств Европы. Возобновляется практика созыва вселенских соборов (с этого времени римская церковь присвоила себе исключительное право собирать их). В 1123 г. I вселенский Латеранский собор утверждает Вормсский конкордат. Драматическая борьба между папой, ломбардскими городами и германским императором Фридрихом Барбароссой завершилась

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 495.

Вормсский собор. 1171–1234.

поражением светского государя, который вынужден был склониться перед папой и облобызать его стопы (см. ч. II, гл. 2, 4). Однако европейские монархи отнюдь не без сопротивления встречали навязывание диктата папы. Английский король Генрих II Плантагенет задумал осуществить реформу церкви в стране, сделать епископов и архиепископов своими вассалами, освободить клириков от юрисдикции церковного суда, собирать с церковных земель налоги в пользу королевской казны, производить отлучение только с разрешения короля. В ходе борьбы за реформу был убит архиепископ Фома Бекет. Узнав о намерении папы отлучить его от церкви, Генрих II, однако, принес покаяние и просил папу простить его.

Зенита своего могущества папство достигло в XIII в. при Иннокентии III (1198–1216), которому размышления о ничтожестве человеческой жизни, изложенные в одноименном сочинении, не помешали сделать блестящую церковную карьеру. При нем папский престол настолько укрепился, что папа решительно провозгласил себя не преемником св. Петра, но наместником самого Христа на земле. Три государя — германский, французский и английский — были отлучены от церкви, а на их страны был наложен интердикт. Иннокентий III заставил монархов Западной Европы признать главенство папской власти, укрепил папское государство, а одно время был даже правителем Сицилийского королевства.

Рост политического влияния папства особенно ярко выявился в организации крестовых походов на Восток и против еретиков, ставших центральными событиями в жизни западноевропейского общества в XII–XIII вв. Идея защиты христианского мира от неверных стала также знаменем Реконкисты в Испании. Под эгидой католической церкви осуществлялась захватническая политика немецких феодалов в славянских землях и Прибалтике. За счет крестоносных сборов, которые церковь

собирала со всех народов Западной Европы, доходы папской курии достигли огромных размеров (см. ч. II, гл. 2, 4, ч. III, гл. 3).

Проводником папской политики, ее опорой, помимо духовенства, пребывавшего в миру, было монашество. На территории Западной Европы первые монастыри появились в IV в. в Италии, Галлии, Испании. Они были организованы по восточному образцу. Монашество собственно римской церкви со своим уставом зарождается в VI в. Его основателем был Бенедикт Нурсийский (480 — ок. 547 гг.). Самая крупная бенедиктинская обитель раннего средневековья основана им в 529 г. в Монтекассино. Согласно «Правилам» Бенедикта, в монастырях устанавливалась жесткая субординация и дисциплина. Монахи строго подчинялись аббату. Существование обители должно было обеспечиваться трудом ее членов, однако вскоре бенедиктинские монастыри превратились в феодальные владения с зависимыми крестьянами, которые обрабатывали их земли. В обязанности монахов входили также занятия интеллектуальным трудом — чтением, перепиской книг, обучением детей, что сыграло положительную роль в сохранении остатков образованности, древних рукописей в период культурного упадка Европы в раннее средневековье.

В последующие столетия бенедиктинские монастыри распространились по всей Европе. Вместе с церковью в IX—X вв. они пришли в упадок. Клюнийцы предложили создать объединения монастырей, подчиненные единому центру,— монашеские ордена. В XI—XII вв. возникли ордена цистерцианцев, картезианцев и др. Во время крестовых походов получили распространение полувоенные-полумонашеские организации — духовно-рыцарские ордена.

Новый тип монашеской организации, ориентированный на жизнь в миру, представляли так называемые братья, объединившиеся затем в нищенствующие ордена — францисканцев, доминиканцев, кармелитов и августинцев. Их возникновение прежде всего явилось ответом церкви на изменение социальных условий: подъем городов, рост населения, оживление торговли. Прежние ордена были приспособлены к старой, преимущественно сельской структуре феодального общества. Нищенствующие монахи, не имевшие постоянных обителей, ибо отказ от собственности и «святая бедность» были их первыми заповедями, проповедовали в многолюдных кварталах, переходили из города в город, находились в гуще населения. Их молитвы и проповеди сопровождались выразительной жестикуляцией и напоминали песни странствующих жонглеров. Не случайно «братья» называли себя «забавниками божьими». Но была еще одна, важнейшая, причина, по которой церковь поддержала нищенствующих монахов, на первый взгляд так напоминавших еретиков, число которых росло с каждым годом. «Братья» выступали против богатства и роскоши церкви, ее гордыни, требовали, подобно еретикам, возвращение к евангельским заветам, воздержания и смирения. Церковь предприняла хитроумный маневр. Вместо того, чтобы преследовать «братьев», она решила включить их в свою структуру и использовать в борьбе с еретиками.

Первым нищенствующим «братом» стал Франциск Ассизский (1182—1226 , сын богатого купца, отказавшийся от богатства, чтобы во всем следовать Христу. Во всяком нищем он видел, «как в зеркале, господа и божью матерь его». Франциск и его последователи не ушли от мира, но, напротив, искали «подвига» среди людей. Проповедь Франциска была далека от ортодоксальных образцов. Он призывал всех к братской любви, не только людей друг к другу, но и ко всем живым существам, деревьям и цветам, солнечному свету и огню, учил обретать в этом радость. Неудивительно, что в тот суровый и безжалостный век число приверженцев Франциска стремительно росло за счет горожан, ремесленников, бедноты. Образовался и женский монашеский орден кларисс,

Папа Иннокентий III утверждает устав францисканцев, представленный Франциском Ассизским. Джотто. Около 1330 г. Фреска.

Проповедь францисканца Бертольда Регенсбургского. Гравюра 1447.

которые исповедовали те же идеалы, что и Франциск. Появились терциарии — люди, давшие обет чистой жизни, но оставшиеся в миру.

Соперниками францисканцев стали доминиканцы. Их нищенствующий орден был основан испанским монахом Домиником де Гусманом (1170—1224), который отличился в борьбе против еретиков-альбигойцев. Целью ордена было провозглашено искоренение ереси. Братство доминиканцев первоначально также основывалось на отказе от собственности и соблюдении «святой бедности». Основными формами их деятельности была проповедь и полемика с еретиками, борьба за чистоту христианского учения. Это обусловило внимание доминиканцев к интеллектуальным занятиям. Из среды доминиканцев вышли крупнейшие богословы Альберт Великий и Фома Аквинский.

Последователей св. Доминика, выбравших своей эмблемой собаку с горящим факелом в пасти, не зря называли «псами господними». Они превратились в главную опору пап в борьбе со светской властью, городами, университетами, строптивыми иерархами церкви.

До XII в. преследования еретиков, хотя и приобретали подчас жестокие формы, не носили столь планомерного и истребительного характера, как после учреждения в конце XII столетия папой Григорием IX инквизиционных судов — священных трибуналов, непосредственно подчиненных папе, а на местах отданных в руки нищенствующих монахов, преимущественно доминиканцев. В ряде стран, например, в Испании, Франции, Италии, инквизиторы на время сделались сильнее епископов. В случае неповиновения инквизиции проклятие грозило и светским властям. Как и приказывали папы, в руках инквизиторов «меч не высыхал от крови». Смрадные тюрьмы, чудовищные пытки, изощренные издевательства, костры (ауто да фе, дословно — «дело веры») становились все более привычными в христианском мире, который забыл о евангельской проповеди любви к ближнему. Ненависть инквизиции нередко обрушивалась на ученых, философов, художников, в творчестве которых церковь усматривала опасные для себя ростки свободомыслия. Особый размах инквизиция приобрела в позднее средневековье с его печально знаменитой «охотой на ведьм».

В разные моменты истории средневекового общества отношения между официальной и народной религиями принимали различные формы, но их взаимодействие оказывало влияние на развитие каждой из них. Порой оно выливалось в резкие антагонизмы. Расхождение официальной и народной религий в Западной Европе начинает особенно обостряться с XI в., когда в связи с общим подъемом общества происходит оживление и углубление народной духовной культуры, усиление поисков путей к социальной справедливости, которые прежде всего звучали в проповеди «святой бедности» и возвращения к «евангельской простоте». Клюнийская реформа и создание нищенствующих орденов были стимулированы не только состоянием и перспективами церкви, но и влиянием народных умонастроений, осуждавших коррупцию и «обмирщение» церкви. Однако восприятие церковью элементов народной религии могло «мирно» продолжаться лишь до определенного предела, который, по-видимому, был достигнут в Западной Европе в XII—XIII вв. Народная религия в ее наиболее последовательных и радикальных формах замкнулась в ересь. На устах у всех была «госпожа Святая Бедность», которая превратилась в идеал плебейского равенства.

Ереси развитого средневековья носили ярко выраженный социальный характер. Их можно подразделить на два типа: те, что были порождены нарастающим протестом горожан против феодальных порядков, так называемые бюргерские ереси средневековья, и крестьянско-плебейские, отражавшие настроения наиболее угнетенных, беднейших слоев феодального общества — городского плебса, и малоимущего крестьянства. Пер-

вые требовали очищения церкви, возвращения ее к первоначальной простоте, упразднения духовенства как особого сословия, связанного с господствующими слоями общества, противопоставляли «истинную народную веру» официальному учению церкви, в котором усматривали ложь и заблуждение. Вторые были более радикальными. В итоге они требовали имущественного равенства и отмены наиболее ненавистных феодальных порядков и привилегий. Следует отметить, что и в бюргерских ересях всегда в той или иной мере присутствовал этот радикальный социальный «подтекст», носителями которого были самые обездоленные их приверженцы. Плебейско-крестьянские ереси нередко становились знаменем массовых антифеодальных выступлений, крестьянских восстаний средневековья.

В XII в. большое распространение получила ересь катаров («чистых»), которой был охвачен весь юг Франции и отчасти области Северной Италии. Это было учение манихейского толка, абсолютизировавшее роль зла в мире, который они считали порождением дьявола. Катары отвергали установления общества, государство и особенно церковь. Они провозгласили своими целями чистоту жизни и духовное совершенствование, одоление плотских желаний и страстей. Во главе их общины стояли «совершенные», которые отреклись от всех мирских соблазнов, поручили себя единственно заботам о приближении царства света.

К учению катаров была близка ересь вальденсов или «лионских бедняков», также возникшая в Южной Франции. Петр Вальд, ее основатель, называл церковь «бесплодной смоковницей» и призывал упразднить ее. Вальденсы отвергали насилие и в связи с этим войну, суд, смертную казнь, религиозные преследования. Движение вальденсов в XIII в. распалось на два течения. Более умеренное пошло на союз с католической церковью. Представители радикального крыла позднее переселились в Германию, Австрию, Швейцарию, Чехию, Польшу, Венгрию. Ушедшие в Италию образовали там секту «ломбардских бедняков».

В конце XII – начале XIII в. ересь альбигойцев (общее название катаров и вальденсов) получила такое распространение, что к ней примкнули многие феодалы юга Франции, в том числе и графы Тулузские. Тогда папа Иннокентий III призвал к крестовому походу против альбигойцев феодалов Северной Франции и других европейских стран, пообещав, что в награду им достанется имущество уничтоженных еретиков. Расправа с альбигойцами была неслыханно жестокой. Цветущий край Прованс превратился в пустыню (см. ч. II, гл. 2).

Среди бюргерских еретических движений особое место занимают «интеллектуальные ереси», связанные с ростом европейского свободомыслия, подъемом городской культуры. Философский номинализм, пантеизм, стремление к рациональному обоснованию веры и другие поиски жаждущего раскрепощения разума были расценены церковью как посягательство на ее основы. Не случайно среди осужденных ею еретиков были выдающиеся умы средневековья: Пьер Абеляр, Сигер Брабантский, Амори Бенский (Шартрский).

Своеобразное радикальное еретическое направление зародилось в среде францисканцев-спиритуалов – «фраттичелли». Они находились под сильным влиянием «Вечного евангелия» калабрийского монаха Иоахима Флорского. Историю человечества он подразделял на три эры: бога-отца, бога-сына и бога-духа святого, с которой он отождествлял время истинного христианства, свободы и счастья всех людей. Он утверждал, что последняя эра утвердится не на небе, а на земле. Этим его учение отличалось от многих других еретических воззрений. При жизни Иоахима Флорского его книга не была осуждена, ее взрывную силу церковь осознала лишь через некоторое время. «Вечное евангелие» было объявлено еретическим сочинением, и каждого, у кого оно было обнаружено,

Сожжение еретиков в Париже. Миниатюра XIII в.

Проповедник Джон Болл. Миниатюра из хроники Фруассара. Начало XV в.

подвергали суровым гонениям, что, однако, не смогло воспрепятствовать образованию сект иоахимитов. Учение Иоахима Флорского развивал его последователь Петр Оливи. Он открыто призывал к выступлениям против церкви и социального угнетения. К расправе с «бедными братьями» и иоахимитами церковь привлекла инквизицию.

Из среды «братьев-апостолов» вышел народный проповедник Сегарелли, сожженный на костре в 1300 г. Его учеником был вождь крестьянского восстания в Северной Италии Дольчино (см. ч. II, гл. 3). В движении Дольчино и «братьев-апостолов», в их идеях и деятельности с наибольшей полнотой отразилась та форма крестьянской, плебейской «святости», в которой «реальная бедность крестьянских и плебейских масс превратилась в средство революционной дисциплины, необходимой для борьбы с существующим социальным строем» [3] (см. ч. II, гл. 3).

С крупнейшим народным восстанием Уота Тайлера (см. ч. II, гл. 2) были связаны учения Джона Болла и «бедных священников» — лоллардов, в устах которых высказывания бюргерского ересиарха Уиклифа приобрели острую антифеодальную направленность.

Почвой для возникновения ересей средневековья был город, его непрерывно увеличивавшийся плебс. Отсюда они распространялись в крестьянские массы, выливаясь в открытые формы борьбы, которые, достигнув своего апогея, отпугивали горожан. Крестьянские восстания наиболее ярко раскрывали социальный характер еретических движений, под покровом которых постоянно тлела оппозиция феодальному строю.

Своеобразным водоразделом в истории католической церкви и папства стал понтификат Бонифация VIII (1294—1303). Бонифаций VIII снова подверг пересмотру каноническое право, которое еще больше должно было служить повышению престижа и влияния папской власти в Европе. В международных делах Бонифаций стремился выступать как верховный арбитр и вселенский государь. Универсальность и абсолютное главенство папской монархии над церковью и миром было подтверждено буллой 1302 г. «Unam sanctam», но в ней желаемое выдавалось за действительное. Отпразднованный при нем с невиданной пышностью «юбилей церкви» стал высшей точкой и в то же время началом заката папского могущества. Новая сила поднималась навстречу притязаниям папства объединить Европу под своим началом. Этой силой стали складывающиеся в Западной Европе централизованные государства, за которыми было будущее.

В конце XIII в. вспыхнул конфликт между французским королем Филиппом IV Красивым и папой Бонифацием VIII, закончившийся поражением папства (см. ч. II, гл. 2). Папский престол занял один из французских епископов, а в 1309 г. резиденция папы была перенесена из Рима в Авиньон (на юге Франции). «Авиньонское пленение» пап продолжалось около 70 лет и завершилось в 1377 г. Французский король одержал победу в борьбе с папством, отныне ставшим орудием в его руках. Новый папа Климент V поддержал выдвинутые королем обвинения против духовно-рыцарского ордена тамплиеров (храмовников), отличившегося и накопившего огромные богатства в крестовых походах, и санкционировал расправу над ним, которая была вызвана политическими, а не религиозными причинами.

Антипапистские выступления, сливавшиеся с прежними имперскими притязаниями, продолжались в Германии и вылились в борьбу императора Людвига Баварского с папством (см. ч. II, гл. 2).

Широкое движение за реформу католической церкви во второй половине XIV в. развернулось в Англии. Оно нашло выражение в принятии

[3] *Сказкин С. Д.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981. С. 70.

королем и парламентом в 1343, 1351 и 1353 гг. постановлений, близких к соответствующим указам Филиппа Красивого и предусматривавших ограничение церковных поборов и запрещение обращаться в папский суд. Идеологом антицерковной оппозиции выступил оксфордский профессор, богослов Джон Уиклиф.

Идеи самостоятельности национальной церкви, независимости от папской власти вдохновляли Яна Гуса в Чехии, где в XV в. вспыхнула настоящая народная война (см. ч. II, гл. 6).

Папство перестало быть вершиной «христианского мира» на Западе, который раскалывался на стремившиеся к независимости регионы. Более того, сам папский престол перестал быть единым. В папском государстве шла война, порой в конце XIV — начале XV в. одновременно существовали два, а то и три папы, боровшиеся за власть («великий раскол» или «великая схизма»).

Попыткой преодолеть эту кризисную ситуацию было развитие «соборного движения», сторонники которого считали порочным единовластие папы, призывали в церковных делах подчиняться решениям соборов, а в светских — государственной власти. Результатом «соборного движения» стало усиление автономии церквей западноевропейских стран от Рима. «Буржская прагматическая санкция» (1438 г.) даровала французской церкви «галликанские вольности», решения соборов признавались выше папских, а духовенство изымалось из-под юрисдикции Рима и подчинялось светскому суду. Подобные же изменения во взаимоотношениях местных церквей и папства произошли в Англии и других странах.

Созыв Констанцского собора (1414—1418 гг.) должен был положить конец «великой схизме». Однако его итоги оказались минимальными. Был низложен наиболее одиозный из трех сосуществовавших в то время пап — Иоанн XXIII. Григорий XII сам отказался от сана, но третий папа Бенедикт XIII воспротивился решению собора, избравшего нового папу Мартина V. «Двоепапство» сохранилось. Обсуждение реформы церкви оказалось бесплодным, но тем решительнее собор осудил еретиков Уиклифа и Гуса. Последний был приговорен к сожжению на костре. «Великая схизма» продолжалась до 1449 г., несмотря на то что пресечь ее пытались три собора. Хотя папство в конце концов кое-как справилось с «соборным движением», оно потерпело поражение в восстановлении своего духовного, а тем более политического авторитета в Европе.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ВИЗАНТИИ И НА РУСИ В XI — XV ВВ.

В Византии церковь не имела той экономической и административной автаркии, какая сложилась в Западной Европе. В империи церкви и монастыри, хотя и были крупными феодальными землевладельцами, но так и не превратились в независимые от государства замкнутые феодальные княжества, подобно церковным вотчинам и аббатствам Запада. Православная церковь и экономически и политически в бо́льшей степени, чем католическая, зависела от государства, от имперских пожалований, теснее была связана с централизованной государственной системой.

В Византийской империи православные иерархи, за редким исключением, не претендовали на главенство над могущественной светской властью, а церковь, в противоположность западной, не являлась носительницей универсалистских тенденций, а наоборот, проповедовала единение церкви и государства. Ей была чужда доктрина римской курии о примате духовной власти над светской.

Если на Западе сложилась строго централизованная и иерархизированная церковная организация, в которой папа пользовался непререкае-

мым моральным авторитетом и огромной реальной властью, то на Востоке, где в теории господствовала по-прежнему система пентархии, между пятью восточными патриархами не было единства, и они не хотели признавать полного главенства одного из них. Рим и Константинополь, как отмечалось, постоянно спорили из-за первенства, в ранний же период с подобными притязаниями выступали и другие патриархии. В православной церкви церковные соборы стояли выше патриархов, и лишь они являлись создателями церковных канонов. Вместе с тем они сами подчинялись светской власти, в отличие от Запада, где церковные соборы, за редким исключением, выполняли волю папского престола.

Внутренняя организация католической церкви носила более аристократический характер. Церковная иерархия там была проведена строго последовательно, и корпоративная общность клира оказалась весьма прочной. В странах Западной и Центральной Европы католическая церковь противостояла мирянам, как особая сплоченная привилегированная корпорация, обособленность которой от мирян проявлялась в уже упоминавшихся выше привилегиях. Отмечались и догматические разногласия между Западной и Византийской церквами. В первой господствовало учение о спасительной роли церкви, в руках которой находится и оценка заслуг верующего, и отпущение его грехов. Восточное же христианство отводило более важную роль в спасении человека индивидуальной молитве и через ее посредство допускало мистическое слияние с божеством. При этом отчетливо давали себя знать идейные традиции обеих церквей: на Западе — влияние юридизма, восходящего к классическому римскому праву, на Востоке — спекулятивной греческой философии, прежде всего неоплатонизма.

Между восточной и западной церквами довольно резко обозначались и расхождения, касавшиеся церковной обрядности, сохранившиеся с раннего средневековья. Языковые различия и территориальная разобщенность Запада и Востока, естественно, усугубляли эти расхождения. Споры по вопросам обрядности между католическим и православным духовенством чаще всего втягивали в борьбу широкие народные массы и способствовали углублению церковной розни.

Однако как в католических странах Европы, так и в Византии одновременно с тенденциями к разобщению церквей всегда находились социальные силы, поддерживающие не только экономическое и культурное, но и церковное единение Запада и Востока. В эпоху средневековья подобное единство никогда не было достигнуто.

Византия, как отмечалось, была колыбелью многих ранних народно-еретических движений. Пестрота их необычайна: среди них встречаются сторонники множества различных учений от самых радикальных дуалистических сект демократического характера, подобных манихеям, монтанистам, мессалианам, до гораздо более умеренных религиозных течений, не согласных с догматами господствующей церкви, как ариане, несториане или монофиситы. Наибольшее распространение радикальные еретические движения имели среди сельского населения Византии, хотя еретические идеи широко проникали и в среду горожан. К социальным мотивам народно-еретических учений зачастую примешивались самые разнообразные политические интересы различных племен и социальных групп, участвовавших в религиозно-догматической борьбе. Нередко с ними были связаны и соперничество различных группировок господствующего класса, и сепаратистские тенденции отдельных провинций. Но, несмотря на наличие весьма существенных оттенков и градаций в характере и направленности еретических течений в Византии, в эти движения, разумеется, в разной степени всегда были вовлечены народные массы. Это неизбежно придавало ересям не только религиозную, но и социальную окраску.

Религиозная экзальтация, граничащая с мистическим экстазом, жажда мученичества, страстный протест против всех погрязших в пороках земных правителей, бунтарский дух, соединенный с бескомпромиссным аскетизмом, порожденным верой в извечную противоположность добра и зла, духа и плоти, полное отречение от земных радостей — вот черты, отличавшие наиболее радикальные еретические учения в Византии.

Идейные истоки религиозно-философских и морально-этических представлений, легших в основу догматики подавляющего большинства византийских ересей, следует искать на Востоке. Однако в Византии под влиянием своеобразных общественных условий и чрезвычайно насыщенной духовной жизни самых различных социальных слоев общества еретические учения, пришедшие с Востока, значительно видоизменялись, принимая зачастую совершенно новые формы. Вместе с тем сама Византия сыграла весьма важную роль посредника в распространении народно-еретических учений в Юго-Восточной, а затем и в Западной Европе. Это можно наиболее ясно проследить на примере судеб павликианского движения. Зародившись в Армении в VII в., впитав немало восточных философско-этических доктрин, сочетающихся с идеями раннего христианства, павликианство расцвело на византийской почве и постепенно из замкнутой еретической секты в IX—X вв. превратилось в массовое антифеодальное движение (см. ч. I, гл. 2). Позднее учение павликиан распространилось на Балканах и в близких, хотя несколько модифицированных социальных условиях слилось с богомильством — одним из самых мощных антифеодальных народно-еретических движений, какие только знала Юго-Восточная Европа XI—XIV вв. (см. ч. I, гл. 6).

В свою очередь, дуалистические идеи богомильского учения были занесены на социально родственную почву Запада.

В XI в. под влиянием ереси павликиан и богомилов, распространенной в Византии и на Балканском полуострове, во Франции и Италии зародилось движение патаров (патаренов) (свое название они получили от наименования рынка в Милане). Они осуждали богатство церкви, пороки ее служителей, практику продажи индульгенций, выступали против городской верхушки. Когда в Северной Италии появился Арнольд Брешианский, ученик Абеляра, выступавший против духовенства и папы, призывавший к уничтожению социальной несправедливости и защите бедняков от притеснений феодалов и богатых горожан, многие патары примкнули к его сторонникам, образовались секты арнольдистов. Церковь жестоко расправилась с народным трибуном, Арнольд был сожжен на костре, но его идеи еще несколько веков продолжали жить в народе, его последователи рассеялись по многим странам Центральной и Южной Европы. В начале XII в. богомильское влияние сказалось отчасти и на катарах (см. выше).

Русская церковь, хотя и представляла епархию византийской церкви (Константинопольского патриархата), очень рано обрела черты, делавшие ее в значительной степени национальной. Такой ее характер находил выражение и в том, что эта епархия совпадала с государственными границами Руси XI—XIV вв. и киевский митрополит осуществлял свою власть по всей стране, и в том, что богослужение велось на славянском языке, и в том, что уже в XI в. на Руси было кодифицировано собственное церковное право, основанное в значительной степени на местных нормах княжеского и общинного права, и в том, наконец, что тогда же она приобрела первых местных святых, принадлежавших к правящей киевской династии.

Территориальная структура древнерусской церкви, состоявшая к XIII в. из 16 епархий с епископами в центрах княжеств, соответствовала территориально-политической структуре Руси того времени. Первона-

чально церковная организация обеспечивалась централизованной десятиной, выделяемой князем из собранных им даней, судебных штрафов и торговых пошлин. Переход к обеспечению церкви земельными владениями, населенными крестьянами, относится к рубежу XI—XII вв., когда сначала монастыри, а затем и епископские кафедры становились земельными собственниками.

Постепенное превращение русской церкви в феодального собственника вело к важным явлениям в жизни русского общества. Оно значительно расширяло и укрепляло определяющий частнофеодальный уклад, что вело к вытеснению и сужению ранних форм эксплуатации лично-свободного населения путем княжеских даней. Практика передачи феодалами земель по завещанию с целью обеспечить поминание после смерти и моления о прощении грехов вкладчика вела к нараставшему и неограниченному тогда еще увеличению церковной земельной собственности. Это приводило к конфликтам епископов с князьями и городами: в 1159 г. жители Суздаля выгнали поставленного за год до этого епископа Леона, обвинив его в обогащении за счет рядовых священников. После неудачной попытки князя Андрея Боголюбского учредить во Владимире Суздальском митрополию кандидат в митрополиты наложил на город интердикт, заперев церкви и забрав ключи от них, отбирал у бояр села, оружие и коней, а некоторых рядовых горожан превратил в холопов.

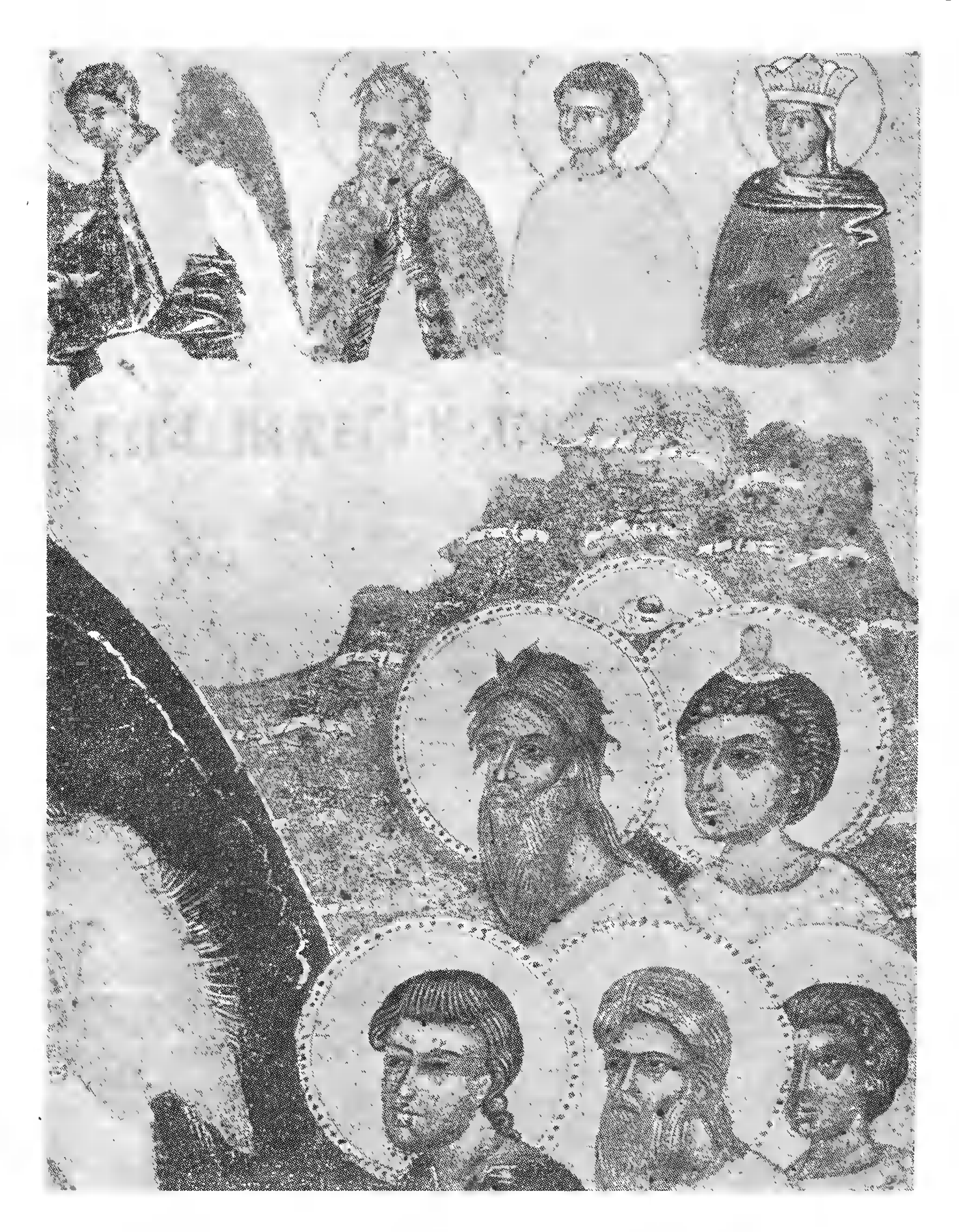
Система церковно-монастырской феодальной собственности строилась на организационных основах, отличных от светской. Древнерусская церковная организация в лице митрополита и административно подчиненных ему епископов не являлась верховным собственником всех принадлежавших кафедрам, монастырям и храмам земель, как и соответствующая епископия не была собственником земель входивших в ее епархию церквей. Церковные земли были раздроблены между отдельными церквями.

Связь церковной организации Руси с восточнохристианским центром проявлялась в поставлении в Константинополе на Русь митрополитов-греков, в сохранении за патриархом (и императором, как номинальным главой христианского мира) права суда высшей инстанции по делам веры и церкви, в тесных культурных и церковно-политических связях Византии с Русью. Заинтересованность в этих связях со стороны княжеской власти и городов не позволяла порывать их. Вместе с тем, русские деятели, которые в редких случаях в результате политической борьбы все же оказывались на киевской кафедре (Илларион, Кирилл, Алексий), оставляли заметный след в истории страны.

В политической борьбе на Руси высшие деятели церкви, как правило, не отстаивали или защищали какую-либо свою, особую линию, но лишь разделяли позицию одной из борющихся сторон, выступая как важный идеологический и политический фактор, влиявший на успех той или иной стороны в борьбе княжеских и боярских группировок.

Большую роль в жизни древнерусского города играли монастыри, основывавшиеся главным образом князьями и боярами. Являясь с самого начала земельными собственниками, они не брезговали и торговыми операциями и были также идеологическими центрами. Здесь составлялись летописи, писались жития местных святых, существовали скриптории, готовились кадры для занятия епископских кафедр. В крупных городах, где было несколько монастырей, с помощью княжеской власти возникали архимандритии (центрами их становились наиболее сильные монастыри города), осуществлявшие руководство деятельностью других монашеских организаций.

Во второй половине XIV в. на севере Руси монастыри получили необычайное распространение, когда в сельской местности и в лесах на огромной территории от Москвы до Белого моря было основано выходцами из крестьян и горожан около 40 новых монастырей. Они внедряли ин-

«Сошествие во ад». Деталь псковской иконы последней четверти XIV в. Ленинград. Русский музей.

тенсивное сельское хозяйство на основе использования дешевой рабочей силы и наряду с хозяйственной деятельностью выполняли идеологические функции.

Свои организации — клиросы — имели и городские церкви. Белое духовенство городов объединялось в клирос при церкви, в которой проводились ежедневные службы. В крупных городах было несколько таких соборных организаций (например, в Новгороде в XV в.— семь соборов). Члены клироса кафедральных соборов участвовали в поставлении свя-

щеннослужителей, имели функции контроля за городскими мерами и весами, в XIV в. участвовали в суде.

Монголо-татарское нашествие и установление политического господства завоевателей над Русью изменило положение церкви. Она имела теперь дело не только с княжеской властью, но и с иноземными ханами. Признавая их, как «поставленных от бога», она за это сохранила в неприкосновенности свои владения, получила освобождение от собиравшегося завоевателями побора «выхода», от обязанностей давать войско для ханских походов, что вынуждены были делать князья. Таким образом, русская церковь, как и князья, также стала вассалом ханов, и ее иерархи получили возможность отстаивать свои интересы в Орде помимо княжеской власти. Это сделало их активными участниками политической борьбы на Руси в XIV—XV вв. Вместе с тем церковь в XIV в. нередко выступала и как идейный вдохновитель борьбы против ордынского ига, играла серьезную роль в сохранении и укреплении русской народности и в стремлении избавиться от иноверного и иноземного гнета. Так, один из ее крупнейших деятелей Сергий Радонежский, основатель Троицкого монастыря близ Москвы, как свидетельствует житийное сказание, благословил московского князя Дмитрия Донского на великую Куликовскую битву 1380 г. (см. ч. II, гл. 8), в которой ордынское войско потерпело сокрушительное поражение.

Миссионерская деятельность церкви была одним из средств включения соседних с русскими княжествами народностей в орбиту государственности при сохранении местных форм раннефеодальной организации и племенных князей. В 1207—1210 гг. приняли крещение часть Латгалии и Карелии, в 1227 г. была обращена в христианство почти вся Карельская земля. Принятие новой веры открывало перед «старейшинами» племен возможности поступления на феодальную службу Руси.

Активно вел христианизацию народа коми-зырян устюжанин Стефан, прозванный Храпом. Образованный монах, он не только выучил зырянский язык, но и создал для него особую (пермскую) азбуку и перевел на этот язык богослужебные книги. После прений с местными волхвами, проповедей и сожжения языческих молелен и идолов ему удалось добиться христианизации части края. В 1383 г. он был поставлен епископом новой Пермской епархии. Являясь одновременно наместником Московского великого князя в этом крае, он объединял в своих руках и светскую, и церковную власть, что способствовало успеху его деятельности. В XV в. пермские епископы уже сами вели миссионерскую деятельность за Уралом, в Западной Сибири.

Превращение на Руси христианства в господствующую идеологию приводило к тому, что выступления против существующего строя, как и на Западе и в Византии принимали форму ересей, антицерковных движений.

Наиболее важным среди таких выступлений XIV в. была ересь стригольников, возникшая в середине столетия среди демократических слоев горожан в Новгороде и получившая также развитие во Пскове в первой половине XV в. Это было рационалистическое учение, направленное против государственной церкви как организации культа. Стригольники отрицали церковную иерархию, принятую систему поставления священнослужителей, роль священников как посредников между богом и человеком, выступали против церковных таинств. Господствующей феодальной церкви они стремились противопоставить демократическую общность христиан, не владевших собственностью и возглавляемую учителями, авторитетными для верующих не своим положением, а своим примером. Таким образом, это была попытка заменить феодальную церковь далекой от реальности организацией, в которой воплощались бы раннехристианские идеалы, что было опасно и для самой церкви, и для тесно связан-

ного с ней государства. В 1375 г. в Новгороде еретики были публично казнены, но это не смогло прекратить существование ереси, и в борьбу с ней включились московский митрополит и константинопольский патриарх (см. ч. II, гл. 8).

Христианство, значительно глубже проникнув в сознание людей в XIII—XIV вв., чем это было ранее, получило новые возможности и для своего развития на Руси. В пору ордынского ига, когда возникли условия, затрудняющие традиционное общение Руси с другими европейскими странами, с которыми она была прежде тесно связана, важнейшей сферой общения с европейским миром оказалось христианство в форме православия. К одному и тому же культурному кругу, объединенному по этому принципу, естественному для средневековья, принадлежали наряду с разделенными между несколькими государствами русскими землями также Византия, славянские страны на Балканском полуострове, Валахия, Молдавия, Грузия. В этих условиях христианские литература, искусство, философия, распространительницей которых была прежде всего церковь, составляли важный компонент идеологической и культурной жизни Руси. способствовавший ее связям с другими государствами, и дававший возможность культурного обмена между ними. Другим источником культурных импульсов в пору такого изолированного существования Руси было наследие Древней Руси с ее высокой культурой и разносторонними связями: обращение к древнерусской культуре, литературе, искусству, архитектуре, летописанию, к древнерусскому христианству также помогало сохранять сознание единства с европейскими странами.

Политическое усиление Московского великого княжества, определенную роль в котором сыграла и митрополия, привело в XV в. к новому этапу во взаимоотношениях между русской (Киевской по названию, Московской по местопребыванию) митрополией и традиционным восточнохристианским центром в Константинополе. Акту автокефалии и конституированию самостоятельной церковной организации на Руси способствовали также церковно-политические события первой половины XV в. Это было, во-первых, поставление в 1415 г. в Киеве на митрополию Григория Цамблака собором епископов Литовского Великого княжества по настоянию великого князя Витовта вопреки патриархии и при живом «митрополите Киевском и всея Руси» Фотии, что явилось важным прецедентом такого рода акций. Во-вторых, это Флорентийская уния 1439 г., заключенная Константинополем с Римом, являвшаяся результатом длительных переговоров, церковной и политической борьбы. Посредством унии папство надеялось осуществить свои многовековые притязания, распространить свое влияние — на Восток — в Византию и славянские земли. Константинополь прежде всего рассчитывал получить помощь в борьбе с турками. Принятие унии было обставлено с большой пышностью и изображалось церковной пропагандой как очередной шаг к объединению христианского мира. Однако народы, большинство духовенства и государственная власть и Византии и Руси решительно отвергли унию, усмотрев в ней предательство патриотических чувств и своих интересов. Киевского митрополита Исидора, участвовавшего в заключении унии, по прибытии с собора заточили в тюрьму и осудили как вероотступника и изменника. После падения Константинополя русская церковь приобрела полную самостоятельность, постепенно превратившись в центр православия.

* * *

В средние века христианство не только санкционировало феодальный строй. Оно было политической доктриной, идеологическим и этическим регулятором средневекового общества, формой его сознания и самосознания, основой его духовной жизни и культурной общности европейского мира. Как ни в один иной исторический период, в то время его органи-

зация — церковь претендовала на то, чтобы быть мистическим единством всех верующих, объединять все классы общества. Ее учение становилось точкой отсчета для разрешения социальных противоречий. Господствующие и угнетенные классы вырабатывали несхожие определения содержания общепринятого учения, считая истинной именно свою интерпретацию. Вместе с тем, провозглашая «равенство во Христе», церковь в реальной жизни исключала всякие притязания на подлинное равенство, демагогически используя равенство всех перед богом для оправдания «естественности» действительного неравенства, классового, социального и всякого иного.

Церковь создает религиозное учение с внешне универсалистскими характеристиками. В его границах идеи господствующего класса постоянно видоизменяются и расширяются с тем, чтобы иметь возможность ассимилировать какие-то элементы народного сознания, которые таким образом оказываются оторванными от своей собственной системы и подчинены чуждой. Со своей синтезирующей идеей божественного воплощения и страдания ради спасения всех людей христианство становится основой как для богословских исканий (народного или официального толка), так и для возникновения различных ересей, сохраняя тем самым свою действенно-массовую направленность. Не случайно и «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси» [4].

Народная религия, с одной стороны, противостояла официальному христианству, его изощренным богословским структурам, предназначенным интеллектуальной элите, образованным людям того времени, а с другой — постоянно питала ортодоксальную идеологию, порождая необходимость ее корректировки. Образный строй, знаковая система и символизм средневекового христианства также во многом базировались на специфике образности народного сознания.

Исходя из этого, история средневекового христианства не может быть сведена исключительно к истории церкви и ее официальной доктрины, но включает и специфику народной религии, отражающей взгляды трудящихся масс, а шире — различных слоев мирян, а также еретических движений.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 361.

Часть четвертая

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Феномен средневековой культуры

1. Культура Византии
2. Культура Западной Европы
3. Человек средневековья
4. Культура Центральноевропейского и Славяно-Балканского регионов
5. Культура Руси в VI–XV вв.

←

Евангелист Матфей. Миниатюра из «Евангелия Эббо».
Франция. Около 820 г.

ФЕНОМЕН СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура европейского средневековья[1] охватывает более чем двенадцативековой отрезок трудного, сложного, изобиловавшего взлетами и падениями пути, пройденного обществом в эпоху феодализма[2]. Она — часть общемирового культурного процесса того времени, несущая в себе его основные типологические черты. Но как подлинная культура она обладает и глубоко индивидуальным обликом, складывающимся из множества общих и особенных черт духовной, творческой жизни создавших ее народов, сливающихся в те великие и мощные проявления, которые составили собственно вклад Европы в мировую цивилизацию, определили ее самобытность.

Понятие Европы к первым векам средневековья применимо лишь в географическом смысле. Однако уже к исходу раннего средневековья становится очевидной общность исторических судеб, а, следовательно, и культурного развития народов, ее населявших. Итогом этого периода были первые шаги в создании духовного единства всего континента. Произошел первоначальный синтез главных слагаемых культуры раннего средневековья: античного наследия, христианства и духовной жизни варварских народов. Культурной наставницей Европы в то время была Византия.

Усвоение античного наследия имело большое значение для всей Европы, а не только для ее средиземноморских областей. Отношение к нему — это один из вопросов, наиболее беспокоивших христианскую церковь как в период ее становления, так и тогда, когда она стала господствующей силой. Церковь или боролась против античного наследия, или поощряла его усвоение, но все периоды культурного подъема в средневековой Европе так или иначе были связаны с ростом интереса к нему. Это касается и тех стран и народов, которые не имели прямых соприкосновений с античным миром на ранних стадиях средневековой истории.

Средневековая культура формировалась, опираясь и на духовную жизнь «новых» народов Европы, которая составила основу народной культуры феодального общества, питала живыми соками героический эпос, литературу, архитектуру, музыку, театр, изобразительное и прикладное искусство.

Цементирующим началом культуры является мировоззрение. В средневековой Европе оно было христианским. Христианство становится доминантой интеллектуальной, «высокой» культуры средних веков. Еще у их истоков выкристаллизовывается определенный тип организации духовной жизни европейского общества, и главная роль в нем начинает принадлежать христианской религии и церкви. Христианский идеологический комплекс становится основным системообразующим элементом культуры феодальной эпохи, к которому «подтягиваются», через который преломляются все культурные явления, взаимодействуя или пытаясь противостоять ему. Это характерно для всех регионов Европы.

В средневековом христианстве как бы совмещаются два пласта: один, рассчитанный на интеллектуальную элиту, для которой были понятны его теологические тонкости и доктринальные споры, и другой — для широких масс народа, «простецов». Ф. Энгельс подчеркивал: «...христианство затронуло струну, которая должна была найти отклик в бесчисленных сердцах. На все жалобы по поводу тяжелых времен и по поводу все-

[1] Этот раздел посвящен развитию духовной культуры средних веков. О материальной культуре см. гл. 2.

[2] В данном томе освещается эволюция средневековой культуры до начала эпохи гуманизма. Последующее ее развитие см. в т. III настоящего издания.

общей материальной и моральной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе быть не может: в испорченности мира виноват ты, виноваты все вы, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность! И где бы нашелся человек, который мог бы это отрицать?» [3]

Религия для средневекового человека была своеобразным энциклопедическим компендиумом, с помощью которого можно было составить определенное знание о мире (его начале и конце, структуре и развитии), человеке (его месте в мире, предназначении, системе ценностей). В моральной сфере она создавала ориентиры человеческих отношений, была регулятором поведения и жизни людей. Религия претендовала и на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на вопросы о будущем человека и человечества, развивая эсхатологию, учение о бессмертии души, загробном существовании и т. п. В весьма нестабильную в психологическом отношении эпоху она была и своеобразным эмоциональным регулятором, давая выход социальным и личным чувствам, создавая иллюзию человеческой общности. Орудием религиозного воздействия на массы являлась церковь.

Христианство служило важным фактором складывания относительного единства культуры западноевропейского средневековья, ее важной типологической особенностью. Основой религии является ее догматически-концептуальное обоснование. Но церковь и догма не могли полностью поглотить все разнообразные культурные явления эпохи. Даже самые, казалось бы, «церковные» проявления культуры (литургия, теология) могли существовать и развиваться за счет постоянной ассимиляции нецерковных элементов, мирской культуры — как народной, так и «высокой». Человек средневековья жил в атмосфере христианской религиозности. Однако сама средневековая религиозность была очень сложным, развивавшимся феноменом, включившим не только церковные и сугубо христианские элементы, но и явления, прежде не вписывавшиеся в христианскую картину мира и представления о человеке.

Широко распространено мнение, что человек средневековья был подавлен догмой, все его духовные устремления были сосредоточены на раздумьях о грехе, Страшном суде, посмертных наказаниях, что делало его жизнь и внутренний мир невыносимо мрачными, а аскетизм и борьба с мирским злом поглощали все творческие силы общества. Однако это опровергается всем развитием средневековой культуры, устремленной не только к божественному абсолюту или задавленной непосильным бременем греховности, но яркой, непосредственной, порой по-детски наивной и насмешливой. Ее мощная жизненная сила бурлила в насыщенной карнавальности народных празднеств, в не ведавшей стыда откровенности песен вагантов, в лицедействах скоморохов, в таком земном упоении конкретикой вещи, ее телесностью, которым отличалось средневековое искусство. О любви к жизни свидетельствует и красота, яркость одежд, стремление украсить и сделать уютными жилища, постоянная забота о быте и никогда не исчезавшее стремление к красоте. Идеалами средневековья были не только умерщвлявший свою плоть аскет, но и прекрасный рыцарь, витязь, светлый лицом и великолепно развитый физически, не только бесплотная, духовная красота девы Марии, но и сулящая земные радости телесная прелесть женщин. Великолепные ритуалы, которые являлись неотъемлемой частью византийского императорского двора, а затем быта европейских государей, крупных феодалов, призваны были не только символизировать сакральное значение власти, они были еще и просто праздниками, демонстрировавшими красоту вещей и красоту людей, будившими в них вполне земные чувства.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 314.

Наконец, зрелое средневековье — это время, когда люди впервые начали понимать, пусть еще смутно, ценность индивидуальной жизни, обратили взор в поисках красоты не только в небо, но и внутрь собственного духовного мира, открыв в нем неизведанные ранее глубины, которые обнаружили нерасторжимую связь человека и окружающего его мира, связь жизни каждого и всех, когда произошло «открытие индивидуальности».

Средневековые соборы были устремлены к небу, но их основания прочно покоились на земле. Так и культура средневековья, консолидируясь в стремлении к обретению абсолюта, шла к этой цели множеством путей, которые нередко уводили от божественного в сторону реального мира. Ее основанием была и стихия земной жизни.

Для зрелого средневековья можно говорить об определенном типологическом единстве культурного развития Европы при сравнении его с общемировым процессом. Однако внутри средневековой культуры континента можно выделить несколько основных ареалов со своими существенными особенностями: западноевропейский (в широком его понимании, включая север, германские земли, юго-запад Европы), центральноевропейский, византийский, восточнославянской с ведущей ролью Руси и др. Нарастанию различий в культурах этих ареалов в немалой степени способствовал и раскол христианства на восточное и западное. Общими для духовной культуры средневековья были, однако, такие черты, как устремленность к абсолюту, тяготение к универсализму, символизм и аллегоризм, порождаемые религиозной структурой сознания, своеобразное сочетание обобщенности и конкретизации, давление традиционности, отсутствие чувства индивидуального авторства, тяготение к авторитету и устойчивости формы. Вместе с тем средневековая культура не была косной и застывшей, она постепенно набирала динамизм в центрах культурных ареалов. Зарождались новые формы культурной жизни, жанры литературы, философские течения, художественные стили; вместе с тем ее особенностью было то, что, возникая, новые явления не пресекали существование того, что им предшествовало. Так, например, рыцарский роман в Западной Европе не зачеркнул эпос, а городская литература не вытеснила житийную, на Руси же византийская архитектурная традиция много веков сосуществовала с местным деревянным зодчеством. Старое и новое, взаимодействуя, обогащалось, изменялось, что, в свою очередь, приводило к дальнейшей дифференциации культуры, росту культурного разнообразия.

В зрелом средневековье эти две противоположные тенденции — универсализации и дифференциации, сложно переплетаясь, постоянно стимулировали развитие культуры, не только количественное накопление ее проявлений, но и их качественные изменения, в итоге приводившие к тем существенным сдвигам, к которым Европа приходила на различных этапах средневековой истории, а в конечном счете — к рождению новой ренессансной культуры и национальных европейских культур.

В средневековой Европе культурное развитие различных регионов протекало асинхронно, обладало значительными индивидуальными особенностями. Так, например, X—XI века дали блестящий расцвет культуры Древней Руси, а XII—XIII века — континентальной Западной Европы с ведущей ролью Франции. Со второй половины XIV в. культурное лидерство на два с половиной века захватывает Италия, где мощно набирает силу Возрождение, подарившее миру великолепные достижения человеческого гения.

Для развития культурного процесса средневековья определяющее значение имела также сословно-корпоративная структура общества. Эстетические идеалы, художественно-образные стереотипы при общности их фундаментальной основы по-разному развивались в пределах какой-либо

корпорации, сословного объединения, и переход их в область других сословных ассоциаций был связан с общим переосмыслением и художественной переработкой. Совершенство творчества виделось не в его самобытности, но в наиболее точном и ярком воспроизведении идейно-эстетических принципов корпорации. Отсюда вытекала нередкая для средневековья анонимность произведений и в то же время авторитарность культурной традиции, заставлявшая стремиться не к поискам оригинальных форм и средств индивидуализации, но к наибольшей типизации, максимальному приближению к принятому в данной социальной среде архетипу. Произведение средневекового автора предназначалось прежде всего не для индивидуального восприятия, а для корпоративно-публичного, для выражения идеалов и образа жизни той социальной среды, к которой он принадлежал.

Культура средневековья, как и культура любого классового общества, была неоднородной. В ней можно условно выделить несколько уровней: «ученая» культура, теология, философия, литература предназначались для интеллектуальной элиты (преимущественно связанной с церковью). Феодально-рыцарское сословие создало свою рафинированную литературу, образ жизни, кодекс морали. Они составляли комплекс так называемой «высокой» культуры средневековья. В недрах средневекового общества, в городах и в крестьянской среде развивалась более демократическая народная культура, которая была сложнейшим сплавом весьма далекой от ортодоксальности религиозности, дохристианского субстрата духовной жизни, традиций быта и поведения, специфического мироощущения и социально-психологических реакций.

При всех метаниях от земного к небесному, от уничижения к надежде, от упоения мгновением жизни к страху перед смертью и последним судом, от светлой жалости к чудовищной жестокости, в самые критические моменты средневековое общество в конце концов находило силы, которые не отвращали его от жизни и красоты, а, напротив, возвращали к ней. Об этом свидетельствует богатое и разнообразное искусство, спиритуалистическое и полнокровное, строгое и причудливое одновременно. Его памятники — неоценимый вклад в историю человеческой цивилизации. И если официальная культура — это стены, фасад и декор величественного и прекрасного здания средневековой культуры, то народная среда — это ее фундамент и несущие опоры, без которых рухнуло бы все строение.

В глубинах народной культуры формировались и массовые представления средневековья, которые затем выплескивались и на более высокие уровни духовной жизни. Здесь же переплавлялись установки и эталоны официальной культуры, принимая облик, приемлемый для широких масс. Осуществлялось постоянное циркулирование представлений, чувствований, духовных ценностей между фольклорной, народной и официальной культурами, в результате чего происходило их развитие.

В средние века эстетика, как, впрочем, история, математика или любая другая отрасль знания, не была выделена в особую область со своим специфическим предметом, методом и формами выражения. Эстетические представления, художественный идеал пребывали внутри целостной культуры, пронизывали ее, придавали ей неповторимый, самобытный облик, отраженный, как в зеркалах, в различных образах и стилях, изменявшихся во времени и пространстве, и столь ярко отличающийся от художественной культуры античности или Ренессанса.

Искусство, художественный язык средневековья многозначны и глубоки. Эта многозначность не сразу была понята рационалистически настроенными потомками. Понадобился труд нескольких поколений ученых, чтобы показать высокую ценность и своеобразие средневековой культуры, столь не похожей на античную или современную, но в то же время

являющейся необходимым и закономерным этапом развития человеческой цивилизации.

Средневековье создало свои формы художественного выражения, соответствовавшие мироощущению той эпохи. Искусство было способом отражения высшей, «незримой красоты», пребывающей за пределами земного существования, в надприродном мире. Искусство, подобно философии, было одним из путей постижения абсолютной идеи, божественной истины. Отсюда вытекали его символизм, аллегоризм.

Духовная культура средневековья порождалась обществом, жизнь которого была в целом тяжелой, полной лишений, голода, эпидемий, стихийных бедствий, войн. Она протекала в условиях жестокой классовой, религиозной и политической борьбы, в постоянных напряженных столкновениях между церковной доктриной и антифеодальной ересью, между контрастами «ученой» культуры и народного сознания, между властью и бесправием, роскошью и крайней нищетой, надеждой и отчаянием. И из этого противоборства, из человеческих страданий и упований была высечена искра гуманности, обретения человеком веры в себя, в жизненную стойкость человеческого духа и идеалов добра. Это был своеобразный средневековый оптимизм, еще крепко замешанный на религиозности и имеющий горький привкус выстраданности, однако он нес в себе зерно будущего самоутверждения человека, светлого восприятия мира. С развитием этого чувства связаны лучшие страницы средневековой культуры.

В последний период средневековья (XV—XVI вв.) то, что составляло главный смысл и цвет средневековой культуры как особого культурного типа, постепенно, хотя и непросто, все больше отодвигается на периферию культуры. Начинают доминировать новые тенденции культурного развития.

Однако достижения средневековой культуры не утратили своей огромной ценности и до настоящего времени. Эта культура была необходимым и очень важным этапом исторического развития Европы и всего мира. Она не застыла в неподвижности, а, начав с локальных культур средиземноморского мира и варварских народов, в итоге пришла к культурной общности, отличающей Европу от других регионов мира, и в то же время предоставила простор для становления национальных культур континента, которые являются живыми реалиями современности. Ее лучшие плоды и сегодня питают духовную жизнь народов, а имена ее творцов бережно хранятся в памяти благодарного человечества.

Глава 1
КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ПЕРИОД (IV – СЕРЕДИНА VII В.)

В истории мировой культуры византийской цивилизации принадлежит особое и бесспорно выдающееся место. В отличие от западноевропейской в тревожные времена варварских нашествий она во многом оставалась последним оплотом греко-римских традиций. Однако сама византийская культура впитала художественные традиции не только греков, но и многочисленных народов, населявших империю: сирийцев, коптов, армян, грузин и, позднее, славян. После того, как она окончательно сложилась, духовное развитие этих народов пошло под знаком господства византийской цивилизации.

Становление византийской культуры происходило в обстановке складывания всей идеологии византийского общества, оформления системы христианского миросозерцания, в борьбе с философскими, этическими, естественнонаучными и эстетическими воззрениями античного мира. В первые столетия существования византийского государства формировались основные тенденции мышления византийского общества, его образная система, опирающиеся на традиции языческого эллинизма, обретшего теперь официальный статус христианства. Христианство противопоставляло свой богословско-философский синтез последнему философскому синтезу античности — неоплатонизму.

В ранней Византии спиритуалистическая философия неоплатонизма переживает новый яркий расцвет. Появляется целая плеяда блистательных философов-неоплатоников: Прокл Диадох, Псевдо-Дионисий Ареопагит. Однако неоплатонизм, требовавший от своих приверженцев сложной философской подготовки, был недоступен народным массам и в силу этого — обречен на угасание. Христианство же, синтезировавшее и впитавшее элементы не только ближневосточных религиозных учений, иудаизма, манихейства, но и неоплатонизма, являлось одновременно синкретическим религиозным учением и синтетической философско-религиозной системой, важным компонентом которой были античные философские учения. Видимо, поэтому христианство, в частности в ранней Византии, не только боролось против античной культуры, но и использовало ее в своих интересах. На смену непримиримости раннего христианства, отрицавшего все, на чем стояло клеймо язычества, постепенно приходит известный компромисс между античным и христианским миросозерцанием.

Фундамент средневекового богословия закладывался в патристической литературе ранневизантийской эпохи — в трудах каппадокийских мыслителей Василия Кесарийского, Григория Назианзина и Григория Нисского, в речах Иоанна Златоуста. Идеи раннего христианства сочетались с неоплатонической философией, античные риторические формы — с христианским содержанием. В центре патристической философии находится понимание бытия как совершенства, что дает своеобразное оправдание космоса, а следовательно, мира и человека. У Григория Нисского эта концепция порой приближается к пантеизму.

В IV—V в. в империи развернулись ожесточенные философско-богословские споры о природе Христа и месте его в Троице. В этих спорах в теологизированной форме ставился вопрос о смысле человеческого существования, месте человека во Вселенной, пределе его возможностей.

В IV в. возникло особое религиозное течение — арианство, получившее свое название по имени его основателя александрийского священника Ария (ум. 336). Арий и его сторонники выдвинули учение, согласно которому Христос — творение бога-отца, а следовательно, не единосущен ему, не вечен и занимает в Троице подчиненное место.

Проповедь Ария первоначально имела успех среди городской интеллигенции и ремесленников Александрии и других городов Востока. Господствующая церковь, опасаясь раскола, резко выступила против Ария, обвинив его в ереси. В 325 г. на I Вселенском соборе в Никее был выработан православный символ веры, учение ариан осуждено, а Арий отправлен в ссылку. Вторично его учение было предано анафеме на Константинопольском соборе 381 г. и на этот раз окончательно объявлено ересью.

В христологических спорах V в. участвовали также несториане, монофиситы и халкедониты. Несториане отстаивали идею о том, что божественное и человеческое начала в Христе находятся лишь в относительном единении, никогда полностью не сливаясь. В противовес им монофиситы признавали только одну божественную природу Христа. Несто-

рианство было распространено в Сирии и Месопотамии, многие из преследуемых господствующей церковью несториан позднее переселились в Иран. Монофиситы находили многочисленных приверженцев в Египте, Палестине, Малой Азии и Армении. Халкедониты, сторонники православного Никейского символа веры (325 г), подтвержденного на халкедонском соборе 451 г., осудившем монофиситов, защищали ставшее ортодоксальным определе́ние единосущности первого и второго лиц Троицы, «неслиянности» и «нераздельности» двух естеств Христа.

В переходную эпоху разложения рабовладельческого и становления феодального обществ возникает новое ви́дение мира, более соответствующее складу мышления и эмоциональным запросам средневекового человека, рождается новая эстетика. Патристическая литература, библейская космография, литургическая поэзия, монашеская повесть, всемирная хроника, христианская агиография, пронизанные религиозным миросозерцанием, мало-помалу овладевают умами византийского общества.

В формирующейся христианской идеологии в этот период можно наметить две струи: аристократическую, связанную с господствующей церковью, императорским двором и образованной интеллигенцией, и плебейско-народную, выросшую из ересей и корнями уходящую в толщу религиозно-этических представлений народных масс и широких слоев беднейшего монашества. Представители первого направления энергично выступали за использование всего лучшего, что было дано человечеству античной культурой, все чаще заимствовали из ее сокровищницы импонирующую простоту и пластичность философской прозы, филигранные методы неоплатонической диалектики, логику Аристотеля, практический психологизм и античную риторику.

В литературе наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, мыслей, образов, представлений. Индивидуальность художника в этот период еще не растворилась в церковно-догматическом мышлении. Интимная биографичность, глубочайший самоанализ, смятенность душевных переживаний характерны для некоторых поэтических произведений того времени, например для гимнов Григория Назианзина и Синесия (V в.). Они перекликаются со знаменитой на Западе «Исповедью» Августина.

В церковной историографии ранней Византии — в трудах Евсевия Кесарийского, Сократа, Созомена, Феодорита Киррского, Евагрия — создается христианская, основанная на Библии, концепция всемирной истории. На смену античной теории цикличности исторического развития приходит концепция линейного времени, отсчет которого ведется от сотворения мира и до бесконечности. Исключительность римской истории сменяется включением во всемирную историю всех народов без различия расовой и этнической принадлежности при условии принятия христианства.

Народное течение в христианской идеологии все больше приближает христианскую литературу к народу и отрывает ее от ученой античности. В народное художественное творчество все сильнее проникает глубокая искренность и эмоциональность, цельность и наивность восприятия мира. Монашеская идеология, нередко питаемая народной средой, активно воздействует на житийную литературу. Наиболее ярким примером этого были такие сборники житий, как «Лавсаик» Паллада и «Луг духовный» Иоанна Мосха, пользовавшиеся популярностью у широких слоев населения Византии. Сильная народная струя проникает в литургическую поэзию, где рождается новая метрика и ломаются античные нормы стихосложения, где торжествуют новые эстетические идеалы, пронизанные народным духом. В Византии VI в. появляется такой выдающийся поэт, гимнограф и музыкант, как Роман Сладкопевец, использовавший в своих гимнах народные мелодии.

Все же в ранней Византии античная культура еще сохраняла свое влияние и лишь медленно уступала место христианской.

Отличительной особенностью системы образования в ранней Византии было сохранение многих античных традиций. Она унаследовала от греко-римского мира классическое образование, в основу которого было положено изучение семи свободных искусств. В крупнейших городах в IV — первой половине VII в. процветали высшие школы, сохранившие значение центров классической науки, просвещения, культуры: школы философии и естественных наук в Александрии и Антиохии, ораторского искусства в Кесарии, Газе, Никомидии, Кизике, Никее и Анкире. Центром античной философии оставались Афины. В связи с кодификацией римского права при Юстиниане окрепли старые центры юридического образования, подобные Бейруту, и возникли новые в Константинополе.

Православная церковь, стремясь подчинить своему влиянию образование и воспитание молодежи, создает в этот период богословские высшие школы — в Александрии, Антиохии, Эфесе, Нисибии, которые иногда именовались богословскими академиями. Они были тесно связаны с православными патриархиями Востока. В богословских академиях наряду с изучением теологии большое внимание уделялось преподаванию светских наук. Ареной ожесточенной борьбы языческой и христианской идеологии были крупные города Византийской империи. Однако именно в них античная культура имела прочную базу и своих горячих поклонников.

Античные традиции еще господствовали в естественных науках. Особое внимание в Византии уделялось тем отраслям знания, которые были связаны с практикой, прежде всего с медициной, сельским хозяйством, ремеслом, военным и строительным делом. Вместе с тем в ранней Византии шел процесс постепенного переосмысления и совершенствования позитивных научных знаний и традиций, накопленных античностью.

Однако в развитии научной мысли были и отступления, приводившие порой даже к забвению достижений античности. Так, географические представления о Вселенной, мире, земле развивались в IV—VI вв. в обстановке острейшей идейной борьбы между христианскими богословами и философами, с одной стороны, и сторонниками античных космогонических и космографических теорий — с другой.

Антиохийская школа, отличавшаяся догматическим подходом к истолкованию Священного писания и крайне негативным отношением к античной географии (Диодор Тарсский, Феодор Мопсуэтийский, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин), утверждала, что Земля — плоский круг или четырехугольник, над которым распростерто куполообразное твердое небо; существуют два неба, между которыми заключены небесные воды; единый океан окружает сушу со всех сторон. Эти идеи нашли обобщенное выражение в «Гексамероне» Севериана из Габалы и в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (VI в.). Принципы антиохийцев завоевали господствующее положение в средневековой географии и сыграли в ее развитии крайне реакционную роль, ибо заменили созданную античными учеными модель мироздания фантастической картиной, не имеющей ничего общего с наукой.

Другое направление в развитии географической мысли той эпохи — каппадокийско-александрийское (Василий Великий и Григорий Нисский, ритор Иоанн Филопон, поэт Георгий Писида). Для его сторонников характерно активное использование идей античных философов и географов: они признавали шарообразность земли, сферичность небес, окружающих Землю со всех сторон, не следовали рабски за библейскими построениями.

Античные традиции еще преобладали и в светской историографии ранней Византии, отразившей идейную и социально-политическую борьбу того времени. Ранняя Византия оставила потомкам труды целой плеяды

прославленных светских историков: Аммиана Марцеллина, Евнапия, Олимпиодора, Зосима, Приска Панийского, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора и Феофилакта Симокатты. Среди них талантом, силой ума, ярким темпераментом и широтой взглядов бесспорно возвышаются двое — Аммиан Марцеллин и Прокопий.

Аммиан Марцеллин (IV в.) — последний римский и первый ранневизантийский историк, грек-язычник, воспевавший историю Римской империи. Самобытный, весьма одаренный художник, создавший галерею живых и выразительных портретов исторических деятелей, поклонник идеалов Древнего Рима, он всей душой ненавидит и разоблачает тиранию современных ему императоров.

Прокопий (VI в.) в своих произведениях «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», «Трактат о постройках» рисует историческое полотно грандиозных масштабов, описывает события, происходившие в Северной Африке и Италии, Испании и на Балканах, в Иране и отдаленных странах Юго-Восточной Азии, восхваляет политику Юстиниана. Прокопий, стоявший на высокой ступени общественной лестницы, мыслил масштабами политического деятеля. Плодом глубоких раздумий, борения политических и личных страстей явилась «Тайная история» Прокопия. Написанная в глубокой тайне, она с предельной откровенностью обнажает все пороки империи и ее правителей, скрытые в официальных трудах того же автора. Юстиниан предстает здесь как злодей на троне, неумолимый тиран, разрушитель империи. Резко критическое отношение к живой современности и несколько рассудочное восхваление канонизированного прошлого, уже угасшего величия Рима, характерные для сенаторской аристократии старого Рима и ранней Византии,— вот идеи, которые роднят Аммиана Марцеллина и Прокопия.

Еще один из плеяды выдающихся светских историков ранней Византии, Феофилакт Симокатта (VII в.), хотя и сохранил многие родственные Прокопию черты, приемы и методы, отражает уже эволюцию ранневизантийской историографии от античности к средневековью, и прежде всего усиление влияния христианства. Младший современник Прокопия, утонченный эрудит, историк и поэт Агафий Миринейский (VI в.) был идеологом византийской интеллигенции — духовной элиты Константинополя. Как Прокопий, так и Агафий по своим философским взглядам, характеру и манере повествования, литературному стилю во многом являются продолжателями античной историографии.

В произведениях ранневизантийских историков светского направления как бы слились элементы античной и новой, нарождающейся средневековой культуры. Новым в них является проникновение в миросозерцание авторов христианского вероучения, отчасти христианской этики, изменение отношения к варварским народам, которое становится все более примирительным. Этим произведениям свойственны и напряженные поиски разрешения философских вопросов о соотношении божества, человека и природы, о месте человеческой личности в истории и вселенной.

В историографии появляются и новые жанры, в том числе всемирные хроники, в которых причудливо соединились христианская историко-философская концепция всемирной истории с античными реминисценциями, языческими мифами и легендами. Византийские хронисты, особенно Иоанн Малала, испытали воздействие Геродота, Фукидида, Тита Ливия, а также Эсхила, Еврипида, Вергилия. Но они уже отказались от теории цикличности и заимствовали у церковных историков линейное время. Если сравнить даже самого талантливого хрониста Иоанна Малалу со светскими историками Аммианом, Прокопием и др., бросается в глаза исчезновение индивидуальных черт сочинения, сильное упрощение языка и стиля хронистов, много черпавших из народной культуры.

Византийская риторика той эпохи, игравшая важную роль в общественной жизни, также являлась ареной острых идейных и религиозных битв. Ранневизантийские риторы, речи которых были облечены в античные одежды, изощрялись в классическом ораторском искусстве. Языческие риторы Фемистий, Гимерий, Ливаний, Синесий Киренский (IV в.) потрясали слушателей отточенностью классического стиля, необычайной эрудицией, знанием всех тайн ораторского искусства. Открытую и непримиримую борьбу с язычеством и античной культурой вели в ту эпоху христианские церковные проповедники, например Иоанн Златоуст, неумолимо обличавший пороки языческой знати, языческую этику и мораль.

Значительные перемены происходили в ранней Византии и в сфере художественной культуры. В это время складываются основные принципы византийской эстетики, которая во многом опиралась на античные воззрения о сути прекрасного, однако синтезировала и переосмысливала их в духе христианской идеологии. Отличительной чертой византийской эстетики был ее глубокий спиритуализм. Она отдавала предпочтение духу перед телом, ставила нравственное совершенство выше телесной красоты. Основной эстетической задачей византийского искусства отныне становится стремление воплотить в художественном образе трансцендентную идею. Сенсуалистическая эстетика античности постепенно вытесняется спиритуалистическими идеалами средневековья.

В VI — середине VII в. византийские художники, переработав многообразные влияния Востока и античности, сумели создать свой собственный стиль в искусстве. С этого времени Константинополь превращается в прославленный художественный центр средневекового мира. Бурное строительство в городах ранней Византии было мощным стимулом расцвета архитектуры и искусства в правление Юстиниана. Особенно интенсивно шло строительство церквей в Константинополе.

Непревзойденным шедевром византийского зодчества стал построенный в 532—537 гг. храм св. Софии в Константинополе. Он воплотил все лучшее, что было создано в архитектуре Востока и Запада. Недаром современники в один голос называли его «чудом и славой» века. Два великих зодчих, оба выходцы из Малой Азии, Исидор из Милета и Анфимий из Тралл, сумели соединить в этом храме впечатляющую монументальность, спокойную пластичность, чистоту и строгость линий античной архитектуры с новейшими достижениями зодчества Востока. Впервые здесь была реально воплощена идея грандиозного центрического храма, увенчанного колоссальным куполом. На вершине купола был изображен огромный крест посреди усеянного звездами неба. Внутреннее убранство храма поражало торжественной пышностью и изысканным великолепием. Особую прелесть интерьеру Св. Софии придавали мраморные колоннады, расположенные двумя ярусами вдоль центрального пространства церкви. Необычайное благородство колорита, с преобладанием темно-зеленого, серого, темно-красного и черного цветов, гармоничность пропорций колоннад, тончайшее кружево резных капителей — все это создавало впечатление огромной художественной силы. В архитектуре и живописи Св. Софии были заложены основы нового художественного стиля, которому суждено было стать господствующим во всей дальнейшей истории византийского искусства. Бесспорно и то, что храм Св. Софии занимает почетное место среди художественных памятников всех времен и народов. Другие шедевры ранневизантийского зодчества — храм Св. Апостолов в Константинополе, церковь Св. Виталия в Равенне, храм Св. Димитрия в Салониках.

В живописи VI — середины VII в. также постепенно кристаллизуется византийский стиль, очищенный от инородных влияний, соответствующий спиритуалистическим идеалам средневекового общества, хотя в нем

сохраняется известная преемственность эллинистических традиций. Для константинопольской школы характерны утонченный артистизм, живописность и красочное разнообразие, переливчатость колористической гаммы. Одним из самых совершенных творений столичных мастеров, которое несло на себе печать эллинистических традиций, были мозаики в куполе церкви Успения в Никее (VII в.).

Другие направления в искусстве ранней Византии, воплотившиеся в мозаиках Равенны, Синая, Фессалоники, Кипра, Паренцо знаменуют отказ византийских мастеров от античных реминисценций. Образы становятся более аскетическими, лишенными чувственности, зато духовность достигает в них необычайной силы.

В Византии, однако, никогда не затухало светское художественное творчество. Бурный расцвет Константинополя способствовал сохранению светской культуры, а культ империи и императора давали импульсы ее развитию. Еще в IV—V вв. Константинополь — новый Рим украсился дворцами императоров и домами знати. На самом берегу Мраморного моря вырос Большой императорский дворец — превосходный архитектурный ансамбль дворцов с парадными залами, терм, жилых помещений, окруженных садами и фонтанами. Вход во дворец шел через торжественную купольную залу, интерьеры и стены дворца были отделаны мозаиками, прославляющими победы Юстиниана над варварами. Центром дворца со второй половины VI в. стала тронная «Золотая» зала — Хрисотриклиний. Обширный столичный ипподром, средоточие общественной и культурной жизни, был украшен античными памятниками. Центральная улица города Меса была застроена дворцами знати, общественными зданиями, портиками, домами горожан. Главные площади столицы и Меса также были украшены античными статуями.

Шедевром светской живописи раннего периода были мозаики полов Большого дворца в Константинополе, ныне хранящиеся в особом музее. С поразительной реалистической полнокровной чувственностью, заимствованной из позднеантичного искусства, на них были изображены буколические сцены сельской жизни и труда, борьба диких зверей, сцены охоты. Роскошными дворцами и шедеврами светского искусства славились также Антиохия, Александрия, Афины и другие города империи.

Наиболее знаменитыми произведениями светской живописи раннего периода являются изображения торжественной процессии Юстиниана и Феодоры в окружении вельмож и знатных дам в базилике Сан-Витале в Равенне (середина VI в.). Лица Юстиниана и Феодоры наделены портретными чертами, цветовая гамма мозаик отличается полнокровной яркостью, теплотой и свежестью. По словам Прокопия, хорошо знавшего Юстиниана, император был среднего роста, полный, с круглым красивым белым лицом, с большими темными проницательными глазами. На мозаиках Сан-Витале мы видим именно такой внешний облик Юстиниана. Он в расцвете лет, красив, выражение лица приветливое.

В равеннских мозаиках Сан-Витале императрица Феодора предстает гордой владычицей, облаченной в царские одежды; голову ее, окруженную нимбом, увенчивает корона, усыпанная драгоценными камнями. Но особенно поражает лицо Феодоры, усталое, грустное, почти скорбное. Она прекрасна, но молодость уже уходит. Это облик женщины, познавшей все бездны жизни и застывшей в своем утомленном величии. Еще более удивителен мраморный портрет Феодоры, хранящийся в музее Кастелло Сфорческо в Милане. Ее молодое лицо необычайно красиво. Глядя на этот мраморный портрет Феодоры, понимаешь всю неотразимость ее женского обаяния, описанного Прокопием.

Мировое признание в средние века получили произведения художественного ремесла и прикладного искусства Византии: изумительной красо-

ты ювелирные украшения из золота и драгоценных камней, диптихи и ларцы из слоновой кости, украшенные резьбой и инкрустациями, утонченные изделия из цветного стекла — сосуды, бусы, светильники, вышитые причудливыми рисунками шелковые ткани. Византийские художники, мастера мозаики, мелкой пластики, ювелирного дела, эмалей и тканей, книжной миниатюры долгое время являлись законодателями вкусов в Европе. Их произведения служили своего рода эталонами, на которые ориентировались и которым стремились подражать по мере сил и возможностей.

Светская культура еще не утратила господства в это время в сфере театральных представлений и массовых зрелищ. Но античный театр начинает уже клониться к упадку, античные трагедии и комедии все чаще заменяются выступлениями мимов, жонглеров, танцовщиков, гимнастов, укротителей диких животных. Место театра занимает ныне цирк (ипподром) с его конными ристалищами, пользующимися огромной популярностью (см. ч. I, гл. 2). Христианская церковь предавала анафеме светские языческие зрелища, стремилась заменить их церковными праздниками. Однако лишь к концу ранневизантийского периода массовые зрелища приходят в упадок.

Музыка занимала особое место в византийской цивилизации. Многоцветный колорит имела музыка городских улиц, театральных и цирковых представлений и народных празднеств, богатейшая песенно-музыкальная практика многих народов, населявших империю. Каждый из этих видов музыки имел свой собственный эстетический и социальный смысл и в то же время, взаимодействуя, они сливались в единое и неповторимое целое. Христианство очень рано оценило особые возможности музыки как универсального искусства, обладающего силой массового психологического воздействия, и включило ее в свой культовый ритуал. Именно культовой музыке суждено было занять доминирующее положение в средневековой Византии, хотя и светское музыкальное творчество там никогда не исчезало.

Итак, в ранней Византии интенсивно формировались основные особенности византийской культуры, окончательно сложившиеся в последующий период. Постепенно культурные влияния извне и изнутри — от разных народов Империи — поглощались и затем синтезировались ведущей греко-римской культурой. Греко-римская в своей основе византийская культура, обогащенная элементами культуры народов Востока, приобрела неповторимый колорит, отличавший ее от культуры Западной Европы. Определяющая роль греко-римской культуры способствовала сохранению в Византии в значительных масштабах античного культурного наследия.

ВИЗАНТИЙСКАЯ КУЛЬТУРА СЕРЕДИНЫ VII—XII В.

К середине VI в. все более кристаллизуются христианская догматика и эстетические воззрения византийского общества. В общественной мысли господствуют спиритуалистические идеалы созерцательного покоя, нравственного совершенства, все как бы застывает, делается строже, суше, статичнее. Однако это умиротворение оказалось лишь временным. С первой четверти VIII столетия богословские и идейные споры вспыхивают с новой силой, приняв на этот раз форму иконоборчества. В столкновениях иконоборцев и иконопочитателей (726—843) отразилась борьба военной землевладельческой знати и части торгово-ремесленных кругов Константинополя за ограничение могущества господствующей церкви и монастырей, за раздел церковных имуществ, за подчинение церковной иерархии государственной власти (ч. II, гл. 2). Эти столкновения были тесно связаны и с глубокими идейными расхождениями мировоззренческого

характера. Провозглашенная императорами Исаврами борьба против почитания икон дала в руки правящей династии сильное идейное оружие. Богословскую полемику с иконопочитателями вела высокообразованная светская и духовная элита. На какое-то время в стане иконоборцев оказались и представители еретических течений — павликиан и манихеев (см. ч. II, гл. 2, 6). На стороне иконопочитателей объединилось ортодоксальное духовенство, фанатически настроенное монашество, представители патриархии. Им удалось повести за собой широкие народные массы, особенно в европейских областях Византийского государства.

В идейно-догматическом плане суть спора состояла в том, что иконоборцы выдвигали тезис о неописуемости и непознаваемости божества. В основу их учения был положен главный догмат христианства о единстве в Троице трех божественных ипостасей, одинаково неописуемых и непостижимых для человеческого разума. Иконоборцы исходили из стремления сохранить за христианским богослужением возвышенную духовность, очистить его от плотских начал и пережитков эллинского сенсуализма.

На формирование иконоборческих эстетических доктрин, видимо, оказали известное влияние религиозно-эстетические идеи иудаизма и ислама о неописуемости и непознаваемости единого верховного божества. Следствием распространения в Византии иконоборческих идей была временная победа в религиозном искусстве орнаментально-декоративных и отвлеченно-символических принципов. Эстетические и стилистические истоки иконоборческого искусства надо, видимо, искать в произведениях сирийских христианских мастеров, украшавших мозаиками ранние мечети на территории халифата. Именно в иконоборческую эпоху были заложены основы византийской орнаментики, достигшей столь блестящего расцвета в X—XII вв.

Обе враждующие партии не только осыпали друг друга бранью, но и прибегали к гонениям и к искоренению всего созданного их противниками. Сперва иконоборцы с фанатическим упорством уничтожали в храмах фигурные изображения, заменяя их символом креста или геометрическим орнаментом. Так погибли многие памятники искусства: мозаики, фрески, иконы, в том числе самые ранние мозаики храма Софии в Константинополе. После же победы иконопочитателей победители столь же беспощадно сжигали иконоборческие книги, восстанавливали в храмах антропоморфные изображения Христа, богоматери, святых.

Нет сомнения, что уничтожением памятников человеческой мысли как иконоборцы, так и их противники причинили заметный вред культурному развитию Византии VIII—IX вв. Но вместе с тем эстетическое мышление иконоборцев внесло новую свежую художественную струю в образное ви́дение мира византийцев — изысканную абстрактную символику в сочетании с рафинированной и эстетически привлекательной декоративной орнаментикой. Кроме того, иконоборческое движение послужило стимулом к новому взлету светского изобразительного искусства и архитектуры Византии. В это время в Константинополе продолжалось строительство Большого дворца, среди зданий которого выделялся причудливой архитектурой тронный зал, или Трикониx, украшенный тремя апсидами (конхами) и богато отделанный разноцветными мраморами колонн. В светском искусстве иконоборческого периода победили принципы репрезентативной торжественности, архитектурной монументальности и красочной многофигурной декоративности, послужившие в дальнейшем основой развития светского художественного творчества.

Вместе с тем и в период иконоборчества продолжало существовать гонимое суровое монашеское искусство иконопочитателей. Художественные идеалы этого искусства черпались из гущи народных верований и эстетических представлений народов Востока. Ярким примером этого направле-

ния в искусстве служат ранние росписи христианских пещерных храмов Каппадокии. Восточнохристианские влияния прослеживаются в таких памятниках Запада, как Санта-Мария Антиква в Риме (741—742 гг.), в ранних мозаиках Сан-Марко в Венеции (827—844 гг.), в мозаиках монастыря Сен-Жермен-де-Пре во Франции, в ранних каролингских рукописях. Восточнохристианское искусство оказало, разумеется, известное воздействие и на собственно византийские памятники, такие, как мозаики храма Софии в Салониках, иллюстрации Хлудовской псалтыри (вторая половина IX в.) и некоторые другие.

Религиозно-философские споры вызвали необходимость систематизации христианского богословия, что нашло отражение в сочинениях Иоанна Дамаскина и позднее Феодора Студита. Иоанн Дамаскин (вторая половина VIII — начало IX в.) — один из крупнейших византийских богословов — в своем труде «Источник знания» поставил сложную задачу построить целостную систему ортодоксального христианства. Он пытался систематизировать всю сумму знаний христианского богословия, почерпнутую им из Писания и сочинений апологетов и отцов церкви. Вместе с тем Иоанн Дамаскин не отвергал античную философию, а наоборот, использовал для построения своей грандиозной богословской системы учение Платона и логику Аристотеля. Он решительно выступал против иконоборческого движения. Исполненный традиционализма и строгой ортодоксальности труд Дамаскина оказал значительное влияние на все средневековое богословие как в Византии, так и в Западной Европе (в частности, на Фому Аквинского).

Другой идеолог ортодоксального богословия Феодор Студит (759—826) в своем огромном литературном наследии обобщил всю аргументацию иконопочитателей против их идейных противников. Его сочинения проникнуты яростной полемикой против иконоборцев.

В VIII—IX вв. в общественной мысли Византии возрастает интерес к созданию целостной, всеохватывающей картины вселенной и человечества, к постижению общих закономерностей бытия. Наиболее отчетливо, хотя и неосознанно, это стремление к глобальному охвату человеческой истории проявилось в византийской хронографии. Исходя из библейской концепции, авторы всемирных хроник последовательно проводят идеи прогрессивного, обусловленного божественной волей поступательного движения человечества к совершенству. Наибольшей известностью среди исторических произведений подобного рода пользовались «Хронография» Феофана Исповедника (752—818), «Бревиарий» («Краткая история») патриарха Никифора (середина VIII в.— 828 г.) и хроника Георгия Монаха, или Амартола («Грешника») (IX в.). Для них характерны ортодоксальная идейная направленность, безыскусственность, занимательность и доступность изложения, вера в чудеса и прославление этических идеалов монашества, ориентация на широкого читателя. Эти уже средневековые черты византийской хронографии VIII—IX вв. обусловили ее длительное воздействие на византийскую историографию последующего времени.

В VII — середине IX в. усиливается воздействие религиозной идеологии на византийскую литературу, особую популярность приобретают такие литературные жанры, как жития святых и литургическая поэзия. Наиболее крупными представителями последней были Андрей Критский и уже упоминавшийся Иоанн Дамаскин. Иоанн Дамаскин вносил в поэтическое творчество свойственную ему теологическую рассудочность, схоластический пафос, торжественную парадность и одновременно задушевность, утонченность стихотворной формы. Его литургическая поэзия приобрела впоследствии большую популярность и вошла в православную литургию многих стран, в том числе и Руси. Среди наиболее одаренных и образованных поэтов светского направления в IX в. можно назвать имена Иоанна Грамматика и Игнатия, поэтессы Кассии. Иоанн Грамма-

тик, пламенный защитник иконоборческой доктрины, писал поэмы и научные трактаты, увлекался научными опытами. Его современник, дьякон Игнатий, принадлежал к умеренному крылу иконоборцев и так же, как Иоанн, славился знанием античности.

Поэтесса Кассия — знатная девушка необычайной красоты и острого ума в юности пережила тяжкую личную драму и удалилась в монастырь. В тиши монастырской кельи она создала немало эпиграмм, ямбических сентенций, литургических гимнов, к которым сама сочиняла музыку. В поэтическом творчестве Кассии звучат мотивы оскорбленного самолюбия, глубокого разочарования, ненависти к невеждам и глупцам. В стихах Кассии порою проступают теплые, лирические чувства, возвышенное отношение к дружбе, целомудренной любви, бескорыстной помощи достойным людям. Дружбе посвящены многие стихи Кассии. Мысля вечными, общечеловеческими категориями, защищая, казалось бы, известные истины, Кассия во многом вполне самобытна, в ее произведениях очень редки реминисценции из античных и византийских авторов.

Хотя в иконоборческий период создавались значительные трудности в сфере развития научных знаний, оно все же продолжалось. Здесь можно говорить не об упадке, но скорее о серьезной перестройке на новый, средневековый лад. Античное наследие воспринимается теперь все более критически, усиливается воздействие христианской идеологии. Тем не менее и в эти трудные времена появляются блестящие ученые — эрудиты, не знающие себе равных на Западе в те столетия. В области естественных наук к их числу принадлежит выдающийся ученый-энциклопедист Лев Философ, или Лев Математик (конец VIII — 60-е годы IX в.). Образованнейший человек, знаток математики, физики, механики, философии, Лев Математик интересовался медициной и астрономией, изучал античных авторов. Ему принадлежит ряд важных открытий. Среди них применение букв как арифметических символов. Ему приписывается изобретение системы световой сигнализации на расстоянии. Лев Математик возглавил высшую Магнаврскую школу в Константинополе, созданную кесарем Вардой, с четырьмя кафедрами: философии, грамматики, геометрии и астрономии. Сам Лев вел занятия по философии.

В византиноведческой науке долго господствовало представление об иконоборческом периоде как о «темных веках» византийской истории, эпохе упадка культуры и образованности. В действительности же эпоха иконоборчества глубоко противоречива. С одной стороны, заметно временное затухание античных традиций, господство церковной догматики. Античный идеал прекрасной личности постепенно заменяется идеалом духовного совершенства, целомудрия, благочестия и смирения. Но вместе с тем возрастает стремление к спиритуализации мышления, к символике и абстрактным идеям во многих сферах духовной жизни. Другими словами, вызревают новые средневековые мировоззренческие принципы и эстетические идеалы. Продолжается развитие науки и образования, не меркнет и светское художественное творчество. Пышный расцвет переживает светское аристократическое искусство Константинополя, изысканное прикладное искусство столичных мастеров.

С X в. наступает новый этап истории византийской культуры. С этого времени начинается известная стабилизация общественного сознания, завершается систематизация христианского богословия. Происходит обобщение и классификация всего достигнутого в науке, богословии, философии, литературе. В культуре полностью торжествуют обобщенно-спиритуалистические принципы. Христианство, борясь как против античного миросозерцания, так и против дуалистических еретических учений, отделявших непроходимой пропастью духовное и телесное начала, стремится снять противоречие между ними. Выход из этого тупика оно видит в подчинении плотского начала духовному. Идеальный эстетический объект

переносится в духовную сферу, он связывается с определенными эстетическими категориями, такими, как понятие прекрасного, свет, цвет, образ, знак, символ. В художественном творчестве получают преобладание традиционализм, каноничность. Искусство теперь не противоречит догматам официальной религии, но активно служит ей. Художник не только не вмешивается в течение окружающей жизни, но даже и не стремится познать все многообразие бытия. Он часто живет в выдуманном, нереальном мире рассудочных абстракций и канонизированных ситуаций и образов. Вместо познания природы и человека он занят воплощением идеи в стройной системе символов. Повествование замыкается в кругу излюбленных трафаретных сюжетов; в произведениях церковной литературы той поры поселяются символические, стереотипные герои, абстрактные пейзажи, господствует метафизическая игра словами. Полнокровные бытовые детали все чаще сменяются бесплотными, аскетическими фигурами мучеников и святых. Цель писателя — не осмысление природы и бытия, а просвещение и спасение тех, кто бродит во тьме невежества. Распространение получает суровая аскетическая эстетика, связанная с проповедью примата духовной красоты над телесной, идеей бесстрастия, покоя, отказа от земных благ. Видным выразителем этого ригористического направления в эстетике Византии был мистик и теолог, идеолог монашества Симеон Новый Богослов (949—1022).

Вместе с тем в Византии традиции греко-римской цивилизации в раннее средневековье не умирали, а упадок образованности в это время ощущался в значительно меньшей степени, чем в Западной Европе. Поэтому и возрождение интереса к античной культуре в Византии началось раньше. Античные традиции, временно ослабевшие в VIII—IX вв., с X столетия возрождаются с новой силой. Это направление сохраняется и позднее, то усиливаясь, то ослабевая, до конца существования Империи. Уже в период правления Македонской династии (X—XI вв.) снова проявляется стремление к синтезу христианских и античных эстетических ценностей. Правда, тогда изучение античности в Византии не было еще творческим, а носило компилятивный характер. Зачастую преклонение перед античностью сочеталось с христианской ортодоксальностью. Так, патриарх Фотий (ок. 810/827 — ок. 891/897) — суровый богослов и церковный иерарх, оставался поклонником и знатоком античной культуры. Фотий создал знаменитый труд «Мириобиблион» («Множество книг»), где собрал характеристики 280 античных и ранневизантийских авторов с обширными извлечениями из их произведений. Среди них встречаются труды по философии, богословию и медицине, сочинения историков и любовные романы, описания путешествий и ораторские произведения. Многие ныне утраченные сочинения античных писателей дошли до нас только в передаче Фотия.

В византийской культуре X век был связан с созданием обобщающих произведений энциклопедического характера. В этот период были составлены энциклопедии по истории, сельскому хозяйству, медицине. Трактаты императора Константина Багрянородного (913—959) «Об управлении государством», «О фемах», «О церемониях византийского двора» — это обширная энциклопедия ценнейших сведений о политической и административной структуре византийского государства. В то же время в них собран богатый материал этнографического и историко-географического характера о сопредельных с империей странах и народах, в том числе и о русских землях.

В XI—XII вв. значительный расцвет переживает светское образование, базирующееся на античных традициях. Центром его была Константинопольская высшая школа, возрожденная в середине XI в. и просуществовавшая до 1204 г. На Западе Константинополь считали одним из крупнейших центров высшего образования и ставили его рядом с Пари-

жем и Багдадом. Высшая школа Константинополя существовала за счет государства и подлежала строгому государственному контролю. Но и сюда проникали новые веяния, распространялись идеи рационализма и критики философских систем с позиции разума.

В XI—XII вв. в византийской культуре происходят серьезные сдвиги. Это было время подъема научных знаний и зарождения рационализма в философской мысли византийского общества. Крупные византийские мыслители того времени впервые пытаются, правда, пока еще не очень последовательно, логически обосновать важнейшие философско-богословские догматы с точки зрения разума. Рационалистические тенденции у византийских философов и богословов (так же, как и у западноевропейских схоластов XI—XII вв.) проявлялись прежде всего в стремлении сочетать веру с разумом, а порою и поставить разум выше веры. Византийские мыслители XI—XII вв. воспринимают от античных философов уважение к разуму, на смену слепой вере, основанной на авторитете, приходит исследование причинности явлений в природе и обществе. Но в отличие от западноевропейской схоластики византийская философия XI—XII вв. строилась не только на трудах Аристотеля, но и на основе античных философских учений разных школ. Выразителями рационалистических веяний в византийской философии были Михаил Пселл, Иоанн Итал и их последователи.

Михаил Пселл (1018 — ок. 1096/1097) — философ, историк, писатель, сочетавший занятия наукой и литературой с активной государственной деятельностью. Литературное и научное наследие Пселла огромно, он был ученым нового типа — энциклопедистом. Знаток античной философии, Пселл увлекался Платоном и неоплатониками. Он один из первых среди византийских философов высказывал идеи рационализма, отстаивал право человека на научное познание мира. Но научные изыскания и логические построения применялись им лишь к явлениям природы и отнюдь не распространялись на богословские проблемы. Рационалистические идеи сочетались у Пселла с теологическим мировоззрением, а порою даже с мистикой и суевериями. Михаил Пселл создал философский трактат «Логика», где в сжатой форме изложил основы этой науки. «Логика» Пселла имела распространение как в Византии, так и на Западе.

Последователь и преемник Михаила Пселла Иоанн Итал (р. в 1025 г.), итальянец по рождению, бежал с отцом из Италии еще юношей, выучил в Византии греческий язык, получил классическое образование и стал преподавателем философии в Константинопольской высшей школе. Он великолепно знал Платона и Аристотеля, отлично владел диалектикой. Итал видел в светской науке не только средство формирования интеллекта, но и признавал за ней право на постижение истины, в том числе и в сверхчувственной сфере бытия. Под влиянием Платона он соглашался с извечностью материи и идей, отрицал чудеса, бессмертие души, учил, что люди воскреснут не в том облике, каким они обладали при жизни. Он смело и решительно попытался трактовать теологические проблемы с позиций разума, приложить логику к богословию. Церковь не могла допустить такого вольнодумства; в 1082 г. против Иоанна Итала был возбужден процесс, он был обвинен в ереси, его осудили и предали анафеме.

Вслед за Италом выступили его ученики. Один из них, Евстратий Никейский, талантливый философ, отстаивал примат логики над богословской традицией, отрицал божественную природу Христа, подчеркивал его человеческую ипостась, создал комментарии к Аристотелю, которые были переведены на латинский язык и использовались схоластами Запада, в том числе Фомой Аквинским. Монах Нил Калабрийский пошел вслед за Евстратием в отрицании божественной природы Христа. Другой последователь Итала Сотирих Пантевген, образованный богослов, поддержал эти рационалистические идеи. Михаил Глика (Сикидит) (конец XII в.) —

один из самых ярых защитников рационализма, отрицал воскресенье во плоти, нетленность частей евхаристии. Они тоже были осуждены церковью, труды их были преданы огню. Философские идеи Михаила Пселла и Иоанна Итала и их последователей, которые в типологическом аспекте перекликаются с философско-религиозными построениями Росцелина и Абеляра (XII в.), оказали заметное влияние на развитие западноевропейской средневековой философской мысли в XII—XIII вв. Они подготовили почву для появления гуманистических идей в Византии XIV — середины XV в.

В период укрепления феодализма и тесного политического и культурного общения Византии с Западом в XI—XII вв. усиливается светское течение в византийской литературе, в кругах феодальной знати и интеллигенции растет религиозный индифферентизм, появляются остросатирические произведения, бичующие пороки невежественного монашества и жадного чиновничества (Христофор Митиленский, Михаил Пселл). Монашеский идеал аскетизма сменяется воспеванием простых человеческих радостей, земной любви. Жанр классического жития заменяется светской повестью, появляются мемуары и труды историков, описывающих современные им события. В жанре мемуаров написано своеобразное произведение XI в. «Советы и рассказы» византийского полководца и представителя провинциальной феодальной знати Кекавмена. Эта книга, обращенная к сыну,— своего рода руководство в жизни, созданное на основе многотрудного личного опыта автора.

Совершенно новое явление в византийской историко-мемуарной литературе представляет собой «Хронография» Михаила Пселла. Здесь впервые появляется свободный от штампов, более раскованный и живой образ человека. В книге Пселла живут, борются, страдают, любят живые люди с их страстями и пороками, высокими чувствами и низменными побуждениями.

XI—XII вв. богаты крупными историческими сочинениями. Среди них выделяется произведение византийской писательницы Анны Комнины «Алексиада», прославляющее правление ее отца императора Алексея I Комнина. Анна Комнина (1083 — ок. 1153/1155) — блестяще образованная византийская принцесса — увлекалась философией, литературой и медициной. Произведение Анны крайне субъективно и тенденциозно, но большая информативность, личное участие автора во многих событиях, хорошее знание окружающих людей, яркость отдельных характеристик — все это придает труду Анны значительный интерес. «Алексиада» написана прекрасным аттическим языком, расцвечена цитатами из лучших образцов эллинской поэзии.

Трагические события, связанные с завоеванием Византии крестоносцами в 1204 г., описаны в сочинении византийского историка Никиты Хониата. Его «История ромеев» — не только серьезный исторический труд, содержащий уникальные сведения о Четвертом крестовом походе и взятии Константинополя крестоносцами, но и блестящее литературное произведение. Автор принадлежит к числу самых талантливых византийских историков. Тревога за судьбы византийского государства пронизывает его повествование.

Создание куртуазного рыцарского романа на Западе совпадает с появлением в Византии воинской повести, героического эпоса, любовного романа. На их страницах живут и действуют новые герои — смелые воины, творящие чудеса храбрости уже не во имя аскетических идеалов спасения души, а ради своих прекрасных возлюбленных и во славу василевса ромеев. В X—XI вв. создается знаменитый византийский эпос — поэма о Дигенисе Акрите, легендарном герое, воплотившем идеал византийского воина-акрита, защищавшего границы Империи от нападения арабов. Поэма создана, скорее всего, на основе недошедших до нас

народных воинских песен. Византийский эпос отразил идеологию провинциальной военной знати. Дигенис рисуется в эпосе легендарным богатырем, неустрашимым воителем, грозным полководцем. Слава о его подвигах доходит до императора, и тот посещает Дигениса в его имении. Во время встречи Дигенис обращается к василевсу с наставлениями: любить подданных, жалеть нуждающихся, избегать несправедливости, прощать прегрешившим, преследовать еретиков. Император награждает его высокими титулами, закрепляет за ним земельные владения, дарует власть на границах. Поэма передает многочисленные любовные похождения Дигениса. В образе Дигениса Акрита использованы некоторые народные предания, он был популярен в народной среде. О Дигенисе хорошо знали на Руси. В XII—XIII вв. был создан древнерусский перевод поэмы под названием «Девгениево деяние».

В XII в. возрождается роман как литературный жанр, восходящий к поздней античности. Почти одновременно появляется ряд романов, прозаических и стихотворных, основанных на античном сюжете (разлука влюбленных и обретение ими друг друга после многих приключений). Традиционные античные жанры наполняются новым содержанием, усиливается интерес к любовной тематике, преодолеваются патриархально-церковные нормы нравственности, укрепляются культурные контакты с Западом. Возрождение жанра романа связывается в Византии с именем выдающегося поэта и писателя Феодора Продрома.

Феодор Продром (1100 — ок. 1170) оставил богатое литературное наследство. Кроме поэм официального характера, прославляющих подвиги василевсов из династии Комнинов, Продром обращался к политической сатире и лирическим стихам. В его сатире «Катамиомахия» («Война кошек и мышей») остро и зло высмеивались язвы современного ему общества. Его роман «Роданфа и Досикл»— рассказ о любви и приключениях прекрасного юноши Досикла и красавицы Роданфы. Основная идея романа — всемогущество добродетельной любви, находящей свой венец в браке. К жанру романа принадлежит также прозаическая повесть Евматия Макремволита «Исминий и Исмина», стихотворные романы Никиты Евгениана «Дросила и Харикл» и Константина Манасси «Аристандр и Каллитея». Всех их объединяет построение по единой схеме: любовь юных героев, разлука, страдания и благополучное соединение влюбленных, сохранивших верность друг другу.

Современник Продрома, анонимный автор псевдолукиановского диалога «Тимарион», написанного в популярном в то время на Западе жанре путешествия в загробный мир, нарисовал яркую сатирическую картину современного общества, самодурства невежественных правителей, тупых ученых схоластов, лукавых царедворцев. Поражает религиозная терпимость анонимного автора: христианство в подземном царстве уживается с язычеством, а античные мудрецы мирно разгуливают рядом с христианскими проповедниками.

Один из образованнейших людей той эпохи, ученый и писатель Ефстафий, архиепископ Солунский, в своих трактатах и письмах еще более резко критикует слабость правителей империи, продажность чиновников, упадок нравственности. Среди его произведений есть одно, занимающее совершенно особое место,— «Взятие Фессалоники». Это потрясающий рассказ очевидца и участника событий об ужасном разгроме Фессалоники норманнами в 1185 г.

Значительные изменения в этот период происходят в византийском изобразительном искусстве. С X—XI вв. в нем преобладала пышная декоративность. Торжественный монументализм все чаще соединяется с усложненной символикой. В живописи и архитектуре начинает господствовать строгая, рассудочная симметрия, торжественная уравновешенность линий и движений человеческих фигур. Абстрактный золотой фон,

столь любимый византийскими мастерами, заменяет реальное трехмерное пространство, выполняя важную эстетическую функцию; он призван как бы отгородить отвлеченное изображение того или иного явления от живой действительности окружающего мира. Творчество художника отныне подчинено нивелирующему действию канона.

В церковной архитектуре к этому времени базилика как форма культового здания в виде удлиненной трехнефной постройки постепенно сменяется крестово-купольным храмом в форме вписанного в плане креста с равными ветвями и с куполом в центре. В X—XII вв. крестово-купольное церковное зодчество стало доминировать как в самой Византии, так и в сопредельных с ней странах. Уменьшаются размеры храма. Грандиозные храмы для народа уходят в прошлое. Распространяются сравнительно небольшие церкви, предназначенные для городского квартала, сельского прихода, монастыря или замка. Одновременно храм растет в высоту, выделяясь среди окружающей застройки; устремление ввысь дает новое эмоциональное и эстетическое наполнение культовому зодчеству. В XI—XII вв. все большее значение приобретает внешний вид храма. В его экстерьер смело и с большим вкусом ввели цвет и декоративные резные украшения. Красочная ажурность, легкость и жизнерадостность внешнего оформления храма резко контрастирует с глухим, суровым, аскетичным наружным обликом культовых зданий предшествующего времени. К числу архитектурных шедевров принадлежат прославленные памятники: католикон монастыря Хосиос-Лукас в Фокиде и монастырь Дафни близ Афин. Собор монастыря Хосиос-Лукас — огромный пятинефный храм, над которым возвышается купол, покоящийся на низком барабане,— гармонично сочетает красоту внешнего вида и внутреннего убранства. Строгость архитектурных форм в соединении с нарядностью карнизов и резных капителей, применение облицовки мраморами пастельных тонов — все это создает впечатление простоты и торжественности.

Храм монастыря Дафни близ Афин (конец XI в.) — меньше по размерам, но, быть может, именно это придает ему особую цельность и гармонию. Он устремлен ввысь, менее монументален и громоздок. Его внешний декор не перегружен деталями, но одновременно и достаточно наряден. Этот храм свидетельствует об усилении влияния нового стиля в византийском зодчестве. Особенно ярко эти новые черты проявились в небольшом храме Неа-Мони на Хиосе (середина XII в.).

Больших успехов достигло в X—XII вв. и светское зодчество. Комплекс Большого дворца, раскинувшийся на берегу Мраморного моря, приобрел большую парадность и праздничность. В X в. в этом комплексе был заново отстроен дворец Вуколеон, получивший название от украшавшей его скульптурной группы быка и льва. При династии Комнинов императорский двор покинул Большой дворец. По политическим причинам резиденция василевсов была перенесена во вновь отстроенный Алексеем Комниным Влахернский дворец, расположенный на северо-западной окраине столицы, рядом с храмом Влахернской Божьей матери. Именно здесь Алексей Комнин принимал вождей Первого крестового похода и показал Боэмунду сокровища императорской казны. Император Мануил I Комнин в 1156 г. расширил этот дворец, построив роскошный зал, украшенный мозаиками.

Дворцы аристократов и богатые дома горожан и провинциальной знати возводились по всей империи. До XIII в. византийскую архитектуру можно считать одной из самых развитых и совершенных в средневековом мире. Она оказала влияние на строительство во многих странах — Болгарии, Сербии, Руси и даже в какой-то мере на романский стиль Западной Европы. Но всюду, разумеется, ясно сказывались и локальные традиции, и особенности архитектуры того или иного региона.

Богоматерь. Святая София. Константинополь. Вторая половина XII в. Мозаика.

К X в. в византийском изобразительном искусстве окончательно складывается неизменный в течение столетий иконографический канон — строгие правила изображения всех сцен религиозного содержания и образов святых, а также устойчивый канон в изображении человека вообще. Глубокий спиритуализм эстетических воззрений византийского аристократического общества не увел, однако, искусство Византии окончательно в мир абстракции. В отличие от мусульманского Востока, где примат духовного начала над плотским привел к господству в изобразительном искусстве геометризма и орнаментальных форм, вытеснивших изображение человека, в искусстве Византии человек все же остался в центре художественного творчества. Но если античный языческий мир воспевал в человеке телесную красоту, то византийское искусство прославляло его духовное величие и аскетическую чистоту. И в стенных росписях, в мозаиках и иконах, и даже в книжной миниатюре голова как средоточие духовной жизни становится доминантой человеческой фигуры, тело же стыдливо скрывается под струящимися складками одеяний. В изображении человеческого лица на первый план художник выдвигает его одухотворенность: огромные глаза с экстатически расширенными зрачками, высокий лоб, тонкие, лишенные чувственности губы. Из культового художественного творчества почти совсем исчезает скульптура, столь распространенная в то время в Западной Европе, как искусство, прославляющее телесную, а не духовную красоту. Ее сменяют плоский рельеф и живопись (мозаика, фреска, икона).

Впечатление пассивной созерцательности, замкнутости художественных образов достигается византийскими мастерами с помощью строгой

фронтальности изображений и особой колористической гаммы. Вместо античного импрессионизма с его тончайшей нюансировкой нежных полутонов с X в. начинают господствовать плотные локальные краски. Цвет мыслится как уплотненный свет, и задача художника — не воспроизведение реальных тонов, а создание отвлеченной колористической гаммы. Непревзойденным образцом монументального искусства Византии середины XI в. являются мозаики Софии Константинопольской, восстановленные на месте уничтоженных иконоборцами мозаик. Величественная, в спокойной статуарной позе сидящая Мария с младенцем на руках — воплощение возвышенной одухотворенности в сочетании с земной прелестью. Прекрасное лицо Марии дышит мягкой женственностью и мудрым спокойствием. Стоящий архангел Гавриил — воплощение земной и одновременно небесной красоты. Мозаики отличаются утонченным артистизмом в соединении с элегантной манерой исполнения.

Другие две мозаики Софии Константинопольской IX — начала XI в. интересны по своему сюжету. На одной из них, находящейся над входом из нарфика в храм, изображен император Лев VI (886—912) в позе преклонения перед стоящим Христом, что символизирует преклонение власти земной перед властью небесной. На другой мозаике начала XI в. в южном вестибюле храма Св. Софии перед сидящей на троне Богоматерью с младенцем стоят по сторонам император Константин I, приносящий ей в дар модель города Константинополя, и император Юстиниан, подносящий мадонне модель собора Св. Софии.

К середине XI в. относятся многофигурные мозаики монастыря Хосиос-Лукас в Фокиде. Большеголовые и большеглазые, тяжеловесные фигуры святых и аскетов фронтально обращены к зрителю, они сосредоточенно суровы и неподвижны и являют идеал величавого покоя. Линейный элемент господствует и в мозаиках уже упоминавшегося Нового монастыря (Неа Мони) на Хиосе (1042—1056). Здесь, однако, фронтальная неподвижность порою сменяется резкими, взволнованными движениями, выражающими сметение чувств.

Вторая половина XI столетия и весь XII век — время высочайшего расцвета византийского искусства. Обобщенный спиритуалистический стиль получает законченность. Вместе с тем в нем появляются новые черты. Стилизованная линия делается тонкой, абстрактной, контуры фигур становятся легкими, воздушными, движения — более естественными, в колористической гамме появляются переливчатые тона, придающие изображениям ирреальность. Шедевром монументальной живописи второй половины XI в. являются замечательные мозаики и фрески названного выше монастыря Дафни близ Афин. Живой ритм фигур проникнут радостным мироощущением. Для достижения большей выразительности лиц применяется объемная лепка, удлиненные пропорции придают изображениям изящество и стройность, движения фигур естественны и непринужденны.

Еще одним шедевром византийского классического стиля XII в. являются сравнительно недавно открытые мозаики южной галереи храма Св. Софии в Константинополе. Это, прежде всего, великолепный Деисус, сравнительно хорошо сохранившийся. В центре расположен Христос — величественный, мудрый, суровый. По одну его сторону стоит Мария с необычайно красивым, нежным, скорбным лицом, по другую — Иоанн Креститель. Одухотворенные лица сохраняют объемность и рельефность. На той же южной галерее Софии Константинопольской был открыт еще один мозаичный ансамбль, на этот раз светского характера, с портретами императоров и императриц. На одной из мозаик изображен император Константин IX Мономах (1042—1054) и его супруга Зоя (ум. 1050), стоящие по сторонам восседающего на троне Христа в строгих фронтальных позах. Рядом на стене изображены император Иоанн Комнин (1118—

Владимирская Богоматерь. Первая половина XII в. Москва, Третьяковская галерея.

1143) и его супруга Ирина, дочь венгерского короля Ладислава, и около них их сын Алексей. Они стоят по сторонам Богоматери с младенцем на руках в таких же фронтальных позах, со всеми регалиями императорской власти и с ктиторскими дарами в руках. Весь ансамбль выполнен в единой художественной манере, портретное сходство, хотя и присутствует, но заслоняется условным, канонизированным олицетворением императорской власти. Императоры рисуются сильными, мужественными, индивидуальные черты не выявлены, они изображают идеал правителя. Императрицы обе красивы и изящны.

Общие черты византийского стиля были свойственны не только монументальной живописи, но и иконам. В XI—XII вв. наблюдается подъем и в искусстве иконописи. От XII в. сохранился изумительный шедевр византийской иконописи «Владимирская Богоматерь» (Москва, Третьяковская галерея). Ныне она прочно вошла в историю древнерусского искусства (ч. IV, гл. 5). Мария изображена на этой иконе в позе Умиления (Элеуса), она нежно прижимается щекой к щеке сына, который ласково обнимает ее за шею. Эта сцена — воплощение извечного чувства материнства в соединении с величайшей духовностью.

Книжная миниатюра являлась важной отраслью византийского искус-

ства. В идейном, стилистическом и сюжетном плане она прошла те же этапы развития, что и монументальная и станковая живопись.

Византия унаследовала от античности большую любовь к книге. Книги, особенно иллюминованные (украшенные миниатюрами) рукописи, были очень дороги и высоко ценились при дворе, в кругах знати и образованной элиты империи.

X—XII века ознаменованы также расцветом прикладного искусства: ювелирного дела, резьбы по кости и камню, производства изделий из стекла, керамики и художественных тканей. Поскольку все художественное творчество в этот период было подчинено единой системе философско-религиозного мировоззрения, единым эстетическим принципам, прикладное искусство также подчинялось общим законам. Его произведения были часто недосягаемым образцом для художников многих стран.

Импорт византийских изделий шел не только в страны Юго-Восточной Европы. В эпоху Каролингов и Оттонов импорт византийских ювелирных изделий из золота и серебра, камней и т. п. оказывал постоянное воздействие на искусство Западной Европы.

Наряду с мозаиками, торевтикой (изделиями из металла) и ювелирными изделиями перегородчатые эмали на золоте — наиболее яркое проявление византийского художественного гения.

Видное место в прикладном искусстве Византии занимали изделия из резной кости, дерева и камня. В византийском обществе имели большое распространение предметы глиптики — резьбы по твердым драгоценным и полудрагоценным камням. Геммы и камеи, ожерелья из них, драгоценные панагии и церковная утварь со вставленными великолепными геммами были гордостью византийских мастеров.

Византия прочно сохраняла традиции стекольного производства, унаследованные от позднеантичной эпохи. Из стекла изготовляли сосуды разного рода, стеклянные украшения, бусы, браслеты, перстни и подвески. Преобладала эстетика чистых форм с применением красочной цветовой гаммы. Византийское стекло распространялось по всей Европе: на Руси, в Болгарии, Польше, Прибалтике, в Венгрии, в Крыму, на Кавказе и в других странах и регионах средневекового мира.

В Византийской империи традиционным было изготовление дорогих златотканых с узорами, парчевых, шелковых и шерстяных тканей. Шедевры византийского златотканого искусства были лучшими дарами иноземным правителям, вывозились во многие страны. В XI—XII вв., кроме Константинополя, крупными центрами шелкоткачества становятся Коринф, Спарта, Фессалоника.

Влияние византийского искусства прослеживается в Италии и на Сицилии, в Западной Европе, в Болгарии, Сербии, на Руси, на Кавказе и в ряде других областей.

Безусловно, культура Византийской империи в XI—XII вв. еще оставалась средневековой, традиционной, во многом каноничной. Но в художественной жизни общества, несмотря на силу традиций, начинают пробивать дорогу некоторые, пусть еще слабые, предренессансные явления. Они сказываются не только и не столько в возрождении интереса к античности, который в Византии никогда не умирал, но в появлении ростков свободомыслия и рационализма, в усилении социального недовольства, политического протеста. В литературе обнаруживаются тенденции к демократизации языка и сюжета, к индивидуализации авторского лица и проявлению авторской позиции, зарождается критическое отношение к аскетическому монашескому идеалу и первые религиозные сомнения. Основы будущего гуманистического движения и предренессансного искусства поздней Византии были заложены именно в XI—XII вв.

КУЛЬТУРА ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ (XIII — СЕРЕДИНА XV в.)

Прогрессивные явления в византийской культуре XI—XII вв. нашли свое дальнейшее развитие в последний период существования Византийской империи (XIII — первая половина XV в.), когда происходит поляризация основных течений в византийской идеологии: прогрессивного, предренессансного, связанного с зарождением идей гуманизма, и религиозно-мистического, сложного и противоречивого, нашедшего воплощение в учении исихастов.

В XIV—XV вв. появляется целая плеяда византийских ученых-гуманистов и эрудитов, таких, как Феодор Метохит, Никифор Григора, Димитрий Кидонис, Георгий Гемист Плифон, Виссарион Никейский и многие другие. Феодор Метохит, горячий поклонник и знаток античной культуры, много сделал для возрождения в Византии изучения классической древности. Он занимался философией, историей, риторикой и особенно увлекался астрономией, написал несколько трактатов, посвященных комментированию Птолемея, Гиппарха, Феона и других древних авторов. В своих философских воззрениях он последователь Платона, хотя отдает дань уважения и философской системе Аристотеля. В его исторических и риторических сочинениях в большой мере отразились веяния современности, сложная идейно-политическая и религиозная борьба того времени. В трактате «Этикос» («О воспитании») Феодор Метохит прославляет занятия наукой, считает умственный труд высшей формой наслаждения. Все это роднит его с итальянскими гуманистами.

Никифор Григора (ок. 1295 — ок. 1360), ученик Метохита, во многом превзошел своего учителя. Он более трезво и скептически смотрел на учение Платона, был поклонником и знатоком Аристотеля. Самостоятельное научное творчество Никифора Григоры отличалось глубиной и корректностью в решении сложных проблем. Так, например, он предложил реформу календаря, предвосхитившую Григорианскую, много сделал для построения астролябии. Никифор Григора решительно выступил против мистического учения исихастов, за что был подвергнут опале, заточению на многие годы в монастыре Хоры, а позднее предан анафеме, но не отказался от своих религиозно-философских и гуманистических убеждений. В монастыре он создал огромный исторический труд «Ромейская история», в котором с большой силой отразил кипение политических страстей, борьбу гуманистов против церковной реакции, разномыслие среди ученых-эрудитов.

Вокруг Метохита и Григоры группировались передовые представители интеллектуальной элиты: Григорий Кипрский, Никифор Хумн, Димитрий Кидонис, Иоанн Хортасмен и др. Их связывала общность научных интересов и дух истинной дружбы. Все они были, хотя и в разной степени, приверженцами новых гуманистических идей. Судьба Никифора Григоры была трагична: церковники угрожали сожжением его книг и физической расправой и после его заточения в монастырь, где он умер, не выдержав преследований. После его смерти фанатики надругались над останками Григоры, влача его мертвое тело по улицам Константинополя.

Выдающимся ученым-гуманистом и политическим деятелем XIV в. был Димитрий Кидонис (ок. 1324—1397/98). Он происходил из знатной семьи, был приближенным императора Иоанна Кантакузина, а затем Иоанна V Палеолога. Кидонис побывал в Италии и изучил там латинский язык, познакомился с западной наукой, завязал связи с учеными. Впоследствии он перевел на греческий язык произведения Фомы Аквинского и ряда других латинских авторов. Кидонис был горячим сторонником сближения Византии с Западом, заключения унии между православной и католической церквами. Он энергично боролся с главой исихастов

Феодор Метохит. Около 1316—1321 гг. Кахриэ-Джами. Константинополь. Мозаика.

Паламой. Заподозренный в приверженности к католицизму, Кидонис уехал в Венецию, а затем на Крит, где и окончил свои дни.

Многие византийские ученые в XIV—XV вв. ездили в Западную Европу, знакомились с системой преподавания в университетах Италии, Франции, Англии. Но и молодые итальянцы учились в Константинополе и Мистре. Среди них были Гуарино, Франческо Филельфо и многие другие.

Первое место среди эрудитов и философов Византии этого времени бесспорно принадлежит Георгию Плифону (ок. 1360—1452), самому выдающемуся философу, мыслителю и религиозному реформатору поздней Византии. Он был учеником Димитрия Кидониса, в молодости увлекался античной философией, а также философией Аверроэса и многих арабских и персидских ученых. Но решающее воздействие на формирование его философских взглядов оказали Платон и неоплатоники. Большую часть своей жизни Плифон прожил в Мистре, новом центре гуманистической культуры XIV—XV вв., где занимался преподавательской деятельностью. Плифон присутствовал на Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг., имел связи с итальянскими гуманистами, знакомил их с философией Платона. Плифону удалось увлечь своими идеями знаменитого правителя Флоренции мецената Козимо Медичи и добиться от него организации Платоновской академии в этом городе. Важнейшее фило-

софско-религиозное произведение Плифона «Законы» вызвало ненависть церковников и уже после смерти философа было сожжено его противником, главой ортодоксальной партии Георгием Схоларием (патриархом Геннадием), увидевшем в них проповедь еретических взглядов.

Философская система Плифона, изложенная в его «Законах», дошедших до нас во фрагментах, основывалась на объективно-идеалистической философии Платона, трактуемой в духе неоплатонизма; такие фундаментальные идеи Платона, как вечное бытие бога и совечность ему материального мира, полностью признавал и византийский философ. Плифон был сторонником абсолютного детерминизма. Человеку он, однако, оставлял свободу воли, поскольку тот обладал душой. Георгий Гемист выступал против Аристотеля, которому покровительствовала господствующая церковь. Он и его ученики проповедовали замену христианской монотеистической религии реформированным язычеством, видоизмененным языческим Пантеоном. В своей утопической философско-религиозной системе Плифон стремился не только создать новую, проникнутую языческим пантеизмом религию, но и возродить в Византии идеальное государство Платона. В мировоззрении Плифона ярко проявилась известная двойственность, присущая всей византийской культуре того времени. С одной стороны, он грек-патриот, горячий поклонник возрождения эллинских традиций, мечтающий спасти родину от наступающих на нее бед с помощью своей утопии. С другой стороны, это гуманист, тяготеющий к западной культуре, учитель многих итальянских гуманистов. Плифон пользовался огромной славой у своих современников.

В XV в. среди византийских гуманистов возвышается яркая фигура философа, богослова, знатока древности, библиофила и вместе с тем видного церковного деятеля Виссариона Никейского (1403—1472). Он родился в Трапезунде, в семье среднего достатка. Еще в юности Виссарион самостоятельно стал постигать философию великих мыслителей — Сократа, Платона, Аристотеля. Около 1415 г. для продолжения образования он покидает родной город. В Константинополе он окончил школу риторов и грамматиков, где его товарищем был будущий знаменитый итальянский гуманист Франческо Филельфо. Через Филельфо он вошел в кружок известного западника Мануила Хрисолора и установил связи с гуманистами Константином Ласкарисом, Иоанном Аргиропулом и итальянцем Джованни Ауриспой. Однако вскоре Виссарион покидает столицу, чтобы отправиться в Мистру и услышать «нового Платона» — Гемиста Плифона. Став учеником Плифона, он изучал под его руководством различные науки, но прежде всего философию Платона и всю последующую жизнь оставался горячим ее приверженцем. Став епископом Никеи, Виссарион был привлечен правительством к участию в заключении Флорентийской унии, где играл одну из первых ролей, возглавив латинофильскую партию. После провала унии в Византии Виссарион принужден был в мае 1440 г. покинуть родину и навсегда переселиться в Италию, где перешел в католичество. Он тяжко переживал разрыв с родиной, оставаясь в душе греком и ценителем греческой культуры. Переехав в Италию, Виссарион вскоре попал в среду видных гуманистов, был дружен с Амброджо Траверсари, Гуарино, Флавио Бьондо, Ауриспой. В то же время он стал кардиналом и влиятельным лицом в папской курии. Позднее он отходит от дел и предается научным занятиям.

По своим философским взглядам Виссарион был, как отмечалось, последователем философии Платона. Однако, поскольку учение Аристотеля поддерживалось католической церковью, он старался не показаться врагом Аристотеля, а также примирить философию Платона с христианством. В Италии вокруг Виссариона постепенно создался кружок ученых, писателей, риторов и любителей древности, поклонников греческой культуры. Этот кружок получил название «Академия Виссариона» и приобрел

в Италии большую славу. Богатый меценат, знаток и любитель древних рукописей, Виссарион собирал и переписывал ценнейшие манускрипты. Его коллекция стала поистине бесценной. В «Академии Виссариона» встречались друг с другом, вели научные беседы, знакомились с редкими книгами Лоренцо Валла, Поджо Браччолини, Флавио Бьондо, Франческо Филельфо, Иоанн Гатти, Валерий Витербский и многие другие выдающиеся люди того времени. Там нашли приют бежавшие после разгрома Константинополя турками греческие ученые Михаил Апостолий, Андроник Каллист, Феодор Газа, Константин Ласкарис и другие. Собранную им уникальную библиотеку Виссарион в 1468 г. передал в дар Венецианской республике. Этим собранием было положено начало библиотеки Св. Марка.

Последнее столетие существования Византийской империи и ее гибель под ударами турок описаны в трудах четырех византийских историков, представителей различных социально-политических и религиозных направлений: Георгия Сфрандзи, Михаила Дуки, Лаоника Халкокондила и Михаила Гермодора Критовула. Все они, хотя и с разных позиций, осветили причины упадка Византии и победы турок, рассказали о последних годах существования некогда великой Империи. Очевидцем и участником трагических событий, связанных с падением Константинополя, был Георгий Сфрандзи (1401 — ок. 1478), приближенный трех императоров из дома Палеологов, близкий друг последнего василевса ромеев Константина XI. В дни осады и взятия Константинополя турками Сфрандзи неотлучно находился при императоре, видел его гибель, все ужасы погрома Константинополя. Спасаясь от турок, Сфрандзи нашел убежище в монастыре, на Корфу, где незадолго до смерти он закончил свой исторический труд. В гибели Византии автор считает повинными не только турок, но и латинян, осуждая их с ортодоксально-православной позиции.

Михаил Дука (ок. 1400 — ок. 1462) был, как и Сфрандзи, выходцем из одного из самых знатных родов константинопольской феодальной аристократии. Историк долго жил в Новой Фокее, а затем на о-ве Лесбос. Он связал свою судьбу с властителями этого острова генуэзцами Гаттелузи и по их поручению выполнял ряд важных дипломатических миссий. Дука не был очевидцем падения Константинополя, но оставил поистине потрясающий рассказ о гибели великого города, написанный со слов современников. Плач о гибели «Нового Рима», которым завершается труд Дуки, проникнут глубоким горем и состраданием к несчастьям греческого народа. Гибель Византии, по его убеждению, произошла по неумолимому решению судьбы. Но одной из причин, ускорившей падение Константинополя, были, по мнению Дуки, умеренного латинофила, раздоры между гражданами империи, ненависть их к латинянам, предпочтение многими из них турок. Глубоко патриотический, проникнутый трагизмом труд Дуки написан ярким, живым языком, изобилует народными оборотами речи.

Афинянин Лаоник Халкокондил (ок. 1423 — ок. 1500) оставил потомкам огромный исторический труд. Историк происходил из знатной афинской семьи и получил классическое образование в лучших эллинских традициях. Глубокую любовь к греческой культуре и преклонение перед прошлым древней Эллады он сохранил на всю жизнь. Большую часть своей жизни историк провел в Афинах. Главной задачей «Истории» Лаоника Халкокондила является описание становления державы османов. В ней отчетливо прослеживаются черты нового гуманистического мировоззрения. Писатель создал яркие портреты выдающихся действующих лиц мировой драмы, в том числе знаменитого Тамерлана. В труде Халкокондила, как и в сочинениях Георгия Сфрандзи и Критовула, возрождается фаталистическая теория последовательной и неизбежной смены мировых держав — ассирийской, мидийской, персидской, эллинской, рим-

ской и, наконец, оттоманской. Но для Лаоника Халкокондила эта идея окрашена в оптимистические тона. Ему чужд пессимистический взгляд на ход мировых событий. Историк твердо верит, что настанет время, когда эллины объединятся вокруг властителя-грека и будут управляться по своим отеческим законам.

Среди исторических сочинений поздней Византии особняком стоит труд Критовула «История Мехмеда II». Византийский историк XV в. Критовул был не только писателем, но и видным политическим деятелем, тесно связанным с туркофильским течением в Византии. Это ренегат, прославляющий завоевателя своей родины султана Мехмеда II и пошедший на службу к победителю. За свою измену он получил от турок пост наместника о-ва Имброс. В «Истории Мехмеда II», которая охватывает период с 1451 по 1462 г., Критовул ставит целью воспеть подвиги своего героя — Мехмеда II, скрыть его злодеяния, изобразить султана не только великим завоевателем, но и мудрым правителем, любителем философии, покровителем наук и искусств. В отличие от Лаоника Халкокондила он провозглашает незыблемость турецкого владычества и оправдывает необходимость сотрудничества с турками, а тем самым и свое ренегатство.

В литературе поздней Византии, так же как в общественной мысли, усиливаются гуманистические тенденции. Они находят выражение в пробуждении глубочайшего интереса к античности, в стремлении возродить классическую литературу Древней Греции и Рима, в подъеме живого интереса к человеку и к окружающей его действительности. Отсюда рождался новый взгляд на окружавшую человека природу, ее непреходящую красоту, на простые земные радости бытия. Важным провозвестником предренессансных веяний в литературе было расширение круга интересов писателей, стремление познать другие народы. И, наконец, в поздней Византии продолжалось сближение с Западом, распространение влияния западноевропейской литературы в Византии и византийской в Западной Европе. Плодом этого культурного взаимовлияния являются греческие рыцарские романы XIII—XIV вв., в которых сливаются традиции эллинистическо-византийского любовного романа и влияние новой латинской рыцарской литературы.

В XIII—XV вв. появились стихотворные романы «Каллимах и Хрисорроя», «Вельфандр и Хрисанца», «Ливистр и Родамна». В этих романах на фоне занимательных любовных приключений в поэтической форме воспеваются высокие человеческие чувства, истинная и верная любовь, всепобеждающая сила красоты женщины и величия природы, ставятся вечные проблемы судьбы, рока, жизни и смерти. В византийском рыцарском романе отсутствует тенденция к архаизации, к уходу от реальной действительности. Мир рыцарского романа XIII—XIV вв.— это мир, современный его автору и читателю, мир христианского средневековья. Но вместе с тем в нем обостряется понимание родства с древнегреческим миром, желание возродить эллинскую культуру. В истории поздневизантийской литературы рыцарский роман примечателен и тем, что в нем преобладает язык, близкий к народной разговорной речи.

XIV—XV столетия ознаменованы появлением выдающихся произведений народного творчества. Сохранилось немало эпиграмм и пародий, иногда остросатирических и антицерковных. Широкой популярностью пользовались такие жанры литературы, как новеллы на сказочные и бытовые темы и басенный эпос о животных. Примером произведений подобного жанра может служить «Повесть о четвероногих» — острая народная сатира на современное общество. В ней рассказывается о том, как лев — царь зверей пожелал установить в своем царстве вечный мир. Однако среди его подданных начались раздоры и ссоры, хвастовство и взаимные обвинения, и никакого мира провозгласить не удалось. «Повесть

о четвероногих» рисует в фольклорных тонах извечную борьбу мирных травоядных животных и хищных зверей, причем за этой аллегорией скрываются вполне реальные социальные конфликты византийского общества.

К этому же литературному жанру принадлежит и сатирическая повесть XIV в. «Пулолог» («Птицеслов»). Здесь читатель переносится в царство пернатых, где на этот раз в образе птиц высмеиваются пороки господствующего класса Византии. Царь птиц Орел созывает на свадьбу своего сына всех пернатых, но во время всеобщего веселья завязывается ссора, показывающая всю глубину раздоров, царящих при дворе владыки пернатого царства. В народной литературе поздней Византии в нескольких вариантах известна фольклорная поэма об Осле, Волке и Лисе. Этот широко распространенный бродячий сюжет, бытовавший во многих литературах мира, на византийской почве приобрел, однако, свой особый, специфический колорит. Лис и Волк не просто олицетворение хитрости и злой силы, здесь они предстают как типичные для византийского общества льстивые ханжи и хитрые фискалы, тихо опутывающие свои жертвы, в частности доверчивого Осла, тенетами предательства и страха.

По аналогии со звериным эпосом в Византии существовали произведения народной литературы, построенные на мотивах персонификации мира растений. Это прозаическая сатира «Плодослов», где высмеивается императорский двор и высшее чиновничество, страсть тщеславных и пустых вельмож к пышным титулам, процветание при дворе доносов и неправого суда. Сюжет сатиры построен на описании ложного доноса, с которым выступает Винная Лоза перед престолом царя Айвы. Обвинение направлено против высоких лиц — протосеваста Перца и его ближайшего окружения. Доносчицу поддерживают лжесвидетели. В конце концов Винная Лоза терпит страшное наказание — она обречена вечно приносить людям великое зло — пьянство.

В XV в. все теснее становится идейное общение византийских эрудитов с итальянскими учеными, писателями, поэтами. Именно византийским эрудитам суждено было открыть западным гуманистам прекрасный мир греко-римской древности. Однако противоречивость общественных отношений поздней Византии, слабость ростков предкапиталистических отношений, натиск турок и острая идейная борьба в Империи привели к тому, что возникшее там новое направление в художественном творчестве, родственное раннеитальянскому Ренессансу, не получило своего завершения.

Одновременно с развитием гуманистических идей в поздней Византии происходит необычайный взлет мистицизма. Все временно притаившиеся силы спиритуализма, мистики, аскетизма консолидировались теперь в исихастском движении, в учении его идеолога Григория Паламы, и начали наступление на зарождавшиеся идеалы Ренессанса. В атмосфере военной угрозы и идейной безнадежности среди византийского духовенства и монашества зрело стремление найти спасение от земных бед в мире пассивной созерцательности, полного успокоения — исихии, в экстазе самоуглубления, дарующем мистическое озарение божественным светом. Учение исихастов было во многом привлекательно для широких народных масс, давало им утешение и успокоение в нестабильной жизни той эпохи. Идеи исихастов нашли немало сторонников как в самой Византии, так и в сопредельных с ней странах, а после падения Византии проникли далеко за пределы империи в страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Но и прогрессивные идеи византийских мыслителей, горячих приверженцев античной цивилизации и идей гуманизма, тоже не исчезли бесследно после падения Византии, а были перенесены на почву Западной Европы, где продолжали жить, во многом оплодотворив ее культуру в эпоху Ренессанса.

В поздней Византии серьезные изменения происходили и в сфере изобразительного искусства, которое и в тревожные XIII—XV столетия продолжало свое поступательное развитие. Искусство этого периода, получившее в науке название палеологовского, по имени правящей династии, переживает в то время блестящий расцвет. Главной тенденцией нового стиля, достигшего вершин в XIV в., в архитектуре и живописи был постепенный отход от монументализма предшествующего времени. В зодчестве происходит дальнейшее уменьшение размеров зданий, дворцы и храмы приобретают большую интимность, аристократическую замкнутость. Декоративный ансамбль тоже теряет былую монументальность. Мозаики вытесняются фресками. Ведущую роль в живописи начинает играть икона. Второй важнейшей особенностью нового стиля было усиление эмоциональности и экспрессии. В палеологовском искусстве XIII—XIV вв. вырабатывается особый живописный стиль: при сохранении одухотворенности усиливается динамизм, жестикуляция фигур становится более порывистой, одеяния развеваются, повороты людей делаются свободнее, ракурсы смелее. Усложняется и иконография, отдельные изображения приближаются к жанровым сценам, носящим интимный, порой сентиментальный характер; колористическая гамма делается мягче, светлее: преобладают голубовато-синий и зеленовато-желтый тона.

Наиболее полное и совершенное воплощение эти новые черты получили в XIV в. во фресковых росписях и мозаиках церкви монастыря Хоры в Константинополе (ныне мечеть Кахриэ-Джами). Отделка и перестройка храма была осуществлена по инициативе уже упомянутого логофета Феодора Метохита, который собрал в монастыре превосходную библиотеку из книг светского характера. На всем ансамбле Кахриэ-Джами лежит отблеск изысканного вкуса этого удивительного человека и новых веяний, характерных для византийского зодчества XIV в. Это сравнительно небольшой храм с легкими архитектурными пропорциями, изящный, интимный и нарядный. Основу иконографии декоративного убранства интерьера составляют два главных цикла, посвященных жизни Христа и Марии. Значительный интерес представляет ктиторская композиция Кахриэ-Джами, где перед восседающим на троне Христом представлен коленопреклоненный ктитор Феодор Метохит в парадном придворном одеянии, подносящий ему модель храма. Радостный, светлый декор Кахриэ-Джами проникнут единством композиции и творческого замысла. Фрески пристройки к храму, покрывающие ее купол и стены, полны взволнованной экспрессии и особой силы. Многие их черты найдут позднее свое художественное завершение в живописи Феофана Грека. Мозаики и фрески Кахриэ-Джами — безусловно, новый этап в развитии предренессансного искусства в Византии.

Важным центром византийской культуры в XIV — середине XV в. стал город Мистра, столица Морейского деспотата на Пелопоннесе. Среди сохранившихся памятников культовой архитектуры Мистры выделяется митрополичья церковь св. Димитрия, храм монастыря Бронтохион (Афендико), посвященный Богоматери Одигитрии, и две небольшие дворцовые церкви св. Софии и Богоматери Перивлептос (середина XIV в.). В их архитектуре соединяется старый базиликальный тип постройки с крестово-купольным зданием. Наряду с чисто византийской архитектурой в них, правда, уже встречаются западные, готические черты (см. ч. IV, гл. 2): стрельчатые арки, колокольни, скульптурные украшения. Еще большее воздействие готической архитектуры сказалось на внешнем облике церкви монастыря Пантанасса (XV в.), отличающейся значительным эклектизмом. В живописи Мистры преобладают фресковые росписи, созданные в XIV — первой половине XV в. под сильным влиянием столичного искусства. В более ранних фресках черты нового, палеологовского стиля соединяются с архаическими элементами.

В росписях же середины XIV в. окончательно торжествует новый стиль, во многом близкий к живописи Кахриэ-Джами. Мистра — последний очаг неоэллинизма на византийской почве — в то же время была и последней крупной школой византийской живописи, сохранившей в XIV и даже в XV в. лучшие достижения предренессансного искусства.

Поздневизантийское искусство в целом остается далеким от реализма, сохраняя верность спиритуалистическим традициям. Человеческие фигуры так и не обретают объема и телесности, красочные плоскости так и не сменяются светотеневой моделировкой. Более того, в последние десятилетия существования Византийской империи в искусстве, как и во всей идеологической жизни, вновь в значительной мере под влиянием исихазма полностью побеждают мистические начала. В живописи сухость, линейная графичность берет верх над сочностью и красочностью лучших творений палеологовского Ренессанса, динамичная экспрессивность вновь сменяется неподвижностью. Блестящий взлет палеологовского Возрождения оказался кратковременным и был пресечен турецким завоеванием.

Византийская культура — это закономерный этап поступательного развития европейской и всей мировой культуры, имевший, однако, свои неповторимые типологические особенности. Для выделения византийской культуры из всей средневековой культуры Европы важным ориентиром являются такие факторы: в Византии существовала языковая и конфессиональная общность в рамках единого государства. Византия имела одно главное этническое ядро — греков. В ранние периоды, вплоть до середины XI столетия, в культуре Византийского государства, как и в его общественной жизни, доминировали восточные влияния. Только с правления династии Комнинов, в связи с развитием интенсивных экономических и политических связей с Западом, стало сказываться воздействие западноевропейской культуры. Культурные контакты Византии с Западной Европой, прежде всего с Италией, особенно усилились с начала XIV в. Зарождение и в Византии, и в Италии предренессансных течений в культуре, постоянное ознакомление с их достижениями способствовало взаимному обогащению культур и ускорило развитие гуманизма как общеевропейского явления.

В синтезе восточной и западной культур всегда сохранялась греко-римская основа, что привело к созданию самобытной, совершенно своеобразной византийской культуры. Этому способствовало сохранение в Византии в значительных масштабах античного культурного наследия, влияние которого никогда не исчезало, то затухая, то вновь возрождаясь. Сохранение культурного наследия античности является еще одним важным типологическим отличием византийской культуры. Сила традиций, стереотипов в византийской культуре была очень велика. Однако не следует как преувеличивать, так и преуменьшать масштабы античного наследия в Византии. Степень устойчивости элементов античности в различных сферах культурной жизни, разумеется, была далеко не одинаковой. И почти всюду рождались новые идеи, новые философско-богословские, политические, этические и эстетические воззрения. Не континуитет, а постоянная идейная борьба старого с новым — вот доминанта как общественной, так и культурной жизни Византии.

Некоторые другие особенности византийской культуры были порождены существенными различиями между восточной православной и западной католической церквами: в философско-богословских воззрениях, в догматике, литургике, обрядности, в системе христианских этических и эстетических ценностей. Не меньшее воздействие на византийскую культуру оказало и сохранение в Византии централизованной империи и сильной императорской власти. В отличие от раздробленной остальной средневековой Европы Византийская империя сохраняла государствен-

ные политические доктрины и культ императора, что нашо свое отражение в различных сферах культурной жизни общества. Это составляло еще одно важное типологическое отличие византийской культуры. В Византии при возрастающем влиянии христианства все же никогда не исчезало, особенно в городах, светское художественное творчество. Культ империи и императора давал импульсы как развитию придворной столичной культуры, так и сближению светской и церковной идеологии. В Византии всегда жила полнокровной жизнью светская культура и образованность, связанная, с одной стороны, с византийской аристократией и городской интеллигенцией, а с другой — черпавшая могучие импульсы из народной культуры.

Византийская цивилизация оказала глубокое и устойчивое воздействие на развитие культуры многих стран средневековой Европы. Ее влияние, в той или иной степени, ощущалось в Сицилии, Южной Италии, Далмации, в государствах Балканского полуострова, в Древней Руси, у народов Закавказья, Северного Кавказа и Крыма. Наиболее интенсивно византийское влияние, естественно, сказывалось в странах, где утвердилось православие, связанное прочными нитями с Константинопольской церковью. Это влияние сказывалось в области религии и философии, общественной мысли и космогонии, письменности и образования, политических идей и права, оно проникало во все сферы искусства — литературу и зодчество, живопись и музыку. Через Византию античное и эллинистическое культурное наследие, духовные ценности, созданные не только в самой Греции, но и в Египте и Сицилии, Палестине и Италии, передавались другим народам.

Восприятие элементов византийской цивилизации в Болгарии и Сербии, Грузии и Армении, в Древней Руси способствовало дальнейшему прогрессивному развитию их культур. Как правило, эффективность византийского влияния зависела не только от активности Византийского государства и православной церкви, но и от уровня развития дохристианской народной культуры. Чем выше был уровень самобытной местной культуры, чем более прочно сохранялись в ней локальные традиции и элементы народного творчества, тем ограниченнее было воздействие византийской цивилизации. Еще важнее то, что перенесенные на чужеземную почву иноязычных местных культур духовные ценности, созданные Византией, нередко подвергались здесь глубокой трансформации, начинали как бы новую жизнь, приобретали совсем иные черты под воздействием национальных творческих начал. Культуре Византии, влияние которой намного пережило саму Империю, по праву принадлежит видное место в общем развитии Европы и всего человечества.

Глава 2
КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (VI – X вв.)

Раннее западноевропейское средневековье иногда называют «темными веками», вкладывая в это понятие некий «уничижительный» оттенок, отрицание положительной культурной значимости этого времени для последующего развития Европы. Упадок и варварство, в которые действительно стремительно погружался Запад в V—VII вв., противопоставлялись не только достижениям римской цивилизации, но и духовной жизни Византии, не пережившей столь трагического перелома при переходе от античности к средневековью. В Западной Европе варваризация стирала

еще недавно функционировавшие городские культурные центры, приводила в упадок школы; латинский язык, взаимодействуя с варварскими наречиями, становился непохожим на самое себя.

Главной идеологической силой становится церковь, уже сильно «обмирщенная» и «вульгаризированная» — даже по сравнению со временем Константина Великого и Никейского собора (см. ч. III, гл. 5). Эта церковь выступает не только «хранительницей» духовных ценностей античного мира, но и самой мощной их «разрушительницей», ибо христианство формировалось и победило прежде всего как отрицание античного язычества и, следовательно, основанной на нем культуры. Новая религия, претендовавшая на то, чтобы быть единственной и мировой, сохранила лишь сравнительно небольшую часть накопленных древними сокровищ, сделав их оружием в борьбе за собственное господство в меняющемся мире. Оформление западного христианства в более или менее целостное миросозерцание и политическую доктрину произошло в учении Аврелия Августина (354—430). Своим многоплановым творчеством он, по существу, очертил границы духовного пространства, в которых развивалась мысль и интеллектуальная культура средних веков до XIII в., когда была создана система Фомы Аквинского. Августин наметил средневековую тематическую философскую триаду: бог — мир — человек, в рамках которой вращалось теоретическое сознание феодальной эпохи. Два вопроса особенно занимали Августина: предназначение человека и философия истории. До августиновской «Исповеди» греческая и латинская литература не знала столь глубокого самоанализа, такого всестороннего и тонкого раскрытия психологии личности. Августин был создателем одного из самых влиятельных в средние века сочинения «О граде Божием», в котором был обобщен предшествовавший опыт христианской теологии и историографии и выдвинута оригинальная концепция исторического движения человечества.

В его учении исторический процесс приобрел провиденциалистскую, эсхатологическую интерпретацию. Такой подход, сопряженный с профетической интерпретацией истории, опирающейся на то, что ветхозаветные пророчества сбывались в новозаветные времена, предполагал прочтение исторических событий как «знаков» сокрытой во времени божественной справедливости, реализующейся в историческом будущем, перерастающем в будущее космическое. Августин также, по существу, первый всесторонне обосновал догму о церкви, вошедшую в христианское учение (см. ч. III, гл. 5). Учение Августина (несмотря на неоднозначность его подходов), который объективно поставил церковь над миром, открывало широкие возможности для теократических выводов, что так ярко подтверждает история католической церкви в средние века.

И все же это время нельзя «вычеркнуть» из культурной истории Европы, однозначно определив его как «темные века». Именно в раннем средневековье решалась кардинальная задача, определившая будущее средневековой культуры: создание основ подлинно европейской цивилизации как некоей культурно-исторической общности с единой судьбой в мировой истории, какой не было еще в античном мире. Именно раннее средневековье положило начало собственно европейской культурной истории, которая выросла на почве мучительного синтеза наследия античного мира (которое было не только европейским), точнее, умиравшей цивилизации римского мира, порожденного им христианства и культур варварских народов. Для понимания генезиса западноевропейской средневековой культуры важно учитывать, что она формировалась в регионе, где ранее находился центр мощной, высокоразвитой, универсалистской римской культуры. Столь развитая многовековая культура не могла исчезнуть одномоментно, тем более что не исчезли сразу породившие ее социальные отношения, институты, были живы люди, вскормленные ею.

Поэтому наиболее яркие явления в культурной жизни конца V—VII в. в Западной Европе (особенно в Юго-Западном регионе) связаны с усвоением античного наследия. Подъем культуры в Остготской Италии во время правления Теодориха (493—526 гг.) подчас именуют «остготским возрождением»[1]. В сфере культуры шла активная переработка и усвоение «мыслительного материала» античности в соответствии с потребностями начавшего феодализироваться общества. Латинский элемент еще сохранял приоритет в духовной жизни, интеллектуальные занятия оставались по преимуществу достоянием римско-италийской знати. Действовала прежняя система образования, хотя ряды образованных людей пополнялись и представителями варварской среды. Еще был жив самый дух языческой древности, который столь явственно ощущается у писателей конца V — начала VI в. и улавливается в характере городской жизни, несмотря на возросшее влияние христианства.

Хотя Теодорих и не отличался образованностью, он покровительствовал развитию наук и искусств. По его приказанию восстановили многие древние сооружения, театр Помпея в Риме и городские акведуки, обновили улицы Равенны и Вероны, вновь украсили города древними статуями, а новое строительство вели в традициях прежнего зодчества, возродили массовые театральные и цирковые представления.

Деятелей культуры того периода отличала многогранность занятий: многие из них находились на ведущих административных постах в государстве и были активными политиками. Проявлялась характерная для Остготской Италии сопряженность культурного развития и государственности, которая выражалась прежде всего в том, что власти стремились к укреплению союза римлян и готов, культурные начинания часто поддерживались королевской казной. Подъему культуры способствовали также связи с Византийской империей.

Это время ознаменовалось деятельностью таких крупных в истории культуры фигур, как философ, поэт, ученый и теоретик музыки Боэций, писатель, историк и теолог Кассиодор, стилист, знаток римской истории Симмах, ритор и педагог, создатель занимательных стихов светского характера епископ Эннодий и др.

Боэций (ок. 480—524) — «последний римлянин», включенный в число наиболее почитаемых учителей средневековья. Его произведения в течение многих веков служили фундаментом средневековой философии, системы образования, литературы и теории музыки. А сам он, человек трагической судьбы, по ложному, видимо, доносу потерявший все, приговоренный к мучительной казни, но не сломленный и стойко встретивший жестокую судьбу, на многие века стал символом духовного мужества и мудрости, противостоящих варварству.

Боэций теоретически обосновал структуру средневековой системы образования, в частности, ее высшей ступени — квадривиума (см. ниже) и написал учебники по арифметике, музыке, геометрии, астрономии. Два последние были утрачены в раннем средневековье, а по первым двум в Западной Европе учились в течение всего средневековья.

Чрезвычайно важен вклад этого мыслителя в развитие логики. До XII в. Аристотеля Западная Европа знала преимущественно по переводам и комментариям Боэция, которые и составляли корпус «старой логики», пока не появились новые переводы сочинений древнегреческого философа. Боэций намеревался перевести все произведения Платона и Аристотеля, прокомментировать их и показать общность двух величайших философов древности. Ранняя гибель не позволила выполнить эту

[1] Термин «возрождение» в данном случае и в истории средневековой культуры вообще, вплоть до эпохи Ренессанса носит условный характер и иногда употребляется для обозначения периодов относительных подъемов в культурной жизни.

грандиозную задачу, однако, сама ее постановка была важной и плодотворной для дальнейшего развития европейской культуры.

Боэция также называют «отцом схоластики», ибо он первым в Западной Европе попытался дать интерпретацию проблемы веры и разума с помощью аристотелевской логики и выработал основы «схоластического» метода, логическую терминологию, стремясь снабдить философию, логику «по образу математики» инструментарием с целью «дисциплинировать» мышление.

Перед казнью он написал небольшое сочинение «Об утешении философией», которое было одним из самых читаемых и часто комментируемых произведений средних веков и Возрождения. Лишенный всех жизненных благ и приговоренный к смерти, Боэций не стал просить пощады ни у царя небесного (в «Утешении» отсутствуют какие-либо христианские реминисценции), ни у владыки земного. Он воспел в стихах и прозе Философию — персонифицированную мудрость — как единственную целительницу человеческих страданий, с помощью которой человек достигает совершенства, познает себя и тайны мироздания. «Утешение» Боэция переводили, комментировали и брали за образец многие писатели и поэты средневековья.

Идея соединения христианской теологии и риторической культуры определила направленность деятельности квестора и магистра оффиций остготских королей крупнейшего просветителя раннего средневековья Кассиодора (ок. 490 — ок. 585), вынашивавшего планы создания первого университета на Западе, подобного тем школам, которые существовали в Александрии и Насибии. Долгое время занимавший высшие должности при дворе остготских королей, он сумел благополучно преодолеть все бурные течения и смертельные водовороты политической карьеры и прожить без видимых потрясений (что само по себе беспрецедентно для того жестокого времени) около ста лет. Кассиодор оставил немало сочинений. Среди них «Варии» — уникальное собрание документов, деловой и дипломатической переписки, ставшее стилистическим образцом для последующего времени.

На юге Италии в собственном имении он основал «Виварий» — культурный центр, объединивший школу, мастерскую по переписке книг (скрипторий), библиотеку, ставшую образцом для других монастырских центров распространения знаний в раннем средневековье. В условиях интеллектуального господства церкви основатель «Вивария» придавал мирской мудрости легальный статус, видя в ней путь постижения вечной истины. «Наставления в науках божественных и человеческих», написанные Кассиодором в 60-х годах VI в., содержали образовательный минимум своего времени, в котором античное наследие перерабатывалось в соответствии с требованиями христианизировавшегося и варваризировавшегося мира.

На основании ныне утерянных 12 книг «Истории готов» Кассиодора гот или, возможно, алан Иордан написал в середине VI в. свою «Историю готов» или «Гетику». «История готов» Иордана была важным шагом на пути формирования самосознания народов, выходящих на арену европейской истории, и включала готов в историю всемирную, тем самым признавая значимость варварского мира для судеб человечества.

Представителем другой тенденции в раннесредневековой культуре Италии был Бенедикт Нурсийский, которого считают родоначальником монашества на Западе. Отшельник из Субиако в 529 г. основал монастырь Монтекассино, которому предстояло сыграть заметную роль в духовной жизни средневековья, как и «Правилам» (уставу монастырей), составленным Бенедиктом. Сам он не числил образованность среди главных христианских добродетелей, отказался от получения образования и считал его необязательным для христианина. Основание Монтекассино зна-

Школа (Грамматика и ее ученики). X в. Париж. Национальная библиотека. Рисунок.

меновало то, что на смену античной школе познания и красноречия пришла школа служения и послушания Христу. Однако после смерти Бенедикта, не без влияния «Вивария» Кассиодора, бенедиктинские монастыри обзаводятся библиотеками и скрипториями и становятся культурными центрами раннего средневековья.

Для средневековья, когда основная масса населения была неграмотной, тем не менее характерно чрезвычайно почтительное, часто сакральное отношение к слову, книге. В значительной степени это объяснялось тем, что христианство, определявшее сознание общества, было религией «письма», «книжным учением». Латинский язык, латинская письменность и книжное дело сыграли важнейшую роль в преемственности античной и средневековой культур в Западной Европе. Латинский язык во взаимодействии с наречиями германских и кельтских народов стал основой развития европейских национальных языков, а латинский алфавит был воспринят и нероманизированными ранее народами.

Средневековая книга — это не просто вместилище знаний, средство хранения и передачи информации. Это, как правило, и произведение высокого искусства. Еще на заре средневековья, в VI—VII вв., на юге Италии, в Испании, Ирландии, Франции возникли мастерские по переписке книг — скриптории, в которых с большой любовью и старанием переписывались не только христианские тексты, но и сочинения древних поэтов и философов, учебники, энциклопедии, составившие фундамент средневековой образованности.

Книги, как правило, писались на пергаменте — специально выделанной телячьей коже. Листы пергамента сшивались с помощью крепких тонких веревок в книгу — кодекс и помещались в переплет из досок, обтянутых кожей, порой украшенный драгоценными камнями и металлом. Написанный текст (а средневековое письмо, несмотря на разность стилей, орнаментально и выразительно в художественном отношении) украшался рисованными цветными заглавными буквами — инициалами, заставками, а позже — великолепными миниатюрами.

Деятельность Боэция, Кассиодора и их просвещенных современников готовила фундамент для будущего подъема духовной жизни феодального общества. Однако на рубеже VI—VII вв. в Италии возобладала другая

позиция, враждебная античной культуре. Наиболее последовательно ее отстаивал папа Григорий I, одним из ее проводников был Бенедикт Нурсийский. Общий упадок образованности, вызванный непрекращающимися войнами, сплошная неграмотность усилили негативное отношение к античному наследию, потребовали новых форм мировоззренческого и социально-психологического воздействия. Широкое распространение получила агиография (жития святых), которая в наибольшей степени отвечала потребностям массового сознания того времени.

В конце VI — начале VII в. центр культурной жизни Западной Европы перемещается в Вестготскую Испанию. Варварские завоевания не носили здесь столь разрушительного характера, как в остальных районах Европы. При вестготах в Испании еще сохранились традиции римского образования, функционировали школы, имелись богатые библиотеки (в частности, в Севилье). Вестготские короли, стремившиеся к укреплению единства страны, выступали за преодоление в духовной сфере различий между готами и испано-римлянами. Идейным вдохновителем и главой культурного подъема, именуемого иногда «вестготским возрождением», стал Исидор Севильский (ок. 570—636) — первый энциклопедист средневековья. Главное его произведение — «Этимологии, или Начала» в 20 книгах. Это свод сохранившихся остатков античного знания: семи свободных искусств [2], философии, медицины, минералогии, географии, химии, агрономии и т. д. Во времена Исидора более полное ознакомление с античным наследием практически уже было никому недоступно (в том числе и самому Севильцу). Многие сочинения древних авторов были безвозвратно утрачены или прочно забыты, потеряны навыки интеллектуального труда. В Западной Европе даже самые образованные люди редко имели представление о греческом языке (знание его сохранялось лишь в монастырях Ирландии), а латинский язык сильно варваризировался. Но для будущего была принципиально важна сама идея допущения античного наследия, языческой мудрости в мир христианской культуры.

Единство, систематизация и организация — вот те основания, на которых строит свои «Этимологии»,— а шире — свою модель культуры Исидор Севильский. И если философ Боэций задает параметры схоластическому мышлению, Кассиодор вырабатывает практические принципы и пытается в жизни построить модель грядущей культуры, то Исидор наполняет уже очерченный интеллектуальный универсум конкретным содержанием, расцвечивая его теоретическую основу огромным разнообразием фактического материала. «Этимологии» стали образцом для многочисленных «Сумм», отразивших и сконцентрировавших в себе существо средневекового миропонимания. В конце VII — первой трети VIII в. энциклопедическую традицию продолжил англосаксонский монах Беда Достопочтенный (ок. 673 — ок. 735).

Деятельность Боэция, Кассиодора, Исидора Севильского и их немногих просвещенных современников была связующим звеном между культурами гибнущего античного мира и нарождавшегося средневекового в условиях всеобщего упадка во всех сферах жизни общества и его варваризации. «...Каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобнов-

[2] Комплекс дисциплин, лежавших в основе обучения в позднеримских школах (см. т. 1), воспринятый средневековой системой образования. В него входила грамматика, риторика и диалектика, составлявшие (с VI в.) «тривиум» — низшую ступень обучения, и геометрия, арифметика, астрономия и музыка, составлявшие «квадривиум» — высшую ступень.

лении» [3]. В конце V — середине VII в. был создан определенный фундамент для последующих подъемов в духовной жизни феодальной Европы, сопряженных со своеобразными формами обращения к античной культуре.

Вместе с тем не только античное наследие и христианство были слагаемыми раннесредневековой культуры. Еще одним важнейшим ее истоком была духовная жизнь варварских народов, их фольклор, искусство, обычаи, психология, особенности мировосприятия, художественные пристрастия и т. п. Элементы «варварского сознания» сохраняются на протяжении всего средневековья, культурный облик которого немало обязан им своим своеобразием.

Крайне скудные данные источников не позволяют воссоздать сколько-нибудь полную картину культурной жизни варварских племен, стоящих у истоков средневековой цивилизации Европы. Однако общепризнанно, что ко времени великого переселения народов, к первым векам средневековья относится начало складывания героического эпоса народов Западной и Северной Европы (древненемецкого, скандинавского, англосаксонского, ирландского), который заменял им историю. Варвары раннего средневековья, это «поколение мужей» (по выражению Ф. Энгельса) принесли своеобразное видение и ощущение мира, исполненное еще первобытной мощи, питаемой родовыми связями человека и общности, к которой он принадлежал, воинственной энергии, характерного для родового строя чувства неотделенности от природы, нерасчлененности мира людей и мира богов, непонимание жесткой скрепленности причин и следствий и отсюда убежденность в возможности вещно-магического воздействия на все окружающее, что начало питать неутолимую жажду чуда при соприкосновении с христианством.

Необузданная и мрачноватая фантазия германцев и кельтов населяла леса, холмы и реки злыми карликами, чудовищами-оборотнями, драконами и феями. Боги — могучие чародеи, волшебники и люди — герои — вели постоянную борьбу со злыми силами. Эти представления нашли отражение и в причудливых орнаментах варварского «звериного» или «тератологического» (чудовищного) стиля, в которых фигуры животных утрачивали цельность и определенность, как бы «перетекая» одна в другую в произвольных комбинациях узора и превращаясь в своеобразные магические символы.

Боги варварской мифологии — это олицетворение не только природных, но уже и социальных сил. Глава германского пантеона Вотан (Один) — бог бури, вихря, но он и вождь-воитель, стоящий во главе небесного героического воинства. К нему в светлую Валгаллу устремляются души павших на поле брани германцев, чтобы быть принятыми в Вотанову дружину. Память о Вотане, несущемся по небу во главе своего воинства, и до сих пор сохранилась в поверьях о «дикой охоте» мертвецов.

Германцы принесли с собой и систему нравственных ценностей, вышедших еще из недр патриархально-родового общества с присущим ему особым значением идеалов верности, служения, воинского мужества, сакральным отношением к военному предводителю, признанием более высокой значимости общности, племени, чем индивидуальной жизни. Для психологического склада германцев, кельтов и других варваров была характерна открытая эмоциональность, несдерживаемая интенсивность в выражении чувств, сочетавшаяся с любовью к красочному ритуалу. Не случайно, например, Вотан был еще и богом бурных душевных движений человека — неистовства, гнева, экстатических психических сил.

При христианизации варваров их боги не умирали, как не умерли

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 46.

языческие греко-римские боги. Они трансформировались и слились с культами местных святых или пополнили ряды бесов. Так, например, архангел Михаил, «водитель небесного воинства», обрел черты и римского Меркурия, и германского Вотана, а покровительница Парижа св. Женевьева — германской богини Фреи. Новые храмы возводились на местах старых капищ и жертвенников. Эта традиция не иссякнет и в развитом средневековье. Так, собор Парижской богоматери будет воздвигнут на месте древнейшего кельтского святилища.

Варварам Христос представлялся, как и Вотан, верховным предводителем святых, могущественным королем небесного мира. Новая религия принимается упрощенно, грубо, как аналог земных отношений. Бог — суровый вождь, небесный король, установивший закон, который нельзя нарушать. Выход за рамки этого закона влечет за собой возмездие или необходимость выкупа, понимаемого буквально как материальное подношение или как покаяние и соответствующие содеянному греху наказания — епитимьи, которые кодифицируются так же конкретно и мелочно, как наказания за обычные проступки в варварских Правдах. Очень скоро с помощью выкупа становится возможным очищение от любого греха, это прочно входит в практику христианской церкви на Западе.

Мощи святых, их вещи, превращаются в предметы особого поклонения. Они наделяются чудесной силой, способной отгонять злых духов (как некогда языческие амулеты), исцелять от болезней, способствовать удаче в делах. Они проявляют свою силу и мистически, но через реальное, вещное соприкосновение. Отношение к ним «снижено» до того, что франкский историк Григорий Турский называет пыль с могилы Мартина Турского «небесным слабительным». А ведь Мартин Турский — наиболее почитаемый франками святой, плащ которого они как главную реликвию, дарующую победу, берут с собой в военные походы. Западное христианство под влиянием варваров в VI—VII вв. приобретает своеобразную «натуралистическую» интерпретацию, предельно «заземляется».

Нравственные нормы варваров сопрягаются с этическими идеалами христианства, обмирщая их и огрубляя. Пристрастие варваров к ритуалу, которому они придавали порой сакральную значимость, сливается со стремлением церкви совершенствовать литургию и соответствующими импульсами византийского влияния. Ритуал прочно входит не только в религиозную практику, но и закрепляется в бытии общества. Варварский элемент преобладал в духовной жизни Меровингского государства. Это нашло яркое отражение как в агиографической литературе, насыщенной стереотипами варварского сознания, так и в «Истории франков» Григория Турского (538—593) — крупнейшем памятнике меровингской эпохи. На первый взгляд безыскусное творение, но при более глубоком анализе «многослойное», это произведение воссоздает жестокую и правдивую картину становления новой государственности, пытающейся найти свой собственный, независимый от римской традиции путь, свидетельствует о формировании самосознания народа. При дворе Меровингов слагал свои хвалебные оды и стихи последний римский поэт Венанций Фортунат.

С конца VI в. Италия оказалась под властью лангобардов. Жестокие и грубые завоеватели довольно скоро попали под влияние еще сохранившейся, хотя и понесшей серьезный урон, римской культурной традиции. Запись лангобардских законов (эдикт Ротари) была сделана на латинском языке, который вскоре стал и языком письменной лангобардской литературы.

Виднейшим лангобардским писателем был историк Павел Диакон (ок. 720—799), чье творчество приходится уже на период после присоединения лангобардского королевства к государству франков. Некоторое время Павел Диакон находился при дворе Карла Великого, украшая его Акаде-

мию. Возвратившись в Италию в аббатство Монтекассино, он создал свое самое значительное сочинение «Историю лангобардов».

В конце V — начале VII в. центры раннесредневековой учености складываются в Британии, пережившей вторую волну христианизации, которая была осуществлена с севера ирландскими, а с юга римскими и даже греческими миссионерами, принесшими сюда свой язык и византийскую образованность. В монастырях Линдисфарн, Джарроу, Кентербери возникают хорошо организованные монастырские школы, скриптории, библиотеки, что не замедлило дать результаты: учителя из Британии стали пользоваться общеевропейской известностью. На конец VI — первую треть VII в. приходится разнообразное творчество Беды Досточтенного, создателя «Церковной истории англов», которая является наиболее совершенным образцом раннесредневековой историографии. Он также систематизировал школьные науки и написал трактаты по философии, теологии, орфографии, математике, астрономии, музыке и другим дисциплинам.

Второе десятилетие VIII в. начинается с завоевания арабами Испании. Это событие имело далеко идущие последствия для Западной Европы и ее культуры. Противостояние исламскому миру и своеобразное взаимодействие с ним на несколько веков становятся важными факторами, влиявшими на развитие западноевропейской цивилизации. Через восемь десятилетий после смерти основателя ислама Мухаммеда Средиземноморье надолго разделилось на три культурных зоны — византийскую, арабскую и латинскую.

После завоевания арабами большей части Пиренейского полуострова здесь возникла одна из самых блестящих средневековых цивилизаций. Вместе с завоевателями на покоренную территорию (в Андалусию) проникли арабский язык и высоко развитая культура восточных областей Арабского халифата, соединение которых с сохранившимися и в период недолгого господства вестготов элементами античной традиции, а также с духовно насыщенной жизнью местного испано-романского населения, стали благодатной почвой для стремительного расцвета литературы, философии, архитектуры. Почти на восемь столетий мусульманская Испания становится посредником в культурном общении Востока и Западной и Южной Европы, передатчиком важных духовных и художественных импульсов, стимулировавших европейское средневековое мышление и искусство.

Андалусские города Кордова, Гранада, Севилья, Валенсия и другие славились не только великолепием и красотой своих дворцов, мечетей, парков, фонтанов, но и богатейшими библиотеками. Так, например, библиотека, собранная кордовским эмиром ал-Хакимом, состояла не менее чем из 400 тыс. томов, а поиски рукописей для нее велись специальными библиографами во всем мусульманском мире. В прекрасно организованные учебные заведения Андалусии устремлялись жаждущие приобщиться к передовой науке того времени учащиеся из разных стран мусульманского Востока и христианской Европы.

В VIII—X вв. главным культурным центром была Кордова, столица правителей мусульманской Испании. Здесь были созданы стихи эмира Абд ар-Рахмана I «Пришельца» (755—788), самобытного поэта, творчество которого окрашено трагизмом. Взаимодействие арабской поэтики с местными испано-романскими песенными традициями увенчалось рождением строфической поэзии (мувашшаха).

Зирйаб (ум. 857), выходец из Персии, обогатил и поэзию, и музыкальное искусство. Он основал в Кордове консерваторию, усовершенствовал некоторые музыкальные инструменты. Зирйаб оказал огромное влияние на быт андалусской знати, с его именем связывают распространение в Испании утонченной арабской кухни, изысканного придворного этике-

та, даже появление «календаря мод». Своеобразной антологией арабской поэзии и культуры было «Ожерелье» Ибн Абд Раббихи (890—940).

Несмотря на различие религий, между мусульманской Испанией и христианской Испанией существовали постоянные не только хозяйственные, политические, династические, но и культурные связи. Об этом свидетельствуют обоюдные лингвистические, литературные, художественные заимствования. Даже самые суровые поборники Реконкисты, такие, как, например, легендарный Сид или граф Санчо Кастильский, отчасти «арабизировались» в быту.

Мусульманская Испания поддерживала отношения с Византией, между ними осуществлялся постоянный обмен посольствами. Влияние византийских мастеров прослеживается в декоративной технике некоторых архитектурных памятников Кордовы того времени.

После почти полуторастолетнего «распыления» и упадка культурных сил Запада, когда они были сосредоточены более всего по его окраинам — в Испании (до арабского завоевания), в Ирландии и Британии, а в центральных областях Западной Европы и в Италии культурная жизнь почти замерла, сохранившись в немногих монастырских центрах,— происходит их консолидация в государстве Карла Великого (742—814). Этот подъем духовной жизни получил название «каролингского возрождения».

Культурные устремления Карла были частью его общей политики, «устроения земного мира», которое, как он считал, входило в обязанности государя Священной империи, получившего свою власть от всевышнего. Латинский язык, бывший до того языком церкви, становится и средством государственного объединения. Каролингская Европа вновь обращается к классическому наследию, в школах наряду с отцами церкви начинают изучать древних авторов, совершенствуется преподавание классических дисциплин тривиума и квадривиума.

Центром образованности была придворная Академия в Аахене, столице государства. Сюда стекались наиболее образованные люди тогдашней Европы. Деятели «каролингского возрождения» брали себе имена знаменитых античных авторов — Гомера, Горация и др. Сам Карл, правда, именовался Давидом, т. е. именем того библейского царя, от которого якобы вел свою родословную Иисус Христос. Но даже этот, казалось бы, малозначащий факт выглядит символичным. При искреннем стремлении питаться от источников древней мудрости главенствующее начало в «каролингском возрождении» все-таки принадлежит христианству. И не случайно, имея «собственных Гомера и Горация», Карл больше всего сокрушается, что у него нет «двенадцати Августинов и Иеронимов». Реформы в культурной сфере были начаты с сопоставления различных списков Библии и установления ее единого канонического текста для всей страны. Св. Писание, таким образом, признавалось основой идейной и культурной жизни, всей образованности в государстве. Тогда же осуществляется реформа литургии, ее очищение от местных наслоений, приведение к единообразию, соответствующему римскому образцу. Монастыри реорганизуются в соответствии с бенедиктинским уставом, составляется «единый» сборник проповедей.

Культурные реформы император проводил в союзе с церковью. Они были частью его общей политики, направленной на укрепление государства. Оживление духовной жизни было в определенной мере вдохновлено сверху, но очевидно и то, что реформаторские устремления государя совпали с глубинными процессами, происходившими в обществе. Это и обеспечило действенность и плодотворность (хотя и кратковременную) начинаний верховной власти в области культуры.

Главной идеей «каролингского возрождения» все же было создание единой христианской культуры, хотя и не сугубо церковной, а включаю-

щей довольно широко и светские элементы. Об этом свидетельствует весь быт двора Карла Великого, далекого от аскетизма, открытого мирским удовольствиям и устремлениям.

Для выполнения просветительских целей Карл привлек образованнейших людей тогдашней Европы. К его двору собрались учителя из Италии, Ирландии, Британии, Испании, воспитавшие затем и ученых из франко-германской среды.

Крупнейшим деятелем «каролингского возрождения» был Алкуин. Выходец из британской Нортумбрии, он стал главой Ахенской Академии, советником императора в делах культуры, школы и церкви. Он развивал идеи широкого народного образования, в том числе и для мирян, которые нашли отражение в постановлениях Карла Великого. В 796 г. Алкуин основал знаменитую школу в монастыре св. Мартина в Туре, с 801 г. возглавил ее. Большинство сочинений Алкуина написаны в педагогических целях. Он придавал значение разнообразию методов обучения и форм изложения материала, использовал загадки и отгадки, простые парафразы и сложные иносказания. Среди его учеников были многие выдающиеся деятели «каролингского возрождения».

Прибывший из Испании просвещенный писатель и поэт Теодульф соединил в себе тяготение к размышлениям над сложнейшими теологическими проблемами, талант стихотворца и иронию насмешника. В его стихах мы встречаем метко написанные портреты императора, его двора, современников поэта.

При дворе Карла расцветает жанр историографии. Его придворный биограф Эйнхард, прозванный «человечком» за свой маленький рост, показал себя большим писателем, своеобразный стиль которого отличался лаконизмом и убедительностью; в нем слышатся отголоски римской исторической биографии. Его «Жизнеописание Карла Великого» стало «классикой жанра» в средние века. Вместе с тем оно особенно ценно свидетельствами очевидца, свежестью чувств и впечатлений.

Блестящий, ироничный, светский, несмотря на сан аббата, Ангильберт описал деяния Карла в исторических поэмах. Его сын и внук Карла Великого Нитхард продолжил эту традицию при дворе Людовика Благочестивого, создав сочинение, являвшееся своеобразным опытом политической истории.

Эстафету Алкуина принял его ученик Рабан Мавр, незаурядный знаток латинского языка, неплохой стилист и отличный педагог, оставивший множество сочинений по различным вопросам. Ему, в свою очередь, «духовно наследовал» Валафрид Страбон, прекрасный поэт, родоначальник ряда ведущих жанров литературы средних веков, и в частности, существенно усовершенствовавший агиографическую повесть.

Карл Великий стремился объединить в своих руках светскую и духовную власть. Его культурная политика подкрепляла силу франкского меча и убедительность королевских капитуляриев христовой верой, латинским языком, унификацией образования и мышления. Он попытался сделать образование доступным для значительной части населения через разветвленную сеть приходских школ.

При нем также было развернуто строительство дворцов и храмов, которые подражали византийским образцам и несли на себе отпечаток стилистической неустойчивости.

До настоящего времени сохранилась только капелла в Аахене, построенная на рубеже VIII—IX вв.

Значительный интерес представляет книжная миниатюра каролингского периода, очень разнообразная по стилю, напоминающая эллинистическую традицию (Аахенское Евангелие), эмоционально насыщенная, выполненная почти в экспрессионистской манере (Евангелие Эбо), легкая и прозрачная (Утрехтская псалтырь).

После смерти Карла Великого вдохновлявшееся им культурное движение быстро идет на спад, закрываются школы, постепенно угасают светские тенденции, культура снова сосредоточивается в монастырях. Основным занятием ученых монахов было, однако, не изучение и переписка античной литературы, а богословие, поглощавшее скромные интеллектуальные устремления эпохи, концентрировавшиеся в основном на двух проблемах: о причащении и предопределении.

На фоне борьбы вокруг них развернулась трагическая история Годескалька, смелого экспериментатора в области литературной формы, развивавшего учение Августина в духе «двойного предопределения» людей богом: одних к спасению, а других к вечному осуждению.

Особняком в интеллектуальной жизни IX в. стоит ирландский философ Скот Эриугена (ок. 810 — ок. 877), один из крупнейших мыслителей средневековья. В 827 г. Людовик Благочестивый (814—840) получил от византийского посольства в подарок сочинение Дионисия Ареопагита «О небесных иерархиях». Примерно тогда же возникла версия о тождестве греческого философа с наиболее почитаемым во Франции святым Дионисием. Эриугена сделал перевод этого сложнейшего сочинения, философская глубина которого потрясла его, оставив неизгладимый отпечаток в его собственных духовных исканиях и творчестве. Он изучал также комментировавших Ареопагита византийских мыслителей Максима Исповедника и Григория Нисского. С переводом Ареопагита связан один из интереснейших моментов интеллектуальной жизни раннего средневековья, первая дискуссия о задачах и характере перевода, развернувшаяся между Эриугеной и итальянским эрудитом Анастасием Библиотекарем. В ней ирландец выступил как сторонник максимально близкой к оригиналу передаче текста подлинника, в то время как Анастасий отдавал предпочтение переводу-интерпретации.

Грандиозная собственная философская система Эриугены, учившего о космосе и природе, пребывающих в боге, и о боге, растворяющемся в мировом разнообразии, являющем себя через заключенные в Логосе и осуществляемые духом вечные первичные причины, приводила к выводам пантеистического и даже еретического характера, что, однако, не было понято его современниками, очень далекими от столь тонких и глубоких философских умозрений.

IX в. дал весьма интересные образцы монастырской религиозной поэзии, однако литература того времени не ограничивается ею. Светская линия представлена «историческими поэмами» и «славословиями» в честь королей, дружинной поэзией. В это время были сделаны первые записи германского фольклора и его переложения на латинский язык. Латинизированные версии впоследствии послужили основой составленного на латинском языке германского эпоса «Вальтарий». Во многом это было следствием взаимодействия ученой и народной, фольклорной культуры, которое имело место в монастырях, школах и скрипториях, куда попадали представители крестьянства, народных низов. К середине IX в. относится создание поэтессой Дуодой, графиней Септиманской, «Наставительной книги в стихах», адресованной ее сыну, в которой с трогательной непосредственностью излиты материнские чувства и заботы.

Своеобразным откликом на потребности массового сознания эпохи было распространение такой литературы, как жития святых и видения. Они несут на себе отпечаток народного сознания, присущего ему образного строя, системы представлений. В конце IX в. на латинском языке были составлены сборники народных легенд, ставшие излюбленным чтением людей средневековья.

Во второй половине IX в., при короле Альфреде Великом (ок. 849 — ок. 900), усиливается англосаксонское государство. Его консолидация была связана с идейным и культурным подъемом, развитием школ и про-

свещения. Король создал при своем дворе некоторое подобие Академии Карла Великого, хотя и более скромное по масштабам и результатам деятельности. Большое внимание уделялось записи древней поэзии англосаксов на родном языке. Сам король, как утверждает традиция, перевел на древнеанглийский язык «Утешение» Боэция и «Историю» Беды с целью более широкого распространения этих трудов среди его подданных.

В конце раннего средневековья в ирландских монастырях переписывали и хранили не только произведения отцов церкви и античных авторов, но и древние кельтские саги — народные эпические сказания, насыщенные яркими, прекрасными образами народного сознания, богатейшей мифологической и сказочной фантастикой. Любимый герой древнего ирландского эпоса — богатырь Кухулин, могучий, храбрый и самоотверженный, заплативший за собственное благородство своей жизнью. С ирландской народной эпической литературой перекликаются валлийские сказания, которым в еще большей степени присуща изощренная сказочность, стихийность приключений. В V в., когда Британию завоевывают англосаксы, начинает складываться устный эпический цикл о легендарном короле Артуре. Этому циклу предстояло сыграть исключительную роль в дальнейшем развитии средневековой культуры Западной Европы. Ирландия и Британия дали древнейшие образцы так называемой дружинной поэзии, носителями древнейшей лирической поэтической традиции были барды. Примерно к 1000 г. относится запись сложившейся в устной традиции, как считают, в VIII в. англосаксонской эпической поэмы «Беовульф». Героем ее является молодой воин из народа гаутов (Южная Швеция), совершающий подвиги, побеждающий в жестокой схватке в стране данов великана Гренделя. Эти фантастические приключения разворачиваются на реальном историческом фоне, отражающем процесс феодализации у народов Северной Европы.

Скандинавия оставалась языческой почти до X в., и затем христианизация этой части Европы, как и общее развитие культуры, осуществлялось медленно. Германские племена, осевшие в Скандинавии, еще в IX—X вв. поклонялись общегерманскому пантеону богов, главой которого был Вотан (Один). У них имелись зачатки письменности — руны, имевшие и магическое значение. Политический подъем скандинавских народов, связанный с походами викингов (см. ч. I, гл. 7), сопровождается и крупными позитивными сдвигами в духовной жизни скандинавов. Возрастает число рунических надписей, на смену общегерманскому 24-буквенному алфавиту пришел 16-буквенный — младшие руны, которые теперь использовались и для записей светского характера.

Огромный вклад народов Скандинавии в развитие европейской культуры — их эпическая поэзия, сохранившая древнейшие сказания германских племен. Они были записаны в XII—XIII вв. в Исландии, но возникновение их устной традиции скорее всего может быть отнесено к VIII—X вв., а истоки уходят еще глубже в «героический» период германских народов — время великого переселения. Собрание героических исландских песен носит название «Старшая Эдда», ее еще называют «Поэтической» в отличие от «Младшей Эдды», содержащей прозаические родовые саги исландцев (оба памятника записаны в XIII в.). Эддическая поэзия близка народному творчеству доклассового общества, однако, вероятно, она создавалась не только как запись древнего общегерманского фольклора, но и как результат «индивидуального литературного творчества древнеисландских или древненорвежских поэтов, в основном уже после христианизации» [4]. Иногда песни «Старшей Эдды» весьма условно делят на мифологические и героические. В центре мифологического цик-

[4] История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 468.

ла германские боги — асы Один, Тор (бог грома) и коварный Локи (отрицательный вариант «культурного героя»). Наиболее замечательные песни «Старшей Эдды» — «Прорицание вельвы», повествующее о начале, страшном конце мира и следующем затем обновлении, и «Речи Высокого» — изложение мудрости, добытой Одином по выполнении тяжкого испытания.

В героических песнях «Старшей Эдды» проступает их реальная историческая основа — гибель королевства бургундов от гуннского нашествия, смерть Аттилы на ложе германской пленницы, некоторые сильно трансформированные события из истории готов. Главные герои этого цикла — герой Сигурд (немецкий Зигфрид), богатырша Брунгильда, Гудрун (Кримхильда), король Атли (Аттила), Тьедрек (Дитрих, исторический Теодорих Остготский). Эддическая поэзия полна экспрессии, эпическое начало в ней органично сочетается с лирическим, со своеобразной психологизацией образов.

Исландия и Норвегия — родина оригинальной и не имеющей аналогов в мировой литературе поэзии скальдов, которые были не только поэтами и исполнителями одновременно, но еще и викингами, дружинниками, а порой и землевладельцами. Их хвалебные, лирические или «злободневные» песни — необходимый элемент жизни двора конунга и его дружины. Скальды были не только поэтами, но и хранителями магической силы слова, тайны рун. Наиболее прославившимся среди скальдов был Эгиль Скаллагримсон (X в.). Произведения скальдов отличает сложная, даже изощренная поэтическая культура. Они насыщены аллитерациями, замысловатыми ассоциациями и синонимами «хейти», загадочными метафорами «кеннингами», как, например, «поле тюленя» — море, «война копий» — битва и т. п. Поэзия скальдов была известна далеко за пределами Скандинавии, она распространялась вместе с викингами, вливаясь в культурные взаимодействия средневековой Европы.

К первому тысячелетию, по-видимому, относится и зарождение карело-финского эпоса с его главными героями Вайнямейненом и Ильмариненом и центральным мотивом — борьбой за мельницу Сампо — символ плодородия, изобилия и счастья. «Калевала» — такое название получил он в XIX в., когда был записан — находится в одном ряду с наиболее древними формами эпоса народов Западной Европы и восточных славян.

К X в. импульс, приданный культурной жизни Европы «каролингским возрождением», иссякает под давлением разобщенности, непрекращающихся войн и междоусобиц, политического упадка. Наступает период «культурного безмолвия», который продлился почти до конца X в. и сменился так называемым «оттоновым возрождением».

При дворе германского императора Оттона I (936—973) возрождается Академия, собираются просвещенные люди. При Оттоне II (973—983), женатом на византийской принцессе, усиливается греческое влияние, особую пышность и утонченность приобретает быт двора и крупных феодалов. Учителем Оттона III становится образованнейший человек своего времени Герберт (впоследствии папа Сильвестр), прославившийся как ритор, ученый-математик, с именем которого связывали распространение в Европе арабских цифр, начал алгебры и абака (счетной доски). Образованность распространяется не только среди клириков, но и среди мирян. По традиции, сложившейся еще при Теодорихе Остготском, продолженной затем при Карле Великом, образование могли получать не только мальчики, но и девочки. Жена Оттона I Адельхейда обсуждала ученые вопросы с Гербертом. Многие знатные дамы говорили и читали по латыни, славились своей ученостью. Наиболее крупной поэтессой X в. была Хротсвита Гандерсгеймская, автор захватывающих своими конфликтами драматических произведений, назидательных комедий, насы-

щенных не только религиозными мотивами и символикой, но и впечатляюще выраженными земными чувствами.

Под влиянием подъема образованности во второй половине X в. оживляется деятельность школ в Италии, исподволь начинают более интенсивно накапливаться знания в области практических наук, особенно медицины и права.

Для оттоновского периода характерно усиление культурных связей с Византией. Это особенно сказалось на расцвете книжного дела и миниатюристики, главным центром которых стал монастырь Райхенау. Миниатюры становятся более строгими по рисунку и особенно насыщенными по цвету. Человеческие фигуры помещаются в центре композиций, приобретают особую обобщенность и выразительность. Ритмы композиций отличаются величавостью и торжественностью.

Раннее средневековье в Западной Европе не дало достижений, сопоставимых с высотами культуры античности, или культуры развитого средневековья. Однако культурные итоги этого периода чрезвычайно важны, чтобы не сказать определяющи, для дальнейшего развития европейской цивилизации. Это прежде всего, как отмечалось, первые попытки создания духовного, культурного единства Европы, не средиземноморской, но почти во всем ее территориальном охвате. Это начало синтеза трех главных слагаемых средневековой культуры — христианства, античного наследия и культуры варваров. Это формирование особого отношения к античному наследию как общеевропейскому культурному истоку. Это зарождение культур тех народов, которым впоследствии предстояло развиться в европейские нации и в этом смысле основание национальных культур (особенно важно складывание этнического самосознания народов, их историографии, народных языков, героического эпоса). Это выработка новых форм хранения и передачи культуры, распространение книжного дела, школ, появление идеи всеохватывающего просвещения (конечно, в рамках понимания и традициях того времени). Это создание особого слоя носителей интеллектуальной культуры. Наконец, это начало формирования определенного психологического склада людей и народов, который затем рядом своих черт войдет в определение понятия «европеец». Даже далеко не полный перечень культурных итогов раннего средневековья позволяет сделать вывод, что эти века не были «темными». Они стали временем огромной духовной работы и накопления, подготовивших расцвет средневековой культуры.

ЗРЕЛОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (XI — XIII вв.)

С началом второго тысячелетия феодальное общество Западной Европы вступило в новую фазу своего развития. В нем подспудно зрели силы, которые в скором времени привели к культурному подъему. Позитивный перелом обычно связывают с началом крестовых походов, когда Западная Европа вступила в тесные контакты с более развитыми Византией и Востоком. Однако почва для него готовилась заранее. Прежде всего само европейское общество становилось все более подвижным, открытым переменам и влияниям.

Нарастание динамических тенденций в обществе, начавшееся в XI в., рост городов способствовали определенной консолидации Европы. С другой стороны, стремление противостоять арабскому и вообще восточному миру рождало чувство определенной европейской общности как одного из стереотипов мировосприятия. Этому также способствовало то, что в клюнийском движении, борьбе папства и германских императоров за инвеституру складывались политические доктрины, каждая из которых в идеале предполагала объединение Европы то ли под главенством папы, то ли под эгидой императорской власти.

Взаимопроникновение и взаимодействие различных влияний и элементов общественного бытия в перспективе порождало очень сложную и разнообразную картину культуры зрелого средневековья, в которой хотя и господствовало христианское мировоззрение, однако никогда не было полного поглощения ее церковью.

Со второй половины XI в. начинается подъем в духовной жизни западноевропейского общества, происходивший неравномерно в разных странах. Вплоть до конца XIII в. лидером в культурной жизни Западной Европы становится Франция. Этот подъем был бы невозможен без улучшения системы образования, накопления знаний. Получают развитие зародившиеся в каролингскую эпоху приходские (элементарные) школы, в городских центрах возникают кафедральные школы при центральных соборах, в епископских резиденциях. Они стали постепенно ориентироваться на подготовку не только ученых клириков, но и кадров для светской администрации, что предполагало расширение преподавания мирских наук. С начала XIII в. возникают и нецерковные школы, возглавляемые магистрами (учителями).

На рубеже XI—XII вв. ряд школ становятся особенно авторитетными. Учащиеся направляются в Мец, если хотят научиться музыке, в Камбре — чтобы овладеть основами математики, в Тур или Салерно, чтобы познать тонкости медицины. Пользуются известностью школы в Реймсе, Лане, Орлеане, Пуатье (Франция), в Утрехте (Германия), Кентербери (Англия) и др. Учащиеся теперь часто стремятся не просто в школу, но к определенному учителю, как например, к Фульберту Шартрскому, с уст которого падали «как капли меда, золотые слова».

XI век — время рождения схоластики как широкого интеллектуального движения (хотя основы ее были заложены еще в поздней античности и раннем средневековье). Название это произведено от латинского слова schola (школа) и в прямом смысле означает «школьная философия», однако оно скорее указывает на место ее рождения, а не на подлинный характер. Схоластика — философия, вырастающая из теологии и неразрывно с ней связанная, хотя и не тождественная ей.

Нуждаясь в новом более глубоком обосновании, христианская догма вынуждена обратиться к философии, к усилиям методического разума. Но и меняющаяся, создающая новые формы жизнь требует от человека активизировать проникновение в окружающий его мир и внутрь себя самого, познавать божеское через развитие человеческого. На скрещении этих тенденций и набирает силу схоластика, стремившаяся выявить «оптимальное» отношение между верой и разумом. В ней сразу определяются полярные направления. Аскет и богослов Петр Дамиани (1007—1072) категорически заявлял, что разум ничтожен перед верой и философия может быть только «служанкой богословия». Ему противостоял Беренгарий Турский (ок. 1000—1088), доходивший в своем рационализме до откровенных насмешек над церковью и защищавший человеческий разум, призывая во всем следовать его суждениям.

В XI в. вспыхивает спор об универсалиях (общих понятиях), который определял все дальнейшее развитие схоластики. Специфика средневекового сознания диктовала то, что ни один, даже самый радикальный мыслитель объективно не отрицал и не мог отрицать примата духа над материей, бога над миром. Но в этих рамках боролись противоположные точки зрения. Реалисты утверждали, что общие понятия существуют извечно, пребывая в божественном разуме. Соединяясь с материей, они реализуются в конкретных вещах. Номиналисты же полагали, что общие понятия извлекаются разумом из постижения единичных, конкретных вещей. Промежуточную позицию занимали концептуалисты, рассматривавшие общности как нечто существующее в вещах. Этот, казалось бы, отвлеченный философский спор имел весьма конкретные выходы в като-

лическое богословие, и не случайно церковь относилась к нему с большим пристрастием.

Реализм, истоки которого коренились в платонической традиции, в своих крайних формах мог привести к пантеизму. Номинализм же — к выводам своеобразно «материалистического» характера, а в области теологии — к ереси, прежде всего к разрушению догмы о триединстве (что и произошло с Беренгарием Турским, оказавшимся в конечном счете одним из вдохновителей мощных еретических движений). Сторонником номинализма в его более определенной и развитой форме в XI в. был также Росцелин из Компьена (ок. 1050 — ок. 1112), наставник Абеляра (см. ниже). Его противником был «крайний» реалист Гильом из Шампо.

Ансельм Кентерберийский (1033—1109), выходец из итальянской Аосты, учившийся и преподававший в школах Нормандии, ставший впоследствии архиепископом Кентерберийским в Англии, сочетал реализм и убежденность в необходимости рационалистически-умозрительного понимания веры, которая только при таком условии становилась бы полной. Не должно быть, по его мнению, пропасти между человеком и богом, движение к которому осуществляется не через человеческое самоуничижение, а через рациональное и духовное совершенствование.

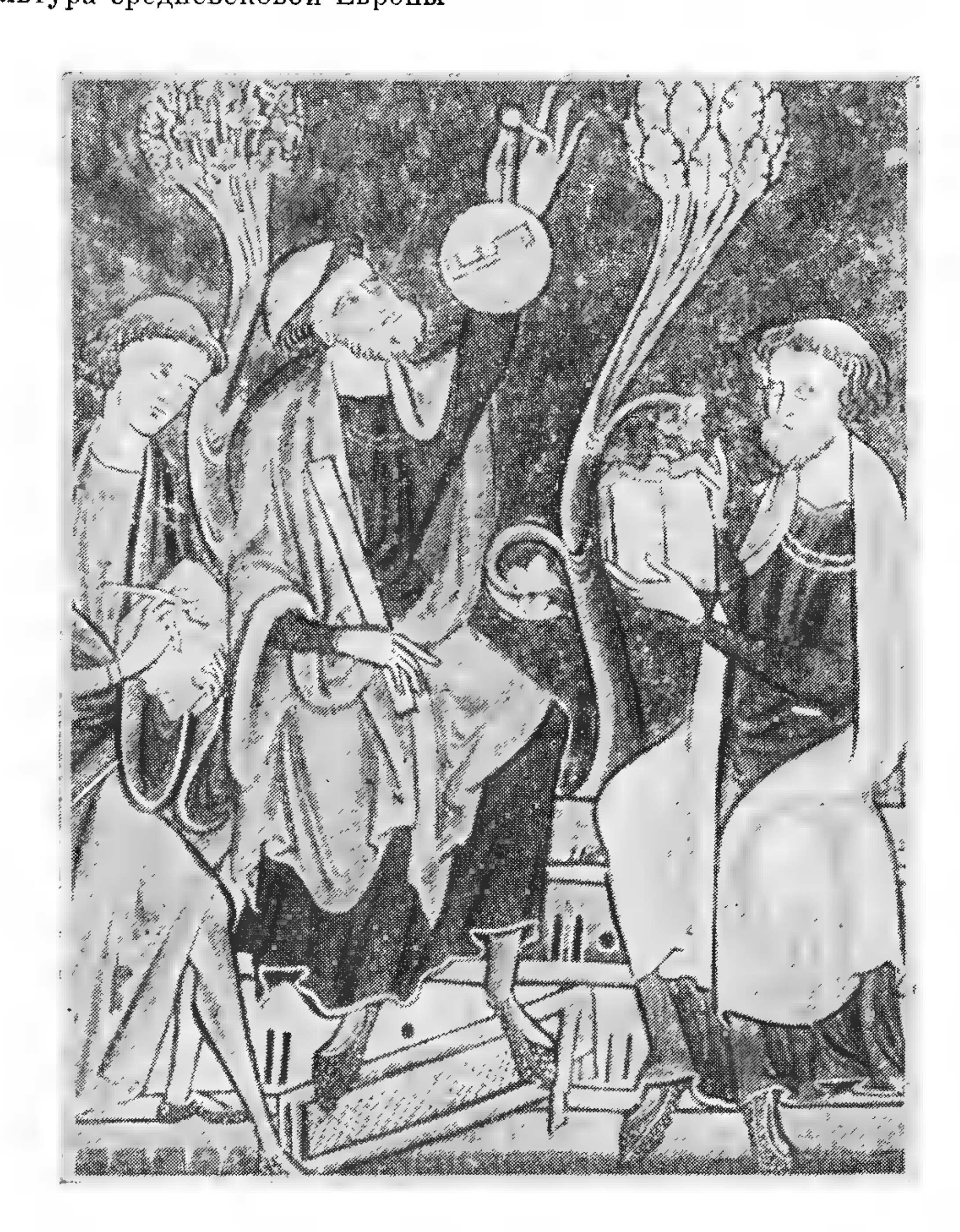
Такие своеобразно гуманистические мотивы, пусть пока еще робко, но начинают звучать не только в философии, но и в литературе будь то в предваряющем появление рыцарского романа сочинении «Руодлиб» или в поэзии, подготавливающей «овидианское возрождение» XII в.; они откликаются очень далеким и пока еще едва слышным эхом в начале поисков истинной, чистой веры, пробуждавшихся в народной религиозности и культуре.

В XI в. появляются первые переводы с арабского на латынь. Это были переводы медицинских трактатов, сделанные в аббатстве Монтекассино на юге Италии, которое оставалось важнейшим культурным центром. Здесь активизируется изучение греческих и латинских авторов, поддерживаются культурные связи с Византией.

В XI—XII вв. арабская цивилизация в Испании достигла своего зенита. «В этом обществе,— отмечал известный испанский писатель Бласко Ибаньес,— сосуществовали все идеи, все обычаи, все открытия, какие только были на земле, все искусства, все науки, все изобретения, и от соприкосновения этих различных элементов били ключом новые открытия и новая творческая энергия». С распадом Кордовского халифата его столица утрачивает роль единого культурного лидера, с ней соперничают теперь Севилья и Гранада, Валенсия и Толедо, Бадахос, Альмерия и другие города.

Особое значение для мусульманской Испании и для Европы в целом имело развитие зачатков точного исследования природы; успешно развивалась медицина, химия, астрономия, математика, физика, география и другие науки. Через мусульманскую Испанию в Европу пришли десятичная система исчисления, связанная с изобретением нуля; химические методы дистилляции, возгонки, кристаллизации, коагуляции; магнитная игла, механические часы, хлопчатая, а затем и льняная бумага. Не все это было изобретено в арабской Испании, однако именно здесь ряд открытий и изобретений, осуществленных в других регионах мира, получил широкое распространение и практическое применение, а затем перекочевал и на Запад.

Еще более важным, чем усвоение естественнонаучных знаний, оказалось влияние критического духа и рационализма арабоязычной философии Испании на Западную Европу. В XII в. на Пиренейском полуострове «восточный перипатетизм» (аристотелизм) получил последовательное развитие в трудах крупнейших философов Ибн Бадджи (Авемпаса)

Астроном и его помощники. Миниатюра из Парижской псалтыри. XIII в.

(конец XI в.— 1139), Ибн Туйфеля (Абубацера) (ум. 1185/1186) и Ибн Рушда (Аверроэса) (1126—1198), для которых были характерны стремление к разделению теологии и философского мышления, поиски доказательств истинности суждений человеческого разума. Аверроэс дал наиболее полное и последовательное изложение радикальных идей, сформировавшихся в течение нескольких веков в процессе изучения и комментирования восточными философами сочинений Аристотеля. Наиболее «материалистические» из них, подрывавшие религиозную картину универсума,— это утверждение вечности мира; установление необходимой причинной связи между всеми явлениями; признание существования единого разума как вместилища всеобщего духовного начала, и, как следствие этого, отрицание бессмертия индивидуальной человеческой души. Аверроэс развивал учение о двойственной истине. Он считал, что истины философии и истины богословия должны быть разделены, и что противоречие свидетельств разума данному в откровении не может считаться доказательством того, что человеческое мышление заблуждается. Эти идеи были подхвачены в Западной Европе латинским аверроизмом, они неоднократно осуждались католической церковью как ересь. Пантеистические тенденции были характерны и для европейской философии, развивавшейся в арабоязычной Испании, в частности для таких мыслителей, как Ибн Гебироль (Авицеброн) (1021—1070) и Маймонид (1135—1204).

С середины XII в. в Толедо и Севилье были основаны коллегии переводчиков. Здесь переводили сочинения Платона, Аристотеля, Евклида, Птолемея и других величайших ученых древности не только на арабский,

но и на латинский языки. Отсюда они проникали в Западную Европу, а вслед за ними и переводы сочинений восточных философов и ученых — Ибн Сины (Авиценны), Ибн Рушда и многих других. Это стимулировало оживление интеллектуальной жизни на Западе.

Арабская поэзия Испании, расцвет которой начинается с Ибн Хазма (994—1064), автора знаменитого «Ожерелья голубки», особенно любовная лирика, оказала, вероятно, определенное влияние на творчество провансальских трубадуров, во всяком случае во многом его предвосхитило, как и лирику итальянского «нового сладостного стиля». Это, в частности, хорошо прослеживается при сравнении тематики и особенностей метрики замечательного поэта, автора заджалей Ибн Кузмана (1080—1160) с провансальской поэзией.

Андалусская суфийская мистика оказалась созвучной христианской мистике западноевропейского средневековья, хотя характер их связи остается до настоящего времени недостаточно выясненным.

Романский стиль в Западной Европе обнаруживает ряд свободно проинтерпретированных заимствований, вроде подковообразной арки или ребристого свода, из архитектуры и искусства Андалусии и Магриба. Арабо-испанское влияние проявилось и в развитии западноевропейского прикладного искусства.

Западную Европу с середины IX до середины XII в. иногда называют «романским миром» по наименованию первого общего архитектурного стиля, возникшего и расцветшего в ней. Романика — это не просто архитектура с сопровождающими ее искусствами, но и определенное выражение мировидения и мироощущения людей той эпохи, образно-художественная система, в которой, несмотря на хронологические и местные, порой весьма существенные различия воплощения, можно выделить универсальные, определяющие черты, отражающие сущность этого этапа развития средневекового художественного идеала и форм его реализации.

Устремленность к абсолюту в средневековом искусстве Западной Европы выразилось в том, что земная красота, человеческие творения служили отражением высшей красоты и именно в силу своей сопричастности ей обретали ту или иную степень совершенства и несли в себе истинность бытия. Средневековое искусство не только многообразно, но и многомысленно, полисемантично, и символично. Оно предполагает множественность толкований, каждое из которых не отменяет, но дополняет другое. Однако это вытекало не только из христианской концепции. Своими корнями символизм уходил и в варварское сознание, издревле тяготевшее к иносказанию, определению понятий через замысловатую аналогию, исходящую не из существа, а из формы предмета.

Западноевропейская средневековая культура тяготела к энциклопедизму, целостному охвату всего сущего. В философии, науке, литературе это выражалось в создании энциклопедий, подобных «Этимологиям» Исидора Севильского, а в XII—XIII вв.— многочисленных «Сумм». Средневековые соборы также были своеобразными каменными «энциклопедиями» универсального знания, «библиями мирян».

При трансцендентальной общности высшего художественного идеала образные и художественные системы, сложившиеся на Западе и Востоке, были различны. Византия тяготела к большей спиритуальности, обобщенности, канонизации формы. Однако как на Востоке, так и на Западе искусство никогда не было лишь отражением тех или иных сакральных формул, оно было гораздо полнее, богаче и разнообразнее. Мастера Западной Европы, возводившие соборы, пытались показать вселенную во всем многообразии и завершенном гармоническом единстве, обобщить все доступное тогда людям знание в художественных образах. И если в целом собор высился как символ мироздания, устремленного к высшей идее,

то внутри и снаружи он был «густо заселен» самыми разнообразными скульптурами и изображениями.

Раннее романское искусство несет на себе отпечаток сильного византийского влияния, которое сказывается не только на внешнем облике романских сооружений, но и на внутреннем убранстве, живописи, скульптуре, даже книжной миниатюре конца X — первой половины XI в. Позже оно приобретало все большую самостоятельность, западноевропейским зодчим удалось решить ряд сложных технических задач и усовершенствовать строительную практику.

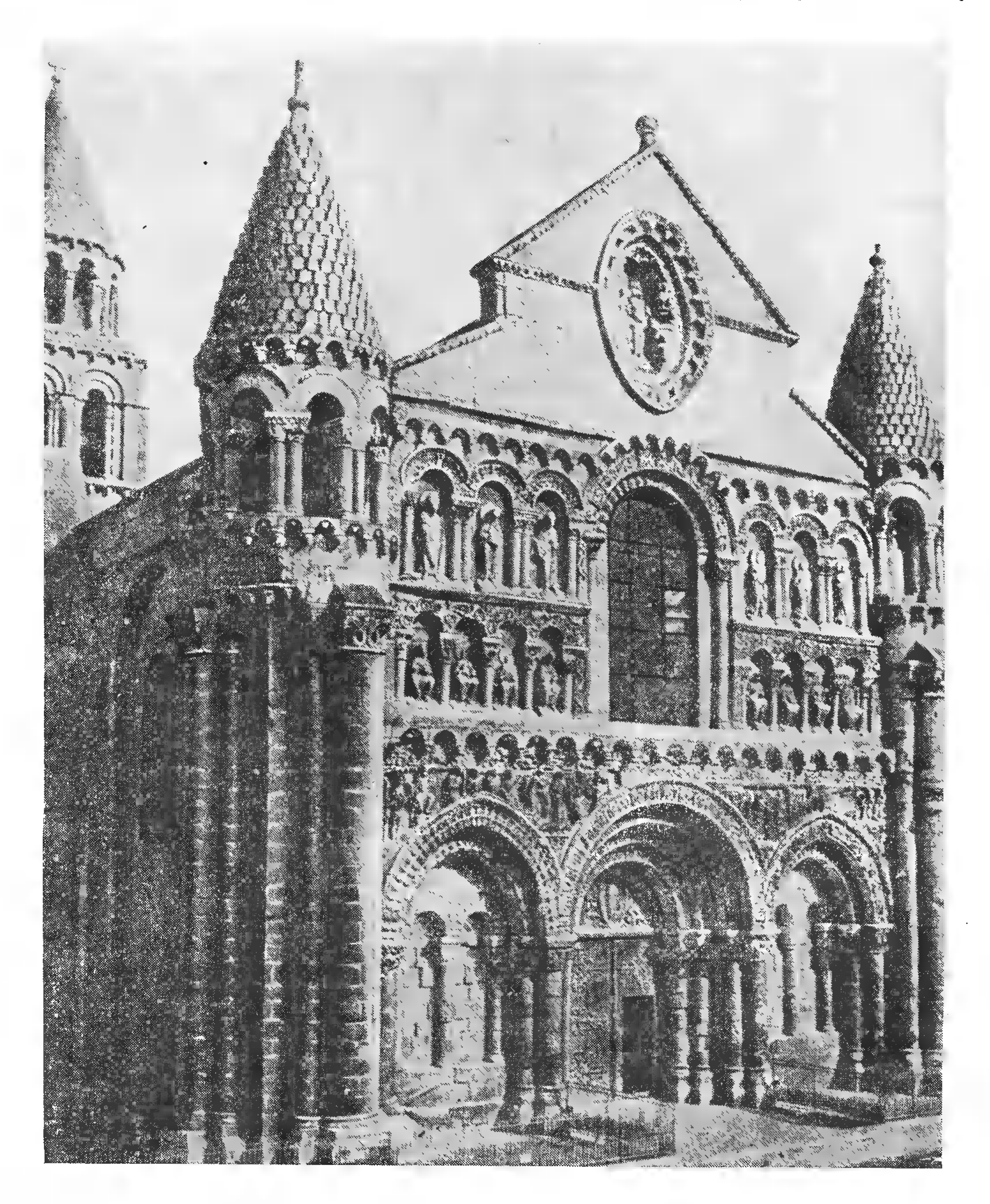
Романские храмы, вначале ученически подражавшие византийским, сохраняя базиликальный характер, становятся вытянутыми. Они каменные, со сводчатыми перекрытиями, просты и строги. У них мощные стены, это по существу храмы-крепости. Не случайно к этому же периоду относится начало сооружений крепостей — феодальных замков. С первого взгляда романский собор грубоват и приземист, лишь постепенно раскрывается стройность замысла и благородство его простоты, направленных на раскрытие единства и гармонии мира.

Пространство романских храмов довольно тесно, скупо освещено. В их росписи не было строго установленного канона. Как правило, в центральной апсиде изображался Христос во славе, иногда фигура Богоматери. Западная стена обычно украшалась сценой Страшного суда. Портал романского собора, как и средневековых соборов вообще, знаменовал собой границу человеческого и божественного, мирской греховности и священного благочестия. Поэтому в украшении порталов преобладали апокалиптические темы: Страшный суд, Христос во славе, которые как бы восстанавливали единство мира, сопрягая прошлое, настоящее и будущее в вечности и божественной справедливости.

Скульптура, украшающая романские храмы, создает подчас впечатляющие образы. Через символизм скульптурных изображений явственно проступают изменчивые, напряженные лики реальной жизни средневековья, которую невозможно свести к символу и трансцендентности. При всей своей наивности и «неумелости» скульптуры как бы наполнены живой кровью, в них воплощаются не только идеальные представления, но подлинные заботы, чаяния и вкусы тогдашних людей. Это особенно ярко выступает при сравнении романского искусства с византийским. При определенной общности мировоззренческих позиций и исходных творческих принципов, мы видим в романских храмах изображения святых, весьма далекие от каких-либо канонов, неказистых, приземистых, с простыми и выразительными лицами. Византийское искусство, предпочтя скульптуре мозаику и иконопись, создает более утонченные, спиритуалистические образы, сохраняя большую дистанцию между художественным воплощением и реальностью. Романское искусство гораздо менее канонизировано и стабильно.

Романский храм предстает не только «каменной библией», но и книгой народной фантазии. Не случайно крупнейший деятель католической церкви, Бернар Клервосский, восклицал: «...для чего же в монастырях, перед взорами читающих братьев, эта смехотворная диковинность, эти странно-безобразные образы, эти образы безобразного»?

Не только «запредельные» идеи, но и земные заботы волнуют создателей средневекового искусства, которое никогда не было лишь иллюстрацией догматической и схоластической премудрости. Художественный идеал облекался в плоть и кровь, «заземлялся». Художниками и архитекторами в средние века были простые, в большинстве случаев неграмотные люди, чаще всего выходцы из низших общественных слоев. И хотя «расположение принадлежало церковному пастырю», искусство создавалось творцом, вкладывающим в него не только отвлеченную идею, но свою живую душу, ее радость, боль и восхищение красотой мира.

Шедевр романской архитектуры — фасад церкви Нотр-Дам Ла Гранд [redacted] г. Пуатье. Франция. Завершен около 1130—1145 г.

Художники вносили [redacted] свои творения религиозное чувство, но это была не спиритуальность книжников, а народная религиозность, весьма своеобразно интерпретировавшая ортодоксальное вероучение, часто имевшая «еретическую» окраску. Пафос не только небесного, но и земного звучит в их творениях.

Центрами «классической» романики были Франция и Германия. Вершина французской романики — соборы [redacted] Клюни, Отене, Пуатье. Своей неприступностью и монументальностью поражает романская цитадель Каркасонна — комплекс светских замковых сооружений.

Романские соборы в Англии, особенно Северо-Восточной, отличаются экспериментаторским архитектурным духом, строительной фантазией. Новое понимание человеческой фигуры, соотношения тела и одеяния принесла немецкая романика. На юге Испании зрелая романика испытывает сильное влияние восточной архитектуры. Самобытным явлением стала живопись испанских соборов, тяготеющая к некоторой линейности и напряженному контрастированию цвета. Архитектура Италии, создавшая великолепные городские ансамбли, больше обращена к византийским образцам или развивается, переосмысливая античные строительные традиции.

Особый стиль выработался в архитектуре и живописи Южной Италии и Сицилии. Он причудливо сочетал византийские, западные и восточные элементы.

От романского времени остались прекрасные образцы прикладного искусства. К XI в. относят семидесятиметровый ковер из Байе, который связывают с именем жены Вильгельма Завоевателя, английской королевы Матильды. На нем вышиты основные эпизоды завоевания Англии норманнами. В начале XII в. расцветает искусство литейщиков, златокузнецов долины Мааса, получают широкую известность льежские эмали. По всей Западной Европе интересные и яркие формы приобретает искусство книжной миниатюры.

XII столетие иногда называют веком «средневекового гуманизма», «средневековым ренессансом» или даже «средневековой культурной революцией». Каждое из этих определений может вызвать множество обоснованных возражений, но одно несомненно — все они фиксируют особое значение этого времени в духовной жизни и в культуре западноевропейского средневековья, которое связывается с зарождением и стремительным расцветом целого ряда явлений: ростом интереса к античному наследию, укреплением рационализма и его открытым выступлением против авторитета церкви; возникновением собственно европейской светской литературы; быстрым изменением характера массовой религиозности, тяготевшей к индивидуализации веры; зарождением особой культуры поднимающихся городов, наконец, пронизывающими все эти процессы поисками человеческой личности, которые несли новую любовь, великие открытия внутреннего мира человека, но и великие страдания. Именно в этом веке Пьер из Блуа сказал: «Нельзя выбраться из мрака невежества и подняться к сияющим вершинам знания, если не перечитывать со все возрастающей любовью творения древних авторов» и продолжил свою мысль: «Мы подобны карликам, взобравшимся на плечи этих гигантов, если мы видим дальше, чем они, то этим мы обязаны им...»

Это был век, когда феодальное общество находилось на подъеме. Его господствующий класс консолидировался. В его духовной жизни вызревают новые явления — рыцарская и городская культуры, которые несли в себе могучий светский дух. Церковь для своего укрепления еще использовала не только наказания и меры пресечения, но и милостиво позволяла просвещенным клирикам и блистательным эрудитам с помощью философских изысканий и логических ухищрений «обновлять», подкреплять и приводить в соответствие с духом перемен свою доктрину. В религиозной сфере грозный и неумолимый бог-судия был потеснен страдавшим за людей очеловеченным Христом и Марией— заступницей и первой Прекрасной Дамой небесного мира. Казалось, в людях возродилось ощущение радости бытия, многие века подавлявшееся чувством греховности. Однако, хотя церковь и расслабила немного свои узы, это был католический век, век крестовых походов, церковных соборов и осуждаемого свободомыслия, если оно переходило дозволенные рамки. Обращение к античности осуществлялось в границах христианской культуры и питало ее, а не разрушало.

Романский собор в Шпейере. Германия. XI–XII вв.

Интеллектуальная кульминация XII века приходится не на его конец, а на первую половину. Центром культурной жизни в это время становится Франция. На севере, в Париже набирала силу диалектика, сюда стягивались лучшие философские и богословские силы Европы. На юге, в солнечном Лангедоке, расцветала поэзия трубадуров, складывалась прекрасная и изысканная светская культура.

Борьба, разгоревшаяся в начале века и не затухавшая сорок лет, велась между Пьером Абеляром и его противниками, а по существу была противоборством между различными направлениями схоластики, перераставшим порой в открытое сопротивление авторитету церкви. Абеляра (1079—1142) называли самым блестящим умом того времени. Одаренный сын рыцаря из Бретани предпочел военному ремеслу родителя увлекательные ристалища разума. Он учился у Росцелина, давшего ему своим номинализмом сокрушительное оружие для философской борьбы (ученик не замедлил обратить его против концепции учителя). Он разгромил популярного тогда философа-реалиста и педагога Гильома из Шампо, не оставив камня на камне от его аргументов, «выкорчевал бесплодную смоковницу» Ансельма из Лана. Слава его росла. Вокруг Абеляра собрались самые любознательные и самые дерзкие студенты. Однако самолюбие и гордыня Абеляра равнялись его талантам. Он гордился тем, что не знал поражений ни на философских диспутах, ни в любви. Самомнение Абеляра не у всех вызывало симпатию, и его роман с молодой девушкой Элоизой кончился для него трагически. Он был вынужден удалиться в монастырь, однако и здесь продолжал вести свою философскую борьбу.

Абеляр не был сторонником ни номинализма, ни реализма. Он сформировал собственную позицию, получившую название концептуализма. Согласно ей универсалии реально не существуют, как существуют единичные вещи. Однако в сфере разума универсалии как бы обретают реальность в качестве понятий как результат абстрагирующей деятельности ума. Абеляр рационализировал отношение веры и разума, поставив обязательным ее предварительным условием понимание. В своем сочинении «Да и нет» Абеляр великолепно разработал методы диалектики, чем значительно продвинул схоластику вперед и способствовал ее логическому оснащению для обособления от веры. В этических взглядах Абеляра чувствовалось сильное влияние номиналистического индивидуализма. Однако, хотя в философском смысле Абеляр не всегда приходил к самым радикальным выводам, его часто обуревало желание довести до логического конца истолкование христианских догматов и при этом он естественно приходил к ереси. С присущей ему страстностью он громогласно выступал против авторитета церкви. Полемическая острота этих выступлений усугублялась тем, что основным противником Абеляра был столь же блестящий и столь же самолюбивый человек Бернар Клервосский.

Бернар Клервосский (1091—1153) принадлежал к знатному бургундскому феодальному роду. В юности он вступил в орден цистерцианцев. Духовная экзальтация, доходившая до самоистязания, последовательность в выполнении монашеских обетов, не знающая преград энергия в церковных и политических делах помогли Бернару быстро достичь высокого положения в ордене. Аббат из Клерво властно регламентировал жизнь клира, требуя от него полного и безоговорочного выполнения правил каноников, возвращения к евангельским идеалам бедности, целомудрия, справедливости. Он заставил считаться с собой папский престол и королевскую власть. Бернар неизменно отстаивал теократическую концепцию, был последовательным защитником интересов церкви и папства. Непримиримым было отношение Бернара к любым отступлениям от ортодоксальной церковной доктрины. Он в числе первых усмотрел в рационалистической философии Абеляра угрозу авторитету и учению церкви.

Борьба Абеляра и Бернара была не только бескомпромиссным столкновением теоретических позиций, но и противоборством однотипных и очень ярких индивидуальностей. Хотя учение Абеляра было осуждено церковью на соборах в Суассоне (1121 г.) и в Сансе (1140 г.), пробужденный Абеляром рационализм уже не исчез из западноевропейской философии. В середине XII в. его ученик Петр Ломбардский попытался осуществить ту же задачу, которую в IX в. в Византии решал Иоанн

Дамаскин — создать схоластическую систематизацию христианского вероучения. Его сочинение «Сентенции» через полвека после смерти его создателя было осуждено на Латеранском соборе в 1215 г., однако вскоре запрет с него был снят и оно стало признанным учебником официальной теологии. Церковь решила использовать рационализм для укрепления своих пошатнувшихся теократических позиций.

Учеником Абеляра был и Иоанн Солсберийский, английский философ и крупный церковный деятель, автор широко известного «Поликратика», содержащего серьезные размышления о светской и церковной властях и о том, как они должны взаимодействовать. Выводя из философских оснований широкую политическую теорию, Иоанн пришел к оправданию тираноубийства и неповиновения власти, если она не выполняет наложенных на нее богом обязанностей. Светской направленностью и большим интересом к фольклору отличалось творчество другого английского писателя и поэта XII в. Уолтера Мапа.

Интерес к натурфилософской проблематике характерен особенно для мыслителей Шартрской школы, крупнейшего интеллектуального центра того времени, в особенности Гильома Коншского, увлекавшегося идеями античной атомистики.

Однако поиски духовного синтеза развиваются не только в сторону усиления рациональности, они устремляются и в глубь человеческой души. В их основе лежит мистика платоновско-августиновской религиозности. На смену страху перед богом — «царем небесным» приходит экзальтированное мистическое тяготение к богу-искупителю, который через свои страдания, слитые с очищающими страданиями человеческой души, через осознанную и полную любовь приводил бы смертного к тому состоянию, что превышает страдание и наслаждение. В пределе мистическая медитация должна была бы иметь своим итогом слияние человека с творцом, но не в субстанциональном смысле, а как сопряжение воли и любви. Порой такая мистическая любовь обретала социальную форму, когда она от блаженства в боге обращалась на людей и мир, заставляя трудиться на благо ближних и общества (этот поворот особенно характерен для народных ересей).

Философствующая мистика Бернара Клервосского, Гуго (1096—1141) и Ришара (ок. 1162—1173) Сен-Викторских, неоплатоников Шартра, достигшая предельной утонченности, порой эстетически-изощренная, нашла отклик и в светской литературе XII в., в поэзии трубадуров и миннезингеров. Но к концу XII в. мистика проникла во фландрские монастыри, снова оживилась в Германии, привлекла и мирян. Сторонники проповедника Арнольда Брешианского — катары и вальденсы (см. ч. III, гл. 5), еретическое учение которых охватило юг Франции и проникло в Италию, сделали из мистических исканий радикальные выводы о ненужности церкви как посредника между человеком и богом, ибо путь к нему должен лежать не через организацию, а через евангельскую бедность и чистоту, апостольское братство и первозданную безгрешность.

Немецкая мистика или замыкалась в глубинах человеческого духа, отрезая его от мира и церкви, или, возвращаясь к миру, сближалась с пантеизмом и тоже обесценивала церковь и культ. В Италии мистические искания Франциска Ассизского (см. ч. III, гл. 5) парадоксально обернулись не уходом от мира, а обращением к нему.

Для XII в. характерно нарастание интереса к греко-римскому наследию. В философии это выражается в более углубленном изучении древних мыслителей. На латинский язык с арабского и греческого начинают переводиться их сочинения, прежде всего произведения Аристотеля, а также трактаты античных ученых Евклида, Птолемея, Гиппократа, Галена и др. В литературе усиливается тяга к классическим образцам, особенно к Овидию. Античные образы заполняют страницы произведений

лучших писателей того времени — Хильдеберта Лаварденского, Алана Лилльского, Пьера из Блуа и других. Авторы XII в. порой настолько хорошо владели цицероновской риторикой, что могли бы поспорить в этом с гуманистами Возрождения.

В Италии римская традиция не могла иссякнуть и в раннем средневековье, сохранялась в литературе, праве, быте. Произведения древней архитектуры и искусства были все время «на глазах» жителей Италии и тех, кто ее посещал. В Италии никогда не прерывались связи с Византией и Востоком, в частности арабским миром. Начавшееся во второй половине IX в. своеобразное «византийское возрождение» и огромный интерес арабов к древнегреческой философии и науке получили в Италии еще больший резонанс, чем во Франции и других странах Западной Европы. В Италии в XII в. делались переводы сочинений Платона и Аристотеля с греческих оригиналов, а не с их арабских версий. Особое внимание проявлялось к сочинениям естественнонаучного характера, медицинским, астрономическим. Италия стала центром изучения римского права, которое в определенной мере помогало расшатывать устои феодального общества, ибо могло быть использовано не только папой и феодальными верхами в обосновании своих привилегий, но и городами и формирующимся бюргерством в защиту собственных прав. Болонская юридическая школа, существовавшая с XI в., в 1158 г. превратилась в университет.

Увлечение античным наследием, усиление рационалистических тенденций приводило к росту светских и антиклерикальных элементов в культуре, расцвету литературы на национальных языках. XII—XIII вв.— это время, когда сложившийся ранее в устной традиции героический эпос стал важнейшим звеном средневековой книжной словесности.

Средневековое сознание было пронизано историзмом. Хранителем истории, коллективной памятью, жизненным эталоном, средством идеологического и эстетического самоутверждения был героический эпос, который сконцентрировал в себе важнейшие стороны духовной жизни, идеалы, эстетические ценности, поэтику средневековых народов. Корни героического эпоса Западной Европы уходят в глубь варварской эпохи. Об этом прежде всего свидетельствует сюжетная канва многих эпических произведений, в основу ее положены события времени великого переселения народов.

Первые записи эпических произведений в Западной Европе относятся к VIII и IX вв. Как уже упоминалось, ранний этап эпической поэзии связан с развитием раннефеодальной военной поэзии, кельтской, англосаксонской, германской, древнескандинавской, которая сохранилась в уникальных разрозненных фрагментах.

Эпос развитого средневековья — народно-патриотический по своему характеру, вместе с тем отразил не только общечеловеческие ценности, но и рыцарско-феодальные. В нем происходит идеализация древних героев в духе рыцарско-христианской идеологии, возникает мотив «борьбы за правую веру», как бы подкрепляющий идеал защиты отечества, появляется «куртуазная беллетристичность».

Эпические произведения, как правило, структурно целостны и универсальны. Каждое из них задумано и реализовано как воплощение определенной картины мира, охватывающей множество сторон жизни героев. Отсюда естественное смешение исторического, реального и фантастического, высокой идеализации, типизации и бытовой конкретности, изображения героических деяний и наставлений житейского здравого смысла, трагического и комического. Эпос вмещал в себя систему миропонимания и мировоззрения, духовный опыт многих поколений, их этические достижения. Он, вероятно, в той или иной форме был знаком каждому члену средневекового общества, был общенародным достоянием.

Музыканты. Иллюстрация к слову «музыка» в энциклопедии, составленной около 1023 г. в монастыре Монтекассино.

В западноевропейском эпосе можно выделить два потока: исторический (героические сказания, имеющие реальную историческую основу) и фантастический, более близкий к фольклору, народной сказке (что не исключает наличия в нем и ярких, реалистических элементов).

Французский эпос, зародившийся в Каролингскую эпоху, сложившийся в IX—X вв. в устном народном творчестве запечатлен в «Chansons de gestes» («Песнях о деяниях»), которые, как правило, исполняли бродячие певцы-жонглеры (в Германии — шпильманы). Его древнейшее ядро составляет «Песнь о Роланде», повествующая о битве воинов Карла Великого с испанскими маврами (в действительности битва была с басками) в Ронсевальском ущелье в 778 г. Ее героем в эпосе становится королевский·племянник Роланд, чье рыцарское своеволие (он отказывается затрубить в рог в критический момент сражения и призвать на помощь своего могущественного дядю) обрекает его и весь отряд на гибель. Но именно безрассудное мужество и безоглядность, верность воинскому долгу, «милой Франции», христианству воспеваются в эпосе как наиболее привлекательные черты этого героя. «Песнь о Роланде» — строгий воинский эпос, сосредоточенный на героических деяниях.

Близкий к нему испанский героический эпос «Песнь о моем Сиде» дает более широкую картину, на фоне которой разворачиваются не только подвиги, но вся жизнь героя. Он дошел, как и «Песнь о Роланде» в большом количестве версий, которые позволяют «выстроить» весь путь Сида — кастильского рыцаря, героя Реконкисты, начиная с юности. Сид не безрассуден, он не только воин, но и мудрый государственный деятель, пекущийся о благе отечества, готовый пожертвовать для него личными интересами. Широкое распространение в Испании получили короткие лиро-эпические поэмы, которые исполняли певцы хуглары.

Во французском и испанском эпосе очень сильны патриотические мотивы, что позволяет провести определенные аналогии между ними и рус-

ским «Словом о полку Игореве» (ч. IV, гл. 5). Патриотический долг идеализированных героев оказывается превыше всего. Реальная военно-политическая ситуация приобретает в эпических сказаниях масштабы событий вселенского размаха и через такую гиперболизацию происходит утверждение идеалов, которые подчас перерастают рамки своей эпохи, становятся человеческими ценностями «на все времена».

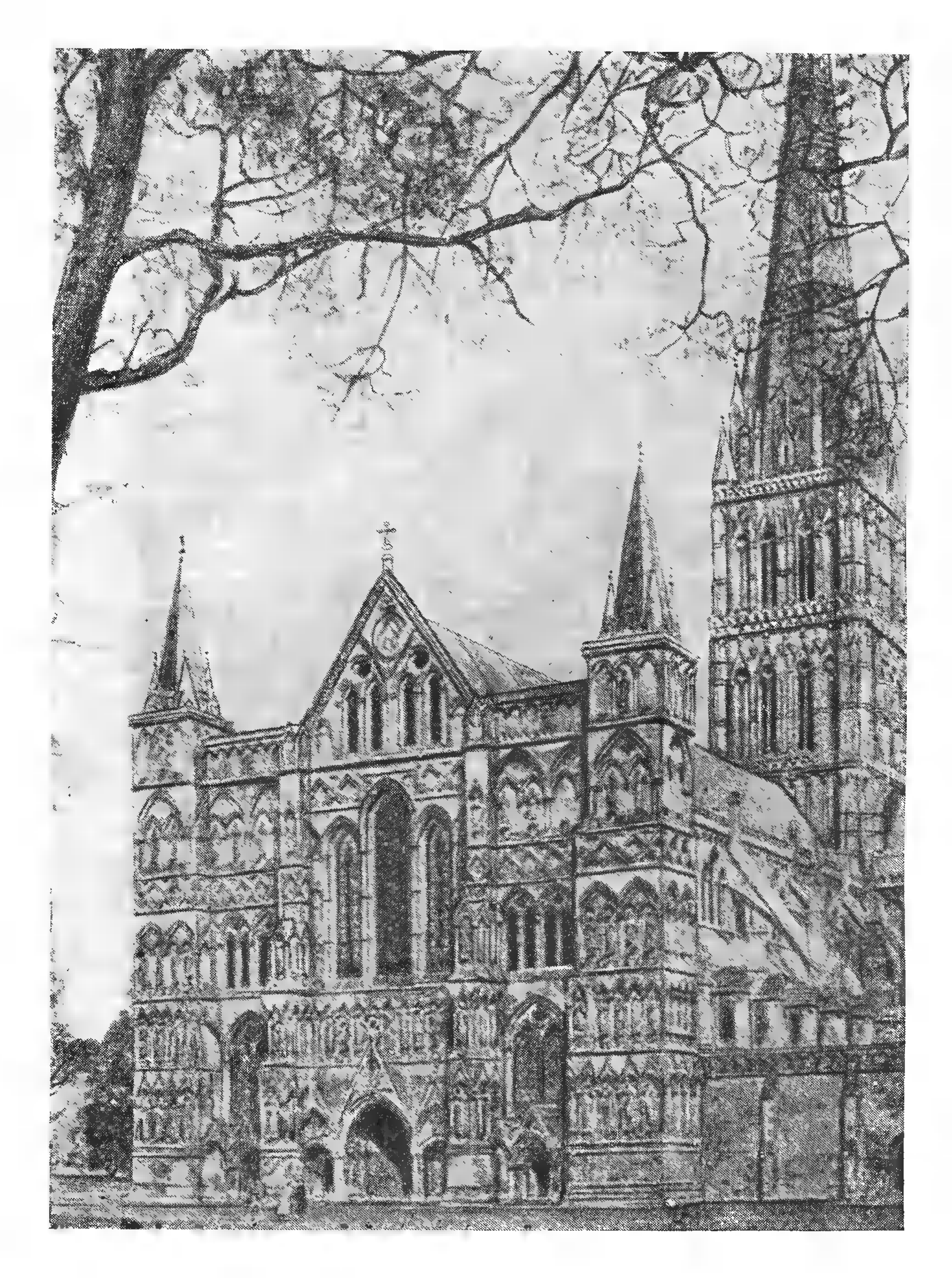
Героический эпос Германии — «Песнь о Нибелунгах» значительно более мифологизирован. В нем мы тоже встречаемся с героями, имеющими исторические прототипы, в частности Этцелем (Аттилой), Дитрихом Бернским (Теодорихом Великим), бургундским королем Гунтером и др., но и в ней изображение событий дается «крупным планом». Историческая основа романтизирована и опоэтизирована. Главный герой эпоса — принц Зигфрид, который помогает Гунтеру в сватовстве к богатырской деве Брунхильде. Под видом Гунтера он побеждает ее в воинском поединке и в любви. Когда через много лет тайна открывается, Зигфрид становится жертвой мести Брунхильды, а обретенный им клад Нибелунгов скрывается под водами Рейна. Вдова Зигфрида Кримхильда, через много лет ставшая супругой короля Этцеля, обрушивает свою месть на Гунтера и его воинов, а затем и сама погибает ужасной смертью. В немецком эпосе сильны сказочные мотивы, многие элементы сближают его с рыцарским романом.

Связанный с определенным типом историзма, героический эпос средневековья был средством ритуально-символического осмысления действительности, что характерно как для Запада, так и для Востока. В этом проявилась определенная типологическая близость средневековых культур разных регионов мира. Героический эпос в XII—XIII вв. соседствовал с рыцарским романическом эпосом, основу которого он составлял, а затем был и потеснен им.

Светские устремления, антиаскетические настроения нашли яркое воплощение в рыцарской культуре. Своими корнями она, с одной стороны, уходит в глубины самосознания варварских народов с их культом вождя, личной верности и военной доблести, а с другой — в развитую христианством концепцию служения. Сначала служение понималось как преимущественно религиозное, но позднее приобрело намного более широкое значение и распространилось также на область чисто светских отношений, вплоть до служения даме сердца.

Кодекс рыцарства требовал от человека многих достоинств, ибо рыцарь — это тот, кто «благородно поступает и ведет благородный образ жизни». «Идеальный рыцарь» Тристан был прежде всего доблестным воином, великолепно владевшим всеми видами оружия. Он прекрасный охотник, знаток повадок зверя и дичи, сведущ в свойствах трав. Тристан великолепно образован, «в совершенстве овладел семью главными искусствами и многими языками», он «знаменитый музыкант», как сообщает автор норвежского варианта «Романа о Тристане и Изольде». Вдобавок он еще и поэт, искусен в шахматной игре, его манеры безукоризненны. Тристана отличают верность в дружбе и любви, великодушие к врагам, щедрость. Удаль его часто переходит в безрассудство. Расчет, понятие личной выгоды совершенно чужды Тристану. Он все время живет в мире сильных страстей, открыто выражает свои чувства, его внутренний мир чрезвычайно эмоционально насыщен. И что особенно важно, Тристан находится в непрестанном действии, ему чужда леность души. Жажда подвигов, пожалуй, у Тристана становится более могучей, чем даже страсть к Изольде.

Конечно, в реальной жизни рыцари были, как правило, весьма далеки от подобного идеала. Значительная часть была невежественной, грубой, по существу неграмотной. Но максимальные требования к рыцарю сформировались в высокий этический кодекс, который в идеале сплачи-

Готический собор в Солсбери. Англия. XIII в.

вал рыцарство. Лучшие черты рыцарского эпоса вошли в мировую культуру.

В культуре рыцарства чрезвычайно важной была внешняя сторона. В жизни рыцаря многое было сознательно выставлено напоказ. Храбрость, щедрость, благородство, о которых мало кто знал, не имели цены. Рыцарь постоянно стремился к первенству, к славе. О его подвигах и любви должен был знать «весь христианский мир». Отсюда внешний блеск рыцарской культуры, ее особое внимание к ритуалу, атрибутике, символике цвета, предметов, этикету. Рыцарские турниры, имитировав-

шие настоящие сражения, возникновение которых восходило еще к дофеодальным временам, языческой, варварской древности, были важными событиями в жизни рыцарей. Особую пышность они приобрели в XIII—XIV вв., когда на них собирались рыцари со всех концов Европы. С рыцарством в основном связано развитие западноевропейской геральдики.

XII в.— время возникновения рыцарского романа, куртуазной поэзии. Одним из его главных источников был кельтский эпос о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола. Герои этого бретонского цикла Ланселот и Персеваль, Пальмерин и Амадис и другие воплощали, по мысли создателей романов, высшие человеческие ценности, которые, собственно, находились вне религиозной сферы, принадлежали не потустороннему, а земному, но все же героическому, прекрасному и самоценному бытию.

В него вошла и прекраснейшая повесть о любви и смерти — история Тристана и Изольды, навеки оставшаяся в сокровищнице человеческой культуры. Ее «классическую» версию создал французский поэт Тома (Томас), долго живший в Англии, потом ее использовал и Беруль, Готфрид Страсбургский и другие подражатели. Основу сюжета составляет история взаимоотношений короля Марка, его невесты, а затем жены Изольды и его юного племянника рыцаря Тристана. Выпив по ошибке любовный напиток, Изольда и Тристан навеки полюбили друг друга, однако они не могут ни открыться в этом Марку, ни разорвать трагическую связь. Все они глубоко страдают, но бессильны перед жестокой судьбой, безжалостно влекущей влюбленных к смерти. Неподдельная искренность, великая сила любви — страсти, жажда и невозможность обретения счастья придают трагическую силу повествованию.

Счастливая любовь становится темой рыцарских романов «Эрек и Энида», «Клижес», «Ивейн, или Рыцарь со львом» французского поэта Кретьена де Труа, крупнейшего представителя этого жанра в западноевропейской литературе. Сюжеты его произведений перерабатываются авторами немецких рыцарских романов Генрихом фон Фельдеке, Гартманом фон Ауэ. Но лучшим произведением этого немецкого поэта стал «Бедный Генрих» (ок. 1195 г.), поэма, повествующая о великом душевном благородстве простой крестьянской девушки, готовой ради избавления любимого от страшной болезни принести в жертву свою жизнь.

Один из распространенных мотивов рыцарского романа — поиски святого Грааля — чаши, в которую, по преданию, была собрана кровь Христа. Грааль стал символом высшей духовности. Этот сюжет развивается в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», в котором человечность воспевается как высшая доблесть рыцаря.

Авторы средневековых рыцарских романов проводят своих героев через цепь подвигов и невероятных приключений, раскрывают, сколь трудны, а подчас и безнадежны поиски равновесия между обществом и еще только исторически формирующейся личностью. Они постепенно переходят от описания деяний героя к открытию его внутреннего мира, к утверждению, что путь к самоосуществлению человека лежит не только через героическое преодоление внешних препятствий, но и через преодоление самого себя. Вместе с тем рыцарский роман во многом имеет символический, знаковый характер, ориентирован на архетипические образцы и отношения, отсюда его традиционность, определенная умозрительность и проступающая порой жесткость поэтической конструкции.

Рыцарский роман, в котором бушует сказочно-авантюрная стихия, несмотря на все попытки его христианизации, был принципиально светским жанром, в нем отразились новые, нарождающиеся отношения между человеком и миром, усиление индивидуалистических моментов. Это особенно ярко проявилось в новом понимании любви, которая была центром и движущей силой любого рыцарского романа.

В XII в. новое отношение к любви обнаруживается не только в куртуазном романе, который отражает сдвиги, происходившие в обществе. В то время в феодальном обществе Европы положение женщины, во всяком случае из аристократических кругов, было довольно свободным. Женщины подчас играли видную социальную роль, имели сравнительно обширные права не только юридического и имущественного характера, но особенно в области чувств. Именно в этот период возникает культ дамы, бывший необходимым элементом куртуазной рыцарской культуры, придававшей исключительное значение любви как чувству, возвышающему человека, пробуждающему в нем все лучшее, вдохновляющему на подвиги. Эта любовь, горячая и земная, но в то же время поэтическая, бросала открытый вызов церковному аскетизму. Она вдохновляла авторов рыцарских романов и трубадуров, поэтов-рыцарей, появившихся в Провансе в конце XI в.

Прованс в XI—XII вв. был одной из самых развитых областей Европы, а его аристократические дворы — самыми изысканными. Горячее южное солнце, казалось, всех делало поэтами. Прекрасные песни на народном провансальском наречии пели крестьяне и горожане. Сам девятый герцог Аквитании Гильом (1071—1127) был прославленным трубадуром. Но среди трубадуров можно было встретить даже выходцев из плебейской среды, как, например, сын повара Бернарт де Вентадорн. Однако основная масса трубадуров — это рыцари среднего достатка, вассалы знатных сеньоров. Основная тема куртуазной поэзии — любовь, часто это идеализированное, утонченное чувство. Любовное служение стало своего рода «религией» высшего круга. Не случайным представляется и то совпадение, что в это же время в средневековом христианстве на первый план выдвигается культ девы Марии. Мадонна царит в небесах и в сердцах верующих подобно тому, как дама царит в сердце влюбленного в нее поэта. Знатной даме, избраннице сердца поклонялись, как богине, ее воспевали в прекрасных стихах, служению ей посвящали жизнь. Но поэзия трубадуров не была однообразной и любовь, воспеваемая ими, то оборачивалась светлым даром человеку, то магической силой, темной стихией.

Известнейшим трубадуром был уже упоминавшийся Бернарт де Вентадорн (ок. 1150—1180), в творчестве которого куртуазная лирика нашла свое наиболее полное выражение как поэзия феодального двора и связанного с ним парадного света. Вместе с тем произведения этого поэта полны жизни, лишь слегка романтизированной чувственности, горячей любви. «Магистром поэтов» называли Гираута де Борнейль (последняя треть XII — начало XIII в). Социальные, политические мотивы отчетливо звучат в стихах Бертрана де Борна, который выразил в них кастовые чувства рыцарства, презрение к низшим слоям общества, идеализировал войну как стихию рыцарской жизни. В куртуазной поэзии слышны голоса не только трубадуров мужчин, но и женщин — Беатриче де Диа, Марии Шампанской и др. Подобно отважным героиням рыцарских романов они решительно заявляют свои права на равенство с сильным полом.

В XII в. поэзия поистине становится «повелительницей» европейской словесности. Из Прованса увлечение ею распространяется в другие страны. На севере Франции появляются труверы, в Германии — миннезингеры, куртуазная поэзия расцветает на Пиренейском полуострове.

В начале XIII в. цветущая цивилизация Прованса была уничтожена северофранцузскими феодалами во главе с жестоким и коварным Симоном де Монфором (старшим), вторгшимся в эти земли с целью борьбы с еретическим движением альбигойцев (см. ч. II, гл. 2). Однако трубадуры, сумевшие уйти из пылающего Прованса, способствовали дальнейшему укреплению куртуазной культуры и поэзии при феодальных дворах Европы.

В XII в. западноевропейское общество, несколько столетий накапливавшее производительные силы, ощутило, как это медленное, незаметное накопление перешло в качественный скачок. Важнейшим результатом этого процесса стало бурное развитие городов, центров ремесла и торговли. Их население быстро росло, сюда стекались крестьяне и ремесленники из близких и далеких земель. В городах концентрировалась и культурная жизнь. Новая городская культура во многом противостояла господствующей церковно-феодальной. Она питалась народной культурой и в определенном плане была ее органической частью. Ее носителями были прогрессивно настроенные трудовые слои городского населения, ремесленники, зарождающееся бюргерство, плебейство.

Антицерковная вольнолюбивая направленность городской культуры, ее связь с народным творчеством наиболее ярко проявились в развитии городской литературы, которая с самого начала создавалась на народных наречиях в противоположность господствовавшей церковной латиноязычной литературе. Излюбленным ее жанром становятся стихотворные новеллы, басни, шутки (фаблио во Франции, шванки в Германии). Они отличались сатирическим духом, грубоватым юмором, яркой образностью. В них высмеивались алчность католического духовенства, бесплодие схоластической премудрости, кичливость и невежество феодалов и многие другие реалии средневековой жизни, противоречившие трезвому, практическому взгляду на мир, формировавшемуся у горожан.

Фаблио, шванки бросали дерзкий вызов куртуазному роману, выдвигая новый тип героя — неунывающего, плутоватого, смышленого, всегда находящего выход из любой трудной ситуации благодаря собственному уму и способностям. Так, в знаменитом сборнике шванков «Поп Амис», оставившем глубокий след в немецкой литературе, герой чувствует себя в мире городской жизни, в самых невероятных обстоятельствах так уверенно и легко, как герои рыцарских романов — в стихии рыцарских авантюр. Он всеми своими проделками, находчивостью утверждает, что жизнь принадлежит горожанам ничуть не меньше, чем другим сословиям, и место их в системе тогдашних общественных связей прочно и надежно. Городская литература бичевала пороки и нравы, откликалась на злобу дня, была в высшей степени «современной». Мудрость народа облекалась в ней в форму метких пословиц и поговорок, ставших достоянием последующих поколений, некоторые из них дошли и до наших дней. Церковь преследовала поэтов из городских низов, в творчестве которых она усматривала прямую угрозу. Так, сочинения парижанина Рютбефа в конце XIII в. были осуждены папой на сожжение.

Наряду с новеллами, фаблио и шванками складывался городской сатирический эпос. Его основой были сказки, сложившиеся еще в раннем средневековье. Одним из самых популярных был «Роман о Лисе», сформировавшийся во Франции и переведенный на немецкий, английский, итальянский и другие языки, полюбившийся горожанам во многих странах Европы. Главный герой этого «романа» Лис-Ренар наделен чертами, присущими горожанину: он деловит, изворотлив, практичен. В столкновениях с феодалами, которых символизируют медведь Брен, злой и голодный волк Изенгрин, Лис неизменно оказывается победителем перед королем — Львом-Ноблем, но он же показан как обидчик простого трудового люда, выведенного под видом кур, зайцев, улиток и других мелких животных.

Широкое распространение получило еще одно произведение городской литературы — «Роман о Розе». У него по существу два автора: рыцарь — поэт Гильом де Лоррис (ок. 1210 — ок. 1240), рассказавший о некоем юноше, обретающем свой идеал в образе Розы, и развивший этот сюжет Жан де Мен (ок. 1240 — ок. 1305). Это сочинение насыщено аллегориями, философскими реминисценциями. Оно пронизано идеями свободо-

мыслия, воспевает Природу и Разум, содержит критику феодального строя и утверждение необходимости равенства всех людей.

К XIII в. относится зарождение городского театрального искусства. Литургические действа, церковные мистерии были известны еще в раннем средневековье. Характерно, что под влиянием новых веяний, связанных с развитием городов, они становятся более яркими, карнавальными, появляется новый сценический жанр «миракль» — драматургическое произведение о жизни богоматери и святых. В «миракли» проникают светские элементы. Городские «игры», т. е. театральные действа, с самого начала носят светский характер, их сюжеты заимствованы из жизни, а выразительные средства — из фольклора, творчества народных бродячих актеров — жонглеров, бывших одновременно танцорами, певцами, музыкантами, акробатами, фокусниками, вожаками дрессированных животных и т. д. Одной из наиболее любимых была «Игра о Робене и Марион», бесхитростная история пастушки и пастушка, чья любовь победила козни коварного грубого рыцаря, пытавшегося соблазнить Марион. Такие представления разыгрывались на городских площадях, в них участвовали не только актеры, но и горожане. Они были выражением карнавально-смеховой, народной культуры средневековья.

В XII в. религиозность масс переставала быть по преимуществу пассивной. Огромное «молчащее большинство» из объекта церковного воздействия начинало превращаться в субъект духовной жизни. Теперь определяющими в ней становились не богословские споры церковной элиты, а бурлящая, чреватая ересями народная религиозность. Возрастал спрос на «массовую» литературу, которой в то время были жития святых, рассказы о видениях и чудесах. По сравнению с ранним средневековьем они психологизировались, в них усиливались художественные элементы. Излюбленной «народной книгой» стала составленная в XIII в. «Золотая легенда» Иакова Ворагинского, к сюжетам которой европейская литература обращалась вплоть до XX века.

Питомниками свободомыслия стали городские нецерковные школы, число которых начиная с XII в. постоянно увеличивалось. Здесь, а затем в университетах развивалась оппозиция официальному церковно-феодальному мировоззрению. Дух протеста и свободомыслия все больше распространялся среди школяров, становившихся более учеными, но отнюдь не более благонравными. Бродячие школяры (ваганты, голиарды), пересекавшие Европу с севера на юг и с востока на запад в поисках учителей поавторитетней, школ получше и жизни посчастливей, создали свою латинскую поэзию, дерзкую, осуждающую церковь, сытых и благополучных, воспевающую радости вольной и полнокровной жизни. В их среде распространялась оппозиция городских низов существующим феодальным порядкам. Остроумные, бичующие пороки общества и прославляющие радость жизни стихи и песни вагантов знала и распевала вся Европа от Толедо до Праги, от Палермо до Лондона.

XIII столетие развивает те культурные тенденции, которые сформировались в предыдущем столетии, однако это не механическое «приращение» к тому, что уже было найдено, а их обогащение и синтез, особенно ярко выступающие в сферах интеллектуальной жизни и искусства. Развитие городов как центров ремесла и торговли, расширение культурного кругозора европейцев, знакомство с культурой Востока, прежде всего арабской, явившиеся в определенной мере следствием крестовых походов, послужили стимулами развития школьного дела и системы образования. Кафедральные школы в крупнейших интеллектуальных центрах Европы превратились во всеобщие школы (studia generalia), а затем университеты (от латинского слова universitas — совокупность, общность), бывшие объединениями преподавателей (universitas magistrorum) или преподавателей и учеников (universitas magistrorum et scholarium). В XIII в.

такие высшие школы сложились в Париже, Монпелье, Салерно, Болонье, Палермо, Оксфорде и других городах. К XV в. в Европе насчитывалось около 60 университетов. Университет обладал юридической, административной, материальной автономией, которые даровались ему специальными документами государя или папы. Внешняя независимость университета сочеталась со строгой регламентацией и дисциплиной внутренней жизни. Университет подразделялся на специальные объединения — факультеты (от латинского facultas — способность). Младшим факультетом, обязательным для всех студентов, был артистический, на котором в полном объеме изучались семь свободных искусств, затем шли юридический, медицинский, богословский (последний существовал не во всех университетах). Крупнейшим университетом был Парижский, названный по имени его основателя Сорбонной. Студенты университета объединялись в землячества — провинции и нации. Каждая нация избирала прокуратора, а все вместе с преподавателями — главу университета — ректора. Преподаватели факультетов избирали деканов. Университеты получили право присуждения ученых степеней и выдачи разрешений на преподавание, что раньше было привилегией архиепископа, епископа или церковных чиновников. Обучение в университетах носило отвлеченный абстрактно-логический характер. Основные формы учебного процесса — лекция и диспут. Студенты из Западной Европы устремлялись также для получения образования в Испанию, где в это время высокого развития достигла арабская культура. Школы и университеты Кордовы, Севильи, Саламанки, Малаги, Валенсии давали более глубокие и обширные знания по философии, математике, медицине, химии, астрономии, чем самые знаменитые западноевропейские университеты.

Средневековые университеты, особенно Парижский, стали центрами схоластики. Уже вторая половина XII в. показала, что творческие потенции августино-платонического подхода в схоластике стали исчерпываться. Отсюда проистекал столь жадный интерес к философии Аристотеля, которая проникала в Западную Европу различными путями из Испании, через Толедо, где сочинения греческого философа и его арабских комментаторов начали переводить на латинский язык еще в XI в., через Византию, Италию и Сицилийское королевство, где трудились целые школы переводчиков и где особое внимание уделялось естественнонаучным сочинениям Аристотеля. Наконец, в Западной Европе делались самостоятельные переводы с греческих и даже арабских рукописей. В середине XIII в. Вильем из Мербеке заново перевел основные произведения Аристотеля, ряд важнейших комментариев к ним и отредактировал лучшие из существовавших переводов.

Для судьбы аристотелевской философии в средневековой Западной Европе существенное значение имело то, что она была заново усвоена не в своем первоначальном виде, но под огромным влиянием ее арабских комментаторов, в особенности Аверроэса (Ибн Рушда), давшего ей своеобразную «материалистическую» интерпретацию. Конечно, говорить о подлинном материализме в средние века нельзя. Все попытки «материалистической» интерпретации, даже самые радикальные, отрицавшие бессмертие человеческой души или утверждавшие вечность мира, все же осуществлялись в рамках теизма, исходившего из признания абсолютного бытия. От этого они, однако, не утрачивали своего «революционизирующего» значения.

Учение Аристотеля быстро завоевывало огромный авторитет в научных центрах Италии, Испании, Англии и Франции. Однако в начале XIII в. оно встретило резкое сопротивление в Париже со стороны августиновски настроенных французских теологов, испугавшихся интеллектуального радикализма, заложенного в нем. Последовал ряд официальных запретов, были осуждены близкие к пантеизму взгляды магистров

Парижского университета Амори Бенского и Давида Динанского, однако аристотелизм в Европе настолько стремительно набирал силу, что к середине XIII в. церковь оказывалась бессильной перед этим натиском и встала перед необходимостью ассимилировать аристотелевскую доктрину. К выполнению задачи по христианизации Аристотеля были привлечены доминиканцы. Начал эту работу Альберт Великий, который все еще следовал традициям старой схоластики, приспосабливал к ней положения аристотелевского учения.

Синтез аристотелизма и католической теологии осуществил Фома Аквинский (1125/26—1274), чья деятельность была вершиной и итогом теолого-рационалистических поисков, зрелой схоластики. Фома происходил из рода итальянских графов Аквино. В Парижском университете он учился у Альберта Великого, затем он последовал за учителем в Кёльн. Его основные сочинения — «Сумма теологии» и «Сумма против язычников». В них он пытался примирить догму и науку, веру и знание, метафизическое и реальное. Фома исходил при этом не из абстрактно-платонического умозрения ранней схоластики. Он признавал ценность познания, движущегося от чувственного опыта к абстракции человеческого разума. Однако в случае конфликта разума с истинами откровения предпочтение все же отдавалось последним, человеческое знание оказалось бесполезным и даже вредным. Таким образом, конечным критерием науки оказывалась трансцендентная, а не материальная действительность, что в конечном итоге сводило на нет все усилия познавательного разума. Синтез Фомы оказался иллюзорным и не разрешил проблему взвешенного соотношения веры и разума, что с очевидностью показала вся дальнейшая история томизма (религиозной философии Фомы).

Против теологического рационализма Фомы выступили францисканцы во главе с Бонавентурой, которые следовали августиновско-платоновской традиции, направляя ее в сторону мистической интерпретации. Однако это еще была борьба в одном лагере ортодоксального католицизма. Интереснейшей фигурой этого направления за пределами Франции был Раймунд Луллий Каталанский (1235—1315), поэт и философ, отказавшийся от блестящей придворной жизни и отправившийся миссионером в Северную Африку, где мученически погиб. Он глубоко изучал арабскую и еврейскую философию. Впечатляющими были его достижения в области логики, где Луллий стал одним из предшественников комбинаторных методов.

Бескомпромиссными противниками томизма были аверроисты, развившие наиболее радикальные стороны учения Аверроэса. Силы их во главе с Сигером Брабантским были сосредоточены на наиболее демократическом факультете Парижского университета — факультете свободных искусств, с самого возникновения университета славившегося свободомыслием и жизнелюбием его студентов. Центральным в доктрине аверроистов было учение о едином, универсальном разуме, общем всему человеческому роду. Как таковой он вечен и неразрушим, распадаются лишь его индивидуализированные проявления, связанные с человеческой телесной субстанцией. Единый интеллект выступает гарантом истинности познания, которое доступно каждому человеку и приводит его к истине без помощи откровения. Знания, обретенные с помощью человеческого разума, ценны сами по себе, а не в их соответствии с верой, которая является совершенно особой иррациональной сферой. Поэтому речь может идти не о примирении веры и разума, а об их разграничении, т. е. о существовании «двойственной истины». Таким образом, человеческий разум выводился из-под опеки религии, философия и наука приобрели право на обособленность, что открывало новые возможности для их дальнейшего развития. Аверроисты Сигер Брабантский и Боэций Дакийский также пришли к выводам о вечности и несотворенности мира, полагая, что бог есть

лишь перводвигатель, а не создатель сущего. Они отрицали бессмертие индивидуальной человеческой души.

Аверроизм был осужден католической церковью. Сигер Брабантский, поучавший «неугодным правдам» (по выражению Данте), был убит в папской курии. Однако идеи аверроизма не погибли, в XIV в. они были подхвачены в Падуанском и Болонском университетах, отчасти мыслителями Возрождения, в частности, Помпонацци, Пико делла Мирандолой и Джордано Бруно, их влияние можно обнаружить также в антипапских политических теориях Жана Жандена и Марсилия Падуанского.

В конце XIII в. против томизма выступил английский философ-францисканец Дунс Скот (ок. 1265 — ок. 1308), вдохнувший новые силы в номинализм и мобилизовавший его возможности для борьбы против официальной схоластики. Учение Скота зиждется на двух фундаментальных положениях — об однозначности бытия и множественности формальных различий. Разум бесполезен для веры, но он является совершенным инструментом логического познания реального мира. Все, что касается нематериальных субстанций,— вне его компетенции, следовательно истины откровения не могут быть предметом науки, они по существу противоразумны, а мышление есть прерогатива человеческого разума. По выражению К. Маркса, Дунс Скот «заставлял самоё *теологию* проповедовать *материализм*»[5]. Тончайший логик (doctor subtilis) Дунс Скот важную роль в процессе познания отводил математике, эмпирико-сенсуалистическим методам. Своим релятивизмом в оценке основных постулатов христианства он объективно подрывал устои религии и в своем учении нес зародыш разрушения схоластики.

Стремление к синтезу проявилось не только в теологии и философии, но и в других сферах интеллектуальной жизни. XIII в.— это столетие «сумм», грандиозных энциклопедических сводов знания, не отличавшихся критическим подходом к собранному материалу. но стремившихся к всеохвату того, что было известно в различных областях, не обязательно строго «научных». В них могли включаться и житейские наблюдения, и моральные рекомендации, и практические соображения, различного рода описания и т. д. Обязательно присутствовало изложение основ христианской теологии. Энциклопедическая традиция, сформировавшаяся еще у истоков средневековья и столь значимая для западноевропейской культуры той эпохи, в XIII в. нашла наиболее последовательное воплощение у Винсента из Бове, который в своем исполинском «Зерцале», состоявшем почти из 10 тысяч глав, постарался дать максимально полный свод знаний своего времени.

Одним из самых популярных сочинений энциклопедического характера в XIII в. была «Книга сокровищ» Брунетто Латини, флорентийского юриста и дипломата, объездившего всю Западную Европу. Свою энциклопедию он написал на французском языке, который в то время уже начинал соперничать с латынью как средство международного общения. Латини был наставником Данте.

К XIII в. традиционно относят зарождение интереса к опытному знанию в Западной Европе. Накапливались технические изобретения, расширялись познания в медицине, химии и других науках. В период крестовых походов европейцы многое позаимствовали на Востоке. Вошли в научный оборот естественнонаучные сочинения античных авторов, арабских ученых (Аверроэса, Авиценны, Аль-Кинди и др.).

В XII—XIII вв. определенный прогресс наметился в области механико-математических знаний. В Европе широкой известностью пользовались итальянские математики и астрономы. «Книга счета» Леонардо Фибоначчи (1202 г.) положила начало деятельности целой плеяды

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 142.

итальянских математиков, которых отличал интерес не только к теоретическим штудиям, но и практическому их применению, что сказалось на развитии инженерного дела, строительной практики, торговли и финансовой системы, расцветших позже в эпоху итальянского Ренессанса.

Изменялось отношение к математике и у более широких слоев. В исторических сочинениях и описаниях городов стало отводиться место «количественным характеристикам». Так, например, Бонвезино делла Рива (XIII в.) в описании города Милана сообщал, что в Милане 6000 фонтанов, 1000 лавок, 150 постоялых дворов, 10 больниц, 120 юристов, 14 монастырей и так далее подробнейшим образом. Его трактат больше напоминал инвентарный список, чем привычное для средневековья чисто описательное повествование. Формировались зачатки математико-статистического взгляда на окружающее, предвосхищавшего некоторые тенденции последующего развития европейского знания.

Центром взаимодействия западноевропейской, византийской и арабской культур было Норманнское королевство в Сицилии, где процветали различные науки, и искусства, развернулась широкая деятельность по переводу философских и естественнонаучных сочинений греческих и арабских авторов на латынь.

В XII—XIII вв. жажда познания не только бога, но и мира охватывала все более широкие слои общества, постепенно переставая быть прерогативой лишь ученой элиты. Развивалось «описательное естествознание». Создавались многочисленные бестиарии (книги о животных), лапидарии(книги о камнях и металлах), физиологии (наставления в природоведении). В Оксфордском университете переводились и комментировались естественнонаучные трактаты древних ученых и арабов. Философ Роберт Гроссетест сделал попытку внесения математических методов в естествознание.

Наиболее ярким примером интереса к естественным наукам является деятельность Роджера Бэкона (ок. 1214—1294), выходца из оксфордской школы, крупнейшего ученого средних веков. Жизнь Бэкона была полна превратностей и лишений. Его преследовала церковь, он несколько раз подолгу сидел в тюрьме. Начав с ультрасхоластических штудий, он в конечном счете приходит к исследованию природы, к отрицанию авторитета, решительно отдавая предпочтение опыту перед чисто умозрительной аргументацией. Он считал, что там, где говорит сама природа, не нужны человеческие «наставления», имея в виду особенно популярный в средневековой школе жанр учебной литературы. Особое значение он придавал математике, методы которой, как он считал, применяются во всех науках. Бэкон достиг существенных результатов в оптике, физике, химии. За ним укрепилась прочная репутация мага и волшебника. О нем рассказывали чудесные истории, утверждали, что он создал говорящую медную голову (первого робота), выдвинул идею воздвижения моста путем сгущения воздуха, создания самодвижущихся судов, колесниц, летательных аппаратов.

Картина духовной жизни средневековья была бы обеднена, если бы мы не сказали о той важной роли, которую играла в ней история. В ту эпоху история не рассматривалась как наука или как занимательное чтение. Она была существенной частью миросозерцания.

Различного рода «истории», хроники, летописи, биографии королей, описания их деяний и прочие исторические сочинения были излюбленным жанром средневековой словесности. Средневековое общество постоянно пыталось соотнести себя с прошлым и будущим. Этому способствовало то, что очень большое значение истории придавало христианство. Христианская религия изначально претендовала на то, что ее основа — Ветхий и Новый завет — принципиально исторична. Существование мира и человека разворачивается во времени, имеет свое начало —

творение мира и человека и конец — второе пришествие Христа, когда должен будет свершиться Страшный суд, откроется смысл и свершится цель истории, представленной как путь спасения человечества Богом.

В феодальную эпоху истории летописец, хронограф мыслился как «человек, связующий времена». История была инструментом самопознания общества и гарантом его мировоззренчески-социальной стабильности, ибо утверждала его универсальность и закономерность в смене возрастов человечества, во всемирной истории. Это особенно ярко прослеживается в таких «классических» исторических сочинениях средневековья, как хроника Гвиберта Ножанского, Оттона Фрейзингенского, Уильяма Мальмберийского и др.

Подобный глобальный «историзм» сочетался с удивительным, на первый взгляд, отсутствием у средневековых людей чувства конкретной исторической дистанции. Прошлое они представляли в костюмах своей эпохи, усматривая в нем не то, что отличало людей и события давних времен от них самих, но то, что казалось им общим, универсальным. Прошлое не усваивалось, а присваивалось, как бы становилось частью их исторической реальности. Александр Македонский представал средневековым рыцарем, а библейские цари правили на манер феодальных государей. Это особенно заметно в таком «околоисторическом» жанре, как житийная литература, пользовавшемся в средние века наибольшей популярностью. В XIII в. в средневековой историографии возникли новые тенденции, связанные с развитием городов. Они нашли отражение в «Хронике» итальянского францисканца Салимбене (1221 — ок. 1288), отличавшейся острым интересом к событиям мирской жизни его времени, тонкой наблюдательностью и рационализмом в объяснении причин и следствий события, наличием автобиографического элемента, предвещавшим появление нового мировоззрения.

По мере складывания в Западной Европе более или менее стабильных народностей все большее значение в культурной жизни приобретают народные языки. Они с XII в. все шире проникают в письменность и уже в XIII в. начинают теснить латынь в некоторых литературных жанрах — эпических поэмах, городской литературе и театре, в рыцарской и народной поэзии, частично в хронистике. Зарождаются национальные литературные языки и национальная литература, более доступные широким слоям общества, чем чуждая им латынь. Они становятся важным фактором патриотического сознания и развития национальных культур.

Рядом существенных особенностей отличалось культурное развитие Северной Европы в XII—XIII вв. Интенсивно шел процесс образования четырех основных скандинавских народностей — норвежцев, исландцев, датчан, шведов — который начался еще в раннем средневековье. Прежде единый древнескандинавский язык распался на северный диалект, на котором говорили исландцы и норвежцы (различия в их наречиях были еще сохраняли культурное родство, которое питалось общим прошлым уже значительной самостоятельностью. Однако народы Скандинавии все еще сохраняли культурное родство, которое питалось общим прошлым и корнями духовного развития народов, схожестью условий жизни и быта. Этому способствовал и новый фактор — с континента в Скандинавию вместе с христианством проник и латинский язык, ставший и здесь языком церкви и образования. Латинский алфавит вытеснил руны, его начинали использовать для записей на скандинавских языках, это стимулировало развитие скандинавской письменной традиции.

В XIII в., как уже отмечалось, была осуществлена запись древнеисландского эпоса «Старшая Эдда» и составлена «Младшая Эдда» Снорри Стурлусона (1179—1241) — своеобразное руководство по скальдической поэзии с изложением сюжетов многих древних сказаний и песен, настав-

Церковь монастыря в Хорине. 1273—1300 гг. Образец «кирпичной готики».

лений в древнескандинавской метрике и поэтике. Снорри был автором и наиболее значительного описания истории Норвегии, поражающего своей монументальностью. Это едва ли не самое крупное историческое произведение европейского средневековья. Сочинение Снорри получило название «Хеймскрингла» («Круг земной»). В начале XIII в. была составлена общая история норвежских королей, так называемая «Гнилая кожа», а несколько позже еще один исторический свод — «Красивая кожа». Эти своеобразные названия проистекали, вероятно, из того, что сохранность пергамента, на котором были написаны эти сочинения, была различной.

«Хеймскрингла» — историческое произведение, не имеющее аналогов на континенте. Это не хроника, а серия саг о норвежских конунгах. Сага — оригинальный плод древнейшего развития культуры скандинавских народов, преимущественно исландцев. Это явление, вырастающее на грани фольклора и литературы, сохраняющее в себе элементы народно-эпической традиции, но трансформирующее их в соответствии уже с законами литературного творчества. Саги — это прозаические произведения, повествования (на что указывает само их наименование сага — «то, что рассказывают»). Саги как особый жанр зарождаются и быстро достигают расцвета в XII—XIII вв., однако события, о которых в них повествуется, относятся к более раннему периоду (в основном к 930—1030 гг.), так называемой «эпохе саг». Саги подразделяются на три группы: «саги давних времен» (своего рода прозаические пересказы поэзии), «королевские саги», повествующие о конунгах, и «родовые саги» или саги об исландцах; степень исторической достоверности каждой группы различна. Герои многих саг — реально жившие наиболее выдающиеся люди времен заселения Исландии и их ближайшие потомки, связанные с ними семейно-родовые группы. В сагах дана подробная генеалогия наиболее известных родов Исландии.

Начинают создаваться датские (с XII в.) и шведские (с XIII в.) исторические хроники, писавшиеся на латинском языке учеными-клириками. Наиболее известная из них — «Деяния датчан» Саксона Грамматика (ум. ок. 1220). Помимо подлинных исторических событий в них описаны и легендарные, относящиеся к древнейшим временам, истокам истории предков датчан. С утверждением христианства в Скандинавии начинают распространяться и жанры, характерные для латинской литературы — ученые трактаты по богословию, астрономии, математике, зоологии и др., а также жития святых, в том числе местных, особенно канонизированных королей, церковная поэзия.

С развитием ремесла в XII—XIII вв. в Скандинавии начали совершенствоваться прикладные искусства, особенно самобытная резьба по дереву, наследовавшая лучшие черты «звериного» и «геометрического» стилей, а также усвоившая некоторые византийские и даже арабские влияния.

В древней Скандинавии зодчество было деревянным, с конца XI в. началось строительство каменных соборов в романском стиле. Своеобразным образцом для них стал собор в Лунде (Дания).

Художественным выражением духа зрелого средневековья, вершиной его искусства стала готика. Архитектурные новшества, в частности, нервюрные своды, позволили «разгрузить» внутреннее пространство и устремить собор ввысь. Обилие вытянутых витражных окон насыщало интерьер удивительным и непрерывным светом. Художественные архитектурные и строительные поиски завершились к началу XIII в. созданием зрелого готического стиля, который быстро завоевал почти всю Западную, Центральную и Северную Европу. Как и в предшествующий период, именно архитектура оказалась тем искусством, которое с наибольшей полнотой и выразительностью смогло выразить главные идеи и устремления эпохи, отреагировать на социальные сдвиги. Готика стала высшим художественным синтезом средневековья.

Главный ее феномен — городской кафедральный собор — был уже не только «библией мира». Он превратился в художественную модель универсума, в котором найдено определенное «равновесие» между божественным и человеческим, захваченным энергией духовного движения и в то же время несущим в себе трепетную силу жизни. Соединение экзальтированной одухотворенности с конкретностью и материальностью деталей рождало особую «пронзительность» восприятия, ощущение движения и взлета не только в пространстве, но и во времени. В отличие от

Кафедральный собор в Сиене. Образец итальянской готики.

романского собора с его четким планом и обозримыми формами готический собор необозрим, часто асимметричен. Каждый его портал носит индивидуальный характер. Собор устремился ввысь, стены как бы растворены, становятся ажурными, легкими, уступая место огромным окнам, украшенным цветными витражами. Внутри собор великолепно украшен каменной резьбой и скульптурами. Особую красоту интерьеру придают цветные витражи и круглые витражные окна — розы.

Соборы возводились по заказу городских коммун. Они символизировали не только могущество церкви, но и силу, вольность городов. В их создании проявлялся художественный гений народа.

Средневековые строители, художники, резчики по камню и дереву как бы «сплетали корону всевышнему из живых существ», веря, что его не может не волновать то, что происходит с его творениями. Поэтому готические соборы поистине энциклопедии из камня, и не в отвлеченном, а самом реальном, житейском смысле. Каждый готический собор нес свою тему: собор в Лане повествует внешним и внутренним декором о чуде творения и радости познания. На его фасаде скульптурные аллегории наук и искусств. Шартрский собор представляет вдохновляющую символическую картину небесного и земного миров, это своеобразная «модель вселенной». Реймсский собор — гимн национальной истории Франции.

При общности художественного идеала готика различных стран и регионов Европы имеет свои особенности. Немецкую готику нельзя спутать с испанской, а английскую с французской или нидерландской. Готический стиль проникает и в Чехию, Польшу, северные страны, где в него тоже вносятся местные черты.

В готических соборах очень много изображений в виде барельефов, сценок из народной жизни, потешных представлений, нередка прямая сатира на монахов и церковников. Так, на капители Пармского собора (Италия) осел в монашеском одеянии читает проповедь волкам, а под изображением надпись: «Это монахи (а на самом деле волки) священные догматы толкуют». Аналогичные сюжеты изображены и на капителях Страсбургского собора. Нередки и фривольные сценки, столь вопиюще чуждые проповедовавшемуся церковью аскетизму. Так же, как в романских постройках, очень много изображений зверей, птиц, домашней утвари, орудий труда. Художники постоянно обращаются к «теме труда», так как бог предопределил человека к труду. Крестьяне и ремесленники, кузнецы, плотники, строители, гончары представлены в разгаре своих трудов. Здесь же можно встретить изображения жонглеров, плясунов.

Огромной силой художественного воздействия обладает готическая скульптура. Предельное напряжение душевных сил отражено на лицах и в фигурах, вытянутых и изломанных, что создает впечатление стремления освободиться от плоти, достигнуть предельных тайн бытия. Человеческие страдания, очищение и возвышение через них — затаенный нерв готического искусства. В нем нет покоя и умиротворения, оно экстатично, пронизано смятением, высоким духовным порывом. Художники достигают трагического накала в изображении страданий распятого Христа, Бога, подавленного своим творением, скорбящего о нем. Для них характерно в целом отвращение к цветущей, ухоженной плоти. И это понятно. Ведь и они отражали жизнь — тяжелую, драматическую, полную лишений и бедствий, в которой человеку ежечасно угрожали неведомые опасности, и отражали особым, самобытным образом. Художники стремились показать высшую, духовную красоту, которая озаряла истощенные тела и изнуренные лица. Красота готической скульптуры — это торжество духа, торжество искания и борения с плотью. Однако к концу XIII в. в готической скульптуре нарастают реалистические черты, в изображениях людей она приобретает портретный характер.

С XIII в. готический стиль распространяется и в светском строительстве. Во Франции, Англии, Германии и других странах католической Европы воздвигаются замки, ратуши, университетские здания в готическом стиле.

Английская готика демонстрирует интересное соединение с романскими традициями. Старые соборы как бы «облекались» в новую готическую форму. Ведущую роль играли декоративные элементы.

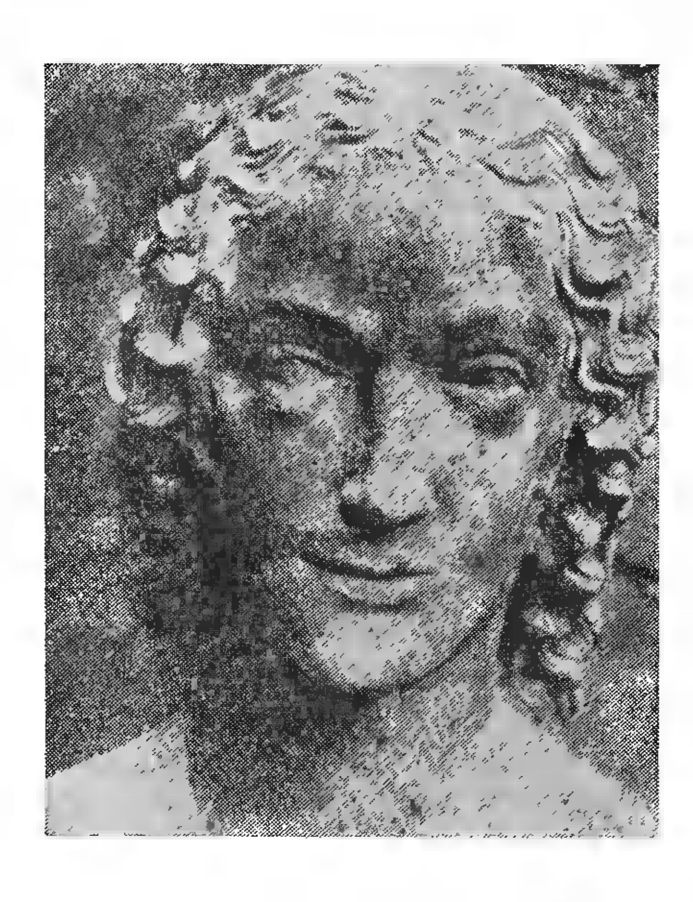
Немецкая готика была тесно связана с местными художественными традициями. Просветленный спиритуализм французской готики сменился в Германии мрачноватой экспрессией, драматической контрастностью. Особую выразительность приобрела скульптура, которая уже тяготела к индивидуализации. Уникальной является группа статуй основателей собора в Наумбурге, представляющая галерею человеческих типов и характеров, полна живой прелести графиня Ута.

В Испании своеобразно проинтерпретированный применительно к местным условиям готический стиль применялся в культовой архитектуре. Здесь зодчих особенно привлекала детальная проработка интерьера и декора.

В Италию готика проникла сравнительно поздно — в XIV в. и не стала господствующим стилем. Италия, уже вступавшая в новую культурно-

*Маркграф Эккехард
и его жена Ута.
Статуи в соборе
в Наумбурге.
Около 1250.
Камень.*

*Ева.
Фрагмент скульптуры
портала собора
в Бамберге.
XIII в.*

Надгробные скульптуры Алиеноры Аквитанской и Ричарда Львиное Сердце в церкви аббатства Фонтеврё. Франция. Начало XIII в.

историческую эпоху — ренессансную, не могла прямо заимствовать французский опыт, сформированный в иной социокультурной системе. Элементы готики были творчески переосмыслены и соединены с традициями итальянского зодчества.

В готическом искусстве скульптура преобладала над живописью, представленной главным образом росписью створок алтарей. Подлинными галереями крошечных картин, на которых жизнь человека того времени предстает во всем ее многообразии, являются средневековые рукописи с их красочными и изысканными миниатюрами. В готической миниатюристике с конца XIII в. начали опробоваться приемы, которые предвещали уже развитие живописи. В XIV в. во Франции и Англии появляется станковый портрет, развивается светская монументальная живопись. Центрами искусства становятся королевские дворы, резиденции крупных феодалов и города. Городское строительство приобретает особый размах в бурно развивавшихся Италии, Фландрии и Брабанте.

Строители готических соборов (имена некоторых из них дошли до нас) были великолепными мастерами. Сохранившийся альбом архитектора XIII в. Виллара де Онекура свидетельствует о высочайшем профессионализме, обширных практических познаниях и интересах, самостоятельности творческих устремлений и оценок. Создатели готических соборов объединялись в строительные ложи. Возникшее через пять столетий масонство использовало эту форму организации и даже заимствовало само наименование (франкмасоны — от французского «вольные каменщики»).

Искусство средних веков творилось руками ремесленников, недавних крестьян, горожан. Они были безымянными мастеровыми, честно и с вдохновением делавшими свое дело, любившими шершавость камня, яркость стекла, тяжесть металла, телесность вещи. Но они были и великими художниками, лучшими носителями народной культуры.

Проблема народной культуры — одна из наиболее дискуссионных в медиевистике. Прежде всего следует сказать о неустоявшемся характере самого понятия. Так, под народной культурой понимаются: мирская культура в противоположность церковной, неортодоксальная «ментальность» средневековья; восприятие и переосмысление «высокой» культуры массами, массовое сознание с присущими ему особенностями выражения; фольклорная культура, культура «простецов» в противовес ученой, интеллектуальной культуре; народная религиозность; культура низших социальных слоев общества, трудящихся.

Следует отметить, что для средневековья на разных этапах его развития понятие «народ» не было однозначным. Если для зрелого и позднего периодов под ним в советской историографии понимаются творческие силы истории, непосредственные производители — крестьяне, ремесленники, а также третье сословие — бюргерство, то для раннего средневековья с его социальной несформированностью выделить носителей народной культуры гораздо сложнее. Еще одна трудность заключается в том, что в противопоставленной «высокой» культуре «простецами» были не только представители низших слоев общества, но и многие феодалы, необразованные слои клира. Практически почти все письменные источники той эпохи, дошедшие до нас, созданы в лоне «официальной» культуры. Народная культура была бесписьменной, устной. Увидеть ее можно, только по крупицам собирая сведения «официальных» источников, которые дают их в своеобразном преломлении, под определенным углом зрения, что создает дополнительные трудности изучения народной культуры. Однако в последние годы в такого рода исследованиях достигнуты значительные успехи.

Народная основа, представления, чувства и творчество трудящихся масс являются фундаментом культуры каждой исторической эпохи. Прежде всего язык, без которого невозможна культура,— это плод твор-

чества многих поколений. Его создатель — народ. Народная психология, образность, стереотипы поведения и восприятия — это питательная среда культуры, то, что придает ей осязаемость и плоть.

Низовой пласт явственно просматривается в «высокой» культуре средневековья, в его литературе и искусстве, подспудно ощущается во всей системе интеллектуальной жизни, движение и изменение которой диктовалось не только ее внутренними закономерностями, но и глубинными влияниями, подчас выраженными неявно потребностями, зревшими в недрах средневекового общества, его народной первооснове. Этот «низовой пласт» не был только «карнавально-смеховым», он предполагал наличие определенной «картины мира», отражавшей особым образом все стороны человеческого и общественного бытия, мироустройства. Каждая историческая эпоха имеет свое мироощущение, свои представления о природе, времени и пространстве, порядке всего сущего, отношениях людей друг к другу. Эти представления не остаются неизменными на протяжении всей эпохи, они имеют свои отличия у разных классов и социальных групп, но в то время являются типичными, показательными именно для этого отрезка исторического времени. Недостаточно констатировать, что средневековый человек исходил из «картины мира», выработанной христианством. Совершенно очевидно, что представления у верующего человека наших дней и средних веков при общности исходных христианских принципов различны. Христианство лежало в основе мироощущения, массовых представлений средневековья, но не поглощало их целиком.

Сознание той эпохи, в его элитарных и низовых формах равно исходило из констатации дуализма мира. Земное существование рассматривалось как отражение бытия высшего, «горнего мира», с одной стороны вобравшее в себя гармонию и красоту своего архетипа, а с другой — представляя его явно «ухудшенный» в своей материальности вариант. Примирение или противостояние двух этих миров — проблема, занимавшая средневековое сознание на всех его уровнях. К этому дуализму восходили универсализм, символизм и аллегоризм, бывшие неотъемлемыми чертами средневекового миросозерцания и культуры.

Средневековое мировосприятие стремится больше к синтезу, чем к анализу. Его идеал — целостность, а не множественное разнообразие. И хотя земной мир представляется ему состоящим из «своего, знакомого» близлежащего пространства и «чужого», далекого и враждебного, но все же обе эти части слиты в неразрывное целое, они не могут существовать одна без другой.

Крестьянин часто рассматривал землю как свое продолжение. Не случайно в средневековых документах она описывается через человека — числом шагов или временем труда, вложенного в ее обработку. Средневековым человеком мир не столько осваивался, сколько присваивался, делался своим в тяжкой борьбе с природой. Неотчужденность — важнейшая черта средневекового мироощущения.

Средневековые литература и искусство не знают интереса к конкретному, детализированному изображению пространства. Фантазия преобладает над наблюдением, и в этом нет противоречия. Ибо в единстве мира «горнего» и мира «дольнего», при котором подлинно реальным, истинным представляется лишь первый, конкретикой второго можно пренебречь, ибо она лишь «затрудняет» восприятие целостности, «замкнутой системы со священными центрами и мирской периферией».

Гигантский мир, сотворенный богом — космос,— включал в себя «малый космос» (микрокосм) — человека, который мыслился не только как «венец творения», но и как целостный, завершенный мир, заключающий в себе то же, что и большая вселенная. Это особенно наглядно отражается в изобразительных попытках того времени, когда макрокосм был пред-

ставлен как замкнутый круг бытия, движимого божественной мудростью и содержащего внутри себя свое одушевленное воплощение — человека; в средневековом сознании природа уподоблена человеку, а человек — космосу.

Иным, чем в современную эпоху, было и представление о времени. Прежде всего в рутинной, медленно текущей цивилизации средневековья временны́е ориентиры были расплывчаты, необязательны. И хотя люди отнюдь не были счастливы, «часов они не наблюдали». Они просто не нуждались в точном измерении времени, природный отсчет которого был для них вполне удобен и достаточен. Это «личное», бытовое время средневекового человека двигалось как бы по замкнутому кругу: утро — день — вечер — ночь; зима — весна — лето — осень. Но более общее, более «высокое» переживание времени было иным. Христианство наполняло его сакральным содержанием.

Следует сказать, что и восприятие человеческих возрастов также отличалось от привычных для современного человека. Средневековое общество демографически было молодым. Продолжительность жизни в среднем была невелика. Человек, перешагнувший рубеж сорокалетия, считался пожилым, стариком. Средневековье не знало того особого внимания к детству, глубокой эмоциональности в отношении к детям, столь характерных для нашего времени.

А вот отношение к юности было очень ярким, эмоциональным. Она мыслилась как пора цветения, игры, дань разгулу, с нею связывались представления о жизненной магической силе. Юношеский разгул узаконен в средневековом обществе, которое в целом в своих моральных установках тяготело к трезвости, целомудрию и устойчивости. Вступление же во «взрослую» жизнь требовало от молодежи отказа от подобных вольностей, энергия молодости должна была быть направлена в традиционное социальное русло и не выплескиваться из берегов.

Средневековье имело свой взгляд и на такие кардинальные составляющие общественного и человеческого бытия, как власть, право, труд, богатство и бедность, жизнь и смерть и др. Они подробно освещены в многочисленных научных исследованиях последних лет. В отношениях между людьми огромное значение придавалось не только их реальному содержанию, но и форме. Отсюда вытекало требование скрупулезного следования традиции, соблюдения ритуала. Детализированный этикет — тоже порождение средневековой культуры.

В массовых представлениях средневековья, замкнутых на религию, большое место занимала магия, ведовство. Однако в период высшего накала спиритуальности в XI—XIII вв. магия отодвигается в глубины низового сознания, которое вдохновляется идеей мессианства и живет упованиями на обещанное в Новом завете наступление царства божьего. Расцвет магии, демонологии, ведовства приходится на XV—XVI вв., т. е. на период заката собственно средневековой культуры.

Средневековую культуру Западной Европы долгое время рассматривали как чисто религиозную, отказывая ей в положительной исторической значимости для развития человечества. Сегодня, благодаря исследованиям нескольких поколений медиевистов, она предстает перед нами многими своими ликами.

Крайний аскетизм и жизнеутверждающее народное мироощущение, мистическая экзальтация и логический рационализм, устремленность к абсолюту и страстная любовь к конкретной, вещной стороне бытия причудливо и вместе с тем органично соединяются в ней, подчиняясь законам эстетики, отличным от античности и нового времени, но оттого не менее значимым, утверждая мироощущение и систему ценностей, присущие именно средневековью, закономерному и оригинальному этапу человеческой цивилизации.

Существо культуры высокого средневековья — жажда духовного единства, постижения абсолюта, поиски примирения веры и разума, божественного и человеческого, священного и мирского, о котором грезили патристика и раннее средневековье. Отсюда его взлеты и падения, высоты синтеза и провалы разобщенности. Однако зрелость и достижения этой культуры со всей очевидностью показали невозможность органического соединения этих начал, создания гармонии между ними, увенчанной абсолютом. Попытки интеллектуального синтеза в конечном счете не могли осуществиться в полной мере, ибо вера, претендовавшая на то, чтобы нести высшую и бесконечную истину, не желала признать правоту несовершенного и ограниченного человеческого разума. Разум, в свою очередь, рвался из тех тесных границ, в которые замыкала его вера. Утонченная спиритуальность вдруг оборачивалась другой стороной — стихийной народной религиозностью. В ней путь к богу в конечном счете превращался в путь к человеку, к которому в жалости любви нисходил бог — Логос, чтобы быть рядом с ним. И это приближение бога к миру в итоге становилось предвестием «обожения» человека, его духовного раскрепощения. От упоения универсальностью средневековая культура доходила до постижения глубочайших основ жизни и признания человеческой индивидуальности. Формирующаяся личность, вступившая на путь не только самопознания, но и активного действия, обретала более острый взгляд на все явления окружавшего ее мира, индивидуализируя и конкретизируя не только познание, но и самое жизнь, противопоставляя себя тирании и авторитету и этим уже неся в себе зерно саморазрушения средневекового культурного универсума и творческие потенции дальнейшего развития европейской культуры.

А мир, конкретные проявления которого долгое время имели ценность прежде всего потому, что служили знаками, символами высшего, священного, вдруг явил свою собственную неодолимо притягательную силу во всем разнообразии ее живых и чувственных проявлений. Человека еще манила идеальная красота, и готические соборы еще устремляли свои стрельчатые силуэты к небесам, но на их кровлях уже восседали такие земные в своей фантастической телесности химеры, а тяжелые основания соборов прочно покоились на земле. Поиски святого Грааля еще продолжались, но многое уже предвещало, что отправившиеся в путь стали уставать и колебаться в своих устремлениях.

КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XIV–XV вв.

XIV–XV столетия в истории Западной Европы — период бурной ломки, социальных потрясений, глубоких изменений во всех сферах жизни общества. Это начало одного из крупнейших культурных переворотов в истории человечества — Ренессанса, зарождения подлинно национальных культур большинства народов, и до настоящего времени живущих в этом регионе мира.

Церковь постепенно утрачивает свое господство в духовной жизни. Уменьшается значение схоластики, латынь перестает быть единственным универсальным языком общения, теряет былой блеск рыцарская культура, становится все более очевидной иллюзорность духовного и культурного единства на основе христианства, к которому Западная Европа так стремилась в зрелом средневековье.

Идейной основой попыток нового единения европейской культуры становится гуманизм. Набирают силу зародившиеся в конце XII—XIII в. университеты, которые превращаются в центры интеллектуальной жизни. Университетское движение на многие века становится мощной скрепой в культурной жизни Западной Европы. Зародившийся на исходе развитого средневековья интерес к опытному знанию перерастает в неутоли-

мую жажду постижения природы и человека, что в конце концов приводит к возникновению новой европейской науки. В культуре позднего средневековья все сильнее звучит голос городского населения, бюргерства. Своих идеологов обретает и крестьянство.

Совершенствование производства в XIV—XV вв. обусловило непрекращающийся рост потребности в образованных людях в Европе и способствовало дальнейшему распространению и совершенствованию системы образования. В городах увеличивалось число школ, в которых преподавание велось на родном языке. В них принимали детей с 7—8-летнего возраста. Были созданы специальные школы для девочек. «Большой» школой оставался университет. К концу XV в. в Европе их было 79, их география значительно расширяется. По мере укрепления сословно-представительных монархий университеты стремятся освободиться от папской опеки и в борьбе королей против светских притязаний пап решительно принимают сторону королевской власти. Союз этот оказался роковым для университетской автономии: в XV в. многие из них были окончательно подчинены государству. Нараставшая «аристократизация» университетов, изменение социального состава магистров и студентов в пользу преобладания выходцев из зажиточных слоев способствовало тому, что к концу XV в. университеты превращаются в консервативную силу, особенно те, которые не сумели освободиться от папского влияния.

Тем не менее значение средневековых университетов для культурного развития Европы было очень велико. До их появления в Европе отсутствовала ступенчатая система образования: ее создали университеты, где были собраны магистры различного уровня учености. Университеты сыграли большую роль в распространении светского знания. Постепенно освобождаясь от церковной монополии, университеты устанавливают свою собственную монополию на образование, контролируя все школы города, округи и даже области. Университеты ускорили процесс становления светской интеллигенции. Открытые миру, они были местом встречи ученых и студентов разных стран и центрами обмена прогрессивных идей. Так, например, антицерковные выступления профессора Оксфордского университета Д. Уиклифа в 70—80 годы XIV в. нашли в начале XV в. живой отклик в трудах ректора Пражского университета Яна Гуса, смелая философия У. Оккама была развита учеными Парижского университета. Постоянной борьбой передовой общественной мысли с официальной церковной идеологией отмечена история университетов XIV—XV вв. и там, где побеждали прогрессивные силы и университетам удавалось освободиться от папского влияния, начинали развиваться экспериментальные знания, прокладывая путь зарождающейся науке.

В первой половине XIV в. ортодоксальная схоластика, стремившаяся примирить веру и разум за счет подчинения философского знания теологии, подверглась атаке со стороны ученика Дунса Скота английского мыслителя Уильяма Оккама (ок. 1300—1350). Он окончил Оксфордский университет, где были сильны традиции опытного знания, заложенные еще Роджером Бэконом. Оккам утверждал, что теология должна заниматься лишь вопросами веры и не вмешиваться в сферу разума. Задача знания — постижение реально существующих единичных вещей с помощью опыта. Общие же понятия (универсалии) являются знаками («терминами») и существуют лишь в уме, хотя и не лишены полностью объективного значения. Большой интерес представляют идеи Оккама о вечности движения и времени, о бесконечности и однородности вселенной. Однако, развив плодотворное учение об опыте, как основе и источнике познания мира, Оккам ограничил средства познания знаками («терминами» — отсюда учение Оккама называют «терминизмом»). Противоречия оккамизма в дальнейшем привели к образованию двух течений среди его последователей, которых было много во всех странах.

Центром одного из них, наиболее прогрессивного, послужившего философским обоснованием для естественнонаучного знания в XIV в., стал Парижский университет. Его представители, ученики Оккама, Жан Буридан (1300—1360), Никола Орем (1323—1382) и др. интересовались физикой, механикой, астрономией и выдвинули ряд положений, которые расходились с распространенными до этого в схоластике взглядами Аристотеля.

Орем попытался сформулировать закон падения тел, развил учение о суточном вращении земли, выдвинул идею применения координат. Альберт Сакский высказал предположения о строении земли, предвосхитившие геологические гипотезы Леонардо да Винчи, предугадал некоторые законы статики. Другой французский последователь Оккама Николай из Отрекура совсем порвал с аристотелизмом. Философы, по его мнению, вместо того, чтобы комментировать Аристотеля и Аверроэса, должны наблюдать природу. В объяснении природы Николай был близок к атомистической концепции Демокрита, считая, что реальной сущностью природы является материя, состоящая из атомов. Смелое и новаторское учение Отрекура, с которым в схоластику проникло веяние материализма, вызвало осуждение церкви, которая в 1347 г. вынудила ученого к отречению. Книги его были сожжены.

Борьба церкви с прогрессивным течением оккамизма, его неоднократное осуждение (последнее в 1474 г.) способствовали развитию и распространению, особенно в XV в., его другого направления — формально-логического, в центре внимания которого было изучение знаков — «терминов» как самостоятельных логических категорий. Схоластика вырождается в абстрактную игру слов. Словесная эквилибристика, потерявшая позитивный смысл, окончательно скомпрометировала ее, вызывая насмешки и презрение со стороны деятелей Возрождения. В XIV в. в схоластику широко проникает мистицизм. Его выразители в университетской среде Ж. Жерсон, Пьер д'Айи завершили критику аристотелизма как основы богословской системы Фомы Аквинского. Науке нет места в пропагандируемой ими «рассуждающей теологии».

Для XIV—XV вв. характерно дальнейшее развитие и накопление практических знаний, связанных с экономическими потребностями феодального общества (см. введение, гл. 2).

Значительных успехов достигла медицина. Хотя по-прежнему главными авторитетами оставались работы античных и арабских врачей (особенно Галена и Авиценны), средневековыми врачами был накоплен большой собственный опыт. Борьба с церковью за право анатомирования трупов частично увенчалась успехом: в 1376 г. медицинский факультет в Монпелье получил разрешение на анатомирование одного трупа в год. Следом подобные права получили и другие университеты. Это способствовало более углубленному изучению анатомии. Создаются первые анатомические атласы. Усложняются хирургические операции (вплоть до трепанации черепа). Большое внимание стало уделяться санитарному состоянию городов и личной гигиене. В больших городах (Лондоне, Париже) принимаются первые постановления против загрязнения воздуха и рек. Успешно развивается фармакология. В «Салернском кодексе» Арнольда да Вилланова (1235—1313), известного испанского врача и алхимика, даются описания ядов и противоядий, лечебных свойств различных растений и способы их употребления. Делаются попытки применить данные алхимии в медицине. Они завершаются в XVI в. созданием врачом Парацельсом нового направления в алхимии — ятрохимии, в основе которой лежало использование в качестве лекарств неорганических соединений. Развитие медицины, все более освобождаясь от церковной опеки, сдерживалось ее связью с алхимией, астрологией, черной магией, которые широко распространились в условиях духовного кризиса XIV—XV вв.

Со второй половины XIII в. усиливается реалистическое направление в алхимии. Были разработаны новые методы постановки опытов, усовершенствована аппаратура: перегонный куб, с помощью которого еще в XI в. был получен алкоголь, химические печи, аппараты, применяемые для длительного нагревания на огне, фильтрации и дистилляции, открыты или усовершенствованы способы получения минеральных и растительных красок, металлических сплавов, кислот, щелочей, солей, соды. Однако начиная с XIV в. в поисках способов трансмутации металлов алхимики все больше отходят от ремесленного производства, относясь к нему с презрительным пренебрежением. Совершая опыты в глубокой тайне, они пытались достигнуть своих целей с помощью астрологических выкладок, заклинаний, молитв и гаданий. Поэтому вклад алхимиков незначителен по сравнению с ремесленной практикой этого периода.

В XIV—XV вв. новых успехов достигла география. Перевод на латинский язык «Географии» Птолемея способствовал распространению представления о земле как о сфере. Благодаря усовершенствованию астрономических инструментов и компаса создались благоприятные условия для дальних путешествий, расширивших представления европейцев о мире.

Еще к XIII в. относится первая попытка обогнуть африканское побережье с западной стороны, предпринятая братьями Вивальди из Генуи. Есть сведения о том, что в XIV в. в Северной Америке, в верховьях реки Миссисипи побывала экспедиция скандинавов, разыскивавшая исчезнувших жителей западного поселения Гренландии. Накопленные наблюдения способствовали развитию картографии: составляются портоланы, карты и даже атласы (один из таких атласов — «Каталанский атлас» — имелся в библиотеке французского короля Карла V). Наряду с изобилующими фантастическими измышлениями описаниями дальних стран, где живут невиданные человекообразные существа и необычные животные, растут диковинные растения, в том числе дерево жизни, дающее плоды бессмертия, в XIV—XV вв. появляются книги, авторы которых — очевидцы — стремятся к правдивому рассказу об увиденном. Таковы «Описание путешествия Канона Ласкариса в Германию, Скандинавию и Исландию» (конец XIV — начало XV в.), «Паломничество в Святую землю» Брейденбаха, снабженное рисунками с видами городов и достопримечательностей. Напечатанная в 1483 г. книга Брейденбаха сыграла большую роль в подготовке экспедиции Колумба.

С развитием университетов и распространением образования в Европе XIV—XV вв. тесно связан расцвет книжного дела. Книга теряет свой сакральный характер, свойственный ей в монастырский период (до XII в.). В городах при университетах была создана система переписки книг. В оформлении книги было введено четкое деление текста на части, главы, абзацы. Они выделялись по-разному украшенными инициалами. Была разработана система сокращений, позволяющая ускорить переписку текста. Удобный формат, мягкий переплет — все делало из книги надежный инструмент труда средневекового интеллектуала. Стремление писать быстро способствовало развитию беглого, курсивного письма. Такие небрежно оформленные и бегло написанные, испещренные заметками нескольких поколений читателей книги составляют большинство в рукописном наследии XIV—XV вв. Но наряду с ними для богатых меценатов — феодалов и горожан — создавались роскошные экземпляры, украшенные великолепными миниатюрами: таковы «Часослов герцога Беррийского» и «Большие французские хроники» с миниатюрами Симона Мармиона. Наряду со школой средневековая книга способствовала распространению грамотности, ускоряла культурное развитие Европы в XIV—XV в., отразив его основные особенности: секуляризацию и складывание национальных характеров.

В XIV в. появляются обширные библиотеки при университетах (библиотека Сорбонны насчитывала в 1338 г. 1720 томов). Страстными коллекционерами книг были короли, высшее духовенство, феодальные сеньоры. Составляются каталоги светских библиотек. Но и более скромные лица обзаводятся личными библиотеками. Юристы, врачи, магистры имели в своем распоряжении книги, необходимые им для работы, произведения светской литературы, молитвенники и часословы.

Некоторые механические приемы копирования книжных текстов применялись в Европе уже в XIV в. Но подлинным переворотом в изготовлении книг стало изобретение в Германии книгопечатания Иоганном Гутенбергом около 1445 г. Книгопечатание повлекло за собой важнейшие изменения в культурной жизни Европы. Оно знаменовало «вторжение техники в область духа». 30 лет спустя после смерти Гутенберга немецкий гуманист Себастьян Брант, прославляя книгопечатание, писал: «Прежде доступную лишь богачу и королевскому званию, ныне встретишь везде, даже в хижине — книгу». Появилась возможность изготовлять сотни и тысячи одинаковых экземпляров, значительно удешевив книгу. Это способствовало быстрому распространению новых произведений, их проникновению в самые глухие периферийные уголки Европы, ускоряло обмен идеями, рост просвещения. Очень важно, что с самого зарождения книгопечатания предпочтение повсюду отдавалось книгам на национальных языках.

В XIV—XV вв. сохраняется неравномерность культурного развития отдельных регионов и стран Европы. Франция теряет свою ведущую роль, уступая ее Италии, опережавшей в это время другие страны в экономическом и социальном развитии.

Во второй половине XIV в. в Италии зарождается и быстро крепнет новая по типу культура Возрождения [6], которой предстояло во многом преобразовать духовный облик Европы. Венчает средневековье и в то же время высится у истоков Возрождения сложнейшая фигура Данте Алигьери (1265—1321). Его поэтико-мировоззренческий синтез — итог лучших духовных устремлений зрелого средневековья, но в то же время он несет в себе прозрение наступающей культурно-исторической эпохи, ее чаяний, творческих возможностей и неразрешимых противоречий.

Актуальные течения философской мысли, политические доктрины и естественнонаучные знания, глубочайшее постижение человеческой души и социальных отношений, переплавленные в горниле поэтического вдохновения — «Божественной комедии» Данте, создают в ней грандиозную картину мироздания, природы, бытия общества и человека. Гений Данте органично переходит от высочайших абстракций к выпуклому изображению самых конкретных, бытовых вещей. Возвышенно-утонченная любовь соседствует в его произведениях с земной страстью, отвлеченное морализаторство с убеждающей и трогающей душу человеческой увлеченностью. В целом оставаясь на позициях католической философии, Данте отдает дань идеям Абеляра и аверроистов, с любовью говорит о своих учителях — поэтах и философах античности, которых он полностью оправдывает, поместив не в ад, как прочих язычников, а в его преддверие — Лимб, где они не испытывают мук, но лишь погружены в «безболезненную скорбь». Взгляд для того смутного времени весьма смелый.

Целая галерея выдающихся деятелей средневековья, властителей дум этой эпохи проходит перед читателями «Божественной комедии», вошедшей в сокровищницу мировой культуры. Сочинение великого флорентийца насыщено жизненной силой, огромной поэтической и социаль-

[6] В этой главе дается лишь общая характеристика ренессансных тенденций в культуре XIV—XV вв. Возрождение как историко-культурный тип детально рассматривается в III томе «Истории Европы».

ной энергией, критическим духом, которые взламывают изнутри традиционные мировоззренческие рамки. Пытливый ум Данте проникает в глубины мироздания и человеческой души, поднимается в надзвездные сферы, а его художественный гений облекает в живую, осязаемую плоть мир накаленных человеческих страстей, беспощадно приговаривает тех, кто повинен в злодеяниях, к величайшим мучениям, с невероятной для того времени смелостью беря на себя функции верховного судьи. Бесстрашие поэта граничит с ересью. Но в то же время душа его не бесстрастна. Она мучается муками других и сострадает. Поэт утверждает идеалы добра, светлого упования и человечности. В его творчестве слышен зов наступающей эпохи, и все лучшее, достигнутое его временем, он передает грядущему.

За семнадцать лет до смерти Данте родился человек, которого с должным на то основанием считают основоположником итальянского Возрождения,— поэт и ученый Франческо Петрарка (1304—1374). Он своим творчеством и самим строем своей жизни утверждал новый стиль мышления, чувствования и бытия. У Петрарки явственно обозначился разрыв с абстрактно-логическим философствованием схоластики в пользу живого видения мира, глубокого изучения античных авторов, понятых не как отвлеченные авторитеты, но прочувствованных в их творческой связи с его современностью. В основу своего творчества он первым положил гуманитарные занятия, разработал их теоретический комплекс. Его идеалами были свобода человеческого духа, гармоничное развитие человека, открытие новых духовных горизонтов. Это ярко проявилось в лирике Петрарки, пронизанной чувством новой, живой и прекрасной человеческой любви к Лауре. В его поэзии нашло совершенное выражение новое миросозерцание, светское и жаждущее преобразований.

Другом Петрарки был другой выдающийся деятель раннего итальянского Возрождения Джованни Боккаччо (1313—1375). Он создал литературные произведения, поэтические и в прозе, в которых в художественной форме воплотил разные стороны ренессансного идеала человека. Тонкий лирический поэт, Боккаччо наиболее широко известен, однако, своим прозаическим сочинением «Декамерон», вобравшим лучший опыт средневековой городской новеллистики, переосмысленный в свете новых гуманистических устремлений.

Возрождение как особый тип культуры могло появиться благодаря тому, что в обществе сложились условия для формирования нового мировоззрения, новой концепции человека. Бурный рост городов в Италии, укрепление бюргерства, зарождение новых социально-экономических отношений, некоторое ослабление духовного давления церкви, антицерковность городской культуры, первые ростки индивидуализма — все это стало питательной средой для него.

Вместе с тем Возрождение выросло на почве усвоения и переосмысления всего предшествующего опыта европейской культуры, не только античной, но и средневековой, хотя идеологи Ренессанса и не признавали этого. Противопоставление своей эпохи, своеобразие которой деятели ренессансной культуры не только понимали, но постоянно подчеркивали, христианскому средневековью было одним из основных мировоззренческих принципов Возрождения и методов самоутверждения нового мировоззрения, искусства и образа жизни. Гуманисты стали родоначальниками концепции мрачного, фанатически религиозного варварского средневековья, на фоне которого тем ярче сиял светлый гений Возрождения. Оставим в стороне этические оценки этого явления. Констатируем лишь, что реальное соотношение средневековья и Возрождения не было таким, каким хотели представить его гуманисты.

В числе главных отличительных черт Возрождения (откуда оно получило и свое название) — стремление к возрождению античной культуры.

Мадонна. Картина Филиппо Липпи. Начало XIV в. Италия. Музей в Прато.

которая стала объектом страстной ностальгии и зачаровывающим идеалом. Конечно, ренессансное понимание античности тоже не могло быть точной реставрацией классической культуры. Однако, если в средние века даже в периоды наиболее оживленного обращения к ней предполагалось преимущественно пассивное, в некотором смысле даже «иллюстративное» ее использование, то в эпоху Возрождения классическая культура впервые становится активно действующим фактором преобразования жизни и мышления.

XIV — середина XV в. — время углубления основных принципов гуманистической культуры и распространения ее вширь, собираются и критически изучаются древние рукописи, большой шаг вперед делает философия, серьезно и по-новому осваивается античное наследие. Укрепляются позиции светского рационалистического знания. В первые десятилетия пятнадцатого века гуманизм превращается в широкое культурное движение, ведущим центром которого становится Флоренция. Гуманисты обосновываются также в Милане, Риме, Неаполе, Венеции и других городах Италии. Гуманистические принципы проникают в образование, в школы и университеты, где в это время расширяется преподавание не только гуманитарных, но и естественных наук.

В Италии возникает своеобразная гуманистическая культурная среда, в которой главным мерилом человека становится не его происхождение, не богатство, не святость, не религиозная добродетель, а virtu (доблесть), «которая дает человеку крылья» и которая должна была реализовываться в устремленности человека к познанию, творческой деятельности, истинном благородстве, постоянных личных усилиях человека в самосовершенствовании.

Идеал Возрождения — гармонически развитая человеческая личность, обладающая огромными творческими потенциями и способная их реализовать. Однако индивидуализм Возрождения, кроме многих положительных сторон, иногда оборачивался жестокостью, пренебрежением этическими нормами, абсолютизацией свободы личности.

На основе мировоззренческой общности и единства культурных устремлений складываются новые формы общения, в фундамент которых заложены представления о досуге древних, посвященном научным занятиям и философским беседам. Несмотря на сложность отношений внутри этой среды она не была профессионально и социально замкнута. В нее могли входить и отпрыски самых знатных семей Италии и простые горожане.

Выдвижение идеала нового человека и нового образа жизни сами по себе были чрезвычайно важными факторами культурной и общественной жизни. Гуманизм в лице своих лучших представителей нес и призыв к активизации гражданственности, к деятельной жизни, направленной не исключительно на самосовершенствование, но и на пользу сограждан. Гражданственность стала одной из главных черт гуманизма, особенно флорентийского. В ренессансной культуре на смену устремленности к богу, сосредоточенности на отношении мира земного к миру небесному приходит открытие человека, упоение его творческими возможностями, ощущение могучего зова земного бытия. Мировоззрение Ренессанса не перестает быть религиозным, но оно принципиально светское.

Одной из основных идей эпохи стало возрождение комплекса гуманитарных знаний античности. Развитие естественнонаучных интересов в конце Возрождения, приведшее к рождению подлинной науки, не вытекало из основных гносеологических установок Возрождения, гуманисты порой без благосклонности относились к ним. Однако обращенность ренессансной культуры к миру побуждала к познанию не только человека, но и природы.

Выступая против догматического мышления, гуманисты полагали, что возможно существование не одной, а различных концепций природы. Это разрушало средневековую концепцию единого знания, единой интерпретации мира, а в итоге — и единого его творца, т. е. основных постулатов средневекового христианства. Борьба против феодальной церковности — важная черта культуры Возрождения.

Мыслители гуманизма считали, что человек может подчинить себе природу. Однако пути воздействия на нее они искали не только в науке, но и в магии, астрологии, алхимии, время наиболее широкого распро-

странения которых не классическое средневековье, а эпоха Возрождения. Философская мысль Возрождения, однако, больше интересовалась вопросами этики, чем онтологии и гносеологии.

Вторая половина XV в. в Западной Европе отмечена возрождением интереса к эллинистической культуре, а в философии — к Платону и неоплатоникам. Большую роль в развитии этого интереса сыграли контакты западноевропейцев с византийскими гуманистами (ч. IV, гл. 1). Центром византийского культурного влияния была Италия, но в той или иной мере его испытали и другие страны Европы.

Возрождение приносит с собой и новое видение мира, новый стиль мышления, новую психологию. Изменяются представления и ощущения времени и пространства, усиливается методическое осмысление реалий, развивается способность к абстрагированию, математизации, и в то же время растет интерес к чувственно-конкретному познанию мира, к практической и изобретательской деятельности. Происходит секуляризация и до определенной степени рационализация сознания.

Возрождение произвело подлинную революцию в искусстве. Искусство приобретает подчеркнуто светский характер, в нем резко усиливаются реалистические тенденции, воплощается новый идеал красоты, понимание прекрасного, отрицающее средневековую эстетику.

Из Италии в другие страны Западной Европы ростки нового пробивались постепенно, продолжая сосуществовать с прежними культурными традициями. Ранние гуманистические очаги во Франции возникли при дворе короля Карла V, при папском дворе в Авиньоне в последней трети XIV в. С этого момента не прекращается культурное движение, представители которого проявляют постоянный интерес к античному наследию. На это движение влияли регулярные контакты с итальянскими гуманистами (так, Петрарка неоднократно с 1361 г. посещал Париж). Здесь при королевском дворе сложился кружок знатоков, занимающихся исследованием античной литературы (Пьер Берсюир, Филипп де Витри, переводчик трудов Петрарки на французский язык Филипп де Мезьер). Для библиотеки Карла V Никола Орем осуществил перевод на французский язык сочинений Аристотеля и других античных писателей. В начале XV в. Н. Кламанж, братья Готье и Пьер Коль, Жан де Монтрёй, Кристина Пизанская обильно используют образы, исторические примеры, латинизмы из античной литературы. Их привлекает Цицерон и риторика, занятия которой считаются полезными для интеллектуального труда. Однако использование античных источников французскими писателями XV в. не всегда вело к изменению строя их мышления. В частности, в сфере морали влияние итальянских гуманистов было слабым, так как христианская традиция во Франции была намного сильнее, чем в Италии.

В XIV в. в идеологии рыцарства начал нарастать болезненный разрыв между мечтой и действительностью. В рыцарской литературе еще присутствуют все большие темы предыдущего века: античные и бретонские циклы, рыцари Круглого стола и поиски Грааля, куртуазная любовь и т. п. «Роман о Персефоре», составленный в Эно в 1315—1340 гг.,— учебник рыцарства, предназначенный для воспитания детей короля, изображает идеализированное рыцарство. Странствующий рыцарь должен был подчиняться четырем законам: никогда не отказываться от поединка; в случае войны поддерживать справедливое дело; в турнирах выступать на стороне слабых; помогать каждому, дело которого справедливо. Но подчинение этим законам должно быть выражением добродетелей, более глубоких. «Если дворянин, вступивший в рыцарский орден, не имеет чистоты девушки, он не вправе называться рыцарем, как бы храбр он ни был. Ибо если о нем говорят, что „он храбр и смел и хороший рыцарь“, а другой отвечает: „он горд и заносчив и презирает бедняков и низших по положению, притворщик и лжец на словах, развратный и порочный в

действиях...",— такой человек не достоин быть рыцарем». В этих словах подлинный крик тревоги, обращенный к рыцарям своего времени, живущим лишь внешними атрибутами рыцарской жизни.

Рыцарский космополитизм в противоположность патриотизму вызывал осуждение горожан и крестьян. Кастовая замкнутость проявилась в создании в XIV—XV вв. многочисленных рыцарских орденов, вступление в которые обставлялось пышными церемониями. Игра заменяла действительность. Упадок рыцарства отразился в глубоком пессимизме, неуверенности в будущем, прославлении смерти как избавления.

Куртуазный роман постепенно приходит в упадок. По мере того как значение военного сословия уменьшалось, рыцарские романы все более теряют связь с действительностью. Их сюжеты становятся еще фантастичнее и неправдоподобнее, стиль вычурнее, усиливается религиозная окраска. Попытка возродить рыцарский роман с его героическим пафосом принадлежит английскому дворянину Томасу Мэлори (ок. 1417—1471). Написанный им на основе старинных сказаний о рыцарях Круглого стола роман «Смерть Артура» является выдающимся памятником английской прозы XV в. Однако, стремясь воспеть рыцарство, Мэлори невольно отразил в своем произведении черты разложения этого сословного слоя и трагическую безысходность его положения.

В поэзии господствующего класса в XIV—XV вв. преклонение перед формой (поэзия приравнивалась к риторике) сочеталось с проникновением в лирику дидактических, сатирических и патриотических мотивов, последние особенно ярко проявились в стихах французских поэтов — Карла Орлеанского, Кристины Пизанской и др. Большое значение для развития прозы на национальных языках приобретают произведения автобиографического (мемуары), исторического (хроники), дидактического содержания.

Развитие городской литературы в XIV—XV вв. отразило дальнейший рост социального самосознания бюргерства. В городской поэзии, драме и в возникшем в этот период новом жанре городской литературы — прозаической новелле горожане наделяются такими чертами, как житейская мудрость, практическая сметка, жизнелюбие. Бюргерство противопоставляется дворянству и духовенству как опора государства. Этими идеями проникнуто творчество двух крупнейших французских поэтов XIV в.— Эсташа Дюшена (ок. 1346—1406) и Алена Шартье (1385 — ок. 1435). Они высказывают резкие обвинения в адрес французских феодалов за их поражения в Столетней войне, осмеивают королевских советников и духовенство. В то же время, выражая интересы зажиточной верхушки бюргерства, Э. Дюшен и А. Шартье осуждают народ за мятежи.

Народное творчество лежит в основе поэзии замечательного французского поэта XV в. Франсуа Вийона (1431—ок. 1461). Он родился в год сожжения на костре героини французского народа Жанны д'Арк. В юности слушал лекции в Сорбонне. Однако его призванием была не наука, а поэзия. Вийон был бродягой, вечным скитальцем. Он отразил глубокие классовые противоречия современного ему общества. Высмеивая в сатирических стихах представителей господствующего класса, монахов и богатых горожан, Вийон полон сочувствия к беднякам. Антиаскетические мотивы в творчестве Вийона, прославление им земных радостей, роднящие его с вагантами,— все это является вызовом средневековому миросозерцанию. Глубокий интерес к человеку и его переживаниям позволяет назвать Вийона одним из предшественников Возрождения во Франции.

Особенно ярко народные начала проявились в XIV—XV вв. в городском театральном искусстве. Именно в это время широкое распространение получили фарсы — юмористические сцены, в которых реалистически изображался быт горожан, затрагивались социальные и политические проблемы. О близости к неимущим слоям горожан составителей фарсов

свидетельствует частое осуждение в них бездушия и алчности богатых. Большой популярностью в XV в. пользовался во Франции фарс «Господин Пьер Пателен», в котором обличалось корыстолюбие, нечестность и крючкотворчество судейских чиновников. Значительное изменение претерпела в это время и литургическая драма. В нее все более проникают светские элементы. Влияние церкви и ее контроль над городскими зрелищами ослабевает. Организация больших театрализованных представлений — мистерий переходит от клириков к ремесленным и торговым цехам, они осуществляются на городских площадях. Несмотря на библейские сюжеты, мистерии носили злободневный характер, включали комедийный и бытовой элементы. Появляются мистерии и на чисто светские сюжеты, посвященные событиям реальной жизни (например, мистерия «Осада Орлеана»).

В XIV—XV вв. в архитектуре большинства стран Европы продолжал господствовать готический стиль. Готика этого периода получила наименование «пламенеющей»; для нее характерны изощренность в конструкциях и изысканность в убранстве. Отличаясь большим единством, готический стиль имел, однако, свои особенности в разных странах. Франция была классической страной готики. Готическую архитектуру современники иногда называли «строительством на французский манер». Четкость конструкции, богатство декора, яркость витражей, соразмерность и гармония пропорций — основные черты французской готики (собор Парижской богоматери, соборы в Реймсе, Амьене, Лане, Сансе и др.).

В конце XIV — начале XV в. одним из крупнейших европейских художественных центров становится Бургундия. Придворным мастером герцога Филиппа Смелого был выдающийся скульптор, выходец из Нидерландов, Клаус Слютер (ок. 1340/1350—1406). Он создал ряд статуй для усыпальницы герцогов в монастыре Шанмоль, в том числе портретные изображения герцога и его супруги. Вершина его творчества — «Колодец пророков». Мощные, монументальные фигуры пророков выполнены с поражающей смелостью и выразительностью, заставляющими вспомнить более поздние гениальные творения Микеланджело.

XIV—XV вв.— эпоха, когда гражданская архитектура достигает расцвета. Для богатых горожан сооружаются большие красивые дома (например, дом купца и предпринимателя Жака Кёра в Бурже). Замки феодалов украшаются, становятся более комфортабельными. Постепенно они теряют свое значение военных крепостей и в XV в. превращаются в пригородные резиденции. Интерьеры замков-крепостей преображаются. На коврах изображаются эмблемы и сцены из жизни рыцарей, их развлечения, гербы, леса, военные баталии, охота, ловля рыбы. Особенно расцветают прикладные искусства, доставляя элите предметы роскоши, услаждающие жизнь: дорогие книги, зеркала, шкатулки из слоновой кости, украшенные сценами светской жизни. Изощренное и изысканное искусство придворно-рыцарской среды, получившее широкое распространение в конце XIV — начале XV в., получило название «интернациональной готики». Для него характерен вкус к декоративности в архитектуре и других изобразительных искусствах, украшение зданий многочисленными деталями. Зарождение Проторенессанса в заальпийских странах Западной Европы было связано не только с «возвращением к древности», но и с развитием и укреплением таких гуманистических тенденций, как борьба со схоластикой и духовной диктатурой церкви, интерес к практическим знаниям, интенсивная секуляризация средневекового общества, рост удельного веса городской культуры и свойственных ей черт: сатиричности, антисословности, элементов реализма. В подготовке Ренессанса в Северной Европе большую роль сыграло широкое распространение в XIV—XV вв. мистицизма, оказавшегося связанным с массовыми еретическими движениями.

Мистическая философия была развита доминиканцем из Германии Мейстером Экхартом (ок. 1260 — ок. 1328). Он учился и преподавал в Парижском университете, а затем в Страсбурге и Кельне. Его проповеди и трактаты на немецком языке сохранились в записях многочисленных учеников, среди которых наиболее известны И. Таулер и Г. Сузо. Экхарт придал заостренную форму основным постулатам средневекового неоплатонизма, абсолютизировав безличность и отсутствие качественных характеристик творящего первоначала. Пантеистические тенденции философии Экхарта особенно ярко проявились в утверждении того, что человеческая душа единосущна богу и является орудием вечного порождения им самого себя. Его учение, давшее мощный импульс дальнейшему развитию немецкой философии, отчасти предвосхищало диалектическую интерпретацию божественно-мирового процесса, полно и всесторонне представленную уже в новое время Шеллингом и Гегелем. Последователи Экхарта — И. Рейсбрук в Нидерландах (XIV в.) и др.— проповедовали индивидуальное благочестие, придавая решающее значение внутренним религиозным переживаниям человека. В деле спасения души главная роль отводилась самим людям, а не церкви. Учение мистиков содержало призыв к самосовершенствованию. Значительное влияние на развитие европейской культуры оказали создаваемые мистиками еще с конца XIII в. полусветские—полумонашеские братства, которые ставили своей задачей нравственное самовоспитание и назидательную просветительную деятельность среди народа. Такими были связанные с народными низами братства бегардов, бегинок и особенно популярное общество «Братьев общей жизни». Оно было основано в XIV в. в Девентере последователем Рейсбрука каноником Герардом Гроотом (ум. 1384 г.). Впоследствии общины были созданы во многих городах Нидерландов и Германии. В задачу братства входила проповедь «не словом, но пером», что послужило основанием для активной деятельности по переписке и распространению книг (особенно Библии) и устройству школ. С развитием движения «Братьев общей жизни» связано возникновение нового религиозного учения «новая набожность» («devotio moderna»). В нем, хотя и не в прямой форме, выдвигалось требование свободы человека в делах веры, культивировалось положение «познай самого себя», проявлялась склонность к самоутверждению личности и ее относительной самостоятельности даже перед богом. В этом «новая набожность» соприкасалась с идеями гуманизма.

В XV в. Германия дала одного из крупнейших мыслителей раннего Возрождения Николая Кузанского (1401—1464), бывшего в то же время и видным церковно-политическим деятелем. Значительную и наиболее плодотворную часть жизни Николай Кузанский провел в Италии. Переосмыслив традиции средневекового неоплатонизма и в то же время впитав новые гуманистические культурные веяния, немецкий философ создал оригинальную диалектическую интеллектуальную систему, важнейшее место в которой заняла разработка понятия метода, априорного предвосхищения реальности, строгих критериев точности познания, столь важных для всего последующего развития западноевропейской философии. Николай Кузанский считал важнейшим условием познавательной деятельности соединение «видимых противоположностей в предшествующем им единстве». Он трактовал мир как потенциальную бесконечность. Естественнонаучные и математические произведения Кузанца сделали его предтечей новой европейской науки. Николай Кузанский высказал идею о движении Земли вокруг Солнца, составил карту Центральной Европы.

В конце XV в. М. Бехайм сделал первый глобус. И. Мюллер (Региомонтан) был создателем астрономических таблиц, которые использовали Б. Диаш, Васко да Гама, Х. Колумб.

В XIV—XV вв. в литературе Германии мейстерзанг, родившийся во второй половине XIII в., постепенно оттесняет рыцарский миннезанг. Мейстерзанг — песенная поэзия, возникновение и распространение которой связано с подъемом городов и ростом бюргерства. В мейстерзанге XIV—XV вв. преобладали религиозно-дидактические мотивы. Творчество мейстерзингеров регламентировалось специальными сводами правил. Очень популярными в Германии были песенно-поэтические состязания мейстерзингеров, проходившие во многих городах. Существовали школы мейстерзингеров, первую из которых основал Генрих Фрауэнлоб из Майсена (ок. 1250—1318). Заслуженную славу стяжала не только в германских землях, но и за их пределами Нюрнбергская певческая корпорация. Развивались аллегорическая и дидактическая поэзия, народные фарсы — фастнахтшпили.

К концу XV в. в Германии и в Нидерландах (вошедших с 1477—1482 гг. в состав Германской империи) зарождается гуманистическая культура, которая отнюдь не была лишь копией итальянского гуманизма, а обладала глубоким своеобразием и сложной исторической судьбой. В 1494 г. была опубликована сатирико-дидактическая поэма Себастиана Бранта (1457/1458—1511) «Корабль дураков», которая продолжила лучшие традиции немецкой средневековой городской литературы. Произведение Бранта написано на живом ярком немецком языке, вобравшем в себя сочность народного наречия городских площадей и ремесленных мастерских. В то же время по своей концепции, подходу к изображаемым явлениям, по литературно-художественным средствам это сочинение принадлежало уже иной историко-культурной эпохе — Возрождению. Бюргерский дидактизм у Бранта сочетался с гуманистическим пониманием природы человека, отказом от теологических критериев оценки его поведения.

XIV—XV вв. в искусстве Германии — это еще время господства готики. Для немецкой готики особенно характерны устремленность ввысь и отсутствие богатого внешнего декора: скульптуры находятся в основном внутри и отличаются сочетанием грубого реализма с мистической экзальтацией (соборы в Фрейбурге, Магдебурге, Ульме).

В XIV в. развивается деревянная резная скульптура, станковая живопись. Начинается отход от традиционных средневековых художественных канонов, художники все больше интересуются изображением реальной жизни, природы и интерьеров, более тонкой и интимной психологичностью подлинных человеческих переживаний и чувств. Это характерно для таких художников, как Франке, мастеров Рейнской области и Швабии, а отчасти и Северной Германии. Расцветает искусство станковой гравюры на меди, выдающимся мастером которой был Мартин Шонгауэр.

На рубеже XIV—XV вв. в Нидерландах начинается отход от традиционного готического искусства. Художественные поиски не без влияния ренессансной Италии развивались в направлении гуманизации сюжетов и художественных средств выражения. На смену религиозному спиритуализму, аскетическим идеалам и догматической условности пришло ощущение ценности и красоты реального мира, живого человека. Однако нидерландское искусство этого периода ярко показывает органическую связь не только с новым ренессансным типом культуры, но и с лучшими традициями коллективного художественного опыта средневековых мастеров.

XV в. был временем становления многих национальных школ живописи. В Нидерландах плеяду выдающихся мастеров нового искусства открывает Ян ван Эйк (1390/1400—1441), творчество которого при его жизни стяжало европейскую славу. С его именем обычно связывается начало распространения техники масляной живописи, до этого в Европе господствовала темпера. Ян ван Эйк работал при дворе бургундского гер-

цога Филиппа Доброго, в одном из крупнейших культурных центров того времени, посетил Испанию и Португалию, затем поселился в Брюгге. Его старший брат Хуберт ван Эйк также был известным художником. Возможно, именно он начал работу над «Гентским алтарем», весь комплекс которой был выполнен Яном ван Эйком. «Гентский алтарь» — это открытие новой эпохи в развитии искусства Нидерландов. Поражают своей реалистичностью, художественной смелостью изображения обнаженных Адама и Евы. Ян ван Эйк создал и другие великолепные монументальные алтарные композиции, пронизанные пантеистической идеей всепроникающей высшей красоты. В искусстве ван Эйка смелая обобщенность живописи сочетается с особой тщательностью выполнения. Он был также одним из первооткрывателей европейской портретной живописи. Его кисти принадлежит первый в Европе парный портрет — купца Арнольфини с женой, написанный мягко и поэтично.

Старший современник Яна ван Эйка Р. Кампен (1380—1444) тяготел к бытовой интерпретации религиозных сюжетов. Его творчеству свойствен демократизм, лирическая интерпретация образов и вместе с тем контрастный, яркий колорит живописи. Художественные устремления Р. Кампена нашли развитие в произведениях его ученика Рогира ван дер Вейдена (ок. 1400—1460), который особенно прославился как тонкий мастер портрета, тяготевший к изображению внутреннего мира человека. Выдающимся художником был Гуго ван дер Гус (1435—1482), создавший грандиозный по замыслу и исключительно талантливый по исполнению алтарь Портинари.

Очень плодотворным XIV век был для развития английской культуры. В этот период существовавшие долгие века в устной передаче крестьянские песни, баллады начинают записываться. Особенно широкую известность получил цикл баллад, посвященных легендарному разбойнику Робину Гуду — любимому герою английского народа. Он изображается вольным стрелком, живущим со своей дружиной в лесу, защитником бедных против произвола феодалов и королевских чиновников. Образ Робина Гуда героизирован: он ловок, отважен, наделен сказочной силой. В нем отразилась вековая мечта народа о справедливом и отважном защитнике. Ярко выраженный классовый характер носит аллегорическое сочинение английского поэта XIV в. Уильяма Ленгленда (ок. 1332—ок. 1377) «Видение Уильяма о Петре-Пахаре». Поэма проникнута сочувствием к крестьянам, которые составляют, по мнению автора, здоровую основу всякого общества. По средневековой традиции облекая свое сочинение в аллегорическую форму, Ленгленд черпает образы из повседневной жизни, и это придает поэме отдельные черты реализма: крестьянский физический труд рассматривается в поэме как главное средство совершенствования людей, их спасения в загробной жизни, и противопоставляется, как своего рода идеал, тунеядству духовенства, судей, сборщиков налогов, дурных советников короля. Идеи Ленгленда перекликаются с учением лоллардов (см. ч. II, гл. 2). Они были весьма популярны среди участников восстания Уота Тайлера.

Поэтическое наследие средних веков в Англии было своеобразно «подытожено» творчеством Джона Гауэра (ок. 1330—1408), тяготевшего к архаической стихотворной речи, писавшего на трех языках — латыни, французском и английском. Гауэр отчасти был прямым предшественником Чосера (1340—1400), родоначальника английской национальной литературы, который во многом воспринял гуманистический импульс, исходивший из Италии, но в то же время был величайшим писателем английского средневековья.

Джеффри Чосер происходил из купеческой семьи, но еще в отрочестве стал пажом при дворе одного из сыновей Эдуарда III, участвовал в Столетней войне, попал в плен к французам, но был выкуплен королем.

Затем неоднократно исполнял важные дипломатические поручения в Италии и Фландрии. Закончил жизнь в бедности. Им написано несколько поэм эпического и сатирического характера, баллады, стихотворные послания и другие поэтические произведения. Он переводил Овидия и Боэция.

Демократические и реалистические тенденции, столь характерные для творчества Чосера, нашли наиболее полное выражение в его «Кентерберийских рассказах». Перед читателями проходит галерея современников поэта. Повествование ведется от лица паломников, ежегодно стекавшихся к Кентербери: рыцарей, горожан, моряков, монахов, мужчин и женщин, влюбленных и охваченных многими другими человеческими страстями. Богатство образов, тонкость наблюдений, сочетание драматизма и юмора, отточенная литературная форма делают эти рассказы подлинными литературными шедеврами. В XV в. Чосеру подражали Джон Литгейт, Томас Окклив и другие поэты-чосерианцы меньшего ранга.

Оригинальным явлением в литературе того времени была шотландская поэзия, имевшая глубокие истоки в народном творчестве. Еще в XIII в. стяжал славу полулегендарный Томас Рифмач Лермонт, изображавшийся как пророк и возлюбленный королевы фей. В XIV в. Джон Барбер создал поэму «Брюс» о вожде шотландцев в патриотической борьбе против завоевателей-англичан. Влияние Барбера на шотландских поэтов простиралось вплоть до XIX в.

В XV в. в Англии возрастает интерес к гуманистической культуре Италии. Появляются гуманисты-меценаты, такие, как Хемфри, герцог Глостерский, или Джон Типтопф, граф Вустерский. Однако английский гуманизм все еще был тесно связан с католицизмом, лишь через сто лет он освободится от церковно-схоластических пут.

В последней четверти XV в. в Англии Кэкстоном была открыта первая типография, что не могло не оказать влияния на культурную жизнь страны. Кэкстон и сам был интересным переводчиком. В XV в. развивается английская политическая публицистика, видными представителями которой были Р. Пикок (1395—1460) и Джон Фортескью (1395—1476).

С готикой связан расцвет в Англии архитектуры, книжной миниатюры, резьбы по алебастру и дереву, художественной вышивки. Своеобразием декора отличается собор в Эксетере (конец XIV в.) сложным переплетением нервюр — капелла Кингс-колледжа в Кембридже (1446—1515).

В XIV—XV вв. в культуре Скандинавских стран не было особенно ярких достижений. Церковную и ученую литературу все еще продолжают записывать на латинском языке, на ней лежит отпечаток провинциализма и упадка. Оригинальным явлением были рифмованные хроники шведов, народные норвежские баллады. Единственное произведение XIV в., которое перешагнуло пределы Скандинавии,— записанное на латыни «Откровение св. Бригитты». Тем не менее происходит дальнейшее обособление и развитие скандинавских языков. В 1477 г. в Уппсале открывается первый в Скандинавии университет, а в конце XV в. в Дании и Швеции выходят первые печатные книги на скандинавских языках. В архитектуре продолжает господствовать готический стиль.

XIV—XV вв.— период завершения Реконкисты в Испании. Он сопровождался подъемом духовной жизни. Были основаны университеты в Лериде (1300 г.), Уэске (1334 г.), Вальядолиде (1346 г.), Барселоне (1450 г.), Валенсии (1500 г.). Здесь преподавали не только богословие, философию и традиционный комплекс гуманитарных знаний, но и математику, астрономию, географию, картографию и ряд естественнонаучных дисциплин, что способствовало подготовке Великих географических открытий. Основным центром схоластической мысли с конца XIII в. была Саламанка. В XV в. в Испанию проникают идеи гуманизма. Против схоластики и церковной ортодоксии выступили такие мыслители, как

А. Турмеда, А. Тостадо, Антонио де Небриха, который создал первую грамматику испанского языка (1492 г.).

В XIV—XV вв. активизировалась деятельность ученых-юристов (глоссаторов и постглоссаторов), связанных с знаменитой Болонской школой права. В XIV в. была основана ее специальная испанская коллегия. Определенное влияние на юридическую науку того времени оказало и то, что в Гранаде, Кордове и других мусульманских городах Андалусии давно существовали активно действовавшие школы права.

Развивается литература на каталанском языке и его диалектах. Пользовались популярностью дидактические произведения А. де Вилланова (ок. 1250 — ок. 1311), Ф. Эшимениса (ок. 1340—1409), сатирическое анонимное произведение «Книга о моряках» (конец XIV в.). Гуманистические мотивы, связанные с влиянием итальянской ренессансной литературы, звучали в аллегорическом произведении «Сон» Б. Медже (ок. 1350—1410), у поэтов XV в. А. Фебрера, Дж. Фогассота, Дж. де Сант-Джорджи. Наиболее известным поэтом Испании того времени был А. Марк (1397—1459), считающийся создателем каталанского литературного языка.

На северо-западе Пиренейского полуострова была распространена поэзия на галиссийском диалекте португальского языка. В XV в. был создан сборник «Кансьонейруш», куда вошли народные песни и стихи галисийских трубадуров, в том числе легендарного Масиаса, жившего в XIV или начале XV в.

Последним выдающимся писателем и поэтом мусульманской Испании был Лисан ад-дин Ибн аль-Хатиб (1313—1374). Он написал ряд поэтических, исторических и философских сочинений, был обвинен в ереси, брошен в тюрьму, где и погиб от руки убийцы.

Испанской готике было чуждо стилевое единство. Так, например, в Арагоне и Валенсии готические приемы органично влились в архитектурный стиль мудехар, созданный по преимуществу архитекторами-нехристианами. Особую выразительность в соборах Каталонии, Валенсии, Арагона имели заалтарные образы (ретабло), сочетавшие скульптуру и живописные изображения. Родоначальником каталонской школы живописи считают Ферреро Бассу, создавшего росписи капеллы Сан-Мигель в Барселоне.

В областях, еще остававшихся под властью арабов, продолжает развиваться великолепное мавританское искусство. В XIII—XIV вв. был построен уникальный ансамбль Альгамбра в Гранаде, в котором совершенство архитектурных форм сочетается с богатейшим декоративным убранством.

В XIV—XV вв. происходят большие перемены в массовом сознании, народной культуре Западной Европы. По мере все большей секуляризации общества утверждается его стремление к освобождению от церковной опеки. Распространяются идеи, что некоторые области жизни общества, прежде всего политика, должны и могут избегнуть руководства со стороны церкви и его высшей организации — папства (эту идею высказывали в XIV в. Марсилий Падуанский, французские легисты). Распространяется также идея, что и в области религиозной миряне могут проявлять себя так же, как клирики. Ослабевает влияние церкви на массовые религиозные представления, усугубляется «драма непонимания» между церковью и народом. Пережитки язычества, элементы народной религии, сохранявшиеся в сознании простых людей на протяжении всего средневековья, находят выражение в XIV—XV вв. в распространении осуждаемых церковью магии, демономании, ведовства, культов местных святых. Число последних резко возрастает. Каждая профессия и каждое сословие средневекового общества имели своих святых покровителей и защитников. К ним обращались чаще, чем к Богу, им приносили подношения, давали обеты, требуя в ответ чудес и исцеления. Не в силах остановить этот

рост культа святых, церковь вынуждена была многих из них официально признавать.

Бедствия и эпидемии, поразившие Европу в XIV—XV вв., привели к резкому обострению переживания обществом идей смерти, Страшного суда и спасения души, искупления грехов через аскетизм, страдания, самоистязания. Этим идеям соответствуют в литературе и искусстве темы колеса Фортуны, хоровода смерти, влекущего к гибели представителей разных сословий.

Такие сдвиги в ментальности, мироощущении общества отразились и в том, что в образе христианского Бога снова начинают преобладать черты гневного и мстительного обвинителя, грозного Судии, карающего грешников. В искусстве Христос все чаще изображается как Судия, держащий меч в зубах. Одним из главных персонажей карнавалов становится Смерть. Такой пессимизм и трагизм мировосприятия являлся как бы оборотной стороной оптимистического ренессансного мировоззрения, что было одним из парадоксов культуры того времени.

Вместе с тем в произведениях городской, крестьянской литературы тема смерти трактуется в сатирическом, а иногда и в карнавально-юмористическом плане. Фольклорные ритуалы «бурлескного перевертывания», народной карнавализации давали выход социально-психологическому, эмоциональному напряжению, накапливавшемуся в обществе.

Важной чертой духовной жизни европейского общества XIV—XV вв. был рост и укрепление национального самосознания народов Европы и возникновение новых представлений об обществе. Именно в этот период появляются и закрепляются такие понятия, как граница, народ. Представления о национальном единстве, своей связи с родной страной основываются уже не на признании власти того или иного короля или принца, а на осознании общих исторических судеб народа. Более глубоким и личным становится чувство патриотизма. Складываются и осознаются наиболее характерные черты, свойственные разным народам. В литературе этого времени мы находим меткие характеристики французов и англичан, немцев и итальянцев и других складывающихся наций, характеристики, которые и сейчас не потеряли своего значения. Меняются представления о роли сословий, что было отражением реального изменения их положения в обществе.

XIV и XV столетия отмечены значительными достижениями, подготовившими расцвет науки и искусства XVI в. В этот период церковь постепенно утрачивает господство в духовной жизни общества. В отличие от Италии, где в XIV в. уже сложилась культура Возрождения, в других странах Европы, хотя и сказывалось ее влияние, но все еще продолжали существовать тенденции, характерные для средневекового типа культуры. Однако будущее уже было за Возрождением, пролагавшим путь в новое время.

Глава 3
ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Человек средневековья» — не представляет ли собой это понятие слишком расплывчатую и далекую от реального исторического содержания абстракцию? Да, если говорить о «человеке вообще». Нет, при условии, что историк пытается наметить в рамках этого идеального типа характерные формы человеческого поведения, которые соответствовали определенным социальным ролям, свойственным разным членам феодального общества. Для того, чтобы в какой-то мере приблизиться к существу предмета, нужно иметь в виду, с одной стороны, общие для людей сред-

невековой эпохи «параметры» их бытия, а с другой — не упускать из виду того, как люди, принадлежавшие к разным классам, сословиям, профессиям и культурным стратам, по-своему выражали свою ментальность.

Остановимся вначале на некоторых общих чертах мировосприятия средневековых людей, отличавших их картину мира от картины мира людей более поздней эпохи. Коренные формы ориентации человека в мире, которые лежат в основе его отношения к действительности,— это время и пространство. В системе современного сознания время и пространство выступают в качестве категорий, абстрагированных от предметного мира; поэтому мы можем делить время и пространство на соизмеримые отрезки и твердо знаем, что время линейно движется из прошлого в будущее. В средние века время вообще ценилось несравненно ниже, нежели в наши дни,— оно текло медленно, подчиняясь смене годичных сезонов, дня и ночи. Сутки делились на несколько отрезков, отмечаемых обычно колокольным звоном и измеряемых солнечными или песочными часами, но представление о минуте, не говоря уже о секунде, отсутствовало. Даже когда (около 1300 г.) на башнях городских ратуш и соборов начали устанавливать механические часы, они отбивали час, но не показывали более мелкие его доли.

Человек, подчиненный рутине размеренного сельского труда или ремесленной деятельности, не связанной со срочной работой на широкий рынок, жил не торопясь. Ритмы времени определялись не только производственной деятельностью, но зависели от природных сезонов и соотнесенного с ними календаря церковных служб и праздников. Эти праздники (наряду с воскресными днями дни многочисленных святых), когда запрещено было трудиться, занимали до трети времени в году.

Время естественно воспринималось как векторно направленное, и одним из распространенных мотивов средневековой поэзии и мудрости было размышление о бренности земного бытия: «Где те, кто жили некогда?» Но вместе с тем время ощущали и как цикличное: «Все возвращается на круги своя».

Время обесценивалось не только в силу особенностей производства при феодализме, но и в силу того, что оно конфронтировалось с вечностью, о которой постоянно твердили церковные проповедники. Жизнь земная, учили они, протекает во времени, но жизнь души — вечная, и потому прежде всего нужно заботиться о спасении души и помышлять о вечности.

На фоне божественной вечности разыгрывалась и история человечества. Ее представляли себе весьма смутно. Люди образованные воспринимали ее в свете библейской истории, в качестве смены мировых монархий, но «ниже» уровня политической жизни действительность осознавалась скорее как стабильное и почти неизменное состояние, нежели в движении и развитии. Мир, созданный божественным Творцом «в начале времен», проходит предуказанный Богом путь, кульминационной точкой которого явились рождество и страстная му́ка Сына божия, и завершится «в конце концов» со вторым пришествием Христа. И поэтому некоторые историки XII и XIII вв., изложив политическую историю прошлого и настоящего, переходили от своей современности к картинам грядущего Страшного суда. Ведь и будущее предустановлено Творцом и в определенном смысле уже известно.

Представления же людей необразованных об истории были по преимуществу легендарными и сказочными, они помнили рассказы людей старших поколений, а более далекое прошлое окутывалось мифом, и эпос вольно перерабатывал историю во вневременны́е состояния.

Не менее своеобразными были представления и о пространстве, тесно связанные с временны́ми ориентациями. О далеких странах имелась

лишь крайне скудная информация, обычно окрашенная фантазией. Но и пространство близкого окружения было слабо исследовано. Протяженность пространства измеряли временем, которое требовалось для того, чтобы его преодолеть (днями пути по суше или по морю), либо временем трудовых затрат (моргены, юрналы и др.— это участки земли, которые обычно можно было вспахать в течение дня). О точности измерения пространства заботились столь же мало, как и о точности определения времени. Человек видел в себе «малый мир» — микрокосм, соотнесенный с «большим миром» — макрокосмом, ощущал свое внутреннее родство с этим большим миром и мерил его своим движением или частями своего тела (например, ткани мерили локтями и т. п.). Поэтому не существовало мер длины или площади, общепринятых в Европе или в пределах отдельного государства,— повсюду применяли местные меры. Слабая связь между частями страны, натуральность хозяйства, отсутствие развитых средств сообщения — все изолировало относительно маленькие человеческие коллективы, обрекая их на самодовлеющую жизнь, с собственными традициями и способами измерения времени и пространства.

В литературе и искусстве средневековья, даже когда сюжетом изображения было далекое прошлое, нельзя найти исторического колорита: люди иной эпохи одеты и вооружены точно так же, как современники, у них те же обычаи и нравы,— ход времени их как бы не коснулся. Когда в Европе стала практиковаться картография, то на картах мира, в высшей степени неточных, а во многом просто фантастичных, изображали, помимо реальных стран и населенных пунктов, героев библейских или древних времен: рай с Адамом и Евой, Трою, империю Александра Македонского, провинции Рима, святые места, посещаемые паломниками, и сцены грядущего «конца света». Подобное слияние истории с географией, времени с пространством как нельзя лучше высвечивает своеобразие восприятия мира людьми средних веков.

Эта картина мира налагала неизгладимый отпечаток на все аспекты их социального поведения и, следовательно, на исторически конкретные типы человеческой личности того времени.

Личность может быть интерпретирована как своего рода «среднее звено» между обществом, к которому она принадлежит, и культурой, которую она, в зависимости от своего положения в обществе и от собственных индивидуальных качеств, способна воспринять и освоить. Поэтому поиск особенностей личности средневекового человека следует вести не столько посредством характеристик тех или иных индивидов, которые оказались в состоянии себя выразить (ибо подобной возможностью тогда располагали лишь единицы, немногие из образованных, и к тому же мы не в состоянии установить степень их репрезентативности или, наоборот, исключительности), сколько выясняя объективные условия формирования личности, поставленной в данные социально-культурные условия.

Но можно ли вообще говорить о личности в средние века до эпохи гуманизма? Ученые, которые исходят из «модели» личности, формировавшейся уже в условиях Ренессанса, будут отрицать правомерность применения этой «модели» к предшествовавшей эпохе. Они не найдут в средневековье людей, подобных Петрарке или Фичино, вообще личностей, которые решительно отстаивали свою неповторимую индивидуальность. Однако констатация того несомненного факта, что средневековый человек усматривал доблесть не в том, чтобы быть ни на кого непохожим, но, напротив, в том, чтобы соответствовать образцам и авторитету, растворять свою индивидуальность в типе, а личное поведение подчинять строгим требованиям этикета, обычая, традиции,— эта констатация свидетельствует лишь о том, что средневековый человек был личностью иного типа, нежели та, какая начала вырабатываться при переходе к Возрождению.

Когда, например, церковные авторы начала средневековья твердили о «хромающей», «мужицкой», «неотесанной» латыни своих сочинений и отрицали собственную творческую оригинальность, то они придерживались определенного литературного «общего места», диктуемого смирением, каковое от них ожидалось. В подобных заявлениях приходится усматривать скорее «унижение паче гордости». Ведь тот же Григорий Турский (VI в.), который повторяет эту «общую тему», завершает «Историю франков» настоятельной просьбой: пусть те священнослужители, кои будут управлять Турской епархией после него, ни слова не изменят в его сочинениях. Когда эти авторы повторяли сентенцию о том, что Христос избрал своими учениками не ораторов и философов, а рыбарей и крестьян, то они приравнивали себя не только к неученым «простецам», но и к избранникам божьим. Гордыня осуждалась как самый тяжкий из грехов, и поэтому она скрывалась за смирением, явственно из-за него проглядывая. Нищих именовали «христовыми бедняками»,— последние в земной иерархии, они осознавали себя первыми на лестнице восхождения в горний мир, и потому не без основания говорили в ту эпоху о «гордыне нищих».

Личность предполагает определенную степень самосознания. Неотъемлемым компонентом самосознания является оценка личности — ею самой и ее социальным окружением. Средневековые люди были несомненно озабочены этой оценкой. Рассмотрим два аспекта этого феномена.

В исландских «Речах Высокого», собрании афоризмов житейской мудрости, продиктованных опытом скандинавов, еще не утвердившихся в христианской системе ценностей, мы находим многочисленные предписания и советы, как должен вести себя человек в среде себе подобных. Достоинство, потребность в уважении окружающих наряду с опасением враждебных действий с их стороны и проистекающими отсюда требованиями осмотрительности и осторожности — лейтмотив, проходящий через всю эту песнь «Старшей Эдды». Максима, выражающая высшую ценность в глазах мудрого исландца, оставившего эти высказывания, гласит:

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но смерти не ведает
громкая слава
деяний достойных.
Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.

Скандинавы той поры еще не были знакомы с понятием вечности, принесенным христианством, а славу человека понимали как те суждения, которые могут быть о нем высказаны современниками и последующими поколениями. Исландцы охотно сочиняли и передавали саги о своих предках, и герой одной из них («Саги о Боси») прямо заявляет: он желает, чтобы в саге, которая будет о нем рассказываться, содержалось только доброе, но отнюдь не дурное,— поэтому он ориентирует свое поведение на будущую сагу.

В феодально-христианскую эпоху подобные ценности выражались преимущественно лишь в господской среде. Рыцарство, аристократия стремились увековечить свою славу, знатность и доблесть в «песнях о подвигах», в рыцарском эпосе; они утверждали эти ценности всем своим поведением — в сражениях, турнирах, при помощи демонстративной

Св. Михаил и черти на Страшном суде отделяют души избранных к спасению от грешников. Кафедральный собор Сен-Лазар в Отене. Франция XII в.

щедрости и обмена дарами, в формах обязательного этикета поведения. Для других, «неблагородных» классов и групп общества подобная забота о собственной славе едва ли характерна.

С христианством утверждается иная система ценностей, шкала которой определяется религией, сознанием греха и неминуемо следующего за ним загробного наказания. Согласно официальной доктрине, суд над душой человека состоится «в конце времен», после второго пришествия Христа и воскрешения из мертвых всего рода человеческого. Входя в собор, верующий видел на западном портале скульптурную сценку Страшного суда: восседающего на престоле высшего Судию, фигурки восставших из гробов грешников, архангела с весами, на которых взвешиваются души, бесов, увлекающих осужденных в геенну, и Авраама, в лоно которого приходят оправданные Христом души избранников.

Но идея суда, который произойдет неведомо когда в будущем, видимо, не удовлетворяла потребности человека в том, чтобы знать, каковы его заслуги и прегрешения, какова истинная конечная оценка его личности,— он хотел знать об участи своей души уже теперь. И вот в бесчисленных назидательных «примерах», которые монахи и священники использовали в проповедях и в рассказах о странствиях душ временно умерших по загробному миру, т. е. в жанрах средневековой словесности, адресованных церковью самым широким слоям верующих, мы находим совсем иную версию суда. Суд происходит на смертном одре индивида. Ангелы и черти устраивают тяжбу из-за души отдельного человека, предъявляют списки его грехов и добрых дел, выносят приговор, и незамедлительно после его кончины душа в соответствии с приговором отправляется в ад или рай. Страшный суд «в конце времен», естественно, никто не мог отменить, но на момент о нем как бы «забывают». В сознании верующего оба суда, «великая» и «малая» эсхатологии парадоксальным образом сосуществуют.

В чем причина столь противоречивого отношения людей средневековья к суду над душами умерших? Как уже указывал современный французский историк Ф. Ариес, учение о Страшном суде над всеми людьми, когда-либо жившими на земле, предполагало разрыв в человеческой биографии. Окончательная оценка умершего откладывается, согласно этому учению, на неопределенно длительный срок. Тем самым земная жизнь индивида не завершена. Лишь суд над душой умирающего завершает его биографию, объединяя все ее части — осуждением либо искуплением — в одно неразрывное целое. По Ф. Ариесу, переход от идеи Страшного суда к идее суда над душой отдельного человека, происшедший в XII—XIII вв., надлежит истолковывать как симптом утверждения человеческой личности, важный шаг в развитии индивидуального самосознания европейца.

Ф. Ариес заблуждается. «Великая» и «малая» эсхатологии не представляли собой два последовательных этапа в развитии мысли о загробном суде,— они изначально сосуществовали в сознании христиан. Обе эсхатологии могут быть найдены уже в Евангелии, и сцены индивидуального суда над душой умирающего изображались в литературе на протяжении всего средневековья. Персонализм, с которым мы в данном случае сталкиваемся, был неотъемлемой стороной христианства на всем протяжении его истории. Люди, с трудом осваивавшиеся с идеей вечности, придерживались представления о том, что награды и кары следуют непосредственно за деяниями, а не откладываются на неопределенное будущее. Человек ощущал себя включенным в мировую историю, завершающуюся Страшным судом; но вместе с тем он ощущал себя личностью, которая заслуживает самостоятельной, индивидуальной оценки в конце своего жизненного пути.

Речь до сих пор шла о «конечных вещах» — смерти, суде, осуждении или оправдании, об аде и рае — в их восприятии средневековыми людьми. Но в этих представлениях о том, чтó происходит за пределами земной жизни, раскрываются ее коренные ценности. В системе средневекового миросозерцания, религиозного по своей сути, представления о смерти и обо всем, с нею связанном, занимали очень важное место.

Однако личность обнаруживает себя не только в самоутверждении. Неотъемлемое ее качество — способность к самоанализу, к оценке своих деяний. Углубление в самое себя, с тем чтобы обнаружить в себе Бога, было достоянием мистиков, избранных одиночек, самоанализ же требовался от каждого верующего. Предписанная церковью исповедь, поначалу публичная и групповая, с течением времени становится долгом индивида, выполняемым им в одиночку, при помощи священника — представителя Бога. Постановление IV Латеранского собора (1215 г.) вменило верующим в обязанность ежегодную исповедь. Человек должен был отделить свои добрые поступки и помыслы от греховных, дать последним должную оценку и понести за них покаяние. «Покаянные книги», пособия для исповедников, свидетельствуют о том, с каким трудом внедрялась эта практика в религиозную жизнь народа. Далеко не сразу и не полностью прихожане научились отличать добро от зла в их христианской интерпретации. Многие простолюдины воспринимали исповедь как некий ритуал, смысл которого ускользал от их понимания. Были и невежественные священники, столь же механически отпускавшие грехи и налагавшие одну и ту же епитимью за самые разные прегрешения,— эти духовные пастыри сами не понимали смысла исповеди!

И тем не менее постепенное внедрение исповеди в религиозную практику было существенным средством перестройки духовной жизни верующих, выработки способности личности к самооценке. В этом же направлении действовала проповедь. Совершенствование приемов проповеди и углубление ее содержания монахами нищенствующих орденов франци-

сканцев и доминиканцев начиная с XIII в. дало духовенству мощное и эффективное средство, с помощью которого прихожане усваивали религиозные максимы и интериоризировали христианское учение. Одним из наиболее действенных способов внушения пастве должного образа мыслей было воспитание в ее сознании чувства вины перед Творцом и страха перед ожидающей грешника расплатой. Распространялась уверенность в том, что спастись могут лишь немногие.

Страх перед загробными карами порождал психологическую атмосферу, особенно характерную для XIV—XV столетий. Хотя тогда уже зарождались элементы ренессансной культуры, для этого времени были характерны массовые покаяния, шествия флагеллантов, уход в монахи, панические состояния, в которые легко впадали индивиды и толпы. Отсюда же и распространение практики завещаний, в которых значительные суммы денег предназначались на чтение заупокойных молитв и отправление месс. В XIV и XV вв. в завещаниях зачастую предписывалось отслужить за душу умершего сотни и тысячи месс, с тем чтобы душа его как можно скорее прошла испытания в чистилище и возвратилась к Богу. Самая идея чистилища, «третьего места» в загробном мире (незнакомая православию и впоследствии отрицаемая протестантами), была порождена этим устойчивым и неизбывным страхом перед неминуемыми карами. Эта идея, сформулированная теологами лишь в конце XII в. и сделавшаяся догматом католической церкви в середине XIII в., смутно витала в сознании верующих уже в раннее средневековье: в «видéниях» потустороннего мира странствующая по аду душа временно умершего попадала в такие отсеки ада, где грешники мучаются лишь временно, не утрачивая вовсе надежды на окончательное спасение.

Страх, по выражению известного французского ученого М. Блока, был «мощным социальным фактом» средневековой жизни, и среди многообразных фобий, которые обуревали людей в ту эпоху, страх перед загробными карами приходится поставить на одно из первых мест. Одних он дисциплинировал и удерживал от особо греховных поступков, других повергал в отчаянье и даже приводил к самоубийству, третьих бросал в объятья ереси; психически неуравновешенные люди, вообразившие, что ими завладел черт, подлежали экзорцизму — процедуре изгнания беса. Людей посещали ужасные видения. Мучимому плотскими желаниями монаху, например, привиделся во сне нечистый, явившийся ему ночью в сопровождении страшного пса; ножом мясника бес отрезал у грешника орган, вызывавший похоть, и бросил его на съедение псу,— пробудившийся монах навсегда был избавлен от позывов плоти.

Подобные напряженные психические состояния — неизбежные порождения той двумирности, которая была неотъемлемым свойством средневекового сознания: человек поставлен между добром и злом, между богом и дьяволом, между путем в рай и путем в ад. Это усиливает неуравновешенность психики. Человек, судя по литературе, легко переходит от крайних изъявлений радости к предельному горю, герои рыцарских романов в изобилии проливают слезы, и вместе с тем средневековые люди подчас совершают бессмысленно жестокие поступки. Сцены публичных казней привлекают жадный интерес толпы. Резкие колебания настроений индивидов и масс, отмеченные Й. Хейзингой во Франции и Бургундии XIV—XV вв., были характерны и для более раннего периода средневековья и для самых разных стран Европы.

Разумеется, человек средневековья не жил в неизбывном страхе,— он находил вкус в труде, благосостоянии, в праздниках, развлечениях, зачастую нарушая церковные запреты и святость священных мест. Карнавал как организованное и подчиненное определенному сценарию массовое празднество складывается в городах позднего средневековья, но «карнавал до карнавала» — песни, пляски, шутовские действа, паро-

дировавшие официальные праздники церкви и происходившие с участием духовенства, склонность к смеху и веселью — все это столь же неотъемлемые признаки средневековой ментальности, как и всяческие страхи. Едва ли вполне точно говорить, вслед за советским исследователем М. М. Бахтиным, о «смеховой культуре» как сущности народной культуры средневековья — содержание последней было многолико и в высшей степени противоречиво. Однако несомненно, что потребность в игровом перевертывании установившихся отношений и даже в осмеянии и поношении святынь была характерна для средневековых людей, причем не только мирян, но и самого духовенства.

Склонность к обмену местами «верха» и «низа» могла проявиться в самых неожиданных, на первый взгляд, ситуациях. Святые, Христос и Богоматерь сплошь и рядом ведут себя в назидательных «примерах» весьма странным образом: «забывая» о любви и милосердии, они дерутся с грешниками, пинаются и даже убивают непокорных, при этом явно не теряя величия и святости в глазах верующих. И напротив, бесы, носители метафизического зла, вдруг оказываются в «примерах» охваченными неодолимой жаждой спасения, являются на исповедь с тем, чтобы примириться с богом, проповедуют и оказывают услуги людям, не покушаясь на их души.

Радикальное противопоставление души и тела, духа и материи, присущее официальной религиозности, в сознании народа размыто и затемнено. Двойственность пронизывает всю средневековую культуру и религиозность. Здесь несомненно воздействие народных верований и фольклора на официальную картину мира. Но вместе с тем приходится предположить, что сближение профанного и священного, снижение возвышенного и возвышение низменного выполняло роль существенного, психологического механизма, который на время смягчал страхи, обуревавшие верующих. Смех был в средние века не столько самодовлеющей стихией, сколько противовесом страхам, средством, которое делало их переносимыми. Не потому ли сакральное соседствует с мирским и даже с шутовским в церковном искусстве: капители колонн и скамьи для молящихся в храме украшены чудовищными причудливыми мордами и шутовскими сценами, а книжная миниатюра, иллюминующая серьезные теологические тексты, изобилует изображениями кривляющихся человеческих фигурок, фантастических существ, очеловеченных зверей, акробатов и жонглеров, т. е. лиц тех профессий, которых церковь осуждала и проклинала как слуг дьявола. Веселье и шутка под сенью церкви и в непосредственном соседстве с сакральным и возвышенным явно никого не смущали.

Процесс углубления личностного самосознания выступит более рельефно при сопоставлении понимания личности в античном мире и в средние века. У древних греков и римлян «персона» значило: «личина», маска, надеваемая на лицо в театре или во время религиозного ритуала; в римской юриспруденции термин «персона» обозначал юридическое лицо, обладающее определенными правами (персоной считался римский гражданин, но не раб). Значение, относящееся к самой сущности человека, понятие «персона» приобрело лишь в эпоху христианского средневековья. Но и в эту эпоху «персона» — «разумная неделимая субстанция» (Боэций) — долгое время была атрибутом преимущественно божества, а не человека.

Постепенно мыслители перешли от теории, распространенной в раннее средневековье, согласно которой люди созданы богом вместо падших ангелов, к концепции о самодовлеющем достоинстве человека, сотворенного ради него самого. В соответствии с этой новой точкой зрения, сложившейся в XII—XIII вв., мир создан для человека — венца творения. В человеке обнаруживается все богатство мира и его единство. Ве-

личие человека, по мысли богословов, заключается в его разумной природе. «Персоной» называется «совершеннейшее во всей природе, то есть заключающееся в разумной природе» (Фома Аквинский). И вместе с тем человек разделял с прочим сотворенным миром способность существовать (как неорганическая природа), жить (подобно растениям), или вместе и существовать и жить (как животные), более того, разделял с ангелами способность понимать и рассуждать. Но в отличие от ренессансных представлений человек является рабом божьим. Понятие рабства пред Создателем не только не принижает, но, напротив, возвышает человека, служит залогом его спасения,— разумеется, при условии, что человек направил свою свободную разумную волю на достижение добра и старается избежать зла. Учение богословов о человеке сосредоточивается на человеческой душе, главном компоненте в высшей степени противоречивого единства души и тела.

Так рассуждали теологи. От сознания рядового человека эти философские тонкости были далеки. Как же осознавали себя средневековые люди, духовный мир которых не был отягощен античной и библейской премудростью и знанием священных текстов? Вопрос не из легких, ибо этот «человек с улицы» не позаботился о том, чтобы оставить нам свои откровения. Средневековая культура предстает перед историками прежде всего в облике «культуры Книги», адресованной немногим избранным, образованным. Толща же общества, включая крестьян и ремесленников, мелких бюргеров и рыцарей, а отчасти и низшую часть монашества и клира, меньше всего имела дело с книгой, люди жили в условиях господства устной традиции, даже если эта последняя воспринимала и усваивала кое-какие элементы книжной культуры. Понятно поэтому, что культура живого слова от нас по большей части ускользает, не оставив своих следов.

Приходится искать обходные, непрямые пути для того, чтобы хотя бы в ограниченной мере приблизиться к пониманию мыслей и чувств «безмолвствующего большинства» средневекового общества, и в частности его представлений о человеке. Эти пути пролегают через анализ тех сочинений, которые были адресованы не образованной элите, а именно невежественным, «идиотам». Авторы таких текстов искали контакта с массой верующих, стремясь внушить им определенные истины и идеи, а потому неизбежно испытывали с их стороны эмоциональное и интеллектуальное давление. Они должны были найти со своей аудиторией общий язык понятий, образов, и в их сочинениях можно отчасти расслышать голос толпы, к которой эти авторы адресовались. Таковы упомянутые выше дидактические «примеры», проповеди, рассказы о видéниях загробного мира, «жития» святых.

Видимо, здесь и надлежит искать ответ на вопрос: как понимал человек средневековья свое предназначение и сущность?

Приводимое мною ниже рассуждение известного немецкого проповедника-францисканца Бертольда Регенсбургского лучше всего раскроет интересующую нас проблему. Бертольд проповедовал преимущественно в Южной Германии в период между 1250 и 1272 гг., обращаясь в первую очередь к горожанам. Время его деятельности совпадает с периодом «междуцарствия» в Империи, ознаменовавшегося глубоким распадом общественных связей, острой социально-политической борьбой, усилением рыцарского разбоя и ухудшением положения низов в деревне и в городе. Общественное беспокойство резко возросло, и в этой кризисной ситуации конечные проблемы человеческого бытия естественно вышли на первый план. На них по-своему отвечали современники Бертольда Регенсбургского. Так, Вернер Садовник в поэме «Крестьянин Гельмбрехт», своеобразной притче о блудном сыне, вывернутой наизнанку, рисует распад крестьянской семьи, отпрыск которой стремится войти в

ряды рыцарства и, будучи отвергнут собственным отцом, погибает жалкой смертью. В это же время создаются замечательные скульптурные ансамбли фигур основателей Наумбургского собора, с их небывалым проникновением во внутренний мир человека, как и другие наивысшие достижения немецкой готики — скульптуры в соборах Бамберга, Магдебурга, Майнца и Майсена.

Но, пожалуй, наиболее прямой и ясный ответ на вопрос о сущности человека дает Бертольд. Одну из своих проповедей, собиравших, по свидетельству современников, массы народа и пользовавшихся огромным успехом, он посвятил толкованию евангельской притчи о талантах. Господь, говорит проповедник, даровал людям пять талантов («фунтов»), мы должны бережно с ними обращаться, приумножать их и в конце концов возвратить Творцу. Первый «талант» — наша собственная «персона». Ее существо раскрывается при дальнейшем перечислении даров божьих. Ибо второй «талант» — это наше служение, должность, занимаемая человеком, его «призвание». Каждый богом приставлен к месту, которое он занимает, и должен верно ему служить в своей должности. Кто накормит нас, вопрошает проповедник, если крестьяне стали бы господами? Бертольд не знает «человека вообще», человек принадлежит к определенному разряду, сословию, наделен общественной функцией и должен видеть в ней свое предназначение.

Следующий дар, полученный человеком от бога, это его имущество, богатство. Бертольд весьма далек от проповедников, лишавших собственность морального значения. Напротив, говорит он, человек должен заботиться о своем имуществе и приумножать его, ведь он — лишь управитель богатства, принадлежащего богу. С помощью имущества, которым он располагает, он должен кормить себя и свою семью и помогать бедным. При этом проповедник признает, что богатства распределены не поровну, у одних много, у других мало, а у некоторых и вовсе ничего нет. Но каждый должен довольствоваться своей долей, какова бы она ни была.

Четвертый «талант», дарованный Создателем человеку,— это время его жизни. Им тоже необходимо распоряжаться осмотрительно и бережно. В XIII в. «время церкви» еще не сделалось, как это произойдет впоследствии (в XIV—XV вв.), «временем купцов» — в глазах Бертольда Регенсбургского, оно остается достоянием Господа, хотя он и подчеркивает его земную ценность.

Наконец, пятый дар Господа — любовь к ближнему. Но как изменилось содержание и этого понятия! Фиктивный собеседник Бертольда, якобы прерывающий его рассуждение, вопрошает: «У меня одна ветхая одежонка, а у тебя, брат Бертольд, имеются два или несколько добротных плащей, но ведь ты не поделишься со мной». Бертольд в ответ: «Да, у меня есть хорошие одеяния, а у тебя нет, однако я из них ничего тебе не отдам». Любовь к ближнему заключается не в том, чтобы делиться имуществом, а в том, чтобы желать ближнему того же, чего желаешь себе. «Себе желаешь царства небесного — пожелай его и ближнему своему». Старая евангельская заповедь, согласно которой нужно делиться с нищим последней рубашкой, не просто обесценена,— подобное требование есть, по убеждению Бертольда, несомненный признак ереси!

В проповедях Бертольда Регенсбургского человек представляет собой не только единство души и тела, но социальное существо, занимающее отведенное ему место в общественном целом, которому оно призвано служить, личность, обладающую собственностью и временем и с толком ими распоряжающуюся. Земные ценности не отрицаются, а, наоборот, утверждаются, ибо они даны человеку Господом. В сознании Бертольда Регенсбургского витает образ социального строя, как он виден из города. Это явствует и из другой его проповеди, в которой он, сопоставляя об-

щественные группы с рангами ангельской иерархии, дает развернутый перечень сословий и профессиональных разрядов, причем оказывается, что все внимание его устремлено на купцов и ремесленников. Перед нами — своего рода «антропология» и «социология» средневекового проповедника, ориентированные на его аудиторию — горожан, жителей крупных немецких городов, таких, как Аугсбург или Регенсбург. Так раскрывается в его проповедях оценка человеческой личности, взятая не с абстрактной стороны, а в своей социально-исторической конкретности.

Естественно, бюргеры или иные прихожане, слушавшие Бертольда, едва ли сами были способны ответить на вопрос: «Чтó есть человек и каковы его ценности?» — дать ответ мог лишь проповедник, но при этом он выражает коренные представления и потребности своей паствы.

Из уже приведенного материала видно, что в средневековой личности приходится различать черты устойчивости и черты изменчивости. К первым нужно отнести, в частности, христианский персонализм, ставивший индивида лицом к лицу с богом и возлагавший на человека, наделенного свободой воли, ответственность за выбор собственного пути. К признакам переменным относится осознание личности, весьма неотчетливое в начале средневековья, но под воздействием сдвигов в социальной действительности, в особенности в сфере городской жизни, укрепляющееся и проясняющееся. Купец и ремесленник по-новому осваивают понятия богатства, службы и времени, и овладение этими кардинальными категориями картины мира способствует росту личностного самосознания.

Человек средневековья — не константа, он изменяется на протяжении всей этой огромной эпохи, изменяется исподволь и неприметно для самого себя. Коллективная психология и коренные установки сознания, определяемые картиной мира, эволюционируют чрезвычайно медленно. Поэтому ее развитие можно обнаружить лишь при изучении временны́х отрезков большой длительности.

Это развитие было трудным и противоречивым. Чтобы понять эту противоречивость, было бы чрезвычайно важно подслушать средневекового человека в те моменты, когда он как бы «проговаривается» о таких своих тайнах, о которых и сам не догадывался. Человек впал в грех. Как он это объясняет — актом свободной воли, собственным сознательным выбором? Нет — «бес попутал». Верили, что, подобно тому как по правую руку каждого человека сопровождает ангел-хранитель, точно так же слева от него не отстает бес, норовящий столкнуть его с пути добра. Человек мыслился в виде крепости, осаждаемой пороками, или «сосуда», которым может завладеть нечистая сила. В «житиях святых» рисуются внезапные озарения, побуждающие грешника раскаяться и переродиться в праведника, как если бы речь шла о физическом заболевании и выздоровлении. Герои средневековой литературы, и эпической и житийной,— это типы, а не индивидуальности. Персонажи хроник обладают набором качеств, внутренне между собой не связанных, пороки и добродетели персонифицируются, действуют как бы самостоятельно, помимо и независимо от личности, которая не выступает в них в виде целостного характера. Самое представление об индивидуальности, употребление местоимения «я» отпугивают средневекового автора.

То же самое наблюдается и в изобразительном искусстве. Отсутствие портрета в средневековой живописи вплоть до довольно позднего времени объясняется, конечно, не мнимой «ненаблюдательностью» художников и не их «неумением» передать «лица необщее выраженье», но опять-таки установкой на типическое, общее, а не на индивидуальное и неповторимое. Живописец тяготел к воплощению непреходящих ценностей, и изображаемый им человек интересовал его не в качестве существа, пребывающего во времени, но в соотнесении с вечностью. Более пристальное

вглядывание художников в предметный мир — и в лицо индивида — начинается в XIII в., т. е. в то самое время, когда Бертольд Регенсбургский развертывает свою «социальную антропологию».

Но должны были пройти еще два века, прежде чем возникнет семейный портрет в интерьере: семья становится предметом искусства. Человек отныне осмысляется не только как член коллектива, принадлежащий определенному социальному разряду, сословию, профессии, но и как глава или член семьи, основной общественной и хозяйственной ячейки.

Переход от средневековья к новому времени на уровне социальной и индивидульной психологии ознаменовался возрастающей «приватизацией» и «интимизацией» элементарных человеческих отправлений. В этом отношении люди средневековья могут показаться современному цивилизованному человеку довольно примитивными: во время общей трапезы они вылавливали мясо руками из одной миски (в отличие от ножа вилка была довольно поздним достижением европейской цивилизации), пили пиво и вино из кубка, обходившего стол, суп хлебали из общего горшка; во многих случаях, особенно до XIV в., а в крестьянской среде и позднее, спали они в одной комнате и в одной постели (исключая монахов), подчас по нескольку человек, мужчины и женщины, взрослые и дети вместе, и дети нередко были свидетелями сексуальной жизни родителей, что никого не смущало; сохранилось множество изображений рыцарей, которых в банях моют молодые женщины; на одной из картин Брейгеля цикла «Крестьянская свадьба» видны мужчины, отошедшие помочиться к стене, возле которой пляшут многочисленные пары веселящихся,— короче говоря, «порог стыдливости» в то время пролегал не там, где мы ныне привыкли его видеть.

Но причина не в «примитивности» или «бесстыдстве» средневекового человека. Эмоциональная жизнь этих людей имела собственную структуру, и еще не была воздвигнута та невидимая стена аффектов, которая отделяет одно человеческое тело от другого. Личность еще как бы не замкнулась в изолированный «атом».

Процесс «приватизации» жизни наложил отпечаток и на устройство жилища. Долгое время семья, включавшая в себя в средние века наряду с мужем, женой и детьми слуг и служанок (даже в крестьянской среде), многочисленную челядь, оруженосцев, других военных слуг (у феодалов), учеников и подмастерьев ремесленника и т. п., жила в одной и той же горнице. Затем это единое помещение в более богатых домах начали разгораживать — но не на изолированные комнаты, а на выгородки, подчас образующие полуоткрытые анфилады покоев, и лишь в новое время появляются отдельные комнаты, в которых индивид мог на время уединиться. Эти изменения жилого помещения — опять-таки симптом отсутствия у средневекового индивида потребности остаться наедине с собой (если он не отшельник) и постепенно нараставшего стремления обособиться. Эти процессы «интимизации», отражающие сдвиги во внутреннем строе человеческой личности, по-разному и с неодинаковыми темпами протекали в различных слоях общества. Новые модели поведения задавались обычно высшими классами, а затем распространялись в толще общества. Старые формы быта дольше всего сохранялись в крестьянской среде, в которой коллективистские традиции оказались наиболее цепкими и медленнее шел процесс формирования личностного самосознания.

Нет оснований сомневаться в том, что средневековый человек представлял собой личность, и его христианское миросозерцание порождало исторически определенный тип персонализма. Но эта средневековая личность была сравнительно слабо индивидуализирована. Типизирующее, ориентированное на общее, на коллектив сознание чуралось подобной

индивидуализации и с трудом с ней осваивалось. Как мы могли убедиться, средневековая личность — всегда социально определенная личность. Можно говорить о личности рыцаря и о личности монаха, о личности бюргера, купца, ремесленника, о личности крестьянина, и каждому из этих типов личности присущи свои особенности и формы поведения, свои способы самосознания.

Глава 4

КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОГО И СЛАВЯНО-БАЛКАНСКОГО РЕГИОНОВ

Особенности культурного развития народов Центральной Европы в период средневековья определялись самими историческими условиями их бытия. Находясь между востоком и западом Европы, они не могли не отразить в своей культуре постоянное общение и контакты с ними. Эти контакты были, разумеется, далеко не всегда равномерны. И хотя уже в раннем средневековье возобладали западные влияния, не прерывались и контакты в области культуры с восточными славянами и отчасти с Византией.

Центральная Европа была как бы большой дорогой, по которой передвигались кочевые племена, в том числе гунны и авары, оставлявшие следы своего пребывания в этих землях. Следует учитывать и культуру кельтских племен, стоявшую у истоков культуры региона. Впрочем, по этим вопросам мы располагаем лишь археологическими данными, касающимися главным образом бытовой культуры.

Что касается культуры славянских народов языческого периода, то и здесь наши сведения крайне скудны. Прежде всего отсутствуют славянские письменные источники. Этот недостаток можно восполнить данными иноземных, прежде всего немецких, источников (Адам Бременский, Титмар Мерзебургский, Гельмольд). Они сообщают о существовании у полабо-прибалтийских славян крупных языческих центров (например, на острове Рюген) с деревянными святилищами сложных конструкций и раскрашенных деревянных скульптур. Есть основание говорить и о своеобразном пантеоне славянских языческих богов, наподобие тех, которые описываются в «Повести временных лет».

Особенно значительным явлением в культуре этих народов уже христианского периода была Великая Моравия. В ее культурном развитии особенно ярко проявилось отмеченное выше взаимодействие западных и восточных традиций, в частности, западно-христианских и восточно-христианских. Если в странах Славяно-Балканского региона, где также имели место подобные контакты, в большинстве случаев элементы западной культуры налагались на основу византийских традиций, то в Великой Моравии картина была сложнее. Первыми проповедниками христианства здесь были западные (немецкие и ирландские) миссионеры. Их проповедь, однако, не имела большого успеха, что было связано с насаждением непонятного для народа богослужения на латинском языке. Играла роль и связь миссионеров с немецкими феодалами, имевшими в отношении Великой Моравии захватнические планы.

Совсем иначе обстояло дело с миссией Кирилла и Мефодия, прибывшими сюда по приглашению князя. Ростислава в 863 г. Составленная ими славянская азбука (глаголица, замененная их учениками в Болга-

рии кириллицей), переводы с греческого на славянский язык, как и написанные на нем оригинальные сочинения Кирилла и Мефодия, имели исключительное историко-культурное значение для всех славянских народов, открывали широкие горизонты их культурного развития, их приобщения к сокровищам культуры. Азбука Кирилла и Мефодия искусно отражала все фонетические особенности славянских языков. Этому во многом способствовало прирожденное знание славянского языка великими братьями, происходящими из двуязычной среды Фессалоники, их высокая филологическая подготовленность, их истинный и самоотверженный интерес к славянам. Собственные сочинения Кирилла и Мефодия («Проглас к Евангелию», «Канон Дмитрию Солунскому», «Слово на перенесение мощей Климента папы Римского» и возможно другие) явились отправным моментом в развитии славянских литератур.

В самой Великой Моравии великие традиции славянских первоучителей продержались недолго. После смерти Мефодия (885 г.; Кирилл умер в 869 г.) их ученики были изгнаны из страны немецким высшим духовенством. Большинство из них нашли приют в Болгарии и там успешно продолжали свою деятельность (см. ч. I, гл. 6), но кирилло-мефодиевские традиции перешли и к западным славянам. Они успешно развивались в Чехии X—XI вв. Славянские памятники, созданные там, как переводные с латинского, так и оригинальные (например, жития чешских князей Вячеслава и Людмилы), представляют собой высокие образцы славянской литературы. Их хорошо знали в Древней Руси, благодаря чему они, собственно, и дошли до нас. Однако в самой Чехии к концу XI в. славянская письменность полностью была вытеснена латинской, а ее памятники беспощадно уничтожались католическим духовенством.

Есть основания говорить, что славянская письменность была не чужда и древней Польше, во всяком случае Вислицкому княжеству, о чем косвенно говорится и в Житии Мефодия. Впрочем, в Польше она была слабее развита, чем в Чехии, и просуществовала как заметное явление недолго.

Важно отметить, что кирилло-мефодиевские традиции навсегда остались в памяти всех славянских народов независимо от их конфессиональной принадлежности и во все последующие века играли важную роль в развитии идей славянского самосознания, идей исторической и культурной общности славянских народов.

Значительным государственным образованием в Центральной Европе было ранневенгерское королевство. В его состав вошла часть Великой Моравии, и это отразилось в известной мере на культуре Венгрии. Это показывают археологические раскопки в Керпусте, Залаваре, Халимба-Череш. Венгрия поддерживала и культурные связи с Древней Русью, особенно с Галицко-Волынским княжеством, а также с Византией. Ряд венгерских правителей принимали крещение в Константинополе уже с середины X в. Не случайно корона Иштвана (Стефана) I имела чисто византийское происхождение, а в его владениях в начале XI в. был основан греческий православный монастырь.

И все же с общей христианизацией Венгрии по римскому обряду в этой стране безраздельно стала господствовать латинская письменность, решительно преобладали контакты с Западом. Это не помешало, однако, развитию собственной государственной идеологии, о чем можно судить по венгерским историческим сочинениям, в частности «Деяниям венгров» XI в., которые заложили основы Летописного свода, продолжавшегося разными авторами до середины XIV в.

Говоря о культуре народов Славяно-Балканского региона в период раннего средневековья, необходимо в первую очередь принять во внимание то наследие античной культуры, которое получили эти народы.

Возникает вопрос, в какой мере оно оставалось мертвым или продолжало жить, модифицироваться, синтезироваться с культурой славянских народов. На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ для всего региона, однако следует отметить, что степень восприятия античной культуры зависела от уровня ее развитости в той или иной части Балкан. В раннесредпевековой болгарской культуре, например, помимо собственно грекоримского элемента можно отметить и определенные черты дако-фракийской культуры, особенно в области быта и обычаев.

Одним из важнейших факторов развития культуры стран Балканского полуострова как в раннефеодальный период, так и в последующее время было влияние византийской культуры. Южнославянские народы благодаря ей были приобщены к высоким достижениям восточно-христианского мира. Она же несла им и элементы античной культуры. Освоение византийской культуры южными славянами отнюдь нельзя назвать механическим и тем более раболепным. Книжники Первого Болгарского царства, например, предпочитали переводить не современные им памятники византийской письменности, а ее более древние, «классические образцы», в частности творения отцов церкви IV в. (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и др.). Их идеи, особенности их литературного мастерства были более созвучны запросам болгарского общества после его христианизации.

Следует учесть еще и роль местных традиций при ориентации на ту или иную византийскую модель. Так, архитектура и живопись южных славян на рассматриваемом этапе их развития более обращались к солунским, нежели к константинопольским образцам, носкольку южные славяне издревле были лучше знакомы с этим культурным центром Византии. Конечно, свою роль играли и существовавшие в дохристианскую эпоху местные традиции. Об этом свидетельствуют, например, памятники архитектуры Первого Болгарского царства. Мощные и своеобразные оборонительные и дворцовые сооружения Плиски наложили свой отпечаток на монументальность построек Преслава, например, знаменитой Круглой церкви. В найденных археологами деталях декоративного убранства преславских построек нетрудно увидеть местные зооморфные мотивы.

Как характерную особенность освоения византийской культуры на Балканах следует отметить взаимодействие восточно-христианских и западно-христианских традиций на этой территории. Это особенно относится к западной части полуострова, где такое явление было определено всем ходом исторического развития. До разделения церквей такое соприкосновение, такой синтез был в гораздо большей степени возможен, чем после этого события. Об этом свидетельствует ряд архитектурных памятников в Хорватии и Далмации. Среди них особенно интересна церковь св. Доната в Задаре (начало IX в.). Интерьер ее чисто византийского характера, тогда как внешний вид более напоминает итальянские памятники. Впрочем, и после разделения церквей отмеченное выше соприкосновение двух традиций полностью не прекращается. Так, в знаменитом сербском православном Мирославовом евангелии XII в. весьма заметны черты западноевропейского декоративного убранства.

Важнейшим явлением в развитии культуры южнославянских народов не только в рассматриваемый период, но и на протяжении всей их последующей истории была славянская письменность. Созданная великими просветителями Кириллом и Мефодием для западных славян она самым интенсивным и благотворным образом воздействовала на развитие культуры как южных, так и восточных славян.

В первую очередь благотворная роль славянской письменности сказалась на культуре Первого Болгарского царства. Не случайно X век по праву принято называть «золотым» в истории средневековой болгарской

культуры. Важно подчеркнуть, что болгарская литература столь раннего периода имела две школы (Преславскую и Охридскую), взаимно обогащавшие друг друга.

Преславская школа получила свое название от столицы Восточной Болгарии — Преслава. Центром письменности здесь являлся монастырь св. Пантелеймона, где трудился ученик Кирилла и Мефодия — Наум. Его книжной деятельности активно покровительствовал царь Борис и особенно его сын царь Симеон. Племянник же Бориса, сын его брата Доксы — Феодор (Тодор) сам участвовал в переписывании книг.

Крупнейшим писателем Преславской школы был Константин Преславский, ученик Мефодия. Он оставил после себя как переводные (например, «Слова Афанасия Александрийского»), так и оригинальные сочинения. Особенно большой популярностью пользовалось его «Учительное евангелие», состоящее из 51 поучения на «неделю» (воскресенье). Оно явилось первым систематическим сборником проповедей на славянском языке. Поучения наполнены призывами к просвещению и книжному учению.

Другим видным писателем Преславской школы был Иоанн Экзарх, болгарский наместник константинопольского патриарха в Болгарии. Широкое распространение в славянской среде получил вышедший из-под его пера «Шестоднев» — средневековая энциклопедия по естествознанию (впоследствии очень популярная на Руси). Иоанн положил в основу своего труда «Шестоднев» Василия Великого (IV в.), добавив сведения из трудов Севериана Гавальского (IV—V вв.) и Аристотеля (о животном мире). Своеобразной компиляции из свободных переводов Иоанн придал стройную форму и единство. «Шестоднев» — это не сухой трактат, но философское и поэтичное видение мира глазами христианина. В то же время в нем есть живые отголоски болгарской действительности; говорится о неравенстве в обществе, где существуют смерды и нищие, дается подробное описание царского дворца.

Широкие просветительские начала Преславской школы, связанные как с отбором произведений для перевода, так и с созданием оригинальных произведений, в не меньшей степени были свойственны и Охридской книжной школе в Западной Болгарии. Здесь, неподалеку от Охрида, с 886 по 893 г. в Кутмичевице существовала большая школа, ежегодно выпускавшая по несколько сот учеников. Питомцы школы во многом способствовали широкому распространению славянской письменности и книжности, популяризации, прославлению заветов славянских первоучителей. Много трудов отдал делу просвещения и расцвета литературы в Болгарии учитель этой школы Климент Охридский (ум. 916 г.).

«Учительное евангелие» Константина Преславского вместе с разными высказываниями Климента составляли единую книгу поучений на весь год, одно дополняло другое. В этом можно видеть несомненное проявление единства в деятельности двух школ болгарской книжности, их объединенные усилия в деле просвещения болгарского народа. Многочисленные сочинения Климента Охридского были очень популярны в Болгарии, Сербии и на Руси. Они широко распространялись во множестве списков и считались непререкаемым образцом для подражания в течение многих веков. Сам же Климент Охридский воспринимался в славянской традиции неразрывно от Кирилла и Мефодия как прямой продолжатель их дела, способствовавший своим творчеством его упрочению.

Такую же роль несомненно играл и другой болгарский писатель конца IX — начала X в.— Черноризец Храбр. Его единственное дошедшее до нас произведение «О писменах» посвящено изобретению славянской азбуки Кириллом и Мефодием. Эту азбуку Черноризец Храбр считает наилучшей, наиболее подходящей для славян. Появление славянской азбуки для Черноризца — божественный дар, но этот взгляд не мешает ему

показать ее в историческом развитии. Он рассказывает в своем сочинении о «чертах» и «резах» (черточках и нарезках), о несовершенном, «неустроенном» письме у славян до Кирилла и Мефодия, о все более возраставшей потребности в совершенной азбуке. Но и славянскую азбуку, выработанную Кириллом и Мефодием, Черноризец не считает неприкосновенной. По его мнению, по мере возникающих потребностей и она может и должна развиваться, преобразовываться и совершенствоваться. В этой замечательной мысли Черноризца Храбра нашла свое выражение подлинная творческая тенденция литературы, следовавшей великим кирилло-мефодиевским традициям.

С 60-х годов X в. в Болгарии получает распространение неортодоксальное направление общественно-политической мысли и литературы — богомильство. Наиболее полно вероучение богомилов было изложено в «Тайной книге», относящейся к середине XII в. Особой художественностью и драматичностью отличается богомильская книга «Видение Исайи». В ней рассказ ведется от первого лица, от имени пророка Исайи, который воочию видит, как в космосе происходит страшная борьба сатаны и его воинства с благочестием.

С богомильством вели упорную борьбу в Болгарии православная церковь и государственная власть. Крупнейшим идеологом этой борьбы был выдающийся болгарский писатель Козма Пресвитер. В науке до сих пор остается нерешенным вопрос, к какому времени следует относить его жизнь и творчество. Ученые колеблются при его определении от X до XIII в. В последнее время высказано мнение (Ю. К. Бегунов, вслед за рядом ученых, начиная с А. Ф. Гильфердинга), что Козма Пресвитер жил во второй половине или в конце X в. Не только обличение ереси, но и стремление разобраться в причинах, ее породивших, толкает Козму на жестокую критику современной ему действительности. Ей подвергнуты аристократия и особенно — духовенство и монашество.

Золотой век болгарской культуры в следующем столетии для Восточной Болгарии сменился временем, когда она оказалась под властью Византии (с 1018 по 1185 г.) вплоть до создания Второго Болгарского царства.

Литература на славянском языке преследовалась, повсюду насаждались греческий язык и культура. Многие деятели болгарской культуры вынуждены были покинуть страну, но они несли ее высокие достижения другим славянским народам. Особенно значительна и плодотворна была их роль в Киевской Руси. Ими были принесены или вновь сделаны переводы памятников византийской и славянской литературы, во многом они способствовали становлению и развитию русской оригинальной книжности.

В отличие от Болгарии расцвет раннефеодальной культуры в Сербии относится к более позднему времени, что связано с самими обстоятельствами складывания Сербского государства. О начале этого расцвета едва ли можно говорить ранее середины XII в. Но не подлежит сомнению, что он был подготовлен предшествующим развитием. Несомненную роль в становлении сербской культуры также играли славянская письменность и великие кирилло-мефодиевские традиции. К сожалению, памятники сербской литературы до нас не дошли, и мы можем лишь реконструировать их. Много в этом отношении дает летопись попа Дуклянина, датируемая 1149—1167 гг. Благодаря ей можно, хотя бы гипотетично, судить о древнейших сербских житиях (св. Иоанна — Владимира) и ряде исторических повествований, которые имеют в летописи явную сюжетную завершенность (например, рассказ о борьбе Часлава и Радослава). Следует отметить при этом, что сама летопись Дуклянина дошла до нас в латинском и хорватском переводах. В этом сказалось более тесное, чем в Болгарии, соприкосновение сербской культуры с Западом.

Что касается хорватской культуры, то она еще более тесным образом была связана с западным христианством, поскольку Хорватия принадлежала к латинской церкви. Однако это не смогло помешать распространению и здесь славянской письменности (в ее глаголическом варианте).

Период XII—XIV вв. был ознаменован в Юго-Восточной Европе важными явлениями и процессами в области культуры. Начиная с этого времени, происходил ее стремительный и яркий расцвет в Сербии. Этому способствовали экономическое развитие страны, успехи по ее объединению, широкие контакты с другими странами как Балканского полуострова, так и Западной Европы. Значительную роль сыграло и то внимание, которое уделяли правители Сербии из династии Неманичей развитию письменности и искусства, усматривая в них средство утверждения своей власти и ее прославления. В стране создается ряд крупных культурных центров. Ими были прежде всего монастыри, такие как Студеница (XII в.), Жича (начало XIII в.), Милешеве (ок. 1235 г.), Грачаница (1321 г.), Дечаны (1327—1335 гг.). Знаменательным культурным центром была также Печская патриархия (начало XIII в.). В этих центрах были собраны большие и ценные библиотеки, велась интенсивная работа по переводу и переписыванию книг, создавались многие оригинальные прозведения.

Особенное развитие в сербской литературе получил жанр жития. Его блестящим образцом является сочинение первого сербского архиепископа Єаввы (1175—1235 гг.), посвященное его отцу Стефану Немане (в монашестве Симеону), родоначальнику сербской княжеской, а затем королевской династии. При всей композиционной стройности житие отличает живая эмоциональность, а торжественный пафос в нем сочетается с теплым чувством.

Другое житие Стефана было написано старшим братом Саввы Стефаном Первовенчанным. Для него характерно более пространное в историческом плане изложение, неспешные риторические рассуждения, обилие цитат. Оно проникнуто патриотическими идеями. Церковную деятельность самого Саввы по созданию независимой церкви в Сербии прославил его ученик Доментиан. Он написал житие Саввы в 1253 г. В конце XIII — начале XIV в. оно было переработано Феодосием. Феодосия особенно увлекало раскрытие характера своего героя.

В XIV в., когда были созданы жития Стефана Дечанского, Стефана Душана, в них все более усиливаются черты историзма, конкретного изображения действительности, разумеется, облеченного в традиционную агиографическую форму.

Сербская агиография была многообразна. Ее органично дополняла гимнография. Одним из выдающихся произведений в этом жанре была служба по случаю перенесения мощей св. Саввы (1237 г.), составленная Афанасием. Замечательными гимнографами XV в. были митрополит Иаков и царь Урош V.

В это же время зарождается собственно исторический жанр повествования. Создаются «родословы» и краткие летописцы. В оригинальном виде они до нас не дошли и могут быть реконструированы на основе более поздних по происхождению памятников, но едва ли есть основания сомневаться в их существовании по крайней мере уже в XIV в.

Высокий расцвет культуры в Сербии XII—XIV вв. связан не только с развитием письменности. Не менее замечательны были достижения в области изобразительного искусства и архитектуры. Сербские фрески XIII—XIV вв. являются одной из вершин европейского средневекового искусства. Драматичная напряженность и даже острота чередуются в них с просветленным спокойствием. Великолепен их изысканный колорит. Такие шедевры сербского монументального искусства, как фрески Милешева, Сопочан, Дечан вполне могут соперничать с самыми выдаю-

щимися образцами византийского искусства. Ориентируясь в целом на его лучшие достижения, сербские мастера вносят и свою местную тематику и стилистику, изображая сербских святых, уделяя большое внимание ктиторским портретам строителей и украшателей храмов.

В сербской архитектуре и скульптуре, напротив, отчетливо видны черты западного романского стиля. Дечаны просто поражают ярко выраженным романским обликом декоративной скульптуры, западное влияние ощутимо и в Студенице.

Возрождение болгарской государственности в 1185 г., казалось бы, должно было создать благоприятные условия для развития болгарской культуры. Однако почти непрерывные династические войны и феодальные междоусобицы, а в последней четверти XIII в. нашествие монголов создавали неустойчивую и тревожную обстановку в стране, приводили к гибели многих памятников письменности. Стабилизация происходит при царе Иване-Асене II (1218—1241 гг.). Новая столица Болгарии Тырново все более приобретает особое значение как культурный центр, его начинают сравнивать в самой Болгарии с Константинополем. Из Византии, оказавшейся в это время под властью крестоносцев, сюда стекаются реликвии и святыни. Перенесение в Тырново в 1233 г. мощей Параскевы-Петки Епиватской, с этого момента называвшейся Тырновской, послужило поводом для составления летописного рассказа об этом событии и краткого жития святой. В них прославляется не только святая как защитница Тырнова, но и сама столица — «преславный град Тырнов».

Именно в XIII в. в Тырнове были заложены основы болгарской литературы XIV в. Ее высокие достижения связаны с деятельностью тырновской книжной школы и приходятся на тот период, когда ведущим направлением в общественно-политической и философской мысли на Балканах становится исихазм. Зародившись как узкое монашеское движение, исихазм (от греческого слова «исихия» — молчание) вскоре захватил умы самого широкого круга деятелей культуры. Как средство внутренней сосредоточенности, самопостижения, раскрытия собственных духовных сил и возможностей, исихазм вел к большему вниманию к психике человека, ее связям с окружающей средой. Вот почему в византийской, а вслед за ней в болгарской литературе этого времени все более заметным становится стремление показать индивидуальность героя, не пренебрегать конкретными событиями, описанием природы и социальной обстановки.

В Болгарии центром исихазма был Килифаревский монастырь, во главе которого стоял Феодосий Тырновский. Он превратил монастырь в замечательный центр книжной культуры, из стен которого вышли многие выдающиеся болгарские писатели XIV в.

Первым среди них должен быть назван Евфимий Тырновский — подлинный создатель тырновской школы болгарской литературы. Побывав в 60—70-х годах в Константинополе и на Афоне, Евфимий во всеоружии знаний того времени, в сане тырновского патриарха (с 1375 г.) приступил к реформе письменности и литературных норм. Эта реформа касалась упорядочения правописания и языка, которые должны были следовать, с одной стороны, кирилло-мефодиевским традициям, а с другой — учитывать нормы греческого письма и языка. Стиль произведений Евфимия, как и у других писателей-исихастов, отличается экспрессивностью. Евфимий требовал от писателей полного соответствия слова и содержания, умения раскрыть красоту слова. Современники высоко ценили дарование Евфимия. Когда он умер, они, по словам современника Евфимия Иоасафа Бдинского, восклицали: «Солнце угасло, когда замолк язык Евфимия!»

Наиболее последовательным продолжателем деятельности Евфимия был его ученик Константин Костенечский. Он учился у Евфимия, когда тот

после турецкого завоевания Тырнова в 1393 г. находился в заточении в Бачковском монастыре. После разорения монастыря в 1410 г. Константин бежит в Сербию, где и развертывается его деятельность. Здесь он создает выдающийся грамматический трактат «Сказание изъявленно о писменех». Точность и прозрачность слова, так ценившиеся Евфимием, всячески прославлял и Константин. Язык Кирилла и Мефодия для него в этом отношении драгоценен. Он не только восхищается им, но и стремится разобраться в нем, понять его природу. По мнению Константина, этот язык составлен из всех славянских языков, но на основе русского, «всех тончайшего». Как и Евфимий, Константин уделил внимание агиографическому жанру. Им было написано житие сербского короля Стефана Лазаревича. Прославляя его воинскую доблесть и заботы о процветании просвещения в Сербии, Константин вместе с тем старается объяснить появление столь замечательной личности. При этом он учитывает все: и природу Сербии, живописные картины которой даны в Житии, и характер сербов, наделенных мужественностью и честностью.

Житийный жанр в духе тырновской школы продолжал развивать и другой ученик Евфимия и его родственник Киприан, митрополит киевский и под конец жизни, после долгих перипетий, московский, ставший крупным деятелем и русской культуры XV в. Наиболее прославленным сочинением, написанным Киприаном в Москве, было «Житие митрополита Петра», одного из предшественников по московской кафедре. В этом житии он стремился прославить одного из столпов Великого княжества Московского, написал гимн ему с восторженными похвалами и лирическим воодушевлением.

Жития-похвалы и просто похвалы с большим мастерством писал и другой родственник и ученик Евфимия — Григорий Цамблак (ум. 1420 г.), который через всю свою жизнь пронес верность идеалам и заветам Евфимия Тырновского. Около 1405 г., уже будучи в Сербии, он написал продолжение «Жития Петки Тырновской», в котором описываются исторические события, развернувшиеся на Балканах в конце XIV в.

Последним представителем тырновской школы в самой Болгарии был митрополит Иоасаф Бдинский (Видинский). Видинское царство — это последний осколок Второго Болгарского царства, державшийся еще три года после падения Тырнова. Тревожная атмосфера и вместе с тем ненависть болгарского народа к своим поработителям отразились в написанном Иоасафом «Похвальном слове Филофее».

С падением Второго Болгарского царства болгарской культуре был нанесен страшный урон. Уничтожались ее памятники, горели в огне книги, сотнями гибли их творцы. Но высокие достижения болгарской культуры продолжали жить и во многом способствовали развитию культуры братских славянских народов. Тырновская книжная школа оказала немалое влияние на пути развития сербской письменности и литературы. Она воздействовала и на русскую письменность вплоть до XVI в. включительно, что воплотилось в так называемом втором южнославянском влиянии. Русские книжники чутко восприняли грамматическую реформу тырновской школы, как и ее палеографические нормы, ее литературный стиль, сам репертуар ее литературы. Во многом все это стало образцом для них.

Не только славянские народы восприняли высокие достижения болгарской культуры. Она сыграла большую роль в развитии литературы молдавского и валашского княжеств. Как известно, их письменностью вплоть до XVII в. была славянская. Поэтому болгары и сербы, спасаясь от османов, легко могли найти здесь благоприятную среду для своей книжной деятельности. Этим были заложены основы для последующих культурных контактов Дунайских княжеств не только с южными, но и восточными славянами,— контактов постоянных и весьма плодотворных.

Завершая обзор основных явлений в развитии культуры стран Славяно-Балканского региона в XII—XIV вв., нельзя не отметить особую роль в этом регионе центров греко-славянского и межславянского общения. О роли Фессалоники уже говорилось выше. Нельзя не назвать еще и Константинополь. Но особую, исключительную роль среди них играл Афон. Его многочисленные греческие монастыри, столь тесно связанные с византийскими культурными центрами, находились бок о бок с сербским (Хиландар), болгарским (Зограф), русским (Ксилургу, а позднее св. Пантелеймона) монастырями. Известно, что Савва Сербский первоначально жил на Афоне в русском монастыре. В XIV в. этому монастырю покровительствовал Стефан Душан. Иноки афонских монастырей обменивались сокровищами письменности. Славяне делали переводы с греческого, совместно создавали новые произведения (например, «Пролог» — сборник кратких житий и поучений).

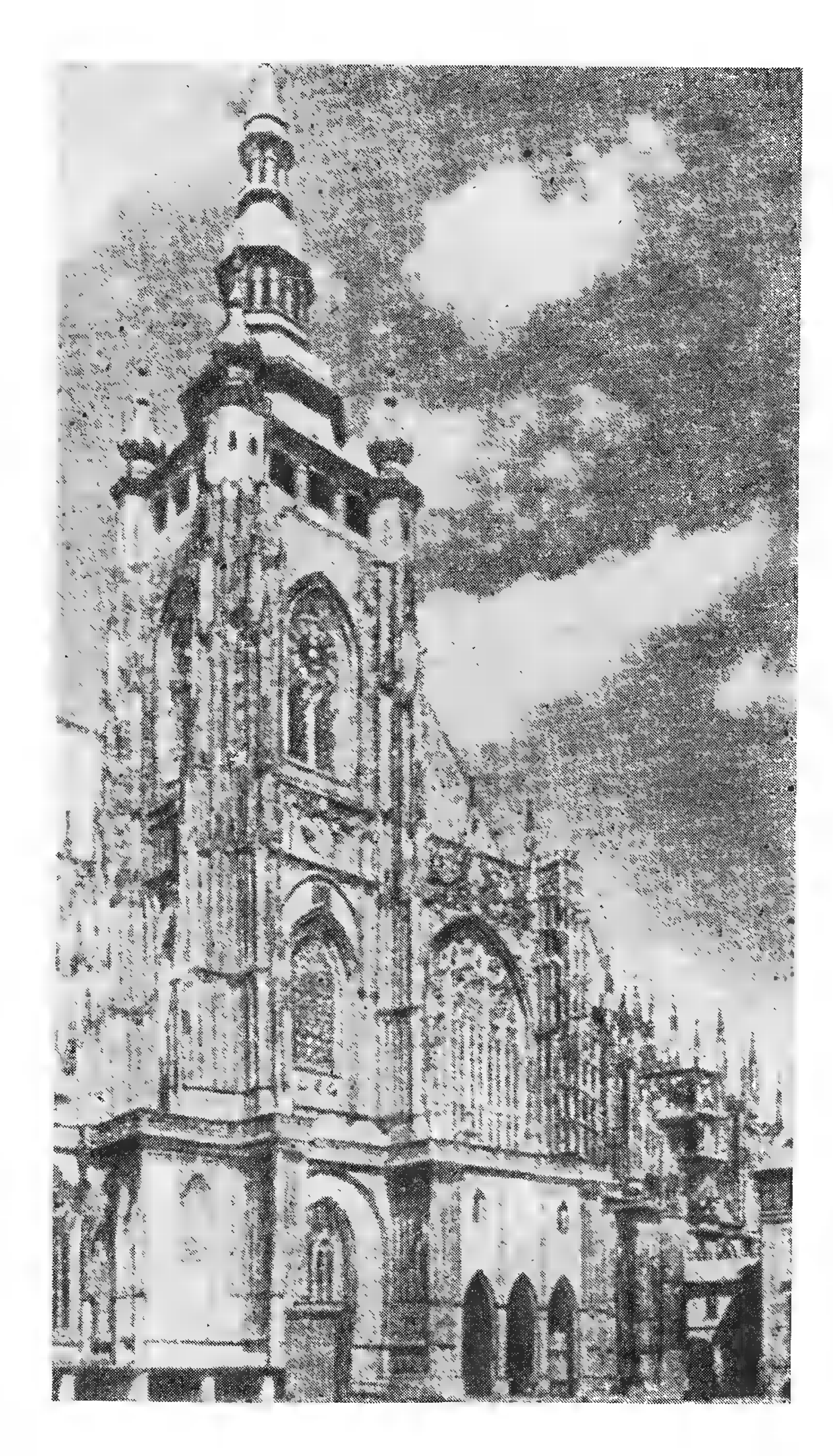

Князь из рода Пржемысловичей. Фрагмент фрески Замковой капеллы в Знаймо. 1134 г.

Как уже упоминалось выше, в странах Центральноевропейского региона в XI в. полностью восторжествовала латинская письменность и латинский язык, как язык богослужения, литературы, науки. Безусловно, это обстоятельство надолго задержало развитие литературы на народных языках в Чехии, Польше и Венгрии. Непонятность чуждого языка для народов этих стран не могла не тормозить развития их культуры в целом, ее сколько-нибудь широкое распространение. Однако наряду с этой бесспорно негативной стороной господства латинской письменности оно имело и некоторое положительное значение, открывая центральноевропейским народам широкие возможности для ознакомления с достижениями культуры латинского Запада.

В Чехии и Польше возникают центры латиноязычной литературы, которые внесли немалый вклад в развитие культуры этих стран. Крупнейшим из них в Чехии был Збраславский монастырь. В нем, как и в ряде других монастырей, была собрана обширная библиотека, состоявшая как из западноевропейских книг и местных списков с них, так и латиноязычных сочинений, созданных в самой Чехии. Подобными сокровищами обладали и некоторые (правда, весьма немногочисленные) светские феодалы. Особенно интересной была библиотека королевы Рейчки, в составе которой были книги, знакомившие с сочинениями античных писателей и мыслителей. Особую роль для развития литературы и науки на латинском языке играл открывшийся в 1347 г. в Праге университет. Он получил название Карлова по имени короля Карла I (императора Священной Римской империи Карла IV). Карлов университет способствовал распространению просвещения в Чехии, конечно, в тех пределах, которыми ограничивал его латинский язык.

В Чехии был создан ряд замечательных оригинальных произведений на латинском языке. Еще в конце X в. возникла так называемая «Легенда Кристиана» — интересный опыт соединения житийного жанра (ла-

Собор Св. Вита в Праге. Южная башня. XIV в.

Мариацкий костел в Кракове. XIV–XV вв.

тинский вариант житий Вячеслава и Людмилы) и исторического повествования о начале Чешского государства и распространении в нем христианства.

Собственно жития в Чехии делились на две группы: высокого и низкого стиля. В первых все торжественно и приподнято, за счет абстрагирования дан лишь минимум исторических реалий (например, житие св. Екатерины), во-вторых, наоборот, можно видеть стремление к конкретике, возможной простоте изложения. Таково, например, житие Прокопа Сазавского. Сам Сазавский монастырь вплоть до конца XI в. оставался

центром славянской письменности в Чехии. С конца XIII в., особенно в XIV в., появляется и распространяется и литература на родном языке.

Довольно заметное распространение получили в Чехии (в особенности в XIV в.) дидактические сочинения. Широко были известны такие авторы этого направления, как Колда из Колдиц, Смил Фляшка из Пардубиц. Особенно интересен сборник Томаша из Штитного. Он не только написан на чешском языке, но и ставит своей задачей популяризацию для людей, не знающих латинского языка, сочинений латинских авторов, глав-

ным образом философского и морального характера. Есть в сборнике и оригинальные сочинения самого Томаша.

Интересным явлением в чешской культуре рассматриваемого периода были так называемые действа (литургическая драма). Уже с конца XII в. известны такие произведения не только на латинском, но и на чешском языке. В них все чаще, особенно в XIV в., вкрапливаются своеобразные интермедии сатирического характера, построенные на основе реальных наблюдений за жизнью чешского общества. Среди таких действ особенно популярным было действо «О воскресении Христовом». Так проходил своеобразный синтез церковного и народного искусства.

К XIV в. чешскоязычные сочинения все более распространяются по стране, латиноязычная литература сохраняет свои позиции. Помимо нее в Чехии заметно все большее наступление немецкого языка, что было тесно связано с соответствующими национальными и социальными процессами в стране (см. ч. II, гл. 6). Господство немецкого патрициата в городах, хозяйничание в Чехии светских и духовных немецких феодалов, засилье немцев в Карловом университете не могли не вызвать ответного социального и национального протеста. Своего апогея он достиг в гуситском движении. Сам Ян Гус со всей решительностью выступал в защиту чешского языка, за необходимость широко изучать его, обучать ему детей. Гус стоял за чистоту родного языка, против засорения его немецкими словами. Сторонники Гуса добились очищения Карлова университета от немцев.

В соседней и родственной Чехии Словакии истоки культуры равным образом уходят к временам Кирилла и Мефодия и их наследства. В эти годы словацкие земли входили в состав Великой Моравии. С падением ее и завоеванием этих земель Венгрией на них начинает господствовать латинская письменность. На латинском языке пишутся проповеди, создаются местные хроники. Но с XV в., после походов гуситов, чешский язык завоевывает себе права литературного языка и в Словакии. Примером словацких сочинений на чешском языке может служить «Жилинская книга» (1451 г.), состоящая из местных хроникальных заметок. Но уже к концу XV в. начинает постепенно завоевывать себе права складывающийся словацкий язык, о чем свидетельствуют так называемые «Спишские молитвенные поучения» (1480 г.).

Важным событием в культурной жизни Словакии было открытие университета в Братиславе в 1467 г. Он был создан по инициативе венгерского короля Матьяша Хуньяди (Корвина) в противовес Пражскому университету, где господствовали чашники — последователи гуситов. В новосозданном университете вновь возобладал латинский язык.

Как и в литературе, в архитектуре и искусстве Словакии заметны следы ее тесного, в том числе культурного общения с Чехией, а также с Польшей, Германией и Австрией. Это прослеживается в памятниках как романского, так и позднее — готического стиля. Однако для словацкой архитектуры свойственна большая сдержанность, тяготение к конструктивной ясности форм. Таковы романские храмы в Дьяковице (1221 г.), единственным украшением которых являются аркатурные пояса, или в Спишской капитуле (1245—1275 гг.) с капителями, украшенными весьма упрощенным растительным декором. Из готических памятников наиболее значителен по размерам собор св. Альжбеты в Кошице, строившийся более столетия (с 1382 по 1499 г.). Но и в нем все украшение ограничивается ажурным орнаментом в верхней части стрельчатых окон. Заслуживает внимания влияние на каменное зодчество Восточной Словакии деревянной народной архитектуры, именно здесь особенно распространенной. Примером такого явления могут служить башни с шатрами, опоясанными деревянными галереями собора св. Эгидия в Бардееве (XV в.).

Ранней монументальной словацкой живописи свойственна линеар-

Фрагмент резного деревянного алтаря в Мариацком костеле в Кракове. Работа Вита Стоша. 1470–1489 гг.

ность и плоскостность. Таковы фрески в Дехнице (ок. 1175 г.) и более изысканные в Дравце (начало XIV в.).

Во второй половине XV в. в Словакии происходит оживление городской культуры, налицо гуманистические веяния эпохи гуситских войн. В живописи это проявляется в усилении реалистических тенденций, появлении большего интереса к личности. Такими чертами отмечен Алтарь Богоматери из Стражек.

В Польше особой враждебности к латинскому языку не было. Первые сочинения на латинском языке в Польше стали создаваться вскоре после ее христианизации. Это прежде всего были жития святых, особенно чтимых в Польше: св. Войтеха, св. Станислава и св. Ядвиги. Политический и государственный характер имеет «Житие св. епископа краковского Станислава», казненного по приказанию польского короля Болеслава II.

В конце XIV в. появляются агиографические произведения и на польском языке (например, житие св. Блажея). Еще столетием раньше на том же языке создается сборник проповедей — «Проповеди свентокшишские». Польские ученые начинают выступать в защиту родного языка. Так, в 1440 г. в этом плане был написан трактат «О польской орфографии», автором которого был Якуб Паркош. Однако это не означало еще вытеснения латинского языка.

Паркош являлся профессором Краковского университета, открывшегося в 1364 г. Университет сыграл большую роль в развитии польской культуры, хотя преподавание в нем долгое время велось, как и в университетах Западной Европы, на латинском языке. В отличие от Пражского университета в Краковском никогда не было иноземного засилья, хотя двери его были широко открыты для студентов из других стран и земель. В нем учились немцы, венгры, чехи, литовцы, украинцы. Развившиеся

впоследствии гуманистические и возрожденческие движения в Польше были теснейшим образом связаны с профессорами Краковского университета. Среди них можно назвать Павла Влодковица, сочувствовавшего гуситизму, и Яна из Людзиска, одного из блестящих представителей польской общественной мысли.

Латинская письменность хотя и задержала становление литератур на местных языках у народов Центральной Европы, но не могла совсем помешать их развитию, так же как и становлению этнического самосознания этих народов и осознанию ими общеславянского родства. Особенно показательны в этом отношении чешские и польские хроники рассматриваемого периода. Таковы уже хроники XII в.: чешская Козьмы Пражского (на латинском языке), польская Галла Анонима. Они полны любви к своей родине, гордостью за ее историю. И в той и в другой исторические записи органично сочетаются с народными легендами, произведениями фольклора, воспевающими далекое и славное прошлое. В XIII в. в Польше эти традиции были продолжены Яном Кадлубком. Желая прославить свою страну, хронист свободно прибегает к сочинению фантастических рассказов о победах поляков над Александром Македонским и Юлием Цезарем. В другой польской хронике XIII в., так называемой Великопольской, особенно настойчиво звучит мотив о родстве поляков, чехов и русских. Оно мотивируется легендарным рассказом о трех братьях: Лехе, Русе и Чехе — мифических праотцах трех славянских народов. Позднее, уже в XV в., была написана «История Польши» Яна Длугоша (краковского каноника и политического деятеля), которая считается высшим достижением польской средневековой историографии. Проникнутая патриотизмом, идеей воссоединения в едином государстве всех польских земель, она содержит подробное описание Грюнвальдской битвы, рассматривает Польшу в ряду других стран Европы, несет в себе некоторые черты гуманистической историографии.

В отличие от Польши, где это произошло в XVI в., в Чехии первая историческая хроника на родном языке появилась уже в начале XIV в. Это так называемая рифмованная «Далимилова хроника», отражавшая патриотические тенденции и буквально насыщенная народными преданиями и легендами, в том числе о Чехе, как праотце чешского народа. По-латыни была написана «Гуситская хроника» Лаврентия из Бржезовой, современника гуситских войн, подробно описанных им по горячим следам.

Этническое самосознание славянских народов, как можно было видеть на примере западнославянских хроник, не только не вступало в противоречие с представлением об общеславянском единстве, но и органично с ним сочеталось. И это во многом было залогом того, что ни политические противоречия, возникавшие между отдельными славянскими странами в ходе их исторического развития, ни их конфессиональная разделенность (прежде всего между западными и восточными славянами) не могли воспрепятствовать культурным контактам между ними, которые по сути дела никогда не прекращались.

Памятники древнечешской литературы были популярны на Руси. Но и в Чехии хорошо знали о Киевской Руси, и показательно в этом плане, что при строительстве Сазавского монастыря в основание престола одного из приделов были положены частицы мощей Бориса и Глеба, один из вариантов житий которых был написан в свою очередь не без влияния мотивов чешского жития св. Вячеслава. В отношении Польши можно отметить такое характерное явление: иконные изображения там стали создавать явно под влиянием древнерусских, после того как в XIV в. ряд южнорусских земель вошел в состав Польского государства. Даже самая почитаемая в Польше икона Ченстоховской богоматери византийско-русского происхождения.

Разумеется, сказанное выше не означает, что чешская и польская культуры не принадлежали западному ареалу. Так, архитектурные памятники рассматриваемой поры, наряду с другими данными, красноречиво и наглядно подтверждают это. Для XI—XII вв. это ярко выраженный романский стиль. Таковы польские костелы св. Иджи в Иновложю (ок. 1086 г.), св. Андрея в Кракове (ок. 1090 г.), св. Богородицы и Алексея в Туме под Ленчицей (1141—1161 гг.) и чешские костелы св. Георгия на Пражском Граде (середина XII в.), базилика Девы Марии в Тисмице (третья четверть XII в.). Для самого развития чешской архитектуры романского стиля особенно характерна форма ротонд: это храмы, начиная от Старого Пльзеньца (X в.) до ряда ротонд XII в. (св. Георгия в Ржипе, св. Мартина в Вышеграде, св. Петра и Павла в Ржезновице). Впрочем, хотя и реже, ротонды можно видеть и в Польше (в Чешине XI в. и св. Прокопа в Стшельне, ок. 1160 г.). В столь популярной у западных славян форме ротонды нельзя не видеть отголосков великоморавских кирилло-мефодиевских традиций. Как показали раскопки чехословацких археологов, именно ротонда была самым распространенным видом храма в Великой Моравии. Таким образом, западнославянская архитектура XI—XII вв., в целом являясь романской, имела и свои особые черты.

В меньшей степени это можно сказать о готике, возобладавшей в Чехии и Польше с XIII в. и достигшей особого расцвета в XIV в. Идейно-философское содержание этого стиля (см. выше) делало его в большой мере межэтническим. И все же ряд исследователей усматривает, например, в чешской готике черты старых местных традиций, ее особую монументальность, наличие элементов, созвучных архитектуре восточных и южных славян. Во всяком случае, при создании готических построек наряду с иноземными мастерами (например, Матье из Арраса в Чехии) ведущую роль все более завоевывают местные мастера. Один из них, Петр Парлерж, создал целую архитектурную школу. Такие сооружения, как собор св. Вита в Праге (1344—1352; достраивался в XVI и XIX вв.) или костел св. Варвары на Кутной Горе (XIV в.), стали подлинными шедеврами мирового искусства. То же можно сказать об одном из красивейших творений польской готики — Мариацком костеле в Кракове (строился в XIV—XV вв.). При строгости и лаконичности его внешнего вида собор особенно знаменит своим внутренним убранством и прежде всего резным деревянным алтарем, который исполнил в 1477—1489 гг. замечательный польский резчик Вит Стош.

В Венгрии [1] в период развитого феодализма в культурной жизни сильны были западные влияния. «Деяния венгров» (см. выше) и труды продолжателей этой хроники в середине XIV в. были собраны в так называемой единой «Иллюстрированной хронике» Марка Кальти. Основная идея этой хроники — возвеличение династии Арпадов, принявших христианство, что представлялось главным рубежом в истории Венгрии,— была принята и в «Хронике венгров» Яноша Туроци (вторая половина XV в.), продолжившего изложение венгерской истории до 1487 г. Из исторических произведений, не предназначавшихся для сводных работ, выделяется другое знаменитое сочинение — тоже «Деяния венгров» — анонимного автора конца XII — начала XIII в., посвященное событиям IX—X вв. В отличие от официальной династической концепции Аноним выдвигает идею о том, что князья и вожди суть равные стороны, отношения между которыми регулировались договором, скрепленным кровью, пытаясь тем самым обосновать обнаружившиеся в начале XIII в. претензии крупных землевладельцев на раздел власти с королем.

Из-за слабости бюргерства в Венгрии городская литература так и не

[1] Материал по венгерской культуре XIII–XV вв. был любезно предоставлен Т. П. Гусаровой.

появилась. Однако во второй половине XV в. среди наиболее образованных клириков и мирян, служивших в государственных учреждениях, в придворной среде появились отдельные элементы гуманистической культуры. Венгерские короли, в первую очередь Матьяш Корвин (1458—1490), оказывали покровительство иностранным гуманистам. При дворе Матиаша работали итальянцы Марцио Галеотто, Антонио Бонфини, оставившие после себя исторические труды. Позднее в состав придворных гуманистических кружков вошли чешские, немецкие гуманисты. Выдающимися представителями венгерской гуманистической мысли были Янош Витез и Янус Паннониус, сочетавшие государственную деятельность в правление Матиаша с литературным творчеством. Первый известен своими речами и письмами, которые были призваны формировать общественное мнение. Второй принес в Венгрию жанр элегии. В результате деятельности кружка гуманистов при дворе Матиаша составилась библиотека «Корвина», насчитывавшая 400—500 томов произведений античных, средневековых и гуманистических авторов. С эпохой Матиаша связан также подъем изобразительного искусства и архитектуры, венцом которой явился королевский дворец в Вишеграде. В целом же культурные и социальные рамки венгерского Возрождения были слишком узки для того, чтобы повлиять на культуру всего общества.

Культуре господствующего класса противостояла народная. Она находила выражение в устных преданиях, песнях, сказаниях. В фольклоре, сохранившем нередко языческие верования, давалась народная интерпретация событий далекого прошлого и настоящего, отличавшаяся от официальной. Народные предания перерабатывались в угоду вкусам и интересам феодалов и в таком виде включались в хроники, ложились в основу рыцарского эпоса.

Глава 5
КУЛЬТУРА РУСИ В VI—XV вв.

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ (VI – НАЧАЛО XIII в.)

Культура Древней Руси — одного из могущественных государств Восточной Европы — была закономерной и важной частью культуры средневекового мира. Исходным моментом ее формирования стал синтез культурных традиций племен и народов, населявших территорию Древнерусского государства. Древняя Русь, подобно Византии и империи Карла Великого, была многоэтнической державой. В ее создании принимали участие восточнославянские племена, из которых позднее сложились три братских народа — русский, украинский и белорусский. Их предшественники, как и другие племена, жившие на Руси, внесли свой, пусть и неравноценный, но все же важный вклад в развитие древнерусской культуры. Однако подобно тому как Древнерусское государство постепенно создало территориальную и политическую общность, так и в сфере культуры в течение столетий сложилась единая, самобытная древнерусская культура. Немалую роль в ее формировании сыграли и культурные связи Руси со многими странами Запада и Востока. В течение столетий ее территория была зоной встречи и взаимодействия разных цивилизаций — Византии, Западной и Центральной Европы и азиатского Востока. Особенно значительным после принятия христианства стало византийское влияние, однако и оно было вскоре переосмысленно и переработано на основе самобытной куль-

туры Древней Руси. Основным компонентом культуры стала культура славян, истоки которой восходят к глубокой древности.

О культуре приднепровских племен в VI—IX вв. можно судить по довольно богатым археологическим материалам. Большой интерес, в частности, представляют изделия, раскопанные в селе Мартыновка на реке Рось. Это изображение коней и четырех пляшущих мужчин. Примечателен орнамент на их рубашках. Точно такой же имеется на изображении гусляра на киевском браслете XII в. Языческое искусство славян вообще и восточных в частности носило по преимуществу изобразительный характер, было связано с миросозерцанием того времени. Обожествление природы (анимизм), магическое восприятие животного мира выразилось в устойчивых изображениях животных и различных птиц, вначале соколов и орлов, а потом, с развитим земледелия, и петухов, а также коней. Кони у славян почитались как священные животные, они символизировали такие начала в природе, которые составляли основу жизни человека: солнце (оно движется, по представлениям того времени, упряжкой коней) и воду. Землю же олицетворяла великая богиня-мать прародительница. Схематизированное изображение женщины с поднятыми руками часто встречается на народных вышивках вплоть до начала XX в. Силы природы у восточных славян к IX в. все более начинают восприниматься в антропоморфном плане. Формируются верования, в системе которых мы находим богов солнца (Даждьбог, Хорс), ветра (Стрибог), воды (Мокошь), грома и молнии (Перун). Поклонение им вызвало к жизни и создание их изображений — идолов. Одним из высших достижений на пути этого развития древнерусской языческой скульптуры является знаменитый Збручский идол IX—X вв., найденный на Украине. Идол имеет форму довольно высокого четырехгранника, увенчанного четырьмя головами, покрытыми одной шапкой, удивительно схожей с известными нам по иконам и книжным миниатюрам древнерусскими княжескими шапками. Головы принадлежат различным божествам: одно из них с мечом и конем (у ног), другое с кольцом, третье с рогом и четвертое без атрибутов (см. с. 196).

Языческая культура Древней Руси была самым теснейшим образом связана с устным народным творчеством. Продолжая жить и после христианства, фольклор донес до нас, пусть в видоизмененных вариантах, замечательные памятники культуры весьма отдаленных времен. Поражает разнообразие жанров, в которых создавались эти памятники. Из них довольно значительную часть составляют те, которые были непосредственно связаны с языческим культом и обрядами, неотъемлемыми от земледельческого уклада самой жизни народа. Благодаря устойчивости именно обрядовой поэзии, можно без особого труда судить о них по позднейшим календарным веснянкам и колядкам, а также по различным заговорам и заклинаниям, свадебным песням и надгробным плачам, несмотря на то, что все они зафиксированы собирателями фольклора в лучшем случае начиная с XVII в. Показательны надгробные плачи, отраженные и в летописях, так же как и другой внеобрядовый вид устного народного творчества — сказка.

Особый интерес в древнерусском фольклоре представляют былины — эпические песни. Исследователи пришли к выводу, что к периоду Киевской Руси можно с уверенностью отнести следующие былины: о богатырях — «Добрыня и змей», «Алеша и Тугарин»; о торговом человеке — «Иван гостинный сын», «Михайло Потык» и «Сухан». Разумеется, за долгое свое бытование былины претерпели определенные изменения, в них ясно просматриваются наслоения более позднего времени, но их древняя основа едва ли может подлежать сомнению. Былины можно оценить как своеобразную народную историческую публицистику. Былинные сюжеты отражают то, что волновало народ Древней Руси. Это прежде всего борь-

ба с внешним врагом (печенегами, половцами, татарами). Ощутим в былинах и антагонизм между народом и «верхами» общества, обидчиком-князем и выходцем из народа.

Как ни богато и многообразно было устное народное творчество, подлинный расцвет древнерусской литературы, как и древнерусской культуры в целом, связан с восприятием Русью славянской письменности. Вклад византийской культуры в формирование письменности славянских народов состоял не только в деятельности Кирилла и Мефодия по оформлению славянской азбуки и по переводу богослужебных книг на славянский язык, но и в непосредственной связи греческого и славянского письма. Теперь Русь, как и ряд других славянских народов — в Великой Моравии, Чехии, Болгарии и позже в Сербии,— получила основу для создания богатейшей письменной культуры на своем родном, понятном народу языке. Страны Западной Европы, как и мусульманского Востока, были долго лишены этого великого стимула широкого развития культуры. Со славянской письменностью и литературой — замечательным творением «первоучителей славянских» Кирилла и Мефодия Русь познакомилась задолго до принятия христианства. Во всяком случае не позже второй четверти X в. письменность была уже в бытовом употреблении. Об этом убедительно свидетельствует надпись кирилловскими буквами на керамическом сосуде — корчаге, найденной под Смоленском в селе Гнездове. Договор Олега с греками 911 г. упоминает о письменных завещаниях русских, а в договоре Игоря говорится о грамотах, которые князь должен был давать кораблям, отплывающим в Византию. Как показывает лингвистический анализ договоров, они имеют явные признаки болгаризмов, что указывает на источник проникновения на Русь славянской письменности — Болгарию. Однако Болгария не была единственным источником для Руси этих великих культурных завоеваний славянства. Чехия, прямая наследница Великой Моравии в культурном отношении, была в тесных торговых и политических контактах с Русью. Распространялись эти связи и на области культуры, в частности письменность. Готовые переводы — как болгарские с греческого, так, хотя и в меньшей степени, и чешские с латинского — получили широкое хождение на Руси в связи с ее официальным крещением в 988 г., т. е. тогда, когда письменность на Руси перешла границы отдельных ее очагов и стала распространяться по всей стране.

Крещение Руси было важным этапом в развитии ее культуры. Во многих отношениях древнерусская культура обрела принципиально новые черты и особенности. Подобно тому как христианизация Руси явилась фактором, заметно ускорившим складывание единой древнерусской народности из восточнославянских племен с их различными культами (попытка объединить их созданием единого пантеона божеств в 980 г. потерпела неудачу), христианство способствовало и консолидации древнерусского сознания — как этнического, так и государственного. Заметим также, что христианство, принеся на Русь славянскую письменность, не могло не усилить и сознание единства происхождения славян и славянской общности. Чувство этой общности часто переплеталось с древнерусским этническим самосознанием. Это характеризует многие памятники древнерусской письменности. Особенно выразительно высказался по этому поводу автор «Повести временных лет» Нестор Летописец: «Бе един язык словенеск... А словеньскый язык и рускый одно есть».

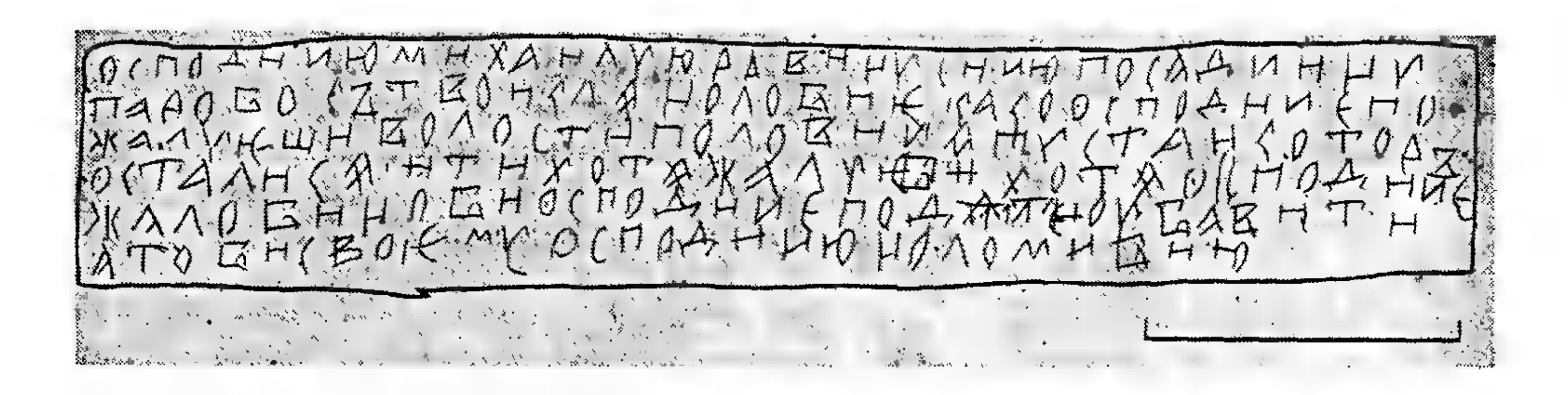
Однако крещение Руси ввело ее не только тесным образом в семью христианских славянских государств, но и в целом в систему христианских стран Европы с их культурными достижениями. Обогатилась русская культура и имеющими глубокие исторические традиции достижениями стран Ближнего Востока и, конечно, культурными сокровищами Византии, о чем речь специально и более подробно пойдет далее. Владимир,

креститель Руси, согласно словам, вложенным в его уста Нестором Летописцем, чувствовал свою державу полноправной среди других христианских народов мира, «яко же уведеша страны хрестьяньския».

Строительство церквей, которое все шире разворачивалось на территории Киевской Руси, не могло не вызвать необходимости увеличения числа «письменных» грамотных людей, ибо иначе не могло бы совершаться и само богослужение по многочисленным книгам, связанным с литургией, получившей именно в восточнохристианском культе особое развитие и отличавшейся чрезвычайной сложностью. Письменность была также необходима княжескому двору в его дипломатической деятельности, различным лицам для оформления юридических отношений; потребность в ней ощущалась в торговле и даже в быту. Тем паче в конце X—XII в., когда Древнерусское государство достигает зенита своего политического и общественного развития, когда оно входит в семью европейских народов, когда значительно расширяются его торговые связи, расцветают ремесла, переживает необыкновенный подъем искусство, знание грамоты и овладение образованностью становится насущной задачей страны. И надо сказать, что с этой важной задачей Русь справилась самым успешным образом. К сожалению, сведения о том, где и как в Киевской Руси была организована система просвещения, у нас слишком скудны, чтобы составить по этому вопросу сколько-нибудь полное суждение. Но все же известно, что Владимир Святославич вскоре после крещения Руси организовал в Киеве школу для юношей, «нарочитой чади», а его сын Ярослав Мудрый устроил такую же школу в Новгороде Великом. В Древней Руси были и женские школы. В Киеве она была устроена при Андреевском монастыре, а в Полоцке — при Спасском. По-видимому, довольно широко практиковалось и обучение отдельными учителями вне школ. Именно таким образом получили образование, согласно их житиям, Феодосий Печерский в Курске от «единого из учителей» и Евфросиния Суздальская в Суздале от приезжего черниговского боярина.

«Книжность» как большую добродетель источники отмечают по отношению к довольно широкому кругу исторических деятелей. Ярослав Мудрый, его сын Всеволод Ярославич, Ярослав Осмомысл, княжна Евфросиния Полоцкая и названные выше Евфросиния Суздальская и Феодосий Печерский, Нестор Летописец, Климент Смолятич и другие славились своей высокой образованностью, знанием не простой грамоты, а «афинейской» (т. е. афинской) премудрости, знакомством с «философией, риторикой, грамматикой». Но далеко не только лица княжеского происхождения или духовенства владели тайнами грамоты. Мы располагаем убедительными и неопровержимыми данными о том, что грамотность получила значительное распространение в городах среди ремесленников и в какой-то мере среди крестьян. Хорошо известны надписи ремесленников на таких шедеврах, как серебряные кратиры (водосвятные чаши) в Новгороде, сделанные мастерами Костой и Братилой в конце XI — начале XII в., и на драгоценном кресте Евфросинии Полоцкой, изготовленном мастером Лазарем Богшей в XII в. Надписи ремесленников либо владельцев можно найти и на самых обыденных изделиях, например на днище бочки, на женской сапожной колодке, деревянных чашках. Особенно их много на пряслицах (грузилах для веретен). Надписи мастеров мы встречаем и на кирпичах. Множество надписей, иногда довольно пространных, можно видеть и на произведениях изобразительного искусства — иконах, фресках, мозаиках.

О распространении грамотности среди городского населения свидетельствует и такой своеобразный источник, как граффити, т. е. надписи, процарапанные на сырой штукатурке в ряде древнерусских храмов. Особенно много граффити обнаружено в Софии Киевской и Софии Новгородской.

Крестьянская жалоба на тяжесть боярских податей. Новгородская берестяная грамота. Прорись XIV в.

Особое, исключительное значение для оценки степени распространенности грамотности на Руси имеют открытые впервые в 1951 г. в Новгороде берестяные грамоты, т. е. грамоты, начертанные на берестяной коре. К настоящему времени их известно несколько сот и не только в Новгороде, но и, хотя и в несравнимо меньшем количестве, во Пскове, Старой Руссе, Смоленске, Полоцке, Витебске, Москве. Древнейшие берестяные грамоты относятся к X—XI вв. Содержание их чрезвычайно разнообразно. Это и грамоты о феодальных повинностях крестьян, их жалобы, отчеты о выполнении хозяйственных работ, денежные документы, завещания, частная переписка, в том числе и любовное письмо, загадки и стихи, учебные тетради школьников и многое другое. В настоящее время обнаружены берестяные грамоты, написанные не только на русском, но и на латинском, греческом, карельском языках.

Относительно высокий уровень грамотности не мог не вызвать глубокой любви к книге, ее подлинного почитания. Выражая этим отношение людей Древней Руси, «Повесть временных лет» включила в свой состав (под 1037 г.) восторженную похвалу книге. «Велика ведь бывает польза от учения книжного! — восклицает летописец,— ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина». В летописной статье, где находится этот замечательный гимн книге, рассказывается о создании Ярославом Мудрым, который, как говорит летописец, «любил книги», скриптория в Киеве, где были собраны переводчики и писцы, и об организации им библиотеки при Софийском соборе.

Литература Киевской Руси поражает богатством как переводных, так и оригинальных произведений. Особое значение имела византийская литература, еще сохранявшая, пусть и видоизмененными, великие и всегда животворные традиции античной культуры. Русь получила в свое распоряжение переводы многих библейских книг, составлявших основы мудрости средневекового человека (полностью Библия была переведена на Руси лишь в конце XV в.), сочинения прославленных византийских отцов церкви, таких, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин. В борьбе с еще живым язычеством, а также проникавшими на Русь другими религиями — иудаизмом и исламом, русским церковным мыслителям пришлось создавать свою философско-богословскую концепцию мироздания, Вселенной и места в ней человека. Источником знания во многом стал Иоанн Дамаскин. У него русские книжники почерпнули основы античной философии в соединении с библейской теорией сотворения мира. В связи с рассмотрением антропологической проблемы ставились вопросы о двух природах в человеке — духовной и телесной, а также о причинности в мире и в жизни человека. Исходя из провиденциальной библейской концепции, разумеется,

в ряду причин на первое место ставилась воля бога, но признавалась и необходимость, судьба, счастье, случайность. И что очень важно — не отрицалась и свобода человеческой воли. Другим источником философско-религиозной мысли на Руси стали книги болгарского церковного деятеля Иоанна Экзарха. Его «Шестоднев» — толкование на библейский рассказ о шести днях творения — пользовался на Руси большой популярностью. Иоанн Экзарх, в отличие от Дамаскина, в меньшей мере признавал античную философию и прежде всего следовал библейской концепции. Однако он вносил в философию и собственное суждение. Преклоняясь перед величием человеческой мысли, он оценивает ее как выражение превосходства человека над всеми земными «тварями». Высоко ставит Иоанн Экзарх человеческий разум, орудие познания мира, занятие науками считает высшим благом. Его философия проникнута светлым оптимизмом, глубокой верой в человека.

В Древнерусское государство широко проникали из Византии и Западной Европы жития святых, ставшие любимым чтением людей той эпохи. Очень большое распространение на Руси получили патерики — сборники кратких рассказов и изречений; проникали на Русь и апокрифы, так называемая «потаенная» литература, в которой нередко содержались неканонические, далекие от строгой ортодоксальности воззрения. Особенную популярность завоевал среди них апокриф «Хождение Богородицы по мукам», преисполненный глубокого сострадания к несчастьям людей. Некоторые переводные сочинения попадали на Русь в виде уже готовых сборников. Таковы упоминавшиеся патерики. К ним можно добавить Златоуст. Особенно выделяется среди них замечательный, роскошно оформленный «Изборник Святослава» 1073 г., переписанный на Руси с болгарского оригинала и затем неоднократно воспроизводившийся русскими писцами. Очень скоро вслед за ним был создан и собственный «Изборник» 1076 г. Это уже плод трудов древнерусских переводчиков и составителей. В изборниках в доступной форме излагались и философские концепции. Прежде всего о сущности человека, который един, но имеет двойную природу.

Особый интерес русские переводчики проявляли к византийским сочинениям исторического содержания. Уже в XI в. были переведены «Хроника Георгия Амартола», «Хроника Иоанна Малалы». Из них на Руси была воспринята философия истории, представление о пространстве и времени; отсчет времени велся от сотворения мира поступательно до второго пришествия. Широкой известностью пользовалась перекроенная на христианский лад «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древняя Русь была знакома с философской мыслью и литературой Востока. Были известны такие произведения, как «Повесть о царевиче Иоасафе» и «Повесть об Акире Премудром», содержащие ряд притч и изречений философского характера, почерпнутых из восточной мудрости. Русские переводчики заинтересовались и светской прозой, такими сочинениями, как сказания «Александрия» и «Девгениево деяние» — византийский эпос о Дигенисе Акрите. Любознательные древнерусские читатели с большим интересом отнеслись и к осуществленному в Киеве переводу «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, в занимательной и нередко фантастической форме повествующему об устройстве Вселенной и различных странах мира и их обитателях. Древнерусские переводчики и книжники приспосабливали текст к потребностям русского читателя, адаптировали и подчас перерабатывали его, бережно сохраняя при этом смысл.

Столь активное отношение к переводной литературе было тем более возможным, что сама оригинальная русская литература и культура в целом уже к началу XII в. сделали поистине блестящие успехи. Укажем прежде всего на замечательное русское летописание, которое, широко

используя сведения и материалы византийских исторических сочинений, ни в коей мере не являлось подражанием им. Летописи — это совершенно оригинальное явление древнерусской культуры, ее особый неповторимый вклад в мировую культуру. Если византийские хроники строились не только по годам, но зачастую по правлениям императоров, то структура русских летописей определялась по годам — «летам» (отсюда и название летописей). Разительно отличались летописи и от западноевропейских анналов, где под соответствующими годами мы находим всего лишь сухую фиксацию происходящих событий, крайне краткие сведения о них.

В русских летописях даны развернутые повествования о событиях и людях, оценка их действий, весьма далекая от наивных представлений о беспристрастности летописцев. Летописи наполнены текстами документов, воспроизведенных целиком или в кратком изложении, некрологами исторических деятелей и их завещаниями детям. В летописях живы отголоски устного народного творчества, народные сказания и предания о давно прошедших временах. Русские летописи вообще чрезвычайно сложны по своему составу. Собственно говоря, это своды, вобравшие в себя произведения не только различных других жанров, но и другие летописи, составленные предшественниками летописца. Использованные им материалы перерабатывались в духе соответствующего времени и в согласии со взглядами и общественно-политическими идеалами самого летописца. Таким образом, летописи представляются хотя и сложным, но чрезвычайно живым организмом. Они не только памятники культуры и хранители исторической памяти, но и активная сила общественной и государственной жизни Древней Руси.

В начале летописного дела на Руси, по-видимому, стоит так называемый Древнейший летописный свод конца X или самого начала XI в. В 1113 г. была создана «Повесть временных лет» — подлинный шедевр мировой исторической мысли. Ее автором-составителем был монах Киево-Печерского монастыря Нестор, хорошо известный как автор ряда замечательных агиографических сочинений. Большой заслугой Нестора было то, что русская история была введена им во всемирную как неотъемлемая ее часть. Особое внимание он уделял истории родственных Руси славянских народов. Русское этническое самосознание органически сочетается у Нестора с общеславянским. Нестор был живейшим образом встревожен происходившими на Руси кровавыми княжескими междоусобицами, ратуя за единство страны, в условиях которого она только и может дать достойный отпор своим внешним врагам. Вскоре после своего создания «Повесть временных лет» дважды подвергалась переработкам: в 1116 и 1118 гг. Впоследствии она послужила незыблемой основой русского летописания вплоть до XVII в. Диапазон интересов составителя «Повести временных лет», жившего в Киеве, далеко не ограничивался событиями, происходившими в столице, хотя они и были в центре его внимания. В XI в. наряду с этим общерусским летописанием появляется и локальное. Особенно ярким было новгородское летописание. Его создателей интересовали лишь местные новгородские события. Но с какой наблюдательностью, непосредственностью они описаны! Это и стихийные бедствия, и неурожаи, и городские пожары, и строительство храмов, и, конечно, битвы с внешним врагом.

Иной характер носило летописание Владимиро-Суздальской земли. Хотя и в нем тоже можно найти яркие жизненные зарисовки (особенно в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского в 1174 г.), оно шире новгородского по своим интересам. Как уже упоминалось, при всем своем своеобразии и неповторимости летописи включали в свой состав и целиком и в переработанном виде произведения самых различных жанров, в том числе и жизнеописания. Это биографии князей, выдающихся цер-

ковных деятелей. В самостоятельном виде древнерусские жизнеописания дошли до нас только в форме житийной литературы.

Есть основания полагать, что развитие агиографического жанра в Древней Руси началось сразу же после ее крещения. Необходимо было сохранить память и прославить первых христианских деятелей на Руси — княгиню Ольгу, крестившуюся еще в середине X в., и варяжских мучеников Фёдора и Иоанна, растерзанных язычниками в Киеве в 983 г. В связи с этим были составлены краткие, так называемые проложные, их жития. Развернутые же жития, построенные по нормам византийской агиографической литературы, с которой, как известно, на Руси были хорошо знакомы, появляются на Руси с середины XI в. Среди них особо выделяется целый житийный цикл, посвященный братьям Борису и Глебу, сыновьям Владимира Святославича, убитым в 1015 г. их братом Святополком, прослывшим за то на Руси Окаянным. Автором замечательного памятника древнерусской агиографии «Жития Феодосия Печерского» был летописец Нестор.

Феодосий Печерский — выдающийся церковный деятель Киевской Руси — привлекал к себе внимание самых широких кругов общества того времени. Он возглавлял расцветший при нем Киево-Печерский монастырь — один из самых крупных культурных центров Древней Руси. Его идеалы и взгляды далеко не всегда совпадали с позицией греков-митрополитов. Феодосий смело вмешивался в межкняжеские отношения, не боясь упрекнуть князя, если он считал его неправым. Неудивительно, что «Житие Феодосия» получило широкое распространение на Руси.

Киево-Печерскому монастырю посвящен и замечательный «Киево-Печерский патерик», чтением которого так увлекался А. С. Пушкин. Окончательно патерик сложился лишь в начале XIII в. и приобрел форму переписки между суздальским епископом Симоном и печерским монахом Поликарпом. В этой переписке содержится серия увлекательных и вместе с тем в соответствии с требованиями времени назидательных рассказов (всего их 24). Некоторые из них относятся к ранним этапам истории монастыря, начиная от его основателя Антония Печерского (середина XI в.). Чудесное причудливо переплетается в патерике с реально-историческим.

Наряду с агиографией значительное развитие в Киевской Руси получило ораторское искусство — проповедничество. Древнерусские проповедники создали много замечательных, блестящих и во многом самобытных произведений, как, например, «Слово о законе и благодати» русского по происхождению митрополита Илариона. Может быть, еще никогда с такой силой и взволнованностью не звучали чувства глубокой любви к своей Родине, гордости за ее величие и за то место, которое она по достоинству занимает среди других стран, как в этом раннем памятнике русского живого слова. Прославленным проповедником на Руси был и Кирилл Туровский (вторая половина XII в.). От него осталось обширное литературное наследство, дошедшее до нас во множестве списков. Поучения Кирилла посвящены главным образом церковным праздникам и притчам.

Помимо устного слова, на Руси довольно распространен был и жанр посланий, которые иногда, кроме назидательных наставлений и советов, содержали и целые трактаты богословско-философского содержания. Одним из самых замечательных среди них было послание Климента Смолятича пресвитеру (священнику) смоленского князя Ростислава Фоме, датируемое серединой XII в. Фома обвинил Климента, и, конечно, не без оснований, в том, что он выказывает себя философом и пишет «от Омира (т. е. Гомера) и от Аристоля (т. е. Аристотеля), и от Платона». Уже сам перечень этих имен красноречиво показывает, сколь живо на Руси была воспринята античная струя в византийской культуре. И по-

казательно, что Климент не стыдится этого, отстаивает свое право быть философом.

Было бы совершенно неверно только церковной средой ограничивать культурные, в том числе и литературные, очаги Древней Руси. В русских летописях содержится немало чисто светских сочинений. Особенно изобилует ими Ипатьевская летопись, составленная в пределах Галицко-Волынской Руси. Характеристики князей, их военные походы, описания хода государственных дел — все это по своему духу и настроенности, даже по самому стилю и словоупотреблению выдает светские, иногда просто «рыцарские» (воинские) источники своего происхождения. Лаврентьевская летопись донесла до нас один из драгоценнейших памятников древнерусской светской литературы — «Поучение Владимира Мономаха», датируемое большинством исследователей временем около 1117 г. Этот замечательный памятник состоит из трех частей: собственно поучения к своим детям, автобиографии князя и его письма к Олегу Святославичу Черниговскому. Владимир Мономах призывает своих детей, а вместе с ними и всех, быть миролюбивыми, отвергать усобицы, чтобы «не погибла земля Руская» и ее не взяли «врази наши половцы». Постоянный труд и ученье должны стать, по словам Владимира Мономаха, основой жизни. Идеи милосердия и братолюбия звучат и в письме Владимира Мономаха к Олегу Святославичу. В княжеском письме звучат слова, столь близкие образности русского народного творчества, всегда остававшегося живой питательной средой для лучших произведений письменной литературы. Что это так, нетрудно убедиться, обратившись, например, к «Слову» и «Молению» Даниила Заточника — памятникам, также вышедшим из чисто светской среды. «Слово» адресовано новгородскому князю Ярославу Владимировичу (конец XII в.), а «Моление», видимо, владимиро-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу (начало XIII в.). В этих памятниках звучит прославление князя и осуждение бояр.

Вершина древнерусской литературы — эпическая поэма «Слово о полку Игореве». Оно посвящено походу русских войск во главе с новгород-северским князем Игорем Святославичем на половцев в апреле—мае 1185 г. Вместе с Игорем в походе принимали участие и другие князья Черниговской земли: сын Игоря Владимир, княживший в Путивле, рыльский князь Святослав Ольгович и трубчевский князь Всеволод, которого автор «Слова» за его храбрость, силу и отвагу называет Буй Тур, т. е. буйный зверь тур. Поначалу казавшийся удачным, поход кончился полным поражением русских войск и пленом Игоря и его сына. Сам по себе этот поход не был каким-то исключительным по своему историческому значению событием, но гениальный автор «Слова» разглядел в нем и в его последствиях то, что так волновало русское общество того времени, а именно: необходимость борьбы с половцами, но борьбы непременно общими, а не разрозненными усилиями. Только в единстве усилий русских княжеств справедливо видел автор «Слова» залог победы над внешним врагом. А Игорь Святославич пренебрег этим единством, даже не поставив в известность киевского князя Святослава о своем походе. Таким образом, поход Игоря становился как бы суровым уроком и предостережением другим князьям. Таков общественно-политический смысл, можно сказать пафос, «Слова» Автор «Слова о полку Игореве» обладал необычайно широким политическим и географическим кругозором и глубоким знанием исторического прошлого Руси. Перед его мысленным взором проходят не только близкие ему Киевская и Черниговская земли, но и далекая Галицкая и Владимиро-Суздальская Русь, Полоцкая земля. Он великолепно осведомлен о реальном положении в этих землях, знает о силе и возможностях их правителей. К наиболее могущественным из них он обращается с призывами прийти на помощь русским воинам,

гибнущим в неравной борьбе с половцами. Свой поэтический рассказ о походе Игоря автор «Слова» строит на фоне исторического прошлого, «свивая,— по его собственным словам,— обе полы сего времени», т. е. соединяя прошлое и настоящее от глубочайшей древности «Трояновых веков», вероятно времени римского императора Траяна, до Владимира Святославича. Могущество и единство Руси в прошлом автор «Слова» противопоставляет времени усобиц.

Образы природы, ее восприятия как живого, одушевленного начала — характерная черта памятника. Кровавые зори, черные тучи, «а в них трепещут синии молнии», ветры, веющие с моря, мутные текущие реки; деревья, роняющие листья, само померкшее солнце — все это как бы общается с Игорем, предостерегает, предупреждает его. И, наоборот, когда Игорь бежит из плена, туманы прячут его от преследователей, примолкли птицы и только дятлы своим стуком по сухим деревьям «путь к реце кажут». Игорь разговаривает с рекой Донцом как с живым существом, прося помочь ему. Как сродни это устному народному творчеству. Точно так же жена Игоря — Ярославна в своем знаменитом плаче обращается, как к живым, к солнцу и ветру, моля о помощи мужу. Подобное восприятие природы, восходящее к языческому анимизму, сочетается в этом произведении с христианским мировоззрением. Когда природа помогает бегству Игоря, то это для него «князю Бог путь кажет». Будучи органически связанным со всей литературой мировосприятием и общественно-политическими идеалами Руси XII в., «Слово», при всей своей исключительной и во многом неповторимой художественной силе, бесспорно является произведением этого века. Вместе с тем «Слово о полку Игореве», «Золотое слово» древнерусской литературы, как назвал его Д. С. Лихачев,— памятник национальной и одновременно мировой культуры.

Подводя итоги развития литературы в Древней Руси, следует выделить ее некоторые характерные особенности: прежде всего это синкретизм древнерусской литературы. Несмотря на несомненное разнообразие жанров, эти жанры переплетаются, объединяются. Устное народное творчество дает о себе знать в очень значительном числе памятников. Поэзия, в том виде, конечно, как она тогда существовала, легко и свободно сочетается с прозой. Для литературы Киевской Руси характерен стиль монументального историзма (по определению Д. С. Лихачева). Мы уже видели на примере творчества Нестора, что древнерусские книжники стремились судить обо всем с точки зрения общего смысла и целей человеческого существования. Их влекут сложные философско-религиозные проблемы, они размышляют о бытии человека и о его месте во вселенной. Поэтому они отбирали для своего творчества только самые значительные явления и представляли их величественно и монументально, что не мешало им живо и непосредственно выражать свои чувства. Их внимание едва ли не в первую очередь было привлечено к исторической теме и во всяком случае наполнено историческими реминисценциями. В философии истории они исходили из библейской концепции сотворения мира и следовали воспринятому из византийской хронографии линейному времени, основанному на идее прогрессивного, обусловленного волей творца, движения человечества к совершенству. Литература Киевской Руси не знает ни вымышленных лиц, ни не имевших места исторических событий, несмотря на то что она, как и любая средневековая литература, не обходится без элемента «чудесного».

Писателей Древней Руси волновали также проблемы этики и морали. Они уделяли большое внимание практической, поведенческой философии, нравственному поучению, воспитанию высоких человеческих чувств. Это сочеталось у них с проникновенным лиризмом и этическим самосознанием. Впрочем, как и во всей средневековой литературе, выражению жи-

вых чувств писателя в Древней Руси нередко мешало наличие традиционных словесных штампов и застывших литературных ситуаций. Складывался своеобразный литературный этикет, когда герои произведений действуют и говорят в соответствии с занимаемым ими официальным положением, будь то князь, боярин, воин, купец, монах. Тем самым создается определенная устойчивость художественных форм литературы, оценок происходящего. Потому-то в древнерусских произведениях не может быть и такого литературного приема, как эффект неожиданности. Постоянные эпитеты-клише то и дело встречаются в них, соединяя письменные памятники с типичными особенностями устного народного творчества.

Особенности литературного творчества Киевской Руси были свойственны и искусству того времени, разумеется, в иных формах и со свойственными ему средствами выражения.

После крещения Руси особый размах приобрело каменное зодчество. Это, конечно, не значит, что до принятия христианства архитектура Древней Руси не развивалась, но, к сожалению, памятники деревянного зодчества и редкие каменные постройки до нашего времени не сохранились.

На развитие художественного творчества Древней Руси значительное влияние первоначально оказала Византия. Сила воздействия византийской цивилизации изменялась, однако, в пространстве и времени. Наиболее плодотворными и интенсивными контакты с Византией были в южных и юго-западных областях Руси, слабее — в северных и северо-восточных. Временем наиболее активных отношений Руси и Византии в сфере художественного творчества был конец X—XII в. Центром культурных связей Византии и Руси в это время был Киев. Киевские князья первые стали приглашать из Византии греческих мастеров: зодчих, живописцев, резчиков по камню, мозаичистов и ювелиров. Именно в Киеве с помощью греческих зодчих началось широкое культовое и дворцовое строительство. Из Византии на Руси в конце X—XI в. было воспринято византийское каменное зодчество с его сложным типом крестово-купольного храма, совершенной системой перекрытий, высочайшей для того времени строительной техникой. В отличие от романского Запада, где в это время лишь в отдельных регионах происходил медленный и трудный процесс перехода от деревянных конструкций к каменным сводам, Киевская Русь уже очень рано получила от Византии изощренную систему сводчатых и купольных перекрытий, здания тонкой и изысканной пространственной конфигурации и большой высоты. Теперь для архитектуры Киевской Руси характерной чертой, во многом определившей ее сущность, стал монументализм.

Монументальность проявилась уже в первой постройке Владимира после крещения — Десятинной Богородичной церкви в Киеве, построенной в 989—996 гг. Хотя она и была разрушена монголо-татарами при взятии ими Киева в 1240 г., но сохранилось довольно значительное число ее фрагментов, позволяющих в целом представить себе ее конструкцию и облик. Это был величественный трехнефный крестово-купольный храм, в значительной мере ориентированный на византийские образцы. Необычным для них в Десятинной церкви было ее многоглавие — 25 глав, венчающих собор. Пол церкви, как показывают раскопки, был выложен узорами из разноцветного (зеленого, белого, пятнистого) мрамора, шифера и мозаичной смальты. Уже при строительстве Десятинной церкви зодчими Владимира были учтены и общие градостроительные задачи преобразования Киева. Десятинная церковь была расположена против княжеского дворца, а на образовавшейся площади поставлена литая скульптура-квадрига, привезенная Владимиром из Херсонеса. Дальнейшее развитие киевское градостроительство получило при Ярославе Муд-

ром. В 1037 г. были построены Золотые ворота в системе оборонительных сооружений города. Название ворот в Киеве воспроизводило наименование главных ворот Константинополя. Киевские Золотые ворота — это и мощное фортификационное сооружение, и торжественная триумфальная арка при входе в город. Рядом с воротами были построены в том же 1037 г. церкви Ирины и Георгия. На пересечении же дорог от разных ворот Киева был возведен грандиозный Софийский собор. Строительство Софийского собора продолжалось почти три десятилетия: с 40-х по 60-е годы XI в. По своим масштабам он значительно превосходил Десятинную церковь. К нему перешла честь быть главным кафедральным храмом всей страны. Не желая ни в чем уступать Византии, Ярослав назвал собор Софийским, подобно главному храму Константинополя. Как София Константинопольская символизировала победу христианства во всей цивилизованной ойкумене и могущество византийских императоров, так и София Киевская утверждала православие в Древней Руси и силу великокняжеской власти. В этом проявилась определенная политическая программа Великого Киевского князя. Вопреки ожиданиям византийских императоров русские князья ни в коей мере не чувствовали себя после крещения, принятого от Византии, вассалами империи. Но, естественно, художественное воплощение этой идеологической концепции в Константинополе и Киеве было уже различным.

Софийский собор в Киеве — обширный многоглавый пятинефный храм, его венчают пирамидально нарастающие 13 куполов, мощно и уверенно устремленных ввысь. Мотив повторяющихся в разных сочетаниях арочек с уступами придает сдержанную нарядность и ритмично оживляет наружные стены храма. Тому же служит и цветовое чередование красной плинфы и нежно-розовой цемянки в промежутках. Внутри храма все формы его архитектуры торжественны и величественны. Такова грандиозная арка, ведущая в алтарь, восьмигранные столбы, поддерживающие своды, и тройные арки, на которых покоятся хоры, предназначенные для пребывания на них во время богослужения князя с семьей и киевской знати. Нижние части всех внутренних стен храма были облицованы блестящими камнями. Собор первоначально опоясывала одноярусная открытая галерея с лестничной башней, ведущей на хоры. Затем эта галерея была надстроена вторым этажом и опоясана еще более широкой галереей.

София Киевская сочетала в себе монументальную мощь и праздничную торжественность с красочной нарядностью, столь гармонировавшей с приветливой и радостной южнорусской природой.

Вторая половина XI в. была ознаменована строительством соборов-монастырей, в которых князья нередко находили себе серьезную опору и которые служили важными центрами просвещения. Таковы постройки Дмитриевского, Михайло-Златоверхого, Киево-Печерского, Выдубецкого и позже — в XII в.— Кирилловского монастырей. Среди них выделялась Великая Успенская церковь Печерского монастыря, разрушенная во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Еще в 1036 г. в Чернигове был построен величественный Спасо-Преображенский собор. Строгость архитектурных форм, элегантная простота композиционных решений, изысканность внешнего декора из резного камня, византийская техника кладки сближают храм с лучшими образцами византийского зодчества XI в. В XII в. рядом с ним в Чернигове был воздвигнут шестиугольный Борисоглебский храм, опоясанный галереей и украшенный нарядным, с причудливой резьбой, аркатурным поясом. Черниговская архитектура продолжала и в дальнейшем успешно развиваться, ее зодчие были преисполнены творческих исканий. В самом конце XII в. они создали принципиально новую архитектурную форму, воплотив ее в храме Пятницы на торгу. Храм пронизывает неудержимая

устремленность ввысь, его конструкция и формы полны динамичности.

Зодчество Новгорода Великого отличалось особой самобытностью. Возведенный в нем в 1050 г. Софийский собор по своим размерам не во многом уступал Киевскому, но формы его были более строги и суровы. Спокойную гладь стен между выступающими из них лопатками не нарушают никакие декоративные украшения, а пять куполов его подобны гигантским воинским шлемам. В мощной, похожей на крепостную башне была скрыта лестница, ведущая на хоры. В Софии Новгородской местные художественные традиции проявили себя с такой силой, что они существенно видоизменили византийские основы архитектуры этого храма. Вместе с тем ощущается влияние на новгородских зодчих западноевропейской романской архитектуры. Весь облик Софии Новгородской был отмечен печатью сурового величия, одухотворенной созерцательности и эпического спокойствия, как бы навеянными привольным и задумчивым пейзажем русского севера.

Особый путь развития прошло белокаменное зодчество Владимиро-Суздальской Руси. На раннем этапе в начале XII в. оно было еще тесным образом связано с киевскими традициями. Постройки же Юрия Долгорукого середины XII в. имеют в значительной мере самостоятельный характер. В эти суровые годы освоения Залесской земли возводятся прежде всего крепости — опорные пункты княжеской власти. Примером их могут служить мощные земляные валы Переяславля Залесского. Черты романского стиля в полной мере расцветают во Владимиро-Суздальском зодчестве второй половины XII в. (правление Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо). В это время сооружается Успенский собор, первоначально построенный в 1158—1161 гг. и значительно расширенный в 1185—1189 гг. В основу его архитектуры положена традиционная крестово-купольная конструкция, но собор выглядит по-новому. Высоко и торжественно поднимаются арки его закомар, их поддерживают пилястры с изящными полуколоннами. Нарядный аркатурный пояс проходит по всем его фасадам. Резные рельефы из камня, главным образом маски в духе романского зодчества, усиливают торжественную парадность храма. Близким по архитектуре Успенскому собору был храм Рождества Богородицы, возведенный князем Андреем в своем любимом пригородном селе Боголюбове. Интерьер этого храма отличался особой стройностью и «светлостью» благодаря поддерживавшим его своды не обычным традиционным прямоугольным в плане столпам, а круглым колоннам. К храму примыкал дворцовый комплекс Андрея Боголюбского — единственная жилая постройка домонгольской Руси, счастливо сохранившаяся до нашего времени. Это двухъярусная, первоначально с венчавшим ее шатром, лестничная башня и покоящийся на стройной арке переход от нее к храму. Стройный аркатурный пояс объединял эти постройки в единое целое. От времени Андрея Боголюбского дошла и другая светская постройка иного (оборонительного) характера — Золотые ворота во Владимире (1165 г.). Совпадая по названию с аналогичной постройкой в Киеве, она имеет другой облик. Менее грандиозные Владимирские ворота все же поражают своей мощной силой, не лишающей их стройности и своеобразной красоты. Особым совершенством архитектурных форм выделяется замечательный, полный лиризма и задушевности храм Покрова на Нерли (1165 г.), неподалеку от Боголюбова. Линии этого небольшого храма стройны и певучи, они плавно поднимаются ввысь, невольно увлекая за собой зрителя. Сливаясь с окружающей природой — тихой рекой Нерлью и бескрайними полями,— храм Покрова полон просветленного чувства и одухотворенной чистоты.

Иное впечатление производит великолепный Дмитриевский дворцовый собор Всеволода Большое Гнездо во Владимире (1193—1196 гг.). Он величествен, праздничен и наряден. Словно драгоценным ковром, покрыты

*Ангел Златые власы.
Икона конца XII в.
Русский музей,
Ленинград.*

его стены белокаменной резьбой. Люди, звери, в том числе и фантастические животные, причудливые растения покрывают его стены. И все находится в движении, все как бы ликует и радуется. Природа предстает живой и одухотворенной, такой, какой ее видел автор «Слова о полку Игореве», современного Дмитриевскому собору. Но, как и там, мы не найдем здесь только лишь языческого отношения к природе. Все в этих рельефах подчинено идее прославления бога от лица мира, сотворенного им. «Я восхищаюсь делами рук твоих» и «всякое дыхание да хвалит господа» — вот те слова Псалтыри, столь знакомой людям Древней Руси, которые являются ключом к разгадке смысла дивного узорного ковра Дмитриевского собора. Не случайно в нижней части центрального фасада, обращенного к городской площади, находится изображение псалмопевца Давида. Но белокаменное убранство великокняжеского храма выражало и еще одну идею — прославление и возвеличивание княжеской власти. На северном фасаде изображен сам князь Всеволод со своими сыновьями, а на противоположном — южном находится рельеф, представляющий собой вознесение на небо Александра Македонского, как символ неземного могущества и всесилия правителя. Последний из храмов, возведенных во Владимиро-Суздальской земле накануне татаро-

монгольского нашествия,— Георгиевский собор в Юрьеве Польском (1230—1234 гг.). Храм буквально насыщен рельефной резьбой. На его стенах совсем не осталось свободного пространства. Растения и звери (в том числе слон) окружают торжественный аркатурный пояс, подобный иконостасу. Колонки по углам храма украшены плоскими и скульптурно-объемными головами людей. Последние особенно напоминают западноевропейские произведения романского искусства.

Древнерусское зодчество не знало в своем развитии таких резких скачков, как переход от романского стиля к готике или от готики к Ренессансу в Западной Европе. Процесс складывания местных черт в древнерусской архитектуре был более медленным и плавным и окончательное свое завершение он нашел позднее в зодчестве Московской Руси.

Длительный и сложный путь развития прошло изобразительное искусство Древней Руси. Первостепенную роль в нем играла монументальная и станковая живопись. Византийское влияние в изобразительном искусстве было даже более стабильным, чем в архитектуре, поскольку Византия познакомила русских художников с техникой мозаики, фрески, темперной живописи и дала им иконографический канон, неизменность которого строго оберегалась православной церковью. Но и здесь уже очень рано проявляется воздействие вкусов и художественного видения мира русских мастеров.

Скульптура, по преимуществу плоскостная (объемная запрещалась православной церковью как напоминающая языческих идолов), украшала древнерусские храмы только снаружи. Внутренний их облик определяла монументальная живопись и иконы. Монументальное искусство Киевской Руси представлено мозаиками и фресками. Наиболее полно система мозаичного убранства сохранилась в Киевском Софийском соборе. Эта система в своей основе несомненно восходит к византийским прототипам, но отличается самостоятельностью художественного воплощения. В куполе изображен всесильный Пантократор. Зрителя поражает его огромная внутренняя сила и мощь. Вторым центром композиционной системы является изображение Богоматери Оранты с поднятыми руками. Ее светлое открытое лицо, ее стойкость и величие не могли не внушить твердой надежды молящимся в храме. Не случайно это мозаичное изображение Богоматери получило на Руси название «Нерушимая стена». Мозаики Софии Киевской поражают своей цветовой гаммой, тем мастерством, с которым подобраны ее многообразные тончайшие оттенки. Словно лучи солнца, переплетаются золотые асисты (тонкие линии, обрисовывающие одежды) в одеяниях Христа, Богоматери, святых. Надписи на мозаиках сделаны на греческом языке, но это вовсе не означает, что в соборе работали только греческие мастера. В некоторых лицах чувствуется отход от характерных греческих типажей. Таковы апостолы, несколько грузноватые и даже грубоватые, но полные внутреннего переживания и силы в сцене Евхаристии. Есть все основания считать, что смальта для выкладывания мозаик производилась в Киеве. Об этом свидетельствует открытая археологами неподалеку от Киево-Печерского монастыря мастерская по производству смальты.

Талант русских мастеров, работавших в содружестве с греками, дает себя знать и во фресках Софийского собора. В некоторых из них напряженный психологизм византийского искусства этой поры уступает место естественной спокойной трактовке образа, а красочная лепка заменена линейной проработкой. Таково, например, русское по духу и облику фресковое изображение столь чтимого на Руси Николая Мирликийского. Особый интерес представляют фрески Софии Киевской, на которых изображен групповой портрет семейства князя Ярослава Мудрого. В центре

на западной стене находился сидящий на троне Христос, фланкировали фигуру Христа князь Ярослав со старшим сыном с одной стороны и княгиня Ирина со старшей дочерью — с другой. Князь подносил Христу, своему покровителю, модель храма. На южной стене помещались фигуры четырех дочерей, а на северной — четырех сыновей княжеской четы, которые направлялись к центру композиции. Лучше всего сохранились фигуры четырех дочерей князя. Княжны в красивых, богато украшенных драгоценными камнями одеждах шествуют вправо к центру композиции, две из них несут свечи, что придает всей процессии торжественно-ритуальный характер. Существует гипотеза, что здесь изображены дочери Ярослава Елизавета, Анна и Анастасия, будущие королевы Норвегии, Франции и Венгрии, и младшая княжна-подросток, имя которой неизвестно. Княжны предстают юными девушками, еще не вышедшими замуж за иностранных правителей. Лица их, хотя изображены в средневековой условной манере, привлекательны и имеют отдельные портретные черты. Особенно миловидно и женственно лицо третьей дочери, которое дышит нежной прелестью и спокойным достоинством. От портретов княжичей на северной стене, к сожалению, сохранились лишь фрагменты. Князь и княгиня были изображены в роскошных великокняжеских одеждах, с близкими к царским венцами на головах. Вся ктиторская сцена, по замыслу Ярослава, должна была знаменовать могущество и независимость Киевской Руси, силу и богатство ее великого князя.

В Древней Руси сохранились уникальные памятники светской живописи домонгольского времени. Первое место среди них по праву принадлежит стенным росписям лестниц двух башен Софии Киевской. Они поражают разнообразием сюжетов, восходящих преимущественно к византийским образцам и в какой-то мере отражавших быт и нравы киевской великокняжеской среды. Ряд фресок восходит к византийскому дворцовому искусству. В их числе сцены конских ристаний на ипподроме в присутствии императора и его свиты, игры скоморохов, гигант с шестом, на котором показывает свое искусство мальчик-акробат, схватки с дикими зверями, единоборство атлета с человеком в маске волка, изображения охоты, театральные представления с участием актеров и паяцев. Для понимания местных элементов в этих стенных росписях интересны две фрески: триумфальный въезд всадника в короне, окруженной нимбом, в котором исследователи видят либо изображение византийского императора, либо киевского великого князя; вторая фреска — изображение молодого музыканта со смычковым музыкальным инструментом, в лице которого ощутимы южнорусские черты. Фрески созданы в придворно-увеселительном жанре.

Другой выдающийся киевский мозаико-фресковый комплекс — внутреннее убранство собора Михайлово-Златоверхого монастыря (1108 г.). Показательно, что на изображениях, украшающих его стены, уже преобладают славянские надписи. Сами же изображения полны стройности и даже воздушности. Сцена Евхаристии здесь во многом превосходит мозаику на аналогичный сюжет в Софии Киевской. В отличие от статичных, фронтально расположенных фигур апостолов в Софийском соборе, в Михайловском монастыре изображения апостолов полны динамики, они расположены в свободных позах, обращены друг к другу, словно ведут какой-то разговор, в их облике много чувства, экспрессии, одежды спускаются пышными, асимметричными складками. Лица выразительны, наделены острохарактерными чертами, отражают внутреннее психологическое состояние того или иного апостола. Каждое лицо — своего рода законченный портрет: апостол Петр мудр и суров, Павел благочестив и взволнован, Лука энергичен и эмоционален, Матфей несокрушим и строг, Иоанн задумчив и печален. Голова Ангела по художественному воплощению близка к ангелам церкви Успения в Никее. Устремленные ввысь,

легкие, вытянутые фигуры апостолов поражают правильностью пропорций и соразмерностью. Движения фигур подчинены единому декоративному ритму, исполнены духовного порыва и разнообразия чувств. Привлекателен глубокий, теплый колорит мозаик, преобладают светлые тона — белый, серо-жемчужный, изумрудный и фиолетовый цвета в сочетании с серебром и золотом.

На Руси искусство мозаики прекратило свое существование в XII в. Феодальная раздробленность, определенное снижение монументальности, столь свойственной киевской архитектуре, сопутствующее этому государственно-политическому процессу, не благоприятствовали развитию дорогого мозаичного искусства. Зато фреска в это время получает самое широкое развитие. Особенности этого искусства позволяли более гибко отражать запросы и идеалы формирующихся в это время местных школ. Суровость и внутренняя напряженность приземистых фигур с острым взглядом — таковы характерные черты новгородских фресок XII в. Великолепный, уникальный по сохранности их комплекс можно было видеть в церкви Спаса Нередицы (1199), варварски разрушенной немецкими фашистами. С этими фресками в известной мере созвучны дошедшие до нас росписи церкви св. Георгия в Старой Ладоге (80-е годы XII в.). Но они имеют и свои особенности. Их создатель явно тяготел к линейности стиля, повышенной орнаментальности. Во владимирских фресках, как и в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси, больше возвышенного духовного аристократизма и изысканности. Таковы частично сохранившиеся фрески Дмитриевского собора.

Станковая живопись домонгольской Руси не уступала произведениям монументального искусства. Более того, можно смело сказать, что уже тогда иконопись стала ведущим видом древнерусского изобразительного искусства. Первые импульсы станковая живопись Древней Руси получила из Византии, откуда пришли основы иконографической схемы, художественные навыки и относительная объемность наиболее ранних русских икон. Начало было положено притекавшими на Русь великолепными памятниками византийской иконописи. Первое место среди них по праву принадлежит знаменитой Владимирской Богоматери — византийской иконе, ставшей одной из самых почитаемых святынь Древней Руси (см. стр. 613). На этой иконе нашел воплощение иконографический тип Богоматери-Элеусы (Умиление). На ней изображена Богоматерь, нежно прижимающая к своей щеке ребенка, которого она держит правой рукой. На лике Богоматери лежит печать строгой, даже суровой одухотворенности; тонкие аристократические черты его выражают отрешенность от мира, а темные глубокие глаза Богоматери полны безысходной скорби. Серьезен и сосредоточен младенец, доверчиво ласкающийся к матери. По манере письма Владимирская Богоматерь принадлежит к шедеврам классического византийского стиля и сохраняет некоторые черты эллинистической традиции, никогда не исчезавшей в Византии. На Руси эта икона пользовалась исключительной известностью и многократно копировалась. Но и в иконописи древнерусская живопись с годами все настойчивее и решительнее обретает свой собственный художественный язык. В ней очень скоро дают себя знать русские идеалы и черты. Например, Спас Нерукотворный XII в. поражает своей экспрессивностью, выраженной и в асимметричности построения лика, и в огромных выразительных глазах. Такие же бездонные глаза и у Ангела Златые власы, но они полны глубокого лиризма и грусти, в какой-то мере созвучной Владимирской Богоматери. В его юном, прекрасном лице, в его золотых кудрях, напоминающих линии перегородчатой эмали, сквозит новая эстетика древнерусского искусства, новое, более умиротворенное и жизнеутверждающее видение мира. Особой светозарностью отличается икона Георгия Победоносца конца XI — начала XII в., хотя его карнация

(лепка лица) и по-византийски имеет черты объемности. В этой иконе особенно подкупает удивительное сочетание свежести юного лица Георгия с его непреодолимой мужественной силой.

Несмотря на все своеобразие, иконопись Киевской Руси была тесно связана с монументальным искусством. Это хорошо можно видеть на примере «Ярославской» или «Великой Панагии» [1] конца XII – начала XIII в. Лик Богоматери, ее одежда не могут не напомнить киевские мозаичные изображения. Краски на иконе, золотые асисты сверкают на ней, как смальта. К сожалению, до нас дошло очень немногое из творений иконописцев домонгольской Руси. В большинстве своем погибли и книги этого периода.

В Древней Руси книга была величайшей ценностью. Для ее украшения не жалели ни средств, ни усилий. Нас и сейчас поражает великолепное оформление, совершенство исполнения миниатюр, заставок, инициалов таких шедевров искусства книги, как «Остромирово евангелие» (1056–1057 гг.), «Мстиславово» и «Юрьевское евангелие» начала XII в., упоминавшийся уже выше «Изборник Святослава» 1073 г. Творческий порыв выражен в евангелистах «Остромирова евангелия», глубоко психологичны евангелисты в «Мстиславовом евангелии». Эти рукописи вышли, видимо, из княжеских мастерских-скрипториев. Иначе выглядят святители на фоне монастыря в «Изборнике Святослава». Их лики аскетичны, а взоры как бы пронизывают зрителя. Такие изображения вполне сообразны монашеским идеалам, культивировавшимся в Киево-Печерском монастыре. Во всех домонгольских рукописях их оформление поражает созвучием с прикладным и народным искусством, что представляется закономерным.

Прикладное искусство Киевской Руси достигло высокого уровня. Его изделия ценились и пользовались широким спросом не только на Руси, но и за рубежом. Знаток ремесел в Германии Теофил из Падерборна писал в XI в. о Руси как «изобретательнице вслед за Византией и тщательной эмали, и разнообразной черни». Тончайшим мастерством отличались и русские изделия из скани, перегородчатой эмали, зерни. Прикладное искусство иногда обретало монументальные масштабы, диктовавшиеся предназначением изделия. Это особенно характерно для литых церковных дверей. Они украшались рисунками, наносившимися на медь методом огневого золочения, являвшегося своеобразной разновидностью офорта. Подлинным шедевром этого вида прикладного искусства являются южные и западные двери суздальского собора Рождества Богородицы, созданные в 20–30-е годы XIII в.

Культура Древней Руси обладала не только словесными и зрительными образами, с ними нераздельно было и музыкальное творчество. Народные песни, игра на гуслях, сказители, такие, как Боян, скоморошьи наигрыши составляли неотъемлемую часть жизни древнерусского человека. Но это было музыкальное искусство, гонимое церковью, к тому же оно не обладало нотной системой для своей фиксации – вот почему наше представление о нем очень смутно. Лишь поздние фольклорные отголоски этого искусства – это все, что дошло до нашего времени. С принятием христианства начинает на Руси развиваться и церковная музыка. Русская церковь получила из Византии богослужебный ритуал, тексты церковных песнопений в славянском переводе, систему осьмогласия, приемы распева отдельных песнопений. Однако сама мелодика русского так называемого знаменного распева отличалась от византийской, была во многом оригинальной, она черпала свои мелодии из драгоценной сокровищницы народного, еще языческого, славянского мелоса. На Руси

[1] Изображение Богоматери в рост с поднятыми руками, с медальоном на груди, в котором заключен младенец Христос.

была создана своя, во многом оригинальная, так называемая крюковая система музыкального письма, также отличающаяся от византийской как по начертанию нотных знаков, так и по принципам сложения. От XII—XV вв. сохранились памятники, правда, немногочисленные, другой системы нотного письма кондакарной нотации — кондаков, коротких песнопений, не включенных в циклы знаменного распева. Сравнение как крюковой, так и кондакарной нотаций с греческим нотным письмом показывает, что обе эти системы были оригинальным видом русского нотного письма, во многом отличавшегося от византийской нотации. Кондакарное письмо, очень сложное и изощренное, не имело явного сходства с византийским и южнославянским пением. Как и искусство мозаики, оно бесследно исчезло на Руси после монголо-татарского нашествия.

Подводя итоги рассмотрения важнейших путей развития культуры Киевской Руси в целом, можно со всей определенностью сказать, что это развитие было необыкновенно динамичным и многогранным. Длительное время культура Древней Руси развивалась в постоянном общении с крупнейшими центрами древних цивилизаций как Запада, так и Востока. Она обогащалась знакомством с лучшими достижениями Византии, Западной Европы, южных и западных славян и мусульманского мира. Но на этой сложной и многообразной основе создавалась и крепла самобытная русская культура. Она отличалась глубоким гуманизмом, терпимостью ко всем иноязычным и иноверным народам, была проникнута патриотизмом, верой в красоту своей земли и силу духа ее народа.

Уже к концу XI в. культура Древней Руси достигла уровня передовых стран средневековой Европы. За считанные десятилетия Руси удалось догнать Византию — культурнейшую страну того времени, в ряде случаев и превзойти культуру Западной Европы, внеся при этом творческий вклад русского художественного гения в сокровищницу мировой культуры.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII — КОНЦА XV В.

Никакое воображение не способно в полной мере представить себе тот разрушительный смерч, который пронесся над Русью, когда ее постигло монголо-татарское нашествие. Разорение городов, убийство десятков, если не сотен тысяч крестьян и ремесленников. Пустыня пожарищ лежала на месте «прекрасно украшенной земли Русской». Даже в Новгороде, не затронутом нашествием вплоть до 1292 г., прекращается каменное строительство, навсегда исчезает дивное искусство мозаики, смолкают навеки сложнейшие песнопения, которых не знала и сама Византия. Епископ владимирский Серапион выражает как бы от лица всей Руси страшное осознание того, что «величество наше смирися, красота наша погибе». Но еще важнее была его вера в то, что он снова «в радости поживет в земле нашей».

В этот период энергично разыскиваются и переписываются старые, еще уцелевшие рукописи. Начало этой грандиозной деятельности положил созванный в 1274 г. во Владимире на Клязьме церковный собор, который настаивал на необходимости вести борьбу за просвещение и главное — восстановление правильного церковного законодательства. Есть основание полагать, что уже к началу собора была готова как образец киевская «Кормчая» — сборник норм права, при составлении которой использовали специально испрошенную из Болгарии от князя Якова-Святослава местную «Кормчую» (датируемую не позже 1273 г). И почти сразу по новосозданному киевскому образцу была составлена новгородско-софий-

ская «Кормчая» (1276—1280 гг.). Эта новгородская «Кормчая» примечательна в двух отношениях: в ее состав вошла «Русская Правда» (в пространной редакции) и свод летописей «Русский летописец».

Не только воспроизведение «Повести временных лет» (напомним, что она и дошла до нас в списке не раньше 1377 г.), но и записи происходящих событий, их осмысление и оценка зажили вновь. Поначалу они делаются предельно лаконично и почти исключительно касаются монгольских разорений, прославляют бесстрашие борцов, таких, как ростовский князь Василько Константинович, черниговский князь Михаил Всеволодович.

Центрами летописания, продолжавшими владимиро-суздальские традиции, были Ростов Великий, может быть, Рязань и вне всяких сомнений Галицко-Волынская земля. Именно из нее вышел замечательный памятник «Ипатьевская Летопись», состоящая из Галицкой (примерно до 1260 г.) и Волынской (1261—1290). Летописцев Новгорода и Пскова волнуют прежде всего местные дела. Это не значит, конечно, что новгородцы и псковичи были равнодушны к внешней опасности: нападения крестоносцев, строительство крепостей давали им интереснейший исторический материал, в том числе и внешнеполитического характера.

В конце XIII — начале XIV в. в Северо-Восточной Руси появляются новые летописные центры, постепенно берущие на себя во все большей степени задачи ведения общерусского летописного дела. Они соответствовали, как правило, государственно-политическим центрам. Так, до нас дошел через белорусско-литовское посредничество Тверской свод 1375 г., включенный в состав так называемого Тверского сборника и особенно ценного «Рогожского Летописца». В Тверском летописании особое место занимает «Летописец» великого князя Бориса Александровича (1425—1461), в котором в полный голос прозвучал призыв Твери к освобождению Руси. Эту историческую задачу, как известно, выпало выполнить Московскому княжеству.

Начальные этапы летописи Московского княжества столь же скромны, но одновременно и столь же целеустремленны, как и его история. Придворный «Летописец» Ивана Калиты вскоре сливается с «Летописцем» Петра — митрополита всея Руси, что сразу придает этому своду особое значение. В полной мере общерусский свод появляется, однако, лишь в 1408 г., при митрополите Киприане, выдающемся русском церковном и культурном деятеле, выходце из прославленной, столь много значившей для славянского мира Тырновской школы (в Болгарии — см. гл. 4). Это Троицкая летопись, утраченная в огне Московского пожара 1812 г. И Тверь, и Нижний Новгород, и Рязань, и Смоленск, и Литва «оживают» на страницах этого замечательного произведения. Своды более «частного» характера создаются в 1418 и 1423 гг., затем в 30—40-х годах XV в.

Совершенно особое место занимает в московских сводах второй половины XV в. мотив героической борьбы народа с иноземными завоевателями. Впрочем, эта идея была органически присуща русской литературе и общественной мысли XIII—XV вв. Достаточно указать на широко популярную на Руси «Повесть о житии Алесандра Невского», созданную «самовидцем его возраста», т. е. не позже третьей четверти XIII в.; «Повесть о Псковском князе Довмонте» (XIV в.), во многом восходящую к предыдущему житию как образцу; жития Михаила Тверского и Михаила Черниговского (XIV в.).

В повестях о разорении Рязани или о Меркурии Смоленском отражена непосредственная реакция на монголо-татарское нашествие. Русь оказалась под игом, но ее герои предстают как непобедимые и бессмертные. Евпатий Коловрат в Рязани со своей небольшой дружиной подобен

«мертвым восставшим». А Меркурий в Смоленске и обезглавленный держит в одной руке меч, а в другой — голову. Такие повести сродни эпосу. Высоким патриотическим пафосом проникнут дошедший до нас фрагмент поэмы «Слово о погибели земли русской» (около 1246 г.), который начинается с трогательно лирического описания «светлой и прекрасно украшеной земли Русской». По мнению ряда исследователей, окончательное складывание жанра былин происходит именно к этому времени, не позже XIV—XV вв. Не случайно, видимо, в них так ярко и органично сливаются герои—«храбры» Киевской Руси и совсем еще живые в памяти картины монголо-татарского нашествия и русских героев этого времени.

Если былины имели характер полотен-обобщений, то наряду с ними появляются и такие произведения устного народного творчества, как исторические песни, посвященные конкретным событиям, изображающие реальных людей, хотя и не без участия народной фантазии. Такова песня об Авдотье Рязаночке, простой женщине, сумевшей вызволить из татарского полона рязанцев.

Идея борьбы с ненавистным врагом неуклонно крепла в глубинах народного сознания. Об этом повествует историческая песня XIV в. «Сказание о Щелкане Дудентьевиче», описывающая восстание в 1327 г. в Твери против ордынского баскака Чолхана (см. ч. II, гл. 8).

Знаменательно и появление таких русских богатырей, как, например, Алеша Попович, на страницах московских летописей (своды середины XV в.) и прямое обращение русских авторов, воспевавших борьбу с ордынцами, к творениям своих киевских предшественников. Ярчайший пример этого — «Задонщина», прославляющая победу на Куликовом поле. Памятник был создан вскоре после великого события. Вдохновенно ликование автора, но оно почти целиком восходит к художественной образности «Слова о полку Игореве». Идея объединения Руси, вставшей под знамя Дмитрия Донского, определяет настрой и сам дух «Задонщины», а также обширного цикла произведений, посвященных Куликовской победе, в том числе «Сказания о Мамаевом побоище».

Для этих повестей, как и для всей литературы и общественной мысли, характерно и созидательное начало, особенно ярко выступающее в произведениях, связанных с Сергием Радонежским. Этот церковный деятель XIV в., будучи по своим богословским воззрениям сродни византийским исихастам с их идеей обретения совершенства в близости к божественному свету, был, однако, далек от их аскетической созерцательности и пассивности (см. ч. IV, гл. 1). Он решительно поддерживал собирательную политику московского князя Дмитрия, одобрял, благословлял его на борьбу с монголо-татарами, мирил русских князей. Сергий отдавал много сил активной строительной и просветительной деятельности. Созданная им недалеко от Москвы Троицкая обитель стала образцом и «праматерью» для многих других монастырей в Северо-Восточной Руси вплоть до дальних белозерских краев. Хозяйственная колонизация этих мест шла рука об руку с культурной. При монастырях создавались скриптории. Возникали мастерские письма и при епископских кафедрах и княжеских дворах. Были и частные скриптории, например мастерская В. Д. Ермолина, изготовлявшая книги на экспорт для православного населения Польши и Великого княжества Литовского. Сравнительное удешевление книги расширило и возможность ее распространения. Появлялись школы в селах и деревнях вплоть до Белозерья и Обонежья, о чем убедительно свидетельствуют памятники агиографии. В монастырях возникали библиотеки, как общемонастырские, так и частные собрания образованных иноков. Русские просветители несли грамотность малым бесписьменным народам.

Церковь Фёдора Стратилата на Ручью. Новгород. 1360–1361 г.

Строгие орфографические, грамматические нормы, выработанные тырновской школой и проникшие на Русь, не могли не способствовать самому складыванию в XV в. единой русской литературы из местных областных литератур.

Выдающимся русским писателем той поры был Епифаний Премудрый (ум. в 20-е годы XV в.). Известны написанные им жития Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Совершенство стиля сочетается у него с изображением живых картин жизни пермяков, борьбы с языческими волхвами. Творчество другого писателя XV в.— Пахомия Логофета, как агиографическое, так и гимнографическое, более рассудительно и даже в определенной мере риторично. Во второй половине XV в. наряду

с обработанными житиями-повестями появляются краткие, но удивительно правдивые жизненные записи очевидцев происходящих событий. Таково, например, житие Пафнутия Боровского, написанное его келейником Иннокентием.

Во второй половине XV в. на Руси создаются прямо беллетристические произведения. Два из них связаны с античными сюжетами: «Александрия» (сербской редакции), посвященная жизнеописанию Александра Македонского, и «Троянские сказания» по мотивам поэм Гомера. Для этих повестей характерны неожиданные повороты судеб героев; герои произносят пространные речи, выражая свои чувства. Становится популярным «Сказание о Вавилонском царстве». В нем силен сказочный элемент: рассказ о свистящем змее, охраняющем сокровища царя Навуходоносора. Посланцы царя Василия добывают эти сокровища, причем описание их приключений напоминает по стилю посольские отчеты.

Продолжает свое существование и такой прославленный на Руси жанр, как «хождения». Но наряду с описанием паломничеств, появляются и описания путешествий церковно-политических деятелей (например, Авраамия Суздальского во Флоренцию) и купцов. Среди них мировую

Церковь Василия на Горке. Псков. 1413 г.

известность снискало «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (1466—1472 гг.) — описание его путешествия в Индию.

К концу XV в. в культуре все более отчетливо формируется тенденция к единению, и созданию общерусских стилевых норм, главенствующую роль в этом процессе все более и более начинает играть Москва.

Самобытными чертами выделяется в это время архитектура Новгорода и Пскова́, ей присуща особая сдержанность и суровость. Здесь строители отказались даже от традиционного трехчастного деления фасада. Таковы церковь Николы на Линне (1292 г.) или Спаса на Ковалеве (1345 г.). В этих храмах обнаруживается обращение к традициям народного творчества.

Успенский собор. Кремль. Москва. XV в.

Во второй половине XIV в. строители стремятся освободить, открыть центральные внутренние пространства храма, для чего отодвигают к стенам столбы и округляют их нижние части. Меняется и внешний облик храма. Он становится более оживленным, нарядным. Радостью и простосердечием веет от новгородских храмов Федора Стратилата (1360 г.), Спаса на Ильине улице (1374 г.) или Петра и Павла в Кожевниках (1406 г.).

Традиции народного деревянного зодчества проявились в грандиозном Троицком соборе (1365—1367 гг.) во Пскове, не дошедшем в своем первоначальном виде до нашего времени, но известном по древним изображениям. Мастер Кирилл, руководивший его постройкой, придал храму стремительную динамичность за счет бесконечных разрывов линий фасада, разнообразных по форме восьмигранных, треугольных и полукруглых кокошников. Для псковских храмов характерна такая специфическая черта, придающая им особую привлекательность, как звонницы с пролетами для колоколов.

Московское зодчество, которому суждено было стать ядром единого русского, выросло на основе традиций архитектуры Владимиро-Суздальской Руси. Успенский собор в московском Кремле, ставший с 1325 г. кафедральным храмом всей Руси, по своей конструкции почти воспроизводил Георгиевский храм в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.) — последний из построенных в домонгольский период храмов во Владимиро-Суздальской земле.

О том, что ориентирование московских строителей на Владимиро-Суздальскую Русь было устойчивым явлением, свидетельствуют и дошедшие до нас белокаменные храмы Успения на Городке в Звенигороде (1399 г.), Собор Рождества Богородицы в Савво-Сторожевском монастыре (1405 г.), Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря (1422—1425 гг.), Спасский собор Андроникова монастыря в Москве (1427—1430 гг.). Нельзя не отметить и те новшества, которые отличали московские памятники от их прототипов. Полуциркульные арки закомар заменяются так называемыми кокошниками (от русского женского головного убора). Сходную с ними форму получают и завершения арок перспективных порталов. Вместо аркатурных поясов появляются тройные пояса плоскостной резьбы, невольно заставляющие вспомнить столь излюбленную в русском народе резьбу по дереву. Едва ли можно сомневаться в том, что в период после монголо-татарского нашествия, когда затухает каменное зодчество, народное творчество продолжает по-своему жить и развиваться в изделиях из дерева, оказывая влияние и на архитектуру.

Особое внимание московские князья уделяли укреплению и украшению своей столицы. Дубовые стены Москвы, воздвигнутые Иваном Калитой в 1339 г., в 1367 г. были заменены новыми белокаменными (отсюда название Москвы — Белокаменная). В 1485 г. началось строительство новых кирпичных стен и башен, которые с некоторыми переделками до сих пор возвышаются на кремлевском холме. К созданию их были привлечены итальянские зодчие Марко Руфо и Пьетро Солярио. Новая крепость вполне соответствовала величию и могуществу Русского государства, завершавшего долгую борьбу за единение русских земель.

Одно из сильнейших государств Европы XV в. достойно являло себя и во внешнем величии. Немало тому способствовал и построенный в 1475—1479 гг. новый Успенский собор в Кремле, где проходило возведение на великокняжеский престол. Его создателем был прославленный итальянский архитектор Аристотель Фиораванти.

Использовав при строительстве собора ряд технических усовершенствований, заимствованных из Италии, Аристотель, выполняя волю своих заказчиков, вместе с тем создал подлинно русское произведение, соединившее в себе черты как владимиро-суздальского (пятиглавие, аркатур-

ный пояс, перспективные порталы), так и новгородского зодчества (парадная южная стена, сдержанность в убранстве стен). Главный собор единого государства отражал это единство и в своем облике. Поражал собор и внутри свободным пространством, высокими стройными сводами, покоящимися на круглых колоннах. Восхищенный собором, русский летописец того времени писал: «Бысть же та церковь чюдна велми величеством и высотою, светлостию, и звонкостью, и пространством».

Успенский собор был задуман как составная часть перестраивающегося кремлевского ансамбля. В 1484—1489 гг. в юго-западной части площади возводится изысканный трехглавый Благовещенский придворный собор, соединенный с дворцовым комплексом, в состав которого входил и построенный Марко Руффо и Пьетро Солярио приемный зал — Грановитая палата. С другой стороны дворцовую площадь должно было замыкать новое здание великокняжеской усыпальницы — Архангельский собор, построенный позже, в 1505—1509 гг.

Как и архитектура, русская живопись во второй половине XIII—XV в. прошла славный путь. Первым иконам, дошедшим до нас от времени после монгольского нашествия, свойственны суровость, сумрачность и напряженность. Глубокая скорбь читается в глазах Богоматери Свенской (1288 г.) или Толгской (известно три варианта). Преобладают в красочной гамме темно-вишневые, коричневые, темно-зеленые тона. Заметна и некоторая утрата высокого иконописного мастерства (искажение пропорций, сбитость рисунка). Но в то же время в живопись все более проникают народные вкусы, тяготеющие к орнаментальности и плоскостности формы. Особенно заметны эти черты в новгородской живописи, прежде всего в житийных иконах, в частности в изображениях Георгия Победоносца с их наивной повествовательностью. На грани XIV—XV. вв. складывается идеальная форма новгородских икон с их пламенной киноварью и другими звучными красками. Точно и свободно расположены персонажи в композициях. Светлое и какое-то удивительно свободное начало руководит их действиями. Таковы «Флор и Лавр» со столь близкими новгородскому сердцу конями и их пастухами или просветленно и открыто изображенная радостная сцена на иконе «Рождество Христово».

Псковская живопись — уникальное явление в культуре того времени. Фрески Снетогорского монастыря 1313 г., да и почти вся псковская иконопись, представленная такими своими шедеврами XIV в., как «Собор Богородицы» и «Сошествие во ад», полны внутренней тревоги, беспокойства, весьма далекого от умиротворяющего настроя иконы как таковой. Она тревожна и экспрессивна.

В живописи ранней Москвы без труда опознаются те же художественные идеалы, которые были свойственны Владимиро-Суздальской Руси. Гармоничность колорита с характерной, как бы перекрестной перекличкой красок бросается в глаза в одной из самых пленительных московских икон начала XIV в.— «Борис и Глеб». Обращает на себя внимание сам отбор тематики, тем более что из немногих сохранившихся икон московского круга вновь и вновь возникает тема святых — символов единой Руси и жертвенной братской любви.

В 70-е годы XIV в. на Русь приехал (из Византии) Феофан Грек. На родине он создал немало творений, прославивших его имя. На Руси он трудился вначале в Нижнем Новгороде, а затем в Новгороде Великом. Здесь он расписал в 1378 г. храм Спаса на Ильине. В своих фресках Феофан явил откровение в «грозе и буре», опаляющий божий гнев, как отблески молний сверкающий на тварных существах, рождающий в них страх и трепет. Им преисполнены и убеленные сединой подвижники, многие годы подвизавшиеся в строжайшей аскезе. Трепещут и сами небесные посланники — ангелы в композиции Троицы. Его картины отличаются исключительным динамизмом и экспрессией.

Иное мы видим в московском искусстве того времени, и прежде всего в творчестве Андрея Рублева. Идеалы его творчества, его мировоззрение сформировались в ту эпоху и в той среде, с которой связывают понятие русского народного возрождения. От них неотъемлемо чувство радости и света, когда было в пору «и старому помолодиться». К сожалению, ни год, ни место рождения великого художника неизвестны. Впервые Рублев упомянут в 1405 г. как один из участников артели Феофана Грека, переехавшего в Москву для росписи придворного Благовещенского собора. Заказ был ответственный, нет сомнений, что Рублев к тому времени был зрелым мастером. Стоит сравнить царственно-грозный лик Спаса в силах на иконе Феофана Грека в Благовещенском иконостасе с мягким, полным доброты изображением архангела Михаила, чтобы понять разницу художественных идеалов двух мастеров. Ту же разницу в настроенности видения мира можно заметить и в изображении животных на инициалах рукописных книг конца XIV — начала XV в. Так, в «Евангелии боярина Феодора Кошки», оформление которого, по-видимому, связано с творчеством Феофана, животный мир полон борьбы и ожесточенности. В группах животных, украшающих Евангелие боярина Хитрово, связанных с рублевскими идеалами, все преисполнено доброты, мира.

В 1408 г. Андрей Рублев вместе с другим художником Даниилом Черным трудился над иконой Успенского собора во Владимире. Мастера бережно сохранили те фрагменты живописи, которые уцелели от XII—XIII вв. В центре росписи Андрей Рублев поместил изображение Страшного суда. Однако «страшным» его можно назвать только условно. Радость, покой, любовь царят в ликах Христа, Судьи, и его помощников апостолов, ведущих просветленных душой людей в рай. Как далеко это по настроению от тревожных, грозящих суровой карой более ранних изображений Страшного суда, столь распространенных в европейском средневековом искусстве, в том числе и древнерусском (храм Спаса Нередицы в Новгороде, Дмитриевский собор во Владимире). Современники Куликовской победы со светлой надеждой смотрели на мир и его конечную судьбу. То же настроение пронизывает иконы Звенигородского чина, принадлежащие Рублеву. В Звенигороде Рублев работал еще в годы своей юности в самом начале XV в., когда он расписал Успенский собор на Городке. От этих росписей сохранились незначительные фрагменты. Иконы, сделанные позже, сохранились лучше. Особенно замечателен Спас. Его лик преисполнен доброжелательной внимательности, готовности прийти на помощь человеку.

Высшим достижением рублевского творчества была его всемирно прославленная «Троица» (ок. 1410 г.). Три ангела сидят под дубом Маврийским, склоняясь над стоящей на столе-престоле жертвенной чашей. Каждый из них индивидуален, но они нерасторжимы в объединяющей их форме круга. Он едва уловим для взгляда, обращенного к отдельной детали, но в целом восприятие иконы легко вырисовывает этот круг — символ совершенства, вечности, единства. И жертва, которую символизирует чаша в центре композиции, воспринимается как приношение за людей. Икона источает радость света, особое, неповторимое чувство жизни. Поразителен колорит иконы с ее изнутри высветленными розовыми, голубыми, зелеными тонами. Единство, жертвенность, светлое восприятие мира — таков в целом дивный и мудрый мир творца шедевра.

Последние годы своей жизни Рублев провел в Андрониковом монастыре в Москве. Спасский собор монастыря с его характерной — «живописной» красотой архитектуры, возможно, построен при участии самого Рублева. Он же и расписал свое творение. От этих росписей сохранились только орнаменты. Травы и цветы поражают удивительной свежестью.

Вся середина XV в. на Руси насыщена реминисценциями творчества Рублева. С трепетным чувством следования великому художнику создают-

Феофан Грек. Пантократор. Фреска церкви Спаса-на-Ильине. Новгород. 1378.

ся многие иконы 30—50-х годов XV в. В кругу художественных идеалов пострублевского творчества вырос талант Дионисия. Бережно сохраняя духовную высоту и просветленность Рублева, Дионисий усилил певучесть линии, тончайшие переливы цвета. Дионисий принимал активное участие в росписи Успенского собора в Кремле. Житийные иконы митрополитов Петра и Алексея торжественны. Фигуры их имеют заметно удлиненные стройные очертания. Высоко и благоговейно ценя творчество Рублева, Дионисий настолько увлекся его художественными достижениями и приемами, что если они и не сделались самоцелью мастера, то все же он готов был принести им в жертву само содержание творения. Впрочем, здесь сказывалась и сама обстановка, в которой жил и творил Дионисий. В отличие от большинства иконописцев того времени, будучи чисто светским человеком, он живо воспринимал ритуально отточенные отношения при великокняжеском дворе, где каждый шаг и жест был значим. Написанные для Успенского собора названные иконы, изображающие двух московских митрополитов, представляют собой торжественный и вместе с тем изысканный панегирик «устроению Руси». Продолжить этот торжественный гимн Дионисию суждено было в самом начале XVI в.— в прославленных фресках Ферапонтова монастыря. Торжественное песнопение-акафист в честь Богородицы — покровительницы Российского государства развернут на стенах храма. Одна композиция переливается в другую, как одна музыкальная фраза в другую. Точно так же музыкально переливаются линии внутри самих композиций, прославляющих Богородицу. Нижний регистр фресок занимают изображения вселенских соборов, утвердивших православное вероучение, которое именно в это время подвергалось нападкам еретиков. Торжественность композиций

удивительно сочетается с легкостью и невесомостью, опять-таки подобной звуку. Светло-розовые, лимонные тона выступают из голубизны небесного сияния.

Неотъемлемой частью русской художественной культуры было и художественное шитье. Великолепен шитый покров на гробницу Сергия Радонежского, сделанный вскоре после его кончины. Лик Сергия на этом покрове поражает своим пронзительно острым, требовательным взглядом.

Своеобразен был путь развития русской скульптуры этого времени. Запрет на использование объемной скульптуры как предмета поклонения церковь по-прежнему строго сохраняла. Однако полуобъемная — полуплоскостная скульптура, да к тому же раскрашенная под икону, в XIV—XV вв. получила довольно широкое распространение. Весьма широким почитанием на Руси пользовалась деревянная скульптура Николы Можайского 20-х годов XIV в. Святой изображен как грозный для врагов защитник города. Более радостны, полны движения ярко раскрашенные иконы покровительницы торговли — Параскевы-Пятницы, скачущего на коне Георгия Победоносца — покровителя воинов и земледельцев. Скульптуры были близки народным художественным идеалам, уходящим в глубокую, может быть, еще дохристианскую древность, отсюда их несколько архаический облик. Во второй половине XV в., явно ориентируясь на художественные тенденции в изобразительном искусстве, мастера-резчики придают своим фигурам более мягкие, как бы певучие пропорции. Этими чертами особенно отличалось творчество резчика Троице-Сергиева монастыря Амвросия. Рельефы его триптиха «Крест с предстоящей Марией и Иоанном Богословом» пленяют своей удивительно мягкой, как бы вибрирующей поверхностью.

Особняком среди московской скульптуры стоит фигура Георгия Победоносца (1464 г.), выполненная В. Д. Ермолиным. Она предназначалась для Спасских ворот Кремля в качестве герба Москвы. Смелый в три четверти поворот головы защитника города, закругленные края его фигуры — все это говорит о новых, более реалистических тенденциях, пробивавших себе путь в древнерусской скульптуре.

В. Д. Ермолин вообще удивительная фигура в русской культуре XV в. Помимо скульптуры, он немало трудился над восстановлением разрушенных памятников древней архитектуры, выступал в роли своеобразного реставратора. Наиболее значительной из таких работ Ермолина было восстановление одного из самых замечательных и сложнейших по своей конструкции и убранству храмов домонгольской Руси — Георгиевского собора в Юрьеве Польском (см. выше). В 60-х годах XIV в. собор рухнул, а в 1471 г. его восстановил московский мастер, собрав весь сложный его декор. И хотя эта реставрация далека, с современной точки зрения, от совершенства, внимание к памятникам собственной древности весьма знаменательно для XV в., когда столь настойчиво муссировалась идея об исторической преемственности Московской Руси от Владимирской. Самому Ермолину не чужд был интерес к отечественной истории. Им была составлена летопись — так называемая Ермолинская. Очень интересны автобиографические заметки, включенные Ермолиным в эту летопись. Сохранилось интересное письмо Ермолина к Якубу — писарю польского короля Казимира IV — часть не дошедшей до нас переписки между ними (из письма Ермолина мы узнаем, что он содержал в Москве скрипторий). В личности В. Д. Ермолина, в энциклопедичности его интересов и многообразии трудов видятся черты человека, сходного с деятелями Возрождения.

По мере роста таких культурных центров, как Москва и Тверь, совершенствуются изделия художественного ремесла. Прекрасны оклады ряда евангелий, среди которых поражает своей торжественной наряд-

ностью оклад уже упоминавшегося «Евангелия боярина Феодора Кошки». Наряду с изящным традиционным узором скани великолепны отдельные отлитые фигуры, напаянные на металлический фон. Такой прием был новшеством в художественном ремесле, делал переплет роскошной книги более объемным и выразительно оживленным. Интересны кадила XV в., нередко замышлявшиеся как своеобразная модель строящегося храма (особенно с этой точкизрения интересна кадильница Троице-Сергиева монастыря 1405 г.). Из той же монастырской ризницы происходит тончайший по совершенству исполнения потир работы мастера Ивана Фомина.

Рогатина тверского великого князя Бориса Александровича. Начало XV в.

Уникальным памятником прикладного искусства можно смело назвать охотничью рогатину тверского великого князя Бориса Александровича, датируемую 20-ми годами XV в. По серебряному ее завершению гравировкой и позолотой изображены живые сцены охоты на зверей и птиц (особое впечатление производит единоборство с медведем). Тут же приведены выразительные сцены борьбы людей между собой, отдых во время охоты, баня.

Оставаясь средневековой, по существу своему синкретичной, русская культура рассматриваемой поры органично соединила все виды искусства. На темы об иконах пишутся песнопения (цикл произведений, связанный с владимирской иконой Богоматери). В XV в. обнаруживаются первые признаки появления троеструния, идущего от подголосицы, чисто народного пения.

Сложный путь прошла русская культура за два с половиной века — путь от страшнейшего разорения, приостановившего ее развитие, через терпеливое и упорное возрождение, приведшее к высочайшим достижениям всех ее проявлений в конце XIV—XV вв. Многообразная по своим местным особенностям русская культура все более складывалась как единое целое, но завершиться этому процессу было суждено в XVI в.

В общем развитии культуры средневековой Европы русская культура занимает особое неповторимое место. При всей ее самобытности она, однако, постоянно (за исключением нескольких десятилетий после монгольского погрома) была связана с культурой Средиземноморья, Западной Европы, центральноевропейских, славянских стран. В своем развитии она отразила многие общие черты, свойственные духовной жизни средневековья, и основные ступени ее эволюции. По уровню развития культуры домонгольская Русь не уступала другим странам тогдашней Европы. И даже после потрясений монголо-татарского нашествия и ига она нашла в себе силы, чтобы снова вступить на путь культурного прогресса и добиться больших успехов во всех сферах духовной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Панорама истории Европы в V—XV вв., развернутая в данном томе, подтверждает ее многовариантность и многоцветность, ее своеобразие в разных регионах и странах. Корни различий уходят в раннее средневековье и даже в позднюю античность; они были связаны с географическими условиями каждого региона, с наличием или отсутствием там синтезного процесса, силой и характером древних традиций, с войнами и переселениями народов. Особенности варварских вторжений V—X вв., различия в путях складывания феодализма и развития городов, специфика рынка и его воздействия на эволюцию общества — все это определяло своеобразие истории разных регионов и стран Европы. Варьировали организация власти, политические ее формы, а также роль государства в истории каждого региона и отдельных стран. Даже христианская церковь, эта «всеобщая санкция» феодального строя, повсюду в Европе дававшая ему идеологическое обоснование и оказывавшая политическую поддержку, существенно различалась по организации, догматике, обрядам, отношению к государственной власти в западном и восточном вариантах.

Неодинаковыми были и темпы развития разных регионов как в пору генезиса феодализма, так и в пору его расцвета в XI—XV вв. История разворачивалась неравномерно и асинхронно, и к концу рассматриваемого периода это обусловило заметные различия в направлении аграрной и социальной эволюции Западной Европы (включая ее юг и север), с одной стороны, и Центральной, Юго-Восточной и Восточной — с другой. Эти различия очевидны, хотя их отнюдь не следует трактовать только как отсталость одних и прогрессивность других народов. Каждый из них имел свои достижения, особенно в области культуры. Отмеченная асинхронность была выражением или следствием специфики условий, в которых складывался и развивался феодальный строй в том или ином регионе.

Но как ни велики были региональные особенности, судьбы всех народов и стран Европы в рассматриваемый период тесно переплетались. Во всем своем многообразии континент становился социальной и культурной общностью, которая в конечном счете развивалась в одном направлении. Все регионы и народы Европы, одни раньше, другие позднее, прошли сначала этап формирования феодальных отношений, государства, вотчины и крестьянской зависимости, условной земельной собственности, установления личностных связей внутри господствующего класса. Затем они пережили массовый рост городов, испытали воздействие товарно-денежных отношений на все стороны жизни общества. В сфере развития государства почти все страны Европы (за исключением Византии, Ирландии, Исландии и Швейцарии) прошли путь от варварских королевств к обширным, но слабоцентрализованным раннефеодальным политическим образованиям разного типа, а затем через столетия феодальной раздробленности пришли к более стабильному усилению центральной власти в масштабах целых стран или отдельных княжеств и городов-государств.

Сходны были во всех регионах основные этапы и формы классовой борьбы. При всех их различиях католическая и православная церковь выполняли в средневековом обществе общие идеологические и культурные функции, освящали и укрепляли своим авторитетом господствующий строй и во многом направляли жизнь феодальной Европы V—XV вв. Но, пожалуй, ярче всего общность исторических судеб Европы этих столетий проявилась в сфере материальной и духовной культуры. Уровень развития техники в сельском хозяйстве и ремесле, способы землепользования, характер поселений, различные общности городских ремесленников, торговцев, крестьян, рыцарей, клириков были на всем протяжении

этого периода повсеместно очень сходны. Производительные силы повсюду развивались медленно.

Условия производства в этом преимущественно аграрном обществе, ручная техника и мелкий характер труда в деревне и городе, преобладание натурально-хозяйственной экономики, слабость коммуникаций, местная ограниченность жизни и интересов, определили и многие особенности мировосприятия и мировоззрения, характерные для европейцев эпохи классического средневековья. Их мировосприятию были свойственны ограниченность пространственного кругозора, долгое преобладание цикличного понимания времени, особая зависимость человека от природы и связанность с корпоративными организациями. Следствием этого было глубоко религиозное восприятие природы и общества, всеобщая приверженность традициям и обычаям. Ощущая свое бессилие перед непонятными силами мироздания и окружающего социума, средневековый человек искал во всем помощи и у Бога, и у могущественных людей или корпоративных организаций. Живя в обстановке насилия и страха, он и сам был эмоционален, импульсивен, легко переходил к насильственным действиям, верил в могущество потусторонних сил, в самые невероятные чудеса, разделяя нелепые с современной точки зрения суеверия. Из такого мировосприятия вытекали и характерные черты идеологических представлений того времени, которые выступали преимущественно в религиозном облачении. Ортодоксальная церковь черпала в христианстве аргументы в пользу справедливости и неколебимости устоев феодального общества. Еретики, напротив, искали в нем обоснование для критики церкви, а иногда и феодального строя в целом. Через христианские идеалы они выражали идеи и представления той части народа, которая начинала осознавать враждебность себе церкви и феодальных порядков.

Постепенно в духовной жизни всей феодальной Европы усиливались светские мотивы, происходила кристаллизация различий в социальной психологии и идеологии разных классов и сословий. Внутри общей средневековой культуры выделялись специфические культуры разных социальных групп: рыцарская, городская, народная крестьянская.

В V—XI вв. общие тенденции в истории всех регионов и стран Европы обусловливались в первую очередь тем, что повсюду на ее территории возобладал один и тот же феодальный строй. Но немалую роль в создании и дальнейшем укреплении социокультурного единства всего континента играли возраставшие от века к веку взаимосвязи и взаимовлияния между разными регионами. В раннее средневековье важным средством общения были этнические перемещения, торговля, дипломатические и династические связи, завоевания и сопутствовавшая им военная колонизация и, конечно же, христианизация языческих народов.

В результате всех этих взаимодействий в XI—XIII вв. Европа складывается в социально-культурную общность, которая сохранилась в позднее средневековье, в новое и новейшее время. Создается то общее историческое наследие, которое и сегодня позволяет нам говорить о Европе как нашем «общем доме», несмотря на все разнообразие общественных и идейных структур, культуры, путей развития составляющих ее стран.

В период развитого феодализма формированию европейской общности, сглаживанию различий между регионами способствовали, помимо названных выше причин, общеевропейская военная экспансия вне континента (крестовые походы на Восток в XI—XIII вв.) и в то же время — отражение внешней экспансии (арабские завоевания Испании, монголо-татарское нашествие середины XIII в., турецкие захваты в XIV—XV вв.). Конечно, важную роль играла мирная колонизация и миграция из одних областей континента в другие (например, немецкая в скандинавские и центральноевропейские страны, славянская — в Северо-Восточную и Восточную Русь). Особенно усилилась роль межрегиональной торговли,

которая постепенно охватила все страны Европы. Благодаря торговле происходил обмен не только товарами, но также производственным и бытовым опытом (в виде ремесленных навыков и изделий), культурными ценностями, в том числе идеями, произведениями искусства, особенно прикладного. Поражает, например, та быстрота, с которой в XI—XII вв. по всей Европе, включая Русь, распространился романский стиль в архитектуре (хотя повсюду он приобретал местные особенности), а позднее, в XII—XV вв., в Западной и Центральной Европе — готика. Поражает и сходство литературных жанров в странах Европы, разделенных подчас языковыми барьерами и большим пространством.

Картина истории эпохи, представленная в томе, с очевидностью обнаруживает, что средневековое общество прогрессировало во всех сферах жизни. Если сравнить Европу V и XV столетий, легко заметить происшедшие в ней огромные изменения. За эти столетия натурально-хозяйственные основы феодального строя оказались сильно потесненными товарно-денежной экономикой. Континент покрылся множеством больших и малых городов, сложилось новое сословие горожан, во многих странах Западной Европы рухнула личная зависимость крестьян, укрепилась их хозяйственная самостоятельность. В большинстве стран заметно усилились централизованные государства.

Да и человек XV в. во многом отличался от раннесредневекового. Даже в деревне он жил теперь не в цикличном, а в линейном времени, приобрел значительно более широкий, чем раньше, пространственный кругозор, притом не только в пределах Европы, но и вне ее, особенно в ходе начавшихся в XV в. Великих географических открытий, в частности открытия Америки. Во всех слоях общества постоянно совершалась индивидуализация сознания, его высвобождение от пут корпоративных и сословных представлений. Заметно повысилась грамотность не только среди верхушки общества и духовенства, но и среди рядовых горожан и даже крестьян, а вместе с ней и общая образованность, особенно после изобретения книгопечатания (ок. 1445 г.). С XIII в. все более широкое употребление приобретают народные языки не только в устной речи, но и в литературе. Зарождается этническое самосознание европейских народов — важный вклад в будущее складывание наций. Начиная с XII в. все более развивались, в противовес чисто религиозным, церковным, светское общественное сознание и светская культура. Последняя вовлекала в свою орбиту не только рыцарство и городские слои, но и определенную часть крестьянства. Постепенно уходила в прошлое монополия церкви на образование и культуру, особенно в XIV—XV вв. Несмотря на ее длительное господство в духовной жизни общества, уже в XII—XIII вв. стало оживать античное культурное наследие, частично забытое, частично (исключая Византию) сознательно отринутое в VII—XI вв.

Конечно, прогрессивное развитие феодального общества в Европе V—XV вв. происходило трудно. Ему приходилось преодолевать тяжелые преграды, которые ставили на его пути примитивные средства труда, специфические экономические и социальные условия, особенности общественного сознания эпохи. Нельзя забывать и того, что, как во всяком обществе, прогресс этот сопровождался частыми рецидивами консервативных порядков и принципов, отстаиваемых разными социальными группами. Нередко поступательное движение общества оборачивалось бедами для народа в деревне и городе.

И все же, как ни мучительно было это движение вперед, к концу XV в. были созданы многие предпосылки тех быстрых изменений, которые произошли уже в позднее средневековье. Западная Европа подошла к порогу разложения феодальных и зарождения раннекапиталистических отношений (в Италии, Англии, Нидерландах). Они стали фактом общеевропейской истории. И хотя в Центральной и Восточной Европе в

XIV—XV вв. феодальный строй развивался еще по восходящей линии, зарождение капитализма на Западе оказывало влияние и на их дальнейшую историю. Несомненно, формирование абсолютизма в Европе было бы невозможно без исторического опыта сословных монархий XIII—XV вв., возникновение новой гуманистической культуры — без длительного развития и высокого общего уровня собственно средневековой городской и рыцарской культуры. Без длительных внутренних политических и экономических связей, этнических взаимодействий в Европе не сложились бы стабильные народности, на базе которых в XVI—XVII вв. формировались нации и начался подъем уже национальных культур.

Наконец, именно в XI—XV вв. европейское общество обрело тот динамизм, который позволил ему обогнать по уровню экономического, социального и политического развития восточные страны. Если до XIII в. Европа отставала от Востока, то в XIII—XV вв. она резко вырвалась вперед, что обеспечило ей затем мировое первенство.

Европа V—XV вв. отделена от нас пятью столетиями позднего средневековья, нового и новейшего времени, мировыми войнами, рядом буржуазных и социалистических революций. Но ее достижения составляют органичную и неотъемлемую часть наследия всех живущих в ней народов и наций, которое веками использовалось, перерабатывалось или отвергалось каждым из последующих периодов. Поэтому средние века не являются для нас мертвым прошлым. Нити связей тянутся от той давней эпохи непосредственно к Европе наших дней. Нельзя правильно понять многие явления современности, не зная их средневековой истории. Большинство европейских стран и народностей (превратившихся затем в нации), составляющих ныне политическую и этническую карту Европы, сложились именно в XI—XV вв. В этой эпохе коренятся многие национальные, религиозные и территориальные конфликты сегодняшней Европы. Туда же уходят корни современного провинциального сепаратизма, неожиданно возрождающегося ныне с новой силой на Европейском континенте. В наследство от средневековья современная Европа получила городской строй с муниципальным управлением. Тогда же возникла университетская система образования; многие продолжающие свою жизнь университеты и поныне сохраняют некоторые внешние атрибуты своего далекого прошлого. Средневековым наследием, еще достаточно действенным, является и христианская церковь во всех ее разновидностях. В ее организации, методах пропаганды, обрядах и философских доктринах многое восходит к средневековью.

Пережитки феодального строя в виде крупного помещичьего землевладения и полуфеодальной испольщины бытуют и по сей день в ряде стран Европы (в Испании, Португалии, Южной Италии). Современный английский парламент, шведский риксдаг и испанские кортесы по-прежнему носят свои средневековые названия: в Англии этот политический институт сохраняет двухпалатную систему, сложившуюся еще в XIV в., с разными способами пополнения палаты лордов и палаты общин. Изучение крестьянских движений в Европе XI—XV вв., патриотических освободительных войн и колониальных экспансий остается актуальным для понимания многих современных событий в развивающихся странах.

Средневековая Европа оставила великие памятники культуры, непреходящее значение которых заключается прежде всего в их собственной эстетической и научной ценности, а не только в том, что они готовили почву для культуры Возрождения.

Сегодняшние обитатели Европы живут среди исторических памятников средневековой эпохи, часто в городах, сохранившихся от того времени, ощущают аромат своеобразной культуры, в чем-то примитивной и одновременно утонченной. Многочисленные памятники архитектуры в романском, готическом, византийском и русском стиле, замечательные произве-

дения фресковой и станковой живописи, иконописи, витражного искусства, резьбы по камню и дереву, скульптуры, блистательного прикладного искусства не утратили своей высокой эстетической ценности и входят в общий фонд культуры и исторического сознания современных европейцев. Творения итальянских мастеров Джотто, Чимабуэ, русских — Феофана Грека, Андрея Рублева и многих других и сегодня вызывают восхищение. Величайшую ценность представляют и произведения средневековой литературы, будь то эпические поэмы «Песнь о Роланде», «Слово о полку Игореве», «Эдда», «Песнь о моем Сиде» и др., рыцарские романы в стихах и прозе, лирика трубадуров и труверов, озорная поэзия вагантов и городские фаблио, величественная и трагическая «Божественная комедия» Данте или остроумные, пронизанные легкой поэзией «Кентерберийские рассказы» Чосера. Не умирают и произведения средневекового фольклора — мифы, старинные баллады, русские былины, исторические песни, волшебные сказки. Их герои — благородный Робин Гуд, былинные богатыри и другие — привлекают сердца сегодняшних людей своей отвагой, справедливостью, оптимизмом, народной смекалкой.

Средневековье оставило след и в современной философии. В ходе бурных теологических споров схоластика разработала тонкий логический аппарат, поставила впервые важный философский вопрос о соотношении веры и разума в человеческом познании, не утративший своей актуальности и в наши дни. В рамках средневековой схоластики зародились и ростки эмпирического знания — в трудах Роджера Бэкона, Уильяма Оккама, Николая Кузанского. К эпохе средневековья восходят концепция линейного исторического времени, незнакомая античной культуре, ряд практических и теоретических научных трудов в области химии, математики, механики и др., многие технические открытия, которые отчасти служат нам по сей день.

Наряду с жестокостью и насилием, нелепыми суевериями и кострами инквизиции, догматизмом мысли средневековая Европа V—XV вв. оставила в исторической памяти человечества и примеры высоких свершений духа. Известны имена средневековых борцов за свободу мысли против духовной диктатуры церкви — таких, как Абеляр, Сигер Брабантский, Роджер Бэкон, Иоахим Флорский, Джон Уиклиф, Петр Оливи, Ян Гус, борцов за интересы народа — Арнольда Брешианского, Дольчино, Гильома Каля, Уота Тайлера, Энгельбректа, Яна Жижки и многих других, героев борьбы против иноземных захватчиков — русских князей Владимира Мономаха, Александра Невского и Дмитрия Донского, шотландцев Уильяма Уоллеса и Роберта Брюса, француженки Жанны д'Арк, под предводительством которых выступали многочисленные безымянные для нас патриоты тех далеких времен. Нельзя не восхищаться мужеством, любознательностью, энергией и терпением великих землепроходцев и мореплавателей того времени: достигшего Китая Марко Поло, обогнувшего земной шар Магеллана, открывателя Америки Колумба.

Европейское средневековье было закономерным и в целом прогрессивным этапом не только континентальной, но и мировой истории. Эта эпоха была противоречивой: исполненной традиционности и новизны, нищеты и богатства, рыцарственности и унижений, жестокости и милосердия, бездн и величия человеческого духа. Поэтому ее нельзя оценивать однозначно, либо как бесплодное «безвременье», «темные времена», либо как идеальный «золотой век». В средневековой Европе сосуществовали и боролись «темные» и «светлые» явления, прогрессивные и реакционные тенденции.

Борьба этих тенденций и жизнь средневекового общества в комплексе заслуживают дальнейшего углубленного изучения и как самоценное историческое явление, и как важная ступень развития европейской и мировой цивилизации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Франкское государство в VIII – первой половине IX в.

Славяне в VI—IX вв.

Германия и Италия в XII – середине XIII в.

Военно-колонизационные движения в Средиземноморье и на Пиренейском полуострове в XI – XIII вв.

Важнейшие ереси и крестьянские восстания периода развитого феодализма.

Русские княжества, Центральная Европа и народы Прибалтики в XIII в. (борьба с монголо-татарами и германской агрессией).

Великое княжество Московское и Великое княжество Литовское в XIV–60-е годы XV в.

Образование Османской империи (XIII–XV вв.).

Распространение христианства в Европе в VI—XIII вв.

Распространение Черной смерти в 1347–1353 гг.

Крупнейшие города Европы.

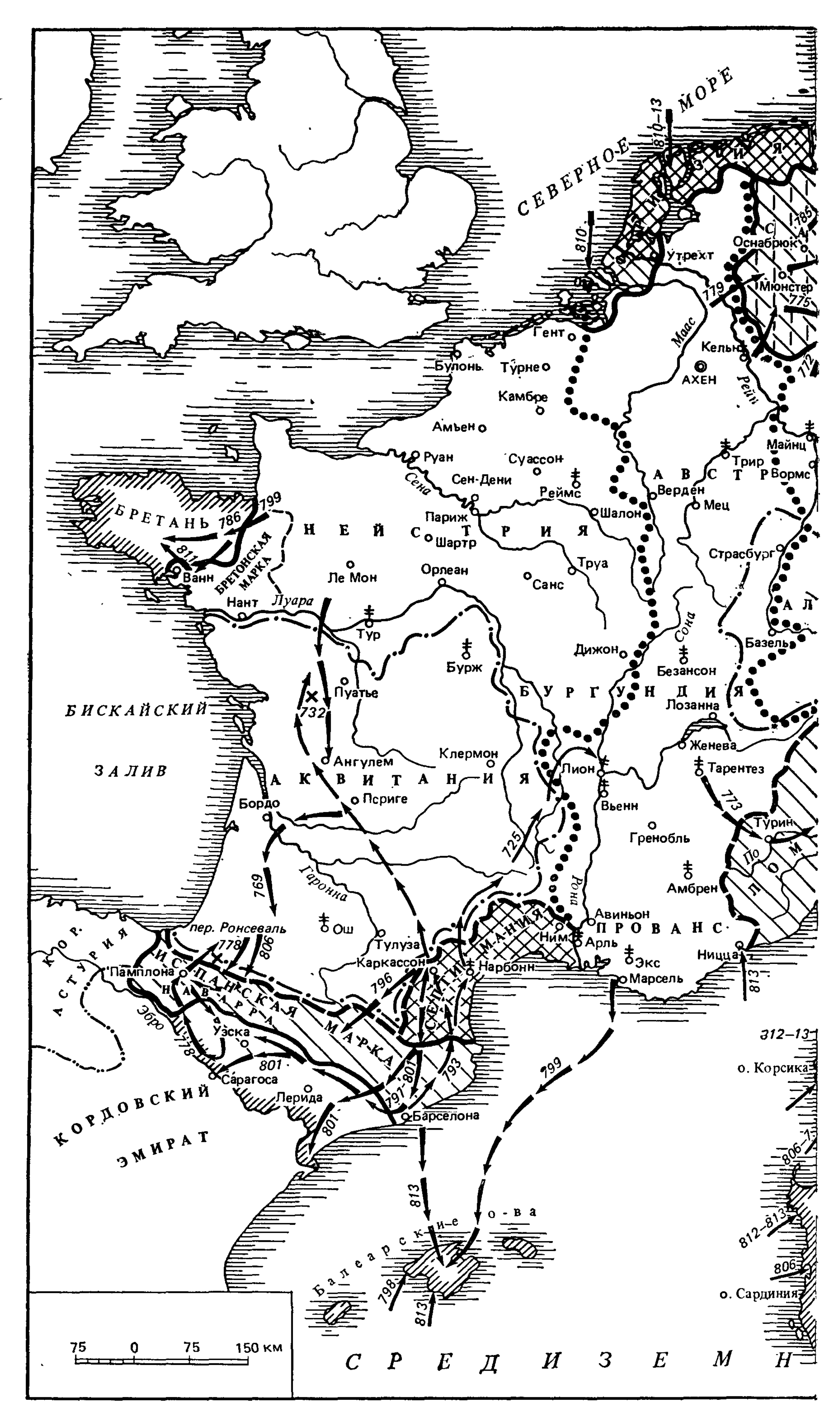
Вкладка:

Экономическое развитие Европы и связи с Ближним Востоком в XI – начале XIII в.

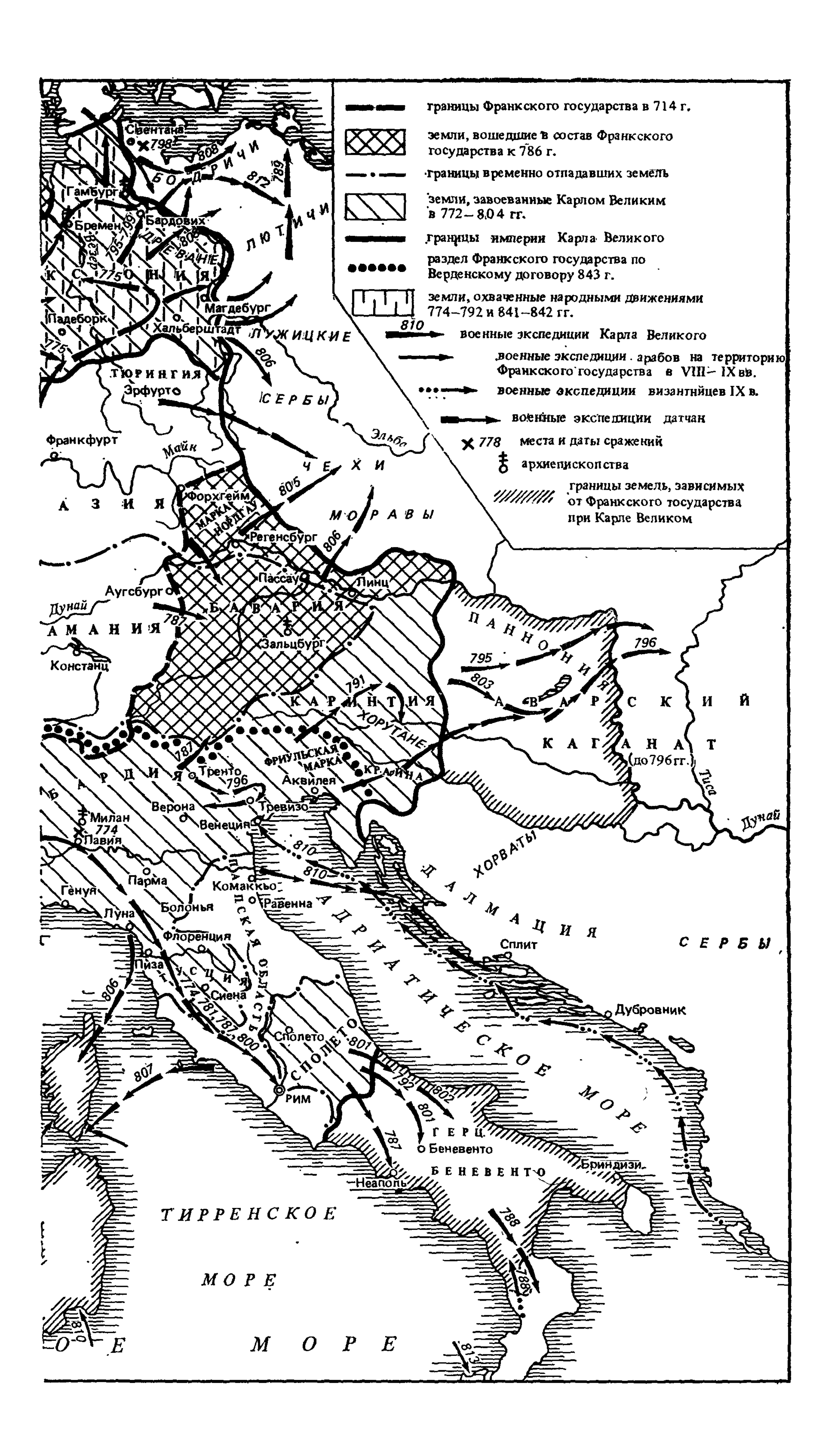
Церковная организация в странах Европы до конца XV в.

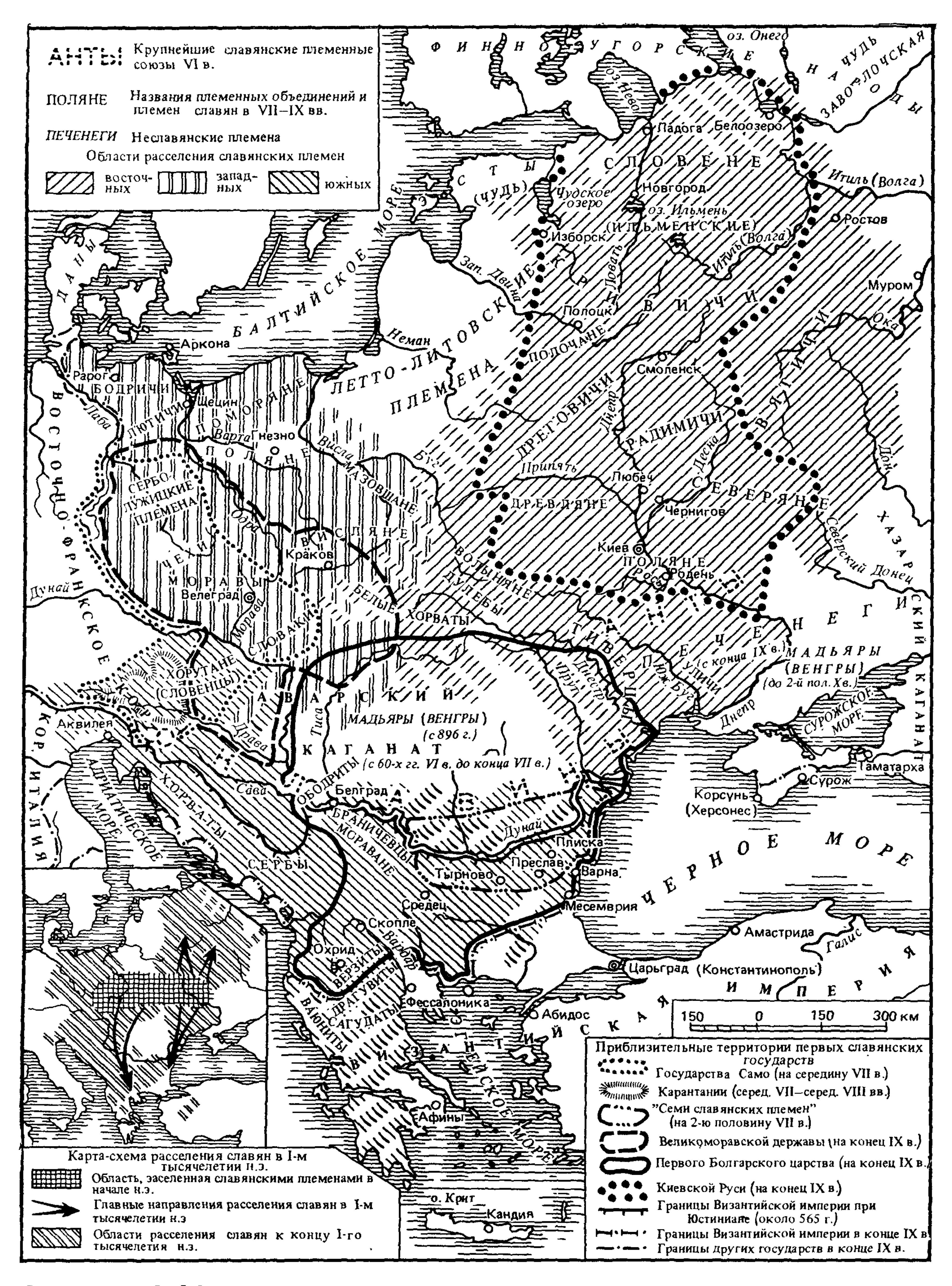
Европа, Северная Африка и Передняя Азия в середине V – середине VI в.

Европа, Северная Африка и Передняя Азия в конце IX – начале XI в.

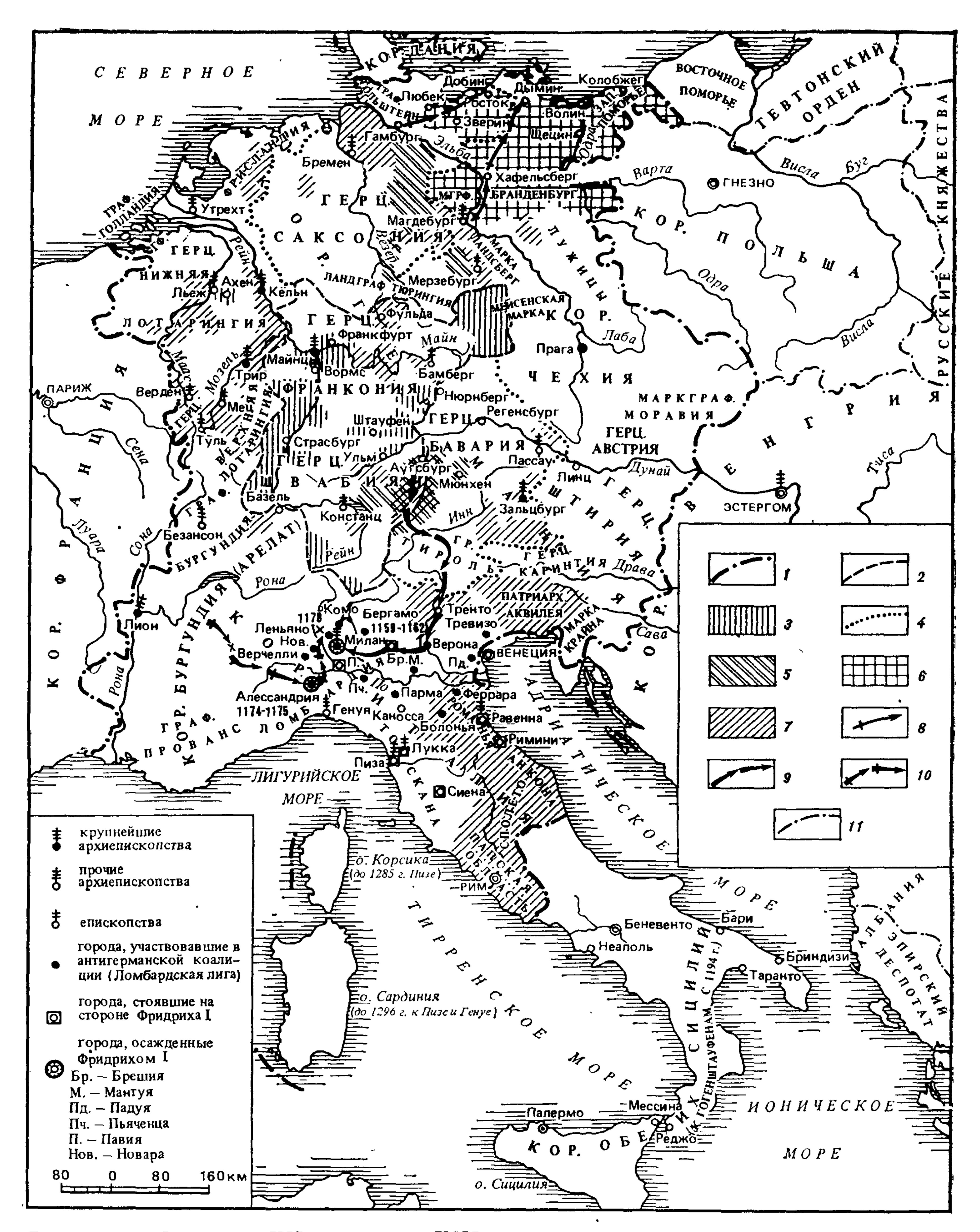

Франкское государство в VIII — первой половине IX в.

границы Франкского государства в 714 г.
земли, вошедшие в состав Франкского государства к 786 г.
границы временно отпадавших земель
земли, завоеванные Карлом Великим в 772–804 гг.
границы империи Карла Великого
раздел Франкского государства по Верденскому договору 843 г.
земли, охваченные народными движениями 774–792 и 841–842 гг.
военные экспедиции Карла Великого
военные экспедиции арабов на территорию Франкского государства в VIII–IX вв.
военные экспедиции византийцев IX в.
военные экспедиции датчан
места и даты сражений
архиепископства
границы земель, зависимых от Франкского государства при Карле Великом
Свентана
Гамбург
Бремен
Бардовик
Магдебург
Падеборн
Хальберштадт
ТЮРИНГИЯ
Эрфурт
Франкфурт
ЛУЖИЦКИЕ
СЕРБЫ
ЧЕХИ
МОРАВЫ
ЛЮТИЧИ
БОДРИЧИ
Форхгейм
Регенсбург
Пассау
Линц
Аугсбург
БАВАРИЯ
Зальцбург
Констанц
ПАННОНИЯ
АВАРСКИЙ КАГАНАТ (до 796 гг.)
КАРИНТИЯ
ХОРУТАНЕ
ФРИУЛЬСКАЯ МАРКА
КРАЙНА
Тренто
Аквилея
Верона
Тревизо
Венеция
Милан
Павия
Парма
Генуя
Комаккьо
Болонья
Равенна
Луна
Флоренция
Пиза
Сиена
Сполето
СПОЛЕТО
Рим
ГЕРЦ.
Беневенто
БЕНЕВЕНТО
Неаполь
Бриндизи
ХОРВАТЫ
ДАЛМАЦИЯ
Сплит
Дубровник
СЕРБЫ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
Дунай
Тиса
Эльба
Майн

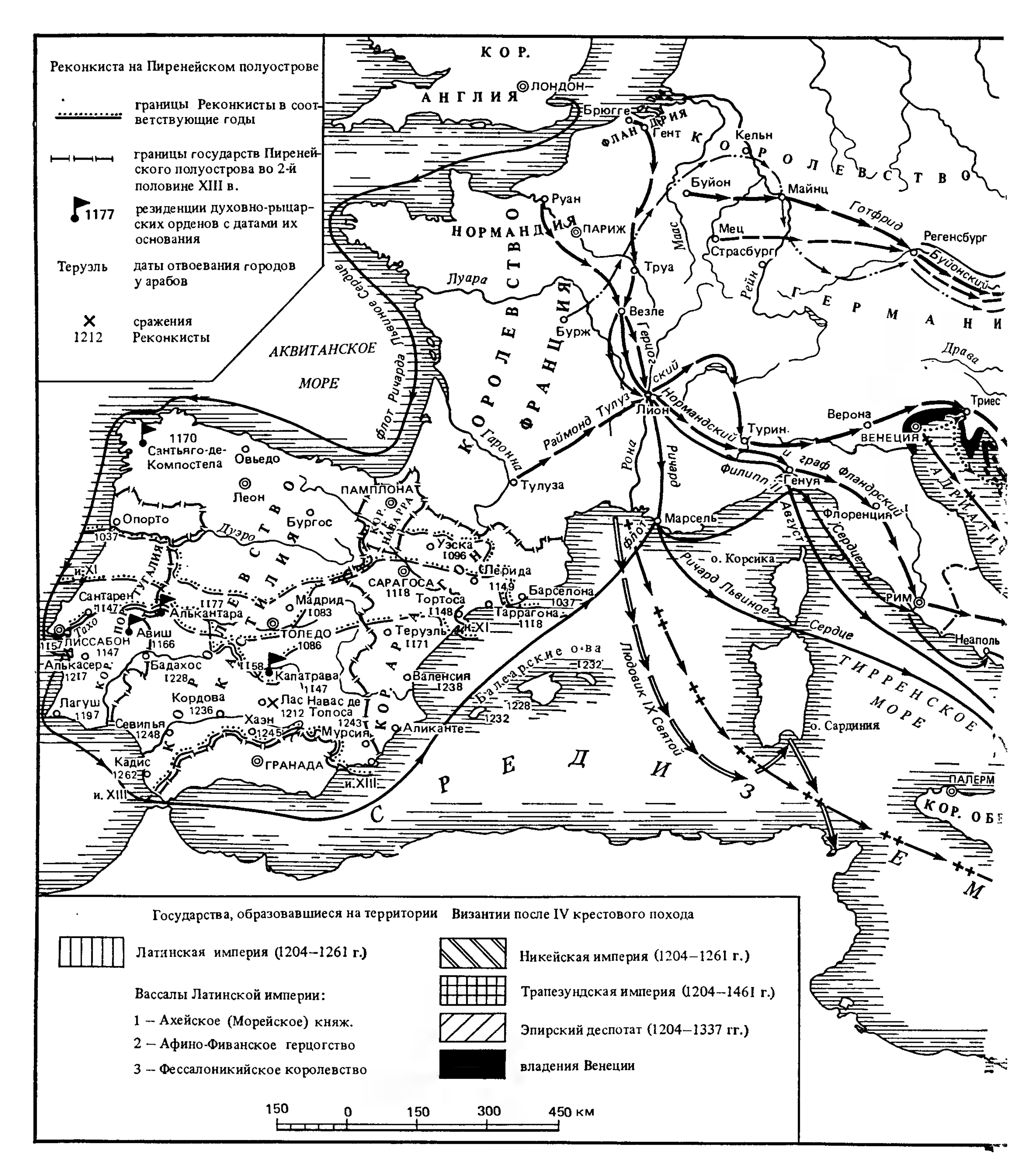

Славяне в VI–IX вв.

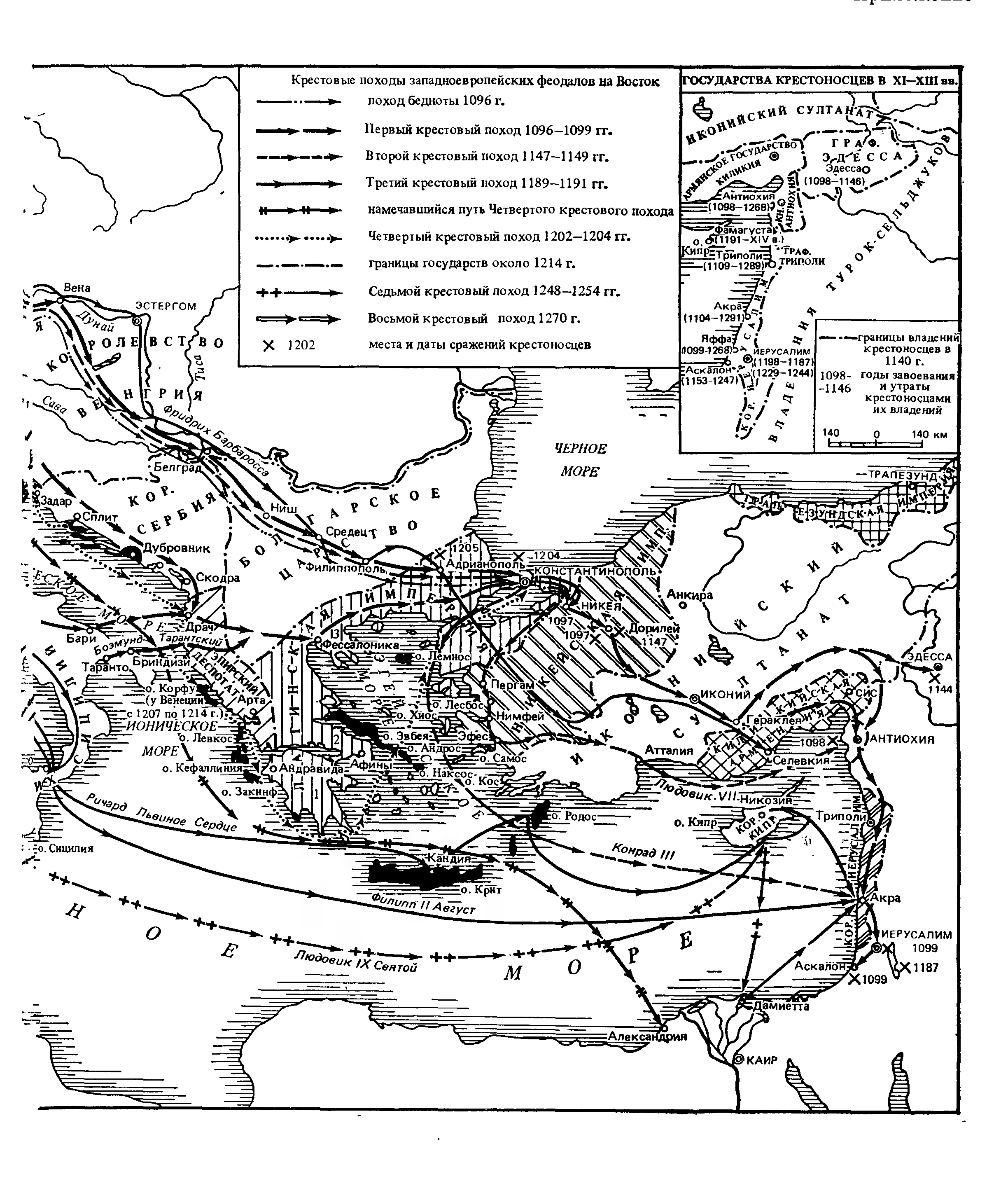

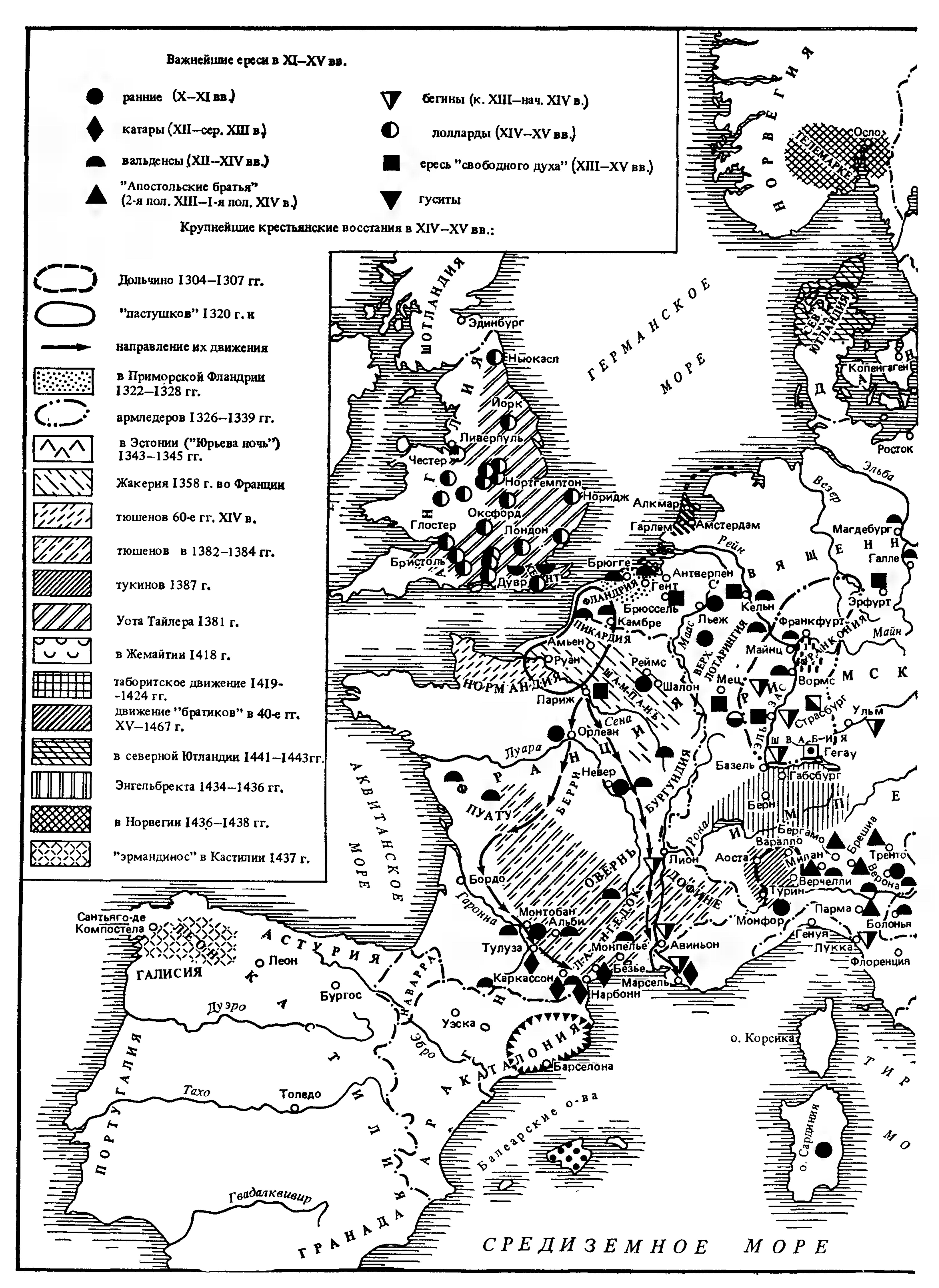
Германия и Италия в XII – середине XIII в.

1. Границы Священной Римской империи.
2. Границы домена и герцогств Гогенштауфенов.
3. Домен Гогенштауфенов.
4. Границы домена и герцогств Вельфов.
5. Домен Вельфов.
6. Славянские земли, захваченные немцами в XII — первой половине XIII в
7. Территории церковных владений.
8. Крестовый поход 1147 г.
9. Поход Фридриха в Италию (1158—1162 гг.).
10. Поход Фридриха в Италию (1174—1177 гг.).
11. Границы новых государств.

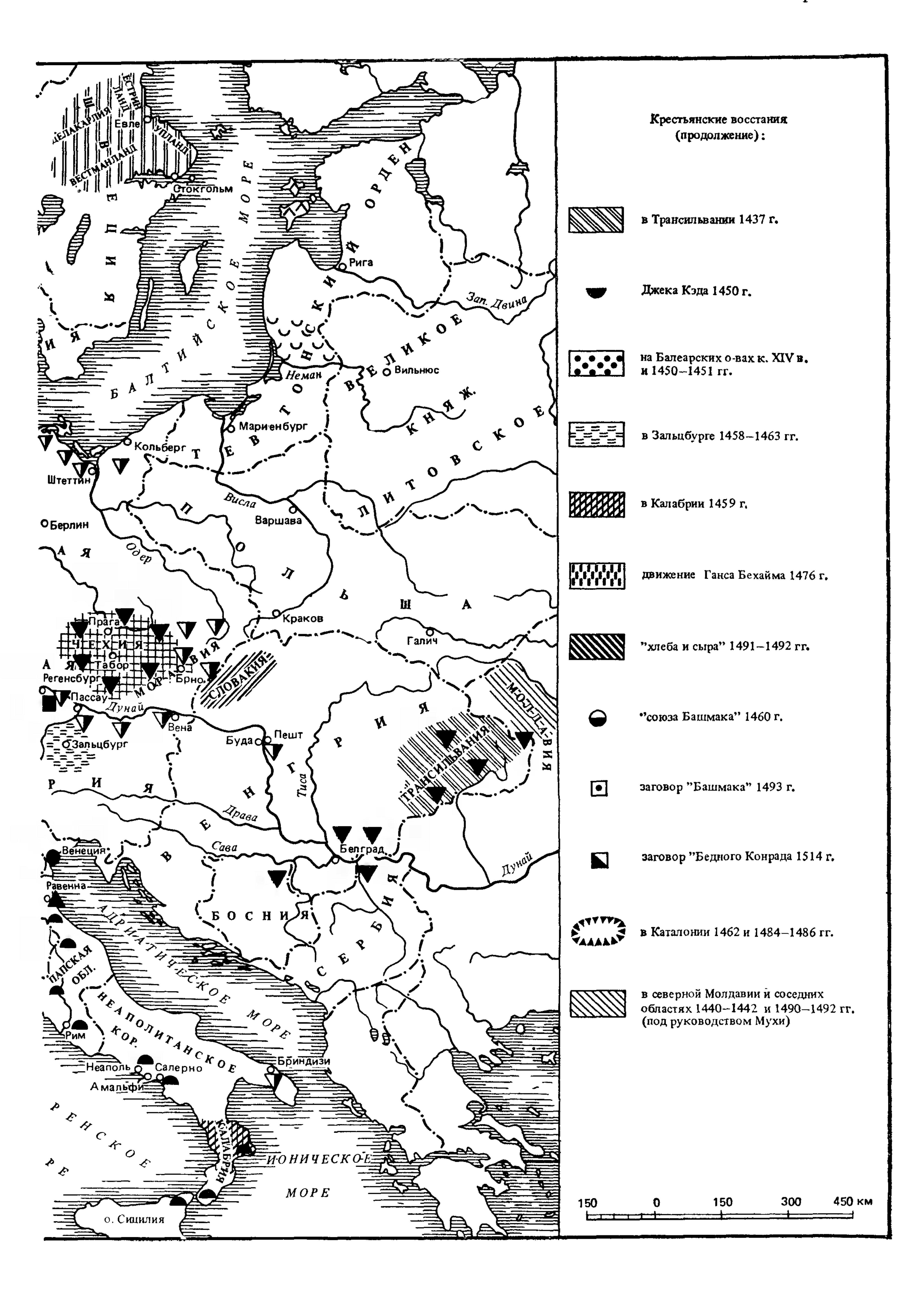

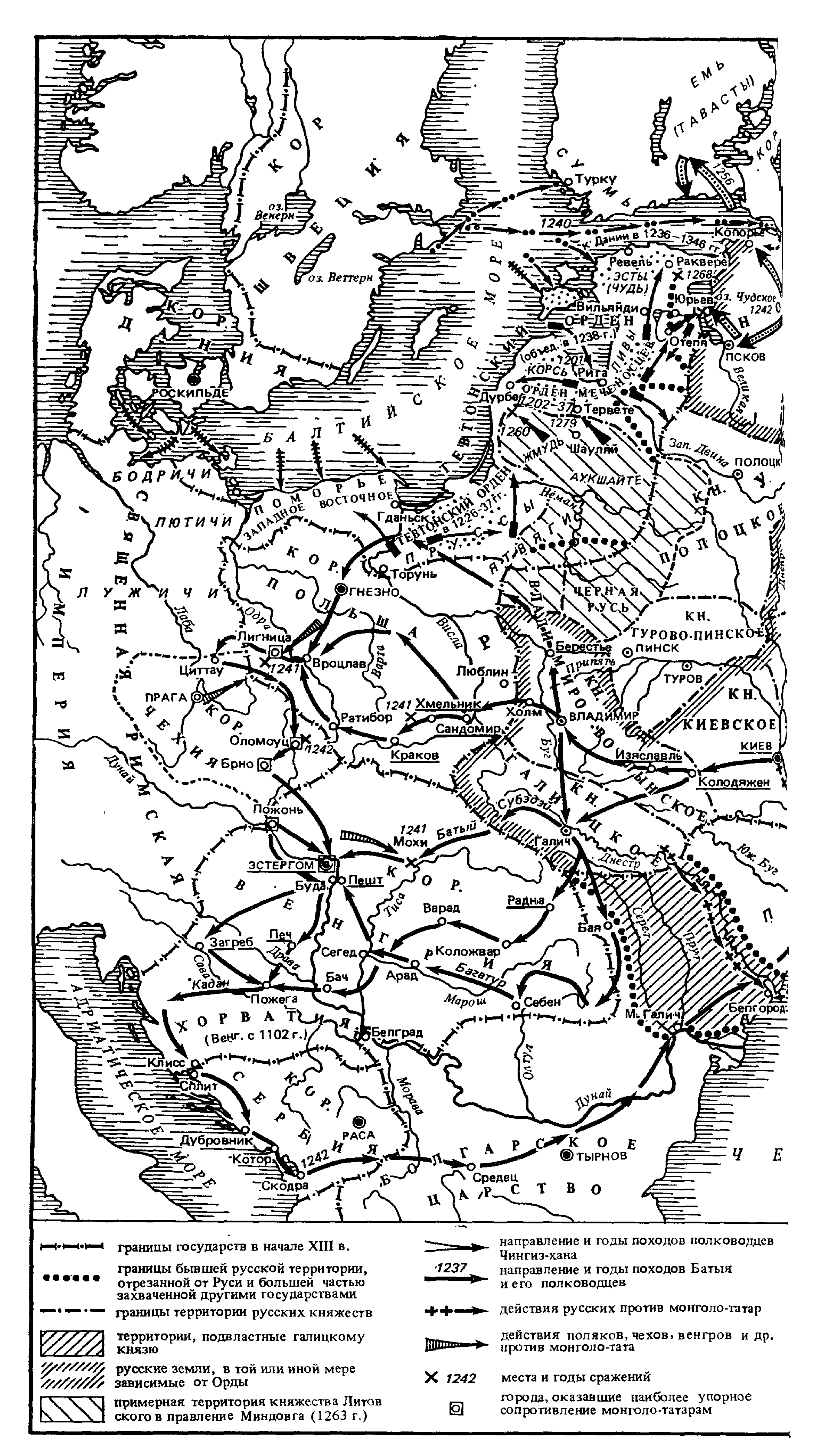
Военно-колонизационные движения в Средиземноморье и на Пиренейском полуострове в XI–XIII вв.

Крестовые походы западноевропейских феодалов на Восток
поход бедноты 1096 г.
Первый крестовый поход 1096–1099 гг.
Второй крестовый поход 1147–1149 гг.
Третий крестовый поход 1189–1191 гг.
намечавшийся путь Четвертого крестового похода
Четвертый крестовый поход 1202–1204 гг.
границы государств около 1214 г.
Седьмой крестовый поход 1248–1254 гг.
Восьмой крестовый поход 1270 г.
1202 места и даты сражений крестоносцев
ГОСУДАРСТВА КРЕСТОНОСЦЕВ В XI–XIII вв.
ИКОНИЙСКИЙ СУЛТАНАТ
АРМЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО КИЛИКИЯ
ГРАФ. ЭДЕССА
Эдесса (1098–1146)
Антиохия (1098–1268)
КН. АНТИОХИЯ
Фамагуста
о. Кипр (1191–XIV в.)
Триполи (1109–1289)
ГРАФ. ТРИПОЛИ
Акра (1104–1291)
Яффа (1099-1268)
ИЕРУСАЛИМ (1198–1187) (1229–1244)
Аскалон (1153–1247)
КОР. ИЕРУСАЛИМ
ВЛАДЕНИЯ ТУРОК-СЕЛЬДЖУКОВ
границы владений крестоносцев в 1140 г.
1098–1146 годы завоевания и утраты крестоносцами их владений
140 0 140 км
Вена
ЭСТЕРГОМ
Дунай
КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ
Тиса
Сава
Фридрих Барбаросса
Белград
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ТРАПЕЗУНД
ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ
Задар
Сплит
КОР. СЕРБИЯ
Ниш
БОЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО
Средец
Дубровник
Скодра
Филиппополь
1205
Адрианополь
1204
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Анкира
НИКЕЯ
1097
Дорилей
1147
Драч
Бари
Боэмунд
Тарантский
Таранто
Бриндизи
ЭПИРСКИЙ ДЕСПОТАТ
Фессалоника
ЛАТИНСКАЯ ИМПЕРИЯ
о. Лемнос
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
о. Корфу (у Венеции с 1207 по 1214 г.)
Арта
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
о. Левкос
о. Кефаллиния
Андравида
о. Закинф
Афины
о. Эвбея
о. Хиос
о. Лесбос
Пергам
Нимфей
Эфес
о. Андрос
о. Самос
о. Наксос
о. Кос
ИКОНИЙСКИЙ СУЛТАНАТ
ЭДЕССА
1144
Иконий
Гераклея
КИЛИКИЙСКАЯ АРМЕНИЯ
Сис
АНТИОХИЯ
1098
Атталия
Селевкия
Людовик VII
Никозия
о. Кипр
КОР. КИПР
Триполи
о. Родос
Конрад III
Ричард Львиное Сердце
о. Сицилия
Кандия
о. Крит
Филипп II Август
Акра
ИЕРУСАЛИМ 1099
1187
Аскалон
1099
Людовик IX Святой
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Дамиетта
Александрия
КАИР

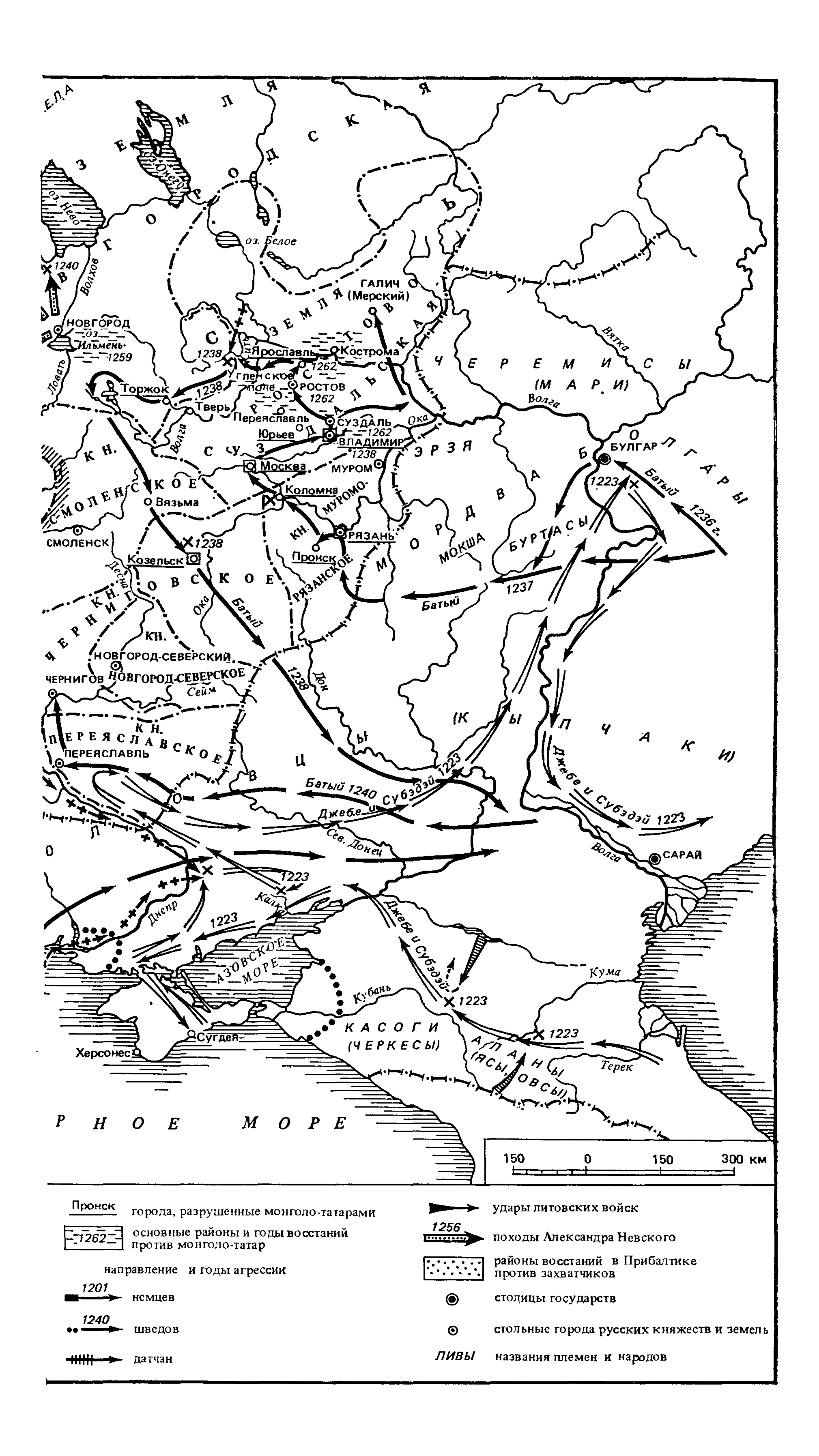

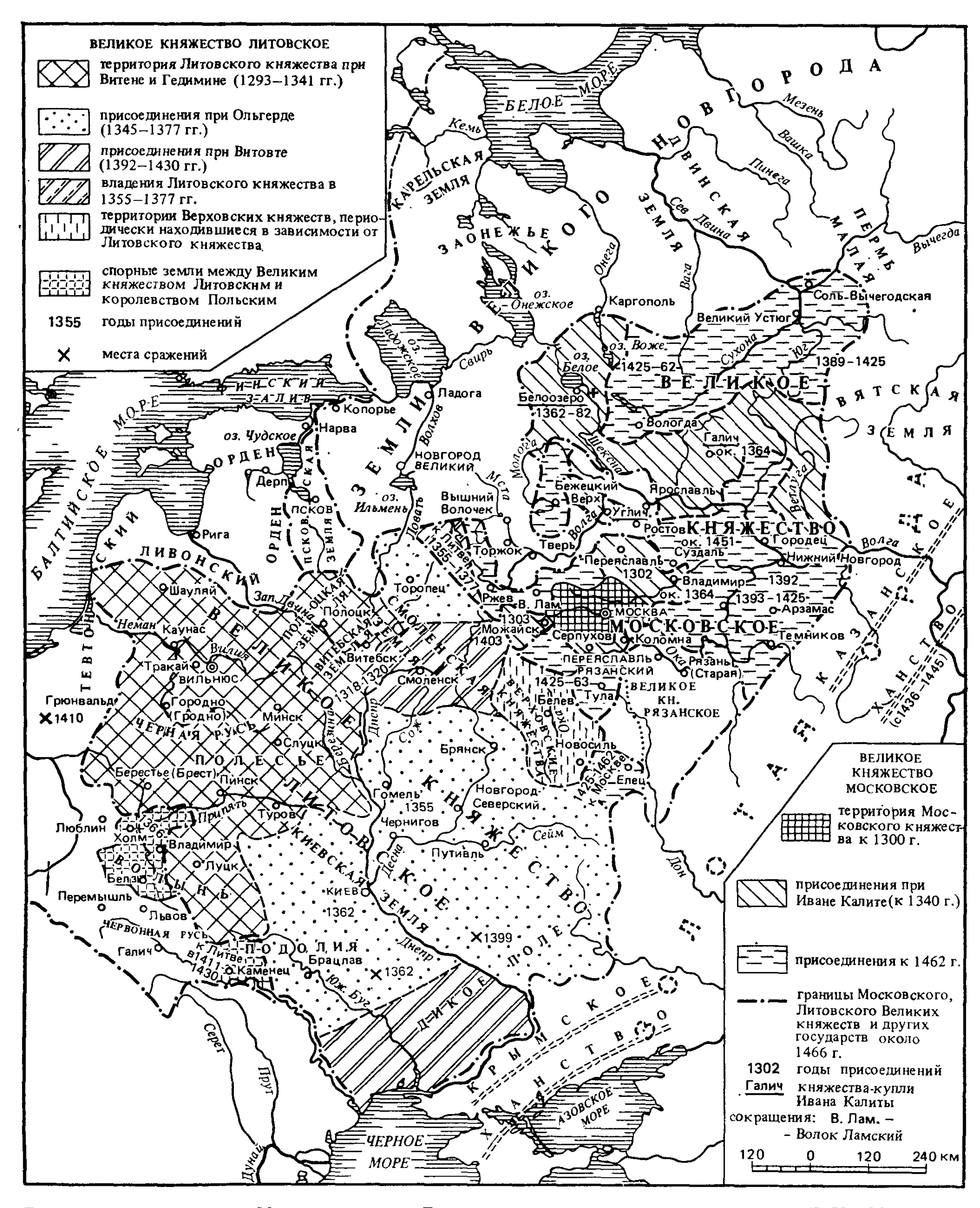
Важнейшие ереси и крестьянские восстания периода развитого феодализма.

Крестьянские восстания
(продолжение):
в Трансильвании 1437 г.
Джека Кэда 1450 г.
на Балеарских о-вах к. XIV в.
и 1450–1451 гг.
в Зальцбурге 1458–1463 гг.
в Калабрии 1459 г.
движение Ганса Бехайма 1476 г.
"хлеба и сыра" 1491–1492 гг.
"союза Башмака" 1460 г.
заговор "Башмака" 1493 г.
заговор "Бедного Конрада 1514 г.
в Каталонии 1462 и 1484–1486 гг.
в северной Молдавии и соседних
областях 1440–1442 и 1490–1492 гг.
(под руководством Мухи)
150 0 150 300 450 км
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ТЕВТОНСКИЙ ОРДЕН
ВЕЛИКОЕ КНЯЖ. ЛИТОВСКОЕ
ПОЛЬША
ВЕНГРИЯ
ЧЕХИЯ
МОРАВИЯ
СЛОВАКИЯ
ТРАНСИЛЬВАНИЯ
МОЛДАВИЯ
БОСНИЯ
СЕРБИЯ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
НЕАПОЛИТАНСКОЕ КОР.
ПАПСКАЯ ОБЛ.
КАЛАБРИЯ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
ДЕЛАКАРЛИЯ
ВЕСТМАНЛАНД
УПЛАНД
Евле
Стокгольм
Рига
Зап. Двина
Неман
Вильнюс
Мариенбург
Кольберг
Штеттин
Берлин
Висла
Варшава
Одер
Краков
Галич
Прага
Табор
Регенсбург
Брно
Пассау
Дунай
Вена
Зальцбург
Буда
Пешт
Тиса
Драва
Сава
Белград
Венеция
Равенна
Рим
Неаполь
Салерно
Амальфи
Бриндизи
о. Сицилия

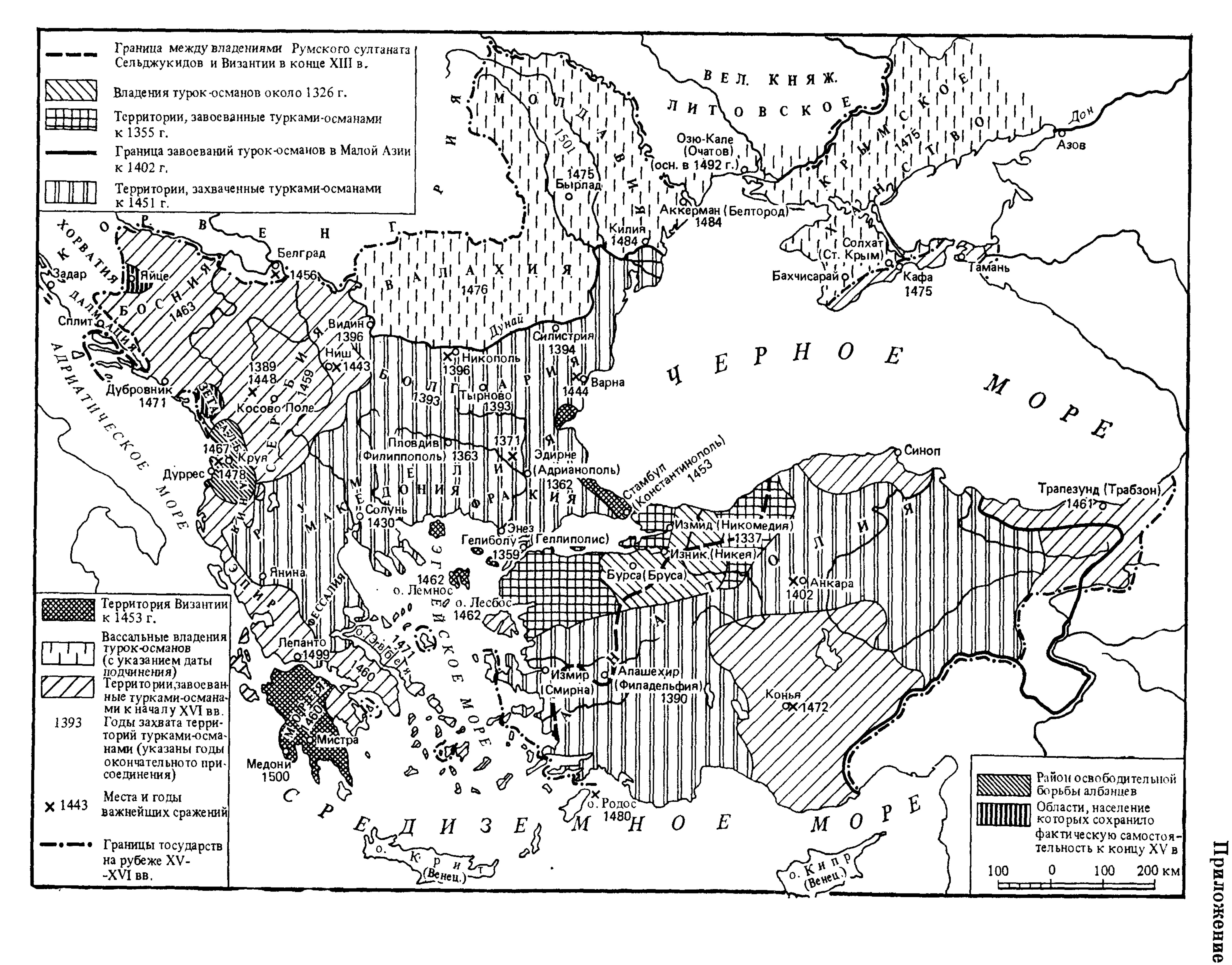

Русские княжества, Центральная Европа и народы Прибалтики в XIII в. (борьба с монголо-татарами и германской агрессией).

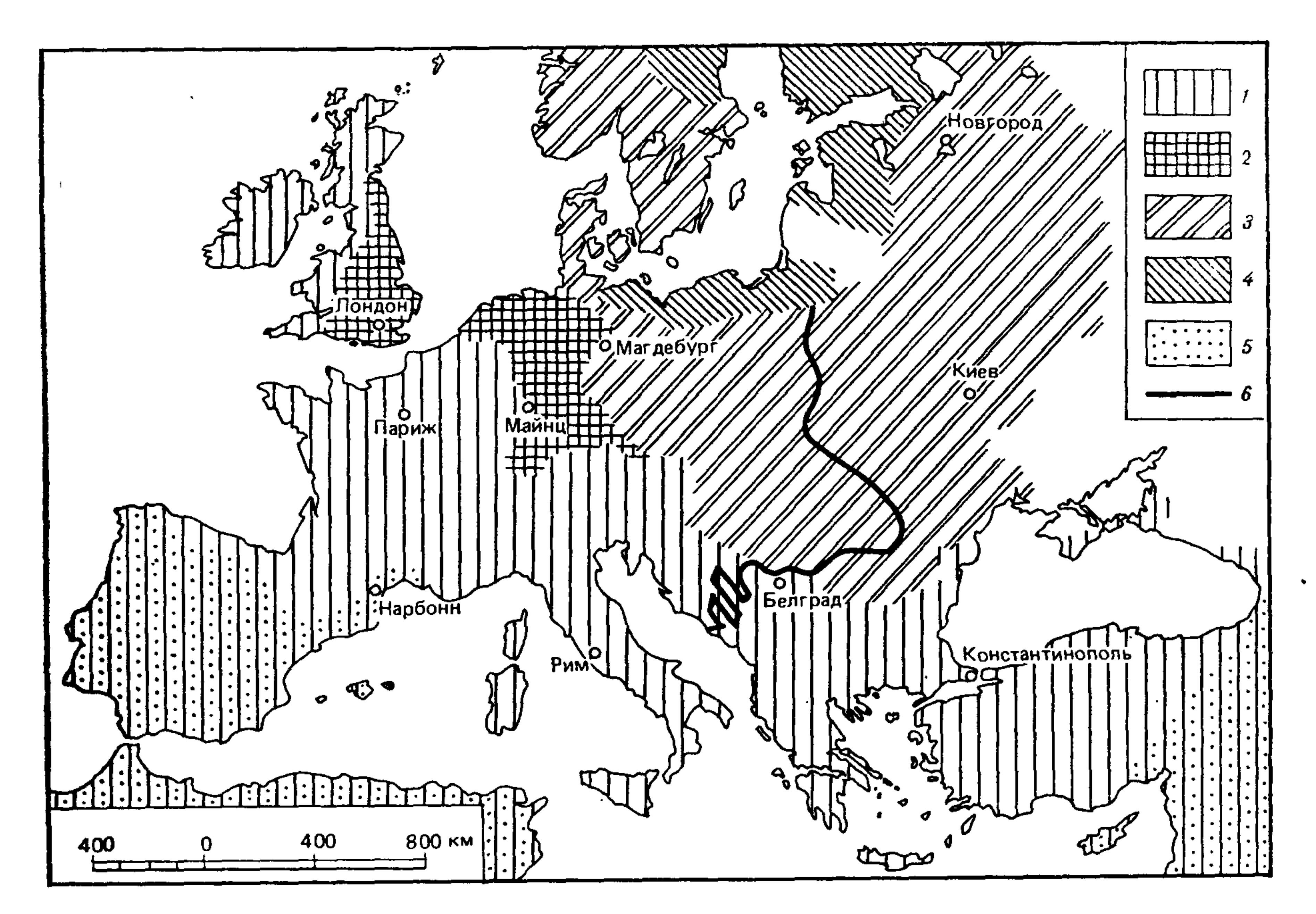

НОВГОРОД
оз. Ильмень
1259
оз. Нево
Волхов
1240
оз. Онего
оз. Белое
ГАЛИЧ (Мерский)
Ярославль
Кострома
1262
Гленское поле
РОСТОВ
Торжок
Тверь
Переяславль
СУЗДАЛЬ
Юрьев
ВЛАДИМИР
1238
Москва
МУРОМ
Коломна
Вязьма
СМОЛЕНСК
РЯЗАНЬ
Пронск
Козельск
1238
НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ
ЧЕРНИГОВ
НОВГОРОД-СЕВЕРСКОЕ
Сейм
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
ПЕРЕЯСЛАВСКОЕ
БУЛГАР
1223
Батый
1236 г.
ЧЕРЕМИСЫ (МАРИ)
Вятка
Волга
Ока
ЭРЗЯ
МОКША
БУРТАСЫ
1237
Батый
Дон
Батый 1240
Субэдэй 1223
Джебе и
Сев. Донец
Джебе и Субэдэй 1223
САРАЙ
Волга
Калка
1223
Днепр
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Кубань
Джебе и Субэдэй
1223
КАСОГИ (ЧЕРКЕСЫ)
Сугдея
Херсонес
Кума
Терек
АЛАНЫ (ЯСЫ, ОВСЫ)
РНОЕ МОРЕ
150 0 150 300 км
Пронск — города, разрушенные монголо-татарами
1262 — основные районы и годы восстаний против монголо-татар
направление и годы агрессии
1201 — немцев
1240 — шведов
датчан
удары литовских войск
1256 — походы Александра Невского
районы восстаний в Прибалтике против захватчиков
столицы государств
стольные города русских княжеств и земель
ЛИВЫ — названия племен и народов

Великое княжество Московское и Великое княжество Литовское в XIV–60-е годы XVв.

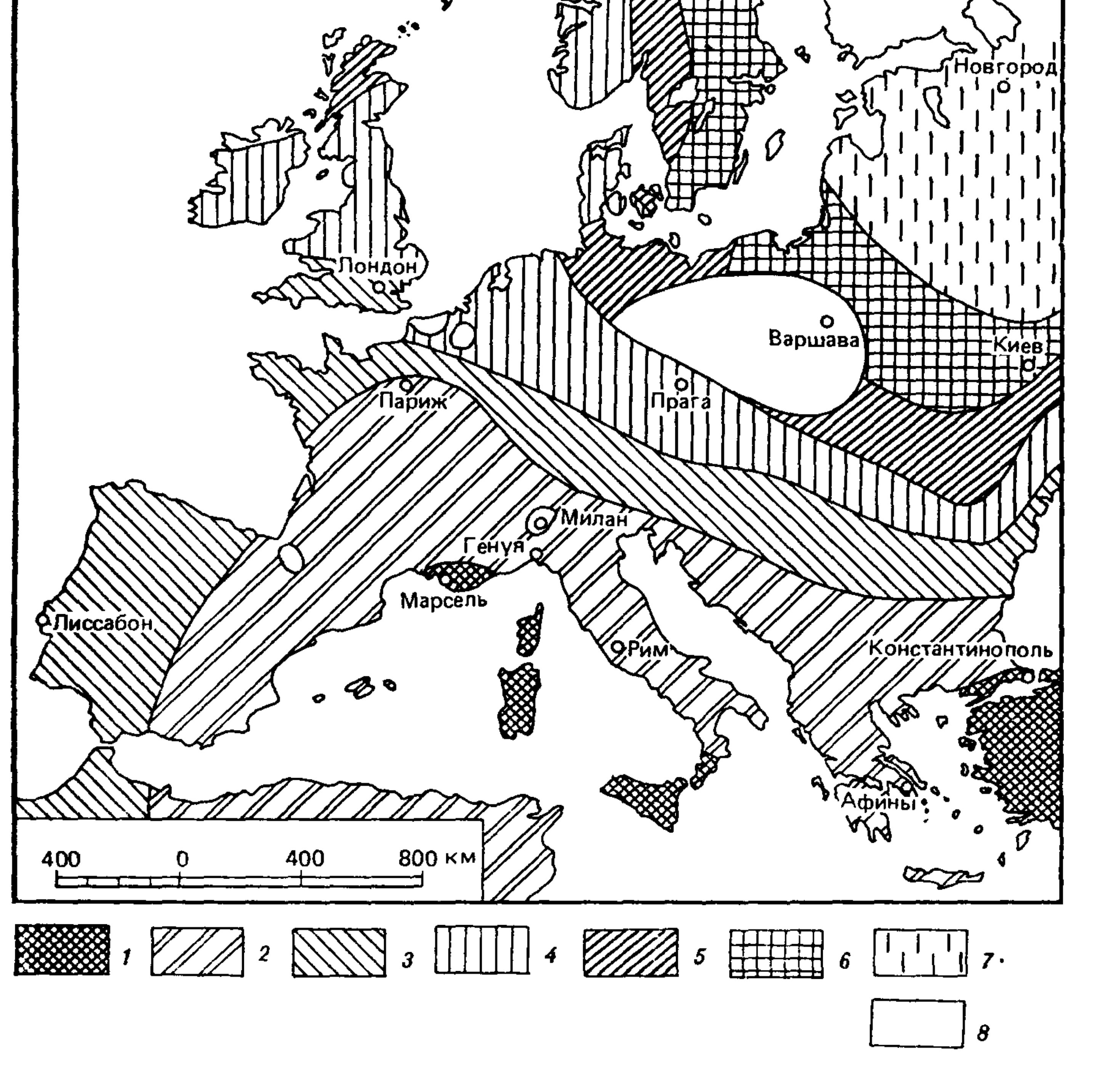

Образование Османской империи (XIII–XV вв.).

Распространение христианства в Европе в VI–XIII вв.

1. К VI в.
2. В VII—VIII вв.
3. В IX—XI вв.
4. В XII—XIII вв.
5. Распространение ислама на христианских землях в VII—XIII вв.
6. Граница между римско-католической и греко-православной церквами в конце XI в.

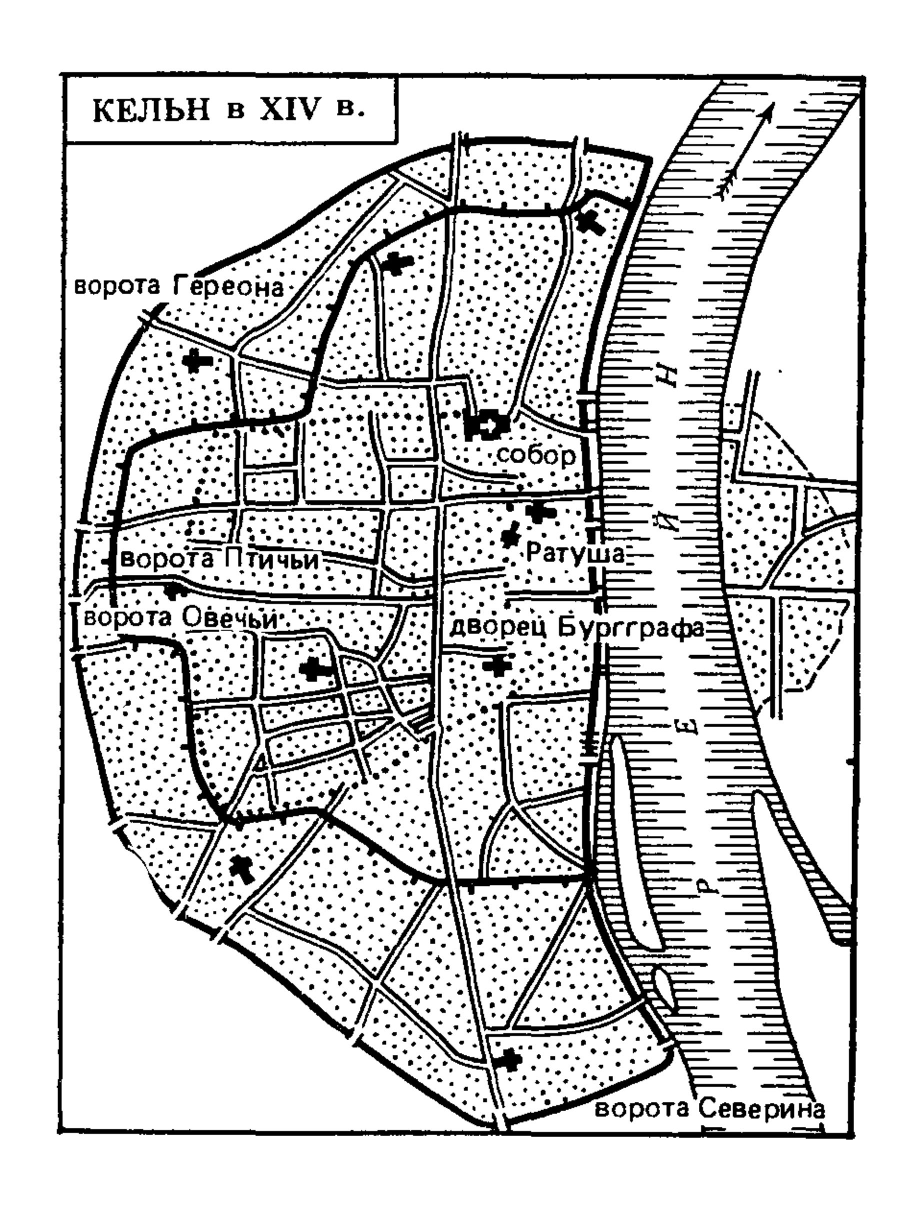

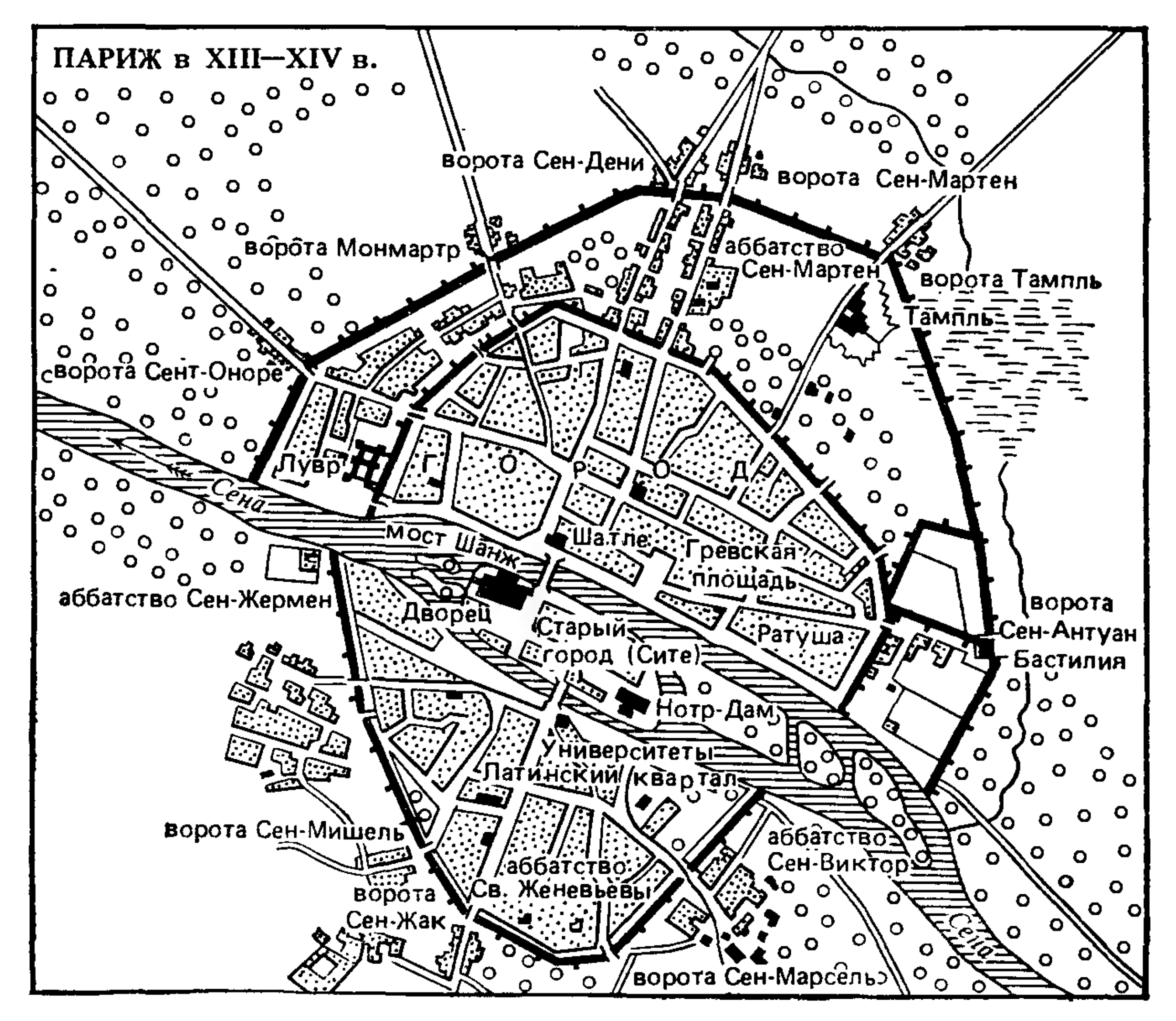
Распространение Черной смерти в 1347–1353 гг.

1. Конец 1347 г.
2. Июнь 1348 г.
3. Конец 1348 г.
4. Конец 1349 г.
5. Конец 1350 г.
6. Конец 1351 г.
7. Конец 1353 г.
8. Незатронутые зоны.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ в XIV в.

Влахернский дворец
ворота Калигарийские
ворота Харисийские (Адрианопольские)
дворец Константина Багрянородного
ц. Хора
Влахернская гавань
ЗОЛОТОЙ РОГ
ворота Св. Романа
ворота Меландзийские
СТЕНА ФЕОДОСИЯ
ЭКСОКИОНИЙ
СТЕНА КОНСТАНТИНА
ц. Апостолов
ПЕРА
ГАЛАТА
ВЕНЕЦ. КВАРТАЛ
ПИЗАН.
ГЕНУЭЗС.
Форум Амастридский
ворота Силиври (Пиги)
Форум Аркадия
Форум Быка
Форум Тавра
Форум Феодосия
Акрополь
Форум Константина
ц. Св. Ирины
Преторий
Софийский собор
ворота Пятибашенные
гавань Феодосия
Ипподром
дворец Магнавра
Императорский дворец
ц. Сергия и Вакха
дворец Вуколеон
ц. Иоанна Студита
ворота Золотые
Гавань Юлиана
дворец Юстиниана
МРАМОРНОЕ МОРЕ

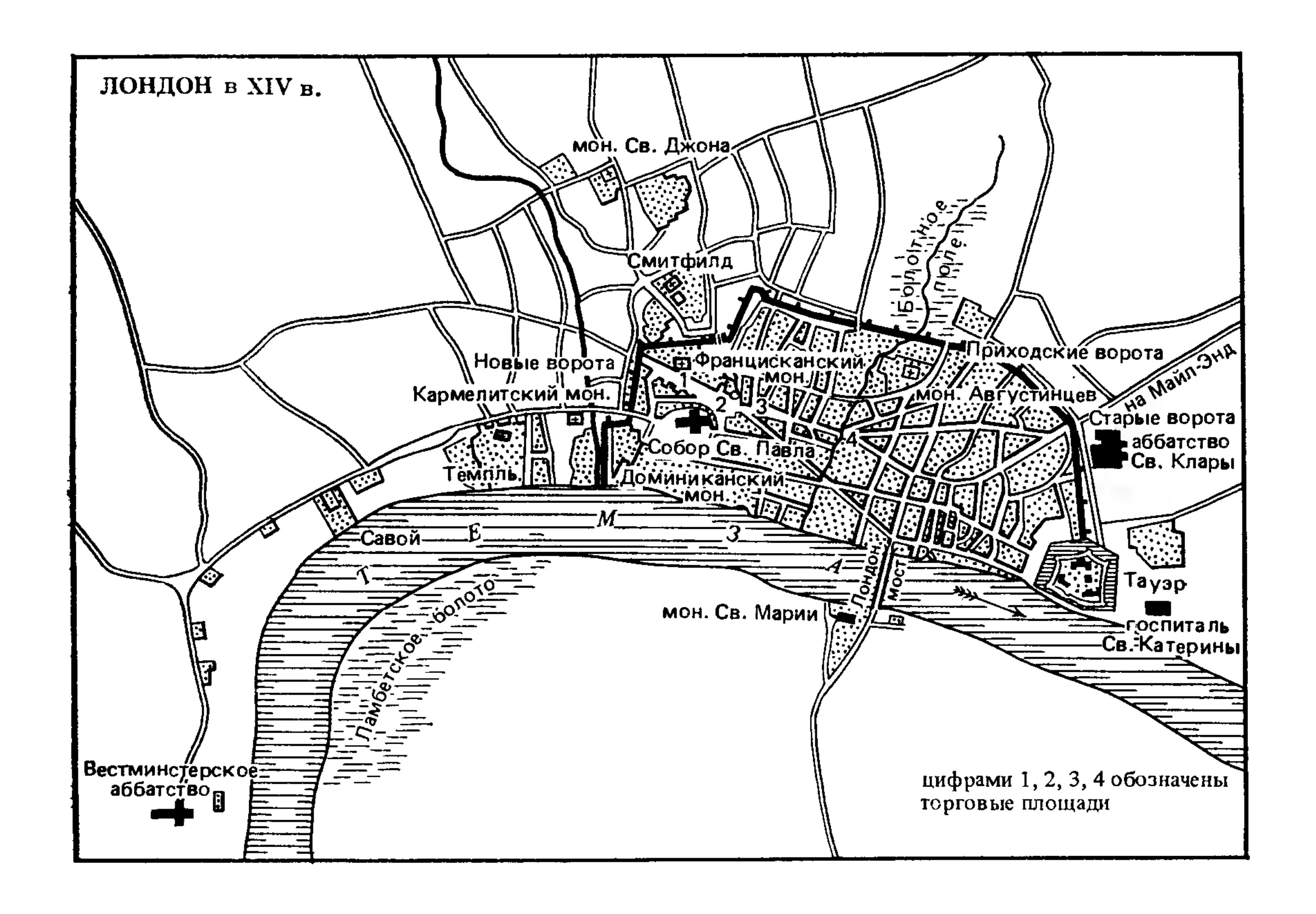

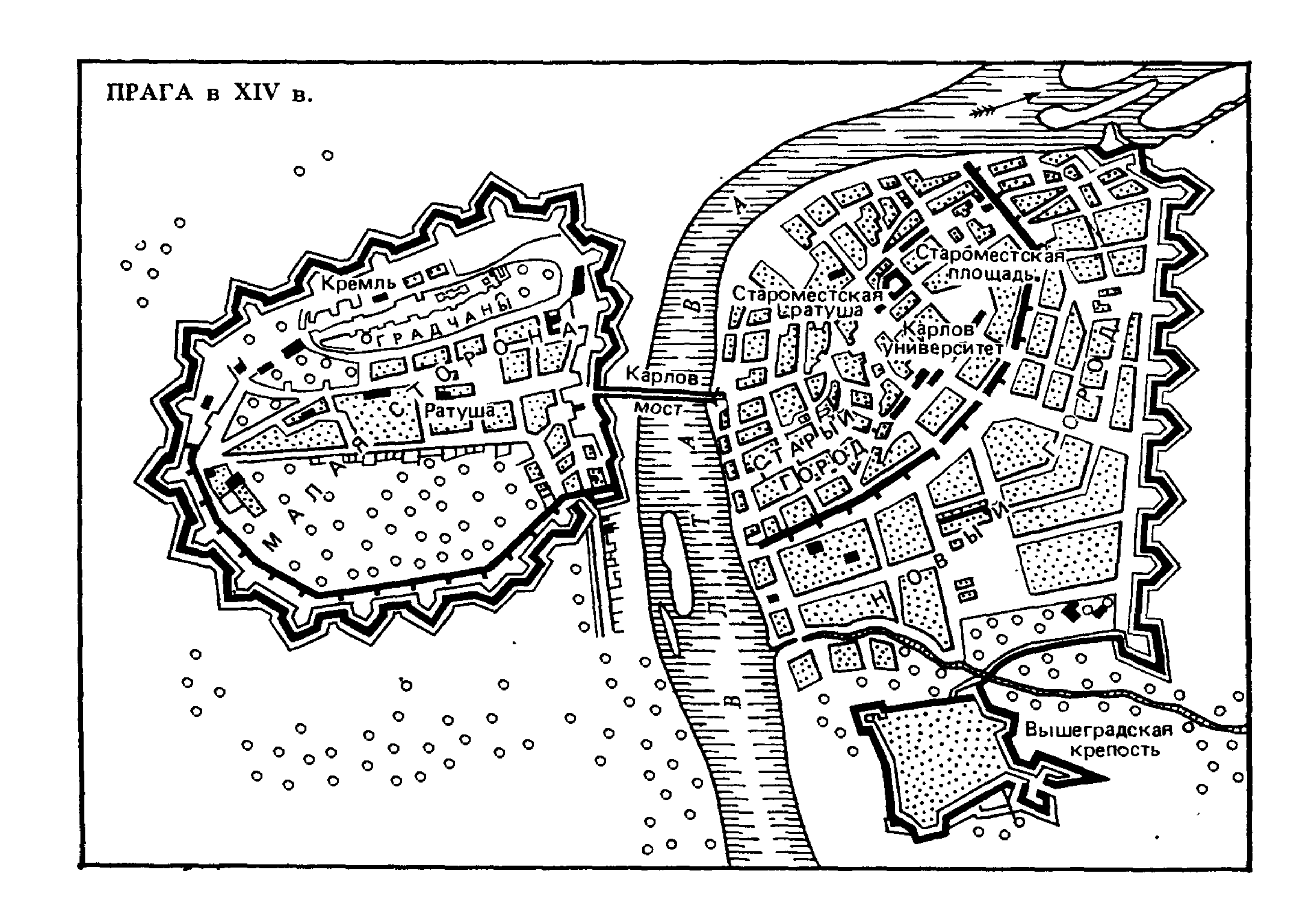
Крупнейшие города Европы.

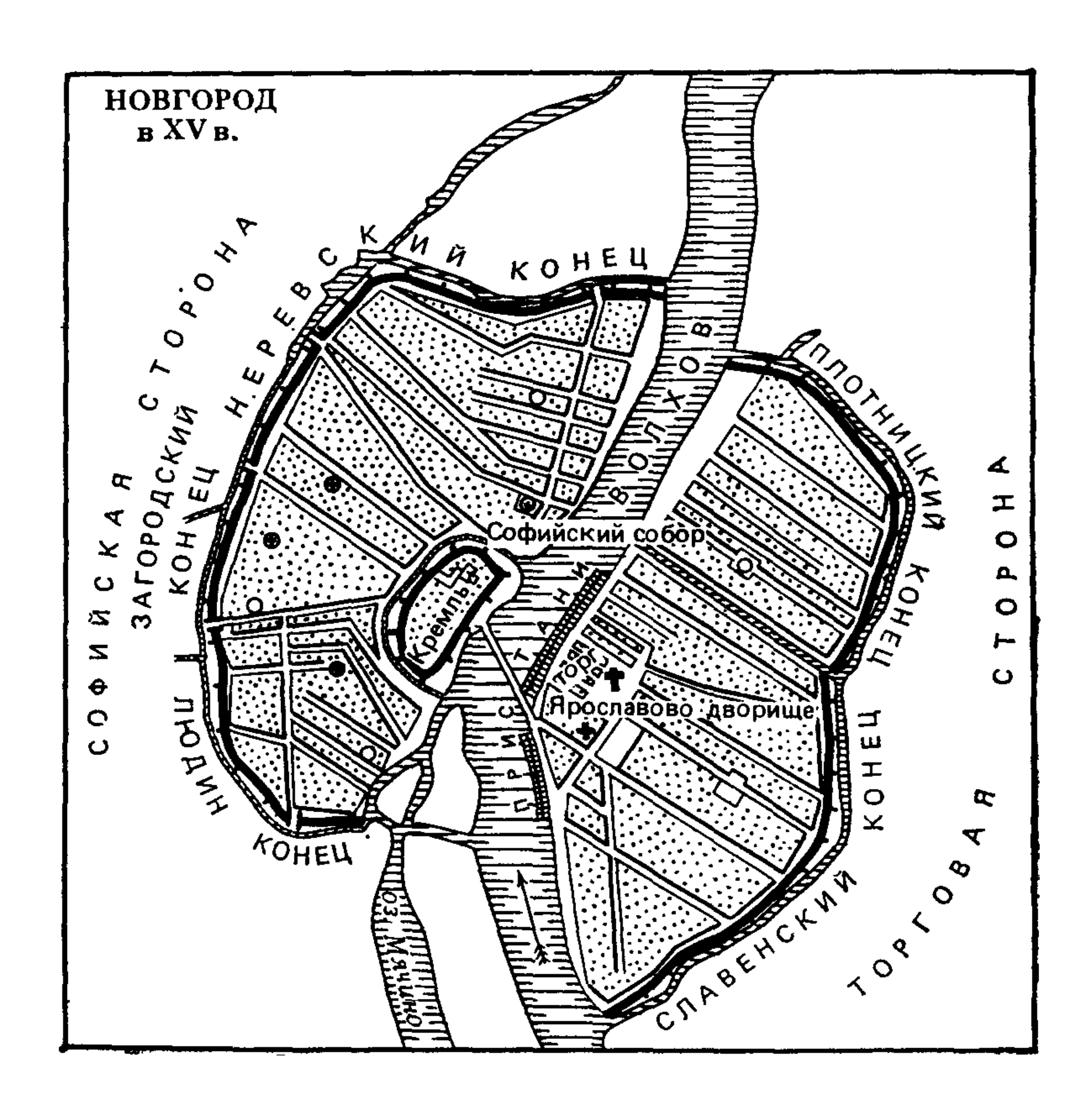
РИМ в XV в.

ворота Фламиния
вилла Боргезе
вилла Альбани
стена Аврелиана
мавзолей Адриана
собор Св. Петра
стена Льва
вилла Лодовизи
ворота Пиа
Пантеон
Квиринал
термы Диоклетиана
дворец Колонна
вилла Фарнезина
дворец Фарнезе
Венецианский дворец
церковь Св. Марии
Капитолий
ворота Тибуртина
ворота Св. Панкрация
дом Риенци
Термы Траяна
Колизей
ворота Пренестина
Латеран
ц. Св. Креста
ц. Св. Иоанна
термы Каракаллы
ворота Св. Паоло
стена Аврелиана
ворота Аппиа

цифрами 1, 2, 3, 4 обозначены торговые площади

ПРАГА в XIV в.
Кремль
ГРАДЧАНЫ
МАЛАЯ СТОРОНА
Ратуша
Карлов мост
ВЛТАВА
Староместская ратуша
Староместская площадь
Карлов университет
СТАРЫЙ ГОРОД
НОВЫЙ ГОРОД
Вышеградская крепость

НОВГОРОД в XV в.
СОФИЙСКАЯ СТОРОНА
НЕРЕВСКИЙ КОНЕЦ
ЗАГОРОДСКИЙ КОНЕЦ
ЛЮДИН КОНЕЦ
ВОЛХОВ
Софийский собор
Кремль
Ярославово дворище
ПЛОТНИЦКИЙ КОНЕЦ
СЛАВЕНСКИЙ КОНЕЦ
ТОРГОВАЯ СТОРОНА

ЛИТЕРАТУРА

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Маркс К. Капитал. Т. 1, 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23; Т. 25, ч. 1, 2.
Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки. Из рукописи 1861–1863 гг. «К критике политической экономии» // Вопр. истории естествознания и техники. 1968. Т. 25.
Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327–345.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. Т. 3.
Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Там же. Т. 46. С. 461–508.
Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Там же. Т. 42. С. 80–82.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Там же. Т. 20.
Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Там же. Т. 19.
Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Там же. Т. 22.
Энгельс Ф. История Ирландии (Древняя Ирландия) // Там же. Т. 16. С. 502–522.
Энгельс Ф. К истории древних германцев // Там же. Т. 19.
Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Там же. Т. 22.
Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Там же. Т. 7.
Энгельс Ф. Марка // Там же. 19. С. 327–345.
Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Там же. Т. 21.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. С. 23–178.
Энгельс Ф. Франкский период // Там же. Т. 19.
Ленин В. И. Карл Маркс // Полн. собр. соч. Т. 26.
Ленин В. И. О государстве // Там же. Т. 39.
Ленин В. И. О конституционных иллюзиях // Там же. Т. 34.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Там же. Т. 3.
Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? / Там же. Т. 1.
Ленин В. И. Сила и слабость русской революции // Там же. Т. 15. С. 225–227.

* * *

Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1970.
Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984.
Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (1848–1917). М., 1985.
Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976.
Европа в средние века: Экономика, политика, культура: Сб. статей. М., 1972.
История Болгарии. М., 1954. Т. 1.
История Венгрии. М., 1971. Т. 1.
История Византии. М., 1967. Т. 1–3.
История Ирландии. М., 1980.
История Италии. М., 1970. Т. 1.
История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985–1986. Т. 1–2.
История Норвегии. М., 1980.
История средних веков. М., 1989. Т. I–II.
История Польши. М., 1956. Т. 1.
История Франции. М., 1972. Т. 1.
История Чехословакии. М., 1956. Т. 1.
История Швеции. М., 1974.
История Югославии. М., 1963. Т. 1.
Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
Лозинский С. Г. История папства. М., 1976.
Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956.
Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия. Русь, Прибалтика). М., 1972.
Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. М., 1953. Ч. I–II.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1922.
Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1963.
Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.
Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства. М., 1963.
Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.
Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII вв.: Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.
Du Quesnay A. J. Patterns of medieval society. N. Y., 1969.
Barraclough G. Eastern and Western Europe in the Middle Ages. L., 1970.
Bentzien U. Bauernarbeit im Feudalismus. B., 1980.
Bloch M. La Societé féodale. P., 1949. Vol. 1–2.
Boutruche R. Seigneurie et feodalite. P., 1968–1970. T. 1, 2.

The Cambridge economic history of Europe. Cambridge, 1966. Vol. 1.
Chapelot J., Fossier R. Le village et la maison au Moyen Age. P., 1980.
Cipolla C. M. Storia economica dell'Europa pre-industriale. Bologna, 1974.
La citta nell'alto medio evo. Spoleto, 1959.
Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962. T. 1, 2.
Fossier R. Histoire sociale de l'Occident médiéval. P., 1970.
Fossier R. Le Moyen Age. P., 1982–1983. T. 1–3.
Fournial E. Histoire monétaire de l'Occident Médiéval. P., 1970.
Fourquin G. Histoire économique de l'Occident Médiéval. P., 1969.
Fourquin G. Seigneurie et féodalité au Moyen Âge. P., 1977.
García de Cortazar J. A. La época medieval. Madrid, 1978.
Histoire generale de l'Europe/Red. G. Lyvet, R. Moresnier. P., 1980. Vol. 1–2.
Holmes G. Europe: Hierarchy and revolt, 1320–1450. Fontana, 1975.
Gerhard D. Old Europe: A study of continuity, 1000–1800. N. Y., 1981.
Lavedan P., Huguеney J. L'urbanisme au Moyen Age. Genève, 1974.
Le Goff J. La civilisation de l'Occident Médiéval. P., 1964.
Mollat M. Les pauvres au Moyen Age: Etude sociale. P., 1978.
Pacaut M. Les structures politiques de l'Occident Médiéval. P., 1969.
Peyer H. C. Könige, Stadt und Kapital: Aufsätze zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Mittelalters. Zürich, 1982.
Sprandel K. Verfassung und Gesellschaft im Mittelalter. Paderborn etc., 1988.
Tierney B., Painter S. Western Europe in the Middle Ages (300–1475). N. Y., 1974.
Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины XI в.). М., 1984.
Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.
Поршнев Б. Ф. Проблемы феодального синтеза // Феодализм и народные массы. М., 1964.
Свердлов М. Б. Генезис феодальной земельной собственности в древней Руси // ВИ. 1978. № 8.
Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // ВВ. 1974. 35. С. 3–18.
Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.
Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы // XIII Междунар. конгр. ист. наук (Москва, 16–23 авг. 1970 г.): Докл. конгр. М., 1973. Т. 1, ч. 2.
Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций: (Историко-типологические исследования)/Под ред. Е. М. Жукова. М., 1975. С. 124–157.
Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
Черепнин Л. В. Еще раз о феодализме в Киевской Руси // Из истории экономической и общественной жизни России: (Сб. статей к 90-летию акад. Н. М. Дружинина). М., 1976.
Agricoltura e Mondo rurale in Occidente nell'alto Medio evo. Spoleto, 1966.
Caratteri del secolo VII in Occident. Spoleto, 1958. T. 1–2.
Fossier R. Enfance de l'Europe: Aspects economiques et sociales. P., 1982.
Fournier G. L'Occident de la fin du Ve siècle à la fin du IXe siecle. P., 1969.
Il passagio dell antichita al medioevo in Occidente. Spoleto, 1962.

Глава 1

Бессмертный Ю. Л. Феодальная революция. X–XI вв.? // ВИ. 1984. № 1.
Город и государство в древних обществах. Л., 1982.
Грацианский Н. П. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1960.
Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX в. М., 1958.
Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X–XI вв. // ВВ. 1973. 35. С. 51–74.
Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // СВ. 1968. Вып. 31. С. 9–44.
Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.

Глава 2

Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
Бахтеев Ф. Х. Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. М., 1960.
Борисенков Е., Пасецкий В. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. М., 1983.
Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.
Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
Значко-Яворский И. Л. Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в. М.; Л., 1963.
Искусство стран и народов мира. М., 1962–1981. Т. 1–5.
Кириков С. В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX в. М., 1979.

Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования централизованного государства: Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965.
Преображенский А. А. Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975.
Приборы и инструменты исторического значения. М., 1968. Т. 1.
Сванидзе А. А. Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1985.
Синская Е. Н. Историческая география культурной флоры. Л., 1969.
Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
Техника в ее историческом развитии. М., 1979.
Тимченко Н. Г. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси: (Среднее Поднепровье). Киев, 1972.
Тяжелов В. Н. Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе. М., 1981.
Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе: (Опыт исчисления). М., 1941.
Чернецов А. В. Пахотные орудия Древней Руси. М., 1973.
Brentjes B., Richter S., Sonnemann R. Geschichte der Technik. Leipzig, 1978.
Carter E. F. Dictionary of inventions and discoveries. L., 1966.
Crowther J. C. The story of agriculture. L., 1958.
Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jahrhundert. B., 1979.
Dopatka R., Hoppner H. Das Buch vom Schiff. B., 1972.
Dupaqier G. Introduction à la demographie historique. P., 1974.
Grigg D. B. Population growth and agrarian change in historical perspective. Cambridge, 1980.
Herrmann J. Zwischen Hradschin und Vineta: Frühe Kulturen der Westslawen. Leipzig, 1971.
History of technology and inventions: Progress through the ages. N. Y., 1969. Vol. 1–2.
History of seafaring based on underwater archaeology. L., 1972.
Le Roy Ladurie E. Histoire du climat depuis l'an mil. P., 1967.
Mcevedy C., Jones R. Atlas of world population history. L., 1978.
Les origines de la civilisation technique. P., 1962. Vol. 1.
Pounds N. S. G. An historical geographie of Europe (450–1330). Cambridge, 1973.
Probleme des frühen Mittelalters in archäologischer und historischer Sicht. B., 1966.
Siedlung, Burg und Stadt: Studien zu ihren Anfängen. B., 1969.
Slicher van Bath B. H. De agrarische Geschiedenis van West-Europa (500–1850). Utrecht, 1962.
Smith C. T. An historical geography of Western Europe before 1800. L., 1967.
White L. The expansion of technology, 500–1500. L., 1972.

Часть первая

Глава 1

Арский И. В. Очерки по истории средневековой Каталонии до соединения с Арагоном (VIII–XII вв.). Л., 1941.
Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983.
Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.
Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.
Корсунский А. Р. История Испании, IX–XIII вв. М., 1976.
Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв.: (По материалам центральных и северных областей). М., 1987.
Луццатто Дж. Экономическая история Италии: Античность и средние века: Пер. с ит. М., 1954.
Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. Л., 1987.
Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965.
Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.
Barbero A., Vigil M. La formación del feudalismo en la Península Iberica. Barcelona, 1979.
Brezzi P. Politica, economia; vita sociale nell'alto Medio evo. Napoli, 1970.
Brezzi P. Società feudale e vita cittadina dal IX al XII sec. Roma, 1972.
Le campagne italiane prima e dopo il Mille: Una società in trasformazione/A cura di B. Andreolli et al. Bologna, 1985.
I ceti dirigenti in Toscana nell'età precomunale. Pisa, 1981.
La città nell'alto Medio evo. Spoleto, 1959.
Dufourcq Ch.-E., Gautier-Dalché J. Histoire économique et sociale de l'Espagne chrétienne au Moyen Age. P., 1976.
Fasoli G. I longobardi in Italia. Bologna, 1965.
Herlihy D. The social history of Italy and Western Europe, 700–1500. L., 1978.
Lewis A. R. The development of Southern French and Catalan society. Austin, 1965.
Luzzatto G. Dai servi della gleba agli albori del capitalismo. Bari, 1966.

Montanari M. L'alimentazione nell'alto Medio evo. Napoli, 1979.
Topografia urbana e vita cittadina nell' alto Medio evo in Occidente. Spoleto, 1974. T. 1–2.

Глава 2

История Византии/Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1967. Т. 1–2.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971.
Курбатов Г. Л. История Византии: (От античности к феодализму). М., 1984.
Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
Лев Диакон. История. М., 1986.
Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии IX–XI вв.: Историко-юридические этюды. Л., 1981.
Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.
Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946.
Сюзюмов М. Я. Византийская книга Эпарха. М., 1969.
Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.
Ahrweiler H. Byzance et la mer: La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance au VII–XV siècles. P., 1966.
Angold M. The Byzantine Empire, 1025–1204. L.; N. Y., 1984.
Beck H. G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978.
Brand Ch. Byzantium confronts the West, 1180–1204. Cambridge, 1968.
Der byzantinische Bilderstreit: Sozialökonomische Voraussetzungen – ideologische Grundlagen – geschichtliche Wirkungen/Hrsg. J. Irmscher. Leipzig, 1980.
Byzanz im V. Jahrhundert: Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. B., 1978.
Ducellier A. Byzance et le mond ortodoxe. P., 1986.
Geanakoplos D. J. Byzantium: Church, society and civilization seen through contemporary eyes. Chicago, 1984.
Haussig H. W. A history of Byzantine civilization. L., 1971.
Hohlweg A. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965.
Iconoclasm/Ed. A. Bryer, J. Herrin. Birmingham, 1977.
Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A social, economic and administrative survey. Oxford, 1964. Vol. 1–3.
Karayannopulos J. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959.

Глава 3

Бессмертный Ю. Л. Некоторые дискуссионные вопросы генезиса феодализма на территории Франции // СВ. 1984. Вып. 47.
Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции. Л., 1957.
Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному: (На материалах Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
Bauer H. Reise in die Karolingerzeit. Leipzig, 1974.
Beeler J. Warfare in Feudal Europe, 730–1200. Ithaca; L., 1971.
Duby G. Guerriers et paysans, VII–XII s.: Premier essor de l'économie européenne. P., 1973.
Fossier R. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe s. P.; Louvain, 1968. T. 1–2.
Fossier R. Les tendances de l'économie: stagnation ou croissance? // XXVII Settimana di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medio evo. Spoleto, 1979.
Histoire de la France rurale. P., 1975. T. 1.
Histoire de la France urbaine. P., 1980. T. 1.
Riché P. Les écoles et l'ésseignement dans l'Occident chrétien de la fin du Ve siècle au milieu du XIe siècle. P., 1979.
Riché P. La vie quotidienne dans l'Empire carolingien. P., 1978.
Salin E. La civilisation mérovingienne. P., 1950–1959. T. 1–4.
Tessier G. Le baptême de Clovis. P., 1964.

Глава 4

Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
Вейс В. Д. К вопросу о природе фогтства в Германии X–XII вв. // Исторические записки. М., 1946. Т. 19.
Данилов А. И. Немецкая деревня второй половины VIII – начала IX в. в бассейне нижнего течения Неккара (по мате-

риалам Лоршского картулярия) // СВ. 1956. Вып. 8.
Данилов А. И. К вопросу о роли светской вотчины в эпоху генезиса феодализма // СВ. 1958. Вып. 12.
Колесницкий Н. Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX – первая половина XII в.). М., 1958.
Колесницкий Н. Ф. «Священная Римская империя»: Притязания и действительность. М., 1977.
Мильская Л. Т. Светская вотчина в Германии VIII–IX вв. и ее роль в закрепощении крестьянства. М., 1957.
Мильская Л. Т. Некоторые проблемы формирования крестьянства раннефеодальной Германии // СВ. 1976. Вып. 40.
Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М., 1964.
Неусыхин А. И. Крестьянские движения в Саксонии в IX–XI вв. // Ежегодник германской истории, 1973. М., 1974.
Bartmus H.-J. Die Geburt des ersten deutschen Staates. B., 1966.
Bosl K. Staat, Gesellschaft, Wirtschaft im deutschen Mittelalter // Gebhardt B. Handbuch der deutschen Geschichte. Stuttgart, 1970. Bd. 1.
Eggert W. Das ostfrankisch-deutsche Reich in der Auffassung seiner Zeitgenossen. B., 1973.
Eggert W., Pätzolt B. Wir-Gefuhl und Regnum Saxonum bei frühmittelalterlichen Geschichtsschreibern. Weimar, 1984.
Koch G. Auf dem Wege zum Sacrum Imperium: Studien zur ideologischen Herrschaftsbegründung der deutschen Zentralgewalt im 11. und 12. Jahrhundert. B., 1972.
Lintzel M. Ausgewählte Schriften. B., 1961. Bd. 1–2.
Müller-Mertens E. Regnum Teutonicum: Aufkommen und Verbreitung der deutschen Reichs- und Konigsauffassung im früheren Mittelalter. B., 1970.
Müller-Mertens E. Die Reichsstruktur im Spiegel der Herrschaftspraxis Ottos des Großen. B., 1980.
Schulze H. K. Von Reich der Franken zum Land der Deutschen. B., 1987.
Stern L., Bartmus H.-J. Deutschland von 6. bis zur Mitte des 11. Jahrhundert. B., 1963.
Werner E. Zwischen Canossa und Worms: Staat und Kirche, 1077–1122. B., 1978.

Глава 5

Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1956.
Павлушкова М. А. Венгерское крестьянство XI–XIII вв. // ВИ. 1955. № 3.
Павлушкова М. А. Крестьянская община в Венгрии в XI–XIII вв. // СВ. Вып. 6. 1955.
Bartha A. Hungarian society in 9th and 10th centuries. Budapest, 1975.
Krzemieńska B., Třestik D. Hospodarské ráklady rané středové státu ve středni Evropě (Cechy, Polsko, Uhry v 10 a 11 stoleti) // Hosp. dejiny. 1978. N 1.
Kučera M. Slovensko po pade Vel'kej Moravy: Študie o hospodařskem a sociálnom vyvině v 9–13 stoleti. Br., 1974.
Lowmiański H. Přezmiany feudalne wsi polskiej do 1138 r. // Przegl. hist. 1974. N 45.
Novy R. Die Anfange des böhmischen Staates. Praha, 1969.
Novy R. Přemyslovsky stat 11 a 12 století. Pr., 1972.
Poczatki panstwa polskiego. Poznań, 1962. T. 1–2.

Глава 6

Ангелов Д. Богомильство в Българии. С., 1969.
Ангелов Д. Образувание на българската народност. С., 1981.
Андреев М., Ангелов Д. История на българската феодална държава и право. С., 1972.
Бешевлиев В. Първобългарите: Бит и култура. С., 1981.
Божилов И. Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. С., 1983.
Гюзелев В. Княз Борис Първи. С., 1969.
Въжарова Ж. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България. С., 1976.
Дуйчев И. Проучвания върху средновековна българска история и култура. С., 1981.
История на България. С., 1981. Т. 2: Първа Българска държава.
История на България. С., 1982. Т. 3: Втора Българска държава.
Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. С., 1979. Ч. 1.
Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
Лишев С. За генезис на феодализъм в България. С., 1963.
Петров П. Образуване на Българската държава. С., 1981.
Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985.
Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
Тъпкова-Заимова В. Долни Дунаев – гранична зона на византийския запад. С., 1976.
Browning R. Byzantium and Bulgaria: A comparative study across the early medieval frontier. L., 1975.
Obolensky D. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. L., 1974.
Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963.

Глава 7

Гуревич А. Я. Английское крестьянство в X – начале XI в. // СВ. 1957. Вып. 9.
Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. М., 1985.
Левицкий А. Я. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. М.; Л., 1960.
Мельникова Е. А. Меч и лира: Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. М., 1978.
Савёло Н. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
Сванидзе А. А. К вопросу об этапах возникновения Шведского государства: Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983.
Сванидзе А. А. Зависимое крестьянство Швеции до конца классического средневековья // ВИ. 1984. № 2.
Славяне и скандинавы. М., 1986.
Соколова М. Н. Поместье в Англии до нормандского завоевания // СВ. 1971. Вып. 3.
Andersson I. Sveriges historia. Stockholm, 1975.
Arup E. Danmarks historie. København, 1961. Vol. 2.
Aston T. H. The origins of the manor in England // Trans. Roy. Hist. Soc. Ser. 5. 1958. Vol. 8.
Barrow G. W. S. Kingship and unity: Scotland, 1005–1306. L., 1891.
Brunius J. Bondebygd i forandring. Lund, 1980.
Campbell F., et al. The Anglo-Saxons. Ithaca; N. Y., 1982.
Chadwick H. M. Origin of English nation. L., 1907.
Christensen A. E. Kongemagt og aristokrati. København, 1968.
Christensen A. E. Vikingetidens Danmark. København, 1977.
Danstrup J. A history of Denmark. 2nd ed. Copenhagen; N. Y., 1947.
Davis R. H. C. East Anglia and the Danelaw // Trans. Roy. Hist. Soc. Ser. 5. 1955. Vol. 5.
Den danske landby: Fra Storfamilie til Adelssamfund/Red. A. Steensberg. København, 1940.
Det Danske folks historia/Red. A. Friis et al. København, 1927–1929. Bd. 1–8.
Dovring F. Attungen och marklandet: Andier over agrarforhallanden i medeltidens. Lund, 1947.
Fisher D. F. V. Anglo-Saxon age: 400–1042. L., 1973.
Haslam F. Early medieval towns in Britain: c. 700 to 1140. L., 1985.
Hollister C. W. Anglo-Saxon military institutions of the eve of Norman conquest. Oxford, 1962.
Holmsen A. Norges historie fra de eldste tider til 1660. Oslo etc., 1971.
Koht H. Norsk bondereising. 2. utg. Oslo, 1975.
Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. København, 1956–1978. Bd. 1–22.
Laing L., Laing F. Anglo-Saxon England. L., 1979.
Loyn H. R. Gesith and thegns in Anglo-Saxon England from the seventh to the tenth century // Engl. Hist. Rev. 1955. Vol. 70.
Munktell I.-M. Gods, godsagare och landbor, 1450–1520. Göteborg, 1982.
Neveus C. Trälarna i lands kapslagarnas samhalle Danmark och Sverige. Uppsala, 1974.
Pickarczyk St. Studia nad rozwojem struktury spolecznogospodarczej wczesnośredniowiecznej Szwecji. W-wa, 1962.
Rosen T. Svensk historia. Stockholm, 1969. D. 1.
Sawyer P. From Roman Britain to Norman England. N. Y., 1978.
Sandnes J. Norges historie. Oslo, 1976. Bd. 3.
Skovgaard-Petersen I., Christensen A. E., Paludan H. Danmarks historie. Copenhagen, 1978. Bd. 1: Tiden indtil 1340.
Stenton F. M. Anglo-Saxon England. Oxford, 1971.
Vinogradoff P. English society in the eleventh century. Oxford, 1908.

Глава 8

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
Зимин А. А. Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. М., 1973.
История крестьянства в Европе. М., 1985. Т. 1.
Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.
Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. М., 1968.
Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.
Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси. М., 1980.
Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в древней Руси. Л., 1983.
Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.
Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

Тихомиров М. Н. Исследование о Русской правде. М.; Л., 1941.
Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980.
Черепнин Л. В. Спорные вопросы феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.
Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. М., 1972.

Глава 9

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
Артамонов М. И. Саркал – Белая Вежа // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1958. № 62.
Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С., 1979.
Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1.
Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура. С., 1977.
Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов» // Сов. археология. 1961. № 2.
Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
Лашук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // Сов. этнография. 1968. № 1.
Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках: Материалы по этнографии. Л., 1961. Вып. 1.
Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1985.

Часть вторая

Глава 1

Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902.
Дживелегов А. К. Торговля на Западе в средние века. СПб., 1904.
Карпов С. П. Торговля итальянских морских республик в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. М., 1986.
Кириллова А. А. Классовая борьба в городах Восточной Англии XIII в. (К вопросу о социально-экономическом содержании «свободы» и «полноправия» в английском городе XIII в.) // СВ. 1958. Вып. 13.
Котельникова Л. А. Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // СВ. 1975. Вып. 38.
Курбатов Г. Л. Византийский город в раннефеодальную эпоху и некоторые вопросы своеобразия социальной структуры византийского общества // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984.
Левицкий Я. А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
Осипова Т. С. Ирландский город и экспансия Англии в XII–XV вв. М., 1973.
Пиренн А. Средневековые города Бельгии: Пер. с фр. М., 1937.
Проблемы методологии истории средних веков: Европейский город в системе феодализма. М., 1979. Ч. 1, 2.
Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.
Русский город: (историко-методологический сборник). М., 1976.
Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. М., 1980.
Социальная природа средневекового бюргерства XIII–XVII вв. М., 1987.
Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII вв.). Саратов, 1969.
Средневековый город. Саратов, 1968–1987. Вып. 1–8.
Стоклицкая-Терешкович В. В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV–XV вв. М., 1936.
Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960.
Хачатурян Н. А. Город в системе феодальной формации // ВИ. 1983. № 1.
Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI в.). Саратов, 1983.
Ястребицкая А. Л. Основные проблемы ранней истории средневекового города в освещении современной западной медиевистики // СВ. 1980. Вып. 43.
Bleiber W. Naturalwirtschaft Ware–Geld–Beziehungen zwischen Somme und Loire während des 7. Jahrhunderts. B., 1981.
The comparative history of urban origins in Non-Roman Europe: Ireland, Wales, Danmark, Germany, Poland and Russia from the ninth to the thirteenth century/Ed. H. B. Clarke, A. Simms // BAR Intern. Ser. 1985. N 255.
Engelmann E. Zur städtischen Volksbewe-

gung in Südfrankreich: Kommunenfreiheit und Gesellschaft. P., 1976.
Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953.
Ennen E. Die europäische Stadt: Studien zu den Anfängen des europäischen Stadtewesens. Lindau; Konstanz, 1958.
Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. 2. Aufl. Göttingen, 1975.
Ganshof F. L. Etudes sur le développement des villes entre Loire et Rhin au Moyen Age. P.; Bruxelles, 1943.
Haupttendenzen der Europäischen Stadtgeschichte im 14. und 15. Jahrhundert. Magdeburg, 1974. T. 1, 2.
Histoire de la France urbaine/Ed. G. Duby. P., 1980. T. 2.
Hrochova V. Byzantska mesta ve 13–15 stoleti. Pr., 1967.
Jankuhn H. Spätantike und merowingische Grundlagen für die frühmittelalterliche nordeuropäische Stadtbildung // Early medieval studies: Antik arkiv. Stockholm, 1970.
Le Goff J. Ordres mendiants et urbanisation dans la France medievale // Annales. 1970. N 4.
Nicholas D. M. Medieval urban origins in Northern continental Europa: state of research and some tentative conclusions // Studies in medieval and Renaissance history. Lincoln, 1969.
Planits H. Die deutsche Stadt im Mittelalter von der Romerzeit bis zu den Zunftkämpfen. Weimar, 1954.
Reynolds S. An introduction to the history of English medieval towns. Oxford, 1977.
Schück A. Studier rörande det svenska stadsbebyggelsens uppkomst. Stockholm; Uppsala, 1929.
Samsonowicz H. Póżne średniowiecze miast nadbaltyckich. W-wa, 1968.
Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. B., 1985.
Topografia urbana e vita cittadina nell' alto medioevo Occidente. Spoleto, 1974. T. 1–2.
Urbanisering processen i Norden. Trondheim, 1977. D. 1: Middelalderstader: Det XVII nordiske historikermote.
La ville. Bruxelles. Vol. 1. 1954; Vol. 2. 1955.
Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1972. T. 1–2.
Wernicke H. Die Stadt in der Städtehanse: Zwischen stadtischen Autonomie und bundischer Pflichterfüllug // Hansische Studien. Weimar, 1984. Bd. 6.
Wyrosumski J. Pramiasta na ziemiach polskich: Zaranie feudalizmu (od VI dpotowy X w.) // Historia Polski do roku 1505. W-wa, 1980.

Глава 2

Авдеева К. Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI–XIII вв. Л., 1973.
Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962.
Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. М., 1969.
Блок М. Характерные черты французской аграрной истории: Пер. с фр. М., 1957.
Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. М., 1960.
Гутнова Е. В. Английское феодальное государство в XIV–XV вв. // СВ. 1987. Вып. 50.
Зверева Г. И. История Шотландии. М., 1987. Гл. 1.
Конокотин А. В. Очерки по аграрной истории Северной Франции в IX–XIV вв. // Учен. зап. Иванов. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 16.
Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии в XIII в. М.; Л., 1947.
Майер В. Е. Деревня и город в Германии XIV–XVI вв. Л., 1979.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского общества и государства в средние века. М., 1937.
Райцес В. И. Жанна д'Арк. Л., 1982.
Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии накануне Реформации. М., 1952.
Хачатурян Н. А. Сословная монархия во Франции XIII – XV вв. М., 1989.
Штокмар В. В. История Англии в средние века. Л., 1973.
Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1967.
Clanchy M. I. England and its rulers, 1066–1272. Glasgow, 1983.
Duby G. Hommes et structures du Moyen Age. P., 1973.
Duby G. Les trois Ordres ou l'imaginaire du féodalisme. P., 1978.
Fossier R. Paysans d'Occident (XIe–XIVe siècles). P., 1984.
Given-Wilson Cn. The English nobility in the late Middle Ages. L.; N. Y., 1987.
Guenée B. L'Occident aux XIVe et XVe siècles: Les Etats. P., 1971.
Handbuch der Schweizer Geschichte. Zürich, 1972. Bd. 1.
Hilton R. Class conflict and the crisis of feudalism: Essays in medieval social history. L., 1985.
Lander J. H. Government and community: England, 1450–1509. L., 1980.
Lewis P. La France à la fin du Moyen Age: Trad. de l'angl. P., 1977.
McFarlane K. B. Nobility of later medieval England. Oxford, 1973.
Miller E., Hatcher J. Medieval England: Rural society and economic changes, 1086–1348. L.; N. Y., 1978.
Postan M. Essays on medieval agriculture and general problems of the medieval economy. Cambridge, 1973.
Reynolds S. Kingdom and communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1984.

Thomson J. A. F. The Transformation of medieval England, 1370–1529. N. Y., 1983.
Topfer B., Engel E. Vom Staufischen Imperium zum Hausmacht-Königtum. Weimar, 1976.
Vinogradoff P. Villainage in England. Oxford, 1892.

Глава 3

Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 1951. Т. 1.
Гусарова Т. П. Город и деревня в Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983.
Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.
Корсунский А. Р. История Испании IX–XIII вв. М., 1976.
Мильская Л. Т. Очерки по истории деревни в Каталонии в X–XII вв. М., 1962.
Пискорский В. К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени. Киев, 1897.
Пискорский В. К. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1901.
Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1909.
Проблемы испанской истории. М., 1981.
Рутенбург В. И. Очерки истории раннего капитализма: Флорентийские компании XIV в. М.; Л., 1951.
Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии XIV – начала XV в. М., 1958.
Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.
Становление капитализма в Европе. М., 1987.
Тушина Г. М. Города в феодальном обществе Южной Франции. М., 1985.
Уотт М., Какиа П. Мусульманская Испания. М., 1976.
Феодальная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. М., 1985.
Aspetti della vita economica medievale. Firenze, 1985.
Bonnassie P. La Catalogne du milieu du Xe à la fin du XIe siècle. Toulouse, 1975–1976. T. 1–2.
Castro A. Estudos de historia socio-economica de Portugal. Lisboa, 1976.
I ceti dirigenti in Toscana nell'età comunale nei secoli XII–XIII. Pisa, 1982.
I ceti dirigenti nella Toscana tardocomunale. Pisa; Firenze, 1983.
Cherubini G. Signori, contadini, borghesi. Firenze, 1974.
La crisi degli ordinamenti comunali e le origini dello stato del Rinascimento/A cura di G. Chittolini. Bologna, 1979.
Famille et parente dans l'Occident médiéval. P., 1977.
Fossier R. Paysans d'Occident (XI–XIV ss.). P., 1984.
Heers J. Le clan familial au Moyen Âge: Etudes sur les structures politiques et sociales des milieux urbaines. P., 1974.
Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Les Toscanes et leurs Familles. P., 1978.
Medioevo rurale: Sulle tracce della civilta contadina/A cura di V. Fumagalli, G. Rossetti. Bologna, 1980.
Melis F. Aspetti della vita economica medievale. Siena, 1962.
Les pays de la Mediterrannee Occidentale au Moyen Âge: Etudes et recherches. Perpignan, 1981.
Poly J.-P. La Provence et la société féodale (879–1166). P., 1976.
Romano R. Tra due crisi: L'Italia del Rinascimento. Torino, 1973.
Sanchez-Albornoz Cl. Ensayos sobre historia de España. Madrid, 1973.
Storia d'Italia: Einaudi. Torino, 1972–1974. T. 1–5.
Storia d'Italia/A cura di G. Galasso. Torino, 1981. T. 3.
Structures féodales et féodalism dans l'Occident méditerranéen (X–XII ss.). Roma, 1980.
Les structures sociales de l'Acquitaine, du Languedoc et l'Espagne. P., 1969.
Strutture familiari, epidemie, migrazioni nell'Italia medievale/A cura di R. Comba et al. Napoli, 1984.

Глава 4

Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
Медведев И. П. Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
Поляковская М. А. Общественно-политическая мысль Византии (40–60-е годы XIV в.). Свердловск, 1981.
Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986.
Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIII–XV вв.). М., 1968.
Хвостова К. В. Количественный подход к средневековой социально-экономической истории: (На материале византийских источников). М., 1980.
Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973.
Angold H. Byzantine Government in exile. Oxford, 1975.
Bon A. Le Peloponnese byzantin jusqu'en 1204. P., 1951.
Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: Two worlds of christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966.
Hrochova V. Byzantska mesta ve 13–15 stoleti: Prispevek k sidelne topografii stredovekeho Recka. Pr., 1967.
Laion-Thomadakis A. E. Peasant society in the Late Byzantine Empire: A social and demographic study. Princeton, 1977.

Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert: Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. B., 1971.
Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981.
Nicol D. M. The last centuries of Byzantium, 1261–1453. L., 1972.
Oikonomides N. Hommes d'affaires grecs et latins a Constantinople (XIIIe–XVe ss.). Montreal; P., 1979.
Richard T. Orient et Occident au Moyen Age: Contacts et relations (XII–XV ss.). L., 1976.
Runciman S. The fall of Constantinople, 1453. Cambridge, 1965.
Vacalopoulos A. Origins of the Greek nation: The Byzantine period, 1204–1461. New Brunswik (N. J.), 1970.
Weiss G. Joannes Kantakuzenis – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz in 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.
Werner E. Stadt und Geistleben im Hochmittelalter (11. bis 13. Jahrhundert). Weimar, 1980.

Глава 5

Ангелов Д. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. С., 1958.
Ангелов Д. Ивайло: Исторический очерк. С., 1954.
Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М., 1965.
Бромлей Ю. В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959.
Горина Л. В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972.
Греков Б. Д. Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М., 1948.
Греков Б. Д. Полица: Опыт изучения общественных отношений в Полице XV–XVII вв. М., 1951.
История Молдавской ССР. Кишинев, 1982.
История на България. С., 1982. Т. 3: Втора Българска държава.
Историја на државите и правата на југословенските народи. Београд, 1972.
Историја народа Југославије. Београд, 1953. Т. 1.
Историја српского народа. Београд, 1981–1982. Кн. 1–2.
Лишев Б. Българският средновековен град. С., 1970.
Макова Е. С. Из истории социально-экономического развития славонского народа в XIII–XVII вв. М., 1980.
Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975.
Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984.
Пашуто В. Т., Шталь И. В. Корчула: Корчульский статут как исторический источник изучения общественного и политического строя острова Корчула в XIII в. М., 1976.
Советов П. В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972.
Фрейденберг М. М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. Калинин, 1972.
Фрейденберг М. М., Чернышов А. В. Коммунальный строй далматинских городов XII–XIV вв. Калинин, 1983.
Цанкова-Петкова Г. За аграрните отношения в средновековна България (XI–XIII вв.). С., 1964.
Цанкова-Петкова Г. България при Асеневци. С., 1978.
Kaič N. Povijest Urvata u vazvijenom srednjem vijeku. Zagreb, 1976.
Zgodovina slovencev. Ljubljana, 1979.

Глава 6

Ачади И. История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956.
Мацек Й. Табор в гуситском революционном движении. М., 1956.
Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962.
Озолин А. И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973.
Павлушкова М. А. К вопросу о классовом характере и значении «Золотой буллы» венгерского короля Андрея II // Из истории средневековой Европы. М., 1957.
Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян (от древних времен до XV в.). М.; Л., 1958.
Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии XIV – начала XV в. М., 1963.
Шушарин В. П. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437–1438 гг.). М., 1963.
Bak J. M. Königtum und Stände in Ungarn im 14.–16. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1973.
Bardach J. Historia państwa i prawa Polski. W-wa, 1965. T. 1.
Bartoš F. M. Husitska revoluce. Pr., 1965–1966. T. 1–2.
Graus F. Dějiny venkovského lidu v době předhusitské. Pr., 1957.
Historia chopów polskich/Red. S. Jaglota. W-wa, 1970. T. 1.
Janáček J. Přehled vývoje řemeslné výroby v českých zemich za feudalismu. Pr., 1963.
Klassen J. M. The nobility and the making of the Hussite Revolution. N. Y., 1978.
Malowist M. Wschód a zachód Europy w XIII–XVI wieku. W-wa, 1973.

Marsina R. K vývoju miest na Slovensku do začiatku 15. stor. // Hist. čas. 1973. Róc. 21, č. 3. S. 337–367.
Marsina R. O národnostnej štruktúre stredovekých miest: (K 600. výročiu výsad pre žilinských slovákov) // Ibid. 1981. Roč. 29, č. 5. S. 681–694.
Mendl B. Vývoj řemesla a obchodu v městech pražských. Pr., 1947.
Mezník J. K otázce struktury českých měst v době předhusitské // Sb. pr. filos. fak. Brněnské univ. Ř. hist. 1965. Č. 12.
Mika A. Poddany lid v Čechach v prvni polovine 16 století. Pr., 1960.
Přehled dějin Československa, 1/1. Doroky 1526. Pr., 1980.
Šusta J. Dvé knihy českych dějin. Pr., 1917–1919. T. 1–3.
Wojciechowski Z. Państwo polskie w wiekach średnich – dzieje ustroju. Poznań, 1948.

Глава 7

Гуревич А. Я. Основные этапы социально-экономической истории норвежского крестьянства в XIII–XVII вв. // СВ. 1959. Вып. 16.
Сванидзе А. А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV–XV вв.). М., 1967.
Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. М., 1980.
Сванидзе А. А. Эпоха уний в Северной Европе: XIV – начало XVI в. // СВ. 1986. Вып. 50.
Adrian H., Mortensen M. Fra slave til faestebonde: Problemer i dansk middelalder. København, 1979.
Andrae C. G. Kyrka och frälse i Sverige under äldre medeltid. Uppsala, 1960.
Arup E. Danmarks historie. København, 1961. Vol. 2.
Christensen A. E. Danmarks befolkning og bebyggelse i middelalderen // Nordisk Kultur. Oslo, 1938. T. 2.
Christensen C. A. Aendringerne i landsbyens økonomiske og sociale struktur i det 14. og 15. århundrede // Hist. tidsskr. 1964. Bd. 12, h. 1. S. 257–347.
Det danske landbrugs Historie/Udg. R. Hansen. København, 1975. Vol. 1.
Erixon S. Lantbruket under historisk tid med särakild hänsun till bondetraditionen // Nordisk Kultur. Stockholm, 1956. T. 13.
Fritz B. Hus, land och län: Förvaltningen i Sverige, 1250–1434. Stockholm, 1972–1973. Vol. 1–2.
Gissel S. et al. Desertion and land colonization in the Nordic countries c. 1300–1600. Uppsala, 1981.
Heckscher E. F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm, 1935. D. 1.
Helle K. Norge blir en stat, 1130–1319. Bergen etc., 1974.
Herlitz L. Jordegendom och ränta. Lund, 1974.
Johannesson G. Skåne, Halland och Blekinge. Stockholm, 1984.
Jansen H. M. Dagligliv i danske middelalder byer. København, 1982.
Johnsen O. A. Norges folk i middelalderen // Nordisk Kultur. Oslo, 1938. T. II.
Larsson L.-O. Engelbrekt Engelbrektsson och 1430-talets svenska uppror. Stockholm, 1984.
Lindkvist Th. Landborna i Norden under äldre medeltid. Uppsala, 1979.
Lönnroth E. Sverige och Kalmarunionen, 1397–1457. Göteborg, 1934.
Lönnroth E. Statsmakt och Statsfinans i det medeltida Sverige: Studier över skattvasen och lansforvaltning // Göteborgs Högskolas Arsskrift. 1940. Bd. 46, N 3.
Norborg L.-A. Ødogårdar og ny bosetning i de nordiske land i senmiddelalder // Problemer i Nordisk historieforskning. Bergen, 1964.
Det nordiske syn på forbindelser mellem Hansestaederne og Norden. Aarhus, 1972.
Nordström G. L. Stockholms blodbad: ett drama från 1520. Girla, 1979.
Österberg E. Kolonisation och kriser: Bebyggelse, skattetryck, odling och agrarstruktur i Västra Värmlahd ca 1300–1600. Lund, 1977.
Schück A. Stadsväsen i norden under medeltiden // Nordisk Kultur. Oslo, 1933. T. 18.
Scocozzi B. Klassekampen i Danmarks historie. 2 udg. København, 1977. Bd. 1: Feudalismen.
Skovgaard-Petersen V. Danmark i Norden og Europa. København, 1980.
Styffe C. G. Scandinavien under Unionstiden. Stockholm, 1880.

Глава 8

Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в. Л., 1975.
Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.
Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в. М., 1952.
Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.
Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.
Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960.
Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.; Л., 1952–1954. Кн. 1–2.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.
Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.
Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.
Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979.
Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.
Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV – начало XVI в.). Л., 1975.
Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. М., 1969.
Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967.
Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: (Конец XIII – начало XVI в.). М.; Л., 1965.
Куликовская битва. М., 1980.
Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1982.
Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960.
Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.
Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.
Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969–1970. Ч. 1–2.
Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959.
Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957.
Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973.
Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963.
Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.
Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948–1951. Ч. 1–2.
Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
Черепнин Л. В., Пашуто В. Т. Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте // Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.
Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.
Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Ч. 1–3.

Глава 9

Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С. 113–126.
Васильевский В. Г. Византия и печенеги. СПб., 1908.
Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // Унив. изв. Киев, 1889. № 1.
Гордлевский В. А. Государство Сельджуков в Малой Азии // Избр. соч. М., 1960. Т. 1.
Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л., 1950.
Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.
Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972.
Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 217–257.
Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период. М., 1967.
Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях // Материалы и исслед. по археологии СССР. 1958. № 62.
Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 260–300.
Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков. М., 1973.
Полевой Л. Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979.
Пономарев А. И. Куман-половцы // ВДИ. 1940. № 3/4. С. 366–370.
Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Глава 10

Барг М. А. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV вв. // ВИ. 1948. № 1.
Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России: Социально-экономические проблемы. М., 1980.
Гутнова Е. В. Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV–XV вв. // СВ. 1983. Вып. 46. С. 27–52.
Гутнова Е. В. О движущих силах перехода от феодализма к капитализму // ВИ. 1983. № 9. С. 160–165.
История южных и западных славян: Курс лекций. М., 1979.
Корхов Ю. А. Дискуссия о переходе от феодализма к капитализму // СВ. 1959. Вып. 15. С. 114–135.
Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963.
Чистозвонов А. Н., Барг М. А. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV–XV вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 3–70.
Abel W. Crises agraires en Europe (XIIIe–XXe siècles). P., 1973.
Makkai L. Grand domaine et petite exploitation seigneur et paysans en Europe en Moyen Age et aux temps modernes // Eight Intern. econ. hist. congr. Budapest, 1982.
Małowist M. Croissance et régression en Europe, XIV–XVII siècles. P., 1972.
См. также библиографию к региональным главам.

Часть третья

Глава 1

Бардах Ю., Леснодорский Б., Пчетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980.
Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. М., 1960.
Гутнова Е. В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства. М., 1979. С. 50–88.
Гутнова Е. В. Сословная монархия и крестьянство в Западной Европе XII–XV вв. // ВИ. 1978. № 8. С. 57–71.
Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1909.
Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии – к парламентаризму. М., 1906. Т. 1–3.
Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.
Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963.
Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969.
Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
Удальцова З. В. Византия и Западная Европа: (Типологические наблюдения) // Византийские очерки. М., 1977. С. 3–65.
Хачатурян Н. А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976.
Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
Черепнин Л. В., Пашуто В. Т. Образование Русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI–XVII вв.) // Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.
Bloch M. Rois et serfs. P., 1920.
Ferguson W. K. Europe in transition, 1300–1520. Boston, 1962.
Guenee B. L'occident aux XIV et XV siècles: Les Etats. P., 1971.
Hyams P. R. King lords and peasants in medieval England. Oxford, 1982.
Lousée E. La Société d'Ancien Regime: Organisation et representation corporatives 1943. 2e éd. Louvain, 1952.
Marongiu A. Medieval parliaments: A comparative study. L., 1968.
Post G. Studies in medieval legal thought public law and the state (1100–1322). Princeton, 1964.
Töpfer B. Stände und staatliche Zentralisation in Frankreich und im Reich der Zweiten Hälfer des 15. Jahrhunderts // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. B., 1977. Bd. 1.
Vilfan S. Les états particuliers et leur Reunion // Comite international des sciences historiques. XVe Congr. intern. sci. hist. Bucurešti, 1980. Vol. 3.
См. также библиографию к региональным главам.

Глава 2

Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966.
Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI в. М., 1974.

Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984.
Керов В. Л. Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII – начале XIV в. М., 1986.
Кириллова А. А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // Учен. зап. МГПИ. 1969. № 321. С. 3–253.
Конокотин А. В. Жакерия 1358 года во Франции // Учен. зап. Иванов. гос. пед. ин-та. 1964. Т. 35. С. 3–98.
Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера. М., 1914.
Пискорский В. К. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1901.
Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии XIV – начала XV в. М.; Л., 1958.
Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964.
Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV–XVII вв. М., 1972.
Чистозвонов А. Н. Европейский крестьянин в борьбе за землю и волю (XIV–XV вв.). // СВ. 1975. Вып. 39. С. 6–24.
Fourquin G. Les soulevements populaires au Moyen Age. P., 1972.
Hilton R. Bond men made free: Medieval peasant movements and the English rising of 1381. L., 1973.
Mollat M., Wolff Ph. Ongles bleus Jacques et Ciompi: Les révolutions populaires en Europe aux XIVe et XVe siècles. P., 1970.
Rural protest: Peasant movements and social changes/Ed. H. Landsberger. L.; N. Y., 1974.
См. также библиографию к региональным главам.

Глава 3

Басовская Н. И. Столетняя война 1337–1453 гг. М., 1985.
Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.
Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV – начало XV в.). Л., 1975.
Караев Г. Н. Грюнвальдская битва 1410 г. М., 1960.
Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.
Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси, IX – первая половина X в. М., 1980.
Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
Успенский Ф. И. История Византийской империи. СПб., 1901.
Bertolini O. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Roma, 1941.
Cahen C. Orient et Occident en Temps des croisades. P., 1984.
Chaunu P. European expansion in the later Middle Ages. Amsterdam etc., 1979.
Favier J. La Guerre de Cent ans. P., 1981.
Gillingham J. The Angevin Empire. L., 1984.
Halphen L. Les barbares: Des grandes invasions aux conquêtes turques du XIe siècle. P., 1940.
Hausley N. The Italian crusades: The Papae-Angevin alliance and the crusades against Christian lay powers, 1254–1343. Oxford, 1982.
Hill D. A history of diplomacy in the international development of Europe. L., 1921. Vol. 1: The struggle for universal Europe.
Histoire des relations internationales/Publ. sous la dir. de P. Renouvin. P., 1953. T. 1: Le Moyen Age/Par F. L. Ganshof.
Keen M. A history of medieval Europe. L., 1968.
Maaloutt A. Les croisades vues par les arabes. P., 1983.
Majer H. E. Geschichte der Kreuzzüge. Stuttgart, 1965.
McKisack M. The fourteenth century, 1307–1399. Oxford, 1959.
Powicke M. The thirteenth century, 1216–1307. Oxford, 1962.
Relations between East and West in the Middle Ages/Ed. D. Baker. Edinburgh, 1973.
Sawyer P. H. Kings and vikings: Scandinavia and Europe, A. D. 700–1100. L.; N. Y., 1982.
Seward D. The hundred years war: The English in France. L., 1978.
Sivery G. Mirages mediterraneens au realites atlantiques? XIIIe–XVe siècles. P., 1976.

Глава 4

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. М., 1977. Т. 9. С. 199–482.
Бартольд В. В. Культура мусульманства // Там же. М., 1966. Т. 6. С. 143–203.
Бартольд В. В. Карл Великий и Харун ар-Рашид // Там же. С. 342–367.
Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока, VII – середина XIII в. М., 1984.
Васильев А. А. Византия и арабы. СПб., 1900–1902. Т. 1–2.
Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. 4.
Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов: (По арабским источникам). СПб., 1897–1903. Т. 1–2.
Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.

После Марко Поло. М., 1968.
Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961–1963. Т. 2–4.
Dozy R. P. A. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le Moyen âge. P., 1881. Vol. 1–2.
Ibn Batuta. Voyages d'Ibn Batoutah. P., 1874–1879. T. 1–4.
Lewicki T. Polska i kraje sasiednie w swietle «Ksiegi Rogera». Krakow, 1945. Cr. 1–2.
Macoudi. Les prairies d'or. P., 1861–1877. T. 1–9.
Pegolotti F. B. La pratica della mercatura. Cambridge (Mass.), 1936.
Rosenthal F. The classical heritage in Islam. Berkeley; Los Angeles, 1975.

Глава 5

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986.
Гарнак А. «Сущность христианства». СПб., 1907.
Добиаш-Рождественская О. А. Церковное общество Франции в XIII в. Пг., 1914.
Казакова Н. Я., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955.
Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. Пг., 1915.
Керов В. Л. Борьба народных масс против католической церкви во Франции в конце XIII – начале XIV в. М., 1977.
Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901.
Корсунский А. Р. Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе // СВ. 1981. Вып. 44. С. 48–75.
Ли Т.-Ч. История инквизиции в средние века. СПб., 1911–1912. Т. 1–2.
Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.
Сидорова Н. А. Народные еретические движения во Франции в XI и XII вв. // СВ. 1953. Вып. 4.
Стам С. М. Учение Иоахима Калабрийского // Вопр. истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 328–360.
Троицкий И. Е. История христианской церкви. СПб., 1898.
Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
Щапов Я. Н. Государство и церковь в древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
Adriani M. L'Europa cristiana: Dal declino della romanita alle soglie dell anno mille. Roma, 1971.
Bannerman J. The church of Christ: A treatise on the nature, power, ordonances, discipline and government of the christian church. L., 1960.
Bokenkotter Th. S. A concise history of the catholic church. N. Y., 1977.
Bolgiani Fr. Christianecimo e cultura: Classica e «altre». Torino, 1974.
Bordenave J., Vialelle M. Aux racines du mouvement cathare: La mentalite religieuse de paysans de l'Albigeois medieval. Toulouse, 1973.
Breen A. Christianity and humanism: Studies in history of ideas. Ferdman, 1968.
Brown P. The cult of the saints. Chicago, 1981.
Danielou J., Marrou H. Dès origines à Saint Gregoire le Grand. P., 1963.
Delamelle E. L'eglise au temps du Grand Schisme et de la crise conciliaire (1378–1449). P., 1964.
Delaruelle J.-F. La piété populaire au Moyen Age. Torino, 1975.
Dubus J.-F. Histoire du christianisme cathare du I au XX siècle. Narbonne, 1970.
Erbstösser M. Religion und Klassenkampf im Spätmittelalter. Leipzig, 1966.
Erickson C. The medieval vision: Essays in history and perception. N. Y., 1976.
Ghellinck J. de. Le mouvement théologique du XIIe siècle. Bruxelles; P., 1948.
Gill J. Byzantium and the papacy, 1198–1400. New Brunswick (N. J.), 1979.
Hamilton B. The medieval inquisition. L., 1981.
Hérésies et sociétés dans l'Europe pré-industrielle (11e–18e siècles). P., 1968.
Hussey J. M. Church and learning in the Byzantine Empire, 867–1185. N. Y., 1963.
Iserloh Er. Kirchengeschichte: Eine theologische Wissenschaft. Mainz, 1982.
Kuttner St. Medieval councils, decretals and collections of canon law. L., 1980.
Lambert M. D. Medieval heresey: Popular movements from Bogomil to Hus. L., 1977.
Manselli R. La réligion populaire au Moyen Age: Problèmes de méthode et d'histoire. Montréal, 1975.
Peuquet F. A. A. Dictionnaire de hérésies, des ereurs et de shisme. Amsterdam, 1969.
Piekarczyk St. Barbarzyncy e chrzescijanstwo. W-wa, 1968.
Poppe A. The rise of christian Russia. L., 1982.
Rydberg V. The magic of the Middle Ages. N. Y., 1979.
Rapp F. L'Eglise et la vie religieuse en Occident à la fin du Moyen Age. P., 1971.
Sumption J. Pilgrimage: An image of medieval religion. N. Y., 1976.
Tellenbach G. Die westliche Kirche vom 10. bis zum frühen 12. Jahrhundert. Göttingen, 1988.
Topfer B. Die Entwicklung chiliastischer Zukunfterwartungen im Hochmittelalter. B., 1960.
Vanchez A. La spiritualité du Moyen Age occidental, VIII–XII siècles. P., 1975.
Ward B. Miracles and the medieval mind. Philadelphia, 1982.
Werner E., Erbstösser M. Ketzer und Heilige: Das religiöse Leben im Hochmittelalter. B., 1986.

Часть четвертая

Глава 1

Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII–XIV вв.). Тбилиси, 1979.
Банк А. В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М., 1978.
Брунов Н. И. Архитектура Византии // Всеобщая история архитектуры. Л.; М., 1966. Т. 3.
Бычков В. В. Византийская эстетика. М., 1977.
Византийская литература. М., 1974.
Даркевич В. П. Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Евроне X–XIII вв. М., 1975.
Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976.
Культура Византии, IV – первая половина VII в./Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1984.
Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978.
Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. 1–2.
Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры, VIII – первая половина IX в. М.; Л., 1961.
Лихачева В. Д. Искусство книги: Константинополь, XI век. М., 1976.
Лихачева В. Д. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX–XV вв. в собраниях Советского Союза. М., 1977.
Лихачева В. Д. Искусство Византии IV–XV вв. Л., 1981.
Любарский Я. Н. Михаил Пселл: Личность и творчество: К истории византийского нредгуманизма. М., 1978.
Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976.
Полякова С. В. Из истории византийского романа. М., 1979.
Удальцова З. В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии (но данным историков IV–VII вв.). М., 1974.
Удальцова З. В. Византийская культура. М., 1988.
Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета, IX–XV вв. М., 1978.
Якобсон А. Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л., 1987.
Ahrweiler H. L'Idéologie politique de l'empire byzantin. P., 1975.
Beck H.-G. Geschichte der ortodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Göttingen, 1980.
Byzantium and the classical tradition. Birmingham, 1981.
Dvornik F. Early Christian and Byzantine political philosophy: Origins and backgrounds. Wash. (D. C.), 1966.
Erbstösser M. Die Kreuzzüge: Eine Kulturgeschichte. Leipzig, 1980.
The green world: Classical, Byzantine and modern. L., 1985.
Guillou A. La civilisation byzantine. P., 1974.
Haussig H.-W. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959.
Hunger H. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Grossen bis zum Fall Konstantinopels. Baden-Baden, 1958.
Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978.
Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971.
Magoulias H. I. Byzantine christianity: Emperor, church and the West. Chicago, 1970.
Prédication et propagande au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident. P., 1983.
Runciman S. Kunst und Kultur in Byzanz (ein Überblick). München, 1978.
Ševčenko Ih. Ideology, letters and culture in the Byzantine world. L., 1982.
Talbot Rice D. Constantinople from Byzantium to Istanbul. N. Y., 1965.
Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie: Von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.
Wessel K. Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a. M., 1970.
Winkelmann F. Die östlichen Kirchen in der Epoche der christologischen Auseinandersetzungen (5. bis 7. Jahrhundert). B., 1980.

Глава 2

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.
Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
Бицилли П. М. Салимбене. Одесса, 1916.
Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919.
Веселовский А. Н. Данте и символическая поэзия католичества // Вестн. Европы. 1866. Т. 4. С. 152–209.
Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М., 1975. С. 421–514.
Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971.
Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.
Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М., 1979.
Данилова И. Е. От средних веков к Возрождению. М., 1975.
Даркевич В. П. Путями средневековых мастеров. М., 1972.
Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М., 1988.
Добиаш-Рождественская О. А. Культура

западноевропейского средневековья. М., 1987.
Иванов К. А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. СПб., 1901.
Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
История всемирной литературы. М. Т. 2. 1984; Т. 3. 1985.
Карсавин Л. П. Культура средних веков. Пг., 1918.
Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981.
Лясковская О. А. Французская готика. М., 1973.
Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 1979.
Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М., 1975.
Мелетинский Е. М. Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М., 1983.
Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976.
Мокрецова И. П., Романова В. Л. Французская книжная миниатюра XIII в. (в советских собраниях, 1200—1270). М., 1983.
Нессельштраус Ц. Г. Искусство Западной Европы в средние века. Л.; М.: 1964.
Памятники средневековой латинской литературы IV—IX вв. М., 1970.
Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. М., 1975.
Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.
Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979.
Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967.
Уколова В. И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987.
Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.
Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976.
Хейзинга И. Осень средневековья. М., 1988.
Художественный язык средневековья. М., 1982.
Шевкина Г. В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII в. М., 1972.
Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания. СПб., 1907.
Ariès Ph. L'homme devant la mort. P., 1977.
Artz F. B. The mind of the Middle Ages, A. D. 200—1500. N. Y., 1953.
Bandmann G. Mittelalterliche Architektur als Bedeutungstrager. B., 1951.
Barber R. The knight and chivalry. N. Y., 1970.
Bolgar R. R. The classical heritage and its beneficiaries. L., 1973.
Borst A. Knighthood in the high Middle Ages: Ideal and reality: Yardship and community in medieval Europe. N. Y., 1968.
Borst A. Lebensformen im Mittelalter. Frankfurt a. M.; B., 1973.
Brandt W. J. The shape of medieval history: Studies in modes of perception. New Haven; L., 1966.
Bruyne E. de. Etudes d'esthétique médiévale. Brugge, 1946. Vol. 1—3.
Coulton G. G. Life in the Middle Ages. Cambridge, 1930. Vol. 1—4.
Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinischen Mittelalter. 2. Aufl. Bern, 1954.
Duby G. Le temps des cathédrales: L'art et la société, 980—1420. P., 1976.
Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident mediéval. P., 1980.
Gilson E. L'esprit de la philosophie médiévale. P., 1969.
Gilson E. La philosophie au Moyen Age: Des origines patristiques a la fin du XIVe siècle. P., 1962.
Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Age. P., 1957.
Le Goff J. Pour un autre Moyen Age: Temps, travail et culture en Occident. P., 1977.
Grabmann M. Die Geschichte der scholastischen Methode. 1—2. Freiburg im Breisgau, 1909—1911.
Haskins Ch. H. The Renaissance of the twelfth century. Cambridge, 1927.
Kilgour R. L. The decline of chivalry as shown in the French literature of the late Middle Ages. Cambridge, 1937.
L'homme et son destin d'après le penseurs du Moyen Age. Louvain; P., 1960.
Loomis C. G. White magic: An introduction to the folklore of christian legend. Cambridge (Mass.), 1948.
Mâle E. L'art religieux du XIIIe siècle en France. P., 1924.
The medieval literature of Western Europe. N. Y.; L., 1966.
Möbius F., Sciurie H. Symbolwerte mittelalterlicher Kunst. Leipzig, 1984.
Murray A. The medieval mind. L., 1978.
Panofsky E. Gothic architecture and scholasticism. N. Y., 1957.
Patch H. R. The other world according to description in medieval literature. Cambridge, 1950.
Renucci P. L'aventure de l'humanisme européen au Moyen Age (IVe—XIVe siècles). P., 1953.
Righter M. Kommunikationsprobleme im lateinischen Mittelalter. München, 1976.
Tacksou W. T. H. The literature of the Middle Ages. N. Y., 1960.
Taistner M. L. W. Thought and letters in Western Europe, A. D. 500—900. L., 1957.
Taylor H. O. The mediaeval Mind: A history of the development of thought and emotion in the Middle Ages. L., 1949.
Thorndike L. A history of magic and experimental science during the first thirteen centuries of our éra. N. Y., 1923.
Ullmann W. The individual and society in the Middle Ages. Baltimore, 1966.
Vasoli C. La filosofia medioevale. Milano, 1961.
Wuef M. de. Histoire de la philosophie mediévale. Louvain, 1934—1947. Vol. 1—3.

Глава 3

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. Пг., 1915.
Ariès Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. P., 1973.
Ariès Ph. L'homme devant la mort. P., 1977.
Delumeau J. La Peur en Occident (XIVe–XVIIIe siècles): Une cité assiégée. P., 1978.
Le Goff J. La Civilisation de l'Occident médiéval. P., 1965.
Le Goff J. Pour un autre Moyen Âge: Temps, travail et culture en Occident. P., 1977.
Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975.
Manselli R. La religion populaire au moyen âge: Problèmes de méthode et d'histoire. Montréal; P., 1975.
Schmitt J.-C. Le saint lévrier: Guinefort, guérisseur d'enfants depuis le XIIIe siècle. P., 1979.
L'uomo medievale/A cura di J. Le Goff. Roma; Bari, 1987.

Глава 4

Бурић В. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975.
Дероко А. Споменици архитектуре IX–XVIII века у Југославији. Београд, 1964.
История на българската литература. С., 1962. Т. 1.
История на българското изобразително изкуство. С., 1981. Т. 1.
Радојчић С. Старо српско сликарство. Београд, 1966.
Старобългарска литература: Изследване и материали. С. Кн. 1. 1971; Кн. 2. 1977.
Търновска книжовна школа. С. Т. 1. 1974; Т. 2. 1980.
Кашанин М. Српска ижевност у средњем веку. Београд, 1975.
Dejny česke literatury. Pr., 1959. T. 1.
Dejny starsej slovenskej literatury. Br., 1959.
Dzieje sztuki polskiej. Warszawa, 1973.
Historia kultury sredniowiecznej w Polsce. W-wa, 1964. T. 1–2.
Kultura i literatura dawnej Polski: Studia. W-wa, 1968.
Pavel J. Dějiny uměni v Československu: (Stavitělství. Sochárstvi. Malířství). Pr., 1978.
Sredniowiecze studia o kulturze. W-wa, 1965–1969. T. 1–4.

Глава 5

Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. М., 1955. Т. 3.
Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. 1.
Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
Василенко В. М. Русское прикладное искусство. М., 1977.
Воронин Н. Н. Зодчество северо-восточной Руси XII–XV вв. М., 1961–1962. Т. 1, 2.
Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1978.
История культуры Древней Руси. М. Т. 1. 1948; Т. 2. 1951.
История русского искусства. М., 1953–1955. Т. 1–3.
История русской литературы XI–XVII вв. М., 1985.
Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М., 1987.
Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960.
Лазарев В. Н. Феофан Грек и его школа. М., 1961.
Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966.
Лазарев В. Н. Михайловские мозаики. М., 1966.
Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970.
Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. М., 1983.
Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
Насонов А. Н. История русского летописания X – начала XI в. М., 1969.
Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси XIII–XVI вв. М., 1976.
Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958.
Розов Н. Н. Книга в России в XV в. Л., 1981.
Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X–XIII вв. М., 1971.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. Т. 1. 1981; Т. 2. 1987.
Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.
Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. М.; Л., 1978.
Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968.
Удальцова З. В. Культурные связи Византии с Древней Русью // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
Удальцова З. В., Гутнова Е. В., Щапов Я. Н., Новосельцев А. П. Древняя Русь – зона встречи цивилизаций // ВИ. 1980. № 7.
Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971.
Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1965.

СОКРАЩЕНИЯ

Ал-Истахри	Ал-Истахри. Тифлис, 1901.
АМ	*Аммиан Марцеллин.* История. Киев, 1908.
Анна Комнина	*Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965.
ВИ	Вопросы истории.
Ибн Хордадбех	*Ибн Хордадбех.* Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1870 (на араб. яз.).
Иордан	*Иордан.* О происхождении и деяниях готов. М., 1960.
Каганкатваци	История авган Моисея Каганкатваци/Перев. с армянского К. Патканьян. СПб., 1861.
Конст. Багр.	*Константин Багрянородный.* Об управлении империей/Перев. Г. Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
ПВЛ	Повесть временных лет. М., 1950. Т. 1–2.
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII в. М., 1978.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. I–.
СВ	Средние века.
Alfred	*King Alfreds* Anglo-Saxon Version of the Compendium History of the World by Orosius. L., 1958.
APS	The Acts of the Parliaments of Scotland, 1124–1420. Edinbourg, 1844. Vol. 1.
Einhard	*Einhard.* Vita Caroli Magni // Monumenta Germaniae Historica. T. 33, ps. II.
Fulcherius	*Fulcherii Carnotensis* Historia Hierosolymitana // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentales. P., 1866. T. III.
Greg.	*Gregorius*, ep. Turonensis. Historia francorum/ Ed. W. Anrdt, Br. Krush. B., 1885. (MGH).
Menandr	*Menandri* Excepta de ligationibus. B., 1903.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

449	начало завоевания Британии англосаксами
Сер. V в.	распространение движения багаудов в Испанию
457	образование Бургундского королевства со столицей в Лионе
476	падение Западной Римской империи
481–511	Хлодвиг – вождь и король франков
486	возникновение Франкского государства в Северной Галлии
493–555	Остготское королевство в Италии
Нач. VI в.	запись «Салической правды»
507	завоевание франками Аквитании
527–565	правление императора Юстиниана в Византии
529	основание монастыря Монтекассино. Возникновение бенедиктинского ордена – первого монашеского ордена в Западной Европе
532	восстание «Ника» в Константинополе
535–555	завоевание Византией Остготского королевства
568	начало вторжения лангобардов в Италию
Кон. VI–VII вв.	заселение славянами Балканского полуострова
70-е годы VII в.– 1018	Первое Болгарское царство
711–714	завоевание Пиренейского полуострова арабами
715–741	Карл Мартелл — майордом государства франков
718	образование королевства Астурия на Пиренейском полуострове

726–843	иконоборческое движение в Византии
732	победа франков над арабами в битве при Пуатье
751	провозглашение Пипина Короткого королем франков
756	образование светского государства пап
768–814	правление Карла Великого
772–804	войны Карла Великого с саксами
774	завоевание Карлом Великим Лангобардского королевства
778	поход Карла Великого в Испанию. Битва в Ронсевальском ущелье
793	начало норманнской экспансии в Европе. Нападение на о-в Линдисфарн
800	коронование Карла Великого императором
820–823	восстание Фомы Славянина в Византии
829	объединение англосаксонских королевств в королевство Англия
841–842	восстание Стеллинга в Саксонии
843	Верденский договор. Раздел империи Карла Великого
855	распад государства Лотаря. Образование королевств Италия, Прованс, Лотарингия
863	создание славянской азбуки болгарскими монахами Кириллом и Мефодием
871–900	Альфред Великий, английский король
874	начало заселения норвежцами Исландии
882	поход Олега на Киев. Начало складывания Древнерусского государства
Кон. IX – нач. X в.	образование Чешского государства
911	договор князя Олега с Византией
911	образование Нормандского герцогства
919–936	Генрих I, германский король
919–1024	Саксонская династия в Германии
936–973	правление Оттона I в Германии
944	договор князя Игоря с Византией
955	победа Оттона I над венграми в битве на р. Лех
960	образование Польского государства
962	коронование Оттона I императором Германской империи
969–972	походы Святослава в Болгарию и на Византию
976–1025	Василий II «Болгаробойца», византийский император
980–1015	Владимир I, киевский князь
Кон. X– нач. XI в.	образование объединенных королевств в Дании, Швеции, Норвегии
987–1328	династия Капетингов во Франции
988	принятие христианства на Руси
1001–1301	династия Арпадов в Венгрии
ок. 1000	высадка викингов на побережье Северной Америки
ок. 1000	образование Венгерского королевства
1016–1035	Кнут, король Англии, Дании и Норвегии
1018	завоевание Болгарии Византией
1019–1054	Ярослав Мудрый, киевский князь
1024	восстание в Суздальской земле
1024–1125	Франконская династия в Германии
1030–1091	завоевание норманнами Южной Италии и Сицилии
1033	включение королевства Бургундии (Арелат) в состав Германской империи
1037	образование королевства Кастилии на Пиренейском полуострове
1054	разделение христианской церкви на Западную и Восточную (православную)
1056–1106	Генрих IV, германский император
1066	битва при Гастингсе. Нормандское завоевание Англии
1066–1087	Вильгельм I Завоеватель, английский король

1068–1072	народные восстания в Древнерусском государстве
1070–1075	крестьянское восстание в Саксонии
1073–1085	папа Григорий VII
1077	свидание Генриха IV с папой Григорием VII в Каноссе
1085	отвоевание Толедо в ходе Реконкисты
1086	составление «Книги Страшного суда» в Англии
кон. XI в.	образование Португальского графства
1095	Клермонский собор
1096–1270	крестовые походы
1096	крестовый поход бедноты
1096–1099	Первый крестовый поход феодалов
1113	народное восстание в Киеве
1113–1125	Владимир Мономах, киевский великий князь
1122	Вормсский конкордат
1130	объединение южноитальянских норманнских государств в Королевство обеих Сицилий
1136	восстание в Новгороде
1137	объединение Каталонии и Арагона в Арагонское королевство
1138–1254	династия Гогенштауфенов в Германии
1143–1155	антипапское восстание в Риме под руководством Арнольда Брешианского
1147	отвоевание Лиссабона у арабов
1147–1149	второй крестовый поход
1152–1190	Фридрих I Барбаросса, германский император
1154–1189	Генрих II Плантагенет, английский король
1154–1399	династия Плантагенетов в Англии
1167	Ронкальский сейм. Образование Ломбардской лиги городов Италии
1169–1171	начало английского завоевания Ирландии
1174–1184	восстание биркебейнеров в Норвегии
1176	поражение войск Фридриха I Барбароссы в битве при Леньяно
1176–1212	Всеволод Большое Гнездо, владимиро-суздальский князь
1180–1223	Филипп II Август, французский король
1183	мир в Констанце. Восстановление прав самоуправления североитальянских городов
1187–1396	Второе Болгарское царство
1189–1192	Третий крестовый поход
1189–1199	Ричард I Львиное Сердце, английский король
1190	признание Византией независимости Сербии
кон. XII – пер. пол. XIII в.	возникновение инквизиции
1198–1216	папа Иннокентий III
ок. 1200	основание университета в Париже
1202–1204	Четвертый крестовый поход. Разграбление Константинополя крестоносцами
1204–1261	Латинская империя
1209–1229	походы северофранцузских феодалов против альбигойцев
1209–1215	учреждение монашеского ордена францисканцев
1212	решающая победа христиан над арабами в битве при Лас-Навас-де-Толоса
1212–1250	Фридрих II Гогенштауфен, король Сицилии, Германии (с 1216 г.), германский император (с 1220 г.)
1214	победа французов над англичанами и их союзниками в битвах при Ларош-о-Муане и Бувине
1215	Великая хартия вольностей
1215	учреждение монашеского ордена доминиканцев
1222	«Золотая булла» в Венгрии
1223	битва русских с монголо-татарами при Калке
1226–1270	Людовик IX, французский король
1236	завоевание Кордовы Кастилией
1237	взятие Рязани монголо-татарскими войсками
1237	объединение Тевтонского ордена с орденом Меченосцев

1238	взятие Владимира монголо-татарскими войсками
1240	разгром Киева. Установление монголо-татарского ига над Русью
1240	поход шведских феодалов на Русь. Невская битва
1242	«Ледовое побоище» на Чудском оз.
1241–1242	поход монголо-татарских войск в Центральную Европу
1249	завершение Реконкисты в Португалии
1251	крестьянское восстание «пастушков» во Франции
1258	Оксфордские провизии
1261–1453	династия Палеологов в Византии
1263–1267	гражданская война в Англии
1265	возникновение английского парламента
1272–1307	Эдуард I, английский король
1276–1278	разгром чешско-австрийской державы Пржемысла II
1279	«Сотенные свитки» в Англии
1279–1325	Диниш I, португальский король
1282	«Сицилийская вечерня», народное восстание в Сицилии против французского гнета
1285–1314	Филипп IV Красивый, французский король
1291	объединение трех лесных кантонов и начало Швейцарского союза
1291	падение Акры и утрата крестоносцами последних владений на Востоке
1293	«Установления справедливости» во Флоренции
1294–1303	понтификат папы Бонифация VIII
1296–1306	начало освободительного движения в Шотландии
нач. XIV в.	образование княжества Валахии (Цара Ромыняска)
1301	присоединение Коломны к Москве
1302	переход Переяславского княжества под власть московских князей
1302	присоединение Сицилии к Арагону
1302	начало Генеральных Штатов во Франции
1302	победа ополчения фландрских городов над французскими рыцарями («битва шпор»)
1303	присоединение Можайска к владениям московских князей
1304–1307	восстание Дольчино в Северной Италии
1309–1378	«Авиньонское пленение» пап
1312	ликвидация духовно-рыцарского ордена тамплиеров
1315	победа швейцарцев над войсками Габсбургов при Моргартене. Начало независимости Швейцарии
1319–1363	Магнус Эрикссон, король Швеции, Норвегии и Финляндии
1325–1340	Иван Калита I, московский князь
1327	антиордынское восстание в Твери
1327–1377	Эдуард III, английский король
1328–1589	династия Валуа во Франции
1337–1453	Столетняя война между Францией и Англией
1342–1349	восстание зилотов в Фессалонике
1346	битва при Креси между французами и англичанами
1347	народное восстание в Риме под руководством Кола ди Риенцо
1347–1378	Карл IV, германский император и король Чехии (с 1346 г.)
1347–1350	эпидемия чумы в Западной Европе – «Черная смерть»
1348	основание Пражского университета
1349	начало «рабочего законодательства» Эдуарда III
1356	«Золотая булла» германского императора Карла IV
1356	битва при Пуатье. Поражение французского войска в битве с англичанами
1356–1358	восстание в Париже во главе с Этьеном Марселем
1358	Жакерия во Франции

1359	образование княжества Молдавии
1360	мир между Англией и Францией в Бретиньи
1367–1370	война Ганзы с Данией. Штральзундский мир
1378–1417	«великий раскол» (схизма) католической церкви
1378	восстание чомпи во Флоренции
1380	Куликовская битва
1380	победа венецианского флота над генуэзским в битве при Кьодже
1381	восстание Уота Тайлера в Англии
1382	восстание «молотил» в Париже
1382–1384	восстание тюшенов во Франции
1382–1387	восстание тукинов в Северной Италии
1383	городские восстания в Португалии
1385–1433	Жоан I («Ависский магистр»), португальский король
1385	битва при Алжубарроте. Победа португальцев над кастильцами и их сторонниками
1389	битва на Косовом поле. Разгром турками сербского войска
1393	завоевание турками Болгарского Тырновского царства
1397	Кальмарская уния Швеции, Норвегии и Дании
1410	битва при Грюнвальде. Разгром войск Тевтонского ордена соединенными силами поляков, литовцев, чехов и русских
1413	парижское восстание «кабошьенов»
1414–1418	Констанцский собор
1415	сожжение Яна Гуса
1415	битва при Азенкуре. Победа англичан над французами
1415	захват португальцами Сеуты
1419–1434	Гуситские войны
1428–1429	осада Орлеана англичанами
1431	сожжение Жанны д'Арк в Руане
1431–1449	Базельский церковный собор
1434	поражение таборитов в битве при Липанах
1434	установление тирании Медичи во Флоренции
1434–1436	восстание в Швеции под руководством Энгельбректа Энгельбректссона
1435	начало риксдага в Швеции
1436	крестьянское восстание в Норвегии
1437–1438	крестьянское восстание в Трансильвании и северо-восточной Венгрии
1439	Флорентийская уния православной и католической церквей
1439–1443	крестьянские восстания в Дании
1442	завоевание Неаполитанского королевства Арагоном
1450	восстание Джека Кэда в Англии
1450	«Вечная уния» Норвегии с Данией
1450–1451	крестьянское восстание на Балеарских островах
1453	захват турками Константинополя. Падение Византийской империи
1455–1485	война Алой и Белой роз в Англии
1456	открытие португальцами островов Зеленого Мыса
1458–1490	Матьяш Хуньяди (Матвей Корвин), венгерский король
1460	крестьянское восстание «Башмака» в Гегау
1461–1483	Людовик XI, французский король
1461–1485	Йоркская династия в Англии
1462–1472	крестьянское восстание в Каталонии
1462–1505	Иван III, московский великий князь
1466	Торуньский мир. Признание Тевтонским орденом вассальной зависимости от Польши
1468	начало сословного представительства в Дании
1470–1503	регентство Стена Стуре в Швеции
1471	поход московского князя Ивана III на Новгород. Битва на р. Шелони
1477	битва при Нанси. Поражение и гибель герцога Бургундии Карла Смелого. Раздел бургундских земель между Лю-

	довиком XI и Габсбургами
1478	окончательное присоединение Новгорода
1479	объединение Арагона и Кастилии в единое Испанское государство под властью королей Фердинанда и Изабеллы
1484–1486	крестьянское восстание в Каталонии против «дурных обычаев»
1485	битва при Босуорте. Начало династии Тюдоров в Англии
1485	присоединение Тверского княжества к Москве
1480	освобождение Руси из-под золотоордынского ига
1491	присоединение Бретани к землям Франции
1492	завоевание Гранадского эмирата Испанией. Завершение Реконкисты
1492–1498	открытие Америки Христофором Колумбом.
1494	выступление народных масс во Флоренции. Восстановление республики
1494	договор в Тордесильясе между Испанией и Португалией о разделе внеевропейских территорий
1497	судебник Ивана III

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд ал-Малик 549
Абеляр, Пьер 578, 583, 608, 639, 646, 647, 673, 746
Абд ар-Рахман I 631
Абу-Али Ахмед бен Омар ибн-Даст 224
Абу-Али ибн Сина (Авиценна) 553, 554, 641, 658, 671
Абу-л Фарадж Григориус ибн ал-Ибри 557
Абу-л-Фида 558
Август Октавиан 462
Августин, Аврелий 186, 561, 562, 569, 597, 624, 634
Авдотья Рязаночка 732
Аверроэс см. Ибн-Рушд
Авраамий Суздальский 735
Агафий Миринейский 91, 599
Адальберон Ланский 268
Адальберт 513
Адам Бременский 190, 489, 566, 697
Ад-Димашка 558
Адельхейда 636
Аз-Заркали 554
Айстульф 73, 74, 81, 490, 653
Алан Лилльский 647
Аларих 16
Ал-Баттани 554
Ал-Бируни 553, 555
Ал-Гарнати (Абу Халид ал-Гарнати) 553
Алдона 543
Александр, литовский 436
Александр III, шотландский 274
Александр III, папа 326
Александр III Алдя 376
Александр Добрый 376
Александр Македонский 380, 460, 660, 710, 725, 734
Александр Ярославич Невский 212, 432, 440, 441, 444, 537, 731, 746
Алексей Ангел 111
Алексей III Ангел 111
Алексей Апокавк 344
Алексей Дука 111
Алексей Комнин 342
Алексей I Комнин 108, 109, 466, 472, 608, 610
Алексий, митрополит 584
Ал-Идриси 554, 555
Алиенора Аквитанская 665
Ал-Истахри 223
Ал-Казвини 557
Алкуин 633
Али Кушжи 559
Ал-Масуди 202, 471, 551, 553
Ал-Омари 477, 558
Алп-Илитвер 222
Алтонопы 467
Ал-Хаким 631
Альберий 211
Альберт Великий 56, 577, 657
Альберт II Габсбург 309
Альберт Сакский 671
Альбоин 72
Альбрект Мекленбургский 422
Аль-Кинди 658
Альфонс VI 554
Альфонс IX 328
Альфонс X Мудрый 319, 554
Альфонсо II 77
Альфред Великий 181, 184, 552, 634
Амвросий 740
Аммиан Марцеллин 91, 216, 217, 599
Амори Бенский (Шартрский) 578, 657
Амори Лузиньян 534
Амунд Сигурдссон Болт 425
Аналект II 327
Анастасий 102, 112
Анастасия, дочь Ярослава 727
Ангвиссола 338
Ангильберт 633
Андрей Боголюбский 52, 209, 210, 474, 513, 584, 718, 724
Андрей Дмитриевич Дорогобужский 435
Андрей Критский 604
Андроник I Комнин 110, 111, 342
Андроник II Палеолог 343, 344
Андроник III Палеолог 344, 544
Анна, жена Владимира Киевского 203, 528, 567
Анна Комнина 464, 466, 608
Анна Савойская 344
Анна Ярославна 212, 535, 727
Ан-Нувайри 558
Анри Анжуйский см. Генрих II Плантагенет
Ансельм Асцелин 537
Ансельм из Лана 646
Ансельм Кентерберийский 639
Антоний Печерский 719
Анфимий 600
Аракел Багешский 352
Арианти, род 380
Арий 596
Аристотель 96, 548, 553, 597, 604, 607, 615, 617, 625, 640, 647, 648, 656, 657, 671, 677, 700, 719
Арнольд Брешианский 330, 520, 583, 647, 746
Арнольд да Вилланова 56, 671, 684
Арнольфини 682
Арнульф 128
Арпад 149, 227
Артевальде, Жак 299, 522
Артевальде, Филипп 299, 522
Асень I 160, 164, 355, 357, 360
Аскольд 198, 201
Аспарух 27, 98, 157, 220, 228
Ательстан 183
Атрак (Отрок) 468
Ат-Табари 551
Аттила 218, 220, 476, 636, 650
Ауриспа, Джованни 617
Афанасий, гимнограф 702
Афанасий Александрийский 700
Ахмед 454

Байд 537
Балдуин Фландрский 339, 340
Барбер, Джон 683
Бар Гебрей 548
Басараб 373

Бастий 470
Батбай 220
Батый 40, 438—441, 454, 475, 477, 536, 556, 557
Бачман 473
Баязид I Йылдырым 349, 545
Баязид II Дервиш 377
Баян, аварский каган 219
Беатриче де Диа 653
Бегич 444
Беда Достопочтенный 628, 631, 635
Бенедикт XII 539
Бенедикт XIII 581
Бенедикт Нурсийский 575, 626, 628
Беренгарий Турский 630
Берке 557
Бернар Клервосский 642, 646, 647
Бернарт де Вентадорн 653
Бертольд Регенсбургский 576, 693—696
Бертольд Шварц 49
Бертран де Борн 653
Беруль 652
Бехайм, Ганс 297, 298, 302
Бехайм, М. 680
Биргер, ярл 413
Биргер, король 421
Бледа 218
Богдан 373, 376
Бодин 168
Боккаччо, Джованни 674
Болеслав I, чешский 144, 148, 152
Болеслав II, чешский 148
Болеслав I Храбрый, польский 148
Болеслав II Смелый, польский 709
Болеслав III Кривоустый, польский 148, 154
Болл, Джон 296, 298, 302, 517, 518, 579, 580
Бонавентура 657
Бонвезино делла Рива 659
Бонифаций VIII 304, 580
Бонифаций Монферратский 111, 340
Бонфини, Антонио 712
Боняк 467
Борживой 148, 152, 155
Борис, брат Святополка Окаянного 453, 710, 719, 737
Борис, хан (царь Борис-Михаил) 162, 566, 700
Борис II 163
Борис Александрович Тверской 453, 731, 741
Боэмунд Тарентский 282, 610
Боэций, Аниций Манлий Торкват Северин 66, 625—628, 635, 683, 692
Боэций Дакийский 657
Брандини, Чуто 335
Брант, Себастьян 673, 681
Братила 715
Брейденбах 672
Бриан Боройме 181, 529
Бруно, епископ 465
Бруно, Джорджано 658
Брюс, Роберт 305, 683, 746
Булан 222, 224
Буридан, Жан 671
Бьондо, Флавио 617, 618
Бэкон, Роджер 56, 659, 670, 746

Валафрид Страбон 633
Валерий Витербский 618
Валла, Лоренцо 564, 618
Вальдемар, сын Биргера 413
Вальдемар I Великий 412
Вальдемар II Победитель 412
Вальдемар III 421
Вальдемар IV Аттердаг 421, 422
Вальтурий 51
Ван дер Вейден, Рогир 682
Ван дер Гус, Гуго 682
Ван Эйк, Хуберт 682
Ван Эйк, Ян 681
Варда Фока 567
Вардан (Филипп) 222
Варлаам 344
Василий I Македонянин 104
Василий II Болгаробойца 108, 154, 158, 528
Василий I Дмитриевич 452
Василий II Васильевич Темный 452, 453 508
Василий III 454, 459, 461
Василий Великий 561, 598, 699, 700, 716
Василий Кесарийский 596
Василько Константинович 731
Василий Косой 452
Вассиан Рыло 454
Вата 145
Вацлав (Вячеслав) 155, 698, 706, 710
Вацлав IV 399, 404
Велисарий 92, 95
Вельфы 327
Венанций 630
Венцеслав Люксембург 309
Вениамин Тудельский 555
Вергилий 599
Вернтальят, Франциско де 338, 339
Вивальди, братья 559, 672
Вийон, Франсуан Мон-Корбье 678
Виллар де Онекур 666
Вильгельм I Завоеватель 184, 186, 272, 644
Винсент из Бове 658
Виссарион Никейский 349, 615, 617, 618
Витез, Янош 712
Витовт 432, 433, 453, 587
Виттельсбах 309
Влад Дракул 376
Влад Кэлугэр 376
Влад Цепеш 376
Владимир I Киевский 199, 203, 204, 209, 462, 465, 528, 535, 552, 566, 567, 714, 715, 719, 720, 722
Владимир Андреевич Серпуховской (Храбрый) 445, 452
Владимир Василькович 440
Владимир Всеволодович Мономах 208—211, 440, 467, 468, 491, 513, 535, 720, 746
Владимир Игоревич 720
Владислав Влайку 373
Владислав II Ягеллон (Ягайло), польско-литовский 376, 433—435, 543
Владислав III Ягеллон (Ласло V), польский и венгерский 350
Влодковиц, Павел 710
Воислав 168
Вайк Арпад (Стефан-Иштван) 150, 151
Вольфрам фон Эшенбах 652
Всеволод Мстиславич 211
Всеволод Ярославич 206, 210, 715

Всеволод Юрьевич Большое Гнездо 210, 474, 724, 726
Вукашин 364

Габсбурги 279, 297, 303, 308, 499, 539
Газан-хан 557
Гален 647, 671
Галеотто, Марцио 712
Галл Аноним 710
Гама (Васко да Гама) 680
Гарольд 181
Гартман фон Ауэ 652
Гауэр, Джон 682
Гвиберт Ножанский 267
Гебер (Джабир) 56
Гедимин 432, 543
Гейза Арпад 150
Гейзерих 225, 490
Геласий 563
Гельмгольд 697
Геммер 430
Геннадий, архиепископ 460, 461
Геннадий (Георгий Схоларий), патриарх 350, 617
Генрих I, французский 212, 535
Генрих II Плантагенет 272—275, 279, 531, 533, 574
Генрих III, английский 273, 534
Генрих IV Ланкастер, 305
Генрих V Ланкастер 306, 307, 539
Генрих VI 306, 307
Генрих VII Тюдор 308
Генрих I Птицелов 128—130, 136—138
Генрих III, германский 130, 131, 138, 154
Генрих IV, германский 130, 132, 134, 137, 154, 486, 512, 528, 572
Герих V, германский 130, 132, 137
Генрих VI, германский 277, 533, 534
Генрих Геннегауский 340
Генрих Лев Саксонский 276, 278, 411
Генрих фон Фельдеке 652
Генрих Фрауэнлоб 681
Георгий Амартол 717
Георгий Гемист Плифон 615—617
Георгий Кокал 348
Георгий Монах 604
Георгий Писида 598
Георгий Тертер 363
Герман 102
Германарих 217
Геодорот 599
Геро Железный 138
Гильом из Шампо 639, 646
Гильом, герцог Аквитанский 653
Гильом де Лоррис 654
Гильом Каль 295, 517, 746
Гильом Коншский 647
Гимерий 600
Гиппарх 615
Гиппократ 548, 647
Гираут де Борнейль 653
Гита 535
Глеб 453, 710, 719, 737
Гогенштауфены 133, 276—278, 327, 533, 534, 537
Годвин 512
Годескальск 634
Гомер (Омир) 632, 719, 734
Гонорий Августодунский 268
Гораций 632
Горм Старый 188
Готфред 188
Готфрид Бульонский 282
Готфрид Страсбургский 652
Готшалк 513
Гранелло, Бьянко 338
Грасса, Мео 336
Грациан 96
Григорий I Великий 176, 562, 563, 628
Григорий II 526
Григорий III 526, 565
Григорий VII (Гильдебранд) 131, 132, 528, 536, 572, 573
Григорий IX 577
Григорий XII 581
Григорий Кипрский 615
Григорий Назианзин 561, 596, 597, 699, 716
Григорий Нисский 561, 596, 598, 634
Григорий Палама 344, 348, 616, 620
Григорий Турский 112, 117, 630, 688
Григорий Цамблак 587, 704
Гроот, Герард 680
Гротоп, Хальвард 425
Гуарино 616, 617
Гуго Капет 126
Гуго Сен-Викторский 647
Гумберт 110, 568
Гунтер 651
Гурандухт 468
Гус, Ян 400, 401, 581, 570, 708, 746
Густав I Ваза 430, 542
Гутенберг, Иоганн 60, 673
Гьон 380

Давид I 274
Давид Динанский 657
Давид Комнин 342
Давид IV Строитель 468, 472
Давыд 467
Дагоберт I 81, 115, 117
Дан 373
Дандоло, Энрике 111, 558
Даниил, игумен 555
Даниил Заточник 720
Даниил Романович 210, 432, 440
Данте Алигьери 658, 673, 674, 746
Дезидерий 74, 120
Демокрит 671
Джон Гонт 540
Джотто ди Бондоне 576, 746
Джувейни 473
Джустиниани, Джованни 350, 351
Джучи 431, 438
Диаш, Бартоломео 680
Димитрий, брат Константина IX Палеолога 351
Димитрий, архонт 379
Димитрий Кидонис 615, 616
Диодор Тарсский 598
Диоклетиан 93
Дионисий 739
Дионисий Ареопагит 596, 634
Дир 199, 201
Длугош Ян 386, 710
Дмитрий Боброк (Волынец) 445
Дмитрий-внук (Дмитрий Иванович) 459, 462
Дмитрий Иванович (Донской) 433, 434, 444—446, 452, 453, 586, 732, 746
Дмитрий Солунский 698
Дмитрий Шемяка 452

Довмонт 731
Дольчино 336, 337, 515, 517, 580, 746
Доментиан 702
Доминик де Гусман 577
Донди Дж. 61
Дорофей 98
Дуклянин 701
Дунс Скот см. Иоанн Дунс Скот
Дуода 634
Дургулель 472
Дюгеклен 304
Дюшен, Эсташ 678

Евагрий 597
Евклид (Эвклид) 640, 647
Евнапий 599
Евпатий Коловрат 732
Евматий Макремволит 609
Еврипид 599
Евсевий Кесарийский 548, 597
Евстратий Никейский 607
Евфимий Тырновский 363, 703
Евфросиния Полоцкая 715
Евфросиния Суздальская 715
Едигей 433, 446
Елена, дочь Иоанна V 345
Елена Волошанка 377, 459
Елизавета 727
Епифаний Премудрый 733
Ермолин Василий 732, 740
Ефрем Сирин 598
Ефстафий 609

Жак Кёр 679
Жанна Д'Арк 306, 307, 519, 539, 678, 746
Жан Жанден 658
Жан де Мен 263, 654
Жерар Камбрейский 268
Жерве 60
Жерсон Ж. 671
Жижка, Ян 402, 746

Захарий 74
Зенон 66
Зимарх 547
Зирйаб 631
Зосим 91, 599
Зосима 462

Иаков 702
Иаков Ворагинский 655
Ибн Абд Раббихи 632
Ибн Ассир 472
Ибн Баджо (Авемпас) 639
Ибн Баттута 558
Ибн Гебироль, Соломон бен Иегуда (Авицеброн) 640
Ибн Исфендийар 202
Ибн Кузман 641
Ибн Руст 201, 223
Ибн Рушд (Ибн Рошд, Аверроэс) 553, 554, 616, 640, 641, 656—658, 671
Ибн Туйфель (Абубацер) 640
Ибн Фадлан 199, 226, 473, 552
Ибн Хазм 641
Ибн Халдун 558
Ибн Хаукаль 203
Ибн Хордадбех 549, 551
Ибрагим ибн Йакуб 151, 549, 552
Ибузир Гляван 222
Ивайло 363, 364, 514, 519
Иван I Данилович Калита 442—444, 452, 731, 736
Иван III Васильевич 377, 429, 453, 454, 456—462, 507, 545, 559
Иван IV Васильевич Грозный 437
Иван Александр 344, 358, 364
Иван Асень II 359—361, 703
Иван Волк 461
Иван Иванович Молодой 377, 454, 459
Иван Можайский 452
Иван Страцимир 358
Иван Шишман 358, 364
Игнатий, патриарх 568
Игнатий, поэт 604, 605
Игорь 200—202, 464, 528, 714
Игорь Святославич 468, 720, 725, 732, 746
Иероним Стридонский 561, 562
Изабелла 305
Изабелла Кастильская 334, 541
Изяслав Ярославич 206, 209, 513
Изяслав Владимирович 206, 209
Илларион 205, 584, 719
Ингеборг Норвежская 421
Ингъялд 188
Иннокентий 734
Иннокентий II 111
Иннокентий III 534, 574, 576, 578
Иннокентий IV 537
Иоаким III 363
Иоанн, мученик 719
Иоанн, епископ 268, 647
Иоанн III Дука 341, 342
Иоанн VI Кантакузин 344, 345, 348, 615
Иоанн V Палеолог 344, 345, 349, 544, 615
Иоанн VII Палеолог 349, 545
Иоанн IV Ласкарис 342
Иоанн II Добрый 295
Иоанн Безземельный 273, 275, 534
Иоанн II Комнин 108, 109, 612
Иоанн II 527
Иоанн III 564
Иоанн XXII 54, 309, 570
Иоанн XXIII 581
Иоанн Аргиропул 617
Иоанн Гатти 618
Иоанн Грамматик 604, 605
Иоанн Дамаскин 604, 646, 716, 717
Иоанн Дунс Скот 658, 670
Иоанн Златоуст 596, 598, 600, 699, 716
Иоанн Итал 607, 608
Иоанн Малала 599, 717
Иоанн Мосх 597
Иоанн Скот Эриугена 634
Иоанн Филопон 598
Иоанн Хортасмен 615
Иоанн Цимисхий 138
Иоанн Экзарх 700, 717
Иоасаф Бдинский (Видинский) 703, 704
Иоахим Флорский 578, 746
Иордан 218, 626
Иосиф, каган 224, 471, 549
Иосиф Волоцкий 460, 461
Иосиф Флавий 460, 548, 717
Ипатий 95
Ираклий 98, 548, 564
Ирина, княгиня 727
Ирина, императрица, 102
Ирина, дочь Ладислава 613
Исаак II Ангел 111, 534
Исидор Милетский 600
Исидор, кардинал 350

Исидор, митрополит 587
Исидор Севильский 564, 628, 641
Иштван (Стефан) I 154, 155, 698

Йакуб, Ибрагим ибн см. Ибрагим ибн Йакуб
Йакут ар-Руми 555

Кабош, Симон 300
Казимир III Великий 397, 507, 543
Казимир IV 454, 741
Казимир Ягеллон 435, 436, 453
Казимир Ягеллончик 398
Каллист, Андроник 618
Калоян 358, 360, 361
Кальти, Марк 711
Кампен, Р. 682
Канавезе 338
Канон Ласкарис 672
Капетинги 126, 274, 275, 304, 532, 534, 538
Карл I Анжуйский 327, 343, 379
Карл I Люксембург (Карл IV) 309, 390, 397, 400, 404, 705
Карл V, французский 302, 304, 305, 538, 539, 552, 672, 677
Карл VI Безумный 3—5, 306, 539
Карл VII 306, 541
Карл VIII 50, 334
Карл Великий 48, 74, 77, 98, 120—122, 124, 126, 128, 129, 194, 220, 494, 526, 527, 549, 550, 552, 563, 567, 568, 630, 632—636, 649, 712
Карл Злой 295
Карл Лысый 77, 452
Карл Мартелл 119, 120, 124, 127, 493, 527, 653
Карл Орлеанский 678
Карл Роберт 373, 397
Карл Смелый 307
Каролинги 30, 74, 118, 120, 122, 126—129, 147, 168, 195, 392, 493, 494, 527, 563, 570, 614
Кассиан 461
Кассмодор Магн Флавий 66, 70, 625—628
Кассия 604, 605
Кастриоти, Георгий (Скандербег) 380, 381
Кастриоти, род 380
Качичи 368
Кедрин 466
Киприан 446, 704, 731
Кирилл 147, 379, 565, 697—701, 704, 708, 714
Кирилл, зодчий 736
Кирилл, митрополит 584
Кирилл Туровский 719
Кламанис Н. 677
Клемент III 572
Климент, просветитель 379
Климент, пророк 513
Климент V 337, 580
Климент Смолятич 715, 719, 720
Климент Охридский 700
Кнут V 412
Кнут VI 412
Кнут Великий 31, 181, 189, 405, 489, 494, 529
Кнут Магнуссон 411, 412
Кнутссон, Карл 425, 426
Кнут Святой 193, 411
Кобяк 468
Козма Пресвитер 701
Козин А. 475
Козьма Индикоплов 90, 547, 598
Козьма Пражский 144, 151, 155, 710
Кола ди Риенцо 336, 521
Колен Зеннекен 294
Колумб, Христофор 55, 559, 672, 680, 746
Коль, Готье 677
Коль, Пьер 677
Комнины 108, 109, 159, 342, 343, 379, 609, 610, 622
Конрад I 128, 129
Конрад II 130, 136, 324
Конрад III 250, 282
Константин I 85, 91, 93, 122, 612
Константин V Исавр 100—102, 526, 565
Константин VII Багрянородный 201, 227, 463, 464, 466, 471, 606
Константин IX Мономах 462, 612
Константин XI Палеолог 350—352
Константин Арменопул 348
Константин Великий 560, 564, 624
Константин Костенечский 703, 704
Константин Ласкарис 617, 618
Константин Манасси 609
Константин Преславский 700
Констанция 533
Корвин (Матьяш Хуньяди) 398, 459, 708, 712
Коста 715
Костер Л. Я. 60
Кретьен де Труа 652
Кристиан I 426, 429
Кристиан II 430
Кристина Пизанская 677, 678
Кристофер I 425
Кристофер II 420, 421
Крум 159, 161
Кубрат (Кубрат) 220
Кунтувдей 470
Курицын Федор 460, 461
Куря 465
Кылыч-Арслан 533, 534
Кэд, Джек 307, 516
Кэкстон 683

Лаврентий из Бржезовой 710
Ладислав Габсбург 309
Лайош I Великий (Людовик Венгерский) 397, 543, 544
Лайфут, Питер 61
Ландо, Микеле ди 336
Ланкастеры 305, 308
Лаоник Халкокондил 618, 619
Ласло I 155
Латини Брунетто 658
Лаура 674
Лев I 74
Лев III, папа 122, 527, 563
Лев VII 131
Лев IX 110
Лев III Исавр 100—102, 526, 564
Лев VI Мудрый 108, 612
Лев Армянин 565
Лев Философ (Лев Математик) 605
Леведий 227
Лейф Эйрикссон 182, 530
Ленгленд, Уильям 298, 682
Леон 584
Леонардо да Винчи 60, 671
Леонардо Фибоначчи 658

Леопольд Габсбургский 297
Леутар 280
Ливаний 600
Лисан ад-дин Ибн аль-Хатиб 684
Лисипп 111
Литгейт, Джон 683
Литовой 372
Лиутпранд 73, 74, 81, 490
Лонгино да Бергамо 337
Лонжюме, Андре 556
Лотарь 129, 154
Луи де ла Маль 299
Людвиг Виттельсбах (Баварский) 309, 433, 538, 539, 580
Людмила 155, 698, 706
Людовик VII 282
Людовик VIII 329, 534
Людовик IX Святой 263, 275, 279, 327, 343, 537, 558
Людовик XI 306, 307
Людовик Благочестивый 124, 126, 127, 129, 194, 524, 633, 634
Людовик Дитя 129
Людовик Неверский 294
Людовик Немецкий 127

Магеллан, Фернандо 746
Магнус IV 412
Магнус VI Исправитель Законов 413
Магнус VII Эрикссон 421, 429
Магнус Амбарный Замок 413
Маймонид 640
Максимилиан I Габсбург 309, 310
Мамун 103
Мануил I Комнин 108—110, 610
Мануил II Палеолог 349
Мануил Хрисолор 617
Манфред 327
Маргарита Датская 422, 423, 542
Мариньоли 559
Мария Борисовна Тверская 459
Мария Шампанская 653
Марк А. 684
Марко Поло 535, 556, 557, 746
Мамай 444—446
Мармион, Симон 672
Марсилий Падуанский 658, 684
Мартин V 581
Мартин Исповедник 634
Мартин Опавский 556
Масиас 684
Матильда 644
Матье из Арраса 711
Марфей 590
Маффео 535
Медже 684
Медичи, Козимо 333, 334, 616
Медичи, Лоренцо 333, 334
Медичи, Пьетро 334
Мелани, Лука 536
Менгли-Гирей 459
Менандр Протиктор 599
Мерван ибн Мухаммед 222, 550
Меркурий Смоленский 732
Меровинги 28, 51, 112, 113, 117, 120, 124, 127, 563, 630
Мефодий 147, 152, 379, 565, 697—701, 704, 708, 714
Мехмед II Фатих 350—352, 376, 377, 380, 619
Мешко I 148, 151, 152
Микеланджело 679
Микита Матвеевич 443
Миндовг 432
Мирча Старый 375, 376
Михаил, владетель Зеты 168
Михаил III 162
Михаил VIII Палеолог 314, 342, 343
Михаил Андреевич 453
Михаил Апостолий 618
Михаил Всеволодович 731, 732
Михаил Гермодор Критовул 618, 619
Михаил Глинка 607
Михаил Дука 618
Михаил Кируларий 110, 111, 568
Михаил Пселл 607, 608
Михаил Ярославич Тверской 444—446, 732
Моисей Каганкатваци 221
Моймир 146
Монтекорвино 559
Монтрёй, Жан де 677
Морей 274
Моросини 351
Мослама 101
Мстислав, брат Ярослава Мудрого 204
Мстислав Владимирович, сын Мономаха 209
Музаки 380
Мунд 95
Мурад I 348, 544
Мурад II 350, 380
Муха 375, 436, 516
Мухаммед 631
Мюллер И. (Региомонтан) 680
Мэлори, Томас 678

Навуходоносор 734
Нарсес 95
Насир ад-Дин Туси 557
Натт-о-Даг 425
Наум 379, 700
Небриха, Антонио де 684
Неманичи 368, 371, 702
Немой 152
Нерсес Палеаненц 556
Нестор Летописец 714, 715, 718, 719, 721
Несторий, патриарх 561
Никола, комит 163
Николае Александру 373
Николай I 563, 564, 568
Николай II 132
Николай из Отрекура 671
Николай Кузанский 680, 746
Никифор, патриарх 604
Никифор Григора 347, 615
Никифор Хумн 615
Никита Хониат 608
Никитин, Афанасий 449, 735
Никколо, братья 535
Нил Калабрийский 607
Нил Сорский 460
Нильссон, Сванте 430
Нитхард 633
Ногай 363, 364, 373, 514
Нотара, Лука 350

Овидий Назон, Публий 647, 683
Одоакр 16, 66, 67
Оккам, Уильям 670, 671, 746
Окклив, Томас 683
Олаф Трюгвессон 188

Олаф Харальдссон 188
Олаф Шётконунг 188
Олег 198, 200—202, 528, 714
Олег Святославич 720
Олимпиодор 599
Ольбрахт, Ян 378, 398
Ольга 52, 201, 202, 203, 465, 566, 718
Ольгерд 433, 444
Омуртаг 103, 161
Орем, Никола 671, 677
Осман I Гази 344
Оттон I 129—131, 136—138, 149, 411, 524, 527, 570, 636
Оттон II 130, 636
Оттон III 130, 636
Оттон IV Вельф 534
Оттон Фрейзингенский 660

Павел Диакон 630
Павел Орозий 549
Палад-оглу 357
Паллад 597
Пантела 367
Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) 671
Парокш, Якуб 709
Пафнутий Боровский 734
Пахомий Логофет 734
Педро IV 55
Педро Арагонский 327, 343
Педро Жестокий 540
Пейт, Якоб 294
Пелагий 536
Пелидзаро 338
Пенда 512
Пересвет 445
Перчивале Станконе 559
Петка (Параскева) Тырновская 703, 704
Петр, болгарский 158, 162—164, 361
Петр, венгерский 154
Петр, митрополит 443, 731
Петр III Арон 377
Петр Вальд 281, 578
Петр Власт 152
Петр Делян 165
Петр Ломбардский 646
Петр I Муша 376
Петр Оливи 301, 580, 746
Петр Парлерж 711
Петр Пустынник 282
Петрарка, Франческо 674, 677, 687
Пико делла Мирандола 658
Пикок Р. 683
Пипин 220
Пипин Короткий 48, 74, 119, 120, 527, 563
Плано Карпини, Джованни дель 438, 472, 535, 537, 556
Плантагенеты 274, 275, 283, 532—534
Платон 96, 604, 607, 615—617, 625, 640, 648, 677, 719
Плифон, Георгий Гемест 615—617
Поджо Браччолини, Джованни дель 618
Поликарп 719
Помпей 95
Помпей, Гней 625
Помпонацци, Пьетро 658
Пржемысл (Отакар) II 396, 404, 543
Приск Панийский 218, 599
Прогон 379
Прокл Диадох 596
Прокоп Сазавский 706
Прокопий Кесарийский 91, 599, 601
Псевдо-Дионисий Ареопагит см. Дионисий Ареопагит
Птолемей 555, 615, 640, 647, 672
Пуке, Эрик 424, 425
Пьер Берсюир 677
Пьер д'Айи 671
Пьер из Блуа 644, 648
Пьетро из Крещенцы 41

Рабан Мавр 633
Радослав 167, 701
Раду I 373
Раду Красивый 376, 377
Разиус (ар-Рази) 56
Раймон Беренгер I 317
Раймунд Луллий 56, 657
Раймунд Тулузский 282
Райнерий 337
Ратхис 73
Рашид ад-Дин 472—474, 557
Райсбрук И. 680
Рейчка 705
Рекаред 69
Рене Анжуйский 334
Рипли Дж. 56
Ричард I Львиное Сердце 259, 282, 534, 665
Ричард II 292, 296, 305
Ричард III 308
Ришар Сен-Викторский 647
Робер де Блуа 267
Роберт Гроссетест 659
Роберт Нормандский 282
Роберт II Фландрийский 282
Рожер II Гвискар 311, 327, 533, 554, 555
Рожер де Флор 344
Роланд 120, 464, 649, 746
Роллан 529
Роман Галицкий 210
Роман Диоген 467, 553
Роман Сладкопевец 597
Ромул Августул 16, 66
Ростислав 146, 147, 565, 697
Ростислав, смоленский 719
Росцелин 608, 639, 646
Ротари 72, 73
Рублев, Андрей 738, 739, 746
Рубрук, Вильгельм 473, 556
Ругила 217
Рукавов, Некрас 461
Руфо, Марко 736, 737
Рюнсбрюк, Ян 302
Рюрик 462
Рютбеф 654

Савва Сербский 702, 705
Савонарола, Джироламо 334
Саксон Грамматик 662
Сала Пере 339
Салах ад-Дин 534
Салимбене 660
Сальви, Маттео 336
Самуил 158, 159, 163, 165
Санчо Кастильский 632
Свен Гротс 411
Свенссон 425
Сверкер, род 413
Сверрир Сигурдарсон, 412, 416
Святополк, моравский 147, 148

Святополк Изяславич 209
Святополк Окаянный 204, 465, 719
Святослав Игоревич 163, 201—203, 225, 226, 464, 465, 471, 477, 528, 557
Святослав Ольгович 720
Святослав Ярославич 206, 209, 210
Севериан Гавальский 700
Сегарелли 336, 580
Семел Фляшка 707
Сенеслав 372
Сергий Радонежский 444, 586, 732, 733, 740
Сиагрий 16, 172
Сигер Брабантский 578, 657, 658, 746
Сигизмунд I Люксембург 309, 349, 401, 403, 544
Сильвестр 122
Сильвестр (Герберт) 636
Сильвестр Леонтьевич 443
Симеон, епископ 719
Симеон, болгарский 162, 163
Симеон Новый Богослов 606
Симмах, Аврелий Меммий 66, 625
Симон де Монфор 273, 653
Синесий 597
Слютер, Клаус 679
Снорри Стурлусон 660, 661
Созомен 597
Сократ 617
Сократ, византийский 597
Соломон, венгерский 154
Солярио, Пьетро 736, 737
Сотирих Пантевген 607
Софья Палеолог 459
Станислав, епископ 709
Степан Вукчич 367
Стефан II 74, 119
Стефан Великий см. Штефан III Великий
Стефан Дечанский 702
Стефан Душан 344, 345, 354, 368, 370, 379, 380, 501, 702, 705
Стефан Лазаревич 367, 704
Стефан Неманя 168, 702
Стефан Первовенчанный 702
Стефан Пермский 733
Стефан Храп 586
Стош Вит 711
Стуре Стен Младший 430
Ступе Стен Старший 426, 429
Субутай-бахадур 474
Сузо, Генрих 302, 680
Сулейман-паша 377
Сфорца, Франческо 338
Сфрандзи, Георгий 618

Тайлер, Уот 254, 296, 297, 300—302, 305, 515—517, 522, 580, 682, 746
Тамар 342
Тамерлан (Тимур) 349, 446, 477, 478, 545, 559, 618
Тассилон 120, 127
Таулер И. 302, 680
Темир-Мурза (Челубей) 445
Теодорих 16, 23, 66—70, 488, 625, 636, 651
Теодульф 633
Теота 513
Теофил из Падерборна 729
Тервел 222
Тертуллиан 562
Тимур см. Тамерлан
Тимур-Кутлуг 433
Тирах 466
Тит Ливий 599
Титмар Мерзебургский 697
Тоглий 470
Тома (Томас) 652
Томазо Моразини 340
Томас (Фома) Бекет 273, 574
Томас Ланкастерский 305
Томас из Штитного 707, 708
Торквемада 335
Тостадо А. 684
Тосто, Никколо 338
Тотила 69, 83, 92, 511
Тохтамыш 433, 446
Траверсари, Амброджо 617
Травл 109
Траян 721
Трибониан 96
Тугоркан 467
Туллий Цицерон, Марк 677
Турмеда А. 684
Туроци, Янош 711
Туччо, Доменико ди 336
Тюдоры 308

Убальдини 323
Углеш 364
Узбек 443
Узун Хасан 559
Уиклиф, Джон 302, 400, 581, 670, 746
Уильям Мальберийский 660
Улугбек 559
Улуг-Мухаммед 452
Уоллес, Уильям 274, 305, 746
Уолтер Хенли 41
Урбан II 281
Урбан V 349
Урусоба 467
Ута 664, 665

Фаркаш 372
Фербер А. 684
Федор, мученик 719
Федор (Петр) 160, 164, 355, 356, 360
Федор Святослав 363
Фемистий 600
Феодор Газа 618
Феодор I Ласкарис 340, 341
Феодор II Ласкарис 342
Феодор Метохит 615, 616, 621
Феодор Мопсуэтийский 598
Феодор Продром 609
Феодор Студит 565, 604
Феодора 91, 95, 102, 601
Феодорий Киррский 597
Феодосий I 85, 91
Феодосий II 217
Феодосий Печерский 715, 719
Феодосий Тырновский 703
Феон 615
Феофан Византиец 90
Феофан Грек 621, 737—739, 746
Феофан Исповедник 604
Феофил 96
Феофилакт Симокатта 91, 599
Фердинанд IV Кастильский 50
Фердинанд Арагонский 334, 541
Фернан Гонсалес 77
Ферранте I Арагонский 338
Ферреро 684
Филельфо, Франческо 616—618
Филипп II Август 275, 282, 532—534

Филипп IV Красивый 262, 275, 299, 303, 304, 310, 558, 580, 581
Филипп Добрый 682
Филипп Смелый 302, 679
Филипп де Витри 677
Филиппо Липпи 675
Филон Александрийский 548
Фиораванти, Аристотель 736, 737
Фичино, Марсилио 687
Фогассот Дж. 684
Фока 98, 563
Фома, брат Константина IX Палеолога 351
Фома, инок 453
Фома, священник 719
Фома Аквинский 577, 604, 607, 615, 624, 657, 693
Фома Славянин 102—104, 511
Фомин, Иван 741
Фонтана, Дж. 60
Фонтескью Джон 683
Фотий, патриарх 110, 548, 568, 606
Фотий, митрополит 587
Франке 681
Франциск Ассизский 301, 575—577, 647
Фридрих I Барбаросса 60, 250, 276, 277, 282, 326, 330, 404, 411, 531, 534, 573
Фридрих II Гогенштауфен 277, 316, 326, 327, 531, 537, 555
Фридрих III Габсбург 309, 459, 545
Фридрих I Голштинский 430
Фруассар 516, 579
Фукидид 599
Фульхерий Шартрский 532

Хабиб ибн-Маслама 222
Хайме I 319
Хакон 193
Хакон IV 412
Хакон VI 421
Ханс I 430
Харальд 181, 535
Харальд Прекрасноволосый 188, 193
Харальд Синезубый 188
Харальд Хардрад 181, 529
Хардакнут 181, 184, 512
Харун ар-Рашид 550, 552
Хасдай ибн Шафрут 549
Хемфри (герцог Глостерский) 683
Хенляйн 61
Хетум 556
Хильдберт Лаварденский 648
Хильдерик III 119
Хильперик 490
Хинкмар Реймсский 564
Хитрово 738
Хлодвиг 16, 66, 67, 112, 113, 115, 116, 563
Хлотарь I 115, 117
Хлотарь II 115, 116
Хосров I Ануширван 547
Храбр 700, 701
Христофор Митиленский 608
Хротсвита Гандергеймская 636
Хуан II 338, 339
Хубилай-хан 557

Цолльнер, Конрад 543

Часлав 167, 701
Чимабуэ 746
Чингисхан 431, 438, 474—476, 536, 556
Чири, Пьетро 336
Чолхан (Щелкан) 443, 446, 732
Чосер, Джеффри 682, 683, 746

Шартье, Ален 678
Шарукан 467
Шонгауэр, Мартин 681
Штефан III Великий 376—378, 459

Эгиль Скаллагримсон 636
Эдгар 184
Эдмунд 183
Эдуард I 266, 273, 274, 304
Эдуард II 292, 304, 305
Эдуард III 270, 304, 305, 538, 540, 682
Эдуард Исповедник 181, 184, 512
Эйнхард 550, 552, 633
Эйрик Рыжий 530
Эйрих 66, 69, 489
Экберт 184
Эккехард 665
Экхарт 302, 680
Элоиза 646
Энгельбрект Энгельбректссон 255, 424, 425, 516, 542, 746
Эннодий 625
Энрике II Трастамарский 540
Эрик XI 413
Эрик Менвед 412
Эрик Померанский 422—425, 542
Эрик Святой 424
Эсхил 599
Этельред Нерешительный 181, 185
Этьен Блуа 282
Этьен Марсель 299, 521, 522
Эшименис Ф. 684

Юлиан Отступник 91
Юлий Цезарь, Гай 710
Юрий Васильевич 453
Юрий Галицкий 452
Юрий Владимирович Долгорукий 209, 468, 724
Юрий Иванович 438
Юрий Кончакович 468
Юрий Лингвеньевич 435
Юстиниан I 69, 86, 88, 91—97, 219, 225, 524, 598—601, 612
Юстиниан II 222, 525
Юсуф 554

Ягайло см. Владислав II Ягеллон
Ядвига 434, 543
Яков-Святослав 731
Якопо, Бартоло ди 336
Якуб, писарь Казимира IV 740
Ян Люксембургский 394, 396
Янош 145
Янош Хуньяди 350, 376, 380
Янус Паннониус 712
Януш Мазовецкий 386
Ярополк 567
Ярослав Владимирович, новгородский 720
Ярослав Владимирович Мудрый 204—206, 208, 210—212, 465, 466, 491, 513, 535, 536, 715, 716, 722, 723, 727
Ярослав Всеволодович 720
Ярослав Осмомысл 210, 715

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аахен 50, 125, 129, 632, 633
Абердин 274
Або (Турку) 416
Авила 318
Авиньон 310, 336, 556, 580, 677
Австразия 115, 117
Австрия 16, 36, 37, 52, 261, 297, 302, 308, 364, 481, 578, 708
Адрианополь (Эдирне) 344, 349, 544
Адриатика, Адриатическое побережье 81, 82, 155, 169, 315, 364, 366, 368, 380, 404, 438, 475, 537, 556
Аженэ 534
Азенкур 306, 539
Азербайджан 471, 472, 557, 559
Азия 5, 6, 44, 85, 107, 213, 544, 546, 547, 549, 551, 553, 555, 556
Восточная 216
Центральная 475, 556
Юго-Восточная 559
Азовское море 221, 223
Азорские о-ва 55
Аквитания (Гиень, Юго-Западная Галлия) 16, 25, 27, 50, 67, 115, 119, 269, 274, 275, 304, 316, 531, 533, 537
Аккра 283, 316, 534
Акроин 101
Алания 463, 470—473, 476
Албания Кавказская (Арран) 221, 222
Албания 32, 378—380
Александрия 88, 90, 100, 314, 316, 598, 601, 626
Аламания 127, 128
Алжир 314
Алтай 206, 547
Альби 281
Альгарви 328
Алжубаррорт 540
Альмадена 48
Амальфи 54, 76, 81, 233, 315, 550
Америка 7, 55, 335, 546, 559, 744, 746
Альмерия 82, 639
Альпы, Альпийские горы 36, 65, 127
Альта, р. 206
Аморий 100
Амстердам 251, 290
Амьен 124, 290, 300, 522, 679
Англия 11, 16, 18, 20, 30—32, 35—38, 43, 44, 46—48, 50, 52, 53, 56—58, 60, 61, 118, 137, 171—173, 175—178, 180—183, 185, 186, 193, 194, 211, 212, 233, 234, 236, 238, 241—243, 246, 247, 255, 256, 258, 260—267, 269—275, 279, 281, 283, 285—293, 296—300, 302—306, 308, 310, 315, 316, 349, 405, 417, 418, 423, 455, 478, 480—482, 488, 489, 491, 493, 494, 496, 498, 503—505, 508, 511, 512, 514—516, 519, 520, 522, 523, 528, 529, 531, 533, 534, 538—542, 555, 563, 580, 581, 616, 639, 644, 650, 656, 664, 666, 682, 683, 745
Андалусия 58, 65, 318, 321, 322, 550, 553, 554, 631, 641, 684
Андалусская низменность 65
Андалусские горы 65
Анжу 274, 531, 534
Анкира (Анкара) 100, 349, 545, 598
Антверпен 290
Антиохия 88, 90, 98, 100, 598, 601
Аоста 639
Апеннинские горы 65, 66
Апеннины, Апеннинский п-ов 37, 44, 65, 70, 73, 84, 311, 315, 321, 324, 326, 327, 332, 333, 500, 550
Аппенцелль 296, 303
Апулия 71, 74, 76, 311, 316
Аравия, Аравийский п-ов 85, 90, 547
Арагон 77, 324, 325, 328, 329, 334, 335, 480, 504, 538—541, 684
Арагон, р. 77
Арагонская низменность 65
Арбуга 424
Ардебиль 222
Аренцо 312
Аркадиополь 103
Арленберг 54
Арль 66, 70, 71, 82, 233, 316, 522
Армения 85, 98, 101, 108, 221, 352, 472, 536, 548, 561, 583, 597, 623
Киликийская 556
Аррас 124, 280, 711
Арта 342
Асти 82
Астраханское ханство 477, 499
Астрахань 247
Астурия 77, 79, 80, 335
Ателькузу 198, 227, 464
Атиль (Итиль) 202, 223, 464, 551
Атлантика, Атлантический океан 5, 49, 55, 65, 172, 179, 246, 320, 405
Аугсбург 233, 238, 240, 254, 255, 261, 290, 300, 695
Афганистан 547
Афины 90, 107, 343, 344, 598, 601, 610, 612, 618
Афон, мыс 703, 705
Африка 6, 16, 66, 78, 85, 90, 92, 98, 225, 315, 316, 353, 524, 537, 546, 547, 549—551, 554, 559, 562, 599, 657
Ахайя 343

Бавария 120, 127, 128, 136, 146, 150, 152, 168, 207, 264, 265, 308, 309
Багдад 607
Бадахос 639
Базель 303
Байё 4, 124, 644
Байонна 538
Байя (Бая) 372, 377
Балатон, озеро 140, 150
Балеары, Балеарские о-ва 45, 92, 339
Балканский хребет 155, 157, 355, 356, 358, 364, 533
Балканы, Балканский п-ов 5, 16, 18, 20, 21, 33, 36, 37, 44, 48, 53, 85, 86, 98, 100, 101, 104, 108, 110, 140, 152, 155—157, 162, 165—170, 195, 202, 212, 217, 233, 234, 236, 247, 254, 315, 339, 349, 352, 355, 357, 358, 364—368, 371, 372, 378—380, 404, 466, 482, 498, 501, 512, 514, 521, 526, 528, 543—545,

555, 559, 583, 587, 599, 623, 699, 702—704
Балтика, Балтийское море 45, 139, 140, 182, 191, 199, 211, 233, 246, 250, 262, 372, 386, 391, 405, 406, 416, 417,419, 421, 423, 431, 433, 458, 529, 530, 550, 555, 567
Бамберг 665, 694
Бардеев 708
Баренцево море 172
Бари 316
Барселона 77, 82, 99, 235, 241, 246, 250, 317, 339, 535, 683, 684
Беверли 300
Бейрут 88, 90, 96, 555, 598
Белгород 377
Белград 167, 365
Белев 452
Белобережье 465
Белое море 45, 530, 584
Белозерск 39
Белозерско-Верейское княжество 453
Белозерское княжество 439
Белоозеро 445, 454, 474, 513
Белоруссия (Белая Русь) 195, 197, 434, 462
Бельгия 112
Беневент (Беневенто) 16, 72, 74, 121, 327
Беотия 107
Бергамо 72
Берген 191, 251, 417, 418
Бергслаген 424—426, 429
Бердаа 202, 471
Березина, р. 436
Берик 261, 274
Берлин 252, 278
Берн 265, 297
Биляр 52, 473, 474
Бирка 191
Бирма 557
Бирмингем 53
Бискайский залив 520
Блекинге 181, 405
Ближний Восток 6, 78, 191, 261, 281—283, 353, 552, 553, 555—567, 714
Блуа 644
Бобруйск 432
Бове 124, 658
Бовези 294, 295
Боголюбово 52, 513, 724
Болгария 11, 27, 108—110, 138, 156—165, 168, 170, 202, 204, 227, 348—350, 354—364, 368, 373, 375, 463, 467, 482, 501, 512, 514, 515, 519—521, 534, 544, 552, 566, 610, 614, 623, 697, 698, 700, 701, 703, 714, 731
Болонья 233, 321, 323, 330, 335, 656
Большая Орда 454, 459, 477
Бонн 48, 136
Борач, крепость 365
Бордо 66, 82, 290, 304, 316, 534, 538
Босуорт 308
Босния 354, 364—371, 515, 545
Боспор 222, 463
Босфор, пролив 85, 101, 350, 352
Ботнический залив 416
Бохуслен 405
Брабант 234, 235, 246, 256, 257, 261, 262, 276, 301, 303, 538, 666
Брага 318
Бранденбург 404, 417
Братислава 708
Бруншвейг 300, 522
Брашов 375
Бремен 190, 240, 261
Брест, фр. 538
Брест, лит. 433, 435
Бретань (Арморика) 47, 118, 173, 269, 274, 275, 511, 515, 531, 646
Бретинье 304, 538, 541
Брешия 72, 82
Бриджуотер 300
Бристоль 38, 252, 290, 300
Британия, Британские о-ва 5, 16, 20, 37, 54, 86, 90, 171—174, 176, 179, 181, 182, 184, 186, 529, 551, 631—633, 635
Брно 241, 390
Брусса 344
Брюггс 48, 55, 247, 251, 261, 285, 290, 291, 294, 299, 301, 522, 682
Брюссель 261
Брянск 254, 459
Бувин 275, 534
Буг, р. 433
Буда 392, 398
Будапешт 398
Булгар 52, 199, 444, 473, 553
Бургос 77
Бургундия 29, 112, 115, 117—119, 123, 131, 132, 138, 275, 303, 318, 526, 528, 542, 570, 572, 679, 691
Бурж 241, 306, 513, 679
Быстрица 375
Бьёркё 191
Бэнноксберн 305
Бэтика 79, 80

Вадстен 424
Валахия 32, 355, 373—377, 566, 587
Валенсийская низменность 65
Валенсия 59, 65, 317, 631, 639, 656, 683, 684
Вальштадт 40
Вальядолид 683
Вардар, р. 159
Варна 350, 359
Варта, р. 140
Васлуй 377
Ведроша, р. 459
Везер, р. 127, 265
Вейтра 53
Великие Луки 459
Вена 136, 233
Венгрия 11, 36, 37, 109, 138, 145, 149, 152—156, 165, 168, 170, 212, 227, 234, 241, 309, 343, 348—350, 353—355, 359, 364, 366—368, 371—373, 376—378, 381, 384, 387, 388, 391, 392, 396—400, 402—404, 433, 467, 473, 475, 478, 481, 495, 501, 504, 505, 512, 515, 522, 528, 534, 536, 543—545, 553, 566, 572, 578, 614, 698, 705, 708, 711, 712, 717, 727
Венеция 38, 56, 60, 72, 82, 111, 156, 169, 235, 240, 246, 247, 253, 254, 282, 314—316, 330, 340, 343, 350, 353, 354, 359, 364, 366—369, 371, 527, 533, 535, 544, 550, 557—559, 604, 616, 676
Верден 81, 82, 524
Верона 70, 625
Верчелли 82, 337
Вестерос 418
Вестланн 412

Вестманланд 424
Вестфалия 264
Вестфол 188
Виборг 191
Видин 160, 358, 359, 364
Византия (Восточная Римская империя) 7, 11, 12, 16—25, 32—34, 37, 39, 41, 43, 46, 48—52, 54, 55, 66, 69, 70, 72—74, 76, 81—83, 85—111, 138, 152, 154, 156—159, 162, 163, 165, 166, 168—170, 179, 182, 190, 191, 195, 199, 201—205, 207, 212, 217—220, 222, 224, 225, 230, 233, 234, 236, 238, 241, 242, 244, 247, 250, 253, 254, 281, 283, 311, 314, 316, 339, 340, 342—352, 354—357, 359—361, 364, 368, 373, 379, 404, 438, 462—464, 466, 467, 471—473, 478—480, 482, 488—491, 493—496, 498, 501, 510, 511, 513—516, 518, 520, 522, 524, 526—528, 533—536, 543—550, 552, 553, 555, 557, 559—561, 564—570, 581—587, 590, 595—604, 606—623, 632, 637, 639, 641, 646, 648, 656, 698, 701, 703, 712, 714, 722, 723, 726, 728—730, 737, 742, 744
Вильнюс 435
Вирумаа 441, 447
Висбю 251, 417, 421
Висла, р. 36, 140, 147, 148, 278, 567
Висмар 241
Витебск 432—435, 442, 458, 716
Вифиния 99, 343, 516
Владимир-на-Клязьме 209—211, 438, 439, 443—445, 449, 513, 584, 724, 730, 738
Владимир-Волынский 435
Владимиро-Суздальское княжество 208—210, 439, 468, 474, 718, 720, 725, 726, 728, 736, 737
Влтава р. 140, 147
Вожа, р. 444
Волга, р. 182, 199, 202, 210, 222, 223, 226, 232, 233, 247, 438, 443, 444, 463, 467, 473, 550, 551, 556
Волжская Булгария 48, 210, 437, 438, 470, 473, 476
Волковыйск 432
Вологда 454
Волынское княжество 210
Волынь 211, 433, 439
Вормс 16, 127, 136, 137, 301, 572
Ворскла р. 433
Восточная Сибирь 475
Вроцлав 236, 254, 390
Вустер 512
Выборг 416, 421
Вышеград 711
Вяземское княжество 459
Вятка 453

Газа 598
Галата 351
Галисия 77, 79, 318, 558
Галиция 436
Галицко-Волынское княжество 207—210, 432, 440, 536, 698, 720, 731
Галицкое княжество 210, 211, 433, 444, 467, 720
Галицко-Дмитровское княжество 439
Галич 210
Галлиполи 345
Галлия 5, 11, 16, 20, 25, 28, 37, 50, 56, 60, 66, 67, 70, 71, 77, 80, 83, 84, 112—115, 118, 122, 124, 174, 218, 225, 233, 575
Южная 11, 16, 25, 50, 66, 67, 70, 71, 77, 80, 83, 84, 113, 233
Гамбург 38, 190, 240, 250, 254, 261, 290, 300, 417
Гаронна, р. 36, 66, 316, 529
Гасконь 269, 283, 304, 318, 537, 538
Гастингс 185
Гаттинар 337
Гаэта 76
Гвадалахара 318
Гвадиана, р. 36
Гданьск (Данциг) 148, 250, 300, 308, 391
Гебриды, Гебридские о-ва 182
Гегау 297
Гельдерн 538
Гельмед 459, 545
Геннегау 11, 276, 303, 538
Гент 261, 285, 290, 291, 294, 299, 301, 522
Генуя 38, 54, 81, 160, 235, 240, 246, 247, 254, 282, 312, 314—316, 330, 343, 359, 501, 533, 535, 544, 557, 558, 672
Германия, Германские земли 11, 18, 30—32, 36—41, 46—48, 50, 52, 53, 60, 61, 81, 126—139, 152, 153, 165, 169, 170, 205, 212, 218, 233—243, 246, 247, 261, 262, 266, 269, 270, 275, 276, 278, 279, 281, 282, 285—290, 292, 293, 296—298, 301, 302, 308—310, 315, 327, 337, 349, 368, 383, 388, 392, 402, 405, 411, 412, 417, 418, 430, 478, 480, 481, 486, 500, 503, 506, 514, 515—517, 520, 523, 525, 527, 542, 544, 549, 565, 570, 572, 578, 580, 643, 645, 647, 649, 650, 653, 654, 664, 672, 673, 680, 681, 693, 708, 729
Герцеговина 354, 367, 371, 545
Гессен 296
Гётеборг 188
Гибралтар 50, 107, 529
Главный Кавказский хребет 5
Гластонбёри 61
Глостер 185, 233
Гнёздово 714
Голландия 11, 37, 55, 256, 257, 261, 276, 303, 417, 515, 538
Голштиния 417, 423, 424, 426
Гомель 459
Горволь 432
Городецкое 439
Гослар 136
Готланд, о-в 172, 186, 187, 191, 405, 413, 418, 421
Грампьенский хребет 36
Гранада 335, 631, 636, 684
Гренландия 35, 55, 182, 405, 413, 416, 672
Греция 85, 87, 155, 233, 315, 340—344, 349, 551, 623
Гродно 432, 435
Грузия 108, 210, 221, 342, 352, 468, 472, 473, 536, 559, 587, 623
Грюнвальд 308, 435, 542

Дагестан 224, 551
Даларна 187, 424
Далекарлия 47, 406, 426
Далматинское побережье 521
Далмация 11, 27, 76, 85, 86, 92, 156, 165, 169, 170, 219, 353, 365—370, 482, 572, 623, 699

Дальний Восток 353, 547, 557
Дамаск 100, 535
Дамиетта 536
Дания 38, 172—175, 180, 181, 184, 187—189, 191—194, 211, 241, 246, 254, 405—411, 413—423, 425—428, 430, 488, 494, 529, 537, 542, 662, 683
Дарданеллы, пролив 85
Дарьяльский перевал 472
Датский архипелаг 172, 173, 176
Дверен 470
Девентер 680
Дедяков 473
Дербент 221, 437, 438, 471
Десна, р. 459
Джарроу 631
Диабасис 103
Дидимотика (Дидимотихон) 344
Динарское нагорье 155
Диррахий 108, 342
Дитмаршен 265, 269, 417
Дристра 160, 359
Дмитров 451
Днепр, р. 36, 49, 198, 199, 217, 219, 227, 432, 436, 437, 442, 444, 463, 465—467, 476
Днестр, р. 198, 217, 227, 466, 476
Добруджа 220, 358
Дордрехт 290
Долобское озеро 209
Дон, р. 43, 196, 198, 210, 217, 222, 223, 437, 442, 445, 446, 463, 466, 467, 558
Дорогобуж 459, 545
Доростол 465, 528
Дорчестер 185
Дофине 295
Драва, р. 155
Дублин 529
Дубровник 166, 240, 354, 359, 366, 367, 521
Дувр 290
Дунай, р. 27, 32, 36, 53, 66, 72, 108, 121, 127, 136, 139, 140, 147, 149, 150, 155, 157, 158, 163, 167, 195, 206, 217—221, 224, 225, 261, 308, 349, 355, 363, 371, 372, 375, 376, 438, 464, 466, 520, 528, 544
Дунайская Болгария 226, 227
Дунайская низменность 140, 152
Дураццо (Дуррес) 315, 379
Дурбе, озеро 432
Дуэро, р. 77, 321, 326
Дьяковице 708

Евразия 547
Евфрат 104, 107
Египет 85—88, 90, 97—99, 107, 315, 533, 536, 547, 550, 553, 558, 561, 597, 623
Емтланд 405, 416
Енисей, р. 475
Естрикланд 406

Ёталанд 172, 413

Жемайтия 433, 435, 436
Женева 265
Жилина 392

Заале, р. 127
Загреб 365, 371, 521
Задар 111, 167, 315, 369, 521, 699
Закавказье 6, 98, 202, 222, 223, 437, 471, 475, 547, 548, 550, 555, 556, 623
Закарпатье 433, 436
Залавар 698
Западная Двина, р. 432
Западная Сибирь 586
Звенигород 736, 738
Зеландия 11, 55, 188, 191, 257, 261, 303, 411, 412, 425, 427, 429, 538
Земпах 297
Зета 165, 168, 371
Знаймо 705
Золотая Орда (Синяя Орда) 438, 443—446, 452, 453, 459, 462, 473, 475—478, 499, 537, 545, 556—558, 586
Золотой рог, гавань 89, 103, 111, 351
Зондские о-ва 557
Зунд (Эресунн), пролив 172

Иберия, Иберийские горы 65, 77
Ивангород (Орешек) 458, 545
Иерусалим 98, 277, 282
Иёнчёпинг 418
Ижора, р. 441
Иллирик (Иллирия) 16, 85, 93, 526
Иль-де-Франс 123, 274
Ильмень, озеро 38
Имброс, о-в 619
Ингельхайм 50
Индия 6, 90, 547, 549, 559, 735
Ионическое море 314
Ипр 261, 285, 290, 291, 294, 301, 522
Иран 90, 91, 191, 219, 373, 478, 536, 547, 548, 555—557, 561, 597, 599
Ирландия 11, 13, 30, 36, 171—173, 175, 180—182, 186, 194, 234, 238, 241, 257, 258, 261, 262, 265, 273, 274, 283, 305, 416, 529, 563, 627, 628, 632, 633, 742
Иртыш, р. 438, 475
Исландия 35, 36, 55, 182, 188, 190, 194, 405, 413, 416, 417, 428, 529, 635, 636, 662, 672, 742
Испания 9, 11, 16, 17, 25, 27, 37, 38, 43, 47, 50, 55, 56, 61, 65, 66, 68—70, 77, 78, 80—84, 86, 92, 107, 112, 120, 149, 225, 233, 235, 238, 242, 246, 315, 318, 324, 327, 332, 480, 498, 511, 524, 529, 535, 547, 549—551, 553, 554, 572, 574, 575, 577, 599, 627, 628, 631—634, 636, 640, 641, 644, 649, 656, 664, 682, 684, 743, 745
Истамбул см. Константинополь
Истрия 27, 155, 156, 165, 368, 369, 527
Италия 11, 16, 23, 25, 26, 36—38, 43, 46, 48, 50—52, 58, 60, 61, 65—77, 78, 80—84, 92, 98, 107—109, 112, 119, 126, 129, 130, 132, 137, 139, 166, 169, 170, 212, 233—235, 238—243, 246, 252, 255, 257, 261, 262, 276, 280—282, 309, 311—317, 320—324, 326, 327, 329—338, 346, 349, 364—368, 380, 460, 479, 480, 482, 488, 489, 498, 500, 503, 511, 514—516, 519—521, 523—525, 527, 529, 531, 533, 536, 538, 542, 544, 546, 550, 551, 553—555, 559, 562, 563, 565, 570, 572, 575, 577, 578, 580, 583, 599, 607, 614, 618, 622, 623, 626, 627, 630, 632, 637, 639, 644, 647, 648, 656, 664, 666, 673—677, 680—683, 685, 737, 745

Йемен 547
Йорк 38, 181, 233, 235, 241, 290, 300

Кавказ 85, 86, 90, 222, 225, 246, 437, 470, 550, 551, 552, 557, 614
Кавказский хребет 217, 225
Кадис 328
Казанское ханство 453, 462, 477, 499
Казань 247
Казахстан 466
Калабрия 71, 74, 76, 311, 338, 515, 526
Кале 306, 538, 539
Калимал 255, 315
Калка, р. 440, 474
Кальмар 418, 422
Кама, р. 38, 226, 473
Камбре 124, 268, 280
Каменец-Подольский 435
Кампанья 327
Канавезе 337
Каносса 486, 572
Кантабрийские горы 36, 55
Каппадокия 86, 604
Каракорум 474, 476, 556
Карантания 165, 167—169
Карвуна (Каварна) 359
Карелия 416, 586
Каринтия 169, 278, 492
Каркассон 239, 643
Карпаты, Карпатские горы 48, 139, 140, 195, 217, 371—373, 375, 433, 567
Каррара 56
Карфаген 66, 98, 100
Каспий, Каспийское море 199, 202, 221, 232, 547, 550, 551, 557
Кассель 294
Кастилия 65, 79, 80, 241, 253, 311, 318—321, 324—326, 328, 333—335, 343, 480, 498, 504, 520, 538—542, 554
Каталаунские поля 218
Каталония 77, 121, 236, 241, 317, 324, 325, 328, 335, 338, 480—482, 514—516, 539, 684
Каталонские горы 65
Каттегат, пролив 172
Кведлинбург 239
Кёльн 38, 136, 137, 233, 236, 240, 250, 254, 261, 285, 300, 522, 657, 680
Кембридж 241, 557, 683
Кен 221
Кёнигсберг 308, 433
Кент 16, 171, 173, 184—186, 296, 512
Кентербери 185, 186, 631, 683
Керпуст 698
Керулен, р. 476
Кесария 598
Киев 38, 51, 52, 198—201, 203—209, 211, 227, 236, 433, 435, 438, 443, 444, 453, 458, 465, 466, 468, 479, 513, 530, 536, 554, 566, 567, 587, 715—719, 722—725
Киевская земля, княжество 208, 433, 434, 436, 439, 720
Киевская Русь см. Русь
Киевское Полесье (Житомирщина) 432
Кизика 598
Киликия 86, 556
Килия 376, 377
Кипр, о-в 85, 108, 550, 601
Киренаика 85—87, 98
Китай 6, 86, 90, 216, 437, 475, 547, 556, 557, 561, 746
Клайпеда 437
Клерво 646
Клермон 124, 281, 300
Клис 167
Клуж 837
Клязьма, р. 209
Книн 167
Кобленц 53, 522
Ковентри 38
Коимбра 319
Коломна 445
Колчестер 174
Кольский п-ов 416
Компьен 306, 639
Константинополь 9, 38, 58, 88—90, 93—97, 100, 101, 103, 106, 107, 110, 111, 147, 152, 154, 162—164, 169, 202, 222, 223, 235, 236, 249, 254, 314, 316, 339, 341—343, 346, 349—352, 359, 377, 378, 485, 511, 526, 530, 533, 534, 536, 545, 547, 550, 556, 557, 558, 566, 568, 582, 584, 587, 598—603, 605—609, 611, 612, 614—618, 621, 698, 703, 705, 723
Констанц 359, 400, 566
Копенгаген 191, 414, 418, 423, 428
Кордова 53, 78, 82, 236, 328, 631, 656, 684
Корея 547
Коринф 88, 90, 100, 107, 233, 346, 614
Коринфский залив 341
Корнуэлл 47, 172—174, 182
Корон 340
Корсика, о-в 17, 92, 550
Корфу, о-в 516
Косово поле 349, 364, 544
Кострома 254, 440, 444
Костромское княжество 439
Котор 167, 366, 369, 521
Кошице 708
Крайна 48, 278
Краков 60, 145, 387, 390, 391, 706, 709, 711
Краковское воеводство 516
Кремона 70, 82
Кресси 304
Крит, о-в 85, 108, 314, 550, 616
Кричев 432
Крнски-град 167, 169
Круя 380
Крым, п-ов 85, 90, 107, 217, 222, 223, 225, 246, 247, 314, 377, 430, 437, 442, 446, 464, 476, 477, 528, 551, 557, 559, 614, 623
Крымское ханство 459, 462, 477, 499
Кубань 463
Куликово поле 374, 445, 446, 732
Кунгсхелла 191
Курск 715
Куртре 262, 299
Куртя-де-Арджеш 372, 373
Кутмичевиц 700
Кутна Гора 47, 390, 711
Куэнка 318
Кьоджа 315
Кымпулунг 372

Лаба см. Эльба
Ладожское озеро 416
Ла-Манча, горы 322
Ла-Манш, пролив 172, 185, 233, 529
Лан 124, 240, 255, 268, 300, 315, 331, 646, 663, 679

Лангедок 257, 275, 284, 295, 311, 317, 329, 515, 645
Ла-Рошель 304
Ла-Рош-о-Муан 275, 534
Лас-Навас-де-Толоса 328
Латвия 278
Латгалия 586
Лациум (Лаций) 71
Левант 315—317, 550
Лейден 203, 551
Ле-Ман 52
Ленчица 711
Леньяно 276, 326, 531
Леон 77, 79, 80, 82, 241, 311, 318, 320, 321, 324, 325, 328, 335, 480, 494, 554
Лерида 307, 683
Лесбос, о-в 618
Лестер 185
Лех, р. 127, 129, 149
Лёдёсе 191
Ливан 86, 532, 556
Ливония 278, 429, 459
Лигница 536
Лигурия 315
Лидс 290
Лилль 290
Лимож 511
Лимузен 269
Линдисфарн, о-в 179, 181, 528, 631
Линкольн 38, 53, 185, 241
Линн 290
Линчёпинг 191
Литва 11, 30, 210, 247, 308, 404, 431—435, 437, 454, 460, 499, 514, 543, 545, 731
Великое княжество Литовское 211, 432—437, 439, 453, 457—459, 462, 587, 732
Лион 16, 82, 233, 235, 281
Липаны 403
Лиссабон 319
Ловеч 359
Ломбардия 16, 51, 235, 249, 315, 321, 330, 558
Ломбардская низменность 65
Лондон 38, 52, 53, 174, 181, 185, 186, 233, 236, 241, 249, 251, 261, 262, 290, 291, 296, 300, 301, 305, 498, 520, 523, 655, 671
Лопасня, р. 445
Лотарингия 46, 47, 129, 138, 282, 306
Восточная 127
Лотиан 274
Луара, р. 11, 16, 28, 36, 53, 66, 115, 118, 119, 232, 233, 306, 529
Лувен 261
Лузитания 67, 79, 80
Лукка 58, 79, 312, 361, 330
Лунд 191, 417, 418, 662
Львов 375, 391, 435
Льеж 124, 522
Любек 236, 240, 250, 251, 252, 254, 261, 285, 290, 300, 417, 424, 522
Любляна 365, 521
Любошаны 432
Любутск 459
Люксембург 112, 276, 303
Люцерн 297
Ляанемаа 447

Маас, р. 28, 114, 232, 261, 644
Магас 472
Магдебург 240, 300, 522, 681, 694
Магнесия 344
Магриб 317, 553, 658, 641
Мадрид 52, 318
Мазовия 394
Майл-энд 296
Майн, р. 127
Майна 343
Майнц 53, 127, 136, 233, 361, 301, 513, 522, 694
Майсен 681, 694
Македония 86, 87, 99, 155, 158, 340, 343, 346, 348, 349, 358, 364, 515, 536, 544, 551, 565
Макон 124
Малага 656
Малатья 558
Малая Азия 85—88, 95, 98—104, 108, 246, 282, 314, 339, 340, 344, 345, 349, 375, 544, 550, 553, 556, 559, 567, 597, 600
Мангуп 377
Манстер 181
Мансфельд 47
Мантуя 70
Манцикерт 109, 553
Маньчжурия 548, 556
Маныч, р. 5
Марага 557
Марамуреш 373
Маремма Тосканская 65
Марибор 365
Марна, р. 280
Марица, р. 159, 349, 544
Марокко 314, 529
Массилия (Марсель) 71, 81, 82, 90, 233, 235, 246, 290, 316, 533, 535
Медина-дель-Кампо 318
Медхэмстед 52
Междуречье (Месопотамия) 85, 86, 88, 98, 108, 535, 548, 596
Мезецк 459
Мекка 49
Меларен, озеро 191
Мелника 358
Мельдансон 52
Мемминген 255
Мен 274, 306, 531, 534
Мерсия 16, 173, 181, 184—186, 463, 512
Месета Северная (Старая Кастилия) 77, 321
Мец 124, 236
Милан 38, 70, 72, 81, 82, 233, 236, 313, 315, 326, 330, 534, 583, 601, 659, 676
Милет 600
Мириокефал 108
Миссисипи, р. 672
Мистра 343, 346, 616, 617, 621, 622
Модон 340
Мозель, р. 38, 136, 232
Мозырь 432
Молдавия 11, 32, 355, 402, 476, 477, 566, 586
Молдавское княжество 447
Молдова, р. 373
Монемвасия 343
Монпелье 300, 316, 522, 535, 656, 671
Монтекассино 575, 626, 630, 639, 649
Морава, р. 140, 148
Моравия, Великая Моравия 31, 110, 146, 147, 149, 152, 566, 697, 698, 708, 711, 714

Моргартен 297
Москва 254, 362, 438, 439, 442—446, 449, 451, 452, 454, 460—462, 498, 545, 584, 586, 613, 716, 732, 735—741
Москва, р. 443
Московское княжество 437, 439, 442, 444, 445, 450, 452—456, 460, 462, 478, 505, 545, 586, 704, 726, 731, 740
Моусла 535
Мраморное море 247, 340, 351, 601, 610
Мунтения 372, 373
Мурано, о-в 56
Мурсийская низменность 65
Мурсия 318
Мценск 459
Мэн, о-в 182

Наварра 77, 328
Нанси 303, 307
Нант 124
Нарбониа (Нарбонн) 71, 82, 316
Нарва 417, 421, 545
Нарова, р. 458
Наумбург 664, 665
Нахичеванский край 556
Неаполь 38, 58, 90, 233, 277, 313, 334, 676
Нева, р. 211, 212, 416, 441, 537
Невилл-Кросс 541
Нейстрия 115, 117, 119
Неман, р. 38, 43
Непрядва, р. 445
Нерль, р. 724
Несебыр 358
Ниверне 307
Нидарос см. Тронхейм
Нидерланды 11, 35, 37, 52, 56, 61, 112, 236, 250, 285, 286, 290, 293, 301—303, 305, 309, 385, 423, 473, 480, 506, 508, 538, 679—682, 745
Нижний Новгород 210, 247, 254, 440, 444, 451, 731, 737
Нижегородское княжество 442
Никея 88, 90, 100, 102, 107, 340, 344—346, 598, 601, 617, 728
Никласгуезен 257
Никомидия 88, 344, 598
Никополь 379, 544
Нил, р. 85
Ним 295, 300, 316
Нимвеген 50
Нимфей 340
Нин 167
Нисибис 598, 626
Ницца 316
Ниш 160, 349, 380
Новая Кастилия 321
Новая Фокея 618
Новгород 38, 51, 60, 198, 201, 203, 204, 207—209, 211, 212, 236, 238, 240, 246, 248, 251, 254, 416, 423, 430, 433, 440—444, 446, 448, 449, 451, 453, 454, 456—461, 466, 479, 501, 521, 522, 545, 567, 586, 587, 715, 716, 724, 730, 731, 733, 735, 737—739
Новгородок 432
Новгород-Северский 459
Новгородская земля, республика 209, 438, 439, 441, 443, 450, 451, 453, 454, 456, 499
Нове-Грады 53
Нови 367
Ново-Брдо 365
Ново-Место 390
Ногайская Орда 477
Норвегия 31, 32, 171—173, 175, 177, 180, 181, 187—189, 191—194, 197, 241, 246, 405—407, 409, 410, 412—430, 488—490, 492, 494, 512, 516, 529, 537, 542, 636, 661, 727
Норвежское море 172
Нордхаузен 300
Нориджь 38, 185, 290
Нормандия 182, 184, 259, 269, 274, 306, 311, 511, 515, 522, 529, 531, 534, 539, 550, 639
Нортумбрия 16, 173, 181, 512, 633
Норфолк 296
Нюланд 416
Нюрнберг 38, 53, 235, 236, 240, 290

Обь, р. 438
Оверэйссел 257
Овернь 295, 515
Овьедо 77
Оденсе 191, 418
Одер (Одра), р. 36, 43, 138—140, 149, 278
Ока, р. 43, 210, 430, 433, 437, 444—446, 454, 459, 474
Оксфорд 241, 656
Олово 365
Оломоуц 145
Олт, р. 372
Олтения 372
Ольборг 191, 418
Онежское озеро 416
Оркнейские о-ва 45, 182, 416, 428
Орлеан 53, 124, 241, 274, 294, 300, 306, 316, 679
Орхус 191, 418
Осло 172, 191, 414, 418, 425, 426
Осло-фьорд 191, 192
Отен 643, 689
Охрид 163, 361, 700

Павия 70, 72, 74, 81, 82
Падерборн 729
Падуанская равнина 81
Палермо 58, 313, 655, 656
Палестина 55, 85, 86, 98, 111, 278, 282, 314, 432, 532, 534, 536, 555, 556, 596, 623
Паннония 16, 17, 37, 72, 120, 168, 217, 219, 227
Папская область 235, 315, 320, 326, 327
Пардубице 707
Паренцо 601
Париж 38, 52, 81, 118, 124, 126, 233, 235, 236, 238, 241, 242, 249, 261, 262, 274, 290, 294, 295, 299, 300, 306, 498, 520—522, 529, 551, 579, 606, 627, 630, 645, 656, 671, 677
Паристрион (Северо-Восточная Болгария) 163, 355, 356
Парма 312, 327, 336, 337
Пассау 136
Пелопоннес (Морея) 107, 314, 340, 343—345, 349, 352, 621
Передняя Азия 201, 223, 477, 547, 548, 552, 555

Переславль (Переславль-Залесский) 438, 440, 444, 724
Переяславль 51, 208, 468
Пермь 211
Перпиньян 317
Персидский залив 547
Перт 274
Перуджа 254, 523
Петаполис 74
Печора, Печорская земля 211
Печора, р. 47
Пиза 282, 312—315, 317, 535
Пикардия 28, 123, 294, 307
Пиренеи, Пиренейские горы 65, 120, 317, 332, 334, 524, 549
Пиренейский п-ов 5, 36, 38, 44, 66, 67, 70, 77, 79, 82—84, 92, 112, 118, 311, 316, 321, 328, 333, 334, 455, 478, 499, 522, 539, 540, 552—554, 562, 631, 639, 653, 684
Пистойя 312
Плимут 38
Плиска 157, 162, 221, 699
Плоцк 145
По, р. 36, 65, 70, 72, 81, 82, 315, 331
Поволжье 44, 179, 223, 430, 446, 466, 476, 477, 551
Подборач 365
Подвисоки 365
Поднепровье 432, 436
Подолье 433, 436, 439
Подунавье 217, 219, 220, 225, 371, 374, 465
Пожонь (Братислава) 145
Познань 145
Покутье 436
Полоцк 51, 206, 432, 433, 435, 442, 715, 716
Полоцкая земля 209, 434, 438, 720
Польша 11, 30, 36, 37, 44, 53, 58, 61, 138, 143, 145, 148, 153, 154, 170, 203, 204, 207, 211, 212, 234, 241, 278, 308, 309, 349, 350, 375, 378, 381, 382, 384, 386, 387, 388, 391—394, 396—400, 402—404, 417, 467, 475, 478, 481, 499, 502, 503, 505—507, 512, 516, 521, 522, 528, 535, 536, 543, 545, 549, 566, 567, 578, 614, 664, 698, 705, 708—711, 714, 732
Померания 278
Поморье 148, 390
Понт, римская провинция 86, 339
Понтефракт 290
Поросье 470
Портсмут 290
Порту 319
Португалия 37, 50, 55, 65, 79, 319, 320, 326, 328, 329, 332, 417, 540, 682, 745
Посад 373
Прага 38, 53, 60, 145, 148, 236, 241, 254, 387, 389, 390, 404, 498, 655, 705, 706, 711
Прато 331, 675
Предкавказье 223, 225, 468, 472, 476
Преслав 157, 158, 162, 221, 699, 700
Приазовье 220, 222, 224, 466, 467
Приаралье 225
Прибалтика, Прибалтийские земли 30, 48, 50, 180, 211, 212, 246, 260, 278, 412, 416, 431, 436, 441, 442, 446, 462, 463, 512, 532, 636, 574, 614
Приднепровье 217
Приднестровье 217, 476
Призрен 365
Прииртышье 466
Прикамье 224, 327
Прикарпатье 142, 372, 373, 377
Прикаспий 202, 220
Приладожье 421
Приокские земли 432
Припять, р. 432
Приуралье 216, 227
Причерноморье 225, 246, 372, 375, 451, 466, 537, 551
Северное 85, 90, 107, 155, 157, 536, 547
Приштина 365
Прованс 119, 269, 275, 301, 307, 311, 316—318, 578, 653
Пропойск (Славгород) 432
Пруссия 302, 308, 432
Восточная 308
Прут, р. 227, 476
Псков 38, 60, 207, 211, 240, 246, 254, 430, 433, 439, 440, 442, 446, 451, 453, 458, 459, 479, 501, 521, 522, 586, 716, 734, 736
Псковская республика 439, 440, 441, 454, 499
Пуату 274, 295
Пуатье 29, 119, 261, 294, 295, 304, 316, 549, 643
Путивль 720
Пфальц 309
Пьемонт 235, 337
Пьяна, р. 444
Пьяченца 81, 82, 338

Равенна 16, 66, 67, 69, 70, 92, 100, 233, 235, 600, 601, 625
Равенсбург 255
Рашка 168
Ревель (Таллинн) 246, 417, 421, 451
Регенсбург 53, 136, 522, 695
Рединг 53
Реймс 124, 300, 306, 679
Рейн, р. 11, 16, 28, 30, 36, 43, 53, 112, 114, 118, 126, 127, 136, 137, 225, 232—234, 255, 261, 264, 286, 289, 296, 303, 520, 529
Рейнская область 207, 301, 480, 681
Ренн 124
Речица 432
Рибе 191, 418
Рига 55, 211, 246, 251, 451
Рим 9, 69, 70, 74, 94, 110, 112, 120, 121, 129, 131, 138, 147, 152, 162, 186, 233, 235, 236, 276, 310, 311, 315, 329, 336, 343, 417, 462, 485, 488, 520, 521, 526, 527, 529, 537, 550, 551, 555, 556, 558, 562, 563, 566, 568, 572, 573, 580—582, 587, 599, 601, 604, 625, 676
Рипон 290
Родопы, Родопский массив 155
Роксбург 274
Романья 315, 327
Рона, р. 16, 36, 126, 303
Ронсевальская долина 77, 649
Рооэбок 299
Роскилле 191, 418
Ростов 254, 439, 440, 443, 731
Ростовская земля, княжество 210, 442, 453, 513

Росток 241, 245, 522
Россия 196, 478, 488, 506, 555, 558, 740
См. также Русь
Рось, р. 470, 713
Рочестер 181
Руан 124, 300, 306, 316, 522
Румелия 380
Румыния 371
Руса 448, 451
Русь, Древнерусское государство, Киевская Русь 7, 11, 13, 14, 17, 18, 20, 30, 31, 35, 36—41, 43, 44, 48-52, 57, 58, 61, 107, 110, 138, 141, 154, 179, 182, 191, 194—197, 199—212, 220, 230, 234, 236, 238, 241, 244, 246, 247, 254, 262, 278, 352, 387, 404, 416—418, 421, 430—451, 453, 455—459, 462—468, 470, 473, 475, 476, 478, 479, 481, 488, 490, 491, 493—495, 497—499, 501—503, 507, 508, 511, 512, 514—519, 521, 523, 524, 526, 528, 530, 535—537, 544, 545, 550—552, 555—557, 566, 567, 572, 581, 583—587, 590, 593, 609, 610, 614, 623, 698, 700, 701, 710, 712—723, 725—732, 734—736, 739—741, 744
Рыльск 459
Рюген, о-в 417, 697
Рязанское княжество 438
Рязань 438, 440, 444, 731, 732

Сааремаа, о-в 441, 447
Сава, р. 155
Саксония 20, 120, 127—129, 134, 136, 391, 417, 512
Нижняя 264
Сала, р. 140
Саламанка 318, 656, 683
Салерно 656
Самарканд 559
Самос, о-в 544
Самсё, о-в 188
Санс 646, 679
Сарагоса 49, 317, 328
Сарай 247, 438, 439, 477
Сардика 562
Сардиния, о-в 17, 92, 277, 550, 572
Сарды 344
Саркел (Белая Вежа) 198, 223, 464
Свеаланд 172, 188, 413
Свислочь 432
Свитьод 188
Св. Устья залив 351
Северная Америка 179, 182, 530, 672
Северная Буковина 433, 436
Северное море 45, 127, 172, 191, 211, 246, 250, 261, 405, 529
Северный Кавказ 199, 209, 459, 477, 551, 623
Северный Ледовитый океан 172, 416, 454
Северный Урал 211
Северский Донец, р. 47, 196, 217, 223, 463, 467, 470
Севилья 77, 236, 328, 628, 631, 639, 640, 656
Сеговия 318
Сезия, р. 337
Седертелье 191
Седерчепинг 418
Сейм, р. 436
Секешфехервар 145
Семюр-ан-Оксуаз 57
Сена, р. 16, 36, 52, 53, 182, 529
Сен-Дени 232
Сен-Готардский перевал 53
Сен-Кантен 300, 522
Сент-Олбанс 174
Септимания 119
Сербия 32, 109, 110, 168, 169, 348, 354, 359, 364—371, 373, 482, 495, 501, 515, 534, 544, 610, 614, 623, 700—702, 704, 714
Серет, р. 227, 463
Серкьо, р. 58
Серпейск 459
Серпухов 445
Серры 349
Сет 255
Сеута 316
Сибирское ханство 477
Сибиу 375
Сигтуна 191, 418
Сиена 254, 313, 330, 331, 523, 663
Силезия 40, 404, 536
Синай 601
Сирия 78, 85—88, 98, 101, 108, 111, 250, 282, 314, 532, 535, 536, 547, 553, 556, 651, 596
Сирмий 163
Сить, р. 440
Сицилия, о-в 17, 36, 43, 48, 69, 71, 72, 74, 76, 92, 179, 250, 282, 311, 315, 327, 334, 343, 379, 526, 529, 531, 533—535, 550, 553—555, 614, 623, 644, 659
Скагеррак, пролив 172
Скара 191
Скарборо 300
Скандинавия, Скандинавские страны 11, 17, 18, 30, 31, 37, 38, 45, 81, 90, 141, 171, 176—178, 181, 186, 188—191, 193, 194, 205, 212, 218, 234, 238, 240, 244, 247, 262, 407—411, 413, 415, 417, 419—421, 427—429, 473, 482, 493, 495, 498, 500, 512, 529, 542, 551, 565, 635, 660, 662, 672, 683
Скандинавский п-ов 5, 172, 174, 187, 188, 405, 406
Скирингсаль (Каупанг) 191
Сконе, п-ов 172, 173, 181, 191, 405, 406, 411, 412, 418, 421, 429
Славия 198
Словакия 392, 402, 515, 528, 708
Словения 32, 169, 310, 365
Слоним 432
Смирна 88, 90, 107, 340, 344
Смитфилд 296
Смоленск 199, 246, 432, 433, 435, 442, 443, 458, 459, 714, 716, 731, 732
Смоленская земля 209, 434, 438, 439
Спарсетер 413
Спарта 614
Сплит 254, 366, 369, 521
Сполето 16, 72, 74, 235, 327
Сож, р. 436, 459
Солсбери 185, 268, 647, 650
Солтурн 303
Сомма, р. 112, 118
Сона, р. 16
Сребрница 365
Средец (София) 160, 349, 358, 359, 364
Средиземное море 55, 65, 82, 246, 329, 342, 532, 533, 550
Средиземноморье 65, 81, 84, 89, 92, 93,

108, 112, 236, 246, 312, 315, 319, 320, 330, 339, 532, 535, 545, 550, 559, 561, 631, 741
Средняя Азия 90, 223, 247, 475, 530, 547, 553, 555—557, 561
Ставангер 191, 418
Стамфордбридж 181, 529
Старая Ладога 728
Старая Русса 716
Стародуб 459
Стародубское княжество 439
Стокгольм 235, 251, 414, 418, 424, 426, 428—430
Страсбург 48, 136, 233, 522, 680
Стренгнес 418, 425
Струма, р. 159
Суассон 112, 119, 294, 300, 646
Субиако 626
Сувар 52
Сугров 467
Судак (Сурож) 247, 451
Суздаль 210, 438, 513, 584, 715
Суздальское княжество 439
Сула, р. 465
Суматра, о-в 559
Суссекс 16, 173
Суффолк 296
Сучава 372

Табор 386, 401, 402
Тавастланд 416
Тагин 83
Тамань 551
Таматарх 224
Танаис 558
Тарракона 67
Тартарен 316
Таруса 445
Тахо, р. 36
Тверское княжество 439, 442
Тверь 254, 433, 438, 440, 443—445, 454, 545, 731, 732, 741
Тегеран 202
Телемарк 425
Телье см. Седертелье
Темза, р. 36, 54
Тёнсберг 191, 418
Тефрика 104
Тибр, р. 70
Тир 88
Тироль 16
Тирренское море 65
Тисса, р. 72, 140, 147, 149
Тмутаракань 204
Толедо 69, 77, 78, 82, 318, 328, 335, 639, 640, 655, 656
Толоза (Тулуза) 16, 66, 82, 316
Торжок 254, 438
Торунь 308
Торческ 470
Тусция (Тоскана) 16, 56, 58, 72, 235, 256, 311—313, 315, 320, 326, 327, 330, 500
Травуния 354
Трансильвания 154, 373, 375, 387, 391, 516, 519
Трапезунд 107, 346, 352, 617
Треннелаг 193, 412
Триестский залив 155
Трир 136, 233, 522
Трогир 369
Тронхейм (Нидарос) 172, 191, 418
Троя 687
Труа 52, 53, 218, 306, 539
Трубеж, р. 465
Тулон 71
Тунис 314—316, 558
Тур 124, 316, 633
Турень 274, 531, 534
Турин 70, 337
Туркестан 548, 553
Туркестан Восточный 549
Турне 28, 124
Туров 208
Турополье 371
Турция 352, 558, 559
Тырново (Тырнов) 160, 349, 358, 359, 361, 363, 364, 703, 704
Тюрингия 127

Углич 440
Угличское княжество 444
Угра, р. 454, 459
Уинчестер (Вента) 185, 261
Уитби 186
Украина 195, 197, 433, 713
Ульм 255, 290, 681
Умбрия 327
Унтервальден 265, 279
Упланд 177, 409, 413, 424, 426
Уппсала 191, 192, 418, 429, 683
Урал 5, 434, 586
Ури 265, 279
Урмия, озеро 202
Усеберг 180
Устюг 440
Утрехт 261
Уэльс 172, 182, 304
Уэрксуэрт 47
Уэска 683
Уэссекс 16, 173, 184—186, 512

Фалун 47
Фанагория 220—222
Фарерские о-ва 182, 412
Фаэнца 56
Фенноскания 5, 11, 171, 173, 175, 405
Феодосия (Кафа) 247, 377, 451
Феррара 82
Фессалия 85, 88, 99, 344, 348, 349
Фессалия 85, 86, 99, 344, 348, 349
Фессалоника (Солунь, Салоники), 58, 88, 90, 93, 100, 104, 107, 108, 233, 342, 343, 346—349, 522, 600, 601, 604, 609, 614, 698, 705
Фивы 344
Филадельфия 340, 344
Филиппополь 88, 104, 109
Филокрена 544
Финикия 86, 88, 107
Финляндия 11, 171, 173, 188, 190, 194, 416
Финмарк 416, 421
Финский залив 211
Фландрия 58, 137, 234, 235, 240, 242, 246, 247, 255, 256, 261, 262, 264, 266, 269, 275, 281, 287, 291, 294, 299, 301, 302, 304, 311, 316, 417, 514, 515, 517, 522, 523, 531, 534, 537, 539, 666, 682
Фленсборг 428
Флоренция 38, 233, 236, 240, 247, 250, 254, 256, 312, 313, 315, 323, 330, 331,

333—336, 338, 523, 676, 735
Фокида 610, 612
Фолкерк 274
Фольклавдстингстад 418
Фонтерве 665
Фракия 85, 87, 98, 99, 103, 155, 157, 158, 217, 314, 343, 346, 349, 364, 536, 544, 565
Франкония 127, 129, 264, 296, 515
Франкфурт-на-Майне 240, 300, 301
Франция 11, 29, 36—39, 41, 43, 46, 52, 56—58, 65, 75, 81, 82, 112, 118, 126, 128, 129, 138, 139, 164, 179, 185, 205, 212, 218, 233—236, 238—244, 246, 247, 252, 254, 258, 261—264, 266, 268—272, 274, 275, 279—283, 286—290, 292, 293—295, 298—330, 349, 384, 410, 417, 418, 455, 478—480, 495, 497—499, 502—506, 508, 513, 515, 516, 519, 520, 522, 523, 525, 531, 532, 534, 535, 537—542, 544, 555, 556, 558, 577, 578, 580, 583, 590, 593, 604, 616, 627, 634, 643, 645, 647, 648, 653, 654, 656, 657, 663—666, 677—679, 689, 691, 727
Фрейбург 303, 681
Фрисландия 55, 127, 265
Фриуль 337
Фюн, о-в 191, 418

Хазария, Хазарский каганат 9, 202, 203, 212, 219, 222, 224, 226, 227, 463, 464, 470—473, 476—478, 528, 550, 551
Халибма-Череш 698
Халкидон 562
Халланд 181, 405, 421
Хамадан 557
Харьюмаа 441, 447
Хатив 59
Хельсинборг 424
Хельсингер (Эльсинор) 424
Херона 317
Херсонес (Корсунь) 85, 90, 107, 203, 222, 247, 463, 464, 528, 722
Херцегнови см. Нови
Херьедален 405
Хингилус, р. 227
Хиос, о-в 351, 544, 610, 612
Хорватия 32, 110, 154, 167—169, 353, 365, 366, 368, 370, 371, 482, 503, 699, 702
Хорезм 191, 553
Хорин 661
Хоэнбург 134
Хума 354
Хэдебю 191

Цейлон (Тапробана) 90, 547
Цильма, р. 47
Цюрих 265, 297

Червонная Русь 199, 203, 516
Черная Русь 432
Черемшан, р. 473
Чернигов 38, 51, 204, 207, 208, 210, 438, 443, 458, 459, 468, 723
Черниговское княжество, земля 208, 209, 432, 468, 720
Черногория 168
Черное море 85, 199, 217, 339, 343, 346, 353, 372, 451, 466, 559
Черноморье 246
Черномен 364, 544
Честер 233
Чехия 11, 47, 53, 138, 143, 148, 152, 154, 155, 207, 212, 235, 238, 240, 241, 247, 255, 309, 349, 375, 381, 384, 385—387, 388, 390, 392, 394, 397, 399, 400, 401, 402—404, 424, 433, 481, 503, 505, 506, 515, 519, 522, 528, 535, 549, 572, 578, 581, 664, 698, 705—708, 711, 714
Чехословакия 37, 146
Чешская долина 148
Чешско-Моравское плоскогорье 140
Чичерск 432
Чудское озеро 212, 441, 537

Шалом 280
Шампань 247, 275, 316
Шампо 639, 646
Шартр 647
Шарукань 467
Шауляй 432, 536
Шафхаузен 303
Швабия 264, 296, 515, 681
Швейцария 11, 16, 37, 254, 257, 258, 265, 269, 279, 302, 303, 309, 315, 337, 517, 578, 742
Швеция 38, 46, 61, 171—175, 176, 180, 186—189, 191, 192, 194, 197, 211, 212, 235, 241, 246, 254, 255, 405—410, 413—430, 441, 488, 494, 498, 504, 512, 516, 537, 542, 635, 683
Швиц 265, 279
Шелонь, р. 453
Шельда, р. 16
Шербур 539
Шетландские о-ва 45, 182, 416, 428
Шотландия 11, 30, 44, 171—173, 175, 180—182, 186, 194, 234, 254, 257, 258, 261, 262, 265, 266, 270, 274, 283, 304, 305, 315, 529, 531, 537, 538, 541
Шибеник 369
Ширван 471
Шлезвиг 138, 181, 184, 191, 405, 411, 412, 418, 421, 426, 529
Шпейер 127, 301, 522, 645
Шпицберген, архипелаг 182
Штекниц 53
Штеттин 261
Штирия 278
Штральзунд 241, 300
Шумен 160

Эбро, р. 65, 77
Эгейское море 85, 103, 314, 340, 342, 343, 346, 352, 544
Эдесса 88, 100, 548
Эдинбург 274
Эксетер 683
Эланд, о-в 172, 191
Эльба (Лаба), р. 11, 30, 36, 53, 72, 121, 127, 136—140, 256, 278, 286, 289, 308, 417, 517, 520, 529
Эльбинг 308
Эльзас 40, 296, 297, 301
Эмба, р. 5
Эно 677
Энчепинг 418
Эпир 86, 314, 342, 345
Эребру 424, 425

Эрфурт 129
Эссекс 16, 173, 181, 186, 296
Эстергом 145
Эстония 278, 417, 421
Эстремадура 322
Эстфолль 172
Эфес 88, 90, 100, 107, 598
Эфиопия 90

Югославия 164
Южно-Португальская низменность 65
Юрга 211
Юрьев (Дерпт, Тарту) 211, 459
Юрьев-Польский 726, 736, 740
Ютландия, Ютландский п-ов 16, 171—173, 176, 188, 191, 412, 425, 516

Ява, о-в 559
Яик, р. 467, 556
Япония 547
Ярмук, р. 98
Ярославль 254, 440, 451, 513
Ярославское княжество 442, 453

Цветные карты (Европа, Северная Африка и Передняя Азия в середине V — середине VI в.; Европа, Северная Африка и Передняя Азия в конце IX — начале XI в.) будут приложены к третьему тому настоящего издания).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (*Е. В. Гутнова, А. А. Сванидзе,* |*З. В. Удальцова*|) 5

ТИПОЛОГИЯ ПРОЦЕССА ФЕОДАЛИЗАЦИИ. ПРИРОДА И ЛЮДИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В ЕВРОПЕ (*Е. В. Гутнова,* |*З. В. Удальцова*|) 16

Генезис феодализма в Византии 21

Особенности генезиса феодализма в Юго-Западной Европе 25

Генезис феодализма во Франкском государстве 28

Бессинтезный путь генезиса феодализма 30

ГЛАВА 2. ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ (*А. Я. Шевеленко*) 34

Природные условия 35

Географическая среда и производственная деятельность европейцев 36

Народонаселение 37

Земледелие 40

Скотоводство 43

Рыболовство, охота, лесные промыслы 44

Прогресс техники 45

Часть первая. ЕВРОПА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ГЛАВА 1. ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В V–X ВВ. (|*Л. А. Котельникова*|) 65

Остготское и Вестготское королевства 66

Общество и государство в Италии под владычеством лангобардов 72

Италия в VIII–IX вв. 74

Арабское завоевание Пиренейского полуострова. Образование христианских государств 77

Мусульманская Испания 77

Христианские государства Пиренейского полуострова 79

ГЛАВА 2. ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (IV—XII ВВ.) (|*З. В. Удальцова*|) 85

ГЛАВА 3. ФРАНКСКОЕ ГОСУДАРСТВО (*Ю. Л. Бессмертный*) 112

Возникновение Франкского государства 112

Франкское государство Меровингов в конце VI – начале VIII в. и становление феодального уклада 115

Франкское государство при Каролингах (VIII – середина X в.) 118

ГЛАВА 4. ГЕРМАНИЯ В IX – НАЧАЛЕ XII В. (*Л. Т. Мильская*) 126

Возникновение государства. Характер королевской власти. Создание империи 126

Борьба империи и папства 131

Социальная структура 133

Внешняя политика германских императоров 137

ГЛАВА 5. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (*Б. Н. Флоря*) 139

Социально-экономические отношения (VI–XI вв.) 141

Государство и социальный строй (VI–XI вв.) 146

ГЛАВА 6. СЛАВЯНО-БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН В VI—XII ВВ. 155
Болгарская зона в VII–XII вв. (*Г. Г. Литаврин*) 157
Сербская, хорватская, словенская и далматинская зоны в VI—XII вв. (*Е. П. Наумов*) 165

ГЛАВА 7. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (*А. А. Сванидзе*) 171
Эпоха викингов (конец VIII – первая половина XI в. 78
Складывание феодальных отношений в Англии 182
Возникновение феодальных отношений в Северной Европе 186

ГЛАВА 8. ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО (*А. П. Новосельцев*) 194
Образование Древнерусского государства 194
Киевская Русь в X – 20-х годах XII в. 199
Древняя Русь 30-х годов XII – 30-х годов XIII в. 209

ГЛАВА 9. КОЧЕВНИКИ И РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (*С. А. Плетнева*) 213
Гунны 216
Авары, болгары и Хазарский каганат 219
Аланы, волжские булгары и венгры 225

Часть вторая. ЕВРОПА В ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА

ГЛАВА 1. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА (*А. А. Сванидзе*) 231
Складывание средневековых городов (V–XI вв.) 231
Город в период развитого феодализма (XI–XV вв.) 234

ГЛАВА 2. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН В XI–XV ВВ. (*Е. В. Гутнова*) 256
Общество и государство на первой этапе развитого феодализма 260
Общество и государство на втором этапе развитого феодализма 284

ГЛАВА 3. ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В X–XV ВВ. (*Л. А. Котельникова*) 311
Юго-Западный регион в X–XIII вв. 312
Юго-Западный регион в XIV–XV вв. 330

ГЛАВА 4. ПОЗДНЯЯ ВИЗАНТИЯ (XIII – СЕРЕДИНА XV В.) (*З. В. Удальцова*) 339

Глава 5. СЛАВЯНО-БАЛКАНСКИЙ РЕГИОН В XII–XV ВВ. 353
Болгария в конце XII–XIV в. (*Г. Г. Литаврин*) 355
Югославянские земли северо-западного субрегиона в XIII–XV вв. (*Е. П. Наумов*) 364
Дунайские княжества в XIV—XV вв. (*Л. Е. Семенова*) 371
Албания в XIII–XV вв. (*Н. Д. Смирнова*) 378

ГЛАВА 6. ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН В XII–XV ВВ. 381
Аграрные отношения в Центральной Европе (*Б. Н. Флоря*) 381
Социально-экономическое и политическое развитие города в Польше, Чехии и Венгрии (*Л. Е. Мельников*) 387
Социально-политическое развитие стран Центральной Европы (*Б. Н. Флоря*) 392

ГЛАВА 7. СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА В XII–XV ВВ. (*А. А. Сванидзе*) 405
Первый этап развитого феодализма (XII–XIII вв.) 405
Северная Европа на втором этапе развитого феодализма. Эпоха уний (XIV – начало XVI в.) 419

ГЛАВА 8. РУСЬ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В XIII–XV ВВ. (*А. Л. Хорошкевич*) 430
Политическая карта Восточной Европы 430
Великое княжество Литовское 432
Русь 437

Русь в 40-х годах XIII – начале XIV в. 437
Русь в XIV в. 441
Русь в XV столетии 447

ГЛАВА 9. КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В X–XIV ВВ. (*С. А. Плетнева*) 463
Печенеги 463
Половцы и Черные Клобуки 466
Алания и Волжская Булгария 470
Монголо-татарские завоевания и государственные образования в Европе 475

ГЛАВА 10. ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ (*Е. В. Гутнова*) 478

Часть третья. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ ДО КОНЦА XV В. (*Н. А. Хачатурян*) 487
Раннесредневековое государство 487
Политическая эволюция стран Европы в период развитого феодализма 495

ГЛАВА 2. КЛАССОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ (*Е. В. Гутнова*) 509
Классовая и социальная борьба народных масс в раннее средневековье 510
Классовая борьба крестьян в период развитого феодализма 513
Социальная борьба в средневековых городах 519

ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В V–XV ВВ. (*М. А. Заборов*, *Н. И. Басовская, О. Р. Бородин, А. А. Сванидзе*) 524
Своеобразие международных отношений раннего средневековья 524
Международные отношения в Европе в XI–XIII вв. 530
Международные отношения в Европе в XIV–XV вв. 537

ГЛАВА 4. ЕВРОПА И СТРАНЫ ВОСТОКА В V—XV ВВ. (*А. П. Новосельцев*) 546

ГЛАВА 5. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА, ЦЕРКОВЬ И ЕРЕСИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ (*З. В. Удальцова*, *В. И. Уколова, Я. Н. Щапов*) 560
Христианская церковь в раннее средневековье 560
Католическая церковь и ереси в период развитого феодализма 573
Православная церковь в Византии и на Руси в XI–XV вв. 581

Часть четвертая. КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

ФЕНОМЕН СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ (*В. И. Уколова*) 591

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРА ВИЗАНТИИ (*З. В. Удальцова*) 595
Ранневизантийский период (IV – середина VII в.) 595
Византийская культура середины VII–XII в. 602
Культура поздней Византии (XIII – середина XV в.) 615

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 623
Раннее средневековье (VI–X вв.) (*В. И. Уколова*) 623
Зрелое средневековье (XI–XIII вв.) (*В. И. Уколова*) 637
Культура Западной Европы в XIV–XV вв. (*В. И. Уколова, В. Л. Романова*) 669

ГЛАВА 3 ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (*А. Я. Гуревич*) 685
ГЛАВА 4. КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОГО И СЛАВЯНО-БАЛКАНСКОГО РЕГИОНОВ (*А. И. Рогов*) 697
ГЛАВА 5. КУЛЬТУРА РУСИ В VI—XV ВВ. (*А. И. Рогов*) 712
Культура Древней Руси (VI – начало XIII в.) 712
Русская культура второй половины XIII – конца XV в. 730
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (*Е. В. Гутнова*) 742
ПРИЛОЖЕНИЕ 747
ЛИТЕРАТУРА 764
СОКРАЩЕНИЯ 782
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА 782
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 788
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 797

CONTENTS

INTRODUCTION (*E. V. Gutnova, A. A. Svanidze, Z. V. Udaltsova*) 5
THE PROCESS OF FEUDALISATION AND ITS TIPOLOGY. NATURAL ENVIRONMENT AND PEOPLE OF MEDIEVAL EUROPE 16
CHAPTER 1. THE ORIGINS OF FEUDALISM IN EUROPE (*E. V. Gutnova, Z. V. Udaltsova*) 16
The Origins oı Feudalism in Byzantium 21
Specific Features of the Genesis of Feudalism in South-Western Europe 25
The Emergence of Feudalism in the Frankish State 28
Non-synthetic Way of the Genesis of Feudalism 30
CHAPTER 2. NATURAL CONDITIONS, ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES AND DEVELOPMENT OF PRODUCTIVE FORCES (*A. Ya. Shevelenko*) 34
Natural Conditions 35
Geographic Environment and Productive Activities of the Europeans 36
Population 37
Agriculture 40
Stock-breeding 43
Fishing, Hunting, Forestry 44
Technological Progress 45

Part One. EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES

CHAPTER 1. SOUTH-WESTERN EUROPE IN THE 5TH – 10TH CENTURIES (*L. A. Kotelnikova*) 65
Ostrogothic and Visigothic Kingdoms 66
Italy under the Langobards: Society and State 72
Italy in the 8th – 9th Centuries 74
The Arabic Conquest of the Iberian Peninsula. The Formation of Christian States 77
The Islamic Spain 77
Christian States of the Iberian Peninsula 79
CHAPTER 2. BYZANTINE EMPIRE IN THE EARLY MIDDLE AGES (4TH – 12TH CENTURIES) (*Z. V. Udaltsova*) 85

CHAPTER 3. THE FRANKISH STATE (*Yu. L. Bessmertny*) 112
The Rise of the Frankish State 112
Merovingian France in the late 6th — early 8th Century and the Making of the Feudal Structure 115
Carolingian France (8th – mid 10th Century) 118

CHAPTER 4. GERMANY IN THE 9TH – EARLY 12TH CENTURIES (*L. T. Milskaya*) 126
The Emergence of the State. The Nature of Kingship. The Making of the Empire 126
The Struggle of the Empire and the Papacy 131
The Social Structure 133
The Foreign Policy of the German Emperors 137

CHAPTER 5. CENTRAL EUROPE IN THE EARLY MEDIEVAL PERIOD (*B. N. Florya*) 139
Socio-Economic Relations (6th-11th Centuries) 141
The State and the Social System (6th – 11th Centuries) 146

CHAPTER 6. THE SLAVO – BALKAN REGION IN 6TH – 12TH CENTURIES 155
The Bulgarian Zone in 7th – 12th Centuries (*G. G. Litavrin*) 155
The Serbian, Croatian, Slovenian and Dalmatian Zones in the 6th – 12th Centuries (|*E. P. Naumov*|) 165

CHAPTER 7. NORTH-WESTERN EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES (*A. A. Svanidze*) 171
The Age of Vikings (late 8th – first half of 11th Century) 178
The Formation of Feudal System in England 182
The Emergence of Feudal Relations in Northern Europe 186

CHAPTER 8. THE ANCIENT RUSSIAN STATE (*A. P. Novoseltsev*) 194
The Formation of the Ancient Russian State 194
Kievan Rus from the 10th Century to the 1120-s 199
Ancient Rus from the 1130-s to the 1230-s 209

CHAPTER 9. THE NOMADS AND THE EARLY FEUDAL STATES OF THE STEPPE IN EASTERN EUROPE (*S. A. Pletneva*) 213
The Hunns 216
The Avars, the Bulgarians and the Khazars 219
The Alans, the Volga Bulgars and the Hungarians 225

Part Two. EUROPE IN THE PERIOD OF ADVANCED FEUDALISM

CHAPTER 1. MEDIEVAL TOWNS (*A. A. Svanidze*) 231
The Formation of Medieval Towns 5th-11th Centuries 231
The Town in the Period of Advanced Feudalism 11th – 15th Centuries 234

CHAPTER 2. WESTERN EUROPEAN REGION IN 11TH – 15TH CENTURIES (*E. V. Gutnova*) 256
Society and State at the First Stage of Advanced Feudalism 260
Society and State at the Second Stage of Advanced Feudalism 284

CHAPTER 3. SOUTH-WESTERN EUROPE IN 10TH – 15TH CENTURIES (*L. A. Kotelnikova*) 311
The South-Western Region in 10th – 13th Centuries 312
The South-Western Region in 14th – 15th Centuries 330

CHAPTER 4. LATE BLZANTIUM (13TH – MID 15TH CENTURY) (|*Z. V. Udaltsova*|) 339

CHAPTER 5. THE SLAVO – BALKAN REGION IN 12TH – 15TH CENTURIES 353
Bulgaria in late 12th – 14th Centuries (*G. G. Litavrin*) 355

Southern Slavic Lands of the North-Western Subregion (|*E. P. Naumov*|) 364

Danubian Principalities in 14th – 15th Centuries (*L. E. Semenova*) 371

Albania in 13th – 15th Centuries (*N. D. Smirnova*) 378

CHAPTER 6. CENTRAL-EUROPEAN REGION IN 12TH – 15TH CENTURIES 381

Agrarian Structures in Central Europe (*B. N. Florya*) 381

Socio-economic and Political Development of Towns in Poland, Bohemia and Hungary (*L. E. Melnikov*) 387

Socio-political Development of Central-European Countries (*B. N. Florya*) 392

CHAPTER 7. NORTHERN EUROPE IN 12TH – 15TH CENTURIES (*A. A. Svanidze*) 405

First Stage of Advanced Feudalism 405

Northern Europe during the Second Stage of Advanced Feudalism. The Age of Unions (14th – early 16th Century) 419

CHAPTER 8. RUS AND EASTERN EUROPE IN 13TH – 15TH CENTURIES (*A. L. Khoroshkevich*) 430

Political Map of Eastern Europe 430

The Grand Duchy of Lithuania 432

Rus 437

Rus from the 1240-s to the early 14th Century 437

Rus in the 14th Century 441

Rus in the 15th Century 447

CHAPTER 9. THE NOMADIC PEOPLES AND FEUDAL STATES OF SOUTH-EASTERN EUROPE IN 10TH – 14TH CENTURIES (*S. A. Pletneva*) 463

The Pechenegs 463

The Polovtsy and the 'Black Hoods' 466

The Alans and the Volga Bulgars 470

The Mongol Conquests and State Formations in Europe 475

CHAPTER 10. MARKET RELATIONS AND THE EVOLUTION OF FEUDAL VILLAGE (*E. V. Gutnova*) 478

Part Three. SOCIO-POLITICAL STRUCTURES AND PROCESSES IN MEDIEVAL EUROPE

CHAPTER 1. EVOLUTION OF STATE IN MEDIEVAL EUROPE BEFORE THE END OF THE 15TH CENTURY (*N. A. Khachaturian*) 487

Early Medieval State 487

Political Evolution of European Countries in the Period of Advanced Feudalism 495

CHAPTER 2. CLASS AND SOCIAL STRUGGLE IN MEDIEVAL EUROPE (*E. V. Gutnova*) 509

Class and Social Struggle in the Early Middle Ages 510

Class Struggle of the Peasantry in the Period of Advanced Feudalism 513

Social Struggle in Medieval Towns 519

CHAPTER 3. INTERNATIONAL RELATIONS IN EUROPE IN 5TH – 15TH CENTURIES (|*M. A. Zaborov*|, *N. I. Basovskaya, O. R. Borodin, A. A. Svanidze*) 524

Distinctive Features of International Relations in the Early Middle Ages 524

International Relations in Europe 11th – 13th Centuries 530

International Relations in 14th – 15th Centuries 537

CHAPTER 4. EUROPE AND ORIENTAL COUNTRIES (*A. P. Novoseltsev*) 546

CHAPTER 5. THE SPREADING OF CHRISTIANITY; CHURCH AND HERESY IN MEDIEVAL EUROPE (*Z. V. Udaltsova*, *V. I. Ukolova, Ya. N. Shchapov*) 560
The Christian Church in the Early Middle Ages 560
Catholic Church and Heresy in the Period of Advanced Feudalism 573
Orthodox Church in Byzantium and Rus in the 11th – 15th Centuries 581

Part Four. THE CULTURE OF MEDIEVAL EUROPE

THE PHENOMENON OF MEDIEVAL CULTURE (*V. I. Ukolova*) 591

CHAPTER 1. THE CULTURE OF BYZANTIUM (*Z. V. Udaltsova*) 595
Early Byzantine Period (4th – mid 7th Century) 595
The Byzantine Culture from the mid 7th – 12th Centuries 602
The Culture of Late Byzantium (13th – mid 15th Centuries) 615

CHAPTER 2. THE CULTURE OF WESTERN EUROPE 623
Early Middle Ages (6th – 10th Centuries) (*V. I. Ukolova*) 623
Late Middle Ages (11th – 13th Centuries) (*V. I. Ukolova*) 637
The Culture of Western Europe in 14th – 15th Centuries (*V. I. Ukolova, V. L. Romanova*) 669

CHAPTER 3. THE MEDIEVAL MAN (*A. I. Gurevich*) 685

CHAPTER 4. THE CULTURE OF THE CENTRAL EUROPEAN AND THE SLAVO-BALKAN REGIONS (*A. I. Rogov*) 696

CHAPTER 5. THE RUSSIAN CULTURE IN 6TH – 15TH CENTURIES (*A. I. Rogov*) 712
The Culture of Ancient Rus (6th – early 13th Century) 712
The Russian Culture from the late 13th to late 15th Century 730

CONCLUSION (*E. V. Gutnova*) 742

APPENDIX 747

BIBLIOGRAPHY 764

ABBREVIATIONS 782

CHRONOLOGICAL TABLE 782

INDEX OF PROPER NAMES 788

INDEX OF GEOGRAPHICAL NAMES 797

Научное издание

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Том второй

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Российской академии наук

Редактор
Ю. Р. Ульянов

Редакторы издательства
Н. Л. Петрова, И. Н. Кузнецов

Художник
И. В. Илларионова

Художественный редактор
Н. Н. Михайлова

Технический редактор
Л. И. Куприянова

Корректоры
Л. А. Иванова, Л. В. Щеголев

ИБ № 46541

Сдано в набор 06.05.89
Подписано к печати 16.02.90
А-08240. Формат 70×108[1]/16.
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 73,5. Усл. кр. отт. 77,7. Уч.-изд. л. 79,6
Тираж 40 000 экз. Тип. зак. 36

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

Набрано во 2-й типографии издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Отпечатано в Московской типографии № 2
Министерства печати и информации Российской
Федерации
129301, Москва, проспект Мира, 105